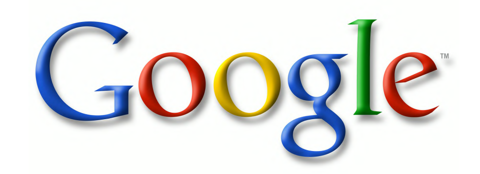

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность. *Н. Иваницкаго* . . . . 3— 74
2. О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. *С. В. Максимова* . . . . 75— 79

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Марипчельская крестьянская свадьба. (Бытовой очеркъ). *М. Успенскаго* . . . . 80—104
2. Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими Славянскими. *А. Аарне* . . . . 105—110
3. Галицко-русскій авгурій XVIII-го вѣка. *Ю. Яворскаго* . 111

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаній). Георгія Властова. *Д. Кудрявскаго.* . . . . 112—116

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

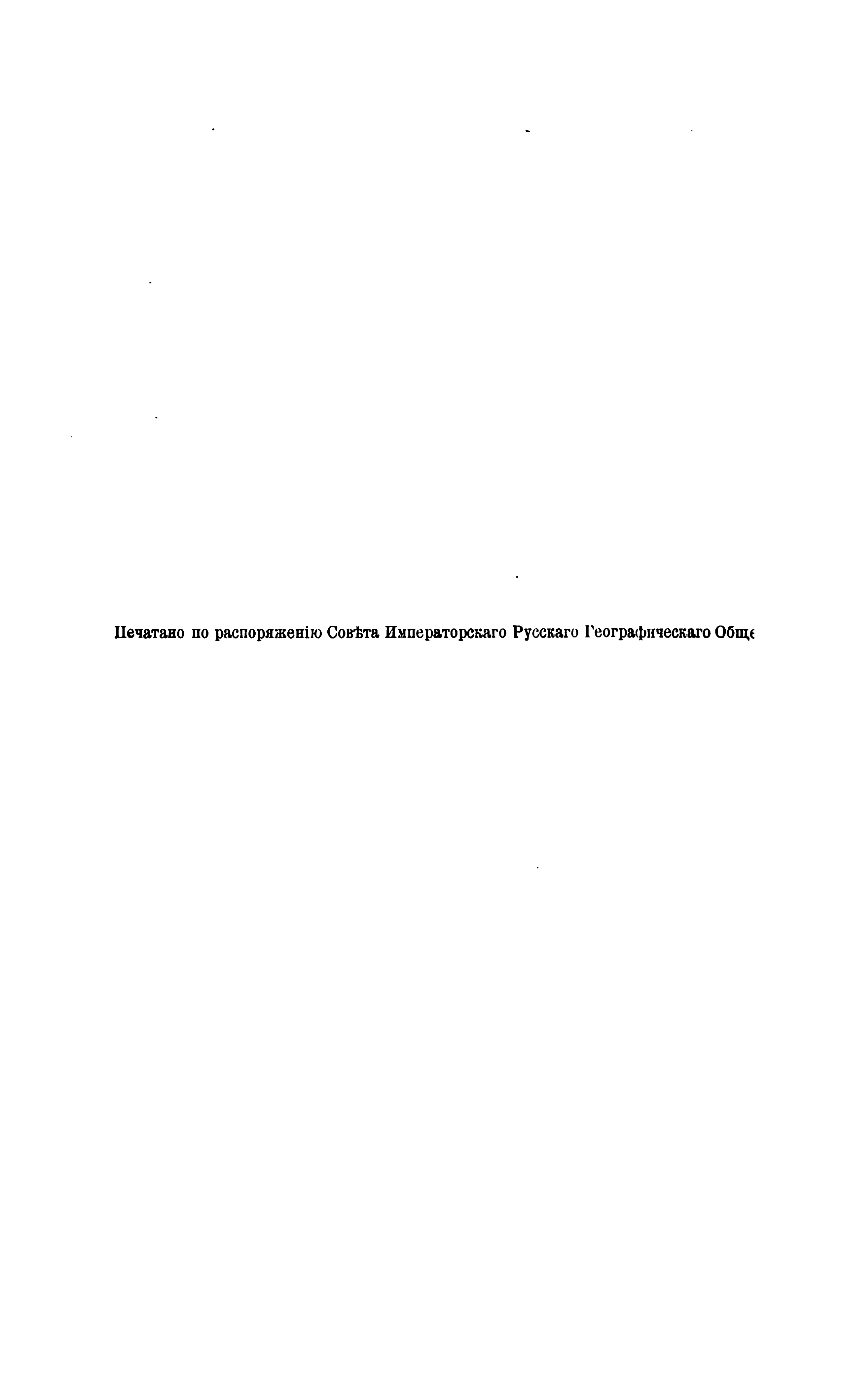
подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Обще

Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ можетъ служить дополненіемъ къ труду моему „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“, напечатанному въ „Извѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“ въ 1890 г. Въ предисловіи къ названному труду я высказалъ, что собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ уѣздамъ Кадниковскому и Вологодскому, какъ болѣе мнѣ знакомымъ и близкимъ. Сольвычегодскаго уѣзда, именно той окраины его, которая прилегаетъ къ р. Двинѣ, я касался лишь слегка, насколько окраина эта была мнѣ знакома по короткимъ посѣщеніямъ во время поѣздокъ въ Архангельскъ и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, какія попадались мнѣ въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Я зналъ, что жизнь сольвычегодчанъ отличается многими интересными особенностями и теперь, когда случай свелъ меня съ крестьяниномъ Сольвычегодскаго уѣзда, мѣстожительство котораго Метлинская волость, расположенная на низменности, гдѣ сливаются двѣ большихъ рѣки—Двина и Вычегда, родина котораго деревня Марково, стоящая всего въ десяти верстахъ отъ Котласа—конечнаго пункта строющейся Пермь-Котласской желѣзной дороги, я сталъ записывать отъ него свѣдѣнія, касающіяся жизни, обстановки и дѣятельности мѣстнаго населенія.

Развивающееся съ каждымъ годомъ судоходство по Двинѣ и Вычегдѣ, проведеніе Вологодско-Архангельской желѣзной дороги, а въ особенности Пермь-Котласской, стали уже замѣтно влiять на нравы и образъ жизни крестьянъ, населяющихъ берега Двины и ея притоковъ. Поэтому мнѣ кажется, записи, подобныя той, какую я теперь представляю вниманію читателя, интересующагося народной жизнью, не только нужны, но и очень важны, потому что недалеко то время, когда многое, что мною теперь записано, явится не такимъ, какимъ оно есть, а иное и совсѣмъ исчезнетъ подъ наплывомъ новыхъ условій жизни.

Очеркъ мой не можетъ притязать на совершенную полноту, потому что все мною записанное, разсказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ; но за то все,

что разсказано и записано, заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ разсказчикъ самъ хозяинъ и строитель и семейный человѣкъ, рыболовъ и охотникъ. Въ отношеніи хозяйства и вообще практической жизни полнота очерка мнѣ кажется достаточною, пробѣлъ же представляютъ вѣрованія, суевѣрія и сопряженные съ послѣдними обряды. Въ этомъ отношеніи всѣ мои вопросы, обращавшіеся къ разсказчику, за немногими исключеніями, не привели ни къ чему.

— „Я такъ думаю, что все это бабьи запуки“ (т. е. вздоръ), или: „объ этомъ надо старухъ спрашивать“—вотъ были отвѣты на мои вопросы изъ области суевѣрій и демонологіи. Впрочемъ, область эта, мнѣ кажется, достаточно полно выяснена въ прежнемъ трудѣ моемъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящаго предисловія.

I.

Общій обзоръ.

Деревня Марково (или, по мѣстному названію, Дресвенецъ), Метлинской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи, лежитъ подъ 61¼° с. ш. и 16° вост. долготы (отъ Пулкова). Она занимаетъ мѣсто недалеко отъ центра низменнаго, заливаемаго весеннею водою острова, около 10 верстъ длиною и 6 шириною, омываемаго съ запада р. Сѣверною Двиною, а съ юга, востока и сѣвера протокомъ той же Двины, называемымъ Курьею. Нѣсколько верстъ южнѣе, т. е. выше по теченію Двины, въ послѣднюю съ востока вливается Вычегда, отдѣляя отъ себя неширокій протокъ и образуя, такимъ образомъ, островъ, называемый Толубенскимъ (отъ деревни Толубьева, лежащей на этомъ островѣ). Два упомянутыхъ большихъ острова и полуостровъ между ними, образуемый съ одной стороны Курьею, съ другой Двиной и съ третьей протокомъ Вычегды, представляютъ обширную низменность съ песчаною почвою, заливаемую въ весеннее время водами Двины и Вычегды, такъ что почта, идущая во время половодья изъ Устюга въ Сольвычегодскъ и прибывшая въ Ускорье, деревню, расположенную на лѣвомъ высокомъ берегу Двины, провозится 9 верстъ на карбасахъ до дер. Кузнецова, куда весеннія воды уже не достигаютъ. Мысъ, образуемый лѣвымъ берегомъ Вычегды и правымъ Двины, составляетъ продолженіе той же низменности, но не столь широкой.

Въ ½ вер. отъ Двины и въ 1 вер. отъ Вычегды берегъ поднимается террасой, и на краю этой террасы расположена деревня Котласъ (по мѣстному названію Кодласъ), имѣющая въ близкомъ будущемъ обратиться въ городъ, такъ какъ близъ самой этой деревни строится теперь вокзалъ Пермь-Котласской желѣзной дороги. Лѣвый берегъ Двины противъ Котласскаго мыса тоже представляетъ низменное мѣсто, такъ что деревня Вондокурье, лежащая здѣсь,

заливается водою, но близъ Ускорья терраса лѣваго Двинскаго берега подходитъ къ рѣкѣ и самое Ускорье (сокращенное изъ Усть-Курья) стоитъ уже на горѣ; далѣе къ сѣверу этотъ берегъ Двины не представляетъ заливныхъ луговъ на довольно далекомъ протяженіи.

Пространство между лѣвымъ берегомъ Двины и высокою террасою праваго берега, на которой расположились деревни Григорово, Загорка, Семидѣиха, Грива, Мостовà, Кузнецово и Пѐршино, ежегодно заливается водою, такъ что деревни Марково, Крутецъ, Грихнево, Толубьево и Падзеро страдаютъ отъ наводненія. Вода уноситъ амбары и другія служебныя постройки, скотъ приходится поднимать изъ стай на повѣти; бываютъ годы, что вода заходитъ въ печи и оставляетъ за собою повсюду толстый слой илу. Но этотъ самый илъ, отлагаемый на лугахъ, принадлежащихъ всѣмъ перечисленнымъ мною деревнямъ, и даетъ роскошные урожаи сѣна и хлѣба, даетъ возможность имѣть хорошій скотъ и лошадей. Крестьяне могли бы существовать безбѣдно на этихъ лугахъ, если бы только не ощущалось недостатка въ землѣ.

„Плодородіе этихъ луговъ, говоритъ докторъ Снятковъ [1], зависитъ вполнѣ отъ рѣчныхъ заносовъ, такъ что въ общемъ можно сказать, что травы тѣмъ лучше, чѣмъ выше и дольше на данномъ лугѣ стоитъ весенній разливъ и чѣмъ болѣе, слѣдовательно, садится осадковъ. Только изрѣдка такіе луга, удаленные отъ рѣки, являются менѣе плодородными. Это объясняется опять таки тѣмъ, что на эти дальніе луга воды рѣки приносятъ только сравнительно мало осадковъ, оставляя ихъ ранѣе на лугахъ и въ кустахъ, лежащихъ ближе къ рѣкѣ. Слои весеннихъ осадковъ бываютъ такъ толсты, что нужно двѣ или три недѣли на спаденіе воды, чтобы показались ростки травъ, корни которыхъ глубоко занесены наносомъ, а на голыхъ пескахъ иногда въ одну весну наносятся слои толщиною въ цѣлый аршинъ и болѣе".

„Густота травъ на этихъ лугахъ измѣнчива, но большею частью кажется очень значительною, между тѣмъ, на скошенныхъ мѣстахъ трава оказывается растущей довольно рѣдко. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что густота травы на этихъ лугахъ зависитъ не столько отъ густого произрастанія этихъ травъ, сколько отъ роскошнаго развитія отдѣльныхъ экземпляровъ".

„Мѣстами ходить по этимъ лугамъ можно только съ значительнымъ усиліемъ, такъ много даетъ себя чувствовать густота травъ, особенно въ мѣстахъ, сплошь заросшихъ клеверомъ, горошками, чиной и астрагаломъ, стебли которыхъ, перепутываясь между собою, связываютъ ноги пѣшеходу".

Лѣсъ въ описываемой мною низменности совершенно отсутствуетъ; онъ начинается въ верстахъ 4 къ востоку отъ Маркова, но тутъ идетъ уже

---

[1] „Ботаническое изслѣдованіе заливныхъ луговъ въ долинахъ Сѣв. Двины и Вычегды". Вологда. 1889 г.

сплошною зарослью. Преобладающею породою въ немъ является сосна, за нею идетъ ель; пихта попадается рѣдко; за елью лиственница (по здѣшнему лисвень) и можжевельникъ (вересъ); кедръ, какъ извѣстно, не растетъ дико до Тиманскаго хребта, но, будучи посаженъ, образуетъ цѣлыя рощи; такъ и здѣсь отдѣльныя деревья растутъ прекрасно и приносятъ плоды.

Изъ лиственныхъ породъ преобладающею является береза; за нею слѣдуютъ осина и ольха (двухъ сортовъ), рябина, черемуха, ива древесная, липа и вязъ въ лѣсахъ и на лугахъ и, наконецъ, осокорь, выростающій огромными деревьями на заливныхъ островахъ Двины и Вычегды [1]). Осокорь произрастаетъ настолько обильно, что древесина его идетъ на теплины въ овины и употребляется охотно потому именно, что при горѣніи не даетъ искръ. Изъ этой же древесины выдѣлываютъ и „наплавки“ къ неводамъ.

Кустарныя породы тоже довольно разнообразны въ описываемой мною мѣстности. Здѣсь произрастаютъ: калина, жимолость двухъ видовъ, таволожникъ (Spiraea), росинникъ (Cotoneaster), шиповникъ двухъ видовъ, смородина красная и черная, малина и крушина, не говоря уже о мелкихъ сортахъ кустарныхъ ивъ, изъ которыхъ иные имѣютъ въ народномъ хозяйствѣ большое значеніе.

Изъ ягодныхъ травъ по берегамъ Двины и Вычегды произрастаютъ брусника, черника, голубика, паленика, морошка и отчасти ежевика.

Садиковъ при домахъ нигдѣ не разводятъ, въ деревнѣ же Марковѣ нѣтъ даже ни одного дерева. Огороды есть (они зовутся огородцами) и тутъ разводятъ капусту, картофель, лукъ, морковь, бобы, свеклу, рѣдьку и хрѣнъ. Чеснокъ не садятъ, потому что на заливныхъ лугахъ въ обиліи произрастаетъ дикій чеснокъ (Allium angulosum), который собираютъ, толкутъ, обливаютъ квасомъ и въ это кушанье „мачутъ кусокъ“, т. е. обмакиваютъ черный хлѣбъ и ѣдятъ.

Петрушку, укропъ и т. п. никогда не сѣютъ, тыквъ и огурцовъ не разводятъ. Иноземные плоды, напр. лимоны, не только не въ употребленіи, но многіе о нихъ и не знаютъ, кромѣ тѣхъ, которые бывали въ Вологдѣ и Архангельскѣ. По этому поводу разсказчикъ привелъ довольно курьезный фактъ. Одинъ изъ его односельчанъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Архангельскъ и зайдя въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю съ лимономъ, о которомъ

---

[1]) Я подчеркиваю это названіе, такъ какъ ботаники проводили сѣверную границу осокоря (Populus nigra) на нѣсколько градусовъ южнѣе. Впервые осокорь встрѣченъ былъ мною въ низовьяхъ р. Юга, затѣмъ, я нашелъ его на Двинѣ въ Устюгскомъ уѣздѣ, а докторъ Снятковъ даже въ Яренскомъ по р. Выми. Но имѣются несомнѣнныя свѣдѣнія о произрастаніи осокоря въ Вологодской губ. въ давнія времена. Такъ, въ сочиненіи А. Соскина „Исторіи города Соли-Вычегодской“, изд. 1789 г., въ жизнеописаніи Іоанна Юродиваго (стр. 143) сказано: „Бѣгаше же блаженный Іоаннъ и въ другую страну веси, глаголемѣй Пачезерской, отстоящую отъ града 15 верстъ или поприщъ, до великихъ древъ осокорей“.

онъ слыхивалъ. Возвратясь же домой, сталъ смѣяться надъ тѣми, которые находятъ вкусъ въ чаю съ лимономъ, причемъ далъ понять, что лимонъ этотъ былъ соленый. Когда его разспросили подробнѣе, оказалось, что онъ смѣшалъ два незнакомыхъ ему плода и, вмѣсто лимона, спросилъ огурца, который ему и подали. Мужикъ этотъ былъ долго общимъ посмѣшищемъ въ деревнѣ.

Въ лавкахъ покупаютъ приправы: „струцковый“, „горосцятой“ и молотый перецъ и горчицу, но болѣе ничего. Пьютъ покупной чай, но никакихъ травъ, какъ суррогатъ чая (напр., звѣробой, земляничный) не употребляютъ. Кофе настоящаго не пьютъ, а покупаютъ подъ названіемъ „кофею“ какія то сушеныя ягоды въ коробкахъ. Чай пьютъ съ сахаромъ, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ, вслѣдствіе дороговизны этого продукта; изюмомъ сахаръ не замѣняютъ, тоже потому, что эта прикуска дорога. Сахаристыя вещества, необходимыя для организма, особенно дѣтскаго, получаются поѣданіемъ въ сыромъ или вареномъ видѣ многихъ дикорастущихъ мѣстныхъ растеній; напр. зонтичныхъ Angelica silvestris, Heracleum sibiricum, а также крестоцвѣтнаго Bunias orientalis, хвощей (Equisetum), которые идутъ въ пищу въ видѣ плодоносныхъ стеблей, пестовъ „вороньихъ“ и чеешныхъ“ (послѣдніе считаются болѣе вкусными) и въ видѣ орѣшковъ (подземныхъ клубней), развивающихся на корняхъ полевого хвоща, такихъ же клубней зонтичнаго Chaerophyllum bulbosum, варятъ цвѣточные стебли („стобики“) щавеля (Rumex Acetosa), а въ особенности лакомятся повсемѣстно сосновымъ и березовымъ сокомъ, добываемымъ весною, наконецъ, ѣдятъ кисель изъ солоду, въ которомъ развариваются ягоды калины.

Куренье табаку, конечно, махорки, очень распространено, но въ послѣдніе годы, со вздорожаніемъ этого наркотика, иные стали переходить къ нюханью. „Какъ табакъ подорожалъ, народъ сталъ отыкаться (останавливаться), другой и курить совсѣмъ ошабашилъ“. Хотя нюхательный табакъ дѣлается изъ той же махорки, но въ него прибавляютъ чуть не на половину высушеныхъ и смолотыхъ еловыхъ иголъ и печной золы.

Деревня Марково отстоитъ отъ Двины въ 2 вер. и имѣетъ 34 дома; расположена она, какъ здѣсь говорится, „камницей“, т. е. дома стоятъ не въ двѣ линіи по дорогѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, а вразсыпную и глядятъ своими фасадами куда попало; между домами и прилегающими къ нимъ „огородцами“ доро́ги извиваются такъ прихотливо, что нищіе, забравшись въ деревню, не скоро находятъ изъ нея выходъ. Жителей въ деревнѣ 183 человѣка мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кромѣ младенцевъ, изъ нихъ грамотныхъ 30, т. е. 16%. Грамотными я считаю, не какъ принято обыкновенно, даже такихъ, которые умѣютъ лишь подписать свою фа-

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

дается по три коп. Собачьи шкуры идутъ на шубницы (теплыя рукавицы шерстью вверхъ) и на шапки, тоже и кошачьи.

Тетеревей и глухарей ѣдятъ жареными, но не варятъ, рябчиковъ варятъ и жарятъ, тоже утокъ и гусей. Лебедей не ѣдятъ (считаются погаными), бьютъ лишь ради шкурокъ, но не на продажу, а набиваютъ изъ нихъ „чучалки" и ставятъ въ избахъ „гля басы" (для украшенія). Журавлей ѣдятъ— варятъ и жарятъ, но куръ и пѣтуховъ не ѣдятъ вовсе.

Голубей не бьютъ, это считается грѣхомъ, также и „воробышковъ". Сорòкъ бьютъ для того, чтобы достать мозгъ, который считается превосходнымъ средствомъ для смазыванія „омморожениыхъ" частей тѣла. Съ тою же цѣлью употребляется и гусиное сало.

Къ птицамъ вообще относятся сочувственно: въ клѣткахъ ихъ не держатъ, нигдѣ и никогда; „птичу грѣхъ держать взапертѣ, въ засѣдкѣ. Иногда держатъ въ избахъ голубей, но они летаютъ свободно и вылетаютъ на улицу по желанію. Утокъ—селезней и острохвостокъ ловятъ руками и держатъ въ избахъ для того, чтобы потомъ съѣсть. „Хто убьетъ птичу зря, тово ругзютъ, потому што и ворона безприцѝнная птича" (т. е. ни въ чемъ не повинна).

Утиныя яица ѣдятъ вареными; найти утиное гнѣздо очень трудно, но иныя утки вьютъ себѣ гнѣзда въ „полунутрыхъ" соснахъ довольно высоко отъ земли; такія гнѣзда разыскиваютъ и яица изъ нихъ выбираютъ.

Собака считается животнымъ въ высшей степени поганымъ и сквернымъ. Въ избу ее пускаютъ и позволяютъ лежать на полу, но никогда не пустятъ на лавку и ночевать она должна на повѣти. Черезъ нее не молятся. Иногда ее приласкаютъ, но на руки не берутъ. Если собака обнюхаетъ кушанье, его ни за что не тронутъ, а отдадутъ ей. Собакѣ никогда не позволятъ ѣсть изъ той посуды, изъ которой ѣдятъ люди, а если она полизала изъ чашки, чашку сожгутъ или бросятъ. Собакѣ, какъ и кошкѣ, дается особая посудина для ѣды; она зовется собачья, та же, изъ которой ѣстъ кошка, зовется „папырей".

Кошка тоже считается поганой, черезъ нее не шагаютъ, а отопнутъ, если она лежитъ на дорогѣ. Въ церковь ее не пускаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, но, вообще, она пользуется бòльшимъ расположеніемъ, чѣмъ собака, ее гладятъ и берутъ на руки.

Рыбы въ описываемыхъ мѣстахъ водятся слѣдующія: окунь, лещъ, язь или язенокъ, подъязокъ, стерлядь, сорога (плотица) или сорòжка, пескарь, бѣлашки (мелкая рыбка, но не снятки), ерши, караси, семга, харіузъ, мулявка, семидырка (минога; ихъ ловятъ, но только для кошекъ).

Привозная рыба изъ Архангельска: треска, палтусъ, семга, пикша, сайда, навага, морской окунь, зубатка, морская налимина (?), сельди и камбала.

Раковъ ловятъ въ Двинѣ, но не варятъ, а пекутъ на угольяхъ и ѣдятъ однѣ клешни.

Постройка дома и службъ.

Домомъ вообще зовется постройка, въ которой находятся: жилое помѣщеніе, повѣть и стая; изба-же—одна только жилая комната.

Матеріаломъ для постройки дома служатъ исключительно сосновыя бревна; лиственничныя исполняютъ роль фундамента, еловыя же никогда не употребляются.

Лѣсъ ронится, т. е. рубится въ великоговѣнье—великимъ постомъ и тотчасъ же вывозится въ деревню. Если лѣсъ пролежитъ на улицѣ все лѣто до осени, онъ зовется виснодильнымъ; такой лѣсъ можно рубить, т. е. дѣлать изъ него домъ, когда угодно, потому что онъ сухой; сырой, стало быть, мерзлый, рубить трудно, такъ какъ онъ „отшибаетъ руки".

Срубъ (по мѣстному стопа̀) рубится или на мѣстѣ, т. е. тамъ, гдѣ домъ будетъ стоять, или же гдѣ нибудь вдали и послѣ разбирается и перевозится на мѣсто. Въ такомъ случаѣ мохъ не кладется и пазы мшатся тогда уже, когда стопа сложена. Если же рубится на мѣстѣ, то прямо „на̀ мохъ", т. е. слой моху кладется на окладникъ (см. ниже), на него слѣдующій вѣнецъ, т. е. четырехугольникъ изъ бревенъ, опять мохъ, и т. д.

Выбравъ мѣсто для дома, крестьянинъ прежде всего кладетъ на землю окла́дники, т. е. четыре лиственныхъ бревна, соединенныхъ между собою въ вѣнецъ, при чемъ въ мѣстахъ соединенія въ рубыши кладется мохъ и таковой-же разстилается по всей поверхности четырехъ нижнихъ бревенъ, затѣмъ, на окладники кладется слѣдующій вѣнецъ, уже изъ сосновыхъ бревенъ.

Когда это сдѣлано, служатъ молебенъ, называемый на-подъёмѣ.

Два первыхъ вѣнца опредѣлятъ мѣсто для подстолбковъ. Подстолбки—это сосновыя или лиственничныя чурки, вкапываемыя въ землю подъ углы окладниковъ; на нихъ будетъ держаться весь домъ. На верхнихъ срѣзахъ подстолбковъ вырубаютъ предварительно топоромъ фигуру креста. Камней-же подъ углы зданій никогда не кладутъ.

Подъ домомъ выкапывается яма, зовущаяся голбцемъ; въ нее опускается срубъ—ряда два бревенъ, песокъ-же, вырытый изъ ямы, приваливается къ внутренней поверхности стѣнъ дома и зовется завалиной. Впослѣдствіи изъ избы дѣлается въ голбецъ особый ходъ.

На окладники кладутся слѣдующіе ряды бревенъ съ мохомъ между ними. Мохъ берется или изъ рѣчекъ, такъ наз. золѣзнякъ, или на бору на сырыхъ мѣстахъ (Sphagnum) и его сушатъ дома.

Всѣхъ рядовъ, т. е. вѣнцовъ, въ срубѣ бываетъ обыкновенно 17, иногда 15.

На пятомъ ряду кладется полъ. Концы половыхъ тесинъ входятъ въ черепа—вырубки въ стѣнахъ избы; подъ полъ по срединѣ укладывается ма́тица, круглое бревно, служащее для того, чтобы полъ не прогибался. Для матицы въ стѣнахъ вырубаются гнѣзда, въ которыя она и входитъ своими концами.

Такъ какъ половицы не всегда одной толщины, то полъ можетъ выйти неровенъ. Чтобы выровнять его, на нижней поверхности половицъ вырубаются лапы *а*, въ которыя и входитъ матица *б* (рис. 1). Для того-же, чтобы полъ не коробился, въ половицахъ выдалбливаются долотомъ гнѣзда и въ нихъ загоняются шипы *в* (рис. 2).

Рис. 1.

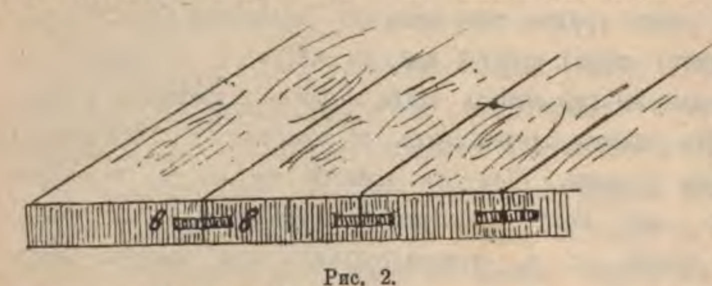

Рис. 2.

Полъ выравнивается стругомъ. Если въ половицѣ попадется сучекъ, который выскочитъ, то въ дырку заколачивается сосновая палочка—шкóнтикъ.

На концы половицъ у стѣнъ, чтобы не попадала вода, когда станутъ мыть полъ, приколачиваются налишники—бруски, имѣющіе видъ трехгранныхъ призмъ. Ямки и неровности въ полу ничѣмъ не замазываются и полъ не красится.

На седьмомъ ряду начинаютъ вырубать окна, причемъ въ седьмомъ бревнѣ дѣлается вырубка, называемая подоконникомъ *а*, такая же вырубка въ верхнемъ бревнѣ (по высотѣ окна) зовется пролётомъ *б* (рис. 3). У двери вырубка внизу зовется порогомъ, а верхняя тоже пролетъ.

Рис. 3.

Въ углахъ бревна скрѣпляются обычнымъ способомъ, т. е. въ каждомъ деревѣ вырубаются по два рубыша, вершковъ по 7 или 8, кромѣ того, вынимается пазъ для моху; концы бревенъ, торчащіе

на улицу, зовутся заугóлками, они потомъ выравниваются пилою. Срубъ, доведенный до крыши, какъ уже было сказано, зовется стопóю.

Въ прорубы, сдѣланные для оконъ, прежде всего вставляются колодины—косяки, двѣ вертикальныхъ и двѣ горизонтальныхъ. Въ вертикальныхъ колодинахъ со стороны стѣны дѣлаются выемки—вы̀дры; въ эти выдры и входятъ брёвна стѣны̀. Такія же колодины вставляются и въ двери. Въ дверныхъ колодинахъ вырубается кругомъ притвòръ, т. е. прямоугольная выемка, въ которую должно входить полотно двери.

Полотно двери составляется изъ 4-хъ досокъ, въ которыхъ, когда онѣ сложены, дѣлаются двѣ косыхъ выемки; въ эти выемки вколачиваются нàрвы (безъ клея и гвоздей); для укрѣпленія ихъ, въ концахъ вгоняются клинья. Въ колодину вколачиваются два желѣзныхъ крюка *а*, а на нихъ надѣвается загнутый въ кольцо конецъ желѣзной полосы *б*, затѣмъ, полоса приколачивается тремя гвоздями къ полотну двери. У свободнаго, вертикальнаго края двери приколачиваются съ одной и съ другой стороны по желѣзной скобѣ *в*. Къ верхнему пролету приколачивается на 4 гвоздя налишникъ, прикрывающій мохъ, который кладется на верхнюю колодину (рис. 4).

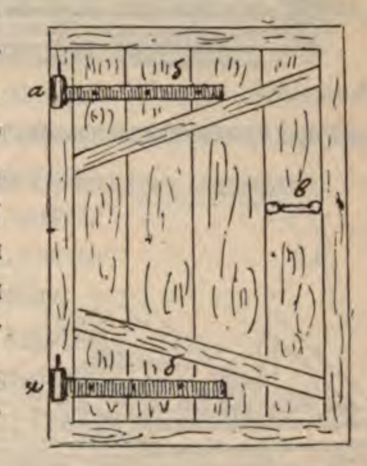

Рис. 4.

Съ наружной стороны двери, кромѣ скобы, приколачивается еще пробой для висячаго замкà, которымъ изба запирается, когда всѣ обитатели ея уходятъ далеко (напр., на сѣнокосъ), если же оставляютъ избу пустою ненадолго, то, притворивъ дверь, просто приставляютъ къ ней лопату или помело, какъ знакъ того, что въ избѣ никого нѣтъ.

Окòльницы, т. е. оконныя рамы, дѣлаетъ столяръ. Бруски, въ которые врѣзываются стекла, зовутся перечѐньями. Рама просто приколачивается къ окну гвоздями. Большія окна зовутся колодными, меньшія не имѣютъ особыхъ названій.

На второмъ бревнѣ сверху стопы въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ вынимаются черепà. Особо отъ череповъ въ бревнахъ вырубаются подмàтки, т. е. отверстія, въ которыя входятъ концы матицы *а*. Для большей прочности, кромѣ главной матицы, кладутся еще побочныя, называемыя тоже подматками, *б* (рис. 5).

Поперекъ матицъ укладывается потолокъ изъ круглыхъ бревенъ. Когда бревна накачены, ихъ прижимаютъ начерёпкомъ, т. е. самымъ верхнимъ вѣнцомъ бревенъ и конопатятъ мохомъ.

Затѣмъ, рубится повàлъ *в*, т. е. рядъ бревенъ, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ шипами. Нижнее бревно повала по длинѣ равно поперечной стѣнѣ

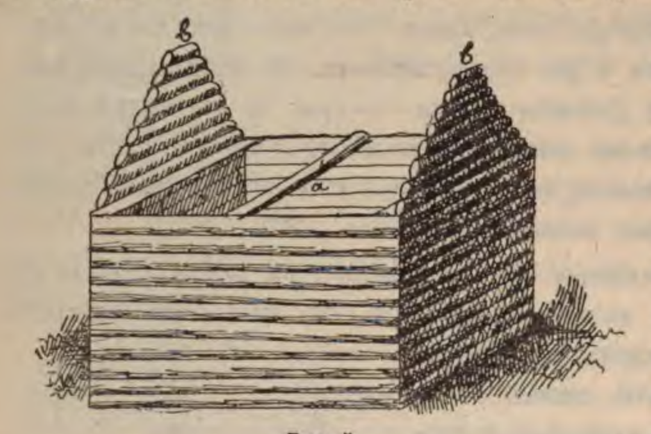

Рис. 5.

дома, слѣдующія постепенно съуживаются и образуютъ треугольникъ; боковые стёсы повала зовутся слюзàми.

Повалъ не всегда бываетъ бревенчатый, иногда его дѣлаютъ и тесовымъ. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто пары стропилъ, какъ это имѣетъ мѣсто при бревенчатыхъ повалахъ, ихъ ставятъ три пары, какъ показано на рис. 6.

Стропила укрѣпляются своими нижними концами въ гнѣздахъ, выдолбленныхъ въ стѣнѣ. Если бревенчатыхъ поваловъ не дѣлается, то въ крайнія стропилины вставляются стойки изъ отесанныхъ съ двухъ сторонъ нетолстыхъ бревенъ; стойки эти служатъ для обшивки повала: тесины приколачиваются къ нимъ гвоздями.

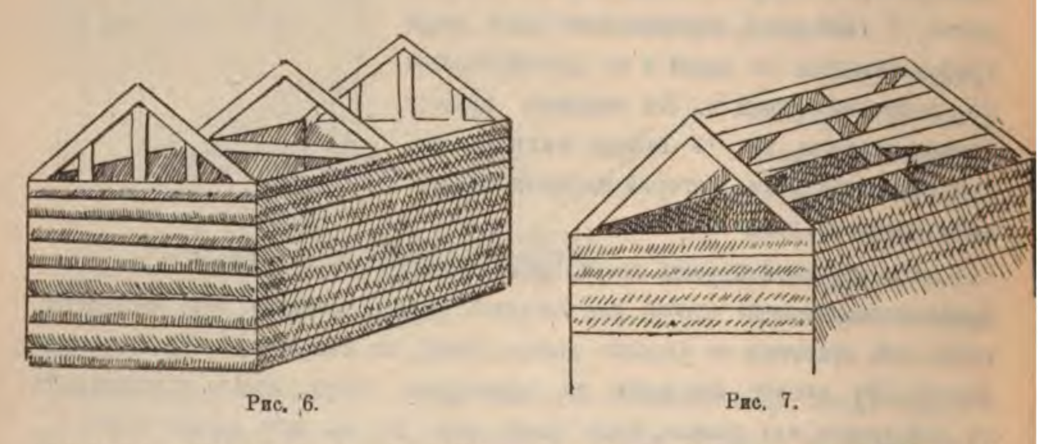

Рис. 6. Рис. 7.

Когда это сдѣлано, поперекъ стропилъ, параллельно стѣнамъ, кладутся слèги изъ бревенъ вершка по 2 въ отрубѣ; онѣ входятъ въ рубышки, выдолбленныя въ стропилинахъ, и приколачиваются гвоздями (см. рис. 7). Слегъ всего 13 штукъ, по 6 на сторонѣ и 13-я на верху князёвая. Для укрѣпленія, стропила связываются прибитыми къ нимъ крестъ-на-крестъ досками („крестовыя штуки").

Затѣмъ, крыша кроется тесомъ. Тесины кладутся поперекъ слегъ; внизу онѣ входятъ въ водопуски *а*, а водопуски лежатъ на курочкахъ *б*—де-

ревянныхъ крючкахъ, которые вкладываются въ нижнюю, лежащую на стѣнѣ, слегу. Верхніе концы тесинъ прижимаются ѐхлупнемъ *в*. Это—выдолбленное жалобомъ бревно, вогнутою стороною оно кладется на князевую слегу (рис. 8).

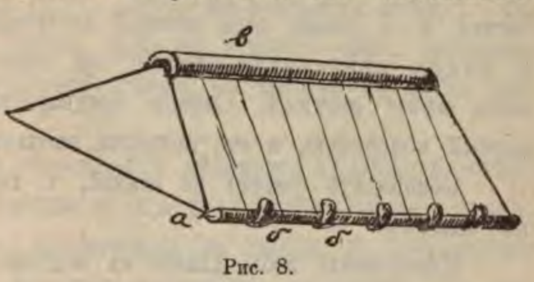
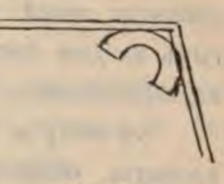

Рис. 8.

Чтобы снѣгъ не попадалъ подъ крышу и чтобы ее не сорвалъ вѣтеръ, къ слегамъ съ передней и задней стороны приколачивается подзо̀ръ изъ досокъ; съ боковъ его нѣтъ.

Спереди подъ угломъ крыши прикрѣпляется дуга изъ тонкихъ досокъ, называемая кузовкомъ; она служитъ единственно для украшенія.

Подъ крышей (на чердакѣ) спереди на потолокъ ставится небольшой срубъ о три стѣны (четвертая, передняя стѣна образуется поваломъ), представляющій комнатку; она имѣетъ отдѣльный потолокъ и полъ. Въ задней стѣнѣ прорубается дверь, спереди (въ повалѣ) — окно. Эта лѣтняя комнатка зовется изими̂нъ (т. е. мезонинъ); лѣтомъ въ ней спятъ, а зимой она служитъ кладовою. Передъ окномъ изимина дѣлается балхо̀нъ; на него можно выходить изъ окна.

Рис. 9.

Къ передней стѣнѣ дома, но не вплотную, а лишь до зауголковъ, приваливается на землю бревно, такъ, что между нимъ и стѣной дома образуется какъ бы ящикъ; это пространство засыпается пескомъ, съ тою собственно цѣлью, чтобы холодъ не проникалъ съ улицы подъ полъ избы. Вмѣсто бревна ставятъ иногда „плетешокъ“ изъ вицъ и между нимъ и стѣной насыпаютъ льняную костицу, перемѣшанную съ пескомъ.

Въ деревняхъ по Сухонѣ (въ Устюгскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ), вмѣсто описанныхъ заваленокъ передъ избой вколачиваются въ землю колья и пространство между этими кольями и стѣною дома заваливается соломой до самыхъ оконъ, въ окна же вставляются снаружи подушки, набитыя куделей, съ маленькимъ отверстіемъ по срединѣ для прохода свѣта. И то, и другое, конечно, весьма негигіенично и безобразно. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ этого нѣтъ. При наступленіи сильныхъ морозовъ здѣсь окна завѣшиваютъ иногда снаружи соломенными коврами, и только.

Конопатятъ домъ черезъ годъ или черезъ два по постройкѣ, но не мохомъ, а льняными отрепьями, посредствомъ желѣзной лопатки, называемой конопаткой; по лопаткѣ ударяютъ кіемъ.

Рис. 10.

а и *б* и концы ихъ вдалбливаются въ стѣны. На брусья накладываются поперечныя доски; на нихъ станетъ потомъ накладываться печная глина. На брусья же ставятся ребромъ доски *в*, *г*, *д* и *е*, *ж*, *з*, скрѣпленныя подъ прямымъ угломъ. Онѣ образуютъ двѣ стороны ящика; третью и четвертую стороны представятъ уже стѣны избы. Этотъ ящикъ зовется опѐчекъ.

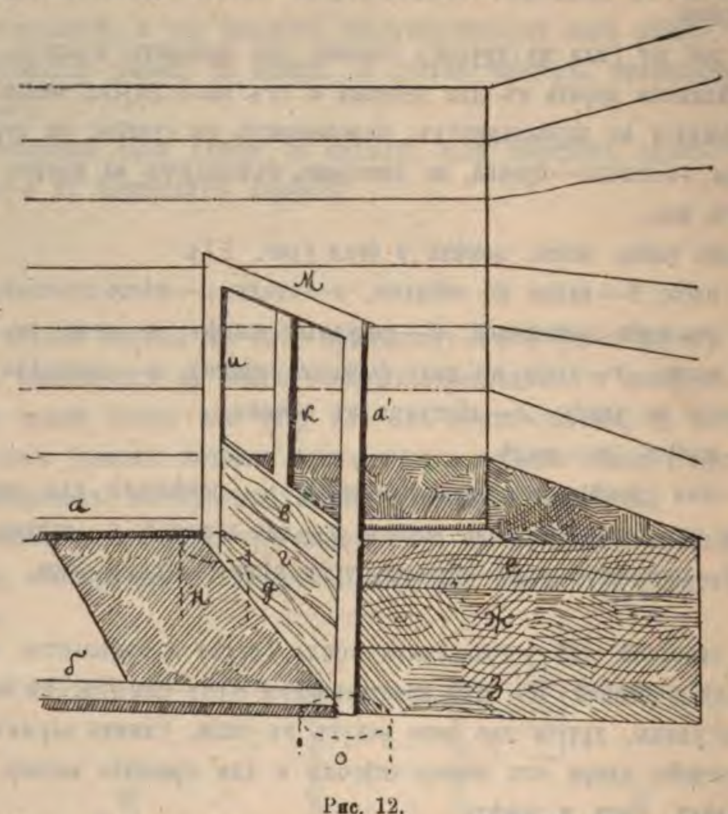

Рис. 12.

У стѣны на уголъ ящика прикрѣпляется брусъ *и*, по срединѣ другой брусъ *к* и на углу столбикъ *á*, упирающійся нижнимъ своимъ концомъ въ брусъ *б*. Сверху эти брусья и столбикъ соединяются перекладиной *м*. Подъ углы опечка подставляются столбы *н* и *о*, которые вкапываются въ землю (рис. 12).

Вотъ деревянныя части печи. Теперь о кладкѣ глиняныхъ частей.

Глина для печи берется луговая [1]). На доски, лежащія на брусьяхъ *а* и *б*, насыпается сперва песокъ, затѣмъ начинаютъ накладывать глину. Ее уколачиваютъ кіями, такими точно деревянными молотками, какіе употребляются

какъ это дѣлается, пришлось бы употребить 10 деревъ, именно 10, а не меньше, какъ опять-таки должно казаться, потому что на устройство пола въ той четвертой части избы, что находится между лицевой стороною печи и противолежащей ей стѣною избы, идутъ горбыли, отпиленные отъ тѣхъ тесинъ, которыя составляютъ полъ остальной половины избы.

[1]) Съ такихъ луговъ, которые затопляются водою, такъ что это, вѣроятно, не глина, а рѣчной илъ.

для конопатки избы. Когда глина уложена до края опечка, дѣлаютъ **свинку**. Это два полукруга изъ досокъ, связанныхъ поперечными дощечками, какъ показано на рисункѣ. Свинка ставится на глину, при чемъ поверхность глины будетъ **подомъ** печи, сама-же свинка отграничитъ чело и сводъ печи. Когда свинка установлена на своемъ мѣстѣ, ее начинаютъ обкладывать глиною; при этомъ, въ глину рядами вбиваютъ булыжный камень, такъ что получается рядъ камней, на немъ слой глины, опять рядъ камней и новый слой глины. Камни въ этомъ случаѣ служатъ не столько для скрѣпленія глины, сколько для удержанія жара въ толщѣ печи. Для скрѣпленія же глины собственно служитъ растопленная смола, которая наливается послѣ каждаго ряда (или черезъ рядъ) камней.

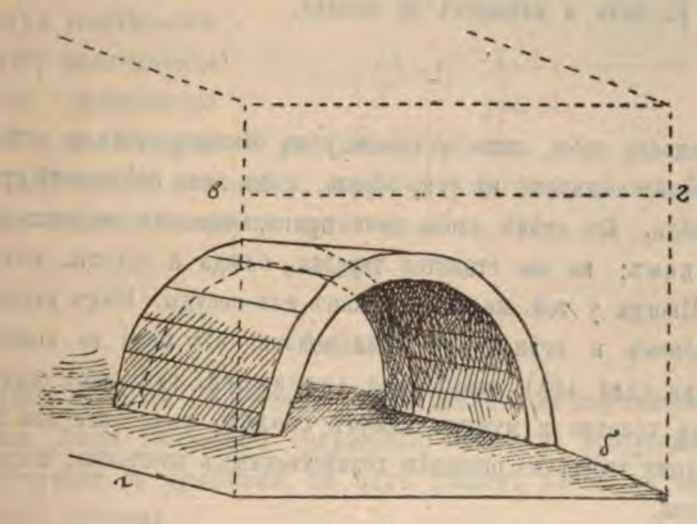

Рис. 13.

Когда кладка печи кончена, свинку вынимаютъ вонъ, а иногда и оставляютъ; въ такомъ случаѣ, она, разумѣется, сгораетъ, когда станутъ топить печь. По линіямъ *а* и *б* выводятъ глиняныя стѣнки, верхняя же часть печи выдается надъ устьемъ впередъ вровень съ шесткомъ и укрѣпляется поперечнымъ брусомъ или желѣзной полосой, идущей по линіи *в—г* (рис. 13).

Шестокъ дѣлается глиняный, но иногда и кирпичный. Въ боку печи оставляютъ полукруглыя впадины—**печурки**, въ которыхъ потомъ сушатъ рукавицы или что иное.

Въ опечкѣ, на уровнѣ пола, дѣлается квадратное отверстіе, ведущее подъ печку; это помѣщеніе зовется **засѣдкой**; въ немъ держатъ куръ въ зимнее время.

Труба выводится всегда прямая, т. е. безъ колѣнъ, надъ печнымъ устьемъ—глиняная или кирпичная; зовется она **трубкой**. Повыше печи въ трубкѣ дѣлается выемка, гдѣ вкладывается чугунное горло, закрываемое двумя

вьюшками. Выемка прикрывается приставной (а не на петляхъ) заслоночкой. Для трубки въ потолкѣ и въ крышѣ прорубается дыра и труба сверху не защищается кровелькой, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ заключеніе вся печь бѣлится мѣломъ, разболтаннымъ въ молокѣ.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ углового столба опечка укрѣпляется другой столбъ, и отъ него идутъ, параллельно полу и опечку съ одной стороны и параллельно стѣнѣ избы съ другой, тесинки, образующія стѣнки голбца; сверху голбецъ тоже забирается тесомъ, а съ лицевой стороны въ стѣнкѣ дѣлается дверца, отъ которой лѣстница ведетъ въ подполье, т. е. въ пространство подъ избой, которое и есть собственно настоящій голбецъ. Съ другой стороны дѣлается приступочекъ изъ двухъ ступеней, по которымъ входятъ на голбецъ и съ него на печь и влѣзаютъ на полати.

Обстановка избы, какъ и повсюду въ Великороссіи: по стѣнамъ лавки надъ ними полавошникъ, въ углу образа, подъ ними обѣденный столъ и около него скамейки. Къ стѣнѣ около печи приколачивается полочка, называемая наблюдникомъ; на нее ставятся тарелки, блюда и ставцы, кладутся ножи и вилки. Иногда у той же стѣны шкапъ для посуды. Надъ входной дверью, между голбцемъ и стѣной находятся полати. Съ печи на полати кладется иногда доска (или двѣ), называемая ливѝницей, гдѣ бабы садятся прясть, когда внизу холодно и мужики вяжутъ столбы, т. е. сѣти для ловли рыбы.

Перехожу теперь къ описанію хозяйственныхъ построекъ: погреба, амбара, овина и бани.

Погребъ (рис. 14).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее спускается срубъ рядовъ въ 12 бревенъ. Образуется подземный ящикъ *а*, *б*, *в*, *г*. Надъ срубомъ дѣлается потолокъ изъ бревенъ *а*, *г*. На этотъ потолокъ насыпается толстый слой песку, а надъ нимъ накатывается другой рядъ бревенъ *д*, *е*, служащій поломъ для верхняго помѣщенія. Разстояніе между накатами *а*, *г* и *д*, *е* не болѣе четверти. На полъ *д*, *е* песку не насыпается.

Поверхъ земли на нижній срубъ ставится другой, *д*, *е*, *ж*, *з*, рядовъ въ 13 бревенъ; на него настилается потолокъ *ж*, *з*, тоже засыпаемый пескомъ, а сверху крыша на два ската, безъ стропилъ; она держится лишь на двухъ повалахъ. Дверь *и* ведетъ съ улицы въ верхнее помѣщеніе. Въ полу *д*, *е* и въ потолкѣ нижняго помѣщенія *а*, *г* прорубаются квадратныя отверстія, черезъ которыя по лѣсенкѣ *к* попадаютъ въ нижнее помѣщеніе. Въ

отверстіи потолка *а*, *г* вставляется ставень и на него обыкновенно наваливается сѣно, для того, чтобы тепло не проникало сверху въ нижній этажъ погреба. Подъ дверью *и* прорубается окошечко такой величины, чтобы въ него могла пролѣзть кошка, но вообще оконъ въ погребѣ нѣтъ.

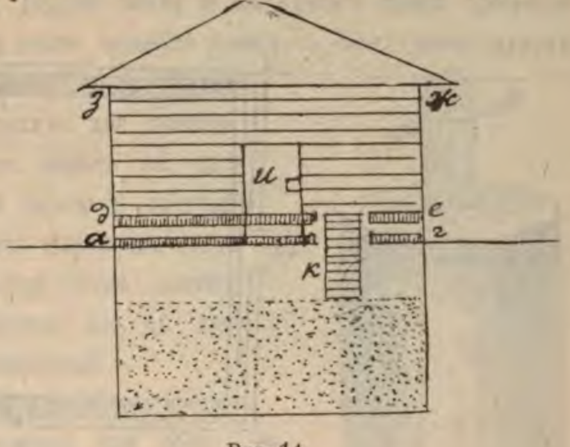

Рис. 14.

Когда зданіе готово, въ нижнее помѣщеніе мечется снѣгъ (ледъ никогда не кладется) и утаптывается ногами. Снѣгу наметывается столько, что пространство между нимъ и поломъ остается ряда въ 4 бревенъ.

Въ „ямѣ", т. е. на снѣгу, хранятъ картошку „и все ѣдобное", въ верхнемъ же помѣщеніи муку и проч.

Амбаръ.

Амбарный срубъ въ 13 бревенъ устанавливается на подстолбкахъ, крыша обыкновенная. Дверь въ амбаръ ординарная; оконъ не прорубаютъ. Внутри по стѣнамъ сусѣки съ крышками; въ нихъ хранятъ хлѣбъ въ зернѣ: рожь, ячмень, овесъ, пшеницу.

Овинъ (рис. 15).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее опускается срубъ рядовъ въ 13 бревенъ *а*, *б*, *в*, *г*, поверхъ-же земли на него ставится другой срубъ рядовъ въ 10. Срубъ этотъ перегороженъ поперекъ стѣною *д*, *е*. Потолокъ надъ нижнимъ срубомъ накатывается вровень съ землей лишь до стѣны *д*, *е* и на него наваливаютъ слой глины вершка въ два. Потолокъ не докладывается до стѣнъ *а*, *д* и *б*, *е*, такъ что образуются щели, называемыя пазухами *ж*, *з*. Поперекъ потолочныхъ бревенъ отъ стѣны до стѣны укрѣпляются концами въ стѣны два бревна *и* и *к*, на разстояніи отъ потолка въ 1 арш., называемыя колосниками. Въ одной стѣнѣ прорубается дверца *л*, такой величины, чтобы человѣкъ могъ войти въ нее согнувшись. Вдоль потолочныхъ бревенъ укладываются вплотную жерди; концами своими онѣ лежатъ на колосникахъ. Жерди эти зовутся перекладинами. Потолка надъ

верхнимъ помѣщеніемъ овина не дѣлаютъ, а прямо крышу, которая держится на двухъ повалахъ.

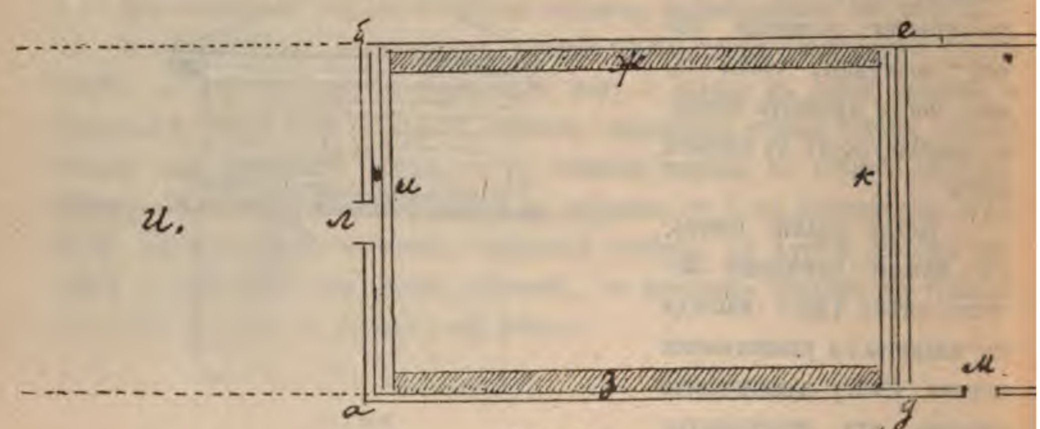

Рис. 15.

За стѣной *д*, *е* часть верхняго и нижняго срубовъ остается свободною, шириной она аршина полтора. Такъ какъ овинная яма подъ этимъ срубомъ продолжается до стѣны *г в*, то стѣна *д е*, такъ сказать, виситъ на воздухѣ надъ ямой. Помѣщеніе *д е в г* называется подлазомъ и, чтобы изъ этого подлаза проникнуть въ самый овинъ, приходится пролѣзать подъ стѣною *д е*. Съ одной стороны въ подлазѣ прорубается отверстіе *м*, въ которое и пролѣзаютъ съ улицы, а въ яму спускаются по жердочкамъ, называемымъ ступенями; концы ихъ упираются въ стѣну *г в* съ одной стороны и въ стѣну *д е* съ другой.

Проникнувъ изъ подлаза въ яму подъ овиномъ, человѣкъ разводитъ на днѣ этой ямы тѐплинку изъ дровъ, причемъ жаръ проникаетъ въ овинъ черезъ пазухи, а дымъ выходитъ на улицу просто сквозь крышу.

Снопы впихиваетъ въ овинъ черезъ отверстіе *л* одинъ человѣкъ, тогда какъ другой принимаетъ ихъ въ овинѣ и садитъ на жерди. Когда овинъ „насаженъ“, то снаружи черезъ отверстіе *л* запихивается въ снопы рожень— тонкій шестикъ, и оставляется въ снопахъ. Выдергивая по временамъ рожень, человѣкъ ощупываетъ его, холоденъ онъ, или тепелъ. Если холоденъ, это значитъ хлѣбъ еще не высохъ, если тепелъ, то снопы выбрасываются на гумно, которое помѣщается тутъ же, рядомъ съ овиномъ—*и*.

Рис. 16.

Гумно устраивается на открытомъ воздухѣ и дѣлается такъ: съ земли сдирается мурагъ, т. е. трава съ корнями, дернъ, и земля утрамбовывается трамбовкой, которая состоитъ изъ половины чурки; въ выпуклую часть чурки вставлена ручка

(см. рис. 16). Снопы разносятся по гумну и стелются посàдомъ, т. е. въ два ряда, вершина къ вершинѣ. Затѣмъ ихъ начинаютъ молотить молотилами.

Молотило дѣлается такъ. Берутъ палку и въ одномъ концѣ просверливаютъ дыру *а* (см. рис. 17.) около четверти длины, а сбоку вкось другую, *б*, такъ что образуется каналъ *а б*. Палка эта зовется кàдочкой; она аршина два длиною. Вершина кадочки, т. е. тотъ конецъ ея, гдѣ просверлена дыра, обтягивается бараньей мошней (мошонкой). Мошня натягивается сырою или когда высохнетъ, то обляжетъ кадочку столь плотно, что ее не снять ножомъ. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы кадочка не раскололась.

Въ каналъ пропускается пучьё, т. е. кусокъ кожи, который высовывается изъ обоихъ отверстій канала. Часть кожи, выходящая наружу въ отверстіи *в*, протыкается ножомъ и въ нее продѣвается клèчикъ, т. е. палочка, которая не позволяетъ кожѣ выдернуться. Часть кожи въ отверстіи *г* длиннѣе и въ нее тоже втыкается клечикъ.

Рис. 17.

Берется другая палка съ аршинъ длиной и на концѣ ея дѣлается косой срѣзъ (см. рис. 18). Къ этому срѣзу прикладывается отъ кадочки кусокъ кожи *д* и привязывается крѣпко веревкой. Эта вторая палка зовется бадòгъ. Кадочку берутъ въ руки, а бадогомъ ударяютъ по снопамъ.

Баня.

Въ землѣ выкапывается яма и надъ ней ставится срубъ, такой же, какъ для амбара или погреба. Надъ ямой настилается полъ изъ тесу съ просверленными въ немъ дырками. Въ двухъ стѣнахъ прорубаются маленькія оконца безъ рамъ, они задвигаются ставенькой. У стѣнъ лавки и полòкъ. Къ банѣ сбоку пристраиваются сѣнцы для раздѣванья. Печь складывается изъ дикихъ камней безъ цемента; трубы она не имѣетъ. Воду для мытья нагрѣваютъ въ шайкахъ калеными камнями. Моются мыломъ (щелокъ не употребляется) и парятся березовыми вѣниками. Послѣ мытья, тѣла ничѣмъ не вытираютъ.

Рис. 18.

Хлѣбопашество.

Если участокъ, предназначенный для воздѣлыванія на немъ хлѣба—лѣсной, то лѣсъ вырубаютъ на дрова или на постройку, остающееся „пенье“ постоитъ лѣта два, затѣмъ его окапываютъ лопатою или копачёмъ (см. рис. 19), выворачиваютъ, складываютъ въ кучу и весною сжигаютъ. Послѣ этого орутъ землю сохой, потомъ боронятъ. Затѣмъ земля парится недѣли 2 — 3, послѣ чего ее снова орутъ и боронятъ и оставляютъ до осени. Осенью опять заорутъ и посѣютъ рожь.

Рис. 19.

Сѣютъ рожь изъ сита. Сѣющій беретъ зёрна въ горсть и хлопаетъ объ обичку, зерна и разлетаются ровно. Новь не лѣсную, а полевую, открытую, орутъ въ концѣ мая, именно четыре раза, затѣмъ унаваживаютъ, снова орутъ, чтобы завалить навозъ, боронятъ и оставляютъ до весны. Весной разъ взорутъ, подождутъ дня три, четыре и сѣютъ всякій хлѣбъ, кромѣ ржи.

Если поле было уже засѣяно прошлымъ лѣтомъ, то весной „послѣ Миколы“ (9 мая) землю взорутъ сохой и тотчасъ же сѣютъ ячмень или овесъ, смотря по грунту: если грунтъ глинистый, то ячмень, если песчаный, то овесъ. Сѣмена овса и ячменя сѣются или свои, или покупные—въ Устюгѣ, Красноборскѣ или Сольвычегодскѣ.

Проба сѣмянъ дѣлается въ избѣ: въ ольховомъ корытцѣ, называемомъ ростйла, бородкой топора вырубаются ямочки и въ нихъ закладываются зерна, примѣрно по 10 штукъ овса, ячменя, пшеницы или льна. Земли въ ямочки не кладется. Зерна поливаются водою и прорастаютъ. Дѣлается это для того, собственно, чтобы узнать процентъ всхожести.

Ячмень вообще сѣется весной. Сперва землю заорутъ, потомъ посѣютъ, зоборонятъ и оставляютъ сутки на 2—3, наконецъ дòлятъ, т. е. вторично боронятъ, и такъ поле остается до жатвы.

Овесъ, какъ уже сказано, не сѣютъ на глину, какъ прочіе хлѣба, а больше на песокъ и боронятъ одинъ разъ.

Пшеница—какъ и ячмень.

Ленъ. Землю заорутъ, заборонятъ и сѣютъ. Въ лукошко, изъ котораго сѣютъ, кладутъ вареное яйцо и его съѣдаетъ тотъ, кто сѣялъ. Боронятъ вторично, какъ и ячмень. Ленъ рвутъ, а не дергаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Коноплё. Землю заорутъ два раза, навозятъ назьму, снова заорутъ и сѣютъ, потомъ боронятъ одинъ разъ. Когда созрѣетъ, рвутъ и ставятъ въ

кучи, изъ кучъ бруснутъ, т. е. обрываютъ ку́глину—вершинки съ сѣмечками, и бросаютъ въ кадки. Стебли вяжутъ въ снопы и опускаютъ въ озеро мочить. Когда вымокнетъ, развѣшиваютъ на огородѣ на колья, чтобы вывѣтрило. Потомъ кладутъ сушить въ баню, затѣмъ мнутъ мялкой, какъ и ленъ, треплютъ трепаломъ и прядутъ.

Конопляное сѣмя изъ кадки вываливаютъ на печь сушить. Когда сѣмя выйдетъ изъ оболочки, его очищаютъ, куглину бросаютъ въ огонь, а сѣмя ссыпаютъ въ лагунъ и ставятъ въ амбаръ. Сѣмя это частью продаютъ, частью ѣдятъ сами (льняное-же, „хотя оно и сладкое, не ѣдятъ, единственно потому, что отъ него заводятся вши"): толкутъ въ ступкѣ, варятъ и наливаютъ на шаньги, также пекутъ съ нимъ пироги, наконецъ варятъ его въ горшкѣ съ сушеными грибами.

Горохъ, прежде чѣмъ сѣять, мочатъ сутки двои. Землю заорутъ и сѣютъ, боронятъ одинъ разъ. Когда поспѣетъ, рвутъ, везутъ на гумно и вѣсятъ на жерди сохнуть. Когда высохнетъ, досушиваютъ въ овинѣ и молотятъ; трава идетъ въ кормъ скоту.

Рѣпа. Землю заорутъ, черезъ мѣсяцъ навозятъ назьму и снова орутъ, заборонятъ, сѣютъ, перемѣшавъ сѣмя съ пескомъ, и послѣ посѣва землю боронятъ еще разъ.

Когда рѣпа поспѣла, ее обрѣзываютъ тутъ-же на рѣпищѣ, кладутъ въ мѣшки, увозятъ домой и прячутъ въ „яму", т. е. въ погребъ.

Ячмень „опихиваютъ" въ кадцахъ желѣзными лопатами (онѣ зовутся за́ступами), именно тычутъ въ зерно, отъ чего кожица съ него слѣзаетъ. Кожица эта зовется во́пшиной и идетъ въ кормъ овцамъ, обвареная кипяткомъ. Зерно отъ вопшины отдѣляется просѣваніемъ черезъ рѣшето. Затѣмъ, его ссыпаютъ въ мѣшокъ и везутъ на мельницу молоть. Получается ясная мука. Изъ нея пекутъ ярушники, колобки, блины. Такъ же опихивается и овесъ.

Чтобы узнать, вызрѣла ли рожь, колосокъ (на корню) сжимаютъ въ пальцахъ и, если зернышки раздавливаются, то они не созрѣли, если же крѣпки, то готовы. Или же приносятъ колосья въ избу и, давъ имъ полежать, наблюдаютъ, усохнетъ зерно, или нѣтъ. Если усохло и сморщилось—неготово, если остается, какъ есть—готово.

Время жатвы ржи зависитъ отъ того, каково было лѣто. Такъ, въ 1897 г. жатва началась вскорѣ послѣ Петрова дня, бываетъ же, что начинаютъ жатву и послѣ Ильина дня (т. е. разница почти въ мѣсяцъ). Ячмень всегда поспѣваетъ послѣ ржи, пшеница послѣ ячменя, овесъ же послѣднимъ; жатва его бываетъ въ сентябрѣ, иногда затягивается до Покрова.

Червобоя никогда не замѣчалось; мышей тоже нѣтъ; рожковъ (спорыньи) на хлѣбныхъ колосьяхъ не видали.

Жнутъ хлѣбъ черпàми. Черпы (серпы) дѣлаются дома, иногда покупаются готовыми въ городахъ. Черпъ „аглецкой“ стали стоитъ 60—65 к. Жнутъ всегда бабы; мужики никогда не жнутъ, такъ же точно, какъ бабы никогда не косятъ.

Хлѣбъ вяжется въ снопы, потомъ ставится въ суслоны, по 6 сноповъ въ каждомъ, т. е. пять въ кучу и шестой клубу́къ—покровный снопъ.

Стоятъ снопы на мѣстѣ дня 3—4 и увозятся на гумно, гдѣ ставятся въ кладу́ху. Кладуха дѣлается такъ: на землю кладутся чурки, на нихъ жерди, а на жерди снопы, колосьями вмѣстѣ, а комлями врозь, третій же снопъ поперекъ, такъ что онъ прижимаетъ собою колосья нижнихъ сноповъ. Рядомъ кладутся другіе два снопа, на нихъ третій и т. д. Въ землю втыкаются острòи—еловыя жерди съ необрубленными сучьями. Снопы помѣщаются между остроями, тамъ что сучья не позволяютъ снопамъ ложиться вплотную, между снопами остаются продухи, гдѣ можетъ свободно циркулировать воздухъ.

Кладухи кроются соломой, которая прижимается жердями, съ боковъ же ставятся подпоры, какъ и къ копнамъ сѣна, но тутъ ихъ больше.

Въ кладухахъ снопы остаются до молоченья, но прежде чѣмъ молотить, ихъ сушатъ въ овинѣ, о чемъ уже было сказано.

Послѣ молоченья обыкновенно тотчасъ же и вѣютъ, т. е. просто, при боковомъ вѣтрѣ, подбрасываютъ зерно на лопатѣ, при чемъ вѣтеръ относитъ мякину и соръ въ сторону, а зерно падаетъ на землю. Когда все провѣяно, зерно сгребаютъ въ груды пѝхаломъ, которое состоитъ изъ головки, отпиленной отъ старыхъ дровней (см. ниже) со вставленной въ край ея палкой, служащей ручкой. Изъ груды зерно перекла́дывается лопатою въ мѣшокъ и убирается въ амбаръ.

Мелютъ хлѣбныя зерна исключительно на водяныхъ мельницахъ; вѣтряныя въ описываемой мною мѣстности вовсе не ставятся.

Уборка сѣна.

Сѣнокосъ открывается въ періодъ съ Петрова дня до Ильина. Луга дѣлятся пополосно, сколько придется на душу саженей; для отмѣтокъ ставятся ты̀чки, т. е. втыкаются въ землю палочки.

Косы употребляются исключительно горбуши; стойкой здѣсь косить нельзя, такъ какъ густота и высота травы этого не позволяютъ. Косы выковываются домашними кузнецами и стоимость одной штуки отъ 40—60 коп. Коса (см.

рис. 20) вколачивается въ ручку, называемую косьёмъ, при чемъ полоска листового желѣза, зовущаяся саргòй, обвивается вокругъ косы въ томъ мѣстѣ, гдѣ она входитъ въ косьё. Кромѣ того, между саргой и ручкой вгоняется клинъ, для того, чтобы коса не расшатывалась.

Къ косѣ принадлежитъ лопатка— деревянная дощечка, покрытая смолой, на которую насыпанъ песокъ. На лопаткѣ лопатятъ косу, т. е. подвостряютъ, когда она затупится отъ работы. Если коса во время работы изогнется, то для выпрямленія ея употребляется правѝло, т. е. деревянная чурочка съ вставленной въ нее ручкой (см. рис. 21). Въ чурочкѣ выпилена выемка, въ которую вкладывается коса и выпрямляется движеніемъ чурки.

Рис. 20.

Рис. 21.

Когда опредѣленная полоса травы скошена, сѣно оставляется лежать для просушки. Затѣмъ, являются бабы и ворошатъ его граблями. Когда увидятъ, что сѣно достаточно просохло, его сгребаютъ въ видѣ вала вдоль по полосѣ и, наконецъ, копнятъ въ копны. Черезъ нѣкоторое время копны отвозятся въ остòжье, т. е. въ то мѣсто, гдѣ ихъ станутъ метать въ большую копну. Здѣсь предварительно въ землю втыкается жердь и вокругъ ея въ углы квадрата четыре кола. Эти жердь и колья зовутся стожарàми. На землю между стожарами накидываются вицы, для того, чтобы сѣно не лежало на самой землѣ.

Маленькія копны везутъ съ луга не въ телѣгѣ, а охватываютъ веревкой, веревку эту привязываютъ къ хомуту или къ шлеѣ лошади и лошадь волочетъ сѣно по землѣ до мѣста.

Здѣсь сѣно начинаютъ метать вилами на стожары. Когда копна достигла извѣстной высоты, съ боковъ къ ней подставляются подпоры, т. е. колья, аршина по полтора длиной. Подпоры эти служатъ не столько для укрѣпленія копны, сколько для того, чтобы немного приподнять сѣно, которое бываетъ въ это время нѣсколько въ-òсырь, т. е. сыровато, и давать воздуху доступъ внутрь копны.

Когда одному человѣку станетъ высоко метать, то другой влѣзаетъ на копну и равняетъ ее сверху, нижній же подаетъ сѣно вилами и такъ, пока не завершатъ. Когда завершено, на макушку копны кладутся крестообразно паръ пять вицъ, вершины которыхъ связаны вмѣстѣ, а комли опускаются по копнѣ внизъ; это дѣлается для того, чтобы сѣно не обивало вѣтромъ. Затѣмъ,

человѣку, стоящему на копнѣ, бросается конецъ веревки и онъ спускается по этой веревкѣ съ копны на землю, тогда какъ другой конецъ веревки держитъ его товарищъ, стоящій у противоположной стороны копны. Надо замѣтить, что высота копны достигаетъ двухъ саженей.

Кромѣ копенъ, сѣно мечется въ **зароды** (рис. 22). Для зарода стожары ставятся по одной линіи до 10 штукъ, тоже подкладываются вицы, и сѣно мечется какъ въ копну. Съ боковъ ставятся тоже подпоры и наверхъ кладутся вицы, но не крестомъ, а перекидываются черезъ зародъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Рис. 22.

Копны и зароды огораживаются „жердьёмъ“ или „ку́стыма“, т. е. кольями, переплетенными вицами.

Наконецъ ставятся еще такъ называемые **облйтники**, огромные зароды, но уже не вдали отъ деревни, а во 100 саженяхъ отъ нея. Подъ облитникъ на землю кладутся уже не вицы, а бревна, цѣлымъ костромъ, клѣтками, рядовъ въ 5—6; эти подставы зовутся **вымоста̀ми**; высота вымостовъ зависитъ отъ того̀, какъ высоко будетъ на этомъ мѣстѣ весенняя вода (что̀ знаютъ приблизительно). Ширина облитника отъ 1 до $1^1/_2$ сажени, высота $2^1/_2$—3 саж. Облитники кроются ржаной соломой, по соломѣ вдоль облитника кладутся жерди и прикрѣпляются роженьками, т. е. заостренными палочками, втыкаемыми въ облитникъ.

Облитники остаются на мѣстѣ до слѣдующаго года. Это сѣно, такъ сказать, лишнее, на него нѣтъ покупателя. Когда сѣно вздорожаетъ, оно и продается изъ облитника съ выгодой.

Въ копнѣ считаютъ сѣна возовъ пять, въ зародѣ 50, въ облитникѣ 150—200—300, возъ-же вѣситъ 25—30 пудовъ.

Уходъ за лошадью.

Лошадей воспитываютъ сами или покупаютъ. Самая дешевая рабочая лошадь рублей 10, но иногда цѣна эта поднимается и до 40 р. Жеребцовъ держатъ на свободѣ, т. е. не употребляютъ въ работу до 4-хъ лѣтъ, „кладутъ“ ихъ на 3-мъ году, „нелегченыхъ“ же не держатъ (т. е. долѣе 3-го года). Лошадь можетъ работать до 25 лѣтъ, тутъ ее обыкновенно продаютъ пріѣзжимъ татарамъ, которые, заплативъ за животное рубля $1^1/_2$—2, снимаютъ съ него шкуру, трупъ-же оставляютъ на острову, гдѣ его ободрали.

Когда у хозяина околѣетъ любимая лошадь, то на нее надѣваютъ узду и хомутъ, взваливаютъ на дровни (хотя бы дѣло было лѣтомъ) и отвозятъ куда нибудь на лугъ. Здѣсь выкапываютъ яму и опускаютъ въ нее лошадь, такъ, чтобы она легла на бокъ, затѣмъ зарываютъ и насыпаютъ бугоръ земли, на бугоръ же кладутъ дровни полозьями вверхъ. „Дровни хоть того лучше вывези, никто не потронетъ".

Обыкновенная-же лошадь, если она околѣетъ зимою, отвозится куда нибудь на озеро или на рѣку и оставляется на льду, а лѣтомъ трупъ просто спускаютъ въ воду.

Пастуховъ для пастьбы скота и лошадей никогда не нанимаютъ; животныя пасутся въ паскотинахъ, въ лѣсъ-же ихъ не отпускаютъ.

У лошади бываютъ болѣзни:

Нòкоть—когда лошадь „одуетъ", т. е. брюхо у нея распухнетъ. Чтобы вылечить—„шòркаютъ" (т. е. трутъ) брюхо вязовою дугой.

Вòзгорь—„сопли идутъ изъ ноздрей, отъ того, что съ осени худо кормлена". Чтобы вылѣчить, толкутъ горючую сѣру и мѣшаютъ въ заварку; затѣмъ ѣздятъ на лошади шибко, чтобы ее согрѣть. Кромѣ того, окуриваютъ еловыми иглами, дегтемъ и горючей сѣрой.

Ископыть—лошадь ископытилась, захромала „отъ того, что дыру за копытомъ, свищи дѣлаетъ какая-то звѣрйна. Чтобы вылѣчить, льютъ въ рану керосину, и шоптунъ шопчетъ на воду и воду льютъ въ рану".

Ящуръ—„когда языкъ ѣстъ; языкъ натираютъ солью".

Обурòчена бываетъ лошадь (или корова), когда кто похвалитъ животное съ тайною завистью. „Тогда идутъ къ шоптуну шоптать на уроки".

Волоскй—когда лошадь долго стоитъ въ грязи, въ назьмѣ, то въ ноги ей проникаютъ червячки, имѣющіе видъ волоска. Выводятъ шоптуны. „Шоптунъ вопчѐ лучше фершала, потому что знаетъ по етой части, да и фершалъ земскій проѣзжаетъ разъ въ годъ, а то и въ годъ не проѣзжаетъ".

„Если скотину съ осени не закормятъ (т. е. не дадутъ ей нажить тѣла, такъ, чтобы она легче могла перенести скудость питанія въ случаѣ недостатка корма), то за кожей и появятся мокрецы—черви такіе. Когда кобыла ожеребится, и молоко у ней не продоятъ и жеребенку дадутъ напиться сырова, тогда жеребенокъ возгоряетъ и возгорь ево задавитъ".

Холостятъ жеребцовъ свои, деревенскіе коновалы. У жеребца подтянутъ переднюю ногу къ брюху, и онъ упадетъ. Тогда мошонку завязываютъ, „чтобы яички не утянуло на нутро", затѣмъ разрѣзываютъ и вынимаютъ яички. Яички эти коновалъ беретъ себѣ (для чего—неизвѣстно), потомъ подсыпаетъ „зелени" (купоросу?), чтобы рана не загнивалась и заговариваетъ, такъ что кровь не течетъ. Живетъ коновалъ при жеребцѣ сутки трои и наблю-

даетъ за нимъ. Въ это время мнутъ жеребца, т. е. проѣзжаютъ его. Черезъ трои сутки все заживаетъ.

За холощенье коновалъ беретъ три рубля, полотенце и четверть водки.

Домашняя обстановка, женскія работы.

Отопленіе печи производится дровами сосновыми и еловыми, рѣдко березовыми; ольховыя идутъ только въ овины.

Для освѣщенія керосинъ не употребляется, лампъ нѣтъ; жгутъ березовую лучину, березовую потому именно, что она горитъ ярко и не чадитъ.

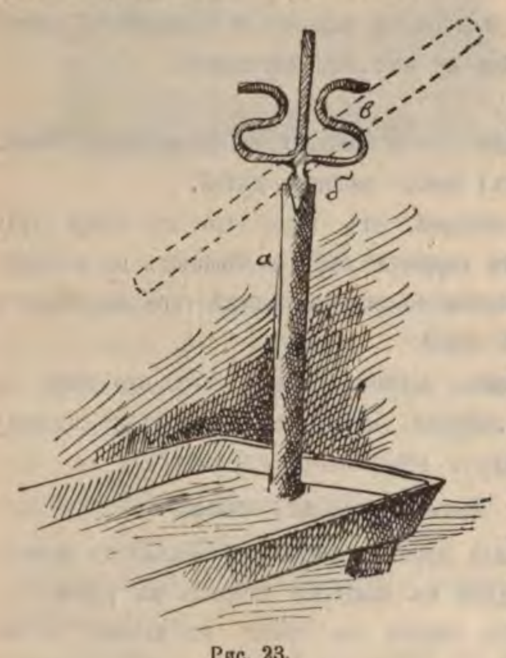

Рис. 23.

Лучина помѣщается въ свѣтильно. Свѣтильно состоитъ изъ корытца, выдолбленнаго изъ сосноваго дерева, на ножкахъ (см. рис. 23). Въ одномъ концѣ въ дно корытца вдолбленъ брусокъ *а*; въ вершину его вставлена желѣзная лопатка *б*, оканчивающаяся шпенькомъ съ двумя желѣзными крючками по сторонамъ. Лучина вдѣвается въ петлю *в* въ наклонномъ положеніи и зажигается; угли отъ нея падаютъ въ корытце, куда наливается вода.

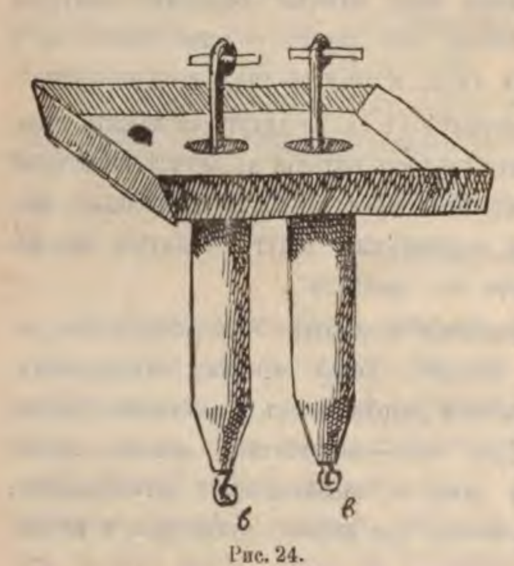

Рис. 24.

Кромѣ лучины употребляются и свѣчи, которыя льются дома изъ „скотиннаго" сала (т. е. отъ быковъ и коровъ; баранье не идетъ въ дѣло, такъ какъ употребляется въ пищу вмѣсто масла).

Свѣчи льются въ формахъ, называемыхъ левкàми. Левокъ состоитъ изъ жестяного ящичка *а* (см. рис. 24), въ днѣ котораго сдѣланы два отверстія такого діаметра, какого должна быть свѣча. Къ этимъ отверстіямъ припаиваются жестя-

ныя же дудки *б*, оканчивающіяся конусами съ отверстіями въ вершинахъ. Изъ кудели, скрученной въ жгутикъ, дѣлается свѣтильно, пропускается въ дудки и внизу завязывается узломъ *в*, затѣмъ натягивается и сверху укрѣпляется клечиками *г*. Растопленное сало наливается въ левокъ, проходитъ въ дудки и наполняетъ ихъ. Для скорѣйшаго застыванія свѣчъ, дудки опускаются въ снѣгъ, а лѣтомъ въ воду.

Свѣчи вставляются въ подсвишникъ и въ хвонарь. Подсвѣчникъ (рис. 25) вырѣзывается изъ жести или изъ желѣза. Ко дну его припаивается спиральная полоска, въ которую и вставляется свѣчка. По мѣрѣ сгоранія, послѣдняя подвигается кверху жестянымъ кружечкомъ.

Фонарь (рис. 26) дѣлается изъ дерева. Въ три стѣнки его вставляется по стеклу, въ четвертой находится дверца. Ко дну фонаря приколоченъ жестяной подсвѣчникъ, въ крышѣ отверстіе для прохода воздуха, тутъ же прикрѣпляется ручка изъ проволоки. Дверца бываетъ или подъемная, или же ходитъ на двухъ гвоздикахъ, вбитыхъ въ переднюю рамку фонаря.

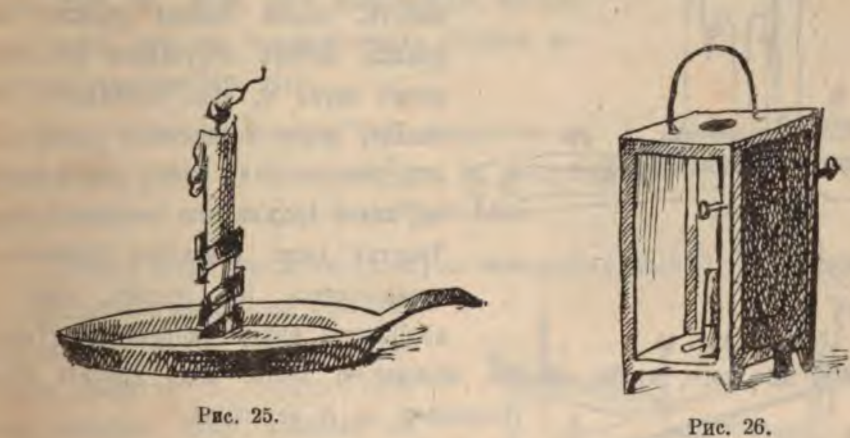

Рис. 25. Рис. 26.

Огонь добывается сѣрными спичками или же огнивомъ и кремнемъ съ пережженой тряпкой или трутомъ изъ березовой губки.

„Деревянный огонь", т. е. посредствомъ тренія, добывается лишь въ случаѣ появленія повальной болѣзни на людяхъ, по повѣрью, что въ томъ домѣ, гдѣ хранится такой огонь, не появится болѣзнь.

Добываніе огня (рис. 27) происходитъ такъ: въ двухъ лежащихъ ря-

Рис. 27.

домъ грядкахъ [1]) дѣлаются зарубки *а* и *б*, а въ зарубки, поперекъ грядокъ кладется березовая чурочка *в*; черезъ чурочку перекидывается веревка, которую и начинаютъ дергать взадъ и впередъ съ силою двое стоящихъ внизу людей. Отъ тренія чурочки о грядки, послѣднія загараются огнемъ. Отъ этого огня зажигаютъ лучину, а отъ лучины угли, и эти горящіе угли хранятъ въ печной загнетѣ.

Самый важный бабій инструментъ есть прѣснеце, т. е. прялка (рис. 29). Дѣлается онъ совершенно первобытнымъ способомъ. Въ лѣсу выбирается подходящая ель, у которой одинъ изъ побочныхъ корней росъ бы подъ прямымъ угломъ къ древесному стволу, какъ показано на рисункѣ 28. Ель срубается на такой высотѣ, какой высоты должна быть прялка, затѣмъ обрубаются всѣ корни, кромѣ корня *а*, пень начинаютъ обтесывать, также и корень и превращать ихъ понемногу въ доску такой толщины, какой должна быть толщина прялки. Толстая доска понемногу утончается и превращается въ прялку, какъ она изображена внутри еловаго пня. Такимъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать маленькую вещь, надо срубить дерево толщиною до 6 вершковъ.

Рис. 28.

Часть *б*, вырубленная изъ корня *а*, зовется копылòмъ; эту часть баба подсовываетъ подъ себя, когда садится на лавку прясть. Широкая часть *в*, въ видѣ лопаты, зовется лопастью. Комъ кудели привязывается къ прялкѣ веревочкой, называемой мутòвисъ и держится въ зарубкахъ, сдѣланныхъ въ краяхъ лопасти. Сидя на копылѣ, нѣсколько бокомъ къ лопасти, баба лѣвой рукой тянетъ бородку кудели *г*, причемъ безпрестанно плюетъ на пальцы, чтобы

Рис. 29.

---

[1]) Грядками въ избѣ называются шесты, лежащіе однимъ концомъ на воронцѣ, а другимъ вдѣланные въ стѣну; они служатъ для помѣщенія на нихъ разныхъ домашнихъ вещей. Три способа добыванія деревяннаго огня, отличные отъ приводимаго здѣсь, описаны въ моей книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ." стр. 41.

нитка лучше скручивалась и, отводя эту нитку отъ себя, крутитъ ее и навиваетъ на веретено правой рукой, приводя веретено въ быстрое вращательное движеніе. Свободная часть нитки между бородкой и вертномъ зовется саженью, веретено-же, когда оно полно нитокъ—прѣстнемъ. Для того, чтобы облегчить и ускорить вращеніе веретена, на него надѣвается кружо̀къ (въ другихъ мѣстахъ пресленёкъ или преслешокъ).

Нитки, напряденныя на веретено, не зовутся нитками, а прѐдено (сущ. средн. рода). Съ веретена предено своевременно перематывается на мотови̇ло. Мотовило (см. рис. 30) состоитъ изъ дощечки *а*, которая зовется ро̀гомъ; въ нее вставляется калиновый прутъ *б* съ двумя растопыренными сучками; этотъ прутъ и есть собственно мотовило. Держа рогъ въ рукѣ, баба наматываетъ на него нитки, такъ что онѣ ложатся между сучками мотовила и охватываютъ рогъ.

Рис. 30.

Когда нитки перемотаны, онѣ снимаются съ мотовила и золя̀тся, т. е. кладутся въ мокрую золу, потомъ на снѣгъ, гдѣ и отбѣливаются.

Со снѣгу нитки снимаются и кладутся на воро̀бы (рис. 31). Воробы состоятъ изъ подставки *а*, называемой вьюхой, которая есть ничто, какъ молодая сосенка, вырытая съ корнемъ. Деревцо ставится, какъ показано на рисункѣ, такъ, что корни служатъ всему инструменту ножками. Въ вершину вколачивается желѣзной гвоздь *б*, а на него надѣваются самые воробы, т. е. сложенные подъ прямымъ угломъ сосновые брусочки *в*, въ концахъ которыхъ проверчены дырки. Все это вращается вокругъ гвоздя *б*. Въ дырки втыкаются веретёна, а мотъ, т. е. мотокъ нитокъ, накидывается на нихъ.

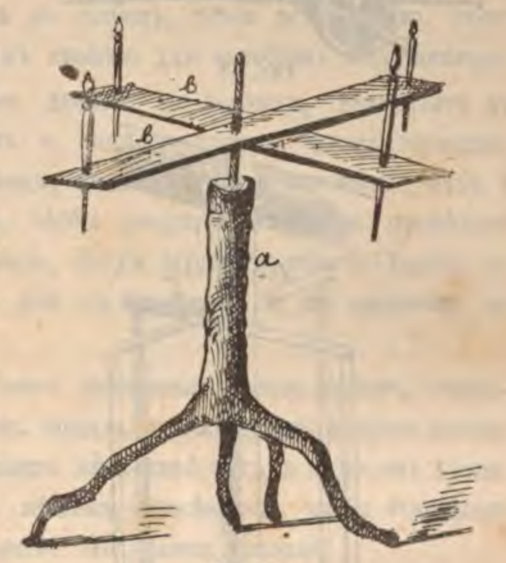
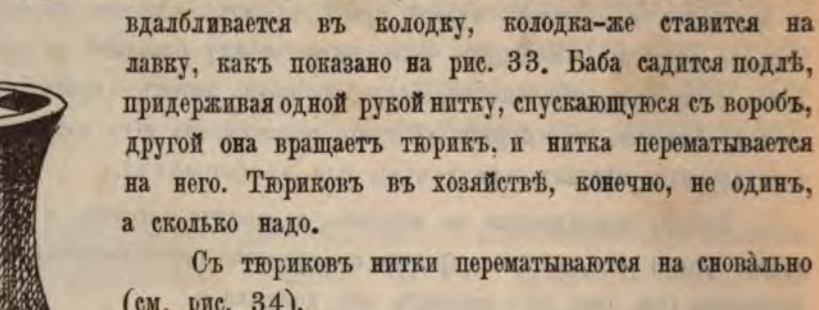

Рис. 31.

Съ воробъ нитки сматываются на тюрики̇. Тюрикъ дѣлается изъ осиноваго чурбака, выдолбленнаго внутри насквозь и обрѣзаннаго снаружи, какъ показано на рис. 32. Весь тюрикъ длиною около 1 арш. и вершковъ 5—6 въ діаметрѣ. Въ верхнее и нижнее отверстіе вставляются кресты изъ березовыхъ брусковъ, въ центрѣ которыхъ провертываются дырки. Въ эти дырки

пропускается березовая спица, которая и служитъ осью вращенія тюрику. Ось вдалбливается въ колодку, колодка-же ставится на лавку, какъ показано на рис. 33. Баба садится подлѣ, придерживая одной рукой нитку, спускающуюся съ воробъ, другой она вращаетъ тюрикъ, и нитка перематывается на него. Тюриковъ въ хозяйствѣ, конечно, не одинъ, а сколько надо.

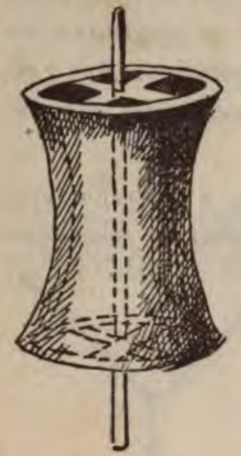

Рис. 32.

Съ тюриковъ нитки перематываются на сновàльно (см. рис. 34).

Сосновый столбикъ *а*, длиною сажени двѣ, укрѣпленъ снизу въ доску, но такъ, что можетъ свободно вращаться въ гнѣздѣ, вверху же входитъ въ скобу, прибитую къ слегѣ (въ избѣ или на повѣти). Въ столбикъ входятъ крестообразно бруски *б*, соединенные по концамъ столбиками *в*. Столбикъ *а* служитъ осью вращенья для сновально.

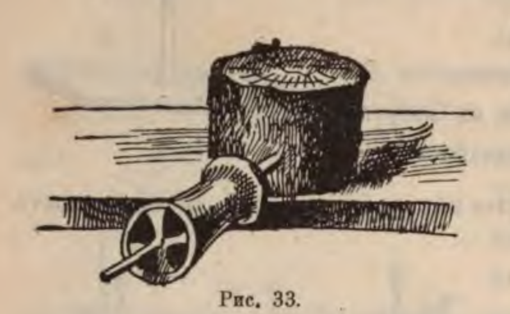

Рис. 33.

Со сновально нитки идутъ на навòину, навоина-же вставляется въ ткацкій станокъ, называемый станиной. Станокъ здѣсь не описывается за сложностью своего устройства.

Вязанье чулокъ, рукавицъ и перстàтокъ спицами распространено между женщинами, но спицы, называемыя иглами, не покупныя, а дѣлаются дома и не изъ стали, а изъ обыкновенной проволоки, верхъ у которой, т. е. поверхность, только осàдятъ напилкомъ, т. е. выгладятъ, насколько возможно.

О другихъ женскихъ работахъ будетъ упомянуто въ главѣ о мѣстныхъ промыслахъ.

Рис. 34.

Приготовленіе нѣкоторыхъ кушаній и напитковъ.

Перечисленіе деревенскихъ кушаній и способъ ихъ приготовленія читатель найдетъ въ книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.“, здѣсь же я ограничусь описаніемъ приготовленія нѣкоторыхъ кушаній, печенія хлѣба и варки пива и квасу.

Колобки пекутся слѣдующимъ образомъ. Тѣсто „творится“ съ вечера не очень густо на мѣлу́ (т. е. на дрожжахъ; о приготовленіи ихъ сказано дальше). Маленькія желѣзныя сковородки намазываются масломъ, на нихъ наливается изъ квашни тѣсто, и сковородки садятся въ печь, чтобы колобки запеклись. Когда готово, высаживаютъ на столъ, мажутъ масломъ и посыпаютъ толокномъ.

„Мѣлъ“ приготовляется такъ: послѣ обѣда, часовъ въ 12, берутъ рощу (солодъ), кладутъ въ туясъ и разбалтываютъ въ трубяной (колодезной) водѣ. Вечеромъ опускаютъ сюда съ $^1/_4$ ф. хмелю. Тѣсту даютъ ходить до тѣхъ поръ, пока оно получитъ запахъ вина. Тогда его процѣживаютъ сквозь рѣшето въ другой туясъ и выносятъ въ голбецъ, чтобы не перекисло. Этотъ „мѣлъ“, т. е. дрожжи и кладутся въ квашню для колобковъ и ярушниковъ.

Овсяный кисель приготовляется двояко: во-первыхъ, вскипятятъ въ горшкѣ воду, замѣшаютъ толокномъ и, когда сгустится, ѣдятъ горячимъ. Во вторыхъ, въ квашню нальютъ воды, положатъ часть ячменной муки и часть мякины и поставятъ въ печь, чтобы уварилось. Затѣмъ процѣдятъ сквозь сито и снова поставятъ въ печь. Когда сгустится, готово. Ѣдятъ горячимъ и холоднымъ, въ скоромные дни съ молокомъ и со сметаною, въ постные съ ягодами и сусломъ.

Толокно приготовляется такъ: овесъ просѣвается сквозь рѣшето, обваривается горячей водой и высыпается въ корыто, гдѣ запрѣетъ и дастъ ростки. Когда ростки появятся, овесъ высыпаютъ на печной подъ, и здѣсь онъ просыхаетъ. Затѣмъ, его выгребаютъ въ мѣшокъ, просѣваютъ, чтобы освободить отъ песку и везутъ на мельницу молоть. Получается толокно.

Черный хлѣбъ печется слѣдующимъ способомъ.

Принеся муку изъ погреба въ насыпкѣ (лукошкѣ), баба просѣваетъ ее сквозь рѣшето въ сочельницу (осиновое корытце), а отруби вываливаетъ въ чашку (потомъ они идутъ въ заварку скотинѣ); беретъ чистую квашню, выливаетъ въ нее маленькій ковшъ квасной гущи и до половины квашни воды изъ трубы (т. е. изъ колодца), всыпаетъ муку и размѣшиваетъ ее

мутовкой. Этотъ процессъ называется раствореніемъ квашни *). Растворъ долженъ быть не очень густъ. Затѣмъ, квашня ставится на теплую печь и закрывается квашенникомъ (скатерткой) вмѣстѣ съ мутовкой.

Ночью баба встаетъ раза два, три и смотритъ, „ходитъ" ли тѣсто. Утромъ, если оно „выходило", въ него кладется щепотка соли и баба начинаетъ мѣсить растворъ рукой, подсыпая въ него муки. Когда тѣсто перестанетъ льнуть къ рукѣ, оно готово.

Затѣмъ квашня остается на лавкѣ, и здѣсь тѣсто поднимается. Когда достаточно поднялось, баба беретъ короноватую (т. е. сплетенную изъ корней) чашку, посыпаетъ ее внутри мукой и повареночкой выкладываетъ въ нее тѣсто изъ квашни. Въ чашкѣ баба катаетъ ковригу, подбрасывая ее такъ, что коврига вылетаетъ изъ чашки и снова падаетъ въ нее. Когда готово, переваливаетъ въ другую чашку, гдѣ тѣсто снова поднимается, закрытое скатертникомъ, особымъ, излаженнымъ для закрыванія ковригъ полотенцемъ.

Печь затопляется тогда, когда баба начинаетъ катать ковриги. Когда печь протопилась, и угли загребены по сторонамъ, баба заметаетъ печной подъ помеломъ. Чтобы узнать степень жара въ печкѣ, баба шаркаетъ по поду остріемъ лопаты: если изъ подъ лопаты выскакиваютъ искры, жаръ слишкомъ великъ, если нѣтъ, то садить можно. Тогда она беретъ чашку, вываливаетъ изъ нея ковригу на лопату и садитъ въ печь, за ней и прочія ковриги, сколько ихъ есть, и закрываетъ заслонку (труба въ это время уже закрыта).

Чтобы узнать, упекся ли хлѣбъ, баба вынимаетъ одну ковригу изъ печи, беретъ ее въ руки и прикладываетъ къ уху: если въ ковригѣ кипитъ, хлѣбъ еще не упекся, если ничего не слышно, то онъ готовъ. Ковриги вынимаются лопатой и кладутся въ тѣ же короноватыя чашки; баба беретъ на ладонь воды и смачиваетъ ковриги сверху, для того, чтобы корка не была суха. Послѣ того ковриги закрываются полотенцемъ съ цѣлью дать имъ „отдохнуть". Черезъ нѣкоторое время ихъ перекладываютъ въ кадцу и прячутъ въ голбецъ.

Изъ ржаной муки, кромѣ хлѣба, пекутъ корки подъ рыбу, сочни подъ пироги съ гороховой мукой и подъ картошку. На ржаные же сочни накладываютъ и ясные (ячменные) пироги, т. е. жидкое тѣсто изъ названной муки.

Квасъ. Берутъ глиняный горшокъ, кладутъ въ него ячменной мякины и солоду, льютъ воды и, закрывши закройникомъ (глиняная крышка съ расширеніемъ наверху, за которое берутъ эту крышку въ руки; въ южныхъ

*) Надо замѣтить, что квашней зовется какъ кадочка, въ которой разбалтывается тѣсто, такъ и самое это тѣсто. Въ южныхъ уѣздахъ губерніи такого смѣшенія названій нѣтъ. Тамъ кадочка зовется квашонкой, а тѣсто квашней.

уѣздахъ губерніи она зовется волóхомъ; см. рис. 35) и ставятъ въ печь, чтобы прокипѣло. Эта жидкость называется приголовокъ. Когда печь протопится и трубу закроютъ, горшокъ снова ставятъ въ печь и оставляютъ въ ней до утра. Утромъ берутъ кадцу, наливаютъ въ нее холодной воды и выливаютъ въ эту воду приголовокъ, опускаютъ туда-же и горшокъ,

Рис. 35.

„такъ какъ тутъ слатость". Въ этой кадкѣ квасъ „живетъ" до тѣхъ поръ, пока мякина не поднимется кверху и не появится пѣна. Тогда квасъ процѣживаютъ сквозь рѣшето въ лагунъ—деревянную кадочку съ квадратнымъ отверстіемъ въ одномъ днѣ, затыкаемымъ втулкой. Лагунъ опускается въ голбецъ, откуда квасъ берутъ, по мѣрѣ надобности, нацѣживая его въ жбанъ или братынь.

Пиво. Въ чанъ наливаютъ холодной воды; изъ этого чана половину воды разливаютъ въ котлы и кипятятъ „на волѣ", т. е. гдѣ нибудь на улицѣ. Котелъ вѣшаютъ при этомъ на треножникъ, сдѣланный изъ трехъ слегъ. Когда вскипитъ, дѣлаютъ заторъ, т. е. въ чанъ, гдѣ оставалась вода, кладутъ солоду, ржаной муки и опускаютъ снопъ соломы, такъ, чтобы онъ оставался въ стоячемъ положеніи. Внутри соломеннаго снопа проходитъ стырь—палка, которая закупориваетъ собою дырку въ днѣ чана.

Вдали отъ дома складываютъ въ груду булыжные камни; обкладываютъ ихъ дровами пирамидально, и дрова зажигаютъ. Камни накаливаются до-красна. Тогда ихъ берутъ щипцами или клещами и опускаютъ въ заторъ.

Щипцы—еловый колъ, расщепленный съ одного конца въ видѣ рогатки и удерживаемый въ этомъ положеніи посредствомъ клина *а* (рис. 36). Щипцы

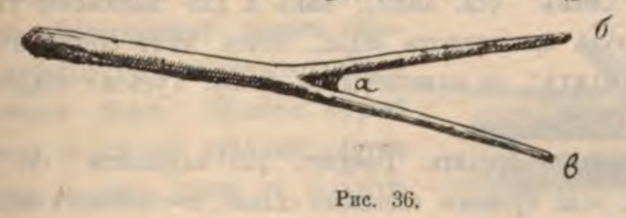
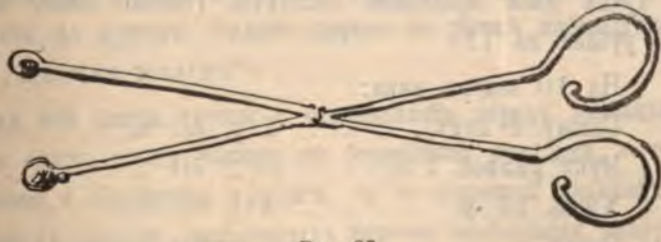

Рис. 36.

берутъ въ обѣ руки и, подцѣпивъ каленый камень на концы *б* и *в*, кладутъ его въ чанъ.

Рис. 37.

Клещи состоятъ изъ двухъ желѣзныхъ прутьевъ, аршина полтора длиною каждый, соединенныхъ въ точкѣ пересѣченія желѣзнымъ же «шконтикомъ»,

какъ ножницы (рис. 37). На двухъ концахъ прутья завернуты въ кольца, а на противоположныхъ въ узлы.

Надо замѣтить, что кольца эти, не то что ручки у ножницъ, т. е. расположены не въ одной плоскости съ ножками, а изогнуты вкось, такъ что охватываютъ камень всѣмъ своимъ краемъ. Берутъ клещи въ руки за узловые концы, захватываютъ камень кольцами и опускаютъ его въ чанъ.

Отъ каленыхъ камней затор начинаетъ кипѣть. Его оставляютъ на полсутокъ на мѣстѣ (а чтобы кто-нибудь не сталъ имъ лакомиться, приставляютъ караульщика). Черезъ полсутокъ въ чану образуется сусло. Чтобы узнать, готово-ли оно, берутъ ржаную силймену (соломенку) и дѣлаютъ изъ нея окôленку, т. е. сгибаютъ соломенку въ формѣ треугольника (см. рис. 38), берутъ этотъ треугольникъ въ пальцы въ точкѣ *a* и обмакиваютъ въ сусло. Если сусло поспѣло, то оно затягиваетъ площадь треугольника пленкою на подобіе стекла, если не затягиваетъ—значитъ не готово. Если сусло готово, вынимаютъ стырь и спускаютъ сусло въ корыто. Снопъ соломы, стоящій въ суслѣ, и служитъ для того, чтобы мука не проскакивала въ дыру вмѣстѣ съ сусломъ.

Рис. 38.

Изъ корыта сусло черпаютъ въ котелъ и кладутъ туда хмель. Съ хмелемъ сусло кипитъ на огнѣ ключомъ. Когда остынетъ, процѣживаютъ въ ушаты, ушаты несутъ на повѣть и здѣсь переливаютъ сусло въ бочку.

Дѣлается „мѣлъ“ (см. выше), какъ и для колобковъ, съ тою лишь разницею, что тутъ прибавляется водка. Этотъ мѣлъ стоитъ въ избѣ сутки и когда «вы̂ходитъ“, то выливается въ бочку. Тутъ же кладется и хмель, фунта два на бочку.

Пиво начинаетъ бродить. Бродитъ „по видимости“, т. е. за нимъ наблюдаютъ, и, если броженіе слишкомъ сильно, то отливаютъ часть въ другую бочку. Когда выбродило, его можно пить.

Къ празднику варится, примѣрно, 10 ведеръ пива. Угощеніе въ теченіе двухъ, трехъ дней праздника обходится (считая пиво, водку, чай, рыбу и т. п.) рублей въ 15.

На 10 ведеръ пива:

Солоду 1 пудъ	1 р.	50 к.
Муки ржаной 1 п. . . .	— „	70 „
Хмель 15 ф.	3 „	— „
Водки	— „	20 „

Итого 5 р. 40 к., т. е. 54 коп. ведро.

Промыслы отхожіе и домашніе.

I. Сплавъ лѣса.

Срубая дерево въ лѣсу, оставляютъ порядочной величины пень; у упавшаго дерева ровняютъ комель, т. е. обрубаютъ прочь косую его часть, затѣмъ, отрубаютъ вершину и сучья и чистятъ кору—если тепло, то скоблемъ, а если морозно—топоромъ. На дровни по срединѣ кладется поперечная колодка, на нее надвигаютъ комлевую часть бревна, привязываютъ веревкою и везутъ на кàтище, т. е. на берегъ рѣчки, гдѣ сваливаются всѣ вырубленныя деревья и остаются „до воды", т. е. до вскрытія рѣчки.

Когда ледъ пронесетъ, деревья спускаютъ въ воду и начинаютъ ихъ плотить. Сплачиванье производится такъ: изъ березовыхъ вицъ (прутьевъ) скручиваютъ кольцо такой величины, чтобы оно свободно охватило два бревна, лежащихъ въ водѣ (см. рис. 39). Затѣмъ, поперекъ бревенъ кладется березовый или сосновый шестъ, называемый рòмшиной, кольцо перегибается черезъ него и подъ ромшину просовывается клинъ, какъ показано на рис. 40. Такъ же точно скрѣпляются, послѣдовательно, и слѣдующія пары бревенъ подъ одною и тою же ромшиной. Скрѣпленіе бревенъ кольцами производится, само собою разумѣется, и на другой сторонѣ плота. Составленный такимъ образомъ плотъ небольшихъ размѣровъ спускается внизъ по теченію рѣчки. Дѣлается другой и третій плотъ, и всѣ они слѣдуютъ другъ за другомъ до впаденія рѣчки въ большую рѣку, гдѣ плоты задерживаетъ такъ-называемый зàплавь, т. е. рядъ бревенъ, связанныхъ концами другъ съ другомъ веревкою и протягивающихся отъ одного берега рѣчки до другого. Сплавъ деревъ по рѣчкѣ небольшими плотами называется „сплавомъ молёмъ".

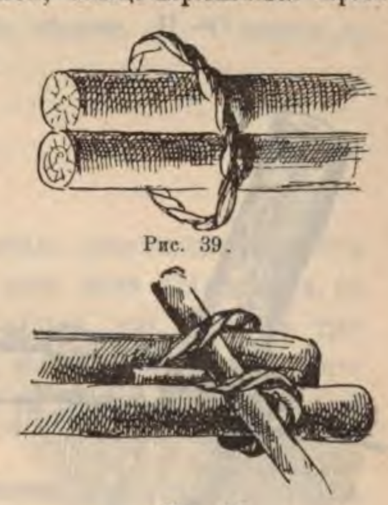

Рис. 39.

Рис. 40.

Когда всѣ плоты готовы и остановились передъ зàплавью, они связываются въ одинъ плотъ такими же березовыми кольцами, о которыхъ было сказано выше, и образуется пòромъ, т. е. огромный квадратъ изъ плотовъ. У нѣсколькихъ плотовъ, оставленныхъ нарочно свободными, разрубаются кольца, и бревна, составлявшія плоты, накатываются на паромъ такъ, что покрываютъ его вплотную и ничѣмъ не прикрѣпляются.

На обоихъ концахъ порома кладутъ затѣмъ поперекъ наката трех-аршинныя чурки *а* и привязываютъ къ накату кольцами. Поперекъ чурокъ кладется собачина *б*, т. е. бревно вершка два въ отрубѣ, и прикрѣпляется къ чуркамъ тоже кольцами. Въ собачинѣ дѣлаются рубыши (вырубки), въ которыя вкладываются гребки *в*, еловыя слеги съ расширеніемъ на концѣ въ видѣ весла (рис. 41). На внутренней сторонѣ гребковъ дѣлаются вырубки, непозволяющія гребкамъ скользить по собачинѣ. Гребки служатъ для того, чтобы править плотомъ „по материку", т. е. заставлять поромъ идти параллельно берегамъ рѣки. Такъ какъ поромъ движется силою теченія, то гребки не служатъ веслами, а рулями. Гребковъ устанавливаютъ на каждомъ концѣ порома по шести и больше.

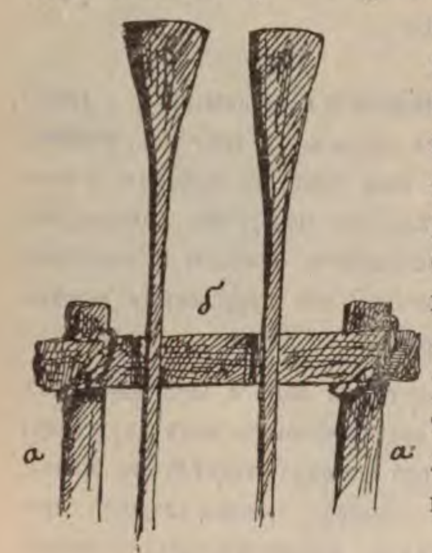

Рис. 41.

На поромѣ устанавливаются шалаши изъ еловой скалы (коры), которая сгибается полукругомъ. Шалашъ служитъ для защиты поромщиковъ отъ непогоды и для ночлега. Подлѣ шалаша на поромъ накладывается земля и на ней разводится огонь, на которомъ поромщики варятъ себѣ пищу. На каждомъ поромѣ находится четыре или пять лодокъ для выѣзда на берегъ и для другихъ надобностей.

Рис. 42.

Когда желаютъ остановить поромъ, то употребляютъ прико̀лъ (рис. 42). Это березовый обрубокъ, аршина два длиною, стесанный на одномъ концѣ въ остреё, сбоку же у прикола оставляется сукъ.

Выѣзжаютъ на берегъ хвата̀ться, т. е. всаживаютъ въ землю острый конецъ прикола и накидываютъ на него снасъ, т. е. веревку, завязанную въ петлю и другимъ концомъ прикрѣпленную къ порому. Поромъ идетъ впередъ и приколъ, естественно, начинаетъ „буро̀вить" землю, сукъ же служитъ при этомъ для того, чтобы веревка не касалась земли. Когда приколъ вырветъ, его хватаютъ, бѣгутъ впередъ и снова всаживаютъ въ землю. Такъ повторяется

до тѣхъ поръ, пока поромъ наконецъ не остановится. При этомъ бываютъ несчастные случаи съ рабочими, которые хватаются. Всадивъ приколъ въ землю, работникъ налегаетъ на него всѣмъ тѣломъ и тащится на приколѣ, который идетъ впередъ и вырываетъ въ землѣ канаву. Зачастую приколъ выскакиваетъ и отбрасываетъ работника на нѣсколько саженей впередъ и, случается, убиваетъ.

Плата за вырубку лѣса, возку его на катище, выгонку до большой рѣки и сплачиваніе полагается по 60 коп. съ дерева. Дальше нанимаются другіе люди, которымъ платятъ каждому по 15, 16 и 17 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ за сплавъ порома напр. отъ Котласа до Архангельска, т. е. на разстояніи 600 верстъ. Время, потребное для такого сплава, весьма различно: оно зависитъ отъ состоянія погоды и разныхъ случайностей. Сплавъ лѣса отъ Котласа до Архангельска длится иногда мѣсяцъ, даже два, бываетъ же, что „сплываютъ" и въ 11 дней. По теченію, т. е. силою воды, поромъ двигается обыкновенно до устья р. Пинеги (Усь-Пиньги, какъ говоритъ народъ), собственно пониже верстъ на 5, отсюда-же поромы буксируются до Архангельска пароходами, такъ какъ въ Усть-Пинегѣ оказываетъ уже свое дѣйствіе морской приливъ, приливъ же потащитъ поромъ обратно, т. е. вверхъ по рѣкѣ.

„На сплавъ".

Когда уговорились идти „на сплавъ", и пришло время отхода, надѣваютъ кафтанъ на мѣху съ борами (полушубокъ), на ноги лапти или катаники, въ суnку (сумку) за плечами кладутся черные сухари, три рубахи и трое подштанниковъ, шило, иголка, нитки, сапоги, у кого они есть, связываются и перекидываются черезъ плечо. Денегъ берутъ съ собой, примѣрно, рублей 10 на троихъ.

Когда все готово, прощаются съ домашними, обнимаются, цѣлуются; домашніе провожаютъ недалеко. Въ ближней церкви служатъ напутственный молебенъ.

Въ данномъ случаѣ троимъ—отцу и двумъ его взрослымъ сыновьямъ—предстоялъ путь пѣшкомъ отъ Котласа (60 верстъ ниже Устюга по Двинѣ) до Вологды, т. е. 526 верстъ.

Вышли на 3-ей недѣлѣ Великаго поста, въ концѣ февраля; стояли еще морозы. Планъ былъ такой: дойти до Вологды и оттуда, по вскрытіи рѣкъ, спуститься на баркѣ въ качествѣ судорабочихъ, до Архангельска, затѣмъ вернуться домой на пароходѣ.

Въ первый день прошли 40 верстъ до Чуркина на Двинѣ, здѣсь пере-

ночевали у родственника и на слѣдующій день пришли въ Устюгъ. Въ Устюгѣ остановились на постояломъ дворѣ; за ночлегъ взяли 3 коп. Уху изъ трески варили въ трактирѣ: 11 коп. на троихъ, хлѣбъ свой. Затѣмъ, дальше ночлеги были по деревнямъ; заходили туда, гдѣ пускали; за ночлегъ никогда ничего не требовали, а накармливали за плату по 3 коп. съ человѣка.

Такъ дошли до Вологды въ концѣ марта. Здѣсь отыскали одного судовладѣльца и нанялись къ нему на барку. Квартира была дана отъ хозяина, но хлѣбъ свой. Работа до вскрытія рѣки состояла въ одалбливаніи льда вокругъ хозяйскихъ судовъ; плата за это и за нѣкоторыя другія работы по 40, 50 и 60 коп. въ день на человѣка, смотря по роду работы; расчетъ разъ въ недѣлю, по субботамъ.

Когда ледъ пронесло, принялись поспѣшно за нагрузку судовъ: мукой, льнянымъ сѣменемъ, льномъ, колоніальнымъ товаромъ.

По окончаніи нагрузки хозяинъ отслужилъ молебенъ на каждомъ суднѣ. Пришедшіе помѣстились всѣ трое на одной баркѣ. Рабочихъ нарядили кого къ гребкамъ, кого къ поносны̀мъ. На баркѣ гребки—огромныя весла, спускающіяся въ воду съ палубы барки по бокамъ ея; поносныя длинныя весла, одно на носу, другое на кормѣ. Гребками гребутъ не постоянно, а тогда лишь, когда барка сойдетъ съ фарватера, поносными же правятъ постоянно. При противномъ или боковомъ вѣтрѣ идти нельзя, тогда пристаютъ къ берегу и выжидаютъ „по̀вѣтера“.

Особой каюты для ночлега рабочимъ на баркѣ нѣтъ; спятъ внутри барки, прямо на товарѣ. Пища дается отъ хозяина, кромѣ хлѣба и масла (для каши), которые свои;—шти или уха, каша пшенная или овсяная и мясо, все свѣжее и хорошее [1]). Передъ обѣдомъ и ужиномъ даютъ по стакану (чайному) во̀дки, а въ праздники по три стакана въ день. Кто не пьетъ водки, получаетъ взамѣнъ ея по 10 коп. за стаканъ.

Плата рабочимъ обусловливается силами ихъ и способностями. Въ данномъ случаѣ отцу было назначено 25 р., старшему сыну 17 р., меньшему 16 р. Это плата за весь путь отъ Вологды до Архангельска. Деньги были выданы тогда лишь, когда барку поставили въ Архангельскѣ на мѣсто.

Спрашивается: что же осталось у нашихъ троихъ „сплавныхъ“, когда они вернулись домой послѣ двухмѣсячныхъ невѣроятныхъ трудовъ, усилій и

---

[1]) Иначе и быть не можетъ, потому что судно, нагруженное товаромъ на нѣсколько тысячъ рублей, передается вполнѣ на волю судорабочихъ. Малѣйшая обида или неудовлетвореніе законныхъ ихъ желаній (напр. хорошая пища) со стороны хозяина или его приказчика могутъ повлечь за собою гибель судна и взыскать за это съ рабочихъ нищихъ, конечно, ничего нельзя. Но всякій сплавной товаръ бываетъ обыкновенно застрахованъ.

лишеній? Десять рублей у нихъ были взяты съ собою на дорогу; они ихъ и проѣли. Въ Вологдѣ что выручили подённой работы до вскрытія рѣки— тоже проѣли. Затѣмъ, во время пути отъ Вологды до Архангельска и отъ Архангельска до дому (600 верстъ) проѣдено 10 р., всего прожито 20 р. Получено-же 58 р., стало быть, чистаго барыша осталось 38 р., т. е. 21 коп. на человѣка въ день. Эти оставшіяся въ рукахъ деньги зовутся суховыми.

Рыболовство.

Рыбу ловятъ въ р. Двинѣ, въ рѣчкахъ и озерахъ различными снастями и ловушками, а именно:

Какъ только пронесетъ ледъ, выѣзжаютъ на рѣку съ неводомъ. Неводъ бываетъ длиною до 100, даже до 150 саженей и принадлежитъ обыкновенно тремъ или четыремъ владѣльцамъ. Столбы, т. е. полосы, изъ которыхъ состоитъ неводъ, вяжутся, зимою мужчинами, изъ льняныхъ или конопляныхъ нитокъ. Столбы сшиваются вмѣстѣ и образуютъ прямоугольникъ *а, б, в, г.* (см. рис. 43). По краямъ *ав* и *бг* пришиваются къ неводу веревки, которыя на нѣкоторомъ разстояніи связываются вмѣстѣ, и затѣмъ идетъ одна длинная

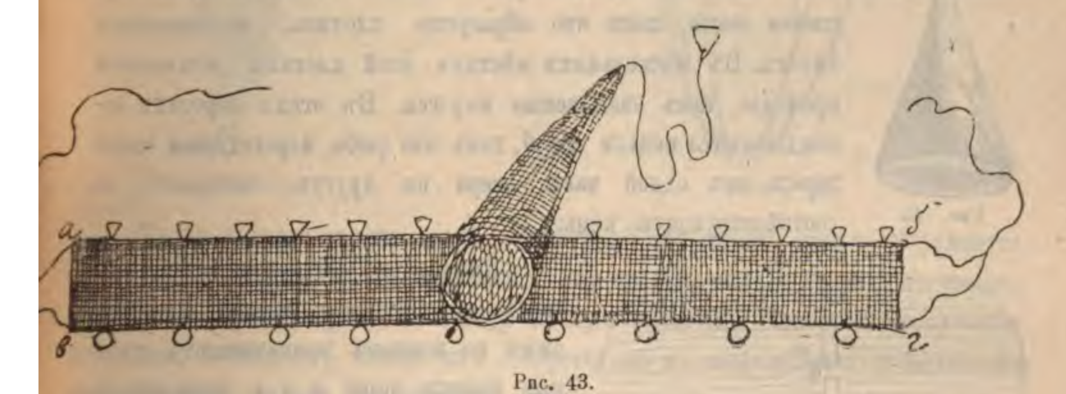

Рис. 43.

веревка, за которую рыболовы и волокутъ неводъ. По нижнему краю невода прикрѣпляются камни, завернутыя въ берестяныя ленты; камни эти зовутся кибасьё (един. кибасъ); они служатъ для загруженія невода въ воду, къ верхнему-же краю наплавки (см. рис. 44)—треугольныя деревянныя дощечки съ дыркой въ одномъ углу, куда и продѣвается веревка, прикрѣпляющая наплавокъ. Въ серединѣ невода вставляется, тоже вязанная изъ нитокъ, матица, имѣющая видъ мѣшка. Къ концу ея на длинной веревкѣ привязывается наплавокъ, который и всплываетъ на поверхность воды.

Рис. 44.

Съ неводомъ выѣзжаютъ на рѣку въ лодкѣ, закидываютъ его и плывутъ снова къ берегу. Тащатъ неводъ за боковыя веревки

не съ лодокъ, а по берегу, причемъ рыба, захваченная неводомъ, входитъ въ матицу и наполняетъ ее.

Владѣльцы невода дѣлятъ пойманную рыбу—крупную поштучно, а мелкую на вѣсъ или чашками.

Бреднѝкъ похожъ на неводъ, но меньше его,—сажень 15, 20, тоже имѣетъ матицу. Имъ бродятъ рыбу въ озерахъ—щучекъ, „карасёвъ" и т. п.

Мерёжа представляетъ двѣ сѣти—одна съ крупными, другая съ мелкими ячейками. Онѣ накладываются одна на другую и сшиваются по краямъ и по серединѣ. Мережа устанавливается въ рѣчкѣ въ вертикальномъ положенiи посредствомъ двухъ шестовъ, втыкаемыхъ въ дно.

Чтобы загнать въ сѣть рыбу употребляютъ ботъ (см. рис. 45). Это длинный шестъ съ расширенiемъ на концѣ. Расширенная часть выдалбливается внутри въ видѣ колокола. Рыболовъ, держа шестъ въ рукахъ за середину, хлопаетъ ботомъ по водѣ и этимъ стукомъ пугаетъ рыбу и загоняетъ ее въ мережу.

Рис. 45.

Ловля рыбы посредствомъ киньги производится такъ. Подходящее озерко „переваливается поперекъ кочью", т. е. вколачиваются два ряда кольевъ и между ними насыпается земля, такъ что образуется плотина, называющаяся ѣзомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой плотины оставляются проходы, такъ называемыя ворота. Въ этихъ воротахъ закладываются киньги *а* и *б*, такъ что рыба, переходящая сквозь ворота изъ одной части озера въ другую, попадаетъ въ соотвѣтствующую киньгу.

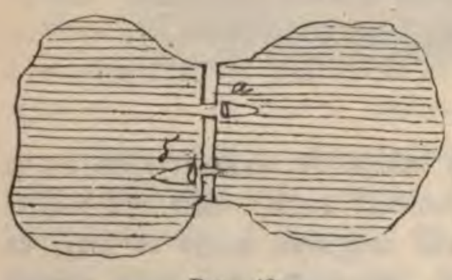

Рис. 46.

Киньга (рис. 46) устраивается такъ: берутъ два сосновыхъ бадожка *а* и *б* и къ нимъ по концамъ привязываютъ прочныя ивовыя вицы *в* и *г*, такъ что образуется прямоугольникъ; онъ зовется творѝломъ. Тогда къ нему начинаютъ прикрѣплять особымъ способомъ ивовыя вицы, сгибая ихъ вокругъ бадожка и боковыхъ вицъ и оставляя концы пока свободными. Вицы эти ложатся вплотную одна подлѣ другой вокругъ всего творила. Затѣмъ, ихъ начинаютъ переплетать поперекъ тоненькими вичками, съуживая постепенно и отрѣзывая по угламъ извѣстное число вицъ, для того, чтобы образовалась четырехгранная пирамида. Въ вершинѣ ея оставляется круглое отверстiе, называемое горломъ *д*. Вся эта корзинка зовется языкомъ.

Когда языкъ готовъ, къ нему начинаютъ придѣлывать мàтицу, т. е.

вторую наружную пирамиду или корзинку, тѣмъ же способомъ, какъ плетется и языкъ (рис. 47).

На нѣкоторомъ разстояніи отъ горла *д* въ матицу вставляется кольцо *е*, съ тою цѣлью, чтобы она не приняла сплюснутый видъ. Въ нижнемъ концѣ матицы находится отверстіе *ж*, зовущееся жопой; оно затыкается клочкомъ сѣна, называемымъ вехотью (рис. 48).

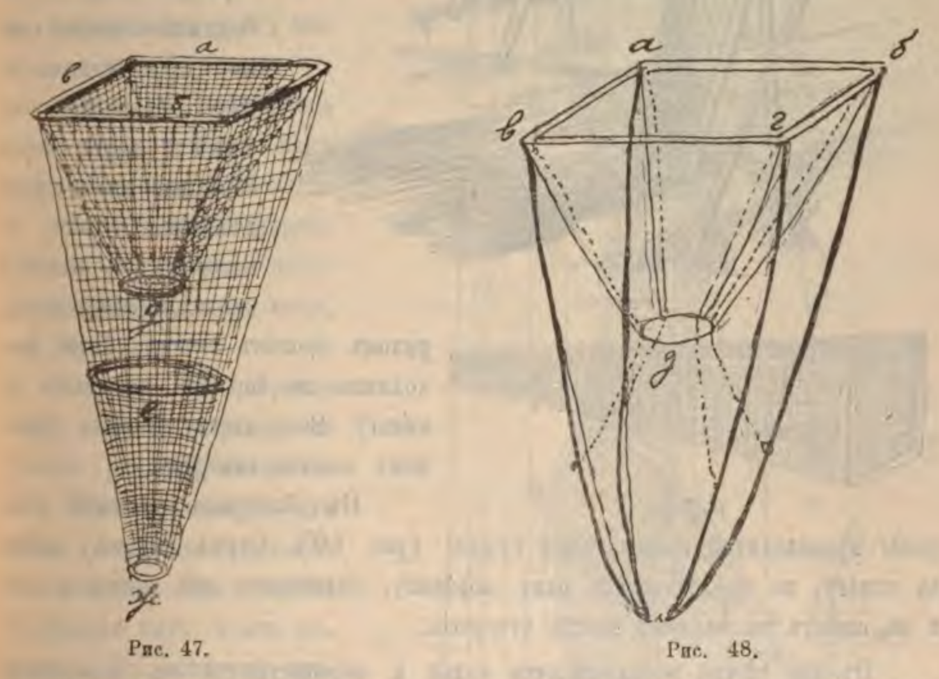

Рис. 47. Рис. 48.

Когда плотина черезъ озеро и ворота въ ней готовы, киньга погружается въ воду и укрѣпляется въ воротахъ. Рыба входитъ черезъ творило въ языкъ, проходитъ черезъ горло въ матицу и тамъ остается. Киньгу вытаскиваютъ изъ воды, вынимаютъ вехоть изъ отверстія *ж* и, посредствомъ встряхиванія выкладываютъ черезъ это отверстіе рыбу.

Вмѣсто киньги въ ворота закладываютъ и морды (рис. 48). Морда дѣлается такъ: къ творилу *а б в г* пришивается сѣть изъ нитокъ съ отверстіемъ въ вершинѣ *д*, тоже зовущаяся языкомъ, какъ и въ киньгѣ. Къ тому же творилу пришивается длинная (аршина $1^1/_2$—2) сѣть въ видѣ мѣшка, но безъ отверстія въ вершинѣ и распирается лучками, обозначенными на рис. 48 толстыми линіями. Мѣшокъ этотъ тоже зовется матицей. Для того, чтобы языкъ не спадался, отъ угловъ творила пропускаются въ отверстіе *д* четыре нитки, которыя концами своими прикрѣпляются къ лучкамъ; на рисункѣ онѣ обозначены пунктиромъ.

Весною, когда уже начнетъ спадать вода, между озерками образуются протоки, зовущіеся бороздами. Въ такой бороздѣ выбираютъ удобное мѣсто

и втыкаютъ на томъ и другомъ берегу шесты въ видѣ козелъ, какъ показано на рис. 49, въ развилины-же шестовъ кладется жердь.

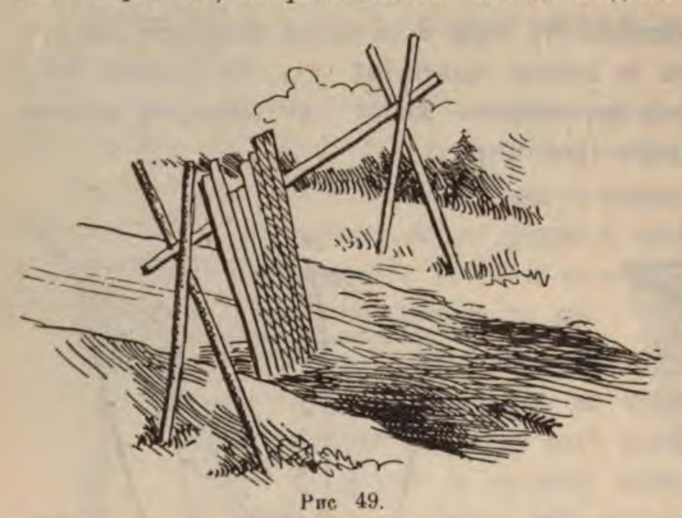

Рис 49.

Сосновыя дранки въ палецъ толщиною, называемыя стружъ, вколачиваются въ дно борозды такъ, что свободными концами своими прислоняются къ шесту. Неподалеку отъ того или другого берега борозды въ стружѣ дѣлаются ворота, въ которыя и вставляется киньга, обращенная твориломъ противъ теченія. Рыба, проходящая по бороздѣ, попадаетъ въ киньгу. Весь этотъ снарядъ цѣликомъ зовется запӧромъ.

Рис. 50.

Въ быстрыхъ рѣчкахъ ловля рыбы производится посредствомъ сӱрпы (рис. 50). Сурпа видомъ похожа на киньгу, но представляетъ одну корзинку, сплетенную изъ ивовыхъ вицъ и не имѣетъ на заднемъ концѣ отверстія.

Въ дно рѣчки вколачиваются колья и переплетаются въ поперечномъ направленіи вицами. Въ одномъ мѣстѣ этой загородки, называемой ѣзомъ, оставляются ворота. Въ воротахъ на дно рѣчки кладется бёрдо, т. е. слой сѣна или еловой лапы, который прикрѣпляется къ землѣ четырьмя крюками. Бёрдо служитъ для того, чтобы вода не выбила въ воротахъ ямы и рыба не стала бы проскальзывать мимо сурпы. Сурпа просто вставляется въ ворота безо всякой закрѣпы и держится напоромъ воды. Рыба, попавшая въ сурпу, не можетъ выйти обратно, тоже потому, что вода ее не пускаетъ.

Фитиль (рис. 51)—большой снарядъ для ловли рыбы въ рѣкахъ и озерахъ. Онъ устраивается такъ.

Къ большому кольцу изъ вересоваго (можжеловаго) или ивоваго прута *а* прикрѣпляется связанный изъ льняныхъ нитокъ языкъ *б*, который удерживается отъ спаданія нитками, идущими отъ кольца къ другому кольцу изъ ивоваго прута *в* (на рисункѣ эти нитки не показаны). Къ тому же кольцу *а* прикрѣпляется матица *а г*, въ которую входитъ языкъ и которая расперта ивовыми кольцами *в*, *д*, *е*. Къ вершинѣ матицы прикрѣплено ивовое же

кольцо *ж*; въ него втыкается шестикъ *з*, для того, чтобы удерживать снарядъ на мѣстѣ и не давать ему передвигаться отъ теченія воды.

Къ тому-же кольцу *а* привязываются два крыла *и* и *к*, аршина по 2 длиною каждое. Они удерживаются въ стоячемъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ *л* и *м*, вбитыхъ въ дно рѣки и торчащихъ надъ водою, тогда какъ весь фитиль скрытъ въ водѣ.

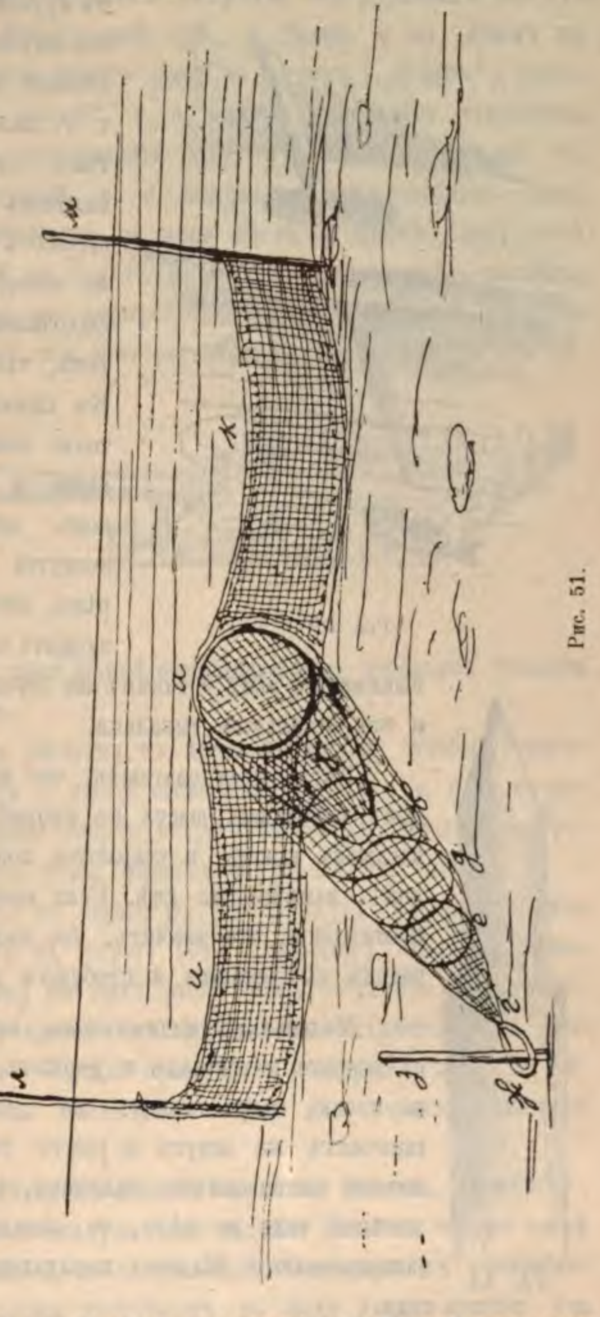

Рис. 51.

Ячеи у этого снаряда крупныя, и въ него попадаетъ крупная рыба: лещи, язи, щуки.

Осенью, по первому ледку, ловятъ посредствомъ поводка (рис. 52) налимовъ.

Нѣсколько нитокъ изъ самаго чистаго льна ссыкаются въ одну. Эта толстая и крѣпкая нить и есть поводокъ. Къ концу ея привязывается двойница, т. е. раздвоенная и на концѣ снова связанная нить. Къ оконечности этой двойницы прикрѣпляется желѣзный крюкъ, а на него насаживается нажива — маленькій живой налимчикъ. Верхній конецъ поводка привязывается къ небольшому шестику, который зовется шатиной.

Во льду проколачивается пролука, т. е. отверстіе, въ которое опускается поводокъ съ налимчикомъ, за ними и шатина; послѣдняя втыкается въ дно рѣки. Налимчикъ начинаетъ плавать и водить за собою поводокъ, большой налимъ проглатываетъ маленькаго и попадается на крюкъ.

Когда ледъ сдѣлается толще, тогда ловятъ налимовъ на тыкалй (рис. 53). Дѣлается рѣчной крюкъ, т. е. берется шестъ сажени, 3 длиною, и въ одномъ концѣ въ другой же конецъ вколачивается же- его выдалбливается небольшая впадина, лѣзный крюкъ и прикрѣпляется саргой, т. е. полоской листового желѣза. Затѣмъ берутъ нѣсколько сосновыхъ палочекъ съ пол-аршина длиной, заостряютъ ихъ съ одного конца, другой же конецъ вкладываютъ въ отверстіе, выдолбленное въ шестѣ (см. рис. 53), такъ, чтобы тыкалёкъ не выпадалъ. Къ тыкальку привязываются такіе же точно поводки, какъ было объяснено выше, и тыкалекъ вмѣстѣ съ поводкомъ опускаютъ въ прорубь. Когда коснутся оконечностью тыкалька дна рѣки, шестъ нажимаютъ, и тыкалекъ входитъ на половину въ землю. Шестъ вынимаютъ вонъ и такимъ же образомъ втыкаютъ второй, третій и всѣ остальные тыкальки.

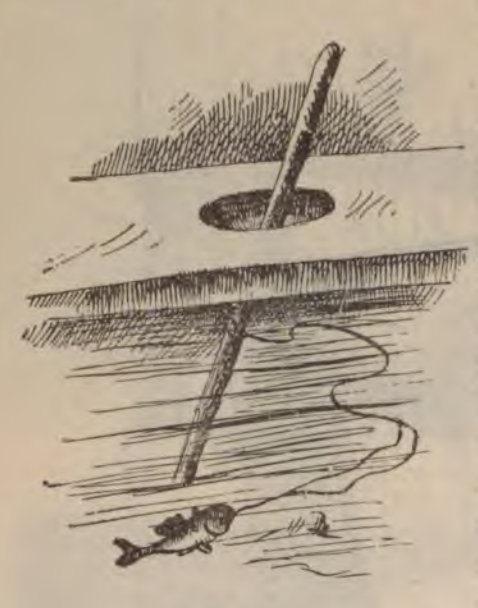

Рис. 52.

Когда предполагаютъ, что налимъ уже попался на поводокъ, опускаютъ шестъ въ прорубь тѣмъ концомъ, на которомъ насаженъ крюкъ, и стараются поймать этимъ крюкомъ поводокъ, лежащій на днѣ. Если поводокъ поднимается безъ сопротивленія, это значитъ, что налимъ не попался, тогда поводокъ выпускаютъ и пробуютъ другой поводокъ и т. д.

Маленькихъ налимчиковъ, какъ наживку, ловятъ заранѣе въ озерахъ и рѣчкахъ и держатъ въ ведрѣ; отправляясь же на ловлю, ведро ставятъ на „санbчки", т. е. салазки, на саночкахъ же везутъ и ушатъ съ водою, въ который садятъ потомъ выловленныхъ налимовъ, если хотятъ продавать ихъ живыми, если же нѣтъ, то закалываютъ тутъ же на мѣстѣ и замораживаютъ. Налимы попадаются вѣсомъ отъ 5 ф. до полупуда.

Рис. 53.

Ловля съ лучомъ.

Осенью, по первому льду, но еще до выпаденія снѣга, берутъ „санкй", топоръ, зобню или пестерь, наполненные смольёмъ (изрубленныя смолистыя части сосноваго дерева), кій—деревянный молотокъ, подобный тому, какой употре-

бляется при конопаченіи дома и острогу, или же обыкновенную сковороду со сковородникомъ и вечеромъ отправляются на ловлю.

Но сперва два слова объ устройствѣ остроги. Въ деревняхъ по Сухонѣ, въ другихъ уѣздахъ Вологодской губ., а также и на Двинѣ въ Архангельской, въ осенніе вечера ловятъ рыбу съ лучомъ („лучатъ"), разъѣзжая въ лодкѣ съ желѣзной „козой", т. е. вилкой или иного устройства снарядомъ, гдѣ горитъ смольё, освѣщающее воду, и рыболовъ, стоящій въ лодкѣ, закалываетъ рыбу острогой, т. е. желѣзнымъ четырезубцемъ, насаженнымъ на палку. Въ описываемомъ же мною мѣстѣ на Двинѣ, близъ устья Вычегды, съ лучомъ за рыбой не ѣздятъ и острогой зовутъ здѣсь снарядъ, не имѣющій никакого сходства съ четырезубцемъ. Здѣсь острога дѣлается мѣстными кузнецами и состоитъ изъ четвероугольника, составленнаго изъ положенныхъ крестообразно, т. е. рѣшеткой полосъ листового желѣза съ загибомъ по краю (рис 54). Съ одной стороны этого желѣзнаго ящика придѣлана трубка, въ которую вставляется деревянная ручка, къ загибамъ же вдоль края ящика приклепываются небольшія полоски желѣза въ стоячемъ положеніи.

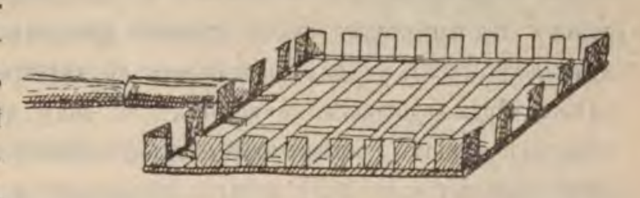

Рис. 54.

Дно остроги дѣлается въ рѣшетку съ двоякою цѣлью: чтобы перегорѣвшее смолье высыпалось вонъ и чтобы огонь освѣщалъ ледъ и подъ острогой, тогда какъ при употребленіи вмѣсто остроги сковороды, послѣдняя бросаетъ отъ себя внизъ обширную тѣнь, мѣшающую разглядѣть рыбу.

И такъ рыболовы, сойдя съ берега въ рѣку, идутъ по льду близъ берега, гдѣ неглубоко кладутъ на острогу (или сковороду) смолья и зажигаютъ его. Стоящая (и спящая) въ водѣ рыба видна отчетливо сквозь прозрачный ледъ. Замѣтивъ ее, одинъ изъ рыболововъ ударяетъ надъ нею кіемъ по льду и оглушаетъ ее. Тогда прорубаютъ топоромъ ледъ и вытаскиваютъ рыбу. Это дѣлается поспѣшно, потому что черезъ нѣкоторое время рыба оживаетъ.

Въ закрытыхъ, т. е. не имѣющихъ стоковъ озеркахъ, бываетъ „дохнетъ", т. е. задыхается отъ недостатка воздуха подо льдомъ. Вода въ такомъ озерѣ дѣйствительно дѣлается „кислою", т. е. вонючею и негодною къ употребленію. Въ такихъ озерахъ рыболовы прорубаютъ во льду дыры аршина два въ квадратѣ и сакаютъ рыбу черезъ прорубь во множествѣ посредствомъ сака, т. е. сѣти въ видѣ мѣшка, пришитой къ кольцу съ ручкой.

Берданой ѣзъ.

Берутъ двѣ большихъ деревянныхъ планки, кладутъ ихъ параллельно

на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и поперекъ ихъ слой соломы, сѣна или еловой лапы; солома или сѣно прижимаются другой парой планокъ и затѣмъ эти планки связываются попарно въ трехъ мѣстахъ (рис. 55).

Рис. 55.

Этотъ соломенный щитъ зовется бёрдомъ; щитовъ такихъ изготовляется нѣсколько.

Выбирается подходящее мѣсто въ какомъ нибудь озерѣ, и во льду, покрывающемъ это озеро, прорубаютъ отъ берега до берега щель, которая зовется майной; шириною она съ четверть аршина. Въ эту майну начинаютъ опускать бёрда, такъ, чтобы они становились ко дну озера и ко льду подъ прямымъ угломъ. Въ извѣстномъ мѣстѣ дѣлаютъ пропускъ, т. е. ворота, и затѣмъ продолжаютъ ставить въ воду бёрда вплоть до другого берега. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ одного бёрда недостаетъ, въ воротахъ, во льду, дѣлаютъ прорубь по формѣ и величинѣ киньги. У краевъ этой проруби вбиваются въ дно озера колья, а между ними опускается въ воду киньга, въ которую и попадаетъ рыба (рис. 56).

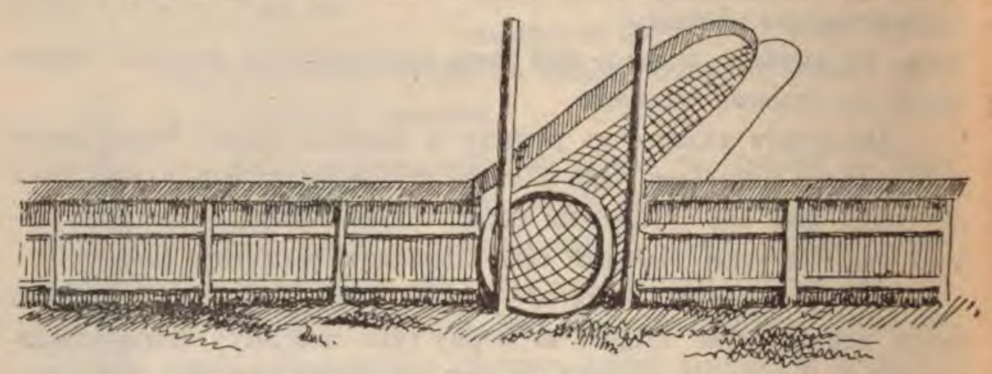

Рис. 56.

Изловленная тѣмъ или другимъ способомъ рыба сохраняется въ садкахъ, которые бываютъ двухъ видовъ: четырехугольные и треугольные.

Рис. 57.

Четырехугольный садокъ представляетъ ящикъ аршина 2 длины, 1—1 $^{1}/_{2}$

ширины и до полъаршина высоты, сколоченный изъ досокъ (рис. 57). Крышка ходитъ на петляхъ и къ ней приколоченъ пробой, который накладывается на петлю въ передней стѣнкѣ для запиранія садка висячимъ замкомъ. Въ одну изъ

Рис. 58.

боковыхъ стѣнокъ ввинчивается кольцо; къ нему привязывается веревка однимъ концомъ, а другимъ къ колу, вбитому въ землю. Въ днѣ, крышкѣ и четырехъ стѣнкахъ ящика прорѣзываются щели для того, чтобы вода могла свободно протекать черезъ садокъ. Будучи опущенъ въ воду, садокъ держится на поверхности воды. Треугольный садокъ таковъ, какъ показано на рис. 58.

Ловля звѣрей и птицъ.

Ловля звѣрей и птицъ не особенно развиты въ описываемой мѣстности. Зайцевъ, медвѣдей и волковъ ловятъ капканами не своей работы. Этихъ же животныхъ бьютъ и изъ ружей одностволокъ, онѣ покупаются готовыми въ городахъ. Горностаевъ ловятъ осенью, когда они уже побѣлѣли, именно ставятъ около норки мережку, составленную изъ двухъ сѣтокъ—одной съ крупными ячеями и другой съ мелкими, сшитыхъ вмѣстѣ по краямъ. Выйдя изъ норки, звѣрокъ запутывается въ сѣтяхъ и остается въ нихъ.

Что касается ловли птицъ, то заслуживаютъ вниманія два способа этой ловли—пленицей и сильемъ.

Пленицей ловятъ преимущественно утокъ въ весеннее время. Берутъ толстую нитку аршина 3—4 длиной, складываютъ пополамъ, такъ что образуется двойная нить и концы ея привязываютъ къ двумъ вичкамъ, которыя и втыкаются въ землю гдѣ нибудь на прошлогодней живѣ. Изъ конскаго волоса дѣлается

Рис. 59.

петля; конецъ волоса привязывается къ натянутымъ между вичками нитямъ, петля раздвигается и верхній край ея просовывается между нитями (рис. 59). Утки, бродя весною по живѣ и отыскивая себѣ тамъ пищу, попадаютъ головою въ петлю, и она ихъ давитъ.

Силье дѣлается такъ: выбираютъ въ лѣсу двѣ стоящія неподалеку одна отъ другой сосны, дѣлаютъ въ нихъ топоромъ зарубки и въ этихъ зарубкахъ

укрѣпляютъ еловую хворостинку съ сучьями на одной сторонѣ, обращенной кверху. Два сосѣднихъ сучка пригибаются другъ къ другу и связываются вершинками, такъ что образуютъ полукругъ (рис. 60).

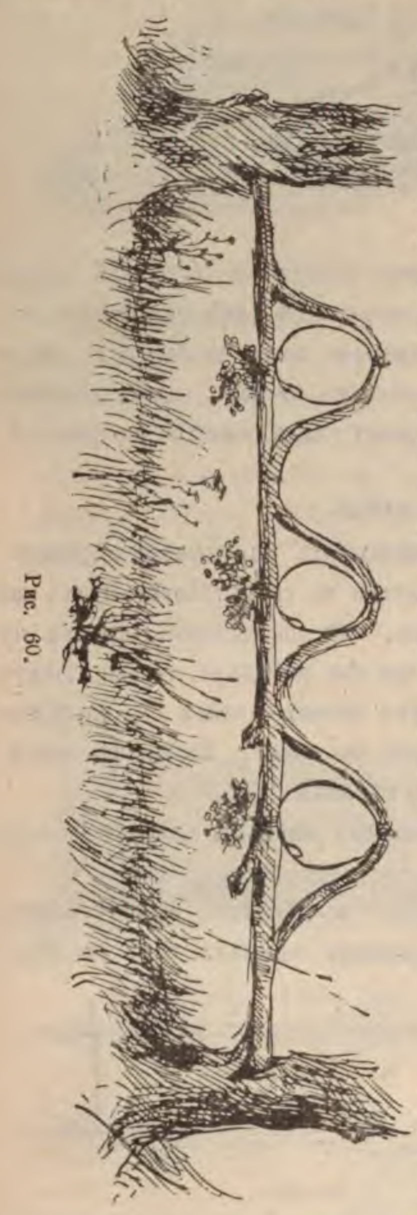

Рис. 60.

Изъ тонкой мѣдной проволоки дѣлаются петли, которыя и укрѣпляются въ промежуткахъ между сучьями, подъ петлями-же привязываются къ хворостинкѣ кисти рябиновыхъ или калиновыхъ ягодъ, какъ приманка. Птица садится на хворостинку между сучьями, наклоняетъ голову, чтобы достать ягоды и петля затягиваетъ ей шею. Такъ ловятъ рябчиковъ, тетерекъ, куропатокъ.

Довольно оригиналенъ способъ ловли дикихъ гусей на картофель. Гдѣ нибудь на высокой верѐтьѣ (горушкѣ), незатопляемой весеннею водою, втыкается накрѣпко въ землю сосновый колышекъ съ полъаршина величиной. Къ нему привязывается тоненькая веревочка около трехъ четвертей длиною съ рыболовнымъ крючкомъ на концѣ. На крючекъ, какъ приманка, насаживается небольшая картофелина, которая и лежитъ въ травкѣ. Гусь, найдя эту картофелину, проглатываетъ ее и попадается на крючекъ.

Суда и лодки.

Бáржи — огромныя суда (бываютъ до 40 саж. длиною), строятся въ Устюгѣ; служатъ для перевозки разной клади въ Архангельскъ и обратно. Самостоятельно не плаваютъ, а буксируются пароходами.

Барки, тоже строятся въ Устюгѣ, величиною 16—18 саж. Служатъ только для сплава разнаго товара въ Архангельскъ, а назадъ не возвращаются. По выгрузкѣ продаются на сломъ и идутъ на постройку мостковъ (тротуаровъ) и заборовъ.

Тѝфинка (тихвинка)—большая лодка, имѣетъ нижнюю палубу прямую; на эту палубу и укладывается товаръ; надъ нею зонтъ, т. е. верхняя, вы-

пуклая палуба изъ тесу съ перильцами по бортамъ. Въ бокахъ и спереди зонта дѣлаются дверцы для входа; въ кормѣ отгораживается крошечная каютка для хозяина. Тихвинка имѣетъ мачту; къ мачтѣ прикрѣпляется бечева, посредствомъ которой судно тянутъ нѣсколько лошадей, идущихъ по бечевнику. На концѣ бечевы находятся веревочныя вѣтки, называемыя подму́дками; къ подмудкамъ пристегиваются лошади. Лошадьми правитъ и погоняетъ ихъ коноводъ; на суднѣ правитъ рулемъ шкипарь; палубщики слѣдятъ за сна́сью, т. е за бечевой; водолей отливаетъ воду, накапливающуюся въ трюмѣ.

Снега̀ (шняка?) лодка саженей 6 длиною, сшитая (гвоздями) изъ тесу, имѣетъ мачту. Дуги, служащія ей распорками, зовутся опру́гами; на опруги настилается полъ, называемый тѐлгасъ. По срединѣ судна дѣлается, изъ тесу же, крыша на два ската. Подъ эту крышу ставятся кадки, наполненныя куриными яицами, которыя отвозятъ въ Архангельскъ. Въ носу снеги помѣщаются два гребца, сидящіе лицомъ другъ къ другу и гребущіе вмѣстѣ парой большихъ веселъ; въ кормѣ сидитъ рулевой съ однимъ весломъ; весло это зовется на̀вись. При попутномъ вѣтрѣ на мачту вѣшается небольшой парусъ изъ холста или изъ рогожи. Снеги дѣлаются дома и цѣнятся до 70 руб. штука. Назадъ тоже не возвращаются.

Косная лодка—съ высокимъ и острымъ носомъ и такою же кормой большая лодка, сшитая изъ тесу, мачты не имѣетъ. Въ ней на тѐлгасъ ставятся кадки съ яицами и покрываются соломой. Подымаетъ до 100 пудовъ грузу. Два гребца сидятъ въ этой лодкѣ въ носу въ веслахъ и одинъ на кормѣ съ рулевымъ весломъ. Цѣна этой лодки около 10 руб. По продажѣ яицъ въ Архангельскѣ, косныя лодки тоже продаются тамъ, а назадъ не „обращаются“.

Ка̀рбасъ—большая широкая лодка безъ палубы и мачты, дѣлается дома и служитъ для переправы черезъ рѣки. Въ нее садятся четыре гребца, каждый съ отдѣльнымъ весломъ, и одинъ, пятый, съ рулевымъ. Цѣна карбаса около 100 рублей.

Стружо́къ. Дѣлается дома изъ одного осиноваго бревна. Бревно выдалбливается корытомъ, затѣмъ распаривается кипяткомъ и разводится; поперекъ вставляются опруги, которыя и не даютъ бортамъ сблизиться. Телгасъ не кладется; люди садятся прямо на дно лодки. Гребецъ садится по срединѣ, беретъ въ руки двоерушное весло, т. е. длинный шестъ, на концахъ котораго находится по лопасти, и погружая въ воду то одну, то другую лопасть, подвигается впередъ. Или такъ: гребецъ съ однимъ коротенькимъ, въ видѣ лопаты, весломъ въ рукахъ садится на одномъ концѣ лодки; тогда другой конецъ, до самой средины, поднимается изъ воды и

лодка, имѣя на половину меньше прикосновенія къ водѣ, при быстрыхъ ударахъ весла движется весьма быстро, Вообще стружки очень ходкія и легкія лодки, стоимостью всего рубля $1^1/_2$—2; въ нихъ ѣздятъ съ мережками за рыбой и на охоту за утками весною.

Кустарные промыслы.

Объ этихъ промыслахъ я разскажу коротко, ограничиваясь лишь упоминаніемъ о большинствѣ изъ нихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ я загромоздилъ бы подробностями мои и безъ того затянувшіяся записи.

Гончарный промыселъ. Вся глиняная посуда, какая только употребляется въ хозяйствѣ, выдѣлывается дома. Гончарный станокъ устраивается такъ: въ прочную скамейку вдалбливается цилиндръ *а*; нижній стержень его *б* входитъ въ скамейку, на верхній же насаживается крестъ *в*, на которомъ сидитъ деревянный кругъ *г*, могущій свободно вращаться на стержнѣ *д* (рис. 61).

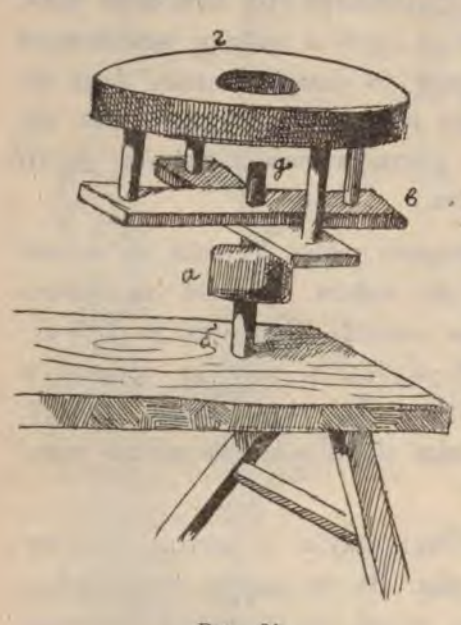

Рис. 61.

Работникъ садится верхомъ на скамейку, лицомъ къ станку, беретъ комокъ глины, смѣшанной съ пескомъ, кладетъ этотъ комокъ на впадину въ кругѣ и, вращая кругъ, вылѣпляетъ руками горшокъ, третъ его мокрой тряпкой, обравниваетъ деревяннымъ ножомъ и п.

Когда посудина готова, она ставится сперва на полицу (полавошникъ), потомъ на печь, чтобы подсохла, наконецъ, кладется въ печь, тутъ-же въ избѣ, въ огонь для обжиганія. Когда посуда накалится въ огнѣ до-красна, въ корыто наливаютъ воды и разбалтываютъ въ ней жидко ржаную муку. Въ эту жидкость кладется каленая посудина и поворачивается кругомъ. Это дѣлается съ цѣлью навести на поверхность пятнышки, единственно для украшенія.

Деревянная посуда. Чашки (для ѣды), ставцы, выдалбливаются изъ осины или березы посредствомъ долота и потомъ обтачиваются на станкѣ. Узоры дѣлаются красками; краски, кисти и лакъ—покупные. Кадцы и ушаты дѣлаютъ изъ ели, сосны и можевельника, лопаты изъ осины, березы

или пихты; ложки изъ осины и березы. Лиственница ни на какія подѣлки не идетъ, такъ какъ очень тяжела.

Экипажи. Устройство деревенскихъ экипажей, не смотря на кажущуюся простоту, довольно сложно и понять это устройство скорѣе всего можно по моделямъ. Здѣсь же я ограничусь рисункомъ и описаніемъ однихъ дровней.

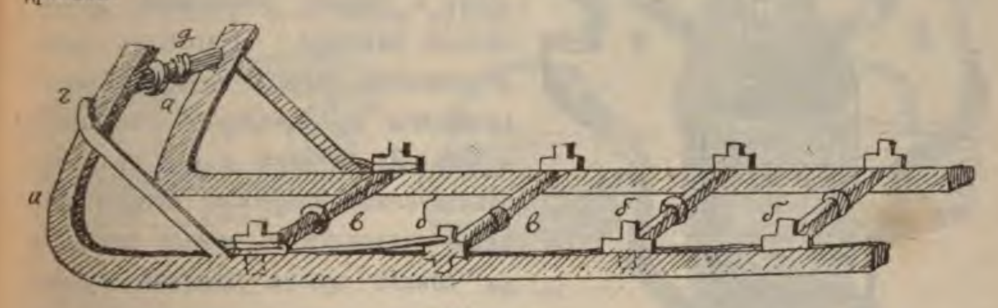

Рис. 62.

Основой дровнямъ служатъ два березовыхъ бруса, называемыхъ полòзьями и загнутыхъ напереди въ головку *а*. Въ каждый полозъ вколачиваются сверху по четыре копылà *б*. Каждые два противоположныхъ копыла связываются толстыми березовыми вицами, которыя зовутся вязьё. Вязье перехватывается по срединѣ, для крѣпости, вичяными-же кольцами *в*. Для того, чтобы головка не разошлась, она стягивается чàповицей. Это березовая вица, которая въ пунктѣ *г* удерживается зарубкою, огибаетъ головку и идетъ къ первому копылу, обвиваетъ и его, завязывается узломъ, а свободный конецъ ея прилегаетъ просто ко второму копылу. То же и на второй головкѣ. Свободные-же концы чаповицъ между головками въ пунктѣ *д* сплетаются вмѣстѣ и образуютъ наговѐнникъ. Наговенникъ, для крѣпости, схватывается двумя вичяными кольцами (рис. 62).

Въ верхніе шпеньки копыловъ съ той и другой стороны дровень наколачивается нащèпъ. Это—разрубленный продольно колъ, въ плоской сторонѣ котораго провернуты дырки; въ эти дырки и проходятъ верхніе шпеньки копыловъ, нащепъ служитъ для укрѣпленія дровней и для того, чтобы можно было класть поперекъ дровней солому или что другое подъ сидѣнье. Наконецъ, къ каждому изъ двухъ переднихъ копыловъ прикрѣпляется завёртка—кольцо изъ березовыхъ вицъ, въ которое вкладывается оглобля.

Дровни могутъ быть превращены въ пошевни. Для этого къ нащепамъ прикрѣпляются дуги отверстіями кверху и околачиваются липовыми лубками. Подъ этотъ полукруглый кузовъ прикрѣпляются брусья въ видѣ треугольника *а*,

Рис. 64 (видъ сверху).

б, *в*, называемаго кряквой (въ Вологдѣ отводни); они служатъ для того, чтобы не давать дровнямъ опрокидываться (рис. 63).

Издѣлія изъ берёсты: лапти, кузова.

Кузовъ плетется изъ берестяныхъ лентъ и бываетъ обыкновенно формы сжатаго цилиндра. Треугольная часть *а* загибается впередъ и тесемкой привязывается къ клечику *б*, закрывая кузовъ. Къ петлямъ *в* и *г* привязываются концы полотенца, которое срединой проходитъ въ третью петлю на на спинкѣ кузова. Несущій кузовъ продѣваетъ руки въ мѣстахъ *д* и *е* и надѣваетъ кузовъ на спину. Въ кузовахъ носятъ губы (грибы), ягоды и хлѣбъ на пожню (рис. 64).

Рис. 64.

Рис. 65.

Рис. 66.

Рис. 67.

Кромѣ лаптей и кузововъ изъ бересты плетутся ступни (рис. 65) — родъ калошъ или вѣрнѣе туфель, которыя надѣваютъ, выходя изъ дому ненадолго, въ сырое время, или въ стаю къ скоту. Ступни не имѣютъ обоpsовъ, т. е. бичевокъ, которыми привязываются къ ногамъ лапти, а держатся сами, благодаря возвышенному подъёму. Туясъ (рис. 66) сшивается изъ двухъ кусковъ бересты, имѣетъ видъ правильнаго цилиндра съ загнутыми краями, въ которые пропущены березовыя вицы. Дно и крышка деревянныя и въ крышку вставляется деревянная-же ручка. Въ туясахъ носятъ преимущественно молоко. Туясокъ — маленькій туясъ, часто покрытый рѣзьбой и раскрашенный разными красками; въ туяскахъ носятъ масло, сметану и т. п. Наконецъ, изъ бересты же плетутся солоники (рис. 67) — сосуды для храненія соли.

Издѣлія изъ драни. Изъ сосновой драни плетутся коробà (рис. 68), въ нихъ хранятъ бѣлье, ленъ и т. п. Корзины съ ручкой круглыя (рис. 69) и квадратныя (рис. 70), наконецъ, половики — плетенье изъ дранокъ въ

видѣ ковра, кладется подъ свѣтильно, чтобы падающіе отъ лучины угли не портили пола.

Корневыя издѣлія—плетеныя изъ тонкихъ сосновыхъ корней корзинки и чашки для ковригъ (короноватыя).

Тканье кушаковъ. Женщины ткутъ кушаки и поясьё—пояски для подвязыванія рубахъ и сарафановъ, изъ чистой шерсти и съ прибавкой шелку. Ткутъ и сѣтки, т. е. шарфы на шею.

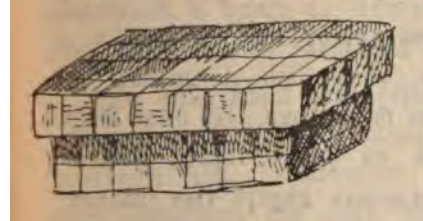

Рис. 68.

Рис. 69.

Рис. 70.

Вязанье перчатокъ, рукавицъ и чулокъ.

Тканье матерій—пестряди на сарафаны и рубахи, холста, полотна (холстъ ткется изъ льняныхъ оческовъ, а полотно изъ чистаго льна), мѣшковъ изъ конопляныхъ нитокъ, сукманины на пиджаки и на казачины.

Вышиванье. Вышивки въ узоръ на рубахахъ, фартукахъ, полотенцахъ. Шьютъ гарусомъ (покупною шерстью), шелкомъ и нитками—синими и красными—покупными и домашними (красятъ въ фуксинѣ и въ сандалѣ).

Катальный промыселъ. Катаютъ катаники (валенки), шляпы, калоши, подхомутники (войлока подъ хомуты).

Сапожный—сапоги и башмаки. Кожа покупная.

Портняжный—работаютъ у себя дома и ходятъ по вызову въ деревни.

Столярный—столяры домашніе.

Желѣзныя издѣлія—ведра, ковши, гвозди, подковы, топоры, косы, ральники, ножи, ножницы, замки.

Затѣмъ, существуютъ еще промыслы: кружевной, колесный, шорный (сбруя, возжи), кожевенный (кожи, овчины), игрушечный (деревянныя и глиняныя игрушки), роговой (гребни, гребенки), щетинный (выдѣлка щетины, изготовленіе щупàхъ, един. щупàха—инструментъ, которымъ чупашатъ шерсть и чешутъ ленъ) и щетей.

Свадьба.

Разсказчикъ началъ было вести свое повѣствованіе въ 1-мъ лицѣ, но необходимость отвѣчать на предлагаемые мною вопросы заставила его

перейти къ разсказу въ 3-мъ лицѣ. Отъ этого разсказъ утратилъ нѣсколько въ оригинальности, но за то выигралъ въ подробностяхъ.

„Отецъ не принуждалъ меня жениться и ничего даже не говорилъ. Я самъ сказалъ ему, что пойду смотрѣть дѣвокъ. Онъ сказалъ: поди. Я поѣхалъ недалеко отъ насъ въ деревню къ двоюродному брату и съ нимъ пошелъ на игрище. Самъ не игралъ, а сидѣлъ и смотрѣлъ. Тутъ зачали одну дѣвку хвалить, она мнѣ поглянулась.

Это было въ первый день Рождества, а на другой мы съ отцомъ и матерью поѣхали „сватомъ". Заѣхали къ брату, взяли его и потомъ въ домъ къ невѣстѣ. Она ничего не знала и ея не было дома. Они были люди не бѣдные. Мы съ отцомъ и матерью остались на улицѣ, братъ зашелъ сперва одинъ. Зашелъ и спросилъ: будете ли отдавать дѣвку? Они сказали: будемъ. Братъ вышелъ и кликнулъ, мы и вошли въ избу. Отецъ и братъ стали сватать дѣвку, цѣной сходиться. Я запросилъ 80 руб., а онъ (отецъ невѣсты) сталъ давать 45; я пятишникъ сбросилъ и онъ далъ 55; я на 70, а онъ 65. Я за вѣнчанье заложилъ еще 3 р., попу за полотно 20 аршинъ, попадьѣ платокъ шитый 50 к., и это на себя снялъ. Онъ и далъ 70 рублей.

Тутъ пришла невѣста и, ушла къ печѣ (т. е. за занавѣсу, въ куть). Я сталъ требовать пить, она подала квасу братынь. Я не пилъ (ужъ не до квасу было), она поднесла моему отцу и матери и ушла къ печѣ.

Тогда стали молиться Богу, т. е. мы съ дѣвкой стали рядомъ. Никакой молитвы мы не читали (я не знаю ни одной) [1]), потомъ стали молиться отцы, потомъ матери.

Послѣ молитвы мы получили задатку пять или десять рублей, потомъ сѣли пить чай. Дѣвка разливала чай у печи и подносила; потомъ сѣла со мной рядомъ".

Въ это время женихъ снимаетъ у невѣсты съ пальца перстень. Послѣ чаю сейчасъ же ужинъ; за ужиномъ женихъ и невѣста сидятъ рядомъ; когда ужинъ конченъ, гости уѣзжаютъ домой.

Дня черезъ три женихъ со всѣмъ домомъ ѣдетъ къ невѣстѣ на смотры. Сперва сидятъ, пьютъ чай, ужинаютъ, затѣмъ начинаютъ играть. Пѣвицы опѣваютъ невѣсту. За опѣванье прiѣзжiе даютъ денегъ—невѣстѣ серебра, а пѣвицамъ мѣди. Во время ужина женихъ съ невѣстой выходятъ изъ за стола играть „кругомъ" (хороводъ), дѣвки и ребята тоже пляшутъ. Послѣ ужина и игры ѣдутъ домой. Невѣста провожаетъ жениха на улицу, или проѣзжаетъ съ нимъ съ четверть версты.

Дня черезъ четыре женихъ снова ѣдетъ къ невѣстѣ отдавать сда́рье, т. е. подарки, какъ ей, такъ и всей ея роднѣ: отцу, братьямъ и хрёсному

---

[1]) Опять хвастаетъ и рисуется своимъ позитивизмомъ. *Ред.*

по ситцевой рубахѣ и штанамъ, матери рубаху со становиной, шаль или полушалокъ, хрёсной шаль.

Каждый разъ, какъ женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ, везетъ съ собою гостинцы: конфеты, пряники, крендели, которые и отдаетъ ей, идетъ къ ней къ печѣ (т. е. за занавѣску), тутъ сидятъ вдвоемъ и разговариваютъ.

Въ третій разъ, собираясь къ невѣстѣ, женихъ беретъ съ собою однихъ домашнихъ и ѣдетъ съ вѣстью о томъ, что завтра будетъ дѣвишникъ. Тутъ передаетъ ей сдарье на сарафанъ или на рубаху и уѣзжаетъ.

На слѣдующій день утромъ онъ беретъ всю свою родню, наряжается и ѣдетъ къ невѣстѣ. Предварительно онъ назначаетъ дружку, подвозскаго (товарища себѣ, обязанность котораго рѣзать пироги и т. п.). Когда женихъ выѣзжаетъ изъ дому, дружка спрашиваетъ его приказа: „сворачивать ли стрѣчнымъ?" Онъ обыкновенно отвѣчаетъ: не сворачивать, и тогда поѣздъ никому не даетъ даже и полъ-дороги.

У воротъ дома невѣсты происходитъ остановка, потому что дружка говоритъ „наговоръ". Жениха встрѣчаютъ съ братынью пива или квасу и съ двумя „пирогами хлѣба".

Женихъ входитъ въ избу, раздѣвается и садится за столъ, усаживаются и гости съ его стороны, а невѣсту въ это время наряжаютъ въ голбцѣ. Прислуживаетъ ей сваха, пріѣхавшая съ женихомъ.

Когда невѣста готова, ее выводятъ изъ голбца, и она становится у печи. Женихъ кладетъ дружкѣ на тарелку зеркальце, мыло, гребень, коты и чулки. Дружка передаетъ все это невѣстѣ съ наговорами. Затѣмъ, невѣста молится Богу, здоровается съ жениховой родней и идетъ къ столу. Женихъ беретъ ее за руку и обводитъ вокругъ стола. Передъ тѣмъ какъ сѣсть, женихъ съ невѣстой долго „перепираются": каждому хочется сѣсть первому, потому что кто сядетъ первый, тотъ будетъ потомъ „большичать". При этомъ женихъ наблюдаетъ, чтобы невѣста, сѣвши, не присѣла его казачину, т. е. надѣтую на немъ суконную оболочку съ борами.

Передъ женихомъ и невѣстой стоитъ на столѣ коврига съ солоницей и бѣлая булка.

Отецъ невѣсты подноситъ водку. Женихъ и невѣста выпиваютъ по полъ-рюмкѣ. Это зовется обмываніемъ губъ. Тогда раскрываютъ столы, т. е. снимаютъ прочь полотенца, которыми были закрыты кушанья, и всѣ садятся за столъ.

Кушанья за столомъ: пирогъ съ рыбой, щи и студень. Передъ студнемъ всѣ встаютъ и читаютъ молитву „Отче нашъ". Послѣ этого можно и пѣть пѣсни. Женихъ начинаетъ раздавать подарки своей роднѣ, кромѣ домашнихъ, которые получаютъ подарки дома послѣ „умыванья". Подарки

разноситъ невѣстинъ братъ. Кого женихъ даритъ, тому отецъ невѣсты подноситъ по стакану водки. Послѣ этого сидятъ за столомъ еще часа два. Отказомъ на обѣдѣ считается сырое молоко въ чашкѣ, а въ постный день ягоды. Женихъ накрываетъ невѣсту шалью и ее уводятъ въ голбецъ наряжать къ вѣнцу. Когда она готова и вышла, снова садятся за столъ и дружка говоритъ „наговоръ". Когда онъ кончилъ, всѣ встаютъ и молятся. Женихъ и невѣста выходятъ, а мать и отецъ невѣсты садятся на ихъ мѣсто и сидятъ; посидѣвъ, встаютъ. Отецъ беретъ икону и благословляетъ жениха и невѣсту, затѣмъ, мать беретъ пшеничную булку и благословляетъ ею. Невѣста кланяется матери въ поясъ, а женихъ „въ груди". Булку невѣста увозитъ съ собой, чтобы потомъ „не тоскнуть" объ родномъ домѣ.

Поѣздъ отправляется прямо въ церковь. На первой лошади кто нибудь, по назначенію жениха, везетъ икону, за нимъ слѣдуетъ женихъ съ хрёснымъ-тысяцкимъ, потомъ невѣста со свахой, потомъ родня. Дружка провожаетъ поѣздъ съ полверсты и, послѣ „наговора", возвращается.

Въ церкви сперва производится обыскъ, т. е. дьяконъ или пономарь записываютъ невѣсту въ книгу. Затѣмъ слѣдуетъ вѣнчанье.

Во время вѣнчанья замѣчаютъ (бабы): если у молодой вѣнецъ „стемнѣетъ", это значитъ, что она „гуляла" въ дѣвкахъ, а если у молодого, то онъ гулялъ будучи парнемъ. Также, когда пріѣдутъ домой отъ вѣнца, то у котораго изъ молодыхъ раньше погаснетъ вѣнчальная свѣчка, тотъ раньше и умретъ.

Изъ церкви ѣдутъ въ домъ жениха,—теперь уже «молодого». Встрѣчаютъ дружка, отецъ и мать съ хлѣбомъ и квасомъ. Молодой беретъ ковшъ, зачерпываетъ квасу, „выздымаетъ" руку съ ковшомъ—первый разъ невысоко, выливаетъ квасъ въ братынь, зачерпываетъ снова, поднимаетъ повыше, выливаетъ, опять зачерпываетъ и въ третій разъ поднимаетъ на длину руки и выпиваетъ квасъ.

Входятъ въ избу. Здѣсь отецъ и мать молодого благословляютъ мужа и жену—сперва иконой, потомъ хлѣбомъ. Молодые кланяются сперва въ поясъ, потомъ въ ноги. Садятся за столъ, но не ѣдятъ, а ждутъ невѣстиной родни. Когда она пріѣдетъ, ее встрѣчаютъ съ виномъ и пивомъ. Это зовется почетники. Когда всѣ усядутся, раскрываютъ столы. Отецъ и мать молодого подносятъ молодымъ по стакану водки, тогда молодой разрѣшаетъ подавать „по всѣмъ" водку, т. е. бабамъ и мужикамъ.

Подаютъ сперва пирогъ съ рыбой, потомъ щи, потомъ студень. Послѣ студня тысяцкій читаетъ „Отче нашъ". Тогда молодой „скрываетъ", т. е. снимаетъ платокъ съ лица жены и самъ подноситъ водку ея роднѣ. За-

тѣмъ ѣдятъ разную рыбу, картошку на латкахъ, пироги сладкіе и молоко (отказъ).

Тысяцкій беретъ икону и идетъ съ нею впередъ на подклѣтъ, гдѣ приготовлена постель для молодыхъ; молодые слѣдуютъ за нимъ. Тутъ они еще ужинаютъ; подаетъ имъ мать. Къ ужину молодой приглашаетъ тѣхъ изъ гостей, которые «любы», затѣмъ ложатся спать. Молодая разуваетъ мужа, вынимаетъ серебро, положенное имъ заранѣе въ сапогъ, и беретъ эти деньги себѣ.

На другое утро, часовъ въ 8 или 9, дружка приходитъ будить молодыхъ, и они идутъ пить чай въ избу.

Послѣ чаю происходитъ обрядъ „умыванья". Умываются всѣ, кто ѣздилъ за невѣстой съ женихомъ. Они кладутъ деньги „на умыванье" въ тарелку, которую держитъ хрёсная. Самъ молодой кладетъ цѣлковый. Деньги эти идутъ молодой.

Затѣмъ молодой начинаетъ дарить своихъ домашнихъ: мать рубахой, отцу, братьямъ и хрёсному даетъ по рубахѣ и штанамъ. Послѣ этого всѣ садятся обѣдать.

Когда обѣдъ конченъ, молодыхъ снова ведутъ на подклѣтъ, а въ это время лишніе гости разъѣзжаются и передъ отъѣздомъ приходятъ къ молодымъ прощаться. Молодой угощаетъ ихъ водкой. Когда гости разъѣдутся, молодые съ оставшимися пьютъ чай, потомъ ужинаютъ.

Женина родня живетъ обыкновенно въ домѣ у молодого дня четыре. На пятый день молодые ѣдутъ со всей мужниной родней къ женинымъ родителямъ „на блины". Тутъ молодые гостятъ дня 4—5, вымоются въ банѣ и возвращаются домой. Провожаетъ ихъ женинъ отецъ.

Дня черезъ 3—4 женина родня ѣдетъ къ молодымъ на кочень, пируютъ дня два и одариваютъ молодыхъ и ихъ домашнихъ.

Черезъ недѣлю молодые снова ѣдутъ со всѣми домашними къ жениной роднѣ на сыръ [1]); гостятъ здѣсь дня 3—4, причемъ молодой одариваетъ весь домъ.

Женино приданое состоитъ изъ денегъ; иной отецъ даетъ скотомъ; ежели есть крѣпостная земля, подписываетъ землей, а если мужчина идетъ въ домъ къ дѣвкѣ, то отецъ дѣвки подписываетъ ему половину имущества.

Если отца жениха или невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то отца замѣняетъ отецъ крестный, а мать родную—крестная, или отца замѣняютъ дядья или братья, а родную мать—тетки или сестры замужнія.

---

[1]) Прежде эти поѣздки на блины, на кочень, на сыръ сопровождались, вѣроятно, извѣстными обрядами, теперь же остались одни названія.

Свадьбы сиротъ или незаконнорожденныхъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ свадебъ; на свадьбахъ вдовьихъ тоже не бываетъ никакихъ отличій.

Правило—никого ничѣмъ не ссужать во время приготовленій къ свадьбѣ соблюдается, пока все не кончится.

Когда молодая забеременѣетъ, то замѣчаютъ: если брюхо у нея острое, то она родитъ мальчика, если нѣтъ, то дѣвочку; если лѣвая титька больше—будетъ „робенокъ", т. е. мальчикъ, если правая, то „дѣвка".

Разрѣшается отъ бремени женщина въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ народу, напр. на повѣти, на назьму. Деревенскихъ повитухъ приглашаютъ, а городскую акушерку—„нѣтъ моды". Мужъ обыкновенно присутствуетъ при родахъ и поитъ жену, т. е. даетъ пить изъ своего рта. При трудныхъ родахъ мужа заставляютъ ослабить или развязать свой поясъ, а иной и вовсе скидываетъ его; отпираютъ замки и отворяютъ женины сундуки; берутъ ключи, опускаютъ ихъ въ воду и этой водой поятъ родильницу; зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи.

По окончаніи родовъ родильницѣ даютъ капусты, ягодъ или грибовъ соленыхъ. Встаетъ она съ постели обыкновенно на третій день. Кормитъ мать ребенка съ годъ, иная полтора, даже до двухъ лѣтъ.

Изъ семейныхъ отношеній.

Раздѣлъ бываетъ или противъ воли отца или съ его согласія. Причины раздѣла весьма различны. Пословица говоритъ: „нонѣ дѣлятся съ отцомъ роднымъ: охота говядину крошить самимъ". Чаще всего раздѣлы происходятъ изъ за бабьихъ ссоръ. Если сынъ выходитъ изъ дому противъ воли отца, то не имѣетъ права ничего требовать, и судъ ему ничего не присудитъ, если бы онъ къ нему и обратился. Отецъ можетъ до трехъ разъ „опродать" самовольно выдѣлившагося сына, т. е. продать данный ему домъ, скотъ и все что угодно; судъ это допускаетъ, но за третьей продажей власть его прекращается, и выдѣлившійся становится совершенно свободнымъ.

Если выдѣлъ происходитъ съ согласія отца, то онъ благословляетъ сына иконой, и икона эта остается у сына. Онъ говоритъ при этомъ: «во имя Отца и Сына и св Духа, поди съ Богомъ».

Когда происходитъ дѣлежъ, имущество оцѣниваютъ сами. Если напр. корова плоха, то къ ней «прикладываютъ» овецъ или чего другого. Части распредѣляются по жребію. Кидаютъ рукавицу, сколько «паѣй» (паевъ), столько и рукавицъ; въ каждую рукавицу кладется что нибудь—щепка,

уголекъ и т. п., какъ условный знакъ. Непричастный дѣлежу человѣкъ раскладываетъ эти рукавицы по грудамъ вещей, назначенныхъ къ дѣлежу.

Домà дѣлятся по волѣ отца. Онъ отдаетъ домъ тому сыну, которому пожелаетъ, а другой получаетъ деньгами стоимость половины дома. Долги семейные дѣлятся поровну между дѣлящимися, также подати и повинности. Приговоръ дѣлается въ обществѣ и посылается въ волостное правленіе для подписанія.

Дочери, оставшіяся по смерти отца, никогда не дѣлятся, это неслыханная вещь. Если по смерти отца останутся сыновья съ женами и они дѣлятся, то жены не при чемъ,—«дѣло не ихнее», а если жены остаются однѣ, то дѣлятся такъ же, какъ и мужчины, «только у нихъ шуму больше».

Если у мужика жилъ его племянникъ, то при выдѣлѣ онъ получаетъ половину дома, родные же сыновья мужика не при чемъ: «племянникъ беретъ на своего покойнаго отца».

Сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ. Братья не обязаны ихъ содержать, но онѣ живутъ съ братьями, эти ихъ и замужъ выдаютъ.

Если по смерти отца останутся однѣ дочери, то онѣ наслѣдуютъ все. Мать, если она жива, наслѣдуетъ вмѣстѣ съ дочерьми. Послѣ умершаго бездѣтнымъ сына наслѣдуютъ отецъ и мать.

Если жена умерла бездѣтною, то оставшееся послѣ нея имущество отдается сестрамъ покойницы.

Выручка за мелкіе заработки въ праздничное время отдается отцу или тому, кто ведетъ хозяйство. Если мужъ ушелъ на заработки, жена вправѣ требовать отъ него денегъ на уплату податей и на жалованье казаку, но болѣе ни гроша.

Казакъ никогда не бываетъ близокъ къ дому и не живетъ въ семьѣ. Это наемный работникъ съ лошадью, обязанность котораго дѣлать всю годовую работу. Ему платятъ 9 р. съ души; онъ ѣстъ, пьетъ и ночуетъ дома. Работникъ же живетъ въ семьѣ, ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ съ прочими. Ему платятъ 25—30 р. въ годъ, за лѣто же (съ Пасхи до Покрова) 15—16 рублей.

Увеселенія и игры.

Въ дер. Марковѣ и сосѣднихъ съ нею молодежь не собирается на „вечеринки“, „бесѣды“, „посидѣнки“, какъ въ другихъ уѣздахъ губерніи,—„къ намъ не дошла еще эта мода“, пояснилъ разсказчикъ. Исключеніе составляютъ лишь рождественскіе праздники, именно первые три дня рождества, новый годъ и крещенье. Тутъ собираются въ какой нибудь избѣ и „играютъ“, „ходятъ

кругомъ", т. е. парни и дѣвки берутся за руки, составляютъ кругъ, ходятъ и поютъ, или же безъ пѣнія вертятся подъ звуки гармоніи. При этомъ женихи обыкновенно высматриваютъ невѣстъ, т. е. намѣчаютъ себѣ дѣвушекъ, на которыхъ потомъ и женятся.

Игры устраиваются не на средства того домохозяина или хозяйки, которые дозволяютъ собираться въ своемъ домѣ играющимъ, а на сборныя, посредствомъ такъ наз. бра́тчины. Домохозяинъ самъ собираетъ эту братчину, при чемъ каждый парень и дѣвка, желающіе участвовать въ играхъ, даютъ ему по пирогу и по 1 ф. муки на квасъ. Парни, кромѣ того, ежедневно жертвуютъ по 1 коп. на свѣчи. Игры начинаются обыкновенно послѣ обѣда, т. е. съ 12 ч. дня и продолжаются до 7—8 ч. вечера. Тутъ ужинаютъ, при чемъ дѣвки садятся на лавки, а парни на скамьи напротивъ. Послѣ ужина игры возобновляются и длятся до 2—3 ч. утра. Если посторонніе парни, т. е. не участвующіе въ братчинѣ, желаютъ играть и ужинать, то платятъ хозяину каждый по 5 коп.

Маскированіе и сами замаскированные особыхъ названій не имѣютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Тотьмѣ, маскированные, ходящіе днемъ по улицамъ города, зовутся ку́десами). Наряжаются только въ первые три дня Рождества и ходятъ на игры по домамъ. Отдѣльныя лица чаще всего надѣваютъ на себя вывернутый на изнанку полушубокъ, а на лицо маску. Маски изъ папье-маше покупаются въ Устюгѣ.

Но устраивается и слѣдующая игра. Одинъ парень замаскировывается лошадью, такъ именно: на голову прежде всего кладется прялка, при чемъ лопасть ложится вдоль по спинѣ, а копылъ приходится на затылокъ и на темя и торчитъ надъ лбомъ впередъ, что̀ придаетъ головѣ нѣкоторое подобіе лошадиной. Лопасть прялки на спинѣ скрыта вывернутымъ на изнанку полушубкомъ, копылъ-же лежитъ на головѣ открыто. На шею надѣвается хомутъ (настоящій) такъ, что онъ приходится поверхъ полушубка и лопасти прялки; на лицѣ страшная маска. Поверхъ всего на голову накидывается узда, а на спину шлея. Этотъ человѣкъ составляетъ собственно переднюю половину лошади. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него за спиной становится другой человѣкъ, тоже закутанный въ вывернутый полушубокъ и въ маскѣ, но безъ всякихъ другихъ принадлежностей. На которое нибудь плечо передняго и задняго человѣка кладется палка, которая ихъ, такъ сказать, соединяетъ. На палку садится верхомъ третій парень, замаскированный старухой—въ сарафанѣ и платкѣ, со старушечьей маской на лицѣ. Наконецъ, впереди коня идетъ четвертый человѣкъ, все тѣло котораго завернуто въ два сшитыхъ вмѣстѣ полушубка мѣхомъ вверхъ, маски же на немъ двѣ—одна на лицѣ, другая на затылкѣ.

Вся эта группа, т. е. янусъ, лошадь (изъ двухъ человѣкъ) и амазонка вступаютъ въ избу, гдѣ происходитъ игра и амазонкѣ подаютъ въ руку зажженую свѣчу, съ которой она и ѣдетъ по избѣ, здоровается съ хозяевами, пугаетъ дѣвокъ и затѣмъ начинаетъ плясать. Пляшутъ, собственно, лошадь т. е. два человѣка, ее составляющіе и вожакъ, старуха-же остается на своемъ мѣстѣ, т. е. верхомъ на палкѣ, при чемъ, конечно, съ большимъ трудомъ сохраняетъ равновѣсіе. Затѣмъ, всѣ идутъ опять къ хозяевамъ и спрашиваютъ:

— Пригласите ли завтра потанцовать съ вами? Хозяева отвѣчаютъ: милости просимъ, приходите.

Въ эти же три дня Рождества носятъ по игрищамъ чучелу.

Чучела дѣлается такъ. Берутъ бревно вершковъ пять въ діаметрѣ и три аршина длиной и вырубаютъ изъ него подобіе человѣка, какъ показано на рисункѣ 71, но безъ рукъ (руки дѣлаются потомъ изъ одежды), ступни же вырубаются отдѣльно и вдалбливаются въ ноги. Лицо раскрашивается красками, при чемъ ему придается по возможности страшное выраженіе. На ноги надѣваютъ катаники, на тѣло сарафанъ, а на шею кофту. Изъ рукавовъ кофты дѣлаютъ руки. На затылокъ чучелы приколачиваютъ распущенный лошадиный хвостъ (хвостъ этотъ заранѣе еще лѣтомъ отрѣзываютъ у какой нибудь чужой забѣглой лошади, выбирая такой, который подлиннѣе и покрасивѣе) на голову надѣвается бабья морхатка, состоящая изъ околыша, завязываемаго назади ленточками и пришитаго къ краямъ его колпачка, выдающагося впереди пузыремъ и спускающагося постепенно къ затылку, подъ лентами же привѣшиваютъ колокольчикъ съ веревочкой у языка; въ этотъ колокольчикъ потомъ и звонятъ.

Внеся чучелу въ избу, ее ставятъ въ передній уголъ на полъ. Дѣвки до того боятся чучелы, что зачастую всѣ убѣгаютъ изъ избы.

Чучелу сберегаютъ до слѣдующаго года, иногда и дольше. Лѣтомъ, когда на заливные луга собираются изъ окрестныхъ деревень дѣвки для сбора дикаго чесноку (онѣ зовутся чесноковками), то парни, чтобы попугать ихъ, вытаскиваютъ чучелу, кладутъ ее на телѣгу и везутъ на лугъ. Дѣвки, увидавъ ее, разбѣгаются.

Рис. 71.

Зимою же устраиваются ледяныя горы на рѣкѣ или гдѣ нибудь на озерѣ. Гора дѣлается такъ: въ ледъ вдалбливаются и примораживаются къ

нему четыре столба, аршина по 4 высоты, такъ, что приходятся въ углахъ квадрата. Столбы эти скрѣплены по два брусьями, входящими въ выемки на вершинѣ столба; на эти столбы и брусья кладется помостъ, или просто дверь. Такимъ образомъ, получается вышка. Съ одной стороны на вышку ведетъ

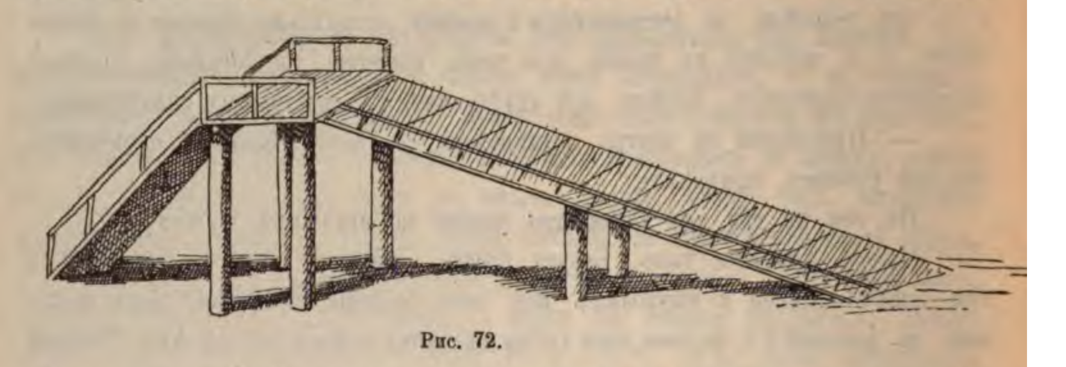

Рис. 72.

лѣстница съ перилами, которыя продолжаются до другой стороны площадки, а съ противоположной спускаются наклонно три толстыхъ жерди, подпертыя по срединѣ столбиками. На эти жерди укладываются льдины и поливаются водой, а по краямъ ихъ примораживаются сверху жерди, служащія для того, чтобы санки, скатывающіяся по горѣ, не слетали въ сторону (рис. 72).

Рис. 73.

Другого рода катушка устраивается проще, но скатываніе по ней представляетъ дикую и опасную забаву. Именно, къ краю крутого берега озера или рѣки представляются двѣ не толстыхъ жерди, которыя наклонно и параллельно другъ другу спускаются на ледъ; жерди эти поливаются водой и катушка готова. Двое парней становятся на жерди лицомъ другъ къ другу и скатываются внизъ (рис. 73).

По замѣчанію разсказчика, на такого рода катушкахъ люди нерѣдко ломаютъ себѣ ноги, и тутъ же приведенъ примѣръ, что одна дѣвка, скатываясь стоя,

сорвалась, сломала себѣ ногу и, по излѣченіи, осталась на всю жизнь хромою, изъ за чего и не вышла замужъ, такъ какъ дѣвицы съ физическими недостатками (хромыя, кривыя, косыя) никогда не находятъ себѣ жениховъ.

По этимъ же двумъ жердямъ скатываются и на боронѣ. Борона кладется на шесты вверхъ зубьями, по срединѣ усаживаются дѣвки, парни становятся по краямъ, размѣщая ноги между зубьями бороны, всего человѣкъ до 8-ми, даже до 10-ти и скатываются внизъ.

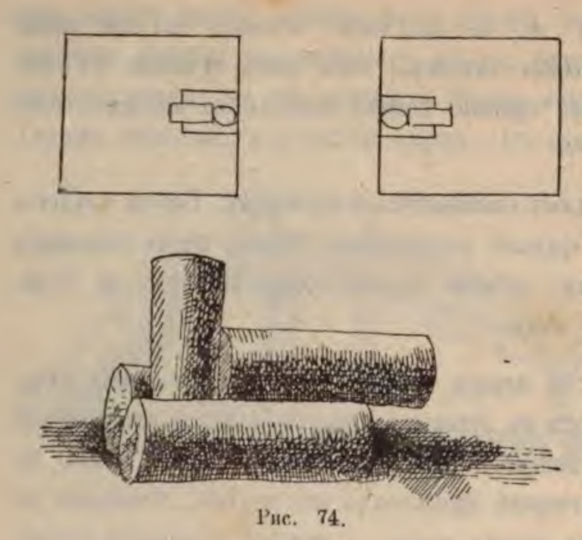
Въ шаровое заговѣнье (т. е. передъ Петровымъ постомъ) катаютъ яица. Яица предварительно окрашиваютъ въ луковыхъ перьяхъ, сандалѣ или фуксинѣ и передъ какой нибудь избой поперекъ улицы кладутъ яица на землю по прямой линіи въ разстояніи четвертей трехъ одно отъ другого. Саженяхъ въ 50 отъ яицъ кладется поперекъ дороги жердь, у которой становятся играющіе и одинъ изъ нихъ беретъ въ руки мячъ. Мячъ этотъ скатывается изъ овечьей шерсти, вѣсомъ фунта три. Если мячъ, будучи брошенъ по направленію къ линіи яицъ, попалъ въ которое нибудь изъ нихъ, это яйцо становится собственностью выбившаго его и онъ имѣетъ право катить мячъ вторично. Если мячъ проскочитъ, не задѣвъ ни одного яица, его беретъ и бросаетъ другой и т. д.

Игра въ бабочки (т. е. бабки, костыги).

Ставятъ на землю попарно столько паръ бабочекъ, сколько играющихъ, т. е. всякій ставитъ свою пару. Эта линія бабочекъ зовется кономъ. Передъ началомъ игры каждый кидаетъ передъ собою на землю одну бабочку. Если она упадетъ на плоскую сторону, это зовется клочка, если на выпуклую—жокъ, если на вогнутую—нйка. Первые бьютъ клочки, вторые—жоки, третьи нйки. Чья клочка упала всѣхъ дальше отъ кону, тотъ бьетъ первый. Та бабочка, которой бьютъ, зовется битокъ; она побольше другихъ и иногда наливается свинцомъ. Если бросившій битокъ выбилъ изъ линіи или просто уронилъ одну пару или сколько бы ни было бабочекъ, берутъ ихъ себѣ. Затѣмъ, бьетъ другой и т. д., пока не выбьютъ всѣхъ. Этимъ партія кончается.

Колобки. Разница этой игры отъ предыдущей въ томъ лишь, что вмѣсто битка здѣсь употребляется желѣзная плитка плоская, овальной формы, вершка 2—3 величиной, имѣющая видъ колобка.

Плитки. Та-же игра, только вмѣсто колобка бьютъ деревянной дощечкой, длиною съ четверть, имѣющей тоже овальную форму.

Рис. 74.

Рюхи. На ровномъ мѣстѣ на улицѣ чертятъ палкой два квадрата въ разстояніи саженей 50 одинъ отъ другого. Пространство внутри этихъ квадратовъ зовется городомъ. Рюхи—сосновые цилиндрическіе обрубки укладываются по 4 штуки въ каждомъ городѣ такъ, какъ показано на рис. 74. Затѣмъ, двое изъ играющихъ берутъ въ руки палку и начинаютъ мѣряться или гадать, т. е., держа палку вертикально, обхватываютъ ее рукою поперемѣнно. Чья рука окажется наверху послѣднею, тотъ становится маткой.

Съ цѣлью выровнять игроковъ, т. е., чтобы въ одной партіи не оказался перевѣсъ въ хорошихъ игрокахъ, распредѣляютъ ихъ по жребію. Каждый беретъ въ одну руку щепку, а въ другую травку, подходитъ къ маткѣ и спрашиваетъ: матка, матка, щепка или травка? Матка называетъ то или другое и, смотря по тому, что оказалось въ правой рукѣ—щепка или травка, игрокъ отходитъ къ той или другой партіи.

Когда, такимъ образомъ, партіи образовались, игру начинаетъ тотъ, кто желаетъ (количество бросаемыхъ однимъ игрокомъ палокъ зависитъ отъ уговора) и кидаетъ палку отъ передней черты своего города. Если онъ вышибетъ изъ границъ непріятельскаго города хоть одну рюху, слѣдующій кидаетъ свою палку уже не отъ черты города, а отъ черты, проведенной на землѣ между городами въ одинаковомъ разстояніи отъ того и другого (25 саж.). Кидаютъ до тѣхъ поръ, пока не прокидаютъ всѣхъ палокъ, каждый играющій по разу. Если рюхи не вышиблены, т. е. осталась хотя бы одна, начинаетъ кидать палки другая партія и т. д., и та партія выигрываетъ, которая первая вышибетъ изъ непріятельскаго города всѣ рюхи. Если которая нибудь партія со второго раза вышибла всѣ рюхи, напр. тремя палками, то второй партіи разрѣшается кончать игру только тремя палками. Если этими тремя палками она рюхъ не вышибетъ, то возитъ своихъ противниковъ, т. е. отдѣльные игроки носятъ ихъ на спинѣ отъ города.

Попы. Такая-же игра, разница въ томъ лишь, что рюхи ставятся стоймя—четыре по угламъ и двѣ въ срединѣ города на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Игры „въ цари“, „юла“, „корова“ и „ёрга“ описаны въ моей книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“ и потому я ихъ здѣсь не привожу.

Нѣкоторыя повѣрья и примѣты.

Нечистая сила повсюду окружаетъ людей. Она дѣлится на разряды, имѣющіе свои названія, но изъ этихъ разрядовъ нѣтъ первенствующаго, такъ же точно, какъ и въ членахъ извѣстнаго разряда нѣтъ старшихъ, начальниковъ и т. п.; каждая особь существуетъ независимо отъ прочихъ и никому не подчиняется.

Ближайшій къ человѣку духъ есть домовой, имѣющій мѣстное названіе батáмушки. Мѣсто жительства его всегда стая, т. е. скотный дворъ. Видятъ его очень рѣдко и если онъ является кому либо, то въ образѣ, напоминающемъ кошку. Его зовутъ еще „скотнымъ кормильцемъ“, потому что онъ ходитъ за скотомъ и кормитъ его. Если скотина ему не по дому, то онъ ей вредитъ всяко и даже губитъ. Если лошадь ему не нравится, то онъ гоняетъ ее ночью до того, что утромъ ее находятъ всю взмыленною и утомленною. Въ такомъ случаѣ, лошадь надо поскорѣе продать, что и дѣлаютъ. Въ домѣ, принадлежащемъ разсказчику, нельзя завести ни бѣлой лошади, ни бѣлой коровы, бѣлыя-же овцы батамушкой терпятся.

Одинъ старикъ-крестьянинъ пошелъ однажды въ стаю, чтобы дать лошади сѣна и вдругъ увидѣлъ домового. Испугавшись, онъ схватилъ вилы, но домовой, въ свою очередь, испугался и „ускочилъ“ въ дыру на повѣть, черезъ которую спускаютъ съ повѣти лошади и коровамъ сѣно. Оправившись отъ испуга, старикъ одумался, и, чтобы задобрить батамушку, связалъ ему самъ изъ бѣлой овечьей шерсти рукавицы, обѣ на лѣвую руку (потому что на правую домовой не возьметъ), положилъ эти рукавицы въ стаѣ и онѣ оказались унесенными.

Черти живутъ въ водѣ и выходятъ на сушу, входятъ въ дома и куда угодно. Сосуды съ какою бы ни было жидкостью нельзя оставлять непокрытыми, потому что чортъ непремѣнно наладитъ въ посудину; если же покрыть нечѣмъ, то надо перекрестить.

Охранителемъ человѣка отъ козней чорта является ангелъ-хранитель, но не какъ ангелъ, а какъ самъ Іисусъ Христосъ и его мѣсто всегда по правую руку человѣка. Потому никто не позволитъ себѣ плюнуть или помочиться на правую сторону. Также и не льютъ никогда чего либо „нà-обоко“, т. е.

держа, напр. ковшъ въ лѣвой рукѣ (если правая чѣмъ нибудь занята) не выльютъ воду направо-же, надо всегда налѣво.

Чортъ изобрѣлъ табакъ и водку, но никакихъ подробностей по этому предмету разсказчикомъ не сообщено.

Человѣкъ, знающійся съ чортомъ, есть колдунъ, но это вовсе не то, что шоптýнъ, потому что „шоптунъ шопчетъ все только хорошее"; онъ есть врачъ, цѣлитель, а не злой и вредный человѣкъ, какимъ всегда является колдунъ.

Въ описываемой мѣстности колдуны есть, и не одинъ. Въ дер. Веткурьѣ былъ случай, что когда колдуну пришла „неминучая", его стало до того „котóсать", т. е. корчить, что его взяли (близкіе, родные, конечно, а не черти), втащили на крышу и уложили вдоль по князьку, но такъ какъ тутъ онъ кончиться не могъ, то сняли и положили у порога дома на улицѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Человѣкъ этотъ при жизни проявлялъ весьма замѣтно присущую ему злую силу. Когда онъ ловилъ рыбу, то можно было хоть подъ бокомъ у него „ладить ѣза", рыба въ нихъ не попадала, тогда какъ его снасти всегда наполнялись рыбой: „дьяволъ ему нагонялъ". И если другіе вытрясаютъ изъ снастей пойманную ими рыбу, а онъ подойдетъ и посмотритъ, то „ровно обрѣжетъ"—рыба не будетъ больше попадать.

Колдуны заносятъ въ баню кикимору, по злобѣ, конечно. Что такое кикимора—разсказчикъ не могъ объяснить даже приблизительно.—„Изъ чего она существуетъ—я не знаю, а кто приноситъ, тотъ ужъ знаетъ". Кладутъ кикимору къ стѣнѣ за каменицу (т. е. за банную печь, которая всегда сложена изъ камней) и она, кикимора, никому уже не дастъ спокойно помыться: начнетъ пугать разными голосами.

Чтобы вывести кикимору „добираются человѣка, который имà завѣдуетъ", т. е. колдуна или колдунью. Колдуньѣ надо заплатить дорого—полтину, а то и рубль, а если колдунъ, то довольно бываетъ напоить его водкой. Если же этого не сдѣлать, то придется непремѣнно переноситъ баню на другое мѣсто. Надо замѣтить, что бань не ставятъ на дорогѣ, на межѣ или „на крестѣ" (т. е. на перекресткѣ) потому что лѣшій станетъ изъ нея выпугивать. Относительно мытья въ банѣ соблюдаются неукоснительно два правила: послѣ трехъ паръ (пара можетъ состоять и не изъ двухъ человѣкъ, а изъ большаго числа) не ходитъ мыться четвертая, потому что послѣ третьей пары начинаютъ мыться черти, и затѣмъ не ходятъ мыться на большіе праздники, потому что „пужаетъ".

Водяной—водяный духъ, рыбный царь. „Гдѣ некрасивое, темное мѣсто, тутъ въ омутѣ и живетъ водяной. Купаться опасно: утащитъ за ногу или за

шею; если даже есть крестъ, то схватитъ за говитанъ. Парень одинъ утонулъ въ такомъ мѣстѣ купавшись, его искали по четыре дня и когда вытащили, то увидѣли, что говитаномъ ему шею перерѣзало, а у горла на говитанѣ узелъ завязанъ".

„Зимусь потерялся лекрутъ одинъ, искали его по три дня, въ это время отецъ его ѣздилъ и въ пяти церквахъ молебенъ служилъ, а послѣ трехъ дней перестали: правила такое, что по три дня ищутъ, а больше не ищутъ. Послѣ трехъ дней еще два дня рѣчку долбили (т. е. дѣлали проруби) и не нашли, а нашелъ мужикъ одинъ: около дороги лежитъ мертвый елками закиданъ. Когда поѣхали на то мѣсто съ понятыми—его нѣтъ. Нашли опять лѣтомъ въ рѣчкѣ, вокругъ камня обвернутъ, ноги къ головѣ притянуты. Онъ являлся отцу своему—блазнилось отцу-то—и говорилъ: я замерзъ".

Когда выловятъ рыбу, то водяному ничего назадъ не бросаютъ, потому что „онъ ее отпустилъ".

„Есть у насъ одно озеро, въ которое лучше съ неводами не ѣзди, потому что водяной не даетъ рыбы, а накладываетъ полну матицу коневихъ говенъ. У насъ въ это озеро мало-не-ѣздятъ [1]), только тотъ поѣдетъ развѣ, кто не знаетъ".

Лѣшій живетъ въ лѣсу и зачастую „водитъ" людей, т. е. сбиваетъ съ дороги или съ тропы. Въ такихъ случаяхъ есть средство найти дорогу, именно переложить стельки изъ одного сапога въ другой; но средство это не всегда помогаетъ.

Лѣшаго можно вызвать, стоитъ только закричать: приди, лѣшій, посмотрѣть тебя охота! но опытъ этотъ весьма опасенъ.

Бабы поѣхали однажды съ ребятами въ лѣсъ за грибами и ягодами на трехъ лошадяхъ. Вечеромъ всѣ собрались у огня и стали ужинать. Ребята и начали звать лѣшаго. А онъ и идетъ, только лѣсъ трещитъ; огонь сталъ по землѣ разстилаться, кони рваться начали. Бабы замолились, потомъ и ребята, онъ и ушелъ.

Нѣкоторыя примѣты.

Если ножъ лежитъ на столѣ, когда обѣдаютъ и кто нибудь „ѣдетъ" съ ложкой въ ставецъ (деревянное блюдо) черезъ этотъ ножъ, то „ножъ подъ бока станетъ тыкать".

---

[1]) Особый оборотъ рѣчи; значитъ: почти не ѣздятъ.

Если во время метенія пола обмести ноги парню, то теща не станетъ его блинами кормить.

Головня въ печи останется—первому гостю въ задницу.

Если по выходѣ изъ избы тотчасъ же на встрѣчу другой человѣкъ—не къ добру.

Если пѣтухъ поетъ не во время, или курица запоетъ пѣтухомъ—дурной знакъ.

Бересту не жгутъ въ печкѣ—клопы заводятся; во избѣжаніе того-же не топятъ березовыми дровами. Чтобы вывести клоповъ, ждутъ перваго грома и когда его услышатъ, берутъ земли изъ подъ правой пяты и раскидываютъ эту землю въ избѣ, но такъ, чтобы никто этого не видѣлъ. Съ тою-же цѣлью старуха объѣзжаетъ домъ на помелѣ, когда заблаговѣстятъ къ христовской заутренѣ, но тоже не при людяхъ.

„Попъ въ домъ—клопъ вонъ“, говорятъ про себя хозяева, когда въ избу входитъ попъ, иногда же при этомъ парнишка, котораго „натакàютъ“, т. е. заранѣе научатъ, поймавъ клопа и, забравшись на полати, ожидаетъ попа, и когда тотъ входитъ въ избу, спускаетъ незамѣтно клопа ему въ загривокъ. Отъ этого всѣ клопы пропадутъ.

Заговоръ отъ клоповъ: какъ у кокушки нѣтъ гнѣзда, такъ и въ нашей избѣ клопамъ не было бы гнѣзда.

Чтобы ленъ не путался, на вербное воскресенье, до солнца „вяжутъ у филина ноги“, т. е. связываютъ пучкомъ ржаной соломы два стоячихъ кола въ огородѣ (изгороди).

Ложиться на лавку или на полъ въ избѣ ногами къ иконамъ—не слѣдуетъ: скоро умрешь; ногами къ иконамъ кладутъ только покойниковъ. Также нельзя ложиться вдоль по соломѣ, надо поперекъ, потому что вдоль по соломѣ моютъ покойниковъ.

Когда болятъ зубы, кусаютъ кипарисный образъ, который всегда найдется у кого нибудь (приносятъ отъ Соловецкихъ).

Если перешагнешь черезъ стельки, сдѣлается насморкъ.

Ладанки на шеѣ носятъ бабы, а мужчины—порохъ, зашитый въ мѣшечекъ, въ предохраненіе отъ болѣзней.

Если желна долго „ведетъ“ (т. е. протяжно кричитъ), будетъ протяжная весна.

Если снѣгъ сравняетъ лога съ угорами, то вода будетъ большая.

Если заяцъ низко гложетъ осину, то вода будетъ низка, а если высоко, то высока.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки.

1. Своя рука не сдрожитъ.
2. Ворона съ мѣста, соколъ на мѣсто.
3. У всякаго старца по ста̀вцу.
4. Бурлацкое горло все прометётъ.
5. У до̀лга до̀логъ вѣкъ.
6. Ужъ не то мое Танькино сердце, чтобы сарафана не пропить.
7. — Что ты, Танька, весела?—Въ рукавицу настяла̀.
8. Устанетъ, такъ перестанетъ.
9. Устюгъ Великой—народъ въ немъ дикой.
10. Хлѣбъ-соль—заёмное дѣло.
11. Паны пиво выпили, а хозяевъ выбили.
12. Паръ костей не ломитъ, а вошка тепло любитъ.
13. Пей-ка воду: небольшого роду.
14. Чужой дуракъ—смѣхъ, а свой—стыдъ.
15. Богатъ, да не Богу братъ.
16. Дѣвка не кошка, не выкинешь изъ окошка.
17. Какъ ни плыть, а у дна быть.
18. Кто куритъ табачокъ, у того и праздничекъ.
19. Табакъ да баба—одна забава.
20. На чужую кучу неча глаза пучить.
21. Не ходи въ лѣсъ, коли зайца боишься.
22. Ноша̀мое носится, держа̀мое дѐржится.
23. Одной рукой и узла не завяжешь.
24. Работой не прокормишься, былъ бы хлѣбъ.
25. Сапогъ лаптю не дру̀жка.
26. Привыкла жопа пердѣть—трудно терпѣть.
27. Прежде за „спасибо“ мужикъ три года работалъ.
28. Поѣлъ бы рѣпки, да зубы рѣдки.
29. Пошла кишка по мѣшкамъ.
30. Воронѣ гдѣ ни летать, вездѣ говно клевать.
31. Потѣха дѣлу не помѣха.
32. Запутался, какъ курица въ отрепяхъ.
33. Потопаешь, такъ и полопаешь.
34. Много милыхъ, да мало добрыхъ.
35. Пошелъ кормиться, такъ некуда торопиться.
36. Считай на мнѣ, а получай на пнѣ.

37. Тугонекъ я тебѣ, орѣшекъ, дался.

38. Сытъ покуда: съѣлъ полпуда, стало семь фунтовъ, послѣ съѣмъ.

39 Повѣрь бабѣ—дуракомъ и будешь.

40. Повѣрь кошкѣ мясо стерегчи!

41. Рыбы не хочу, и жопы не мочу.

42. Посердишься—недалёко свёрнешься (т. е. тутъ-же будешь).

43. Пьемъ, попьемъ, за другимъ пошлемъ.

44. Пьемъ, попьемъ, гдѣ мы денежки беремъ?

45. Рядись—не торопись, работай—не лѣнись (рядись—поряжайся въ работу).

46. Расчитаюсь—на томъ свѣтѣ угольемъ.

47. Пьянъ такъ богатъ, проспишься, такъ нищій.

48. Пилось-бы да ѣлось, да работушка на умъ не шла.

49. Мнѣ ужъ домъ-отъ козой кажется (т. е. надоѣлъ).

50. Яръ, да локтя не окусишь.

51. Горшокъ чугуну не товарищъ.

52. Изъ говна козу̂льки не сдѣлаешь (т. е. изъ худого матеріала не сдѣлаешь хорошей вещи).

53. Ложку не довезъ, а ротъ открываешь.

54. Плохо жить съ одного конца.

55. Хлопай рукавичямъ, недалеко до Комаричи (говорятъ „сплавные" рабочіе, возвращаясь осенью домой изъ Архангельска. Комарица—селеніе на Двинѣ).

56. Туровечкая Богомать, помоги якорь достать (просятъ двинскіе судорабочіе. Туровѣцъ—селеніе на Двинѣ).

Н. Иваницкій.

Петрозаводскъ.
Декабрь, 1897.

О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Изъ рукописей, доставленныхъ въ Отдѣленіе Этнографіи, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, у меня были на просмотрѣ: сибирскія пѣсни и свитокъ молитвъ, пріобрѣтенный, судя по ихъ тексту, отъ старообрядцевъ, обращающій на себя особое вниманіе тѣмъ, что начинается пресловутымъ апокрифомъ „Сонъ Богородицы“. Изумительно необычайное распространеніе въ народѣ этого сказанія о крестныхъ страданіяхъ Христа въ двухъ видахъ: стихотворномъ и прозаическомъ. Несомнѣнно, архивъ Этнографическаго Отдѣленія издавна переполнялся разнообразными варіантами той и другой формы, по крайней мѣрѣ, извѣстное мнѣ этнографическое бюро князя Тенишева почти съ каждою почтою обременяется до докучливости присылкою изъ разнообразныхъ мѣстностей именно этого „Сна“. Поразительно здѣсь то слѣпое довѣріе народныхъ массъ къ этому писанію, которое несомнѣнно основывается на заключительныхъ словахъ отъ имени самого Іисуса Христа:

„О, Мати моя возлюбленная, Марія Пресвятая Богородица! Во-истину глаголю Тебѣ, аще который человѣкъ сей сонъ спишетъ себѣ на память, или аще кто въ путь идетъ съ симъ писаніемъ, и путь ему даетъ Господь Богъ чистъ и корыстенъ и межъ людьми стоять умѣетъ и никакого слова противъ того человѣка никакой человѣкъ не промолвитъ на всякой часъ, и никакое желѣзо не можетъ взяти, ни пищаль, ни стрѣла, ни камень, ни древо, ни вражья сила“, и т. д. Понятно, что при такихъ льготахъ за малый трудъ списанія, или за дешевое средство покупки пріобрѣтеннаго, соблазнительно для всякаго вѣрнаго и боязливаго пріобрѣтеніе „Сна Богородицы“, чтобы, въ виду вѣроятныхъ бѣдъ и ожидаемыхъ опасностей держать его при себѣ. Полученный Отдѣленіемъ засаленный экземпляръ служитъ нагляднымъ доказательствомъ полнаго довѣрія къ цѣлебнымъ и спасительнымъ свойствамъ писанія. Здѣсь оно прозаическое, видимо пріобрѣтенное на Алтаѣ у тамошнихъ „семейныхъ“ раскольниковъ, но имѣются стихотворенія, полученныя въ бюро кн. Тенишева, присланныя изъ Орлова и Смоленской губерніи, хотя текстъ обоихъ значительно уступаетъ тому, который удалось записать мнѣ на Бѣломъ морѣ. Въ сборникъ Якушкина, въ который передалъ я всѣ пѣсенныя записи, сдѣланныя въ Архангельской губерніи, „Сонъ Богородицы“ тогдашняя цензура не пропустила.

Наиболѣе серьезное и существенное вниманіе останавливаютъ на себѣ нѣсколько десятковъ пѣсенъ, записанныхъ въ Сибири:—въ Сургутѣ, въ Бійскомъ округѣ, Томской губ. и въ селеніяхъ старожилыхъ сибирскихъ казаковъ. По поводу этого сборника можно было бы представить подробный докладъ вообще о сибирской пѣснѣ, но за недосугомъ приходится ограничиться нѣсколькими краткими замѣтками.

Судя по первымъ нагляднымъ впечатлѣніямъ русская пѣсня у замкнутаго, сосредоточеннаго въ себѣ сытаго сибиряка совсѣмъ не въ почетѣ, и, какъ праздная бездѣлка въ виду серьезныхъ задачъ суровой природы, даже какъ будто бы въ загонѣ. Сибирскій ямщикъ напримѣръ не поетъ ни доброхотно, ни по заказу. Надъ старожилыми казаками новоселы подсмѣивались, увѣряя, что они, подобно инородцамъ, обходятся дешевыми импровизаціями, что видятъ передъ глазами, о томъ и поютъ, не залетая въ высь, разводятъ все объ одномъ и томъ же, размазываютъ.

Дальнѣйшія пристальныя наблюденія приводятъ къ тому выводу, что главнѣйшимъ образомъ Сибирь довольствуется пѣснями, привезенными изъ Россіи староселами и притомъ въ значительно измѣненномъ и даже искаженномъ видѣ. Въ этомъ убѣждаютъ не только просмотрѣнные сейчасъ сборники, но и тѣ, которые удалось мнѣ получить за Байкаломъ (въ Нерчинскѣ), изъ Томска и въ Тобольскѣ. Пѣсни переиначены и перепутаны: начало попало въ конецъ, конецъ безсвязно и произвольно ищетъ мѣста въ середкѣ, и здѣсь не попадаетъ онъ въ смыслъ, ни даже въ размѣръ. Прямое тому доказательство можно найти и въ сборникѣ, полученномъ отдѣленіемъ изъ Сургута и особенно въ записяхъ казачьихъ пѣсенъ. Послѣднія записаны въ особенности дурно и къ тому же сложенныя неладно, кажутся и некрасивыми и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно безсмысленными; сплошь и рядомъ стихотворный размѣръ переходитъ въ безграмотную прозу. Вообще, размѣръ стиховъ не признается за важное дѣло и замѣчательно часто нарушается, какъ бы въ видимое свидѣтельство того, что сибирское ухо съ этой стороны стало туго. Большинство русскихъ пѣсенъ такъ искажено, что онѣ едва узнаваемы, подобно Ванькѣ ключнику, который попалъ въ Сибирь въ совершенно истрепанномъ видѣ. Между тѣмъ, весьма замѣтно поползновеніе заручиться своими пѣснями, но въ то же время очевидно, что творчество за Ураломъ если не изсякло, то, во всякомъ случаѣ, ослабѣло. Ограничиваются въ старыхъ русскихъ пѣсняхъ передѣлками въ видѣ вставокъ мѣстнаго колорита: вмѣсто рѣки Урала поется про батюшку Иртышъ, упоминается Байкалъ и т. под.

Только свадебныя пѣсни являются цѣльнѣе выдержанными, конечно, благодаря тому обстоятельству, что содержаніе находится въ зависимости отъ

обрядового ритуала и имъ направляется. За то тюремныя пѣсни сохранились не только въ той цѣлости, въ какой онѣ представляются въ Россіи, но и обогатились варіантами и значительнымъ придаткомъ новыхъ пѣсенъ. Между таковыми въ настоящихъ сборникахъ выдается сочиненная, на книжный ладъ, „Сидѣлъ за рѣшеткой орелъ молодой", имѣющая варіантъ, стало быть, пѣсня ходовая и новая, во всякомъ случаѣ, сверхъ тѣхъ, которыя привелось мнѣ въ значительномъ числѣ помѣстить въ I-мъ сочиненіи моего „Сибирь и каторга". Въ тюрьмы, какъ извѣстно, дѣлали вклады не только самородки въ видѣ купеческаго сына Мокѣева, малороссійскаго разбойника Кармелюка и волжскаго Гусева, но и настоящіе поэты вродѣ декабриста князя А. И. Одоевскаго. Когда товарищамъ его построили для каторжныхъ работъ ручную мельницу, Одоевскій приладилъ пѣсню: „Ты мелись мучица", совершенно нецензурную, которая и распѣвалась на дешевый мотивъ извѣстной: „Во саду ли въ огородѣ дѣвица гуляла". Къ Одоевскому присоединился другой товарищъ Михаилъ Алексѣевичъ Бестужевъ съ тремя своими, менѣе удачными, пѣсенками.

Двѣ пѣсни этого же случайнаго сборника останавливаютъ вниманіе стремленіемъ своимъ къ юмору и насмѣшкѣ въ доказательство того, что подобная наклонность не только не чужда сибирякамъ, но даже не въ меньшей степени, любезна имъ.

Одна, совершенно мѣстная, обличаетъ какого-то засѣдателя Петрова, который риги раскрывалъ, полтины собиралъ.

Старшина то былъ Сизинцевъ,
Дожидался онъ гостинцевъ, —
Никто не несетъ.

Если оставить въ сторонѣ эти домашніе счеты, равносильные тѣмъ, какими расчитывались на Бѣломъ морѣ со своими ближайшими властями и какіе записаны мною и напечатаны въ сборникѣ пѣсенъ Якушкина, — мы имѣемъ предъ собою еще одну подобнаго же доморощеннаго юмористическаго склада. Въ ней замѣчается явное стремленіе къ насмѣшливымъ прозвищамъ ближайшихъ сосѣдей, въ такомъ родѣ:

Басъ перебасъ у семи дѣвокъ дубасъ,
Необрубленный подолъ, необшитый воротокъ.
До Нарыму мы шли — свой запасъ несли,
Мы до рубежу сходили, полкопна сѣна скормили,
Что таловые колья — то Молчановски,
Сыромятныя ушки, — то Никольски мужички
Одноухи треухи, то Жарковски мужички
Одноклинны зипуны, то Трубочевски

Толстопятые ребяты, то Кожевниковски
Воры на голо, то Уртамски удальцы,
Часто говорятъ, то Десятовски и т. д.

Эта пѣсня однородна съ той, которая подслушана въ Шадринскѣ и напечатана была въ Пермскомъ сборникѣ. Обѣ онѣ указываютъ на прямой источникъ происхожденія народныхъ насмѣшливыхъ присловій. Вся пѣсня въ цѣльномъ видѣ забывалась; оставались въ памяти наиболѣе удачные и характерные эпитеты, которые, какъ брань и укоръ и повисали, какъ говорится, на вороту, и ушли въ потомство. Такъ, между прочимъ, несомнѣнно случилось въ Великороссіи, гдѣ бурлацкая пѣсня въ Поволжьѣ оставила свои слѣды лишь именно въ этихъ присловьяхъ про попутные города, въ родѣ: Ярославль — городокъ, Москва уголокъ, городъ Кострома гулливая сторона, Кинешма да Рѣшма кутитъ да мутитъ, а Солдога Арменки убытки платитъ; городъ Нижній — сосѣдъ Москвы ближній, семь денъ идемъ — Симбирскъ видимъ (на очень высокой горѣ), и т. д. Подобные же пѣсенные осколки сохранились на старой Двинѣ, на томъ пути, который велъ изъ Москвы черезъ Вологду до Архангельска.

Событіе середины текущаго столѣтія высокой государственной важности, каково пріобрѣтеніе Амура, вызвало также юмористическое настроеніе въ сибирякахъ, недовольныхъ новыми пришельцами и готовно высказавшихся въ цѣломъ рядѣ пѣсенныхъ протестовъ. Неудачи сплавовъ по рѣкамъ, торопливыя распоряженія съ насиліемъ, и вообще неумѣлые пріемы при переселеніяхъ и принудительное водвореніе казаковъ и крестьянъ на новыхъ земляхъ породили даже цѣлую литературу.

От припѣвокъ вродѣ —

Какъ по Шилкѣ, по паршивой
Плыветъ Поритовъ плѣшивый, —

приспособленныхъ по великорусскому обычаю при вбиваніи свай копрами, добрались до личныхъ характеристикъ амурскихъ дѣятелей по образцу, указанному гр. Толстымъ въ извѣстной севастопольской пѣснѣ. Тѣмъ не менѣе въ ряду этихъ умѣло сложенныхъ сатирическихъ стихотвореній попадаются и чисто народныя пѣсни, создавшіяся въ казачьей средѣ и описывающія печальное положеніе этихъ невольныхъ выселенцевъ изъ Забайкалья на берега тогда неизвѣстнаго и негостепріимнаго Амура. Такова, напримѣръ, слѣдуетъ пѣсня:

Какъ отъ Шилки по Амуру
Великія версты
Ужъ какъ были эти версты,
Сперли у рукъ персты.

До Кизева доплывали,
Ко бережку приставали,
На прикрутомъ бережкѣ
Выростало древо,
Выростало это древо—березонька бѣла.
Какъ на той ли на березѣ
Сидитъ птица пава,
Кричитъ „запропала!"
Забайкальскіе казаки а гдѣ ваши кони?
Наши кони въ Сибирѣ ходятъ да гуляютъ.
Забайкальскіе казаки, а гдѣ съ коней сбруя!
Съ коней сбруя поломалась—въ Амурѣ оказалась.
Кто на Амурѣ не былъ и т. д.

С. В. Максимовъ.

ОТДѢЛЪ II.

Марипчельская крестьянская свадьба.

(Бытовой очеркъ).

Бо̀славъ, Бо̀жа!
Бо̀жинка!
Сва̀дьбу ѝграти,
Бо̀жинька!
Зачина̀ти, Бо̀жинька!
Свадебная пѣсня.

Мѣстная жизнь въ отношеніи къ свадебному вопросу.

От̀ъ поро̀ды не въ во̀ду,
Отъ обы̀чая не прочь.
Поговорка.

У насъ, въ Марипчельскахъ [1]), живутъ по старинѣ, какъ дѣды «навчи̇ли» [2]). А дѣды учили перво-на̀-перво почитать родителей; кто родителей не почитаетъ, тотъ и Бога не боится,—не добрый, худой тотъ человѣкъ.—Родительская воля надо всѣмъ въ дому: до си̇ня пороха, до ма̀коваго зернушка. «Пойти̇ть-ли», поѣхать-ли куда, «наряди̇ть-ли» [3]) кого на работу—на все Божье благословенье да родительское позволенье.—Выдать дочку замужъ, женить-ли сына—все это воля родителей. Ихъ дѣло позаботиться о томъ, какъ-бы сверши̇ть законъ надъ дѣтьми. На рѣдкость, кто въ этомъ положится на дѣтей, на ребячій разумъ. За это и «сусѣди» дуракомъ назовутъ, потому «молодой умокъ, что весенній ледокъ»—сейчасъ обманетъ, да и сами дѣти не дадутъ спасиба, «кали̇» [4]) по родительскому мягкосердію попадутъ въ ошибку.

Поэтому-то, какъ только дѣвка начнетъ подыматься, подбираться подъ невѣсту, родители уже подумываютъ, куда-бъ ее пристроить въ хорошее мѣстечко. А хорошее мѣстечко будетъ тамъ, гдѣ не велика̀ семейка, куда сватаютъ дѣвку; вѣдь ей, молодухѣ, нужно будетъ на каждаго въ чужой семьѣ уладить, угодить. Бываетъ, отдаютъ замужъ и въ большую семью; но тогда выбираютъ семью, извѣстную своей смирнотой, чтобъ не гораздъ затира̀ли дѣвку.—Однако, родители невѣсты смотрятъ не на семью только, а и на жениха. Надо, что-бъ парень онъ былъ здоровый, рабо̀чій да забочій, не мотъ, не воръ и не пьяница.

Ну, а «кали̇» найдется мѣсто подходящее да женихъ сто̀ющій, такъ чего-жъ и не отдать дѣвки замужъ.—Впрочемъ, въ деревнѣ рано не выдадутъ дѣвки замужъ;

---

[1]) Марипчелки—приходъ и погость Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи. [2]) научили. [3]) назначить. [4]) «кали̇» (коли)=если, когда.

дадутъ ей погулять, чтобъ было ей чѣмъ послѣ вспомнить свою дѣвичью молодость; дадутъ вобраться въ силу, чтобъ въ сносъ была ей нелегкая доля замужняя. Развѣ ужъ семеро кругомъ обсѣло, «одинъ съ сошкой, а семеро съ ложкой», тогда только родительская жалость уступаетъ мѣсто угрюмой нуждѣ,—приходится безъ поры, безъ времечка отпускать въ чужіе добрые людюшки свое ненаглядное дѣтище, свою старшую дочку любимую.

Но если дѣвка на порѣ, взошла на тую степень, что называется «въ сокỳ», то ее не будутъ лишній годъ держать дома. Еще хлопотъ наберешься! Дѣло молодое: кровь-то кипучая; долго-ль до грѣха?—А весной гулянки по полямъ, по свѣжей ӡзими; лѣтомъ въ лѣсъ за орѣшками ходятъ парни вмѣстѣ съ дѣвками. И какъ хорошо бываетъ тамъ, въ лѣсочкѣ, подъ орѣховымъ кусточкомъ, подъ малиновымъ листочкомъ, гдѣ солнце не печетъ, много поту не течетъ!—А тутъ еще «съ нынѣ-дỏ-вѣку», ведется обычай «объ праздникахъ на гулянкахъ» спать мальцамъ съ дѣвками и просто обычай ходить мальцу весной и лѣтомъ, когда зо̀рька съ зорькой стискаются, спать, ночку коротать съ своей любушкой, красной дѣвушкой. Дѣлается это больше «тихомàтно», а иной разъ и съ вѣдома родителей, тогда малецъ ходитъ къ дѣвкѣ спать и зимой. Хоть и говоритъ молодежь, что спитъ она «по совѣсти», а бываютъ таки грѣшки. Да и какъ не быть? Придвинь огонь къ соломѣ, по-неволѣ солома загорится.

Ну, а извѣстное дѣло, «какъ тюкъ, такъ и дѣтюкъ». Послѣ-жъ этого куда дѣвка годится? Ни куръ, ни баранъ; ни въ дѣвкахъ, ни замужемъ.—Пусть-бы еще родился ребенокъ да и все тебѣ тутъ; кажется, ужъ полно и этого несчастья. Такъ нѣтъ! Одна бѣда не ходитъ, а всегда съ ней двѣ да три бѣды въ товарышкахъ. Самое-жъ лихо въ томъ, что за дѣвку съ ребенкомъ хорошій женихъ не посватается: не захочетъ взять женку съ худой славой; а за непутёваго отдавать ее жалковато: вѣкъ свой будетъ кулакомъ слезы утирать. А то бываетъ рѣдко, чтобъ злодѣй самъ покрылъ свой грѣхъ, а дѣвичій стыдъ вѣнцомъ; все больше достается ей бѣдной одной горе мыкать и плакаться вѣкъ вѣчный на своего лиходѣя. Ахъ, не дай Богъ этого горя-злосчастья дѣвицѣ, красавицѣ! Пусть лучше скорѣе она выходитъ замужъ! Пусть скорѣе за нее посватается ея милый, за котораго, можетъ быть, ей суждено выйти.

А хорошо съ милымъ жить! Послушайте, какъ поетъ про это дѣвушка, бѣлая лебёдушка, чёсана головушка:

Дярѐвня атъ дярѐвни
Не падàличку [1]) стайть
Про̀мижъ [2]) рѣчка бяжйть.
На то̀й ли на рѣчки
Нѣту лàвинки [3]),
Пирьклàдинки.
То̀лька есть на той рѣчки
Аднà [4]) жордычка.
Янà [5]) то̀нинька,
Сухà, ялѣвинька [6]);
Янà гнѐца [7]), гибàица
И ня ло̀мица.
Харашо съ мйлымъ жить
Жйсьть [8]) не сто̀сьница [9]);
Хышь [10]) и сто̀сьнимся,
Разгарюимся,
Придѐть врѐмичка—парà,
Пацалỳимся.

Да, хорошо живется съ милымъ! Недаромъ сложилась на Руси пословица, что «милые бранятся, только тѣшатся».

А милый у сударушки-дѣвушки рослый да здоровый: кровь съ молокомъ, веселый, какъ ясный «межо̀новый» [11]) денёкъ, смѣлый и умѣлый. Ну, а иной прилюбится

---

[1]) не подалеку, близко. [2]) «про̀мижъ»=между. [3]) «лàвинка»=кладочка черезъ рѣку. [4]) «аднà» и «аннà» = одна отъ сл. одинъ. [5]) «янà» = она. [6]) «ялѣвинька» (еловенька) = еловой отъ сл. ель. [7]) Во 2 и 3 л. ед. числа и во 2 л. мн. числа буква е всегда произно сится какъ ѐ и иногда какъ ё. [8]) «жйсьть»=жизнь [9]) «тоснить»=тошнить [10]) «хышь»=хотя. [11]) «межо̀новый» = самый хорошій; «мѐжень»= страда, время полевыхъ работъ; тогда стоятъ лучшіе лѣтніе дни.

и Богъ его вѣдаетъ за что: ни съ того, ни съ сего, такъ, зря, а разъ не разлюбить, будто и вѣкъ его любила, еще раньше, чѣмъ родилась. И ни за что-бъ она не пошла съ доброй воли за немилаго, за постылаго, хоть-бы волкомъ пришлось ей выть съ голоду. Лучше, думается ей, голову въ петлю, а нѣтъ въ воду, чѣмъ жить за какимъ-нибудь у̀вальнемъ или ро̀хлей, котораго всѣ дѣвки просмѣяли, съ которымъ стыдно на улицу показаться. А тутъ того и гляди, подсва̀тается «мозгля̀къ» — богачъ и отдастъ тятька за него безъ разговоровъ; подумаетъ, что «по̀мочь» будетъ ему отъ богача, хоть родители сплошь да рядомъ и ошибаются въ этомъ.

Какъ вспанетъ на умъ красавицѣ про эту грозную бѣду, про это свое горькое несчастійце, заноетъ и защемитъ ея ретивое сердечко и просится съ языка ея тоскливая пѣсенка про горемычное житье-бытье за богатымъ, за нелю̀бымъ мужемъ:

Не па мо̀рюшку-ль сѣра у̀тица плывѐть?
Не па бѐрижку-ль мать радѝмая идѐть?
Ты падѝ, падѝ, мать радѝмая маѝ,
И расправѣдай-ка разняща̀сную мяня:
Какъ я, го̀рькая, у чужѝхъ людёхъ [1]) живу̀;
Не па плису̀, не па ба̀рхату хажу̀,
Чѐрезъ зо̀лата гарячѝмъ сляза̀мъ илью̀ [2]).

Иной разъ изъ-за этихъ копѣечныхъ разсчетовъ, когда прижметъ нужда, родитель отдастъ свою дочку милую, свое дорогое зёрнышко, нена̀спаный глазокъ за старо̀ва, за сѣдо̀ва старика.

Ахъ, если бъ она могла разжалобить родителей, если-бъ они послушали ее, она спѣла-бъ имъ про это замужі̀йце пѣсенку:

Чѐрный во̀рынъ во̀ду пѝлъ;
Хышь пѝлъ, не пѝлъ, вазмутѝлъ;
Вазмутѝвши, палятѣлъ;
Ёнъ [3]), лятѣвши, гаварѝлъ:
«Захатѣла минѐ [4]) мать
За ста̀рыва за̀мужъ адда̀ть;
А я ста̀рыва не люблю̀,
Са ста̀рымъ гуля̀ть ня йду̀,
Ня йду̀, не слу̀шію!»

Но что пѣть? Хоть и не весело родителямъ смотрѣть на дочкины слезы: горячимъ оловомъ падаютъ онѣ на душу, а все-таки поставятъ на своемъ: хошь, не хошь, а замужъ пойдешь; отдадутъ и за немилаго, а то вѣдь всей семьѣ прямо надо въ гробъ ложиться да помирать съ голоду.

Ахъ, если-бъ знали они да вѣдали, что въ это время дѣется въ дѣвичьемъ сердечушкѣ. Не свадьба тутъ, а похо̀роны! И грѣха-то, грѣха при этомъ сколько бываетъ!... Помнится, разъ вотъ этакъ-то «силко̀мъ» [5]) выдавали замужъ. Такъ батька невѣсты и ея старшій братъ нарочно пріѣхали въ церковь, чтобы она не отказалась подъ вѣнцомъ отъ жениха. .... Пропащая, худая это жизнь, «калѝ» живо только тѣло, а душа убита! Говорятъ на это: «стерпится, слюбится». Да полно: слюбится-ль? А если и «слюбится», то дожидай, когда; а каково терпѣть-то? «Крѣпкоду̀шная», пожалуй, еще отстоитъ себя отъ этой горькой доли, а «тихонро̀вную» не рѣдкость, что выдаютъ замужъ боемъ, пилепьемъ, да журеньемъ.

Родительская воля руководится прежде всего своеобразной жалостью. Родители выбираютъ на свой глазъ мѣстечко получше (потому что «молодо зелено, а стараго воробья на мякинѣ не проведешь») и отдаютъ дѣвушку замужъ, не справляясь съ ея сердцемъ. — А иной разъ, какъ въ окошко стучитъ нужда, руководятся они просто денежнымъ расчетомъ для себя, наибольшей пользой отъ того или другого выхода ихъ дочки замужъ.

Не воленъ въ женитьбѣ и парень. Когда жениться—то не его дѣло. «Нада» [6]) баба по хозяйству и женятъ матка съ батькой сына. Надо, что-бъ малецъ больше дома сидѣлъ, не загуливался-бы въ праздничныхъ, и привязываютъ ему до̀ги—женку; все,

---

[1]) «у людёхъ» вм. у людей. [2]) «илью̀» вм. лью. [3]) ёнъ=онъ. [4]) меня.
[5]) «силко̀мъ»=насильно. [6]) «на̀да»=нужна.

женившись, будетъ больше въ домъ смотрѣть, а не изъ дому. Да и мало-ль еще какія притчи и причины «сыграть свадьбу»? [1]).

А кого брать парню замужъ—это опять-таки знать мамкѣ съ тятькой; они сами выберутъ ему невѣсту. Да развѣ и можно въ этомъ дѣлѣ положиться на мальца? Извѣстно, дѣло молодое—неразсудливое; слюбится, свыкнется съ какой-нибудь съ «пригожей» [2]) да съ «негожей» [3]). А что съ безпрокой, будь она и красива, какъ писаная? Не воду съ ея лица пить, не лизать его; хоть-бы и «бабушки сдалбали [4]) его всего, какъ будто горохъ на немъ молотили, хоть и корявая, ничего—сойдетъ. Главное надо смотрѣть, что-бъ была она баба ловкая: «умѣла-бъ около печки ходить» [5]) и мужа обшить и обмыть; что-бъ и женка она ему была настоящая, надолго бъ ее хватило; что-бъ были «въ сутёрьпъ» [6]) ей и ребяты и крестьянская работа.

Замужемъ-то здоровѣть гораздъ некогда; знай, поворачивайся; не даромъ и поговорка молвится при работѣ: «пошевеливайся! замужемъ не въ дѣвкахъ»! А въ крестьянствѣ работа больше все черная да тяжелая. Тутъ надо въ женки выбирать безпремѣнно дѣвку здоровую, какая изъ себя «побаляхнѣй [7]), посправнѣй [8]). Ну, иная хоть бываетъ и «невеличка» [9]) да въ кучкѣ, плотненька этакъ собой; это то-же ничего, не худо. Первое дѣло—надо глядѣть, чтобъ дѣвка была костью роскошна, обширна, собой простóрна. У иной-то рука какъ у «мужчи́ни»; этакая больше вытерпитъ. Да и подъ старость хоть и станетъ она съ лица «несура́зна [10]), а все-таки будетъ «постановна» [11]), видна изъ себя.

Разумѣется, надо смотрѣть еще, что-бъ дѣвка была смирная, не рогатка какая нибудь. Тутъ лучше всего брать не съ вѣтру или по наслышкѣ (потому «мірская молва, что морская волна», кто что ни кинетъ, все несетъ), а по знакомству да по породѣ глядя. А и то «за́рынь» [12]) ничего не угадаешь; хоть въ оба смотри, ничего не увидишь. Вѣдь и все стараешься, какъ лучше; а иной разъ попадетъ такая добрая щетинка, такая выдра, что всѣмъ въ семьѣ, и старикамъ, глаза повыцарапаетъ. Пойдутъ тутъ изъ-за бабъ ссоры да перекоры (вездѣ вѣчно изъ-за бабъ бѣды-то загораются), а тамъ дѣльба. А дѣльба до добра не доводитъ. Если семейство не гораздъ богатое, такъ раздѣлятся и ни у кого ни кола, ни двора; у каждаго такой домокъ, что не надо и замокъ. Нѣтъ, не дай Богъ непокладливой, неладистой невѣстки въ домъ! Вотъ и поэтому часто родители захватываютъ въ свои руки выборъ невѣсты сыну.

Но не всегда сынъ сдается на полную родительскую волю. Ино [13]) бываетъ, вопрется парень за свою зореньку ясную, дѣвицу красную, такъ ничего съ нимъ не подѣлаешь, упрямѣй вола; ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. И думалъ батька взять другую, да не приходится; видно, не судьба. Помнется, пожмется, поморщится батька да и «засылаетъ сватовъ» къ дѣвкѣ, какую «облюбилъ» самъ малецъ; видитъ, что сколько съ нимъ ни бейся, а толку не бывать. Ну, а иной парень выдастся смирно́й да тихо́й такой: какъ хошь, такъ его и гнешь, ни въ чемъ не выходитъ изъ родительской воли. Тогда родители столковавшись напередъ съ собой, когда «играть свадьбу», «засылаютъ сватовъ», если есть на примѣтѣ дѣвка, подходящая по всѣмъ статьямъ. А такихъ, на случай отказа, намѣчается нѣсколько.

Сватовство́.

«Въ сва́ты» [14]) ѣдетъ кто-нибудь изъ семьи либо «поро́ды» [15]), а то и просто сосѣдъ. Дѣлается это безъ всякаго шума. Да и съ чего тутъ въ колокола звонить? От-

---

[1]) «сыгра́ть сва́дьбу»=отправить, отпировать свадьбу. [2]) «приго́жій»=красивый. [3]) «него́жій»=негодный. [4]) «бабу́шки сдалбали или склевали»=побитъ оспой; «бабу́шки»=оспа. [5]) «умѣть около печки ходить»=умѣть стряпать. [6]) «въ сутёрьпъ»=въ сносъ, подъ силу. [7]) «побаля́хнѣй»=подороднѣй. [8]) «посправнѣй»=поисправнѣй, поздоровѣй. [9]) «невели́чкій» = небольшой, маленькій. [10]) «несура́зный» = некрасивый. [11]) «постано́вный»=ста́тный, стройный. [12]) «за́рынь»= заранѣе. [13]) «ино́» = иногда. [14]) «въ сва́ты» (ѣхать)=сватать (ѣхать). [15]) «поро́да» и «ро́да»=родня.

кажутъ еще такъ стыднѣй будетъ.—Зачастую сватъ даже и не на лошади, а прямо пѣшкомъ, на своихъ на двоихъ, отправляется «въ сва̀ты» и въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ около домашней работы ходитъ; уже много-много, если онъ одѣнетъ кафтанъ почище да запрягётъ» лошаденку въ сани.

Понятно, «по Сенькѣ подбирается шапка, по барину говядина»; за богатаго жениха сватъ ѣдетъ къ богатой невѣстѣ, а за бѣднаго къ такой и ѣдетъ. «Начётнѣй» [1]) будетъ дѣло, а то еще стыда нахлебаешься, какъ «богачо̀вка»-то откажетъ.—Ино̀ и бѣднякъ сватаетъ богачку да не «съ бу̀хта—бара̀хта» [2]), а по «нака̀зу» да по «прика̀зу», это особая статья. Бываетъ-же это особаго рода дѣло тогда, когда родителямъ невѣсты гораздъ уже понравится парень—голышъ за смирноту̀ аль за поря̀дливость по хозяйству да и дѣвка отъ него не прочь. Вотъ и «нака̀жутъ» они жениху потихоньку (а то еще скажутъ, что набивались невѣстой), что-бъ пріѣзжалъ въ сваты: «прика̀зано, молъ; отдадутъ».—А то просто дѣвка слюбится съ бѣднякомъ, водой не разольешь. Ну, и пожалѣютъ ее родители, вздумаютъ отдать за него (потому иной «хоть не богатъ, да тароватъ»), а дѣвка и шепнетъ кому-нибудь, что-бъ желанный не зѣвалъ, пріѣзжалъ-бы скорѣй въ сва̀ты.—А коли родители гораздъ «заарта̀чатся», такъ молодые, бываетъ и «тихо̀нько» повѣнчаются. Да, бываетъ и это». Извѣстное дѣло, «что кому ру̀питъ [3]), тотъ то и купитъ». Впрочемъ, свадьбы «тихо̀нько» у насъ не въ обычаѣ, рѣдкость. Всѣ почти женятся, какъ дѣдами заведено; бываетъ и сватовство̀, и рукобѝтье, и вечерѝнка, соблюдаются и другіе свадебные чины. Все законнымъ порядкомъ, по Божьему, какъ тому и слѣдуетъ быть. Такъ вотъ о сватовствѣ рѣчь.

Пріѣдетъ это сватъ къ невѣстинымъ родителямъ и дѣлаетъ все по обычаю. Войдетъ въ ѝзбу, спервонача̀лу помолится «образа̀мъ», потомъ поклонится всѣмъ и «поздра̀вству̀ется», скажетъ: «здоро̀во вамъ» или «здра̀стуйти вамъ». Пройдетъ немного впередъ и «поздравствуется» рука въ руку съ хозяиномъ («здоро̀во сватъ, Михѐй»! а либо тамъ: «кумъ, Гришка»!) и съ другими мужчинами въ семействѣ, что постарше. А тутъ его просятъ проходить и садиться.

— «Ну што, сато̀къ, хо̀дишь?» спроситъ его хозяинъ; видитъ, что не такъ, не спро̀сту человѣкъ пришелъ.

— «Да за ма̀линькимъ дѣльцымъ» отвѣчаетъ гость. «Вишь ты, яно̀ [4]) дѣло-то какое выхо̀дитъ. *У* тибѐ [5]), свато̀къ, примѣрно есть бярёза, а у насъ дубъ; не ста̀ли, свато̀къ, ихъ умѣста [6]) случа̀ть [7])?! Небо̀сь [8]) вѣдаешь, пра што талку̀ю?»

— «Какъ-же, свато̀къ, какъ-же!. Дѣло бывалое, стрѣляная варона!» говоритъ хозяинъ. «Чяво-жъ, яно мо̀жна. Дѣвка, пожалуй што, на той ста̀ти. А кулы̀-жъ ѐта [9]) бу̀дитъ, свато̀къ, да за каво̀? Самъ зна̀ишь, па мѣсту да па чилавѣку гля̀дя; никто саваёму дѣтищу не вракъ» [10]).

Ну тутъ пойдутъ спросы да разспросы, та̀ры да ба̀ры, су̀ды да пересу̀ды. И коли дѣло не подходящее, батька невѣсты говоритъ:

— «Нѣ, свато̀къ, но̀ничи [11]) не думаю аддава̀ть дачкѣ [12]) за̀мужъ. Пажжю [13]) ящо̀ гадо̀къ; не малина, не апа̀нитъ; да ящѐ и рябёныкъ яна̀ савсѝмъ, маласильна. А въ чужихъ людёхъ не дома, вся̀ка быва̀итъ: «часомъ съ квасомъ, паро̀й съ вадой». Призна̀ца табѣ [14]), и самаму̀-та мнѣ дѣвка паку̀дыва [15]) што гара̀здъ [16]) на̀дыби [17]) по хазя̀йству. Меньшу̀ха [18]) паку̀ль [19])—плахая работница: не подтяну̀лась щи [20]), не пораспра̀вилась, то̀льки [21]) што тольки ста̀ла съ сярьпо̀мъ на ниву валачѝца; вся тутъ и помо̀га, а рабо̀ти хышь па̀рься. Што-жъ, свато̀къ, не прагнѣвайся, не абессу̀дь [22]) насъ, пажа̀лыста! Жаниха̀

---

[1]) «начётный»=надежный. [2]) «съ бу̀хта—бара̀хта»=наобумъ, сдуру. [3]) «ру̀пить» —не давать покоя, безпрестанно озабочивать. [4]) «яно» = оно. [5]) «у тибѐ»=у тебя. [6]) «умѣста»=вмѣсто. [7]) «случа̀ть»=соединять. [8]) «небо̀сь»=пожалуй, вѣдь. [9]) «ѐта»= это. [10]) «не вракъ»=не врагъ. [11]) «но̀ничи»=въ этотъ годъ. [12]) «аддава̀ть дачкѣ» вм. отдавать дочки, т. е. дательный падежъ вм. родит. [13]) «пажжю=подожду; «жжя̀ть =ждать. [14]) «табѣ»=тебѣ. [15]) «поку̀дыва»=пока. [16]) «гора̀здъ»=очень. [17]) «на̀дыби» =надо, нужно. [18]) «меньшу̀ха»=младшая дочка. [19]) «паку̀ль»=пока. [20]) «щи»=еще. [21]) «то̀льки»=только. [22]) «не абессу̀дь»=не осуди, извини.

и мѣсто мы не грѐбымимъ [1]), а аддàть никакъ нельзя. Пайщѝ [2]) сабѣ [3]) въ другѝмъ мѣсти; въ міри, сватòчикъ, што въ мòри, всявò найдѐшь, а ѐтыва дабрà рàкомъ до Масквы̀ не пирястàвишь». Или другую какую отговорку скажетъ невѣстинъ батька и пошелъ сватъ—«долгой задъ»—не солено хлебавши.

А когда толкуютъ, всѣ—и сватъ и родители невѣсты—сидятъ вмѣстѣ и, обыкновенно, на лѣвой лавкѣ. Невѣста-жъ, какъ только смекнетъ, въ чемъ дѣло, дрàло изъ избы вонъ (такъ ужъ водится) да и «сòвѣсно» [4]) и жутко ей станетъ сидѣть да слушать, какъ про нее будутъ судить и рядить, ея судьбу рѣшать.

Если-жъ дѣло сладится, сватъ и родители невѣсты встаютъ съ лавки, «затоплàютъ» свѣчку «передъ богàми» и молятся, чтобы далъ Богъ дѣлу «добрый часъ».

Значитъ засвадьбилось. Въ этотъ разъ, однако, не бываетъ никакого угощенія: ни отъ свата, ни отъ родителей невѣсты. Теперь-же уговариваются и о томъ, когда «дѣлать рукобитье». Назначается особый день, что-бъ хозяйка могла «нарòшно прибрàться» къ этому случаю, хорошенько угостить своихъ сватòвъ, а невѣста успѣла-бъ приготовить «дары̀» жениху. Ну, словомъ, свадьба заводится не на шутку.

Рукоби́тье.

На «рукобѝтье» ѣдетъ къ невѣстѣ не одинъ прежній сватъ, а съ нимъ еще жениховъ батька (свёкоръ), а нѣтъ батьки, такъ старшій братъ жениха. Ѣдутъ «сваты̀» за этакимъ дѣломъ со звонкомъ и съ полведромъ водки въ саняхъ. Пріѣдутъ это они и, какъ совсѣмъ уговорятся, начинаютъ «дѣлать рукобитье».

Свѣчка передъ «образàми» уже горитъ. «Сваты̀» и невѣстины родители опять садятся всѣ на одну лѣвую лавку. Тутъ жениховъ батька одѣваетъ на правую руку «рукавѝчину» [7]), невѣстинъ тятька дѣлаетъ то-же самое. Потомъ встаютъ они и берутъ каждый въ руку «съ рукавѝчиной» полу своей одежи: шубы или кафтана—и хлопаютъ одинъ другого по рукѣ, приговаривая:

— «Такъ аддаѐшь, сватòкъ, дòчку-то?»

— «Аддаю̀, брàтицъ, за тваёва сынкà са всѝмъ маѝмъ радѣньимъ».

— «Ну, давàй Богъ всевò дòбрыва!»

И тутъ то одинъ сверху «клёсьнитъ» [8]), то «другѐй» [9]). А послѣ этого всѣ молятся Богу, чтобъ далъ Богъ «все во святэ̀й [10]) часъ,» и «сваты̀» перецѣлуются съ родителями невѣсты. Самой же невѣсты, какъ и при сватовствѣ, обычно въ избѣ нѣтъ. Теперь ужъ дѣло рѣшеное, не рушится; все кончено: и руки побиты и Богу помолились. Правда, бываетъ то оно, что и послѣ этого разсыхается свадьба, да рѣдко: за безчестье считается.

Теперь ужъ «сваты̀» какъ свои люди, какъ у себя дома; раздѣваются и прямо къ столу. Хозяйка тутъ изъ печи тащитъ «пригòхи» [11]), что «поналàжены» [12]) для дорогихъ гостей; а сваты достаютъ водку и подносятъ всѣмъ присутствующимъ «по стакàньчику». Посылаютъ здѣсь за сосѣдями въ деревню «въ стòлу» [13]), а нѣкоторые и сами приходятъ, безъ зòву, какъ узнаютъ, что у сосѣда «рукобитье». И мужики тутъ, и бабы, и даже ребятишки; званыхъ и не званыхъ полная изба. Всѣхъ подчуютъ водкой, а кто пьетъ, напередъ приговариваетъ:

— «Пощàстьи [14]) имъ Богъ! Давай Богъ пажѝть да дабрà нажѝть! На любòвъ, на савѣтъ, на дòлгій вѣкъ! Бу̀дьти здарòвы»! и выпиваетъ.

---

[1]) «грёбывать»=пренебрегать, за худое считать. [2]) «пайщѝ»=поищи. [3]) «сабѣ»=себѣ. [4]) «сòвѣсно» = стыдно. [5]) «нарòшно прибрàться» = нарочно подготовиться. [6]) «дары̀»=подарки. [7]) «рукавѝчина»=рукавица. [8]) «клёснуть»=пріударить, прихлопнуть. [9]) «другѐй»=другой. [10]) «святэ̀й» = святой. [11]) «пригòха» = кушанье. [12]) «поналàдить»=понаготовить. [13]) «къ стòлу»=къ обѣду. [14]) «пащàстьить»=посчастливить.

А ему говорятъ «сваты»: «пей на здоровье!» Обѣдъ кончается.

Послѣ «остатняго» [1]) блюда «сватья» (мать невѣсты) собираетъ въ «чашу» [2]) «дары» жениху отъ невѣсты. Кладетъ въ чашку десятокъ яицъ (это ужъ непремѣнно), полотенце, поясъ, «исподки» [3]) и кое-что другое; подноситъ «дары» свекру и говоритъ: «вотъ табѣ, сватóчикъ! [4]) Я кладу дары пласткóмъ [5]), а ты мнѣ клади крясткóмъ!» Тогда сватъ (батька жениха) вынимаетъ «гребёнку» [6]) и кладетъ денегъ, сколько можетъ, бумажка на бумажку «прòти [7]) дарòвъ нявѣсты».

Отдариваетъ сватъ (свекоръ) и говоритъ невѣстиному батькѣ: «а ты, сватóчикъ, покáжъ-ка [8]) нявѣсту! Не кривую-ль, не сляпую-ль мнѣ даѐти? Сейчасъ посылаютъ за невѣстой и входитъ она въ йзбу, разряженная по праздничному (товаръ то лицомъ показать!). Встанетъ свекоръ и низко поклонится ей и она отдастъ поклонъ свекру, потомъ они поцѣлуются. За этимъ свекоръ наливаетъ стаканъ водки, кидаетъ туда серебра «за поглáдное» и подаетъ невѣстѣ. Та «поздрàвствуется» съ нимъ, молвитъ: «будь здорòвъ!» и выпиваетъ вино, а деньги беретъ себѣ.

Ну, тутъ скорѣй «сваты» шапку въ охапку да за порогъ. А невѣста, какъ только выпьетъ, и заголоситъ (такъ ужъ принято). Мàтка и вся бабья «порòда» невѣсты идутъ къ сторонкѣ, къ кровати, и то-же плачутъ: кто сидя, кто стоя; плачутъ и посторонніе бабы и подруги невѣсты. Сейчасъ тутъ закричатъ: «вярьнись! [9]) вярьнись, сватокъ! ваймѝ [10]) нявѣсту!» Сватъ ворочается и даетъ невѣстѣ денегъ въ «пàстку» [11]); та замолкаетъ на немного и сватъ уходитъ уже на этотъ разъ совсѣмъ.

Но только сватъ за порогъ, невѣста опять принимается голосить. Тутъ дѣвки водятъ ее къ батькѣ, маткѣ, къ брату, сестрѣ и къ другой «порòдѣ», кто на лицо. А невѣста все плачетъ и причитаетъ, къ кому ее ни подведутъ. Подведутъ ее къ батькѣ и заплачетъ, заголоситъ она:

«Карьмѝлицъ мой, бàтюшка!
Бытта [12]) я табѣ надаскучила!
Абвязàлъ ты маю галòвушку
Бизъ поры, бязъ врѐмички;
Минуица вся мая гульбà и вòлюшка!
Не забудь мяня̀, гòрьку гарюшиньку,
Какъ я уйду въ чужіи дòбрыи людюшки!»

Матери причитаетъ:
«Радѝтильница, мàмушка!
Абвàжуть маю буйную галòвушку
Въ чужіи дòбрыи людюшки
Не ва врѐмя, не ва пòрушку.
Какъ мнѣ будить пайтѝть, паступѝть
Па чàстымъ ступѐнюшкамъ [13])?
Какъ мнѣ будить уладѝть, угадѝть
Нерòннымъ [14]) радитилямъ»?

Брату:
«Брàтицъ мой, салавѐюшка!
Не забудь мяня̀ гòрьку гарюшиньку
На чужой дàльнуй старòнушки,
Какъ я уйду въ чужіи дòбрыи людюшки»!

---

[1]) «остàтній»=послѣдній. [2]) «чàша»=чашка. [3]) «испòдки»=маленькія рукавички, вязанныя изъ шерстяныхъ нитокъ. [4]) «Сватàми» у насъ называютъ другъ друга родители жениха и невѣсты. [5]) «пластòкъ» = слоёкъ; «пласткòмъ» слойкòмъ, слойкàми. [6]) «гребёнка» = бумажникъ. [7]) «прòти» = противъ. [8]) «покáжъ» = покажи. [9]) «вярнуться» (вернуться)=воротиться, возвратиться. [10]) «ваймѝ»=уйми, «внять»= унять. [11]) «пàстка»=пясть. [12]) «бытта»=будто. [13]) «па чàстымъ ступѐнюшкамъ», т. е. въ отношеніи деверей, золовокъ и т. д. [14]) «рòнный»=родный.

Сестрѣ:

«Сястрица мая ластушка—падружинька!
Аттуляла я тапѣрь съ табой,
Въ красныхъ дѣвушкахъ атирасавала;
Вси зарастуть мая трапинушки
И торныи дарожиньки,
Гдѣ я гуляла въ красныхъ дѣвушкахъ.
Бывало я у красныхъ дѣвушкахъ,
Куды [1]) вздумаю, туды [2]) и пайду гулять;
У чужихъ—не у сваихъ радитилій:
Какъ будить пайтить, паступить?
Какъ будить чужой радитильницы матушки
Уладить, угадить»?

И плачетъ, рѣкой разливается невѣста по своей дѣвичьей волѣ да о замужней долѣ. Замужемъ прибавится ей и работы, хлопотъ и заботъ. Не даромъ она говорила: «минуица вся мая гульба и волюшка!»; припоминается ей теперь, что не разъ и сама она пѣвала въ пѣснѣ:

«Воля, волюшка мая [3])!
Минавалася волина гульба,
Са чёрнай грязью смѣшалася,
Са чёрнай, съ паддорожною»!

Подумки и трудовъ замужемъ будетъ больше, а жизнь-то не получшаетъ. Что-то невесело поется въ пѣснѣ про замужье:

«Съ-за лѣсу, съ-за лѣсочку
Текла рѣчка ширакая,
За Дунай ишла другая.
Ишла дѣвка маладая,
Вела коня варанова,
Ящѣ другова галубова;
Привадила каня къ рѣчки,
Гаварила съ канёмъ рѣчки:
«Не табѣ, конь, воду пить,
Ня мнѣ, дѣвки, лицо мыть:
Пара замужъ итить.
Привяжу каня ка кусту,
Все ка кусту, ка калинки,
И сламлю сучёкъ калинки:
«Ты пакушій, конь, калинки!
Какава сладка калинка,
Какаво дѣвки замужье?
Въ сямѣюшки нихто ня любить:
Ни свёкыръ, ни свякровка,
Ни дѣвирь, ни заловка».

А иной разъ попадется еще и

«Мужъ—удалая галовка:
Паутру рана уходить,
Вичяру позна приходить;

---

[1]) «куды»=куда. [2]) «туды»=туда. [3]) Можетъ быть, здѣсь собств. имя «Оля», которое у насъ произносится «Воля».

На краёчку спать лажица,
Тижалёшинька вздыхаить,
Трёхъ-четырёхъ вспаминаить;
Три-чятыри—всё чужіи»!

А то:

«Ня ровна [1]) дуракъ навяжица,
Либа воръ, либа пьяница.
У кабакъ идёть шатаица,
Съ кабаку идёть валяица;
Заставляить разувать, разьдявать,
Шелкавы пётли разьдёрьгывать,
Чёрны пугавки расьтёгывать»!

А попробуй не послушаться его, сказать, что:

«Не такова бору ягода расла,
Што я буду тибё разувать, разьдявать»!

Сейчасъ и плетью попотчуетъ:

«Пашолъ мой мужъ у новую клѣть,
Узялъ [2]) мой мужъ рямённую плеть,
Зачалъ жану жалавати,
Все па полу поваливати.
«Вотъ такова ацца [3]) съ матирью дитя,
Што я буду разувать, разьдявать,
Шелкавы пётли разьдёрьгывать,
Чёрны пугавки расьтёгывать»!

И будешь просить его:

«Ты не бей минё безъ вины,
Безъ вяликои безъ бяды!
Што мой батюшка далёче,
Родная матушка дальши таво [4])!
Чѐризъ бярёзья бѣлае
Галасочка маёва ня вслышить,
Чѐризъ сасонья частае
Майхъ слезъ ня ввидить»!

Вотъ оно каково житье-то бываетъ замужемъ! И замираетъ сердце у невѣ отъ неизвѣстнаго будущаго и гадаетъ—думаетъ она думу крѣпкую. Ахъ!

«Кабы знала, малода, и вѣдала
Пра сваю долю горькую
Пра замужійце нещасное,—
Я-бъ сидѣла вѣкъ у дѣвушкахъ,
Чясала-бъ галовушку гладёшинька
И пляла-бъ русу касу часьтёшинька;
И плёвши касу, пригаваривала:
«Што дастанься мая руса каса
Ни князю, ни баярину,
Вдавиному сыну смирному!»

Послѣ «просватанья» дѣвушки, дѣвушки, ея подруги, по старинному обы каждый день собираются къ ней на «посидѣлки»—съ прялками (отчего «посидѣл называются еще у насъ «супрядками»). Добрый это обычай! И невѣстѣ не такъ ск и высказывается въ немъ исконная нѣжность русскихъ дѣвушекъ къ своей сосвата

[1]) «ня ровна» (не ровно)=может быть. [2]) «узять»=взять. [3]) «ацца»=
[4]) «таво»=того.

одругѣ. Сидя за пряжой, дѣвушки поютъ невѣстѣ пѣсенки, какія принято пѣть въ томъ случаѣ.—Вотъ одна изъ нихъ о золотой дѣвичьей долѣ съ нѣжной, предупредительной любовью родной семьи и досадливомъ замужійцѣ съ пересудами и злословьемъ бабьяго рода—племени въ чужой семьѣ: свекрови и золовокъ.

«Марья [1]) въ матушки
Дарагая госьтійка,
Залатая мятёлычка!
Троя сяней вымела,
Толька анной [2]) не вымела
Становой новуй горинки,
Гдѣ сидить люта свякровъ
Са сваимъ съ трёмъ дочирямъ,
Са маимъ залрвушкамъ;
Судили, рядили
Пра чужую дититку,
Пра сваю нявѣстушку:
«То-ль яна санлйвая,
То-ль яна дрямлйвая?!
Недавна къ намъ пришла,
Многа бѣдъ надѣлала,
Мнокъ пасуди паразьбила:
Все пивныи ковшички
И винныи чарычки;
Па навымъ сянёмъ хадила,
Залаты ключи утѣряла».
«Охъ ты, лютая свякровъ!
Ты ня сохни, не бали
Па маимъ златымъ ключамъ:
Мнѣ ня твой сынъ ключи купилъ.
Мнѣ ня твой мужъ залатилъ!
Мнѣ купилъ ключи батюшка,
Залатила матушка,
Полужали сестрицы,
Выкупали братицы,
Абнавляли нявѣстушки
Зли [3]) сваей чесьти, хвалы,
Зли маей красаты».

А тѣмъ временемъ, т. е. между «рукобитьемъ» и свадьбой, родители жениха и невѣсты приготовляются свадьбу пировать.—Шьется невѣстѣ новый «снизокъ» [4]) теплой одежи: шуба и кафтанъ, а иногда еще «снизокъ» нижняго платья, или подвѣнечный «обрядъ» [5]). Отдаются невѣстѣ также и всѣ другіе ея «обряды», что были «поналажены» ей въ дѣвкахъ, и «новины» [6]), сколько успѣла она себѣ «пригашить» [7]) ихъ до «замужья». Вотъ и все, съ чѣмъ родители отправляютъ свою дѣвку въ чужіе люди. Хранитъ свое «добро» дѣвка (какъ, обыкновенно, всѣ деревенскія бабы у насъ въ «кублѣ» [8]).

«Добро» это такъ и называетсы «добромъ», а не приданымъ; приданаго въ деревнѣ у насъ нѣтъ. Впрочемъ, есть и у насъ приданое, но не деньги. Нѣтъ, не онѣ! У насъ невѣста несетъ съ собой жениху самое дорогое въ мірѣ приданое: свое цвѣту-

[1]) примѣрное имя невѣсты! [2]) «анной» = одной. [3]) «зли»=для. [4]) «снизокъ» одежи=полный составъ одежи. [5]) «обрядъ» = нарядъ. [6]) «новина»=трубка (свертокъ) домотканнаго холста. [7]) «пригашить»=приготовить. [8]) «кубелъ»=кадка съ крышкой и замкомъ; въ послѣднее время стали «похватывать» сундуки.

щее здоровье да золотыя, умѣлыя руки. Иного приданаго, у насъ и не ищутъ. Что мужику и съ приданаго, коли женка дрянь? Съ такой и «жи́сьть не въ ра̀дысьть, адна̀ мае̇та̀»; и тутъ то ей не въ силу и тамъ не подъ силу. На работницъ приданое проживешь и своихъ еще приложишь, а все весь вѣкъ будешь не человѣкъ; вездѣ будутъ «неупра̀вки:» и въ домѣ и въ полѣ. Нѣтъ ужъ Богъ съ ними, съ деньгами! Лучше взять въ приданое румяныя полныя щеки и пышную грудь (прису̀ху и утѣху молодца), да рабочія и сильныя руки. Съ ними горе съ полгоря и бѣда не по чемъ!

Въ одинъ изъ «досва̀дьбенныхъ» дней женихъ ѣдетъ къ своей су̀женой «съ ла̀птемъ», т. е. везетъ ей полсапожки подъ вѣнецъ; а невѣста посылаетъ «дары̀» родителямъ жениха: свекру и свекрови.

Какъ невѣстины старики, такъ и жениховы—каждый у себя «подбира̀ются» къ свадебнымъ пирамъ: варятъ пиво, пекутъ пироги и хлѣбы, заготовляютъ мясо, вино [1]. Точно также заняты хлопотами и молодые (женихъ и невѣста); они каждый къ себѣ зазываютъ въ поѣзду̀», просятъ пожаловать въ свадебный по̀ѣздъ; у жениха своя «поѣзда̀», а у невѣсты своя. За разными хлопотами да суетой и не видишь, какъ подскочитъ канунъ свадьбы.

Вечери́нка.

Наканунѣ свадьбы у невѣсты бываетъ «вечери́нка» или дѣвичникъ. Про невѣсту топятъ баню ея подруги; а когда топятъ, головешекъ не колотятъ, чтобы мужъ жены не билъ. Идетъ она въ баню поздно; если зимой свадьба, такъ ужъ съ огонечкомъ; все по-старинному, какъ заведено; и подруги съ ней, только тѣ уходятъ раньше изъ бани, какъ справятся, а невѣста остается съ лучшей подругой и приходитъ послѣ.—Грустно ей!.... Чувствуетъ она, что надъ ней творится что то небывалое, что къ чему-то великому и святому ее готовятъ. И жутко ей станетъ!...

Придетъ невѣста изъ бани въ и̇̀збу, а ужъ подружки всѣ собрались и давно ждутъ ее. Поблагодаритъ она ихъ: «спасибо вамъ, подруженьки, за паръ, за банюшку» и заплачетъ. Да и какъ ей плакатъ? Подруги дѣтства, многія сверстницы пришли проститься съ ней, провести съ ней послѣдній вечерокъ! Скоро придется ей совсѣмъ порвать связь съ дорогимъ прошлымъ и привыкать къ новому будущему, Богъ вѣдаетъ еще къ какому! И заливается, горько и громко плачетъ невѣста. Подруги тутъ унимаютъ, уговариваютъ ее: «брось, не плачь! Не адна̀ ты така̀я го̀рькая! И всѣ мы такіи го̀рькіи. Еты сѣмины не такіи, што держа̀ть, а на̀да перяса̀живать!» Утѣшаютъ, а и у самихъ слезы ручьемъ льются. Переплачутся немного, потомъ подруги начинаютъ пѣсни.

Въ пѣсняхъ вечеринки чувствуется уже близость свадьбы. Первая пѣсня поется «бо̀славъ, Бо̀жа! Бо̀жинька!»; вторая, если у невѣсты живы родители, «какъ Ма̀рьюшкина [2]) мать всѐю но̀чку нѐ спала»; если же невѣста сирота, то поется «ёлка, ёлушка! залата̀я мако̀вушка» [4])!

За ними поются другія, и первая изъ нихъ «на дѣви̇чьи вѐчири». Въ этой пѣснѣ отмѣчается обычай невѣсты плакать на дѣвичникѣ. Въ ней слышатся намъ тихія слезы невѣсты, ея сдержанный ропотъ на виновника плача,—ропотъ на предстоящее, какъ-бы подневольное, замужество.

«На дѣви̇чьи вѐчири,
Тамъ дѣви̇ца пла̀кала.
«Увяди̇ти [5]) ба̀тюшку,
Ваймити [2]) Марьюшку»!
Мы ба̀тюшку увялі̇ [6]),
Ма̀рьюшку не внялі̇ [7]).

[1]) т. е., водку; «водка» у насъ всегда называется «виномъ». [2]) Всѣ собственныя имена поставлены мною въ пѣсняхъ для примѣра. [3]) Этихъ пѣсенъ мы теперь не будемъ приводить, потому что съ ними намъ придется еще встрѣчаться послѣ [4]) «увяди̇ти»=уведите. [5]) «ваймити»=уймите. [6]) «увялі̇»=увели. [7]) «внялі̇»=уняли.

На дѣвѝчьи вѐчири,
Тамъ дѣвѝца пла̀кала,
Марья Пятровна [1]).
«Увядѝти ма̀тушку,
Ваймѝти Ма̀рьюшку»!
Мы ма̀тушку увялѝ
Ма̀рьюшку не внялѝ.

На дѣвѝчьи вѐчири,
Тамъ дѣвѝца пла̀кала.
«Увядѝти бра̀тицевъ.
Ваймѝти Ма̀рьюшку»!
Мы бра̀та увялѝ,
Ма̀рьюшку не внялѝ.

На дѣвѝчьи вѐчири,
Тамъ дѣвѝца пла̀кала.
«Увядѝти сястру̀,
Ваймѝти Ма̀рьюшку»!
Мы сястру̀ увялѝ,
Ма̀рьюшку не внялѝ.

На дѣвѝчьи вѐчири,
Тамъ дѣвѝца пла̀кала.
«Увядѝти Ива̀на—кня̀зя [2]),
Ваймѝти Ма̀рьюшку»!
Мы Ива̀на—кня̀зя увялѝ,
Мы Ма̀рьюшку унялѝ.

Въ слѣдующей пѣснѣ высказывается взглядъ крестьянской дѣвушки на супружество, какъ на дѣло въ высшей степени святое, какъ «на Бо̀жную путь», какъ на путь рѣшительный и безповоротный, а потому великій и страшный, на который никакъ нельзя «пайтѝть, паступѝть» безъ благословенья «су̀даря-ба̀тюшки».

Растапѝся ба̀нюшка [3]),
Разгарѝся ка̀минка [4])!
Ты размы̀лься мыленка [5]),
Ты распа̀рься Ма̀рьюшка!
Ты распла̀чься слѐзьнинька [6]),
Передъ ба̀тюшкой сто̀ючи,
Благаславлѐнья про̀сючи:
«Благаславѝ, су̀дырь-ба̀тюшка,
На Бо̀жную путь пайтѝть, паступѝть»:
Ва святу̀ю у̀тринку,
Въ святу̀ю обѣ̀динку!
Въ свято̀й обѣ̀динки,
Въ свято̀мъ у вѣнь̀чи,
Въ залаты̀мъ абру̀чи
Ско̀ра но̀жки гѝбнуца,
Галава̀ съ плечъ сва̀лица,
Бѣлы ру̀ки распа̀хнуца,
Ретиво̀ сѐрце жихнѐть,
Ясны о̀чи распла̀чуца».

Двѣ слѣдующія свадебныя пѣсни не пріурочены къ опредѣленному времени; поются онѣ и на «дѣвѝчьи вѐчири» или дѣвичникѣ.—Отъ одной изъ нихъ, отъ пѣсни «какъ на го̀ры высако̀й», вѣетъ на насъ сердечной тоской-кручинушкой свѣта—батюшки по своей любимой замужней дочери; въ этой же пѣснѣ доносятся до насъ и горячія слезы родительницы все по ней-же, по милой доченькѣ, по своему дорогому ненагля̀дищу.

---

[1]) имя и отчество невѣсты. [2]) Примѣрное имя жениха. [3]) Въ первыхъ четырехъ строкахъ указывается на обычай невѣсты ходить въ баню передъ свадьбой. [4]) «Ка̀минка» (каменка)=печка въ банѣ черная, т. е., безъ трубы; она обыкновенно кладется въ деревняхъ не изъ кирпичей, а изъ камней. [5]) «мыленка (мыленко)=мыльно. [6]) «слѐзьнинька»=слёзненько.

Какъ на го̀ры высако̀й,
На плащàди ширако̀й,
Тамъ хадѝла, гулялà
Марья Пятровна (невѣста),
Зѐлинъ садъ сажàла.
Насадѝвши зѐлинъ садъ,
Самà зàмужъ пашлà;
Приказàла свой зѐлинъ садъ
Госудàрю-бàтюшку:
«Госудàрь мой, бàтюшка!
Пакрывàй мой зѐлинъ садъ
Всё тахтой [1]), всё бàрхатой» [2])!
«Ахъ дитё-ль маё, дѝтитка.
Марья Пятровна!
Я пакро̀ю твой зѐлинъ садъ
Всё таско̀й, всё кручѝнушкуй».

Какъ на го̀ры высако̀й,
На плащàди ширако̀й,
Тамъ хадѝла, гулялà
Марья Пятровна,
Зѐлинъ садъ сажàлà.
Насадѝвши зѐлинъ садъ,
Самà зàмужъ пашла;
Приказàла свой зѐлинъ садъ
Судàрыни-мàтушки:
«Судàрыня-мàтушка!
Паливàй мой зѐлинъ садъ
То сыто̀й, то пàтыкуй»!
«Ахъ дитё-ль маё, дититка,
Марья Пятровна!
Я палью̀ твой зѐлинъ садъ
Гарячѝмъ свайѝмъ слязамъ».

Въ слѣдующей пѣснѣ предвѣщается дѣвушкѣ болѣе строгое отношеніе къ ней новыхъ ея родителей: свекра и свекрови—сравнительно съ жалостью родного отца—батюшки и кормилицы, родной матушки.

На мо̀ри у̀тычка акуну̀лася,
Вы̀шиччи на биряжо̀къ, встрипяну̀лася.
На тымъ [3]) биряжку̀ Мàрьюшка мы̀ла дары̀;
Мы̀вши дары̀ слѐзно плàкала;
Пото̀мъ паднасѝла дары̀ бàтюшки.
«Су̀дырь ты, бàтюшка, не бѣ̀лы дары»!
Атвѣчàлъ: «дѝтитка, што не бàтьку дарѝшь;
Ѐтымъ дарàмъ свёкра-бàтьку дарѝть» [4]).

* * *

На мо̀ри у̀тычка акуну̀лася,
Вы̀шиччи на биряжо̀къ встрипяну̀лася.
На тымъ биряжку̀ Мàрьюшка мы̀ла дары̀;
Мы̀вши дары̀ слѐзно плàкала;
Пато̀мъ паднасѝла дары̀ мàтушки.
«Судàрыня ты, мàтушка, не бѣ̀лы дары̀»!
Атвячàла: «дѝтитка, што не мàтку дарѝть;
Ѐтымъ дарамъ свякро̀въ дарѝть».

Попоютъ дѣвушки пѣсенокъ, погорюютъ, попечалятся вмѣстѣ съ невѣстой и начинаютъ расходиться по домамъ. А тутъ ихъ просятъ пожаловать завтра «на честно̀й пиръ, на свадебку».—Остается одна невѣста съ своимъ роднымъ семействомъ и начинается съ ней послѣдняя тихая бесѣдушка. За ужиномъ ей уже не до ѣды, не успѣть слезъ глотать. А какъ она проводитъ послѣднюю ночку подъ родительскимъ кровомъ, про то знаетъ только одно ея дѣвичье сердѐчушко!

---

[1]) «тахтà»=тафта. [2]) «бàрхата»=бархатъ. [3]) «на тымъ» = на томъ. [4]) намекается на обычай невѣсты посылать «дары̀» свекру и свекрови.

Составъ «поѣзды».

Завтра свадьба и съ ранняго утра начнетъ собираться къ жениху и невѣстѣ «поѣзда̀» или «поѣзжа̀не». Но кто-же эти «поѣзжа̀не» жениха и невѣсты?—Женихъ зоветъ къ себѣ «въ поѣзду̀» своихъ друзей-пріятелей, деревенскихъ парней. У него есть въ «поѣздѣ»—«подкня̀жій» [1]). Въ «подкня̀жіи» женихъ выбираетъ самаго задушевнаго своего друга. Есть въ «поѣздѣ» еще «дружко̀». Въ «дружкѝ» попадаетъ обыкновенно пожилой, такъ какъ выбирается, который «знаетъ» (мараку̀етъ кое-что по колдовству), а такіе водятся больше между стариками.—Дружко нуженъ «знающій», чтобы «не подшутилъ» кто надъ лошадьми. Положитъ, напр., «злой человѣкъ» [2]), али̂ [3]) иной ради потѣхи наговореную соломинку черезъ дорогу и ни за что черезъ нее не переѣдешь, сколько ни бейся; «упудятся» [4]) кони и ни съ мѣста, какъ вкопаные! — А не то броситъ «зна̀харь» нашоптанную горошину въ сани и будетъ лошадь везти—упираться, будто сто пудовъ на саняхъ лежитъ; того и гляди, что вотъ-вотъ станетъ.— А то ино̂й остановитъ цѣлую «поѣзду̀» гдѣ-нибудь въ воротахъ: либо въ деревню не въѣхать, либо изъ деревни не выѣхать. Видишь, мчится, несется «поѣзда̀» во весь опоръ, а подъѣхала къ воротамъ и стало дѣло. Кру̀тятъ—му̀чатъ «поѣзжа̀не» лошадей, «стеба̀ютъ» ихъ безъ милости, а кони только «шора̀хаются» въ сторону и все тебѣ тутъ; фыркаютъ да бѣсятся, а въ ворота не впереть ихъ ни за что; поди̂—вѣдай отчего: будто самъ чортъ въ воротахъ сидитъ. Въ такихъ-то случаяхъ и дорогъ «дружко̀-ворожби̂тъ». Сейчасъ онъ тутъ какъ тутъ; живой рукой все сниметъ, «отдѣлаетъ» [5]) и опять поѣхала «поѣзда̀» съ Богомъ. А какъ «дружко̀» то не гораздъ «знаетъ», такъ и сиди, пожалуй, на одномъ мѣстѣ да «кулику̀й» курамъ на смѣхъ. Третье чиновое лицо въ жениховой «поѣздѣ»—«тысяцкій». Что дѣлаютъ «тысяцкій» съ «подкня̀жимъ», это въ свое время покажетъ свадебная церемонія.

Невѣста приглашаетъ къ себѣ «въ поѣзду̀» дѣвушекъ-подру̀жекъ; называются онѣ «боя̀рками». Самую лучшую свою подругу невѣста назначаетъ «первой» или «бо̀льшей боя̀ркой». «Бо̀льшей боя̀ркѣ» нужно знать всѣ порядки, обычаи и пѣсни; она все начинаетъ, всѣмъ верховодитъ. Она находится при невѣстѣ безотлучно, всюду ее сопровождаетъ, беретъ за нее деньги, гдѣ нужно и т. д.—Со стороны невѣсты выбираются еще четыре «сва̀шки»: двое мужчинъ и двѣ женщины. «Мужчины—сва̀шки» обязаны везти «боя̀рокъ» на погостъ, а «женщины—сва̀шки» смотрятъ за невѣстой въ церкви, чтобы было все, какъ слѣдуетъ, по обычаю. Онѣ стелятъ молодымъ «подно̀жки», оправляютъ, охорашиваютъ невѣсту, отвѣшиваютъ и завѣшиваютъ ей лицо, когда нужно, и пр.—Число «поѣзжа̀нъ» у жениха и невѣсты бываетъ неодинаково, смотря по карману; вѣдь всѣхъ-же ихъ надо напоить и накормить.—Когда набрана «поѣзда̀» у жениха и невѣсты и все готово къ свадьбѣ, начинаютъ «играть» самую свадьбу.

Свадьба и «отво̀дины».

Святэ̂й Кузьма̀,
  Бо̀жинька!
Скуй намъ сва̀дьбу,
  Бо̀жинька!
Крѣпкую, тьвёрдую,
  Бо̀жинька!

Въ день свадьбы у жениха и невѣсты встаютъ рано.—Какъ только невѣста подымется съ постели, помоется, почешется и пріодѣнется, ее «заво̀дятъ за столъ».

[1]) Сами женихъ и невѣста считаются за князя и княгиню, какъ они и величаются въ свадебныхъ пѣсняхъ. [2]) «злой человѣкъ»=колдунъ. [3]) «али̂»=или. [4]) «упу̀диться»=упереться. [5]) «отдѣлать»=отколдовать; «сдѣлать»=сколдовать.

Сначала всѣ молятся Богу (русскій человѣкъ любитъ все начинать съ крестомъ и молитвой) и «бо̀льшая боя̀рка», обращаясь къ присутствующимъ въ избѣ, говоритъ; «благаслове̏ти, вси кряще̏ныи, пѣсни ӥгра̀ть!»—«Богъ благаслове̏ть!» отвѣчаютъ ей и начинаютъ тогда «заводи̏ть невѣсту за столъ».—«Крёсный» [1]) невѣсты беретъ изъ «божнѝцы» [2]) икону и идетъ за столъ (столъ, обыкновенно, придвинутъ въ передній уголъ къ правой лавкѣ), за «крёснымъ» идетъ невѣста, а за ней «первая боя̀рка» и другія боярки. «У первой боярки» въ рукахъ два «пирожка» [3]) пшеничныхъ или ржаныхъ, кто чѣмъ богатъ. Когда начинаютъ заходить за столъ, «первая боярка» хлопаетъ пирожкомъ объ пирожокъ и запѣваетъ начальную пѣсню: «бо̀славъ, Бо̀жа! Бо̀жинька»! Скажетъ она первое слово: «бо̀славъ»—и хлопнетъ разъ пирожкомъ объ пирожокъ; скажетъ другое: «Бо̀жа»—и еще разъ хлопнетъ;—«Бо̀жинька» и хлопнетъ послѣдній (третій) разъ. Всѣ боярки подтягиваютъ первой:

«Бо̀славъ, Бо̀жа!
Бо̀жинька!
Сва̀дьбу ӥгра̀ти,
Бо̀жинька!
Зачина̀ти,
Бо̀жинька!
Святэ̀й Кузьма̀,
Бо̀жинька!
Скуй намъ сва̀дьбу,
Бо̀жинька!
Крѣпкую, тьвёрдую,
Бо̀жинька!
Святэ̀й Лука̀,
Бо̀жинька!
Случѝ вмѣста,
Бо́жинька!
Двухъ младёновъ,
Бо̀жинька!
Пѐрьвый младёнъ,
Бо̀жинька!
Ива̀нъ Максѝмовъ,
Бо̀жинька!
Другэ̀й младёнъ,
Бо̀жинька!
Ма̀рья Пятро̀вна,
Бо̀жинька!
Случѝ вмѣста ихъ,
Бо̀жинька!
Съ мла̀дысти да ста̀рысти,
Бо̀жинька!

И да мѝлыхъ дѣтушикъ,
Бо̀жинька!
И да сѝвава во̀лыса,
Бо̀жинька!
И да шалко̀вывa по́иса [4]),
Бо̀жинька!
Лю̀ди ба̀ють [5]),
Бо̀жинька!
И не разба̀ють,
Бо̀жинька!
Су̀дьи су̀дють,
Бо̀жинька!
И не разсу̀дють,
Бо̀жинька!
Дажжёмъ мо̀чить,
Бо̀жинька!
И не размо̀чить,
Бо̀жинька!
Со́нцимъ су̀шить,
Бо̀жинька!
И не разсу̀шить,
Бо̀жинька!
Вѣтрымъ вѣ̀ить,
Божинька!
И не разьвѣ̀ить,
Божинька!
Лѣсымъ кло̀нить,
Божинька!
И не раскло̀нить,
Божинька!

Пока поютъ эту пѣсню, всѣ, зайдя за столъ, стоятъ: и «крёсный», и невѣста, и «бо̀льшая боярка» и остальныя боярки.—Какъ кончатъ пѣсню, «крёсный» ставитъ образъ на полочку надъ окномъ, къ которому придвинутъ столъ, зажигаетъ передъ нимъ свѣчку (понятно, восковую), которая и горитъ до отъѣзда невѣсты на погостъ, и ухо-

---

[1]) «крёсный» = крестный отецъ, воспріемникъ при купели. [2]) «божнѝца» = трехугольный шкафчикъ или трехугольная полочка, гдѣ хранятся образа̀. [3]) «Пирогами» называются у насъ продолговатые хлѣбы («пирожками»—маленькіе продолговатые хлѣбы): пшеничные—безъ всякой начинки, а ржаные, обыкновенно, съ картофелемъ. [4]) «по́исъ»=поясъ, по другому изводу: да шалковой бардо̀душки. [5]) «ба̀ить»=говорить.

дитъ самъ; невѣста и боярки садятся.—«Первая боярка» одинъ «пирожо̀къ» изъ своихъ рукъ даетъ невѣстѣ и та кладетъ его себѣ «въ заранье, т. е., за пазуху, съ нимъ и подъ вѣнцомъ стоитъ (у насъ безъ хлѣбнаго никто не вѣнчается); а другой «пирожо̀къ» разламываетъ, раздаетъ по кусочку бояркамъ и сама ѣстъ. Невѣста не выходитъ изъ-за стола во все время до отъѣзда на погостъ, развѣ по надобности, а боярки поютъ ей пѣсни.

На вторую пѣсню поется, если родители у невѣсты живы, «какъ Марьина мать». Въ этой пѣснѣ высказывается взглядъ матери-крестьянки на рожденіе у нея дочери. Родится дочь только на горе и слезы бѣдной матери. Еще сряду по рожденіи дочери мать плачетъ, предвидя впереди большія и долгія слезы. Плачетъ она и взростивши дочку, такъ какъ знаетъ, что выкормила и выпоила ее для чужихъ людей; что рано-ль-поздно, а придется ей разстаться съ своимъ милымъ дитяткомъ, отпустить его на жизнь, Богъ вѣдаетъ еще какую. И вотъ наступила она, эта горькая пора! И теперь, отдавая дочку замужъ, плачетъ родительница пуще прежняго; отъ нее ведутъ любимаго родного дѣтёнка, отъ нее катятъ и «кублы̀ съ добро̀мъ», отъ нее несутъ бѣлые дары̀»! Правда, дочь приноситъ родительскому сердцу и утѣху; но утѣхи на полтину, а скорби да печали на весь цѣлковый (не говоримъ уже объ ущербѣ по хозяйству). Выпои, выкорми ее (сколько тутъ надо хлопотъ да хлѣба!), наряди, погляди-полюбуйся на нее и отдай въ люди, а послѣ боли да сохни по ней горемычные родители. И чѣмъ милѣй была дочка, тѣмъ ее жалчѣй! И не работница-то она имъ, и не поилица, не кормилица на старости лѣтъ; и не на кого родителямъ передъ смертью порадоваться.—Вотъ почему рожденіе дочери въ крестьянскомъ семействѣ не приноситъ особенной радости. Не даромъ въ иныхъ нашихъ погостахъ и попъ креститъ дочку цѣлымъ пятачкомъ дешевле, чѣмъ сына. Онъ хорошо знаетъ, что дочка мужику одна только сердечная зазноба—сухота̀ да «про̀торы» [1]).

«Какъ Ма̀рьина мать
Всю̀ю но̀чку нѐ-спала,
Въ сто̀лички сто̀ила [2]),
Карава̀и ва̀лила [3]),
Все тѣста пашанйшнае;
Яна̀ умѣста [4]) ва̀лила,
Яно̀ ро̀зна валица.
Ва̀лила, ва̀лила,
Три раза̀ запла̀кыла.
Пѐрьвый разъ запла̀кыла,
Кагда̀ Ма̀рью ро̀дила;
Другѐй разъ запла̀кыла,
Кагда̀ Ма̀рью вспая̀ вскорьмя̀;
Трѐттій разъ запла̀кыла,
Кагда̀ Ма̀рью за̀мужъ дая̀.
«Атъ минѐ чаду̀ вядутъ,
Атъ минѐ кублы̀ катя̀ть,
Атъ минѐ дары вязу̀ть!
Чадо̀—милёшинька,
Кублы̀—палнёшиньки,
Дары̀—бялёшиньки».

Если же невѣста—сирота, то поется ей на вторую пѣсню: «ёлка, ёлушка»! Въ пѣснѣ говорится, какъ къ невѣстѣ на бесѣдушку собралась вся родня и всѣ пріятели, не оказалось только родителя-батюшки и родительницы-матушки. И молитъ, проситъ невѣста своихъ милыхъ братцевъ сходить въ церковь къ обѣденкѣ, прозвонить тамъ въ колоколъ «у бальшѐй и въ ма̀линькій», чтобъ услышали ея дорогіе родители и пришли-бы сударь-батюшка и сударыня-матушка на ея бесѣдушку надѣлить ее, горькую-бѣдную сиро̀тушку, «ка свято̀му вѣньчію, къ залато̀му обручію».

Ёлка, ёлушка,
Залата̀я мако̀вушка!
Всё-ль у тебя, ёлушки,
Залато̀я су̀чійка?
Поглядѝ, Ма̀рьюшка,
Па сваѐй бясѐдушки:
Вся-ль тва̀я ранна̀ [6]) сабралася,
Всѣ-ль тва̀й пріятили

---

[1]) «про̀торы»=убытки. [2]) «Въ сто̀лички сто̀ила»=у стола стояла. [3]) «Карова̀и ва̀лила»=караваи валяла. [4]) «Умѣста» (умѣсто)=въ одно мѣсто. [5]) «Ранна̀»=родня. [6]) Если невѣста не круглая сирота, то въ пѣснѣ вспоминается тотъ, кто умеръ: отецъ или мать.

На тваю бясѣдушку?
«Толька нѣту маёй ранни,
Гасударя-батюшки,
Гасударыни-матушки!
Вы браццы, сокалы!
Схадити къ абѣдинки,
Празванйти въ колакылъ
У бальшей и въ малинькій!
Падайти вѣстушку
У сырую зямелюшку
Гасударю-батюшку,
Гасударыни-матушки!
Пусть мой гасударь-батюшка,
Пусть мая гасударыня-матушка
Прилятать на маю бясѣдушку
Надялить сиротушку
Ка святому вѣньчію,
Къ залатому абручію»!

Эта пѣсня поется такъ жалобно, что и невѣста плачетъ навзрыдъ и боярки сами поютъ, а слезы изъ глазъ градомъ катятся, горохомъ сыплются, не успѣть обирать.

Слѣдующая пѣсня поется о нечаянномъ похищеніи вѣнца у невѣсты нѣкимъ княземъ (напр., Иваномъ женихомъ). И умоляетъ невѣста своего старшаго брата вспасть [1]) на добра коня, догнать яснова сокола и отнять у него золотъ ея вѣнокъ. Но не въ силахъ большій братъ вспасть на добра коня, не можетъ онъ догнать яснова сокала, не отнять ему золотъ вѣнокъ и дѣвичей красоты. Не его теперь воля надъ ея золотымъ вѣнкомъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ самой пѣснѣ.

«Играла наша Марьюшка
Залатымъ вянкомъ въ тѣрими;
Паигравши залатымъ вянкомъ
Палажила на акошичка.
«Паляжи мой залотъ вянокъ
На краснымъ акошички!
Я схажу праведаю
Пра свёкрыва житьё,
Пра свякровина бытьё.
Не аткуль [2]) узялся [3]) ясный сакалъ, Иванъ—князь;
Сахватилъ мой залотъ вянокъ.
Дай-ну, гдѣ-жъ мой большій братъ,
(наприм.) Микита Хёдаравичъ?
Ахъ ты, братицъ мой, ясный сакалъ!
Ты вспань на дабра каня,
Дагонь [4]) яснова маёва сакала,
Атыми мой залотъ вянокъ!
Сястрица мая, ластушка!
Мнѣ не вспасть на дабра каня,
Не дагнать мнѣ яснова сакала.
Мнѣ не атнять залотъ вянокъ
И дѣвичуи красаты;
Не мая тапѣрь волюшка
Надъ тваимъ залатымъ вянкомъ».

Передъ тѣмъ, какъ ѣхать на погостъ вѣнчаться, невѣстина «поѣзда перехватываетъ», т. е., закусываетъ. Сама-же невѣста «до вѣнца» не ѣстъ ничего. Равно какъ и женихъ. Послѣ «перехватки боярки» одѣваютъ невѣсту подъ вѣнецъ; чешутъ ея буйную головушку гладёшенько, заплетаютъ русую косыньку частёшенько, «ввязываютъ» ленточку алёшенькую, что-бъ покрасовалась дѣвица послѣдній разъ своей русой косой; наряжаютъ невѣсту въ самый лучшій ея «обрядъ». И когда справятъ дѣвушки совсѣмъ свою подружку, ее надѣляютъ «ка святому вѣньчію». Невѣста и «боярки» заходятъ за столъ и станутъ, и «боярки» начинаютъ запѣвать жалобную надѣльную пѣсенку для родителей:

---

[1]) «вспасть»=вскочить. [2]) «не аткуль»=неизвѣстно откуда. [3]) «узялся»=взялся. [4]) «дагонь»=догони.

«Сказывай, Марьюшка!
Есьть-ли батюшка,
Есьть-ли матушка?
Призывай къ дубовому сталу,
Што-бъ яны [1]) надялили тибе
Съ усёй радыстюй [2]),
Съ усёй жалыстюй [3]).

Тутъ подходятъ родители, берутъ съ полочки надъ окномъ образъ, съ которымъ заводили невѣсту за столъ, и благословляютъ ее; подносятъ хлѣбъ, на хлѣбѣ деньги, и надѣляютъ ее. Невѣста беретъ икону, цѣлуетъ ее и ставитъ на мѣсто, опять на ту же полочку, потомъ цѣлуетъ родителей и принимаетъ хлѣбъ на-руки, а деньги кладетъ въ карманъ. Въ это время «боярки» запѣваютъ другую надѣльную пѣсню: «сокалы, салятайся!» для всѣхъ присутствующихъ:

«Сокалы, салятайся!
Братъ съ сястрой называйся!
Князи, бояры съяжжайся!
Хто заснулъ, прабудися!
Хто пришолъ, не тулися [4])!
Хто пашолъ, варатися!
Хто принёсъ, не скуписи!
Сыпте золато на блюдо,
А серибро на другое—
Нашиму князю на шапку,
Нашуй княгини на шубу!»

И какъ кто надѣлитъ, невѣста кланяется и «боярки» съ ней, а надѣлившему подносятъ ковшъ пива.

Послѣ надѣла невѣста отправляется съ своей «поѣздой» на погостъ. Кони подаются разубранные; всѣ они нарочно для свадьбы пораскормлены, чтобы посвѣжѣе высматривали, да пофорсистѣй везли «поѣзжанъ». Подъ каждой дугой подвязанъ большой колокольчикъ, дуга перевита полотенцемъ, концы котораго попущены низко; на подсѣдёлкѣ тоже полотенце. Иногда сверхъ полотенцевъ дуга перевязана платками и ленточками.

Невѣста ѣдетъ отъ дома до погоста подъ большимъ платкомъ, покрытымъ «въ роспускъ», т. е, на подобіе покрывала, а на платкѣ нашитъ крестъ. Ѣдетъ она въ серединѣ свадебнаго поѣзда вмѣстѣ «съ большей бояркой». Лицо ея слегка закрыто: платокъ спущенъ нѣсколько на лобъ. По пріѣздѣ на погостъ невѣста катается на лошадяхъ со своими «боярками». Въ церковь идетъ она тоже съ призакрытымъ лицомъ. Какъ надѣвать вѣнцы, лицо открывается. По окончаніи вѣнчанья платокъ снова надвигается, но не очень; выйдя изъ церкви лицо закрывается больше. За всѣмъ этимъ смотрятъ «свашки».—По выходѣ изъ церкви невѣста ѣстъ «пирожокъ», съ которымъ вѣнчалась, и даетъ по кусочку своимъ «бояркамъ»; иногда она ѣстъ его уже на дорогѣ, ѣдучи «отъ вѣнца».

Невѣста со своими «поѣзжанами» ѣдетъ «отъ вѣнца» прямо къ себѣ домой и садится съ ними «перекусывать» [5]).—А женихъ со своей «поѣздой» пріѣзжаетъ нѣсколько позднѣе; однако «послѣ вѣнца» ѣдетъ то-же къ невѣстѣ, а не къ своимъ родителямъ.

Но мы еще не сказали о томъ, какъ деревенскій женихъ готовится «къ вѣнцу».—Съ нимъ продѣлываютъ все то-же, что и съ невѣстой. Ему поютъ тѣ-же пѣсни; изъ нихъ одну только съ измѣненіями и одну совершенно новую, послѣднюю передъ отъѣздомъ жениха въ церковь. Разница еще та, что жениху поютъ не дѣвушки, а молодухи»,—и не за столомъ а стоя «на йзьбѣ» [6]); за столомъ же сидитъ женихъ со своей «поѣздой». Его «заводятъ за столъ» такъ же, какъ и невѣсту, и ему даютъ при этомъ «пирожокъ», съ которымъ онъ и вѣнчается; ѣстъ его женихъ «съ поѣздой» по выходѣ

[1]) «яны»=они. [2]) со всей радостью. [3]) со всей жалостью. [4]) «не тулися»=не прячься. [5]) «перекусывать»=закусывать. [6]) «на йзьбѣ»=въ избѣ.

изъ церкви «послѣ вѣнца». Жениху поютъ также на начальную пѣсню: «бо̀славъ, Бо̀жа! Бо̀жинька!»; за тѣмъ—«ёлку, ёлушку», если онъ сирота; а не сирота, такъ поется то-же, что и невѣстѣ, только вотъ съ какими измѣненіями:

«Какъ Ивана ма̀тушка
Всю̀ю но̀чку нѐ-спала.
Въ сто̀лички сто̀ила,
Карава̀и ва̀лила,
Всё тѣста жѝтнае [1]);
Яна̀ ро̀зна ва̀лила,
Яно̀ всё вмѣста ва̀лица.
Яна̀ ва̀лила, ва̀лила
Да три раза̀ вазра̀дылась.
Пѐрьвый разъ вазра̀дылась,
Кагда̀ Ива̀на ро̀дила;
Другѐй разъ вазра̀дылась,
Ивана вспая̀—вскарьмя̀;
Трѐттій разъ вазра̀дылась,
Ивана жѐнивши.
«Ка мнѣ чаду̀ вяду̀ть,
Ка мнѣ кублы̀ катя̀ть,
Ка мнѣ дары̀ вязу̀ть!
Чадо̀ милёшинька,
Кублы̀ палнёшиньки,
Дары̀ бялёшиньки».

Въ этой пѣснѣ высказывается, такимъ образомъ, взглядъ въ крестьянствѣ на мальчика совершенно противоположный взгляду на дѣвочку. Мальчикъ родѝтся на счастье и радость своимъ родителямъ. Онъ будетъ имъ вѣчнымъ кормильцемъ и утѣхой да еще приведетъ имъ до̀чку мѝлую, свою любушку-голу̀бушку. А съ ней прикатятъ къ нимъ «кублы̀», и въ «кубла̀хъ добра̀» не мало; привезутъ имъ и «бѣлые дары̀» отъ почтительной новой дочки. И будутъ дѣтки «надъ ними честь держать» [2]), а они будутъ на старости лѣтъ любоваться ими. Вотъ почему мать «вобра̀дылась, родивши сына; возра̀дылась», вспоя-вскормя его, и радуется особенно теперь, женя его и приготовляя «пирогѝ» къ его свадьбѣ.

Передъ тѣмъ какъ родителямъ надѣлять жениха, поютъ: «ска̀зывай, Иванушка!», а во время надѣла всѣми другими: «со̀калы, салятайся!».

Передъ самымъ-же отъѣздомъ жениха въ церковь поется новая пѣсня, приноровленная именно къ этому положенію жениха, къ его отъѣзду, съ цѣлію добыть себѣ невѣсту. Въ этой пѣснѣ говорится, какъ мать снаряжаетъ своего сынка, уда̀лаго мо̀лодца, ѣхать во сыръ боръ по ягодку, выбрать себѣ изъ малинъ малининку, изъ княгинь княгинюшку:

«Ива̀на ма̀тушка
По-ранѐнька бу̀дила,
Харашѐвька у̀чила,
На ко̀маня [3]) пасо̀дила,
Въ ру̀чку плётку по̀дала,
Варата̀ аттво̀рила,
Путь-доро̀жку вка̀зала.
«Паяжжя̀й, маё дѝтитка,
Ва сыръ боръ па я̀гадамъ!
Выбира̀й, маё дѝтитка,
Съ я̀гыдъ я̀гыдку,
Съ малѝнъ малѝнинку,
Съ княгѝнь княгѝнюшку!»
«Гасударыня, матушка!
Мнѣ ня вы̀брать самаму̀,
Если Богъ не вы̀бирить,
Гасуда̀рь не пажа̀лу̀ить».

На погостъ ѣдетъ женихъ среди своей «поѣзды̀», въ однихъ саняхъ съ «подкня̀жимъ», а «дружко̀» на всякій случай, для отвода бѣды, ѣдетъ впереди. Пріѣхавъ на погостъ, женихъ, по заведенно̀му обычаю, катается со своей «поѣздо̀й», а «послѣ вѣнца̀», какъ уже сказано, отъѣзжаетъ къ невѣстѣ.

По пріѣздѣ въ деревню невѣсты женихъ опять катается съ «поѣздо̀й» по деревнѣ, пока невѣста закусываетъ со своими «поѣзжа̀нами». Затѣмъ, невѣсту надѣляютъ еще

---

[1]) «Жѝтнае» (житное)=ячменное; «жѝто=ячмень. Здѣсь указано «житное» тѣсто, можетъ быть, вслѣдствіе созвучія съ словомъ «жить», такъ какъ все идетъ «къ житью», къ прибыли. [2]) «честь держать надъ к.-л.»=почитать к.-л. [3]) «на ко̀маня»=на коня; въ разговорѣ не употребляется.

разъ. Надѣляютъ ее «сы̀знова» всѣ: и родители, и «поро̀да», и знакомые, и жениховa «поѣзда̀». Приходитъ надѣлить невѣсту и самъ женихъ съ «подкня̀жимъ»; надѣлятъ и уходятъ.

Накатавшись до̀-сыта, женихъ съ «поѣздо̀й» сгоняютъ своихъ лошадей на дворъ къ невѣстѣ. Тутъ приходитъ въ йзбу, гдѣ сидитъ невѣста за столомъ съ «боярками», «ты̀сяцкій съ пирогомъ»; положитъ «пиро̀гъ» на столъ, на «пиро̀гъ» денегъ и сядетъ за столъ. Приходитъ еще «дружко̀». Какъ только «дружко̀» въ йзбу, «бо̀льшая боярка спрашиваетъ его:

— «Абъ чёмъ [1]) ты хо̀дишь: абъ мѣсти, аль абъ невѣсти, иль объ насъ, го̀рдыхъ байрыникъ?»

— «Я хажу̀,—скажетъ «дружко̀»,—и абъ мѣсти, и абъ невѣсти, и абъ васъ, го̀рдыхъ байрыникъ. Я прихажу̀ въ васъ [2]) мѣсто пакупа̀ть».

«Боярка» отвѣчаетъ: «видь [3]) въ насъ [4]) княгйня до̀рыга: адна̀ бровъ [5]) сто рублёвъ, а само̀й и цаны̀ [6]) нѣту!»

«Дружко̀» вынимаетъ сейчасъ изъ кармана пясть «мѣдяко̀въ [7]) и «хлопъ» на столъ.

— «Нѣ, говорятъ «боярки», вы люди бага̀тыи, въ васъ ша̀пки рагатыи; а мы люди бѣдныи, въ насъ варо̀ты мѣдныи, мы ѐтакимъ жалѣзьимъ и лашадѐй не куёмъ. Пахадй-тка па йзьбйщу, ся̀дь-ка на сталбйще, да подкряпй [8])-тка свай лаптйщи, тагды̀ апя̀ть прихади!»

Нечего дѣлать, беретъ «дружко̀» деньги взадъ и выходитъ за порогъ; мало сгода̀, опять приходитъ. Ему говорятъ:

— «У насъ вотъ вы̀строинъ тѐримъ съ четырёмъ угла̀мъ, а кры̀шки нѣту; такъ пакрой-ка!»

Тутъ «дружко̀» кладетъ на столъ бумажку (конечно, денежную).

— «Ну да видь [9]), замѣчаютъ «дружку̀», кры̀шку на̀до гвоздьимъ прикалатйть, а то вѣтрымъ яѐ сарьвѐть».

Здѣсь «дружко̀» кидаетъ на бумажку нѣсколько «мѣдяко̀въ» или серебра. Тогда «бо̀льшая боярка» обираетъ деньги (впослѣдствіи онѣ отдаются невѣстѣ) и выходитъ со всѣми «боярками» изъ-за стола; остается за столомъ только одна невѣста [10]).

Теперь «заступа̀етъ» [11]) за столъ женихова «поѣзда̀», а самъ женихъ подходитъ къ невѣстѣ, становится съ ней рядомъ и беретъ ее за руку. Всѣ стоятъ: молодые съ «поѣздо̀й» за столомъ, а боярки» и остальные «на йзьбѣ» [12]). Тутъ «подкня̀жій» да еще какой-нибудь другой «поѣзжа̀нинъ» подходятъ къ невѣстѣ, берутъ большой платокъ за два угла и держатъ его, распустя, сзади невѣсты съ двумя зажженными вѣнчальными свѣчами, а «сва̀шка» (женщина) расплетаетъ невѣстѣ косу̀, дѣвичью красу̀.— Въ это время братъ невѣсты беретъ «но̀жикъ», становится къ стѣнѣ и, «пилюкая» [13]), кричитъ: «касу̀ рѣжу, касу̀!» А «боярки» жалостно затягиваютъ:

Братъ сястры̀,	Ѐта каса̀
Не тера̀й [14]) касы:	Сто рублѐй дана!

Тутъ «подкня̀жій» подходитъ къ брату и даетъ ему денегъ, и братъ перестаетъ «рѣзать касу̀».—А «сва̀шка», знай, дѣлаетъ свое дѣло; расплела и ужъ заплетаетъ теперь невѣстину головушку на двѣ косы, «по-молоду̀шьему», и одѣваетъ ей на голову «ба̀бій» [15]) (замужній) нарядъ,—«пово̀йникъ» [16]), подъ который и прячетъ косы; сверхъ

---

[1]) «абъ чёмъ»=объ чемъ. [2]) «въ васъ»=у васъ. [3]) «видь»=вѣдь. [4]) «въ насъ»=у насъ. [5]) «бровъ» = бровь. [6]) «цаны̀» = цѣны. [7]) «мѣдякѝ» = мѣдныя деньги. [8]) «подкрѣпѝть», напр., лапти=починить лапти. [9]) «видь»—вѣдь. [10]) Весь этотъ обрядъ называется: «мѣсто покупать». [11]) «заступа̀ть»=заходить. [12]) «на йзьбѣ»=въ избѣ. [13]) «пилюка̀ть»=водить по одному мѣсту ножомъ. [14]) «тера̀ть»=портить. [15]) Отъ обычая крестьянъ называть своихъ женъ «ба̀бами». [16]) «Пово̀йникъ»—шапочка, сшитая для будняго употребленія изъ ситцу или кумачу, а для праздниковъ изъ што̀фной шолковой матеріи, преимущественно краснаго цвѣта.

«повойника» повязываетъ «косынку» [1]). Называется все это: «повязывать невѣсту» [2]). А какъ «повяжутъ», такъ «невѣста» становится уже «молодухой».

Когда «повяжутъ певѣсту», т. е., уберутъ ея голову «по-молодушьему», начинаютъ невѣсту хвалить въ пѣсняхъ, а жениха хулить, «дражнить» [3]). Таковъ обычай.—Вотъ пѣсня въ похвалу невѣстѣ:

«Адна ягадка въ бару расла,
Другая ягадка въ другимъ бару.
Ягадка съ ягадкой сакатилася,
Ягадка ягадки пакланилася,
Ягадка ягадки слово молвила:
«Ягадка, Марьюшка,
Гдѣ-жъ ты была?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,
Ва тваёмъ саду».
«Ягадка, ягадка!
Што-жъ ты дѣлала?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,
Ягадки брала».
«Ягадка, Марьюшка,
Ва што-жъ ты брала?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,
Въ тваю шапачку».
«Ягадка, Марьюшка,
Каму поднесла?»
Ягадка, Иванъ-жа князь,
Тваёму батюшки».
То умна, то умна,
То дагадлива,
Нечива умную пирячивать».

По окончанiи этой пѣсни, какъ говорится, «абманиваютъ сыромъ»; обманываютъ всѣхъ: и «молодыхъ» (т. е., жениха и невѣсту) и «поѣзжанъ». Дѣлается это такъ. Передъ «молодыми» ставятъ чашку съ творогомъ и въ ней двѣ ложки. Какъ только женихъ или невѣста «намѣрится» взять ложку съ творогомъ въ ротъ, а «подкняжiй» и «вихъ» ложку на-бокъ и останется человѣкъ съ открытымъ ртомъ. Ну тутъ, конечно, смѣхъ. Да, говорятъ, это и дѣлается для смѣху. Однако, «молодые» какъ-нибудь таки ухитрятся полакомиться сыркомъ. Та-же самая первоначальная неудача попробовать сыру повторяется и съ каждымъ изъ «поѣзжанъ»: все «подкняжiй обманываетъ. Но въ концѣ концовъ всякiй самъ изловчится обмануть «подкняжаго».

Послѣ этой шутки «дражнятъ» жениха въ пѣсняхъ. Достается тутъ и «боярамъ-поѣзжанамъ» за нескладнаго жениха. Поютъ:

«Вы бояры, лохавьё!
Вы пашнямъ ѣхали,
Вы бароны [4]) видили.
Чяво-жъ вы ихъ не возьмали
Да жаниха не вычесали?
Вы борымъ ѣхали,
Вы хвощъ видили.
Чяво-жъ вы не-взяли
Да жаниха не вымыли?»

Или еще:

«Марьюшка—ягадка наливная,
А подабувка скарузлая—Иванъ Максимовичъ.
Марьюшка, атадьвинься!
Ёнъ ня твой жанишокъ;
Ёнъ каровiй пастушокъ.
Ёнъ и въ поля ганялъ,
Суму валачилъ
И кусочки зьбиралъ».

---

[1]) «Косынка»—трехугольный платокъ. [2]) Такъ принято ходить у насъ молодымъ замужнимъ женщинамъ. Совсѣмъ недавно вышелъ изъ употребленiя высокiй «кокошникъ», исключительно праздничное украшенiе молодыхъ женъ. [3]) «дражнить» = дразнить. [4]) «бароны»=бороны отъ борона: извѣстное замледѣльческое орудiе съ зубцами.

Послѣ какъ «подражнятъ» жениха, ведутъ «молодыхъ» съ «подкняжимъ» кормить обѣдомъ въ отдѣльную, такъ называемую «отхожую» избу [1]), а «поѣзжанъ» и всѣхъ остальныхъ гостей кормятъ въ другой избѣ.

Теперь «боярки» начинаютъ «обыгрывать» обѣдающихъ, т. е., онѣ поютъ пѣсни жениху или «поѣзжанину» аль просто званому гостю, а тотъ за такой почетъ даетъ имъ денегъ. Принимаетъ деньги «первая боярка» и кланяется давшему, а съ ней кланяются и всѣ «боярки».—Для «обыгрыванья» есть разныя пѣсни: особыя жениху и женатымъ «поѣзжанамъ», особыя холостой «поѣздѣ» и особыя простому гостю. Поются боярками» эти пѣсни, стоя кучей въ избѣ, съ приплясываньемъ.

Жениху и женатымъ «поѣзжанамъ» поютъ «вѐрьбинка кудрàва» и «далѝна-ль маѝ далѝнушка». Въ первой пѣснѣ воспѣвается задушевная ласка жены, ея нѣжная привязанность къ своему милому мужу. Все это относится къ обыгрываемому и его женѣ.

«Вѐрьбинка кудрàва—
Микалàй Сямёновичъ [2]).
Вырастàла вѐрьбинка
Ва зялёнымъ лòзьнички;
Расцвятàла вѐрьбинка
Въ зялёнымъ сàдики.
Ка ѐтай ка вѐрьбинки
Пригулѝла баѝрыня,
Явò маладà жанà,
Анна Ляксѣивна [3]);
Вѐрьбинку наклòнила,
Макòвушку слòмила,
На рỳчку палòжила:
«Какъ ѐта вѐрьбинка
На рукѝ лягòшинька,
Живатỳ милёшинька!»

Во второй пѣснѣ восхваляется житейская мудрость жены: ея удивительное умѣнье жить въ ладу со своимъ мужемъ, и въ концѣ рисуется картина родительскаго счастья.—Въ пѣснѣ разсказывается, какъ одинъ удàлый мòлодецъ вздумалъ почваниться надъ своей женой и похвастаться передъ другими ея послушностью, просилъ ее поднять будто-бы нечаянно уроненныя имъ съ лошади шляпу пуховую и плетку шелковую; и какъ жена съ неподражаемымъ, чисто женскимъ, искусствомъ съумѣла отклонить отъ себя, съ соблюденіемъ своего достоинства и съ сохраненіемъ достоинства своего мужа, эту нелестную для нея мужнюю потѣху. Поводомъ уклониться отъ мужней шутки послужило кормленіе дитяти, ихъ теперешней и будущей отрады. Значитъ, источникъ согласія между супругами въ ихъ общей любви къ дѣтямъ.

«Далѝна-ль маѝ, далѝнушка!
Раздòлийце ширòкае!
Па ѐтуй па далѝны
Сивагрѝвый конь бяжѝть.
Дòбрая лòшадь
Занỳздына, засѣдлына;
На канѣ сидить
Добъ [4]) мòладицъ
Микалàй Сямёновичъ [5]);
Ѐнъ чвàница, ламàица,
Сваёй жанòй выдварàица [6])
«Жанà-ль маѝ, бàрыня,
Вранѝлъ [7]) плётку шилкавỳю,
Ящò шляпу пухавỳю;
Падàй шляпу пухавỳю,
Падàй плётку шилкавую!»
«Ня-йдỳ, ня-йдỳ, ня слỳшiю!
За стòликомъ сижỳ, за дубòвымъ
И за скàтирьтямъ за брàнымъ
И за ѣствамъ сахàрнымъ;
Дитю карьмлю кахàную
Табѣ, князю, для вызду,
А мнѣ младòй для выхаду.
Люди бỳдуть намъ свàтыца,
А мы бỳдимъ чвàница».

---

[1]) Крестьянскія избы строятся у насъ «связью»: одна изба противъ другой; соединяются онѣ сѣнями. Живутъ, обыкновенно, въ одной избѣ и называется она «жилòй», другая служитъ кладовой и называется «отхожей» избой. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ—свадьба, похороны, поминки, и «отхожая» изба обращается въ «жилỳю». [2]) для примѣра. [3]) для примѣра. [4]) «добъ»=добрый, хорошій. [5]) для примѣра. [6]) «выдварàться»=хвастаться. [7]) «вранѝть»=уронить.

Холостому «поѣзжанину» поется: «хто-жъ у насъ харòшинькій?» Начинается пѣсня хвалой щеголеватому красавцу-мòлодцу и заканчивается нѣжной лаской голубушки-дѣвушки при встрѣчѣ съ своимъ милымъ послѣ томительной разлуки:

«Хто жъ у насъ харòшинькій,
Хто-жъ у насъ пригожинькій?
Михàйла Ивàнычъ [1]).
Ёнъ хòрашо хòдить,
Манѐрно ступàить,
Сапòгъ не ламàить,
Каблỳкъ не сбивàить.
Пò-лугу, лужѐчку,
Лỳгу зилянòму
Мòладицъ гуляить;
Енъ коня имàить [2]),
А конь съ имъ игрàить;
На каня садùца,
А конь висялùца;
Ёнъ плётычкуй мàшить,
А конь подъ имъ пляшить;
Къ сàду падъяжжяить,
Садикъ расцвятàить,
Падрỳжка встрячаить:
«Падù, мой харòшій!
Падù, мой пригожій!
Всю я ночь не спàла,
Перùнушку слàла,
Згалòвійце клàла!
Згалòвье вкладàла,
Слязàмъ обливàла,
Тябя не даждàла!»

Свадебная пѣсня простому гостю: «А хто-жъ у насъ звàный гòсьть?» Въ ней говорится о томъ почетѣ, который всюду сопровождаетъ этого гостя:

«А хто-жъ у насъ
Звàный гòсьть?
Яхùмъ Мùтривичъ [3]).
Въ любвù пòзвана,
Въ чесьтù посàжина
За дубòвымъ стòликомъ,
За ѣствамъ сахàрными,
За медàмъ абàрными [5]).
Шалкòвая барòдушка,
Сярѐбриный усòкъ!
Вадùли барадỳ,
Па пирàмъ, бясѣдушкамъ,
Всё па звàнымъ свàдибкамъ;
Честавàли барадỳ,
Всё сытòй да пàтыкуй».

Особая пѣсня поется тысяцкому:

«У насъ тысяцкій харòшинькій,
У насъ тысяцкій пригòжинькій:
Барадà шалкòвая,
Усòкъ сярѐбриный;
Въ чесьтù пасàжина
За дубòвымъ столикомъ,
За ѣствамъ сахàрными,
За медàмъ абàрными.
«Ты паслỳшій, тысяцкій,
Што табѣ играють игрùцы,
Мыладùи дявùцы!
Захатѣли игрùцы
Съ тибѐ падàрачковъ:
Канхѐтъ да пряньничковъ,
Да пивцà па кòвшичку,
Да винцà па чàрычки
Да па злàтой грùвинки.

Въ это время тысяцкій раскошеливается, а пѣвицы продолжаютъ:

«Не усьпѣли игрùцы
Пѣсьни сьпѣть,
Ать явò дары пашлù,
Всё падàрки чàстыи,
Паклòны нùзкіи».

[1]) для примѣра. [2]) «имàть»=ловить. [3]) для примѣра. [4]) «абàрный»=обàрный отъ обàривать (ошпаривать горячей водой).

Кончится обѣдъ, кончится и «обыгрыванье».—Послѣ обѣда живо собираются и ѣдутъ къ жениху. Снаряжаютъ родители свою милую доченьку не въ дальнюю путь-дороженьку, въ рѣдкое свиданіице, въ частое цѣлованіице.—Теперь-же везутъ и невѣстино «добрò». Къ жениху ѣдетъ двѣ «поѣзды»: его «поѣздà» и невѣстина. «Молодые» садятся въ однѣ сани и ѣдутъ въ серединѣ всей поѣзды.—Надѣльный образъ беретъ къ себѣ «подкняжій», если не горазд хмѣленъ, а то «дружкò», или кто изъ поѣзжàнъ потверезѣй»[1]); а не окажется такого, такъ беретъ къ себѣ и самъ женихъ.

На дорогѣ въ попутныхъ деревняхъ «жйхари»[2]) выходятъ смотрѣть свадьбу. Ребятишки первые поджидаютъ ее, высматриваютъ йздали; и чуть завидятъ, кричатъ во все горло: «свàдьба ѣдить! свàдьба ѣдить!» Тутъ выбираются на улицу мужики и бабы и станутъ всѣ около дороги. Какъ только свадьба поравняется съ толпой, бабы начинаютъ «играть пѣсни». Свадьба останавливается. Мужики, какъ не занятые ни чѣмъ, придвигаются поближе; кто здоровается съ знакомыми, а кто просто смотритъ «молодыхъ». «Дружкò» въ это время соскакиваетъ съ саней, подходитъ къ жениху и подставляетъ ему свою шапку, тотъ кидаетъ туда денегъ и изъ мѣшка сыплетъ «солодовыхъ орѣховъ»[3]). Кончатъ бабы пѣсню, «дружкò» подходитъ къ нимъ, поклонится низенько, чинъ-чйномъ, и скажетъ: «мàлое примйти, а на бòльшее не судити!» Здѣсь какая-нибудь баба подставляетъ ему передникъ, а не то и прямо подòлъ, и онъ «грохъ» ей туда изъ шапки деньги и орѣхи, и свадьба ѣдетъ дальше. Бабы деньги берутъ себѣ, а орѣхи раздаютъ ребятишкамъ.

Дома у жениха встрѣчаютъ «молодыхъ» батька и матка съ «òбразомъ», съ хлѣбомъ и солью. «Молодые» поцѣлуютъ икону, перецѣлуются съ родителями и примутъ хлѣбъ-соль нà-руки. «Молодыхъ», обыкновенно, ждутъ въ избу черезъ дворъ[4]). Въ сѣняхъ ихъ осыпаютъ «хмѣлемъ и житомъ»; «жйтомъ», чтобы жйлось долго, а «хмѣлемъ», чтобы жйлось весело.—Здѣсь-же, въ сѣняхъ, начинаютъ «дражнйть» невѣсту подобно тому, какъ у невѣсты «дражнйли» жениха. Ей поютъ:

«Ты падй, спесйвая!
Ты падй, ламлйвая!
Не мы тибѐ свàтали,
Ты самà набивàлася,
Въ варатàхъ настаялася,
Въ калѐчко набрячàлася!»

Намекается въ иныхъ припѣвахъ насчетъ близкихъ уже брачныхъ отношеній невѣсты къ своему суженому.

Справятъ дѣдòвскій обычай, «подрàжнять» невѣсту, и ведутъ ее, жениха, «подкняжаго» «свàшекъ»—мужчинъ и «свàшекъ»—женщинъ въ «отхòжую» избу «давать обѣдать», а всѣ другіе обѣдаютъ въ «жилòй» избѣ.—Тутъ гостямъ подносятъ по два ковша вина и ставятъ кушанья, а «боярки» начинаютъ снова «обыгрывать» всѣхъ, какъ было у невѣсты. Послѣ обѣда раздается всѣмъ по кусочку «кỳрникъ». Это жареная курятина, которую привозитъ съ собой невѣста. Раздаетъ «кỳрникъ» женихова матка.—Пока отправятъ этотъ обѣдъ (отъ невѣсты-то пріѣзжаютъ поздновато), смотришь, и спать пора. А кто стелетъ «молодымъ» постель, тому невѣста даритъ поясъ.

На другой день послѣ свадьбы «молодые» идутъ вмѣстѣ пиво цѣдить и этимъ пивомъ подчуютъ сначала свекра и свекровь; а потомъ и остальныхъ гостей. Послѣ-же

---

[1]) «тверёзый»=трезвый. [2]) «жйхарь»=жилецъ, житель. [3]) «Солодовые орѣхи»—это катышкй изъ солодоваго тѣста. У жениха всегда всегда находится въ саняхъ мѣшочекъ съ этими орѣхами «на потѣху» ребятишкамъ. Они замѣняютъ лавочные гостинцы, такъ какъ солодовое тѣсто тоже сладко. Выходитъ и дешево, и сердито [4]) «Скотскій дворъ» у насъ пристраивается рядомъ съ избами. Изъ сѣней есть ходъ во дворъ.

этого «молодые» съ крестнымъ батькой жениха и съ его крестной маткой ѣдутъ на «атвѣдины» къ родителямъ невѣсты. «Обѣдаютъ» тамъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ родителями невѣсты ѣдутъ «обѣдать» къ жениховымъ родителямъ въ тотъ-же день, а загостятся, такъ и на другой [1]).—Этими «атвѣдинами» и кончается празднество Марипчельской крестьянской свадьбы.

М. Успенскій.

---

[1]) Если невѣста окажется потерявшею свое дѣвство раньше замужества и женихъ этого не скроетъ, то «сватàмъ» (родителямъ невѣсты) надѣваютъ хомуты или за обѣдомъ подаютъ дырявыя ложки. Если-же все по хорошему, то радости нѣтъ конца и тогда пируютъ на славу.

Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими Славянскими.

Финскому Литературному Обществу въ Гельсингфорсѣ, которое съ самаго своего основанія въ 1831 г. и въ особенности въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій съ особеннымъ стараніемъ заботилось о разысканіи произведеній финской народной поэзіи и изданіи ихъ въ печати, удалось пріобрѣсти себѣ запасъ образцовъ произведеній финскаго народнаго творчества числомъ до 200,000 и среди нихъ 20,000 народныхъ сказокъ. Изъ послѣднихъ изданы до сихъ поръ подъ редакціею К. Крона сказки о животныхъ и часть миѳическихъ сказокъ (въ 1893 г.) подъ заглавіемъ „Suomalaisia Kansansatuja II, Kuninkaallisia satuja I“ (Финскія народныя сказки II ч., Сказки о короляхъ I ч.) въ многочисленныхъ варіантахъ, записанныхъ по всей области финскаго населенія.

Мы намѣрены представить нѣсколько образцовъ финскихъ сказокъ, съ указаніемъ главныхъ особенностей ихъ въ Финляндіи. Въ обзорѣ характеристическихъ чертъ каждой сказки, который мы составимъ изъ варіантовъ какъ помѣщенныхъ въ упомянутомъ выше сборникѣ, такъ и присланныхъ Обществу послѣ выхода этой книги, мы, главнымъ образомъ, будемъ обращать вниманіе на тѣ черты, которыя имѣютъ значеніе для сравнительнаго изслѣдованія народныхъ сказокъ. Съ тою же цѣлью мы будемъ приводить къ каждой сказкѣ списокъ извѣстныхъ намъ какъ русскихъ, такъ и другихъ славянскихъ варіантовъ.

Три диковинки и волшебныя яблоки.

Санктъ-Михельская губ., Іоройненъ; Suomal. kansansatuja II, 1, № 8a, стр. 39.

Три брата, всѣ трое солдаты, охотясь развели огонь и расположились вокругъ него. Въ продолженіе трехъ ночей къ нимъ приходитъ старикъ и въ награду за указаніе пути даетъ каждому изъ нихъ по волшебному предмету: младшему неистощимый кошелекъ, среднему скатерть-самобранку и старшему плащъ-невидимку. Возвращаясь съ охоты младшій покупаетъ въ подарокъ своимъ братьямъ по постоялому двору, самъ же идетъ свататься за королевскую дочь, которая похищаетъ у него какъ кошелекъ, такъ и полученные отъ братьевъ скатерть и плащъ. Солдатъ, переодѣвшись продавцомъ, продаетъ королевнѣ-воровкѣ крупныя, найденныя имъ на одномъ островѣ яблоки, имѣющія волшебное свойство превращать въ бѣлую лошадь, если ѣшь одно яблоко, и выращать на головѣ большіе рога, если ѣшь два. Съ помощью другихъ, болѣе мелкихъ яблоковъ, возвращающихъ человѣческій видъ, онъ, переодѣтый уже иностраннымъ врачомъ, излѣчиваетъ королевну и получаетъ за это обратно диковинки, королевну же беретъ себѣ въ жены.

Сказка о трехъ диковинкахъ и волшебныхъ яблокахъ встрѣчается одинаково часто во всѣхъ частяхъ Финляндіи. Западно-финляндскіе и восточно-финляндскіе варіанты этой сказки во многомъ отличаются другъ-отъ-друга. Во всѣхъ варіантахъ диковинки получаютъ три брата, почти всегда солдаты, лишь въ восточныхъ частяхъ страны говорятъ иногда объ одномъ человѣкѣ, получающемъ вещи. О томъ, какъ достаются вещи почти во всѣхъ западныхъ частяхъ Финляндіи, говорится какъ въ приведенномъ выше варіантѣ, на востокѣ же большею частью не говорится о томъ, какъ братья сторожили у огня, а старикъ даетъ вещи въ благодарность за табакъ или, что рѣже, солдатъ похи-

щаетъ диковинки отъ чертей, дерущихся изъ-за нихъ. Какъ братьевъ, такъ и чудесныхъ вещей три, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ одна или двѣ. Между ними всюду встрѣчается неистощимый кошелекъ, довольно обыкновенно также шляпа (шапка) невидимка, рѣже камень; плащъ невидимка встрѣчается только въ изложенномъ варіантѣ.

Въ 16-ти варіантахъ (изъ 50) является еще скатерть—самобранка (салфетка, простыня) и въ 20-ти мечъ (палка), изъ котораго выходятъ войска или который избиваетъ, сколько пожелаешь, враговъ. Плащъ (коверъ)—самолетъ, который въ варіантахъ другихъ странъ часто бываетъ въ числѣ чудесныхъ вещей, въ Финляндіи рѣдокъ. 4 раза замѣняетъ его мѣсто корабль, плавающій по сушѣ и по морю. Теряетъ всѣ диковинки въ большинствѣ случаевъ младшій братъ, только въ двухъ варіантахъ теряетъ свою вещь каждый изъ братьевъ, нѣсколько чаще младшій съ самаго начала получаетъ отъ старика всѣ три вещи. Въ роли воровки въ западныхъ частяхъ Финляндіи выступаетъ всегда королевна, и обыкновенная, въ варіантахъ Финляндіи восточной, лишь на дальнемъ востокѣ, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ говорятъ иногда о дочери императора или царя *). Потерянныя вещи возвращаются всегда съ помощью плодовъ, приносящихъ необыкновенныя послѣдствія. Что касается рода плодовъ, то въ этомъ западно-финляндскіе варіанты ясно отличаются отъ восточно-финляндскихъ. На самомъ западѣ говорятъ всегда о яблокахъ, въ восточной Финляндіи и въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой—за исключеніемъ немногихъ варіантовъ о ягодахъ (русская форма), въ среднихъ же частяхъ страны яблоки и ягоды встрѣчаются одинаково часто. Плоды всюду производятъ рога, иногда же вдобавокъ дѣлаютъ волосатымъ. Цѣлебные плоды, уничтожая рога, въ восточныхъ варіантахъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ красоту (русская форма) Силу плодовъ солдатъ узнаётъ собственнымъ опытомъ и находитъ ихъ большею частью на далекомъ островѣ, куда онъ попадаетъ въ лодкѣ, отдавшись на волю вѣтра, рѣже въ лѣсу или въ саду. Они не всегда продаются королевнѣ, а такъ-же часто дарятся ей. Эта часть сказки въ восточной Финляндіи имѣетъ нерѣдко слѣдующій видъ: ягоды или яблоки, сообщающія красоту, солдатъ даетъ сначала прислугѣ королевны и, возбудивъ къ нимъ этимъ путемъ вниманіе королевны, продаетъ или даритъ ей другія съ противоположной силой. Переодѣвается врачомъ солдатъ во всѣхъ варіантахъ, но не всѣ они оканчиваются его свадьбою съ королевной.

Разсказъ о чудесныхъ плодахъ не разъ сплетался въ Финляндіи со сказкою „о волшебной запискѣ подъ крыломъ птицы“, но рѣдко при этомъ сохранились вмѣстѣ яблоки и рога, чаще встрѣчаются трава, превращающая въ лошадь, и ягоды, то дѣлающія рогатыми, то превращающія въ животное (въ медвѣдя, тигра).

Мы встрѣчали эту сказку въ слѣдующихъ сборникахъ русскихъ сказокъ: Аѳанасьевъ, Нар. русск. ск. (2 изд., 1873), Т. II, № 113a, b, c, стр. 138—150 съ варіантами; Эрленвейнъ, Нар. русск. ск., стр. 26 и 40; Изв. Имп. Общ. люб. ест., антр. и этн. Т. XXX, Вып. 2, № 5, стр. 230; Худяковъ, Великор. ск. I, стр. 40; Шейнъ, Мат. для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣверо-запад. края. Т. II, № 78, стр. 163; Романовъ, Бѣлор. сб. Вып. III, № 23, стр. 181; № 24, стр. 186; № 25, стр. 192; Гринченко, Этногр. мат. Вып. II, № 184, стр. 253.

Разсказъ о чудесныхъ яблокахъ, вошедшій въ составъ сказки „о волшебной запискѣ подъ крыломъ птицы“, находится:

У русскихъ: Аѳанасьевъ, Т. II, № 115, стр. 162; Худяковъ, Вып. I, стр. 105; Садовниковъ, Ск. и пред. Сам. кр. № 22, стр. 108; Добровольскій, Смол. этн. сб. ч. I, № 27, стр. 561; Ястребовъ, Мат. по этн. Новор. края. № 16, стр. 148; Гринченко, № 183. стр. 247.

У другихъ славянскихъ народовъ: Krauss, Sagen und Märchen der Südslaven № 39, стр. 187; Haldau, Böhmisches Märchenbuch, стр. 90.

---

*) При изслѣдованіи финскихъ сказокъ употребленіе названія короля или императора (царя) имѣетъ значеніе. Если сказка перешла въ Финляндію съ Востока, то даже въ самыхъ западныхъ частяхъ страны можно встрѣтить въ ней названіе императора, въ случаѣ же перехода сказки съ Запада „король“ обыкновененъ въ ней и въ восточной Финляндіи.

Мужъ ищетъ свою жену.

Улеаборгская губ. Пиппола; Suomalaisia Kansansatuja. II, 1, № 12, стр. 77.

Три дѣвицы, обратившись въ птицы, прилетаютъ въ опредѣленную ночь каждаго лѣта на ниву богатаго крестьянина и, сбросивъ свою птичью одежду, топчутъ хлѣбъ. Три крестьянскихъ сына по очереди сторожатъ ниву. Младшему удается похитить одну изъ птичьихъ одеждъ и онъ не возвращаетъ ее дѣвицѣ, пока та не соглашается сдѣлаться его женою. Король, въ восхищенiи отъ ея неописанной красоты, задаетъ крестьянскому сыну три задачи: въ одну ночь срубить всѣ деревья большого дубоваго лѣса, другую опять поднять ихъ, а кромѣ того отыскать ключи отъ крѣпости, пропавшiе еще при его дѣдѣ. Совершивши съ помощью жены двѣ первыя задачи, во время исполненiя третьей онъ падаетъ съ лошади въ незнакомой странѣ, потому что, не смотря на запрещенiе жены, оглядывается. Жена, считая мужа погибшимъ, улетаетъ за черное и бѣлое моря въ подводный дворецъ въ красномъ морѣ. Наконецъ мужъ возвращается и отправляется въ поиски за женою, взявъ обманомъ шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и мечъ-самосѣкъ у 3 человѣкъ, дерущихся изъ-за нихъ. Двѣ дѣвицы, перевозящiя его черезъ бѣлое и черное моря, требуютъ себѣ въ награду обѣ его руки, но онъ съ помощью шляпы-невидимки избавляется отъ нихъ. Третья дѣвица на берегу краснаго моря, чтобъ узнать для него о подводномъ дворцѣ, созываетъ всѣхъ птицъ и рыбъ. Одинъ китъ знаетъ о немъ и на своей спинѣ везетъ туда человѣка. На крыльяхъ жены они возвращаются къ нему домой.

Кромѣ 47 варiантовъ этой сказки, находящихся въ упомянутомъ выше сборникѣ, въ рукописяхъ, присланныхъ Обществу послѣ его выхода, мы нашли еще 20 варiантовъ. Слѣдовательно, это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ сказокъ въ Финляндiи и одинаково распространена во всѣхъ частяхъ ея. Естественно, что такая сложная сказка подверглась многимъ измѣненiямъ. Она почти всегда начинается такъ, какъ и въ изложенномъ нами варiантѣ, лишь съ тою варiацiей въ восточныхъ частяхъ, что дѣвицы прилетаютъ не топтать хлѣбъ, а купаться, и въ этомъ случаѣ онѣ всегда являются, въ видѣ водныхъ птицъ, лебедей или гусей. Въ нѣсколькихъ варiантахъ западной Финляндiи крестьянскiй сынъ за то, что въ продолженiе 3 ночей сохраняетъ въ чистотѣ данную королевной тарелку или твердо выдерживаетъ другiя испытанiя чорта и этимъ избавляетъ королевну отъ него, получаетъ ее себѣ въ жены. Родъ птицъ въ западныхъ частяхъ страны не точно опредѣленъ; нерѣдко говорятъ, что дѣвицы прилетаютъ къ нивѣ. Число дѣвицъ, такъ же какъ и братьевъ, всегда три, время же, въ которое онѣ топчутъ поле, если оно точно обозначено,—Иванова ночь. Что касается того, какимъ образомъ человѣкъ теряетъ свою жену, то въ западной и средней Финляндiи всегда говорится о королевскихъ задачахъ и о паденiи крестьянскаго сына съ лошади во время поисковъ ключей, на востокѣ же разсказъ часто видоизмѣняется введенiемъ въ сказку слѣдующаго эпизода: человѣкъ долженъ три раза прiйти въ церковь на свиданiя съ женой и бодрствовать до ея прихода, но колдунья всякiй разъ усыпляетъ его волшебной иголкой, вслѣдствiе чего королевна удаляется отъ него и оставляетъ письмо, въ которомъ наказываетъ ему искать себя. Въ западной и южной Финляндiи задачи назначаетъ отецъ королевы, сѣвернѣе чужой король, самъ желающiй жениться на прекрасной женѣ человѣка. Самыя задачи большею частью именно тѣ, о которыхъ говорится въ изложенномъ образцѣ съ тѣмъ измѣненiемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что двѣ первыя, имѣющiя менѣе важное значенiе въ сказкѣ, иногда забываются. Падаетъ съ лошади человѣкъ не всегда вслѣдствiе нарушенiя запрета оглядываться, иногда это происходитъ отъ того, что лошадь пугается сторожившихъ у воротъ льва или медвѣдя. Иногда мотивъ къ паденiю усиливается тѣмъ, что звѣри ударяютъ лапами лошадь. Разсказъ о трехъ моряхъ: бѣломъ, черномъ и красномъ (рѣдко синемъ) и о трехъ длинно-носыхъ женщинахъ, перевозящихъ черезъ нихъ, на востокѣ встрѣчается рѣже, и всегда въ болѣе или менѣе блѣдныхъ чертахъ. Отъ этихъ женщинъ человѣкъ избавляется иногда, не прибѣгая къ помощи чудесныхъ вещей, но его спаса-

ютъ (въ особенности въ западныхъ варіантахъ) три звѣря: медвѣдь, левъ и волкъ или тигръ (братья королевны, превращенные въ животныя), на другомъ берегу каждаго моря, раздирающіе на куски перевозящую женщину. Въ варіантахъ, въ которыхъ говорится о чудесныхъ вещахъ, человѣкъ или похищаетъ ихъ отъ спорщиковъ или присваиваетъ себѣ другимъ образомъ, напр., крадетъ изъ разбойничьяго дома. Между вещами всюду встрѣчаются сапоги-скороходы и шляпа- (шапка-) невидимка; что-же касается третьей вещи, то она большею частью или мечъ-самосѣкъ или скатерть-самобранка. Старуха спрашиваетъ у птицъ о дворцѣ приблизительно въ десяти варіантахъ, но не всегда рыба увозитъ человѣка туда на своей спинѣ.

Изъ славянскихъ варіантовъ этой сказки намъ извѣстны:

У русскихъ: Аѳанасьевъ, IV, стр. 173; Эрленвейнъ, стр. 108, 139 и 145: Худяковъ, I, стр. 60; III, стр. 109; Шейнъ, Т. II, № 136, стр. 285; Рудченко, Нар. южнор. ск., Вып. II, стр. 114; Чубинскій, Труды этн.-стат. экспед. въ зап. русск. край. Юго-зап. отд. Матер. и изслѣд., Т. II, № 4, стр. 15; № 55, стр. 195; № 95, стр. 358; № 109, стр. 390.

У другихъ славянскихъ народовъ: Krauss, № 76, стр. 315; № 81, стр. 352; № 88, стр. 397; № 89, стр. 409; Toeppen, Aberglauben aus Masuren, Anhang, стр. 140; Wenzig, Westslaw. Märchenschatz, стр. 69; Wuk Karadschitsch, Volksmärchen d.Serben, № 4, стр. 25; Стефановић, Српске нар. приповjедке, № 16; Veljavec, Narodne pripovjedke, № 6, стр. 29; стр. 104; въ Archiv für slav. Philologie, Т. V, стр. 45—46 упоминается еще нѣсколько варіантовъ.

Разсказъ о дѣвицахъ, прилетающихъ въ видѣ птицъ купаться къ морю, находится еще: Аѳанасьевъ I, стр. 282 ;Эрленвейнъ, стр. 169; Романовъ, Вып. III, № 21 стр. 172; Чубинскій, стр. 243; Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разсказы, стр. 278.

Эпизодъ о трехъ чертяхъ, спорящихъ о чудесныхъ вещахъ, встрѣчается также: Аѳанасьевъ II, № 107, стр. 99; II, № 115, стр. 158; Изв. Имп. Общ. Люб. ест., ант. и этн. Т. LXIX, Труд. этн. отд. Т. XI, Вып. I, № 2, стр. 166; № 7, стр. 176; № 8, стр. 178; Эрленвейнъ, стр. 139; Садовниковъ, № 7, стр. 52; Романовъ, Вып. III, № 24, стр. 186; № 25, стр. 192; Добровольскій, ч. I, № 27, стр. 561; Чубинскій, № 8, стр. 37; № 14; стр. 70; № 52, стр. 172.

Королевичи съ золотыми волосами и руками.

Або.—Вьернеборская губ., Pyöbecu, Suomal. kansansatuja II, 1, № 1, стр. 1.

Три дочери бѣднаго крестьянина обѣщаютъ королю, если онъ женится на нихъ: старшая прокормить королевскія войска однимъ ржанымъ зерномъ, средняя однимъ льнянымъ сѣмечкомъ одѣть ихъ, младшая же родить королю 12 сыновей съ золотыми волосами и руками. Король женится на младшей. Во время его отлучки на войну родятся королевичи. Сестры изъ зависти подмѣниваютъ письмо, отправленное къ королю съ извѣстіемъ о рожденіи сыновей, другимъ: „королева родила 12 щенковъ“. Точно также подмѣнивается письмо короля: „щенковъ надо сохранить до моего пріѣзда“, такимъ: „королеву и королевичей приказываю убить“. Сжалившись относятъ 11 королевичей въ чащу, королеву же и старшаго королевича спускаютъ въ бочкѣ въ море. Бочка пристаетъ къ пустынному острову, гдѣ, благодаря волшебной силѣ, полученной королевичемъ во снѣ, является громадный торговый городъ и въ немъ великолѣпный дворецъ. Король, узнавъ отъ одного капитана объ этомъ городѣ и о королевичѣ съ золотыми руками, собирается съѣздить туда, но старшей сестрѣ королевы удается отговорить его. Въ концѣ концовъ онъ всетаки отправляется на островъ и находитъ жену съ 12 сыновьями: старшій волшебною силою возвратилъ къ себѣ своихъ братьевъ. Сестеръ бросаютъ въ бочкѣ въ море.

Сказка эта встрѣчается въ Финляндіи всюду, впрочемъ чаще въ восточныхъ частяхъ страны, въ Архангельской-же и Олонецкой губерніяхъ она особенно обыкновенна. Начинается она всегда разсказомъ о 3 сестрахъ, изъ которыхъ младшая обѣщаетъ ко-

ролю родить сыновей съ золотыми руками и серебрянными ногами, или съ луною на лбу и съ солнцемъ на макушкѣ, или золотыхъ дѣтей. Обѣщанія старшихъ сестеръ большею частью тѣже, что и въ изложенномъ варіантѣ. Иногда впрочемъ по аналогіи говорится объ обѣщаніяхъ всѣхъ сестеръ родить сыновей съ особенными, только не одинаковыми качествами. Въ 4 варіантахъ разсказывается объ одной дѣвушкѣ, соотвѣтствующей въ этомъ случаѣ младшей изъ трехъ сестеръ. Число дѣтей всегда такое, въ которое множителемъ входитъ три (3, 9, 12), за исключеніемъ двухъ варіантовъ, говорящихъ объ одномъ королевичѣ. Въ восточныхъ частяхъ довольно обычно число 9, въ западной же Финляндіи оно никогда не встрѣчается. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ случаѣ рожденія девяти дѣтей они почти всегда родятся тройнями, подмѣна письма встрѣчается далеко не вездѣ, и то чаще подмѣнивается лишь письмо съ извѣстіемъ о рожденіи королевичей, причемъ король самъ приказываетъ убить щенковъ (сыновей) или бросить ихъ въ бочкѣ въ море. Въ большинствѣ случаевъ, особенно на востокѣ, объ этомъ разсказывается такъ. Баба-ягà, приглашенная повивальною бабкою, тайно замѣняетъ родившихся королевичей щенками, и король, по возвращеніи домой, приказываетъ уничтожить ихъ. Сестры королевы очень рѣдко выставляются виновницами ея несчастія. Королеву и одного королевича бросаютъ въ бочкѣ въ море во всѣхъ варіантахъ, и во всѣхъ ихъ благодаря какой-нибудь сверхъестественной силѣ, заключенной нерѣдко въ волшебной вѣтви или полотенцѣ, появляется на островѣ дворецъ. Относительно того, какъ король узнаетъ о своей женѣ и сыновьяхъ, которыхъ онъ считаетъ убитыми, съ приведеннымъ образцомъ сходится лишь одинъ варіантъ. Въ восточной Финляндіи о новомъ городѣ и королевичахъ съ золотыми руками большею частью разсказываетъ въ королевскомъ дворцѣ нищій, случайно бывшій на островѣ. Въ западной же Финляндіи или сами королевичи пріѣзжаютъ съ острова во дворецъ отца (въ 2 варіантахъ на свадьбу короля съ дочерью Бабы-Яги) или король пріѣзжаетъ къ нимъ. Женщина-обманщица наказывается различнымъ образомъ: ее или привязываютъ къ лошадинымъ хвостамъ, или зарываютъ въ землю; въ море ее бросаютъ лишь въ приведенномъ варіантѣ. Русскіе варіанты: Аѳанасьевъ III, № 160, стр. 41, 45; IV стр. 378; Худяковъ, Вып. III, № 87, стр. 35; отчасти № 111, стр. 129—130 и № 117, стр. 194—195; № 112, стр. 131; Сб. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XXIII, стр. 179; Романовъ, Вып. III, стр. 296, 298 и 302; Чубинскій № 9, стр. 40; Рудченко, Вып. II, № 27, стр. 89.

Варіанты другихъ славянскихъ народовъ: Glinski, Bajarz polski II, стр. 53; Божена Нѣмцова, Slovenské pohádky a povėsti, стр. 470; Wuk Karadschitsch, стр. 166; Српски летопис. 1872, Т. 114, стр. 141 (=Arch. f. slav. Phil. II, 3, стр. 627); Krauss, стр. 382.

По щучьему велѣнію.

Улеаборгская губ., Киттилэ; рукописный сборникъ Мурмана, № 25.

Мать посылаетъ своего лѣнтяя-сына принести рѣшетомъ воды. Въ рѣшето попадается щука, которая въ благодарность за то, что онъ отпускаетъ ее, обѣщаетъ, что все исполнится по его желанію, если только онъ произнесетъ слова: по щучьему велѣнью. По его желанію вода, и куча дровъ сами отправляются домой, и королевна родитъ ребенка. Король хочетъ узнать, кто отецъ ребенка. Тотъ отецъ его, кому онъ улыбнется. Ребенокъ улыбается лѣнтяю, котораго въ наказаніе сажаютъ на корабельную мачту. По щучьему велѣнію онъ съ мачты попадаетъ въ прекрасную страну, гдѣ его выбираютъ въ короли, сначала мѣднаго, затѣмъ серебряннаго и наконецъ золотого царства. Призвавъ къ себѣ короля, посадившаго его на мачту, лѣнтяй заставляетъ его отдать ему свою дочь въ жены. Въ концѣ концовъ онъ открываетъ королю, кто онъ, и даритъ ему, какъ тестю, мѣдное и серебрянное царства, самъ же остается въ золотомъ.

Эта сказка относится къ числу еще неизданныхъ. Въ періодическомъ изданіи

Финскаго Литературнаго Общества „Suomi II“, 17, стр. 338 перечисляются варіанты этой сказки, доставленные въ архивъ рукописей Общества до 1885 года. Всего 28, записанныхъ въ разныхъ частяхъ страны. Судя по этому, она весьма распространена въ Финляндіи.

Варіанты: Аѳанасьевъ I, № 100, стр. 511, 522; № 101, стр. 525; Эрленвейнъ, стр. 76; Сб. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, Т. XXIII, стр. 202; Чубинскій, № 23, стр. 88; Рудченко, Вып. II, № 26, стр. 85; Kolberg, Pokucie V, № 75 (=Этнограф. Обозр., кн. XXII, стр. 119); Glinski I, стр. 195; Худяковъ, Мат. для из. нар. слов., стр. 20 (сербская).

А. Аарне.

Галицко-русскій авгурій XVIII-го вѣка.

Въ рукописномъ сборникѣ свящ. Ѳеодора Поповича Тухлянскаго изъ половины XVIII-го вѣка, находящемся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (рукоп. н-ръ 2189), помѣщено, какъ дополненіе къ „книгѣ звѣздочетства“, начинающей рукопись, слѣдующее интересное указаніе „о недугующихъ“:

Вещи ѡ недꙋгꙋющих, ащели оумрет или ѡживетъ. Поищи вокимъ дни ꙋні (?) разболитсѧ и сочитаи имѧ его ѿ рожденіѧ днии его; сочтав сиѧ ѡстави на л҃; ѡставши ѧ аще бꙋдет во черлених числохъ, жив бꙋдет, аще во черниxъ, оумретъ. Сие черленѣ: а҃, г҃, д҃, г҃, ді҃, ѕі҃, ѳі҃, ки҃ (в живот); се чернѣ: в҃е, ѕ҃, є҃, з҃, и҃, ѳ҃, ві҃, єі҃, зі҃, иі҃, ка҃, кд҃, ке҃, кѳ҃, л҃ — смертъ.

Аще хощеши ѡбрести ѡ недꙋжномъ или оумретъ или ѡживетъ, ѡтри емꙋ рꙋцѣ и нозѣ тѣстом, подаждъ сие ѱꙋ: аще снѣстъ, жив бꙋдет болний, аще неснѣстъ, то ꙋмретъ.

И паки инакъ: ѡмий рꙋцѣ и нозѣ недꙋжномꙋ теплою водою и пролѣи верхꙋ пса; аще ѡтрѧсетсѧ, то живъ бꙋдетъ болний, аще ли нестрѧсетъ сѧ, то ꙋмретъ и совершишасѧ. (л. 7—7 обр.).

Этотъ интересный авгурій не былъ еще никогда напечатанъ, хотя всѣ остальныя статьи сборника уже обнародованы. О немъ только вскользь упоминаютъ въ описаніи рукописи О. Калитовскій, въ львовской „Зорѣ“, 1884, н-ръ 8, с. 65, и В. Макушевъ, въ журналѣ Минист. Нар. Просв. т. 217, 1881, сент. с. 94. Здѣсь привожу его съ буквальной точностью, вводя только интерпункцію, которая въ рукописи вовсе не отмѣчена.

Ю. Яворскій.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія

Теогонія Гезіода и Прометей (Разборъ сказаній). Георгія Властова. Спб. 1897. 8° XX+579 стр. Цѣна 3 рубля.

Разбирая книгу г. Властова, мы не станемъ излагать всего ея содержанія, такъ какъ для этого пришлось-бы написать новую книгу, пожалуй, еще большаго объема. Все содержаніе гезіодовской Теогоніи авторъ раздѣляетъ на 32 сказанія, которыя онъ и разбираетъ отдѣльно, предпосылая каждому подстрочный переводъ греческаго текста. Мы въ своемъ разборѣ постараемся выяснить главные взгляды автора на свою задачу и общій характеръ его толкованій миѳологическихъ данныхъ. Для этого намъ придется собрать разбросанныя по всей книгѣ отдѣльныя замѣчанія и изъ нихъ возстановить его символъ вѣры. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣлѣ толкованія миѳовъ авторъ придерживается своихъ особыхъ взглядовъ, и отъ оцѣнки его общихъ положеній вполнѣ зависитъ и наше отношеніе къ его выводамъ.

«Основаніемъ каждаго сказанія, каждой легенды всегда служитъ фактъ. Фактъ этотъ есть или явленіе изъ физическаго міра, окружающаго человѣка, или событіе изъ его жизни. Сказанія не выдумываются и не сочиняются, а возникаютъ какъ разсказъ о событіи, или явленіи, и потомъ поэтически развиваются... Поэтому, при разсмотрѣніи каждаго сказанія необходимо искать: изъ какого факта могла возникнуть эта легенда? что именно она вспоминаетъ?» (171). Далѣе (281) авторъ говоритъ, что развитіе миѳовъ «имѣетъ нѣсколько моментовъ. Первый изъ нихъ всегда почти есть воспоминаніе о фактѣ, событіи;—потомъ побѣдная пѣснь,... утрачивая свое мѣстное значеніе, расширяется и охватываетъ всѣ событія [подобнаго рода]... и съ одной стороны начинаетъ переходить съ мѣста на мѣсто, а съ другой обобщаетъ всѣ факты... въ одномъ сказаніи». Здѣсь авторъ уже признаетъ, что главнымъ источникомъ миѳовъ являются историческія событія. Такіе миѳы онъ называетъ миѳами этническаго происхожденія. «Символическое значеніе придумывается миѳу въ послѣдующемъ его развитіи; первый же моментъ большей части миѳовъ имѣетъ этническое происхожденіе» (286). Такой первоначальный миѳъ, по мнѣнію автора, отличается простотой и ясностью. «Миѳъ въ началѣ всегда простъ и ясенъ и почти никогда не связывается съ какою-либо философскою или космогоническою теоріею» (442). Съ другой стороны, «мѣстныя легенды составлялись для прославленія тѣхъ фамилій, у которыхъ служилъ бардъ, который старался на основаніи мѣстнаго сказанія связать славимый родъ съ богами и героями. Иногда легенда возникала отъ игры словъ, или древнихъ метафоръ, смыслъ которыхъ былъ утраченъ» (503). Наконецъ, что касается самаго метода изученія миѳологіи, то авторъ признаетъ, что «необходимо ее (миѳологію) разсматривать, такъ сказать, по слоямъ, стараясь возсоздать образъ миѳа, принадлежащаго только извѣстной эпохѣ, извѣстному моменту развитія общества» (531). Съ послѣднимъ положеніемъ нельзя не согласиться, хотя, какъ мы увидимъ ниже, авторъ неправильно его примѣняетъ на практикѣ: онъ

раздѣляетъ сказанія на слои по заранѣе созданной теоріи, выведенной не изъ разбора самыхъ миѳовъ. Кромѣ того, и общая теорія автора кажется темною и запутанною. Если авторъ въ основу первоначальнаго миѳа кладетъ фактъ, который онъ по большей части понимаетъ какъ историческое событіе, то, естественно, является вопросъ, какъ мы можемъ добыть изъ миѳа его историческую основу. Вѣдь извѣстны намъ только миѳы, а не факты. Изъ словъ автора видно, что миѳъ отличается отъ факта своимъ метафорическимъ языкомъ, который первоначально, по мнѣнію автора, долженъ былъ быть простъ и ясенъ. Но существуетъ-ли хоть одинъ миѳъ, написанный этимъ яснымъ языкомъ? И какой критерій даетъ намъ право причислить тотъ или другой миѳъ къ первоначальнымъ, яснымъ миѳамъ или къ позднѣйшимъ, затемненнымъ? Кромѣ того, если миѳъ все-таки отличается отъ описанія событія, то и въ первоначальномъ миѳѣ мы должны признать извѣстную долю символизма: миѳъ, въ такомъ случаѣ, является символомъ событія и, для того, чтобы умѣть разгадывать миѳы, нужно умѣть понимать ихъ символическій языкъ. Но пониманіе этого языка требуетъ непремѣнно хоть нѣкотораго знакомства съ фактами, лежащими въ основѣ миѳовъ, а ихъ то мы и ищемъ. Слѣдовательно, получается почти безнадежное положеніе. Между тѣмъ, у автора существуетъ какой-то символическій лексиконъ, съ помощью котораго авторъ и переводитъ на историческій языкъ самые сложные миѳы. Но мы не знаемъ происхожденія этого лексикона, и потому сомнѣваемся въ справедливости толкованій автора.

Но прежде чѣмъ познакомиться съ этимъ лексикономъ символовъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о фактахъ, которые авторъ кладетъ въ основу миѳовъ. Если миѳологъ склоненъ въ миѳахъ видѣть прежде всего отзвуки историческихъ событій, то для него весьма важное значеніе должны имѣть факты, засвидѣтельствованные исторіей. Они должны служить ему провѣркою его выводовъ. Малѣйшее противорѣчіе его выводовъ съ историческими фактами должно наводить его на мысль, что въ его разсужденіе вкралась ошибка. Важны для него и выводы сравнительнаго изученія языковъ, тѣмъ болѣе, что ему самому часто приходится имѣть дѣло съ данными почти исключительно лингвистическими. Ему необходимо считаться и съ выводами языкознанія относительно доисторической культуры индоевропейскихъ народовъ: и ими онъ долженъ постоянно провѣрять свои выводы. Такимъ образомъ, если встать на точку зрѣнія автора и признать, что задача миѳолога сводится къ раскрытію историческаго смысла миѳовъ, то необходимо признать, что миѳологъ долженъ, съ одной стороны, строго научнымъ путемъ разбираться въ смыслѣ символическаго языка миѳовъ, а съ другой— изслѣдовать древнѣйшія историческія событія и съ ними согласовать свои выводы или по крайней мѣрѣ, не впадать съ ними въ противорѣчіе. Если онъ, такимъ образомъ, сведетъ концы съ концами, то его выводы можно считать вѣроятными. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ все время парить въ области фантазіи.

Что же даетъ намъ книга г. Властова съ этой точки зрѣнія? Мы увидимъ ниже, что вмѣсто того, чтобы смотрѣть на миѳологію глазами историка (какъ слѣдовало бы поступить миѳологу, ищущему въ миѳологіи древнѣйшихъ историческихъ преданій), авторъ склоненъ, наоборотъ, смотрѣть на исторію съ точки зрѣнія своихъ миѳологическихъ положеній. Что касается доисторическаго періода греческаго племени, всѣхъ индоевропейскихъ племенъ и даже всего человѣчества, то авторъ обо всемъ этомъ имѣетъ весьма точныя свѣдѣнія. Онъ не сомнѣвается, что человѣчество нѣкогда «составляло единую семью» и «имѣло единыя преданія», а потомъ уже «разошлось по земному шару» (6). «Началомъ и исходнымъ пунктомъ человѣчества» онъ считаетъ «сѣверные склоны Гинду-Куша» (371). Относительно индоевропейскихъ племенъ (или арійскихъ, по терминологіи автора) онъ сообщаетъ намъ еще болѣе подробностей. Родина ихъ помѣщается на Памирѣ (напр., 133). Рядомъ съ ведическими аріями на высотахъ Памира жило племя безбожныхъ дазьусовъ» (179). Этихъ «своихъ враговъ дазьусовъ ведическіе аріи обвиняли еще на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Куша въ томъ, что они занимались магіей» (239). «Съ высоты Памира» «принесено имя Прометея въ связи съ воспоминаніемъ о добываніи огня посредствомъ тренія» (202). «Когда аріи, не раздѣленные еще расколами, толпились на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Куша и на холодной высокой равнинѣ Памира, то главными божествами ихъ... были Дій, свѣтлое небо, и мать земля»

(203). Тамъ же, «возникаютъ ведическіе гимны, возникаетъ ученіе о добрѣ и злѣ, извѣстное намъ подъ именемъ Маздеизма» (203—204). Дію «пѣлись гимны на высотѣ Памира» (135). Аріи говорили на своей родинѣ особымъ языкомъ; это былъ, «повидимому, діалектъ санскритскаго, гораздо древнѣйшаго санскритскаго Ведъ» (34). Въ другомъ мѣстѣ (272) говорится, что аріи до раздѣленія на отдѣльныя племена обладали «ведическими гимнами и санскритскимъ языкомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ намъ изъ Ведъ». Эти «ведическіе аріи», по мнѣнію автора, являются представителями всего хорошаго, нравственнаго, поэтическаго. У нихъ была «чистая ведическая семья» (59). «Только у ведическихъ аріевъ мы встрѣчаемъ... обоготвореніе прелестнѣйшаго изъ явленій природы—утренней зари» (121). «Ведическому воспитанію» грековъ авторъ придаетъ «высокое нравственное значеніе» (156). «Благочестіе и сыновняя почтительность напоминаютъ ведическую... семью, а нравственное чувство... указываетъ на неиспорченныхъ ведическихъ грековъ» (157). Въ послѣдней выпискѣ насъ не должно смущать названіе «ведическіе греки», такъ какъ иногда авторъ отождествляетъ грековъ съ ведическими аріями (247).

Изъ общей родины «арійцевъ», по мнѣнію автора, выходитъ сначала одинъ «пелазгическій» потокъ грековъ, которые и заселяютъ Балканскій полуостровъ, двигаясь съ сѣвера. Этотъ же «потокъ пелазговъ» заселилъ и Аппенинскій полуостровъ (137). «Въ концѣ этого великаго переселенія пелазговъ, продолжавшагося нѣсколько столѣтій, вышла съ Памира толпа ихъ же соотечественниковъ, составлявшихъ общество гораздо болѣе цивилизованное, чѣмъ впередъ ушедшія массы, имѣвшее особый культъ и гимны, называемые ведическими, и которое разсталось на сѣверномъ склонѣ Гинду-Куша съ толпами ведическихъ же своихъ соотечественниковъ, перевалившихся (sic) въ долину священнаго Инда» (145). Авторъ считаетъ необходимымъ предполагать эти два потока аріевъ потому, что «раса, племя, общество, имѣющіе свои обычаи и строй жизни, никогда не мѣняетъ ихъ, сидя на одномъ мѣстѣ: племя или общество можетъ одичать, если оно не обновляется притокомъ жизненныхъ силъ, или не будетъ сдвинуто съ мѣста... Поэтому, мы, неколеблясь, отрицаемъ возможность развитія культуры Греціи въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, если не допустить нашествія позднихъ арійскихъ племенъ, которыя несли съ собою ведическіе образы и представленія» (164). Представляя себѣ аріевъ исконными носителями всякихъ высокихъ, нравственныхъ качествъ, авторъ все низшее, темное относитъ на счетъ вліянія туранскихъ племенъ и предполагаетъ, что пелазги (тоже по происхожденію аріи) заимствовали и культъ духовъ, и мантику, и врачество, и зачатки металлургіи отъ туранскихъ племенъ, въ средѣ которыхъ они провели, по мнѣнію автора, нѣсколько столѣтій. Второй потокъ «ведическихъ грековъ», однако, не воспринялъ этой туранской культуры и, найдя на территоріи Греціи своихъ соотчичей, зараженныхъ темными и безнравственными культами, вступилъ съ ними въ борьбу, покорилъ ихъ, но частью и воспринялъ ихъ туранскую культуру. Вотъ эта то борьба и отразилась въ тѣмъ сказаніяхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ враждою Зевса (ведическаго божества) съ представителями пелазго-туранской культуры. Олицетвореніемъ послѣдней является, по мнѣнію автора, Прометей, несмотря на то, что его имя авторъ возводитъ къ періоду жизни аріевъ на высотахъ Памира. Послѣдній «резервъ» ведическихъ грековъ представляютъ дорійцы, которые уже на зарѣ историческихъ временъ прошли черезъ среднюю Грецію въ Пелопоннесъ. Они—самые чистые хранители ведическихъ преданій, твердо стоявшіе за старые завѣты ведической старины. Съ этой точки зрѣнія автору кажется, что и «постоянная послѣдующая борьба Аѳинъ и Спарты за преобладаніе была только продолженіемъ борьбы ахео-пелазгическаго міра съ суровыми дорійцами» (320).

Мы не станемъ разбирать всѣхъ подробностей этой теоріи, такъ какъ не нашли въ книгѣ г. Властова ни одного доказательства его положеній, если не считать вышеприведенное теоретическое соображеніе автора относительно развитія культуры вообще, соображеніе, которое заставляетъ автора признать существованіе нѣсколькихъ потоковъ аріевъ, излившихся на Балканскій полуостровъ. Но и это общее положеніе кажется намъ недоказаннымъ и даже прямо невѣрно. Мы ограничимся только нѣсколькими краткими замѣчаніями. Въ настоящее время врядъ-ли кто изъ лингвистовъ признаетъ

Памиръ прародиной индоевропейцевъ; никто не признаетъ, чтобы они говорили на санскритскомъ языкѣ ведъ; никто не сомнѣвается, что ихъ языкъ никогда не могъ быть даже нарѣчіемъ санскрита; никто также не думаетъ, чтобы ведическіе гимны сложились въ прародинѣ индоевропейцевъ. Если авторъ, такимъ образомъ, лишается этихъ точекъ опоры, то ясно, что и все остальное въ его теоріи является болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Мы могли-бы признать за его теоріей нѣкоторую долю вѣроятія, если бы она выводилась изъ научнаго разбора миѳовъ; но авторъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ всѣ миѳы толкуетъ съ точки зрѣнія этой сомнительной теоріи. Такъ, касаясь очень поздняго сказанія о томъ, какъ Аѳина убила отца своего Палласа, который хотѣлъ ее изнасиловать, авторъ даетъ ему слѣдующее толкованіе: «титаническая культура съ магіей и другими знаніями хотя дала жизнь многимъ искусствамъ, воплощеннымъ въ Палладѣ Аѳинѣ, но хотѣла изнасиловать эту представительницу греческаго духа и трезвыхъ знаній, но греческій духъ убилъ отца своего и остался единственнымъ представителемъ знанія и искусства въ греческой жизни» (127). Если въ какомъ либо сказаніи упоминаются змѣи или чудовища, то авторъ считаетъ ихъ всегда за представителей враждебныхъ ведическимъ грекамъ туранскихъ или пелазгическихъ племенъ. Такъ, напр., Сфинксъ «долженъ былъ представлять собою что-то вродѣ общества душителей... Эдипъ... повидимому, разгадываетъ тайну организаціи общества и уничтожаетъ его разумными мѣрами» (111). «Гигантомахія означаетъ упорную кровопролитную борьбу туземцевъ противъ грековъ» (257). Истребленіе богомъ, мечущимъ молніи, народа флегіевъ, грабившихъ Дельфы, «означаетъ безпощадную истребительную войну, которую предприняли греки противъ нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ, занимавшихся исключительно грабежемъ» (281). Подъ именемъ змѣи, убившей Эпита на охотѣ, разумѣются шайки фанатиковъ дикихъ, которые возмущались противъ греческихъ нововведеній». Авторъ «очень склоненъ думать, что таково значеніе и змѣи, убившей Олега» (285). «Змѣиные хвосты (гигантовъ, символизирующихъ туземныя расы), замѣняющіе ноги, повидимому, указываютъ на то, что они не могли двигаться съ мѣста и были сильны лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ земля ихъ произвела» (385). Замѣчательнѣе всего, однако, то, что авторъ находитъ въ Эсхилѣ «ясно сознаваемую идею воплощенія въ Прометеѣ всей туранской культуры» (193).

Подобныхъ вышеприведеннымъ толкованій миѳовъ мы могли бы привести очень много. Для насъ всѣ такія толкованія совершенно неубѣдительны, такъ какъ для этого нужно вѣрить въ непогрѣшимость того словаря символовъ, на основаніи котораго авторъ, не затрудняясь, всюду принимаетъ напр., что змѣя или змѣиный хвостъ значитъ туземецъ и т. под. Вотъ еще примѣръ изъ этого словаря: «Отсѣченіе головы рѣки, или протока, и изліяніе струи крови означаетъ доведеніе канала, или рѣки, до моря... другіе рукава были «прижжены Іолаемъ», т. е. забиты и засыпаны» (109). По поводу всѣхъ этихъ толкованій намъ невольно приходятъ въ голову золотыя слова автора, которыя онъ самъ, къ сожалѣнію, часто забываетъ. «Надо помнить,— говоритъ онъ на стр. 51, что миѳологія есть драгоцѣнный камень со многими гранями, и что—смотря по тому, какъ мы подносимъ его къ свѣту,—онъ играетъ разными цвѣтами. Это—правда, но, по нашему мнѣнію, для серьезнаго миѳолога именно въ виду этого долженъ на первомъ планѣ стоять вопросъ о томъ, какъ нужно разсматривать этотъ драгоцѣнный камень миѳологіи, какъ нужно ставить каждый отдѣльный вопросъ. Нельзя приступать къ изученію миѳологіи съ предвзятою мыслью, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, мы можемъ иногда высказать и справедливыя мысли; но онѣ будутъ имѣть характеръ чисто случайный. Въ настоящее время миѳологическія теоріи, видѣвшія въ миѳахъ, напр., поэтическія воззрѣнія народа на природу, уже отошли въ вѣчность, такъ какъ всякому очевидно, что въ основѣ этихъ теорій лежатъ поэтическія воззрѣнія ихъ творцовъ на предметъ своего изслѣдованія. Та же судьба ожидаетъ, по нашему мнѣнію, и теорію г. Властова.

Изучающій миѳологію индоевропейскихъ народовъ долженъ, какъ уже было упомянуто, считаться съ выводами сравнительнаго языкознанія. Между тѣмъ, и тутъ авторъ стоитъ далеко не на высотѣ современной науки, что̀ сказывается уже и въ его взглядахъ на первоначальный языкъ аріевъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. Имя богини Діоны, «конечно, производное отъ Дій, или Діу, стало быть, пришло несомнѣнно съ вы-

сотъ Памира» (50). Однако это слово несомнѣнно представляетъ греческое новообразованіе къ слову Ζεύς и не можетъ восходить къ такой древности. Имя Ἥρη производится отъ ἔρα (такого слова не существуетъ: есть нарѣчіе ἔραζε «на землю»), которое сопоставляется съ латинск. terra (150). Сопоставленіе основано на простомъ созвучіи, чего, конечно, слишкомъ мало. «Полуконь, или Полканъ нашихъ сказокъ есть тотъ же центавръ» (216). Между тѣмъ, Полканъ есть несомнѣнно русская передѣлка итальянскаго имени Пуликане и не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ центавромъ. Имя Аполлонъ авторъ производитъ отъ глагола ἀπόλλυμι (246); между тѣмъ ἀπόλλυμι происходитъ изъ ἀπ-όλ-νυ-μι, и у Гомера, который уже знаетъ Аполлона, этотъ глаголъ чаще всего употребляется безъ предлога ἀπό, такъ что эта этимологія имѣетъ очень мало за себя. Съ санскритомъ авторъ, повидимому, тоже не знакомъ. На стр. 446 онъ приводитъ «санскритскій корень т р и т ъ (sic) или т р и, означающій берегъ, отъ котораго производное т р и т о, озеро, или вообще вода». Мы не могли найти такихъ словъ ни въ одномъ изъ словарей и даже не могли разгадать, что можетъ скрываться подъ этой дикой транскрипціей санскритскихъ словъ русскими буквами даже со знакомъ ъ на концѣ. Кроносъ, очевидно по созвучію съ греческимъ χρόνος, объясняется какъ олицетвореніе времени (44;132). Но К и Χ не могутъ такъ свободно чередоваться, и потому вѣроятнѣе Бругмановское сопоставленіе Κρ-όνο-ς съ скр. Kr-anâs «дѣйствующій» отъ kar—«дѣлать».

Странное впечатлѣніе производитъ на читателя также правописаніе собственныхъ именъ. Авторъ всегда пишетъ Есхиллъ, Каллипсо, Инахусъ, Цефиссусъ, Фересидъ и даже Фотіусъ вм. Фотій (патріархъ). Богъ Діонисъ превращается въ Діонисія, грифы въ грифоновъ, не говоря уже о санскритскихъ именахъ Ухасъ вм. Ушасъ, Кандагоса Упанишадъ, вм. Чхандогья, Прагапати, вм. Праджапати и т. под.

Насъ могутъ, пожалуй, упрекнуть въ томъ, что, отрицательнаго относясь къ теоріи и выводамъ автора, мы не постарались обстоятельно обосновать свои взгляды и замѣнить выводы автора другими, болѣе близкими къ истинѣ. Но, во-первыхъ, это не входитъ въ нашу задачу а, во-вторыхъ, трудно опровергать то, чего самъ авторъ не доказываетъ. Мы въ своей рецензіи старались только показать, что какъ теорія автора, такъ и его выводы не вытекаютъ изъ изслѣдованія миѳологическаго матеріала, а являются передъ читателемъ, какъ догматы, въ непогрѣшимость которыхъ авторъ вѣритъ. Такая вѣра еще могла-бы быть оправдана, если-бы миѳологія, какъ наука, выработала какія нибудь общія основныя положенія. Между тѣмъ, такихъ положеній нѣтъ, а потому миѳологъ пока долженъ ограничиться критикой миѳологическаго матеріала, онъ долженъ сомнѣваться, а не вѣрить, а повѣритъ онъ только тогда, когда будетъ знать.

Д. Кудрявскій.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи П. К. Симони обратился къ послѣднему съ просьбою напечатать въ разныхъ изданіяхъ Общества и отдѣльно для разсылки въ редакціи журналовъ, газетъ, Губернскихъ Вѣдомостей, въ Статистическіе Губернскіе Комитеты, для обращенія къ гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, Директорамъ Народныхъ Училищъ и Ректорамъ Духовныхъ Семинарій о распространеніи среди учителей и учительницъ, а равно и учащихся подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній,— и вообще для раздачи всѣмъ желающимъ,—помѣщенное ниже его обращеніе съ приглашеніемъ сообщать матеріалы для подготовляемаго имъ къ печати въ одномъ изъ изданій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества обширнаго труда, посвященнаго систематическому собранію (своду) русскихъ (велико-, бѣло-, мало-русскихъ) пословицъ, поговорокъ, присловій, скороговорокъ, прибаутокъ, присказокъ, побасенокъ, пустобаекъ, народныхъ анекдотовъ, загадокъ, остротъ, прозвищъ и проч. съ объясненіями, варіантами и параллелями — какъ книжныхъ, такъ въ особенности простонародныхъ.

Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, выслушавъ сообщеніе г. Симони, въ засѣданіи своемъ 15 мая 1898 года постановило просьбу его о напечатаніи и распространеніи составленной имъ программы принять къ свѣдѣнію и исполнить.

ПРОГРАММА

для собиранія русскихъ пословицъ, поговорокъ, остротъ, прозвищъ, загадокъ и т. д.

1. Предлагается записывать изъ устъ встрѣчающіяся въ рѣчи особенно простолюдиновъ, употребительныя въ быту купеческомъ и мѣщанскомъ, въ средѣ сельскаго и городского духовенства и т. д.

а) пословицы, поговорки, присловья (чаще шуточнаго или насмѣшливаго содержанія о городахъ и другихъ селищахъ, ихъ жителяхъ, сословіяхъ, иновѣрцахъ, инородцахъ, выдающихся мѣстныхъ лицахъ и проч.), мірскія притчи и вообще пословичныя изрѣченія, не исключая и ходячихъ, часто даже и принявшихъ складъ и мѣрность, текстовъ Священнаго Писанія и изъ духовныхъ книгъ вообще (напримѣръ, изъ Пролога, Паремейника, Житій и т. д.) и проч.

б) чистоговóрки (частоговорки), скороговóрки, присказки, прибаутки, прибаю́тки, пустобáйки, приговóрки, пустоговóрки, прибасенки, побасёнки, побàски, бáйки, — также: прибаутки ремесленниковъ (окрики, крики) выкрикиванія напр. ямщиковъ, сбитенщиковъ, гречневиковъ, пирожниковъ и проч., бурлаковъ и друг., также зазыванія торговцевъ, баньщиковъ и проч.

в) острые и замысловатые отвѣты, остроты, шутки, насмѣшки и т. д.

г) выраженія божбы, пожеланія, привѣты, проклятія, ругань, бранныя (или крѣпкія) слова и выраженія *).

д) мѣткія (красныя) словца, небылицы («небылы́я слова»), иносказàнія, сравнѐнія, обиняки, прòзвища, уличныя, артельныя, ватажныя и другія клички и прозванія, величанія и похвальбы и проч.*).

е) пожеланія застольныя, заздравныя, здравицы, причитанія (причеты) пьяницъ и т. п., — поминальныя, заупокойныя и т. д.

ж) загадки съ отгадками, задачи, шарады, акростихи и другія забавы и шутки подобнаго же рода.

з) заговоры, заклятія, заклинанія, нáшепты, нашептыванія и т. д.

---

*) Просятъ вообще не стѣсняться сообщеніемъ фразъ и словъ, хотя бы и несовмѣстныхъ съ общепринятыми у образованныхъ классовъ понятіями о приличіи и неприличіи, такъ какъ у народа на этотъ счетъ свои понятія.

и) снотолкованія и примѣты.
к) земледѣльческія и пастушьи примѣты и гаданія. Названія народныя мѣсяцевъ съ относящимися сюда поговорками, примѣтами и проч. Праздники и народный мѣсяцесловъ (годовщина) вообще.

2. Записывать просятъ сообщаемыя произведенія народнаго творчества по возможности *съ точнымъ сохраненіемъ выговора каждаго звука*, а не примѣняться къ грамматическому (школьному) правописанію, — *непремѣнно надъ каждымъ словомъ отмѣчать удареніе.*

3. Для каждаго отдѣльнаго случая необходимо указать отъ кого слышано или записано; желательно бы даже имѣть нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и о томъ лицѣ, отъ котораго записаны слово или пословица и проч.: отку́да онъ и родители его происходятъ родомъ, живалъ ли въ столицахъ и проч.?

Въ другихъ случаяхъ важно также знать, гдѣ обращаются, отку́да происходятъ, гдѣ записаны или услышаны были пословица или выраженіе и проч.

Крайне необходимо всегда знать о степени распространенности и излюбленности пословицы и проч. (употребляется ли напр. въ сосѣднихъ мѣстностяхъ или только въ вашей мѣстности? Употребляется ли и въ данной мѣстности повсюду, или въ одномъ только какомъ нибудь родѣ, семьѣ или даже однимъ лицомъ?).

4. Желательно получить объясненія смысла и значенія, а также происхожденія или даже зарожденія каждой пословицы, — отъ лица ея произнесшаго и, если можно, то нужно записать такія свѣдѣнія его же подлинными словами.

5. При малопонятныхъ старинныхъ или мѣстныхъ (областныхъ) словахъ (иначе провинціализмахъ) слѣдуетъ прибавлять объясненіе ихъ значенія.

6. Сообщите, кто̀ вообще въ Вашемъ краю или деревни, городѣ знаетъ и сохраняетъ въ своей памяти наиболѣе пословицъ, загадокъ и проч.? Въ како̀мъ быту (у крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, духовныхъ, солдатъ, рабочихъ и проч.) чаще употребляются пословицы и проч.? также, кто чаще пользуется ими въ рѣчи, мужчины или женщины? старики и старухи или молодые? а дѣти какъ?

Не сохранилось ли въ Вашей мѣстности памяти о скоморохахъ и ихъ ватагахъ, бахаряхъ, сказочникахъ (сказея́хъ) и вообще о потѣшникахъ и досужихъ людяхъ такого рода?

7. Какое особое названіе существуетъ у Васъ для всѣхъ выше перечисленныхъ произведеній простонароднаго творчества, — напр., скажутъ ли: «говорить пословицу», «загонуть загадку», «протолковать (растолковать) сонъ», или иначе какъ и какъ именно?

8. Иногда основаніемъ пословицы, поговорки и проч. служитъ какой нибудь анекдотъ, сказка, преданіе, басня, или же и истин-

ное происшествіе,—для объясненія запишите и ихъ въ возможной подробности. Такъ же, если пословицы или поговорки и т. д. выродились изъ забытой въ народѣ пѣсни (часто еще продолжающей жалкое существованіе среди дѣтей и проч.) или сказки, то постарайтесь разузнать о нихъ и приведите эту пѣсню или сказку цѣликомъ всю.

9. Если бы Вамъ случилось найти у кого либо рукописныя тетрадки съ пословицами, загадками, заговорами и проч., то не можете ли поточнѣе списать ихъ и переслать въ Общество вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ внѣшности самой тетради, съ свѣдѣніями о томъ, «когда и какъ писано, на сколькихъ листахъ, нѣтъ ли въ ней рисунковъ, киноварныхъ (красныхъ) буквъ или даже цѣлыхъ строкъ и проч.; на свѣтъ въ листахъ на бумагѣ не просвѣчиваетъ ли обозначенія года или какого либо знака (клейма); — кому принадлежитъ, отъ кого нынѣшнему владѣльцу досталось. Если есть внутри самой тетради или на ея обложкѣ (переплетѣ, доскѣ и т. п.) приписки: кому принадлежала тетрадь въ давнее время и потомъ, то все это выпишите, какъ отмѣчено тамъ. Еще лучше, если бы Вамъ удалось выслать хотя бы на время и самую тетрадь въ Общество, она можетъ быть куплена, — иначе же, въ полной сохранности и въ скоромъ времени будетъ Вамъ возвращена.

10. Когда, т. е. въ какое время года (напр., въ какіе праздники и проч.), при какихъ обстоятельствахъ (обстановкѣ и проч.) сказываются въ Вашей мѣстности чаще пословицы, загадываются загадки и проч.? Не существуетъ ли игоръ, неразлучныхъ съ сказываніемъ пословицъ, съ загадками, шутками, насмѣшками, гаданіями проч.? Когда онѣ разыгрываются (указать мѣсяцъ, число, время года, дня и проч.)?

11. При записяхъ просятъ лишь писать разборчивѣе, въ объясненіяхъ — необходимое условіе только ясность и понятность изложенія, — литературной обработки вовсе не требуется.

Точно также просятъ не стѣсняться количествомъ и даже качествомъ (т. е. напр. доставить хотя бы и всѣмъ извѣстныя пословицы, или же извѣстныя въ печати, но разъ Вы можете ихъ объяснить, сказать, при какихъ условіяхъ и гдѣ онѣ произнесены, то это есть уже важное и новое, и потому цѣнное для науки, указаніе и оно поможетъ лучше объяснить уже и извѣстное въ печати и проч.)—посылаемаго матеріала, все будетъ принято съ достодолжною благодарностію и вниманіемъ и обезпечено для науки, а имена лицъ, сообщившихъ тѣ или другіе матеріалы, будутъ съ благодарностью упомянуты въ своемъ мѣстѣ.

12. Особенно желательно имѣть записи такихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч., которыя или уже забыты, или стали переиначиваться и разрушаться подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Если пословица и поговорка и т. д. понимаются въ разныхъ смыслахъ, или въ Вашей мѣстности (деревнѣ, городѣ) такъ, а въ сосѣдней—иначе, то необходимо привести объясненіе для каждаго рода и случая ея употребленія особо.

Дѣйствительный Членъ-Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, членъ корреспондентъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Императорскаго Общества любителей древней письменности *Павелъ Симони.*

15 мая 1898 г.

Письма и пакеты съ матеріалами слѣдуетъ адресовать въ С.-Петербургъ, у Чернышева моста, въ Императорское Русское Географическое Общество — Отдѣленіе Этнографіи, или Павлу Константиновичу Симони, по адресу: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 линія, д. 2, кв. 16, въ Императорскую Академію Наукъ (по II-му Отдѣленію).

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Обращая вниманіе нашихъ читателей и членовъ сотрудниковъ И. Р. Г. Общества на прекрасную статью г. Иваницкаго, прошу покорно о сообщеніи въ Редакцію «Живой Старины» подобныхъ-же детальныхъ описаній внѣшней обстановки деревенскаго населенія различныхъ мѣстностей русскихъ (велико-мало и бѣло-русскихъ) и инородческихъ съ обозначеніемъ мѣстныхъ названій всѣхъ предметовъ этой обстановки. Фотографіи, рисунки и модели крайне желательны.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ.

Пословицы и поговорки.

1. «Дѣвушку по родамъ—коровушку по рогамъ»,—искать себѣ дѣвушку въ жены отъ хорошихъ родителей.

2. «Въ дѣвкахъ курочки—въ бабахъ дурочки». Пока въ дѣвушкахъ, за ней ухаживаютъ и говорятъ, что она хороша. Когда же станетъ женой, то обращеніе мѣняется.

3. «Старый гонись, а молодой не плошись». Приготовляйся каждый рано или поздно умереть.

4. «Богу молись, а къ берегу гребись».

5. «Гдѣ рожь, тутъ и мѣра, гдѣ народъ тутъ и вѣра».

6. «Шкалички да косушечки доведутъ до плетюшечки».

Примѣты.

1. Если въ Вербное воскресеніе бываетъ ненастная погода, то и въ Ѳомнно непремѣнно будетъ такая-же. Эдакое состояніе выражается короченомъ: «вербница-свернется».

2. Если весной лягушки весело квакаютъ, то «сѣвъ» будетъ хорошій, безъ помѣхи со стороны погоды.

3. Если овода бойко нападаютъ на скотъ, то цвѣтеніе ржи будетъ благополучное.

4. Нечаяннаго виновника пожара (напр., овина), гонятъ отъ пожарища прочь, въ поле. Если бы онъ побѣжалъ отъ пожара въ деревню, то и огонь будто бы за нимъ перебросить на деревню.

Обычаи.

1. Обычай «заповѣдывать» ягоды. Плохіе урожаи хлѣба, вслѣдствіе песчаной почвы и преобладанія болотъ въ южной части уѣзда, заставляютъ крестьянъ обращать, большое вниманіе на «лѣсной харчъ»», заготовляя его помногу въ прокъ, какъ подспорье къ прочимъ пищевымъ продуктамъ, а излишекъ пуская въ продажу. Грибы подвергаются соленію и сушенію, а бѣлые сушеные грибы идутъ исключительно въ продажу на крещенской ярмаркѣ въ г. Весьегонскѣ по цѣнѣ отъ 40 к. до 1 руб. за фунтъ, смотря по урожаю. Въ предупрежденіе выбора ягодъ еще неспѣлыми и для равномѣрнаго распредѣленія ихъ между всею деревнею, ягоды бруснику и клюкву «заповѣдуютъ». Для этого, въ началѣ лѣта собирается въ данной деревнѣ сходъ и постановляютъ приговоръ несобирать ягоды до извѣстнаго времени, а ослушникамъ опредѣляется наказаніе. Въ день «расповѣдыванія» ягодъ, отправляются почти поголовно для

сбора, и въ урожайные годы брусники набираютъ, а затѣмъ намочиваютъ и напариваютъ цѣлыя кадки.—Клюквы-же нѣкоторыя семьи набираютъ по четверти и болѣе, часть ея продается пріѣзжающимъ, нарочно для этаго, скупщикамъ. Даже такія невкусныя, какъ напр. можевеловыя и то заготовляются по нѣскольку мѣръ. Въ продолженіе зимы изъ нихъ варятъ праздничный напитокъ, подъ названіемъ «вересоваго сусла или пива», который пьется всѣми съ удовольствіемъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго.

2. Странный обычай. Мѣстное названіе тещи: хоровина.—Въ первое воскресеніе великаго поста, или такъ, называемое здѣсь «хоровинное воскресеніе» зятья ѣдутъ за тещами и везутъ ихъ къ себѣ въ гости. Проѣзжая по деревнямъ ихъ встрѣчаютъ толпы подростковъ—мальчишекъ съ грудами вѣнковъ и начинаютъ съ криками хлестать вѣнками и бросать снѣгомъ. Конечно, нѣкоторыя проѣзжающіе и непредставляютъ вышеупомянутаго родства, но мальчишки въ каждой парѣ стараются видѣть тещу и бьютъ немилосердно. Таковъ ужъ обычай. Взрослые же не останавливаютъ ихъ и стоятъ, посмѣиваясь, около домовъ.—Вѣрно и въ деревнѣ тещи не пользуются особеннымъ почтеніемъ. Этотъ обычай наблюдается въ сѣверной части уѣзда.

3. Обычай «вытиранія огня» [1]). При общественныхъ бѣдствіяхъ въ деревнѣ наприм., во время повальныхъ болѣзней: горячки и др., или при падежѣ скота, для прекращенія болѣзни и предохраненія остальныхъ отъ заболѣванія «вытираютъ огонь».—Огонь этотъ считаютъ священнымъ, вѣроятно потому, что много нужно труда, чтобы получить его, и что къ самому акту «тренія» приступаютъ въ молитвенномъ настроеніи. Добываютъ его по способу первобытныхъ людей сильнымъ треніемъ бревна о бревно. Въ назначенный для этого день печку топить, самовары грѣть, курить и вообще доставать огонь какимъ нибудь инымъ образомъ, по всеобщему соглашенію, запрещается. Съ восходомъ солнца, собираются жители всего селенія на улицу и приготовленными бревнами начинаютъ тренія по-очереди, чтобы всякій могъ потрудиться; къ полудню удается достать огонь. Когда бревна задымятся, то прикладываютъ какіе нибудь сухіе предметы, раздувая, чтобы вспыхнулъ огонь. Затѣмъ раскладываютъ небольшой костеръ и сначала всѣ здоровые переходятъ черезъ огонь, потомъ уже переносятъ и больныхъ. Этимъ-же огнемъ затапливаютъ всѣ печки въ селеніи. Тутъ же даютъ обѣщанія въ ближній праздникъ отслужитъ водосвятный молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ селенія и затѣмъ этотъ день праздновать ежегодно.—Отсюда берутъ начало старинныя т. н. «завѣтные праздники».—Такой случай былъ здѣсь въ одномъ селеніи (б. Островъ) въ маѣ мѣсяцѣ с. г. при эпидеміи горячки.

4. Если трудно, больной или умирающій лежитъ на пуховой перинѣ или подушкахъ, то ихъ отбираютъ и кладутъ больного на соломеникъ говоря: на пуху тяжело умирать»—(Отъ того, что пухъ худой проводникъ тепла и, удерживая его, болѣе разслабляетъ больного, дѣйствуютъ тутъ окружающія безсознательно, стараясь облегчить больного; или сопоставленія легкаго предмета—пухъ съ тяжелою мыслію о смерти; или же боясь порчи перины отдѣленіями больного. А, можетъ, имѣютъ въ виду всѣ три вышесказанныя причины.

5. Когда корова «стелится» то «для очищенія удоевъ» окуриваютъ её» Богородской травой и даютъ хлѣба, намоченнаго въ святой водѣ.

6. При потерѣ жвачки у коровъ натираютъ во рту солью и привязываютъ родъ узды изъ липоваго лычка.

Герасимовъ.

---

[1]) См. Жив. Стар. годъ седьмой. Вып. II. Отд. II стр. 247—261.

ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА
для вспомоществованія
НУЖДАЮЩИМСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ условіями далекаго края — вотъ тѣ матеріальныя нужды, на которыя откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему—грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею матеріальными пособіями на ея поддержаніе; оно сроднилось съ мыслью, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣтямъ доступна грамота и открытъ путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣчалъ въ печати многочисленныхъ указаній на то, какъ тяготѣетъ деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острую потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыя есть, бѣдны и учащими силами и учебными пособіями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа пріютитъ его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще нѣтъ навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны пріемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьный фондъ, изъ котораго въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособія существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою лепту въ школьный фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, въ школьный фондъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1898 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподователей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ; біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету; обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями **6** руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Симъ извѣщаю Гг. получившихъ Проспектъ II-го тома «Великокняжеской и Царской охоты на Руси», что выходъ его въ свѣтъ замедлится до осени 1898 года, по причинѣ распоряженія помѣстить въ этомъ II-мъ томѣ особый видъ города Москвы XVII-го вѣка—заказанный двумъ художникамъ на конкурсъ.

Первый томъ «Великокняжеской и Царской охоты на Руси» съ 197 рисунками и 8 хромолитографіями въ нѣсколько красокъ—продается въ г. Гатчинѣ у издателя Полковника Н. И Кутепова и въ магазинахъ г. Петербурга: Новаго Времени, Невскій, 38 и у Фельтена, Невскій, 20.

Николай Кутеповъ.

26 Февраля 1898 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ

на духовно-академическіе журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ" и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ"

съ приложеніемъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служитъ до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ будетъ издавать въ 1898 году «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе» по слѣдующей программѣ.

Въ **«ЦЕРКОВНОМЪ ВѢСТНИКѢ»** печатаются:

1) **Передовыя статьи**, имѣющія своимъ содержаніемъ обсужденіе богословскихъ и церковно истор. вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени;

2) **Статьи церковно-общественнаго характера**, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые соблаговолятъ высказаться по тѣмъ или другимъ назрѣвающимъ вопросамъ церковно-общественной жизни;

3) **Мнѣнія и отзывы**—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніямъ факты и явленія церковно-общественной жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати;

4) **«Въ области церковно-приходской практики»**—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики;

5) **Корреспонденціи** изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни;

6) **Обозрѣніе книгъ и духовныхъ (а равно и свѣтскихъ) журналовъ.**

7) **Постановленія и распоряженія правительства;**

8) **Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствѣ всего земного шара;**

9) **Разныя извѣстія и замѣтки**, разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ.

Въ **«ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»** входятъ самостоятельныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется и общедоступность изложенія, а также критическія замѣчанія о выдающихся новостяхъ отечественной и иностранной богословской литературы.

Примѣчаніе. Въ удовлетвореніе желаній многихъ подписчиковъ, **«Христіанское чтеніе»** съ настоящаго 1897 года **выходитъ ежемѣсячно** книжками отъ 10 до 12 печатн. листовъ, что даетъ возможность правильнѣе слѣдить за всѣми выдающимися явленіями въ области богословской науки и церковно-общественной жизни. Такое расширеніе журнала, конечно, требуетъ удвоенныхъ усилій со стороны редакціи и крайняго напряженія ея матеріальныхъ средствъ. Не смотря на это, цѣна на журналъ, выписываемый отдѣльно, остается **прежняя**, т. е. 5 рублей въ годъ, и только тѣ подписчики, которые выписываютъ его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ», за дополнительныя шесть книжекъ приплачиваютъ **одинъ рубль**, т. е. вмѣсто двухъ рублей платятъ **три рубля**. Редакція приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы интересомъ и разнообразіемъ статей съ избыткомъ покрывался этотъ неизбѣжный, хотя и незначительный расходъ.

Кромѣ того, съ 1895 года редакція приступила къ изданію **«ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»** въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на **ОБА ЖУРНАЛА** получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1.000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за **ОДИНЪ РУБЛЬ**, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви,—собраніе которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1898 г. будетъ изданъ **ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ** въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ бесѣды св. Іоанна Златоуста на книгу Бытія.

Новые подписчики, желающіе получить и **ПЕРВЫЕ ТРИ ТОМА**, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по **два** рубля за томъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ—Годовая цѣна въ Россіи:

а) *Отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5** (пять) руб. съ приложеніемъ **«ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 руб. 50 коп.; въ изящномъ переплетѣ 7** руб. за «Христіанское чтеніе» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ **«ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6** руб. **50** коп., **въ изящномъ переплетѣ 7** руб.

б) *За оба журнала* **8** (восемь) руб. съ приложеніемъ **«ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» 9** (девять) руб., **въ изящномъ переплетѣ 9 руб. 50** коп.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 10 (десять) р. съ приложеніемъ «Твореній св. Іоанна Златоуста»—12 р. 50 к.; за каждый *отдѣльно* 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «Твореній св. Іоанна Златоуста»—9 (девять) руб.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: **«Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».**

Подписывающіе въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., 151, кв. 7), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

Стран.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества . . . . 117—121
2. Отъ редактора 121

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ. Пословицы и поговорки, примѣты и обычаи . . . . 122—123

Объявленія.

Цѣна 1 р. 50 к.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

1. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе слѣдуетъ). *Ф. Зобнина* . . . . 125—157
2. Матеріалы по народной медицинѣ и акушерству въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. *М. К. Герасимова*. 158—183

Отдѣлъ II.

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любимля). (Окончаніе будетъ). *Дм. И. Абрамовича* . . . . 184—202
2. Сборникъ рязанскихъ областныхъ словъ, Чл. Сотр. *Диттеля*. 203—227
3. Смерть и душа въ повѣрьяхъ и въ разсказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи. Чл. Сотр. *О. П. Семеновой* . . . 228—234
4. Сомринскій говоръ. Сообщ. *В. Кузнецовъ*. . . . . . 235—236
5. Перегудки. Сообщ. Чл. Сотр. *Н. А. Иваницкаго* и Чл. Сотр. *А. А. Шустикова* . . . . 237—243
6. Сказка про ерша. Сообщ. *М. А. Синозерскій*. . . . . 244—244
7. О трехъ заговорахъ и о народномъ воззрѣніи на змѣй въ Могилевской и Херсонской губерніяхъ. *В. Врадій*. . . . 245—246
Объявленія.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

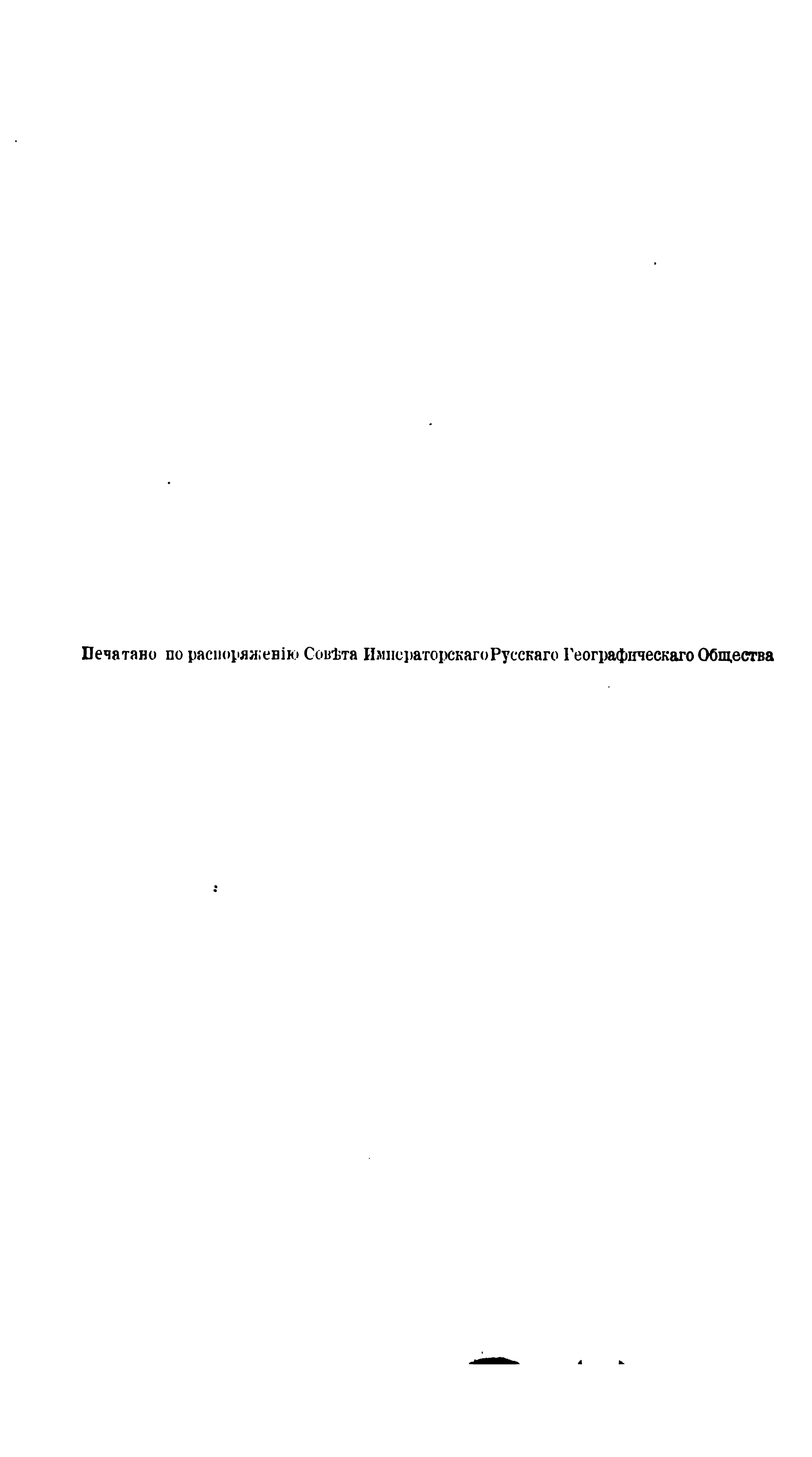
подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ОТДѢЛЪ I.

Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ.

Пища и питье.

Пища, употребляемая жителями слободы Усть-Ницынской, разнообразится по временамъ года. Большое вліяніе на употребленіе ея оказываютъ также и религіозныя вѣрованія жителей. Строго соблюдая воздержаніе отъ молочной и мясной пищи по средамъ и пятницамъ и во всѣ посты, жители, естественно, большую часть года должны питаться растительною пищею. Кромѣ соблюденія среды и пятницы, среди жителей распространено почему-то убѣжденіе о томъ, что потребленіе мясной или молочной пищи грѣшно также и въ понедѣльникъ. Но „понедѣльничаютъ", т. е. постятся по понедѣльникамъ, только старухи и старики.

Взявшись за подробное и точное описаніе пищи, употребляемой жителями слободы Усть-Ницынской въ теченіе круглаго года, авторъ разсчитываетъ на то, что подобное описаніе будетъ представлять для Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества двойной интересъ. Это описаніе дастъ вполнѣ точное представленіе объ избранномъ предметѣ,—что̀ не можетъ не имѣть цѣны въ виду тѣхъ не всегда вѣрныхъ сообщеній о пищѣ сибиряковъ, которыя (сообщенія) появляются иногда въ столичной печати (Напр. статьи г. Чехова въ „Новомъ Времени" 1890 г.). А, во-вторыхъ, цѣнность названнаго описанія усугубляется и тѣмъ, что все поварское искусство, изложенное въ предлагаемомъ ниже сообщеніи, всецѣло составляетъ продуктъ изобрѣтательности мѣстныхъ жителей. Искусство это передается изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ видимыхъ колебаній.

Считаю нужнымъ оговориться еще, что для рѣшенія вопроса: что̀ въ теченіе года потребляетъ житель слободы Усть-Ницынской,—предлагаемое мною описаніе годится только отчасти. То разнообразіе кушаній, умѣнье приго-

товлять которыя свойственно жителямъ, не есть еще признакъ потребленія разнообразной пищи.

Первую, самую существенную и необходимую пищу составляетъ хлѣбъ. Хлѣбъ пекутъ изъ ржаной, ячной, пшеничной, гороховой и гречушной муки. Изъ ржаной муки пекутъ коврйги, изъ пшеничной—калачи и булки, изъ остальныхъ—шаньги.

Ржаной хлѣбъ жители пекутъ слѣдующимъ образомъ. Въ особой „ржаной“ квашнѣ оставляется отъ предъидущей стряпни тѣсто, которое называется наквàсой. Къ этой наквасѣ днемъ, наканунѣ стряпни, подливаютъ немного холодной воды, а вечеромъ еще прибавляютъ воды, ржаной муки и соли, завязываютъ квашню сверху квашенникомъ и ставятъ зимой на печь, а лѣтомъ оставляютъ на лавкѣ. Весь этотъ процессъ обозначаютъ словами: „творить квашню“. Утромъ квашню „притвàриваютъ“, т. е. прибавляютъ муки, такъ, чтобы тѣсто можно было класть изъ квашни лопаткой. Когда тѣсто въ квашнѣ поднимется, его начинаютъ перекатывать, т. е. выкладывать въ „сильницу“ („сѣяльницу“), катаютъ въ ней и кладутъ на столъ въ видѣ ковригъ, а со стола снова убираютъ въ квашню. Когда печь истопится, ковриги катаютъ вторично и садятъ въ печь.

Ячная квашня творится такъ же, какъ и ржаная, только вмѣсто наквасы употребляются дрожжи изъ-подъ пива. Дальнѣйшее отличіе ячной квашни состоитъ въ томъ, что при этой стряпнѣ не бываетъ вторичнаго перекатыванія, а вмѣсто того утромъ скутъ сочни изъ ржаного тѣста, которое заводится утромъ на водѣ и бываетъ, слѣдовательно, прѣснымъ. На эти сочни наливается ячное тѣсто и сочни загибаются по краямъ. Затѣмъ шаньги садятъ въ печь.

Стряпня шанегъ изъ гороховой и гречушной муки отличается отъ вышеписанной тѣмъ, что гороховое или гречушное тѣсто заводится на горячей водѣ.

Пшеничная квашня заводится на теплой водѣ и опарѣ. Опара приготовляется слѣдующимъ образомъ: пшеничные отруби заливаютъ кипяткомъ и разбавляютъ холодной водой, а затѣмъ къ нимъ прибавляютъ дрожжей. Когда поднимется, опару сливаютъ, т. е. цѣдятъ сквозь рѣшето. На другой день поутру изъ „затвореннаго“ такимъ образомъ тѣста катаютъ калачи или булки на два ряда, какъ ковриги, и садятъ въ печь. Осенью, когда поспѣютъ овощи, стряпаютъ шаньги: изъ моркови—морковныя, изъ картофеля—картофныя, изъ тыквы—тыквенныя; сырныя, крупяныя.

Подобнаго рода шаньги приготовляются слѣдующимъ образомъ. Утромъ заводятся прѣсные сочни изъ ржаной муки; обычнымъ способомъ скутся и на нихъ кладется разваренная и изрубленная морковь, разваренная и тертая кар-

ОТДѢЛЪ I.

Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ.

Пища и питье.

Пища, употребляемая жителями слободы Усть-Ницынской, разнообразится по временамъ года. Большое вліяніе на употребленіе ея оказываютъ также и религіозныя вѣрованія жителей. Строго соблюдая воздержаніе отъ молочной и мясной пищи по средамъ и пятницамъ и во всѣ посты, жители, естественно, большую часть года должны питаться растительною пищею. Кромѣ соблюденія среды и пятницы, среди жителей распространено почему-то убѣжденіе о томъ, что потребленіе мясной или молочной пищи грѣшно также и въ понедѣльникъ. Но „понедѣльничаютъ", т. е. постятся по понедѣльникамъ, только старухи и старики.

Взявшись за подробное и точное описаніе пищи, употребляемой жителями слободы Усть-Ницынской въ теченіе круглаго года, авторъ разсчитываетъ на то, что подобное описаніе будетъ представлять для Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества двойной интересъ. Это описаніе дастъ вполнѣ точное представленіе объ избранномъ предметѣ,—что̀ не можетъ не имѣть цѣны въ виду тѣхъ не всегда вѣрныхъ сообщеній о пищѣ сибиряковъ, которыя (сообщенія) появляются иногда въ столичной печати (Напр. статьи г. Чехова въ „Новомъ Времени" 1890 г.). А, во-вторыхъ, цѣнность названнаго описанія усугубляется и тѣмъ, что все поварское искусство, изложенное въ предлагаемомъ ниже сообщеніи, всецѣло составляетъ продуктъ изобрѣтательности мѣстныхъ жителей. Искусство это передается изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ видимыхъ колебаній.

Считаю нужнымъ оговориться еще, что для рѣшенія вопроса: что̀ въ теченіе года потребляетъ житель слободы Усть-Ницынской,—предлагаемое мною описаніе годится только отчасти. То разнообразіе кушаній, умѣнье приго-

Уха. „Уха баушка глуха“, подшучиваютъ обыкновенно устьничане, когда рѣчь зайдетъ объ ухѣ. Самою вкусною жители считаютъ уху изъ налима, затѣмъ изъ ершей, окуней, чебаковъ, карасей. Щука въ уху не употребляется. Способъ приготовленія ухи весьма простъ. Въ вымытый горшокъ кладутъ рыбу, предварительно распоротую и очищенную отъ чешуи, заливаютъ водой, кладутъ соли и ставятъ въ печь вариться. Уху варятъ еще изъ сухой или вяленой рыбы.

Жаркое. Жаркое изъ рыбы приготовляется такъ. На круглую глиняную съ низенькими краями латку кладутъ очищенныхъ, распоротыхъ и вымытыхъ чебаковъ, карасей, щукъ, нельму или язя—что пожелаютъ. Рыба, предназначенная на жаркое, въ нѣсколькихъ мѣстахъ поперечно надрѣзывается и посыпается солью, а иногда заливается яицами. На масляницѣ, когда „чины отводятъ“, большихъ карасей передъ жареньемъ начиняютъ крупой и заливаютъ яицами.

Жареную рыбу или прямо, положивши на тарелку, подаютъ на столъ, или же разрѣзываютъ на кусочки и, заливши квасомъ съ уксусомъ, ѣдятъ ложками—„хлебаютъ“.

Пироги. Пироги пекутъ изъ чебаковъ, язей, щукъ, нельмы. Въ приготовленную изъ тѣста корку кладутъ назначенную (вымытую и очищенную) рыбу, завертываютъ корку съ боковъ, затѣмъ съ хвоста и головы и ставятъ въ печь.

Холодное. Холодное приготовляютъ преимущественно изъ окуней и щукъ. Сначала рыбу въ цѣломъ видѣ варятъ въ горшкѣ, а потомъ снимаютъ кожу съ чешуею, студятъ и, подливши уксусу, подаютъ на тарелкѣ.

Икра. Въ соленомъ видѣ жители ѣдятъ только икру чебаковъ и язей. Очищенную и засоленную икру жители ѣдятъ съ хлѣбомъ, наложивши икру на кусокъ хлѣба.

Приготовленіе уксуса.

Хорошей приправой къ постнымъ кушаньямъ считается уксусъ. Поэтому умѣстно остановиться на приготовленіи его. Уксусъ приготовляютъ сами хозяева. Для этого они имѣютъ особый глиняный сосудъ, вмѣстимостью около $1/2$ ведра. Сосудъ этотъ, заостряющійся отъ середины вверхъ и внизъ съ носкомъ въ верхней боковой части, носитъ названіе „уксусникъ“. Для приготовленія уксуса сначала въ уксусникъ сыплютъ двѣ горсти толстой крупы, затѣмъ кладутъ кусочекъ сырого березоваго дерева, пряникъ, $1/2$ стручка краснаго перцу и все это заливаютъ сусломъ. Чѣмъ лучше сусло,

тѣмъ лучше и уксусъ. Послѣ этого уксусникъ плотно завязываютъ сверху и съ носка и ставятъ въ теплое мѣсто сутокъ на 6, а потомъ въ натопленную печь въ вольный жаръ парить. Остудивши, уксусъ можно употреблять.

Уксусъ употребляется еще какъ лѣкарство. Ему приписываютъ цѣлебныя свойства, въ особенности при болѣзняхъ желудка. Лѣкаря и лѣкарки „наговариваютъ“ преимущественно на уксусъ.

Картофель. Картофель самъ по себѣ представляетъ постное блюдо для устьницынскаго жителя. Сваренный горячій картофель ѣдятъ съ солью и хлѣбомъ, а когда остудятъ, то картофелины рѣжутъ на части и ѣдятъ какъ холодное—съ квасомъ и уксусомъ. Рѣзанный картофель жарятъ также съ масломъ на сковородахъ и ѣдятъ вилками. Изъ картофеля же приготовляютъ кушанья: кашу и яичницу.

Чтобы приготовить кашу, разваренный картофель растираютъ мутовкой въ горшкѣ, затѣмъ подливаютъ молока и варятъ. Изъ картофеля же стряпаютъ яичницу. Сваренный и растертый картофель кладутъ въ яичную латочку, разбиваютъ 2—4 яичка, доливаютъ молокомъ и ставятъ вариться.

Грибы. „Грибъ“ въ понятіи устьницынскаго крестьянина собственное наименованіе извѣстной растительной особи—опёнка и всѣхъ на него похожихъ. Грузди, рыжики, воименки, бѣлянки стоятъ особнякомъ и грибами не называются. Изъ названныхъ видовъ болѣе всѣхъ цѣнятся грузди.

Набранные лѣтомъ грибы сушатся, а грузди солятся. Изъ сырыхъ же грибовъ и груздей варятъ губницу или грузденницу слѣдующимъ способомъ. Очищенные грибы рубятъ на-мелко сѣчкой въ корытѣ, затѣмъ кладутъ въ горшокъ, прибавляютъ туда мелкой драной крупы, соли и, заливши кипяткомъ, ставятъ вариться. Въ скоромные дни въ чашку съ грибницей кладутъ ложку сметаны.

Соленіе груздей происходитъ слѣдующимъ образомъ. На дно посуды (кадки или корчаги) кладутъ слой укропу и смородины, сверху этого слоя кладутъ слой груздей и пересыпаютъ солью, затѣмъ опять слой груздей съ солью, и т. д. до верха, изрѣдка перекладывая зеленью. Сверху наполненнаго сосуда кладутъ тяжелый предметъ.

Соленые грузди ѣдятъ прямо безъ всякихъ приправъ, или же, изрѣзавши ихъ, хлебаютъ съ квасомъ, иногда вмѣстѣ съ вареныхъ картофелемъ; соленые же грузди идутъ на пироги, которые приготовляются такъ же, какъ и изъ рыбы. Подобные пироги ѣдятъ вилками, прибавивъ по вкусу конопляного масла. Для того, чтобы заготовить „грибы“ въ прокъ, ихъ сушатъ въ разрѣзанномъ видѣ въ печахъ, потомъ подвѣшиваютъ въ погребѣ для храненія. Изъ сушеныхъ „грибовъ“ приготовляютъ два кушанья. Для приготовленія перваго грибы заливаются кипяткомъ, затѣмъ рубятъ сѣчкой, смѣ-

шиваютъ съ изрубленнымъ лукомъ и, посоливши, ѣдятъ съ уксусомъ. Сухіе же грибы, измельченные и смѣшанные пополамъ съ драной, мелкой крупой, идутъ на приготовленіе такъ-называемаго к у̀ р н и к а. Для курника дѣлается с о ч е н ь. Наложивши крупы съ грибами, этотъ сочень защипываютъ, причемъ не такъ, какъ рыбный пирогъ, у котораго края корки соединяются гладко, а у курника въ мѣстахъ соединенія корокъ защипывается гребнемъ. Курникъ ѣдятъ съ масломъ коровьимъ и постнымъ, т. е. конопляннымъ.

П о с т н о е м а с л о. Постное масло приготовляютъ, или бьютъ, по большей части, сами хозяева изъ конопляннаго сѣмени при помощи особаго „маслянаго станка“.

Сначала конопляное сѣмя толкутъ въ ступѣ, затѣмъ просѣиваютъ чрезъ рѣшето и просѣянное снова толкутъ до тѣхъ поръ, пока конопляная мука не будетъ сжиматься въ комокъ. Послѣ чего муку выгребаютъ изъ ступы на латку и ставятъ въ печь согрѣться до горяча. Согрѣтую такимъ образомъ муку смачиваютъ горячей водой, немного солятъ, сдавливаютъ, придавая ей видъ кирпича. Этотъ кирпичъ кладутъ въ мѣшокъ и вставляютъ въ станокъ между щ е к ъ станка. „Щеки“ начинаютъ сдавливать клиньями, масло бѣжитъ на тарелку.

Оставшаяся въ мѣшкѣ конопляннная мука, затвердѣвши, остается въ формѣ чайнаго кирпича и называется о ж и м к о м ъ. Ожимки не пропадаютъ даромъ. Ихъ размачиваютъ въ водѣ, цѣдятъ сквозь сито и полученную такимъ образомъ жидкость кипятятъ. При кипяченіи, на поверхности жидкости собираются твердыя частицы, которыя собираютъ ложкой и ѣдятъ съ лукомъ, какъ икру. Подобная пѣна, получаемая отъ кипяченія жидкости, называется т в о р о г о м ъ. Оставшуюся изъ подъ творога жидкость употребляютъ на кашу вмѣсто молока, для чего въ жидкость кладутъ мелкой крупы и кипятятъ.

О г у р ц ы. Огурцы употребляются въ пищу въ сыромъ и соленомъ видѣ. Ѣдятъ ихъ просто безъ всякихъ приправъ или же разрѣзаютъ на кусочки и ѣдятъ съ насоленнымъ квасомъ. Въ страдиюю пору часто берутъ огурцы въ поле и тамъ ѣдятъ съ хлѣбомъ.

Соленіе огурцовъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ выложенную смородиной и укропомъ посуду кладутъ до верха перемытые огурцы. Тѣмъ временемъ приготовляютъ р а з с о л ъ—кипятятъ сильно просоленную воду и, остудивши, этой водой заливаютъ огурцы и даютъ „усолѣть“.

К а п у с т а. Капуста употребляется въ пищу только въ соленомъ видѣ. Осенью, въ концѣ сентября, капусту сѣкутъ. На этотъ счетъ среди жителей существуетъ пословица: „Не жди Покрова—сѣки капусту“. Сѣченные вилкн (кочаны) капусты разрѣзываютъ пополамъ, вырѣзывая изъ нихъ к о ч н и, т. е. сердцевины. Затѣмъ для соленія капусты приготовляютъ посуду, по боль-

шей части деревянную кадочку, которую сначала промываютъ, а послѣ промывки дно ея устилаютъ слоемъ изъ солода, рѣдьки, луку, свеклы и укропа. Потомъ кладутся разрѣзанные вилки капусты, между которыми изрѣдка кладутъ укропъ. Наконецъ, кипятятъ разсолъ, т. е. воду съ солью и укропомъ, и заливаютъ имъ капусту, послѣ чего ее закрываютъ крышкой, задавливаютъ и даютъ стоять. Сутки черезъ 2 капуста готова. Готовую капусту ѣдятъ ложками съ квасомъ и уксусомъ. Иногда, на подобіе груздей, соленая капуста идетъ на пироги, которые ѣдятъ съ постнымъ масломъ.

Другіе огородные овощи—морковь, ла́нда (брюква), рѣпа, бобы садятся жителями преимущественно для лакомства въ сыромъ видѣ, хотя первые 3 рода овощей идутъ въ пищу и зимой. Выше уже было указано, что изъ моркови, брюквы и рѣпы стряпаютъ шаньги и пироги. Кромѣ того, эти же овощи зимою и осенью идутъ на приготовленіе парёнокъ. Чтобы приготовить парёнки, овощи чистятъ, складываютъ въ корчагу, наглухо закрываютъ и ставятъ въ печь па́рить. Распаренныя такимъ образомъ овощи и называются парёнками. Ихъ ѣдятъ или просто, безъ всякой приправы, или же сушатъ, а потомъ заливаютъ соусомъ и ставятъ въ печь на день. Остудивши, ѣдятъ ложками. Приготовленные вышеописаннымъ способомъ парёнки бываютъ чернаго цвѣта. Изъ брюквы еще приготовляютъ парёнки другимъ способомъ, а именно: разрѣзанную на куски брюкву кипятятъ въ водѣ, прибавляя для вкуса кусочки свёклы. Когда кусочки ланды разварятся и сдѣлаются мягкими, ихъ ѣдятъ ложками вмѣстѣ съ отваромъ.

Иногда брюкву прямо бросаютъ въ жарко натопленную печь и даютъ ей время испечься, а затѣмъ ѣдятъ. Испеченная брюква называется печёнкой.

Рѣдька. Это огородное растеніе причисляется жителями къ числу лѣкарственныхъ растеній. Рѣдечный сокъ наравнѣ съ уксусомъ употребляется при лѣченіи болѣзней какъ у людей, такъ и у животныхъ.

Дозрѣвшій корень рѣдьки употребляется въ пищу. Для этого его рѣжутъ на тонкіе, продолговатые кусочки, часть трутъ теркой или ножемъ и затѣмъ ѣдятъ съ квасомъ и солью ложками.

Горо́шница. Въ числѣ постныхъ блюдъ не послѣднее мѣсто занимаетъ горошница. Сухой горохъ, предназначенный на горошницу, предварительно кладутъ въ сито „откатывать". Поставивши сито въ наклонное положеніе, горохъ поддерживаютъ рукой въ верхней части сита. Затѣмъ, приподнимая слегка руку, выпускаютъ внизъ хорошія горошины, соръ же и источенныя червями горошины задерживаютъ рукой. Такимъ образомъ чистый горохъ скатывается къ нижней части сита, а соръ остается подъ рукой, и его можно выбросить. Очистивши подобнымъ образомъ одну порцію гороха, берутъ другую и поступаютъ такъ же, пока не очистятъ потребнаго количества. Откатан-

ный горохъ моютъ, заливаютъ холодной водой, прибавляютъ соли и ставятъ въ печь вариться. Черезъ нѣсколько часовъ горохъ становится мягкимъ, его растираютъ мутовкой и ставятъ въ печку вскипѣть. Горошницу ѣдятъ съ постнымъ масломъ и съ зерновымъ перцемъ ложками. Иногда растертый горохъ раскладываютъ на тарелки, студятъ и получаютъ холодное, которое ѣдятъ ложками съ уксусомъ.

Кисель. Кисель бываетъ гороховый, пшеничный и ржаной.

Гороховый кисель приготовляется изъ гороховой муки. Въ горшокъ съ кипяткомъ подсыпаютъ понемногу гороховую муку, безпрестанно подмѣшивая ее мутовкой до тѣхъ поръ, пока не получится кисель желаемой густоты. Эту смѣсь ставятъ въ печь прокипѣть, и кисель готовъ. Его ѣдятъ или горячимъ, прибавляя сметаны, скоромнаго или постнаго масла или же горячій кисель разливаютъ на тарелки, студятъ и подаютъ на столъ, разрѣзавши кубическими кусочками, и ѣдятъ вилками съ постнымъ масломъ.

Пшеничный и ржаной кисели приготовляются изъ отрубей, а также изъ крупно смолотаго пшеничнаго или ржаного зерна. Отруби или крупно смолотое зерно мочатъ въ холодной водѣ около недѣли, послѣ чего настой процѣживаютъ черезъ сито, а затѣмъ процѣженной жидкости даютъ отстояться и выливаютъ ее на пойло скоту. На днѣ сосуда остается послѣ этого слой, который вновь заливаютъ холодной чистой водой. Отстоявшуюся воду снова выливаютъ, а оставшуюся густую крахмальную массу берутъ понемногу на приготовленіе киселя. Для этого ее заливаютъ въ горшкѣ кипяткомъ и варятъ въ печкѣ, а послѣ разливаютъ на тарелки, студятъ и ѣдятъ съ постнымъ масломъ, съ медомъ, молокомъ или же съ густымъ квасомъ ложками. Ѣдятъ также и горячій, но рѣдко, такъ какъ въ горячемъ видѣ ѣдятъ преимущественно гороховый кисель.

Крахмальную массу добываютъ еще изъ картофеля. Кисель изъ нея приготовляется точно такъ же, какъ пшеничный и ржаной.

Крупа и приготовляемыя изъ нея кушанья.

Крупа, какъ приправа, идетъ во многія кушанья и, кромѣ того, изъ нея же варятъ щи, кашу и пр.

Крупу приготовляютъ изъ зеренъ ячменя, причемъ по способу приготовленія различаютъ крупу: толстую и мелкую.

Сначала просушенныя на печкѣ зерна ячменя толкутъ въ деревянныхъ ступахъ пестами. Когда увидятъ, что большая часть зеренъ оголилась, то ихъ выгребаютъ изъ ступы, а въ ступу насыпаютъ другую „перéсторону“. (Ко-

личество ячменя, помѣщающагося въ ступѣ, называется „перéстороной“). Затѣмъ вытолченный на одинъ рядъ ячмень вѣютъ, а потомъ толкутъ на другой рядъ, подливая на этотъ разъ въ ступу воды, послѣ чего сушатъ на печкѣ. Высушенныя зерна еще нужно „отталкивать“ т. е. вновь перетолочь и провѣять, и послѣ этого уже „толетая“ крупа готова. Мелкая или драная крупа приготовляется иначе. Для приготовленія ея ячмень, перетолченный описаннымъ способомъ на два ряда, дерутъ на деревянныхъ жерновахъ. Устройство этихъ самодѣльныхъ жерноновъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Они представляютъ изъ себя два толстыхъ обрубка березы, цилиндрической формы, около полъ-аршина высоты. Одинъ изъ цилиндровъ своимъ основаніемъ накладывается на другой.

Въ основаніе верхняго и вершину нижняго цилиндровъ вбиваютъ мелкіе куски чугуна. Кромѣ того, въ центрѣ нижняго цилиндра поставляется желѣзная ось, которой въ верхнемъ цилиндрѣ соотвѣтствуетъ отверстіе. Въ отверстіе сыплютъ сверху крупу и затѣмъ посредствомъ ручки верхній цилиндръ приводится въ движеніе и раздробляетъ зерно, изъ котораго получается мелкая или драная крупа.

Готовая крупа сама вылетаетъ изъ-подъ верхняго жернова и располагается вокругъ основанія нижняго. На этотъ случай крупу дерутъ не на голой землѣ или полу, а подстилаютъ пологъ, на которомъ и располагается драная крупа.

Устройство описанныхъ жерновов обязано изобрѣтательности мѣстныхъ крестьянъ и практикуется издавна. Въ избѣ, построенной около 1820 года, я нашелъ каменные ручные жернова, на которыхъ, вѣроятно, въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія, мололи муку. Оба жернова одинаковаго размѣра, около 1 аршина въ діаметрѣ, толщиною около 3 вершковъ, были укрѣплены въ углу подполья на лавкѣ. Оба жернова въ центрѣ пробиты. Пробита подъ ними и лавка. Въ это отверстіе лавки вставлялся колъ, который проходилъ сквозь нижній жерновъ и своимъ верхнимъ концомъ упирался въ особое приспособленіе—„жабку“,—сдѣланное изъ дерева въ отверстіи верхняго жернова. Этотъ колъ—„веретено“—имѣлъ назначеніемъ своимъ—регулировать дѣйствія или движенія верхняго жернова. Внизу подъ лавкой колъ стоялъ на перекладинѣ, подъ которую вколачивался клинъ. Если клинъ вколотить дальше, то и веретно, а вмѣстѣ съ нимъ и верхній жерновъ поднимется выше, и мука будетъ крупнѣе; если клинъ вытянуть назадъ, то веретно, а съ нимъ и верхній жерновъ опустится плотнѣе къ нижнему, и мука пойдетъ мельче.

Для того, чтобы привести верхній жерновъ въ движеніе, употреблялась палка, которая вставлялась въ особое отверстіе, сдѣланное на окружности жернова при помощи деревяннаго обруча.

Лѣтъ 40—50 тому назадъ на этихъ жерновахъ въ затишье мололи муку,—въ это затишье вѣтряные мельницы не дѣйствуютъ, а въ болѣе раннюю эпоху, т.-е. въ XVIII столѣтіи, вѣроятно, ручные жернова имѣли еще болѣе широкое примѣненіе.

Теперь перейдемъ къ описанію кушаній, которыя приготовляются изъ крупы. Изъ „тóлстой“ крупы варятъ „постные щи“. Для приготовленія ихъ сначала кладутъ въ горшокъ толстой крупы и подливаютъ немного воды, чтобы вымыть крупу. Затѣмъ эту воду сливаютъ и взамѣнъ ея наливаютъ полный горшокъ чистой воды, кладутъ соли и ставятъ вариться. Немного погодя въ щи подливаютъ ковшъ квасу и снова ставятъ вариться, пока крупа не сдѣлается мягкой. Вмѣсто „подливать“ квасу въ щи въ Устьницѣ говорятъ: „разъупóлить щи“; „разъуполить“ употребляется и въ другихъ случаяхъ и вполнѣ точно переводится словами „разбавить водою“. Въ скоромные дни въ постные щи прибавляютъ забѣлу—ложку сметаны.

Изъ драной крупы варятъ кашу. Для этого наливаютъ въ горшокъ молока и ставятъ его въ печь вариться, а затѣмъ кладутъ въ вскипѣвшее молоко драной крупы и вновь вставятъ въ печь, пока крупа не разварится.

Драная крупа по праздникамъ иногда замѣняется покупной просовой крупой (просомъ). Просо идетъ на кашу.

Изъ драной крупы пекутъ курники и употребляютъ ее на различныя кушанья, какъ приправу, о чемъ уже сказано выше.

К у л а̀ г а. Сначала въ горшокъ наливаютъ немного теплой воды, затѣмъ сыплютъ солоду и немного ржаной муки. Такимъ образомъ получается густое тѣсто. Ему даютъ постоять въ тепломъ мѣстѣ „посолодѣть“ и вслѣдъ за этимъ разбавляютъ кипяткомъ до полна, кладутъ кусокъ ржаного хлѣба и ставятъ въ теплое мѣсто на 1 сутки киснуть. Утромъ на другой день горшокъ, закрывши плиткой, ставятъ въ печь „попрѣть“, а къ вечеру кулага готова.

Горячую кулагу ѣдятъ ложками, а холодную мачутъ кусками хлѣба.

Кулагу дѣлаютъ изъ ягодъ черемухи. Ягоды перемалываютъ въ муку, и эту муку употребляютъ вмѣсто солода на приготовленіе кулаги. Ржаной муки при этомъ не кладутъ вовсе, а солоду маленько прибавляютъ.

Л а п ш а. Въ постъ варятъ лапшу. Для приготовленія лапши дѣлаютъ прѣсные сочни, разрѣзываютъ ихъ нàмелко и кладутъ въ кипящую посоленную воду, кромѣ того, прибавляютъ немного соленой капусты, перцу и луку.

Т о л о к н о. Толокно приготовляется изъ овсянаго зерна. Предварительно овесъ, предназначенный на толокно, ссыпаютъ въ кадочку и заливаютъ кипяткомъ. Смоченный такимъ образомъ овесъ выгребаютъ въ корчаги и ставятъ на одну ночь въ печь. Утромъ распаренный овесъ разгребаютъ поверхъ

печи сохнуть. Высохшій овесъ толкутъ въ большой ступѣ—толчеѣ—до тѣхъ поръ, пока зерно не отдѣлится отъ шелухи или мякины. Очищенное такимъ образомъ мелютъ и получаютъ толокно. Толокно ѣдятъ съ густымъ квасомъ ложками и пьютъ съ пивомъ.

Квасъ. Пиво. Жители слободы Усть-Ницынской только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ водѣ, какъ къ напитку; для утоленія жажды они пьютъ квасъ и пиво. Какъ приготовляется пиво—объ этомъ уже много было писано въ предъидущемъ сборникѣ въ статьѣ „изъ года въ годъ". Здѣсь необходимо упомянуть еще, что иногда вмѣсто хмелю въ сусло кладутъ листьевъ смородины и получаютъ вмѣсто пива такъ-называемую здѣсь „травяннушку". Травяннушка приготовляется къ празднику для угощенія тѣхъ гостей, которые вовсе не употребляютъ хмѣльныхъ напитковъ, а въ томъ числѣ и чаю и пива.

Квасъ приготовляется двухъ видовъ: густой и жидкій.

Густой квасъ приготовляется изъ сусла посредствомъ прибавленія къ нему квасной гущи и куска ржаного хлѣба. Постоявши въ такомъ видѣ квасъ готовъ къ употребленію. Густой квасъ, какъ напитокъ, не употребляется, его ѣдятъ ложками и чаще всего съ примѣсью толокна.

Для питья приготовляютъ особый квасъ, который слыветъ подъ именемъ „жидкаго кваса". Для приготовленія его берутъ немного солоду; ржаной муки и отрубей, всё это ссыпаютъ въ корчагу, заливаютъ водой, размѣшиваютъ и ставятъ въ печь парить на двѣ ночи, послѣ чего разводятъ водой, цѣдятъ сквозь рѣшето, прибавляютъ немного гущи и даютъ киснуть 1 сутки. Послѣ этого квасъ готовъ.

Солодъ. Солодъ приготовляется изъ ржаного зерна. Предварительно зерно замачиваютъ въ холодной водѣ—2 пудовки, или четверика, въ 4 ведрахъ воды. Послѣ двухъ сутокъ стоянки, размокшее зерно выкладываютъ въ „ростильницу". Ростильницей называется плетеный изъ дерева прямоугольникъ съ краями, высотою около $^1/_4$ аршина.

Въ ростилахъ зерно лежитъ 2 сутокъ и пускаетъ ростки. Тогда его перемѣшиваютъ, подбавляютъ воды и кладутъ на печь кучей, закрываютъ со всѣхъ сторонъ плотно одеждой и даютъ лежать въ такомъ видѣ около сутокъ. Зерно здѣсь до горяча нагрѣвается и затѣмъ его разгребаютъ по всей печи сушить, а высушенное везутъ на мельницу, и получаютъ солодъ—муку шоколаднаго цвѣта, которая идетъ главнымъ образомъ на приготовленіе пива.

Лукъ. Въ Петровскій постъ (передъ 29 іюня) не маловажное подспорье въ пищѣ составляетъ „польской лукъ". Это растеніе въ изобиліи находятъ на поемныхъ лугахъ. Лукъ ѣдятъ прямо съ хлѣбомъ, или же

рѣжутъ его на мелкіе кусочки и, посоливши, толкутъ особымъ пестикомъ въ деревянной чашкѣ, послѣ чего ѣдятъ съ кускомъ хлѣба. Такимъ же точно образомъ ѣдятъ зелень огороднаго лука.

Каравай. Каравай стряпаютъ изъ лучшей пшеничной муки. Тѣсто для него заводится такъ же, какъ и для калачей. Посуду—глиняную латку,—въ которой хотятъ стряпать каравай, наливаютъ до половины масломъ: въ постъ—постнымъ, а въ промежговѣнье—коровьимъ. Затѣмъ отрываютъ куски тѣста и кладутъ одинъ за другимъ въ масло, такъ что пропитанные масломъ куски каравая не сливаются другъ съ другомъ. Потомъ караваю даютъ подняться и ставятъ въ печь.

Праздничные пирожки. Сочни для этихъ пирожковъ въ постъ дѣлаются кислые изъ обыкновеннаго пшеничнаго тѣста, а въ промёжговѣнье ихъ дѣлаютъ прѣсные, съ прибавленіемъ яицъ, сметаны или масла. Въ эти раскатанные тонкіе сочни кладутъ изрубленные намелко: или яица, или изюмъ, или картофель съ анисомъ, или смородину и пр. Края этихъ пирожковъ отрѣзываютъ для красы рѣзцомъ, а верхъ ихъ украшаютъ узорами — именно отпечатываютъ ключемъ отъ ящика.

Блины. Въ особую посуду сначала разбиваютъ нѣсколько яицъ (хотя 4), затѣмъ подливаютъ воды, кладутъ соли, муки, всё это перемѣшиваютъ и разводятъ водой до желаемой густоты, а потомъ поварёнкой разливаютъ на горячія сковороды и ставятъ въ печь на сильный жаръ. Для печенія блиновъ необходимо имѣть: сковороды, сковородникъ, крынку, поваренку, подмазъ изъ кудели. Блины пекутъ преимущественно на масляницѣ. Тогда же стряпаютъ такъ-называемые „хворосты". Для этого берутъ кусокъ обыкновеннаго кислаго пшеничнаго тѣста, выкатываютъ изъ него сочень и пекутъ на смазанной масломъ сковородѣ.

Колобки или оладьи. Колобки или оладьи стряпаютъ на ямчатой сковородѣ изъ обыкновеннаго пшеничнаго тѣста, иногда заведеннаго на молокѣ съ яицами.

Дрочёна. Дрочёна—это сдобная булка, которая подается на столъ по праздникамъ, разрѣзанная на куски, залитые масломъ и обсыпанные мелкимъ сахаромъ.

Каша-заваруха. Каша-заваруха — это тотъ же кисель, только приготовленный изъ ячменной муки. Сначала кипятятъ воду, а затѣмъ подмѣшиваютъ въ нее ячменную муку до сильной густоты. Затѣмъ эту смѣсь выкладываютъ на сковороду и ставятъ на короткое время въ топящуюся печь, послѣ чего вынимаютъ, дѣлаютъ въ срединѣ „каши" углубленіе, въ которое льютъ масла, и ѣдятъ ложками, пока не остыла, захватывая немного масла.

Кашу-заваруху ѣдятъ еще съ прѣснымъ холоднымъ молокомъ, которое тогда замѣняетъ масло.

Мясныя и молочныя кушанья.

Мясо. Изъ мяса приготовляютъ щи, похлебки, жаркое, пельмени.

Щи изъ мяса варятъ всегда одинаковымъ образомъ, а именно: назначенную для щей часть мяса моютъ, кладутъ въ горшокъ, прибавляютъ немного толстой крупы, соли, заливаютъ кипяткомъ и ставятъ въ печь, когда она топится. Когда щи немного выкипятъ, ихъ „разъуполиваютъ“, т. е. разбавляютъ кипяткомъ.

На свадьбахъ еще варятъ, такъ-называемые, бѣлые щи, которыя отличаются отъ описанныхъ тѣмъ, что сдабриваются яицами, лукомъ и перцемъ.

Похлебку варятъ изъ осердья, свинины и изъ мяса домашней и дикой птицы.

Осѐрдьемъ жители называютъ дыхательное горло съ легкими и сердцемъ животнаго. Осердье предварительно варится цѣликомъ, а затѣмъ рубится въ корытѣ на мелкія части. Рубленое осердье съ прибавкою мелкой крупы и соли кипятятъ и похлебка готова. Свиная похлебка приготовляется слѣдующимъ образомъ. Поваривши немного свиную говядину, рубятъ въ корытѣ и затѣмъ варятъ съ сочнями и солью въ водѣ.

Птицу, предназначенную на похлебку, рубятъ сырую и очищенную отъ перьевъ, на куски, моютъ, затѣмъ кладутъ въ горшокъ, заливаютъ водой, прибавляютъ мелкой крупы и соли и варятъ.

Пашкетъ. Выбираютъ мягкія части сырой говядины и рубятъ ихъ на мелкія части, затѣмъ посыпаютъ перцемъ, лукомъ и дѣлаютъ изъ этого мяса „катышки“, т. е. небольшіе шарики, поджариваютъ ихъ на огнѣ, а потомъ складываютъ въ горшокъ, заливаютъ кипяткомъ и ставятъ вариться. На столъ подаютъ въ мискахъ, плотно закрывши сочнемъ. Это кушанье подаютъ только гостямъ въ праздники и на свадьбѣ.

Жаркое. Вымытый кусокъ говядины кладутъ въ латку, а для свадебнаго стола въ корчагу, подливаютъ воды, закрываютъ сверху плитками и ставятъ въ печь. Съ жаркимъ подаютъ капусты или огурцовъ. Жаркое приготовляется изъ скотскаго, бараньяго, свиного мяса, изъ мяса гусей, утокъ.

Холодное. Изъ голеней коровьихъ ногъ приготовляютъ холодное. Сначала ноги бросаютъ въ печь, чтобы опалить шерсть, а потомъ ихъ варятъ. Полученный наваръ студятъ и подаютъ на столъ. Ѣдятъ вилками съ уксусомъ. Для такого холоднаго ноги разрубаютъ на части и варятъ долго. Часто ва-

рятъ также ноги недолго въ цѣломъ видѣ и въ такомъ же видѣ подаютъ на столъ. Это кушанье жители называютъ „студенью", студенью же называются" и голени коровьихъ ногъ, четыре ноги составляютъ „скатъ". Точно также, какъ описано. приготовляется холодное изъ языка, губъ и ушей коровы.

Пелемени. Пелемени приготовляются изъ мяса, которое мелко рубится съ прибавленіемъ луку и перцу. Изрубленное мясо кладутъ небольшими частями на маленькіе круглые сочни и загибаютъ сначала въ видѣ пирожка, а затѣмъ, на подобіе уха, соединяютъ другъ съ другомъ концы пирожка. Настряпанные пелемени замораживаютъ и варятъ; ѣдятъ вилками горячіе съ уксусомъ.

Молоко. Полученное прямо отъ коровы молоко называется „жидкимъ, прѣснымъ". Его ѣдятъ больше всего топленое съ чаемъ, хотя ѣдятъ также и сырое съ крошками, т. е. съ кусочками хлѣба ложкой.

Молоко идетъ на приготовленіе сметаны. Для этого крынку съ молокомъ ставятъ въ прохладное мѣсто, прибавивъ въ него ложку сметаны. Через 2-е сутокъ сметану съ молока „снимаютъ" ложкой и отъ нея остается „простакиша". Простоквашу ставятъ въ печь и получаютъ творогъ и сыворотку. Сыворотка идетъ на пойло скоту, а изъ творога получается „кислое молоко, которое есть ни что иное, какъ творогъ иногда съ прибавленіемъварёнаго прѣснаго молока.

Сметана идетъ въ приправу къ разнымъ кушаньямъ, изъ нея же дѣлаютъ масло. Для приготовленія масла сметану жарятъ въ печи, а жареную мѣшаютъ мутовками до тѣхъ поръ, пока не собьется масло.

Одновременно съ масломъ получается жидкость, которую называютъ пахтаньемъ. Полученное масло топятъ въ печкѣ и цѣдятъ сквозь ситечко. Остатки, получаемые при процѣживаніи, называютъ пѣной, которую мачутъ кусками хлѣба.

Яичница. Яичница приготовляется изъ молока и яицъ. Въ яичную ладочку разбиваютъ 3 или 4 яица, сбиваютъ ихъ, затѣмъ заливаютъ молокомъ и ставятъ въ истопившуюся печь, послѣ чего ѣдятъ ложками.

Дежѐнь. Дежень пригоговляютъ изъ „кислаго молока" и толокна. Въ чашку съ кислымъ молокомъ прибавляютъ понемногу толокна, размѣшиваютъ его, пока не получатъ смѣсь желаемой густоты, затѣмъ кладутъ сверху ложку сметаны и ѣдятъ ложками. Вмѣсто сметаны иногда употребляется прѣсное молоко, которое ѣдятъ вмѣстѣ съ дежнемъ.

Повидимому я коснулся, всего, что употребляетъ въ пищу житель слободы Усть-Ницынской. Едва-ли нужно добавлять о томъ, что въ Устьницѣ не существовало и не существуетъ ни школъ, ни особыхъ руководителей поваренаго

искусства; учатся этому тогда, когда нужда заставитъ. Стряпней занимаются исключительно женщины, печеніе хлѣбовъ мужчиною считается дѣломъ, ни съ чѣмъ не сообразнымъ.

Печь хлѣбы и готовить кушанья для домашняго вседневнаго употребленія не страшно хозяйкамъ. Другое дѣло состряпать для гостей, которые могутъ похаять, осудить и дурную славу разнести. Болѣе же всего заботятся о лучшемъ угощеніи гостей на свадьбѣ. Свадебное угощеніе со стороны хозяевъ является чѣмъ то вродѣ обставленнаго по всѣмъ правиламъ искусства жертвоприношенія, въ которомъ роль боговъ исполняютъ званые гости, „гости званые, потчёные“. Такимъ образомъ, свадебный столъ является въ нѣкоторомъ родѣ вѣнцомъ поваренаго искусства устьницынскихъ крестьянъ, и поэтому умѣстно будетъ привести здѣсь „меню“ этого стола. Вотъ это меню, неизбѣжно повторяющееся на каждой свадьбѣ „хорошаго тона“.

Свадебный столъ.

1. Колобки и бляны, подаваемые хотя и одновременно, но на разныхъ тарелкахъ.

2. Пирогъ съ рыбой.

3. Холодное на 5 тарелкахъ: 1) нога; 2) розливная студень; 3) ухо; 4) языкъ; 5) губа.

4. Щи въ двухъ видахъ: 1) щи говяжьи; 2) щи бѣлыя.

5. Похлебка: 1) осердная; 2) свиная съ сочнями; 3) изъ птицы; 4) изъ говядины съ яицами.

6. Пашкетъ.

7. Жаркое цѣлыми частями: 1) говяжье; 2) баранье; 3) свиное; 4) жареный гусь (цѣлый).

8. Каша.

9. Пирожное: 1) мясные пироги; 2) изюмные; 3) картофельные; 4) яичные.

10. Каравай.

11. Дрочена.

12. Яичница.

13. Курникъ.—О курникѣ говорятъ: „курникъ выгонщикъ, изъ за стола долой“!

При описаніи свадьбы я уже имѣлъ случай замѣтить, что свадебные гости располагаются во всемъ домѣ на нѣсколько столовъ. На каждый столъ подаются всѣ перечисленныя кушанья по порядку. Такіе столы во время

свадьбы дѣлаются три раза. Отсюда становится понятнымъ, сколько съѣстныхъ припасовъ (не считая пива и вина), а, слѣдовательно, и денежныхъ расходовъ требуетъ свадьба отъ жениха и его семейства.

Вслѣдъ за свадебнымъ угощеніемъ слѣдуетъ поставить угощеніе праздничное во время съѣзжихъ праздниковъ. Въ каждой деревнѣ установлены свои праздники. Въ слободѣ Усть-Ницынской такихъ праздниковъ 5. Крещеніе Господне 6 января, Троицынъ день, Успеніе 15 августа, Покровъ 1 октября и Никола зимній 6 декабря. Угощеніе на этихъ праздникахъ состоитъ въ томъ, что хозяева сначала обносятъ гостей пивомъ, затѣмъ виномъ и сажаютъ за столъ кормить. Чѣмъ больше блюдъ, „перемѣнъ", тѣмъ лучше считается угощеніе. Во все время обѣда и послѣ обѣда гостямъ подносятъ пиво и вино. Вотъ чѣмъ угощаютъ на этихъ праздникахъ:

a) Постный праздничный столъ.

1. Икра, которую мачутъ хлѣбомъ.
2. Одинъ пирогъ съ рыбой.
3. Два или нѣсколько холодныхъ изъ рыбы.
4. Уха: 1) изъ налима; 2) изъ окуней; 3) изъ карасей; 4) изъ сухой рыбы.
5. Жареное: 1) жареные чебаки; 2) караси; 3) щуки; 4) язь.
6. Пирожки: 1) изюмные; 2) картофельные; 3) ягодные.
7. Одинъ разборный на постномъ маслѣ каравай.
8. Кисель: 1) гороховый; 2) ржаной.
9. Жареный картофель съ постнымъ масломъ.
10. Соленые огурцы и грузди.
11. Курникъ (Пирогъ, начиненный морковью). За курникомъ всегда полагается обнести гостей рюмкой вина.

b) Скоромый праздничный столъ.

1. Блины и колобки на разныхъ тарелкахъ.
2. Пирогъ изъ рыбы.
3. Холодное съ уксусомъ: 1) изъ ногъ; 2) изъ языка.
4. Щи съ говядиной.
5. Похлебка: 1) изъ осердья; 2) изъ говядины.
6. Пашкетъ.
7. Каша.
8. Пирожки: изюмные, яичные.

9. Жаркое: 1) изъ говядины; 2) гусь съ капустой.

10. Дрочена.

11. Разборный каравай съ масломъ.

12. Яичница.

13. Курникъ.

Достаточно бѣглаго взгляда на составъ праздничныхъ обѣдовъ, чтобы убѣдиться въ дороговизнѣ ихъ стоимости. Не слѣдуетъ забывать, что тѣ изъ жителей, которые сами много гостятъ, вынуждены и принимать многихъ. Часто, угостивши одно „застолье", усаживаютъ и угощаютъ другое по тому же церемоніалу, а затѣмъ третье и т. д. На основаніи этого въ средѣ интеллигентныхъ лицъ, соприкасающихся съ народомъ, находятся люди, которые тѣми или иными мѣрами стремятся уничтожить раззорительные для крестьянъ съѣзжіе праздники. Въ самое послѣднее время мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что подобные ревнители существуютъ и въ Тобольской губерніи. Добрая, но, очевидно, недальновидная душа, пылающая благороднымъ негодованіемъ къ мужицкимъ ссорамъ, дракамъ, распутству, и жительствующая въ с. Сыропятскомъ, Тюкалинскаго округа, помѣстила въ № 23 „Тобольскихъ Губ. Вѣдомостей" корреспонденцію о съѣзжихъ крестьянскихъ праздникахъ, на которыхъ „выпивалось вина и пива и потреблялось разной снѣди на весьма почтенную цифру". Изъ корреспонденціи видно, что общественники названной волости „съ большой охотой постановили приговоръ о закрытіи своихъ съѣзжихъ праздниковъ". Но при всемъ томъ, не смотря даже на „большую охоту", при наступленіи праздниковъ рѣшено командировать на время ихъ „волостныхъ начальниковъ, по всѣмъ дорогамъ учреждать караулы, а сельскіе старосты призваны объявить, чтобы общественники подъ страхомъ взысканія не ѣздили на съѣзжіе праздники"... О подобныхъ же мѣрахъ сокращенія приходилось слышать и ранѣе. Но едва-ли подобныя мѣры поведутъ къ хорошимъ послѣдствіямъ. Дай Богъ, чтобы гулянка съѣзжихъ праздниковъ, совершаемая въ домѣ и по извѣстному церемоніалу, не перешла въ кабацкій безшабашный разгулъ! Въ начальномъ выпускѣ „Живой Старины" (стр. XXI) мы читаемъ: „Всякій здоровый, умный и неиспорченный человѣкъ, какого бы состоянія онъ ни былъ, имѣетъ расположеніе и наклонность въ часы досуга къ извѣстной физической забавѣ и потѣхѣ"... Подобную наклонность слѣдуетъ признать неискоренимой, такъ какъ она вытекаетъ изъ анатомическихъ и физіологическихъ условій человѣческаго организма. Постороннему наблюдателю, нѣтъ сомнѣнія, пріятнѣе видѣть другихъ въ постоянной работѣ, но, къ сожалѣнію, организмъ требуетъ разнообразія работы или отдыха. Съѣзжіе праздники—бытовая черта, и искорененіе ихъ возможно только при общемъ измѣненіи нравовъ, когда

населеніе, поднявши себя умственно черезъ прохожденіе курса хорошей начальной школы, получитъ возможность и средства доставлять себѣ развлеченія путемъ посѣщенія театровъ, музеевъ, библіотекъ. До тѣхъ же поръ, пока нѣтъ этихъ здоровыхъ развлеченій, трудно бороться съ существующимъ зломъ.

Въ концѣ описанія пищи, употребляемой жителями слободы Усть-Ницынской, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о распредѣленіи этой пищи по временамъ года. Жизнь всякаго пахаря или земледѣльца вообще находится въ большой зависимости отъ явленій природы. Весна и лѣто доставляютъ жителю возможность питаться произведеніями природы въ сыромъ видѣ. Такъ, напримѣръ, ранней весной, когда сойдетъ снѣгъ, жители надрубаютъ березы и получаютъ сладкій сокъ „березовку", которую и пьютъ и иногда, напр. при приготовленіи яичницы, употребляютъ „березовку" вмѣсто молока. Въ тоже время находятъ въ лѣсу луковицы растенія, слывущаго подъ названіемъ „саранки", и ѣдятъ ихъ. Въ концѣ мая сдираютъ кору съ сосенъ и березъ и скоблятъ ножемъ верхній не задеревенѣвшій слой дерева, называя его „сокомъ", и ѣдятъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ поспѣваетъ на поемныхъ лугахъ лукъ, который уже въ Петровъ постъ составляетъ серьезное подспорье къ хлѣбу. Тогда же поспѣваютъ „пучки" и „дидли"—растенія изъ семейства зонтичныхъ,—которые жители ѣдятъ въ большемъ количествѣ. Въ самомъ началѣ іюля поспѣваютъ ягоды: земляника, смородина, черемуха, которыя тоже идутъ въ пищу въ сыромъ видѣ и въ видѣ разнаго рода шанегъ и пироговъ. Къ 20-му іюля созрѣваютъ огурцы и другіе огородные овощи, а въ лѣсу—грибы и грузди. Зимою потребляется то, что заготовлено лѣтомъ, т. е. и лѣтомъ и зимою преобладающею пищею является растительная. Потребленіе мясной пищи совпадаетъ съ осенью, когда выростаютъ молодые пѣтухи, гуси, овцы. Къ большимъ праздникамъ тоже „колютъ" овецъ.

Одежда, обувь и бѣлье.

Одежда, которую носятъ жители слободы Усть-Ницынской, разнообразится по поламъ, по возрасту, по времени года. Одежду жителя называютъ: „нарядомъ" — (лучшая праздничная одежда), — и „лопотью" — (обыкновенная будничная одежда).

Начнемъ описаніе одежды съ головныхъ уборовъ и прически.

Дѣвицы уже съ 3—4 лѣтъ волосъ не стригутъ, а даютъ имъ рости и затѣмъ заплетаютъ въ одну косу. Въ косу вплетаютъ приплётокъ, а

на конецъ косы привязываютъ одну или нѣсколько лентъ различныхъ цвѣтовъ: алаго, жаркого (оранжеваго), голубого, зеленаго, чернаго, бѣлорозоваго. Въ будни на голову дѣвица надѣваетъ платокъ „косячкомъ“, т. е. выставивши сзади, надъ затылкомъ, уголъ платка сверхъ узла, или же ходитъ „космачомъ“, т. е. не подвязавшись платкомъ.

Въ праздничное время дѣвицы обыкновенно ходятъ или космачомъ съ лентами въ косѣ, или же подвязываются **полушалками**, узелъ подъ подбородкомъ. Ходить съ распущенными волосами считается весьма неприличнымъ. Таковъ головной уборъ крестьянскихъ дѣвицъ въ настоящее время. Лѣтъ около 40 тому назадъ дѣвицы, повязывая голову платкомъ, оставляли верхушку ея не закрытой, а концы платка завязывали на лбу. Теперь подобнаго головного убора вовсе не существуетъ.

Головной уборъ замужней женщины въ будни составляютъ двѣ косы, которыя не распускаются по спинѣ, а завиваются вокругъ головы, немного повыше ушей. Сверхъ этой прически голова обязательно завязывается платкомъ. Узелъ платка находится сзади, надъ затылкомъ, причемъ косякъ платка, въ отличіе отъ дѣвичьей повязки, кладется подъ узелъ. Подобнымъ образомъ должна подвязываться всякая замужняя женщина и ни одна изъ нихъ, даже и самого вольного поведенія, не рѣшится нарушить этотъ обычай. Въ праздники замужнія женщины или завязываются такимъ же способомъ болѣе лучшими платками, или надѣваютъ „**наколки**“, или же, въ рѣдкихъ случаяхъ, „увиваютъ“ головы „косинками“. Косинкой называется шелковый треугольный платокъ. Около 30 лѣтъ тому назадъ замужнія женщины носили на головахъ „**кокошники**“ съ вышитыми золотомъ верхушками. Поверхъ кокошника повязывали шелковымъ платкомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы кончики этого платка приходились на лбу и чтобы расшитая золотомъ верхушка кокошника не закрывалась платкомъ. Теперь кокошники окончательно вытѣснены **наколками**, которыя приготовляются изъ матерій разныхъ цвѣтовъ.

Для головныхъ уборовъ молодыя женщины употребляютъ платки всевозможныхъ яркихъ цвѣтовъ, а пожилыя предпочитаютъ цвѣта темные, какъ признакъ скромности.

Въ холодное зимнее время года сверхъ описаннаго, какъ дѣвицы, такъ и замужнія женщины повязываются шалью.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о томъ, какое значеніе придается жителями распущеннымъ волосамъ. По мнѣнію жителей, распустить волосы, напр. для чесанія въ присутствіи мужчины для женщины, столь же неприлично, какъ появиться на улицѣ совсѣмъ безъ одежды.

Мужчины по временамъ подстригаютъ свои волосы. Существуетъ нѣсколько видовъ подстрижки: 1) скобкой, 2) подъ кружало, 3) подъ польку, 4) ерошкой.

Первый видъ подстрижки состоитъ въ томъ, что спереди надъ глазами волосы высоко подстригаются, образуя „скобку", т. е. крутую съ прямыми углами выемку. Съ боковъ и сзади идутъ длинные волосы, гораздо длиннѣе, чѣмъ спереди. Пробора нѣтъ.

Подъ кружало. Этотъ видъ подстрижки отличается отъ перваго тѣмъ, что спереди волосы выстригаются не такъ высоко и скобка постепенно ниспадаетъ къ ушамъ.

Самый модный видъ подстрижки—подъ польку—употребляется исключительно молодыми. Волосы надъ затылкомъ подстригаются почти до самаго корня, а спереди подравниваются, чтобы не мѣшали смотрѣть, и зачесываются кверху,—что называется чубомъ. Шея при этомъ выбривается.

Подстриганье „ерошкой" состоитъ въ томъ, что волосы коротко подстригаются на всей головѣ и зачесываются кверху,—получается „ерошка".

Проборы или ряды, которые дѣлаютъ при расчесываніи, у мужчинъ бываютъ двухъ видовъ: „прямой рядъ", который носятъ старики, и модный „рядъ на боку", который носится молодыми. Упоминаю кстати, что женщины носятъ только прямой рядъ, который они „пронимаютъ" при помощи веретена.

Отмѣчаю здѣсь же выраженіе „пронимать рядъ".

На головахъ мужчины въ лѣтнее время носятъ картузы, причемъ старики предпочитаютъ носить шляпы, а по зимамъ носятъ шапки. Въ прежнее время преобладали шляпы, а около 1850 года въ большомъ ходу были фуражки съ кистями.

Не останавливаюсь болѣе подробно на описаніи разнаго рода наколокъ и шапокъ на томъ основаніи, что жители сами не занимаются изготовленіемъ ихъ, а покупаютъ уже готовыми на ярмаркахъ.

На шеѣ дѣвицы носятъ бисеръ: одну, двѣ или три нитки, а мужчины по зимамъ носятъ шарфы.

Мужскую одежду, надѣваемую на тѣло, составляютъ рубаха и штаны.

Чтобы сшить мужскую рубаху, сначала нужно отрѣзать, сообразуясь съ ростомъ, прямую полосу, затѣмъ согнуть ее пополамъ и въ сгибѣ сдѣлать прорѣзъ для ворота и внизъ. Затѣмъ выкраиваются 2 клина, 2 рукава, 2 ластовки, 1 подоплека. Воротника къ будничной рубахѣ не пришиваютъ.

Кройка штановъ. Сначала выкраиваютъ изъ холста небольшой четыреугольникъ, именуемый ластовкой. Затѣмъ выкраивается такъ-называемый „крюкъ" и третья часть безъ особаго названія. Далѣе выкраиваются двѣ одинаковыя прямыя полосы, или штанины. Одна изъ прямыхъ полосъ, причемъ все представляетъ ея длину и ширину.

Въ верхней части сшитыхъ штановъ загибается опушка, въ которую вдѣваютъ гасникъ — шнурокъ, сплетенный, на подобіе косы, изъ нитокъ.

Задняя часть штановъ называется „втоками“.

Праздничная рубаха пожилыхъ мужчинъ отличается отъ вышеописанной холщевой рубахи тѣмъ, что шьется изъ ситца, съ воротникомъ и складками, или „борами“, на рукавахъ.

Молодые крестьяне шьютъ изъ цвѣтныхъ ситцевъ рубахи съ манишками. Покрой подобныхъ рубашекъ не представляетъ никакихъ особенностей: такія рубашки носятъ вездѣ.

Въ будни всѣ носятъ преимущественно холщевыя рубахи и штаны, а по праздникамъ ситцевыя рубахи и шаровары.

Поверхъ рубахи надѣваютъ поясъ. Одно время носили тканые пояса, затѣмъ ременные, теперь пошла мода на ситцевые пояса, вышитые разными узорами. Поясъ, наравнѣ съ крестомъ, считается признакомъ принадлежности человѣка къ православію. „Ходитъ, какъ татаринъ: безъ креста, безъ пояса“.

Женщины носятъ длинную рубаху, ниже колѣнъ. Покрой ея весьма простъ. Отрѣзываютъ, сообразуясь съ ростомъ, четыре полосы равной длины и ширины и сшиваютъ вмѣстѣ. Получается станъ. Къ этому стану пришиваютъ рукава, которые со станомъ соединяются двумя ластовками. Воротъ такой рубахи обшитъ ошейникомъ, около котораго набирается боръ, т. е. складки.

Нарядная женская рубаха отъ будничной отличается тѣмъ, что рукава, воротъ и верхняя часть стана дѣлаются не изъ холста, а изъ ситца, гаруса, вообще изъ покупной матеріи. Во время ярмарокъ женщины закупаютъ матеріи на „рукава“.

Въ будни сверхъ описанной рубахи женщины описываемой мѣстности надѣваютъ юбку, дубасъ, шушунъ, запонъ, поясъ; въ праздничное время — сарафанъ, платье, кофту. Впрочемъ, подобное дѣленіе одежды на будничную и праздничную — не вполнѣ точно: поношенный сарафанъ можно носить и въ будни, равно какъ хорошую юбку, шушунъ не стыдно надѣть и въ праздникъ.

Юбки шьютъ изъ ситца или выбойки. Для того, чтобы сшить юбку, выкраиваютъ нѣсколько прямыхъ полосъ, сшиваютъ ихъ одна съ другой, подрубаютъ снизу, а въ верхней части дѣлаютъ боры (складки), пришиваютъ опушку, въ которую вдѣваютъ гасникъ для завязыванія. Юбка готова.

Дубасъ носятъ старухи. Онъ шьется изъ холста и затѣмъ синится въ кубовой краскѣ. Для того, чтобы сшить дубасъ, сначала выкраиваютъ одну „прямую полосу“ для спины.

Затѣмъ для переда выкраиваютъ двѣ одинаковыхъ „прямыхъ полосы“.

Далѣе выкраиваютъ четыре „клина“, которые и пришиваютъ къ прямымъ полосамъ: къ переду клинъ и къ заду клинъ. Рукавовъ у дубаса не бываетъ.

Сарафанъ (старушечій). Этотъ сарафанъ вполнѣ походитъ на описанный дубасъ, отличаясь отъ него, во-первыхъ, тѣмъ, что дѣлается изъ покупной матеріи; во-вторыхъ, шире, чѣмъ дубасъ; въ-третьихъ, со складками спереди, на плечахъ и сзади у вороту на „загривкѣ“, (загривокъ—часть спины пониже шеи); и, наконецъ, въ-четвертыхъ, сарафанъ дѣлается съ подкладомъ, чего у дубаса не бываетъ. Рукавовъ сарафанъ тоже не имѣетъ.

Сарафанъ для молодыхъ, или холодай. Этотъ сарафанъ употребителенъ въ будни и въ праздникъ. Холодай шьется изъ покупной матеріи и состоитъ изъ двухъ частей: верхней узкой, и нижней—широкой.

Для нижней половины выкраивается шесть прямыхъ полосъ, которыя и сшиваются одна съ другой.

Верхняя часть холодая сшивается изъ четырехъ прямыхъ полосъ.

Обѣ половины сшиваются вмѣстѣ, причемъ, такъ какъ нижняя часть въ окружности своей гораздо больше верхней, то на нижней части дѣлаются бо́ры. Къ верхней части пришивается перли́нка, которая сшивается изъ трехъ частей.

Послѣ всего этого выкраиваются косые рукава. Каждый такой рукавъ состоитъ изъ двухъ частей.

Платье. Платье шьется изъ ситцу и другихъ матерій. Его носятъ дѣвицы и молодыя замужнія женщины.

Для платья выкраиваются семь прямыхъ полосъ, изъ которыхъ двѣ длинныя для переда и пять покороче для зада и бочковъ.

Затѣмъ выкраиваются три части, изъ которыхъ сшивается таль́а, и еще двѣ части, изъ которыхъ выходитъ перлинка.

Рукава для платья дѣлаются прямые.

Сарафанъ или холодай.

Шуту́нъ, или тальма. Шутунъ, или тальма представляетъ изъ себя верхнюю женскую одежду, родъ кофточки. Она состоитъ изъ слѣдующихъ частей: двѣ полы, задъ, рукава. Тальму шьютъ изъ покупной матеріи, на подкладѣ.

Кофта. Это общеизвѣстный родъ одежды. Кофту носятъ и въ будни, и въ праздникъ.

Запо́нъ. Запономъ называется фартукъ. Это необходимѣйшая часть женскаго наряда во всякое время. Запоны шьютъ изъ ситца, холста, и пр. шириною въ двѣ полосы. Къ верхней части пришивается опушка и вязки.

Нако́ма́рникъ. Въ жаркіе, лѣтніе дни на поляхъ и покосахъ люди вынуждены много перетерпѣть отъ надоѣдливыхъ и больно кусающихъ комаровъ. Чтобы защитить себя отъ этихъ несносныхъ насѣкомыхъ по ночамъ, жители устраиваютъ „балаганы“. Для этой цѣли вбиваютъ въ землю три

пары кольевъ въ $1^1/_2$ аршина высоты каждый, соединяютъ каждую пару кольевъ перекладиной, а сверху накидываютъ пологъ. Этотъ балаганъ все-таки даетъ возможность уснуть покойно.

Чтобы оградить отъ укусовъ плечи, шею и отчасти лицо, днемъ, во время работы, жители надѣваютъ такъ-называемый ими накомарникъ. Накомарники шьютъ всегда изъ домодѣланнаго холста сами хозяйки. Въ распластанномъ видѣ онъ состоитъ изъ четырехъ частей.

Такихъ частей бываетъ 2, остальныхъ по одной.

Работа по шитью накомарника начинается сшиваніемъ двухъ равныхъ частей по линіи авс. Отъ точки с внизъ къ д пришивается къ одной изъ длинныхъ частей четыреугольная часть по линіи ef, а къ другой изъ длинныхъ частей тотъ же четыреугольникъ пришивается по линіи eg.

Далѣе, треугольная часть по линіямъ hk и hl пришивается къ сторонѣ mn длинныхъ частей. Послѣ этого накомарникъ готовъ. Въ цѣломъ видѣ накомарникъ представляетъ изъ себя приблизительно слѣдующую фигуру.

Окончивъ описаніе одежды, служащей для прикрытія головы, шеи, туловища, перехожу къ описанію обуви.

При описаніи обуви прежде всего нужно отмѣтить, что жители преимущественно носятъ кожаную обувь, причемъ лаптей вовсе не употребляютъ. Будничную мужскую обувь составляютъ бро̀дни. Бродни состоятъ изъ двухъ частей: головокъ и голяшки. Къ верхней части головокъ пришиваются ушки̂, сквозь которые продѣвается ремень [1]) для подвязыванія голяшки въ ея нижней части къ ногѣ.

Лѣтъ около 50-ти тому назадъ мужское крестьянское населеніе слободы Усть-Ницынской носило на ногахъ обу̀тки. Обутки представляютъ изъ себя нижнюю часть бродней (голо̀вки) безъ голенища. Голенищи замѣнялись тогда чулками, причемъ богатые крестьяне щеголяли цвѣтными чулками.

Въ настоящее время произошла относительно чулковъ рѣшительная перемѣна: мужчины чулковъ вовсе не носятъ, находя ихъ исключительной принадлежностью женщинъ. Взамѣнъ чулковъ ноги обматываются особаго рода тряпицами, которыя называются ону̀чами. Женскую обувь въ будни составляютъ черки̂, или обу̀тки. Этотъ видъ обуви представляетъ большое сходство съ нижней частью броденъ, т. е. съ головками, отличаясь отъ головокъ тѣмъ, что къ черкамъ вмѣсто ушковъ пришивается сплошной о̀пушень, въ который продѣвается плетеная изъ шерстяныхъ натокъ обо̀рка для подвязыванія черковъ къ ногѣ.

Въ зимнее урема наряду съ описанной обувью мужчины и женщины

---

[1]) Этотъ ремень называется оборкой.

носятъ пимы, которые считаются одинаково приличными и для будень, и для праздника.

Въ праздничные и воскресные дни мужчины носятъ сапоги, а женщины ботинки, изрѣдка башмаки. Сапоги „на высокихъ подборахъ“ давно уже считаются въ Усть-Ницѣ самыми модными, а на низенькихъ каблукахъ—стариковскими.

Выше уже отмѣчено, что мужчины носятъ подъ обувью онучи, а женщины чулки. Чулки вяжутъ или изъ овечьей шерсти, или изъ льняныхъ бѣленыхъ нитокъ, добытыхъ изъ холста. Эти послѣдніе чулки называются билёвыми. Если у чулка отрѣзать нижнюю часть (ступню), то оставшаяся часть будетъ представлять изъ себя то, что жители называютъ погаляшками. Погаляшки не вяжутъ изъ нитокъ, а шьютъ изъ холста; ихъ носятъ женщины на ногахъ (на голеняхъ) только лѣтомъ для защиты отъ комаровъ.

Изъ описанныхъ видовъ обуви жители сами иногда шьютъ себѣ бродни и черки. Сапоги или ботинки заказываютъ „чеботарямъ“ (сапожникамъ), а также покупаютъ на базарѣ. Если изъ среды самихъ жителей слоб. Усть-Ницынской выходятъ иногда чеботари, которые шьютъ нехитрые сапоги и ботинки, то для катанія пимовъ ужъ Устьничане совсѣмъ неспособны: въ средѣ ихъ нѣтъ ни одного пимоката. Каждую осень въ Усть-Ницу являются изъ Россіи 2—3 партіи пимокатовъ, которые и исполняютъ заказы отъ мѣстныхъ жителей.

Не могу въ точности указать, съ какого времени среди мѣстныхъ жителей стали распространяться пимы̀ (ва̀леные сапоги), но теперешніе 60—70-ти лѣтніе старики говорятъ, что „прежде“, т. е. лѣтъ 30—40 назадъ, Устьничане пимовъ совсѣмъ не носили.

Для предохраненія отъ холода кистей рукъ жители носятъ разнаго рода рукавицы, какъ-то: кожа̀нки, мохна̀тки, шу̀бенки, испо̀дки, по праздникамъ перчатки, купленныя на базарѣ или связанныя изъ окрашенной овечьей шерсти.

Кожанки покупаются на базарѣ и представляютъ изъ себя кожаную рукавицу съ помѣщеніями для ладони, и для большого пальца. Для тепла подъ кожанку надѣваютъ вязаную рукавицу, которая называется исподкой. Въ трескучіе морозы на исподку надѣваютъ мохнатку. Мохнатка—это рукавица, сшитая ихъ звѣриной шкуры обращенной шерстью кнаружи. Если рукавица сшита изъ шкуры, обращенной шерстью во внутрь, такая рукавица носитъ названіе шу̀бенки.

Будничную верхнюю одежду жителей слободы Усть-Ницынской составляетъ сермяга. Сермяга приготовляется изъ сукна овечьей шерсти, или серма̀жины. Прежде чѣмъ овечьей шерсти превратиться въ сермяжину, она должна под-

вергнуться слѣдующей переработкѣ. Каждый разъ въ концѣ мая, въ концѣ августа и въ концѣ декабря, т. е. 3 раза въ годъ, овецъ подвергаютъ стрижкѣ. Шерсть, получаемую въ маѣ, называютъ весни̂ной, въ августѣ—лѣтниной, въ декабрѣ—зимни̂ной. Самою лучшею изъ этихъ сортовъ считается лѣтнина. Первая стрижка молодыхъ овецъ даетъ особый высшій сортъ шерсти, называваемый ѐретиной, а вторая шерсть съ молодыхъ овецъ называется подъя̂рокъ.

Когда шерсть острижена, ее отдаютъ шерстобиту, который „бьетъ" ее по 5—7 коп. съ безмѣна ($2^1/_2$ фунта) на хозяйскихъ хлѣбахъ.

Битую шерсть прядутъ, а изъ нитокъ на льняной или конопляной основѣ ткутъ сермяжину. Сермяжина прямо изъ кросенъ не годится для одежды: ее еще нужно стоптать. Операція эта состоитъ въ томъ, что сермяжный кусокъ сначала смачиваютъ горячимъ щелокомъ, а затѣмъ начинаютъ мять ногами въ тепломъ мѣстѣ. Иногда хозяйки сами справляются съ этой работой, иногда нанимаютъ другихъ. Топчутъ по 2—3 коп. съ аршина. Стоптанная, какъ говорятъ, сермяжина дѣлается плотнѣе и пріобрѣтаетъ черный цвѣтъ, вмѣсто первоначальнаго сѣраго цвѣта. Изъ приготовленной такимъ способомъ сермяжины шьютъ сермяги.

Мужская сермяга или чекмѐнь, имѣетъ слѣдующія части: двѣ полы, спи̂ну въ двѣ полосы, два рукава, а вмѣсто воротника вокругъ шеи загибается верхняя часть сермяги и называется ша̀лью. При ношеніи сермяги полы ея запахиваются одна на другую и запоясываются опояской.

Женская сермяга отличается отъ мужской воротникомъ, который у нея короче и шире, притомъ полы женской сермяги не запахиваются такъ далеко, какъ у мужской, а около воротника женской сермяги пришивается петелька и крючекъ, которыхъ у мужской сермяги не бываетъ.

Кромѣ описанныхъ сермягъ изъ овечьяго сукна шьютъ куртки и сермяги съ борка̀ми. Покрой ихъ совершенно одинаковъ съ покроемъ бекешки (см. ниже), а куртка отъ сермяги съ борками отличается тѣмъ, что юбка ея дѣлается гораздо короче, чѣмъ у бекешки. Сермяга же съ борками есть ничто иное, какъ бекешка, сшитая изъ сермяжины.

Въ первой половинѣ XIX вѣка молодые люди въ лѣтніе праздничные дни щеголяли въ халатахъ различныхъ цвѣтовъ (полосатые, желтые), затѣмъ носили бекешии, теперь же преобладающій видъ праздничной одежды составляютъ пенжаки, спинжаки, или пиджаки, останавливаться на которыхъ я считаю излишнимъ: этотъ европейскій видъ одежды, перенесенный на Усть-Ницынскую почву, потерпѣлъ и обезобразился въ неумѣлыхъ рукахъ самоучекъ-портныхъ, но тѣмъ не менѣе, я думаю, все же имѣетъ сходство съ своимъ прототипомъ.

Въ способахъ ношенія „пенжака“ замѣчается своеобразная смѣсь отживающей моды съ нарождающимся стремленіемъ жить по новому хотя бы во внѣшности. Въ настоящее время по праздникамъ молодой парень надѣваетъ сшитую съ „манишкой“ цвѣтную, ситцевую или гарусную рабаху на выпускъ, поверхъ рубахи вышитый поясъ и сверхъ этого пиджакъ...

Бекѐшка. Бекешка шьется преимущественно изъ плиса и представляетъ изъ себя нѣкоторое подобіе сюртука. Подобно сюртуку она состоитъ изъ двухъ частей: таліи и юбки. Въ линіи соединенія нижней части съ верхнею сзади и съ боковъ на бекешкѣ дѣлаются складки, называемыя боркàми. Воротъ у бекешки, какъ и у сермяги, дѣлается шалью. Бекешка застегивается на крючки, причемъ около каждой петельки прошивается по двѣ свѣтлыхъ пуговицъ. Бекешка имѣетъ рукава и по краямъ оторачивается тесьмой.

Верхнюю праздничную одежду женщинъ составляютъ: зимой—шуба на бѣличьемъ мѣху, а лѣтомъ—бурнусъ.

Женская шуба покроемъ своимъ вполнѣ напоминаетъ женскую сермягу. Шуба всегда бываетъ покрыта матеріей. Въ прежнее время преобладающіе цвѣта шубъ были—желтый и голубой, нынѣ же предпочитается черный.

Бурнусъ вошелъ въ употребленіе лѣтъ 15 тому назадъ, а раньше ходили въ длинныхъ шутунахъ. Бурнусъ представляетъ изъ себя пальто изъ драповой матеріи чернаго цвѣта. Этотъ видъ одежды не туземнаго происхожденія и потому не составляетъ особенности крестьянской жизни въ слободѣ Усть-Ницынской. Бурнусъ покупаютъ на базарахъ цѣною отъ 15 до 25 руб. „по стàткамъ“, т.-е., какъ средства позволятъ.

Мужское населеніе по зимамъ носитъ полушубки, бешметы, тулупы.

Полушубокъ представляетъ изъ себя описанную выше бекешку. Отличіе полушубка отъ бекешки заключается только въ томъ, что полушубокъ шьется изъ овчинъ. Старики расказываютъ, что въ ихъ время полушубки шили проще—безъ таліи. Полушубки носятъ нагольными. Новый полушубокъ самъ по себѣ представляетъ нарядную одежду. Кромѣ того, полушубки носятъ подъ сермягой, которую надѣваютъ сверхъ полушубка для тепла.

Крытый полушубокъ называется бешметомъ. Бешметъ исключительно праздничная одежда.

Тулупъ бываетъ—крытый и нагольный. Тулупъ, сшитый изъ овчинъ вверхъ шерстью, называется ягòй.

Изъ вышеприведеннаго описанія одежды и обуви жителей слободы Усть-Ницынской видно, что мѣстный крестьянинъ въ своей жизни стремится къ тому, чтобы всѣ свои нужды и потребности удовлетворять личнымъ трудомъ безъ покупки и траты денегъ. Это стремленіе находится въ большой зависимости

отъ экономической необезпеченности крестьянства. Подобнымъ стремленіемъ объясняется почти полное отсутствіе въ средѣ жителей мастеровъ: портныхъ, столяровъ, и пр. Если и существуетъ здѣсь нѣсколько мастеровъ, то положеніе ихъ нельзя считать обезпеченнымъ. Каждый занимающійся ремесломъ (плотникъ, столяръ, портной) старается не отставать отъ пашни. Но надобность въ мастерахъ все-таки встрѣчается. Не смотря на все желаніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ хозяинъ рѣшительно не въ состояніи удовлетворить собственными руками свои нужды. Въ такомъ именно положеніи онъ бываетъ, когда ему нужно сшить полушубокъ, бешметъ, бекешку и тулупъ. Для шитья этого рода одежды по зимамъ ходятъ мастера.

Обычаи и обряды, соблюдаемые при рожденіи.

Рожденіе ребенка обставляется таинственностью. Окружающіе родильницу стараются всѣми силами о томъ, чтобы какъ можно меньше людей знало о родахъ. Подобное стремленіе къ таинственности происходитъ отъ того, что жители убѣждены, что если много людей узнаетъ о родахъ, то роды будутъ тягостными для родильницы. Въ особенности же тягость родовъ, по мнѣнію жителей, увеличивается въ томъ случаѣ, если роды сдѣлаются извѣстными дѣвицѣ,—тогда „за кажной дѣвичей волосокъ маяться родильницѣ“.

Тотчасъ послѣ рожденія ребенка обмываютъ теплой водой, завертываютъ въ бѣлье и кладутъ въ теплое мѣсто. Между тѣмъ топятъ скорѣе баню, въ которую ведутъ родильницу и несутъ ребенка. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ около родильницы и новорожденнаго является баушка-повитуха. Къ помощи акушерки жители никогда не обращаются по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, акушерка въ этихъ мѣстахъ существуетъ недавно, и жители еще не освоились съ ней, не знаютъ ее и вообще предубѣждены въ ея помощи,— а во-вторыхъ, акушерка, завѣдуя въ пяти волостяхъ или болѣе чѣмъ въ 60-ти населенныхъ пунктахъ, и не имѣетъ физической возможности удовлетворить желаніямъ населенія, если бы таковыя желанія вдругъ пробудились... Баушки-повитухи въ теченіе своей многолѣтней практики выработали извѣстные пріемы ухаживанія за роженицами и въ глазахъ населенія заслужили довѣріе и авторитетъ: безъ баушки-повитухи ни одни роды не обходятся.

Въ банѣ новорожденнаго моютъ, причемъ вмѣсто губки употребляютъ овечью шерсть. Вымывши младенца повивальная баушка начинаетъ его править. Этотъ процессъ состоитъ въ томъ, что баушка беретъ лѣвую руку младенца и закидываетъ ее назадъ къ правой ногѣ, которую, въ свою очередь,

пригибаетъ къ лѣвой рукѣ за спиной; точно также загибаются на спину правая рука и лѣвая нога. Во время прàвленья баушка приговариваетъ: „Встаньте костки по-старому, станьте по-прежному, какъ васъ 'Осподь Богъ основалъ". Послѣ этого ребенка запеленываютъ и баушка приступаетъ къ закутыванію „родимой грыжи": показываетъ, что зубами кусаетъ пупокъ и дѣтородный членъ младенца. Родильница, находящаяся въ это время въ банѣ, должна спросить: „Че, баушка, кусашь?"—Баушка отвѣчаетъ: „Родиму грыжу!"—Родильница:—„Кусай гаразнѣ, чтобы вѣкъ не было!" Подобный вопросъ и отвѣтъ повторяются три раза.

Омовеніе въ банѣ неразрывно связано съ пареніемъ. Поэтому, не смотря на то, что новорожденный едва-ли способенъ вынести банный жаръ, баушка, послѣ омовенія, все-таки паритъ вѣникомъ младенца.

Подобное пареніе сопровождается слѣдующими словами:

„Не я тебя парила, не я тебя правила,—приходила баушка Саламанида изъ-за синяго моря. Какъ истеного Христа мыла и парила и приговаривала: не будь крикливой, не будь ревливой, будь уемной, будь угомонной, не будь жадной, не будь аушной. Не она насъ баушка Саламанида парила и правила, она только пару оставила".

Въ этой же банѣ начинается лѣченіе родильницы: баушка наговариваетъ на воду съ угольками и прыскаетъ этой водой родильницу.

Новорожденнаго при первой же возможности стараются окрестить, такъ какъ „некрещенаго держать негодно".

До тѣхъ поръ, пока ребенокъ не окрещенъ, къ родильницѣ изъ посторонних никто не допускается, а домашніе стараются сидѣть, находиться около нея все время. Если же все-таки приходится оставить родильницу одну, то, уходя, оставляютъ около нея: ножикъ, ножницы и голикъ. Голикъ (голый вѣникъ) кладутъ въ ноги, ножницы подъ подушку, а ножъ подъ бокъ.

Послѣ крещенія младенца, въ домѣ родителей его устраиваются стины (отъ кстины—крестины) на которыхъ присутствуетъ кумъ, кума и родственники.

Непремѣнною принадлежностью стола на стинахъ является каша. Когда каша бываетъ поставлена на столъ, тогда повивальная баушка начинаетъ подавать гостямъ вино. Эта обязанность баушки выражается выработавшимся на этотъ случай выраженіемъ: „Время настовать, кашу хлебать, баушкѣ вино подавать" („Нàстовать", значитъ дѣйствовать, настраивать дѣло на извѣстный ладъ). Выпившій вино откладываетъ, по силѣ возможности, баушкѣ на кашу денегъ. Въ началѣ этого стола вино подаетъ отецъ, и ему гости кладутъ деньги „на зубокъ".

Умершаго стараются поскорѣе обмыть и затѣмъ обрядить. Обмываніемъ умершихъ занимаются исключительно женщины. Относительно обмыванія умершаго младенца существуетъ повѣріе, по которому мать сама должна обмывать его и притомъ на голыхъ колѣняхъ. Если „ребята не стоятъ", т. е. не выживаютъ, то подобная обрядность будто бы способствуетъ долговѣчности имѣющихъ родиться младенцевъ.

Послѣ омовенія мертвецу чешутъ голову. Посуда, изъ которой мыли умершаго, и гребень, которымъ его чесали, признаются нечистыми: посуда разбивается, а гребень куда нибудь забрасывается.

Вымывши и вычесавши умершаго наряжаютъ въ бѣлую рубаху, штаны и чулки—если мужчина, и въ бѣлую рубаху и чулки—если женщина. Вся одежда для усопшаго шьется послѣ его смерти изъ холста, на живую нитку, то есть спѣшно и некрѣпко. Смертная рубаха шьется узкая, по одному клину на боку. Одѣтаго въ саванъ умершаго кладутъ на лавку подъ образами, куда обыкновенно кладутъ его, когда онъ еще умиралъ. Выраженія „подъ святы положить", „подъ образа положить"—означаютъ послѣднія минуты человѣческаго существованія, существованія на смертномъ одрѣ... Наряженнаго мертвеца сверху закрываютъ покрышкой. Покрышкой называется холстъ въ двѣ полосы, служащій для прикрытія тѣла, причемъ одна полоса разрывается пополамъ и пришивается по бокамъ первой широкой полосы.

Съ похоронами обыкновенно спѣшатъ, и какъ только будетъ готово домовище, т. е. гробъ, покойника несутъ въ церковь для отпѣванія. Въ настоящее время преобладаютъ гроба, сдѣланные изъ досокъ,—въ прежнее же время хоронили въ колодахъ, т. е. въ такихъ гробахъ, которые выдолблены въ толстомъ бревнѣ. Подобнаго рода гробы, относящіеся къ первой половинѣ прошлаго вѣка, были открыты при ремонтѣ церкви въ наше время.

Въ силу повѣрія житель, увидѣвъ приближающееся къ нему навстрѣчу похоронное шествіе, не долженъ смотрѣть на него, когда же оно поравняется съ нимъ онъ долженъ перекреститься и сказать: „прости да благослови!". Эти же слова всегда произносятся при извѣстіи о чьей либо смерти.

Послѣ погребенія въ домѣ умершаго дѣлается обѣдъ, на который приглашаются съ кладбища родственники и нищіе—старики и старухи.

На этомъ обѣдѣ непремѣнно долженъ быть кисель, которымъ поминаютъ покойника.

Въ числѣ похоронныхъ обрядовъ слѣдуетъ поставить оплакиваніе умершаго съ причитаньями. Обыкновенно причитанія составляютъ импровизацію плачущей женщины, которая выражаетъ скорбь собственную и своей семьи по умершемъ.

Болѣзни и смертность.

По мнѣнію жителей слободы Усть-Ницынской, болѣзни дѣлятся на двѣ группы по своему происхожденію: „Однѣ болѣзни происходятъ отъ Бога, а другія—отъ-друга“.

Ко второй группѣ болѣзней относятся тѣ, которыя слывутъ подъ общимъ названіемъ „порчи“, а „порчу“ напускаютъ вражные, вѣдающіеся съ нечистой силой. Чаще встрѣчающіеся виды этой порчи носятъ названія: рѣзачки, сколотки, „кошели навѣшены“.

При рѣзачкѣ мочеотдѣленіе происходитъ съ болью. Лѣчатъ наговорами на уксусъ и на вино.

Сколоткой называется сильный запоръ. „Кошели навѣшены“. При этой болѣзни болитъ верхняя часть спины—крыльца, „не даетъ ни пошевелиться, ни поворотиться“.

Къ группѣ болѣзней, ниспосылаемыхъ Богомъ за грѣхи, относятся: горячки, поносы, оспа, родимецъ, цвѣтъ, лихоманка, чахотка.

При горячкѣ лѣчатъ наговорами отъ свѣту и поятъ настоемъ травы огневки.

Поносъ больше всего бываетъ на маленькихъ, лѣчатъ наговорами, поятъ виноградными виномъ, настоемъ корней черноголовника и березовой коры.

Оспу ничѣмъ не лѣчатъ; только больному даютъ ѣсть все, чего бы онъ ни пожелалъ.

Родимецъ (падучая болѣзнь) лѣчится наговорами, настоемъ травы родимечной (изъ семейства гвоздичныхъ), кадятъ ладономъ, поятъ святой водой, накрываютъ приданой скатертью, поятъ сажей, собранной съ трехъ дымниковъ.

Цвѣтомъ называется общее недомоганіе, причемъ больного бросаетъ то въ жаръ, то въ ознобъ. Лѣчатъ наговорами.

Лихоманка (лихорадка) бываетъ весной и рѣдко осенью. Осеннюю лихорадку рѣдко вылѣчиваютъ. Больного поятъ травами и составами. Составомъ называютъ соединеніе, напр., уксуса съ рѣдечнымъ сокомъ и нашатыремъ.

Жители слободы Усть-Ницынской, какъ и все вообще сельское населеніе обширной Тобольской губерніи, не пользуется медицинскою помощью за неимѣніемъ таковой.

Предоставленное самому себѣ въ борьбѣ за существованіе, въ неравной борьбѣ съ злыми болѣзнями, оно платитъ слишкомъ высокую дань алчной смерти...

Г-нъ Е. Анучинъ въ статьѣ своей „Смертность въ Тобольской губерніи и ея причины“ (№ 31 „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1863 г.), разсмотрѣвъ десятилѣтіе съ 1851 по 1860 годъ въ отношеніи смертности населенія, пришелъ къ выводу, что въ Усть-Ницынской волости умирало въ среднемъ ежегодно 46 человѣкъ изъ тысячи, или 4%,6.

Желая опредѣлить процентъ смертности за послѣдующіе годы, мы обратились къ метрическимъ записямъ Усть-Ницынскаго причта съ 1873 по 1884 годъ. На основаніи этихъ данныхъ у насъ составилась слѣдующая таблица.

Въ 1873	году	изъ	3,280	жит.	умерло	171	или	5%,2
„ 1874	„	„	3,263	„	„	239	т. е.	7%,3
„ 1875	„	„	3,236	„	„	192	—	5%,3
„ 1876	„	„	3,323	„	„	240	—	7%,2
„ 1877	„	„	3,327	„	„	131	—	3%,9
„ 1878	„	„	3,415	„	„	154	—	4%,5
„ 1879	„	„	3,435	„	„	144	—	4%,2
„ 1880	„	„	3,493	„	„	148	—	4%,2
„ 1881	„	„	3,520	„	„	146	—	4%,1
„ 1882	„	„	3.590	„	„	163	—	4%,5
„ 1883	„	„	3.587	„	„	221	—	6%,1
„ 1884	„	„	3.485	„	„	244	—	7%,0
Среднее за 12 лѣтъ						182,75	т. е.,	5%,3

Такимъ образомъ, какъ показываетъ приведенная таблица, высокій процентъ смертности съ 1860 года еще болѣе повысился, а при такихъ условіяхъ о прогрессивномъ ростѣ населенія не можетъ быть и рѣчи.

Доморощенные Усть-Ницынскіе философы давно жалуются на измельчаніе молодого поколѣнія и объясняютъ это умножающимися грѣхами людей... Наука, насколько намъ извѣстно, также не отвергаетъ вліянія „грѣховъ“ въ видѣ плохого питанія, непосильно тяжелаго и односторонняго труда на оскудѣніе, вырожденіе и другіе виды постепеннаго исчезновенія...

Средняя продолжительность жизни Усть-Ницынскаго крестьянина очень низка. Сложивъ возрастные года, прожитые всѣми умершими за избранный періодъ времени и, раздѣливъ эту сумму на число умершихъ, получаемъ среднюю цифру 1 9 лѣтъ!

Подобная цифра намъ кажется очень краснорѣчивой въ особенности, если сравнить ее съ тою среднею продолжительностью жизни человѣка на

земномъ шарѣ, которая опредѣляется, по календарнымъ свѣдѣніямъ, въ 33 года 6 мѣсяцевъ.

Разсматривая смертность населенія по возрастнымъ группамъ, мы пришли къ тому выводу, что большинство умершихъ за 12-лѣтній періодъ времени, съ 1873 по 1884 г., относится къ младенческому и дѣтскому возрасту.

Въ 1873 году ниже 5 лѣтн. возр.	116,	выше 5 лѣтъ	55
„ 1874 „ „ „ „ „	150	„ „ „	89
„ 1875 „ „ „ „ „	125	„ „ „	67
„ 1876 „ „ „ „ „	176	„ „ „	64
„ 1877 „ „ „ „ „	108	„ „ „	23
„ 1878 „ „ „ „ „	110	„ „ „	44
„ 1879 „ „ „ „ „	98	„ „ „	46
„ 1880 „ „ „ „ „	104	„ „ „	43
„ 1881 „ „ „ „ „	93	„ „ „	53
„ 1882 „ „ „ „ „	119	„ „ „	44
„ 1883 „ „ „ „ „	135	„ „ „	86
„ 1884 „ „ „ „ „	141	„ „ „	103
За 12 лѣтъ ниже 5 лѣтн. возр.	1.475,	выше 5 лѣтъ	718
		2.193	

Отсюда видно, какую обильную дань смерти приносятъ дѣти въ возрастѣ первыхъ (и преимущественно перваго!) годовъ жизни!

Изъ умершихъ въ теченіе 12 лѣтъ 2.193 человѣкъ на долю дѣтей ниже пятилѣтняго возраста приходится 1.475 человѣкъ, т. е. 67% всего числа умершихъ.

Если, взявъ за предѣльный возрастъ 97 лѣтъ—этого возраста изъ 2.193 человѣкъ умершихъ въ 12 лѣтъ достигалъ только одинъ—высчитать среднюю цифру смертности на каждомъ возрастномъ году, то получимъ, что въ возрастѣ каждаго изъ первыхъ 5 лѣтъ въ теченіе 12 лѣтъ умерло 295 человѣкъ, а въ возрастахъ высшихъ—только 7,5 на каждомъ возрастномъ году. Подобное вычисленіе даетъ нѣкоторое понятіе о томъ ужасающемъ процентѣ смертности въ дѣтскіе годы, который составляетъ обыденное явленіе нашей жизни.

За отсутствіемъ врачебнаго надзора за больными, причина смерти въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется причтомъ при отпѣваніи умершаго и вносится въ особую графу метрическихъ книгъ. При такихъ условіяхъ не можетъ быть точнаго опредѣленія болѣзней со смертельнымъ исходомъ.

Главной, по своей распространенности, причиной смерти, по метрическимъ записямъ, является поносъ. Эта болѣзнь безсмѣнно фигурируетъ въ числѣ причинъ смерти во всѣ 12 лѣтъ съ 1873 по 1884 г.

За поносомъ слѣдуетъ горячка, имѣвшая мѣсто въ теченіе восьми лѣтъ.

Въ шести годахъ причиною смерти выставлена старость, въ четырехъ—боль въ горлѣ; чахотка—въ одномъ и оспа въ одномъ году.

Въ теченіе 12 лѣтъ отъ родовъ умерло 11 женщинъ.

Далѣе слѣдуютъ умершіе отъ случайныхъ причинъ: 5 человѣкъ утонуло; 2 убиты громомъ; 2 убито ворами; 1 сгорѣлъ, 1 обваренъ кипяткомъ, 1 кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Въ заключеніе своего краткаго обозрѣнія болѣзней, существующихъ на жителяхъ свободы Усть-Ницынской, я долженъ упомянуть о томъ, что способы лѣченія этихъ болѣзней представляютъ большой интересъ въ глазахъ наблюдателя.

Но мнѣ не удалось познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ заговорами болѣзней, съ цѣлебными травами, употребляемыми для лѣченія, по недостатку времени и отсутствію средствъ, необходимыхъ на вознагражденіе знахарей. Средства, правда, требуются очень мизерныя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Зобнинъ.

Матеріалы по народной медицинѣ и акушерству въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи.

Знахарство и самолѣченіе еще не совсѣмъ ослабло въ здѣшнемъ населеніи. Да, пожалуй, и неудивительно, если сравнить пока еще короткое время существованія земской медицины съ вѣками, въ которые народъ въ дѣлѣ врачеванія, былъ предоставленъ самому себѣ. Научной медицинѣ и теперь еще приходится считаться съ безвѣстными народными врачевателями, и чтобы ослабить ихъ вредное вліяніе, врачи занялись изученіемъ народной медицины, полагая, что легче бороться съ врагомъ, узнавъ его силы и средства. Съ другой стороны, этнографическая наука идетъ на встрѣчу, разрабатывая, между прочимъ, этотъ же вопросъ, только съ иной точки зрѣнія и для другихъ цѣлей. Благодаря этимъ двумъ путямъ изученія, за послѣднее время на страницахъ медицинской печати и этнографическихъ изданій появилось много статей и замѣтокъ по народной медицинѣ. Данныя получаются весьма интересныя и разнообразныя, такъ какъ поле наблюденія очень обширно. Нужна только сводка полученнымъ матеріаламъ. Не считая вопросъ исчерпаннымъ, я предлагаю только факты и отрывочныя свѣдѣнія по этому предмету, которыя по сравненіи ихъ съ другими имѣющимся въ литературѣ данными, покажутъ степень географическаго распространенія того или другого средства, способа или заговора, употребляемыхъ народомъ при лѣченіи болѣзней.

I. Народная медицина.

Среди народа знахарскіе типы представляютъ изъ себя какъ бы особую группу. Умѣнье нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ, въ силу привычки, цѣнитъ и уважаетъ; ловкости другихъ сильно побаивается, допуская въ нихъ силу, способную причинить болѣзнь или какое нибудь иное несчастіе въ жизни. Занимающіеся знахарствомъ почти всѣ люди пожилого возраста, вѣдь старость, своею опытностію въ жизни, внушаетъ больше довѣрія. Далѣе слѣдуютъ бобыли и бобылки, которыхъ уже нужда заставляетъ кормиться этимъ ремесломъ.

Затѣмъ бродячіе элементы въ видѣ странниковъ и странницъ, придя на ночевку въ семью (въ деревнѣ въ рѣдкомъ дому нѣтъ какого нибудь больного), разсыпаютъ медицинскіе совѣты, чтобы лучше ихъ накормили. Одному человѣку трудно удовлетворить на всѣ запросы, касающіеся человѣческихъ недуговъ, и поэтому каждымъ знахаремъ, и конечно случайно избирается какая нибудь группа болѣзней, въ пользованіи которыхъ онъ наловчился и сдѣлался извѣстнымъ среди окрестнаго населенія. По сему позволительно сказать, что спеціалисты существуютъ по всѣмъ болѣзнямъ. Одни «мечутъ» кровь «баночную» и открываютъ кровь «жильную» и называются «рудометами» и «рудометками».— Другіе «заговариваютъ» кровь, зубную боль и чирьи; при этомъ предметами для нашептыванія служатъ: соль, водка и деревянное масло. Есть «знахархитрихи» (народныя массажистки), занимающіяся исключительно растираніемъ больныхъ «въ пару» т. е. въ печахъ и баняхъ. Натираніе производится рѣдечнымъ сокомъ или деревяннымъ масломъ, на подобіе массажа и длится продолжительное время. Особыя искусницы удивительно дѣйствуютъ языкомъ, «вылизывая» соринки изъ глазъ и ртомъ, «высасывая» мочу у младенцевъ, при задержаніи ея. Имѣются «костоправы», вправляющіе вывихи и помогающіе при переломахъ, пользующіеся большою извѣстностію. Есть «знаткй» по внутреннимъ болѣзнямъ, дающія больнымъ, начиная отъ самыхъ невинныхъ травъ и кончая сулемой (у коноваловъ называется «бѣль») и окуриваніемъ киноварью. Иногда лѣченіе сопровождается своеобразной діэтой. Есть особые спеціалисты, которые «наговоромъ» снимаютъ «килы» и гонятъ «волосъ», а также помогаютъ и отъ «притки». Наконецъ, въ каждой деревнѣ есть «баушки-повитухи».—Но несмотря на такое обиліе «спеціалистовъ» народная вѣра въ нихъ колеблется, ибо нѣкоторые скептики говорятъ: «нечего на зубы положить, такъ имёшъ ворожить».

Народныя понятія на причины болѣзней въ большинствѣ случаевъ сводятся: во 1-хъ) «на простуду», ей приписываютъ слѣдующія заболѣванія: перемежающуюся лихорадку, всѣ грудныя болѣзни и между ними пневмонію и чахотку, сифилисъ (большинство), ломоту въ мышцахъ и въ костяхъ и невралгіи и другія болѣзни. Въ качествѣ радикальнаго средства стараются «ссячи» (достать) «костяного масла» или «мази» для растиранія, чтобы «прямо въ кость шло»; 2-е) на тяжелый физическій трудъ или, выражаясь по мѣстному, заболѣлъ отъ надсады, подъему и натуги. Эти три названія, въ сущности означаютъ одну и ту же причину болѣзни и ей приписываютъ почти всѣ болѣзни живота, называя ихъ иногда «грыжами» (безъ выпаденій). Вѣря въ существованіе противъ каждой болѣзни радикальнаго и скоро исцѣляющаго средства, такъ прямо и просятъ: «капель отъ надсады», «подъемныхъ капель», «грыжныхъ капель» и самаго излюбленнаго средства «можжевеловаго масла»; 3-е) «дурная кровища» служитъ также причиною нѣкоторыхъ болѣзней, сюда относятся напр., головная боль, глазныя болѣзни, ломота, зубныя болѣзни. Въ случаяхъ когда кровь «приступила» или «одоляетъ», прибѣгаютъ къ «рожкамъ»

или же пускаютъ венозную кровь, смотря кто къ чему привыкъ, причемъ нѣкоторые ежегодно подвергаютъ себя той или другой операціи. 4-е) «Порча» и «дурной глазъ». Народъ вѣритъ въ то, что нѣкоторые люди, знающіе «бѣсовскіе заговоры», способны по злобѣ (такихъ людей очень боятся) сдѣлать какую нибудь пакость ближнему въ видѣ «напущенія болѣзни (даже полового безсилія), и вотъ является масса болѣзней подъ именемъ «килъ»; сюда относятся: новообразованія, лимфатическія опухоли, карбункулы, нарывы на различныхъ мѣстахъ тѣла, на лицѣ, въ горлѣ, въ заднемъ проходѣ, на женскихъ половыхъ органахъ. Лекарства сначала считаются тутъ недѣйствительными; ищутъ знающихъ людей и «наговоромъ» снимаютъ кому что и гдѣ надо. 5-е) «Нечистой силѣ» съ совокупностію явныхъ внѣшнихъ причинъ также приписывается не мало болѣзней и, между, прочимъ, всѣ травматическія поврежденія, случившіяся нѣсколько странно и внезапно, или всѣ вообще несчастные случаи. Здѣсь тоже прибѣгаютъ къ наговорамъ отъ «поглуму» или «притки».

Перехожу къ тому, какъ населеніе относится къ медицинѣ вообще, опишу его поведеніе во время недуговъ и способы объясненія того, что больной чувствуетъ во время болѣзни. Какъ остатокъ старой привычки обращаться къ знахарямъ, и здѣсь идутъ къ врачу не лѣчиться, а «ворожиться»; лѣкарство-же называютъ «вешти» «вешшетинькѣ» и просятъ, чтобы приготовленное средство было по «крѣпче» да «пользительнѣе.

Почти во всѣхъ болѣзняхъ первымъ дѣломъ примѣняютъ тепло въ видѣ сухого и влажнаго пара (печи, бани), припарокъ изъ овса, трухи, золы, горячихъ примочекъ и обливаній. Лѣченія холодомъ въ видѣ снѣга, холодной примочки и даже питья холодной воды боятся и избѣгаютъ, говоря, чтобы не «застудить». Сплошь и рядомъ затаскиваютъ тифозныхъ больныхъ въ печь и за все время болѣзни не дадутъ глотка холодной воды, хотя нѣкоторые больные умоляютъ объ этомъ, а даютъ для питья только теплую воду. Субъективныя ощущенія, при болѣзненныхъ состояніяхъ выражаются такъ: напримѣръ, при болѣзняхъ живота вообще, говорятъ: «утробой маюсь» или «стыкаю» (мучусь, страдаю). На мѣстѣ желудка предполагается «серче». Далѣе при болѣзняхъ желудка и кишекъ симптомы выражаютъ слѣдующимъ образомъ: «серче сеётъ», «слина тяговая» (признаки глистовъ), «подкатываетъ подъ серче», «ѣжи (пищи) непущаетъ»; испражненія какъ «крякосъ» (жидко-зеленоватыя и частыя). При водянкѣ, когда лицо и животъ отечны, говорится: «личо и утроба сбыло, сбываетъ» (въ смыслѣ прибыло и увеличивается). При болѣзняхъ anus и половыхъ органовъ заявляется, что «незамогъ исподомъ», «болитъ исподъ». При глазныхъ болѣзняхъ, язвы роговицы и невоспалительныя пятна на ней называются «бѣльмами», а процессъ образованія ихъ выражается такъ: «строжетъ», «настрогало» бѣльмо. Зрачекъ называется «озерко». Человѣкъ пострадавшій въ дракѣ, будучи избитъ или раненъ, называется «убоецъ».

Всѣ болѣзни, полученныя въ дорогѣ, во время пути или при работѣ называются «встрѣшными».

Эпидемическое распространенiе какой нибудь инфекцiонной болѣзни (напр. кроваваго поноса, скарлатины, гнойнаго воспаленiя глазъ и др.) въ семьѣ или въ деревнѣ называется «поше(-р)сть». Тутъ пожалуй кстати упомянуть о мѣстномъ обычаѣ, который наблюдается, вѣроятно, и въ другихъ краяхъ. Подлѣ умершаго, на наружной стѣнѣ дома вывѣшивается бѣлая тряпочка или маленькое полотенце, съ нашитымъ чернымъ или краснымъ крестикомъ, а въ домѣ на окнѣ ставится чашка съ водой. По повѣрью, человѣческая душа въ продолженiе шести недѣль прилетаетъ въ домъ, умывается и утирается вывѣшеннымъ полотенцемъ. Къ концу лѣта число вывѣшенныхъ тряпочекъ или полотенецъ въ селенiяхъ увеличивается, и они какъ бы служатъ наглядными статистическими знаками смертности вообще, а дѣтской въ особенности, за лѣтнее время.

Приступая къ перечню мѣстныхъ названiй болѣзней, нужно сказать, что списокъ ихъ неособенно великъ, такъ какъ много болѣзней слыветъ просто подъ именемъ «простуды» и «грыжъ». Наоборотъ, другiя болѣзни имѣютъ нѣсколько названiй, смотря по мѣстности. Затѣмъ предлагаю мѣстную номенклатуру болѣзней въ алфавитномъ порядкѣ въ числѣ 78 названiй.

1. Болоно, болонья (д. Коротнево, Клопузово). Невоспалительныя опухоли (Tumores, Atheroma).

2. Валйзна (с. Курилово). Воспаленiе подкожной жирной клѣтчатки. (Phlegmonia).

3. Вѣтренница, летучiй огонь (д. Клопузово). Хроническiя накожныя сыпи (Eczema, Lichen, Ecthyma и др.).

4. Вёшница, ворогу(-ха)ша, гнетуха, кашлюнья, осеннуха, трясуха. Перемѣжающаяся лихорадка (Febris intermittens).

5. Вихлёцъ (д. Клопузово). Поносъ у дѣтей; въ отличiе отъ простой «череухи» приписывается исключительно свертыванiю копчиковой или хвосцовой кости наружу, вслѣдствiе чего anus остается якобы открытымъ (Catarrhus intestinalis).

6. Волосъ (д. Коротнево). Костоѣда, свищи, холодные нарывы съ сильнымъ отдѣленiемъ гноя, въ которыхъ предполагаются животныя, едва видимыя глазомъ, въ формѣ волоса (Caries ossium, ulcera fistulosa, abscessus frigidus).

7. Воспица, бобушки (Улома). Натуральная оспа (Variola vera, varicella).

8. Головникъ (д. Клопузово). Головная боль, соединенная съ гноетеченiемъ изъ ушей и коростами на головѣ у дѣтей. (Otitis cum Eczemate capitis).

9. Горлянка, горлоуша (Улома). Скарлатина и дифтеритъ (Angina dyphteritica, scarlatina).

10. Горяцка (Улома). Разныя формы тифа (Typhus exantematicus, Jleotyphus).

11. Жабка (Улома). Воспаленiя языка и слизистой оболочки рта (Glossitis, stomatitis).

12. Замáй (Улома). Двинетъ (д. Коротнево). Болѣзни живота у грудныхъ дѣтей (Gastritis, enteritis, cistitis).

13. Занóсище (Улома). Остановка мѣсячныхъ очищеній (Supressio mensium).

14. Захватъ (Улома). Задержаніе мочи и кала у дѣтей (Enuresis nocturna, obstructio).

15. Килы, каменныя килы (Повсемѣстно). Воспалительныя опухоли и нарывы на различныхъ частяхъ тѣла, приписываемыя злобѣ и дурному глазу нѣкоторыхъ, способныхъ «насаживать килы» (Anthrax, abscessus).

16. Костовикъ, косторывъ (Улома). Язвы хроническія и костоѣда (Ulcus chronic., caries ossium).

17. Костоломъ, костоломище (Улома). Ломота во всемъ тѣлѣ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

18. Корѣха, корѣшка (Улома). Корь (Morbilli).

19. Молошонка, цвѣтъ. Молошница во рту у дѣтей.

20. Напущенная зябель (д. Мархинино). Истерическіе припадки и обмороки у женщинъ; характеризуются началомъ во время стоянія въ церкви за литургіей, а если дома, то всегда бываетъ хуже, когда идетъ церковная служба. Приписываютъ «порчѣ». (Hysteria, Epilepsia).

21. Нутряная грыжа. Хроническія болѣзни брюшныхъ органовъ (Gastro-Enteritis chronica и др.).

22. Нырокъ (д. Хмѣлина). Раковое новообразованіе на губѣ и на другихъ частяхъ тѣла (Carcinoma).

23. Недужницы, натужницы (Улома). Множественные чирьи по тѣлу (Furunculi).

24. Ночной щипокъ, ночники (Улома). Водяной прыщъ, появившійся ночью; пустулезная сыпь (Pustulus).

25. Опáръ (Улома). Опрѣлость въ пахахъ у дѣтей.

26. Озыкъ (д. Коротнево). Уроки (Улома). Легкое лихорадочное состоянія или недомоганія (Status febrilis).

27. Полевой опоръ (д. Коротнево). Ломота въ поясницѣ, случившаяся въ полѣ во время работы (Rheumatismus lumbalis).

28. Притка, прикосъ, поглумъ. (д. Коротнево), доспѣшка (д. Часво). Ушибы, уколы и другія травматическія поврежденія, случившіяся внезапнымъ и страннымъ образомъ и затянувшіяся въ лѣченіи на долгое время, причемъ начальная причина ихъ приписывается уже нечистой силѣ и говорятъ: «поглумилось, доспѣлось».

29. Переломъ (д. Боръ). Нѣкоторыя болѣзни глазъ и между ними воспаленія роговицы и слизистой оболочки вѣкъ (Keratitis et conjunctivitis).

30. Полуношница (д. Боръ, С. Мороцкое). Безсонница у грудныхъ дѣтей, повидимому ничѣмъ не хворающихъ и спокойныхъ.

31. Розливъ, краски (Улома). Маточныя кровотеченія, вслѣдствіе выкидыша (Abortus).

32. Разстрѣлъ (Улома). Періодическія невралгіи въ различныхъ частяхъ тѣла. (Neuralgia).

33. Своробъ, своробокъ (д. Коротнево) нечистище, нўда (Улома), зуда, цосъ, поцесули, поцесульки, поцесуни, поцесуньки. Болѣзнь чесотка. (Scabies).

34. Скрипунъ, скрипушка (д. Клопузово). Болѣзненная опухоль сухожилій на рукѣ, какъ послѣдствія напряженія и усталости мышцъ отъ усиленной работы. (Tendovaginitis) профессіональная болѣзнь жнецовъ, косцовъ и мяльщицъ льна.

35. Смиренецъ, смиренчикъ (Улома), своё (д. Коротнево). Тихонькой (Улома): 1) названіе родимца и другихъ нервныхъ болѣзней у грудныхъ дѣтей; 2) хроническій мышечный ревматизмъ и воспаленія надкостницы у взрослыхъ (Ecclampsia et convulsiones infantum, Rheumat. chr., Periostitis).

36. Усовъ, усовья (Улома). Колотья въ бокахъ.

37. Утйнъ (д. Коротнево). Ревматизмъ поясничныхъ мышцъ (Lumbago rheumatica).

38. Холодянка (Улома). Чахотка легкихъ (Tuberculos., pulm.).

39. Худая боль, простуда. Разныя формы сифилиса (Syphilis papulosa et gummosa).

40. Цимеръ (д. Коротнева). Головная боль, мигрень (Cephalea et Hemicrania).

41. Череуха (д. Коротнево). Поносъ (Dyarrhea).

42. Череспенница (д. Боръ). Гастральгическія боли въ животѣ или же катарры желудка и кишекъ, соединенные съ рѣзью въ животѣ (Cordialgia et Gastritis).

43. Щекотунъ, щетинка (Улома). Вообще неспокойное состояніе младенца, зависящее отъ многихъ болѣзней, при чемъ онъ, лежа въ люлькѣ, вертится и изгибается, какъ будто его чѣмъ покалываютъ въ бочка.

Далѣе излагаются способы пользованія нѣкоторыхъ болѣзней въ такомъ порядкѣ, что за болѣзнію или симптомомъ слѣдуютъ причины, если онѣ извѣстны, затѣмъ лѣкарства внутреннія и наружныя, ручные пріемы, симпатическія средства и, наконецъ, молитвы и заговоры. При чемъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было, указаны селенія, гдѣ тотъ или другой способъ примѣняется.

1. Перемежающаяся лихорадка. Такъ какъ по народному повѣрію лихорадокъ 12 сестеръ, то собираются листья и вѣтки съ 12-ти породъ растеній, отвариваютъ и потомъ пьютъ отваръ, имъ же и натираются. Далѣе употребляютъ отваръ травы «Ушевника» (д. Коротнево) Herba trifolii fibrini; кустарникъ «Сйверникъ» (? въ д. Плюскино). Обмываютъ тѣло мыломъ

«мертвячьимъ», т. е. обмылками, остающимися послѣ омовенія покойника. Запрещаютъ ѣсть яица и свѣжую рыбу, въ особенности щуку. Представляя лихорадку въ видѣ соблазнительной женщины, больному внушаютъ, что если онъ увидитъ во снѣ женщину, подносящею ему въ чашкѣ напитокъ, то, чтобы онъ всѣми силами противился искушенію и не пилъ его, а то долго прохвораетъ или же и совсѣмъ «затрясетъ».

«Молитва святому угоднику Божію отцу Аксентію, избавителю отъ 12-ти злыхъ трясовицъ».

«Господи Іисусе Христе, Сынъ Божій, молитвъ (sic) Пречистыя Твоея Матери и всѣхъ святыхъ помилуй мя, грѣшнаго раба Божія (имя рекъ), Аминь. Въ началѣ бѣ слово и слово безъ слова досканчанья Богъ человѣкамъ бысть святыя и тьма его (sic). О Господи Боже, Великій Царю, Творецъ небесный, Сотворитель неба и земли, видима и невидима и насъ грѣшныхъ рабъ Твоихъ. Пошли Господи Матерь Дѣву Марію на помощь рабу твоему (имя рекъ), святаго Аксентія и грознаго воеводу небесныхъ силъ архистратига Михаила, ангеловъ Божіихъ, сильныхъ и грозныхъ, четырехъ Евангелистовъ: Луку, Марка, Матѳея и Іоанна Богослова, еже отъ нападающихъ на мя силъ дьявольскихъ трясовицъ 12-ти дочерей, которыя явились при Черномъ морѣ въ столбѣ каменномъ, съ того моря взяли брата царя Ирода, мучить родъ человѣческій, идучи тяжелыми болѣзнями, и мы дьявольницы подъ явленіемъ нарекаемся именами: 1-я трясея, 2-я леденая—придаетъ холодъ, 3-я гнетея—слабитъ внутри, 4-я гледея—когда человѣкъ спитъ и смотритъ, 5-я желтая—напущаетъ желчъ на человѣка, 6-я глухая—закладываетъ уши, 7-я ломитъ голову и кости, какъ сильная буря ломаетъ деревья, 8-я утробница—утробу вноситъ (?), 9-я хрипучая—въ грудяхъ хрипитъ, 10-я въ жаръ приводитъ, 11-я въ рукахъ и ногахъ жилы сводитъ, 12-я всѣхъ злѣе сестеръ—стиртая (? sic) тресовица и родница, Іоанну Предтечѣ главу отсѣкла, когда она вселится, то человѣкъ не будетъ жить безъ молитвы.

И рече святой отецъ Аксентій и, призывая Господа Іисуса Христа, Саваоѳа, Божію Матерь, Архангела Михаила, Архистратига Гавріила и Божіихъ четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матѳея и Іоанна Богослова, и тогда услыша Господь молитву и пріидоша святой отецъ Аксентій на помощь и начаша ихъ мучить жезломъ желѣзнымъ и давать имъ по четыре тысячи разъ въ день. Волницы и трясовицы начаша молится: «Святой отецъ Аксентій, ангелы Божіи и Евангелисты, не мучьте насъ, кто васъ спомянетъ и молится вамъ будетъ, или спишетъ сіе и носить при себѣ станетъ, того человѣка не будемъ знать и станемъ отъ него бѣгать за триста саженъ».—Святой отецъ Аксентій заклинаетъ васъ именемъ Господнимъ и крестнымъ знаменіемъ Христовымъ. Крестъ красота церковная, ангелами отъ дьяволовъ и трясовицъ на прогнаніе и избавленіе православныхъ христіанъ и раба Божія (имя рекъ). Да сокрушается подъ знаменіемъ честнаго и животворящаго креста Господня, образъ креста, да отпустится супротивная сила и скорбь имя духа и трясовицы отъ раба Божія (имя рекъ) послѣ дня и послѣ слова молитвами святаго Архистратига Гавріила и

Архангела Михаила, ангеловъ Божіихъ, сильныхъ и грозныхъ, четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матѳея и Іоанна Богослова, во вѣки вѣковъ. Аминь. Царь Мануилъ имѣлъ у себя 70 трясовицъ и недуговъ и онъ ихъ билъ и проклиналъ. Не бѣй (? sic) и непроклинай насъ, кто твое имя спомянетъ или при себѣ носить станетъ и того человѣка сохранитъ Богъ и помилуетъ раба Божія (имя рекъ) отъ глазницъ, трясовицъ, и водяницъ во вѣки вѣковъ. Аминь (Записана отъ крестьянина Ивана Клечева, д. Среднихъ Чудей, Гарской волости).

2. Горячка. Какъ предохранительное средство отъ заболѣванія тифомъ носятъ при себѣ чеснокъ. Для прекращенія эпидеміи тифа и предохраненія другихъ отъ заболѣванія «вытираютъ живой огонь» изъ двухъ бревенъ, треніемъ одно о другое и черезъ разведенный небольшой костеръ переходятъ всѣ здоровые, а затѣмъ переносятъ и больныхъ (д. Островъ, Дмитріевской волости).

3. Оспа. Для предупрежденія распространенія оспы, въ тѣхъ домахъ, гдѣ еще не было заболѣваній ею, навѣшиваютъ замки на дверныя скобки (С. Курилово, Дмитріевской волости).

4. Болѣзни органовъ дыханія. Причины: вообще «простуда». Лѣченія: употребительны слѣдующія травы въ видѣ отваровъ: «духмянка» (Herba menthus silv), «декопъ» (? д. Плюскино), «былецъ» (? д. Плюскино), «звѣробой» и «чернобыльникъ» или «горькуша» (Herba artemisia Abs). При колотьи въ груди «колунъ» или «усовная» трава (?). Далѣе отваръ поджаренной ржи; при кашлѣ горошковый перецъ. Иногда обкладываютъ грудь синею сахарной бумагой, намазанною свѣчнымъ саломъ. Припарки на грудь изъ овса.

5. Усовья (колотья въ бокахъ). Причина «простуда». Лѣченіе «поятъ съ иголокъ».—Берутъ швейныхъ иголокъ и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, опускаютъ въ чашку съ водой, затѣмъ эту воду пьютъ и ею же натираютъ бока. Кромѣ того, больного заставляютъ припомнить, гдѣ у него «сѣли усовья». и считаютъ нужнымъ сходить на то мѣсто и «проститься».

6. Болѣзни брюшныхъ органовъ. Причины: тяжелая работа, въ особенности поднятія тяжестей. Лѣченія: настой калгана (Radix Galangos) въ водѣ. Крѣпкая водка (Acidum sulfur) по каплямъ съ водой. Отваръ сосновыхъ шишекъ, (Gemmula pini) собранныхъ весной. Отваръ «пупного корня» (но не калганъ).—При запорахъ употребляютъ отваръ рябины, огуречный разсолъ, отваръ коры крушины (Cortex frangulus), соскобленной сверху внизъ; снятаяже снизу вверхъ дѣйствуетъ какъ рвотная. Какъ слабительное при запорахъ у дѣтей въ большомъ ходу «деряба» или «текунъ» (Semen licopodii) въ смѣси съ молокомъ или въ видѣ воднаго отвара. При поносахъ взрослыя употребляютъ «глотуху» (черемуховыя ягоды», а дѣтямъ даютъ «горлянскія капли» (Геймерльсовы капли). Многими употребляется «животная трава» (медуница?) въ отварѣ. Это же растеніе пьютъ вмѣсто чаю и, говорятъ, на вкусъ очень пріятно. При рѣзи въ животѣ въ пупочную ямку наливаютъ скипидару. Изъ ручныхъ пріемовъ практикуются слѣдующіе: ложатся на спину и кладутъ на пупъ тяжеловѣсный камень. Иногда лежатъ ничкомъ, принимая колѣнно-локтевое положе-

ніе. Другіе упираются животомъ на какой нибудь предметъ напр. на конецъ полѣна.

Существуетъ у крестьянъ воззрѣніе, что «человѣкъ на пупу основанъ». Вотъ это-то «основаніе» чаще всего и способно, вслѣдствіе «надсадья» подвергаться заболѣванію. Даже есть нѣсколько степеней болѣзни «пупа».—При разспросахъ оказывается, что у одного болѣзнь просто «пупъ» или «вьётъ около пупа», другой заявляетъ, что у него «пупъ сорванъ» или «скрянутъ» и «волочетъ въ двойку», третій старается доказать, что у него «пупъ разсыпался». Наружное лѣченіе этихъ болѣзней состоитъ въ слѣдующемъ: «рвутъ» пупъ пальцами, т. е. большимъ и срединою согнутаго указательнаго пальца захватываютъ складку кожи и приподнимаютъ ее, стараясь перекрутить складку; иногда щипаніе кожи пальцами производится по всему животу. Употребляется также «завертываніе палкой»: берутъ коротенькую палку, средину ея кладутъ на пупъ и начинаютъ производить круговое движеніе ея по животу, съ цѣлію закрѣпить сорванный пупъ. Накидываютъ на животъ горшокъ (сухая банка) такъ, чтобы пупъ приходился въ центрѣ горшка; животъ втягивается въ горшокъ, и этимъ достигается собираніе разсыпавшагося пупа въ одно мѣсто. При этомъ животъ до того втягивается въ горшокъ, что за невозможностію снять его руками, приходится разбивать; послѣ этого на кожѣ образуется темно-багровый кругъ.

7. «Нутряная грыжа» (Катарръ кишекъ). Самое излюбленное средство при этомъ страданіи препараты можжевеловыхъ ягодъ въ видѣ масла и настойки, далѣе употребляютъ «подъемныя капли» (киндеръ-бальзамъ), какія то «потительныя капли» и «грыжную травку» (-?). Если грыжа предполагается у маленькихъ дѣтей, то для этого нарочно вырѣзываютъ у кота яички, зашиваютъ въ тряпочку, прикрѣпляютъ её къ поясу и обвязываютъ вокругъ нижней части живота, чтобы зашитыя яички приходились надъ лобкомъ.

8. Выпаденіе прямой кишки. Пьютъ отваръ травы «лебеды».— Выпавшую кишку присыпаютъ порошкомъ той-же травы и затѣмъ вправляютъ. (С. Мороцкая).

9. Водянка брюшная. Причины: питье воды ночью не благословясь. Лѣченіе: пьютъ «вересовое сусло», приготовляется изъ можжевеловыхъ ягодъ.

10. Желтуха. (Icterus catar.). Причины неизвѣстны. Лѣченіе: ловятъ живую щуку и кладутъ ее въ горшокъ или глиняную плошку съ водой и больной долженъ глядѣть на щуку до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не уснетъ. Иногда больному приходится сидѣть и пристально смотрѣть на щуку цѣлый день. — Подъ вліяніемъ упорнаго взгляда щука якобы постепенно желтѣетъ, а когда уснетъ, то дѣлается совершенно желтою, а у больного незамѣтно уже никакого окрашиванія ни въ глазахъ, ни натѣлѣ. Затѣмъ щуку зарываютъ въ землю.

11. Зубная боль. Кладутъ крѣпкую водку. Приставляютъ піявки къ деснамъ. Въ дупло кладутъ сѣмена волчьихъ ягодъ (отъ нихъ зубъ «дрябнетъ и крошится»). Сжимаютъ крѣпко между зубами палочку.

12. Жабка (Воспаленіе языка и слизистой оболочки рта). Бываетъ ее

два вида: «сухая и мокрая». Лѣченіе: смазываютъ языкъ и во рту брусничнымъ или клюковнымъ сокомъ, смѣшаннымъ съ медомъ. Наружный способъ лѣченія, производимый старухами, слѣдующій: отъ вѣника, стоящаго у порога, выдергивается прутикъ, обломанные сучки котораго имѣли бы форму вилочки; этою вилочкою колютъ, т. е. прикасаются къ подчелюстной области и дыхательному горлу. Другія вмѣсто прутика прикасаются безымяннымъ пальцемъ. Это и называется «колоть жабку» (д. Боръ, Уломской волости).

13. Падучая болѣзнь и пляска св. Вита у малолѣтнихъ. Причина—когда нибудь былъ измѣшанъ. Чтобы прекратить припадки, прибѣгаютъ къ слѣдующему способу: потихоньку измѣряютъ больному ростъ и вышину роста отмѣчаютъ на стѣнкѣ въ комнатѣ, вколотивши въ это мѣсто небольшой клинчикъ. Если данный больной хоть на волосъ перерастетъ замѣтку на стѣнкѣ, то припадки якобы прекращаются.

14. Половое безсиліе. Причина болѣзни исключительно приписывается мести и зависти какого нибудь человѣка или вообще «дурному глазу». По разсказамъ, большею частію «было сдѣлано» во время свадебнаго столованія, т. е. нашептано или подмѣшано въ пиво или водку. Лѣченіе: натираютъ половые органы виннымъ спиртомъ. Пьютъ толченый «хрусталь» отъ рюмокъ и стакановъ. Существуютъ противъ этого и заговоры.

15. Худая боль, простуда (Сифилисъ). Причина болѣзни-простуда; только нѣкоторые допускаютъ зараженіе. Лѣченіе: пьютъ «дорогую траву» (Сарсапорель), настаиваемую на водкѣ въ продолженіе 12 дней. Пріемы этой настойки: по стаканчику передъ «вытью», т. е. ѣдой три раза въ день; затѣмъ больной укладывается на печь или палату, закрывается шубами и прѣетъ, для того, чтобы болѣзнь «пòтомъ выходила». Кислаго и соленаго остерегаются ѣсть до крайности. Діэта состоитъ въ употребленіи прѣснаго и безъ соли сочня, т. е. лепешки и больше ничего. Такъ что больной полуголоденъ и полупьянъ за всё время лѣченія, длящагося не одну недѣлю и подъ конецъ слабѣетъ и истощается. Даютъ сулему въ водкѣ безъ всякаго размѣра, и нерѣдко бываютъ случаи отравленія. Киноварь бросаютъ на горячіе уголья, и происходящіе пары отъ этого вдыхаютъ въ себя. Нѣкоторые употребляютъ внутрь мѣдный купоросъ.

16. Головная боль (Цимеръ). Привязываютъ къ головѣ капустный листъ. Моютъ голову горячей водой. Еще практикуется слѣдующій способъ: захвативши клокъ волосъ на головѣ, навиваютъ его вокругъ пальцевъ и сильно оттягиваютъ, какъ будто отдираютъ кожу отъ черепа, такъ что получается трескъ и головная боль якобы уменьшается (д. Коротнево, Петриневской волости).

17. Озыкъ, уроки. Причины—оговорятъ или позавидуютъ здоровью. Лѣченіе: «окачиваніе съ камешковъ».—Собираютъ въ полѣ «камешки-брякунки», т. е. такіе, которые при трясеніи около уха производятъ шумъ—бряканье. По разсказамъ, если разбить ихъ, то внутри оказывается небольшая пустота, а въ ней еще маленькій камешокъ. У нѣкоторыхъ старухъ они всегда имѣются въ запасѣ. Произвольно взятое количество ихъ кладется въ деревянную шайку и

наливается водой; по прошествіи нѣкотораго времени вода съ нихъ сливается, и больного этою водою окачиваютъ съ произнесеніемъ молитвъ (д. Коротнево и Останино, Петриневской волости), при этомъ же страданіи младенцевъ окуриваютъ травою «надушникомъ» (-?) и «Богородскою травою» (д. Плюскино, Дмитріевской волости).

18. Полуношница (Безсонница у дѣтей). Причины неизвѣстны. Лѣченіе: на вечерней зарѣ носятъ младенца въ нежилое помѣщеніе и говорятъ слѣдующія слова: «Полуношница, полуношница не декуйся надъ младенцемъ, а декуйся надъ пустой хороминой» и затѣмъ стучатъ пятками ребенка о стѣнку. Слова повторяются трижды (С. Мороцкая). А другіе продѣваютъ дитя между ступенями сквозной лѣстницы съ молитвенными приговорами (д. Боръ, Уломской волости).

19. Замàй (Болѣзни живота у грудныхъ дѣтей). Симптомы: «плачетъ», «ножкамъ скётъ», «яичка укатываются внутро». Лѣченіе: прокалываютъ ушную мочку и привязываютъ ниточку.

20. Тихонькой (Родимчикъ у дѣтей). При этой болѣзни болѣе всего боятся «измѣшать» и говорятъ «пусть ссыпоетъ». Леченіе: обмываютъ икону св. Тихона, и эту воду даютъ пить. Ласточкины гнѣзда обмываютъ водой, и получающійся грязноватый настой употребляютъ для питья ребенку. Иногда застарѣлыя ломотья (ревматизмы) у взрослыхъ тоже называются «тихонькой», но тутъ всякаго лѣченія избѣгаютъ, чтобы «не раздразнить»; покойное состояніе тому человѣку считается необходимымъ.

21. Щетинка, щекотунъ. Болѣзнь свойственна только младенческому возрасту. Одна изъ извѣстныхъ причинъ: если женщина, будучи беременной, толкнетъ случайно или нарочно поросенка, то родившійся младенецъ можетъ заболѣть «щетинкою».—Подъ этимъ именемъ разумѣется вообще неспокойное состояніе ребенка, зависящее отъ различныхъ причинъ, когда онъ плачетъ дни и ночи на пролетъ, не давая никому покоя. При такомъ состояніи ребенка, сначала опредѣляютъ, точно-ли у него «щетинка», для этого мать третъ своею щекою о спинку дитяти; или же, взявши его на печь, «выстрекиваетъ» (выжимаетъ) изъ груди молоко на спинку ребенка и начинаетъ поглаживать ладонью; если у младенца точно «щетинка», то сначала появляются будто-бы на спинкѣ черныя точечки, а затѣмъ и волоски; если дитя хвораетъ другою болѣзнію, то не появится ничего.—Убѣдившись въ положительномъ существованіи названной болѣзни, приступаютъ къ леченію, которое состоитъ въ слѣдующемъ: щепотку бѣлой муки смѣшиваютъ съ материнскимъ молокомъ и катышками образующагося тѣста трутъ по всей спинкѣ, причемъ имѣющіеся волоски будто-бы пристаютъ къ тѣсту, и младенецъ получаетъ облегченіе.

22. Золотуха у дѣтей. Поятъ отваромъ калины; трава «лепу́шки», лепушникъ (-? д. Плюскино). Носятъ въ ушахъ золотую серьгу или же надѣваютъ на шею мишурное ожерелье. Существуетъ убѣжденіе, что золотуху сначала лѣчить ненужно, такъ какъ можно «раздразнить» болѣзнь.

23. Глазныя болѣзни. Причины болѣзни: дурная кровь, а у большухъ-хозяекъ, между прочимъ, вліяетъ также жаръ отъ печьки при стряпнѣ. Лѣченіе: примачиваютъ глаза настойкой спитого чая. Крымза (сѣрнокислый цинкъ). Вдуваютъ порошокъ сахара. Кромѣ того, я встрѣтилъ глазную мазь, назначаемую чаще при бѣльмахъ (Maculus) и будто-бы съ нѣкоторымъ успѣхомъ слѣдующаго состава: нашатыря 3 зол., камфоры 3 зол., извести 6 зол.; настаивается на бутылкѣ воды въ продолженіе шести дней въ тепломъ мѣстѣ и процѣживается сквозь тряпку (камфора остается нерастворенною и отбрасывается). Небольшая часть этой жидкости смѣшивается пополамъ съ деревяннымъ масломъ и впускается въ глаза (д. Осѣевская).

24. Переломъ. (Воспаленіе роговицы и конъюнктивы глазъ). Причины: засореніе глазъ «порошьемъ», т. е. соринками да и просто вѣтромъ. Лѣченіе: особыя спеціалистки «ломаютъ глазъ» т. е. черезъ закрытое вѣко растираютъ глазное яблоко пальцами (народное примѣненіе массажа къ глазнымъ болѣзнямъ) и такъ сильно, что по разсказамъ испытавшихъ эту операцію слышится въ глазу трескъ. Затѣмъ дуютъ въ открытый глазъ черезъ платокъ, инородныя тѣла, попавшія въ глазъ, часто «вылизываются» языкомъ (д. Боръ, Уломской волости).

25. Переломы костей. Ѣдятъ скобленую мѣдь и непремѣнно со старинныхъ мѣдныхъ пятаковъ. Яичная скорлупа. Отваръ дубовой коры. Всѣ эти предметы употребляются для скорѣйшаго сращенія кости.

26. Ревматизмъ, ломота, воспаленіе надкостницы. Причина болѣзни: «простуда». Лѣченіе: употребляютъ грибъ—красный мухоморъ. (Agaricum muscarium). Собираютъ зрѣлые экземпляры гриба, разламываютъ ихъ на кусочки, опускаютъ въ бутылку, наполняя ее до верху, закупориваютъ и ставятъ въ теплое мѣсто на три дня. Подъ вліяніемъ тепла получается полужидкая масса, и корой натираются. Въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ, при частыхъ и усиленныхъ втираніяхъ въ ногу (сильнѣйшій Ischias), получилось отравленіе, выразившееся рвотою и болью въ животѣ, а боли въ ногѣ уменьшились. Многіе для натираній употребляютъ «глистное масло», получаемое перетапливаніемъ земляныхъ червей (Lumbricus terrestritis), именуемыхъ здѣсь «глистами». Кромѣ того, въ большомъ ходу «костяная смола», приготовляемая домашнимъ способомъ. Кости животныхъ, остающіяся послѣ варки пищи, раздробляютъ на мелкія кусочки и кладутся въ горшокъ, его герметически закрываютъ крышкой и еще обмазываютъ глиной, въ днѣ провертываютъ маленькое отверстіе. Другой горшокъ большей величины вкапывается въ землю; затѣмъ первый горшокъ съ костями дномъ вставляется въ нижній. Далѣе разводится огонь и поддерживается цѣлый день. Въ концѣ перегонки получается немного «смолы», и она особенно идетъ въ «пользу» при ломотѣ въ костяхъ (с. Гришкино, Колоденской волости). Часто употребляютъ снаружи настойку муравьевъ. (Formica rufa). Нѣкоторыя натираютъ больныя мѣста крапивой. (Urtica urens).

27. Утинъ. (Ревматизмъ поясничныхъ мышцъ). Причины: простуда и отъ

«подъему».—Способъ лѣченія этой болѣзни оригинальный: больной ложится животомъ на порогъ дверей съ обнаженной поясницей. Производящій операцію становится съ топоромъ въ рукѣ по одну сторону, свидѣтель по другую. Первый замахивается топоромъ и прикасается остріемъ его къ поясницѣ больного, второй спрашиваетъ: «что ты дѣлаешь»; слѣдуетъ отвѣтъ: «утинъ рублю»; отъ свидѣтеля получается приказаніе: «руби его больше, чтобъ и близко не было», и тотъ начинаетъ махать орудіемъ надъ поясницей. Вышеуказанную манипуляцію могутъ совершить только тѣ люди, которые родились у матери первенцами и послѣдышами.

28. Полевой опоръ. (Ревматизмъ поясничныхъ мышцъ). Лѣченіе: натираютъ поясницу «колотикомъ» (такъ называютъ слизь, осѣдающую на древесныхъ сучьяхъ и, вообще, на всякихъ предметахъ, находящихся долгое время въ рѣкѣ подъ водою); по словамъ употреблявшихъ эту слизь, вскорѣ послѣ втиранія, обнаруживается сильное покалываніе въ натертыхъ частяхъ тѣла (д. Клопузово, Уломской волости). Имѣется еще слѣдующій способъ лѣченія: больной долженъ потереться обнаженною поясницею о деревянныя подпорки, стоящія около заборовъ или домовъ. Другіе совѣтуютъ сходить въ овинъ и продѣлать тамъ туже процедуру о среднюю стѣнку овина. (д. Клопузово).

29. Рожа. (Erysipelas). Лѣченіе состоитъ въ присыпкѣ мѣломъ и обертыванія пораженнаго мѣста краснымъ сукномъ или свинцовымъ листикомъ, употребляемымъ при оберткѣ чая. Смазываютъ дегтемъ. Прикладываютъ глину, а также траву, называемую «мокрецъ» (-? «вытягиваетъ жаръ»).

30. Язвы хроническія. Прикладываютъ лѣтомъ свѣжіе листья березы, ольхи, капусты. Часто на язвы прикладываютъ кусочки овсянаго блина.

31. Раны посѣченныя. Употребляется трава «порѣзъ» (-?); внутренность «порховицы» (дождевика-Licoperdon bovista); засыпаютъ аллебастромъ, сажей, углемъ, заливаютъ столярнымъ лакомъ, прикладываютъ паутину, или же мездру, отдираемую для этого съ внутренней поверхности шкуръ, смазываютъ керосиномъ; заживленіе производится «березовкой». (Настой березовыхъ почекъ на водкѣ).

32. «Заговариваніе крови». Для остановки кровотеченія употребляются слѣдующіе заговоры:

а) «Во имя Отца... Лягу благословясь, стану перекрестясь, выду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на улицу въ отводъ, на чистое поле, на окіянъ море. На чистомъ полѣ стоитъ желѣзный мужъ и держитъ онъ булатный ножъ, самъ себя колетъ, а руда неканетъ.—Во вѣки аминь» (к-нъ Ѳедоръ Лысовъ, д. Зарѣчье, Дмитріевской волости).

б) «Во имя отца... Лягу благословясь, стану перекрестясь, выду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на улицу въ отводъ, на чистое поле, на окіянъ море. На окіянѣ морѣ стоитъ островъ, на островѣ сидитъ 12 дѣвицъ и зашиваютъ онѣ 12 прорѣшекъ разными шелками. Во вѣки аминь» (к-нъ Ѳедоръ Лысовъ, д. Зарѣчье, Дмитріевской волости).

в) «Во имя Отца... Не отъ камня-вода, не отъ кости-руда. Кровь уймися, руда остановися. Во вѣки аминь»—(д. Попадьино, Уломской волости).

33. Чесотка (Scabies). Мажутся дегтемъ, смѣшаннымъ съ порохомъ.

34. Чирьи. Заклеиваютъ сапожнымъ варомъ на бумажкѣ. Заговоръ отъ чирьевъ: «Какъ сукъ у дерева сохнетъ, такъ бы и чирей сохъ, какъ камень каменѣетъ, такъ бы и чирей закаменѣлъ; отъ камня нѣтъ отростковъ, такъ бы и отъ чирья не было. Выше не поднимайся, шире не раздавайся, добромъ пришелъ, добромъ и отойди» (К-ка Надежда Замарина, д. Коротнево, Петриневской волости).

35. Накожныя хроническія сыпи («Вѣтренница, летучій огонь и друг.»). Причины: «привязалѣ съ вѣтру» и отъ «подуму», глядя на больного съ какой нибудь сыпью; другія допускаютъ передачу болѣзни, говоря: «она (сыпь) вѣдь липкая». Лѣченіе: мажутся всѣмъ, что̀ только можетъ придумать фантазія. Изъ симпатическихъ средствъ слѣдующія: натираются ситомъ, умываются и обтираютъ тѣло утренней росой, на улицѣ, приговаривая: «если съ вѣтру пришла—иди на вѣтеръ, а съ людей пришла—ступай на люди»; при этомъ маленькихъ дѣтей сѣкутъ прутомъ по ягодицамъ на утренней зарѣ. Когда коростами «обметало» губы, носъ или вообще лицо, то эта форма сыпи называется «летучимъ огнемъ»; при этомъ надъ лицомъ высѣкается огонь изъ кремня огнивомъ, сохраняя глаза повязаннымъ платкомъ.

36. Вали́зна (Воспалительныя подкожныя клѣтчатки). Прикладываютъ кислую шерсть со сметаной; тоненькіе лепестки береста, намазанные сметаной; мыло «мертвячье» (т. е. обмылки, остающіеся послѣ обмыванія покойника) на тряпкѣ.

37. Волосъ. Причины неизвѣстны. «Гонятъ» его слѣдующимъ образомъ: въ горшокъ или кадушку кладется на дно песку, наливается теплой водой и знахарь «наговариваетъ». Больной опускаетъ руку или ногу въ воду и накрывается одеждой. Когда вода остынетъ, то конечность вынимается. Гной, вытекающій изъ нарыва или каріознаго свища (надо замѣтить, запущенныхъ до послѣдней степени и отдѣляющихъ массу гноя) располагается въ водѣ и на пескѣ нитями и хлопьями. Это и даетъ возможность знахарю указать больному: «посмотри, дескать, сколько у тебя вышло волосу-то, такъ и свернулся клубками».—Больной соглашается, кланяется и благодаритъ. Не имѣя обыкновенія промывать и чистить раны, большинство изъ боязни мочить водой, другіе по недогадливости, больные за это дорого платятся у знахарей.

38. Килы, каменныя килы (Carbunculus, abscessus adenitis). Причины: килы «садятъ» (т. е. напускаютъ болѣзнь) нѣкоторыя люди по злобѣ. Полагаютъ, что врачи не могутъ вылѣчить эту болѣзнь, а потому и обращаются за помощію къ особеннымъ «знаткамъ, умѣющимъ «снимать» килы. Лѣченіе состоитъ въ слѣдующихъ заговорахъ: а) берется кусочекъ глины изъ устья печки, обращенной на востокъ, и опускается въ деревянное масло или водку и надъ этими средствами произносятъ:

«Во имя Отца... Не отъ килы-мозга, не отъ камени-плода, не отъ пѣтуха-яйца. Во вѣки аминь», а затѣмъ молитву «Отче Нашъ». Какъ слова заговора,

такъ и молитва произносятся трижды. Затѣмъ наговореннымъ масломъ или виномъ смазываютъ «килу», а иногда еще прикладываютъ чесноку (К-нъ Ѳедоръ Лысовъ, д. Зарѣчья, Дмитріевской волости).

б) «Во имя Отца... Встану я рабъ помолясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле. На этомъ полѣ стоитъ столбъ отъ земли до небеси; на этомъ столбѣ сидитъ князь-воевода Михаилъ Архангелъ. Прикажи ты мнѣ, князь, говорить, раба Божьяго (имя рекъ) исцѣлить. Что бы ты, болѣзнь, скорѣй прошла, меньше людей изсушила. Есть на землѣ такой человѣкъ крещеный—я его боюсь. Сама ты болѣзнь сохни, въ трещины изсохни. Аминь, аминь, надъ аминемъ аминь». (д. Большая Дора, Уломской волости).

в) «Во имя Отца... Встану я рабъ помолясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле. Въ этомъ полѣ стоитъ Св. Соборная Апостольская церковь; въ этой церкви сто семьдесятъ семь престоловъ, на этомъ (?) престолѣ лежитъ пелена Христова. Утренней и вечерней росой умоюсь, пеленой Христовой утрусь. Аминь, аминь, надъ аминемъ аминь» (д. Большая Дора, Уломской волости).

39. Ночной щипокъ (Пустулезная сыпь). Продѣваютъ сквозь пузырекъ иголку съ ниткой и нитку оставляютъ, чтобы по ней стекала влага.

40. Опрѣлость у дѣтей. Присыпаютъ порошкомъ гнилого дерева, солодомъ, ржаной мукой, а болѣе свѣдующіе крахмаломъ.

41. Ожоги. Примачиваютъ отваромъ табака (корешковъ), вскипяченнаго на молокѣ. Чернила, дрожжи, тертый картофель. Присыпаютъ порошкомъ рѣчныхъ раковинъ.

42. Глисты. Употребляютъ «цыцарское» семя (Semen cynos). Но любопытно, что лѣкарство отъ глистовъ совѣтуютъ принимать не въ избѣ, а подъ открытымъ небомъ, т. е. на улицѣ, ибо вѣрнѣе дѣйствуетъ.

43. Вшивость. Выводятъ паразитовъ слѣдующимъ составомъ: нюхательный табакъ и зола смѣшиваются со скоромнымъ масломъ, и натираются.

44. Тараканъ въ ухѣ. Съ цѣлію умертвить насѣкомое наливаютъ въ слуховой каналъ: скипидаръ, керосинъ, а другіе соленую воду или квасъ.

45. Укушеніе змѣей. Полагаютъ, что змѣи ядъ берутъ (пьютъ) изъ солнца, и что змѣя, укусившая человѣка, землей не принимается. При укушеніи конечность туго перетягивается выше укушеннаго мѣста.—На опухоль кладутъ листья «балаболошника» (кувшинчики — Nimphea fleva) иже водоросль «рясы» (-?). Примачиваютъ отваромъ изъ муравьевъ. На ранку кладутъ сокъ, накопившійся въ чубукѣ трубки при куреніи. Нѣкоторые привязываютъ къ укушенной части тѣла живыхъ луговыхъ лягушекъ (Rana temporaria), часто перемѣняютъ ихъ, такъ какъ онѣ скоро издыхаютъ.

46. Опой. Острое отравленіе спиртомъ. Для приведенія опившагося въ чувство принимаются слѣдующія мѣры: обливаютъ голову горячей водой. Въ одномъ случаѣ ошпарили голову до полученія ожоги второй степени, вслѣдствіе чего волосы всѣ повылѣзли, и, по заживленіи, получилась лысина во

всю голову. Натираютъ уши снѣгомъ зимою, а въ другое время ладонями; если это не достигаетъ цѣли, то трутъ голенищемъ валенаго сапога и въ концѣ концовъ превращаютъ уши въ безформенную массу; послѣ для заживленія ихъ требуется цѣлый мѣсяцъ. Даютъ нюхать зажженныя сѣрныя спички. Стегаютъ сильно по ягодицамъ ремнемъ. По временамъ качаютъ на одѣялѣ и водятъ или вѣрнѣе таскаютъ по избѣ подъ руки. Иногда нѣсколько человѣкъ берутъ больного, опускаютъ внизъ головою и затѣмъ, приподнимая къ верху, стукаютъ пятками о потолокъ избы; далѣе дергаютъ за бороду, даже вырывая ее, за волосы, щиплютъ тѣло, толкаютъ и т. д., кто во что гораздъ. Обыкновенно на такіе случаи собирается полная изба сосѣдей, и совѣтамъ и предложеніямъ нѣтъ конца, и все это продѣлывается съ грустными соболѣзнованіями со стороны женщинъ и веселыми шутками со стороны мужчинъ; несчастный больной, какъ игрушка переходитъ изъ рукъ въ руки, въ тѣхъ видахъ, чтобы «не давать ему спать».— Хотя всѣми этими способами и достигаютъ цѣли, т. е. приводятъ въ чувство, но больной послѣ такой помощи цѣлую недѣлю едва шевелится, такъ какъ чувствуетъ себя измятымъ, каждое мѣсто у него болитъ, точно побывалъ въ дракѣ и счастливъ еще тотъ, который поплатился только волосами или ушами.

47. Маточныя кровотеченія; бѣли. Пьютъ отваръ травы «синюхи», растущей во ржи (Васильки—Calamintha acinos), кромѣ того, рубахъ и подстилокъ не перемѣняютъ, такъ какъ на бѣлое кровь яко бы сильнѣе идетъ.

48. Смѣщенія и выпаденія матки. Употребляютъ отваръ травы «тягунъ» (-? д. Коротнево) и «чуна» (-?). Другіе для «подъема» опустившейся матки садятся на пары отъ прозоленаго бѣлья, вынутаго изъ печки.

49. Падучая болѣзнь. Во время припадка лежащаго больного очерчиваютъ кругомъ и бьютъ «нещадно» травою «чертополохомъ».

50. «Утинъ» (Ревматизмъ поясничныхъ мышцъ). Изъ 50 или 60 свѣжихъ «волчьихъ ягодъ» вынимаютъ зерна, толкутъ ихъ намѣлко и сильно натираютъ порошкомъ поясницу, послѣ этого выступающую коросту ничѣмъ не трогать—сама подсохнетъ.

51. Трудные роды. Подкуриваютъ наружные половые органы «травяными кобылками», предварительно высушенными и истолченными.

52. Ознобленіе и ожога. Употребляютъ присыпку изъ «мясца рѣчныхъ раковинъ», сначала высушенныхъ и превращенныхъ въ пепелъ, а также присыпку изъ «травяныхъ кобылокъ».

53. Глухота. Искрошенный хрѣнъ посыпать солью, когда онъ, постоявши, дастъ воду—процѣживаютъ и жидкость впускаютъ въ ухо.

54. Тараканъ въ ухѣ. Впускаютъ въ ухо деготь, конскую мочу.

55. Переломы костей. Привязываютъ къ перелому сырыхъ толченыхъ раковъ; патоку пополамъ съ яшнымъ пивомъ. Далѣе смазываютъ переломъ «кирпичнымъ масломъ», которое считаютъ «дороже золота», такъ какъ кости отъ него «сбираются». Приготовляютъ масло слѣдующимъ способомъ: берутъ сколько нибудь кирпича, высушиваютъ и толкутъ его намѣлко, затѣмъ, положивъ

на сковородку, прокаливаютъ его, пока не распадется въ порошокъ, и даютъ остынуть; далѣе прокаленный кирпичный порошокъ кладутъ въ котелокъ, наливаютъ конопляннымъ или маковымъ масломъ и кипятятъ на огнѣ, по остуженіи процѣживаютъ сквозь тряпку. И «дорогой» препаратъ готовъ къ употребленію. Лѣченіе переломовъ внутреннимъ употребленіемъ мѣди въ большомъ распространеніи; такъ, въ извѣстномъ мнѣ случаѣ, больной съ переломомъ голени съѣлъ 4 старинныхъ мѣдныхъ пятачка въ теченіе шести недѣль. Монеты ребромъ вбивались въ подоконникъ, и напилкомъ скоблили по ребру монеты, и получающійся порошокъ мѣди больной употреблялъ на кусочкѣ хлѣба, а иные съ киселемъ. Старинныя монеты предпочитаются потому, что въ нихъ мѣдь «чище и мягче». Въ данномъ случаѣ приблизительный вѣсъ 4 пятачковъ былъ 25 драхмъ,—значитъ, больной употреблялъ внутрь въ среднемъ ежедневно 35 гранъ металлической мѣди!! безъ видимаго вреда для организма (К-нъ П. Зоворинъ, д. Сергѣево, Колоденской волости).

Кстати можно привести одинъ разсказъ, относящійся къ употребленію мѣди: корова сломала ногу, начали ее кормить мѣдью—кости срослись. Спустя долгое время корову закололи на мясо и любопытства ради осмотрѣли когда-то сломанную ногу и оказалось, что вся съѣденная коровою мѣдь скупировалась будто бы въ переломленной кости (??) (д. Сергѣево, Колоденской волости).

56. Горячка (-тифъ). Когда появится въ домѣ больной горячкою, то принимаются слѣдующія мѣры для предохраненія другихъ отъ заболѣванія: 1) кладутъ топоръ (безъ ручки) въ «загнетку» на шесткѣ печки, куда выгребаются уголья, 2) просверливаютъ въ косякѣ входной избы сквозное отверстіе и забиваютъ его клинышкомъ, и 3) среди полу на заслонкѣ зажигаютъ изъ лучинокъ огонь и здоровые переходятъ черезъ него (с. Старая Никола, Дмитріевской волости, въ домѣ Ст. Демидова).

57. Лихорадка (трясуха). Зашиваютъ въ подушку, на которой лежитъ больной, «медвѣдокъ земляной», а также даютъ его больному нюхать и вытираютъ между пальцами рукъ и ногъ. Привожу еще слѣдующіе заговоры и молитвы противъ лихорадокъ:

1) «Сидящему Св. Отцу и Сыну на горѣ Елеонской, а подъ дубомъ 12 дѣвъ трясовицъ. И рече имъ Господь: окаянныя дьявольницы, къ кому вы идете, и рѣкоста одна изъ нихъ: мы есть трясовицы Ирода царя дщери, идемъ мучить родъ человѣческій. Услыша это Христосъ, глаголя: Боже милостивый избави родъ человѣческій отъ окаянныхъ дьявольницъ молитвами святыхъ Архистратига Михаила и четырехъ евангелистовъ Матвѣя, Марка, Луки и Іоанна Богослова. Они же ихъ поймаша и мучили дубцами желѣзными, а онѣ окаянныя глаголаша: святые отцы наши Михаилъ архангелъ и четыре евангелиста Матвѣй, Маркъ, Лука и Іоаннъ Богословъ не мучте насъ, гдѣ имена Ваши славныя будутъ, того ради будемъ бѣгать отъ мужского и женскаго полу за три поприща. Святый отецъ Сисиній, архистратигъ Михаилъ и четыре евангелиста Матвѣй, Маркъ, Лука и Іоаннъ спросили: окаянныя дьявольницы, какъ имена ваши, рцыте намъ:

одна изъ нихъ рече: мнѣ имя огнея—я распаляю человѣка всего, 2-я рече: мнѣ имя ледея—зноблю человѣка всего, 3-я рече: мнѣ имя ужнея—ложусь у человѣка въ головѣ и закладываю уши и тотъ глухъ, 4-я рече: мнѣ имя трупноломія — ложусь у человѣками подъ ребрами, 5-я рече: мнѣ имя духея—ложусь у человѣка подъ дыханіемъ, и если онъ вкуситъ чего, то его сорветъ, 6-я рече: мнѣ имя сведея—отъ рукъ и отъ ногъ жилы свожу, 7-я рече: мнѣ имя ломлея — ломаю у человѣка всѣ кости, 8-я рече: мнѣ имя желтея—какъ желтые цвѣты въ полѣ, такъ и человѣкъ желтѣетъ, 9-я рече: мнѣ имя пухлея—нагоняю на людей опухоль, 10-я рече: мнѣ имя полюбія—ночью спать не даю и къ себѣ недопускаю, изъ ума человѣка свожу, 11-я рече: мнѣ имя серпуглея—свожу жилы въ одно мѣсто, 12-я рече: везіяна—я есть всѣхъ лютѣй и проклятѣй изъ дочерей Ирода царя и усѣкнула главу Іоанну Предтечѣ».

Будетъ человѣкъ живъ отъ той болѣзни, аще носитъ эту молитву въ чистотѣ на здоровіѣ тѣла и на отогнаніе болѣзни. Возьми крестъ съ болящаго и положи въ воду и дай ему выпить во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

2-й варіантъ. «Господи благослови. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Окаянныя трясовицы и родницы: знобуха, трясуха, ломуха, простудная, корхуша, лостенія, корхотія, желтудія, пухлуха, нелюбія, серпужа и невіяна, заклинаю васъ Іисусомъ Христомъ и преподобнымъ отцемъ нашимъ Сосентіемъ и четырьмя евангелистами Матвѣемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ, бѣгите отъ раба Божія (имя), аще не побѣжите, то призову на васъ Архистратига Михаила и четырехъ евангелистовъ и дадутъ они вамъ по многу ранъ. Идите отъ раба Божія (имя) во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь (трижды). Обмыть крестъ водою и воду давать пить, говоря: сія вода дается рабу Божію (имя) во здравіе тѣла и отогнанія болѣзни, и побѣгутъ они, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра. Аминь».

3-й варіантъ. «О господине великій и шестикрылый Архистратигъ Михаилъ, первый князь и воевода небесныхъ силъ херувимовъ и серафимовъ; ангелъ и архангелъ, неизрѣченный буди ми помощникъ всѣхъ обидящихъ мя въ болѣзныхъ печаляхъ, напастяхъ, въ пустыняхъ, въ горахъ, на рѣкахъ и пристанищахъ. Избави ми великій Архистратигъ Михаилъ отъ всякія прелести дьявольскія лихорадки, егда услышишь грѣшнаго раба своего, молюся тебѣ и призываю имя твое святое, ускори на помощь мою и услыши молитву мою, о великій Архистратигъ Михаилъ, побѣди всѣхъ противящихся мнѣ силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами Пресвятыя Богородицы и св. Іоанна Крестителя и всѣхъ святыхъ Апостолъ, св. чудотворца Николая, св. пророка Ильи, св. Великомученика Никиты, Евстафія и преподобныхъ и святыхъ отцевъ нашихъ святителей и учителей и святыхъ отцевъ нашихъ, въ покоѣ пребывающихъ, преподобныхъ Алексѣя и Ѳеодосія и всѣхъ Печерскихъ преподобныхъ мучениковъ и мученицъ, всѣхъ святыхъ Новгородскихъ чудотворцевъ,

святыхъ и праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны и всѣхъ святыхъ. Аминь».— Списанное на бумажку больной носитъ на крестѣ.

58. Отравленіе спиртомъ. Существуетъ въ народѣ мнѣніе, что опиваются или дѣлаются запойными пьяницами оттого, что примѣрно въ каждой бочкѣ вина находится «ядовитая капля», впущенная нечистымъ духомъ на пагубу людей; выпившій съ виномъ эту каплю опивается на смерть или же всю жизнь страдаетъ запоями съ бѣлой горячкой. Допускаютъ и третій исходъ, именно благополучный, когда ядовитая капля пропадаетъ даромъ. Случается, что компанія только что усядется выпивать, вдругъ бутылка безъ видимой причины лопается (факты эдакіе бываютъ) и вино проливается, сначала всѣ удивлены, а потомъ и начинаются догадки, что въ этой бутылкѣ и находилась именно эта ядовитая капля, но Богъ не допустилъ ее употребить; конечно, это не отрезвитъ компаніи—снова требуется бутылка—вѣдь въ этой бочкѣ нѣтъ болѣе ядовитой капли—она на глазахъ компаніи пропала, и пьютъ безъ опасенія. Запой можно получить, когда кабатчикъ подсунетъ опивковъ, сливаемыхъ изъ разныхъ стакановъ, а сидѣльцы ради выгоды это часто практикуютъ. — Привожу одинъ заговоръ отъ вина: «Земля ты моя мати, прикажи отъ сего угодія взяти сію добрую траву зарахиль. Тебѣ мати земля на стояніе, а мнѣ для рабовъ и рабынь Божіихъ отъ лишняго пьянства. Сей рабъ Божій (имя) все оставилъ, не видитъ и не слышитъ и не чувствуетъ, такъ бы сей рабъ Божій и о винѣ не думалъ и глазами не смотрѣлъ и слухомъ не слыхалъ и чувствами своими не чувствовалъ и отбѣгалъ бы отъ вина. Какъ тошно помирать, такъ бы и тошнилось вино рабу Божію (имя) отъ нынѣ и до вѣка. Аминь».

59. Килы (опухоли). Заговоръ: «Встану я рабъ Божій помолясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле. Во чистомъ полѣ стоитъ столбъ отъ земли до небеси, на этомъ столбѣ сидитъ св. Никита столбникъ и спущаетъ пузыри. Исчезни килы и раба Божія (имя) во вѣки вѣковъ. Аминь» (Отъ к-ки Ѳедосьи Судаковой, д. Бол. Дворъ, Дмитріевской волости).

60. Язвы. Употребляютъ для лѣченія: порошокъ изъ собачьяго ребра, покрывая сверху листьями подорожника или капусты, свиную желчь и присыпку изъ жженыхъ квасцовъ; смолу, деготь, конопляное масло, вино, взятыя поровну варятъ въ горшкѣ и смазываютъ язвы; лепешки изъ толченыхъ пшеничныхъ сухарей, замѣшанныхъ на сметанѣ и смоченныхъ въ тепломъ коровьемъ маслѣ.

61. Задержаніе мочи. Берутъ новаго моржоваго гужа, изрѣзываютъ его на кусочки и варятъ, чтобы пѣна кипѣла ключемъ, пѣна бываетъ черная. Остудивши, процѣживаютъ и пьютъ по рюмкамъ.

62. Водянка. Вареный полынный сокъ по утрамъ въ теченіе 6 дней. Отеки смазываютъ теплою патокою съ коровьимъ масломъ.

63. Боль въ горлѣ. Яри Венеціанской да бѣли (-сулемы) берутъ по золотнику (!!?) и дѣлятъ на 12 частей и принимаютъ въ теплой водѣ по 1-й части утромъ и вечеромъ въ теченіе 6 дней.

64. Ломота въ костяхъ (Воспаленіе надкостницы, ревматизмъ).

Пьютъ орѣховый щелокъ по ложкѣ утромъ и вечеромъ или же щелокъ изъ овсяной соломы, взятой съ трехъ полей. Примѣняется лѣченіе сухимъ тепломъ: кладутъ въ горшокъ сушенаго конскаго кала, зажигаютъ его, а больного садятъ на горшокъ и одѣваютъ чѣмъ нибудь, а голова оставляется наружи, а какъ прогораетъ кало, то его подкладываютъ и держатъ на этомъ подкуриваніи часа 2; въ теченіе дня дѣлать это до 5 разъ, послѣ этого болѣзнь будетъ выходить наружу въ видѣ круговъ и красныхъ пятенъ. Кромѣ того, пьютъ еще слѣдующій составъ: варятъ изъ осиновыхъ дровъ щелоку, кладутъ туда водки, уксусу, чесноковаго соку и перцу, все это вливаютъ въ новый горшокъ, покрываютъ крышкой, замазываютъ тѣстомъ и ставятъ въ теплое мѣсто на сутки. Пьютъ по маленькому ковшику 2 раза въ день.

65. Коросты-свербячки. Смазываніе смолою, корень лопушника и еще одинъ неизвѣстный корень, употребляемый въ с. Вaучѣ (Горской волости).

66. Иканье. Происходитъ и отъ порчи, при этомъ употребляютъ траву «молодило» (-?), сваренную въ молокѣ, а на шеѣ носятъ траву «татаринъ» (-?).

67. Чирьи. Медвѣжье сало нетопленое.

68. Укушеніе змѣи. Внутрь конопляное молоко, а къ укушенному мѣсту прикладываютъ толченую коноплю.

69. Носовое кровотеченіе. Погружаютъ носъ въ чашку съ уксусомъ.

70. Мѣсячныя неправильныя. Попутниковое сѣмя смѣшать въ комъ и пить на тощакъ.

71. Кашель. Причина—простуда. Кашлей три вида, происходятъ-же они: «охрачный» кашель отъ желудка, сухой кашель отъ печени, а третій удушливый кашель отъ селезенки. Отъ этихъ органовъ идутъ «жилы» къ горлу и тамъ «копошитъ» и вызываетъ кашель. Для лѣченія употребляютъ: отъ кашля съ мокротой: крапивное сѣмя, маковую скорлупу, ячмень и сушеные финики, сваривши и этотъ отваръ пить. Отъ сухого кашля: клюкву, бобы, дынное огуречное и тыквенное сѣмяна, толкутъ все это вмѣстѣ и по кусочку держатъ во рту подъ языкомъ.

72. Дикое мясо въ ранѣ. Воскъ, еловая смола, деревянное масло, козлиное сало, ладонъ берутъ каждаго поровну, топятъ на сковородкѣ, чтобы прокипѣло, процѣживаютъ въ чистое судно, мѣшаютъ лопаткой, пока не остынетъ. Далѣе прикладываютъ на тряпкѣ къ ранѣ.

73. Лишаи. Чтобы лишаи не распространялись по тѣлу, обводятъ ихъ углемъ на вечерней зарѣ.

74. Болѣзни органовъ живота у грудныхъ дѣтей. Обмываютъ водой печать, которою печатаютъ просфоры, и эту воду даютъ пить ребенку.

75. Болѣзни кишекъ. Когда полагаютъ, что «пупъ скрянутъ», берутъ по щепоткѣ золы и соли и три ложки воды, сколько поддѣнется, не прибавляя и не убавляя. Все это размѣшать въ чайной чашкѣ и выпить, а чашку опрокинуть, а самое главное, чтобы эту чашку никто «некряталъ» (т. е. не передвигалъ съ мѣста) въ теченіе сутокъ.

II. Народное акушерство.

Хотя народъ уже освоился и довѣряетъ существующимъ земскимъ акушеркамъ, но только на небольшомъ радіусѣ, гдѣ онѣ практикуютъ. Въ виду ихъ недостаточности, большинство селеній обходится безъ нихъ, обращаясь къ своимъ «бабушкамъ-повитухамъ» и считая ихъ нужными людьми. Въ силу сложившагося въ природѣ порядка вещей, за неимѣніемъ патентованныхъ акушерокъ, кто же нибудь долженъ былъ принять на себя трудъ «повить» и облегчить страданія женщины, и не «баушки» виноваты, если онѣ не могли додуматься до самой простой истины: «не можешь помочь — не вреди».

Приступаю теперь къ описанію того, какъ здѣшнія женщины ведутъ себя до беременности и во время ея. Обыкновенно у женщинъ здѣшней мѣстности регулы наступаютъ на 14 году и позже, а прекращаются на 43 году и болѣе. Во время мѣсячныхъ избѣгаютъ общенія съ другими членами семьи и посторонними; бѣлья въ это время не переодѣваютъ. Замужъ выходятъ въ большинствѣ случаевъ 18—20 лѣтъ. Случаи безплодія бываютъ, и противъ безплодія существуютъ «наговоры», а также предпринимаются хожденія по монастырямъ и даются зароки и обѣты религіознаго характера.

Во время беременности не принимается никакихъ мѣръ для предохраненія младенца отъ хворости и уродства, а напротивъ крестьянская женщина исполняетъ весь домашній обиходъ по старому: убираетъ скотину, носитъ ушаты съ водой, поднимается на сараи по неудобнымъ лѣстницамъ и т. д. и даже въ послѣднія недѣли если бы беременная захотѣла отдохнуть, то «большаки» начинаютъ ворчать, ибо власть головы семейства въ крестьянствѣ очень велика и иногда тяжело отзывается на прочихъ членахъ. И потому однѣ изъ боязни большаковъ, другія по крайней необходимости, такъ какъ некому работать, находятся на ногахъ до появленія первыхъ болей. Оттого случаи родовъ бываютъ: въ дорогахъ, при самой работѣ въ полѣ, на сельскихъ ярмаркахъ и т. д. Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ играетъ роль безпечность, авось и полное невниманіе самихъ къ себѣ рожениць. Не обращая никакого вниманія на значенія тяжелой работы для плода, беременныя женщины, если случится имъ захворать, очень боятся выкидыша и осторожно принимаютъ самое невинное лѣкарство, говоря: «а небудетъ траты (вреда) для ребенка». Матка по мѣстному называется «золотникъ». Кровотеченія у беременныхъ называются «красками». Въ случаяхъ, гдѣ навѣрно подозрѣваютъ выкидышъ, сопровождающія его кровотеченія называются: «розливъ». Остановка мѣсячныхъ очищеній называется «заносище». Вообще, можно сказать, что вслѣдствіе непосильныхъ работъ выкидыши въ первые мѣсяцы беременности очень часты, а у нѣкоторыхъ просто обращаются въ привычные.

Мѣстомъ, гдѣ рожаетъ женщина, служатъ изба, баня, хлѣвъ. Родовымъ можетъ, смотря по времени года служить печка, лавка, полъ. Обыкновенныхъ спальныхъ кроватей у крестьянъ нѣтъ. Для подстилки употребляется солома.

Актъ родовъ тщательно скрываютъ отъ окружающихъ и сосѣдей, избѣгаютъ разспросовъ и боятся «дурного глазу», въ особенности таятся отъ «дѣвичьяго глазу», ибо если дѣвушка узнаетъ, то за каждый ея волосокъ на головѣ роженица должна мучиться. Если пріѣзжаетъ за акушеркой мужъ и другой родственникъ, то непремѣнно ночью, и цѣль своего пріѣзда объясняетъ обинякамн, не упоминая даже слова «роды». Если необходимость заставляетъ пріѣхать днемъ за акушеркой, то по дорогѣ при встрѣчахъ съ проѣзжающими онъ долженъ закрываться рогожей или чѣмъ инымъ, и на вопросъ «куда ѣздилъ», возница кратко отвѣчаетъ: «на мельницу».—Если въ деревнѣ, по догадкамъ извѣстенъ человѣкъ съ «дурнымъ глазомъ», или роженица незадолго до родовъ съ кѣмъ нноудь поссорилась, и у того къ несчастію вырвалось въ гнѣвѣ восклицаніе «чтобъ тебѣ не разродиться» и случайно происходитъ замедленіе и трудность родовъ, то это приписывается одной изъ вышеуказанныхъ причинъ. Знающія старухи противодѣйствуютъ этому; если человѣкъ выразилъ въ ссорѣ такое нехорошое пожеланіе женщинѣ, то немедленно и тайно вырѣзываютъ у нея изъ сарафана небольшой кусочекъ матеріи и, сжигая ее, окуриваютъ роженицу. У мужчины отрѣзываютъ волосы отъ мѣховой шапки и сжигаютъ. Тоже продѣлываютъ и съ подозрѣваемымъ человѣкомъ, обладающимъ «дурнымъ глазомъ».

Женщина рожаетъ большею частію сидя или на корточкахъ и стоя. Роженица садится на одномъ колѣнѣ у старухи или мужа, прижавшись спиною къ груди держащаго. Колѣно упирается въ промежность и служитъ поддерживающимъ образомъ. Или же роженица садится на углу лавки или скамейки, упираясь промежностію на самый уголъ. Иногда для поддерживанія промежности, въ задній проходъ вкладывается большая тряпка, чтобы ребенокъ, какъ говорятъ: неударился (пошелъ) въ задній проходъ, подразумѣвая и предупреждая тутъ полный разрывъ промежности. При стоячемъ положеніи роженицу поддерживаютъ люди, или же къ воронцу, на которомъ лежатъ концы палатныхъ досокъ, прикрѣпляется изъ куска холста петля, на которой и подвѣшивается роженица такимъ образомъ, что нижній конецъ петли обхватываетъ грудь спереди, проходитъ подъ мышками и, выходя за спиной, идетъ къ верху и тамъ укрѣпляется. Ноги при этомъ стоятъ на полу. При такомъ положеніи иногда ребенокъ до того быстро выходитъ, что его не успѣваютъ подхватить, и онъ, падая на полъ (на солому), обрываетъ пуповину; тогда говорятъ «самъ повился». Въ положеніяхъ колѣнно-локтевомъ и на корточкахъ тоже рожаютъ, но только рѣже. Лежа на спинѣ, на боку или на животѣ никогда не рожаютъ. На спину ложатся, только повинуясь указаніямъ акушерки. Для облегченія и ускоренія родовъ употребляются слѣдующія механическія средства и пріемы: 1) роженица скачетъ съ сундука или лавки на полъ; 2) дуетъ въ бутылку; 3) у нея производятъ разминанія живота; 4) вызываютъ рвоту глотаніемъ волосъ или какого нибудь масла; 5) даютъ пить дрожжи; 6) встряхиваютъ роженицу; для этого ее приподнимаютъ съ полу подъ мышки и съ силою опускаютъ на полъ; 7) держатъ за ноги внизъ головою. Изъ симпатическихъ средствъ употребляются слѣдую-

щія: 1) зажиганіе вѣнчальныхъ свѣчей; 2) обмываніе благословленной вѣнчальной иконы и питье этой воды; 3) обмываютъ яйцо, которымъ курица-молодка снеслась первымъ, и эту воду даютъ пить; 4) обмываніе всѣхъ замковъ въ домѣ и въ другихъ хозяйственныхъ постройкахъ и питье этой воды; 5) заставляютъ мужа молиться Богу и класть земные поклоны передъ образомъ; 6) обливаніе изъ ковшика неожиданно водой; но этотъ грубый пріемъ болѣе знающими старухами порицается. Когда роды длятся день, два, и нѣкоторыя изъ сосѣдей успѣли уже узнать объ этомъ, то воду для опрыскиванія надо «пропустить» черезъ нѣсколько человѣкъ. Эта процедура производится такъ: чашка съ водой каждому изъ присутствующихъ подносится старухою со словами: «ты знаешь»—«знаю», «ну такъ пропускай»; тотъ беретъ глотокъ воды въ ротъ, держитъ ее немного и опускаетъ обратно въ чашку и, такимъ образомъ, пропускаютъ» все; вода носится и къ сосѣдямъ и потомъ этою водою опрыскиваютъ и даютъ пить роженицѣ. Когда начались уже боли, то заставляютъ ее нажиматься; въ одномъ случаѣ старухи заставляли нажиматься также и мужа. При этомъ вообще не даютъ спать, говоря, «что ребенка заспитъ»; для того заставляютъ ходить по избѣ, а если роженица не можетъ, то ее таскаютъ подъ руки. Послѣ отхожденія водъ, роженицу оставляютъ на томъ мѣстѣ, говоря: «гдѣ воды—тутъ и роды». Постоянно практикующими старухами, какъ хорошее средство для благополучнаго окончанія родовъ, носится за пазухой рукопись «Сонъ Пресвятой Богородицы», распространенная въ народѣ. Въ рукописи, между прочимъ говорится: «аще у кого въ домѣ жена чревата бываетъ и будетъ на времени, то должно сей сонъ святой имѣть въ головахъ, то легко породитъ, и избавитъ Господь скорби и болѣзни и пошлетъ на помощь рабѣ своей ангела».—По другому варіанту «аще которая жена беременная будетъ и при рожденіи мучится, то дастъ Господь скорѣйшее рожденіе,—родитъ дитя и будетъ здрава».

Если роды затянулись, и всѣ испытанныя средства не помогаютъ и больная измучена до крайности, то бабушки опускаютъ руки и взываютъ: «Бабушка Соломанія—христа повивала, помоги!». или же «разнеси Господи по душамъ». Затѣмъ приглашается священникъ, напутствуетъ ее, и тутъ прибѣгаютъ къ самому послѣднему средству, просятъ священника открыть Царскія двери въ церкви. Послѣ этого, таинственность съ дому снимается, и вся деревня приходитъ прощаться съ роженицей, какъ уже обреченной на смерть.

Когда выхожденіе младенца замедляется, то у бабушекъ существуетъ правило: «надо прикладывать руки», и тутъ не только растягиваютъ половую щель, но вводятъ руку въ проходъ, стараясь, за что попало, ухватить и тянуть. Былъ такого рода случай: воды прошли незамѣтно, а бабка въ полной увѣренности, что они еще цѣлы. Половая щель представляется открытою, и въ ней виднѣется опухоль; бабка принимаетъ ее за пузырь и, рѣшаясь разорвать его, спрашиваетъ гвоздь и имъ начинаетъ ковырять. Ей кажется, что сдѣланъ большой разрывъ, а воды не показываются; тогда она догадывается, что дѣло вышло неладное и оставляетъ операцію. Посылаютъ за акушеркой и, по внимательномъ изслѣдова-

піи, оказывается полное прободеніе головки. Пріѣхавшая акушерка въ сильномъ недоумѣніи, но роженица упоминаетъ про гвоздь, и дѣло объясняется, а ребенокъ конечно вышелъ уже мертвымъ. Въ другомъ случаѣ мужъ извлекалъ младенца за головку сапожными тисками, при чемъ оказалось: головка у младенца сильно помята и изуродована, мягкіе покровы мѣстами на ней разорваны, но ребенокъ остался живъ.

По выходѣ дѣтскаго мѣста, старуха сначала чисто вымываетъ его водой, говоря: «вѣдь на томъ свѣтѣ заставятъ его ѣсть» (?), а затѣмъ зарываетъ въ землю. Въ тотъ-же часъ послѣ родовъ, родильницѣ дается ломоть чернаго хлѣба, посыпанный солью, и луковица, и заставляютъ это ѣсть, говоря: «эта болѣзнь хлѣбная (?), подкрѣпись», или же въ квасу размѣшиваютъ толокно и, предлагая его хлѣбать, стараются «загрузить» опустѣвшій животъ.—Многія послѣ родовъ пьютъ отвары брусничной травы, ягодъ черники или ромашки. Этого же дня приготовляется жарко натопленная баня, и родильницу ведутъ туда «парить», чтобы больше выходило «грязи», т. е. очищеній, такъ какъ по ихъ мнѣнію очищеній должно идти очень много. Нормальное же ихъ количество признается недостаточнымъ, и говорятъ «захватило», и вслѣдствіе этого прибѣгаютъ къ усиленному распариванію или же обращаются въ аптеку за лѣкарствомъ и тутъ получаютъ разъясненіе.

На другой день послѣ родовъ всѣ сосѣдки приходятъ къ родильницѣ съ визитами, чтобы узнать о ея здоровьи и каждая приноситъ въ гостинецъ что-нибудь съѣстное. Послѣ разрѣшенія отъ бремени женщины лежатъ въ постели крайне мало, всего 2 или 3 дня, а потомъ принимаются за свои повседневныя работы; потому онѣ часто подвергаются различнымъ послѣродовымъ заболѣваніямъ, что впослѣдствіи на здоровьи нѣкоторыхъ весьма худо отзывается, оставляя ихъ на долгое время слабыми и истощенными. Въ случаѣ, если новорожденный умретъ, то для уничтоженія приливовъ молока къ грудямъ, мать «выстрекиваетъ» его на горячую печь, чтобы поскорѣй «пригорало» т. е. уменьшалось бы въ грудяхъ.

Уходъ за новорожденнымъ, вскармливаніе и болѣзни его. Тотчасъ послѣ родовъ младенца моютъ, окачивая его тепловатой водой надъ лоханью или прямо на полъ; при этомъ завертываютъ его въ грязныя тряпки, такъ какъ, до совершенія надъ нимъ обряда крещенія, онъ считается какъ будто поганымъ; при самихъ родахъ бабушки соблюдаютъ еще слѣдующій обычай: если желаютъ, чтобы отецъ любилъ ребенка, то принимаютъ на грязную отцову рубаху; если желаютъ, чтобы всѣ любили ребенка, то принимаютъ на грязный «рукотертикъ», такъ какъ онъ общій и всѣ члены семьи и посторонніе имъ пользуются. Затѣмъ завернутаго младенца кладутъ на печь и даютъ ему «соску» изъ толокна, пряника, кренделя или хлѣба. Нѣкоторыя новорожденному дѣлаютъ соску изъ свеклы, чтобы во рту не «цвѣло» (предупрежденія развитія молошницы). Если родившійся младенецъ обмершій, то какъ правило существуетъ— ни на что его не класть; стараясь оживить его, держатъ надъ дымомъ горя-

щаго помела; подносятъ къ лицу тлѣющую крашенинную тряпку, качаютъ, приподнимая къ верху, и опускаютъ къ низу. Если младенецъ родится съ опухолью головки, что наблюдается у перворождающихъ, то старухи считаютъ нужнымъ «править» головку, разминая опухоль и причиняя этимъ, вѣроятно, различныя страданія головного мозга. Иногда у новорожденнаго замѣчаются грудные соски припухшими, то бабушки предполагаютъ тутъ молоко и высасываютъ ртомъ.

Постельки для новорожденныхъ устраиваются въ обыкновенныхъ «зыбкахъ» или люлькахъ и бываютъ двоякаго рода: четырехъ-угольная деревянная рамка съ слабо натянутымъ холстомъ, отъ угловъ идутъ веревки, привязываемыя къ «очецу» (шесту), который вдѣвается въ кольцо, ввинченное въ потолокъ. Чаще же можно видѣть плетеныя корзинки изъ сосновыхъ дранокъ и прутьевъ, укрѣпляемыя такимъ же образомъ. Иногда вокругъ веревокъ зыбки идетъ занавѣска, защищающая отъ свѣту и мухъ.

Обычая купать младенцевъ, подразумѣвая ванны, хотя бы въ корытѣ у крестьянъ нѣтъ, но зато часто ихъ «парятъ» въ печахъ, нахлестывая березовымъ вѣникомъ.—Рубашечки шьются ситцевыя, пеленки изъ различнаго матеріала, иногда просто невозможнаго вида; тѣ и другія хотя и часто моются, но въ большинствѣ случаевъ безъ мыла; такъ какъ по бѣдности населенія мыло можно встрѣтить не у всякаго, а оно замѣняется щелокомъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ тѣсноты, и скученности населенія въ жилищахъ дѣти уже съ первыхъ мѣсяцевъ послѣ рожденія страдаютъ различными накожными хроническими сыпями, коростами на головѣ, чесоткою и опрѣлостями въ пахахъ.

Новорожденнаго, кромѣ естественнаго кормленія грудью матери, уже съ первыхъ дней жизни начинаютъ пичкать «соскою»; какъ лакомство, ему дается жеваный пряникъ, топленое молоко, кашица, а то просто жеванина изъ хлѣба; это послѣднее преподносится прямо изъ рта на пальцѣ. Всѣ деревенскія женщины убѣждены, что материнскаго молока совершенно недостаточно для ребенка. Если сряду послѣ кормленія грудью дитя, уложенное въ зыбку, заплачетъ, можетъ быть отъ того, что ему неловко лежать, или жметъ тѣло складкою отъ пеленки, наконецъ, онъ можетъ быть испражнился и лежитъ мокрый,—то плачъ его принимается какъ заявленіе, что онъ уже опять голоденъ; на другія его потребности и удобства не придетъ въ голову обратить вниманіе.—Сейчасъ ему, такъ сказать, насильно суютъ въ ротъ соску или что нибудь другое, чтобы онъ замолчалъ. Если онъ продолжаетъ ревѣть, то воображаютъ, что онъ захворалъ, а досужія бабушки предлагаютъ «попарить» или попоить съ того, съ сего и окончательно испортятъ пищевареніе.

Вслѣдствіе несоотвѣтствующей возрасту пищи и несвоевременнаго кормленія или, вѣрнѣе, окармливанія, въ особенности если нѣкоторымъ матерямъ кажется, что ребенокъ «на кашку навальчивъ», у дѣтей въ первые мѣсяцы жизни развиваются желудочно-кишечныя болѣзни съ рвотою и поносомъ, переходящія въ хроническія.—Такія дѣти представляются вялыми, съ слабымъ голоскомъ, сильнымъ исхуданіемъ тѣла, большимъ животомъ и дряблою со складками

кожею. — Не придавая никакого значенія пищѣ, ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніяхъ, какъ причинѣ, предрасполагающей къ заболѣванію тѣхъ органовъ, куда она поступаетъ, матери и бабушки выдумываютъ какія то другія болѣзни, напр., что ребенка «подхватилъ замай», нутряная грыжа, а можетъ быть и «вихлецъ» и т. д. Въ особенности лѣтнее время, вслѣдствіе отсутствія матерей на работы, грудныя дѣти неправильно питаются и предоставляются всѣмъ случайностямъ, ибо находятся подъ наблюденіемъ небольшихъ дѣвочекъ-нянекъ или старыхъ и негодныхъ къ работѣ старухъ. На это-то время и падаетъ большое число заболѣваній желудочно-кишечнаго канала у грудныхъ дѣтей.

Изъ другихъ болѣзней, чаще случающихся у новорожденныхъ: «молошница» наблюдается постоянно и обыкновенно проходитъ сама собой; нерѣдко бываетъ у младенцевъ гнойное воспаленіе глазъ, вслѣдствіе нечистаго содержанія половыхъ частей вообще или же неряшливаго перваго обмыванія младенца. Въ первые мѣсяцы жизни случаются пупочныя грыжи, отъ напряженія живота у младенца, вслѣдствіе постояннаго плача; грыжевой мѣшокъ иногда достигаетъ большихъ размѣровъ. Наконецъ, еще одинъ фактъ изъ послѣдующей жизни младенца: если ребенокъ долго «несходится» (т. е. не начинаетъ ходить), то его садятъ на полосу, во время посѣва конопли, и «обсѣваютъ» зернами конопли. При этомъ-же нѣкоторые примѣняютъ слѣдующій способъ: одинъ ведетъ за ручки ребенка, другой каждый пройденный шагъ ребенка перерубаетъ топоромъ.

М. К. Герасимовъ.

ОТДѢЛЪ II.

Село Косницше, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ.

(Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любомля).

Говоръ.

1) «А» послѣ ж, ч, ш и щ=«е» (какъ въ словѣ «дерево»): жéба, чéйка, шéйка, щéстє.

2) «А» вмѣсто (неударяемаго) «о»: палямаръ, хадзяјинъ, гарачій, багато.

3) «О» вмѣсто (неударяемаго) «А»: Олэкса, Оксэня, батько, дéдько, батюшко, Сиргійко, Срулько, Бэрко, робота, робітныкъ.

4) «е» вмѣсто (ударяемаго) «я»: дéдько, пъéть, коне, мнéсо, мнéта, пъєддысéтка.

5) «О» вмѣсто «е»: Олэна, Омылянъ, тобі собі, жовчъ, жовтый, жолуді, чоловікъ, шóстый, щока.

6) «І» вмѣсто «О»: кінь, вілъ, вінъ, мій, твій, свій (спорадич. «о»=«ы»: ныжъ, ныжка, нысъ).

7) «І» вмѣсто «ѣ» и «е»: бісъ, лісъ, білый, бідный, літо, пічъ, мідъ, шість, сімъ, вісімъ.

8) «е» вмѣсто «ье» и «іе»: зільле, каміньне, коріньне, вчіньне, жытьте (спорадич.=«я»: висілля).

9) Пропускъ гласныхъ! Кулына, щэ̂, хтіты, хтівъ, граты, гра.

10) «Дж» вмѣсто «ж»: сыджу̂, ходжу̂, сâджа, о̂джугъ, пріјізджаты.

11) «г»=h.

12) «в» вмѣсто «у»: вчу̂ся, вмываюся, вкравъ, вжэ̂, вмію.

13) «Ш» вмѣсто «С»: шéбля, шкорлу̂па.

14) Придыханіе «в» и «г»: ву̂лыця, ву̂дудъ, вінъ, вона, гиндыкъ, гынушъ.

15) «Р» твердо: царъ, вичэ̂ра, кручóкъ.

16) «Ц» мягко: бъéця, сваръщя, стâрця, яйця̂.

17) Нѣтъ эвфоническаго «й» въ: пішовъ, прышовъ, прішлы̂, пішлы̂.

18) «У» вмѣсто «о» въ окончаніи «оваты»: купуваты̂, почуваты̂, торгуваты, працювâты.

19) Спорадич. эвфоническое «н» въ: «нёму», «нёго», «нымъ».

20) «В» вмѣсто «л»: вовкъ, любывъ, бу̂въ.

21) «Хв.» вмѣсто «ф»: Хвэ̂доръ, хвіртка, хвасóля (спорадич.).

22) Эвфоническое «н» въ: мнéсо, мнєта, мнєкій (ср. польск mięso, męta, miękki).

23) «Х» вмѣсто «к»: хто, хрэ̂сть, хрістыты.

Примѣч. Наше «и»=средній звукъ между «э» и «ы».
» «ы»=средній между «ы» и «и» (і).
» «є»=je.

Образцы склоненій и спряженій.

И.	Чоловікъ.	Кінь.	Кòні.	Мужыкѐ.	Рукà.	Рукі.
Р.	Чоловіка.	Конє́.	Кòній.	Мужыківъ.	Рукє́.	Рукъ.
Д.	Чоловіковы.	Конэвы.	Кòнємъ.	Мужыкамъ.	Руці.	Рукамъ.
В.	Чоловіка.	Конє́.	Кòні.	Мужыківъ.	Ру̀ку.	Ру̀кі.
Т.	Чоловікомъ.	Конэ̀мъ.	Кіньмы.	Мужыкамы.	Рукòю.	Рукàмы.
П.	Чоловіковы.	Конэвы.	Кòняхъ.	Мужыкахъ.	Ру̀ці.	Рукàхъ.

И.	Маты.	О́ко.	Матирі.	О́чи.	Свынà.	Свыні.
Р.	Мàтира.	О́ка.	Матирэй (івъ).	Очий.	Свыні.	Свыний.
Д.	Мàтирі.	О́ковы.	Матирàмъ.	О́чамъ.	Свыні.	Свынямъ.
В.	Мàтира.	О́ко.	Матирэй.	О́чи.	Свынѝо.	Свыний, свыні.
Т.	Мàтирою.	О́комъ.	Матирàмы.	Очѝма.	Свынє́ю.	Свыньмы.
П.	Мàтирі.	О́ковы, оці.	Матирàхъ.	О́чахъ.	Свыні.	Свыняхъ.

И.	Книжка.	Кныжкє́.	Чòрный,	чорна,	чòрнє.	Мн. ч.	Чòрны.
Р.	Кныжкі.	Кныжòкъ.	Чòрного,	чòрниjі,	чòрного.		Чòрныхъ.
Д.	Кныжці.	Кныжкàмъ.	Чòрному,	чòрны,	чòрному.		Чòрнымъ.
В.	Кныжку.	Кныжкє́.	Чòрного,	чорну,	чòрнє.		Чòрныхъ.
Т.	Кныжкою.	Кныжкàмы.	Чòрнымъ,	чòрную,	чорнымъ.		Чòрнымы.
П.	Кныжці.	Кныжкàхъ.	Чорному,	чòрны,	чòрному.		Чòрныхъ.

И.	Сыній, сыня, сынє	Мн. ч.	Сыні.
Р.	Сынёго, сынєjі, сынёго		Сыніхъ.
Д.	Сынему, сыні, сынёму.		Сынімъ.
В.	Сынёго, сыню, сынє.		Сыніхъ, сыні.
Т.	Сынімъ, сынєю, сынімъ.		Сынімы.
П.	Сынёму, сыні, сынёму.		Сыніхъ.

И.	Тòй, тàя, тэє.	Мн. ч.	тыjі.
Р.	Того, тэ̀jі, того.		тыхъ.
Д.	Тому, ты, тому.		тымъ.
В.	Того, тую, тэє.		тыхъ.
Т.	Тымъ, тэ̀ю, тымъ.		тымы.
П.	Тому, ты, тому.		тыхъ.

И.	Мій, моя̀, моє́,	Мн. ч.	Моjі.
Р.	Мòго, мэ̀jі, мого.		Моjіхъ.
Д.	Мòму, моjі, мому, моє́му:		Моjімъ.
В.	Мòго, моѝо, моє́.		Моjіхъ, моjі.
Т.	Моjімъ, моє́ю, моjімъ.		Моjімы.
П.	Моє́му, мòму, моjі, мэ̀jі, мому.		Моjіхъ.

Я, ты, вінъ. Минэ, тибэ, ёго. Мині, тобі, ёму. Минэ̀, тибэ, ёго. Мною, тобою, jімъ. Мині, мні, тобі, ёму, нёму. Мы, насъ, намъ, намы, насъ Вы, васъ, вамъ, вамы, васъ. Воны, jіхъ, jімъ, jімы, jіхъ.

1) Неопред. накл. буты (= быть).

1 л.	Я	є,	— мы		є, єсть.
2 »	—	є,	— вы		—
3 »	—	є, єсть,	воны		—

Прош. вр. бувъ, була, було—булы.

Буд. вр. буду, бу̀димо, — мъ, будишъ, бу̀дитэ, бу̀ди, бу̀дуть.

Повел: накл. Будь, бу̀дьти, будьмо.

2) Неопр. накл. jісты.

Изъяв. накл. 1. jімъ, jімò.
2. jісы, jістэ̀.
3. jість, jідять.

Прош. вр. 1—3. jівъ, jіла, jілы.
Буд. вр. Буду jісты и т. д. Бўдимъ jісты.
Пов. накл. jіжъ, jіжти, jіжмо.
Сослагат. накл. jівъ бы, jіла бъ, jілы бъ.
Неопр. накл. любыты.
Изъяв. накл. люблю, любымъ, любымо, любышъ, любити, любыть, люблять.
Прош. вр. любывъ, любыла, любыло, любылы.
Буд. вр. буду любыты, полюблю.
Пов. накл. любы, любітъ, любімо.
Сосл. накл. любывъ бы, любыла бъ.

4) Неопр. накл. йты (= идти).
Наст. вр. йду, йдэмъ, йдэмо, йдэшъ, йдэти, йдэ, йдуть.
Прош. вр. йшовъ, йшла, йшло, йшлы.
Буд. вр. піду, підэмъ, підэмо, підэшъ, підэти, підэ, підуть.
Пов. накл. йды, йдітъ, йдімъ, йдімо.
Неопр. накл. вмыватыся.
Наст. вр. вмываю я, вмываjімся, вмываjімось, вмываjіся, вмываjітысь, вмываеця. вмываюця.
Прош. вр. вмывався, вмывалась (л), вмывалысь, вмываюсь (л).
Буд. вр. вмыюся, буду вмыватысь (л).
Пов. накл. вмывайся, вмыйся, вмыймося, вмыйтысь.
Сосл. накл. вмывся бъ, вмылась бы.

Иностранныя слова, употребляемыя крестьянами с. Косница Владиміръ-Волынскаго уѣзда.

Блеха=blacha, Blech.
Цыбуля=cebula, Zwiebel.
Чэг (=h)ла=cegła, Ziegel.
Дахъ=dach, Dach.
Друкъ=druk, Druck.
Дрітъ=drot, Draht.
Фальшъ=fałsz, Falsch.
Фарба=farba, Farbe.
Хвартухъ=fartuch, Vortuch.
Фіранка=firanka, Vorhang.
Фурманъ=furman, Fuhrmann.
Г (=G)анокъ=ganek. Gang.
Гарбаръ=garbarz, Gerber.
Г (=G)атунокъ=gatunek, Gattung.
Г (=G)срунтъ=Grunt, Grund.
Гакъ=hak, Hacke.
Гамуваты=hamować, hemmen.
Гэндиль=handel, Handel.
Ялмужнэ=jałmuzna, Almosen.
Коштуваты=kosztować.
Куфиръ=kufir.
Лійці=lejce, Leitseil.
Ліхтаръ=lichtarz, Leuchter.
Ладнуваты=ladować, laden.
Маляръ=malarz, Maler.
Муръ=mur, Mauer.
Муштра=musztra, Musterung.
Нырка=nerka, Niere.
Обцасъ=Absatz.
Офяра=Opfer, ofiara.
Пакуваты=pakować, packen.
Пэндзэль=pendzel, Pinsel.
Пляцъ=plac, Platz.
Рахунокъ=rachunek, Rechnung.
Рэшта=reszta. Rest.
Риштуваньнє=Rüstung.
Смакъ=Schmack, smak.
Смалицъ=smalec, Schmalz.
Шрітъ=Schrot, szrot.
Шануваньнэ=szanować, szacunek.
Шкода=szkoda.
Шнуръ=sznur, Schnur.
Шпихіръ=szpichlerz, Speicher.
Шваг(=g)еръ=szwagier, Schwager.
Шынкъ=szynk, Schank.
Шынка=szynka, Schinken.

Пословицы и поговорки,

употребляемыя крестьянами с. Коснища, Владиміръ-Волынскаго уѣзда.

1. На Тобі, Божи, що мині ни гожи.
2. Ляхъ, жыдъ і собака-то віра јіднака.
3. Ни Боговы свічка, ни чортовы оджугъ.
4. Бизъ попа ни буди й снопа.
5. Дэ чортъ ни зможи, тамъ баба допоможи.
6. Моя хата зъ краю—я нычого ни знаю.
7. Надувся якъ сычъ.
8. Баба зъ воза—конямъ лэгши.
9. Ни такей чортъ страшный, якъ ёго малюють.
10. Јіжъ, дурню, бо то зъ макомъ.
11. Танцювала рыба зъ ракомъ, а питрушка зъ постирнакомъ.
12. Ни дай, Божи, зъ хама (Јівана) пана.
13. Пусты свыню підъ стылъ—захочи й на стылъ.
14. На городі гарбуза, а въ Кеёві дедько.
15. Проминявъ шыло на швайку.
16. Ни мала баба клопоту—купыла поросе.
17. Носыця якъ дурный зъ ступою.
18. Носыця якъ кітъ зъ саломъ.
19 Выгравъ якъ Заблоцькій на мыдлі.
20. Выгравъ дудку на костэлі.
21. Злізь зъ даху, ни псуй г(=є)онтъ.
22. До святого Духа ни скідай кожуха.
23. Обыйдиця цыганьскє висільлє й бэзъ марцыпанывъ.
24. Абы болото, а жеба найдиця.
25. Якей панъ, такей ёго й крамъ.
26. Сватовы пэрша чарка, пэрша й палка.
27. Смирдечій якъ вудудъ.
28. Хто ни пъє до дна, той ны зычіть и добра.
29. Послі насъ ни буди насъ.
30. Хто пізно ходыть, той самъ собі шкодыть.
31. Такей парубокъ якъ зъ клочча батыгъ.
32. Хто корчму минає, той щєстя ни має.
33. Баба чирэвата—мужыковы втрата.
34. Хто рано встає, тому Богъ дає.
35. Въ нёго сімъ пъєтныць на нидилю.
36. До Дмытра й дівка хетра, а по Дмытрі хоть коминъ вытры.
37. Такъ йдэ (=прістало), якъ до свыні ярмо, до коровы сідло.
38. Въ гурті каша јісьця.
39. Сидыть якъ квочка на яйцяхъ.
40. Трасэця якъ жыдъ на купі.
41. Бігає якъ всраный по ермарці.
42. Скачы, вражи, якъ панъ кажи.
43. Сільськє дыте—що міськє тыле.
44. Бодай такъ сова світъ бачыла, якъ тому правда.
45. Така тому правда, якъ вошъ кашляє.
46. Круты-ни-вирты, а трэба вмирты.
47. Тамъ добри, дэ насъ нима.
48. Дэ посіјішъ, тамъ вродиця.
49. Сыдыть якъ гріхъ на души.

50. Дурный піпъ тибэ хрістывъ.
51. Маjіця, якъ горохъ пры дорозі: хто йдэ, той и скубэ.
52. Кому що, а курці просо.
53. Кому, кому, а куцому достаниця.
54. Кому що, а дівці парубокъ.
55. Два бъєця—трэтій ни лізь.
56. Якъ jість, такъ й робыть.
57. Яка праця—така й плата.
58. Пьяный якъ швэць.
59. Розўмный якъ Соломоновы папуці.
60. Розўмный якъ Бэрковы штаны̀.
61. Якъ постилывся, такъ і выспався.
62. Правдывый якъ цыганъ.
63. Найлішши житы-поповы да котовы.
64. Якъ панъ схочи, то мужы̀ка обморочи.
65. Въ твій дэнь, Андрію (є), дівка чамріє.
66. Дэ жиды̀вка, тамъ й горілка.
67. Рада бъ душа въ рай, да гріхє ни пускають.
68. Ны̀хто собі ни вòрігъ.
69. Розумэнъ ляхъ по шкоді: якъ коні вкралы, то стойню замкнувъ.
70. Ни будь вродлыва, а щаслыва.
71. Обицявся панъ кожуха, да й слово ёго тэпли.
72. Оглядівся якъ наjівся.
73. Ни віръ губі, положы̀ на зубы.
74. Ни рыба, ни мнєсо.
75. Наjівся, ажъ лобъ тврдый.
76. Наjівся, якъ бідный на вилыкдинь.
77. Одэжы, що на ёму, а хліба, що въ нёму.
78. Ни вилыкє дыво, що въ пана жінка гарна.
79. Сухє́й, якъ хортъ, и хє́трый, якъ чортъ.
80. Старэ̀—якъ малэ̀: що бачыть, тэ й тарабачыть.
81. Хапаjе (і) ця якъ жыдъ молотыты̀.
82. Свыні ни до поросєть, колы свыню смалять.
83. Такєй г(=g) осподаръ, якъ съ клочча батыгъ.
84. Такєй г(=g)осподаръ, якъ съ г(=g)умна кўля.
85. Дурнямъ щє́стє визэ̀.
86. Захтілося, якъ дитыны̀ цыцькі.
87. Така гарна, якъ свыня въ дощъ.
88. Ты̀лько правды—якъ въ ришы̀ті воды.
89. Тішиця, якъ Юдка пэйсамы.
90. Тры паны—jідны штаны.
91. Попавъ пальцимъ въ нэбо.
92. Якъ тривога, то и до Бога.
93. Кому й можно, а тобі зáсє.
94. На Юръя, якъ ракъ свысни, морэ высхни.
95. Гиндыкъ думавъ, думавъ, та й здохъ.
96. Выдно пана по холєвамъ.
97. Що добрэ, то того трошкі.
98. Око бачыть, да (та) зубъ ни ймэ̀.
99. Обдє—рабдє.
100. Яка мама, така й доня.
101. Що въ твирэ̀зого на вмі, тэ въ пьяного на языці.
102. Зъ ёго помочі, якъ зъ быка молока.
103. Кому скрутыця, а куцому змэ̀лыця.
104. Що посіjішъ, тэ й зожнэшъ.

105. Прылiпъ якъ пчола до мэду.
106. Дэ йдэ, всюды носа тычи.
107. На Бога надiйся, а самъ розумъ май.
108. Москалёвы штукi наробылы мукi.
109. Москаль захочи, то й чорта обморочи.
110. Дэ двоэ цилуюця, трэтiй губъ ни протягай.

Пѣсни,

записанныя въ томъ же селѣ.

«Зайды, мiсяць, зайды, красни сонцэ, щэ й до того ясная зира.
Ой, пыши лысты той король Французькiй до нашого бiлого царя.
Оддай, оддай, Олэксэндэръ, зэмлю, да щэ й впрочимъ тыjі города.
Якъ ни оддашъ, будимъ воюваты, будимъ быты прамо на тэбэ.
Ой, затурывся, да й зачипурывся Олэксэндэръ, той батюшка нашъ.
Ой, обыбрався йенэралъ Кутузовъ.
Ни журыся ты, батюшка нашъ,
Ой, пiддай вiсько пiдъ вылыку сылу,
Можэ мы щэ й оборонымся.
Ой, була умна, тылько ни розумна французька йедна голова:
Ой, зловыла въ чистымъ полi орла, ни вырвала й жадного пира».

«Ой, надъ моримъ глубокiмъ
Стоить яворъ высокiй.
Охъ, охъ, охохой, стоить яворъ высокiй.
А пiдъ тымъ яворомъ стоять столы дубовы.
Охъ, охъ, охохой, стоять столы дубовы.
А за тыми столамы сидять паны радамы.
Охъ, охъ, охохой, сыдять паны радамы.
Радять раду зъ войтамы.
Охъ, охъ, охохой радять раду зъ войтамы.
Кого, соцько, въ солдаты взять?
Ой, ны биры въ богача:
Буди панамъ докучать
Охъ, охъ, охохой, буди панамъ докучать.
Въ кого, соцько, сыновъ пьять?
То тамъ, соцько, ни вылять,
Охъ, охъ, охохой, то тамъ соцько, ни вилять...
Въ кого, соцько, сыновъ тры,
То тамъ, соцько, ни биры.
Охъ, охъ, охохой . . . .
А въ вдовы сынъ одынъ,
То й той пiди пiдъ аршынъ.

Ныма батька, ныма маткі,
Нима кому плакаткі,
Ныма брата, ни систры,
Нима кому провисты,
Е у мэнэ дівчына,
Зъ чорными очыма.
Тая мэнэ провидэ;
Тая по мні заплачэ,
Охъ, охъ, охохой, тая по мні заплачэ».

«Прїјїхала рітирія Конёвського пана.
Молодая бондарівна въ ратуші гуляла.
Въ славнымъ місті, у Славуті, ходять дівкѐ пӧлкомъ;
Молодая бондарівна всэнькімъ въ пирэшкоді.
Задрыжала сыра зэмля на новому дворі,
Якъ прїјїхавъ панъ Канёвськїй на воронымъ коні.
Ой, йякъ крыкнувъ панъ Канёвськїй:
«Здыймайти сидэлцэ,
Тамъ гуляе бондарівна:
Дрыжыть мое сэрцэ.
Ой, ни вспівъ щэ панъ Канёвськїй изъ сидэльця встаты,
Якъ ужэ вспівъ бондарівні всю правду сказаты.
Чі выліся, бондарівно, въ могылі лыжаты.
Чі выліся, молодая, въ карэті јїхаты;
Чі выліся, бондарівно, въ сырі зимлі гныты,
Чі выліся, молодая, мэдъ й вино пыты?
Ой, вылюся, мій панойку, въ могылі лыжаты,
Нижъ съ тобою, вражымъ сыномъ, въ карэті јїхаты;
Ой, вылюся, мій панойку, въ сырі зимлі гныты,
Нижъ съ тобою, вражымъ сыномъ, мэдъ й выно пыты.
«Ой, йякъ крыкнувъ панъ Каневськїй: заражайти ружа;
Ой, та й дайти бондарівні въ сэрдэйко стружа.
Ой, казалы, говорылы старэнькії люди:
Втыкай, втыкай, бондарівно, лыхо тобі буди.
Ой, втыкала бондарівна по—задомамы,
А за нэю жандарыкі зъ голыми шаблямы.
Постый, постый, бондарівно, щось мы тобі скажимъ,
Ой, якъ твою білу ручку съ Канёвською звяжимъ.
Ой, якъ крыкнувъ панъ Канёвськїй: луша по-за-лушу,
То й оддала бондарівна пану Богу душу.
Ой, ў полю пшанычэйка,
Та й щэ зилэнэйка;
Панъ Канёвськїй й бондарівна,
Та й щэ й молодэйка.
Ой, ў полі пшанычэйка, та й щэ ни часъ жаты,
Панъ Канёвськїй й бондарівна,
Ни часъ рукъ везаты.
Якъ выјїхавъ панъ Канёвськїй на высокі горы,
Вдорылы по бондарівні во всі штырі звоны.
Вызлы еји шість коныківъ, якъ різныјі звірі,
Нислы свічі духовыі ў вся громадойка.
Ой, якъ внэслы бондарівну до тэмного лoжа,
Закраснілысь парубчакі, якъ чэрвона рожа...

Разъ прјіхавъ панъ Канёвській до бондара на двіръ,
«Выйды, выйды, старый бондаръ, дай воды напытысь (два раза);
Якъ хорошу дочку маjішъ, дай хоть подывытысь.
Ой, хороша, мій панойку, краша, нижъ мэрэшка,
Куды вэзлы дочку мою,—крівавная стэшка.
Яко бы твоя бондарівна гынчэ поступыла,
Ой, то бъ можэ рікъ, а бо два въ корэті jіхала...
Ой, якъ сказавъ панъ Каневській бондара зазваты.
Козавъ ёму изъ стаенкі сто коныківъ даты.
Ой, вылюся, мій панойку, самъ хлібъ зароблять,
Нижъ за свою дытыночку таку плату браты»...

№ 1. Ой, въ саду, въ саду вышня стояла.
Гэй, рождество, вышня стояла.
Съ тэjі вышэнькі искорка впала,
Съ тэjі искоркі річэйка стала.
Гей, рождество, річэйка стала.
Въ тий річийці Господь купався,
Гей, рождество, Господь купався.
Выкупався, на пристані сівъ,
Гэй, рождество, на пристані сівъ.
На пристані сівъ, вісті розыславъ,
Гэй, рождество, вісті розыславъ.
Розыславъ вісті до господара,
Гэй, рождество, до господара.
Господаріку, сподывайся гостий,
Гей, рождество, сподывайся гостий.
Застилай столы, накладай хліба, наливай вына.
Сподывайся въ гості самого Бога съ янголятамы,
Щэ й Јісуса Христа на кінэць стола».

№ 2. «Присвятая Діва, дэ Христа поділа?
Занисла Христа въ густыі жита.
Пришлы жідята Діві пытаты:
Дэ Хрэстъ поділа?
Занисла Христа въ яру пшиныцю.
Пішлы жідята Христа шукаты,
Христа ни нашлы,
Сталы Діві пытаты:
Дэ Хрэстъ поділа?
Занысла Христа въ зилэный ячмінь.
Пішлы жідята Христа шукаты,
Христа не нашлы.
Присвятая Діва, дэ Христа поділа?
Занысла Христа въ зилэну траву,
Гэй, святый вэчуръ, въ зилэну траву.
Пришлы жідята Діві пытаты:
Дэ Христа поділа.
Гэй, святый вэчуръ, дэ Христа поділа.
Занысла Христа въ высокі ліса.
Пішлы жідята Христа шукаты,
Христа ни найшлы.
Присвятая Діва, дэ Христа поділа?
Занысла Христа въ камінны горы,

Гэй, святый вэчуръ, въ камінны горы.
Пішлы жідята Христа шукаты,
Христа ни нашлы.
Бо Хрэстъ ў Божіимъ дому.
Камінны горы розбылы и жідывъ побылы.
Гэй, святый вэчуръ, жідывъ побылы».

№ 3. «На Jордані тыха вода стояла,
Тамъ Божая Маты свого сына купала.
Выкупавші, въ біли пэлюшкі вповывала,
А вповывші, въ яслычка вложыла.
Надъ Дитяткомъ штыри волы пахало,
А на зоходъ сонця тры крулі зъіхало.
Пэршій круль щастемъ—здоровьемъ даровавъ,
Другій круль мыромъ—кадыломъ мировавъ,
А трэтій круль золотую квітку въ ручку давъ.
Ой, квіту мій, квіту жаданый,
А тая квітка отъ Господа Бога прiслана».

Крестьянская свадьба въ селѣ Коснище.

Свадьбы у инашихъ крестьянъ бываютъ—большею частью—осенью или въ «мясныці», т. е. въ промежутокъ времени отъ Святокъ до Масляницы, лѣтомъ и весною свадьба—очень рѣдкое явленіе.

Осень, когда кончены всѣ трудныя полевыя работы, самое удобное время для свадебныхъ празднествъ, продолжающихся неменѣе дней трехъ.

(Свадьба служитъ для нашего мужичка развлеченіемъ въ его сѣренькой, однообразной жизни, а потому и неудивительно, что онъ затягиваетъ ее какъ можно дольше различными церемоніями. Крестьянскія дѣвушки выходятъ замужъ 15½—17 лѣтъ (дѣвушка, переступившая 20-лѣтній возрастъ, считается уже старою дѣвою, но это впрочемъ бываетъ очень рѣдко), а парни женятся въ 17½—18.

Иниціатива въ дѣлѣ женитьбы принадлежитъ родителямъ жениха.

Какъ только родители порѣшатъ женить сына, они начинаютъ разными окольными путями разузнавать о подходящихъ невѣстахъ.

Парень-женихъ не принимаетъ въ этихъ розыскахъ никакого участія и вообще—относится къ нимъ довольно равнодушно.

Обыкновенно, на вопросъ родителей, къ которой изъ знакомыхъ дѣвушекъ онъ желалъ бы «заслати сватывъ», сынъ отвѣчаетъ: «а огонь йіхъ знâе, къ котри хочити (э), къ ти посылайти». Впрочемъ, когда родители предлагаютъ сыну невѣсту, положительно ему не нравящуюся, получается отвѣтъ: «то сватайтися, колы вамъ такъ хочиця, а бо я васъ впыняю, а я можэ й ни піду туда»... Разумѣется, въ другомъ случаѣ—сынъ получилъ бы за такой непочтительный отвѣтъ изрядную головомойку, но въ данныхъ обстоятельствахъ родители все прощаютъ... Если укажутъ парню на такую дѣвушку, которая ему нравится, онъ ограничивается гробовымъ молчаніемъ. (Послѣднее считается необходимою формальностью, которую нарушаютъ очень рѣдко). Порѣшивъ на выборѣ невѣсты, родители жениха идутъ къ родителямъ невѣсты спросить, согласны ли тѣ принять «сватывъ». Если отвѣтъ получится утвердительный, то чрезъ недѣлю или двѣ засылаютъ оффиціальныхъ «сватывъ» («дружба», родственникъ жениха, почтенныхъ лѣтъ, и самъ женихъ). Въ назначенный для пріема «сватывъ» вечеръ—

въ домѣ невѣсты ранѣе обыкновеннаго ложатся спать, чтобы показать, что тамъ ничего не знаютъ и не подозрѣваютъ о предполагаемомъ сватаньи.

Позднимъ вечеромъ раздается стукъ въ окошко. Встаютъ, зажигаютъ огонь, отпираютъ дверь и спрашиваютъ: «а хто тамъ стугоныть?».

Въ хату входитъ одинъ «дружба», а женихъ остается подъ окошкомъ, чтобы поглядѣть на невѣсту, котороя при его входѣ въ избу скроется въ «комору» (кладовую). Невѣста, зная, что на нее смотритъ критическое око жениха, старается всячески хлопотать по хозяйству, чтобы показаться «працёвытою» (работящею) дівкою.

«Дружба», посидѣвъ въ хатѣ нѣкоторое время и потолковавъ о томъ, о семъ, не имѣющемъ отношенія къ цѣли его прихода, выходитъ изъ избы для переговоровъ съ женихомъ, оставивъ на столѣ свою шапку (высокую сѣрую барашковую).

Если жениху дѣвушка не понравилась, дружба возвращается въ хату одинъ и, высказавъ сожалѣніе по этому поводу, беретъ шапку, прощается и уходитъ. Если же дѣвушка оказалась «до сподобы» (понравилась), парень входитъ вмѣстѣ съ дружбою въ хату и привѣтствуетъ хозяевъ обычнымъ «вытайти (э) жъ до насъ». Невѣста въ это время уходитъ въ «комору» и сидитъ тамъ, пока «дружба» не спроситъ объ ней. Тогда отецъ или мать идутъ въ «комору» и выводятъ оттуда невѣсту, успѣвшую уже нарядиться.

Дружба начинаетъ расхваливать невѣсту и намекать на «могорычъ».

На столѣ является водка и приличная закуска. Приходитъ «сваха» (родственница невѣсты), даетъ жениху кольцо и повязываетъ ему на шею красную ленту, приговаривая: «посылае вамъ красная панна подарочокъ, за наши (=э) малэньке, ваши (=э) вилике, за нашъ подарочокъ, вашъ оддарочокъ»; съ такими же словами она подходитъ къ «дружбѣ» и даритъ ему красный платокъ. Какъ женихъ, такъ и дружба должны заплатить за подарки (1 р., 50 к., 30 к.).

Послѣ раздачи подарковъ пьютъ «могорычъ». Женихъ наливаетъ рюмку водки и, обратившись къ невѣстѣ со словами «бувай здорова», выпиваетъ, тоже дѣлаетъ и невѣста, обращаясь къ жениху (этикетъ впрочемъ, не позволяетъ невѣстѣ пить вина, она должна дѣлать только видъ, что пьетъ). Во время «могорыча» назначаютъ день «змовынъ» (сговора) и свадьбы. «Могорычъ» пьютъ до разсвѣта. Недѣли чрезъ двѣ послѣ «заручинъ» (такъ называются смотрины невѣсты) бываютъ «змовыни».

Женихъ беретъ съ собою человѣкъ 6—10 пріятелей (такъ-называемыхъ «змовынниківъ») и отправляется съ ними въ домъ невѣсты. Туда же приходятъ родители жениха и «дружба» (послѣдній привозитъ боченокъ водки, купленный на счетъ жениха). Родители невѣсты встрѣчаютъ гостей на порогѣ и обмѣниваются съ ними обычными привѣтствіями и любезностями.

Невѣста въ это время занимается своимъ туалетомъ въ коморѣ.

Гостямъ предлагаютъ хлѣбъ-соль и начинаютъ раздавать подарки: отцу жениха—полотно на рубашку, матери—цолотенце, перевязанное яркой лентой, жениху и дружбѣ—платки, остальнымъ «змовынникамъ»—куски полотна. Каждый, получившій подарокъ, тутъ же и платитъ за него.

Послѣ раздачи подачи подарковъ «дружба» спрашиваетъ о невѣстѣ, удивляется ея отсутствію и даже сомнѣвается въ ея существованіи.

Родители отвѣчаютъ, что она въ «коморѣ» и предлагаютъ «дружбѣ» поискать ее тамъ. Дружба уходитъ въ «комору» и выводитъ оттуда дѣвушку (за руку). Дѣвушка привѣтствуетъ гостей, цѣлуетъ руки у отца и матери жениха и садится въ уголкѣ за печкой. «Дружба» или отецъ жениха ставятъ на столъ привезенную водку и начинаются «могоричі». Является доморощенный «музыка» съ скрипкой и «бубномъ» и открываются танцы.

Танцы начинаются такъ-называемымъ «затанцёваннемъ», состоящимъ въ слѣдующемъ: родители невѣсты берутъ со стола хлѣбъ подъ мышку, стаютъ другъ противъ друга и, притоптывая, кружатся по избѣ.

Присутствующіе, за исключеніемъ жениха и невѣсты, поютъ:

«Висилыся, висилыся, господарська голова (два раза),
Висилися ў вэсь рідъ,

ОТДѢЛЪ II.

Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ.

(Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любомля).

Говоръ.

1) «А» послѣ ж, ч, ш и щ=«е» (какъ въ словѣ «дерево»): жеба, чейка, шейка, щесте.

2) «А» вмѣсто (неударяемаго) «о»: палямаръ, хадзяјинъ, гарачій, багато.

3) «О» вмѣсто (неударяемаго) «А»: Олэкса, Оксэня, батько, дедько, батюшко, Сиргійко, Срулько, Бэрко, робота, робітныкъ.

4) «е» вмѣсто (ударяемаго) «я»: дедько, пъеть, коне, мнесо, мнета, пъєдесетка.

5) «О» вмѣсто «е»: Олэна, Омылянъ, тобі собі, жовчъ, жовтый, жолуді, чоловікъ, шостый, щока.

6) «І» вмѣсто «О»: кінь, вілъ, вінъ, мій, твій, свій (спорадич. «о»=«ы»: ныжъ, ныжка, нысъ).

7) «І» вмѣсто «ѣ» и «е»: бісъ, лісъ, білый, бідный, літо, пічъ, мідъ, шість, сімъ, вісімъ.

8) «е» вмѣсто «ье» и «іе»: зільле, камінньє, корінньє, вчінньє, жытьте (спорадич.=«я»: висілля).

9) Пропускъ гласныхъ! Кулына, щэ, хтіты, хтівъ, граты, гра.

10) «Дж» вмѣсто «ж»: сыджу, ходжу, саджа, оджугъ, пріјізджаты.

11) «г»=h.

12) «в» вмѣсто «у»: вчуся, вмываюся, вкравъ, вжэ, вмію.

13) «Ш» вмѣсто «С»: шебля, шкорлупа.

14) Придыханіе «в» и «г»: вулыця, вудудъ, вінъ, вона, гиндыкъ, гынишъ.

15) «Р» твердо: царъ, вичэра, кручокъ.

16) «Ц» мягко: бъеця, сварыця, старця, яйця.

17) Нѣтъ эвфоническаго «й» въ: пішовъ, пришовъ, пріпшлы, пішлы.

18) «У» вмѣсто «о» въ окончаніи «оваты»: купуваты, почуваты, торгуваты, працюваты.

19) Спорадич. эвфоническое «н» въ: «нёму», «нёго», «нимъ».

20) «В» вмѣсто «л»: вовкъ, любывъ, бувъ.

21) «Хв.» вмѣсто «ф»: Хвэдоръ, хвіртка, хвасоля (спорадич.).

22) Эвфоническое «н» въ: мнесо, мнета, мнекій (ср. польск mięso, mięta, miękki).

23) «Х» вмѣсто «к»: хто, хрэстъ, хрістыты.

Примѣч. Наше «и»=средній звукъ между «э» и «ы».
» «ы»=средній между «ы» и «и» (і).
» «є»=je.

Образцы склоненій и спряженій.

И.	Чоловікъ.	Кінь.	Ко̀ні.	Мужыкѐ.	Рука̀.	Рукі.
Р.	Чоловіка.	Конє́.	Ко̀ній.	Мужыківъ.	Рукє́.	Рукъ.
Д.	Чоловіковы.	Конэ̀вы.	Ко̀немъ.	Мужыкамъ.	Руці.	Рукамъ.
В.	Чоловіка.	Конє́.	Ко̀ні.	Мужыківъ.	Ру̀ку.	Ру̀кі.
Т.	Чоловікомъ.	Конэ̀мъ.	Кіньмы̀.	Мужыкамы.	Руко̀ю.	Рука̀мы.
П.	Чоловіковы.	Конэ̀вы̀.	Ко̀няхъ.	Мужыкахъ.	Ру̀ці.	Рука̀хъ.

И.	Маты̀.	О́ко.	Матирі.	О́чи.	Свыня̀.	Свы̀ні.
Р.	Ма̀тира.	О́ка.	Матирэ̀й (івъ).	Очи́й.	Свыні.	Свыни̇́й.
Д.	Ма̀тирі.	О́ковы.	Матира̀мъ.	О́чамъ.	Свыні.	Свы̀нямъ.
В.	Ма̀тира.	О́ко.	Матирэ̀й.	О́чи.	Свыню̀.	Свыни̇́й, свы̀ні.
Т.	Ма̀тирою.	О́комъ.	Матира̀мы̀.	Очи̇́ма.	Свынє́ю.	Свыньмы̀.
П.	Ма̀тирі.	О́ковы, оці.	Матира̀хъ,	О́чахъ.	Свыні.	Свыняхъ.

И.	Кны̀жка.	Кныжкє́.	Чо̀рный,	чорна,	чо̀рни.	Мн. ч.	Чо̀рны̀.
Р.	Кны̀жкі.	Кныжо̀къ.	Чо̀рного,	чо̀рниjі,	чо̀рного.		Чо̀рны̀хъ.
Д.	Кны̀жці.	Кныжка̀мъ.	Чо̀рному,	чо̀рны,	чо̀рному.		Чо̀рны̀мъ.
В.	Кны̀жку.	Кныжкє́.	Чо̀рного,	чорну,	чо̀рни.		Чо̀рны̀хъ.
Т.	Кны̀жкою.	Кныжка̀мы.	Чо̀рны̀мъ,	чо̀рныю,	чорнымъ.		Чо̀рнымы̀.
П.	Кны̀жці.	Кныжка̀хъ.	Чорному,	чо̀рны̀,	чо̀рному.		Чо̀рны̀хъ.

И.	Сы̀ній, сыня, сы̀нє	Мн. ч.	Сы̀ні.
Р.	Сы̀нёго, сы̀нєjі, сы̀нёго		Сы̀ніхъ.
Д.	Сынему, сы̀ні, сынёму.		Сы̀німъ.
В.	Сы̀нёго, сы̀ню, сы̀нє.		Сы̀ніхъ, сыні.
Т.	Сы̀німъ, сы̀нєю, сы̀німъ.		Сыні̇мы.
П.	Сы̀нёму, сы̀ні, сы̀нёму.		Сы̀ніхъ.

И.	То̀й, та̀я, тэ̀є.	Мн. ч.	ты̀jі.
Р.	Того, тэ̀jі, того.		ты̀хъ.
Д.	Тому, ты, тому.		тымъ.
В.	Того, тую, тэ̀є.		тыхъ.
Т.	Тымъ, тэ̀ю, ты̀мъ.		ты̀мы.
П.	Тому, ты̀, тому.		ты̀хъ.

И.	Мій, моя̀, моє́,	Мн. ч.	Моjі́.
Р.	Мо̀го, мэ̀jі, мого.		Моjіхъ.
Д.	Мо̀му, моjі́, мому, моє́му:		Моjімъ.
В.	Мо̀го, мою̀, моє́.		Моjіхъ, моjі́.
Т.	Моjімъ, моє́ю, моjімъ.		Моjімы.
П.	Моє́му, мо̀му, моjі, мэ̀jі, мому.		Моjіхъ.

Я, ты, вінъ. Минэ̀, тибэ̀, ёго. Мині, тобі́, ёму. Минэ̀, тибэ̀, ёго. Мною, тобою, jімъ. Мині, мні, тобі́, ёму, нёму. Мы, насъ, намъ, намы, насъ Вы, васъ, вамъ, вамы̀, васъ. Воны̀, jіхъ, jімъ, jімы, jіхъ.

1) Неопред. накл. буты̀ (= быть).

1 л.	Я є́,	— мы	є, єсть.
2 »	— є́,	— вы	—
3 »	— є, єсть,	воны̀	—

Прош. вр. бувъ, була, було—булы.

Буд. вр. буду, бу̀димо, — мъ, будишъ, бу̀дитэ, бу̀ди, бу̀дуть.

Повел: накл. Будь, бу̀дьти, будьмо.

2) Неопр. накл. jісты̀.

Изъяв. накл. 1. jімъ, jімо̀.
2. jісы̀, jістэ̀.
3. jість, jідять.

Прош. вр. 1—3. jівъ, jіла, jіли.
Буд. вр. Буду jістѝ и т. д. Бу̀димъ jістѝ.
Пов. накл. jіжъ, jіжти, jіжмо.
Сослагат. накл. jівъ бы, jіла бъ, jілѝ бъ.
Неопр. накл. любѝтѝ.
Изъяв. накл. люблю̀, лю̀бѝмъ, любѝмо, лю̀бишъ, лю̀бити, лю̀бѝть, лю̀блять.
Прош. вр. любѝвъ, любѝла, любыло, любѝлѝ.
Буд. вр. буду любѝтѝ, полюблю̀.
Пов. накл. любѝ, любітъ, любімо.
Сосл. накл. любѝвъ бы, любыла бъ.

4) Неопр. накл. ѝтѝ (= идти).
Наст. вр. ѝду, ѝдэ̀мъ, ѝдэмо, ѝдэ̀шъ, ѝдэти, ѝдэ̀, ѝдуть.
Прош. вр. ѝшо̀въ, ѝшла̀, ѝшло̀, ѝшлѝ.
Буд. вр. піду, підэмъ, підэмо, підэ̀шъ, підэти, підэ̀, піду̀ть.
Пов. накл. ѝдѝ, ѝдітъ, ѝдімъ, ѝдімо.
Неопр. накл. вмыва̀тѝся.
Наст. вр. вмываю я, вмываjімся, вмываjімось, вмыва̀jіся, вмыва̀jітѝсь, вмыва̀еця. вмыва̀юця.
Прош. вр. вмывався, вмывалась (л), вмывалѝсь, вмыва̀юсь (л).
Буд. вр. вмыюся, буду вмыва̀тѝсь (л).
Пов. накл. вмыва̀йся, вмыйся, вмыймося, вмыйтысь.
Сосл. накл. вмывся бъ, вмылась бы.

Иностранныя слова, употребляемыя крестьянами с. Косница Владиміръ-Волынскаго уѣзда.

Бле́ха=błacha, Blech.
Цыбуля=cebula, Zwiebel.
Чэ̀г (=h)ла=cegła, Ziegel.
Дахъ=dach, Dach.
Друкъ=druk, Druck.
Дрітъ=drot, Draht.
Фальшъ=fałsz, Falsch.
Фарба=farba, Farbe.
Хвартухъ=fartuch, Vortuch.
Фіранка=firanka, Vorhang.
Фурманъ=furman, Fuhrmann.
Г (=G)анокъ=ganek. Gang.
Гарбаръ=garbarz, Gerber.
Г (=G)атунокъ=gatunek, Gattung.
Г (=Ge)рунтъ=Grunt, Grund.
Гакъ=hak, Hacke.
Гамуваты=hamować, hemmen.
Гэндиль=handel, Handel.
Ялмужнэ=jałmuzna, Almosen.
Коштуваты=kosztować.
Куфиръ=kufir.
Лійці=lejce, Leitseil.
Ліхтаръ=lichtarz, Leuchter.
Ладнуваты=ladować, laden.
Маляръ=malarz, Maler.
Муръ=mur, Mauer.
Муштра=musztra, Musterung.
Нырка=nerka, Niere.
Обцасъ=Absatz.
Офѝра=Opfer, ofiara.
Пакуваты=pakować, packen.
Пэндзэль=pendzel, Pinsel.
Пляцъ=plac, Platz.
Рахунокъ=rachunek, Rechnung.
Рэшта=reszta. Rest.
Рыштуваньнє=Rüstung.
Смакъ=Schmack, smak.
Смалиць=smalec, Schmalz.
Шрітъ=Schrot, szrot.
Шануваньнэ=szanować, szacunek.
Шкода=szkoda.
Шнуръ=sznur, Schnur.
Шпихіръ=szpichlerz, Speicher.
Шваг(=g)єръ=szwagier, Schwager.
Шѝнкъ=szynk, Schank.
Шѝнка=szynka, Schinken.

Пословицы и поговорки,

употребляемыя крестьянами с. Косница, Владиміръ-Волынскаго уѣзда.

1. На Тобі, Бо̀жи, що мині ни го̀жи.
2. Ляхъ, жыдъ і соба̀ка-то віра јідна̀ка.
3. Ни Бо́говы̀ свічка, ни чо̀ртовы̀ о̀джугъ.
4. Бизъ попа̀ ни бу̀ди й снопа.
5. Дэ чортъ ни змо̀жи, тамъ баба допомо̀жи.
6. Моя ха̀та зъ краю—я ны̀чого ни знаю.
7. Наду̀вся якъ сычъ.
8. Баба зъ воза—ко̀нямъ лэ̀гши.
9. Ни такє́й чортъ страшный, якъ ёго малю̀ють.
10. Јіжъ, ду̀рню, бо то зъ макомъ.
11. Танцюва̀ла рыба зъ ракомъ, а питру̀шка зъ постирна̀комъ.
12. Ни дай, Божи, зъ хама (Јівана) пана.
13. Пусты̀ свыню підъ стылъ—захочи й̀ на сты̀лъ.
14. На горо̀ді гарбу̀за, а въ Кє́ёві дє́дько.
15. Проминя̀въ шы̀ло на швайку.
16. Ни ма̀ла баба клопоту—купыла поросє́.
17. Носыця якъ дурный зъ ступою.
18. Носыця якъ кітъ зъ саломъ.
19 Выгравъ якъ Забло̀цькій на мыдлі.
20. Выгравъ дудку на костэ̀лі.
21. Злізь зъ даху, ни псуй г(=є)онтъ.
22. До свято̀го Духа ни скіда̀й кожу̀ха.
23. Обы̀йдиця цыга̀ньскє висільлє й̀ бэзъ марцыпа̀нывъ.
24. Абы болото, а жє́ба найдиця.
25. Якє́й панъ, такє́й ёго й крамъ.
26. Сватовы̀ пэрша чарка, пэрша й палка.
27. Смирдєчій якъ вудудъ.
28. Хто ни пъє до дна, той ны зычіть и добра.
29. Послі насъ ни буди насъ.
30. Хто пізно ходыть, той самъ собі шкодыть.
31. Такє́й парубокъ якъ зъ клочча батыгъ.
32. Хто ко̀рчму минає, той щєстя ни має.
33. Баба чирэвата—мужыковы̀ втрата.
34. Хто рано встає́, тому Богъ дає́.
35. Въ нёго сімъ пъє́тныць на ниділю.
36. До Дмытра й дівка хє́тра, а по Дмытрі хоть коминъ вытры.
37. Такъ йдэ (=прістало), якъ до̀ свыні ярмо, до коровы̀ сідло.
38. Въ гурті каша јісьця.
39. Сидыть якъ квочка на яйцяхъ.
40. Трасэця якъ жыдъ на купі.
41. Бігає якъ всраный по єрмарці.
42. Скачы, вражи, якъ панъ кажи.
43. Сільськє ды̀тє́—що міськє тылє́.
44. Бодай такъ сова світъ бачы̀ла, якъ тому правда.
45. Така̀ тому правда, якъ вошъ ка̀шляє.
46. Круты-ни-вирты, а трэба вмирты.
47. Тамъ до̀бри, дэ насъ нима.
48. Дэ посіјішъ, тамъ вродиця.
49. Сыдыть якъ гріхъ на души.

50. Дурный піпъ тибэ хрістывъ.
51. Маjіця, якъ горохъ прьі дорозі: хто йдэ, той и скубэ.
52. Кому що, а курці просо.
53. Кому, кому, а куцому достаниця.
54. Кому що, а дівці парубокъ.
55. Два бъєця—трэтій ни лізь.
56. Якъ jість, такъ й робыть.
57. Яка праця—така й плата.
58. Пъяный якъ швэць.
59. Розӯмный якъ Соломоновы папуці.
60. Розӯмный якъ Бэрковы штаньі.
61. Якъ постилывся, такъ і выспався.
62. Правдывый якъ цыганъ.
63. Найліпши житы-поповы да котовы.
64. Якъ панъ схочи, то мужьіка обморочи.
65. Въ твій дэнь, Андрію (є), дівка чаміє.
66. Дэ жидьівка, тамъ й горілка.
67. Рада бъ душа въ рай, да гріхє ни пускають.
68. Ньіхто собі ни вдрігъ.
69. Розумэнъ ляхъ по шкоді: якъ коні вкралы, то стойню замкнувъ.
70. Ни будь вродлыва, а щаслыва.
71. Обицявся панъ кожуха, да й слово его тэпли.
72. Оглядівся якъ наjівся.
73. Ни віръ губі, положьі на зубы.
74. Ни рыба, ни мнєсо.
75. Наjівся, ажъ лобъ твэрдый.
76. Наjівся, якъ бідный на вилыкдинь.
77. Одэжы, що на ёму, а хліба, що въ нёму.
78. Ни вилыкє дыво, що въ пана жінка гарна.
79. Сухєй, якъ хортъ, и хєтрый, якъ чортъ.
80. Старэ—якъ малэ: що бачыть, тэ й тарабачыть.
81. Хапаје (і) ця якъ жыдъ молотытьі.
82. Свыні ни до поросеть, колы свыню смалять.
83. Такєй г(=g) осподаръ, якъ сє клочча батыгъ.
84. Такєй г(=g)осподаръ, якъ съ г(=g)умна кӯля.
85. Дурнямъ щєстє визэ.
86. Захтілося, якъ дитыньі цыцькі.
87. Така гарна, якъ свыня въ дощъ.
88. Тьілько правды—якъ въ ришьіті воды.
89. Тішиця, якъ Юдка пэйсамы.
90. Тры паны—jідны штаны.
91. Попавъ пальцимъ въ нэбо.
92. Якъ тривога, то и до Бога.
93. Кому й можно, а тобі зась.
94. На Юръя, якъ ракъ свысни, морэ высхни.
95. Гиндыкъ думавъ, думавъ, та й здохъ.
96. Выдно пана по холєвамъ.
97. Що добрэ, то того трошкі.
98. Око бачыть, да (та) зубъ ни ймэ.
99. Обдє—рабдє.
100. Яка мама, така й доня.
101. Що въ твирэзого на вмі, тэ въ пъяного на языці.
102. Зъ его помочі, якъ зъ быка молока.
103. Кому скрутыця, а куцому змэлыця.
104. Що посіjішъ, тэ й зожнэшъ.

105. Прылiпъ якъ пчола до мэду.
106. Дэ йдэ, всюды носа тычи.
107. На Бога надiйся, а самъ розумъ май.
108. Москалёвы штукi наробылы мукi.
109. Москаль захочи, то й чорта обморочи.
110. Дэ двоэ цилуюця, трэтiй губъ ни протягай.

Пѣсни,

записанныя въ томъ же селѣ.

«Зайды, мiсяць, зайды, красни сонцэ, щэ й до того ясная зира.
Ой, пыши лысты той король Французькiй до нашого бiлого царя.
Оддай, оддай, Олэксэндэръ, зэмлю, да щэ й впрочимъ тыji города.
Якъ ни оддашъ, будимъ воюваты, будимъ быты прамо на тэбэ.
Ой, затурывся, да й зачипурывся Олэксэндэръ, той батюшка нашъ.
Ой, обыбрався йенэралъ Кутузовъ.
Ни журыся ты, батюшка нашъ,
Ой, пiддай вiсько пiдъ вылыку сылу,
Можэ мы щэ й оборонымся.
Ой, була умна, тылько ни розумна французька йедна голова:
Ой, зловыла въ чистымъ полi орла, ни вырвала й жадного пира».

«Ой, надъ моримъ глубокiмъ
Стоить яворъ высокiй.
Охъ, охъ, охохой, стоить яворъ высокiй.
А пiдъ тымъ яворомъ стоять столы дубовы.
Охъ, охъ, охохой, стоять столы дубовы.
А за тыми столамы сидять паны радамы.
Охъ, охъ, охохой, сыдять паны радамы.
Радять раду зъ войтамы.
Охъ, охъ, охохой радять раду зъ войтамы.
Кого, соцько, въ солдаты взять?
Ой, ны биры въ богача:
Буди панамъ докучать
Охъ, охъ, охохой, буди панамъ докучать.
Въ кого, соцько, сыновъ пьять?
То тамъ, соцько, ни вылять,
Охъ, охъ, охохой, то тамъ соцько, ни вилять...
Въ кого, соцько, сыновъ тры,
То тамъ, соцько, ни биры.
Охъ, охъ, охохой . . . .
А въ вдовы сынъ одынъ,
То й той пiди пiдъ аршынъ.

Ныма батька, ныма маткі,
Нима кому плакаткі,
Ныма брата, ни систры,
Нима кому провисты,
Е у мэнэ дівчына,
Зъ чорными очыма.
Тая мэнэ провидэ;
Тая по мні заплачэ,
Охъ, охъ, охохой, тая по мні заплачэ».

«Прјіхала рітирія Конёвського пана.
Молодая бондарівна въ ратуші гуляла.
Въ славнымъ місті, у Славуті, ходять дівкѐ пöлкомъ;
Молодая бондарівна всэнькімъ въ пирэшкоді.
Задрыжала сыра зэмля на новому дворі,
Якъ прјіхавъ панъ Канёвській на воронымъ коні.
Ой, йякъ крыкнувъ панъ Канёвській:
«Здыймайти сидэлцэ,
Тамъ гуляе бондарівна:
Дрыжыть мое сэрцэ.
Ой, ни вспівъ щэ панъ Канёвській изъ сидэльця встаты,
Якъ ужэ вспівъ бондарівні всю правду сказаты.
Чі выліся, бондарівно, въ могылі лыжаты.
Чі выліся, молодая, въ карэті јіхаты;
Чі выліся, бондарівно, въ сырі зимлі гныты,
Чі выліся, молодая, мэдъ й вино пыты?
Ой, вылюся, мій панойку, въ могылі лыжаты,
Нижъ съ тобою, вражымъ сыномъ, въ карэті јіхаты;
Ой, вылюся, мій панойку, въ сырі зимлі гныты
Нижъ съ тобою, вражымъ сыномъ, мэдъ й выно пыты.
«Ой, йякъ крыкнувъ панъ Каневській: заражайти ружа;
Ой, та й дайти бондарівні въ сэрдэйко стружа.
Ой, казалы, говорылы старэнькіі люди:
Втыкай, втыкай, бондарівно, лыхо тобі буди.
Ой, втыкала бондарівна по—задомамы,
А за нэю жандарыкі зъ голыми шаблямы.
Постый, постый, бондарівно, щось мы тобі скажимъ,
Ой, якъ твою білу ручку съ Канёвською звяжимъ.
Ой, якъ крыкнувъ панъ Канёвській: луша по-за-лушу,
То й оддала бондарівна пану Богу душу.
Ой, ў полю пшаничэйка,
Та й щэ зилэнэйка;
Панъ Канёвській й бондарівна,
Та й щэ й молодэйка.
Ой, ў полі пшаничэйка, та й щэ ни часъ жаты,
Панъ Канёвській й бондарівна,
Ни часъ рукъ везаты.
Якъ выјіхавъ панъ Канёвській на высокі горы,
Вдорылы по бондарівні во всі штырі звоны.
Вызлы еjі шість коныківъ, якъ різныjі звірі,
Нислы свічі духовыі ў вся громадойка.
Ой, якъ внэслы бондарівну до тэмного ложа,
Закраснілысь парубчакі, якъ чэрвона рожа...

Разъ прijiхавъ панъ Канёвській до бондара на двiръ,
«Выйды, выйды, старый бондаръ, дай воды напытысь (два раза);
Якъ хорошу дочку маjiшъ, дай хоть подывытысь.
Ой, хороша, мiй панойку, краша, нижъ мэрэшка,
Куды вэзлы дочку мою,—крiвавная стэшка.
Яко бы твоя бондарiвна гынчэ поступыла,
Ой, то бъ можэ рiкъ, а бо два въ корэтi jiхала...
Ой, якъ сказавъ панъ Каневській бондара зазваты.
Козавъ ёму изъ стаенкi сто коныкiвъ даты.
Ой, вылюся, мiй панойку, самъ хлiбъ заробляты,
Нижъ за свою дытыночку таку плату браты»...

№ 1. Ой, въ саду, въ саду вышня стояла.
Гэй, рождество, вышня стояла.
Съ тэjі вышэнькi искорка впала,
Съ тэjі искоркi рiчэйка стала.
Гей, рождество, рiчэйка стала.
Въ тий рiчийцi Господь купався,
Гей, рождество, Господь купався.
Выкупався, на пристанi сiвъ,
Гэй, рождество, на пристанi сiвъ.
На пристанi сiвъ, вiстi розыславъ,
Гэй, рождество, вiстi розыславъ.
Розыславъ вiстi до господара,
Гэй, рождество, до господара.
Господарiку, сподывайся гостий,
Гей, рождество, сподывайся гостий.
Застилай столы, накладай хлiба, наливай вына.
Сподывайся въ гостi самого Бога съ янголятамы,
Щэ й Jiсуса Христа на кiнэць стола».

№ 2. «Присвятая Дiва, дэ Христа подiла?
Занисла Христа въ густыi жита.
Прiшлы жiдята Дiвы пытаты:
Дэ Хрэстъ подiла?
Занисла Христа въ яру пшиныцю.
Пiшлы жiдята Христа шукаты,
Христа ни нашлы,
Сталы Дiвы пытаты:
Дэ Хрэстъ подiла?
Занысла Христа въ зилэный ячмiнь.
Пiшлы жiдята Христа шукаты,
Христа не нашлы.
Присвятая Дiва, дэ Христа подiла?
Занысла Христа въ зилэну траву,
Гэй, святый вэчуръ, въ зилэну траву.
Прiшлы жiдята Дiвы пытаты:
Дэ Христа подiла.
Гэй, святый вэчуръ, дэ Христа подiла.
Занысла Христа въ высокi лiса.
Пiшлы жiдята Христа шукаты,
Христа ни найшлы.
Присвятая Дiва, дэ Христа подiла?
Занысла Христа въ камiнны горы,

Гэй, святый вэчуръ, въ камінны горы.
Пішлы жідята Христа шукаты,
Христа ни нашлы.
Бо Хрэстъ ў Божіимъ дому.
Камінны горы розбылы и жідывъ побылы.
Гэй, святый вэчуръ, жідывъ побылы».

№ 3. «На Јордані тыха вода стояла,
Тамъ Божая Маты свого сына купала.
Выкупавші, въ біли пэлюшкі вповывала,
А вповывші, въ яслычка вложыла.
Надъ Дитяткомъ штыри волы пахало,
А на зоходъ сонця тры крулі зъїхало.
Пэршій круль щастемъ—здоровьемъ даровавъ,
Другій круль мыромъ—кадыломъ мировавъ,
А трэтій круль золотую квітку въ ручку давъ.
Ой, квіту мій, квіту жаданый,
А тая квітка отъ Господа Бога прислана».

Крестьянская свадьба въ селѣ Коснище.

Свадьбы у инашихъ крестьянъ бываютъ—большею частью—осенью или въ «мясныці», т. е. въ промежутокъ времени отъ Святокъ до Масляницы, лѣтомъ и весною свадьба—очень рѣдкое явленіе.

Осень, когда кончены всѣ трудныя полевыя работы, самое удобное время для свадебныхъ празднествъ, продолжающихся неменѣе дней трехъ.

(Свадьба служитъ для нашего мужичка развлеченіемъ въ его сѣренькой, однообразной жизни, а потому и неудивительно, что онъ затягиваетъ ее какъ можно дольше различными церемоніями. Крестьянскія дѣвушки выходятъ замужъ 15½—17 лѣтъ (дѣвушка, переступившая 20-лѣтній возрастъ, считается уже старою дѣвою, но это впрочемъ бываетъ очень рѣдко), а парни женятся въ 17½—18.

Инициатива въ дѣлѣ женитьбы принадлежитъ родителямъ жениха.

Какъ только родители порѣшатъ женить сына, они начинаютъ разными окольными путями разузнавать о подходящихъ невѣстахъ.

Парень-женихъ не принимаетъ въ этихъ розыскахъ никакого участія и вообще—относится къ нимъ довольно равнодушно.

Обыкновенно, на вопросъ родителей, къ которой изъ знакомыхъ дѣвушекъ онъ желалъ бы «заслати сватывъ», сынъ отвѣчаетъ: «а огонь йіхъ знâе, къ котри хочити (э), къ ти посылайти». Впрочемъ, когда родители предлагаютъ сыну невѣсту, положительно ему не нравящуюся, получается отвѣтъ: «то сватайтися, колы вамъ такъ хочиця, а бо я васъ впыняю, а я можэ й ни піду туда»... Разумѣется, въ другомъ случаѣ—сынъ получилъ бы за такой непочтительный отвѣтъ изрядную головомойку, но въ данныхъ обстоятельствахъ родители все прощаютъ... Если укажутъ парню на такую дѣвушку, которая ему нравится, онъ ограничивается гробовымъ молчаніемъ. (Послѣднее считается необходимою формальностью, которую нарушаютъ очень рѣдко). Порѣшивъ на выборѣ невѣсты, родители жениха идутъ къ родителямъ невѣсты спросить, согласны ли тѣ принять «сватывъ». Если отвѣтъ получится утвердительный, то чрезъ недѣлю или двѣ засылаютъ оффиціальныхъ «сватывъ» («дружба», родственникъ жениха, почтенныхъ лѣтъ, и самъ женихъ). Въ назначенный для пріема «сватывъ» вечеръ—

въ домѣ невѣсты ранѣе обыкновеннаго ложатся спать, чтобы показать, что тамъ ничего не знаютъ и не подозрѣваютъ о предполагаемомъ сватаньи.

Позднимъ вечеромъ раздается стукъ въ окошко. Встаютъ, зажигаютъ огонь, отпираютъ дверь и спрашиваютъ: «а хто тамъ стугоныть?».

Въ хату входитъ одинъ «дружба», а женихъ остается подъ окошкомъ, чтобы поглядѣть на невѣсту, котороя при его входѣ въ избу скроется въ «комору» (кладовую). Невѣста, зная, что на нее смотритъ критическое око жениха, старается всячески хлопотать по хозяйству, чтобы показаться «працёвытою» (работящею) дівкою.

«Дружба», посидѣвъ въ хатѣ нѣкоторое время и потолковавъ о томъ, о семъ, не имѣющемъ отношенія къ цѣли его прихода, выходитъ изъ избы для переговоровъ съ женихомъ, оставивъ на столѣ свою шапку (высокую сѣрую барашковую).

Если жениху дѣвушка не понравилась, дружба возвращается въ хату одинъ и, высказавъ сожалѣніе по этому поводу, беретъ шапку, прощается и уходитъ. Если же дѣвушка оказалась «до сподобы» (понравилась), парень входитъ вмѣстѣ съ дружбою въ хату и привѣтствуетъ хозяевъ обычнымъ «вытайти (э) жъ до насъ». Невѣста въ это время уходитъ въ «комору» и сидитъ тамъ, пока «дружба» не спроситъ объ ней. Тогда отецъ или мать идутъ въ «комору» и выводятъ оттуда невѣсту, успѣвшую уже нарядиться.

Дружба начинаетъ расхваливать невѣсту и намекать на «могорычъ».

На столѣ является водка и приличная закуска. Приходитъ «сваха» (родственница невѣсты), даетъ жениху кольцо и повязываетъ ему на шею красную ленту, приговаривая: «посылае вамъ красная панна подарочокъ, за наши (=э) малэньке, ваши (=э) вилике, за нашъ подарочокъ, вашъ оддарочокъ»; съ такими же словами она подходитъ къ «дружбѣ» и даритъ ему красный платокъ. Какъ женихъ, такъ и дружба должны заплатить за подарки (1 р., 50 к., 30 к.).

Послѣ раздачи подарковъ пьютъ «могорычъ». Женихъ наливаетъ рюмку водки и, обратившись къ невѣстѣ со словами «бувай здорова», выпиваетъ, тоже дѣлаетъ и невѣста, обращаясь къ жениху (этикетъ впрочемъ, не позволяетъ невѣстѣ пить вина, она должна дѣлать только видъ, что пьетъ). Во время «могорыча» назначаютъ день «змовынъ» (сговора) и свадьбы. «Могорычъ» пьютъ до разсвѣта. Недѣли чрезъ двѣ послѣ «заручинъ» (такъ называются смотрины невѣсты) бываютъ «змовыни».

Женихъ беретъ съ собою человѣкъ 6—10 пріятелей (такъ-называемыхъ «змовынникiвъ») и отправляется съ ними въ домъ невѣсты. Туда же приходятъ родители жениха и «дружба» (послѣдній привозитъ боченокъ водки, купленный на счетъ жениха). Родители невѣсты встрѣчаютъ гостей на порогѣ и обмѣниваются съ ними обычными привѣтствіями и любезностями.

Невѣста въ это время занимается своимъ туалетомъ въ коморѣ.

Гостямъ предлагаютъ хлѣбъ-соль и начинаютъ раздавать подарки: отцу жениха— полотно на рубашку, матери—полотенце, перевязанное яркой лентой, жениху и дружбѣ— платки, остальнымъ «змовынникамъ»—куски полотна. Каждый, получившій подарокъ, тутъ же и платитъ за него.

Послѣ раздачи подачи подарковъ «дружба» спрашиваетъ о невѣстѣ, удивляется ея отсутствію и даже сомнѣвается въ ея существованіи.

Родители отвѣчаютъ, что она въ «коморѣ» и предлагаютъ «дружбѣ» поискать ее тамъ. Дружба уходитъ въ «комору» и выводитъ оттуда дѣвушку (за руку). Дѣвушка привѣтствуетъ гостей, цѣлуетъ руки у отца и матери жениха и садится въ уголкѣ за печкой. «Дружба» или отецъ жениха ставятъ на столъ привезенную водку и начинаются «могоричі». Является доморощенный «музыка» съ скрипкой и «бубномъ» и открываются танцы.

Танцы начинаются такъ-называемымъ «затанцёваннемъ», состоящимъ въ слѣдующемъ: родители невѣсты берутъ со стола хлѣбъ подъ мышку, стаютъ другъ противъ друга и, притоптывая, кружатся по избѣ.

Присутствующіе, за исключеніемъ жениха и невѣсты, поютъ:

«Висилыся, висилыся, господарська голова (два раза),
Висилися ў вэсь рідъ,

Батько, мати навпэрідъ.
Висилыся, висилыся, господарська голова!
Висилыся за того,
Нижъ (имя невѣсты) ёго».

Послѣ «затанцёвання» танцують всѣ безъ разбору.
Когда танцують женихъ съ невѣстой, гости поютъ:

№ 1. «Ни сичы, ни рубы зеленого дуба,
Було ни любыты, колы я ни люба.
Ны сичы, ни рубай зилэныі вышні,
Було ни свататы, колы ни до мыслі».

№ 2. «Ой, ў саду вышня,
Чомужъ ны чирэшня,
Кохалыся, любылися,
Чомужъ ны бирэшъ?
Кохалыся, любылися,
Якъ малыі діти,
Ни дай, Боже, розыйтыся,
Якъ хмаройкі въ літи.
Якъ хмаройкі розыйдуця,
То дощу ны буди;
А якъ мы жъ розыйдимся,
Ни славойка буди».

№ 3. «Чирэзъ річэньку, чирэзъ болото,
Подай ручэньку, мое золото.
Ді (и) вуню, дивуню, мое малёванне,
Выйівъ бы я тибэ, якъ твое сніданне,
Я твое сніданне ў кішэні ношу,
За тибэ, дивуню, пана-Бога прошу.
Дивуню, дивуню, мое малеванне,
Подай мині ручэньку чи(э)резъ дылюванне!
Подай мні ручэньку, подай другую,
Подай біли лычко, нихъ я поцилую».

№ 4. «Соха въ зимлі, волы въ ярмі,
А молодому козакови дівчина на ўмі.
І ни пывъ бы я и ни йівъ бы я,
Штырі мылі до дівчыни полытівъ бы я.
Ни чисалася, ни вмывалася
Молодому козакови сподобалася,
И ни чэсана я и ни вмывана я,
Молодому козакови люба-мыла я».

№ 5. «Ни стий підъ окномъ,
Ни махай рукавомъ!
Якъ мні выйди пора,—
То я выйду сама;
Якъ мні выйди той часъ,
То я выйду до васъ».

Танцы, пѣсни и попойка продолжаются до самаго разсвѣта.

Когда вся водка выпита, закуска съѣдена, уставшіе гости прощаются и уходятъ. Невѣста (вмѣстѣ съ подругами) провожаетъ жениха до воротъ, за что получаетъ отъ него извѣстную плату (напр. коп. 20—40).

Недѣли чрезъ двѣ-три послѣ «змовинъ» бываетъ самый бракъ.

Наканунѣ брака невѣста съ «дружками» и женихъ съ «дружкомъ-прошакомъ» ходятъ по домамъ просить благословенія. Прежде всего идутъ къ священнику, а потомъ—къ близкимъ родственникамъ и знакомымъ.

Невѣста ходитъ очень нарядною: въ лучшемъ платьѣ, съ распущенными волосами и пышнымъ вѣнкомъ на головѣ.

Буравокъ	Кузовъ.
Бурлить	Бранить.
Буркалы	Глаза.
Буркалить и буркать . .	Праздно глядѣть на что либо; глазѣть.
Буня	Гордецъ, чванъ.
Бучàло	Водоворотъ.
Бучѝло	Мѣсто внизу мельничныхъ колесъ.
Быть	Да, конечно [1]).
Бѣлàга	Балахонъ, кафтанъ. У крестьянъ мещерской стороны.
Бѣшкомъ	Босикомъ.
Вàшка	Овца.

В.

Важно	На фуфу поддѣть, обмануть, надуть кого, подхитрить надъ кѣмъ.
Вазлѣ [3])	Подлѣ.
Валачить	Бороновать землю. Валыкъ, валдыга... гуляка, своевольникъ.
Валенецъ	Ситный хлѣбъ, папушникъ.
Вàленцы	Валенки.
Валецъ	Заваленный, дрянный, истасканный.
Валòжно	Жирно, маслено, лакомо.
Вальгòтна [2])	Легко, способно.
Валяшка	Дрянь всякая, которая валяется на землѣ.
Варàкуша	Чернокожій человѣкъ. Употребляется въ брани.
Варàчь	Задній дворъ.
Варгàнить	Плохо кое-какъ дѣло дѣлать.
Варокъ	Задній дворъ.
Варнàкать	Врать, болтать пустяки. Экую чушъ сварнакалъ!
Варуха и Варюха . . .	Искалѣченное имя Варвары. Траци-жъ, Варюха, береги носъ до уха!
Варушка и варакушка . .	Тоже что Варàкуша.
Варъ. Ум. варокъ . . .	Загородка, куда загоняютъ скотъ; по большей части этотъ варакъ устраивается на лѣто въ полѣ, когда отдаленность пастбищъ не позволяетъ каждый день пригонять скотину домой.
Варь. Варьмя.	Народъ, множество. Какъ напр. варьмя варить, т. е. кишмя кишить.
Варызгнуть	Ловко и сильно ударить.
Ватула [3])	Одѣяло, вытканное изъ оческовъ льна или конопли, или изъ какихъ либо другихъ хлопьевъ.—Дерюга.
Ватòла	Тоже самое. О. С.
Вахлять	Тоже, что варганить.
Веклеманиться	Нѣсколько оправиться отъ болѣзни, выздоравливать.
Велесъ или валецъ . . .	Указчикъ, повелитель. Слово употребляемое въ насмѣшку. Напр.: «ишь велесъ какой!»
Верещàга	Брюзгливый, болтунъ, хлопотунъ.
Верезгъ	Шумъ, крикъ, визгъ; верещанье.
Верникъ, верèтье	Тоненькая веревочка у рыбныхъ сѣтей.
Вèретье	Спитой рядина или толстый холстъ, поставляемый въ повозку или телѣгу для ссыпки въ оную хлѣба.

[1]) Въ бранномъ или насмѣшливомъ тонѣ. «Экъ ты выпятилъ буркалы». [2]) «Такъ это Варвара? Быть, кормилецъ, я Варвара. Андрей—твой мужъ? Быть, быть онъ мужъ мнѣ». Сербск. јест (есть) — да. [3]) Вальготна Зар. у. [4]) Вапула Скоп. у. [5]) Валандать—медлить. Ряз. Пр. Скоп. Мих. Ряжск. Спасск. у.

* Вервь—дратва, которою подшиваютъ сапоги. Скоп. у.

Ходы до насъ.
Въ насъ коровайныці хороші
Коровай выробляють,
Сыромъ посыпають
Масломъ полывають».

Послѣ этого берутъ деревянныя палочки, облѣпленныя тѣстомъ, вставляютъ въ коровай и кладутъ его въ печку.

Если потребуется помело или кочерга, «найстарша коровайныця» обращается къ хозяйкѣ съ пѣсней:

«Выросла на хаті омэла́,
Постарайси, господыне, помэла,
Пічъ выгортаты,
Попилъ вимытаты.
Розсыпала я по хаті отрубы,
Постарайся, господыне, коцюбы,
Пічку вимитаты,
Попилэць выгортаты».

Хозяйка даетъ требуемое, коровайницы хоромъ отвѣчаютъ:

«Наші окна михтілы,
Наші стіны сяпілы,
Наші двэрі скрипілы,
А пічка ригочэ,
Бо коровaю хочэ».

№ 2. «До бору, бояри, до бору,
Рубайти сосну здорову,
Кладітъ еі на загнітъ,
Славэнъ нашъ коровай на вэсь світъ».

Когда коровай вставленъ въ печь, «замісныця» танцуетъ предъ печкой и поетъ:
«Дай жэ, Божэ, въ добрий часъ,
Якъ въ людий, такъ и въ насъ!
Щаслывую годыну,
Звисилыты родину,
Звисилыты ў вэсь рідъ
Батька й матку навпиридъ».

Пока коровай въ печи, коровайницы сидятъ за столомъ, пьютъ, закусываютъ и поютъ:

«Робылы жъ мы діло,
А жъ чоло намъ впріло.
До Бога гляньтэ (и),
Намъ горілойкі дайти».

Когда «коровай готовъ, его вынимаютъ изъ печи, кладутъ на столъ и поютъ:

«Славывся, прославывся,
На столі поставывся,
Зъ пшанычного тіста,
Зъ (имя невѣсты) щастя (два раза).
Якъ тэрэмъ высокій,
Якъ Дунай шірокій».

Потомъ украшаютъ лентами, зеленью, блестками и уносятъ въ «комору», причемъ, обращаясь къ хозяину, поютъ:

«Крамору, краморойку,
Очины намъ коморойку
Дэжъ коровайцю статы,
Ночэ(и)ньку ночуваты».

Хозяинъ отпираетъ «комору» и приглашаетъ «коровайныць» внести туда «коровай».

Утромъ въ день свадьбы въ домъ родителей жениха собираются всѣ приглашенные гости—«бояри», для участія въ свадебномъ кортежѣ, отправляющемся въ домъ невѣсты.

Женихъ передъ дорогой угощаетъ «бояръ завтракомъ, но самъ ничего не пьетъ и не ѣстъ, такъ какъ принято вѣнчаться «натщэ». За завтракомъ—«бояри», обращаясь къ хозяину отъ имени сына, поютъ:

«То ни коныкъ по пудвірьі нагрузывъ,
Ой, то молодый Івасе походывъ.

Молодый Івасе походывъ,
Та й вінъ свого батийка пробудывъ:
«Вставай, вставай, батийку, твэрдо спышъ,
Чому жъ мэнэ въ дорожэньку ни радышъ (два раза).
Коля мэнэ старосты ни садышъ.
Далэкая дорожэнька—сторона,
Ой, кобъ-жи (э) мні ни було сорома».

Изъ собравшихся бояръ хозяева выбираютъ: «старосту», обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть за порядкомъ; «підстаросту»—помощника «старосты»; «старостыну»—старшую сваху; «свашку» (сестра жениха) и нѣсколько просто «свахъ».

Женихъ, сопровождаемый дружиною, отправляется въ домъ невѣсты.

На дорогѣ свадебный поѣздъ встрѣчаетъ преграду: длинный столъ, а на немъ—хлѣбъ и бутылка воды. Преграда эта устраивается деревенскою молодежью, не принимающею участія въ свадьбѣ.

«Бояри» просятъ пропустить, потомъ стараются овладѣть проѣздомъ, но насильно, все напрасно. Молодежь требуетъ выкупа. «Староста» выливаетъ воду изъ бутылки и наливаетъ туда водки. Путь очищается и поѣздъ отправляется дальше, съ пѣснями:

«Лісомъ, по-за лісомъ,
По-за горойкамы
Йіхало висілле трима радойками:
Въ пэршому радочку самъ Господь сидытъ,
Въ другому радочку Причыстая Маты,
А въ трэтёму радочку молодый Йівасё.
Йідь, йідь, Йівасю, ни становыся,
Ни становыся на высокі горі,
А становыся въ Марыйкі на дворі».

Въ воротахъ дома невѣсты «бояри» опять встрѣчаютъ преграду. «Староста» даетъ выкупъ.

Родители невѣсты выходятъ на встрѣчу «боярамъ» и жениху въ сѣни: отецъ—съ водкой, мать—съ «квартою» воды, которую подаетъ (съ привѣтствіемъ) будущему зятю. «Бояри» въ это время поютъ:

Ни пый, ни пый, Йівасю, першого привіту,
Злый коныку на грывойку,
Щобъ тая грыва далэко світыла,
Щобъ тобі Марійка була люба-мыла».

Женихъ беретъ «кварту» съ водою и бросаетъ ее чрезъ голову на землю. «Бояри» пьютъ водку и входятъ въ избу. Находящіеся тамъ поютъ:

«Стыха, бояри, йдіти (два раза),
Порогівъ ни ломіти,
Бо порогі дубовы,
А лавке малёваны».

«Пэрэдовы госты,
Просымо одъ любосты,
Просымо сісты,
Просымо ззісты».

«Бояри» усаживются, гдѣ попало, а женихъ*) съ «старостою» — на самомъ почетномъ мѣстѣ: за столомъ, подъ образами. Невѣста въ это время одѣвается къ вѣнцу въ коморѣ.

*) Онъ, между прочимъ, почему-то не снимаетъ шапки съ головы.

Го̀ль . . . . Голое поле.
Голяда . . . . Бродяга, нищій. Бранное слово.
Гомзуля . . . . Чарка для вина, пива и т. п.; красоуля.
Гомозить . . . . Суетиться.
Гомь . . . . Громкій говоръ.
Гондобйть . . . . . . Сгондобилъ себѣ избу.
Гонзуля . . . . Тоже что и гамзуля.
Горлопанъ . . . . . . Крикунъ, орало.
Горлянка . . . . Грудная трава.
Грамотка . . . . Бумага.
Глиняста, глинястый . . Коротко, короткій.
Гребло . . . . Полная мѣра.
Гладиться . . . . Ласкаться.
Гребтйть . . . . Заботить, безпокоить. «Гребтитъ на сердцѣ»—хочетс
Грёкать . . . . Громко стучать.
Гробовище . . . . . . Кладбище.
Грудка . . . . Кусочикъ. Грудно деншуры.
Грука̀ть и грука̀ть . . . Стучить, гремѣть.
Гудётъ . . . . Шумитъ, жужжитъ, течетъ.
Гудѣлка . . . . Говорунья, болтунья.
Гузюмъ . . . . Изюмъ. Ягоды.
Гузунъ или гузу̀нья . . . Робкій, застѣнчивый, осторожный мужчина или жен щина.
Гу̀кать [1] . . . . Вскрикивать отрывисто.
Гумѐть . . . . Голубить, ласкать.
Гу̀ни [2]. . . . . Немоченное черное и готовое къ мытью бѣлье.
Гу̀нуть . . . . Ударить [3].
* Гудать . . . . Течь, идти: «Дождь гудётъ».
Гыля . . . . Длинный, не статный человѣкъ.

Д.

Да̀ча . . . . Подушныя деньги, оброкъ.
Дежа̀, дѐжа, дѐжка, дехня̀, дешня̀ . . . . Клука, въ которой заквашиваютъ тѣсто,—квашня.
Дергошнуть, дера̀бнуть . . Ударить.
Деревки . . . . Расчищенное мѣсто отъ лѣса для посѣва хлѣба.
Дергунъ . . . . Коростель, дергачъ—птица.
Дйвитко . . . . Чудно, удивительно.
Дйданка . . . . Бабка повивальная.
Дйкое поле . . . . . . Степь.
Дика̀я кошка... Иволга. . Дикой голубь—горлинка.
Дикушъ . . . . Греча [4].
Дога̀да . . . . Смышленый мужчина или смышленая женщина.
Долёна . . . . Долина, лугъ.
До смерти окалѣть . . . Озябнуть.
Дра̀кса . . . . Любящій драться, забіяка. Говорится всегда почти дѣтяхъ. Какой ты дракса! стыдно.
Дрега̀ и дряга̀ . . . . . Неспокойный человѣкъ.
Дрепнуть . . . . Сѣсть (говорится о человѣкѣ толстомъ и дюжемъ).
Другонтцатый . . . . . Двѣнадцатый.
Дрыхнуть . . . . Спать (говорится презрительно): Экой соня! Только знаетъ, что дрыхнуть.

---

[1]) Говорить. Спасск. у. [2]) Гуня Спасск. у. — тряпица. [3]) Ударить нечаянн Яноха бѣжалъ, бѣжалъ, да какъ гунетъ Петруху въ макушу. Ряз. Пр. Скоп. Ми Ряжск. Спасск. у. [4]) Спасск. у. * Гутарю—говорю. Скоп. у.

Братъ беретъ ножницы и отрѣзываетъ кончикъ косы, перевитый лентой. Нѣвеста горько плачетъ, навѣки разставаясь съ дѣвичьей косой.

Подруги и свахи принимаются чесать распущенную косу и поютъ:

№ 1. «Ой, дэся подівъ, ой дэся вдівъ
Марийчінъ батэйко (два раза);
Ой, нихай йідэ, ой, нэхай йідэ
До Любавы на ярмарокъ (два раза);
Нихай купуе, нихай торгуе Золоту щіточку,
Розчісаты, розвязаты русую кісочку».

№ 2. «Ой, ходыла Марийка по дворі,
Роспустыла русу косу, якъ зору,
А за нэю батэйко стихейка:
«Чого ходышъ, дітетко, смутнэйка?»
Ой, ни ходы, батэйку, за мною,
Ни возьму я добройка зъ собою,
Щэ й зоставлю слідойкі на дворі,
А гіркі слізойкі на столі (два раза),
А рутяный выночокъ на стыні».

Бояре, стоя за дверью, поютъ:

«Чомъ до насъ ни выйдити,
І чіжъ насъ ни любити.
Ой, дывно жъ намъ, дывно,
Въ ножинькі зымно»...

Когда распустятъ косу и уберутъ лентами, невѣсту сажаютъ за столъ и просятъ бояръ войти.

«Прошакъ» садится возлѣ невѣсты, но съ приходомъ жениха—уступаетъ ему свое мѣсто.

«Дружба» беретъ (у матери невѣсты) красный платокъ, связываетъ имъ руки жениха и невѣсты и трижды проводитъ «молодыхъ» по хатѣ: въ первый разъ женихъ и невѣста кланяются въ поясъ родителямъ, во второй—кладутъ земной поклонъ, а въ третій—кланяются всѣмъ присутствующимъ.

Родители выходятъ изъ-за стола и благословляютъ «молодыхъ» «образамы». При этомъ поютъ!

«Ни корыся, Марийко, ни корыся:
И старому и малому вклоныся.
Кланяйся батийку низэнько,
Бо вжэ твое винчаннѐ близэнько,
Кланяйся матийці найнызши,
Бо вжэ твое винчаннѐ найблызши».

Мать насыпаетъ въ чашку разныхъ хлѣбныхъ зеренъ и разбрасываетъ по всѣмъ угламъ избы.

«Молодыйі» въ сопровожденіи гостей и «бояръ» идутъ (рука объ руку) въ церковь.

По дорогѣ въ церковь поютъ:

«Ой, попойку, попойку, батьку нашъ,
Очыны жъ намъ цэрковку протывъ насъ,
Засвиты жъ намъ свічэнькі тройчаты,
Щобъ намъ своіхъ диточокъ звинчаты».

Возвращаясь изъ церкви, поютъ:

№ 1. «Чому жъ вы насъ ни вытаіти,
Здоровья ни пытаіти?
Ой, дэжъ мы бувалы,
Ой, щожъ мы чувалы?
Ой, булы жъ бо мы въ шлюбі,
Въ Божому суді.

Задобный	Милый, любезный, дорогой сердцу. Крестьянки села Ижевскаго, Спасскаго уѣзда, произносятъ это слово жвадобный. И го-го, моя жвадобная! Го! Го! Го! (выраженіе удивленія).
Зазноба	Предметъ любви. Дѣвица, которая нравится.
Зазорный	Незаконно-рожденный.
Заиграть пѣсню	Запѣть пѣсню.
Заартачился	Осердился, заупрямился.
Закрипки	Затворы.
Закутай	Закрой.
Закутье	Чуланъ.
Зали	Точно, подлинно. Зали такъ? Будто и въ иномъ дѣлѣ такъ?
Заморскій	Иностранный.
Замежениться	Чуть-чуть завянуть.
Заметиться	Забыть, запамятовать.
Зараменье	Всё, что внѣ сосѣдства, не по сосѣдству.
Зариться на что	Засматриваться.
* Засадъ-те, засадь-те . .	Молчи.
Засѣнье	Мѣсто, заслоненное отъ солнца.
Затворъ [1]	Перегородка, устроенная для ловли рыбы въ проливѣ, соединяющемъ одно озеро съ другимъ, или при устьѣ рѣки, впадающей въ озеро.
Затрудниться	Захворать.
Затулка	Фартукъ, бабья занавѣска или передникъ.
Защепить	Занозить.
Зеленецъ	Замашка, поскокь.
Зенки	Глаза.
Зипунъ	Кафтанъ изъ домашняго сукна, назади отъ лифа съ трубами.
Зеха	Рожь.
Зыки	Крикунъ, вертунья, орало.
Зыка	Звукъ, издаваемый оводами, которые нападаютъ на рогатый скотъ во время лѣтняго зноя. «Зыку нѣтъ». Онѣмѣлъ, не отзывается.
Зырить	Зорко внимательно смотрѣть, примѣчать, высматривать. «Какъ воронъ зыритъ».
Зюзя	Пьяница, напр. «Эхъ ты, родимый, глядь, какъ назюзился», т. е. напился.
* Зябликъ	Который всё зябнетъ.
Зазноба, зазнобушка . . .	Сердечная тайна любви.

И.

* Изподдальки	Издали.
Измываться.	Пересмѣхать кого либо, дѣлить нападки.
Изневожить	Потревожить.
Испаколъ	Изколи, издавна. Испаконъ вѣку на этомъ мѣстѣ жили наши дѣды и прадѣды
Истопокъ	Достаточное количество дровъ для истопленія печи; истоплево [2]).
Исхарчить, исхарчиться. .	Истратить, издержать, въ переносномъ смыслѣ умереть. Лошадь-то, лошадь-то какая у меня исхарчилась.

[1]) Затворъ или запоръ—въ Мещорѣ. [2]) Верхъ у избы надъ потолкомъ. Скоп. у. * Засѣка—лѣсъ заповѣдный. Скоп. у. * Зябра — лощина, отлогая берегами, въ которой бываетъ временемъ вода. * Извара—ушатъ. Скоп. у.

Сваха вынимаетъ сыръ и кладетъ на столъ.

«Наша сваха добра була,
Сыръ зъ припола добула,
А мы заспываймо,
Сѣрэць пойідаймо».

Сыръ съѣдается, и гости просятъ родителей «благословыти танэць».

Отецъ и мать невѣсты берутъ подъ мышки хлѣбъ и начинаютъ кружиться по хатѣ. Гости поютъ: «Висилыся, висилыся, господаръська голова»...

Потомъ танцуютъ гости.

Во время танцевъ поютъ:

№ 1. «Мині маты ни рідъ;
Мині батько ни рідъ,
Мині тэща родына,
Бо мні жінку вродыла».

№ 2. «Ой, сівъ, зажурывся,
Що зъ малэю ожинывся.
Ни журыся, мій соколи,
Выросту, якъ калына,
Буду тобі жінка мыла».

Изъ знакомыхъ невѣсты выбираютъ еще, кромѣ «старосты» и «старостыны», «хорунжаго». Такъ-называется парень, вооруженный «хорунгою», т. е. палкою, убранною лентами, блестками и бубенчиками. Обязанность «хорунжаго» состоитъ въ томъ, чтобы созывать и приглашать гостей кушать: онъ стучитъ «хорунгой» въ дверь и кричитъ: «панови гости, бояри, просымо до Божого дому, ззісты хліба-солі».

Танцы продолжаются до ужина. За ужиномъ поютъ «молоды»:

«Наобідайся, навичэрайся, молода Марийко,
Якъ підэшъ до свыкрухі, ни будишъ jісты.
Самы сядуть jісты до столойку,
А тибэ пошлють по водойку.
Видэрцэ высоко,
А вода глубоко.
Принисэшъ воды, дай каждому пыты,
И старому, и малому,
И свэкровы свому».

Послѣ ужина «боярамъ» раздаютъ подарки (полотно) и просятъ не взыскать на угощеніи:

«Ой, нути, нути, батийка ни нудьти.
Свое биріти, до дому йдіти.
Нути, бояри, ни гайтися,
На наші дары ни надьтися:
Широка ныва ни зродыла,
Стара маты ни зробыла,
А молода ни відала,
На ты дары ни напрала.
Станьти, бояри, на грудочку,
Вирніться по сорочку.
Забула маты чипця даты,
Зилэнымъ шовкомъ обвязаты.
Ни вій, вітри, въ полю,
Вій дорогою за молодою».

Новобрачные вмѣстѣ съ боярами отправляются въ домъ родителей жениха. Остальные гости на время остаются.

«Молода» беретъ съ собой хлѣбъ, украшенный лентами, и курицу *).

Спустя нѣкоторое время, выѣзжаютъ остальные и гости «съ прошакомъ», захвативъ приданое: «скрыню» и «пирыну зъ подушкамы».

Дорогой бояре поютъ:

«Тупу, коныкі, тупу,
Визэмо мы ступу,
Зъ ногамы, зъ рукамы,
Зъ чорнымы бровамы.

Выйды, маты, подывыся,
Що мы тобі прівызлы:
Чі тилычку, чі ярочку,
Чі молоду нивісточку».

Родители жениха встрѣчаютъ «молодыхъ» съ медомъ и водкой.

Новобрачные кланяются, просятъ благословенія и входятъ въ избу.

Ждутъ гостей. Пріѣзжаютъ. Начинается «пэрэпой».

Послѣ «пэрэпоя» «молодыјі» опять просятъ благословенія и уходятъ въ «комору», гдѣ сваха и мать жениха приготовили имъ постель, положивъ въ изголовьи снопъ ржи и «коровай».

На другой день, утромъ, гости опять собираются.

Сваха и мать жениха одѣваютъ невѣсту въ чипэць» и «платъ» (длинный бѣлый платокъ, вродѣ полотенца), головные уборы замужней женщины. При этомъ поютъ:

«Ни плачъ (имя невѣсты) по косі,
Буди тобі хорошэнько въ рантусі.
Ой, схо̆ваемо, выночокъ підъ столэць,
Сховаемо русу косу підъ чіпэць.
Щожъ то мы вчіныли,
Що въ діжычъці розчіныли.
Зъ муке паляныця,
А зъ дівчіны молодыця.
Ни дывуйтися, люди,
Ни щожъ вамъ зъ того буди,
Ни туръ, ни турыця,
А такая молодыця.»

№ 2. «Прокрутывъ шэршэнь стэлю,
Та й впавъ на постэлю,
А (имя нев.) злякалася,
Підъ чипэць сховалася».

(Окончаніе будетъ).

Дм. Абрамовичъ.

---

*) Взамѣнъ невѣсты бояре оставляютъ въ домѣ «прошака», дабы онъ выполнялъ разныя мелкія работы. Ему поручаютъ, напр., наносить дровъ и воды. Онъ приноситъ дрова—и кладетъ на столъ, воды—и льетъ на полъ. Хозяева гонятъ его и говорятъ, что никто не въ состояніи замѣнить родную дочь.

СБОРНИКЪ

рязанскихъ областныхъ словъ

составленный Чл. Сотр. *Диттелемъ.*

Русская діалектологія въ послѣдніе годы, благодаря въ особенности трудамъ Потебни, Соболевскаго, Шахматова, проф. Будде, Филологическому Вѣстнику, Извѣстіямъ II Отдѣленія И. Академіи Наукъ, сдѣлала больщіе успѣхи. Фонетическія, морфологическія и синтактическія особенности говоровъ трехъ нарѣчій русскаго языка, а также и географическое распространеніе различныхъ велико-мало и бѣлорусскихъ говоровъ все болѣе теперь приводятся въ ясность. Къ сожалѣнію еще мало сдѣлано по характеристикѣ говоровъ въ словарномъ отношеніи, хотя и тутъ уже есть нѣсколько опытовъ, и очень почтенныхъ, напр. Словарь областнаго Архангельскаго *нарѣчія*—Подвысоцкаго. Спб. 1885 и недавно изданный также Академіею Наукъ Словарь областнаго Олонецкаго *нарѣчія*—Г. Куликовскаго. Спб. 1898.

Въ великолѣпномъ словарѣ Даля и въ двухъ книгахъ опыта областнаго словаря Академіи Наукъ собранъ огромный запасъ областныхъ словъ и рѣченій, но для полноты русской діалектологіи необходимо изданіе сборниковъ словъ по отдѣльнымъ говорамъ, и не по губерніямъ, а по уѣздамъ. Открывая на страницахъ «Живой Старины» изданіе такихъ сборниковъ по имѣющимся въ Архивѣ Географическаго Общества матеріаламъ, мы просимъ нашихъ членовъ-сотрудниковъ и вообще читателей «Живой Старины» сообщать намъ хотя бы и не въ алфавитномъ порядкѣ и въ самомъ даже небольшомъ количествѣ извѣстныя имъ особенныя слова и рѣченія, употребляемыя въ томъ и другомъ уѣздѣ или въ той или другой части извѣстнаго имъ уѣзда. При словахъ желательно имѣть примѣры или цѣлыя фразы. Предлагаемый сборникъ Рязанскихъ словъ и рѣченій составленный чл. сотр. Общества Диттелемъ, былъ просмотрѣнъ и дополненъ О. П. Семеновою, знакомою съ смежными частями уѣздовъ Скопинскаго, Раненбургскаго и Данковскаго. Къ сожалѣнію, у Диттеля не различаются уѣзды, а вообще имѣется въ виду вся Рязанская губернія. Это большая ошибка, къ сожалѣнію допущенная и въ двухъ упомянутыхъ изданіяхъ Академіи Наукъ. Наши губерніи по большей части искусственныя и случайныя административныя созданія, тогда какъ уѣзды старой Россіи по бо́льшей части явленія историческія, народно-бытовыя, со своими этнологическими особенностями. Есть уѣздные говоры, есть говоры старыхъ земель, областей, княженій, но нѣтъ *губернскихъ нарѣчій*: есть лишь нарѣчія велико-мало-и-бѣлорусское. Такое недоразумѣнье—совсѣмъ уже не Академическое. Подстрочныя примѣчанія заимствованы изъ списковъ Ряз. словъ напечатанныхъ въ Труд. Общ. Люб. Р. Слов. М. 1818, 1820, 1826 гг. Ред.

А.

Абабки . . . . Березовые грибы.

Абапалъ . . . . Напрасно, попусту. Напр.: обапалъ болтаешь, т. е. пустяки, вздоръ говоритъ. Касимовцы произносятъ это слово бакалъ.

Абарка . . . . Бульонъ (отваръ) гороховый.

Абатуръ . . . . Упрямый, своенравный.

* Ламаный.	Опытный. Опытомъ наученый.
Лапотать	Нѣжно, неразборчиво говорить.
Ласточка	Полевая мышь.
Латашить	Хлопотать.
Лауха, лаушка.	Сѣть, силокъ, западня.
Лахма̀чь.	Оборванецъ.
Ла̀хмы, ло̀хмы	Лохмотья Длинныя, растрепанныя космы волосъ.
Лебощь или лебось. . . .	Быть можетъ (Авось). Напр. «Лебось баринъ прiѣдетъ, а лебось и нѣтъ».
Ледащiй, ледящiй	Сухощавый, худой, малосильный.
Леженъ	Бочка.
Лельямъ и лельянъ . . .	Куренiе, фимiамъ.
Лестлѝвый	Ласковый.
Лепёха	Пятно отъ грязи.
Лепёха	Толстый ребенокъ, женщина.
Лётать	Шибко бѣгать. «Ужъ я лётала, лётала». О. С.
Лихой.	Злой [1].
Лига̀шка.	Лягушка.
Личманистый.	Красивый лицомъ, имѣющiй широкое, круглое и правильное лицо.
Лопѣ̀но	Полѣно.
Ло̀скъ.	Лощина, небольшая балка. «Въ лоску»—въ лощинѣ.
Лу̀да [2].	Соломата.
Лужа, лусь.	Озерко.
Лужанинъ.	Приозерный житель.
Лужи, лужникъ.	Мокрое болотистое мѣсто.
Лупёжъ	Грабежъ.
Лыняло	Человѣкъ, избѣгающiй работы, лѣнтяй.
Лытить	Уклоняться, бѣгать отъ дѣла.
Лытки	Ноги.
Льни̇̀ще	Поле, съ котораго убранъ ленъ. О. С.
Льгота	Облегченiе.
Лѣсъ. (Лѣса Божiи) . . .	Засѣки. Заповѣдный лѣсъ.
Любичь	Любезный молодой человѣкъ.
Любо.	Хорошо, красиво.
Людинъ.	Простой человѣкъ.
Люлька	Колыбель.
Люльку тянуть	Трубку курить.
Лягать, лягнуть.	Бить, колотить.
Ляпунъ.	Моральщикъ.
Ляскать.	Медленно, неповоротливо жевать пищу, нехотя ѣсть.
Лясы.	Шутка. «Лясы точить. Лясы городить. Лясы вѣять».
Ляля̀кать	Про ребенка, болтать.
Лясничать	Шутить, пустяки говорить.
Лупоглазый.	Пучеглазый.

М.

Магарычъ [3]	Доли, барыши, употребляемые продавцемъ на потчиванiе покупщика послѣ продажи.

[1]) Злой духъ. Касим. у. [2]) Касим. у. [3]) Слово не славянское, но встрѣчается еще въ Сербск. грамотахъ Дубровницкихъ: могоришь (въ смыслѣ извѣстной подати) и въ лат. дубровн. актахъ magarisium См. Слов. Даничича (могорышь). Въ Посл. арх. Геннадiя (1495 — 1504 г.)—мзда, плата. (Срезневск. Словарь).

* Ламиха—полтина. Въ Спасск. у. и въ Сузд. Владим. г.

человѣкѣ, который врётъ что нибудь. У простолюдинъ Тульской губерніи выраженіе: «Андроны ѣдутъ» употребляется, когда кто нибудь сердится, дуетъ губы, но гнѣвъ его не страшенъ.

Апакать . . . . Призрѣть, присмотрѣть, имѣть попеченіе о комъ. «Отдали мы дѣвку на чужую сторону, кто ее горемычную тамъ опакаетъ?

Апахивать . . . . . . Означаетъ деревенскій обрядъ, употребляемый какъ средство предохранительное во время скотскаго падежа. Онъ состоитъ въ томъ, что поселянки собираются въ глухую полночь къ церкви, приносятъ съ собою образъ Св. Власія, соль и чеснокъ, рычаги, сковородники и соху, которою дѣлаютъ на землѣ бразду около деревни своей. Тоже и во время холеры. О. С.

Араба (Саратовцы произносятъ арба) . . . . Двуколесная телѣга, по устройству своему отличается отъ одра.

Арава . . . . Толпа, множество народа.

Арясина . . . . Дубина, большое толстое полѣно.

* Асинька, аюшки . . . Откликъ на зовъ выражающій учтивость или нѣжность. Корень его: ась. Напр. Мать на зовъ своего малютки дитяти никогда не скажетъ ась, но асинька.

Аспа̀съ, Аспо̀совъ день . Такъ называется день Рождества Пресв. Богородицы 8 Сентября.

Ато . . . . Да (нарѣчіе).

Атожко . . . . Вотъ то-то, да, да, конечно.

Атька . . . . Отецъ, уменьш. атинька.

Ашарашить . . . . . . Ударить.

Ашшо́ . . . . Еще. Дайка мнѣ ашшо́.

Аще́ . . . . Хотя. Нарѣчіе поселянъ мещерской стороны.

Ащеула . . . . Пересмѣшникъ, скалозубъ.

Аяй . . . . Трусъ.

Аяйка . . . . Трусиха.

Б.

Бабка . . . . Шашка.

Бабуля . . . . Бабочка. (Papilio).

Бадикъ . . . . Палка [1]).

Базаръ . . . . Рынокъ.

Ба́ить . . . . Говорить, разсказывать.

Байборя и байбола́ . . . Болтунъ, болтунья.

Байборить и байболить . Болтать. Пустое говорить.

Байданъ . . . . . . Пустырь, ничѣмъ не застроенное мѣсто.

Байтикъ . . . . Палочка, тросточка.

Бакальдина (Нижегородцы и саратовцы говорятъ: бакалда) . . . . Большая глубокая яма съ водою. Обыкновенно такія ямы образуются во время половодья.

Баклашка . . . . Посуда деревянная, или глиняная, въ которой держатъ деготь.

Баку́ня . . . . Человѣкъ вертлявый или увертливый на ногахъ [3]).

Балабо̀нъ и балаба̀нъ [2]) . Пустомеля.

---

[1]) Трость, тросточка. Уѣзды: Ряз., Пронск., Скопинск., Михайл., Ряжск. и Спасск.— Байдикъ—дубинка. Касим. [2]) Балабонить—шутить, говорить пустяки. Ряз., Пронск., Скоп., Михайл., Ряжск., Спасск. у. [3]) Объясняетъ извѣстную фамилію Бакунинъ. Ред.

* Асметки—лапти изношенныя. Скоп. у. Асосокъ—Поросенокъ. Ib.

Балагурить	Шутить, веселое разсказывать.
Балàка	Болтунъ и болтунья.
Балàкать—болтать	Говорунъ, говорунья.
Баланда	Ботвинье.
Балахонъ	Кафтанъ лѣтній.
Бàлда	Болтливая женщина.
Балка, балочка	Оврагъ въ лѣсу; овражекъ.
Барчинокъ	Молодой господинъ.
Барщина	Господская работа.
Басамыка	Суетливый человѣкъ.
Баситься	Лѣчиться. У простолюдиновъ Арханг. губ. это слово значитъ казать себя красивымъ, жеманиться.
Баскàя	Франтиха, франтоватая.
Батракъ	Работникъ.
Батя и батеня	Отецъ.
Бахвалиться	Хвастаться, величаться.
Бахвалъ	Хвастунъ.
Бàчить [1]	Смотрѣть, видѣть. Бачишь-ли? Видишь-ли?
Безоблыжно	Безобманно.
Безотлы̀жно	Постоянно, безпрестанно.
Безотмѣнно	Непремѣнно.
Безстужій, безстыжій	Безстыдный, безсовѣстный, нахальный.
Болеза	Желѣзная лопатка для конопаченья [3].
Болѣзная, ый	Ласкательное—голубенко, милая, болѣзная моя. О. С.
Бервено—Берно	Бревно.
Бзника	Паслепъ черный (растеніе) (Solanum nigrum).
Бильдюга	Дубина съ корнемъ.
Бирюкъ	Волкъ.
Бить шабалы	Рвать платье.
Блажной [2]	Капризный, неспокойный.
Близнякъ	Сосѣдъ, товарищъ.
Болтень, тня	Пустомеля, враль (Скопинскаго уѣзда).
Болтунъ	Лгунъ.
Большакъ	Хозяинъ въ домѣ.
Болятокъ, болячка	Накожный нарывъ, чирей.
Бондырь	Бондарь, бочаръ.
Боровика, буравика	Брусника [4].
Боўшикъ	Образъ [5].
Брамата, ы	Шумный, несвязный разговоръ.
Бредишъ бредки	Вздоръ, пустое говоришь.
Брѐзжитъ	Разсвѣтаетъ.
Брешишъ	Лжешь.
Брехать	Лгать. Брехать (про собаку) лаять. О. С.
Букъ	Шарикъ, которымъ играютъ мальчики палками.
Буравѣчить	Напѣвать что нибудь про себя тихо, или, какъ говорятъ, себѣ подъ носъ пѣть.

[1]) Баять—говорить Зар. у., Скоп. у. [2]) Благой—несмирный Касим. [3]) У Словѣнцевъ bôlzen, bolzni (ж. р.)—щель, скважина (Слов. Pleteršnik'a)—скважина. Наш бдлеза орудіе для затыканья скважинъ и щелей. Срв. близна въ южн. и сѣверн. яз. рана, рубецъ. У насъ близнà, близёнъ (Арх.) узелъ на полотнѣ. «Поглядѣть было на берду, не будетъ ли близенъ». Близна (Олон.) пропущенная в время тканья, холста нитка.—(Щель, скважина). Также бдлозни, бдлузни (2-е полногласіе).—Мозоли. (Рубецъ, нарывъ, рана). Болеза вм. болоза. [4]) Спасск. Касим. у. [5]) Тамъ же. * Буяракъ—оврагъ. Скоп. у.

Буравокъ	Кузовъ.
Бурлить	Бранить.
Буркалы	Глаза.
Буркалить и буркать	Праздно глядѣть на что либо; глазѣть.
Буня	Гордецъ, чванъ.
Бучàло	Водоворотъ.
Бучѝло	Мѣсто внизу мельничныхъ колесъ.
Быть	Да, конечно [1].
Бѣлàга	Балахонъ, кафтанъ. У крестьянъ мещерской стороны.
Бѣшкомъ	Босикомъ.
Бѧшка	Овца.

В.

Важно	На фуфу поддѣть, обмануть, надуть кого, подхитрить надъ кѣмъ.
Вазлѣ [3]	Подлѣ.
Валачить	Бороновать землю. Валыкъ, валдыга... гуляка, своевольникъ.
Валенецъ	Ситный хлѣбъ, папушникъ.
Вàленцы	Валенки.
Валецъ	Заваленный, дрянный, истасканный.
Валòжно	Жирно, маслено, лакомо.
Вальгòтна [2]	Легко, способно.
Валяшка	Дрянь всякая, которая валяется на землѣ.
Варàкуша	Чернокожій человѣкъ. Употребляется въ брани.
Варàчь	Задній дворъ.
Варгàнить	Плохо кое-какъ дѣло дѣлать.
Варокъ	Задній дворъ.
Варнàкать	Врать, болтать пустяки. Экую чушъ сварнакалъ!
Варуха и Варюха	Искалѣченное имя Варвары. Траци-жъ, Варюха, береги носъ до уха!
Варушка и варакушка	Тоже что Варàкуша.
Варъ. Ум. варокъ	Загородка, куда загоняютъ скотъ; по большей части этотъ варакъ устраивается на лѣто въ полѣ, когда отдаленность пастбищъ не позволяетъ каждый день пригонять скотину домой.
Варь. Варьмя.	Народъ, множество. Какъ напр. варьмя варить, т. е. кишмя кишить.
Варызгнуть	Ловко и сильно ударить.
Ватула [4]	Одѣяло, вытканное изъ оческовъ льна или конопли, или изъ какихъ либо другихъ хлопьевъ.—Дерюга.
Ватòла	Тоже самое. О. С.
Вахлять	Тоже, что варганить.
Веклеманиться	Нѣсколько оправиться отъ болѣзни, выздоравливать.
Велесъ или валецъ	Указчикъ, повелитель. Слово употребляемое въ насмѣшку. Напр.: «ишь велесъ какой!»
Верещàга	Брюзгливый, болтунъ, хлопотунъ.
Верезгъ	Шумъ, крикъ, визгъ; верещанье.
Верникъ, верѐтье	Тоненькая веревочка у рыбныхъ сѣтей.
Вѐретье	Спитой рядина или толстый холстъ, поставляемый въ повозку или телѣгу для ссыпки въ оную хлѣба.

---

[1]) Въ бранномъ или насмѣшливомъ тонѣ. «Экъ ты выпятилъ буркалы». [2]) «Такъ это Варвара? Быть, кормилецъ, я Варвара. Андрей—твой мужъ? Быть. быть онъ мужъ мнѣ». Сербск. јест (есть) — да. [3]) Вальготна Зар. у. [4]) Вапула Скоп. у. [5]) Валандать—медлить. Ряз. Пр. Скоп. Мих. Ряжск. Спасск. у.

* Вервь—дратва, которою подшиваютъ сапоги. Скоп. у.

Верётье	Большая дорога.
Вереи	Большіе столбы деревянные, изъ которыхъ дѣлаются ворота. Такъ встрѣчается это слово въ одной старинной русской пѣснѣ: «Среди Москвы «Ворота красны, «Вереи пестры!»
Верховье	Высокое мѣсто, верхъ.
Верьхъ [1])	Оврагъ, буеракъ, иногда начало рѣки.
Весь [2])	Время, прошедшее уже три или четыре дня.
Вещетинье	Общее названіе всякаго лекарства, употребляемое въ насмѣшку; это слово означаетъ дрянь, всякую всячину.
Взбулгатить	Булгатить.
Взбузываться	Всполошиться, подняться съ задоромъ.
Взандариться	Тоже самое.
Винтовать	Стараться быть ловкимъ въ глазахъ другихъ.
Вискѝ	Волоса. Сгребъ меня за виски, да колошматилъ, колошматилъ, ажно въ глазахъ позеленѣло.
Витошокъ	Свитокъ, иногда клочекъ какой нибудь тряпки, ветошки.
Витязить	Наѣздничать, странствовать.
Вихлявый	Тонкій, сухощавый и притомъ высокій человѣкъ.
Водимъ	Заводчикъ, коноводъ, проводникъ, передовой.
Водырь или поводырь . .	Провожатый у слѣпыхъ нищихъ.
Возъ или взвозъ	Названіе одного созвѣздія.
Волдатъ	Солдатъ, своевольникъ, сорванецъ.
Волдырь	Нарывъ на тѣлѣ; въ переносномъ смыслѣ: ничтожнаго малорослаго, чванишку въ насмѣшку называютъ волдыремъ. Весь-то съ волдырь! Соплей убить, а поди какъ расходился! Волдыремъ называютъ еще строеніе, поставленное на пустопорожнемъ мѣстѣ. «Не ставь сѣни волдыремъ», т. е. отдѣльно отъ строенія. (Пословица).
Волосникъ или повойникъ.	Кокошникъ, ситцевая повязка.
Волокъ	Пологая, небольшая гора, плоская возвышенность.
Волосъ	Тоже что волость, власть. «Великъ волосъ! Какъ похотѣлъ, такъ и волоситъ (властвуетъ)».
Волѐжно	Лакомо. Сладко.
Воробы [3]).	Крылья въ родѣ вѣтренной мельницы, на которыхъ мотаютъ нитки.
Воронка	Лейка.
Вороть	Вывороченное платье.
Восѐтка	Недавно, надняхъ. Восетъ у меня былъ сусетъ, т. е. сосѣдъ.
Воспище	Веретье, большая дерюга.
Вощенка	Клеёнка.
Вперевидъ	Отъ роду, «вперевидъ этакой штукенціи не видалъ» (никогда).
Вполѐшь	Сломя голову.
Вполы	Въ половинѣ доли. Я съ нимъ торговалъ вполы.
Всклянь налить	Полно налить.

[1]) Верьхъ, вершина, врагъ — оврагъ. [2]) Вось Касим. у. вось, вусейка—прошедшее 3-го и 4-го дня. Зар. у. вусейка — намедни. Мих. у. Вось также въ Тульск., вось, восей — во Владим. недавно, нѣсколько дней назадъ. [3]) Вòпить — плакать по покойникѣ. Касим. у. [4]) Вароновъ — медовая брага. Спасск. у.

Вулай	Иванецъ брага —особеннаго рода пивцо.
Вусей или вусейка . . .	Тоже что намедни, надысь и недавно.
Вутарь и вуторъ	Крестьянское имѣніе, пожитки.
Во дровахъ	Это выраженіе означаетъ совершенный отказъ. «Кумъ, дай мнѣ пять руб. въ займы?» Ну, кумъ, ужъ это во дровахъ, т. е. рѣшительно не дамъ.
Въ макушку гунуть . . .	Въ голову ударить.
Въ тѣ поры	Тогда.
Выпахъ	Оставленная пашня, истощенная земля, негодная къ посѣву.
Выреха	Худая лошадь, кляча.
Вытомойка	Пустая хлопотунья (слово насмѣшливое).
Вышгородъ	Огородка на горѣ для пригона стада или табуна.
Вышка	Свѣтёлка.
Вы́шня	Вишня.
Вы́шъ	Часть, доля, иногда загородка, дворъ.
Вязи́ло	Болото.
Вѣдомо	Извѣстно.
Вѣсти́мо	Конечно, да, извѣстно.
Вѣтка, вьятка или вятка.	Часть владѣемой собственности, вдавшейся клиномъ или продоломъ между чужихъ владѣній, тоже что клинъ, ножка.
Вѣтчанинъ	Владѣлецъ или житель вѣтки.
Вѣщій	Говорливый, умный, талантливый.
Вѣщунъ	Предсказатель, пророкъ, угадчикъ.

Г.

* Гавезъ	Множество [1]) *).
Гайтанъ	Шелковый или бумажный шнурокъ.
Гакъ	Крикъ. Съ гаку взять.
Галдить	Сердиться, браниться и приказывать.
Галицы	Рукавицы.
Галомя	Спустя нѣсколько времени. Давно-ли ты ѣздилъ въ городъ? Голомятики, т. е. давненько.
Галушки	Постныя клёцки.
Гамазиться	Ворочаться, вертѣться.
Гапелька	Металлическая петелька.
Гаркать	Звать, кликать.
Гаркнуть	Крикнуть.
Гаронить	Горчить, «макъ горонитъ»—горчитъ.
Гаси́ть	Истреблять.
Гасъ	Силачъ.
Га̀съ	Керосинъ. О. С.
* Гика	Визгунъ, крикунъ.
* Гирявый	Безволосый, паршивый.
Гла̀дкій	Жирный, тучный, скотъ или человѣкъ.
Глазѣть	Глядѣть, смотрѣть.
Гло̀тка	Горло.
Глотъ	Питухъ, опивало.
Глошить	Съ жадностью пить.
Голоси́ть	Плакать надъ умершимъ съ причетами, выть, голосить.
Голомя	Давно.
Го̀ласно	Громко. Голосно голосить. Громко вопить.

[1]) Скоп. у. * Годня—хорошо. Сокп. у. * Гитанъ—гарусъ, снурокъ. * Гашникъ—тесьма въ порткахъ. Скоп. у. *) Сравн. съ чешскимъ не hăvez (cacalia, растеніе), a hăveď, hăvěť. Psŭ a hrtŭ havet veliká Slovn. Jungm.).

Гòль	Голое поле.
Голяда	Бродяга, нищій. Бранное слово.
Гомзуля	Чарка для вина, пива и т. п.; красоуля.
Гомозить	Суетиться.
Гомь	Громкій говоръ.
Гондобѝть	Сгондобилъ себѣ ѝзбу.
Гонзуля	Тоже что и гамзуля.
Горлопанъ	Крикунъ, орало.
Горлянка	Грудная трава.
Грамотка	Бумага.
Глиняста, глинястый . .	Коротко, короткій.
Гребло	Полная мѣра.
Гладиться	Ласкаться.
Гребтѝть	Заботить, безпокоить. «Гребтитъ на сердцѣ»—хочется.
Грёкать	Громко стучать.
Гробовище	Кладбище.
Грудка	Кусочилъ. Грудно деншуры.
Грукàть и грукàть . . .	Стучить, гремѣть.
Гудётъ	Шумитъ, жужжитъ, течетъ.
Гудѣлка	Говорунья, болтунья.
Гузюмъ	Изюмъ. Ягоды.
Гузунъ или гузу̀нья . . .	Робкій, застѣнчивый, осторожный мужчина или женщина.
Гу̀кать [1]	Вскрикивать отрывисто.
Гумѐть	Голубить, ласкать.
Гу̀ни [2].	Немоченное черное и готовое къ мытью бѣлье.
Гу̀нуть	Ударить [3].
* Гудать	Течь, идти: «Дождь гудётъ».
Гыля	Длинный, не статный человѣкъ.

Д.

Дàча	Подушныя деньги, оброкъ.
Дежà, дѐжа, дѐжка, дехнѧ̀, дешнѧ̀	Клука, въ которой заквашиваютъ тѣсто,—квашня.
Дергошнуть, дерàбнуть . .	Ударить.
Деревки	Расчищенное мѣсто отъ лѣса для посѣва хлѣба.
Дергунъ	Коростель, дергачъ—птица.
Дѝвитко	Чудно, удивительно.
Дѝданка	Бабка повивальная.
Дѝкое поле	Степь.
Дикàя кошка... Иволга. .	Дикой голубь—горлинка.
Дикушъ	Греча [4].
Догàда	Смышленый мужчина или смышленая женщина.
Долёна	Долина, лугъ.
До смерти окалѣть . . .	Озябнуть.
Дрàкса	Любящій драться, забіяка. Говорится всегда почти о дѣтяхъ. Какой ты дракса! стыдно.
Дрегà и дрягà	Неспокойный человѣкъ.
Дрепнуть	Сѣсть (говорится о человѣкѣ толстомъ и дюжемъ).
Другоптцатый	Двѣнадцатый.
Дрыхнуть	Спать (говорится презрительно): Экой соня! Только и знаетъ, что дрыхнуть.

---

[1]) Говорить. Спасск. у. [2]) Гуня Спасск. у. — тряпица. [3]) Ударить нечаянно. Яноха бѣжалъ, бѣжалъ, да какъ гунетъ Петруху въ макушу. Ряз. Пр. Скоп. Мих. Ряжск. Спасск. у. [4]) Спасск. у. * Гутарю—говорю. Скоп. у.

Слякоть. . . . . Дождливая дурная погода.
Сниски. . . . . Ожерелье.
Садомить . . . . Шумѣть.
Садомъ. . . . . Крикъ, шумъ, а иногда множество, куча. Какой ихъ содомъ! Какая ихъ куча [1])!
Спалать, спихать . . . . Удивляться чему [2]).
Спологоря. . . . . . . Можно, угодно, вольно, «спологоря тебѣ говорять это».
Спонадобиться. . . . . Понадобиться.
Спуха. . . . . Сажа. С.
Ставецъ. . . . . Большая деревянная чашка.
Ставчикъ . . . . Чашка деревянная.
Старовать. . . . . . . Разговаривать, разсуждать.
Стёжка. . . . . Тропинка.
Стожары. . . . . Огородка около стоговъ сѣна [3]).
Стожары. . . . . Созвѣздіе, плеяды. С.
Стойка . . . . Кадка средней величины [4]).
Столёшникъ . . . . . . Скатерть.
*Студено. . . . . Холодно.
Судачить. . . . . Пересуживать.
Судницы. . . . . Лавка въ заднемъ углѣ, устроенная въ видѣ ларя, въ которую прячется посуда.
Сумятица . . . . Шумъ, волненіе.
Сурна. . . . . Рыло, морда (Слово укоризненное).
Сусвѣтный. . . . . . . Обычный, модный.
Сусѣкъ. . . . . Большая (четверти въ двѣ и три) кадушка для ссыпки хлѣба, которая выдалбливается обыкновенно изъ цѣльнаго отрубка липоваго или ивоваго.
Сухостой. . . . . Засохшее дерево.
Сходцы . . . . Лѣстницы.
Съ бухту барахту . . . . Безъ соображенія, на обумъ.
Сынокъ. . . . . Родъ браги.
Сыпуха . . . . Сажа, накапливающаяся въ печной трубѣ.
Сѣнница. . . . . Мѣсто, гдѣ сваливаютъ сѣно, для сбереженія.
Сюсюка. . . . . Тотъ, который говоритъ языкомъ, свистящимъ или пришипетывающимъ.
Сусѣдъ. . . . . Сосѣдъ.

Т.

*Табакъ пить. . . . . . Табакъ нюхать [5]).
Тарыга. . . . . Прибыль, барышъ. Мелкая торговля.
Татарка. . . . . Толстая короткая плеть.
Таланливый . . . . . . Даровитый, понятливый. С.
Тенига . . . . Чахлый, сухой.
Теска. . . . . Одноимянный, т. е., когда два человѣка имѣютъ одно имя.
Тоё. . . . . Какъ.
Токъ. . . . . Гладкое и ровное мѣсто, на которомъ молотятъ разный хлѣбъ.
Тонакать . . . . Напѣвать что нибудь про себя.
Торганъ. . . . . Торгашъ.
Тороватый. . . . . . . Проворный.

---

[1]) ib. [2]) Раненб. у. [3]) Касим. у. [4]) ib. [5]) Касим. у.
* Стыдъ—холодъ.
* Тая—тебѣ. Раненб. у.

Задобный . . . . Милый, любезный, дорогой сердцу. Крестьянки села Ижевскаго, Спасскаго уѣзда, произносятъ это слово жвадобный. И го-го, моя жвадобная! Го! Го! Го! (выраженіе удивленія).

Зазноба . . . . Предметъ любви. Дѣвица, которая нравятся.

Зазорный . . . . Незаконно-рожденный.

Заиграть пѣсню . . . . Запѣть пѣсню.

Задртачился . . . . . . Осердился, заупрямился.

Закрипки . . . . . . Затворы.

Закутай . . . . Закрой.

Закутье . . . . Чуланъ.

Зали . . . . Точно, подлинно. Зали такъ? Будто и въ иномъ дѣлѣ такъ?

Заморскій . . . . Иностранный.

Замежениться . . . . . Чуть-чуть завянуть.

Заметиться . . . . . . Забыть, запамятовать.

Зараменье . . . . Всё, что внѣ сосѣдства, не по сосѣдству.

Зариться на что . . . . Засматриваться.

* Засадъ-те, засадь-те . . Молчи.

Засѣнье . . . . Мѣсто, заслоненное отъ солнца.

Затворъ [1] . . . . . . Перегородка, устроенная для ловли рыбы въ проливѣ, соединяющемъ одно озеро съ другимъ, или при устьѣ рѣки, впадающей въ озеро.

Затрудниться . . . . . Захворать.

Затулка . . . . Фартукъ, бабья занавѣска или передникъ.

Защепить . . . . Занозить.

Зеленецъ . . . . Замашка, поскокь.

Зенки . . . . Глаза.

Зипунъ . . . . Кафтанъ изъ домашняго сукна, назади отъ лифа съ трубами.

Зеха . . . . Рожь.

Зыки . . . . Крикунъ, вертунья, орало.

Зыка . . . . Звукъ, издаваемый оводами, которые нападаютъ на рогатый скотъ во время лѣтняго зноя. «Зыку нѣтъ». Онѣмѣлъ, не отзывается.

Зырить . . . . Зорко внимательно смотрѣть, примѣчать, высматривать. «Какъ воронъ зыритъ».

Зюзя . . . . Пьяница, напр. «Эхъ ты, родимый, глядь, какъ назюзился», т. е. напился.

* Зябликъ . . . . Который всё зябнетъ.

Зазноба, зазнобушка . . . Сердечная тайна любви.

*

И.

Изподдальки . . . . . . Издали.

Измываться. . . . . . . Пересмѣхать кого либо, дѣлить нападки.

Изневожить . . . . . . Потревожить.

Испаколь . . . . Изколи, издавна. Испаконъ вѣку на этомъ мѣстѣ жили наши дѣды и прадѣды

Истопокъ . . . . Достаточное количество дровъ для истопленія печи; истоплево [2]).

Исхарчить, исхарчиться. . Истратить, издержать, въ переносномъ смыслѣ умереть. Лошадь-то, лошадь-то какая у меня исхарчилась.

---

[1]) Затворъ или запоръ—въ Мещорѣ. [2]) Верхъ у избы надъ потолкомъ. Скоп. у. * Засѣка—лѣсъ заповѣдный. Скоп. у. * Зябра — лощина, отлогая берегами, въ которой бываетъ временемъ вода. * Извара—ушатъ. Скоп. у.

Халява.	Неряха, неопрятный, ая.
Хапать	Хватать, брать съ жадностію. Онъ все къ себѣ захапалъ. Этакая ненасытимая утроба, такъ все и хапаетъ. Сущ. хапъ или хапунъ.
Харчъ.	Говядина. Издержка.
Хватить.	Ударить.
Хватскій.	Славный.
Хвѡратъ.	Болѣетъ, хвораетъ.
Хибарка.	Горенка, сплетенная изъ хвороста и обмазанная грязью.
Хлабысть	Вдругъ, нечаянно. «Хлабысть придетъ кто нибудь, а ты тѣлешомъ».
*Хлабыстнуть	Хлестнуть.
Хлудъ (Хлудовъ фамилія въ Егорьевскомъ уѣздѣ) . . .	Водоносъ или коромысло, при помощи котораго два человѣка носятъ ушатъ съ водою.
Хныкать.	Плакать.
Ховрячиха.	Барыня.
Ховрячонокъ.	Барченокъ.
Холопъ	Слуга.
Хоровина	Шкура, невыдѣланная кожа.
Хоромы.	Домъ.
Христовы онучки	Такъ называются блинцы, испеченные изъ гречневаго, овсянаго или пшеничнаго тѣста. Въ день Вознесенія Господня простолюдины рязанскіе, напекши дроченъ, близнецовъ и лѣстницъ, ходятъ съ ними въ зелени, и тамъ, попировавши, оставляютъ нѣсколько блинцовъ и лѣстницъ, вѣря, что Христосъ, обувшись въ онучки (блинцы), восходитъ по лѣстницѣ на небо.
Хрюня	Неопрятный.
*Хупань.	Верхняя женская одежда.
Храпомъ или нахрапомъ. .	Насильно, напр. «онъ взялъ у меня нахрапомъ».

Ц.

Царапнуть	Ударить.
Цима и цима.	Крикъ къ собакѣ или птицѣ, чтобы она чего нибудь нетрогала.
Цупизникъ.	Уполовникъ; отсюда глаголъ уцупизнуть: убавить, уполовинить. «Ягольникъ-то яруя; возьми, невѣстка, цупизникъ, уцупизни его» (Егор. уѣзд.).
Цьеба.	Нетрогай [1].
Цыльскъ.	Человѣкъ.
Цядо, цядусько.	Ласковое слово, значитъ сокровище, какъ, напр. Жена говоритъ мужу: «Ахъ, ты, цядусько родное».
Цокнуть.	Чекнуть.

[1]) Цыба—Раненб. у.

* Хлибкій—слабый, хворый.

* Въ Ип. Лѣт. подъ г. 1141: «Кияне же рекоша Вячьславу... «ать же пойдуть вси, како можеть и хлудъ въ руци взяти». Ред.

* Въ связи съ сл. жупанъ. Хупанъ (*х* въ Ряз. гов. (h)—предполагаетъ гупанъ такъ гупа (губа) и жупа (=губа). Нарядъ, одежда жупанъ б. м. въ связи съ сословіемъ, классомъ—жупановъ. Быть можетъ гуня, гуни (одежда), гунявый (плѣшивый, лысый,—облѣзлый (и безбородый?), остатокъ имени Гунновъ? Ред.

Карявой. . . . . Рябой.
Кàриться . . . . Жаловаться.
Карàбить . . . . Царапать.
Касатка. . . . . Птица ласточка.
Касàтикъ . . . . Любезный, милый.
Касàтка. . . . . Милая.
Кàсть. . . . . Дрянь, гадость.
Касàточка. . . . . . . Красавица, душенька, милая.
Кастрика . . . . Крапива, также очески отъ конопли.
Кателка. . . . . Деревянное кольцо, обручъ.
Катухъ . . . . Хлѣвъ.
Кàхля. . . . . Изразецъ.
Кацапать, карябать. . . . Царапать.
Качугуръ . . . . Буерикъ.
Качерышка. . . . . . . Качанъ капустный, у котораго всѣ листья обрублены.
Кесь . . . . Какъ будто-бы.
Кладушка . . . . Небольшой скирдъ хлѣба.
* Клòчить. . . . . . . Мять, переминать.
Клюшка. . . . . Дубина.
Клàпъ. . . . . Небольшой колъ, большею частію плосковатый.
* Кмòтръ. . . . . . . Кумъ.
Когды, коли . . . . . . Когда.
Кодмàнъ. . . . . Тонкое синее женское платье, носимое лѣтомъ.
Коё, коёка. . . . . . . Гдѣ?
Козакъ или батракъ. . . Работникъ.
Кокушко. . . . . Яйцò.
Колоколить. . . . . . . Скоро и безъ умолку говорить.
Комèль . . . . Конецъ срубленнаго дерева съ корня, также ручка у вѣника.
Конопатый. . . . . . . Веснущатый.
Конопникъ. . . . . . . Огородъ, засѣянный коноплею.
Коноть. . . . . Конопель.
Корèцъ . . . . Ковшъ [2].
* Коробья . . . . Ящикъ съ замкомъ для разной поклажи.
Корхать или коршить. . . Бить кулакомъ. Отъ сущест. корхъ — чтò значитъ четыре пальца, прижатые къ ладони для измѣренія длины, равняющейся двумъ вершкамъ.
Кòрость. . . . . Карась.
Кòрь. . . . . Корень [3]. Родина. «На корю сидѣть». Владѣть дѣдовскимъ имуществомъ. Селеніе, деревня, выселокъ.
Костикъ. . . . . Константинъ.
Котрàхъ. . . . . Шапка.
Кòтька . . . . Ягненокъ.
Кочергошка. . . . . . . Палка съ крюкомъ, которою играютъ въ букъ.
Кòчетъ, кочетьà. . . . . Пѣтухъ, пѣтухи.
Кочура . . . . Комъ земли; кочка.
Крàтно . . . . Усердно.
Краюха . . . . Большая часть хлѣба.

---

[1]) Князекъ — верхушка на какомъ нибудь строеніи. Залѣзъ на князекъ и глазѣетъ на всѣ стороны. Ряз. Пр. [2]) Спасск. у. [3]) Иду до дубоваго кря (корня). Ряз. Пр.
* Клыка—брага. Скоп. у.
* Кокура — простой пирогъ изъ пшеницы, печется особой формой. Въ этихъ уѣздахъ (Ряз. Пр. Спасск. Мих.) рѣдокъ, за то употребителенъ въ Сарат. г. Аткарск. у.
* Коровка—травка ангелика. Скоп. у.

Шишимора.	Кикимора.
Штукавый, ая	Развязный, бойкій. Напр. «Эта баба будетъ поштукавѣе той».
Шти	Щи.

Щ.

Щёка	Бойкой, хитрый.
Щѐлепень	Ковшикъ.
Щепа̀ть	Колоть.
Що	Что.
Що̀кнуть	Сказать на ухо.
Щу̀ра	Слѣпой, близорукій, прищуривающійся.
Щемли̇вый, ая	Болѣзненный, ая. «Она баба щемливая и къ службѣ негодная».

Ѣ.

Ѣдо̀вый	Вкусный, годный для ѣды. Напр.: ѣдовое сѣно, ѣдовая трава и проч.
Ѣду̀нъ	Тоже, что обжора.
Ѣдкій	Экой? Какой?
Ѣдный	Одинъ. Напр.: «Я у него только ѣдный разъ былъ».

Ю.

Юли̇ть	Вертѣться, ломаться.
Юла̀	Вѣтренникъ, шалунъ, прока̀зникъ.
Юхнуть	Ударить кого нибудь. Напр.: «Какъ я тебя юхну, такъ ты и не опомнишься».
Юрча̀ть	Ворчать, подъ носъ говорить.

Я.

Ягольникъ	Горшокъ средней величины.
Ягодка	Ласкательное. С. голубчикъ, голубушка.
Язать	Обласкать надеждою, обѣщать, обнадежить. (Ряз. уѣзда въ селѣ Дубровичахъ).
Янчалъ	Вмѣсто: ячаялъ, думалъ [1].
Янчить	Франтить, щеголять.
Янька	Яковъ и франтъ, щеголь, самохвалъ.
Ярка	Годовая неягнившаяся овечка [2].
*Ярило	Старинный праздникъ; въ иныхъ селеніяхъ бываетъ на другой день праздника Петрова дня, а въ другихъ въ день всѣхъ святыхъ [3].
Ярыга, ярыжка	Работникъ, батракъ.
Ящикъ	Четырехколесная телѣга [4].
Ядреный	Здоровый, прочный, крѣпкій.

Рязань. 1860. *Диттель.*

---

[1]) Раненб. у. [2]) Касим. у. [3]) ib. [4]) ib.

*) Ярусъ—рядъ. Дрова въ два яруса. Двуярусный домъ дву этажный. Касим. у.

* Ламаный. . . . . . . Опытный. Опытомъ наученый.
Лапотать . . . . Нѣжно, неразборчиво говорить.
Ласточка . . . . Полевая мышь.
Латашить . . . . Хлопотать.
Лауха, лаушка. . . . . . Сѣть, силокъ, западня.
Лахма̀чь. . . . . . . Оборванецъ.
Ла̀хмы, ло̀хмы . . . . . Лохмотья Длинныя, растрепанныя космы волосъ.
Лебощь или лебось. . . . Быть можетъ (Авось). Напр. «Лебось баринъ пріѣдетъ, а лебось и нѣтъ».
Ледащій, ледящій . . . . Сухощавый, худой, малосильный.
Лежень . . . . Бочка.
Лельямъ и лельянъ . . . Куреніе, фиміамъ.
Лестли̇вый . . . . Ласковый.
Лепёха . . . . Пятно отъ грязи.
Лепёха . . . . Толстый ребенокъ, женщина.
Лётать . . . . Шибко бѣгать. «Ужъ я лётала, лётала». О. С.
Лихой. . . . . Злой [1].
Лига̀шка. . . . . Лягушка.
Личманистый. . . . . . Красивый лицомъ, имѣющій широкое, круглое и правильное лицо.
Лопѣно . . . . Полѣно.
Ло̀скъ. . . . . Лощина, небольшая балка. «Въ лоску»—въ лощинѣ.
Лу̇да [2]. . . . . Соломата.
Лужа, лусь. . . . . . . Озерко.
Лужанинъ. . . . . . . Приозерный житель.
Лужи, лужникъ. . . . . Мокрое болотистое мѣсто.
Лупёжъ. . . . . Грабежъ.
Лыняло. . . . . Человѣкъ, избѣгающій работы, лѣнтяй.
Лытить . . . . Уклоняться, бѣгать отъ дѣла.
Лытки . . . . Ноги.
Льнйще . . . . Поле, съ котораго убранъ ленъ. О. С.
Льгота . . . . Облегченіе.
Лѣсъ. (Лѣса Божіи). . . Засѣки. Заповѣдный лѣсъ.
Любичь . . . . Любезный молодой человѣкъ.
Любо. . . . . Хорошо, красиво.
Людинъ. . . . . Простой человѣкъ.
Люлька. . . . . Колыбель.
Люльку тянуть . . . . . Трубку курить.
Лягать, лягнуть. . . . . Бить, колотить.
Ляпунъ. . . . . Моральщикъ.
Ляскать. . . . . Медленно, неповоротливо жевать пищу, нехотя ѣсть.
Лясы. . . . . Шутка. «Лясы точить. Лясы городить. Лясы вѣять»
Ляля̇кать . . . . Про ребенка, болтать.
Лясничать . . . . Шутить, пустяки говорить.
Лупоглазый. . . . . . . Пучеглазый.

М.

Магарычъ [3]. . . . . . . Доли, барыши, употребляемые продавцемъ на потчиваніе покупщика послѣ продажи.

---

[1] Злой духъ. Касим. у. [2] Касим. у. [3] Слово не славянское, но встрѣчается ещ въ Сербск. грамотахъ Дубровницкихъ: могоришь (въ смыслѣ извѣстной подати) и в лат. дубровн. актахъ magarisium См. Слов. Даничича (могорышь). Въ Посл арх. Геннадія (1495 — 1504 г.)—мзда, плата. (Срезневск. Словарь).

* Ламиха—полтина. Въ Спасск. у. и въ Сузд. Владим. г.

Мадѣть . . . . Долго дѣлать какое либо дѣло, сидѣть долго надъ однимъ дѣломъ.
Мазанки. . . . . Карты: валетъ, король, дама.
Мазырничить . . . . . . Изъ пищи выбирать что получше.
Мазырня. . . . . Сластоѣдка, лакомка.
Маковка или макушка . . Голова или верхъ какого зданія, дерева и даже растенія.
Маластофъ. . . . . . . Горшокъ, окруженный березовою или липовою корою.
* Маластырь . . . . . . Монастырь. О. С.
Мамѝста. . . . . Нарядъ деревенскихъ бабъ, состоящій изъ разноцвѣтнаго бисера. Монисто.
Манàси . . . . Монахи. О. С.
Манерный . . . . Красивый.
Маненько . . . . Маленько, немножко.
Мараковать. . . . . . . Умѣть, знать что либо, быть искусну въ какомъ либо дѣлѣ.
Маркотно . . . . Трудно, тяжело. «Мнѣ маркотно молоденькѣ, нигдѣ мѣста не найду».
Мàрь. . . . . Жара, пекло. О. С.
Мàрить . . . . Печь, про солнце. О. С.
Мастюшка . . . . Небольшой муравленый горшечекъ.
Материна . . . . Большая дикая утка (кряковная).
Матўситься, муташиться. . Мерещется, чудится.
Матычина . . . . Большая лощина или оврагъ, чрезъ который устроенъ мостъ.
Матюха . . . . Матвѣй.
Махотка, махотня, махоня . Маленькой горшочекъ.
Махлевать или мухлевать . Плутовать, мошенничать.
Мачѐнецъ . . . . Пенька.
Медвѣжина. . . . . . . Крушина, дерево.
Мень, меньтюкъ. . . . . Налимъ рыба.
Миршина . . . . Любострастная болѣзнь.
Микичьна . . . . Никитишна (отечество).
Мокряда. . . . . Сырость.
Маланьѝ. . . . . Молнія. О. С.
Молвить, я молвилъ . . . Сказать, я сказалъ.
Молодка . . . . Молодая курица.
Мòма—мўма . . . . . . Мать, мама, маменька.
Моня. . . . . Сальникъ, кушанье [1]).
Мордавать. . . . . . . Безъ пощады бить по мордѣ. «Экой живодеръ! Совсѣмъ замордовалъ бѣдную лошадь».
Мостъ. . . . . Сѣни. «Выдти (т. е. изъ избы) на мостъ; тамъ стоятъ уши (т. е. ушатъ), въ нихъ и зачерпни себѣ водицы».
Мнимный огонь . . . . . Такъ называются свѣтящіяся гнилушки.
Мякàть . . . . Предполагать. „Я мякàю, что баринъ Тришку отдастъ въ солдаты“ [2]).

Н.

Набуровать. . . . . . . Много налить.
Навялиться. . . . . . . Навязаться, докучать.
Нады. . . . . Надысь, намедни, означаетъ время неопредѣленно прошедшее.

---

[1]) Татарское кушанье (съ бараниной) чрезвычайно жирное. [2]) Сборникъ Диттеля составленъ еще до освобожденія крестьянъ.

* Малахай—шапка съ короткими ушами. Скоп. у.

Надысь	Давно.
Назюкаться или назюзиться.	Напиться пьяну до невозможности стоять на ногахъ и говорить.
Наказалъ	Велѣлъ.
Накидка.	Простыня.
Наклюнулся	Полегся, слегъ хлѣбъ.
Накметѝ.	Заодно. «Всѣ накмети».
Наметки наметывать . . .	Намекать на что либо.
Напо̀лъ.	Большая кадушка для ссыпки хлѣба, сдѣланная изъ липоваго или другого какого либо дупла.
Нара̀нье	Время послѣ угара.
Нарѐта	Рыболовный снарядъ, сплетенный изъ прутьевъ; нерето, верша.
Нары.	Задняя лавка въ избѣ, кутникъ.
Насо̀вки.	Фартукъ съ лифомъ и рукавами, для того, чтобы во-время стряпни не замарать рукавовъ сорочки.
Наслусъ.	Вода выступившая на ледъ. Рязанскіе земледѣльцы замѣчаютъ, что когда проявится наслусъ, въ тотъ годъ хорошо уродится просо.
Насуропить.	Насыпать или налить, что либо черезъ чуръ.
Нахрапомъ.	Насильно, силою что взять.
Начевки.	Латокъ.
На чеку	Въ совершенной готовности быть.
Не балуй.	Нешали.
Небыль	Незнающій, несмыслящій дѣла.
Не дури.	Нетрогай.
Недотрешься.	Недобьешься толку.
Неклюжъ	Дурень.
Неклявой	Дурной, негодный.
Неможетъ	Хвораетъ, болѣетъ.
Непота̀чь	Пускай, конечно.
Непритошный.	Неприверженный, непривязанный.
Неугомонный	Капризный, крикунъ, шутливый.
Нѐслухъ.	Непослушный ребенокъ.
Несусвѣтно.	Нестерпимо, несносно.
Несусвѣтный	Необыкновенный. «Вѣтръ, дождь несусвѣтный».
Ни.	Не.
Ни синя пороха въ ротъ не бралъ.	Совсѣмъ ничего не ѣлъ.
Нишни, нишкни	Молчи.
Нишну̀ть-нѝшнуть	Замолчать.
Ну, ну, инъ	Тоже, что ну.

О. [1]

Оба̀калъ.	Напрасно, по пустому.
Оба̀палъ.	Подлѣ, близъ.
Обижда	Обида.
Обиждать	Обижать.
Обизорить	Безчестить, стыдить.
Обмулить	Обворожить, околдовать.
Оборка	Обрывокъ или отрѣзокъ отъ веревки [2].

[1]) Всѣ эти слова должны бы находиться подъ А. Ред. [2]) Обора—тесемка или веревочка, для укрѣпленія на ногѣ онучъ.

Обтыненъ . . . . Огороженъ. Такъ поется въ одной старинной пѣснѣ:

„Филимоновъ дворъ
Тыномъ обтыненъ,
Серебромъ обведенъ“.

Объя́нить. . . . . Обозрѣть.
Обызрить . . . . Призрѣть кого.
Обыденный. . . . . . . Нынѣшній, сегодняшній, наприм. обыденное молоко, обыденный пирогъ.
Обѣдить. . . . . Обидѣть, причинить бѣду.
Овся́ны . . . . Поле, съ котораго убранъ овесъ.
Огульно. . . . . Вдругъ, разомъ, оптомъ. Онъ продалъ свой товаръ огульно.
Огурный. . . . . Упрямый.
Озоръ. . . . . Шпіонъ.
Озя́въ. . . . . Разиня.
Околѣть. . . . . «Околѣть до смерти». Перезябнуть.
Оку́дникъ . . . . Кудесникъ, колдунъ.
Оку́ла, оку́та . . . . . . Хвастунъ.
Ололы́ка. . . . . Болтунъ.
*Олонясь. . . . . Дня за два или за день.
Опритчиться . . . . . . Разгнѣваться, распалиться гнѣвомъ.
Ослабани́ть. . . . . . . Освободить, дать свободу.
Осмѐтокъ . . . . Изношенный лапоть. «Съ медомъ и осметокъ съѣшь».
Ососать . . . . Обмануть.
Ососокъ. . . . . Жеребенокъ или теленокъ, только что отнятый отъ матки.
Островъ. . . . . Отдѣльная отъемная роща [1]).
О сю пору . . . . До сихъ поръ.
Отважный. . . . . . . Ласковый, пріимчивый.
Отволгнуть. . . . . . . Отсырѣть.
Отгаить. . . . . Открыть, отворить. Говоря объ окнѣ.
Отзынуть . . . . Отойти, удалиться.
Охальникъ. . . . . . . Ругатель [2]).
Охальничать . . . . . . Ругать [2]).
Охолостить. . . . . . . Всё поѣсть [3]).
Охолоушить . . . . . . Съ ума сойти..
Охлѐба . . . . Обманщикъ, живущій на чужой счетъ.
Охлестъ. . . . . Обидчикъ.
Ошатунить, ошарашить . . Крѣпко ударить.
Ошеломить. . . . . . . Потеряться, ослабѣть умомъ отъ опьяненія.
Ошестокъ . . . . Помостъ печи, передъ челомъ; шестокъ.
Ошушунить. . . . . . . Произвести дурноту.
Ошнуться . . . . Очнуться.
Очунѣ́ться. . . . . . . Очнуться.

П.

Паго́да . . . . Буря.
Пажа. . . . . Лугъ, на которомъ пасется скотъ.
Пазобника . . . . Земляника [4]).
Паля́чка. . . . . Огневица, горячка.
Памчушникъ . . . . . . Полка въ крестьянской избѣ во всю стѣну [5]).

---

[1]) Касим. у. [2]) ib. [3]) ib. [4]) Скоп. у. [5]) Скоп. у.
*) Опочекъ—теленокъ. Касим. у.

Панёва	Платье деревенскихъ бабъ.
Панять	О лошади: гнать, погонять. «Ну, ну, паняй, паняй её».
Парень	Добрый малый или человѣкъ.
*Пекушъ или пекишъ. . .	Маленькой величины горшокъ [1]).
Перекабыливать	Пересмѣивать, передразнивать.
Перкобѣлый.	Разношерстный, пѣгій.
Пересѣкъ	Кадка, дѣлаемая изъ половины 40-й бочки [2]).
Перетòка.	Овечка, неягнившаяся сряду два, три года или долѣе [3]).
Перетыка	Затканный шелкомъ или шерстью, или цвѣтными нитками холстъ.
Першій	Первый.
Першій въ дому.	Хозяинъ (Мещер.).
Першо	Прежде, сперва.
Печурка.	Мѣсто, которое дѣлается въ печи для мѣлочныхъ поклажъ.
Пивикъ.	Чибизъ, птица.
Пиглàвый	Тощій, худой, кощей. (Слово укоризненное). Мужчину называютъ пиглявица, а женщину пиглица.
Питкиль.	Толкачь или пестъ.
Пить толстую брагу . . .	Пить бѣлую брагу [4]).
Пихтерь или толкачь. . .	Палка, которою толкутъ конопель.
Піянитъ	Злобится, ненавидитъ.
Плетень.	Подошва у лаптя [5]).
Плетèнь.	Неловкій человѣкъ, нескладный.
Плюгавый	Маленькій ростомъ, карликъ; плюгавка (женск.) карлица; бранное слово.
Плюшня.	Трехъугольный плетень, употребляемый при постройкѣ половней, коего острый уголъ служитъ сводомъ для крыши.
Плющь	Плоская травица.
Побабить.	Женить.
Повалиться.	Лечь спать. Атька уже повалился, пора и намъ.
Повалюха	Кушанье: гречневое тѣсто, обваленное въ толченое конопляное сѣмя [6]).
Повѣть	Крыша.
Податный	Сходный, дешевый [7]).
Подкаютъ	Анбаръ подъ холодною горницею.
Подпицъ.	Подполье.
Позвонокъ.	Колокольчикъ.
Позобить	О ягодахъ: поѣсть.
Позоранки.	Ранѣе.
Поканаться	Бросить жребій, помѣриться, наприм. на палкѣ.
Покòсъ	Сѣнокосъ.
Поличка.	Полка.
Пооброчить.	Наложить оброкъ.
Поползèнно.	Полезно, выгодно.
Порятовить.	Помочь въ бѣдѣ, спасти отъ бѣды.
*Пословный.	Послушный, скорѣй къ исполненію приказаній.
Постàва	Большой кувшинъ.
Поставня	Большая деревянная чашка, въ которой валяютъ хлѣбное тѣсто передъ тѣмъ, какъ сажать его въ печь.
Посулъ	Подарокъ.

---

[1]) Скоп. у. [2]) Касим. у. [3]) ib. [4]) ib. [5]) ib. [6]) Касим. у. [6]) ib. [7]) ib.

* Перевня—кадка, въ которой готовится кормъ для свиней.

* Поклòчить—ягоды. Перемять. Касим. у.

Посчастить. . . . . . . Немного времени подождать.
Посѣвка. . . . . Мѣшалка.
Потачить . . . . Потопить.
Потетёшить. . . . . . . Пѣстовать, няньчить.
Потока . . . . Течка изъ уха.
Потѣшить . . . . О коровѣ: подоить.
Пошелъ въ утёкъ. . . . Пустился въ бѣгъ.
Пройдевать. . . . . . . Поблажать, потакать.
Привередничать . . . . Притворяться. Напр. больнымъ или нелюбящимъ того или другого кушанья.
Приволочка. . . . . . . Небольшой неводъ [1]).
Пригожій . . . . Пріятный.
Пригалтаться. . . . . . Привыкнуть. С.
Приголубить . . . . . . Приласкать.
Призарить. . . . . . . Прельстить.
Припипонить. . . . . . Приударить, понудить (напр. лошадь) кнутомъ.
Приспѣй ососка. . . . . Изжарь поросенка [2]).
Притомъ. . . . . Подлинно, точно.
Притоманно . . . . . . Истинно, дѣйствительно.
Притомный. . . . . . . Приверженный.
Притуляться . . . . . . Прятаться, хорониться.
Пробрушить. . . . . . . Пробить рогомъ. «Его корова пробрушила», т. е. проткнула рогомъ.
Пройда, пройдоха . . . . Пройдоха—хитрый, ловкій человѣкъ.
Проноза. . . . . Искусный въ развѣдываніи тайнъ.
Прòпасть . . . . Много.
Прòрва . . . . Протокъ рѣки [3]).
Просàнье . . . . Поле, съ котораго убрано просо.
Прохимла . . . . Продувной мошенникъ, хитрецъ, надувало.
Пудовка. . . . . Четверикъ.
Пульный. . . . . Пустой, ничтожный. «Пульное дѣло».
Пунька . . . . Повѣть.
Пустаграй. . . . . . . Скалозубъ, насмѣшникъ и пересмѣшникъ.
Путлять. . . . . Путать.
Пучить . . . . Дуть. Насытился, ажно пуча. Наѣлся, даже дуетъ [4]).
Пырёнокъ . . . . Птенецъ индейки.
Пышка . . . . Лепешка.
Пьяника. . . . . Ягода голубого цвѣта, въ родѣ черники, такъ называемая голубица.
Пѣсью . . . . Пѣшкомъ.

Р.

Радуша . . . . Молочна.
Развытной. . . . . . . Бойкій, разговорчивый.
Разгувилка. . . . . . . Вилообразное развѣтвленіе.
Разгунѣжаться . . . . . Расплакаться, разнѣжиться.
Раздохнуть. . . . . . . Разбить, расколотить.
* Разкокать . . . . Разбить что нибудь [5]).
* Разчетверивать . . . . . Медленно, не скоро дѣлать или говорить.
Растепеля . . . . Разстегнутый, растрепаный [6]).
Рать. . . . . Непріятельское войско.

[1]) Касим. у. [2]) ib. [3]) ib. [4]) ib. [5]) ib. [6]) ib.
* Разсыкать—раскатывать. Разсыкать тѣсто. Касим. у.
* Раменный—боровый: Раменные дрова—изъ бора дрова. Касим. у.

Рѐли . . . . Качели.
Рòбить . . . . Работать, дѣлать.
Рогàчъ . . . . Ухватъ короткій.
Ржàвецъ. . . . . Оврагъ въ желѣзистыхъ породахъ, по дну котораго сочится вода. С.
Ржйще . . . . Поле, съ котораго убрана рожь. С.
Рукоятка, ... Палка толстая и коротенькая.
Рушнйкъ . . . . Полотенце.
Рыга . . . . Рига.
Рюма. . . . . Плакса, хныкса.
*Рюмить . . . . Плакать.
Рябика . . . . Рябина.
Рядить . . . . Нанимать.
Рядный . . . . Наемный.
*Рясà . . . . Топкое или просто мокрое мѣсто или земля). Отсюда водяное растеніе—ряска, покрывающее лужи и пруды. Въ южной части губерніи нѣсколько рѣкъ носятъ названіе рясъ: Становая Ряса, Московàя Ряса, Ягодная Ряса и пр.). С.

С.

*Саласки . . . . Санки.
Салущій. . . . . Сладкій.
Салòдкій. . . . . Сладкій.
Сарафанъ . . . . Шубка синяя шерстяная.
Сбиться съ похвей . . . . Сбиться съ толку, безтолково что нибудь говорить или дѣлать.
Сварнакать. . . . . . . Что нибудь не такъ сказать или сдѣлать.
Свекры . . . . Свекровь.
Свѣтецъ. . . . . Подсвѣчникъ.
Свѣтлица . . . . Бѣлая свѣтлая комната.
Свѣтчій. . . . . Дружко [1].
Сгàльный . . . . Сумашедшій, бѣшеный.
Сѐже, Сежа. . . . . . . Вотъ то—тоже [2].
Семикъ . . . . Старинный праздникъ на седьмой недѣли послѣ святой [*].
Семитка. . . . . Двѣ коп. серебромъ.
Сердѐшникъ . . . . . . Шкворень, стержень.
Сиверка . . . . Это слово выражаетъ такое состояніе атмосферы, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ мелкій дождь.
Скабѣжливый. . . . . . Брезгливый, привередливый.
Скалишить. . . . . . . Смять, сдавить.
Скорода. . . . . Луговое растеніе, по виду похожее на озимую зелень, а по вкусу имѣетъ сходство съ лукомъ. Простолюдины употребляютъ это растеніе въ пищу, точно такъ, какъ огородный лукъ, рѣжутъ его, толкутъ и хлебаютъ съ квасомъ.
Скородить. . . . . . . Тоже, что волочить (См. это слово).
Скутать печку . . . . . Закрыть печку.
Словно . . . . Будто, точно.

---

[1]) Касим. у. [2]) Раненб. у.

* Въ Рязани много Рюминыхъ.

* Рясское поле (между Ряжскомъ и верховьями рѣчекъ Рясъ), извѣстное еще во времена Дмитрія Донского.

* Садовня—оранжерея. Касим. у. Сае—себя. Раненб. у.

Слякоть . . . . Дождливая дурная погода.
Сниски . . . . Ожерелье.
Садомить . . . . Шумѣть.
Садомъ . . . . Крикъ, шумъ, а иногда множество, куча. Какой ихъ содомъ! Какая ихъ куча [1])!
Спалать, спихать . . . . Удивляться чему [2]).
Спологоря . . . . Можно, угодно, вольно, «спологоря тебѣ говорять это».
Спонадобиться . . . . . . Понадобиться.
Спуха . . . . Сажа. С.
Ставецъ . . . . Большая деревянная чашка.
Ставчикъ . . . . Чашка деревянная.
Старовать . . . . Разговаривать, разсуждать.
Стёжка . . . . Тропинка.
Стожары . . . . Огородка около стоговъ сѣна [3]).
Стожары . . . . Созвѣздіе, плеяды. С.
Стойка . . . . Кадка средней величины [4]).
Столёшникъ . . . . Скатерть.
*Студено . . . . Холодно.
Судачить . . . . Пересуживать.
Судницы . . . . Лавка въ заднемъ углѣ, устроенная въ видѣ ларя, въ которую прячется посуда.
Сумятица . . . . Шумъ, волненіе.
Сурна . . . . Рыло, морда (Слово укоризненное).
Сусвѣтный . . . . Обычный, модный.
Сусѣкъ . . . . Большая (четверти въ двѣ и три) кадушка для ссыпки хлѣба, которая выдалбливается обыкновенно изъ цѣльнаго отрубка липоваго или ивоваго.
Сухостой . . . . Засохшее дерево.
Сходцы . . . . Лѣстницы.
Съ бухту барахту . . . . Безъ соображенія, на обумъ.
Сынокъ . . . . Родъ браги.
Сыпуха . . . . Сажа, накапливающаяся въ печной трубѣ.
Сѣнница . . . . Мѣсто, гдѣ сваливаютъ сѣно, для сбереженія.
Сюсюка . . . . Тотъ, который говоритъ языкомъ, свистящимъ или пришипетывающимъ.
Сусѣдъ . . . . Сосѣдъ.

Т.

*Табакъ пить . . . . . . Табакъ нюхать [5]).
Тарыга . . . . Прибыль, барышъ. Мелкая торговля.
Татарка . . . . Толстая короткая плеть.
Таланливый . . . . Даровитый, понятливый. С.
Тенига . . . . Чахлый, сухой.
Теска . . . . Одноимянный, т. е., когда два человѣка имѣютъ одно имя.
Тоё . . . . Какъ.
Токъ . . . . Гладкое и ровное мѣсто, на которомъ молотятъ разный хлѣбъ.
Тонакать . . . . Напѣвать что нибудь про себя.
Торганъ . . . . Торгашъ.
Тороватый . . . . Проворный.

---

[1]) ib. [2]) Раненб. у. [3]) Касим. у. [4]) ib. [5]) Касим. у.
* Стыдъ—холодъ.
* Тая—тебѣ. Раненб. у.

Трастать. . . . . Смѣшивать одно съ другимъ.
Трафлятся. . . . . . . Случатся [1].
Трезвонить. . . . . . . Звонить.
Трёшникъ . . . . 3-хъ копѣечная монета.
Трудный. . . . . Больной.
Трунить. . . . . Шутить.
Трынуть. . . . . Вдругъ побѣгъ.
Тумата . . . . Слѣпота, темнота.
Туразить. . . . . Съ гамомъ гоняться за кѣмъ, преслѣдовать, ло Напр.: волковъ, зайцевъ.
Тылять . . . . Гоняться за кѣмъ.
Тынъ. . . . . Огородъ.
Тяпка. . . . . Сѣчка.
Тѣлешомъ . . . . Нагишомъ, раздѣвшись до нага.

У.

Убить. . . . . Ушибить.
Убоина. . . . . Свинина. Всякое мясо [2].
Уволокъ. . . . . Укралъ, унесъ.
Угодница . . . . Горшокъ или чугунъ средней величины.
Угомонить. . . . . . . Успокоить.
Угомонный. . . . . . . Тихой.
Ужище . . . . Веревки.
Узе или узетъ . . . . . Бабій кафтанъ.
Уконтовать. . . . . . . Удовлетворить.
Улапить. . . . . Украсть.
Улдгій . . . . Убогій, безногій, лишенный движенія.
Урочливый. . . . . . . Тотъ, который боится глазу или котораго легко зить. Урочливое дитя.
Утирка. . . . . Полотенцо [3].
Утыиальникъ. . . . . . Ухватъ.
Ухондакать. . . . . . . Наповалъ убить.
Ухвàтъ . . . . Водоносъ. Удалецъ, угаръ, хватъ.
Ухмыляться. . . . . . . Улыбаться. (Слово презрительное). Что ты, какъ была, умывляешся.
Ухолпить . . . . Истерять, промотать [4].
Уцупизнуть. . . . . . . Отнять, взять.
Уши. . . . . Ушатъ, въ которомъ воду носятъ. (Егор. уѣзд.).

Ф.

Фляшка. . . . . Бутылка.
Филя . . . . Тоже, что простофиля, ротозѣй, разсѣянный.
Фалилей и фалей . . . . Простякъ, недогадливый, несмѣтливый.
Фигурный. . . . . . . Ловкій, хорошо пляшущій.
Фигуранъ . . . . Фокусникъ, шалунъ, весельчакъ.

Х.

Хайло распустить . . . . Шумѣть, кричать.
Халдмъ. . . . . Балтунъ.
Хàтка. . . . . Клѣть.
Халтура. . . . . Погребальная пирушка, поминки.

---

[1] ib. [2] Убоина и харчь—говядина Касим. у. [3] ib. [4] ib.

Халява . . . . Неряха, неопрятный, ая.

Хапать . . . . Хватать, брать съ жадностію. Онъ все къ себѣ захапалъ. Этакая ненасытимая утроба, такъ все и хапаетъ. Сущ. хапъ или хапунъ.

Харчъ. . . . . Говядина. Издержка.

Хватить. . . . . Ударить.

Хватскій. . . . . Славный.

Хворать. . . . . Болѣеть, хвораетъ.

Хибарка. . . . . Горенка, сплетенная изъ хвороста и обмазанная грязью.

Хлабысть . . . . Вдругъ, нечаянно. «Хлабысть придетъ кто нибудь, а ты тѣлешомъ».

*Хлабыстнуть . . . . . . Хлестнуть.

Хлудъ (Хлудовъ фамилія въ Егорьевскомъ уѣздѣ) . . . Водоносъ или коромысло, при помощи котораго два человѣка носятъ ушатъ съ водою.

Хныкать. . . . . Плакать.

Ховрячиха. . . . . . . Барыня.

Ховрячонокъ. . . . . . Барченокъ.

Холопъ . . . . Слуга.

Хоровина . . . . Шкура, невыдѣланная кожа.

Хоромы. . . . . Домъ.

Христовы онучки . . . . Такъ называются блинцы, испеченные изъ гречневаго, овсянаго или пшеничнаго тѣста. Въ день Вознесенія Господня простолюдины рязанскіе, напекши дроченъ, близнецовъ и лѣстницъ, ходятъ съ ними въ зелени, и тамъ, попировавши, оставляютъ нѣсколько блинцовъ и лѣстницъ, вѣря, что Христосъ, обувшись въ онучки (блинцы), восходитъ по лѣстницѣ на небо.

Хрюня . . . . Неопрятный.

*Хупань. . . . . Верхняя женская одежда.

Храпомъ или нахрапомъ. . Насильно, напр. «онъ взялъ у меня нахрапомъ».

Ц.

Царапнуть . . . . Ударить.

Цыма и цима. . . . . . Крикъ къ собакѣ или птицѣ, чтобы она чего нибудь нетрогала.

Цупизникъ. . . . . . . Уполовникъ; отсюда глаголъ уцупизнуть: убавить, уполовинить. «Ягольникъ-то яруя; возьми, невѣстка, цупизникъ, уцупизни его» (Егор. уѣзд.).

Цьеба. . . . . Нетрогай [1]).

Цыльскъ. . . . . Человѣкъ.

Цядо, цядусько. . . . . Ласковое слово, значитъ сокровище, какъ, напр. Жена говоритъ мужу: «Ахъ, ты, цядусько родное».

Цокнуть. . . . . Чекнуть.

---

[1]) Цыба—Раненб. у.

* Хлибкій—слабый, хворый.

* Въ Ип. Лѣт. подъ г. 1141: «Кияне же рекоша Вячьславу... «ать же пойдуть вси, како можеть и хлудъ въ руци взяти». Ред.

* Въ связи съ сл. жупанъ. Хупанъ (x въ Ряз. гов. (h)—предполагаетъ гупанъ такъ гупа (губа) и жупа (=губа). Нарядъ, одежда жупанъ б. м. въ связи съ сословіемъ, классомъ—жупановъ. Быть можетъ гуня, гуни (одежда), гунявый (плѣшивый, лысый,—облѣзлый (и безбородый?), остатокъ имени Гунновъ? Ред.

Смерть и душа

въ повѣрьяхъ и въ разсказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи.

Предвѣщаніе смерти.

1. Младенецъ не переживетъ дѣтскихъ годовъ, если, во время крещенія, волосики его, закатанные въ воскъ и брошенные въ купель крестнымъ отцомъ,—пойдутъ ко дну.
(Данковскій у., повсемѣстно).

2. Ребенокъ, который очень тяжелъ въ тотъ возрастъ, когда еще не ходитъ,—не жилецъ на этомъ свѣтѣ: земля его къ себѣ тянетъ, оттого онъ и тяжелый.
(Данковск. у. со словъ крестьянки деревни Кораваевки Мураев. волости, Марьи Титовой).

3. Ребенокъ слишкомъ кроткій и не по лѣтамъ „разумный" тоже не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Богъ любитъ такихъ дѣтей и поскорѣе призываетъ ихъ къ себѣ.
(Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьино, Мавры Романовой).

4. Ребенокъ, играющій въ похороны, непремѣнно „пророчитъ" себѣ, или кому нибудь въ семьѣ смерть. (Съ ея-же словъ).

5. Подъ новый годъ можно узнать, кто умретъ въ приходѣ въ теченіе года. Для этого надо около полуночи сѣсть одному на церковную паперть. Въ самую полночь, пока сторожъ ударяетъ въ колоколъ, пойдутъ другъ за дружкою въ церковь люди. Надо постараться ихъ узнать и слушать, что запоютъ каждому изъ нихъ, когда онъ входитъ въ церковь: кому запоютъ свадебный стихъ,—тотъ женится, или выйдетъ замужъ въ теченіе года, а кому „со святыми упокой",—тотъ непремѣнно умретъ. Себя тоже можно видѣть идущимъ въ церковь. (Съ ея-же словъ).

6. Если человѣкъ найдетъ расцвѣтшую въ неурочное время (осенью) вѣтку яблони, особенно, если онъ сорветъ такую вѣтку, то вскорѣ умретъ.
(Данковскій уѣздъ, со словъ крестьянки деревни Гремячки, Мураевинской вол., Марьи Маркиной).

7. Смотрѣться на ночь въ зеркало—накликать на себя смерть.
(Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

8. Оставлять долго свою постель не прикрытую одѣяломъ—значитъ пускать въ нее смерть или болѣзнь. (Съ ея-же словъ).

9. Видѣть во снѣ, что причащаешься,—предвѣщаетъ очень скорую смерть, часто на слѣдующій же по этомъ сновидѣніи день. (Съ ея-же словъ).

10. Если человѣка, гдѣ нибудь въ полѣ, или въ лѣсу, окликнетъ по имени непонятный голосъ, то не надо на него откликаться. Если-же, невзначай, отвѣтишь на такой голосъ, то вскорѣ умрешь, потому что это „смерть зоветъ къ себѣ".
(Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

11. Видѣть призракъ живого какого нибудь человѣка—знакъ, что душа этого человѣка хочетъ разстаться съ его тѣломъ. (Съ ея-же словъ).

12. Собирать во снѣ бѣлые цвѣты,—къ покойнику.
(Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

13. Если птичка влетитъ въ окно избы и сейчасъ-же снова выпорхнетъ,—это знакъ, что скоро умретъ кто нибудь въ домѣ.
(Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

Шишимора.	Кикимора.
Штукавый, ая	Развязный, бойкій. Напр. «Эта баба будетъ поштукавѣе той».
Шти	Щи.

Щ.

Щѐка	Бойкой, хитрый.
Щѐлепень	Ковшикъ.
Щепàть	Колоть.
Що	Что.
Щòвнуть	Сказать на ухо.
Щ́ура	Слѣпой, близорукій, прищуривающійся.
Щемлѝвый, ая	Болѣзненный, ая. «Она баба щемливая и къ службѣ негодная».

Ѣ.

Ѣдòвый	Вкусный, годный для ѣды. Напр.: ѣдовое сѣно, ѣдовая трава и проч.
Ѣд́унъ	Тоже, что обжора.
Ѣдкій	Экой? Какой?
Ѣдный	Одинъ. Напр.: «Я у него только ѣдный разъ былъ».

Ю.

Юлѝть	Вертѣться, ломаться.
Юлà	Вѣтренникъ, шалунъ, проказникъ.
Юхнуть	Ударить кого нибудь. Напр.: «Какъ я тебя юхну, такъ ты и не опомнишься».
Юрчàть	Ворчать, подъ носъ говорить.

Я.

Ягольникъ	Горшокъ средней величины.
Ягодка	Ласкательное. С. голубчикъ, голубушка.
Язать	Обласкать надеждою, обѣщать, обнадежить. (Ряз. уѣзда въ селѣ Дубровичахъ).
Янчалъ	Вмѣсто: ячаялъ, думалъ [1]).
Янчить	Франтить, щеголять.
Янька	Яковъ и франтъ, щеголь, самохвалъ.
Ярка	Годовая неягнившаяся овечка [2]).
*Ярило	Старинный праздникъ; въ иныхъ селеніяхъ бываетъ на другой день праздника Петрова дня, а въ другихъ въ день всѣхъ святыхъ [3]).
Ярыга, ярыжка	Работникъ, батракъ.
Ящикъ	Четырехколесная телѣга [4]).
Ядреный	Здоровый, прочный, крѣпкій.

Рязань. 1860. *Диттель.*

---

[1]) Раненб. у. [2]) Касим. у. [3]) ib. [4]) ib.

*) Ярусъ—рядъ. Дрова въ два яруса. Двуярусный домъ двуэтажный. Касим. у.

Смерть и душа

въ повѣрьяхъ и въ разсказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи.

Предвѣщаніе смерти.

1. Младенецъ не переживетъ дѣтскихъ годовъ, если, во время крещенія, волосики его, закатанные въ воскъ и брошенные въ купель крестнымъ отцомъ,—пойдутъ ко дну. (Данковскій у., повсемѣстно).

2. Ребенокъ, который очень тяжелъ въ тотъ возрастъ, когда еще не ходитъ,—не жилецъ на этомъ свѣтѣ: земля его къ себѣ тянетъ, оттого онъ и тяжелый. (Данковск. у. со словъ крестьянки деревни Кораваевки Мураев. волости, Марьи Титовой).

3. Ребенокъ слишкомъ кроткій и не по лѣтамъ „разумный" тоже не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Богъ любитъ такихъ дѣтей и поскорѣе призываетъ ихъ къ себѣ. (Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьино, Мавры Романовой).

4. Ребенокъ, играющій въ похороны, непремѣнно „пророчитъ" себѣ, или кому нибудь въ семьѣ смерть. (Съ ея-же словъ).

5. Подъ новый годъ можно узнать, кто умретъ въ приходѣ въ теченіе года. Для этого надо около полуночи сѣсть одному на церковную паперть. Въ самую полночь, пока сторожъ ударяетъ въ колоколъ, пойдутъ другъ за дружкою въ церковь люди. Надо постараться ихъ узнать и слушать, что запоютъ каждому изъ нихъ, когда онъ входитъ въ церковь: кому запоютъ свадебный стихъ,—тотъ женится, или выйдетъ замужъ въ теченіе года, а кому „со святыми упокой",—тотъ непремѣнно умретъ. Себя тоже можно видѣть идущимъ въ церковь. (Съ ея-же словъ).

6. Если человѣкъ найдетъ расцвѣтшую въ неурочное время (осенью) вѣтку яблони, особенно, если онъ сорветъ такую вѣтку, то вскорѣ умретъ. (Данковскій уѣздъ, со словъ крестьянки деревни Гремячки, Мураевинской вол., Марьи Маркиной).

7. Смотрѣться на ночь въ зеркало—накликать на себя смерть. (Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

8. Оставлять долго свою постель не прикрытую одѣяломъ—значитъ пускать въ нее смерть или болѣзнь. (Съ ея-же словъ).

9. Видѣть во снѣ, что причащаешься,—предвѣщаетъ очень скорую смерть, часто на слѣдующій же по этомъ сновидѣніи день. (Съ ея-же словъ).

10. Если человѣка, гдѣ нибудь въ полѣ, или въ лѣсу, окликнетъ по имени непонятный голосъ, то не надо на него откликаться. Если-же, невзначай, отвѣтишь на такой голосъ, то вскорѣ умрешь, потому что это „смерть заветъ къ себѣ". (Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

11. Видѣть призракъ живого какого нибудь человѣка—знакъ, что душа этого человѣка хочетъ разстаться съ его тѣломъ. (Съ ея-же словъ).

12. Собирать во снѣ бѣлые цвѣты,—къ покойнику. (Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

13. Если птичка влетитъ въ окно избы и сейчасъ-же снова выпорхнетъ,—это знакъ, что скоро умретъ кто нибудь въ домѣ. (Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

14. Сова, кричащая на крышѣ избы или дома,—предвѣщаетъ въ этомъ домѣ покойника. (Съ ея-же словъ).

15. Собака, воющая подъ окошкомъ, понуря голову, или роющая у порога избы яму,—предвѣщаетъ тоже смерть. (Съ ея-же словъ).

16. Когда курица закричитъ пѣтухомъ, то это предвѣщаетъ большое несчастіе: чаще всего смерть хозяина дома. (Съ ея-же словъ).

17. Крысы и мыши тоже часто предвѣщаютъ смерть.

Если онѣ съѣдятъ у кого нибудь одежду или обувь, то такому человѣку это предвѣщаетъ смерть.

Мѣщанка Пелагея Аксенова разсказывала, что, во время ея дѣвичества, крыса повадилась спать у нея за пазухой. Иногда, просыпаясь ночью, она къ своему ужасу, ощущала ее на груди, тотчасъ-же вскакивала и прогоняла ее, но на слѣдующую ночь крыса къ ней возвращалась. Вскорѣ умеръ отецъ Пелагеи и, съ этого самаго дня,—крыса пропала.

(Данковскій уѣздъ, со словъ Данковской мѣщанки, Пелагеи Аксеновой).

18. Мышиный свистъ и появленіе бѣлой мыши,—тоже часто предвѣщаетъ покойника въ домѣ. (Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

19. Пропажа домашней кошки или кота,—означаетъ смерть хозяйки или хозяина дома.

(Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

20. Когда у человѣка начинаютъ быстро рости ногти и волосы,—то это къ скорой смерти. (Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

21. Если у покойника не закрытъ одинъ глазъ,—значитъ, онъ имъ высматриваетъ второго покойника въ домѣ. (Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

22. Если гробъ для покойника вышелъ великъ,—болѣе его роста,—надо вскорѣ ожидать второго покойника въ домѣ. (Съ ея-же словъ).

23. Человѣкъ, споткнувшійся при проводахъ покойника или упавшій въ его могилу,—вскорѣ умретъ. (Съ ея-же словъ).

Какъ накликать на живого человѣка смерть.

1. Если по живомъ человѣкѣ отслужить нѣсколько заупокойныхъ обѣденъ и панихидъ, то этимъ можно добиться его смерти.

(Данковскій уѣздъ, со словъ крестьянки деревни Савинки, Мураевинской волости, Аксиньи Шивуновой).

Люди, которые, умирая,—тянутъ за собой второго и третьяго члена семьи.

1. Бываютъ „двужильные“ люди. Живутъ они очень долго, а по смерти своей увлекаютъ за собою еще двухъ человѣкъ изъ семьи. (Съ ея-же словъ).

2. Мать, по смерти своей, часто отзываетъ любимаго своего ребенка за собою.

(Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

Смерть.

1. Когда человѣкъ долго и трудно отходитъ,—часто это признакъ того, что онъ великій грѣшникъ. (Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

2. Нехорошо умереть въ пятницу,—трудно будетъ на томъ свѣтѣ умершему въ этотъ день.

3. Самое лучшее умереть въ воскресенье, во время обѣдни, когда за насъ въ жертву приносятся тѣло и кровь Христовы. Такой смерти удостоиваются только праведные люди, которые уже навѣрное попадутъ въ рай.

4. Хорошо быть «убитому громомъ». Самъ Господь такимъ образомъ убиваетъ человѣка, а потому и всѣ грѣхи его ему прощаетъ.

5. Хорошо женщинамъ, умирающимъ родами: онѣ непремѣнно попадаютъ въ рай.

6. Чѣмъ худѣе и истощеннѣе умершій, «чѣмъ меньше тѣла онъ съ собою унесъ», тѣмъ легче ему на томъ свѣтѣ.

Какъ обращаться съ покойникомъ.

1. Съ покойника нельзя снимать рубашку черезъ голову: надо ее разорвать сверху до низу. (Данковскій уѣздъ, повсемѣстно).

2. Гребень, которымъ былъ причесанъ покойникъ и мыло, которымъ его обмывали, должны быть скорѣе брошены въ рѣчку, — чтобы съ ними «поскорѣе уплыла смерть».

3. Подушка подъ головой покойника въ гробу должна быть набита стружками отъ гроба.

4. Надо выносить покойника изъ дверей ногами впередъ,—иначе онъ вернется въ избу.

5. Въ осиновомъ гробѣ нельзя хоронить покойника. На осинѣ повѣсился Іуда, а потому покойника будетъ жечь осиновый гробъ.

6. По той же причинѣ нельзя ставить на могилѣ осиноваго креста.

Душа послѣ смерти.

Души умершихъ взрослыхъ людей пребываютъ въ темномъ пустомъ мѣстѣ до страшнаго Христова судилища,—праведники и грѣшники всѣ вмѣстѣ.—Въ то время, когда за нихъ вынимаютъ просфору, глаза ихъ видятъ свѣтъ.

Лучше всего служить по покойникамъ панихиду и поминать ихъ въ субботу, или въ какой нибудь праздникъ на недѣлѣ, тогда они видятъ свѣтъ вплоть до того времени, когда священникъ окончитъ воскресную службу. А если поминать ихъ въ воскресенье, то свѣтъ осіяетъ ихъ глаза лишь на то время, пока длится служба. Мы не знаемъ ничего,—гдѣ какая душа будетъ послѣ Христова судилища, въ раю ли, въ аду-ли. Но сама душа, въ то время, когда мы ее поминаемъ,—видитъ уготованное ей мѣсто. Если человѣку умершему приготовлено мѣсто въ аду, то родные и близкіе его на землѣ могутъ спасти его своими молитвами, могутъ «умолить за него Господа». Особенно легко можетъ мать умолить за своихъ дѣтей,—молитва матери всегда доходитъ до Бога. Также и жена за мужа. А мужъ за жену умолить не можетъ: таковъ ужь законъ.

Если въ субботу отслужить заупокойную обѣдню по покойникѣ, то душа его освобождается изъ темнаго мѣста, гдѣ она заключена,—на цѣлыя сутки, вплоть до окончанія воскресной службы. Душа, въ это время, свободно «гуляетъ по бѣлому свѣту».

Если она праведная, то невидимо пребываетъ съ нами въ это время, остерегая насъ отъ грѣха, если-же она грѣшная, то летаетъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ грѣшила, мучится, глядя на совершенные ею грѣхи «терпитъ казнь» и этимъ постепенно искупаетъ свои прегрѣшенія.

Сами за себя души умершихъ не могутъ молиться,—они молятся только за насъ, въ то время, когда мы поминаемъ ихъ за обѣдней, и, по ихъ молитвѣ, прощаются намъ многіе наши грѣхи. «Мы за нихъ молимся, а онѣ за насъ,—ни имъ безъ насъ, ни намъ безъ нихъ нельзя быть».

(Рязанской у. Со словъ крестьянки села Марьино, Мавры Романовой).

«Бывало, у насъ въ Кобельшѣ, въ старыя времена, какъ только посылалъ Господь засуху за грѣхи наши,—старушки шли въ церковь служить по своимъ сродникамъ обѣдню: и облегчалъ Господь насъ грѣшныхъ по молитвамъ покойничковъ: посылалъ дождичку...»

(Данковскій уѣздъ, со словъ крестьянки деревни Савинки, Муравенской волости, Татьяны Ворониной, родомъ изъ села Кобельши, Раненбургскаго уѣзда).

Младенцы не подлежатъ суду Христову потому, что самъ Христосъ допустилъ ихъ прямо входить въ Царствіе Божіе. Души младенцевъ идутъ прямо въ рай. Если младенецъ и согрѣшилъ чѣмъ на землѣ,—за грѣхъ его отвѣчаетъ его мать. Зато у престола Всевышняго никто не замолитъ грѣховъ младенца лучше его матери. Мать не должна плакать по своемъ умершемъ младенцѣ: ему свѣтло и хорошо въ раю,—ея же слезы капаютъ на него и жгутъ его.

(Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьино, Мавры Романовой).

Много пользы бываетъ душамъ грѣшниковъ, когда за нихъ молятся тѣ, кому они давали милостыню и помогали во время своей земной жизни. Отъ такой молитвы, какъ осенью листья съ дерева,—спадаютъ съ души грѣшника многія его прегрѣшенія.

Жилъ разъ богатый человѣкъ. Онъ очень любилъ роскошную жизнь и часто грѣшилъ,—зато любилъ и давать Христа ради.

Каждый день по утру выходилъ онъ съ мѣшкомъ денегъ на крыльцо и обѣими руками одѣлялъ нищихъ, убогихъ и старичковъ. Въ томъ же городѣ жили двѣ сестры; у нихъ была келейка, гдѣ онѣ молились Богу. Питались онѣ милостыней. Дѣвицы эти часто приходили къ богатому человѣку за «копѣечкой». Младшая изъ сестеръ замѣтила, что богачъ правой своей рукою захватываетъ больше денегъ, чѣмъ лѣвой. И вотъ она стала всегда становиться по правую руку богача, чтобъ изъ нея получить милостыню.

Когда богатый человѣкъ умеръ,—душа его постучалась въ райскія ворота. Апостолъ Петръ не пустилъ ее, указавъ ей десятину мелкой, жесткой, какъ иголки, колкой травы. «Когда ты по одной травкѣ выполешь всю эту десятину, — то иди въ рай». Ангелъ хранитель богачевой души и говоритъ: «надо спасти эту душу, — не мало добра она сдѣлала». И полетѣлъ на землю. Прилетаетъ къ двумъ сестрамъ въ ихъ келейку, вынулъ изъ младшей сестры душу и «представилъ» ее къ вратамъ рая. «Ты брала милостыню изъ правой богачевой руки,—такъ теперь выполи своими руками эту десятину, вмѣсто богача».—А богачъ, въ это время,—вошелъ въ рай...

(Данковскій уѣздъ, со словъ крестьянки деревни Савинки, Муравенской волости, Татьяны Ворониной, родомъ изъ села Кобельши, Раненбургскаго уѣзда).

Не всегда человѣкъ, умирающій безъ причастія, бываетъ осужденъ. Иногда, праведный человѣкъ можетъ кончиться безъ причастія, но если онъ, въ минуту своей кончины, хорошо «воздохнетъ къ Богу», то ангелъ его, невидимо для другихъ, подаетъ ему святое причастіе.

(Данковскій уѣздъ, село Мураево, со словъ крестьянки Арины Доможиловой).

Родныхъ необходимо поминать четыре раза въ годъ. 1) Въ «мясоѣдные родители» (суббота предъ Масляницей), 2) Въ «Новскòй вторникъ» (на Ѳоминой недѣлѣ). 3) Въ субботу подъ Троицу. 4) Въ «Дмитровскіе родители» (26 Октября). Въ «Новской вторникъ» нельзя работать. Кто это дѣлаетъ, у того на рукахъ выростаетъ шишка: «Новскàя кость».

Въ день поминовенія на могилу приносятся блины, драчёна, зашèина баранины, вареныя куры.

На могилы умершихъ сыплютъ пшено и пшеницу. Если, къ слѣдующему утру, птицы поклюютъ зерна, то это знакъ, что поминовеніе дѣйствуетъ на душу покойника. Если же зерно остается нетронутымъ, то это знакъ, что покойникъ великій грѣшникъ: «даже птицы небесныя отъ него отказываются».

(Раненбургскій у., село Кобельша, со словъ вдовы причетника Анны Павловой).

Птица, стукнувшаяся въ окно, или сѣвшая на подоконникъ и смотрящая пристально на кого нибудь изъ находящихся въ избѣ,—душа какого нибудь родственника, напоминающая о томъ, что ее надо помянуть.

(Данковскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Мураевки, Арины Доможиловой).

На Пасху и на Радоницу родные идутъ на могилки христосоваться со своими покойничками. Говорятъ имъ «Христосъ воскресъ», крестикъ на могилкѣ цѣлуютъ, яичко по могилкѣ три раза прокатятъ и раскрошатъ его на могилкѣ для птичекъ (на утро смотрятъ, поклевано ли яйцо). Многихъ покойниковъ и прахи уже давно погнили, а всё-жъ они слышатъ насъ, когда мы съ ними христосуемся, видятъ насъ и на насъ радуются».

(Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

Говорятъ вѣдь, покойники всё слышатъ, пока лежатъ на лавкѣ. До тѣхъ поръ слышатъ, пока бросйтъ на нихъ попъ горсточку земли. Лежатъ они, шевельнуться не могутъ,—а всё слышатъ...

Только когда броситъ на нихъ попъ землицы горсточку,—тутъ ужъ весь свѣтъ для нихъ скроется: ни ушками не прослышатъ, ни глазками не взглянутъ, ни ручками не всплеснутъ. Лежатъ тихо, претихо въ своихъ могилкахъ. Только ночью гонитъ ихъ сторожъ на водопой. Какъ вдаритъ онъ въ полночь въ колоколъ,—такъ всѣ они изъ могилокъ подымаются и,—прямо къ рѣчкѣ. Напьются,—и, какъ только зачнетъ кочетъ полночь опѣвать,—опять въ свои могилки кидаются»...

(Раненбургскій уѣз. со словъ Раненбургской мѣщанки, Ѳедосьи Шамановой).

Объ удавленникахъ, самоубійцахъ и заспанныхъ младенцахъ и о возвращающихся покойникахъ.

1. ...«Въ той деревнѣ, откуда я взята,—была у насъ дѣвушка. Ее одинъ малый обманулъ: обѣщался на ней жениться, да и бросилъ такъ, а она съ тоски себя и уходила. За деревней за нашей перехрестокъ: одна дорога прямо въ городъ,—ну тутъ и случается всё нехорошее, больше всё съ тѣми, что въ монастырь идутъ Богу молиться. Шелъ такъ-то мужнинъ братъ двоюродный въ городъ и не заночевалъ у насъ,—хотѣлъ до свѣта дойти,—у него тетка тамъ. Дѣло къ ночи было, мѣсяцъ ужъ вставать сталъ. Подходитъ онъ къ перекрестку,—глядь, дѣвушка сидитъ на межѣ и волосы чешетъ, а сама плачитъ. Онъ къ ней: «Чего-жъ это ты тутъ одна-то сидишь?

Такъ, да сякъ—«иду молъ въ городъ Богу молиться, да съ дороги сбилась».— «Я, молъ, укажу тебѣ». Пошли они вмѣстѣ. Онъ дорогу знаетъ хорошо, да только идутъ они съ часъ и больше, а С. не видать! Сдивовался онъ, только не хочетъ ей виду дать, что сбился. А она ужъ веселая такая стала, пѣсни играетъ, да такъ шибко идетъ, ему за нею не поспѣть. И не чудно ему, что она пѣсни играетъ,—прельщать ужъ она его стала, только никакъ ее не поймать.

Подошли къ ржаному хрестцу,—она какъ захохочетъ, за хрестецъ сигнула и пропала. Онъ ее искать. Слышится ему то за этой, то за энтой копной ея голосъ,— опять ужъ она плачетъ. Такъ до зари и проискалъ, забылъ, что и Богу молиться шелъ; что, вѣть, думаешь: оказался онъ за городомъ по энту сторону—за 30 верстъ. Правда истинная!

А у насъ въ лощинѣ что,—можетъ ты сама слыхала. Сказываютъ, въ лощинѣ допрежде прудокъ былъ небольшой, только дюже глубокій, ну, и утопла въ немъ одна женщина.

Теперь и ходитъ ночами по лощинѣ, плачетъ тонкимъ голосомъ; сама въ бѣлой рубахѣ, косы распущены и, какъ кого увидитъ, къ себѣ манитъ. Видно, нѣтъ ей спокою: она вѣдь неотпѣтая и безъ покаянія кончилась. Утопла она великомъ постомъ, а какъ пошла полая вода, снесло весь прудъ въ рѣчку,—ее и не нашли. Бываетъ еще, вылѣзетъ она на край лощины, — прямо супротивъ нашего порядка, — сядетъ и плачетъ. Много кто у насъ ее видѣлъ. Даже собаки хвосты подожмутъ, брехать на нее зачнутъ, выть, только близко къ ней не подходятъ. Нехорошо тутъ у насъ отъ нея въ лощинѣ,—жуть какая беретъ, ежели ночнымъ дѣломъ мимо идти...

2. Всякаго самоубійцу можно отмолить. Труднѣе всего отмолить удавленника, потому что онъ рѣшаетъ себя, какъ Іуда, вложивъ голову въ петлю.

Въ Рязани у одной купчихи удавился мужъ. Каждую ночь она его видѣла съ веревкой на шеѣ, и Богъ знаетъ, какъ по немъ мучилась. День и ночь объ немъ Бога молила, ходила и къ Сергію Преподобному, и къ Тихону Задонскому, и въ Кіевъ,— гдѣ, гдѣ только ни странствовала, а мужъ всё ей является по ночамъ. Такъ и не знала, какъ отмолить его грѣхъ. Разъ ужъ, въ одномъ монастырѣ, попался ей старичокъ-монахъ, совсѣмъ на ладонъ дышитъ,—онъ ее и надоумилъ колоколъ вылить. Этимъ колоколомъ и спаслась купцова душа. Оно и вѣрно, вѣдь; какъ въ колоколъ къ обѣдни, али къ утрени ударятъ, сколько душъ христіанскихъ перекрестится и къ Богу вздохнетъ,—тысячи! А той душѣ, чей колоколъ, разъ отъ разу легче.—Три-ли четыре ли года прошло, пересталъ купчихѣ ея мужъ являться. А еще черезъ полгода явился онъ ей безъ веревки на шеѣ, и лицо у него стало свѣтлое. Тутъ ужъ узнала купчиха, что простился ея мужу грѣхъ его. Безъ колокола нельзя спасти душу удавленника!»

(Рязанскій у., со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

3. «У насъ въ Конюшкахъ кузнецъ разъ попадью подковалъ. Она выдала свою дочь замужъ, дала за ней большое приданое, да и стала по приданомъ тосковать: «зачѣмъ, да зачѣмъ я столько за дочерью отвалила». До тѣхъ поръ тосковала, покуда на своихъ дверяхъ повѣсилась. Вскорѣ послѣ того, слышитъ кузнецъ ночью,—стучатъ къ нему въ окошко. Смотритъ,—подъѣхали на коняхъ люди.

«Подкуй кобылу, кузнецъ». Онъ бы не сталъ ночью вставать, да видитъ—люди богатые, одѣты хорошо—и пошелъ въ кузню. Подковалъ кобылу,—только успѣлъ повернуться,—глядь, ужъ человѣкъ на нее вскочилъ, а она ужъ не кобыла, а попадья, а онъ—человѣкъ-то, самъ нечистый. Какъ хлестнетъ ее съ размаху по боку, и ускакалъ вмѣстѣ съ другими. А другіе ужъ разумѣется такіе же, какъ онъ, и всѣ сидятъ либо на удавленникахъ, либо на пьяницахъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ того—померъ кузнецъ.

(Раненбургскій уѣздъ, со словъ Раненбургской мѣщанки, Катерины Шамановой).

4. Одинъ дьяконъ опился вина и умеръ. Послѣ того, его шуринъ шелъ подъ вечеръ по улицѣ увидѣлъ его, запряженнаго въ тройку на пристяжнѣ, а въ тройкѣ— ѣхали черти...

(Раненбургскій уѣздъ, село Кобельша, со словъ вдовы причетника, Анны Павловой).

5. Прежде, когда какая нибудь женщина «заспала» своего ребенка,—священникъ становилъ ее на три ночи въ церковь, молиться за заспаннаго младенца. Младенца заспать—великій грѣхъ и на томъ свѣтѣ не хорошо будетъ и тому младенцу и его матери, если она не замолитъ свой грѣхъ. Поставитъ священникъ такую женщину въ церковь и обведетъ ее кругомъ. Пока она молится, діаволы всячески ее смущаютъ и стараются выманить вонъ изъ круга. А, какъ только она выйдетъ изъ круга, нечистые и растерзаютъ ее. Въ первую ночь, женщина, коли она хорошо молится, незадолго до перваго кочета увидитъ передъ царскими вратами своего младенца: тѣло его будетъ на половину черное, на половину бѣлое. Но вторую ночь,—она его опять увидитъ: тогда ужъ голова его будетъ черною. А на третью ночь,—младенца ея вынесетъ изъ царскихъ вратъ—сама Царица Небесная. Младенецъ будетъ весь бѣлый и свѣтлый, и Матерь Небесная поднимется вмѣстѣ съ нимъ на небо.

(Рязанскій уѣздъ, со словъ крестьянки села Марьина, Мавры Романовой).

6. «Прежде, когда попы не умѣли заклинать покойниковъ,—покойники часто домой приходили. Я сама еще такое дѣло помню. У насъ въ селѣ жилъ на отлетѣ мой дѣдъ,—материнъ дядя, а какъ померъ, такъ и повадился каждую ночь приходить къ себѣ домой. Изъ окней избы—погостъ весь видѣнъ, такъ ночьми мѣсячными сколько разъ видѣли изъ окошка: отворитъ онъ у погоста воротца—и, прямо—домой. Идетъ въ своемъ халатѣ, въ какомъ его схоронили, полами помахиваетъ,—и на дворъ. Лошадь поймаѐтъ, сядетъ на нее верхомъ и гоняетъ ее по двору цѣльную ночь. До самыхъ кочетьёвъ слышно: топъ, топъ, хлёстъ, хлёстъ. А поутру вся лошадь мокрая, въ пѣнѣ,—вся исхлестана.

Даже дохли частенько лошади. Наконецъ уже попъ откопалъ старика и заклялъ его.

А еще въ нашемъ селѣ одна покойница къ своимъ дѣтямъ приходила. Какъ только останутся они въ полдень (что пòлдень, что пòлночь одна, вѣдь, имъ цѣна),

Мещѐрка—ящерица.
Стогйтня—снопъ ржи.
Пунька̀—будка.
Печольникъ—сковорода.
Ендова̀—кружка.
Щопный—хорошій.
Дроченый—тоже.
Заблыка̀ть—подвязывать (лапти).
Вечѐри—вечеромъ.
Стула̀—стулъ.
Бота̀ть—загонять рыбу въ сѣть.
Салфетка—платокъ.
Пальшѝна—покрышка.
Удѐнья—мѣсто, гдѣ отдыхають коровы въ полѣ.
Рыбинья—рыба.
Приголовокъ—сладкое пиво.
Козья̀къ—грибъ-маслянка.
Коровьякъ—бѣлый грибъ.
Мѐлочникъ—пастухъ овецъ.
Лопоту̀нъ—колокольчикъ.
Тро̀йны—вилы.
Припѣть—отпѣвать покойника.
Пріуза—молотилка (цѣпъ).
Глыска—кусокъ (напр. сахара).
Бредъ—ива.
Оммора̀къ—нѣчто сверхъестественное, что обморачиваетъ людей.
Барканъ—морковь.
Щирка—небольшая дощечка.
Облыка̀тся—скитаться.
Ижно и ыльно—даже: «ыльно такъ испужался!»
Нѐщелка—ящерица.
Вина̀—выкупъ за невѣсту.
Волкъ—дружка.
Бля̀цы—грибы.
Журавѝцы—клюква.
Глажѝ—морошка.
Пиздрикъ—чижикъ.
Дро̀чить—гладить.
Гилёкъ—рукомойникъ.
Рахманый—смирный.
Благо̀й—худой.
Шишо̀къ или Чернякъ—чортъ, діаволъ.
Набирка—корзина.
Гуньки—пеленки.
Урькнуть—сглазить.
Пристепокъ—шестокъ въ печкѣ.
Нувоно̀цы—тогда.
Евонцы—тамъ.
Виръ—частица, указыв. на быстроту дѣйствія: «виръ изъ избы».

Сообщ. *В. Кузнецовъ.*

Перегудки.

I.

Пошелъ дурень, пошелъ валень [1])
Съ бѣлымъ мѣшечкомъ по за̀морозку.
На встрѣчу дурню, на встрѣчу вальню
Ѣдетъ крестьянинъ пахать, рожь засѣвать.
Я ему молвилъ:
Чтобъ те не сѣять—овинъ молотить.
Меня дурня били, меня колотили.
Пошелъ дурень, пошелъ валень
Къ матушкѣ своей, государынѣ родной.
Матушка, матушка!
Меня, дурня, били, меня колотили.
За что тебя били, за что колотили?
Ѣхалъ крестьянинъ пахать, рожь засѣвать,
Я ему молвилъ:
Чтобъ те не сѣять—овинъ молотить.
Ой, ты, мой дурень, ой ты, мой валень!
Это бы те слово да не такъ говорить!
Ты бы ему молвилъ:
Носить тебѣ, не вы̀носить, возить тебѣ—не вы̀возить!
Ну, ну, матушка, ну, ну, ну, сударыня!
Я буду вѣжливъ, я буду очѐсливъ!
Пошелъ дурень, пошелъ валень
Съ бѣлымъ мѣшечкомъ по заморозку.
На встрѣчу дурню покойника тащатъ.
Я имъ молвилъ:
Носить бы вамъ, не выносить, возить бы вамъ—не вывозить!
Меня дурня били, меня колотили.
Пошелъ дурень, пошелъ валень
Къ матушкѣ своей, государынѣ родной.
Матушка, матушка!
Меня, дурня, били, меня колотили!
За что тебя били, за что колотили?
Тащатъ покойника, я имъ и молвилъ:
Носить бы вамъ, не выносить, возить-бы вамъ, не вывозить!
Ой ты, мой дурень, ой ты, мой валень!
Это бы те слово не такъ говорить:
Ты бы имъ молвилъ: вѣчная память!
Пошелъ дурень и проч.
На встрѣчу дурню ѣдетъ свадьба.
Онъ имъ и молвилъ: вѣчная память!
Опять дурня били, опять колотили.

---

[1]) Срвн. Др. Русск. стих. М. 1818. Стр. 390—402.

Пошелъ дурень, пошелъ валень
Къ матушкѣ своей и проч.
Ты бы имъ молвилъ: многая лѣта!
Пошелъ дурень, и проч.
На встрѣчу дурню собачья свадьба.
Онъ имъ и молвилъ: многая лѣта!
Пошелъ дурень и проч.
Ты бы имъ молвилъ:
Тсе, тсе, сучька, тсе бѣлошейка!
Бѣги къ лѣсу, не вырви глазъ!
Пошелъ дурень и проч.
На встрѣчу дурню, на встрѣчу вальню
Ѣдетъ игуменъ въ бѣломъ шарфѣ.
Онъ ему и молвилъ:
Тсе, тсе, сучька, тсе, бѣлошейка!
Опять дурня били и проч.
Пошелъ дурень, пошелъ валень
Къ матушкѣ, и проч.
Ты бы ему молвилъ: награди своей рукой!
Пошелъ дурень и проч.
На встрѣчу дурню идетъ медвѣдь.
Онъ ему и молвилъ:
Батюшка игуменъ, награди своей рукой!
Онъ и наградилъ: и голову своротилъ.

(Вологодскій уѣздъ.

2.

Мизгирь.

По край болота жили: мизгирь, клопъ простой, мошка грязная, да строка приказная. Они завоевали, да и заворовали, да скать-де другъ дружку и хвалятъ, а мизгиря борца не къ какому дѣлу не ставятъ. Это мизгирю стало вредно; и взяло его великое непокорство: онъ съ горя съ кручинушки сталъ ножками трести, да мерёжки плести и ставить тѣ мерёжки на тѣ путь-дорожки, гдѣ мухи летали. Одна муха летала, да въ мерёшку и попала. Мизгирь пришелъ, въ мерёшкѣ муху засталъ, ей руки и ноги связалъ и сталъ ее бити губити и за горло давити, а муха вопити. Услыхала ихъ драку черная госпожа оса; она прилетѣла въ скорости, боса, да безъ пояса. Прилетала, да тутъ же въ мерёжку и попала. Однако рвалась да вырвалась и говоритъ: ахти! тошно моёй головѣ! лучше жить-бы мнѣ въ своей слободѣ: у насъ выѣзды частые; а у мизгиря, у плута, вымыслы лихіе.

Вотъ пропустили про мизгиря такую славу, будто-бы его въ дальніе города засслали, будто-бы ему тамъ руки и ноги связали и шибко больно наказали. Мухи послѣ того первую вёсенку летаютъ, да пѣсенки попѣваютъ, въ барскіе дома залетаютъ, крестьянъ кусаютъ, какъ бы муху убить, а опа, плутовка, и улетитъ.

Вотъ мухамъ сталъ жаръ не по нутру, и всѣ онѣ забрались въ дуплю, А мизгирь тогда сдружился съ клопомъ да тараканомъ и со сверчкомъ-блинникомъ, а дуплю подтенегилъ. Сверчокъ-смолчокъ, сѣлъ на кочокъ, да въ дудочку заигралъ, а клопъ да таракапъ учали бить въ барабанъ. Мухи такого шума испужались, тотчасъ всѣ изъ дупли выбирались и всѣ въ мерёжку попались. Мизгирь ихъ въ мерёжкѣ засталъ, всѣмъ имъ руки ноги связалъ и учалъ ихъ бити-губити и больно за горло давити, а мухи

опити. Тогда мухи, что и по волѣ летали, къ мизгирю тутъ прилетали и всѣ ему покорство воздавали.

Сему суднему дѣлу конецъ, а кто сложилъ про его—молодецъ.

(Кадник. у. Лещевской вол.). «Волог. Губ. Вѣд.»

3.

Ты, коза, коза, коза,
Лубяные глаза;
Гдѣ коза была?
Жеребятъ пасла.
Гдѣ жерябята?
Въ гору ушли.
А гдѣ гора?
Черви выточили.
А черви гдѣ?
Гуси выклевали.
А гуси гдѣ?
Въ тросникъ ушли.
Гдѣ тросникъ?
Дѣвки выломали.
А дѣвки гдѣ?
Въ позамужье вышли.
Гдѣ ихъ мужья?
Мужья умерли.
Гдѣ ихъ могилки?
Травой заросли.
Гдѣ трава?
Траву выкосили.
Гдѣ коса?
Изломалася.
А обломки гдѣ?
Потерялися [1]).

(Волог. у.).

4.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновой батожокъ!
Далекȯ ли отошелъ?
Отъ моря дȯ моря,
До Кіева города;
Тамъ наша родина.
На родинѣ дубъ стоитъ,
На дубу сова сидитъ,
Сова-то мнѣ теща,
Воробей-отъ шуринъ,
Глазомъ щуритъ.
Не карька сорȯка
По берегу скакала,
Коренья копала,
Косарь потеряла.

(Волог. у.).

5.

Пошла коза за орѣхами,
Пошла за калеными.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Нейдетъ коза за рѣку,
Не слушаетъ мужика.
Молчи-же ты, кȯза, *).
Пошлю на тя лȯзы.
Нейдутъ лозы козу бити,
Нейдетъ коза за рѣку,
Не слушаетъ мужика.
Молчите же, лозы,
Пȯшлю на васъ ȯгонь.
Нѐйдетъ огонь лозы жечь,
Нѐйдутъ лозы козу бить,
Нѐйдетъ коза за рѣку,
Не слушаетъ мужика.
Молчи же ты, ȯгонь,
Нейдутъ вȯлы воду пить
Нѐйдетъ вода... и проч.
Молчи же вы, вȯлы.
Пошлю на васъ дȳбы.
Нейдутъ дубы волы бить,
Нейдутъ волы воду пить, и проч.
Молчи же вы, дубы,
Пошлю на васъ черви.
Нейдутъ черви дубы тȯчить и проч.
Молчи же вы, черви,
Пошлю на васъ гуси.
Пошли гуси черви клёвать,
Пошли черви дубы точить,
Пошли дубы волы бить,
Пошли волы воду пить,
Пошла вȯда ȯгонь лить,
Пошелъ ȯгонь лозы пȧлить,
Пошли лозы кȯзу бить,

---

[1]) См. ниже варіантъ изъ сборника Чл. Сотр. А. А. Шустикова, Волог. же губ.

*) **Молчи** употребляется часто въ смыслѣ **погоди**, напр., **молчи, ужо дѣлаю, подамъ** и проч.

Пошлю на тя воду.
Нѐйдетъ вода ȣгонь лить,
Нѐйдетъ ȣгонь лозы жечь и проч.
Молчи же ты, вȣда,
Пошлю на тя вȣлы.
Пошла кȣза за рѣку,
Послушалась мужика,
Чорта, старова дурака,
Пришла коза съ орѣхами,
Пришла коза съ калеными.
(Волог. у.).

6.

Сѣлъ воробей на трепягу,
Сталъ воробей щекотати;
Ты, Иванъ, на меня не надѣйся!
Попъ въ Москвѣ заблудился,
Пономарь съ паперти свалился,
Желѣзнымъ прутомъ убился.
Стала Москва женитися,
Въ кривыхъ сапогахъ,
Въ полужоныхъ скобахъ,
Шелкомъ шито,
Бумагой строчено.
У Карпова двора
Укатана гора.
Кто укаталъ?
Карповы дѣти
Горохъ молотили,
Меня, молодую,
По саду водили.
Мишка, воръ,
Укажи мой дворъ.
Вонъ твой дворъ!
Середи Москвы
Верей востры,
Собачка за воротечкомъ
Потявкиваетъ:
Тявъ, тявъ, тявъ!
Въ печи колачи,
Какъ огонь горячи.
Прибѣжали сорвачи,
Расхватали калачи,
За окошка мечи.

(Дер. Яковлевское, Волог. у.).

7.

Тень, тень, потетень,
Выше городу плетень.
У Спаса бьютъ,
У Николы звонятъ,
У старова Егорья
Часы говорятъ.
Бранцы, казанцы,
Поѣдемте на зайца!
Зайца убьемте,
Попа привеземте.
Попа за столъ,
Попадью подъ столъ.
Кикиморка на печкѣ
Ширинку шьетъ,
Пѣтухъ въ сарафанѣ
Овесъ толчетъ;
Курочка въ сапожкахъ
Избушку мететъ.
Блоха на порогѣ
О три нȣги.
(То-же).

8.

Похотѣлося Смиренѣ
Васильевнѣ на Вологду.
Тамъ мосты калиновые,
Перекладки малиновые;
Тамъ шапка смѣется,
Колпакъ говоритъ.
Тамъ курочка въ сапожкахъ
Избушку мететъ;
Добрый конь на печѣ
Въ три ноги тепетъ. (?)
О семи кулаковъ. (?)
Ни заднихъ стѣнъ,
Ни переднихъ стѣнъ,
Одна доска
Поперекъ сожка.
На той доскѣ
Окулина лежитъ,
Чернобровая лежитъ.
Проходилъ Матвій,
Приносилъ камки,

Што съѣзжалися бояра
Семи городовъ,
Ставили избушку
Она пинала ногой
По заволочью,
По подволочью.
(Волог. у.).

9.

Коробуля, коробуля,
Не ходи-ка по горбулямъ!
На горбулѣ есть угода,
Унесетъ тебя погода,
Погода унесетъ,
Ненасьемъ затащѝтъ.
(Дер. Яковлевское, Волог. у.).

10.

Летѣли кокушки
Черезъ три избушки;
Какъ онѣ летѣли,
Всѣ люди глядѣли;
Какъ онѣ садились,
Всѣ люди дивились.
Чернобровая моя,
Черноглазая моя!
(То-же).

11.

Мои косточки
Недоросточки;
Мои косточки болятъ,
Всѣ суставы говорятъ;
Одинъ суставъ
Съ топорище всталъ.
(То-же).

12.

Былъ я на миленкѣ
Видѣлъ я диковинку:
Козелъ муку сiётъ
Козлиха подсиваетъ,
Маленьки козлятки
Въ скрыпочкю играютъ,
Коростелькя на постелькѣ
Правой ножкой топаетъ,
Матушкя попадья,
Кого ты родила?
Сына Максима,
Дудошникя,
Балалаешникя.
Гауки, вороны,
Обитыё подолы,
Наѣхали купцы
Обивать рубцы.
(То-же).

13.

Кукареку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
(В)скочилъ бабѣ на шестокъ,
Уклюнȳлъ блинка,
Помянулъ дружка
Харитонушка.
Харитонова жена
Блины пекла;
Блины пекла
Волосникъ *) сожгла.
(Волог. у.).

14.

Коси коса гладко,
Коса любитъ лопатку,
Лопатка—песочикъ,
Косецъ—пирожочикъ.
(Волог. у.).

*) Повязка, надѣваемая подъ платокъ.

15.

Прилуцкія ребятницы,
Слободскія забавницы,
Турундаевскія носастицы,
Горошницы, манежницы,
Головинскія рукодильницы,
Ершовскія бездильницы,
Козинскія плетешницы,
Ельшинскія тряпошницы,
Лынескія табашницы,
Ребровскія лапушки;
Не по промыслу заводы завели,
Не по просѣку быка провели;
Быкъ не на бычью стать;
На быкѣ есть синенькій кафтанъ,
Опояска ала шелковая,
Рукавицы барановыя,
За нихъ денежки недаванныя,
Красны дѣвицы цалованныя.
(Волог. у.).

16.

Дѣлалъ мужикъ чунки *). Маленькій сынишка и спрашиваетъ его: тятя, что дѣлаешь?—Чунки.—Тебѣ на что?—А дѣдушка на пустыньку свезти—старъ сталъ, никуда не годится.—А, тятя, ты куды чунки-то спрячешь?—А тебѣ на что?—А какъ ты-то старъ будешь, такъ я тебя и свезу.—Нѣтъ, нѣтъ, я пошутилъ, я дѣдушка не повезу.—Ну такъ, тятя, и я тебя не повезу.

(Волог. у.).

17.

Что во мартѣ мѣсяцѣ, въ восьмой было тысячѣ, горе-горькая кукушница бьетъ челомъ сизымъ орламъ на богатую породу на Карпову дочь ворону: будто богатая порода, Карпова дочь ворона, гнѣздо раззорила, дѣтей прибила, ноги связала, подъ гнѣздо сметала, пять рублей денегъ украла; по полямъ летаетъ, суслоны обиваетъ, крестьянъ зоритъ. Крестьяне раззорились, по чужой сторонѣ набродились, милостыни напросились.—Сычъ приставъ, сынъ подъячій, ступайте, ищите ворону!—Летали, летали, нашли ее въ полѣ на огородѣ.—Ворона, тебя требуетъ бѣлая кӯропать!—Ворона прилетаетъ близко, кланяется низко, говоритъ умильно:—Ваше благородье, филиново отродье, верхній и нижній судъ, бѣлая куропать! на что вы меня требуете?—Ты, говорятъ, по полямъ летаешь, суслоны обиваешь, крестьянъ зоришь: крестьяне раззорились, по чужимъ сторонамъ набродились.—Я этому дѣлу не виновата! — Сычъ приставъ, сынъ подъячій, ищите воронье жилище!—Летали, летали, нашли въ полѣ на елѣ — тутъ и домъ её (т. е. ея). Зашли въ спальную горницу. Во спальной горницѣ кровать тесовая, перина пуховая, въ ногахъ три дятлиныхъ головы, въ головахъ пять рублей денегъ и два анбара хлѣба.—Ворона, гдѣ ты столько денегъ накопила? Денежка по денежкѣ копила, да и накопила.—Гдѣ ты, ворона, эстолько хлѣба взяла?—Зёрнышко по зёрнышку сбирала, да и насбирала. — Взяли, воронѣ ноздри вырвали, кнутомъ наказали и въ ссылку сослали.
(Пежма, Вельскаго у.).
Сообщ. Чл. Сотр. Н. А. Иваницкій.

---

*) Маленькія саночки, ручныя, на которыхъ таскаютъ всякую мелочь.

Старину спою небывалую да неслыхануюъ:
По синю морю да мужики орутъ.
По цисту полю да корабли плывутъ,
На дубу свинья да гнѣздо свила
Што гнѣздо свила да дитей родила,
Она маленькихъ да полосатенькихъ,
Онѣ вверхъ гледятъ да улитѣть хотятъ,
Онѣ внизъ гледятъ да ускоцить хотятъ...
(Записана въ Тавреньгѣ).

Гуси, лебеди литили,
Нашу банюшку задили,
Крышу съ бани своротили,
Длинно-ноги журавли
Да крышу складывали,
Красной клопъ дрова рубивъ,
Тараканъ воду носивъ,
Мизирь (паукъ) банюшку топивъ;
Вошка париласё,
Да вошка жариласё.
Съ перепару вошь упала,
Руки, ноги обломала,
Пальцикъ выставила (вывихнула)
Сорока-бѣлобока
По могилкамъ—скокъ!
Помяни, Боже, рабу,
Да бѣдну вошь во гробу!
Были на пѝхоронàхъ,
Были на пѝгребенàхъ
Два волка хохлаты,
Да двѣ свиньи горбаты.
(Записано въ с. Пономаревскомъ)

Дѣтскія.

1.

Куроцька моховая,
Гдѣ ты ноцесь ноцевала?
— Подъ мостомъ на болотцѣ;
Шли мужики съ топорами,
Высѣкли онѣ по прутоцьку,
Сдѣлали онѣ по гудоцьку.
Вы, гудки, да не гудите,
Батюшка да не будите;
Батюшко за рѣкою
Пьетъ винцо зеленое;
Деньга о деньгу щовкаетъ,
Рублемъ ворота запираетъ.
Аннушка да Казаковна,
По торгу она походила,
Кошку-горюшку ремешкомъ (била)
Сѣрово кота да татаурой (?)
За бороду да потянула,
О середу да трепенула...

2.

Куроцька рябая
По улоцькѣ брела,
Да колацики пекла.
Про Ивана, про Петра
Она яицько снесла.
Покатилосё яйцо
Да къ Ивану на крыльцо...
Иванъ съ шестомъ (съ коломъ),
Жона съ пестомъ,
Дити-то съ ножами,
Другія съ топорами.
Вратци-кондратци!
Пойдемте по зайцей.
Убьемте кота
Приведемте попа
Попъ за столъ,
Подомарь подъ столъ...

3.

Козя, ты, коза,
Смоляныя глаза!
Гдѣ ты была?
— У Микулки была.
Що Микулка дѣлаетъ?
— Коней пасетъ.
Кони тѣ гдѣ?
— Въ лѣсъ ушли.
А лѣсъ-отъ гдѣ?
— Буки *) выломали.
Буки-то гдѣ?
— Въ гору ушли.
Горы-то гдѣ?
— Черви выточили.
Черви-тѣ гдѣ?
— Гуси выклевали.
Гуси-то гдѣ?
— Въ тресникъ (тростникъ) ушли.
Тресникъ-отъ гдѣ?
— Дѣвки выломали.
Дѣвки-тѣ гдѣ?
— По замужью ушли.
Мужье-то гдѣ?
— Всѣ повымерли,
Одинъ Степанъ оставсё
И тотъ ус... всё,
Даже мохомъ поросъ...

---

*) Бука—что-либо страшное: нечистая сила или звѣрь.

Сказка про ерша.

Слухайте—послухайте, стольники—полковники, про рыбноё судьбище, про ершово побоище.

Ѣхалъ щетникъ—блудникъ, костистая рожа, слинистыи басни и попова утѣха, ѣхалъ ёнъ на липовыхъ санишкахъ и о трёхъ копылишкахъ, пріѣхалъ ёнъ въ Ростовскоё озеро, выпросилсе ночь ночёвать, а за ночью—двѣ ночи, за двёмъ ночамъ и пять ночей, а за пятью ночамъ и пять годовъ. Тутъ ершу мѣсто полюбилось, ёнъ дворъ построилъ, дѣтей наплодилъ, сына женилъ, дочку замужъ выдалъ; сталъ жить—поживать, мелкую рыбку поѣдать, бьётъ и колётъ, бокамъ рёбра порётъ, изъ Ростовсково озера старожиловъ вонъ гонитъ. Выискалсе лёщъ—лёщищё, широкоё хвостищё, пошёлъ просить на ерша, на ерша на новожила, бѣлорыбицу осётру.—«Матушка, бѣлорыбица осётра! за што насъ ершъ-новожилъ бьётъ и колётъ, бокамъ рёбра порётъ, изъ Ростовсково озера старожиловъ вонъ гонитъ!?» Позвали ерша, допросили ерша:—«Што-жъ ты, ершъ, бьёшь и колёшь, бокамъ рёбра порёшь, изъ Ростовсково озера старожиловъ вонъ гонишь?» А ёршъ отвѣчаетъ: «Богъ съ нимъ, што оны старожилы! Жилъ я въ малинькой рѣчки на острову, пришёлъ годъ сухой, загорѣлсе боръ сырой, искра залетѣла, моё пепелищё згорѣло; мнѣ жить пришло тамъ не-пошто». Думать да гадать, ково-бъ туды послать огледѣть: было-ль тамъ у ерша пепелище? аль нѣ? «Послать, аль не послать карася подьячево?! А карась подъячёй говоритъ:—«Што одново меня пошлёте: одному мнѣ и не повѣрите!» Ищё думать да гадать: «ково ему въ понятыи люди дать?» Въ малинькой рѣчки, подъ мельнишной сланью, подъ большимъ камнёмъ есь линь. Приходитъ карась подъячёй подъ мельнишную слань, подъ большой камень и говоритъ: «пойдёмъ, линь, ершово пепелищё гледѣть!» А ёнъ высунулъ голову изъ подъ камня и отвѣчаетъ карасю-подъячему: «Возьми братъ, два гроша на калачи, а миня въ дорогу не волочи! у миня глаза малы, я далеко не вижу, говорить не умѣю; у миня губы толсты, не ровно миня судья спроситъ на очи, я ево слюнамъ забрыжжу». Ищё думать да гадать: «ково-жё ему въ понятыи взять?» Въ той же малинькой рѣчки, подъ мельнишной сланью, подъ большимъ камнёмъ есь ракъ и тотъ бывшёй дьякъ. И вышелъ ракъ-рачищё изъ рѣки рѣчистой, накликалъ рыбъ три тьмы, три тысечи.— Видитъ ёршъ не время(е), убераетъ своё беремя(е); вилитъ не минучу, затыкаетъ голову онучёй, што-бъ бѣжать и слѣду не знать. Попадаетъ ершу щука на стрѣчу. «Ершъ! постой, родня, постой, поговоримъ со мной!» А ершъ отвѣчаетъ: «говори, щука, голы щёки, а у миня и ззади уши есь». А щука испугалась, отъ ерша побѣжала, мужику г(һ)ъ поѣзъ попала. А ершъ пришелъ г(һ)ъ малинькую рѣчку, подъ мельнишную слань, подъ большой камень и сталъ похвастывать: слава Тибѣ, Господи! Самъ буду большой, самъ набольшой, надъ большой рыбкой,—надъ малинькой, надъ уклеечкой.

Пришелъ мужикъ Титъ, ходитъ да гледитъ, ерша въ рѣки и огледитъ; пришелъ Перша, поставилъ вершу; пришелъ Никола, забилъ (за)колъ; пришелъ Богданъ, ерша Богъ и далъ; пришелъ Лазаръ, по ерша и слазалъ; пришла добра жена Ѳедора и потащила ерша въ подолѣ; пришла Окулина, та избу прокурила; пришла Марина, ерша и сварила; пришелъ скупой Іюда, разложилъ ерша на четыре блюда; пришелъ плясовой Яковъ, съ четырёхъ блюдъ одинъ и смякалъ; пришелъ Елизаръ, только блюдъ полизалъ; пришелъ мужикъ Осипъ, тотъ такъ проситъ (у того денёгъ не случилось); пришелъ мужикъ Спиря, ну, споритъ, да здоритъ: «куды ерша дѣли, да куды подѣвали?» Пришелъ мужикъ Олёшка, взялъ лутошку (прутъ): «всихъ васъ нады разогнать!» Хто спилъ да съѣлъ, двадцать годовъ г(һ)ъ салдатахъ служилъ, домой пришёлъ, мельницу поставилъ; мельница згорѣла,—ищите, гдѣ хотите [1]).

(Записана со словъ 93 лѣтняго не грамотнаго старца—крестьянина Григорья Васильева Новожилова изъ д. Попова, Ереминской вол., Устюженскаго уѣзда).

15 Августа 1895 года. *М. А. Синозерскій.*

---

[1]) См. Сказки Аѳанасьева, 3-е изд. М. 1897. I. 41. Стр. 56—64.

Три заговора и народныя воззрѣнія на змѣй

въ Могилевской и Херсонской губерніяхъ.

Какъ извѣстно, народная масса, да отчасти и интеллигенція, къ нѣкоторымъ животнымъ склонны относиться съ мистической стороны. Къ числу послѣднихъ можно отнести и змѣй. Народныя воззрѣнія всѣхъ національностей и вѣковъ загадочно относились къ классу змѣй (Ophidii).

Дѣло зоолога не только ограничиваться наблюденіемъ породъ при изслѣдованіи какой нибудь фауны, но и опредѣлить народное къ этимъ породамъ отношеніе.

Въ бытность мою въ Гомельскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, при изученіи фауны этого края, я помимо естественно-историческихъ изслѣдованій, обратилъ вниманіе на народное отношеніе къ каждому виду. Изъ этихъ разспросовъ я напр., узналъ, что тамошнія крестьяне самой ядовитой змѣей считаютъ такъ называемый—сливень (Anguis fragilis. L. — мѣдянница), которая на самомъ дѣлѣ есть даже не змѣя, а безногая ящерица, и понятно не ядовита. Этому же виду приписываютъ способность распадаться равно на шесть кусковъ, при ударѣ ее палкой. Затѣмъ говорятъ, что у нее есть масса бѣленькихъ ножекъ, которыя она прячетъ. Первое изъ вышеупомянутыхъ повѣрій, какъ мнѣ кажется, объясняется тѣмъ, что хвостовыя связки этого вида очень не устойчивы, благодаря чему хвостъ при незначительномъ даже ударѣ отдѣляется отъ тѣла и можетъ распасться на нѣсколько кусковъ, но не обязательно на шесть, какъ говоритъ повѣрье. Второе вышеупомянутое повѣрье объяснимо тѣмъ, что если съ ожесточеніемъ бить Ang. fragil., то въ концѣ концевъ должны показаться кости ребръ, которыя человѣку, не знакомому съ естествознаніемъ могутъ показаться за «скрытыя ножки».

Ужей (Coluber) въ уѣздѣ, какъ и должно считать, признаютъ не ядовитыми. Имъ приписываютъ способность пить молоко; говорятъ, что они могутъ даже высасывать его непосредственно изъ вымя коровъ. Послѣднее объясняется тѣмъ, что ужи часто водятся въ коровьихъ хлѣвахъ, забираясь туда для кладки яицъ въ коровьемъ и лошадиномъ пометѣ.

Гадюкъ (Vipera), красную разновидность которыхъ называютъ мѣдянкой, здѣшніе крестьяне считаютъ ядовитыми и употребляютъ, вслучаѣ ихъ укушенія, заговоры. Заговаривать умѣютъ особые «знахари». Послѣ заговора подкладываютъ подъ укушенное мѣсто сковородку, на которую будто бы подаютъ два зуба укусившаго животнаго. Иногда вмѣсто заговора употребляютъ настой изъ травы—Львиный зубъ (Leontodon automnalis).

Заговоры предназначаются для человѣка и скотины—особые.

Послѣ каждаго нашептыванія надо по разу дунуть на укушенное мѣсто, затѣмъ плюнуть.

Привожу два заговора; записаны они въ Могилевской губерніи, Гомельскаго уѣзда, въ Дятловицкой волости 6 и 1 Ноября 1891 г.

Отъ гада [1]), человѣку.

Помолюсь Господу Богу твоему, Пречистой Матери; поклонюсь словеси на небеси; Чѣмъ тебя зовутъ шевелà?—Шевелà, шевелà, вышли свои племена изъ горючія

[1]) Гадюки.

крови, изъ буйной головы и рыжаго мяса, изъ желтой кости, изъ русаго волоса. Такъ мой тихёнекъ и лёгенекъ духъ. Рабъ Божій: (имя).

Дунуть, плюнуть и сказать:

Зубъ коломъ въ землю (проговорить три раза).

Отъ гада, скотинѣ.

Помолюсь Господу Богу, Пречистой Святой Матери Божьей и всѣмъ Святымъ Кіевскимъ Печерскимъ и Преподобнымъ Божьимъ Угодникамъ, скорымъ помощникамъ: Помолите и не оставьте! Въ чистомъ полѣ, на покосѣ стоитъ дубъ: подъ тымъ дубомъ рокитывый кустъ, и въ томъ кустѣ—руно вовни [2]). И въ той вовни змѣя—шкуронея. И пріѣзжая [3]) къ ней Святый Михаилъ на своемъ сивымъ конѣ и съ золотымъ копьёмъ.—«Эхъ ты, змѣя—шкуранея? Съ чего ты распускаешь усихъ [4]) своихъ дочерей: Ульянку, Наталку, Маланку и всѣхъ своихъ шевелей? Буду на сивомъ конѣ паѣзжать, и буду золотымъ копьёмъ головы снимать, и буду на колъ надѣвать, и буду жали [5]) вынимать, и буду опухъ [6]) полегать [7])».

Послѣ моихъ шептовъ [8]), Господь, спомочи [9]) ее своимъ духомъ. Конецъ гаду.

Прошептать этотъ заговоръ надъ раной три раза. Послѣ каждаго раза дунуть и плюнуть.

Вообще, въ Могилевской губерніи относятся съ мистической стороны, какъ къ змѣямъ, такъ и къ укушеніямъ ихъ.

Тамъ крестьяне думаютъ, что во время сна человѣка змѣя можетъ черезъ ротъ вползти въ его желудокъ и жить извѣстное время въ немъ. Даже указываютъ на нѣкоторыхъ болѣзненныхъ крестьянъ, у которыхъ болѣзнь происходитъ будто бы отъ живущей внутри ихъ змѣи. Я думаю, что не принимается ли здѣсь солитеръ, или другой какой нибудь родъ глистовъ за живущую въ человѣкѣ змѣю?

Еще довольно интересно повѣрье относительно дубовыхъ листьевъ съ изображеніями, нѣсколько похожими на фигуру змѣйки. Крестьяне проводятъ аналогію между этими изображеніями и настоящей змѣей: первыя и вторыя считаются ядовитыми [10])

Какъ дополненіе къ этимъ воззрѣніямъ на змѣй въ Могилевской губерніи, сообщаю заговоръ отъ укушенія гадюкой въ Херсонской губ., Ананьевскаго уѣзда. Этотъ заговоръ тамъ господствовалъ много лѣтъ тому назадъ, вѣроятно, и до настоящаго времени еще существуетъ.

Заговоръ отъ змѣи (человѣку или скотинѣ).

Укусила «салка» [11]) въ ногу (руку etc.), прочь рана отъ сердца!

Шепчутъ три раза. Послѣ каждаго раза льютъ на рану колодезной или озерной водой. Оставшаяся въ чашѣ вода выливается на такое мѣсто, куда не ступитъ нога человѣка, напр. на заборъ, изгородь, стѣну дома и проч. Эта вылитая такимъ образомъ вода, называется «непочатой водой».

Въ Херсонской губ., какъ мнѣ передавали, нѣкоторые увѣрены, что на змѣй, отталкивающимъ образомъ дѣйствуетъ дерево «черноклинъ» (Acer tataricum).

С.-Петербургъ, 30 іюля 1893 г. *В. Врадій.*

---

[2]) Внутри. [3]) Пріѣзжаетъ. [4]) Всѣхъ. [5]) Жала. [6]) Опухоль. [7]) Уменьшать. [8]) Нашёптываній. [9]) Помоги, не остави.

[10]) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ повѣрьемъ отсылаю къ моему письму, напечатанному профес. Д. Н. Кайгородовымъ въ «Новомъ Времени» за № 6066 (17 января 1891 г.). [11]) Змѣя.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСКУССТВО и ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ".

Съ соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, состоящее подъ Непосредственнымъ Высочайшимъ Покровительствомъ Императорское Общество Поощренія Художествъ въ С.-Петербургѣ предпринимаетъ *съ Октября* сего 1898 года, *безъ предварительной цензуры*, подъ редакціей своего Секретаря, Николая Петровича Собко, и при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ у насъ и за границей, ежемѣсячное иллюстрированное изданіе, посвященное искусствамъ и художественнымъ промысламъ въ Россіи и другихъ странахъ и составленное по самой обширной программѣ, съ множествомъ снимковъ разнаго рода и вида.

Озаглавленное «Искусство и художественная промышленность», изданіе это будетъ выходить выпусками отъ 4 до 5 листовъ ежемѣсячно, въ 2 столбцахъ текста въ большую 8-ку (почти 4-ку), съ разными художественными приложеніями въ краскахъ и черномъ видѣ, какъ на отдѣльныхъ листахъ, такъ и въ текстѣ, исполненными въ собственной и другихъ лучшихъ мастерскихъ.

Цѣна ему назначается въ годъ: **6 руб.**— безъ доставки, **7 руб.**— съ доставкой въ Петербургѣ и безъ доставки во всѣхъ университетскихъ городахъ при полученіи отъ главнѣйшихъ мѣстныхъ книгопродавцевъ, **8 руб.**—съ пересылкой во всѣ вообще города Имперіи и **10 руб.**— за границу.

Допускается и разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ безъ доставки въ Петербургѣ—со взносомъ **по 1 руб.** въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, а при доставкѣ и пересылкѣ—со взносомъ, сверхъ того, всей пересылочной суммы впередъ.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Большая Морская, 38, и Мойка, 83 (для телеграммъ: Петербургъ, Искусство).

Предпринимая означенное изданіе для большаго распространенія полѣзныхъ знаній въ массахъ публики, для ознакомленія ихъ съ новыми идеями, принципами, для борьбы съ рутиною, съ вредными сторонами въ той или другой отрасли искусствъ и художественныхъ промысловъ у насъ и за границей, Редакція не будетъ придавать своему матеріалу сухой научной формы, напротивъ, какъ содержаніе статей, такъ и языкъ ихъ—будутъ по возможности живые и интересные, доступные всякому; по внѣшности же своей журналъ этотъ предполагается самый изящный, чтобы онъ могъ служить и для простого просмотра помѣщенныхъ въ немъ картинокъ.

Преслѣдуя самыя широкія цѣли, Редакція имѣемъ также въ виду и возможное распространеніе идеи о національности въ искусствѣ и промышленности, а равно будетъ заботиться о возможно большемъ и своевременномъ сообщеніи свѣдѣній относительно состоянія этихъ отраслей знанія въ провинціи, и потому предлагаетъ всѣмъ столичнымъ и провинціальнымъ періодическимъ изданіямъ возможно большій обмѣнъ между ними и ею, равно какъ проситъ ихъ о возможно большемъ распространеніи извѣстій среди ихъ читателей относительно вновь возникающаго, вполнѣ независимаго органа, несмотря на его принадлежность одному изъ оффиціальныхъ учрежденій.

Императорское Московское Археологическое Общество имѣя въ виду громадное значеніе для науки русской исторіи неизданныхъ по настоящее время историческихъ источниковъ, учредило особую Археографическую Коммисію, важнѣйшею задачею которой является собираніе свѣдѣній и изученіе состава архивовъ и вообще собраній историческихъ документовъ. Такое рѣшеніе Общества вызвано весьма разнообразными побужденіями, изъ которыхъ главное заключается въ современномъ положеніи въ Россіи архивовъ какъ частныхъ, такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ.

Въ общемъ наши архивы могутъ быть распредѣлены на три большія группы. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести архивы и древлехранилища, устроенные правительствомъ или учеными обществами и учрежденіями спеціально съ научными цѣлями. Таковы большинство столичныхъ архивовъ, собранія рукописей при музеяхъ и пр. Всѣ они имѣютъ спеціальныхъ работниковъ, занятыхъ изученіемъ состава рукописей, печатаніемъ ихъ и изданіемъ. Наконецъ, эти архивы доступны для ученыхъ занятій постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ наука можетъ ознакомиться съ хранящимися здѣсь историческими матеріалами.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся двѣ другія группы архивовъ

Ко второй изъ нихъ можно отнести собранія документовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, какъ напр. собранія коллекціонеровъ, семейные архивы и другіе.

Наконецъ, третью группу составляютъ такіе архивы различныхъ правительственныхъ учрежденій, которые не преслѣдуютъ научныхъ цѣлей; таковы, напр., губернскіе архивы, областные, епархіальные, при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, казенныхъ и судебныхъ палатахъ, городскихъ думахъ и др. По точному смыслу дѣйствующаго законодательства, въ означенныхъ архивахъ хранятся документы, необходимые для справокъ по текущимъ дѣламъ. Но такъ какъ большинство ихъ учреждено еще при Екатеринѣ II, то съ теченіемъ времени въ этихъ архивахъ скопились дѣла, весьма важныя въ научномъ отношеніи и ненужныя для справокъ. Въ настоящее время въ большинствѣ архивовъ губернскихъ правленій и др. правительственныхъ мѣстъ можно найти документы XVII и даже XVI стол., не говоря уже о цѣнныхъ матеріалахъ для XVIII и нач. XIX вѣка.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ архивовъ могутъ быть отнесены собранія разнаго рода рукописей при монастыряхъ, церквахъ и духовныхъ семинаріяхъ.

Обѣ послѣднія категоріи архивовъ, т.-е частные и справочные при казенныхъ учрежденіяхъ, поставлены въ такія условія, что остаются совершенно неизвѣстными наукѣ русской исторіи и потому не приносятъ ей надлежащей пользы. Разбросанные въ разныхъ уголкахъ нашего отечества, въ городахъ и часто въ селахъ не будучи подъ наблюденіемъ лицъ, которые имѣли бы возможность заняться описаніемъ и изданіемъ находящихся въ нихъ дѣлъ,—эти архивы лежатъ безъ пользы для науки и нерѣдко гибнутъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ. Между тѣмъ опытъ показалъ, что въ такихъ именно архивахъ встрѣчаются часто драгоцѣннѣйшіе документы, весьма важные для изученія исторіи. Понятно, занимающіеся русскою исторіей не могутъ знать содержанія находящихся здѣсь матеріаловъ и даже далеко не всегда имѣютъ свѣдѣнія о самомъ мѣстонахожденіи такихъ архивовъ.

Принимая во вниманіе сказанное, Императорское Московское Археологическое Общество пришло къ твердому убѣжденію въ томъ, что спасти вышеохарактеризованные архивы отъ забвенія, сдѣлать ихъ извѣстными, доступными и полезными для русской исторической науки можно только съ помощью широкаго и дружнаго содѣйствія всѣхъ сочувствующихъ дѣлу научнаго изученія нашего историческаго прошлаго. Поэтому, Императорское Московское Археологическое Общество обращается къ ученымъ, живущимъ въ провинціи, дворянамъ, имѣющимъ семейные архивы, къ священникамъ, учителямъ,—вообще ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ свѣдѣніями объ архивахъ, собраніяхъ рукописей, съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать научнымъ цѣлямъ Общества доставленіемъ ему соотвѣтственныхъ указаній.

Прося о доставленія вышеозначенныхъ сѣдѣній, Императорское Московское Археологическое Общество позволяетъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующее

1. Для цѣлей науки важны свѣдѣнія о всякаго рода рукописныхъ памятникахъ,— независимо отъ времени ихъ написанія, какъ то: о рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ, лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, сборникахъ, грамотахъ и перепискѣ правительственныхъ и частныхъ лицъ,— вообще, о памятникахъ бытового, экономическаго, литературнаго, родословнаго, политическаго, военнаго и пр. характеровъ.

2. Относительно каждаго собранія рукописей весьма желательно было бы имѣть болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія слѣд. рода: кому принадлежитъ архивъ и гдѣ находится (адресъ*), какія именно въ немъ рукописи (перечень**), каталогъ ихъ или по крайней мѣрѣ общій обзоръ (содержанія), какое обнимаютъ время, сколько ихъ; также полезно было бы знать, доступно ли описываемое собраніе (особенно частное) для обозрѣнія и ознакомленія съ нимъ съ учеными цѣлями.

3. Общество позволяетъ себѣ обратиться съ просьбою къ учрежденіямъ и лицамъ, владѣющимъ рукописями и документами, присылать ихъ для просмотра и описанія въ Общество, послѣ чего полученные документы будутъ съ признательностью возвращаемы ***).

Если лица, описывающія документы и рукописи, не считаютъ возможнымъ выслать самыя рукописи, то желательно было бы получить копіи хотя бы съ наиболѣе важныхъ.

4. Конечно, въ интересахъ науки было бы весьма полезно имѣть по возможности полныя и точныя свѣдѣнія какъ о составѣ рукописей, такъ и объ ихъ содержаніи; тѣмъ не менѣе, Общество покорнѣйше проситъ лицъ, неимѣющихъ возможности доставить полныя свѣдѣнія (напр., перечня рукописей) сообщать краткія.

Въ случаѣ невозможности сообщить обстоятельныя данныя о документахъ были бы полезны по крайней мѣрѣ указанія на то, гдѣ какой существуетъ архивъ или собраніе дѣлъ, и къ кому слѣдуетъ обратиться за болѣе подробными справками.

5. Всѣ доставляемыя въ Общество описанія архивовъ, копіи съ документовъ, а также отчеты о присланныхъ ему для просмотра рукописяхъ будутъ помѣщаемы цѣликомъ или въ сокращеніи—смотря по научному значенію полученныхъ свѣдѣній—въ Трудахъ Археографической Коммисіи.

6. Обращаясь съ просьбою о доставленіи свѣдѣній ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу лицамъ, Императорское Московское Археологическое Общество не даетъ въ настоящее время подробной программы для описанія рукописей, предлагая каждому сдѣлать, что можно. Но всѣхъ, кому понадобятся болѣе точныя свѣдѣнія или указанія, оно проситъ обращаться непосредственно въ Общество или въ его Археографическую Коммиссію

Предсѣдатель Общества *Графиня Уварова.*
Предсѣдатель Археографической Коммиссіи профессоръ *А. Кирпичниковъ.*
Секретарь Коммиссіи *М. Довнаръ-Запольскій.*
Адресъ Общества: Москва, Берсеневка, свой домъ.

---

*) Относительно каждаго архива весьма небезполезны также свѣдѣнія: есть ли при архивѣ описи дѣлъ и рукописей, есть ли алфавиты и какъ тѣ и другіе составлены, какъ размѣщены документы (по годамъ, вѣдомствамъ, фамиліямъ и лицамъ, на полкахъ, въ шкафахъ, связками или въ книгахъ)? Занимается ли кто-либо въ наст. время разборкою дѣлъ и не занимались ли ею раньше?

**) Въ перечнѣ каждаго документа пріятно было бы видѣть: указаніе лица или учрежденія, отъ котораго выдана грамота, или лица, которымъ написана рукопись, письмо и пр. кому написана грамота или письмо, гдѣ и когда; краткое содержаніе документа. Въ старинныхъ сборникахъ важно отмѣчать заглавіе отдѣльныхъ статей и всѣ приписки, показывающія, кому и когда сборникъ принадлежалъ.

***) Обратную пересылку рукописей Общество принимаетъ на свой счетъ, а, по соглашенію, и доставку ихъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
Богословскаго Вѣстника въ 1899 году съ приложеніемъ
ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,
Архіепископа Касаріи Каппадокійскія
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Въ 1899 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе «Богословскаго Вѣстника» ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ по слѣдующей программѣ.—

Содержаніе каждой книжки журнала имѣетъ состоять изъ пяти отдѣловъ:

I) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ; въ будущемъ году этотъ отдѣлъ займутъ *Толкованіе Св. Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, на Евангеліе отъ Іоанна и творенія Св. Никифора Исповѣдника, Патріарха Константинопольскаго, написанныя въ защиту иконопочитанія.*

II) Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи.

III) Изъ современной жизни. Сюда войдутъ обозрѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи.

IV) Критика, рецензіи и библіографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

V) Приложенія, въ которыхъ будутъ продолжаться печатаніемъ *автобіографическія записки покойнаго Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго* (періодъ его дѣятельности въ званіи завѣдующаго Московской Синодальной разницей и затѣмъ въ должности Ректора Московской Духовной Академіи) и протоколы засѣданій Совѣта Академіи.

Удерживая программу въ прежнемъ объемѣ и прилагая старанія къ наилучшему осуществленію ея на дѣлѣ, Московская Духовная Академія вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ благовременнымъ присоединить къ издаваемому ею журналу *новое и существенно-важное дополненіе.* Именно, начиная съ 1899 года, она намѣрена дать подписчикамъ «Богословскаго Вѣстника» *рядъ переведенныхъ ею на русскій языкъ твореній знаменитѣйшихъ Отцовъ и учителей вселенской церкви IV-го вѣка* НА ВЕСЬМА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ. Вводя это крупное дополненіе къ своему журналу, Московская Духовная Академія руководится слѣдующими побужденіями. Уже болѣе, чѣмъ полвѣка, она непрерывно трудится надъ переводомъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ древней святоотеческой письменности эпохи ея наивысшаго разцвѣта. Предпринятая съ 1840 года, при непосредственномъ участіи приснопамятнаго святителя русской церкви Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго, дѣятельность Академіи по переводу св. отцевъ, продолжаясь съ тѣхъ поръ безостановочно, успѣла обнять собой очень значительное число святоотеческихъ писаній, какъ-то: творенія свв. Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Епифанія Кипрскаго, Ефрема Сирина и мн. др. Но, будучи по условіямъ книжнаго дѣла у насъ въ Россіи довольно высокими по цѣнѣ въ отдѣльной продажѣ, эти изданія святоотеческихъ твореній въ русскомъ переводѣ не достигли еще такого широкаго распространенія среди читающей публики, какого можно было бы пожелать для нихъ какъ вообще въ цѣляхъ религіозно-нравственныхъ, такъ въ особенности въ виду наблюдаемаго въ наше время оживленія церковно-

общественныхъ интересовъ и подъема просвѣщенія среди простого народа. *Желая удовлетворить этой назрѣвшей нуждѣ нашей духовной жизни и облегчить пріобрѣтеніе святоотеческихъ твореній для возможно большаго круга учрежденій и лицъ,* Московская Духовная Академія *и рѣшила съ наступающаго года* воспользоваться тѣмъ способомъ, о которомъ ей подсказывалъ примѣръ другихъ повременныхъ изданій, то есть *выдавать имѣющіяся въ ея распоряженіи переводныя творенія Св. Отцовъ IV-го вѣка въ видѣ приложеній къ своему журналу* ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ. На первый разъ выборъ Академіи остановился на ТВОРЕНІЯХЪ СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ, высокое богословско-образовательное и нравственно-воспитательное значеніе которыхъ не нуждается въ разъясненіяхъ. *Эти творенія въ послѣднемъ полномъ, и пересмотрѣнномъ изданіи ихъ, сдѣланномъ въ 1892 году въ семи томахъ, она и предложитъ подписчикамъ Богословскаго Вѣстника въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1899 года по 1901 годъ,*

подъ условіемъ ежегодной доплаты ОДНОГО рубля къ прежней подписной цѣнѣ журнала

въ такомъ порядкѣ, что *подписчики первыхъ двухъ годовъ трехлѣтія,* выполнившіе означенное условіе, *получаютъ ежегодно по два тома* твореній Св. Василія Великаго, въ *послѣдній же 1901 й годъ—остальные три тома* за таковую же добавочную плату. Такимъ образомъ, уплативши въ теченіе года **одинъ только рубль,** а за все трехлѣтіе **три рубля**, подписчикъ Богословскаго Вѣстника будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи *полное собраніе твореній Св. Василія Великаго,* въ отдѣльной продажѣ стоящее **восемь рублей сорокъ копѣекъ**!

Въ томъ случаѣ, если это новое предпріятіе журнала Богословскій Вѣстникъ найдетъ себѣ желательный откликъ среди ревнителей духовнаго просвѣщенія, Московская Духовная Академія, по истеченіи трехлѣтія, не замедлитъ обратиться къ другимъ замѣчательнымъ памятникамъ святоотеческой письменности, какъ-то къ твореніямъ свв. Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Аѳанасія Александрійскаго и т. д., и этимъ путемъ дастъ возможность подписчикамъ своего журнала пріобрѣсти послѣдовательно *цѣлую святоотеческую библіотеку* за весьма умѣренную цѣну, которая къ тому же, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть еще болѣе понижена.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ НА ГОДЪ:

БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО: **шесть** руб. безъ пересылки, **семь** руб. съ пересылкой внутри Россійской имперіи, **восемь** руб. за границу.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ПЕРВЫХЪ ТОМОВЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО: **семь** руб. безъ пересылки, **восемь** руб. съ пересылкою внутри Россіи, **девять** руб. за границу.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, Редакція Богословскаго Вѣстника.

Подписчики на журналъ съ *приложеніемъ твореній Св. Василія Великаго* первый томъ ихъ получаютъ при *январской* книжкѣ Богословскаго Вѣстника, а второй—при *іюльской.*

Сергіевъ пос., Москов. губ. Редакція Богословскаго Вѣстника.

Цѣна 1 р. 50 к.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Оглавленіе:

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Объ Авганистанѣ и его населеніи. *Н. А. Аристова*. . . 247—319
2. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе). *Ф. Зобнина*. . . . . 320—328
3. Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гнѣзно и къ Н. И. Надеждину. . . . . 329—330
4. Остатки работъ П. И. Прейса. . . . . 331—384

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Окончаніе). *Дм. И. Абрамовича*. . . . . 385—386
2. Образцы говора, Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ. *В. Н. Добровольскаго* . . . . 387—392
3. Матеріалы лексикографическіе по Новгородскимъ говорамъ. 1. Слова Череповецкія. Сообщилъ *М. К. Герасимовъ*. 2. Слова Ладожскія. Сообщилъ *Н. Кедровъ*. . . . . . . 392—408
4. Нѣкоторыя лѣкарственныя растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ. *Т. І. Вержбицкаго*. . . . . . 409—420
5. Прозвища крестьянъ сельца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи. *В. Н. Добровольскаго*. . . . . . 421—424
6. Сборникъ загадокъ для дѣтей. Сообщилъ учит. народн. учил. *К. Славнинъ*. . . . . 425—436
7. Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, Свіяжскаго уѣзда, села Бежбатманъ. *А. Можаровскаго*. . . . . . . 437—442
8. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. Сообщеніе *П. К. Симони*. . . . . 443—450
9. Объ особенностяхъ языка, въ г. Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ, Волог. губ. *П. Демидова*. . . . . 451—462

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе 32 выпусковъ «Живой Старины» за восемь лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Предложеніе нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣленіи этнографіи И. Р. Г. О. объ изданіи журнала «Живая Старина» . . . .
2. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина» . . . III
3. Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Живая старина». . . V
4. От Редактора IX
5. Программа И. Р. Г. О. для собиранія свѣдѣній по этнографіи XI
6. Памяти Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Спб. Университетѣ Доц. *С. Ѳ. Ольденбурга*. . XLVII

LIII

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ. *И. Н. Жданова*. 1
2. Полувѣрцы Псково-Печерскаго края. *Ю. Трусмана* . 31
3. Три года въ Якутской области (этнограф. очерки). *В. Л. Приклонскаго*. . . . 63
4. Путевыя письма и замѣтки И. И. Срезневскаго о Сербо-Лужичанахъ 84
5. Старое и новое. *И. Савченкова* 103
6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). *Б. Бондаренка* 151
7. Замѣтки о литовской свадьбѣ. *Я. Рисова* 122
8. Къ видѣнію Амфилога. *А. Н. Веселовскаго* 124
9. Груша и Дуня. *А. И. Соболевскаго* 126
10. Декамеронъ X. 3. *А. Н. Веселовскаго* 128
11. Къ исторіи народныхъ праздниковъ въ Великой Руси . 130

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника. *Л. Н. Майкова* 1
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи *Сакович* 5
3. Катрушинскій лемезень (условный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). *Е. Романова* 9
4. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Священ. *Щеколдина* 17
5. Якутскія загадки (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»). 26
6. Якутская пѣсня о водкѣ . 30
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день 34

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія

1. Пешель, О. Народовѣдѣніе.— 2. Пыпинъ, А. Исторія русской этнографіи. — 3. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte.— 4. P. v. Braadke. Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Alterthumwissenschaft.—5. Веске, М. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе. — 8. Смирновъ. Вотяки. Историко - этнографическій очеркъ. — 9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за первыя 25 л.—10. Латкинъ. Красноярскій округъ Енис. губ., очеркъ.—11. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—12. Чтенія въ и торическомъ Общ. Нестора Лѣтописца.—13 Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверозападнаго края.—14. А. Сапуновъ. Двинскіе или Борисовы камни.—15. В Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.— 17. Луньякъ, И. И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне.— 18. Gopcevic. Makedonien und Alt-Serbien. — 19. Viestnik Hrvatsko - Arkeologičkoga Družtva.—20 Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ. — 21. Словаки въ Бачской и Срѣмской столицахъ.—22. Wisła T. IV.— 23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. *Вольтера* . . . . 1—4!

Отдѣлъ VI.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Т. Е Рѣпникова— 2. Taulen—Корча, или Вихорь *Н. Кузнецова.* — 3. Ловля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. *Я. Лейцингера.* — 4. Описаніе игры Литовскихъ пастуховъ подъ назван. «Калуте». Арминайтиса.—5. Литовскія повѣрья: *М. Гилиса.*—6. Некрологи *М. П. Веске.*—7. О. Кольбергъ. — 8. Д-ръ Пфуль.— 9. *С. П. Микуцкій* . . . 1—24

Выпускъ II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина». . I—IV

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсня о князѣ Михаилѣ. *И. Н. Жданова* 1
2. Три года въ Якутской области (этнографич. очерки) *В. Л. Приклонскаго* . . . 24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ И И. Срезневскаго) 55
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 57
5. Умиренье крови въ Грблѣ, въ южно - Адріатическомъ Приморьѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). *П. А. Ровинскаго* 63
6. Маріупольскіе Греки *Ѳ. А. Брауна* 78
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Велико - русскихъ былинахъ *А. И. Соболевскаго* 93
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ *В. И. Ламанскаго* 102
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) назыв. купальницею и считается днемъ урочнымъ? *М. И. Соколова* . 137
10. Огонь на свадьбѣ 138

Отдѣлъ II. Стр.

Памятники языка и народной словесности.

1. Великорусскія народныя легенды. Сообщ. *Ив. Мамакинымъ* 139
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненск. губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ Г-жею *М. А. Саковичъ* . 141
3. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа) 147
4. Болгарскія народныя сказки. (Изъ Прилѣпа) 154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. *Св. Щеколдина* 158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. В. Л. *Приклонскимъ* 169

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879 — 1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера. — 2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В. — 3. А. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка Н. Волкова.— 4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста, не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. А. С—скаго. — 5. Miklosich, Franz. Die Darstellung in slavischen Volksepos. А. С—скаго.—6. «Мелюзина» (Melusine), періодическій сборникъ миѳологіи, народной литературы, преданій и обычаевъ. Ѳ. Б. 7. Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 r. przedstawił Maurycy Stankiewicz (Литовская библіографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврикій Станкевичъ). Б — са. — 8. Darmesteter, James. Chants populaires des Afghans, recueillis par C. O. — 9. Geiger. W. Das Jatkari Zariran und sein Verhältniss zum Schach name. С. О.—10. Das Ausland Wochenschrift für Erd - und Völkerkunde Д. К—скаго.— 11. Fr. Krauss, dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алексѣѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева.—13. Narodne pesni koreških Slovencev. Zbral in na svetlo dal I. Scheinig. C. K. Gymn. prof. v. Celovci. Ю. Поливки.— 14. В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скиѳскомъ сѣверѣ. А. К. Васильева. — 15. Извѣстія Восточно - Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О., подъ редакціею правителя дѣлъ Ир. П—на. — 16. Записки Восточно - Сибирскаго Отдѣла. И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ) Ир. П—на. 17. Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской этнографія. Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусской. *В. Ламанскаго* 233

Отдѣлъ IV.

1 Вопросы и отвѣты . . . 234

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія . 1—

Выпускъ III.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина» . . 1—1

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезнев-

Стр.

скому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836 — 1846) 3

2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки) *В. Л. Приклонскаго.* 48

3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ *С. К. Патканова* 85

4. Этимологическія замѣтки. *А. А. Потебни* 117

5. Отрывокъ были изъ Сибирской лѣтописи. *Л. Н. Майкова* 129

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Ермакъ взялъ Сибирь (пѣсня). 133

2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. *Л. Н. Майковымъ* 135

3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси 137

4. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа) 157

5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева). 161

6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. *В. Л. Приклонскимъ* 165

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Н. М. Лопатинъ и В. П. Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. С. Вулича.—2. Шемякинъ судъ. С. Ольденбурга. 3. Библіографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по польской діалектологіи. И. Лося. — 4. Narodne pripoviesti u Varaždinu i okolici. Ю. Поливки. — 5. Сумцовъ, Н. Θ. Культурныя переживанія. А. С—скаго.—6. Этнографическое обозрѣніе. Н В.— 7. А. С. Лаппо-Данилевскій. Поверстная и указная книга Ямскаго приказа.— 8. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній.—9. Воронежскія писцовыя книги.—10. Гласник земальског музеја у Босни и Херцеговины и проч. 180

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Письмо изъ Кадникова (Вологодск. губ.) А. Иваницкаго.—2. О музеѣ въ Тобольскѣ. Газенвинкеля. — 3. Изъ Подольской губ. — 4. Изъ Тульской губ. свящ. П. Сахарова —5. О псковскомъ говорѣ И. Евсѣева.— 6. Говоръ крестьянъ Моричельскаго прихода, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи. *М. Успенскаго* 193

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Урочные посты. М. И Соколова. 2. Русская гигіена XVI вѣка, М. И. Соколова.— 3. Примѣты по днямъ луны (Лунникъ). М. И. Соколова.—4. Народныя дѣтскія игры. И. Мамакина — 5 Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. А. Балова — 6. Праздникъ «Рипей».—7. Способъ лѣченія отъ сглазу. С. Брайловскаго. — 8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса.— 9. Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ. Соснина.— 10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ П. И. Прейса)— 11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени—Цзу. Г. Н. Потанина. — 12. Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Габери «на дубахъ». В. И Ламанскаго. — 13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго.— 14. Францъ Миклошичъ В. И. Ламанскаго.—15. Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. В. И. Ламанскаго.— 16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ.— 17. Журналъ За-

Стр

сѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г.—18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г. — 19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества —20. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старины» . . . . . . 213—268

Выпускъ IV

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1846—1856) . . . . 3—42
2. Три года въ Якутской области). Этнографическіе очерки) *В. Л. Приклонскаго* . . 43—66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. *Патканова* . . . . . . 67—108
4. Мусульманство Рустема Достановича. *В. А. Жуковскаго* . . . . 109—117

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева) 118—121
2. Угро-русскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣчаніемъ О. А. *Петрушевича* . . . . 122—130
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. (Окончаніе) . . 131—138
4. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. *Приклонскимъ*. 139—148
5. Лиса и волкъ въ западнѣ (изъ армянской книжной сказочной литературы). Н. Н. *Марра* . . . . 149—155
6. Оотрывки изъ Киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записокъ Ч. Валиханова, сообщ. *Г. Н. Потанина* . . . . . 156—163

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Отъ редактора (съ нѣсколькими письмами П. О. Шафарика И. И. *Срезневскому*) 164—174
2. Рецензія И. И. Срезневскаго на книгу Шафарика Slovanský Národopis. . . 174—187
3. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Часть прва. К. Я. Г. 187—191
Zíbrt, C. Dr. Listy z českych dějin kulturnich. Прага 1891. Іос *Караська* . . . . 191—195
5. Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ прыказокъ. Одесса. 1890 г. Арк. Л-нка . . . 195—196
6. Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ. . . . . 196—197
7. Vrčević. Narodne pripovjesti iz života po Boki Kotorskoj. Hercegovini i Crnoj Gori. А. Л. 198

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1 Праздники Рязанск. губ., Даньковск. уѣзда. О. П. Семеновой . . . . 199—202
2. Ладвинскій или Масовскій языкъ. . . . . 202—203
3. Крестьянскія игры въ Минской губ. М. Довнара-Запольскаго . . . . 203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. А. *Балова* . . . . 208—213
5. Народная дѣтская игра въ «сѣно». *Ив. Мамакина* . . . 214
6. Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Лаишевскаго уѣзда, Казанской губ. *И. Нечаевъ* . . . . 214—226
7. Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. *Н. В.* . . 226—227
8. Филологическая замѣтка. *Я. Грота* . . . . 228—229

Стр.
9. Изъ вновь открытаго древне-русскаго поученія до-монгольской эпохи. Сооб. *А. И. Соболевскаго* 229
10. И. Коперницкій. Некрологъ. 229—230
Объявленія.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской діалектологіи. *I. А.* Южно-великорусскіе говоры, проф. *А. И. Соболевскаго* . . . . 1—24
2. Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. *С. Н. Сыромятникова* . . . . 25—40
3. Сага-Гутовъ. Переводъ *С. П. Сыромятникова* . . . . 41—48
4. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ редактора и примѣчаніями *Вс. И. Срезневскаго* . . . . 49—77

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе разсказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. *Ив. Манжурою.* 78—80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа) . . . . . 81—88
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа) . . . . . . 83—84

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowéj. *Ир. Полов-нъ* . . . . 89—98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90) *Ю. И. Поливки* . . . . 99—104
3. Dr. W. Iunker. Reisen in Afrika. Проф. *Э. Н. Петри* 105—107
4. Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. *Н. В—аго* . . . .
5. А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. *Арк. Л—нко* 109
6. Český lid I. *А. Липовскаго* 110

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Отчеты канд. С.-Петербургскаго унив. *г. Катанова*, отправленнаго для этнографическаго изслѣдованія тюркихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай . . . . . 111—122
2. Бурятская легенда объ озерѣ Бальдзи. *Г. Н. Потанина* . . . . 122—126
3. Некрологъ А. А. Потебни *В. И. Ламанскаго* . . . 126—136
4. Памяти А. А. Потебни *Б. М. Ляпунова* . . . . . . 136—149
5. Памяти А. А. Потебни. *М. Халанскаго* 150
6. Замѣтка (изъ Ярославскихъ губ. Вѣд. № 6.) *Е. И. Якушкина* 151
7. Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этнографіи . . 151—152

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ русской діалектологіи. I. Б. Сѣверо-великорусское, или окающее поднарѣчіе. Проф. *А. И. Соболевскаго* . . . . 1—26
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—42 г.). съ примѣчаніями *Вс. И. Срезневскаго* . . . . 27—70
3. Троичина (бытовой очеркъ). *С. Шустикова* . . . . . . 71—91

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Стр.
1. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера. *С. К. Патканова* . . . . 92—97
2. Мордовская свадьба. *Е. М. Евсѣева* . . . . 98—117

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. О типѣ Ильи Муромца. *А. Соболевскаго* . . . . . . 118—122
2. Словарь русскаго языка. *А. С—каго* . . . . 122—125
3. Памятная книжка. *А. С—каго* 125
4. Харьковскій сборникъ. *А. С—каго* 126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. *А. С-каго* . . . . —
6. Zbiòr wiadomości do antropologii Krajowėj m. XIII *Ир. П.* . . . . 127—137
7. Listy z českych dějin kulturnich. *Е. Пѣтухова* . . . 137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. *В. Каллаша* . . . . 139—142
9. Библіографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Ленора (женихъ или братъ мертвецъ). II. Шемякинъ судъ. *В. Каллаша* . . . . 142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90 г.). *Ю. Поливки* . . . . 146—152

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты. *А. Соболевскаго* 153

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ. *А. А. Дукачева-Баскакова* . . . . 154—162
2. Игра со вьюномъ . . . . . 162—167
3. О. О. (Некрологъ). *Ѳ. И Первольфъ* 168

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки русской діалектологіи. II. Бѣлорусское нарѣчіе. *А. И. Соболевскаго.* 3—30
2. О побратимствѣ и посестримствѣ. Очеркъ изъ обычнаго права Болгаръ. *С. Бобчева* . . . . 31—43
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839 — 1842) . . . . 43—105
4. Тропчина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). Окончаніе. *А. Шустикова.*106—138

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ. *Ѳ. Истомина* . . . . 139—145
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.). Сообщ. *С. К. Паткановымъ* . . . . . . 146—147
3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки, какъ скуриваютъ повотелыхъ коровъ. Побасенка (Нижегор. губ.). Сообщ. *Ив. Мамакинымъ* . . . . 148—149
4. Заговоръ отъ присухи (Пермск. губ.). Сообщ. *П. А. Шилковымъ* . . . . . . 149—151
5. Проводки и проводочныя пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. *Н. Б.* . . . . 151—156
6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. *Як. Свѣтлова* . . . . 156—164

Отдѣлъ III.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. *В. Мошкова.* 647—11

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стр.

1. Очерки Русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. *А. И. Соболевскаго* . . . . 1—61
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) . . . . . 62—96

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи *Н. Лъскова* . . . . 97—103

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ». Москва, 1890, т. I и II . . . 104—120
2. Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго 16° 63 стр. Воронежъ. 1892 (Отд. отт. изъ Фил. Зап.). . . . . . .
3. Kobieta w piésni ludowej. Napisała Kazimira Skrzyńska 12°, 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisły», t. VIII).
4. Современный великоруссъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весина («Русская Мысль». 1891. Сент. и Окт.). *Вл. Перетца* . . . . 120—124

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Стр.

1. Бытовыя черты Русинки Холмскаго края. *К. Ярошкаго* . . . . 125—134
2. Отчетъ кандидата И. Спб Университета г. Катанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай . 134—137

Объявленія объ изданіи «Живой Старины» и др. журналовъ въ 1893 году.

Оглавленіе 8 выпусковъ «Живой Старины» за первые два года.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о Бѣлорусскихъ говорахъ; I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда. *М. Довнара-Запольскаго* . . . . . 3—19
2. Путевыя письма. И. И. Срезневскаго . . . . 20—63
3. О происхожденіи Корси (Куронъ). *Юрія Трусмана* 64—91
4. Объ источникахъ сказки «О рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина. Св. П Р—ва . . . . . 91—95

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Ритуалъ сибирской свадьбы. *И. О. Осипова*. . . . . 96—114

Отдѣлъ III. Стр.

Критика и библіографія.

1. Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя. *А. И. Соболевскаго.* 115—122
2. Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muz. opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. *В. Н. Перетца* . . . . 122—124
3. Календарь Вятской губерніи на 1893 г. *А. И-скаго.* 124—125
4. Brandstetter. R. Charakterisirung der Epik der Malaien. Luzern. *С. О.* . . . . 125—
5. Zemmrich, Johannes. Toteninseln und verwandte geographische Mythen. *С. О* . 125—126
6. Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Makroch, *С. О.* . . . . . . 126—127

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отвѣтъ на вопросъ, предложенн. г. Соболевскимъ. *Ивана Мамакина* . . . 128

Отдѣлъ V.

Смѣсь

1. Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининымъ. *Н. Волкова*. . . . . 128—133
2. Поклоненіе дереву. *В. Ламанскаго* . . . . 133—135
3. Двина рѣка. *Ю. Трусмана.* 135 —
4. Ворожея XVII в. *Н. Тупикова* . . . .
5. Отзывъ медальной комиссіи о трудахъ Д. Члена Проф. А. И. Соболевскаго по исторіи и географіи Русскаго языка . . . . . . 136—7
6. Объявленія.

Выпускъ II. Стр.

Отдѣлъ I

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Путевыя письма. *И. И. Срезневскаго* . . . . 139—177
2. Нидерландскія народныя пѣсни. Проф. Амстердамскаго Университета *К. Уленбека* . . . . 178—210

Отдѣлъ II.

Памяти языка, народной словесности и живой старины

Мордовская свадьба (продолженіе). . . . . . 211—219
Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ. *Н. Пьвина* . . . . 219—248

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ . . . . 248—253
Богатырь-козакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо . . . . 253—254
Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ . . . . 254—255
Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. *А. Соболевскаго* . . . . . . 255—256
Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. *Н. Т—ова* . . . . 256—257
Остроумовъ. Сарты. *А. Липовскаго* . . . . . . 257—263
Записки товариства імени Шевченка . . . . 263—264
Самарово село Тобольской губ. и округа. *Арк. Л—нко* . . . . 264—265
Волынскія Губернскія Вѣдомости въ 1838—1888 гг. Состав. *Аркадій Лященко* . . . . 265—278

Отдѣлъ IV. Стр.

Вопросы и отвѣты.

1. Бѣлоруссы, II. Латыши, III. Поляки . . . . 279—280

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Бесѣдныя игры, тетера, въ гуси, въ кони. *Влад. Перетца* . . . . 281—282
Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. *М. Довнара-Запольскаго* . . . . 283—296

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Этнографическія наблюденія въ Абхазіи. *Н. М. Альбова* . . . . 297—329
Путевыя письма И. И. Срезневскаго . . . . 330—373

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Говоръ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ. *М. Герасимова* . . . . 374—388
Говоръ сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губ. *Александра Мельницкаго* . . . 388—392
Говоръ Велико-Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ. *А. Дмитріева* . . . . 392—395

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Яблоновскій. Населеніе Украины въ XVI вѣкѣ. *А. И. Соболевскаго* . . . . . . 396—399

Стр.

Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. *А. И. С—скаго* . . . . 399—400
Р. Р. бар. Штакельбергъ. Ирано-финскія лексикальн. отношенія. *А. И. С—каго* . — 400
Černy Ad. Mythiske bytosce lužiskich Serbow. *Вл. Перетца* . . . . 401—402
Лопаревъ, Х. М. Слово о святомъ «патріархѣ Ѳеостирикте». *Н. Т.* . . . . . 402—403
Н. Ѳ. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. *Н. Т.* . . — 403
Н. Ѳ. Сумцовъ. Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ волшебницѣ. *Н. Т.* . . — —
Е. О. Карскій. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. *Н. Т.*
Н. Ѳ. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. *Н. Т.* . . . . — —
Les Cris de Londres au XVII siècle. *Г. А. Виссендорфа* . 404—405
И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской. *Пр. Д.* . . . . 405—408
Списокъ печатныхъ трудовъ Довконта. *С. Балтрамайтиса* . . . . 408—412
П. Н. Буцинскій, Мангазея и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 гг. *Н. Тупикова* . . . . 412—414

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Представленія кореляковъ о нечистой силѣ. *Н. Лѣскова* . . . . 415—419
Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ. *П. М. Довнара-Запольскаго*. . . . . . . 419—425
Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи . . . . 425—428
Какому святому и въ какомъ случаѣ должно молиться . . . . — 428
Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ . . . . 428—429
Сказаніе Арсенія инока Селуня града о Іерусалимѣ . 429—430

Стр.

Сказаніе о преподобной Θеодорѣ, ся же память 11 сентября. *А. Балова* . . 430—431
Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года. *Н. Лѣскова* . 432—436
Latwju dainas . . . . — 436
Отъ редакціи . . . . — 436
Объявленія 1 4

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи. *А. А. Соболевскаго* . . . . 437—439
2. Древнѣйшія русскія двуосновныя личныя имена и ихъ уменьшительныя. *Г. Г. Гинкена* . . . . . . 440—461
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). Окончаніе) . . . . 462—506

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народный говоръ въ Пошехонскомъ уѣдѣ. Ярославской губ. *А. Балова* . . . 507—513
2. Говоръ Павловичской волости Могилевскаго уѣзда. *Андр. Романова* . . . . . . 513—518
3. Жмудскія пѣсни, записанныя *Мечиславомъ Довойна - Сильвестровичемъ* съ переводомъ и примѣчаніями *А. Л. Погодина* . . . 519—531
4. Загадки Корелъ Олонецкой губ., записанныя *Н. Θ. Лѣсковымъ* . . . . 532—540
5. Пословицы Корельскія, записанныя *Н. Θ. Лѣсковымъ*. 540
6. Корельская пѣсня, записанная и переведенная *Н. Θ. Лѣсковымъ* . . . . 541—553

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. В. Мочульскій. Слѣды народной библіи въ славянской и древне - русской письменности. Одесса. 1893. *Вл. П—а*. 554
2. Мотивы свадебныхъ пѣсенъ Пинчуковъ. Этнографическій этюдъ *М. Довнара-Запольскаго*. Гродна. 1893. 16. 69 стр. *Вл. П—а*. . . . 556
3. Сборникъ Харьковскаго Историко - Филологическаго Общества Т. 5. Харьковъ. 1893. *Арк. Л—нка*. . . . 556—557
4. Памятная книжка Гродненской губерніи на 1893 г. *Т.* 557
5. Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 г. *Т.* 557

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты. 558

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Сагайскіе татары Минусинскаго округа, Енисейской губерніи, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1889 г. *Н. Θ. Катанова*. 559—570
2. Варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ. Сообщ. *Арк. Лященка* . . . . 570—571
3. Нѣсколько словъ о Куронахъ. *А. Л. Погодина*. . . 571—572
Объявленія.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Деревня Будагоща и ея преданія. *В. Н. Перетца* . . 2—18

Стр.

2. Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 года. *Н. Ѳ. Лѣскова*, съ замѣчаніемъ автора . . . . . . 19—36
3. Изъ года въ годъ. Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницынскомъ, Тюменскаго округа. *Филиппа Зобнина* . . . . . 37—64
4. Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ. (Въ XIII — XIV в.). Замѣтки преосв. Палладія, д-ра Бретшнейдера, архимандр. Руварца . . . . 65—77

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ *Михаилъ Протопоповъ* . . . . 78—82
2. Веснянки, Петривки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ *В. Ѳ. Боцяновскій* . . . . . 83—89
3. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій. *А. Погодина*. 90—97
4. О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи. *А. Балова* . . . . 98—99

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія

1. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ *С. Балтрамайтиса* . . . . 98—104
2. Русскія былины старой и новой записи. Москва 1864 г. *А. Погодина* . . . . 104—107
3. Систематическій указатель статей историческаго журнала «Деревня и Новая Россія». Спб. 1893 г. *В. Б.* 107

Отдѣлъ IV.

Смѣсь

1. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. *М. Довнара-Запольскаго* . . . . 108—114

Стр.

2. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 г. *А. Погодина*. . . . . 114—119
3. О происхожденіи названія г. Пскова. *Ю. Трусмана* . 120—122
4. Къ исторіи суевѣрій. Сообщ. *Е. Коз—скій* . . . . 122—123
5. Изъ области народныхъ вѣрованій. *А. Балова*. . . . 123—
6. Аллитераціи въ народномъ языкѣ. *А. Балова* . . . . . 123—124
7. Къ народному словарю въ области пѣсеннаго искусства. *Ѳ. Истомина* . . . . 124—125
8. По поводу холеры. Сообщилъ *А. Баловъ*. . . . . . 125—126
9. О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ. *В. Бартенева*. 126—129
10. Замѣтка о нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ въ селѣ Самаровѣ, Тобольской губ. и округа. *Хр. Лопарева* 130

Объявленія.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губ. *Г. Г. Гинкена* . . . . 133—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. *Бор. Ляпунова* (съ картою) . . . 143—177
3. Письма А. Ѳ. Гильфердинга—Кукулевичу - Сакцинскому. Сообщено проф. *П. А. Кулаковскимъ* . . . . 178—190
4. Олекминскіе скопцы. (Историко бытов. очеркъ). Ст. перв. 191—203

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубійцахъ. Сообщилъ *В. Н. Добровольскій* . . . . . . 204—214
2. Рекрутчина. *А. Мельницкаго* . . . . 215—221
3. Святки въ Корелѣ. *Н. Ѳ. Лѣскова* 222

Стр.

4. Мудрый Маччи. *Н. Θ. Лѣскова* 224
5. Шутъ Григорій *Н. Θ. Лѣскова* . . . . 226—229
6. Пастухи и дьяволъ. *Н. Θ. Лѣскова* . . . . 230—232
7. Приложеніе къ отчету *А. Л. Погодина* о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. *А. Л. Погодина*. 233—258

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. В. Н. Перетцъ. Современная народная пѣсня. Сравнительные этюды. *Аркадія Лященка* . . . . 259—275
2. О трудахъ А. Н. Веселовскаго *И. П. Жданова* . . . 282
3. О трудахъ Е. Θ. Карскаго. *А. И. Соболевскаго* 283
4. О переводѣ П. С. Попова. Сочиненія Мэнъ-гу-ю-мyцзи. *Н. И. Веселовскаго* . 284
5. Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1893 годъ 285

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи. Сообщ. *О. П. Семенова*. 286—293
2. Наброски изъ міра народной педагогики. *Ив. Мамакина*. 294—298
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописномъ сборникѣ Кирши Данилова, принадлежавшемъ Малиновскому. *Н. Чехова* . 299—300

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Олекминскіе скопцы. (Историко-бытовой очеркъ). Ст. втор. и посл. *I—на*. . . . 301—324
2. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тептярей. *С. Рыбакова* . . . . 325—364
3. Якутская свадьба. *В. Сѣрошевскаго* . . . . 365—374
4. Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ Сибири и Средней Азіи. Сообщилъ Докторъ *А. К. Бѣлилевскаго* . . . . 375—390
5. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій *Н. Аристова* . . . . 391—486

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по литовской этнографіи. *Г. Г. Гинкена* . 487—498
2. Корельская свадьба. *Н. Θ. Лѣскова* . . . . 499—511
3. Погребальные обряды Кореляковъ. *Н. Θ. Лѣскова* . . 511—517
4. Китаби-Кокурдъ. *В. Бартольда* . . . . 517—523

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами? *А. Соболевскаго* . . . 524—526
2. О такъ называемой народной этимологіи. *А. Соболевскаго*. 526—528
3. О сравнительной миѳологіи Макса Мюлера. *А. Соболевскаго* 529
4 Новыя книги. *А. Погодина*. 530—540
5. Мелочи по киргизской и сартской этнографіи за 1894 г. *А. Липовскаго* . . . . 540—542
6. Zur Geschichte russischer Hochzeitbräuche, von Gregor Krek. *А. Л.* 543
7. Пѣсни Сѣверо - Восточной Россіи. *Арк. Л-нка* . . . . 543—544

Стр.

8. Лѣтопись историко-филологическаго общества. *Арк. Л-нка*. 544
9. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. (Продолженіе). *С. Балтрамайтиса* . . . . 545—548

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. О происхожденіи названія г. Изборска и древняго населенія его окрестностей. *Ю. Трусмана* . . . . . 549—554

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской край (Олонецкой губ., Лодейнопольскаго уѣзда) въ 1894 г. *Н. Ө. Лѣскова*. . 1—13
2. Кайганы или чухари. *Д. П. Никольскаго*. . . . 14—16
3. О Бесермянахъ. *Д. П. Никольскаго* . . . . 17—27
4. Восточная Волынь *Н. И. Коробки* . . . . 28—45
5. Письма О. М. Бодянскаго къ Станку Вразу въ Загребъ. Сообщ. *П. А. Кулаковскій*. 46—56

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ *Л. Винера* . . . . 57—70
2. Пѣсни Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. *Н. Коробки* . . . . 71—83
3. Латышскія преданія *Г. Виссендорфа* . . . . 84—86
4. Народныя игры въ Кадниковскомъ уѣздѣ. *А. Шустикова*. 86—100

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики *Б. М. Ляпунова* . . . . 101—116
2. G. Krek. Zur geschichte russischen hochzeitsbräuche. Graz. 1893. *Н. Тупикова* . 116—118

Отдѣлъ IV.

1. Вопросы и отвѣты. *Э. Вольтера* . . . . 119—120

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Легенда о предсказаніи преподобнаго Геннадія. *Н. А. Тихомірова*. 121
2. Особая форма нищенства. *Н. А. Тихомірова* 122
3. Письмо къ Редактору Жив. Стар. *П. В. Шейна* . . . . 122—123
4. Кривулэ у Латышей. *Г. Виссендорфа* 124
5. Протоколъ 1-го засѣданія Латышско-Литовской комиссіи (25 ноября 1894 года). . 124—125
6. Протоколъ 2-го засѣданія Литовско-Латышской комиссіи (12 декабря 1894 года). . . 125—126

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. *Вл. Іохельсона* . . . . . . 127—161
2. Особенности языка латышскаго писателя Г. Манцелія. *П. Шмидта* . . . . . 162—170
3. Тавреньга, Вельскаго уѣзда (Этнографическій очеркъ). *А. Шустикова*. . . . . . . 171—198
4. Письма: а) аббата Іос. Добровскаго 29 Дек. 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. къ Министру Народнаго Просвѣщенія Шишкову. 199—202

Стр.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сказанія и сказки Вельск. у. Сообщ. *А. Шустикова* . . 203—211
2. Царь солома. Сообщ. *Е. Вальневъ* . . . . 212—213
3. Причитанія на рукобитьѣ. Сообщ. *Свящ. Владиміръ Ивановъ* . . . . 214—217
4. Пѣсни с. Писокъ, Житомірскаго уѣзда. *Сообщ. Вл. Боцяновскій* . . . . 217—221
5. «Иванъ Купайло» въ с. Корытной Гайсинскаго уѣзда. Подольской губ. *Θ. Рыбскаго*. 221—222
6. Свадебные обряды и пѣсни въ м. Маковѣ, Каменецкаго уѣзда, Подольской габерніи. Сообщ. *О. Рыбскій*. . . . 222—234

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ, *А. Соболевскаго*. . . . . 235—236
2. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. *Н. Т.*. 237
3. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. *Арк. Л-нка*. 237—238
4. Marillier. La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés. Paris. 1894. *Щ—ва* 238

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Ш. въ IV отд. «Живой Старины» IV вып. 1893 г. *Ив. Мамакина* . . 239

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда села Кургомень. . . . . . 240—241
2. Новгородская легенда объ апостолѣ Андреѣ. *В. Боцяновскаго* . . . . 241—242
Объявленія . . . . 1— 4

Стр.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Отчетъ о поѣзкѣ къ лифляндскимъ Латышамъ лѣтомъ 1894 г. *А. Л. Погодина*. . . 243—250
2. Литовцы и русскій алфавитъ *М. Лозорайтиса*. . . . . . 251—259
3. Къ вопросу объ алфавитѣ для Литовцевъ. *Георгія Гинкена*. 260—262
4. Объ инородческихъ языкахъ вообще и о латинскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особенности. *В. И. Ламанскаго*. . 263—271
5. Изъ статьи А. Θ. Гильфердинга о Литовской народности. . . . . 272—276
6. Докладъ С. Балтрамайтиса. 277
7. Докладъ А. О. Смильго. . 278
8. Поѣздка въ Корелу. *Н. Θ. Лѣскова* . . . . 279—297
9. Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Минусинскаго края. (Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г.). *П. Островскихъ* . . . . 297—348
10. О красильномъ искусствѣ у Русскихъ Енисейской губ. *А. Макаренка* . . . . 349—356
11. О красильномъ искусствѣ у Латышей *Г. А. Виссендорфа*. 257—258
12. Тавреньга Вельскаго уѣзда. Этнографическій очеркъ. (Окончаніе). *А. Шустикова*. . . 359—375

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О говорѣ жителей Левочской волости, Боровичскаго уѣзда. *Михаила А. Синозерскаго* . 376—381
2. Простонародныя слова, употребляемыя въ уѣздахъ Новгородской губерніи: Крестецкомъ, Старорусскомъ, Кирилловскомъ и Боровичскомъ *К. Лаврова*. . . . . 382—384

Стр.
3. Особенности говора Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губ. *Шайтанова* . . . . . 384—398
4. Замѣтки объ одномъ изъ говоровъ Костромской губерніи. Студ. Пет. Унив. *Николая Каринскаго* . . . . 399—402
5. Особенности въ говорѣ населенія, расположеннаго по рѣкѣ Письмѣ, Костромской губерніи, Буйскаго уѣзда. Студ. Птрб. Дух. Ак. *Ѳ. Покровскаго*. 403—415
6. Говоръ южной части Томскаго округа, Томской губерніи. Студ. Пет. Ун. *В. Ламанскаго* . . . . 416—418
7. Сказанія и сказки. Сообщ. *А. Шустикова*. . . . . . . 419—427
8. Космическія легенды Балтійскихъ народовъ *А. Л. Погодина*. 428—
9. Духовные стихи. Сообщ. *М. А. Синозерскій* . . . . 449—452
10. Малорусскія сказки и байки изъ Галичины . . . . . 453—466

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Замѣтка по поводу изданія «Жмудскихъ пѣсенъ изъ Полангена». *Ив. Ос. Яблонскаго*. 467—469
2. Труды Тибетской экспедиціи. В. Л. . . . . 469—475
3. Богдановичъ А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ В. Л. . . . 475—478
4. «Иллюстрированная библіотека Крестнаго Календаря». Сказки русскаго народа. В. П. *Семенова* 478
5. Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности (Этнографическія данныя). *Н. Т—ва*. . . . . . 478—479
6. Weigand, G. Die Aromunen ethnographisch - philologisch-historische Untersuchungen über d. Volk d. sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren. В. Л. . . . . 480—486

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Погребальные обычаи Обдорскихъ Остяковъ. *В. В. Бартенева* . . . . 487—492
Стр.
2. Народонаселеніе Австро-Венгріи. В. Л. . . . . . 492—493
3. Летучій огненный змѣй. Сообщилъ *М. И. Соколовъ* . . 493—494
4. Летучій змѣй въ 1745 г. въ Бѣлгородѣ. Сообщ. г. *Никольскій* . . . . 494—495
5. Какому святому и когда должно молиться. Сообщ. *А. Баловъ* 495
6. Куретница. Сообщ. г. *Никольскій*. . . . . 495—496
7. Радунскій приходъ Лидскаго уѣзда. Виленской губ. *Б—са*. 497
8. Еще по поводу Литовской печати. *А. Л. Погодина*. . 498—499
9. Заговоры противъ болѣзней, разныя повѣрья и примѣты. (Житом. у.). *В. Ѳ. Боцяновскаго* . . . . 499—504
10. Изъ письма къ Редактору. *Д. Михайловскаго. Оренбургъ* 504
11. Списокъ литовскихъ журналовъ, издаваемыхъ внѣ Россіи въ 1883 — 1896 г. *Балтрамайтиса* . . . . . 505—506
12. Опечатки 507
Объявленія.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Изъ поѣздки по Малой Азіи. *Я. И. Смирнова*. . . . . 3—31
2. Древнія двуосновныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ составъ и происхожденіе. *Ю. П. Кузнецова* . . . . . 32—50

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда. *Н. Г. Ордина* . . . 51—121

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. По поводу приложенія къ отчету А. Л. Погодина о его

Стр.
поѣздкѣ въ Ковенскую губернію. *Ив Яблонскаго* . . 123—130
2. Бѣлорусское полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ. Выпускъ I Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ. 1894 г. *Н. Т-ва*. . 131
3. Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. *Н. Т.* . 131—132

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ «купальскихъ» обрядовъ и игрищъ. *А. Балова* . . . . 133—142
2. Летучій огненный змѣй *М. А. Сиио ерскаго* . . . 143
3. Изъ письма къ Редактору. *А. Шустикова* . . . . . . 143—144
4. Опечатки 144
Объявленія.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Грихья-сутры, какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры. *Д. Н. Кудрявскаго* . . . . 145—156
2. Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе. Историко-этнографическій очеркъ. *А. Балова* . . . . 157—168
3. Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. *Н Рубинскаго*. . . . . . . 169—201
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпическаго стиля. *К. Тіандера*.202—225

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Свадебные причеты, записанные въ Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда. *Я. Ильинскаго* . . . . . 226—248
2. Рекрутскія причитанія. *Д. Успенскаго* . . . . 242—248

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стр.
1. Литовско - латышско - польско -русскій словарь, составленный кс. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г., стр. 292. *Ив. Яблонскаго* . . . 248—254
2. Монголія и Монголы — Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣевымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ. . . . . . 254—255
3. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Л. Сѣрошевскаго. Подъ редакціей проф. Н И Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою. 255—257
4. Якушкинъ. Е. И. Обычное право, выпускъ второй. Ярославль. 1896. . . . . . 257—258
5. Бартеневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Петербургъ. 1896 . . 258
6. Харузинъ, Н. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896 . . .
7. Пантюховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896 . . . . 258—259

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. О Пасхѣ. *А Балова*. . . . 260—261
2. Крапивное заговѣнье. *А. Балова* . . . . 261—262
3. Свѣчи и ладонъ въ народныхъ повѣрьяхъ *А. Балова* . . . . 262—264
4. Живая Старина. *А. Балова*. 264—265
Объявленія.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Д-ра *Ар. Ив. Якобія* . . . 267—272

Стр.
Замѣтка редактора 272
2. Инструкція изслѣдованія инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Проф. *Ар. Ив. Якобія* . . . . . 273—276
3. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. *Н. А. Аристова* . . . . . 277—456
4. О семейномъ положеніи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. *Ѳ. Покровскаго* . . . . 457—476
5. Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай. *А. Калачева* . . . . 477—488

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Нѣсколько словъ о поэзіи теленгетовъ. *А. Калачева* . 489—500
2. Свадебные обряды въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Подольской губ. *Н. Дучинскаго* . 501—522

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналѣ: Nyare bidrag till Kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folkliv 1885—1895 г. *К. Тіандера* . . . . 523—529
2. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896. *В. Ламанскаго*. 529—534

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. О выборѣ невѣстъ въ Новгородской губерніи. *М. Синозерскаго*. . . . . . . 535—536
2. Чортовъ домъ. *М. Синозерскаго* . . . . 536—537
3. Цвѣтъ «папретника». *М. Синозерскаго*. 537
4. Отчего пораженные грозой святые. *М. Синозерскаго*. 537—538
5. Ильинская пятница. *М. Синозерскаго*. 538
6. Игры (въ слободѣ Усть-Ницынской, Тюменскаго округа). *Ф. Зобнина*. . . . . 538—542
7. Вѣщица или труболетка. *Ф. Зобнина* 542
Объявленія.

Стр.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Киселевскіе Цыганы. *В. Н. Добровольскаго* . . . . 3— 36
2. О происхожденіи Псково-Печерскихъ полувѣрцевъ. *Ю. Трусмана* . . . . 37— 47
3. Замѣтка по поводу предполагаемаго изданія народныхъ сказокъ *С. В. Максимова* . . . . 48— 56

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. Съ приложеніемъ сборника народно-медицинскихъ средствъ той же волости. *А. Макаренка* . . 57—100
2. Былина и пѣсни Енисейскаго округа. *А. Александрова* . . 101—105
3. Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрованіяхъ *Ю. А. Яворскаго* . . . . 105—106
4. Галицко-русскія повѣрія объ опыряхъ. *Ю. А. Яворскаго* 107—110
5. Изъ галицко-русскихъ народныхъ сказаній и суевѣрій. *Ю. А. Яворскаго* . . . 110—111
6. Сказки. Приложеніе къ замѣткѣ С. В. Максимова . . 112—123

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ. *Ал. Макаренка* . . 124—12

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Дурачки и убогіе. *Ал. Макаренка* . . . . 126—128
2. Урочливая. Его-же . . . . 128—130

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Объ эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа (На

Стр.
основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти). *Всев. Өед. Миллера* . . . . 133—159
2 Отчетъ о поѣздкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества. Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ. Чл.-сотр. *С. Г. Рыбакова* . . . . 160—217

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные *Н. Л. Гондатти* . . . . 218—229
2. Дѣтскія и женскія болѣзни. (Продолженіе). *А. Макаренка* . . . . 230—246
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. *А. Макаренка* . . . . 247—253
4. Миѳологическіе отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября) *П. К. Браучунаса* . . . . . 254—261

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Narodopisný Sbornik československý. Svázek první. Vydàvà narodopisnà Společnost' československà a nàrodopisnè Museum československè. Redactor prof. Fr. Pasternek. Ve Prazè. 1897. *Н. В. Ястребова* . . . 262—265

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Этнографическія изысканія въ Восточной Сибири . . . 265—266

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Поѣздка на Алтай. *Ф. Зобнина* . . . . 267—293
2. Тюркская сказка о Идыге. *Г. Потанина* . . . . 294—350
3. Сказанія о поѣздкахъ остяцкихъ князей къ русскимъ царямъ. *С. Патканова* . . . 315—356

Стр.
4. Данныя для народнаго календаря Смоленской губерніи въ связи съ народными вѣрованіями. *В. Н. Добровольскаго* . . . . 357—380

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. Со сборникомъ народно медицинскихъ средствъ той же волости (Окончаніе). *А. Макаренка*. . . 381—438
2. Галицко-русскія повѣрія о дикой бабѣ. *Ю. Яворскаго*. . 439—441
3. Изъ сборника галицко-русскихъ сказокъ, собранныхъ для предполагаемаго сборнаго изданія И. Р. Географическаго Общества. *Ю. Яворскаго* . . . . 441—445
4. О народныхъ говорахъ сѣверо-западной части Костромской губерніи. *Ѳ. Покровскаго* . . . . 446—469

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ 470—473
2 Die Sprachgebiete in der Ländern der ungarischen Krone auf Grund der von Königl. ung. statist. Landes-Bureau veröffentlichten Ergebnisse der Volkszählung vom Jahre. 1890 berechnet von Eduard Leipen. Wien. 1896 . . . . 473—479

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты. 480—481

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. О значеніи Моравскаго или Ресавскаго нарѣчія для современной и исторической этнографіи Балканскаго полуострова. . . . . 482—485

Объявленія.

Стр.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность. *Н. Иваницкаго* . . . . 3— 74
2. О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. *С. В. Максимова*. . . . . 75— 79

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Марипчельская крестьянская свадьба. (Бытовой очеркъ). *М. Успенскаго* . . 80—104
2. Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими Славянскими. *А. Аарне* . . . . 105—110
3. Галицко-русскій авгурій XVIII-го вѣка. *Ю. Яворскаго* 111

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаній). Георгія Властова. *Д. Кудрявскаго* . . . . 112—116

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 117—121
2. Отъ редактора 121

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор., губ. Пословицы и поговорки, примѣты и обычаи 122—123

Объявленія.

Стр.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе слѣдуетъ). *Ф. Зобнина*. . . . . 125—157
2. Матеріалы по народной медицинѣ и акушерству въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. *М. К. Герасимова* . . . . . . 158—183

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любимля). (Окончаніе будетъ). *Дм. И. Абрамовича* . . . . 184—202
2. Сборникъ рязанскихъ областныхъ словъ, Чл. Сотр. *Диттеля* . . . . . . 203—227
3. Смерть и душа въ повѣрьяхъ и въ разсказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи. Чл. Сотр. *О. П. Семеновой* . 228—234
4. Сомринскій говоръ. Сообщ. *В. Кузнецовъ* . . . . . . 235—236
5. Перегудки. Сообщ. Чл. Сотр. *Н. А. Иваницкаго* и Чл. Сотр. *А. А. Шустикова* . . 237
6. Сказка про ерша. Сообщ. *М. А. Синозерскій* . . . . . 244—244
7. О трехъ заговорахъ и о народномъ воззрѣніи на змѣй въ Могилевской и Херсонской губерніяхъ. *В. Врадій*. 245—246

Объявленія.

Выпускъ III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Объ Авганистанѣ и его населеніи. *Н. А. Аристовъ*. . 247—319
2. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе). *Ф. Зобнина*. . . . . 320—328

Стр.

3. Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гнѣзно и къ Н. И. Надеждину . . . . . 329—330
4. Остатки работъ П. И. Прейса. . . . . 331—367
5. Первая лекція П. И. Прейса, читанная весною 1843 г. въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ. . 368—384

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Окончаніе). *Дм. И. Абрамовича*. . . . . . . 385—386
2. Образцы говора, Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ. *В. Н. Добровольскій*. . . . 387—392
3. Матеріалы лексикографическіе по Новгородскимъ говорамъ. 1. Слова Череповецкія. Сообщ. *М. К. Герасимовъ*. 2. Слова Ладожскія Сообщ. *Николай Кедровъ* . . 392—408
4. Нѣкоторыя лѣкарственныя растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ. *Т. I. Вержбицкій*. 409—420
5. Прозвища крестьянъ сельца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи. *В. Добровольскій*. . . . . . . 421—424
6. Сборникъ загадокъ для дѣтей. Сообщ. учит. народн. учил. *К. Славинъ*. . . . . 425—436
7. Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, Свіяжскаго уѣзда, села Бежбатманъ. *А. Можаровскій*. . 437—442
8. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. Сообщеніе *П. К. Симони*. . . 443—450
9. Объ особенностяхъ языка, въ г. Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ, Волог. губ. *Николой Чернавскій* . . . . 451—462
10. Бѣлорусскія дѣтскія игры. *П. Демидовичъ*. . . . . 453—462

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Рустика (Т. А. Мартемьянова) Городъ Волховъ, Орловской губерніи (историко-бытовые очерки). *Вл. Шарутинъ* . . . . 463—467
2. Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные въ порядокъ П. В. Шейномъ. *Вл. Шарутинъ*. . 467—470
3. Slovenská přslovi, pořekadla a uslovi. Sepsal Adolf Peteř Zatureckŷ . . . . 471—472
4. Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungen und einer Karte. 472—475
5. Два отзыва по присужденію большой и малой золотыхъ медалей Этнографическаго Отдѣленія. *В. Ламанскій*. . 475—476
6. Библіографическій обзоръ Литовскихъ повременныхъ изданій за 1898 годъ. *Б.* . 477—479

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Вечеринки и игрища въ Устьсысольскѣ. Членъ Сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. *С. Мельниковъ*. . . . . 480—481
2. Коляда въ Устьсысольскѣ. Мѣщанинъ *Стефанъ Мельниковъ*. (Чл.-сотр. И. Р. Г. Общ. 1842 г.). . . . . 481—482
3. Коледа во Влад. губ. (Изъ Арх. Р. Г. Общ.). *Н. Добротворскій*. . . . . 482—485
4. Духовные стихи. Сообщилъ *Яковъ Ильинскій*. . . . . . 485—487
5. Сказка (записанная въ Эскинскихъ юртахъ Верх-Демьянск. вол. Тоб. окр.). *С. Паткановъ*. . . . . 487—489
6. Тагасъ на Бѣломъ озерѣ. Учитель народн. школы *М. Комельковъ* (уроженецъ села Кулости). . . . . 489—493
7. Дополненія къ статьѣ г. Комелькова. Учитель Киснемскаго училища Кирилловскаго уѣзда. *П. Маіоровъ*. . 493
8. Пословица и загадка. *В. Добровольскій*. . . . . 494—497

Объявленія.

ОТДѢЛЪ I.

ОБЪ АВГАНИСТАНѢ И ЕГО НАСЕЛЕНІИ.

(По поводу статьи Л. А. Б-нча «Авганистанъ и его эмиръ». «Русск. Вѣстн.», 1898 г. авг., стр. 128—150, и сент., стр. 98—108).

I. Положеніе научныхъ изученій и литературы объ Авганистанѣ и авганахъ.

И ранѣе весьма мало извѣстныя страны, занятыя авганами или имъ подвластныя, сдѣлались послѣ первой англо-авганской войны (1838—1842 г.г.) почти недоступными для европейскихъ путешественниковъ и ученыхъ изслѣдователей. По этой же отчасти причинѣ и имѣющіяся, въ общемъ немалыя, свѣдѣнія объ Авганистанѣ и его населеніи до сихъ поръ весьма недостаточно подвергались соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ научной обработкѣ. О положеніи географіи и топографіи Авганистана можно судить по тому факту, что нѣкоторыя мѣстности, напр., части страны хезарейцевъ и Кафиристана, значительная часть бассейна рѣки Балха и т. д., остаются непосѣщенными европейцами и наносятся на карты по разспросамъ и догадкамъ. По этнографіи существуютъ только отрывочныя и случайныя данныя, научно необработанныя, потому что труды Белью и нѣкоторыхъ другихъ касавшихся этой отрасли знанія писателей почти лишены научнаго значенія. По языкознанію, нарѣчія западныхъ авганскихъ племенъ, хезарейцевъ, аймаковъ, кафировъ и т. д. почти неизвѣстны, если не считать кое-какія свѣдѣнія и образчики, доставленныя не-лингвистами, а потому для науки мало пригодныя. По разнымъ отраслямъ естествознанія наука вынуждена пока довольствоваться общими, неточными и неопредѣленными свѣдѣніями. Исторія находится въ столь же плачевномъ положеніи: даже время умершаго 125 лѣтъ тому назадъ основателя существующаго авганскаго государства Ахмедъ-шаха научнымъ образомъ не изучено и важные для этого изученія источники не использованы, какъ указалъ недавно Оскаръ Маннъ (Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Schah Durrani, 1747—1773, въ Zeitschrift der Deutschen Mor-

genländischen Gesellschaft, 1898, B. 52, s. 97). Неудивительно, что существующія исторіи Авганистана и авгановъ (Феррье и Маллесона) представляютъ собою болѣе или менѣе плохія компиляціи изъ одностороннихъ, тощихъ и неподвергнутыхъ научной критикѣ источниковъ. Служащее до сихъ поръ необходимымъ и единственнымъ пособіемъ для общаго ознакомленія съ авганами и ихъ страною, прекрасное, для своего времени, сочиненіе Эльфинстона (An Account of the Kingdom of Cabool etc., by Mountstuart Elphinstone, London, 1815) было составлено на основаніи разспросовъ и немногихъ туземныхъ литературныхъ источниковъ, личное же знакомство автора съ Авганистаномъ было незначительно, такъ какъ въ предѣлы его онъ далѣе Пишавера не проникалъ. Между тѣмъ, это устарѣвшее почти на цѣлое столѣтіе сочиненіе остается до сихъ поръ ничѣмъ незамѣненнымъ.

Разумѣется, такое состояніе научныхъ изученій и литературы неизбѣжно отражается на служащихъ обычными пособіями для большинства пишущаго люда обобщающихъ сочиненіяхъ, энциклопедіяхъ и энциклопедическихъ словаряхъ, а затѣмъ вообще на публицистикѣ. Вслѣдствіе этого политическія брошюры, книги, журнальныя и особенно газетныя статьи объ Авганистанѣ и имѣющихъ къ нему отношенія предметахъ слишкомъ часто бѣдны вѣрными свѣдѣніями и правильными взглядами, и, наоборотъ, обильны ошибками, недоразумѣніями и вымыслами.

Наша научная литература по Авганистану, кромѣ лингвистическихъ работъ академика Дорна, ограничивается весьма цѣнными дополненіями В. В. Григорьева и Н. В. Ханыкова къ тѣмъ отдѣламъ „Землевѣдѣнія“ Карла Риттера, которые обнимаютъ Авганистанъ („Кабулистанъ и Кафиристанъ“, переводъ съ примѣчаніями и дополненіями В. В. Григорьева, Спб., 1867 г. „Иранъ К. Риттера. Перевелъ и дополнилъ Н. В. Ханыковъ“, Спб., 1874 г.). Труды Григорьева и Ханыкова, во-первыхъ, уже значительно устарѣли и не содержатъ свѣдѣній и научныхъ пріобрѣтеній за 30 и 25 почти лѣтъ послѣ ихъ изданія, во-вторыхъ же, и во время своего выхода въ свѣтъ не обнимали всѣхъ имѣвшихся свѣдѣній. Такъ, по исторіи Авганистана Григорьевъ далъ не имѣющій себѣ равнаго въ западно-европейской литературѣ обзоръ исторіи Кабулистана съ древнѣйшихъ временъ до XI вѣка и хорошій очеркъ англо-авганской войны 1838—1842 г.г.; исторіи же остальныхъ частей Авганистана въ древнѣйшее время и всей страны съ XI столѣтія Ханыковъ, на обязанность котораго это падало, сообразно содержанію изложенія Риттера, не составилъ. По этнографіи Авганистана дополненія Ханыкова, на долю котораго достались этническія и этнографическія свѣдѣнія объ авганахъ и другихъ народностяхъ, кромѣ обитающихъ въ Кабулистанѣ и Кафиристанѣ, также недостаточны, неполны и неудовле-

творительны. Даже географическія дополненія Ханыкова оставляютъ желать многаго какъ относительно полноты, такъ и систематичности.

О томъ, каковы были свѣдѣнія объ Авганистанѣ двадцать лѣтъ назадъ въ нашей литературѣ и въ военномъ вѣдомствѣ, можно судить по слѣдующему свидѣтельству составленной въ 1882 году записки одного изъ самыхъ компетентныхъ по этому предмету чиновъ генеральнаго штаба: „Когда въ 1878 году явилась необходимость оказать давленіе на Англію со стороны Индіи, то нами были сформированы два отряда и двинуты къ сторонѣ Афганистана совершенно на угадъ: мы не знали ни мѣстности, по которой придется идти, ни населенія, съ которымъ встрѣтимся" („Сборникъ географическихъ и пр. матеріаловъ по Азіи", вып. 5, 1883 г., стр. 108). Съ 1882 года, по примѣру англійскаго правительства, которымъ давно уже издается сборникъ Central Asia, compiled for political and military reference, и у насъ выходитъ „Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи". Этотъ „Сборникъ",— содержащіяся въ которомъ статьи за восьмидесятые года указаны въ „Библіографіи Азіи" Межова,—состоитъ въ настоящее время уже почти изъ 80 выпусковъ и дѣйствительно даетъ, и относительно Авганистана, довольно значительное количество матеріала, правда, почти исключительно переводнаго или являющагося сокращеннымъ изложеніемъ печатныхъ книгъ и статей. Конечно, спеціалисты, слѣдящіе за литературою предмета, и въ „Сборникѣ" найдутъ мало имъ незнакомаго, тѣмъ не менѣе и для нихъ „Сборникъ" очень полезенъ, вслѣдствіе трудности каждому отдѣльному лицу просматривать выходящія въ свѣтъ массы книгъ и періодическихъ изданій, изъ которыхъ многія отсутствуютъ въ самыхъ лучшихъ библіотекахъ. Цѣнность матеріаловъ „Сборника", страдающихъ слабостью географической стороны и почти отсутствіемъ этнографической и исторической, видна изъ того, что, пользуясь едва не ими одними, В. Т. Лебедевъ издалъ недавно обстоятельно разработанный проектъ похода до Инда („Въ Индію. Военно-статистическій и стратегическій очеркъ. Проектъ будущаго похода", Спб., 1898 г.), тогда какъ до сихъ поръ вмѣсто серьезныхъ проектовъ появлялись и были возможны одни фантастическія мечтанія. Къ сожалѣнію, какъ англійскій, такъ и русскій „Сборники" недоступны для большинства публики.

Русскіе путешественники съ учеными цѣлями въ Авганистанъ не проникали, за исключеніемъ Н. В. Ханыкова, совершившаго въ 1858 г. поѣздку изъ Мешхеда въ Хератъ, съ экскурсіею въ Обе, и затѣмъ въ 1859 году проѣхавшаго изъ Херата въ Сеистанъ по западной окраинѣ Авганистана; географическія замѣтки Ханыкова не лишены интереса, этнографическія же скудны и авганъ почти не касаются („Иранъ К. Риттера", Спб., 1874 г.,

стр. 301—312 и 342—360). Записокъ перваго правительственнаго посланца въ Авганистанъ поручика Витковича, ѣздившаго въ Кабулъ и Кандахаръ въ 1837—1838 г.г., не сохранилось или до сихъ поръ не опубликовано. О посольствѣ генерала Столѣтова изъ Ташкента въ Кабулъ сообщены любопытныя свѣдѣнія въ сочиненіи доктора И. Л. Яворскаго („Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 г.г.“, два тома, Спб., 1882—1883 г.г.). О поѣздкѣ въ 1878 г. изъ Мазари-Шерифа въ Хератъ полковника Гродекова изданы имъ путевыя записки („Черезъ Авганистанъ“, Спб., 1880 г.). Къ сожалѣнію, посольство Столѣтова и маршрутъ Гродекова почти не коснулись земель, заселенныхъ авганами, притомъ же члены миссіи и г. Гродековъ находились все время, если не подъ стражею, то подъ такимъ стѣснительнымъ надзоромъ авганскихъ властей, что лишены были возможности изучать страну и собирать свѣдѣнія о населеніи. Въ источникахъ карты Азіатской Россіи, приложенной къ монографіи „Геодезическія работы разныхъ вѣдомствъ и учрежденій въ связи съ постройкою Великаго Сибирскаго пути“ (1896 г.), упоминается о поѣздкѣ г. Комаровскаго въ 1891 г. отъ Пишавера въ Кафиристанъ, но никакихъ свѣдѣній объ этой поѣздкѣ мнѣ болѣе не встрѣчалось. Въ нынѣшнемъ году, командированный въ Индію генеральнаго штаба капитанъ Новицкій коснулся при поѣздкѣ своей части земель восточныхъ авганскихъ племенъ.

Въ нашей публицистикѣ слѣдуетъ упомянуть три сочиненія, не лишенныя интереса въ разныхъ отношеніяхъ: Л. Н. Соболева „Страница изъ исторіи восточнаго вопроса. Англо-афганская распря. Очеркъ войны 1879—1880 г.г. Изслѣдованіе“, Спб., 1882—1885 г.г., 1534 стр., in—8°, и С. Н. Южакова „Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ“, Спб., 1885 г., 195 стр., in—12°, и „Англо-русская распря. Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ. Политическій этюдъ“, Спб., 1885 г., 106 стр., in—12°.

Журнальныхъ статей объ Авганистанѣ у насъ очень мало, заслуживающихъ же вниманія между ними почти нѣтъ. Газетныхъ статей появляется во время столкновеній Англіи съ авганами, особенно же во время политическихъ неладовъ Англіи съ Россіею, чрезвычайное обиліе, но по незнакомству авторовъ съ научной литературой и съ основательной публицистикой, при недостаточности притомъ фактическихъ свѣдѣній о текущихъ событіяхъ въ Авганистанѣ и Индіи, статьи эти, въ огромномъ большинствѣ, не серьезны.

Этотъ, слишкомъ быть можетъ, краткій обзоръ положенія науки и публицистики относительно Авганистана указываетъ на очень большія трудности составленія въ настоящее время удовлетворительныхъ общихъ описаній или очерковъ этой страны, ея населенія и политическихъ отношеній, хотя появле-

ніе ихъ крайне желательно. Недавно напечатанная статья Л. А. Б-ича „Афганистанъ и его эмиръ“ представляетъ попытку дать подобный очеркъ, притомъ съ той точки зрѣнія, которой держатся составители большинства нашихъ газетныхъ статей. Разборъ статьи г. Б-ича, располагавшаго свѣдѣніями, даже нѣсколько превышающими обычный уровень освѣдомленности нашихъ газетныхъ писателей, можетъ поэтому намѣтить нѣкоторые недостатки и ошибки не только статьи г. Б-ича, но и вообще нашей газетной публицистики. Я не ограничусь, однако, однимъ, конечно, достаточно доказательнымъ, указаніемъ промаховъ и недочетовъ разсматриваемой статьи, но сдѣлаю поправки и дополненія по нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ предметамъ, въ особенности по поводу этническихъ и политическихъ отношеній, насколько это оказалось возможнымъ безъ доведенія настоящаго разбора до слишкомъ значительнаго объема.

I. Происхожденіе, главный источникъ, основная тенденція и задачи разсматриваемой статьи.

Въ нумерахъ 232, 234 и 237-мъ 23, 25 и 28-го августа 1897 года газеты „Мировые Отголоски“ была напечатана статья постояннаго лондонскаго корреспондента этой, въ нынѣшнемъ году уже закончившей свой недолгій вѣкъ, газеты Нила Бронского „Афганистанъ и его эмиръ“. Статья эта состоитъ, главнымъ образомъ, въ изложеніи изданнаго въ 1895 году краткаго описанія поѣздки Дж. Керзона въ Авганистанъ (A Recent Journey in Afghanistan, London, 1895), съ мало основательными и неинтересными большею частію комментаріями и разсужденіями самого г. Бронского и немногими свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Не отличая невѣрные и извращенные слухи и вѣсти отъ правильныхъ извѣстій объ отношеніяхъ эмира къ Англіи во время разгоравшейся тогда войны Англіи съ независѣвшими отъ эмира авганскими пограничными племенами, г. Бронской думалъ, что пограничныя племена открыли военныя дѣйствія по подстрекательству эмира, который намѣревается и самъ объявить Англіи войну. Въ № 237 читаемъ у г. Бронского: „Эмиръ... по послѣднимъ извѣстіямъ дѣятельно собираетъ въ Кабулъ со всѣхъ сторонъ Афганистана муллъ съ цѣлью объявить джехадъ“... „Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ, что мы, очевидно, находимся наканунѣ великихъ событій, теперь мы можемъ сказать, что мы присутствуемъ при ихъ началѣ. Вопросъ о томъ, совершится ли англо-авганская война, теперь находится внѣ сомнѣнія. Тѣ, которые соберутся подъ зеленымъ знаменемъ пророка, составятъ лишь резервъ авганской арміи, съ организаціей которой читатели мало или совершенно

незнакомы. Это меня обязываетъ сообщить объ этомъ на основаніи достовѣрнѣйшихъ источниковъ, поговорить подробно о тѣхъ племенахъ, которыя встали и встанутъ подъ зеленое знамя пророка, и о театрѣ военныхъ дѣйствій, настоящемъ и возможномъ въ будущемъ". Это намѣреніе свое г. Бронской и исполнилъ въ №№ 245, 260 и 262 „Мировыхъ Отголосковъ", не указавъ—изъ какихъ именно „достовѣрнѣйшихъ источниковъ" онъ свѣдѣнія свои почерпаетъ. Хотя Л. А. Б—ичъ даже не упоминаетъ о статьѣ г. Бронского, появившейся въ „Мировыхъ Отголоскахъ" менѣе чѣмъ за годъ, но собственная его статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за августъ и сентябрь 1898 г. воспроизводитъ не только заглавіе, но и содержаніе статьи Нила Бронскаго. Отличія состоятъ въ томъ, что извлеченія изъ Керзона помѣщены у г. Б—ича не въ началѣ статьи, какъ у Бронского, а въ концѣ; что встрѣчаются и другія неважныя перемѣщенія; что г-номъ Б—ичемъ предпослано „очерку" небольшое вступленіе и сдѣланы мѣстами нѣкоторыя дополненія, и, наконецъ, что въ статьѣ г. Б—ича не повторено разныхъ неосновательныхъ сужденій г. Бронского и выкинуты извѣстія дня, неумѣстныя въ печатаемомъ черезъ годъ очеркѣ и притомъ же оказавшіяся явно невѣрными. Во всемъ остальномъ статья г. Б—ича есть повтореніе статьи Нила Бронского, частію тѣми же словами и, мѣстами, съ тѣми же описками,—повтореніе, воспроизводящее въ точности иногда даже опечатки. Вѣроятнѣйшее объясненіе кажущейся безцеремонности г-на Б—ича,—въ отношеніи къ автору статьи „Мировыхъ Отголосковъ", писаніями котораго онъ такъ пространно воспользовался, неупомянувъ о томъ ни однимъ словомъ, и въ отношеніи читателей которые получили въ качествѣ оригинальнаго „очерка" едва не одну перепечатку газетной статьи,—состоитъ въ томъ, что Нилъ Бронской и Л. А. Б—ичъ есть, повидимому, одно и то же лицо, и что г. Б—ичъ пожелалъ ознакомить и читателей „Русскаго Вѣстника" съ своими свѣдѣніями и взглядами относительно Авганистана, вновь обработавъ и улучшивъ для этого свою газетную статью.

Основнымъ и, въ сущности, единственнымъ источникомъ описанія Авганистана у г.г. Бронского и Б—ича, хотя оба объ этомъ умолчали, служила книжка Ш. Симона или Симонда (Charles Simond—L'Afghanistan. Les russes aux portes de l'Inde, Paris, 1885).

Это одна изъ компиляцій, которыя появляются на книжномъ рынкѣ по поводу выдающихся политическихъ событій и составляются на-скоро, въ нѣсколько дней или недѣль. Какъ видно изъ подзаглавія, предисловія и содержанія, книжка эта написана по поводу столкновеній между Англіею и Россіею относительно сѣверо-западной границы Авганистана, ознаменовавшихся стычкою на Кушкѣ 18—30 марта 1885 года и грозившихъ войною. Книжка

(въ ней всего 319 страницъ in—12⁰) дѣлится на три части, изъ которыхъ вторая „Русская интрига“ и третья „Англійская интрига“ отданы вмѣстѣ съ „Заключеніемъ“ политикѣ, вторгающейся мѣстами и въ первую часть, озаглавленную „Ключи Индіи“. Если изъ этой первой части оставить въ сторонѣ главы вторую „Стратегическія дороги“ и шестую „Прошлое Авганистана“, содержащія жиденькое исчисленіе путей и плохой обзоръ исторіи Авганистана, то останется 70 страничекъ на описаніе Авганистана, которое и служило основою трудовъ гг. Бронского и Б—ича. Авторъ не указываетъ вообще своихъ источниковъ съ желательной аккуратностью и подробностями, изъ сдѣланныхъ же мѣстами ссылокъ видно, что свѣдѣнія свои онъ бралъ изъ словарей Мейера, Брокхауза, Вивьенъ де-Сенъ-Мартена, изъ „Всеобщей географіи“ Эл. Реклю, изъ исторій Маллесона и Ферье, а также изъ разныхъ книгъ и брошюръ, вызванныхъ войною 1878—80 гг. и столкновеніемъ 1885 г. и т. п.

Большинства публицистовъ и политическихъ дѣятелей пока весьма мало коснулось научное движеніе второй половины, особенно же послѣдней четверти истекающаго вѣка. Внутреннія и особенно внѣшнія отношенія государствъ продолжаютъ имъ казаться зависящими почти исключительно отъ дѣятельности правительствъ и находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ, тогда какъ для современной науки становится все болѣе и болѣе несомнѣннымъ, что жизнь человѣческихъ обществъ повинуется законамъ ихъ эволюціи, законамъ болѣе сложнымъ и труднѣе раскрываемымъ, чѣмъ законы природы, но столь же непреложнымъ, а потому дѣйствія привительствъ тогда только успѣшны и плодотворны, когда, сознательно или безсознательно, сообразны съ этими законами. Шарлю Симону внѣшняя политика представляется лишь борьбою дипломатіи, военныхъ и другихъ силъ и средствъ соперничающихъ государствъ, борьбою, имѣющей цѣлью захватъ территорій и увеличеніе могущества державъ, благопріятствуемыхъ случайностями, искусствомъ дипломатовъ и превосходствомъ военныхъ и другихъ средствъ. Авганистанъ для него лишь театръ русскихъ и англійскихъ „интригъ“ и неизбѣжной затѣмъ войны, въ результатѣ которой достанется побѣдителю, авганы же „будутъ подавлены громаднымъ превосходствомъ численности (военныхъ силъ) и съ этого дня начнется ихъ быстрое исчезновеніе съ политической сцены“ (p. 7). Какъ французъ восьмидесятыхъ годовъ, Симонъ столь же мало желаетъ успѣха бывшей всегда враждебною его странѣ Англіи, какъ и опасной своимъ военнымъ могуществомъ для всей западной Европы полуварварской Россіи. Теперь, когда Россія и Франція связаны союзомъ, французскій публицистъ, сохраняя въ сущности то же отношеніе къ соперничеству Россіи и Англіи на востокѣ, задался бы лишь вопросомъ—не слишкомъ ли ослабѣетъ союзникъ,—побѣди-

телемъ ли онъ окажется или побѣжденнымъ,—для войны съ цѣлью „реванша".

Русскій публицистъ, хотя бы и столь же чуждый научной точки зрѣнія, конечно, не можетъ усвоить исключительно французское отношеніе своего главнаго источника къ Авганистану. Но г. Б-ичъ страждетъ другой, не менѣе односторонней и ошибочной точкой зрѣнія: „Рано или поздно, сразу-ли весь, или по частямъ, Афганистанъ д о л ж е н ъ попасть въ наши руки въ силу самой нашей великой миссіи въ Азіи и мы ждемъ этого не предупреждая событій, не торопя ихъ"... Вѣдь „по словамъ Абу-Ифазила (XVI вѣкъ)", Авганистанъ „служитъ воротами въ Индостанъ и та европейская держава которая овладѣетъ Авганистаномъ упрочитъ свое владычество во всей этой части свѣта" (стр. 130) *). „Англо-Русскій конфликтъ" „разрѣшится именно въ Афганистанѣ" (стр. 150) и „судьбы Афганистана" уже стали „à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ" (130). „Овладѣвъ Гератомъ Россія не только пошатнетъ весь Востокъ до Калькутты и Бомбея, но и до крайнихъ предѣловъ Азіи, а ударъ этотъ не можетъ не отозваться и въ Европѣ" (стр. 102, у Симона, p. 94: èbranlera tout l'orient jusqu'à Calcutta et Bombay et peut-être au delá, vers l'extrême-est de l'Asie). Хотя г. Б-ичъ не выясняетъ, въ чемъ именно „наша великая миссія въ Азіи" состоитъ и на чемъ его увѣренность въ ея существованіи основывается, но приведенныя мѣста его статьи достаточно ясно вы-

*) Здѣсь и повсюду ниже я стараюсь въ точности удерживать орѳографію и пунктуацію подлинника. У Ch. Simond, p. 2, читаемъ: «C'est là, écrivait Abou-Ifazil au seizième siècle, que depuis la plus haute antiquité se trouvent les portes de l'Hindoustan». Et il ajoutait: «Quiconque parmi les puissances européennes possedera ce territoire, affermira sa suprématie sur toute cette partie du globe». Источника своего французскій авторъ не указываетъ и не позаботился объяснить—какимъ это образомъ восточный, судя по имени, писатель XVI вѣка оказался одареннымъ пророческими талантами, потому что въ его время едва начинавшіе появляться на берегахъ Индіи европейцы играли слишкомъ ничтожную роль, чтобы кто-либо могъ предугадать будущее владычество ихъ во всей странѣ. Истинное имя восточнаго автора не Абу-Ифазиль, а Абуль Фазль, министръ и историкъ императора Экбера, родившійся въ 1551 г. и убитый въ 1602 г. (Ханыковъ, «Иранъ К. Риттера», стр. 404). Въ сочиненіи его А й и н и Э к б е р и, содержащемъ описаніе царства Экбера, говорится: «Кабулъ и Кандахаръ считаются съ глубокой древности воротами Индостана. Одинъ даетъ входъ изъ Турана, а другой изъ Ирана. Но если оба города надлежащимъ образомъ охраняются, то обширная индостанская имперія вполнѣ безопасна отъ вторженій иностранцевъ». Объ европейскихъ державахъ Абуль Фазль, конечно, не говоритъ тутъ ни слова (Ayeen Akbery, or the Institutes of the Emperor Akber, translated by Francis Gladwin, London 1800, vol. 2, p. 180). Такимъ образомъ Симонъ, а за нимъ и г. Б—ичъ, приписали Абуль Фазлю, превращенному въ Абу-Ифазила, соображенія, ему ни въ какомъ случаѣ не принадлежащія.

ражаютъ, что эта миссія заключается въ овладѣніи Авганистаномъ, Индіею и всею Азіею или связана со всѣми этими завоеваніями, если не въ нихъ вся ея суть. Источникомъ этихъ мечтаній служитъ, надо думать, узкій націонализмъ, столь удобно, по своей нераціональности, соединяющійся съ мистицизмомъ. Однако, мистическія грезы о „великихъ миссіяхъ" никогда не выдерживаютъ обращенія къ реальной дѣйствительности. Въ этой дѣйствительности оказывается безспорнымъ, что величайшіе завоеватели и могущественнѣйшія государства, стремившіяся къ всемірному владычеству, никогда не овладѣвали ни всей Европой, ни всей Азіей, потому что встрѣчали непреодолимое сопротивленіе со стороны государствъ и народовъ, отстаивавшихъ свою независимость. Въ настоящее время,—если ограничиться даже однимъ цивилизованнымъ человѣчествомъ,—кромѣ русскихъ, существуютъ народности англосаксонская, нѣмецкая, группа романскихъ. Эти народности и по численности лишь немного уступаютъ русской (англо-саксонская—123 м., даже превосходитъ), по культурѣ же, техникѣ и богатству стоятъ много выше. Каждая изъ этихъ великихъ народностей дорожитъ своей самобытностью и въ состояніи отстоять ее противъ всякой изъ остальныхъ, не говоря уже о томъ, что притязанія на преобладаніе которой-либо изъ нихъ неизбѣжно встрѣчаются съ коалиціею прочихъ. Разумѣется, военное могущество Россіи значительно, но, во-первыхъ, она не можетъ съ успѣхомъ противостоять коалиціи, во-вторыхъ же, военное могущество досталось ей и поддерживается цѣною народной бѣдности и низкаго сравнительно со всѣми народами Европы уровня культуры, техники и народнаго образованія. Между тѣмъ, современная война все болѣе и болѣе дѣлается борьбою техники, и перевѣсъ даетъ въ ней не одна численность войска, а главнымъ образомъ совершенство техники, достигаемое высшимъ уровнемъ науки, промышленности и богатства. Чтобы только удержать свое почетное мѣсто въ средѣ великихъ народовъ, Россіи необходимо употреблять всѣ свои средства и усилія на распространеніе и развитіе народнаго образованія, благоустройства и богатства, отказавшись отъ всякихъ дальнѣйшихъ расширеній территоріи и завоеваній, которыя въ ея положеніи лишь ослабляютъ силы, а не увеличиваютъ.

Вѣрованія въ „великія миссіи" часто неразлучны съ наклонностью къ легковѣрію. Россія и Англія, „по слухамъ, въ нѣкоторыхъ кружкахъ въ Лондонѣ циркулирующимъ, вошли уже въ соглашеніе о раздѣлѣ Авганистана"— сообщилъ въ августѣ мѣсяцѣ г. Б—ичъ (стр. 128), устраняя возникающее вслѣдствіе такого раздѣла и соглашенія недоумѣніе—не полагается ли этимъ предѣлъ „великой миссіи"—успокоительнымъ поясненіемъ фатальности послѣдней: „рано или поздно, сразу ли весь, или по частямъ, Афганистанъ долженъ попасть въ наши руки" (стр. 130). Въ октябрѣ 1876 года, желая

преодолѣть упорное несогласіе эмира Ширъ-Али на водвореніе въ Кабулѣ постояннаго британскаго агентства и на посылку англійскихъ офицеровъ въ сѣверные предѣлы его владѣній, вице-король Индіи лордъ Литтонъ, между прочимъ, приказалъ передать Ширъ-Али, что ежели онъ не войдетъ немедленно съ Англіей въ предлагаемое соглашеніе, то его замѣнитъ Россія, которая желаетъ заключить соглашеніе съ Англіей на его счетъ (см. въ „Синихъ книгахъ“ Afghanistan, 1878, I, p. 183). Можетъ быть лордъ Литтонъ не просто обманывалъ, а основывался на слухахъ или недоразумѣніяхъ, но Ширъ-Али ему не повѣрилъ. Въ настоящее время нужна необычайная степень легковѣрія, чтобы допустить, что Англія,—почти столѣтіе добивающаяся обладанія Авганистаномъ, какъ щитомъ для Индіи съ сѣверо-запада, и достигшая по соглашеніямъ съ Россіею 1873, 1885—1887 и 1895 г. точнаго установленія границъ Авганистана и признанія нахожденія его въ сферѣ своего исключительнаго вліянія, т. е. верховенства,—согласилась вдругъ дѣлить этотъ щитъ съ державою, противъ которой онъ направленъ и пресса которой не перестаетъ угрожать нашествіемъ на Индію.

Если дѣйствительно „мы ждемъ“ непреложнаго осуществленія „великой миссіи“, „не предупреждая событій, не торопя ихъ“,—какъ пишетъ г. Б—ичъ,—то не слѣдовало бы съ лихорадочнымъ легковѣріемъ собирать вздорные и невѣрные слухи и возвѣщать о начавшемся осуществленіи „великой миссіи“, когда къ этому на самомъ дѣлѣ не имѣлось никакихъ серьезныхъ основаній. Между тѣмъ уже въ августѣ 1897 года „мы“ находились съ Ниломъ Бронскимъ „наканунѣ великихъ событій“, а черезъ нѣсколько дней даже „присутствовали при ихъ началѣ“ (см. приведенныя выше выдержки изъ „Мировыхъ Отголосковъ“). Все это оказалось произведеніемъ возбужденной фантазіи и результатомъ невѣдѣнія дѣйствительнаго положенія англо-авганскихъ дѣлъ и отношеній. Эмиръ (какъ будетъ изложено подробнѣе въ своемъ мѣстѣ) не только не объявилъ священной войны, но словесно, письменно и на дѣлѣ показалъ себя вѣрнымъ другомъ Англіи и отказалъ воевавшимъ съ нею пограничнымъ племенамъ въ какой бы то ни было помощи. Пограничныя племена, дѣйствовавшія, какъ всегда, разрозненно, были послѣдовательно разгромлены англійскими войсками, проникавшими во всѣ доселѣ считавшіяся недоступными горныя трущобы, вынуждены просить мира и уплатить наложенные въ наказаніе штрафы, съ выдачею значительныхъ массъ оружія. Съ заявленіемъ покорности упорствовавшими долѣе всѣхъ афридіями, съ марта 1898 года на англо-индійской границѣ установилось полное спокойствіе. Авганскіе горцы понесли такой уронъ, лишились столь значительной части оружія, особенно скорострѣльнаго, и подверглись такому раззоренію, что трудно ожидать новой войны ихъ съ англичанами въ ближайшемъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что англій-

ское правительство рѣшилось уважать независимость племенъ, не вмѣшиваться въ ихъ управленіе и вообще избѣгать поводовъ для возбужденія вражды, въ какомъ смыслѣ и даны индійскому правительству инструкціи (см. депешу лорда Хамильтона отъ 23 января 1898 г. въ послѣдней „Синей книгѣ", С.—8714, Military operations on the North-West Frontiers of India, London, 1898, vol. II, p. p. 172—182). Если, несмотря на все это, г. Б—ичъ въ августѣ 1898 г. продолжаетъ твердить, что „судьба Авганистана" стала „à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ", толкуетъ о небывалой „перемѣнѣ курса политики эмира и улучшеніи его отношеній къ Россіи" (148), съ которою онъ не имѣетъ никакихъ сношеній, и увѣряетъ, что занятіе эмиромъ „въ началѣ настоящаго года" „страны Момандовъ" „теперь грозитъ стать причиною кровавой борьбы которая, быть можетъ, и разрѣшитъ Средне-Азіятскій вопросъ" (131),—то приходится удивляться замѣчательной рѣшимости пребывать въ области фантазій и игнорировать происходящее въ дѣйствительности.

Поводомъ своей статьи г. Б—ичъ указалъ „судьбу Авганистана, ставшую à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ": можетъ быть этимъ отчасти и объясняются замѣченныя странности. Задачею своею Л. А. Б—ичъ ставилъ „дать краткій очеркъ" Авганистана и „характеристику" авганскаго народа и эмира, въ виду того, что Авганистанъ „большинству русскихъ читателей, не спеціалистовъ, мало знакомъ" (стр. 130). Авторъ находитъ интереснымъ вопросъ—„кто виноватъ въ возстаніи племенъ и англійскихъ неудачахъ?" Еще болѣе его „интересуютъ толки о прямомъ или косвенномъ участіи въ этомъ возстаніи... эмира афганскаго" и отношенія „эмира къ Россіи и Англіи" (128). Въ этомъ приблизительно порядкѣ я и разсмотрю трудъ г. Б—ича.

III. Авганская страна.

Это — заглавіе первой главы первой части книжки Симона, который, приведя выше воспроизведенныя мною цитаты изъ „Абу-Ифазиля", писалъ (p. 2): „Чтобы убѣдиться въ значительной важности этой стратегической позиціи, достаточно бросить взглядъ на карту Азіи (Dr. Jos. Chavanne, Afghanistan, Land und Leute, mit Rücksicht auf den englisch-afghanischen Kriege, Wien, 1879). На сѣверѣ авганская страна командуетъ, посредствомъ Хиндукоха, надъ долиной Аму-дарьи, на востокѣ, посредствомъ Сулеймановыхъ горъ, надъ долиною Инда; на западѣ, на большомъ протяженіи, она господствуетъ надъ Персіей посредствомъ хребта Кохъ-и-Бундавъ" и т. д. У г. Б—ича: „Чтобъ убѣдиться въ стратегическомъ значеніи Афганистана, стоитъ

лишь взглянуть на карту Средней Азіи: на сѣверѣ—Гиндукушемъ—Афганистанъ командуетъ долиной Аму-Дарьи; на востокѣ—Сулеймановскими горами—долиной Инда (есть основанія полагать что, по договору Дьюранда, точнѣе по его ненапечатанной картѣ, Сулеймановы горы вошли въ составъ Индійской территоріи); на западѣ цѣпью Кохъ-и-Бундала онъ командуетъ на значительномъ протяженіи Персіей" (130 и 131) и т. д. Хребта Кохъ-и-Бунданъ (Бундалъ г. Б—ича) нѣтъ ни на картѣ при книжкѣ Симона, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ картахъ и описаніяхъ: вообще, господство западной окраины Авганистава надъ Персіей есть „стратегическое" увлеченіе доктора Шаванна *). Далѣе у г. Б—ича: „при такихъ условіяхъ государство Абдуррахманъ-хана могло бы быть ограждено отъ всѣхъ нападеній, если бъ его политическія границы соотвѣтствовали физическимъ барьерамъ; но первыя совершенно условны и даже не опредѣлены, несмотря на нѣсколько работавшихъ въ послѣднее время разграничительныхъ коммиссій, что и дало поводъ въ началѣ настоящаго года недоразумѣніямъ между Индійскимъ правительствомъ и эмиромъ занявшимъ страну Момаидовъ и что теперь грозитъ стать причиною кровавой борьбы которая, быть можетъ, и разрѣшитъ Средне-Азіатскій вопросъ". У Симона (р. 3), конечно, нѣтъ „Момаидовъ", и „кровавой борьбы" опасался онъ по поводу совершавшагося въ 1885 году разграниченія Авганистана съ бухарскими и русскими землями (р. 3). Утвержденія на счетъ неопредѣленности границъ Авганистана уже со стороны Симона были не совсѣмъ вѣрны, потому что границы съ Персіею были установлены съ точностію еще въ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, со стороны же г. Б—ича, въ 1898 году, почти совсѣмъ неосновательны, ибо граница съ Россіею и Бухарою опредѣлена живыми урочищами или пограничными знаками въ 1885—7 и въ 1895—6 гг., граница съ Белуджистаномъ пролегаетъ пустыней и никакихъ недоразумѣній не возбуждаетъ, граница же съ Индіею установлена соглашеніемъ Дьюранда 1893 года и хотя не вся еще обозначена знаками въ натурѣ **), по независѣвшимъ отъ

*) По ротмистру Стрѣльбицкому, путешествовавшему по восточному Хорасану въ 1890 году, граница между Авганистаномъ и Персіею лежитъ здѣсь въ «громадной впадинѣ, отдѣляющей возвышенности Персіи отъ системы Гиндукуша, впадинѣ, простирающейся отъ Сеистана до центральной части Каракумовъ и вмѣщающей бассейны Хамуна, ряда соленыхъ котловинъ Хафской пустыни, нижняго теченія Герируда и, наконецъ, древняго озера Арія-Палусъ» («Сборникъ географическихъ и пр. матеріаловъ по Азіи», выпускъ 46, Спб., 1891 г., стр. 145).

**) Пограничные знаки не поставлены только на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи, граница же на югъ отъ Кабулъ-дарьи уже точно опредѣлена пограничными столбами и пр. Граница эта значится на всѣхъ лучшихъ картахъ съ 1897 года. См. напр. Philips' Large—Scale Map of the North-Western Frontier etc., 1897.

обѣихъ сторонъ причинамъ, но направленіе ея опредѣлено достаточно ясно и важныхъ споровъ вызвать не можетъ, особенно при существующихъ дружественныхъ отношеніяхъ между эмиромъ и Англіею. Что касается занятія эмиромъ страны момендовъ (momunds, momands, mohmunds, mohmends у англичанъ, mohmounds у Симона, „момаиды" же статьи г. Б—ича есть описка или опечатка вмѣсто „моманды", какъ у Нила Бронского, хотя, благодаря вѣроятно редакціонной заботѣ объ однообразіи, опечатка эта проведена по всей статьѣ, гдѣ „момаиды" встрѣчаются много разъ), то свѣдѣнія г. Б—ича по этому предмету есть результатъ какихъ нибудь его недоразумѣній или довѣрія къ неосновательнымъ слухамъ. Если бы дѣйствительно случилось что-нибудь, грозящее серьезными послѣдствіями, въ началѣ нынѣшняго года, то, конечно, въ серьезной прессѣ имѣлись бы своевременно подробныя извѣстія. Между тѣмъ говоритъ объ этомъ, и притомъ въ августѣ, одинъ нашъ авторъ, невѣдомо откуда это взявшій и, быть можетъ, незнающій, что эмиру подвластна значительная часть момендовъ и что въ его предѣлахъ, въ Лальпурѣ, обитаетъ главный ханъ этого племени.

Толкуя о сѣверной границѣ Авганистана, Симонъ говоритъ, что она принимаетъ юго-западное направленіе отъ „города Ходжа-Салэ, лежащаго (на Аму-дарьѣ) немного ниже переправы (gué) Килефской (de Kilef)", и достигаетъ персидской границы „ниже города Сарахса" (p.p. 3 et 4). Дѣйствительно такое представленіе и существовало въ Западной Европѣ объ этой части афганской границы въ маѣ 1885 года, когда Симонъ кончалъ свою книжку, но пишущему въ 1898 году автору, повторившему сказанное Симономъ безъ поправокъ и назвавшему „Килафъ" „знаменитой переправой, бродомъ", слѣдовало бы знать, что граница оставляетъ Аму-дарью у селенія Босага, а не у оказавшагося деревней, а не городомъ, Ходжа-Салэ; что граница эта примыкаетъ къ персидской не „подъ городомъ Сераксомъ", а у Зульфакара, болѣе сотни верстъ выше Серакса, и, наконецъ, что при Келифѣ существуетъ переправа, а не бродъ, такъ какъ здѣсь одно изъ самыхъ глубокихъ мѣстъ Аму-дарьи, русло которой стѣснено тутъ высотами съ обѣихъ сторонъ.

Засимъ встрѣчаемъ у г. Б—ича слѣдующее: „Одинъ изъ афганскихъ поэтовъ, Молла-Мохаммедъ-Му-Амай, такъ воспѣвалъ Кабулъ : Пейте, пейте веселѣе въ Кабулѣ вино, пусть чаша безпрерывно совершаетъ свой кругъ, ибо здѣсь, въ Кабулѣ, все соединено: городъ и пустыня, высокія горы и быстро-бѣгущіе потоки". По мнѣнію нашего автора, „это же можно отнести и ко всему Афганистану, площадь котораго представляетъ замѣчательное сочетаніе высочайшихъ горъ и пустынь прорѣзанныхъ потоками, на берегахъ которыхъ расположены густо населенные города" (131 и 132). Во-первыхъ,

даже Симонъ, приводящій при описаніи Кабула эти самыя слова поэта, не называетъ его авганскимъ (р. 78). Во-вторыхъ, султанъ Баберъ, благодаря „Запискамъ“ котораго до насъ дошли эти персидскіе стихи, говоритъ, что поэтъ произнесъ ихъ владѣльцу Херата, изъ чего слѣдуетъ, что поэтъ былъ персидскій, а не авганскій. Въ-третьихъ, поэтъ высказалъ далеко не то, что приписали ему Симонъ и нашъ авторъ, а слѣдующее: „Пей вино въ замкѣ (цитадели) Кабульскомъ и пусть чаша ходитъ кругомъ безъ отдыха; здѣсь одновременно находятся гора, море, городъ и обширная равнина“ (Mémoires de Baber, trad. par Pavet de Courteille, Paris, 1871, t. I, p. 280). Дѣйствительно, изъ цитадели видны городъ Кабулъ, горы и зеленые луга его окрестностей, а, можетъ быть, и озеро Везирабадъ, названное по поэтической вольности моремъ, но до „пустынь“ отсюда слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ представлять себѣ природу Авганистана въ общемъ подобною красивому пэйзажу окрестностей Кабула было бы большой ошибкой. Совсѣмъ иначе рисуютъ природу Авганистана даровитѣйшіе изъ его властителей Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Султанъ Бабуръ или Баберъ. По словамъ перваго, страна его—одни скалы и камни (History of Afghanistan, by Malleson, 1879, p. 1). По Баберу, горы Авганистана „имѣютъ видъ однообразный: высоты—средней, почва—вообще обнаженная, воды—рѣдки, растительности—никакой, физіономія—печальная и строгая. Впрочемъ, онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ своему населенію“ (Mémoires, t. I, p. 311). Надо впрочемъ имѣть въ виду, что во время Бабера Авганистаномъ именовалась только страна Сулеймановыхъ горъ, коренное, истинное отечество авганской народности, въ которомъ, отражая его природу, выработались основныя черты народнаго характера.

По увѣренію г. Б—ича, Кохи-Баба и его вѣтви „составляютъ ту горную область, которую древніе называли Парапомизосомъ (у насъ Парапомійскія горы) или Индійскимъ Кавказомъ“ (132). Но еще В. В. Григорьевъ выяснилъ, что Паропамисомъ древніе называли западную часть Хиндукуша, который именовали Кавказомъ, а „прозваніе Индѣйскаго дано этому Кавказу лишь въ новое время учеными Европейскими“ („Кабулистанъ и Кафиристанъ“, 1867 года, стр. 178, 137—189). Не знаю—съ чего взялъ г. Б—ичъ, что „Парапомизосъ“ у насъ называютъ „Парапомійскія горы“. Даже извращеніе Паропамизоса въ „Парапомизосъ“ встрѣчается весьма рѣдко не въ видѣ опечатки, компетентные же наши авторы пишутъ Паропамисъ, какъ Григорьевъ, или Паропамизъ, какъ Ханыковъ, названія же „Парапомійскихъ горъ“, еще болѣе извращеннаго, они не вѣдаютъ. Неправильно также называетъ г. Б—ичъ хребетъ Тирбендъ-и-Туркестанъ всѣхъ картъ *) и описаній „Турбанъ-и-Туркестаномъ“.

*) Кромѣ карты при книжкѣ Симона, гдѣ Turban-i-Turkestan, но на картѣ при

Симоновскій (р. 7) Tukht-i-Suliman вмѣсто Takht-i-Suliman, какъ написано правильно на картѣ Маллесона, обращенъ нашимъ авторомъ въ „Пухти-Сулиманъ или тронъ Соломона" (132): на самомъ дѣлѣ эта вершина называется Тахти-Сулейманъ, что дѣйствительно значитъ „тронъ Соломона", тогда какъ Пухти-Сулиманъ можетъ значить лишь „гора Соломона".

Горный округъ Сиби или Сиви, или Сивистанъ (Sewestan на картѣ при Исторіи Авганистана Маллесона, къ которой всего ближе подходитъ карта при книжкѣ Симона), лежащій въ Сулеймановской горной системѣ, на юго-востокѣ, между горами Чапаръ и восточнымъ Сулеймановскимъ хребтомъ, по линіи между Дере-Гази-ханомъ и Пишиномъ, Ш. Симонъ неправильно называетъ Сеуестаномъ (Seouestan). Упоминая о томительно знойной температурѣ въ этомъ округѣ, онъ приводитъ стихи неназваннаго персидскаго поэта: „Боже, сотворившій Сеуестанъ, зачѣмъ ты создалъ адъ?" (р. 20).

На самомъ дѣлѣ это не стихотвореніе, а пословица, гласящая: Боже, для чего было, послѣ сотворенія Сивистана, создавать адъ (L'Afghanistan, par N. Perrin, Paris, 1842, p. 35)?.

Г. Б—ичъ, во-первыхъ, обратилъ симоновскій Сеуестанъ въ Сэцестанъ и, во-вторыхъ, помѣстилъ его въ Сеистанъ, въ сосѣдство съ низовьями Хильменда и Хамуна, гдѣ будто бы находятся „Сэцестанская, Саистанская и др. пустыни" (стр. 132 и 134). По его же замѣчанію, такъ какъ Гельмундъ „лежитъ поперекъ дороги Англичанъ изъ Кветты въ Кандагаръ, то какъ это обстоятельство, такъ и то что лѣвый, или южный, берегъ Гельмунда командуетъ надъ правымъ, составляютъ интересныя детали въ стратегическомъ отношеніи". Въ дѣйствительности Хильмендъ не лежитъ между Кветтою и Кандахаромъ, а пересѣкаетъ дорогу отъ Кандахара въ Хератъ. Такъ и значится у Симона (р. 16), котораго авторъ нашъ, оказывается, не понялъ: „Лѣвый или южный берегъ Хельменда выше праваго или сѣвернаго: подробность, интересная съ стратегической точки зрѣнія, ибо Хельмендъ находится на дорогѣ между Кандахаромъ и Хератомъ, и англійская армія, которая направилась бы изъ Кветты въ этотъ послѣдній городъ (т. е. въ Хератъ), должна была бы перейти черезъ эту рѣку".

Климатъ Авганистана, „смотря по широтамъ, или очень холодный, или очень теплый,—зима такъ же сурова какъ въ Сибири, лѣто такъ же знойно какъ въ Бенгаліи" (133). Въ дѣйствительности, различія въ климатѣ разныхъ мѣстностей въ Авганистанѣ зависятъ, главнымъ образомъ, не отъ широтъ (вся страна лежитъ на протяженіи градусовъ восьми), а отъ высоты надъ уровнемъ моря: всѣхъ путешественниковъ, начиная съ султана Бабера,

History of Afghanistan by Malleson, служившей картѣ Симона источникомъ, значится правильно Tirband-i-Turkestan.

поражало различіе въ климатѣ и растительности между нижней и верхней частями долины Кабулъ-дарья, хотя широта почти одинакова. Ссылка нашего автора (134), вслѣдъ за Симономъ (р. 18), въ доказательство знойности Авганистана, на температуру „въ окрестностяхъ Кея“, опредѣленную Ловеттомъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ 125° Фаренгейта, не достигаетъ цѣли, потому что Кеджъ (Kej), а не Кей, находится не въ Авганистанѣ, а въ Белучжистанѣ, градусахъ въ четырехъ южнѣе самыхъ южныхъ пунктовъ Авганистана, и притомъ невысоко надъ уровнемъ моря, которое находится верстахъ въ ста. Приравненіе суровости зимы къ сибирской есть, во всякомъ случаѣ, напрасное преувеличеніе. На сѣверѣ и югѣ страны „климатъ сухой и здоровый“: да, если не обращать вниманія на лихорадки балхскія, кундузскія, сеистанскія и вообще всѣхъ низкихъ долинъ, которыя губятъ европейцевъ, да не щадятъ и туземцевъ.

Гг. Симонъ и Б—ичъ повидимому не оцѣнили значенія для климата и производительности страны атмосферной влажности и условій ея распредѣленія, отъ которыхъ зависитъ растительность страны. „Сильная и многолѣтняя растительность встрѣчается лишь въ сѣверной половинѣ Авганистана, въ искусственно орошенныхъ долинахъ и по берегамъ рѣкъ“ (134). На самомъ дѣлѣ, благодаря вліянію достигающихъ частію сюда муссоновъ, склоны Хиндукуша, отчасти даже западнаго, особенно южные, богаты травами и деревьями, даже лѣсами, внѣ всякой зависимости отъ почти несуществующаго въ нихъ искусственнаго орошенія и отъ рѣкъ. Есть мѣстами, внѣ подобной зависимости, растительность и въ Сулеймановыхъ горахъ. Такъ хвалятъ растительность Хайсагара или Тахти-Сулеймана и увѣряютъ, что тутъ можно найти всѣ растенія и деревья, встрѣчающіяся въ другихъ странахъ (Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan etc., by Ch. Masson, London, 1842, vol. I, p. 48).

„Исключая лишь нѣкоторыя области юго-востока, почва всей страны родитъ изобильно рисъ, кукурузу, пшеницу, ячмень“. Если это вѣрно, то какимъ образомъ не хлѣбные продукты, а плоды составляютъ „главную пищу населенія въ теченіе года какъ въ свѣжемъ видѣ, такъ и въ сушеномъ“ (134)? Отвѣта у нашего автора не находимъ, но объясненіе заключается въ томъ, помимо недостатка во многихъ мѣстахъ воды, что „страна вообще весьма бѣдна почвою способною къ воздѣлыванію, такъ какъ огромныя ея пространства заняты или голыми скалами, или дресвою... Всякій лоскутъ удобный къ воздѣлыванію не остается втунѣ, такъ-что если Кабулистанъ славится своимъ плодородіемъ, обязанъ онъ этимъ не столько природѣ, сколько упорному труду человѣка“ (Григорьевъ „Кабулистанъ и Кафиристанъ“, стр. 371 и 372). Вмѣсто изобилія, производство хлѣбныхъ растеній столь не-

достаточно, что населеніе во многихъ мѣстностяхъ вынуждено, за неимѣніемъ хлѣба, питаться мукою изъ сушеныхъ ягодъ шелковицы и сырыми или сушеными плодами, которые причиняютъ кишечныя и желудочныя болѣзни.

Въ фаунѣ „высокихъ долинъ Гиндукуша" авторъ напрасно помѣстилъ „малорослыхъ львовъ" и пропустилъ тигровъ. На львовъ слухи указывали только въ горахъ около Кабула, но зоологи въ существованіи ихъ сомнѣваются. На тигра же охотился въ окрестностяхъ Пишавера султанъ Баберъ.

Къ скуднымъ свѣдѣніямъ изъ Симона о произведеніяхъ и минеральныхъ богатствахъ страны г. Б—ичъ добавилъ, изъ неуказанныхъ источниковъ, нѣсколько цыфръ объ оборотахъ внѣшней торговли Авганистана съ нашей Средней Азіей и Индіей, дѣлая изъ нихъ заключеніе, что размѣры первой во много разъ превышаютъ обороты послѣдней. Подобныя цыфры дѣйствительно встрѣчаются въ англійскихъ справочныхъ книжкахъ. Напр., въ Stanford's Compendium of Geography and Travels, Asia, vol. II, by A. H. Keane, London, 1896, p. 52, находимъ, что ввозъ въ Авганистанъ изъ Индіи (въ 1893 г.) оцѣнивался въ 68 т. фунтовъ стерлинговъ, и изъ русской Центральной Азіи и Бухары 394 т. ф. ст., а всего 462 т. ф. ст. Вывозъ въ Индію равнялся 34 т. ф. ст., въ русскую центральную Азію 398 т. ф. ст., а всего 432 т. ф. ст. Цыфры эти, однако, весьма сомнительны уже потому, что главными предметами вывоза изъ Авганистана въ русскія владѣнія и Бухару служатъ индійскій зеленый чай, кисея и индиго, которые провозятся чрезъ Авганистанъ и, безъ сомнѣнія, составляютъ главную часть его вывоза, въ цифрѣ котораго и значатся, но въ привозѣ изъ Индіи въ Авганистанъ почему-то не показываются. Въ виду этого предполагаемый г. Б—ичемъ громадный перевѣсъ оборотовъ бухарско-русской торговли съ Авганистаномъ надъ оборотами торговли Авганистана съ Индіей есть явная ошибка. Сверхъ того, г. Б—ичу осталось неизвѣстнымъ, что въ послѣдніе годы въ торговлѣ средней Азіи съ Индіею, въ которой Авганистанъ былъ лишь посредникомъ, совершились радикальныя перемѣны, совершенно видъ ея измѣняющія. Такъ уже съ начала девяностыхъ годовъ, избѣгая платежа пошлинъ въ Авганистанѣ и обращаясь къ болѣе дешевой морской перевозкѣ, чаи стали направляться въ среднюю Азію не сухимъ путемъ черезъ Авганистанъ, а моремъ чрезъ Персидскій заливъ въ Персію и чрезъ нее на Каспійское море и закаспійскую желѣзную дорогу. Съ 1895 г., со включеніемъ бухарскихъ и хивинскихъ владѣній въ русскую таможенную черту, торговля индійскимъ чаемъ и пр. черезъ Авганистанъ должна была еще сократиться, тѣмъ болѣе, что чай этотъ направился главнымъ образомъ даже не чрезъ Персію, а чрезъ Суэзскій каналъ, Батумъ и закаспійскую желѣзную дорогу. Въ результатѣ, по свѣдѣніямъ за 1895 г. („Вѣстникъ Финансовъ" и пр., 1897 г.,

№ 35, „О внѣшней торговлѣ Россіи по азіатской границѣ за 1895 г.“), привезено изъ Авганистана жизненныхъ припасовъ (подъ этой рубрикой значатся и чаи) на 577 т. р. и издѣлій (кисея и т. д.) 125 т. р., итого привозъ 702 т. р. (по прочимъ рубрикамъ въ источникѣ нашемъ свѣдѣній о привозѣ изъ Авганистана нѣтъ, но цыфры должны быть незначительны). Вывозъ въ Авганистанъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ опредѣленъ въ 38 т. р., животныхъ на 2 т. р. и издѣлій на 558 т. р., итого (безъ жизненныхъ припасовъ, о которыхъ цыфры для Авганистана въ нашемъ источникѣ нѣтъ) вывезено въ Авганистанъ на 598 т. р.

Торговля наша съ Авганистаномъ въ послѣдніе годы ведется почти исключительно чрезъ Авганскій Туркестанъ и Кабулъ. О положеніи ея на границѣ съ Хератской областью,— т. е. именно тамъ, гдѣ земли наши непосредственно примыкаютъ къ Авганистану, который въ другихъ мѣстностяхъ вездѣ отдѣленъ отъ насъ бухарскими землями, за исключеніемъ небольшого пространства на Памирахъ,—даютъ понятіе слѣдующія строки изъ „Обзора Закаспійской области за 1896 г.“ (стр. 147 и 148): „Торговыя сношенія съ Авганистаномъ были попрежнему стѣснены недружелюбными отношеніями къ намъ, подъ англійскимъ вліяніемъ, авганскихъ властей. Прямые пути въ Гератъ и далѣе внутрь страны были попрежнему закрыты для нашихъ торговцевъ, кромѣ туземцевъ. Въ виду этого торговля съ Авганистаномъ выразилась самыми скромными цыфрами и ведется исключительно по долинѣ Мургаба, черезъ Пендинскую таможню, находящуюся въ сел. Тахта-Базаръ. Въ отчетномъ году, по свѣдѣніямъ Закаспійскаго таможеннаго округа, совсѣмъ не было вывоза отъ насъ въ Авганистанъ, а привозъ къ намъ авганскихъ товаровъ уменьшился противъ предшествующаго года, спустившись до цифры 104 т. р. *) (въ 1895 г. ввезено къ намъ на 183 т. р., а вывезено на 21 т. р.). Позволительно надѣяться, что съ проведеніемъ желѣзной дороги до границы Авганистана торговля наша съ этой страной получитъ должное оживленіе“. Сомнительно, чтобы эти надежды оправдались въ ближайшемъ будущемъ. Помимо „недружелюбныхъ отношеній къ намъ“, эмиръ Абдэррахманъ-ханъ, повидимому, вообще не любитъ желѣзныя дороги. Такъ, онъ до сихъ поръ „бойкотируетъ“, по выраженію маіора A. C. Yates, англійскую желѣзную дорогу, доведенную отъ Инда до Новаго Чемена и отдѣленную отъ Кандахара равниной, тогда какъ на прямомъ пути между кушкинской желѣзной дорогой и Хератомъ лежитъ нелегко проходимый горный хребетъ. Эмиръ запретилъ своимъ подданнымъ пользоваться англійской желѣзной дорогой и потому клади ихъ идутъ мимо Новаго Чемена на вьюкахъ. Очевидецъ, впро-

*) Скотъ, кожи и т. под., исключительно изъ округа Маймене, а не изъ Херата.

чемъ, увѣряетъ, что это запрещеніе, какъ и запретъ на вывозъ хлѣба, не исполняются на практикѣ, хотя за контрабанду полагается въ Авганистанѣ смертная казнь (The Scottish Geographical Magazine, 1898, March, Chaman, by Major Yates, p. 138).

Въ свѣдѣніяхъ нашихъ авторовъ о городахъ Авганистана прежде всего встрѣчаемся опять съ Абуль Фазлемъ: „По словамъ индусовъ, никто не можетъ считать себя господиномъ Индостана, если не обладаетъ Кабуломъ. Такъ говорилъ въ XVI вѣкѣ секретарь Акбара Великаго“ (Ch. Simond, p. 77). „Не овладѣвъ Кабуломъ не будешь владѣть Индостаномъ, говорилъ въ XVI вѣкѣ секретарь Акбара Великаго“ (Б—ичъ, стр. 98). Если же справиться съ исторіей, то окажется, что наслѣдовавшій престолъ отца въ Дели въ 1556 году Экберъ двадцать пять лѣтъ властвовалъ въ Индостанѣ, не владѣя Кабуломъ, гдѣ сидѣлъ братъ его Мохаммедъ-Хакимъ; лишь около 1580 г. покушеніе послѣдняго захватить и Пенджабъ повело къ пораженію Мохаммедъ-Хакима и къ подчиненію Кабула Экберу, который оставилъ, впрочемъ, покорившагося брата правителемъ Кабула до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1586 году (History of Afghanistan, by Malleson, 1879, p. p. 181—190).

„Султаны и шахи, владыки Афганистана (географическаго), до созданія изъ него отдѣльнаго государства, нерѣдко, въ ущербъ Персіи, выбирали Кабулъ своею резиденціей“ (стр. 98). Спрашивается, какой же могъ быть ущербъ Персіи отъ нахожденія резиденціи владѣтелей Авганистана въ Кабулѣ? Оказывается, что г. Б—ичъ неправильно понялъ Симона, который говоритъ, что государи, властвовавшіе надъ Авганистаномъ ранѣе того времени, какъ авганскій старшина, скроилъ себѣ на востокѣ Персіи царство на ея счетъ (Симонъ разумѣлъ гильджійскаго Миръ-Вейса, возмутившагося противъ Персіи въ принадлежавшемъ ей въ то время Кандахарѣ и основавшаго независимое царство изъ персидскихъ земель), нерѣдко дѣлали изъ Кабула свое любимое мѣстопребываніе (p. 77).

Въ томъ, что Кабулъ есть „одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Азіи“ „легко убѣдиться... по существующимъ еще идоламъ Баміана которому въ IX вѣкѣ нашей вѣры принадлежали Кабулъ и Газни“ (стр. 99). Идолы Баміана никоимъ образомъ не доказываютъ древности Кабула. Г. Б—ичъ опять не понялъ Симона, по которому гигантскіе идолы Баміана доказываютъ древность Баміана, а не Кабула, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упоминаетъ, что въ IX вѣкѣ послѣ Р. Х. Кабулъ и Газна платили дань Баміану, и утверждаетъ, что время основанія Кабула „теряется во мракѣ временъ“ (p. p. 79, 80).

„Время и англичане почти разрушили его высокія стѣны и башни, но ремонтированный Бала-Гиссаръ можетъ быть и теперь грозенъ наступающему непріятелю“ (стр. 99). „Во 145 верстахъ къ югу отъ Кабула... располо-

женъ городъ Газни съ сильнѣйшей въ Афганистанѣ крѣпостію". „Цитадель Газни считалась неприступною до 1839 г., когда Англичане, правда, послѣ очень долгой осады, взяли ее; въ 1842 году Англичанамъ опять-таки стоило большихъ трудовъ овладѣть крѣпостію (осада длилась три мѣсяца) въ которой въ ту эпоху томились въ клоповникѣ всѣ офицеры 27 пѣхотнаго полка, взятые Афганцами въ плѣнъ. Англичане взорвали крѣпость, сожгли и разграбили Газни и изъ богатаго города обратили его въ развалины. Достъ-Магометъ возстановилъ крѣпость, а Ширъ-Али дополнилъ защиту города при помощи русскихъ инженеровъ научившихъ Афганцевъ строить блиндированные казематы" (стр. 101). Почти все это ошибочно или невѣрно, хотя и взято у Симона. Азіатскія крѣпости могутъ быть грозны лишь для азіатцевъ, при европейскомъ же противникѣ съ нынѣшней артиллеріей онѣ большею частію могутъ быть опасны лишь для своихъ гарнизоновъ. Бала-Гиссаръ, между прочимъ, замѣчателенъ тѣмъ, что и азіатскимъ врагамъ доставался обыкновенно безъ хлопотъ. Очень долгая осада Газны въ 1839 г. существовала только въ воображеніи Симона (p. 87) или его источника, если вымыселъ этотъ не принадлежитъ ему лично: подошедшій къ Газнѣ 21 іюля 1839 г. и неимѣвшій осадной артиллеріи отрядъ генерала Кина взялъ ее на разсвѣтѣ 23 іюля штурмомъ, удачно взорвавъ одни изъ городскихъ воротъ (History of the war in Afghanistan, by John Kaye, London, 1851, vol. I, p. p. 442—451). Въ 1842 году Газна была занята отрядомъ генерала Нотта, пришедшимъ наканунѣ, утромъ 6 сентября, такъ какъ оказалась оставленною гарнизономъ и жителями въ теченіе ночи; въ стѣнахъ опустѣвшаго города, состоявшаго изъ развалинъ, англичане нашли лишь нѣсколько индусовъ и нѣсколько сипаевъ 27 полка, бывшаго въ плѣну у авганцевъ послѣ сдачи англійскаго гарнизона цитадели 6 марта 1842 года; плѣнныхъ офицеровъ 27 полка въ Газнѣ не оказалось, потому что всѣ были отправлены въ Кабулъ заблаговременно; уходя изъ Газны къ Кабулу, генералъ Ноттъ велѣлъ взорвать стѣны города и цитадели, въ которой зданія были въ исправномъ видѣ (Kaye, vol. II, p. p. 602—606), но никакихъ дворцовъ не разрушено, потому что ихъ не было, если не считать губернаторскія помѣщенія въ цитадели (id., vol. I, p. 441), да и быть не могло, ибо газневидскіе дворцы и другія сооруженія были уничтожены около 1152 года гуридомъ Ала-эддиномъ, а затѣмъ городъ былъ еще разрушаемъ при нашествіи монголовъ (Tabakat-i-Nasiri, translated by major Raverty, London, 1881, p. p. 353, 1042 etc.), съ той же поры Газна не бывала уже столицею значительныхъ государствъ и не могла обзавестись замѣчательными зданіями. Слухи, которымъ повѣрилъ Симонъ (p. 88), относительно помощи русскихъ инженеровъ въ улучшеніи укрѣпленій Газны при Ширъ-Али (1863—1879 г.г.) и наученія ими

авганцевъ строить блиндированные казематы, были совершенно неосновательны: если бы въ нихъ была тѣнь правды, то въ 1878 году наши туркестанскіе отряды не оказались бы относительно путей по Авганистану и его населенія въ томъ невѣдѣніи, какое изображено въ цитированной выше запискѣ компетентнаго русскаго генерала.

Изъ Кандахара, по словамъ г. Б—ича, вывозятъ, между прочимъ, „лошадей и джабусъ (пони)“ (стр. 101). Положимъ, у Симона значится (p. 91) „jabus (poneys)“, но все же странно, что г. Б—ичу неизвѣстно, что это животное именуется не джабусъ, а ябу, въ англійской транскрипціи yabu. Невѣдомо почему, г. Б—ичъ священнымъ долгомъ считаетъ англійскій знакъ множественнаго числа, букву s, воспроизводить въ русской транскрипціи, результатомъ чего явились диковинные джабусъ и разныя племена и народности: дуранисы или дураниссы, вмѣсто дурани или дураніи, афридиссы вмѣсто африди или афридіи и т. д. Не постигаю, почему онъ не пишетъ, уже за одно, понисы, вмѣсто пони, момандсы (momands), вмѣсто моменды, и т. д.

Повторяя, вслѣдъ за Симономъ, преувеличенія и ошибки разныхъ публицистовъ, авторъ нашъ утверждаетъ, что округъ Херата „можетъ не медля дать весь необходимый провіантъ и перевозочныя средства для стотысячной арміи“; что Хератъ—„точка опоры занявъ которую можно весь міръ перевернуть“; что „овладѣвъ Гератомъ Россія не только пошатнетъ весь Востокъ до Калькутты и Бомбея, но и до крайнихъ предѣловъ Азіи“; что „если Гератъ попадаетъ въ руки русскихъ..., то въ Индостанѣ не окажется базара на которомъ не будетъ объявлено главенство русскихъ вмѣстѣ съ паденіемъ англійской власти“ и т. д. (стр. 102—104, а у Симона p. p. 93—95). Долина Херируда дѣйствительно плодородна, но избытка хлѣба не производитъ за неимѣніемъ сбыта; можетъ быть она и дастъ, *) при постоянномъ спросѣ, достаточное для стотысячной арміи количество провіанта (однако, не перевозочныхъ средствъ), но для такого огромнаго увеличенія производства потребуются года, въ продолженіе которыхъ значительная армія не можетъ разсчитывать на продовольствіе изъ мѣстныхъ продуктовъ. Во время осады Херата въ 1838 году персидская армія въ 20—30 т. человѣкъ находилась временами въ критическомъ положеніи вслѣдствіе недостатка продовольствія которое доставлялось съ большимъ трудомъ и проволочками съ большихъ разстояній изъ персидскихъ предѣловъ („Осада города Герата“, подп. Бларам-

*) Если хватитъ воды для орошенія дополнительныхъ новыхъ посѣвовъ. Но это весьма сомнительно, потому что вода Херируда, во время полива, разбирается до капли почти и теперь, отчего въ наши предѣлы воды его въ это время не достигаютъ.

берга, въ „Сборникѣ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи", вып. 16, стр. 12 и др.). Въ виду этого, мнѣніе г. Лебедева („Въ Индію", Спб., 1898 г., глава VII) о томъ, что продовольствіе и перевозочныя средства завоевательной арміи должны быть почти полностью обезпечены изъ русскихъ и персидскихъ предѣловъ, совершенно правильно. Согласятся съ нимъ всѣ свѣдущіе люди, не ослѣпляемые обманчивыми фантазіями, и относительно неосновательности „мнѣнія, что стоитъ появиться на границѣ Индіи (не въ Хератѣ только) одному нашему корпусу, какъ военное могущество англичанъ будетъ сломлено возставшими народами этой страны" (тамъ же, стр. 39 и 40). Только для того, чтобы добраться до Инда, счастливо одолѣвъ сопротивленіе противника и обезпечивая сообщенія, необходимы, по его разсчетамъ, можетъ быть даже слишкомъ оптимистичнымъ, 230 т. ч. и три кампаніи, т. е. два-три года. Дѣйствія за Индомъ едва затронуты г. Лебедевымъ, по недостаточности, мнѣ кажется, матеріаловъ, но, конечно, потребуютъ значительныхъ добавокъ войскъ и затратъ новыхъ сотенъ милліоновъ. Наши мечтатели полагаютъ, „что когда русская армія продвинется къ сторонѣ р. Инда на столько, что англичане сознаютъ опасность, то сіи послѣдніе немедленно предложатъ условія мира, который и будетъ заключенъ": „за обезпеченіе владѣнія англичанъ въ Индіи, что вполнѣ зависитъ отъ Россіи, эта послѣдняя держава вправѣ требовать обезпеченія владѣнія Чернымъ моремъ" („Страница изъ исторіи восточнаго вопроса", 1885 г., стр. 1410 и 1411), и конечно очень, очень многаго другого. Надо, однако, не знать характера англійскаго народа, который ясенъ изъ его исторіи, чтобы допустить возможность заключенія мира, оставляющаго сохраненіе обладанія Индіею въ зависимости отъ иностранной державы, утвердившейся въ Авганистанѣ или на Индѣ. Между тѣмъ мы знаемъ, что Англія вела многіе годы борьбу съ силами всей Европы и, благодаря власти на моряхъ, вышла изъ нея непобѣжденной.

По увѣренію г. Б—ича, англійскіе инженеры „пытались обратить Гератъ въ современную крѣпость", но эмиръ отказался отъ ихъ услугъ (стр. 103). Видимо неимѣющій точныхъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи укрѣпленій Херата и полагающій, что гарнизонъ состоитъ изъ 7 т. ч., при 72 орудіяхъ, г. Лебедевъ думаетъ, что нашему отряду въ 50 т. ч. „будетъ вполнѣ достаточно 4—5 недѣль для того, чтобы водрузить русскій флагъ на стѣнахъ Герата", англійскія же войска во всякомъ случаѣ не успѣютъ прійти на выручку (стр. 67—69). Но, во-первыхъ, весьма мало вѣроятно, что укрѣпленія Херата оставлены въ состояніи, недозволяющемъ болѣе или менѣе продолжительной обороны, и во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы англичане безучастно смотрѣли на скопленіе войскъ и приготовленія въ закаспійской

области и дождались объявленія войны, не успливъ заблаговременно гарнизонъ Херата и не двинувъ войскъ для его поддержки,—если, конечно, англійское правительство не остановится окончательно на такомъ планѣ войны, который сосредоточитъ ее на оборонѣ Сулеймановыхъ горъ, предоставивъ русскимъ войскамъ отдаляться отъ своей базы въ враждебной и неимѣющей средствъ продовольствія странѣ до англійскихъ позицій.

Разумѣется, на шести страницахъ (131—136, сверхъ того описаніе городовъ на стр. 98—103) трудно дать обстоятельный географическій очеркъ Авганистана, но можно сдѣлать его весьма мало удовлетворительнымъ, если излагать орографію страны, вмѣсто геологическихъ основъ, съ псевдо-стратегической точки зрѣнія; если утверждать, что климатъ горной страны зависитъ главнымъ образомъ отъ широтъ, а не отъ высотъ надъ уровнемъ моря; если упустить изъ вида значеніе для растительности, животнаго царства и вообще производительности страны количества атмосферной влажности и ея распредѣленія; если сохранить ошибки своихъ источниковъ и надѣлать новыя, и т. д.

Перейдемъ теперь къ этнографической части труда г. Б—ича.

IV. Населеніе Авганистана.

„Нынѣ почти доказано..., что первоначально Афганцы занимали высокія долины расположенныя между Индомъ, Аму-Дарьей и Кабулъ-Дарьей" (стр. 139). Симонъ не столь категориченъ. Онъ признаетъ неосновательными легенды объ еврейскомъ происхожденіи авгановъ (какъ и г. Б—ичъ, за нимъ) и считаетъ первоначальное обитаніе ихъ въ высокихъ долинахъ и т. д. лишь болѣе вѣроятнымъ (р. 104). Однако, это предположеніе всего менѣе вѣроятно, потому что не имѣетъ за себя ничего, противнаго же не мало. Такъ, аборигенами Хиндукуша были уцѣлѣвшія отчасти въ Кафиристанѣ племена неизвѣстной расы съ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ авганскимъ и вообще арійскими (The Kafirs of the Hindu-Kush, by sir George Scott Robertson, London, 1896, p. p. 78, 157 etc.). Эти аборигены были покорены и большею частію истреблены племенами индійскаго происхожденія, извѣстными со времени появленія мусульманства подъ именемъ кафировъ. Подтверждается историческими данными и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи авганы появились недавно, именно въ бассейнѣ Пянджкоры, Свата и Кунара лишь въ XV вѣкѣ, а выше по Кабулъ-дарьѣ на столѣтіе или полтора ранѣе. Вездѣ на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи авганы встрѣчали язычниковъ, кафировъ, на востокѣ индійскаго, на западѣ иранскаго происхожденія.

Существованіе авгановъ впервые „исторически засвидѣтельствовано въ

восьмомъ столѣтіи нашей эры, въ эпоху когда они утвердились въ окрестностяхъ Гора, въ центрѣ нынѣшняго Афганистана. Мусульманское нашествіе поглотило ихъ и силою массами обратило въ исламъ" (стр. 139, у Симона р. 104). Основанія этихъ утвержденій не указаны, но заключаются они въ басняхъ и вымыслахъ авганскихъ писателей XVI—XVIII столѣтій, которыя не подтверждаются или опровергаются свидѣтельствами болѣе раннихъ и достовѣрныхъ историковъ. Населеніе Гура, т. е. бассейна верховьевъ Херируда и бассейновъ вершинъ Хильменда и другихъ сѣверныхъ притоковъ озера Хамуна или Заре, было отнюдь не авганскимъ, а таджикско-иранскимъ, въ смѣси, вѣроятно, съ предшествовавшими аборигенами не-арійскаго происхожденія. Въ настоящее время потомствомъ гурійцевъ являются отчасти хезаре и аймаки, образовавшіеся изъ смѣшенія гурійцевъ и другихъ мѣстныхъ народовъ съ тюрками и монголами, водворившимися въ странѣ въ XIII вѣкѣ и позднѣе, и говорящіе теперь большею частію персидскимъ языкомъ, заимствованнымъ у гурійцевъ. Обращеніе населенія Гура въ VIII вѣкѣ массами въ исламъ опровергается свидѣтельствами арабскихъ географовъ X вѣка Истахри и Ибнъ-Хаукала о томъ, что населеніе Гура пребывало въ ихъ время въ большинствѣ въ язычествѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ Отби, писатель начала XI вѣка, который описываетъ покореніе Гура газневидами. Этотъ Отби есть первый пока историкъ, знающій авгановъ. Онъ упоминаетъ ихъ, на юго-востокѣ отъ Кабула, обитающими въ трудно доступныхъ горахъ. Еще опредѣленнѣе выясняетъ обитаніе авгановъ въ Сулеймановыхъ горахъ, которыя, безъ сомнѣнія, и были ихъ кореннымъ гнѣздомъ, современникъ Отби Альбируни: „Въ горахъ, которыя образуютъ западную границу Индіи, обитаютъ разныя племена авганскія, простираясь до долины Синда".

Какой расѣ или семейству народовъ принадлежатъ авганы, Симонъ и г. Б—ичъ умалчиваютъ, о языкѣ же говорятъ, что „корни афганскаго языка, пухту, или пушту, находятся въ персидскомъ, санскритскомъ, арабскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ, но громадное количество словъ пушту не имѣетъ источника" (стр. 139, р. 105) *). Симонъ пользовался столь устарѣлыми источниками, что не зналъ, что еще во второй и третьей четвертяхъ настоящаго вѣка существованіе въ авганскомъ языкѣ древне-еврейскихъ (впрочемъ, у Симона сказано просто „еврейскихъ", а не „древне-еврейскихъ", какъ у г. Б-ича) корней лингвистами отвергнуто вмѣстѣ съ существованіемъ самобытныхъ корней и словъ, признанныхъ, во всякомъ случаѣ, арійскими. Шелъ

*) Въ примѣчаніи на стр. 139 г. Б-ичъ писалъ: «Какъ увидимъ дальше, при дворѣ эмира, въ высшемъ афганскомъ обществѣ и въ дипломатическихъ перепискахъ употребляется исключительно персидскій языкъ». Это обѣщаніе авторъ нашъ потомъ забылъ, потому что дальше по этому предмету ничего нѣтъ.

споръ только о принадлежности пушту къ языкамъ иранскимъ или къ языкамъ индійскимъ. Споръ этотъ новѣйшимъ изслѣдователемъ авганскаго языка Дармстетеромъ рѣшенъ, кажется окончательно, въ пользу иранскихъ. Авганскій языкъ „происходитъ отъ зендскаго или отъ діалекта, очень похожаго на зендскій“ (Chants populaires des Afghans recueillis par James Darmesteter, Paris, 1888—1890, Introduction, p. LXII).

Авганы „раздѣляются на пять племенъ подраздѣленныхъ на массу классовъ“ (стр. 138). У Симона: „Они дѣлятся на пять племенъ (tribus), подраздѣляющихся на 405 хейлей или клановъ“ (p. 103). Отсюда ясно, что подраздѣленія племенъ на классы вмѣсто клановъ есть у г. Б-ича описка или опечатка, подобно тому, какъ у Нила Бронского, въ № 245 „Мировыхъ Отголосковъ“, „Афридисы“ „раздѣляются на пять классовъ“ вмѣсто клановъ, хотя пять авганскихъ племенъ дѣлятся у него „на 405 хайловъ или клановъ“. Ни Симонъ, ни г. Б-ичъ не приводятъ именъ пяти племенъ и ничего о нихъ и ихъ происхожденіи не говорятъ, за исключеніемъ племени „караланай, которое зоветъ себя патанами, чтобы отличить себя отъ остальныхъ четырехъ“ (p. 104). Все это не совсѣмъ вѣрно. Источникомъ свѣдѣній Симона о дѣленіяхъ авганъ на племена и хейли долженъ былъ быть,—хотя чрезъ неизвѣстныхъ посредниковъ въ лицѣ компиляторовъ, которыми пользовался Симонъ,—никто иной, какъ Белью, ибо только у него впервые появилась общая цыфра 405 хейлей. Между тѣмъ, по Белью, основывавшемуся на семи рукописяхъ, содержавшихъ сказанія о происхожденіи и исторіи авганъ, авганы дѣлятся на три вѣтви, происходящія отъ трехъ сыновей Каиса, потомка царя Саула; въ этихъ трехъ вѣтвяхъ или группахъ авганскихъ племенъ считается 277 хейлей; остальные (изъ общей цыфры 405) 128 хейлей принадлежатъ особой группѣ племенъ, которыя отвергаютъ для себя именованіе авгановъ, называются пухтунами или пуштунами и производятъ себя отъ нѣкоего Каррани или Каралани; къ ней принадлежатъ племена везири, африди, оракзи, ходжіани, хаттакъ и пр. (Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857 etc., by H. W. Bellew, London, 1862, p. p. 57—64). Патанами караланайцы или, правильнѣе по Раверти, керларни себя не называютъ, а зовутъ ихъ такъ индійцы, передѣлавъ имя пухтунъ, которое, впрочемъ, въ древности могло имѣть форму пахтанъ. Во всякомъ случаѣ, патанами индійцы зовутъ не однихъ керларніевъ, занимающихъ только сѣверную половину Сулеймановыхъ горъ, а всѣхъ авгановъ. Это указываетъ на то, что въ древности народнымъ именемъ было пухтунъ, а не авганъ. Имя авганъ—новое, неизвѣстнаго происхожденія. Такъ какъ въ авганскомъ языкѣ нѣтъ буквы ф, то произносится оно авганъ, а не афганъ, какъ говорится и пишется по-персидски. Хезарейцы говорятъ, по Личу, avghoon. За-

падно-европейскіе авторы почти всѣ пишутъ афганъ, Афганистанъ, у насъ же иные, какъ В. В. Григорьевъ, слѣдуютъ ихъ примѣру, но многіе, съ Н. В. Ханыковымъ, предпочитаютъ авганъ, правильно полагая, что этническія, географическія и пр. собственныя имена должны быть употребляемы согласно съ мѣстнымъ ихъ произношеніемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ своемъ языкѣ уже вѣками утвердилось другое. Кстати здѣсь замѣтить, что имена многихъ авганскихъ племенъ и ихъ дѣленій образованы изъ личнаго имени съ приставкою з а й, значущею „сынъ", напр. Юсуф-зай, Орак-зай и т. д.; одного, отдѣльнаго члена племени правильно поэтому называть юсуфзай и т. д., но во множественномъ числѣ и цѣлое племя слѣдуетъ, какъ выяснилъ Раверти, именовать юсуфзи, оракзи и т. д., сообразно формѣ множественнаго числа въ авганскомъ языкѣ (The Afghans Waziris, by major Raverty въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1895, January, p. 153). По-русски слѣдовало бы пользоваться этой правильной формой, дающей возможность образованія множественнаго числа съ русскимъ окончаніемъ: юсуфзи, юсуфзіи, оракзи, оракзіи и т. д.

Свѣдѣнія о современныхъ авганскихъ племенахъ и ихъ дѣленіяхъ довольно обильны, такъ что Эл. Реклю справедливо находилъ, что, несмотря на противорѣчивость этихъ свѣдѣній, попытка общей классификаціи племенъ возможна («Всеобщая географія», томъ IX, стр. 51, Спб., 1887 г., изд. Ильина). Разумѣется, такая классификація должна быть основана на происхожденіи племенъ и съ своей стороны должна способствовать выясненію этого происхожденія. Наиболѣе успѣшныхъ попытокъ въ этомъ направленіи слѣдовало бы ожидать отъ такихъ изслѣдователей, которые, какъ Массонъ, Раверти, Белью, долго жили въ Авганистанѣ или имѣли съ авганами многолѣтнія столкновенія, занимаясь изученіемъ языка, быта, этнографіи и исторіи авгановъ. Надежды эти пока не оправдались. Массонъ ограничился нелишенными интереса, но изложенными бездоказательно предположеніями о томъ, что дураніи, по истинному своему имени абдалли, походящему на хефталъ, ефталъ, есть, быть можетъ, потомки ефталитовъ или бѣлыхъ хунновъ; хильджіи—тюркское племя халаджъ; юсуфзіи, быть можетъ, происходятъ отъ раджпутскихъ племенъ Индіи или, подобно имъ, суть потомки юечжей; везири и вообще племена Сулеймановыхъ горъ могутъ быть,—скорѣе, чѣмъ остальныя авганскія племена,—почитаемы истиннымъ корнемъ авганской расы, существующія же генеалогіи и сказанія, приписывающія авганамъ происхожденіе отъ еврейскихъ царей и патріарховъ, есть лишь результатъ народнаго тщеславія и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія (Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan etc., by Ch. Masson, London, 1842, vol. I, Preface, p.p. XII—XIV). Маіоръ Раверти, большой знатокъ языка, литературы и исторіи авгановъ, многіе годы уже собирается издать результаты своихъ изслѣдованій о происхожденіи, племенахъ и исторіи авгановъ, но къ сожалѣнію намѣреніе это еще не исполнено. Имѣвшій нѣсколько случаевъ про-

должительнаго пребыванія въ Авганистанѣ и служившій долго на его индійскихъ границахъ, трудолюбивый докторъ Белью успѣлъ незадолго передъ смертью издать интересное изслѣдованіе по этнологіи Авганистана—An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, London, 1891, 208 стр., in—8°.

Въ предварительныхъ замѣткахъ по поводу этого труда, помѣщенныхъ въ The Imperial and Asiatic Quarterly Review (October, 1891, p. 267), Белью говоритъ, что «нелѣпыя этимологіи и безсмысленныя сказанія мусульманскихъ генеалоговъ, придуманныя для объясненія носимыхъ разными патанскими племенами именъ, вытѣснили преданія, прежде ходившія въ народѣ. Но къ счастію собственныя имена рѣдко извращены до неузнаваемости, по крайней мѣрѣ имена наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе извѣстныхъ племенъ; хотя мусульманскія передѣлки иногда совершенно вытѣснили коренныя имена, но старыя имена иногда употребляются совмѣстно, какъ второстепенныя названія, или сохранены въ именахъ сосѣднихъ племенъ. Родовыя преданія, хотя и сильно извращенныя мусульманскимъ вліяніемъ, большею частію удерживаютъ однако слабые слѣды или туманныя черты оригинала». Въ An Inquiry Белью привелъ имена народовъ и племенъ, упоминаемыхъ на пространствѣ нынѣшняго Авганистана древними классическими писателями: Геродотомъ, историками Александра Македонскаго, Страбономъ, Плиніемъ, Птолемеемъ и пр., и нашелъ, что не только обитавшіе въ предѣлахъ Авганистана, но и большая часть другихъ народовъ и племенъ геродотовскихъ временъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Авганистаномъ въ Иранѣ, Сиріи, Малой Азіи и даже Греціи, имѣютъ представителей въ лицѣ нынѣшнихъ авганскихъ племенъ и ихъ вѣтвей. Такъ, народы второй персидской сатрапіи Геродота, мизійцевъ, лидійцевъ, кабаловъ, хигеннійцевъ онъ узнаетъ въ нынѣшнихъ авганскихъ племенахъ и вѣтвяхъ муса (-хейль), лоди, кабулъ (-хейль) и хугани. Саттагиды, дадики и апариты седьмой сатрапіи оказываются авганскими хаттаками, дади и афридіями. Сагартійцы, заранги или дранги и утійцы четырнадцатой сатрапіи уцѣлѣли въ лицѣ сахари (вѣтвь хаттаковъ), дураніевъ и отманъ-хейлей, причемъ между прочимъ Белью не даетъ никакихъ объясненій по поводу того факта, что дураніи до Ахметъ-шаха носили имя абдалліевъ и что имя дураніевъ далъ имъ именно этотъ государь, въ связи съ принятымъ имъ титуломъ дури-дуранъ. Часто встрѣчающіяся вѣтви авганскихъ племенъ юнусъ, али и ака суть греческія племена іонійцевъ, эолійцевъ, ахейцевъ. Всѣ племена, на которыя дѣлились по Геродоту персы въ ихъ отечествѣ, а именно маспіои, марафои, германои, пантіалои, дерузіи, дааи, дропикои и сагартои, найдены нашимъ ученымъ въ Авганистанѣ: юсуфзіи, мару, рѣка Курамъ, урочище Пандіали, въ странѣ мохмендовъ, по которому носитъ свое имя одна изъ вѣтвей этого племени, племя дерези или дерзай на востокѣ отъ Херата (можетъ быть вѣтвь ливанскихъ друзовъ), дахи (племя хезарейцевъ), дерби, раджпутскій родъ, или дербеки, небольшой родъ между аймаками, сагери или сехри у хаттаковъ. Дѣлая эти идентификаціи, Белью вмѣстѣ съ тѣмъ отождествляетъ тѣ же частію имена и множество другихъ съ именами родовъ раджпутскихъ и кастъ и ихъ

подраздѣленій индусскихъ. По пути Белью приводитъ дѣленія авганскихъ племенъ съ указаніемъ ихъ мѣстообитанія, а иногда и численности, а также нѣкоторыя генеалогическія сказанія, къ сожалѣнію слишкомъ кратко, безъ указанія источниковъ и варіантовъ. Никакихъ общихъ выводовъ и какой либо теоріи происхожденія авгановъ и ихъ племенъ Белью не далъ. Онъ желалъ помѣстить въ своемъ трудѣ собранныя во время путешествій и столкновеній съ народностями Авганистана факты и замѣтки, относящіяся къ этнологіи страны. Признавая свои замѣтки отрывочными и недостаточными, Белью все же надѣялся, что собранные имъ факты и нѣкоторыя указанія могутъ быть не безполезны для позднѣйшихъ изслѣдователей, обладающихъ больше, чѣмъ онъ, нужными знаніями по исторіи Востока и большими методологическими способностями (р.р. 37, 53 и др.).

Всѣ отождествленія именъ авганскихъ племенъ и вѣтвей съ именами народовъ, обитавшихъ и въ древности внѣ предѣловъ Авганистана, не могутъ быть признаны правильными, такъ какъ основаны лишь на весьма дальнемъ сходствѣ нѣкоторыхъ звуковъ и ничѣмъ болѣе не подкрѣпляются, тогда какъ происхожденіе авганскихъ племенъ и ихъ вѣтвей отъ ничтожнаго числа іонійцевъ, эолійцевъ, ахейцевъ, лидійцевъ, отъ разныхъ народовъ Малой Азіи (между прочимъ киликійцевъ, которыхъ Белью отождествляетъ съ гильджіями, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднихъ за тюркское племя), Персіи и т. д. рѣшительно невѣроятно. Нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія, отождествленія народовъ, въ древности жившихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Авганистана, напр. апаритовъ съ афридіями, могутъ быть приняты въ соображеніе, но большинство и такихъ идентификацій не можетъ быть признано достовѣрнымъ и даже сколько нибудь вѣроятнымъ, напримѣръ, отождествленіе юсуфзіевъ съ аспіями, обитавшими около нижняго теченія Кабулъ-дарьи, потому что звуковое сходство слишкомъ отдаленно, и притомъ же мы знаемъ, что юсуфзіи прибыли на Кабулъ-дарью лишь въ XV вѣкѣ, а потому Белью долженъ былъ прибѣгнуть къ мало вѣроятному предположенію, что аспіи уходили за Кандахаръ и оттуда вновь попали на Кабулъ-дарью подъ именемъ уже юсуфзіевъ. Отождествленія нѣкоторыхъ раджпутскихъ и индійскихъ племенныхъ, родовыхъ и кастовыхъ именъ съ именами авганскихъ племенъ и вѣтвей могутъ быть приняты во вниманіе, подкрѣпляя давно сдѣланное общее предположеніе о значительной примѣси къ кореннымъ авганамъ племенъ сосѣдней Индіи. Но если бы можно было допустить правильность всѣхъ идентификацій Белью, не исключая греческихъ, малоазійскихъ и персидскихъ, все же это нисколько не объяснило бы происхожденія авганскаго народа, ибо осталось бы неизвѣстнымъ: какимъ образомъ и откуда взялись весьма отличные отъ языковъ, типовъ, характеровъ и проч. всѣхъ отожествленныхъ съ его племенами и вѣтвями древнихъ народовъ Греціи, Малой Азіи, Персіи и Индіи авганскій языкъ, авганскій антропологическій типъ, авганскій народный характеръ, авганскій бытъ и обычаи, все тождественные у авганскихъ племенъ и вѣтвей, производимыхъ отъ народовъ и племенъ различныхъ языковъ, типовъ, нравовъ и характеровъ.

Происхожденіе авганскаго народа и его племенъ объяснить невозможно, не допустивъ первоначальнаго существованія особаго иранскаго племени на границѣ между Ираномъ и Индіею, которое, выработавъ основныя черты авганскаго языка, типа и характера, распространилось изъ этого первобытнаго гнѣзда, принимая постепенно въ свой составъ, въ качествѣ племенъ и вѣтвей, части сосѣднихъ и пришлыхъ народовъ и племенъ и объавганивая ихъ, т. е. надѣляя ихъ вмѣстѣ съ частицами своей крови чертами своего типа, своими языкомъ, народнымъ характеромъ и бытомъ.

Если принять въ должное соображеніе тотъ основной фактъ авганской жизни и исторіи, что народъ этотъ находится на извѣстной ступени развитія человѣческихъ обществъ, которая именуется родовымъ бытомъ, сохранивъ до сихъ поръ въ значительной степени скотоводческій и кочевой образъ жизни; если изучать народныя авганскія генеалогическія сказанія, принимая во вниманіе свойственныя имъ,—какъ подмѣчено въ такихъ же сказаніяхъ другихъ народовъ, пребывающихъ въ родовомъ и кочевомъ бытѣ,—особенности, дающія указанія на постороннія примѣси, вошедшія въ составъ племенъ или образовавшія въ составѣ народности особыя племена; если, наконецъ, воспользоваться различными, относящимися къ выясненію происхожденія авганской народности и ея дѣленій историческими и другими данными, то можно прійти къ слѣдующимъ, весьма вѣроятнымъ, заключеніямъ: Корнемъ авганскаго народа были керларніи, именующіе себя понынѣ пухтунами, подъ какимъ именемъ они были уже извѣстны Геродоту (пактіи), китайскимъ историкамъ около Р. Х. (пу-ту или пу-ду) и индійцамъ съ древнѣйшихъ временъ (патанъ), обитая уже, въ качествѣ одной изъ восточныхъ вѣтвей иранскихъ народовъ, на границѣ съ индо-арійцами, въ сѣверной половинѣ Сулеймановыхъ горъ. Въ Сулеймановыхъ же горахъ жили, главнымъ образомъ, авганы и во время принятія мусульманства, такъ какъ въ Меккѣ именуются они понынѣ не авганами, а сулейманіями.—Остальныя три группы авганскихъ племенъ произошли отъ выселившихся изъ сѣверной половины Сулеймановыхъ горъ пухтунскихъ отраслей, смѣшавшихся на новыхъ мѣстахъ съ различными народностями или принявшихъ въ свой составъ крупныя инородныя массы въ качествѣ особыхъ племенъ. Древнѣйшимъ такимъ отвѣтвленіемъ была группа племенъ гарраштъ, главное племя которой (какеры) считаетъ нынѣ не менѣе 200 т. д.; эта группа занимаетъ южную половину Сулеймановыхъ горъ и должна была получить здѣсь густую примѣсь брахуи и белучжей.—Вторая, выселившаяся, вѣроятно, частію изъ вѣтвей керларніевъ, частію изъ родовъ гарраштовъ, на юго-западъ отъ Сулеймановыхъ горъ, была группа сарбанійская; къ ней принадлежитъ союзъ или вѣтвь каши или кахи, въ которой первое мѣсто занимаетъ племя юсуфзи; эта вѣтвь каши въ XIII или XIV вѣкѣ передвинулась на сѣверо-востокъ къ Кабулу и отсюда въ XV столѣтіи перешла въ

низовья Кабулъ-Дарьи, занявъ лѣвый ея берегъ. Другому племени той же группы, абдалліямъ, вышедшимъ, можетъ быть раньше юсуфзіевъ, съ юга Сулеймановыхъ горъ (небольшое племя той же сарбанійской группы китранъ является и нынѣ самымъ юго-восточнымъ авганскимъ племенемъ), суждено было, благодаря отчасти одному изъ его родоначальниковъ Ахмедъ-шаху, стать съ половины XVIII вѣка во главѣ авганскихъ племенъ и дать двѣ династіи, изъ которыхъ вторая продолжаетъ и теперь, съ 1818 г., властвовать въ Авганистанѣ; абдалліи, переименованные Ахмедъ-ханомъ въ дураніевъ, занимаютъ юго-западную окраину Авганистана отъ Кандахара къ Херату.—Послѣдняя группа авганскихъ племенъ производится отъ третьяго сына Каиса Бетени, но изъ 77 ея хейлей только 25 считаются потомствомъ сыновей Бетенія, остальные же признаются происходящими отъ дочери его, вступившей въ связь съ нашедшимъ у Бетенія убѣжище царевичемъ владѣтельной фамиліи Гура, изгнаннымъ изъ своего отечества. Такъ какъ она вступила съ нимъ потомъ въ бракъ, то зачатый до брака сынъ ея получилъ имя Гильзай (зай—сынъ, гель—грѣхъ, преступленіе, воровство), отъ второго же, уже законнаго, сына ведутся роды лоди и суръ. Отъ Гильзая происходитъ племя гильзай, гильджи, хильджи. Патріархально-родовой бытъ зиждется на кровномъ родствѣ членовъ рода по мужскимъ только линіямъ, вслѣдствіе чего потомство дочерей отъ чужеродцевъ не можетъ, строго говоря, причисляться къ роду матери, а принадлежитъ роду отца. Но въ дѣйствительности, по разнымъ случайностямъ, въ составъ племенъ и родовъ попадаютъ иноплеменники и инородцы, иногда производящіе многочисленное потомство, которое образуетъ цѣлые роды и племена. Эти пришельцы, по необходимости, включаются въ генеалогіи, но не какъ родные сыновья, а въ качествѣ пріемышей, дѣтей дочерей и т. п. Въ данномъ случаѣ хильджіи, лоди и суръ самими генеалогическими сказаніями указываются какъ племена не авганскаго, чуждаго происхожденія, но объавганившіяся и примкнувшія къ племенамъ авганской группы Бетени. Хильджія есть несомнѣнно объавганившсеся тюркское племя хальджъ или халаджъ, которое еще въ X вѣкѣ Истахри и Ибнъ-Хаукалъ описывали сохраняющимъ свои тюркскіе языкъ и обычаи, а Отби упоминаетъ рядомъ съ авганами. Въ началѣ XVI вѣка султанъ Баберъ считаетъ уже гельджіевъ авганскимъ племенемъ, стало быть къ его времени они успѣли объавганиться. Что касается лоди и суръ, то весьма вѣроятно, что и эти небольшія племена были чуждаго происхожденія, родство же ихъ съ хальджами вѣроятно есть лишь вымыселъ авганскихъ писателей—патріотовъ XVI и XVII столѣтій, желавшихъ поставить въ небывалыя родственныя отношенія, по общему происхожденію отъ мифическаго гурійскаго царевича,

властвовавшія въ Дели династіи авантюристовъ изъ хильджіевъ (1288–1321 г.г.), лоди (1450—1517 г.г.) и суръ (1538—1556 г.г.) *).

По Симону и за нимъ по г. Б-ичу, „важнѣйшими кланами являются Дуранисcы, Гильзаи (Гильзаисы), Турисы, Шинварисы, Момаиды, Афридисы и Оракзаисы“ (стр. 142). Неизвѣстно почему, ни Симонъ, ни г. Б-ичъ совершенно не упоминаютъ юсуфзіевъ, тогда какъ уже въ XV вѣкѣ они выставляли „сто тысячъ копьеносцевъ“, да и теперь въ сложности могутъ выставить не менѣе, численность же ихъ нынѣ во всякомъ случаѣ не менѣе 500 т. д., а земли—самыя плодородныя и богатыя изъ всѣхъ земель авганскихъ. Нилъ Бронской, именовавшій юсуфзіевъ сватисами, могъ писать: „О сватисахъ „Мировые Отголоски“ довольно говорили въ дни рѣзни на Малакандъ-пассѣ, а потому я останавливаюсь на прочихъ“. Но въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ о сватисахъ никто не писалъ, а потому приходилось дать объ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія автору помѣщаемой въ немъ статьи. Ничего также не говорится о такихъ большихъ племенахъ, какъ какеры и везири; между тѣмъ численность послѣднихъ Раверти, нѣсколько преувеличивая кажется, полагаетъ въ 100 тысячъ семей.

Численность керларніевъ и дураніевъ авторы наши опредѣляютъ по 1 м. д. „Самыми близкими сосѣдями послѣднихъ являются Гильзаи, значительно уступающіе Дуранисcамъ численностью (ихъ 250.000), но имѣющіе въ странѣ значительное вліяніе, благодаря тому, что чрезъ нихъ ведутся всѣ торговыя сношенія Индіи съ Центральною Азіею“ (стр. 143, p. 108). „Ch. Simond говоритъ что „торговые вкусы Гильзаевъ дѣлаютъ ихъ мало пригодными къ борьбѣ“, но ихъ возстанія противъ эмира... доказываютъ противное“ (стр. 143). Это единственный случай, когда г. Б-ичъ упоминаетъ Симона, не называя однако его сочиненія, и то для того, чтобы от-

*) Важнѣйшіе историческіе факты, относящіеся къ происхожденію авгановъ и ихъ племенъ, а также къ древнѣйшему ихъ мѣстопребыванію, можно найти во второй главѣ Введенія къ Chants populaires des Afghans Дарместетера, содержащей «Исторію и происхожденіе авгановъ» (p. p. CLII — CLXXXIV), но значительная часть выводовъ сдѣлана мною самостоятельно. Въ упомянутой главѣ всего 32 страницы, однако она представляетъ лучшій пока, несмотря на всю его краткость, очеркъ исторіи авгановъ въ главныхъ ея чертахъ. Къ сожалѣнію, вышедшій изъ старой школы и бывшій только лингвистомъ Дарместетеръ остался чуждъ новѣйшему движенію политико-соціальныхъ наукъ. Такъ, по его парадоксальному утвержденію, «авганы не имѣютъ исторіи, потому что анархія не можетъ ея имѣть». Дѣло въ томъ, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на основу жизни авганскаго народа—на родовой его бытъ, и не сообразилъ, что кажущаяся анархія жизни авганскихъ племенъ и подраздѣленій есть на самомъ дѣлѣ своеобразная и сильно замедлившаяся эволюція родоваго быта, подъ вліяніемъ особыхъ внутреннихъ, внѣшнихъ и историческихъ условій.

вергнуть его мнѣніе. Свѣдѣнія Симона неосновательны не только по приводимой г. Б-ичемъ причинѣ, но прежде всего потому, что гильджіи очень мало занимаются торговлею: кочевые торговцы, служившіе во время оно (теперь съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ почти до Кандахара и со введеніемъ Хивы и Бухары внутрь русской таможенной границы все сильно измѣнилось) посредниками въ торговомъ обмѣнѣ между средне-азіатскими ханствами и Индіею, принадлежали главнымъ образомъ къ союзу лохани или нухани, который въ составъ хильджійцевъ не входитъ, и сами хильджіи родство съ нимъ отвергаютъ (Raverty въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, 1875, vol 44, p. p. 34, 36 etc.). Если-бы лоханіи и принадлежали къ хильджіямъ, все же они составляли бы ничтожную часть ихъ и не могли бы влiять на характеръ всего племени. Впрочемъ свѣдѣнія Симона, а за нимъ и г. Б-ича, о дураніяхъ и гильджіяхъ вообще невѣрны. Такъ еще Эльфинстонъ, опредѣлявшій численность дураніевъ въ 100 т. семействъ или отъ 800 т. до 1 милл. душъ, а гильджіевъ въ 90 т. семействъ, признавалъ послѣднихъ за храброе, самое сильное по физическому сложенію, самое красивое и самое честное изъ авганскихъ племенъ (vol. II, p. p. 99, 100, 147—149, 158). Массонъ, больше всѣхъ европейцевъ жившій между авганами, считалъ гильджіевъ самымъ многочисленнымъ изъ авганскихъ племенъ (vol. II, p. 204). По Бернсу, число гильджіевъ простирается до 200 т. сем. (Кабулъ, русскій переводъ, Москва, 1847, ч. 2, стр. 184). Раверти, считая дураніевъ только до 300 т. душъ, оцѣняетъ численность гильджіевъ въ 500 т. д. (id., p. 34, I. and A. Quarterly Review, 1894, April, pp. 323, 326). Съ своей стороны, по разнымъ соображеніямъ, едва ли я очень ошибусь, предполагая численность дураніевъ и хильджіевъ по 650 т. д., на остальныя племена авганъ въ вѣдѣніи эмира предположу 700 т. д., такъ что подъ властію эмира буду считать около 2 м. авгановъ, внѣ же его владѣній въ Сулеймановыхъ горахъ 1 м. д. керларнійцевъ съ гаргаштами и на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи 500 т. душъ, итого въ независимыхъ племенахъ $1^1/_2$ м. д., а всего авгановъ около $3^1/_2$ м. д., вмѣсто 3 м. Симона, который полагалъ по 1 м. дураніевъ и караланіевъ слишковъ преувеличенно, а 250 т. хильджіевъ и 750 т. на всѣ остальныя племена чрезмѣрно преуменьшенно.

Относительно хильджіевъ Симонъ и г. Б-ичъ повторяютъ басню, которую еще Юлъ (см. статью его въ Encyclopaedia Britannica) склоненъ былъ считать выдумкою: „Когда въ семьѣ Гильзаевъ родится ребенокъ, мать пробиваетъ дыру въ стѣнѣ дома и, пропуская чрезъ нее ребенка, говоритъ: Гильзай! Будь добрымъ воромъ, дитя мое“! (стр. 143). Конечно это вымыселъ, основанный на наивной этимологіи имени гильзай: сынъ грѣха, воровства.

По собственнымъ (не по Симону) свѣдѣніямъ г. Б-ича, „Афридиссы“ „не рѣдко... добровольно вербуются въ англо-индійскую армію для того чтобы, научившись обращенію съ скорострѣльнымъ ружьемъ, бѣжать изъ полка, конечно, захвативъ съ собой ружье и аммуницію“ (стр. 144). Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы англо-индійскія власти были столь просты, чтобы часто допускать что-либо подобное, а афридіи столь часто коварны. По крайней мѣрѣ имѣется такой фактъ, что значительная часть „хайберскихъ стрѣлковъ“ (большею частію изъ афридіевъ), занимавшихъ форты и посты въ Хайберскомъ ущельи, послѣ взятія этихъ укрѣпленій большими силами ихъ соплеменниковъ, въ августѣ 1897 г., явилась къ англо-индійскимъ властямъ съ ружьями Снайдера, какъ только успѣла добраться до безопасныхъ мѣстъ, хотя могла бы объяснить утерю казеннаго оружія отнятіемъ его непріятелемъ и т. п. (Military operations on the N. W. Frontiers, C.—8714, vol. II, p. 96). Считающій солдатъ изъ афридіевъ въ британскихъ войскахъ вообще примѣрно вѣрными своему долгу, полковникъ Хольдичъ, который долженъ былъ пріобрѣсти недурное знакомство съ авганами вообще и съ афридіями въ особенности во время войны 1879—1880 г.г., при русско-авганскомъ разграниченіи и во время экспедиціи въ Тира въ 1897 г., напоминаетъ еще, что именно рота афридіевъ первая пришла на помощь части 35 сейкскаго полка, окруженной момендами (The Geographical Journal, 1898, October, Tirah, by colonel sir T. H. Holdich, p. 351); онъ имѣетъ, повидимому, въ виду дѣло 16 сентября 1897 г., когда генералъ Джеффрей съ частію артиллеріи небольшимъ количествомъ пѣхоты (35 полка) и саперовъ не успѣлъ дойти до главныхъ силъ своего отряда, подвергся ночью нападенію превосходныхъ силъ момендовъ, понесъ значительныя потери и былъ выручень подоспѣвшими изъ отряда четырьмя ротами (Military operations, vol. 2, p. 15). По мнѣнію Хольдича, стремленіе афридіевъ обзавестись дальнобойными магазинками истекаетъ, помимо ихъ воинственности и страсти къ оружію, изъ превосходства, которое даетъ хорошее оружіе для кровной мести; прежде афридіи, будучи конечно на сторожѣ противъ враговъ, все же могли заниматься земледѣльческими полевыми работами днемъ, теперь же, при распространеніи дальнобойныхъ винтовокъ, это сдѣлалось крайне опаснымъ, ибо невозможно стало ни увидать прячущагося врага, ни опредѣлить—откуда летятъ пули, вслѣдствіе чего приходится полевыми работами заниматься по ночамъ. По его же мнѣнію, большинство афридіевъ побывало на британской службѣ въ „хайберскихъ стрѣлкахъ“ или въ рядахъ туземной пѣхоты и кавалеріи, и каждый накопилъ достаточныя деньги для покупки „дорогой сердцу каждаго афридія хорошей винтовки“ (Geogr. Journal, id., p. p. 349—351).

Не принимая въ соображеніе, что авганы живутъ подъ властію

родового быта и должны подчиняться свойственнымъ этой ступени соціальнаго развитія институтамъ и формамъ, Симонъ и нашъ авторъ описываютъ обычаи кровной мести, гостепріимства и убѣжища, какъ какіе-то странные курьезы *). О левиратѣ авторъ нашъ пишетъ: „афганскіе браки представляютъ ту особенность, что вдова обязательно должна выйти замужъ за брата ея покойнаго мужа,—обычай этотъ часто встрѣчается и въ другихъ странахъ, но здѣсь онъ оригиналенъ, ибо Афганистанъ съ этими странами ничего общаго не имѣетъ“ (стр. 140, Симонъ, p. 107): общее у авгановъ съ народами, у которыхъ встрѣчается левиратъ, есть нахожденіе въ родовомъ бытѣ. Только то же невѣдѣніе свойственныхъ родовому быту обычаевъ и понятій дозволяетъ г. Б-ичу утверждать, что „бракосочетаніе“ у авгановъ „является попросту куплей-продажей“, тогда какъ самъ же описываетъ обычай умыканія, совсѣмъ не соотвѣтствующій простой куплѣ-продажѣ. Хотя г. Б-ичъ вдобавокъ увѣряетъ, что мать послѣ смерти мужа „становится имуществомъ сына своего“ и что „нерѣдки случаи когда сыновья продаютъ своихъ вдовствующихъ матерей подходящимъ покупателямъ“ (стр. 141), но ни у Симона, ни у компетентныхъ писателей ничего подобнаго не встрѣчается и надо думать, что это вымыселъ или крайнее преувеличеніе, или недоразумѣніе неназваннаго авторомъ источника.

Въ одной неудобопонятной, по недостатку смысла и пунктуаціи, фразѣ г. Б-ичъ приписываетъ развитіе памяти и, кажется, генеалогическихъ способностей у авганскихъ начальниковъ, между прочимъ, неимѣнію въ Авганистанѣ паспортной системы (стр. 141): „Каждый Афганецъ, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ, имѣетъ свою часть въ имуществѣ всего клана (вѣтвь), а въ случаѣ побѣды и удачнаго грабежа — долю въ награбленномъ,— благодаря этому и потому что въ Афганистанѣ не имѣется паспортной си-

---

*) Авганскіе термины для обычнаго права, кровной мести, гостепріимства и права убѣжища г. Б-ичъ взялъ вѣроятно у Дарместетера, который въ Chants populaires des Afghans (p. 120) вкратцѣ цитировалъ изъ Lettres sur l'Inde (p. p. 99—103) слѣдующее: Nangi pushtâna ou Pushtûn-vâlai, le code d'honneur afghan comprend trois devoirs: nanavâta, le devoir de protection envers celui qui est sous votre toit; badal, devoir de vendetta; mailmastiyâ, devoir d'hospitalité. Эти термины слѣдуетъ читать у французскаго оріенталиста не примѣнительно къ англійскому произношенію, какъ это дѣлаетъ г. Б-ичъ (стр. 142)—ненаватай, бадалъ, мейлмастай и почему то пуштды-валай,—а нанавата, бадаль, мэльмастія и пуштунъ-валэ. Послѣднее впрочемъ правильнѣе произносить, какъ значится у автора пуштунскихъ грамматики и словаря Белью и какъ читается у самого Дарместетера приводимая имъ туземная транскрипція: пухтунъ или пуштунъ-вали. Значитъ этотъ послѣдній терминъ не «авганскій кодексъ чести» (это значеніе нанги пуштана), а «пуштунскій законъ» или «право».

стемы каждый мущина записанъ въ памяти старѣйшинъ клана, имамовъ и вообще начальниковъ, генеалогическія способности которыхъ развиты до чрезвычайности". По свидѣтельству Эльфинстона (vol. 2, p. 328), авганы „знаютъ свою, а часто и чужихъ людей, генеалогію за шесть или за семь колѣнъ". Происходитъ это отъ того, что при родовомъ бытѣ почти вся жизнь опредѣляется родствомъ и его степенями, съ соотвѣтствующими родовыми отношеніями.

Не могу я также согласиться съ г. Б-ичемъ и Симономъ, что въ бѣдныхъ классахъ „господствуетъ развратъ" (стр. 140), потому что это не подтверждается компетентными источниками, а также и потому, что по авганскому обычному праву за прелюбодѣяніе полагается смерть.

Вслѣдъ за Симономъ (p. 106) авторъ нашъ открылъ въ Авганистанѣ „религіозную секту сеидовъ" (стр. 140), но сеиды, т. е. потомки Магомета, существуютъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ и никакой религіозной секты не составляютъ, а принадлежатъ обыкновенно къ тому толку, который преобладаетъ въ странѣ, гдѣ обитаютъ.

Игнорированіе родового быта и недостатокъ свѣдѣній о соціальной и политической организаціи авганскихъ племенъ помѣшали Симону и Б—ичу, за нимъ слѣдовавшему, правильно понять и описать эту организацію. „Типъ общаго управленія племенъ", по ихъ словамъ, таковъ: „Каждая община (улусъ) племени, раздѣленная на хайлы или кланы, ведетъ въ мирное время совершенно независимую жизнь. Внутреннее управленіе улуса находится въ рукахъ хана которому помогаетъ джиргахъ (собраніе начальниковъ), каждый членъ котораго является предсѣдательствующимъ въ джиргахахъ второстепеннаго значенія, т. е. въ собраніяхъ по хайламъ... Въ маловажныхъ лучаяхъ ханъ дѣйствуетъ не совѣтуясь съ главнымъ джиргахомъ, какъ и послѣдній иногда постановляетъ рѣшенія не совѣтуясь со второстепенными собраніями. Наоборотъ, въ важныхъ событіяхъ безъ ознакомленія съ мнѣніемъ всего племени ничего не рѣшается" (стр. 137, p. 101). На самомъ дѣлѣ, это не общій типъ соціально-политической организаціи авганскихъ племенъ, какъ утверждаютъ наши авторы, а средній между двумя преобладающими типами, которые остались имъ неизвѣстными. Коренной авганскій типъ существуетъ у племенъ керларнійской группы и заключается въ томъ, что дѣла каждой мельчайшей вѣтви племени рѣшаются джиргою или собраніемъ всѣхъ главъ семей вѣтви, которое само и исполняетъ свои рѣшенія, если же это невозможно или неудобно, поручаетъ исполненіе старшинѣ или мелику. Мелики эти выбираются джиргами на опредѣленный срокъ и никакой властью, внѣ точнаго исполненія рѣшенія джирги, не пользуются. Дѣла, касающіяся нѣсколькихъ вѣтвей, состоящихъ въ ближайшемъ родствѣ и имѣющихъ постоянные общіе

интересы, рѣшаются джиргою изъ меликовъ всѣхъ вѣтвей, въ составъ которой обыкновенно входятъ также, по обычаямъ, почетнѣйшія и вліятельнѣйшія лица вѣтвей, исполнительная же власть поручается, опять избираемому мелику. По количеству степеней племенныхъ развѣтвленій, степеней собраній бываетъ нѣсколько, дѣла же всего племени рѣшаются джиргами изъ всѣхъ меликовъ высшихъ вѣтвей, съ участіемъ самыхъ вліятельнѣйшихъ людей племени, а исполненіе поручается меликамъ этихъ высшихъ вѣтвей или особо для того назначеннымъ племенною джиргою на каждый случай лицамъ. Такимъ образомъ, вся власть въ керларнійскихъ племенахъ и ихъ вѣтвяхъ принадлежитъ джиргамъ и мелики или старшины являются лишь исполнителями, внѣ точнаго исполненія рѣшеній общины никакою властью не пользующимися. Другой типъ соціально-политической племенной организаціи существуетъ у западныхъ авганскихъ племенъ, особенно же у дураніевъ и хильджіевъ, являясь видимо результатомъ иныхъ историческихъ и природныхъ условій, въ зависимости притомъ отъ инородныхъ примѣсей, которыя привили къ авганскимъ корнямъ чуждыя имъ деспотическія начала. Въ этихъ племенахъ и ихъ вѣтвяхъ также существуютъ джирги, но надъ ними стоятъ наслѣдственные старѣйшины или ханы, которые обыкновенно дѣйствуютъ по обсужденіи важныхъ дѣлъ въ джиргахъ и сообразно ихъ постановленіямъ, но могутъ дѣйствовать и по своему устотрѣнію. Ведетъ это къ тому, что ханы достаточно людныхъ и сильныхъ вѣтвей пользуются деспотической властью, обративъ подчиненныхъ хановъ въ простыхъ исполнителей своихъ распоряженій и упразднивъ общеплеменныхъ хановъ и джиргу. Естественнымъ этого послѣдствіемъ было распаденіе племенъ на управляемыя независимыми ханами вѣтви, находящіяся вслѣдствіе честолюбія хановъ въ вѣчной враждѣ и безсильныя для всякихъ внѣшнихъ предпріятій. Благодаря именно такому положенію дѣлъ, въ западныхъ авганскихъ племенъ утвердилась и держится власть эмировъ, опирающаяся не столько на значеніе ихъ въ племени дураніевъ, къ которому они по происхожденію принадлежатъ и которое также раздѣлено на недружныя вѣтви съ особыми наслѣдственными родоначальниками, сколько на обладаніе городами, дающими финансовыя средства и отчасти кадры для чуждой племеннымъ раздорамъ арміи, и на безсиліе враждующихъ между собою племенъ и ихъ вѣтвей, почему эмиры могутъ усмирять ослушающихся хановъ при помощи ихъ враговъ. Занимающія южную половину Сулеймановыхъ горъ племена гаргаштской группы издавна уже раздроблены на множество управляемыхъ наслѣдственными ханами вѣтвей, почему онѣ, несмотря на дальность отъ Кабула и гористую природу страны, допускающую успѣшное сопротивленіе, легко приводились къ послушанію эмирами. Воспользовалась этимъ и англійская политика, склонивъ хановъ субсидіями, пенсіями и поддержкою

ихъ власти къ подчиненію британскому управленію, введеніе котораго въ южной части Сулеймановыхъ горъ и завершено въ 1887 году образованіемъ и присоединеніемъ къ Индіи „Британскаго Белучжистана“, области съ довольно страннымъ названіемъ, ибо белучжей въ странѣ очень мало и населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ авганскихъ племенъ. Подобнымъ образомъ давно уже подчинено британской власти самое восточное изъ керларнійскихъ, племя хаттаковъ, благодаря тому, что оно управлялось наслѣдственными ханами и обитаетъ въ легко доступныхъ мѣстностяхъ. У пограничныхъ племенъ на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи идетъ борьба между демократическимъ и деспотическимъ типами. Изъ нихъ у терколарніевъ (вѣроятно тюркскаго происхожденія) и у момендовъ ханы, повидимому, существуютъ искони. У юсуфзіевъ имѣется нынѣ ханъ лишь въ той части, которая обитаетъ въ верховьи р. Пенджкоры, въ Дирѣ, остальные же юсуфзіи сохраняютъ демократическій родовой строй, керларнійскаго типа. Ни потомки Бабера, владѣвшіе Индіею, Пишаверомъ и Кабуломъ, ни эмиры Авганистана, ни могущественные сейки не могли добиться прочной подчиненности керларнійцевъ и юсуфзіевъ. Столь же безуспѣшны пока попытки Англіи. Главная тому причина—отсутствіе наслѣдственныхъ владѣтелей. Хановъ не трудно склонить къ покорности деньгами, усиленіемъ ихъ власти въ племенахъ, увеличеніемъ ихъ владѣній, угрозами лишить ханства и т. д., тогда какъ всѣ эти средства непримѣнимы къ цѣлымъ племенамъ или ихъ вѣтвямъ. Между выборными меликами независимыхъ пограничныхъ племенъ всегда оказывается достаточное, въ избыткѣ, количество охотниковъ получать субсидіи изъ индійскаго казначейства и обратиться въ наслѣдственныхъ хановъ своихъ племенъ, сдѣлавъ сколько угодно заявленій о пламенномъ желаніи ихъ родовъ подчиниться британскому управленію, но какъ только англійскія власти приступаютъ къ исполненію ихъ просьбъ, племена оказываются враждебными, и тѣ же мелики, волей неволей, принимаютъ участіе въ открывающихся противъ англичанъ военныхъ дѣйствіяхъ. Таково было, имѣвшее конечно отчасти и другія причины, происхожденіе столкновеній съ везиріями въ 1894, 1895 и 1897 гг., вызвавшихъ снаряженіе большихъ отрядовъ съ значительными расходами. Но и поддержка хановъ, съ цѣлію подчиненія горцевъ при помощи возвышенной на счетъ демократіи родовъ ханской власти, не проходитъ для англійской политики въ этихъ странахъ безъ большихъ непріятностей. Такъ, въ началѣ іюля 1897 года англійскія власти оставили безъ удовлетворенія жалобы юсуфзіевъ Свата на захваты дирскимъ ханомъ непринадлежавшихъ ему земель праваго берега р. Свата и на насильственное имъ подчиненіе своей власти тамошнихъ независимыхъ родовъ. А чрезъ три недѣли нѣкій безумный факиръ увлекъ все населеніе Свата къ

нападенію на англійскія укрѣпленія въ Чакдере и Малакандѣ, повлекшему затѣмъ послѣдовательно къ возстанію момендовъ, афридіевъ и оракзіевъ, а также бунирцевъ, подавленіе котораго потребовало отъ Англо-Индіи тяжкихъ усилій. Между тѣмъ этотъ самый факиръ болѣе двухъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ проповѣдовалъ джихатъ и населеніе смотрѣло на него лишь какъ на сумасшедшаго.

Удержаніе и защита независимости есть, по словамъ Симона, единственная связь, существующая между вѣтвями и племенами авгановъ, но она такъ сильна, что каждый членъ ихъ пренебрегаетъ ради нея всякими опасностями и жертвуетъ жизнью. „Народъ авганскій болѣе чѣмъ какой-либо другой восточный обладаетъ тѣмъ патріотизмомъ, которому приносится все въ жертву" (р. 102, стр. 137). Къ страстной привязанности къ независимости г. Б-чъ присоединяетъ „общую религію" и, конечно, можно прибавить большее или меньшее количество общей крови, общій языкъ, общіе нравы и обычаи и т. д. Совокупность всего этого создаетъ народность, но преобладающая черта авганской народности есть свободолюбіе и страстная привязанность къ независимости. Конечно, всякая народность дорожитъ своей независимостью и самобытностью, но интензивность и формы этой привязанности весьма различны. У авгановъ эта привязанность достигаетъ особой энергіи и страстности.

Одно констатированіе общеизвѣстнаго факта цѣны не имѣетъ, если оно не сопровождается уясненіемъ его происхожденія и всесторонней оцѣнкою. Отъ Симона и г. Б-ича слѣдовало бы поэтому ожидать, что они дадутъ какія-нибудь разъясненія по поводу этого факта, имѣющаго въ политическомъ отношеніи, въ сущности единственно ихъ интересующемъ, самыя важныя послѣдствія *), но ни у того, ни у другого ничего не находимъ. Мнѣ кажется яснымъ, что свободолюбіе и привязанность къ независимости выработались и укоренились въ качествѣ основной черты авганской народности благодаря демократическо-родовому строю керларнійскихъ племенъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ остальныя, страстность же этой привязанности есть послѣдствіе сангвиническаго расоваго темперамента. Подтверждается это, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что западныя авганскія племена и племена гаргаштской группы, конечно главнымъ образомъ вслѣдствіе примѣсей въ нихъ чужихъ народно-

---

*) По словамъ Симона, «священная война, объявленная муллами, будетъ столь же fatale aux Anglais qu'aux Russes, le jour où de montagne au montagne se répèterait dans tout l'Afghanistan le même cri: Independance! Independance! (p. 113). По г. Богдановичу, авганскія племена и въ отдѣльности «грозною силою встаютъ въ защиту своей независимости», но «еще болѣе грозною массой встанутъ эти пленена, когда въ опасности окажется независимость всей федераціи афганской, откуда бы эта опасность ни шла—съ сѣвера или съ юга» (стр. 150).

стей съ отличными отъ коренныхъ авганскихъ особенностями политическо-соціальнаго строя и народнаго характера, допустили у себя возникновеніе наслѣдственной деспотической ханской власти и преобладаніе ея надъ джиргами, являющимися у нихъ лишь пережиткомъ кореннаго авганскаго строя. Именно эта замѣна кореннаго авганскаго демократическо-родоваго строя деспотическо-ханскимъ и ослабленіе чрезъ это свободолюбія и привязанности къ независимости объясняютъ и тотъ фактъ, что западныя и гаргаштскія племена легко, сравнительно, подпадали чуждому господству, тогда какъ керларніцпы и сохранившіе наиболѣе ихъ общественный строй юсуфзіи успѣвали отстаивать свою независимость и свободу противъ притязаній знаменитѣйшихъ завоевателей и сильнѣйшихъ сосѣднихъ державъ.

Свѣдѣнія разбираемой статьи о нравахъ и характерѣ авганскаго народа слишкомъ скудны и поверхностны. Упоминается конечно, по обыкновенію, о „лукавствѣ и жестокости", о грабежахъ и убійствахъ, о „двухъ заповѣдяхъ, чтимыхъ всѣми авганцами: Кровь за кровь, желѣзо и огонь всѣмъ невѣрующимъ" (стр. 137, р. 102). Но насилія, жестокость, вѣроломство и т. д. не могутъ быть почитаемы непреложными, неотъемлемыми принадлежностями какого-либо народа, ибо онѣ суть лишь результатъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и условій и должны исчезнуть съ устраненіемъ и измѣненіемъ этихъ условій. Какимъ образомъ авганы, при врожденномъ сангвиническомъ темпераментѣ, могутъ быть не жестокими, не мстительными, не кровожадными, не склонными къ грабежамъ и насиліямъ, ежели они въ теченіе тысячелѣтій своего существованія подвергались непрерывнымъ насиліямъ, жестокостямъ и грабежамъ со стороны большихъ и малыхъ владѣльцевъ сосѣднихъ странъ? Одинъ изъ гуманнѣйшихъ людей своего времени султанъ Баберъ, описывая походы свои противъ разныхъ авганскихъ племенъ, предпринимавшіеся съ однообразною цѣлію грабежей и вынужденія къ платежу дани, упоминаетъ, въ качествѣ неизбѣжнаго финала стычекъ съ авганами, о воздвиженіи пирамидъ изъ головъ не только убитыхъ въ бою, но и взятыхъ въ плѣнъ авгановъ. „Когда авганы видятъ невозможность продолжать борьбу, они являются къ (побѣдоносному) врагу съ травою во-рту, какъ бы говоря этимъ: Я твой быкъ" (Mémoires, t. I, p. 325). Одинъ этотъ обычай показываетъ—какова была участь авганскихъ горцевъ, приносившихъ покорность: имъ предстояло положеніе даже не раба, а животнаго.

Въ краткихъ свѣдѣніяхъ о не-авганскихъ народностяхъ страны г. Б-ичъ говоритъ о таджикахъ, что ихъ „слѣдуетъ считать аборигенами сѣверо-западныхъ провинцій страны" (стр. 145), но правильнѣе было бы сказать не однихъ „сѣверо-западныхъ провинцій", а всей западной половины страны. „Народность эта названа таджиками (крестьянами) въ отличіе отъ тюрковъ

(воиновъ), имъ родственныхъ". Это невѣрно, ибо таджики и тюрки суть народности, этнически другъ другу чуждыя. У Симона сказано не то. Онъ признаетъ таджиковъ аборигенами „западныхъ провинцій", а не только сѣверо-западныхъ (p. 110). По его словамъ, имя таджикъ, „значащее крестьянинъ, противоположно имени тюркъ (воинъ). Истинные (proprement dits) таджики сами даютъ себѣ именованіе парсивановъ или парсизевановъ. Тѣ изъ нихъ, которые ведутъ жизнь кочевую, извѣстны подъ именемъ аймаковъ. Эти послѣдніе кочуютъ въ странѣ, образуемой бассейномъ верховьевъ Херируда" (p. 111). Было въ иранскихъ земляхъ время, когда таджики были только земледѣльцы, крестьяне, а всѣ тюрки только воины; однако это время давно миновало, особенно въ Авганистанѣ. Но чтобы слово таджикъ означало крестьянинъ, а слово тюркъ—воинъ, это невѣрно (см. о происхожденіи и значеніи слова таджикъ у Ханыкова „Иранъ К. Риттера", стр. 507 и слѣд.). Справедливо (по Ферье и др.), что таджики Авганистана зовутъ себя **парсиванами**, т. е. людьми персидскаго языка, но не вѣрно, будто кочевые таджики именуются аймаками, ибо аймаки есть особое племя, происходящее отъ смѣшенія гурійцевъ и пр. съ тюрками. Хотя аймаки и хезарейцы говорятъ персидскими нарѣчіями, но таджиками не называются, какъ и кызылбаши. Г. Б-ичъ напрасно приписываетъ кызылбашамъ „персидское происхожденіе" (стр. 145): это тюрки, приведенные Надиръ-шахомъ изъ Персіи, но донынѣ говорящіе между собою по-тюркски (Elphinstone, Bellew). Хезарейцевъ онъ производитъ то отъ какихъ-то „персидскихъ завоевателей" (стр. 140), то отъ монголовъ (стр. 145). На самомъ дѣлѣ это тюрки и монголы до-тимуровскихъ временъ, смѣшавшіеся съ найденнымъ ими въ восточномъ Паропамизѣ и западномъ Хиндукушѣ мѣстнымъ населеніемъ смѣшаннаго происхожденія, но персидскаго языка, которымъ и говорятъ теперь почти всѣ хезарейцы. Различіе происхожденія хезарейцевъ и аймаковъ, являющихся одинаково смѣшеніями тюрко-монголовъ съ мѣстнымъ населеніемъ персидскаго языка, заключается въ томъ, во-первыхъ, что тюрки и монголы, потомствомъ которыхъ являются хезарейцы, прибыли во время Чингизъ-хана и его первыхъ наслѣдниковъ, тогда какъ тюркскіе роды аймаковъ были другіе и прибыли при первыхъ тимуридахъ; во-вторыхъ же, и составъ мѣстнаго населенія, тоже смѣшаннаго происхожденія, былъ разный. Разница въ вѣроисповѣданіи (хезарейцы—шіиты, тогда какъ аймаки—сунниты) также есть слѣдствіе этническаго различія и историческихъ судебъ двухъ народностей: у аймаковъ утвердился суннизмъ вслѣдствіе вліянія хератскихъ тимуридовъ, которые водворили въ странѣ тюрковъ, составлявшихъ главную часть ихъ войскъ; хезарейцы же, принявъ исламъ отъ мѣстнаго населенія, проникнутаго шіитскими началами, остались вѣрными шіитству, потому что подчиненность ихъ тимуридамъ

и позднѣйшимъ государямъ Херата и Кабула была всегда слаба, если не упразднялась совсѣмъ.

Неосновательно также Симонъ (р. 111) и нашъ авторъ считаютъ узбековъ „потомками тюркменовъ“ (стр. 145): узбеки происходятъ отъ разныхъ тюркскихъ родовъ, перешедшихъ на югъ отъ Сыръ-Дарьи съ шейбанидами въ началѣ XVI столѣтія, и отъ найденныхъ въ Мавераннагрѣ тюрковъ, но туркменовъ между ними было и есть очень немного.

Г. Б-ичъ нѣсколько разъ утверждаетъ (стр. 142 и 146), что „въ нашей Средней Азіи, равно какъ и въ Бухарѣ, всѣ ростовщики также Индусы“, какъ въ Авганистанѣ. Это не совсѣмъ вѣрно: въ средѣ кочевниковъ, которые составляютъ много болѣе половины населенія нашей Средней Азіи, т. е. Туркестана и степныхъ областей, индусовъ не было и нѣтъ, между тѣмъ они терпятъ отъ ростовщиковъ (татары, сарты и русскіе) гораздо болѣе, чѣмъ осѣдлое населеніе, въ которомъ сарты и таджики также едва ли когда либо уступали на этомъ поприщѣ пальму первенства индусамъ, хотя постановленія шаріата заставляли ихъ облекать здѣсь свой промыселъ въ формы, скрывающія его сущность.

V. Управленіе и военныя силы Авганистана.

„Афганистанъ какъ государство существуетъ лишь 135 лѣтъ, и Амедъ-Шахъ, его основатель, образовалъ правительство безъ твердыхъ началъ, безпрестанно осаждаемое честолюбивыми ханами и соперниками находившимися въ вѣчной враждѣ“ (стр. 146). Авторъ нашъ упустилъ изъ вида, что 135 лѣтъ значатся у Симона, писавшаго въ 1885 году, почему въ 1898 году, когда онъ самъ пишетъ, къ 135 годамъ прибавилось еще 13, такъ что долженъ бы считать, что авганское государство существуетъ уже 148 лѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ оно существуетъ уже 151 годъ, потому что основано Ахмедъ-ханомъ въ 1747 году: Симонъ, видимо, взялъ свою цифру изъ чьей-то книги 1882 года. У Симона стоитъ Ахмедъ-шахъ, а не Амедъ-шахъ, какъ у Нила Бронского („Мировые Отголоски“ 1897 г. № 262), по опискѣ или опечаткѣ, которую г. Б-ичу повторять надобности не было, потому что въ другомъ мѣстѣ статьи у него значится правильно Ахмедъ-шахъ. Обратившись къ исторіи, мы увидимъ, что внутреннее управленіе авганскихъ племенъ Ахмедъ-шахъ предоставилъ ихъ старѣйшинамъ, по существовавшимъ обычаямъ; во всѣхъ важныхъ дѣлахъ по управленію государствомъ онъ совѣтовался съ главами племенъ и дѣйствовалъ съ ихъ согласія, вообще же онъ установилъ порядки управленія, соотвѣтствовавшіе быту своего народа (History of Afganistan, by Malleson, 1879, p.p. 276 и слѣд.).

Такъ какъ именно тѣ правительства обладаютъ небольшей прочностью, которыя соотвѣтствуютъ духу, быту и потребностямъ народнымъ, то никакъ нельзя согласиться съ утвержденіемъ, что Ахмедъ-ханъ „образовалъ правительство безъ твердыхъ началъ". Изъ преемниковъ его только тѣ и могли править съ успѣхомъ и доставить своему народу спокойствіе и извѣстную степень благосостоянія, а государству силу и внѣшнюю безопасность, насколько дозволяли обстоятельства, кто, какъ Достъ-Мохаммедъ, Ширъ-Али и Абдэррахманъ, слѣдовали началамъ управленія, принятымъ Ахмедъ-шахомъ. Если за престолонаслѣдіе возникали распри и честолюбивые претенденты возбуждали смуты, то происходитъ это отъ причинъ, которыя никакими „началами" у народовъ, подобныхъ авганскому, при его бытѣ и характерѣ, устранены быть не могутъ, пока не совершится измѣненіе быта и нравовъ.

Народности Авганистана „не соединены узами общей крови, не обладаютъ общими преданіями и стремленіями и не имѣютъ общей имъ всѣмъ исторіи. Современный Афганистанъ является чисто случайною географическою единицею составленною изъ обитателей Средней Азіи, объединенныхъ мечомъ побѣдителей или геніемъ отдѣльныхъ государственныхъ людей, но общая имъ религія и любовь къ независимости являются, однако, достаточно сильною связью различныхъ частей той конфедераціи, во главѣ которой стоитъ Абдуррахманъ-ханъ" (стр. 146). На самомъ дѣлѣ образованіе Авганистана совсѣмъ не случайность, а необходимое и естественное слѣдствіе существованія и роста энергичной и полной силъ авганской народности, которая, послѣ долговременнаго прозябанія въ своемъ горномъ гнѣздѣ, пустила ростки въ окрестныя страны и сдѣлалась въ нихъ господствующею, постепенно впитавъ въ свой составъ значительныя части ихъ разноплеменнаго населенія. Чистыхъ, безпримѣсныхъ народностей теперь на бѣломъ свѣтѣ почти не существуетъ, и смѣшенія, въ большинствѣ случаевъ, не ухудшаютъ расы, а улучшаютъ, восполняя недостатки каждой достоинствами другихъ. Единство народности создается не безпримѣсностью крови, общія капли которой, однако, у смѣшанныхъ народностей становятся гуще и обильнѣе съ каждымъ поколѣніемъ, а единствомъ языка, быта, нравовъ, вѣрованій и т. д. Все это у авганскаго народа есть, а потому совершенно естественно, что въ XVIII вѣкѣ, когда численность ихъ достигла значительнаго размѣра, авганы воспользовались одряхленіемъ, разложеніемъ и безсиліемъ властвовавшихъ надъ ними дотолѣ правительствъ Индіи и Персіи, освободились и даже пытались подчинить оба государства своему господству. Ни численность, ни силы авгановъ не дозволили, однако, имъ удержать владычество надъ Персіею и Индіею, но они прочно утвердились въ части земель, отнятыхъ у болѣе слабой Персіи, и успѣваютъ пока возвращать въ свои руки узбекскія и таджикскія ханства и владѣньица между

Хиндукушемъ съ его западными продолженіями и Аму-дарьею, хотя эти владѣнія неоднократно отлагались вслѣдствіе отсутствія авганскаго населенія на сѣверѣ отъ Хиндукуша.

Въ истекающемъ столѣтіи на судьбы авганскаго народа и Авганистана, не только во внѣшнихъ, но отчасти и во внутреннихъ отношеніяхъ, оказали весьма важныя вліянія соперничество Россіи и Англіи и стремленіе послѣдней, для большей безопасности Индіи отъ русскаго нашествія, подчинить Авганистанъ непосредственной своей власти или по крайней мѣрѣ поставить его въ прочныя вассальныя отношенія. Двѣ предпринятыя Англіею, съ промежуткомъ почти въ 30 лѣтъ, войны одинаково выяснили, что справиться съ войсками авганскаго правительства и занять Кабулъ и Кандахаръ не трудно, но къ удержанію страны въ своей власти представляются весьма большія препятствія, порождаемыя неукротимой враждебностью авганскаго народа къ чужому господству, возстаніями его и затрудненіями продовольствовать войска и поддерживать сообщенія съ Индіею. Трудности удержанія Авганистана въ своей власти вынудили Англію заключить обѣ войны выводомъ войскъ изъ страны и возстановленіемъ независимыхъ во внутреннемъ управленіи эмировъ. Неопровержимый опытъ показалъ также, что только тотъ эмиръ можетъ удержать свой престолъ и власть, который не допускаетъ не только вмѣшательства Англіи во внутреннее управленіе страны, но не дозволяетъ также пребыванія въ Кабулѣ и другихъ городахъ англійскихъ резидентовъ, такъ какъ примѣромъ индійскихъ туземныхъ владѣній авганы убѣждены, что пребываніе резидентовъ неминуемо влечетъ за собою вмѣшательство англичанъ во внутреннее управленіе. Сообразно этому, подчинявшіе внѣшнія отношенія страны усмотрѣнію Англіи Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Ширъ-Али не допускали ни вмѣшательства Англіи во внутреннія дѣла, ни англійскихъ резидентовъ. Принятіе Якубъ-ханомъ въ 1879 г. резидента въ Кабулъ имѣло послѣдствіями убіеніе возставшими войсками и населеніемъ столицы резидента Каваньяри, возобновленіе войны и потерю эмиромъ престола. Повинуясь опыту, Англія, при возведеніи на престолъ Абдэррахманъ-хана въ 1880 г., отказалась и отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла, и отъ назначенія резидента. Вслѣдствіе этого внутреннія отношенія во владѣніяхъ эмира почти свободны отъ прямыхъ внѣшнихъ вліяній, хотя конечно получаемая эмиромъ субсидія много увеличиваетъ его силу внутри государства.

Въ полномъ и непосредственномъ подчиненіи эмиру и назначаемымъ имъ по усмотрѣнію агентамъ состоятъ, какъ и при его предмѣстникахъ, лишь города и находящіяся въ ихъ окрестностяхъ не-авганскія селенія, а также населеніе авганскаго Туркестана. Авганскія племена сохраняютъ своихъ на-

слѣдственныхъ хановъ и старшинъ и самостоятельное внутреннее управленіе по обычаямъ. Въ такомъ же положеніи находятся племена аймаковъ и хезарейцевъ, изъ которыхъ первые впрочемъ издавна приведены въ тѣсную зависимость отъ губернатора Херата. Хезарейцы, напротивъ, всегда отличались непокорностью, и взиманіе налоговъ производилось съ нихъ весьма часто лишь при помощи военной силы.

У г. Б-ича, слѣдующаго Симону, находимъ: „Политически Авганистанъ раздѣленъ на 9 провинцій, административно соединенныхъ въ слѣдующія пять губерній, отчасти прямо подчиненныхъ эмиру, отчасти полунезависимыхъ (у Симона, p. 100, 5 gouvernements, soumis à l'émir de Caboul ou bien semi - independants): 1) „Кабулистанъ—занимающая территорію Кабула и Кафиристана; 2) Гезаръ“, т. е. Хезареджатъ, страна хезарейцевъ; 3) „Хорассанъ—состоящая изъ Кандагарской и Гератской провинцій; 4) Туркестанъ“, и 5) „Саистанъ. Провинціи подраздѣлены на округи, называемые заесъ, а послѣдніе—на племена и хайлы (кланы), живущіе въ вѣчной враждѣ и кровавыхъ спорахъ“ (стр. 136). Эмиръ, „пользуясь неограниченною властію въ областяхъ находящихся подъ его непосредственнымъ управленіемъ (Кабулистанъ), руководитъ другими улусами и ханствами не умаляя авторитета ихъ собственныхъ управленій. Что же касается территоріальнаго подраздѣленія, то во главѣ каждаго заеса находится хакемъ (статскій начальникъ); правосудіе же, полиція и военныя силы находятся въ рукахъ сердаря, или военнаго начальника“ (стр. 138).

О „политическомъ“ дѣленіи Авганистана на девять провинцій и объ „административномъ“ соединеніи ихъ въ пять губерній я не встрѣчалъ ни свѣдѣній, ни упоминаній ни у одного компетентнаго писателя и потому полагаю, что эти дѣленія и соединеніе суть лишь собственныя догадки, соображенія или недоразумѣнія Симона или столь же мало, какъ онъ, компетентнаго источника. Конечно, вслѣдствіе географическихъ, топографическихъ, этническихъ, экономическихъ и историческихъ причинъ, въ Авганистанѣ существуютъ области или провинціи, центры и границы которыхъ остаются почти неизмѣнными, каковы бы ни были административныя и даже политическія дѣленія и обстоятельства. Такія провинціи составляютъ: 1) Кабулъ, 2) Кандахаръ, 3) Хератъ, съ принадлежащими къ нимъ округами, и 4) Туркестанъ съ Бадахшаномъ. Только эти области имѣютъ значеніе провинцій или губерній, ибо всегда существуютъ въ качествѣ и административныхъ подраздѣленій, между которыми распредѣляется вся территорія Авганистана. Вопреки Симону, Кандахаръ и Хератъ никогда не составляли одной области или губерніи и всегда имѣли особаго начальника или губернатора, подчинявшагося непосредственно эмиру. Напротивъ Сеистанъ (нѣсколько деревень и нѣсколько

небольшихъ родовъ дураніевъ и белучжей) всегда подчиняется губернатору Кандахара, иногда Херата, а Хезареджатъ состоитъ въ вѣдѣніи то Херата, то Кабула. Четыре области или провинціи состоятъ изъ округовъ или дѣленій двухъ родовъ, отличающихся по населенію и управленію. Перваго рода округа состоятъ изъ деревень и городковъ, населенныхъ главнымъ образомъ не авганами и не кочевниками и находящихся по управленію и платежу податей и отправленію повинностей въ полной зависимости отъ правителя области, который назначаетъ или утверждаетъ всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ. Второго рода округа состоятъ изъ племенъ и вѣтвей авганскихъ, хезарейскихъ и аймакскихъ, которыхъ управленіе принадлежитъ ихъ наслѣдственнымъ ханамъ и старѣйшинамъ. Чтобы округа именовались „заесъ“ (у Симона zaes, у Нила Бронского, по опискѣ или опечаткѣ, з а с с ъ), этого нигдѣ кромѣ названныхъ Симона, Б-ича и Бронского не встрѣчалъ и увѣренъ, что тутъ какое нибудь недоразумѣніе со стороны Симона или его неизвѣстнаго источника.

Хотя свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ Авганистана, а также о поземельномъ строѣ, о налогахъ и доходахъ государства вообще и теперь довольно скудны, а въ то время, когда писалъ Симонъ, въ 1885 г., въ началѣ эмирствованія Абдэррахманъ-хана, были еще менѣе обильны и точны, однако все это не оправдываетъ неудовлетворительности однихъ изъ этихъ свѣдѣній и отсутствія остальныхъ въ очеркѣ г. Б-ича, который могъ найти ихъ даже въ лучшихъ словаряхъ, не говоря уже о другихъ источникахъ послѣднихъ лѣтъ.

Не лучше и свѣдѣнія о вооруженныхъ силахъ Авганистана. „Регулярная армія подраздѣляется на три категоріи: дѣйствующая армія, резервъ (дефтери) и территоріальная армія (улуси)“ (стр. 148). Такъ какъ вслѣдъ за этимъ пояснено, что территоріальная армія есть „ополченіе“, численность котораго равняется „десятой части здороваго мужскаго населенія страны“, т. е. это поголовное ополченіе всего могущаго носить оружіе населенія, то непонятно—какимъ образомъ такое ополченіе можетъ составлять одну изъ категорій регулярной арміи, ибо регулярная армія и ополченіе вещи совершенно разныя. Въ регулярной арміи состоитъ около 60 т. ч. изъ вольноопредѣляющихся всѣхъ народностей, главнымъ же образомъ „изъ взятыхъ по набору обитателей Кандагара, Герата и Кабула и ихъ округовъ“. Полки, эскадроны и батареи регулярной арміи „въ случаѣ войны, могутъ быть усилены значительными резервами“, ибо численность резервныхъ доходитъ до 100 т. ч. „Если разсчитывать, что улусы могутъ, какъ то показалъ 1838 годъ, выставить въ поле десятую часть мужскаго населенія, то въ случаѣ джехада ... авганскія силы будутъ состоять изъ 700 тысячъ человѣкъ“. Такъ какъ

регулярная армія вмѣстѣ съ резервами составляетъ 160 т., то ополченіе должно дать 540 т. ч. Мы уже видѣли, что всѣхъ авгановъ,—считая и неподвластныя эмиру, состоящія подъ контролемъ Англіи восточныя племена,—слѣдуетъ полагать около $3^{1}/_{2}$ милліоновъ душъ обоего пола; съ добавленіемъ около 3 м. душъ остальныхъ народностей, обитающихъ на земляхъ, подвластныхъ авганамъ, все населеніе авганскихъ земель составитъ $6^{1}/_{2}$ м. душъ обоего пола; мужское населеніе, т. е. около половины этой цифры, будетъ равняться 3.250.000 ч., десятою же частью послѣдней цифры является 325.000 ч., а не 540.000 ч., какъ ошибочно представилось нашему автору. У Симона нормою для разсчета принята была не десятая мужского, а восьмая часть всего населенія: „Если считать, что въ ополченіе (ouloussi) станетъ, какъ показали событія 1838 года, одна восьмая часть всего населенія Авганистана, то, въ случаѣ джихада, дѣйствующія авганскія силы слѣдуетъ оцѣнять въ цифру до 700.000 человѣкъ“ (p. 118). Но восьмая часть всего населенія или четвертая мужского дастъ 812.500 ч. Ссылка Симона на событія 1838 года совершенно неудачна, потому что собственно въ 1838 г. никакихъ военныхъ дѣйствій не происходило (если не имѣть въ виду войны Персіи съ владѣльцемъ Херата) и война съ Англіею фактически началась лишь въ 1839 году. Въ этой войнѣ ни всѣ восточныя племена, ни Хератъ, ни хезарейцы никакого участія не принимали, Бадахшанъ и Туркестанъ остались въ сторонѣ отъ нея, въ кабульской же области, гдѣ и сосредоточивались военныя дѣйствія, англійскимъ войскамъ не приходилось имѣть дѣлъ съ массами ополченцевъ болѣе, чѣмъ въ 15—20 т. ч. Во всякомъ случаѣ, и тутъ общая цифра ополченцевъ осталась неизвѣстною, такъ что никакихъ данныхъ для опредѣленія, какую часть населенія они составили, не существуетъ. Англо-индійскіе дѣятели и генералы обыкновенно полагаютъ, что восточныя племена могутъ выставить въ общей сложности до 200 т. воиновъ. Повидимому эта цифра близка къ дѣйствительности. Если, сообразуясь съ нею, принять, что населеніе владѣній эмира въ состояніи выставить 300 т. ополченія и 150-тысячную регулярную армію (со включеніемъ резервныхъ), то общая цифра всѣхъ авганскихъ вооруженныхъ силъ составитъ 650 т. ч., т. е. какъ разъ десятую часть населенія, и эта цифра тѣмъ болѣе вѣроятна, что нѣкоторое превышеніе нормы у воинственныхъ авганъ едва вознаградитъ дефицитъ со стороны не-авганскаго населенія.

Обученіе и „внутренняя организація регулярной афганской арміи представляетъ почти копію съ таковой же арміи индійской, инструкторами же были до сихъ поръ частію офицеры и унтеръ-офицеры Англичане, частію же туземцы служившіе въ англо-индійской арміи“ (стр. 148, p. 118). Пѣхота и кавалерія имѣютъ магазинки, артиллерія состоитъ изъ орудій „послѣднихъ евро-

пейскихъ образцовъ". „Довести до такого состоянія армію почти въ 60 тысячъ (кромѣ упомянутыхъ резервовъ) Абдуррахманъ-хану удалось лишь благодаря Англичанамъ видѣвшимъ въ арміи эмира авангардъ индійской арміи при русскомъ нашествіи. Нынѣ эта ихъ жестокая ошибка ими же сознается, но поздно..." (стр. 149). Можетъ быть, и есть оплакивающіе „жестокую ошибку" англичане, но люди свѣдущіе смотрятъ на дѣло иначе и притомъ совершенно правильно. И эмиръ Ширъ-Али-ханъ имѣлъ 60 т. войска, обученнаго по англо-индійскимъ уставамъ и очень не дурно вооруженнаго, съ хорошею артиллеріею. Арміи Абдэррахманъ-хана не достаетъ, по отзывамъ англійскихъ членовъ разграничительной комиссіи 1885—1887 г.г., того же, чего не доставало главнымъ образомъ арміи Ширъ-Али-хана: европейскихъ офицеровъ (см., напр., Northern Afghanistan, by major Yate, London, 1888, p.p. 367, 368). Въ случаѣ вѣрности Абдэррахманъ-хана, въ войнѣ съ Россіею, авганскія войска, обученныя одинаково съ англо-индійскими, получатъ британскихъ офицеровъ, владѣющихъ авганскимъ языкомъ (знаніе его обязательно для службы въ войскахъ сѣверо-западной границы), и въ состояніи будутъ противостоять лучшимъ европейскимъ войскамъ. Напротивъ, въ случаѣ войны противъ Англіи, авганскія войска, безъ европейскихъ офицеровъ, говорящихъ по-авгански и знающихъ англо-индійскіе воинскіе уставы, будутъ столь же безсильны, какъ оказались войска Ширъ-Али-хана. Сверхъ того, авганскія войска и ополченія не въ состояніи бороться съ арміями европейскаго противника въ правильной войнѣ по той причинѣ, что бѣдность страны продуктами продовольствія и средствами перевозокъ не дозволяетъ сосредоточивать значительныхъ массъ не только ополченія, но и регулярной арміи. Самое выставленіе ополченія возможно въ столь значительныхъ размѣрахъ, какіе выше приняты, лишь при условіи нахожденія ополченцевъ вблизи ихъ жилищъ и полученія ими продовольствія изъ домовъ своихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ единственною разумною системою войны для авганскихъ военныхъ силъ можетъ быть признана лишь партизанская, при которой ополченіе, пользуясь знаніемъ мѣстности, можетъ, не безуспѣшно и причиняя большой уронъ, задерживать движенія наступающаго противника, а главное нападать на его обозы и прерывать сообщенія, вызывая раздробленіе силъ и случаи истреблять мелкія части.

По свѣдѣніямъ Симона, источникъ которыхъ не указанъ, но которыя повторяются нашимъ авторомъ, Абдэррахманъ-ханъ пытался убѣдить племена дураніевъ и шинвари „держать, по примѣру Бадахшана и Вахана, автономныя войска на которыя эмиръ могъ бы опереться въ случаѣ необходимости. Мы не наемники и не будемъ ими—отвѣчали приглашенные въ Кабулъ делегаты" (стр. 150). Весьма сомнительно все это, потому что „автономныя войска" опасны для власти эмира надъ землями и племенами, гдѣ заведутся,

какъ это показывалъ примѣръ Бадахшана не разъ. „Въ 1895 году Абдрахманъ-ханъ затѣялъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ введеніе въ Афганистанѣ всеобщей воинской повинности, для обсужденія чего созвалъ въ Кабулъ всѣхъ хановъ улусовъ. Протесты оказались столь рѣшительными и твердыми, что эмиру не оставалось ничего другого какъ, по афганскому выраженію, „оставить отдыхать спящихъ собакъ“ (стр. 150). Я не знаю, откуда все это взялъ г. Б-ичъ, но „афганское выраженіе“ приводилось Симономъ въ 1885 году (р. 121): „Абдрахманъ-ханъ пытался въ послѣднее время ввести въ независимыхъ ханствахъ ту повинность, которую несутъ уже ханства Бадахшанъ и Ваханъ, которыя имѣютъ особыя мѣстныя войска, обязанныя однако выступать въ походъ каждый разъ, какъ потребуетъ эмиръ. Но опытъ скоро показалъ, что въ настоящее время, какъ и прежде, сдѣлать изъ всѣхъ авгановъ наемниковъ невозможно. Шинваріи и дураніи дали по этому поводу убѣдительныя доказательства своей рѣшимости не принимать никакого ига, и эмиръ, несмотря на свои деспотическія наклонности, вынужденъ былъ оставить, по авганскому выраженію, reposer les chiens qui dorment».

VI. Эмиръ и англо-авганскія отношенія.

Авторъ разбираемой статьи „Афганистанъ и его эмиръ“, намѣчая ея задачи, собирался, кромѣ очерка Авганистана, дать „характеристику“ его эмира. Слѣдовало поэтому ожидать, что въ статьѣ будутъ помѣщены важнѣйшія біографическія данныя объ эмирѣ Абдэррахманъ-ханѣ и изложены главныя событія его жизни и характерныя черты его дѣятельности, въ связи съ тѣми задачами, которыя ставили правителю Авганистана внутреннія и внѣшнія политическія отношенія. Ожиданія эти не оправданы. Вмѣсто обѣщанной характеристики, у г. Б-ича читаемъ: „Намъ остается сказать нѣсколько словъ о самомъ повелителѣ Афганистана, эмирѣ Абдрахманъ-ханѣ, для чего мы воспользуемся трудомъ послѣдняго Европейца бывшаго и описавшаго свое пребываніе въ Кабулѣ... г. Керзона, добавивъ кое-что изъ извѣстной работы Дарместетера“ (стр. 104). Какое именно сочиненіе французскаго оріенталиста Дарместетера имѣлъ въ виду нашъ авторъ,—онъ не указалъ. Извѣстной ученой „работой“ Дарместетера, относящейся къ Авганистану и авганамъ, можно правильно назвать только Chants populaires des Afghans, Paris, 1888—1890, но книга эта г. Б-ичу неизвѣстна, какъ видѣли мы по его весьма неудовлетворительнымъ свѣдѣніямъ объ авганскомъ языкѣ. Другимъ сочиненіемъ того же умершаго уже четыре года тому назадъ ученаго, имѣвшимъ отношеніе въ авганамъ, были Lettres sur l'Inde. A la frontière afghane, Paris, 1888; это наброски, замѣтки и впечатлѣнія изъ поѣздки въ Индію

и на авганскую границу, предназначенныя для большой публики, живо написанныя и не претендующія на научное значеніе. Вѣроятно г. Б-ичъ имѣетъ въ виду именно эту книжку Дармстетера.

Джорджъ Керзонъ (George Curzon), сынъ лорда Scarsdale, выступилъ на поприще политической дѣятельности въ 1885 году, въ качествѣ секретаря лорда Солсбери; въ 1886 году онъ былъ избранъ въ члены палаты общинъ и вскорѣ сдѣлался вліятельнымъ дѣятелемъ партіи тори и ея министерствъ; въ нынѣшнемъ году, не достигши еще сорока-лѣтняго возраста, онъ назначенъ на постъ вице-короля Индіи. Избравъ спеціальностью азіатскую политику Англіи, онъ, для ознакомленія съ ея предметами на мѣстахъ, совершилъ нѣсколько путешествій въ Индію, лично ознакомился съ значительною частію Персіи и наконецъ осенью и зимою 1894 года совершилъ поѣздки на Памиры и затѣмъ въ Кабулъ. Книжка Керзона, которою пользовался нашъ авторъ, есть содержащее краткій отчетъ о поѣздѣ въ Кабулъ сообщеніе, прочитанное 10 мая 1895 года въ Royal Institution of Great Britain. Все существенное и имѣющее значеніе для уясненія политики эмира и его характеристики изъ взятаго г. Б-ичемъ у Керзона заключается въ слѣдующемъ: „Я смотрю на эмира Абдурахманъ-хана какъ на твердо убѣжденнаго и вѣрнаго союзника великобританскаго правительства. Хотя и часто случались у него несогласія съ индійскимъ управленіемъ, бывали даже моменты когда отношенія между ними были натянуты, но я не думаю чтобы общій ходъ имперской политики могъ когда либо поколебать его вѣрность. Онъ знаетъ что мы не замышляемъ, да и не желаемъ присоединять къ себѣ его владѣнія. Онъ смотритъ на насъ какъ на единственную опору цѣлости его территоріи и сохраненія свободы Афганистана. Какъ независимый государь, онъ, ради подданныхъ своихъ, долженъ играть въ независимость, чѣмъ нѣсколько и раздражается нашъ офиціальный міръ, но въ критическую минуту онъ непремѣнно обратится за совѣтомъ къ Англіи и бросится въ ея объятія. Какъ одно изъ доказательствъ этого, я могу привести настоятельное желаніе непремѣнно пріѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ (1895 г.) въ Англію... Если же онъ не могъ исполнить своего желанія и послалъ вмѣсто себя своего младшаго сына, то это отнюдь не вслѣдствіе нѣкоторыхъ безпорядковъ въ странѣ, а просто благодаря состоянію своего здоровія, при которомъ онъ не считалъ себя въ правѣ уѣхать изъ Афганистана“ (стр. 105 и 106). Тутъ г. Б-ичъ замѣчаетъ отъ себя: „Дальнѣйшія обстоятельства показали что въ этомъ отношеніи англійскій дипломатъ жестоко ошибся: восточный перехитрилъ его. Весною 1895 г. здоровье эмира было несравненно лучше чѣмъ во время визита г. Керзона, миссія котораго и заключалась въ томъ чтобы во что бы то ни стало добиться отъ эмира его путе-

шествія. Восточный дипломатъ прекрасно зналъ что онъ нуженъ Англичанамъ въ Лондонѣ лишь для манифестаціи въ пику Россіи, но другъ Англіи благоразумно не пожелалъ быть непріятнымъ и своему сѣверному сосѣду" (стр. 106 и 107). Мы обсудимъ ниже, на основаніи дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ и не несообщенныхъ читателямъ обстоятельствъ, кто ошибался, Керзонъ или нашъ авторъ.

„Эмиръ съ твердостью заявилъ мнѣ что считаетъ Англію и Афганистанъ членами одной семьи, и это убѣжденіе, хотя принадлежащее пока только правителю, сравнительно съ его подданными ушедшему впередъ на цѣлыя поколѣнія,—можетъ проникнуть и въ прочіе умы населенія". По этому поводу г. Б-ичъ,—такъ мѣстами переводящій Керзона, что не легко догадаться объ истинной рѣчи послѣдняго,—приводитъ, по воспоминаніямъ лорда Робертса, заявленіе эмира на свиданіи съ вице-королемъ въ Реваль-Пинди: „Лично я сторонникъ тѣснаго союза въ Англіей, но... подданные мои не раздѣляютъ моихъ мнѣній и симпатій... Это грубые люди, невоспитанные и подозрительные". „Что это была фраза восточнаго дипломата и патентованнаго стилиста,—пишетъ самъ г. Б-ичъ,—видно изъ настоящихъ событій, ибо отъ одного слова эмира зависитъ прекращеніе войны на сѣверо-западной границѣ Индіи. Увѣряя Англію въ дружбѣ, эмиръ слова этого не произноситъ" (стр. 108). На самомъ дѣлѣ, въ „настоящее" время, т. е. въ августѣ и сентябрѣ 1898 г., когда обращался г. Б-ичъ къ читателямъ „Русскаго Вѣстника", никакой войны на сѣверо-западной границѣ Индіи нѣтъ, и мы увидимъ, что эмиръ словомъ и дѣломъ выказалъ себя вѣрнымъ другомъ Англіи во время происходившихъ, съ конца іюля 1897 года до начала 1898 года, между нею и пограничными племенами столкновеній, которыя къ концу марта завершились покорностью наиболѣе упорствовавшихъ горцевъ, и установленіемъ на всей сѣверо-западной границѣ Индіи спокойствія, съ того времени не нарушавшагося.

Относительно внутреннихъ отношеній приводится изъ Керзона объ эмирѣ: „Ему приходилось управлять твердою рукою, которую не достаточно назвать желѣзною. Я не могу представить себѣ чтобы въ цѣломъ мірѣ нашелся государь котораго его народъ боялся бы съ такимъ основаніемъ какъ боится Абдурахманъ-хана его народъ". Здѣсь г. Б-ичъ замѣчаетъ: „Дарместетеръ первыя недѣли своего пребыванія въ Кабулѣ возмущался жестокостію эмира, но, пишетъ онъ, „по мѣрѣ того какъ проходило время я убѣдился что смотрѣть на поведеніе азіятскаго правителя буйной націи съ точки зрѣнія западной цивилизаціи XIX вѣка—значитъ совершать не только ошибку, но и несправедливость"" (стр. 107). Ограничимся пока указаніемъ на странное недоразумѣніе г. Б-ича или его источника, если онъ цитируетъ съ чужихъ

словъ: французскій оріенталистъ въ Кабулѣ и вообще въ предѣлахъ земель эмира никогда не бывалъ; онъ посѣтилъ только часть британскихъ владѣній, граничащихъ съ Авганистаномъ, какъ видно и изъ подзаглавія его книги, выше приведеннаго,—„На афганской границѣ“.

Я уже приводилъ изъ предисловія статьи г. Б-ича, что его интересуютъ вопросы: кто виноватъ въ возстаніи племенъ противъ Англіи въ 1897 году, участвовалъ ли въ этомъ возстаніи прямо или косвенно эмиръ, каковы отношенія эмира къ Россіи и Англіи. Вмѣсто обстоятельнаго рѣшенія этихъ вопросовъ авторъ нашъ ограничивается разбросанными въ разныхъ статьяхъ статьи случайными замѣчаніями и намеками. Если по возможности собрать ихъ, то оказывается:

1) Причиною возстанія 1897 года, согласно съ мнѣніемъ неизвѣстныхъ „здраво смотрящихъ на вещи Англичанъ“, были захваты Англіею „путемъ обмана“ земель пограничныхъ племенъ и покушенія на ихъ независимость (стр. 129).

2) Такъ какъ Англія нанесла эмиру „въ послѣдніе годы цѣлый рядъ оскорбленій“, то „возмущеніе эмира противъ его покровителей и друзей было бы актомъ естественнымъ“ (стр. 130); если же сообразить, что эмиру, оружейные заводы котораго производятъ 15 ружей и 20 т. патроновъ въ день, „было чѣмъ снабдить десятки тысячъ Афридиссовъ, Оракзаисовъ, Момаидовъ, Мумаидовъ и пр.“ (стр. 150), и что хотя „отъ одного слова эмира зависитъ прекращеніе войны“, но онъ „слова этого не произноситъ“, коварно „увѣряя Англію въ дружбѣ“ (стр. 108), то повидимому несомнѣнно, что авторъ нашъ склоненъ къ мнѣнію, что подъ вліяніемъ „цѣлаго ряда оскорбленій“ эмиръ не чуждъ возбужденію племенъ къ возстанію и снабжалъ ихъ оружіемъ. Указать—въ чемъ именно состоялъ „цѣлый рядъ оскорбленій“, возбудившихъ эмира противъ Англіи, г. Б—ичъ не позаботился, но этотъ пропускъ, зная отношенія статьи его къ писаніямъ Нила Бронского подъ тѣмъ же заглавіемъ, можно восполнить при помощи послѣднихъ: „Въ послѣдніе годы эмиръ видитъ въ себѣ жертву преднамѣренныхъ оскорбленій. Лордъ Лэнсдоунъ, дебютируя въ качествѣ вице-короля, счелъ долгомъ протестовать передъ эмиромъ противъ варварскихъ его наказаній, но наказанія эти для Афганистана совсѣмъ не варварскія, а составляютъ единственное средство для укрѣпленія трона эмира“. Эмиръ обидѣлся, и „когда правительство Индіи пригласило его на дурбаръ, приглашеніе было принято съ обдуманной грубостью“. Чтобы не возвращаться потомъ къ этому предмету, приходится сказать, что приглашеніе на дурбаръ и грубость въ отвѣтъ эмира есть чей-то вымыселъ, такъ какъ ничего подобнаго не знаютъ компетентные писатели, какъ Wheeler и др. „Тогда индійское правительство рѣшило послать доктора

Робертсона *) для улаженія все увеличивавшихся затрудненій, но эмиръ, согласившись въ принципѣ на принятіе миссіи, разошелся съ правительствомъ въ опредѣленіи численности эскорта... и не назначалъ дня для пріема миссіи, которая и не состоялась. Положеніе дѣлъ, казалось, не имѣло исхода, какъ вдругъ, благодаря совѣту мистера Пайна, эмиръ заявилъ, что если его здоровье не позволяетъ ему посѣтить Индію и вице-короля, то за то онъ отправится въ Англію". Результатомъ будто-бы этого заявленія были „миссія сэра М. Дагоранда и приглашеніе королевы посѣтить Англію (миссія Керзона)". Упомянувъ затѣмъ о брошюрѣ The Afghan Alliance нѣкоего Kay Robinson, котораго, почему-то, считаетъ очень компетентнымъ человѣкомъ и у котораго, повидимому, болѣе или менѣе почерпнулъ свои свѣдѣнія объ „оскорбленіяхъ", Нилъ Бронской продолжалъ: „Оскорбленія, о которыхъ онъ говоритъ, дошли въ послѣднее время до своего апогея, чаша эмира переполнилась и... по всей афганской границѣ возстали племена потанскаго и афганскаго происхожденія, изъ коихъ послѣднія (афридиссы и окариссы) всегда признавали надъ собою власть эмира, а не Англіи... Эмиръ... по послѣднимъ извѣстіямъ дѣятельно собираетъ въ Кабулъ со всѣхъ сторонъ Афганистана муллъ съ цѣлію объявить джехадъ..." („Міровые Отголоски", 28 августа 1897 года, № 237). Ниже мы укажемъ, что происходило въ дѣйствительности вмѣсто фантазій корреспондента „Міровыхъ Отголосковъ", теперь же предупредимъ, что М. Дагорандомъ названъ у Нила Бронского сэръ Мортимеръ Дьюрандъ, а „окариссами" оракзіи или „оракзаиссы" г. Б-ича.

3) „Возмущеніе эмира противъ его покровителей и друзей", т. е. противъ Англіи, г. Б-ичъ находитъ не только „актомъ естественнымъ", но „при настоящихъ обстоятельствахъ вполнѣ возможнымъ" (стр. 130). Какія это обстоятельства—авторомъ не выяснено, но „главныя массы" войскъ эмира, которыя ранѣе „были сосредоточены болѣе на нашей, чѣмъ на индійской границѣ, теперь... частію передвинуты, частію передвигаются на южную и восточную границы, благодаря перемѣнѣ курса политики эмира и улучшенію его отношеній съ Россіей позволившихъ ему исполнить это передвиженіе" (стр. 147 и 148). Кажется, всего этого нельзя понять иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что доведенный до крайности оскорбленіями Англіи эмиръ вошелъ въ какое-то соглашеніе съ Россіей и передвинулъ „массы" своихъ войскъ на англо-индійскую границу, дабы оказать помощь уже открывшимъ военныя дѣйствія пограничнымъ племенамъ, которыя онъ подстрекнулъ къ войнѣ и снабдилъ оружіемъ.

*) Въ доктора Робертсона Нилъ Бронской умудрился превратить, какъ увидимъ главнокомандующаго англо-индійской арміей генерала Робертса.

Обращаясь къ разсмотрѣнію приведенныхъ свѣдѣній и мнѣній г. Б-ича, припомнимъ, что съ независимыми отъ эмировъ или мало имъ подчинявшимися, занимающими Сулеймановскую горную систему и южные отроги Хиндукуша противъ низовьевъ Кабулъ-дарьи, восточными авганскими племенами Англія вошла въ соприкосновеніе съ 1849 года, по завоеваніи Пенджаба у сейковъ, унаслѣдовавъ и границы владѣній сейковъ съ землями означенныхъ племенъ. Отношенія къ этимъ племенамъ въ продолженіе истекшихъ пятидесяти лѣтъ не переставали составлять одну изъ труднѣйшихъ задачъ англо-индійской политики, оставшуюся, однако, не разрѣшенною. Конечно, отношенія Англіи къ пограничнымъ племенамъ находятся въ связи съ ея отношеніями къ Авганистану и имѣютъ общимъ источникомъ и цѣлью оборону Индіи отъ Россіи. Отказавшись отъ обладанія Авганистаномъ и возведя въ 1880 году на престолъ Кабула Абдэррахманъ-хана, на условіи подчиненія ей внѣшнихъ отношеній его страны, Англія оставила, однако, за собою пріобрѣтенныя по гандамакскому договору 1879 года отъ эмира Якубъ-хана главныя долины Сулеймановыхъ горъ, съ ведущими въ Индію изъ Авганистана путями и перевалами, и „контроль“ надъ окрестными горными племенами, съ тою цѣлію, чтобы, усиливъ естественныя затрудненія для движеній вражескихъ силъ чрезъ Сулеймановы хребты искусственными укрѣпленіями, сдѣлать изъ пограничной горной страны главную преграду русскому нашествію, на случай неуспѣшности военныхъ дѣйствій на сѣверныхъ границахъ Авганистана или въ предѣлахъ его, а также на случай перехода Авганистана на сторону Россіи. Для достиженія цѣли было бы, разумѣется, всего лучше, если бы Англія фактически обладала страною и управляла населеніемъ. Къ этому естественно и стремится англо-индійская политика, но воинственность, свободолюбіе и враждебность всякой, особенно же чуждой, власти восточныхъ авганскихъ племенъ представляли столь большія препятствія, что Англія рѣшила признавать независимость племенъ и не вмѣшиваться въ ихъ внутреннее управленіе и отношенія, не допуская, однако, связей ни съ эмиромъ, ни тѣмъ болѣе съ Россіею, не отказывая себѣ, въ случаѣ надобности, по стратегическимъ соображеніямъ, завладѣвать нужными дорогами и пунктами, съ согласія племенъ или силою, и намѣреваясь подчинить своей власти и управленію всѣ племена постепенно, при помощи политическихъ мѣропріятій и вліянія. Благодаря щедрымъ субсидіямъ, во время войны 1878—1880 гг., пограничныя племена держали себя нейтрально. По окончаніи ея, британскій агентъ для Белучжистана и юго-восточной части авганскихъ племенъ сэръ Робертъ Сендеманъ, во время войны умостившій—по выраженію Раверти—дорогу отъ Инда до Кандахара золотомъ, приступилъ къ подчиненію юго-восточныхъ авганскихъ племенъ англійской власти и управленію.

Вслѣдствіе преобладанія у какеровъ и другихъ юго-восточныхъ племенъ наслѣдственно-ханской власти дѣятельность Сендемана, располагавшаго, особенно послѣ покоренія Россіею Туркменіи, а затѣмъ послѣ подчиненія Мерва и столкновеній на авганской границѣ, обильными средствами, была успѣшна и въ 1887 году изъ земель племенъ, въ которыхъ введено имъ англійское управленіе, съ сохраненіемъ власти хановъ и суда по обычаямъ, образована особая провинція Индіи подъ названіемъ Британскаго Белучжистана. Но попытки дальнѣйшаго распространенія англійскаго управленія на сѣверъ, среди свободолюбивыхъ, съ демократическо-родовымъ самоуправленіемъ, керларнійскихъ племенъ встрѣтили большія препятствія. Сендеманъ находилъ и здѣсь меликовъ, призывающихъ англійскія деньги и военныя силы для своего обогащенія и пріобрѣтенія деспотической власти надъ общинами, но народная масса относилась враждебно, встрѣчала англійскихъ агентовъ и войска съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1888—1891 гг. Сендеманъ успѣлъ еще подчинить англійскому управленію Сивистанъ (долины Зхоба, Бори и Барханъ), но только при помощи ежегодно высылавшихся военныхъ отрядовъ, которые первые года достигнуть Зхоба не могли, вслѣдствіе вооруженнаго сопротивленія племенъ. Затѣмъ распространеніе британскаго управленія на сѣверъ, уже въ земляхъ воинственныхъ везирей, остановилось. Даже въ долинѣ Зхоба возникли волненія, возбужденіе которыхъ приписывалось отчасти пограничнымъ авганскимъ властямъ.

Признавъ крайне необходимымъ окончательно устранить сношенія эмира съ пограничными племенами и служившую для нихъ предлогомъ неопредѣленность границы, англо-индійское правительство добилось этой цѣли соглашеніемъ Дьюранда 12 ноября 1893 года. Однако, вмѣсто ожидавшагося умиротворенія и подчиненія горцевъ, установленіе въ натурѣ знаковъ на точно опредѣляемой границѣ и устройство постоянныхъ военныхъ стоянокъ въ Вано, въ долинѣ Точи и пр., съ подчиненіемъ районовъ около этихъ пунктовъ британскому управленію, вызвали въ 1894—1897 гг. рядъ вооруженныхъ столкновеній съ везиріями и нѣсколько дорого стоившихъ военныхъ экспедицій. Между тѣмъ читральскій походъ 1895 и послѣдовавшее за нимъ устройство военной дороги для сообщенія Пишавера съ Читралемъ, съ возведеніемъ для ея охраненія укрѣпленій въ Малакандѣ и Чакдере, въ земляхъ юсуфзіевъ, вызвали со стороны сѣверныхъ пограничныхъ племенъ опасенія за свою независимость и неприкосновенность земель. 10 іюня 1897 года ожесточеніе и ненависть къ британской власти и территоріальнымъ захватамъ выразились, неожиданнымъ и для самого мѣстнаго населенія, нападеніемъ его въ деревнѣ Майзаръ, долины Точи, на англійскій отрядъ, составлявшій конвой мѣстнаго британскаго коммиссара, при чемъ были убиты или ранены всѣ пять офицеровъ отряда и 52 человѣка изъ 300 нижнихъ чиновъ. Снаряже-

ный для отмщенія отрядъ генерала Бирда, изъ 5—6 тыс. человѣкъ, долженъ былъ остаться въ предѣлахъ Везиристана до конца ноября, чтобы, во-первыхъ, вынудить покорность вѣтви маддахель, произведшей нападеніе и удалившейся въ предѣлы владѣній эмира, и, во-вторыхъ, чтобы удержать отъ возстанія остальныхъ везирей, которые иначе послѣдовали бы примѣру юсуфзіевъ и другихъ сѣверныхъ племенъ. Возстаніе послѣднихъ началось, подобнымъ майзарскому, неожиданнымъ взрывомъ въ долинѣ Свата 26 іюля 1897 года и нападеніями внезапно образовавшихся скопищъ горцевъ на укрѣпленія Чакдере и Малаканда. Ночныя и дневныя аттаки противъ этихъ укрѣпленій, съ большими потерями для горцевъ, продолжались до прибытія подкрѣпленій къ 31 іюля и до перехода затѣмъ англичанъ въ наступленіе.

Племена Свата были усмирены въ продолженіе августа, но между тѣмъ въ возстаніи приняли участіе и открыли враждебныя дѣйствія, съ одной стороны, племена Бунира, съ другой—нѣкоторыя племена Баджаура, нижней Пянджкоры и моменды, увлеченные муллою Неджмъ-эддиномъ, въ скопище котораго стеклось много добровольцевъ изъ пограничныхъ владѣній эмира и изъ населенія британской пишаверской долины. Двѣ бригады изъ сватскаго отряда генерала Биндонъ Блуда и двѣ бригады изъ Пишавера подъ начальствомъ генерала Эллиса привели всѣ эти племена къ покорности въ теченіи сентября и части октября, за исключеніемъ бунирскихъ юсуфзіевъ, усмиреніе которыхъ совершено въ январѣ 1898 года. Между тѣмъ въ двадцатыхъ числахъ августа открыли военныя дѣйствія афридіи и оракзіи. Первые 23—25 августа, не безъ нѣкотораго сопротивленія, овладѣли фортами Хайберскаго прохода, гарнизоны которыхъ состояли изъ „хайберскихъ стрѣлковъ“, набранныхъ большею частью изъ племени самихъ же афридіевъ. Оракзіи въ концѣ августа и началѣ сентября дѣлали нападенія на форты въ хребтѣ Самана и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, но большею частію безъуспѣшно. Сформированный противъ афридіевъ и оракзіевъ отрядъ генерала Локхарта, силою до 20 тыс. чел. (не считая всего до 4 тыс. резерва и вспомогательныхъ колоннъ, изъ которыхъ приняла участіе въ войнѣ лишь курамская подвижная колонна численностью до 2.500 чел.), началъ военныя дѣйствія 18 октября. Форсировавъ три горныхъ перевала, войска Локхарта, въ числѣ около 14 тыс. чел., къ 1 ноября достигли котловины Майданъ, центра страны афридіевъ, извѣстной подъ именемъ Тира. Здѣсь Локхартъ обнародовалъ условія, на которыхъ оракзіямъ и афридіямъ могъ быть дарованъ миръ. Оракзіи немедленно ихъ приняли, афридіи же уклонились. Тогда отдѣляемыя изъ отряда колонны постепенно опустошили обработываемыя мѣстности земель афридіевъ, истребляли ихъ жилища, захватывали скотъ и т. д. Между 27 ноября и 6 декабря Локхартъ, съ частью отряда, совершилъ экспедицію

въ долину р. Курманы, соединился съ проникшею туда курамскою колонною и вынудилъ мѣстныя племена чамканніевъ и масузіевъ принести покорность. Такъ какъ афридіи, отправивъ частію свои семьи въ авганскіе предѣлы, частію же укрывая ихъ въ горахъ, не покорялись, продолжая партизанскую войну и дѣйствуя на сообщенія, а между тѣмъ наступили холода и оставлять войска въ Тира долѣе не представлялось возможности, то, отправивъ тяжести обратно прежнимъ путемъ, Локхартъ 7—17 декабря вывелъ свой отрядъ двумя колоннами къ Пишаверу, внизъ по теченію рѣкъ Бара и Мастуры, объявивъ афридіямъ, что въ случаѣ дальнѣйшей непокорности ихъ вернется обратно въ ихъ земли. Въ концѣ декабря часть отряда Локхарта заняла Хайберскій проходъ почти безъ сопротивленія. Наступленіе весны, невозможность засѣва хлѣбовъ въ случаѣ возвращенія англійскихъ войскъ въ Тира, угрожающій вслѣдствіе этого голодъ и конечное раззореніе вынудили, наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, и афридіевъ принести покорность и выполнить поставленныя условія къ началу апрѣля, когда и послѣдовало расформированіе отряда Локхарта.

Въ продолженіе военныхъ дѣйствій 1897 года, принимавшія въ нихъ участіе авганскія горныя племена понесли огромныя потери убитыми и ранеными; большая часть ихъ укрѣпленныхъ башенъ, домовъ и другихъ сенгеровъ (укрѣпленій) уничтожена, множество жилищъ, садовъ и разнаго имущества истреблено; спасаясь отъ непріятельскаго нашествія, семьи ихъ подверглись въ горныхъ убѣжищахъ великимъ бѣдствіямъ, лишеніямъ и болѣзнямъ. Горцы убѣдились, что, благодаря дѣйствію артиллеріи, англичане могутъ овладѣвать всѣми считавшимися непроходимыми ущельями, горами и перевалами, защищать же ихъ, несмотря на все свое мужество и жертвы, племена оказываются не въ состояніи. Понесенные матеріальные ущербы и упадокъ духа, безъ сомнѣнія, лишатъ пограничныя племена на долгое время возможности возобновить борьбу съ Англо-Индіею. Конечно, озлобленіе противъ англичанъ и ненависть къ нимъ крайне возрасли, но потребуется нѣсколько лѣтъ для того, чтобы горцы возстановили разрушенныя жилища и сильно пострадавшее хозяйство, а также для того, чтобы гнетущее впечатлѣніе пораженій, своей слабости и превосходства могущества врага нѣсколько изгладилось *). Съ другой стороны и Англо-Индіи столкновенія съ горцами обош-

*) Приведеніе всѣхъ источниковъ краткаго обзора столкновеній Англіи съ пограничными племенами въ 1897 г. потребовало бы много мѣста. Поэтому ограничусь указаніемъ на главнѣйшій, самый достовѣрный: Military operations on the North-West Frontiers of India, London, 1898. Въ двухъ томахъ этого представленнаго парламенту сборника содержатся телеграммы и различная офиціальная переписка. У насъ имѣется обстоятельная статья г. Г. В. «Очеркъ Тирахской экспедиціи» и пр. въ «Военномъ сборникѣ» 1898 года, августъ, стр. 342—384. Въ наши газеты слишкомъ часто попа-

лись не дешево. Съ 10 іюня 1897 года по 8 марта 1898 года англо-индійскія войска потеряли убитыми и умершими отъ ранъ 506 чел. и ране-

дали невѣрныя или извращенныя свѣдѣнія. Такъ, напр., Нилъ Бронской въ № 260 «Міровыхъ Отголосковъ» (20 сентября 1897 г.) извѣщалъ, что 16 (н. ст., т. е. 2 ст.) сентября генералъ Джеффрей «натолкнулся» на громадное скопище «мумандовъ» «и потерпѣлъ полное пораженіе». «Я нарочно вчера посѣтилъ два клуба... чтобы... посмотрѣть, отразилось ли что нибудь на высокихъ ликахъ»... «Отразилось... лица вытянутыя». Злорадство однако было напрасное, такъ какъ ночное нападеніе на небольшую часть отряда Джеффрея, не успѣвшую соединиться съ главными силами отряда, было все же отражено и никакихъ вліяній на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій не имѣло (см. Military operations, vol. 2, p.p. 14—18). М. В. Венюковъ, въ газетѣ «Кавказъ» 31 октября 1897 г., представлялъ положеніе дѣлъ такъ: «Въ прошломъ іюлѣ (англичанамъ) пришлось потерпѣть пораженіе въ долинѣ Суата; позднѣе смѣлыя нападенія Афридіевъ, Мохмендовъ, Оракзаевъ приблизили театръ военныхъ дѣйствій къ Пешаверу, а тѣмъ англійскимъ войскамъ, которыя проникли было въ Баджауръ на правый берегъ Пянджкоры, приходится опасаться не только пораженія, но и истребленія». Имѣющему 60 т. «Локгарту приходится изворачиваться съ трудомъ и англійское правительство вынуждено было посылать подкрѣпленія изъ Европы».—Даже чуждый англофобства и обыкновенно хорошо освѣдомленный хроникеръ «Русскаго Богатства» С. Н. Южаковъ писалъ ошибочно, что «въ долинѣ Тачи, въ концѣ іюня, былъ аттакованъ и истребленъ»... «летучій отрядъ англійскихъ войскъ, обходившій предгорья Соломонова хребта» (февраль 1898 г., стр. 123); на самомъ дѣлѣ нападеніе было произведено 10 іюня н. ст. въ д. Майзаръ, долины Точи, не на летучій отрядъ и т. д., а на конвой мѣстнаго коммисара Ги въ 300 ч., но конвой этотъ истребленъ не былъ, а только потерялъ 57 ч. убитыми и ранеными, «Осенняя кампанія (генерала Локгарта) была неудачна. Англичане послѣдовательно потеряли всѣ горные форты, которыми владѣли, а успѣхи, одержанные въ открытыхъ сраженіяхъ, не привели къ покорности» (стр. 124); въ дѣйствительности, афридіи овладѣли лишь фортами и постами Хайберскаго прохода, занятыми «хайберскими стрѣлками» изъ туземцевъ, безъ британскихъ офицеровъ, притомъ задолго до начала кампаніи Локгарта, которая именно этими дѣйствіями афридіевъ была вызвана, всѣ же главные форты въ горахъ Самана, занятые регулярными войсками, англичане удержали въ своей власти, отразивъ нападенія оракзіевъ; не покорились осенью лишь афридіи, союзники же ихъ оракзіи не только принесли покорность до выхода Локгарта изъ Тира, но и выполнили всѣ ея условія. «Весною войну придется возобновить съ новыми силами» (тамъ же); на самомъ дѣлѣ весною покорились и афридіи, видя готовность старыхъ силъ возвратиться въ Тира.

Нѣкоторыя русскія, французскія и нѣмецкія газеты,—столько же по нерасположенію къ Англіи, сколько по невѣдѣнію истиннаго положенія дѣлъ на англо-индійской границѣ,—старательно собирали и печатали лѣтомъ и осенью 1898 года всякіе слухи о грабежахъ и убійствахъ на этой границѣ, о раздорахъ дирскаго хана съ сосѣдями и т. под., предвѣщая возобновленіе войны Англіи съ пограничными племенами. Всѣ эти предсказанія не оправдались и не могли оправдаться, потому что ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ горцы могутъ взяться за оружіе лишь въ случаѣ крайней необходимости, будучи вынуждены Англіею, которая совершенно, съ своей стороны, не желаетъ вызывать ихъ къ войнѣ.

ными 1,378 чел. Въ томъ числѣ убито и умерло отъ ранъ англійскихъ офицеровъ 44, нижнихъ чиновъ 136 чел. и ранено офицеровъ 93, англійскихъ нижнихъ чиновъ 404 чел. Для военныхъ дѣйствій противъ горцевъ Англо-Индія должна была выставить одновременно, въ разныхъ отрядахъ, отъ 60 до 70 тыс. чел., т. е. такое число войскъ, которое только и можетъ, при нормальныхъ условіяхъ, выдѣлять вся англо-индійская армія для военныхъ операцій за границею и которое превосходитъ силы, употреблявшіяся въ англо-авганскихъ войнахъ. Огромные расходы, потребовавшіеся для войны, при голодѣ въ Индіи, отразились на финансахъ Индіи чрезвычайно тяжело. Между тѣмъ, хотя враждебнымъ племенамъ нанесены были чувствительныя пораженія, однако слишкомъ суровыя условія мира, въ особенности, напримѣръ, введеніе англійскаго управленія и отчужденіе земель, могли побудить многія племена къ рѣшимости продолжать войну, для которой отъ Англіи потребовались бы тяжкія усилія на неопредѣленно-долгое время, въ продолженіе котораго могли возникнуть столкновенія съ Россіею, легко возможныя по поводу борьбы интересовъ на дальнемъ Востокѣ, и въ такомъ случаѣ враждебныя отношенія населенія сѣверо-западной границы угрожали бы Индіи большими опасностями. Какъ бы то ни было, англійское правительство не пожелало ожесточать горцевъ и возбуждать ихъ къ отчаянному сопротивленію для защиты своихъ земель и самоуправленія. Предложенныя племенамъ условія примиренія однообразно сохраняли имъ независимость и обладаніе ихъ землями; побѣдители ограничились наложеніемъ весьма умѣренныхъ штрафовъ и требованіемъ выдачи нѣкоторой части имѣвшагося у горцевъ оружія, особенно дальнобойныхъ магазинокъ, или ихъ довольно высоко назначенной стоимости. Той же осторожной и миролюбивой политики нынѣшнее министерство намѣрено держаться относительно пограничныхъ племенъ и въ будущемъ. Такія, по крайней мѣрѣ, инструкціи даны лордомъ Хамильтономъ въ упоминавшейся уже депешѣ вице-королю Индіи отъ 28 января 1898 года, и таковы были объясненія правительства въ парламентѣ, въ началѣ весенней сессіи нынѣшняго года.

Для выясненія отношеній эмира къ столкновеніямъ пограничныхъ племенъ съ Англіей необходимо бросить краткій взглядъ на его общее внутреннее и внѣшнее положеніе *). Когда, послѣ отреченія эмира Якубъ-хана отъ престола и высылки его въ Индію, осенью 1879 года, престолъ эмира Авганистана сдѣлался вакантнымъ, то племянникъ Ширъ-Али-хана Абдэррахманъ-ханъ,—

*) Помѣщенныя ниже свѣдѣнія взяты изъ различныхъ источниковъ, но главнѣйшіе факты можно найти въ извѣстной біографіи эмира Абдэррахманъ-хана, изданной Wheeler'омъ (The Ameer Abdur-Rahman, by Stephen Wheeler, London, 1895), замѣчательной какъ по обилію и вѣрности свѣдѣній, такъ и по безпристрастію автора.

поддерживавшій нѣкогда соперника Ширъ-Али, другого своего дядю Азима, вмѣстѣ съ нимъ разбитый въ январѣ 1869 года и проживавшій съ 1870 г. въ Самаркандѣ,—получилъ отъ русскаго правительства разрѣшеніе попытать свое счастіе. Въ началѣ 1880 года онъ появился въ Бадахшанѣ, а въ мартѣ власть его была признаваема уже во всѣхъ авганскихъ владѣніяхъ на сѣверѣ отъ Хиндукуша. Успѣху его способствовало отсутствіе соперниковъ, такъ какъ старшій сынъ Якубъ-хана, провозглашенный эмиромъ вождями ополченій, боровшихся съ англичанами въ Кабульской области, былъ несовершеннолѣтенъ и находился на югѣ отъ Хиндукуша, братъ же Якубъ-хана, Эюбъ-ханъ, вслѣдствіе безпорядковъ между его войсками въ Хератѣ, долго не могъ собраться съ силами и выступить противъ англичанъ къ Кандахару. Окончательно уже рѣшившее, вслѣдствіе трудностей удержать Авганистанъ подъ непосредственной своей властью, передать страну эмиру, котораго излюбитъ населеніе и который согласится подчинить Англіи свои внѣшнія отношенія, англійское правительство поручило завѣдывавшему въ Кабулѣ политическою частію сэру Лепель Гриффину войти съ Абдэррахманъ-ханомъ въ сношенія. Начатые письмомъ Лепель Гриффина отъ 1 апрѣля переговоры шли довольно медленно, такъ какъ Абдэррахманъ-ханъ, находившійся за Хиндукушемъ, не рѣшался дѣйствовать безъ одобренія вождей племенъ и ополченій на югѣ Хиндукуша. Англійскія условія заключались въ томъ, что эмиру Кабула будетъ предоставлено подчинить себѣ Хератъ, но Кандахаръ останется подъ властію особаго правителя, отъ него независимаго и поставленнаго Англіею, и что постановленія гандамакскаго договора о границѣ съ независимыми племенами и „контролѣ“ надъ ними Англіи останутся въ силѣ; эмиръ обязуется не имѣть политическихъ сношеній съ другими государствами, за что Англія будетъ помогать въ защитѣ его владѣнія отъ всякаго невызваннаго нападенія извнѣ; отказываясь отъ всякаго вмѣшательства во внутреннее управленіе владѣній эмира и отъ назначенія въ предѣлы ихъ англійскихъ резидентовъ, Англія предоставляла себѣ содержать въ Кабулѣ агента изъ мусульманъ, для обычныхъ сношеній съ эмиромъ по текущимъ дѣламъ. Принявъ наконецъ предложенныя условія, Абдэррахманъ прибылъ 20 іюля въ Чарикаръ, англійскія же власти собрали въ Кабулѣ подчинявшихся имъ мѣстныхъ сердарей и старѣйшинъ и объявили его эмиромъ. Свидѣвшись затѣмъ съ сэромъ Гриффиномъ, эмиръ совершилъ свой въѣздъ въ Кабулъ лишь послѣ выступленія англійскихъ войскъ, закончившагося 10 августа. Получивъ, съ августа 1880 года до іюля 1881 года, отъ Англіи въ субсидіи всего 3.615.000 рупій, новый эмиръ успѣлъ въ теченіе этого времени прочно утвердиться въ принятыхъ отъ Англіи владѣніяхъ, съ добавленіемъ 15 апрѣля 1881 г. Кандахара, правитель котораго отказался отъ своего поста. 27 іюля

1881 года Эюбъ-ханъ хератскій успѣлъ захватить Кандахаръ, но 22 сентября онъ былъ разбитъ эмиромъ и бѣжалъ въ Персію, такъ какъ въ это же время войска эмира изъ Туркестана заняли Хератъ. Такимъ образомъ, въ концѣ сентября 1881 года Абдэррахманъ-ханъ объединилъ въ своихъ рукахъ весь Авганистанъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣлъ онъ при Достъ-Мохаммедѣ и Ширъ-Али, за исключеніемъ земель, уступленныхъ по гандамакскому договору.

Призваніе Абдэррахманъ-хана на тронъ эмира Авганистана и дальнѣйшая его поддержка были со стороны Англіи правильнымъ и вполнѣ оправдавшимся политическимъ разсчетомъ. Коль скоро Англія рѣшила отказаться отъ непосредственнаго обладанія Авганистаномъ, желая, для противодѣйствія нашествію съ сѣвера, имѣть въ немъ лишь вѣрнаго вассала, пользующагося полной самостоятельностью во внутреннемъ управленіи, то всякій эмиръ, если только онъ человѣкъ умный и энергичный, неминуемо сдѣлается вѣрнымъ слугою ея внѣшней политики, потому что, при признаніи со стороны Россіи Авганистана находящимся въ сферѣ вліянія Англіи, ни одинъ эмиръ не можетъ удержаться на престолѣ не только противъ воли Англіи, но безъ ея субсидій и поддержки внутри государства. Субсидіи крайне нужны были эмиру, по вступленіи на престолъ, для организаціи всѣхъ частей управленія въ странѣ, расшатанной смутами и раззоренной непріятельскимъ нашествіемъ. Безъ денегъ едва-ли бы онъ справился съ Эюбъ-ханомъ, пользовавшимся значительной популярностью въ качествѣ побѣдителя надъ бригадою генерала Борроуза при Мейвандѣ; эмиръ не одержалъ бы, быть можетъ, надъ нимъ побѣды, если бы не имѣлъ денегъ для подкупа части войскъ Эюбъ-хана, измѣнившихъ ему въ критическій моментъ. Безъ англійскихъ денегъ очень трудно было бы Абдэррахманъ-хану удержаться на тронѣ и усмирять многочисленныя возстанія, имѣя противъ себя хановъ и старѣйшинъ могущественнѣйшихъ племенъ, которыхъ независимость онъ прекращалъ или ограничивалъ, приверженцевъ семейства Ширъ-Али, все духовенство и руководимую имъ массу населенія, считающую, вмѣстѣ съ муллами, Абдэррахманъ-хана за невѣрнаго и друга невѣрныхъ. При такомъ положеніи, когда эмиръ, въ сущности, опирается лишь на немногихъ личныхъ приверженцевъ и на армію, вѣрность которой, противъ внутреннихъ, по крайней мѣрѣ, враговъ, весьма, при извѣстныхъ условіяхъ, проблематична, главная поддержка эмира заключается въ силахъ и помощи Англіи. Такъ смотритъ на свое положеніе и самъ эмиръ, потому что, получивъ въ 1888 году извѣстіе о пораженіи своей арміи, посланной для усмиренія возстанія Исхакъ-хана въ Авганскомъ Туркестанѣ, онъ немедленно обратился за помощью къ англо-индійскому правительству: справедливо, при ненависти духовенства, нелюбви народа и враждебности хановъ и сердарей,

считая себя находящимся въ крайней опасности, онъ просилъ вице-короля выслать къ нему на помощь возможно болѣе войскъ, и готовъ былъ даже просить о занятіи британскими войсками Кандахара, если бы не отговорилъ его британскій векиль (агентъ при эмирѣ). Тревога была напрасна и ошибочныя вѣсти о пораженіи его войскъ вскорѣ замѣнились достовѣрными свѣдѣніями о рѣшительномъ пораженіи Исхакъ-хана, едва спасшагося бѣгствомъ въ Бухару. Но приведенный фактъ весьма интересенъ, ибо показываетъ, съ одной стороны, что самъ эмиръ видитъ единственную надежную опору для себя, при крайней опасности, въ помощи Англіи, и что, съ другой стороны, онъ считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на эту помощь, какъ вѣрный другъ и вассалъ. Разсказываютъ, что эмиръ, въ доказательство точнаго исполненія главнаго требованія отъ Авганистана со стороны Англіи, категорически заявлялъ, что у русскихъ властей не найдется отъ него ни одной строчки, написанной по вступленіи на тронъ эмира. Конечно, это—правда, хотя вѣрность эмира въ этомъ отношеніи вѣроятно не подвергалась большимъ искушеніямъ, такъ какъ русскія власти прекратили существовавшія ранѣе письменныя сношенія съ эмирами Авганистана со времени полученнаго еще отъ Якубъ-хана, на поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ, извѣщенія о томъ, что при подчиненіи внѣшнихъ сношеній страны Англіи авганскому эмиру не подобаетъ имѣть непосредственной переписки съ властями другихъ государствъ. Если Абдэррахманъ-ханъ считалъ себя обязаннымъ Россіи благодарностью за одиннадцати-лѣтній пріютъ въ Самаркандѣ, то пораженіе его войскъ на Кушкѣ въ 1885 г. нанесло такой ударъ его самолюбію, какъ государя и авганца, что отъ чувства расположенія къ Россіи, которое онъ, весьма, впрочемъ, умѣренно, выражалъ при первыхъ сношеніяхъ съ сэромъ Лепель Гриффиномъ, не осталось и слѣдовъ. Съ своей стороны Англія скоро стала смотрѣть на утвердившагося на кабульскомъ тронѣ Абдэррахманъ-хана, какъ на полезнаго и надежнаго друга, и уже въ іюнѣ 1883 года, для укрѣпленія взаимныхъ связей, лордъ Рипонъ предложилъ эмиру ежемѣсячную субсидію въ 100 т. рупій (т. е. 1.200.000 рупій въ годъ), „на содержаніе войскъ и оборону сѣверо-западныхъ границъ его владѣній“. Свиданіе съ новымъ вице-королемъ Индіи лордомъ Дюфферинемъ въ Ревалъ-Пинди, въ началѣ апрѣля 1885 г. содѣйствовало окончательному утвержденію союза, которому обѣ стороны и остаются неизмѣнно вѣрными, не смотря на неизбѣжныя, временами, съ той или другой стороны, недоразумѣнія и небольшія неудовольствія, скоро улаживаемыя, такъ какъ союзниковъ связываютъ крѣпкія узы обоюдныхъ интересовъ.

Такъ, устраняясь отъ всякаго вмѣшательства во внутреннее управленіе Авганистана, англо-индійское правительство считало необходимымъ дѣлать эмиру, въ общихъ интересахъ, дружественныя представленія о большей

умѣренности и мягкости наказаній. Первымъ дѣломъ эмира по вступленіи на престолъ было сильнѣйшее гоненіе противъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ его враговъ въ лицѣ пользовавшихся популярностью вождей народныхъ ополченій, боровшихся противъ англичанъ, за опасную для его власти ихъ популярность, противъ приверженцевъ семейства Ширъ-Али-хана, противъ сторонниковъ Англіи, оказавшихъ ей услуги въ Авганистанѣ, и т. д. Множество людей было лишено жизни или свободы и изгнано изъ предѣловъ Авганистана. Въ 1881 г. индійское правительство воздержалось отъ всякихъ вмѣшательствъ по этому поводу, но въ 1882 году, когда власть эмира уже достаточно окрѣпла, вице-король обратился къ нему съ просьбою о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ изгнанныхъ или бѣжавшихъ, находящихся подъ покровительствомъ Англіи за ихъ услуги, лицъ возвратиться въ ихъ отечество. Эмиръ отказалъ наотрѣзъ: «Они никогда не будутъ мнѣ друзьями и я не могу выплачивать имъ по три лака (300 т. рупій) въ годъ. Если британскія власти пришлютъ ихъ ко мнѣ, я уничтожу ихъ всѣхъ». Усмиренія возстаній въ 1881 г. (вардаковъ и кохистанцевъ), въ 1883 г. (шинваріевъ), въ 1886—7 гг. (гильджіевъ, братъ мятежнаго главы которыхъ былъ подвергнутъ жестокимъ истязаніямъ: ему выщипали изъ бороды волосы и лили на голову кипящее масло, пока не замучили до смерти) и особенно въ 1888 г. (возстаніе Исхакъ-хана) сопровождались жестокими казнями и мучительствами. Послѣ пораженія и бѣгства Исхакъ-хана, эмиръ въ ноябрѣ 1888 года отправился на сѣверъ Хиндукуша и пробылъ тамъ до іюня 1890 года, занимаясь казнями. Еще гильджіи обращались къ императрицѣ-королевѣ Викторіи съ просьбою о защитѣ отъ тираніи эмира. Въ 1890 году индійское правительство нашло необходимымъ рекомендовать эмиру большую умѣренность въ производимой имъ въ Туркестанѣ расправѣ, ссылаясь на то, что излишняя жестокость можетъ подать поводъ къ вмѣшательству Россіи. Эмиръ отвѣтилъ, что онъ лучше, чѣмъ индійское правительство, знаетъ нравы своихъ подданныхъ, и что только сообразныя этимъ нравамъ наказанія, имъ примѣняемыя, могутъ упрочить спокойствіе въ его владѣніяхъ и предотвратить возобновленіе смутъ. Конечно, эти и позднѣйшія, по поводу кафировъ, представленія о большей гуманности были не совсѣмъ пріятны эмиру, но такъ какъ дружественные совѣты мотивировались общими интересами, а отклоненіе ихъ эмиромъ не имѣло никакихъ послѣдствій, то нѣтъ основаній полагать, что эмиръ считалъ ихъ для себя какими либо «оскорбленіями», тѣмъ болѣе, что не можетъ же онъ не сознавать, что Англія, къ которой онъ прибѣгаетъ за помощью даже по внутреннимъ дѣламъ, какъ это случилось при полученіи извѣстій о побѣдѣ Исхакъ-хана, не можетъ быть лишена права давать ему дружественные совѣты для пре-

дупрежденія народнаго ожесточенія и возстаній, для усмиренія которыхъ требуются ея силы и средства.

Дармстетеръ, оставляя слишкомъ скоропалительно составленное имъ на основаніи первыхъ слуховъ объ Абдэррахманъ-ханѣ, какъ о жестокомъ тиранѣ, мнѣніе былъ не совсѣмъ неправъ, потому что одна строгость наказаній не лишаетъ азіатскаго властителя популярности, ибо азіатцы привыкли къ примѣненію смертной казни. Однако, мнѣніе Дармстетера объ Абдэррахманъ-ханѣ, какъ объ idéal du justitier asiatique (Chants populaires des Afghans, p. 48), также неосновательно и объясняется недостаточностью свѣдѣній, которыя доходили до него во время кратковременнаго пребыванія въ 1886 году на авганской границѣ, тѣмъ болѣе, что возстаніе гильджіевъ было усмирено черезъ годъ послѣ путешествія Дармстетера въ Индію и на авганскую границу, а возстаніе Исхакъ-хана произошло черезъ два года, и потому онъ не имѣлъ свѣдѣній ни о жестокостяхъ, которыми сопровождались усмиренія, ни о произведенномъ ими на народъ впечатлѣніи. Хотя азіатцы не смущаются казнями преступниковъ и мятежниковъ, однако и на востокѣ всему есть мѣра, положимъ, отличная значительно отъ западной. И на востокѣ народное сознаніе признаетъ справедливымъ наказаніе лишь виновныхъ и не всегда мирится съ массовыми истребленіями и съ мучительствами въ видѣ нормы. Перешедшее мѣру терпѣнія тиранство и безумная жестокость Надиръ-шаха возбудили общенародную ненависть и закончились его гибелью отъ рукъ персіянъ, хотя это былъ освободитель Персіи отъ ига и грабительства авгановъ-гильджіевъ и завоеватель Авганистана и Индіи. Положимъ, Абдэррахманъ-ханъ не доходилъ до такихъ безумныхъ злодѣйствъ, какъ Надиръ-шахъ, но зато же онъ не совершилъ и тѣни тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя долго заставляли переносить тиранство Надира. Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Ширъ-Али-ханъ, предмѣстники Абдэррахманъ-хана, были строгими правителями, прибѣгавшими къ казнямъ, когда это было нужно, но жестокость и казни нынѣшняго эмира переходили всякую мѣру и достойно вызвали ненависть къ нему всего его народа, такъ какъ жертвами его жестокости пало множество вліятельнѣйшихъ людей всѣхъ подвластныхъ ему племенъ и народностей. Въ авганскихъ народныхъ пѣсняхъ, собранныхъ Дармстетеромъ, нѣтъ и намека на существованіе у народа взгляда на эмира, какъ на «идеалъ азіатскаго судіи». Въ этихъ пѣсняхъ Абдэррахманъ-ханъ клеймится какъ «вскормленникъ» русскихъ, продавшійся англичанамъ и измѣнически погубившій національнаго героя Мохаммедъ-Джана, стоявшаго во главѣ народныхъ ополченій, успѣшно возставшихъ въ концѣ 1879 г. противъ нашествія англичанъ и вынудившихъ Робертса очистить Кабулъ и отсиживаться въ Ширпурѣ до прибытія подкрѣпленій. Въ одной изъ такихъ пѣсенъ

поется: «Гази (воитель за вѣру) Мохаммедъ-Джанъ-ханъ, мученикъ, оставилъ этотъ міръ. Его велѣлъ погубить эмиръ, схвативъ его при помощи измѣны... Съ той поры, какъ сердарь Абдэррахманъ сѣлъ на тронъ эмировъ, исчезло довѣріе человѣка къ человѣку. Онъ не перестаетъ дѣлать нападенія на Миръ-Баку и Баку-Гуля (предводители возставшихъ въ 1881 г. кохистанцевъ) и избиваетъ газіевъ массами» (Chants populaires des Afghans, p. p. 67—69). Еслибы мы имѣли пѣсни позднѣе 1886 года, то, конечно, тамъ нашлось бы много о тиранствѣ и жестокости эмира, остальныя же черты, возбудившія къ нему народную нелюбовь, уже есть въ небольшомъ собраніи Дармстетера, содержащемъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, лишь пѣсни авганъ британскихъ земель и частицы ближайшихъ къ Пишаверу пограничныхъ племенъ.

Болѣе чѣмъ жестокость и кровожадность эмира въ отношеніи къ его подданнымъ озабочивали англо-индійское правительство честолюбивыя стремленія эмира къ увеличенію его владѣній на востокъ, на счетъ пограничныхъ племенъ, Читрала и пр. Волненія въ Везиристанѣ, не безъ нѣкоторой основательности, приписывались желанію эмира расширить тутъ свои владѣнія. Съ цѣлію окончательнаго устраненія недоразумѣній относительно границы и пограничныхъ племенъ, индійское правительство заявило въ 1892 году о желаніи отправить въ Кабулъ британское посольство, о присылкѣ котораго эмиръ самъ просилъ въ 1888 году, но тогда поѣздка предназначавшагося въ послы сэра Мортимера Дьюранда не состоялась, вслѣдствіе возмущенія Исхакъ-хана и путешествія затѣмъ самого эмира въ Туркестанъ. На предложеніе 1892 года эмиръ отвѣтилъ согласіемъ, но когда оказалось, что въ послы снаряжается главнокомандующій индійской арміей генералъ Робертсъ, возбудившій двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ въ Кабулѣ, своими казнями и жестокостію, неизгладимую ненависть и ожесточеніе населенія, то эмиръ благоразумно затянулъ переговоры, а затѣмъ отклонилъ отправленіе посольства подъ предлогомъ смутъ въ странѣ вслѣдствіе возмущенія хезарейцевъ. Дѣйствительно, прибытіе въ Кабулъ Робертса могло ознаменоваться катастрофою, подобною участи Каваньяри. Между тѣмъ, зная, что Робертсъ, за истеченіемъ срока его службы въ Индіи, долженъ отправиться въ Англію въ первой половинѣ 1893 года, эмиръ правильно разсчиталъ, что, отсрочивъ прибытіе посольства, избавится отъ Робертса и сопряженныхъ съ его появленіемъ въ Авганистанѣ опасностей. Серьезные писатели ничего не говорятъ о переговорахъ относительно конвоя Робертса. Одинъ изъ муллъ, пописывающихъ въ англійскихъ журналахъ, увѣрялъ (Nineteenth Century, 1898, February, p. 244), что на увѣдомленіе лорда Лэндсдауна о назначеніи въ конвой Робертса, сообразно его высокому положенію

во главѣ индійской арміи, отряда въ 10 т. ч., эмиръ отвѣтилъ, что съ своей стороны, согласно восточнымъ обычаямъ, вышлетъ на встрѣчу 50 т. ч. Это, конечно, такой же и по тому же шаблону вымышленный анекдотъ, какъ приводимый Wheeler'омъ: во время пребыванія эмира въ Авганскомъ Туркестанѣ, одинъ русскій генералъ послалъ предупредить эмира, во избѣжаніе недоразумѣній, что онъ намѣренъ произвести близъ авганской границы маневры съ отрядомъ въ 500 ч.; на это эмиръ отвѣтилъ, что самъ собирается произвести соотвѣтственные маневры съ 5 т. ч. По выѣздѣ Робертса въ Англію, эмиръ не замедлилъ извѣстить, что смуты прекращены и что поэтому никакихъ препятствій къ пріему британскаго посольства не имѣется. Посолъ сэръ Мортимеръ Дьюрандъ былъ принятъ въ Кабулѣ съ большимъ почетомъ и заключилъ 12 ноября 1893 года соглашеніе, которое удовлетворило обѣ стороны. Сохранивъ за собою на восточныхъ склонахъ западнаго Сулейманскаго хребта довольно доходныя и заселенныя спокойнымъ населеніемъ округа Хостъ и Фермуль, эмиръ отказался отъ притязаній на остальныя земли въ Сулеймановыхъ горахъ, принялъ предложенную въ этомъ смыслѣ линію границы и обязался окончательно устраниться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла живущихъ за этою границею племенъ, какъ состоящихъ подъ исключительнымъ контролемъ Англіи; на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи эмиръ отрекся отъ всякихъ притязаній на Читралъ и лежащія далѣе на востокъ владѣнія, а также на земли въ бассейнахъ Свата и Пянджкоры, за что Англія утвердила произведенный имъ захватъ Асмара, предоставивъ завладѣть и Кафиристаномъ. Сверхъ того, Англія увеличила ежегодный размѣръ субсидіи эмиру на 400 т. р., такъ что всего онъ сталъ получать 1,600.000 рупій.

Свѣдѣнія г. Б-ича, о возложенной на Керзона при поѣздкѣ его въ Кабулъ оффиціальной миссіи, ошибочны. Керзонъ, членъ консервативной партіи, не только не имѣлъ какого либо порученія отъ стоявшаго въ то время у власти либеральнаго министерства, но публично въ лондонскомъ географическомъ обществѣ,—гдѣ дѣлалъ 18 февраля 1895 года сообщеніе о поѣздкѣ на Памиры, — претендовалъ на англо-индійское правительство, запретившее ему „по неизвѣстнымъ таинственнымъ причинамъ“ съѣздить на озеро Викторіи и на Б. Памиръ (The Geographical Journal, 1896, July, p. 17). Кабулъ посѣтилъ онъ какъ частный человѣкъ, какъ стоявшій въ это время не у дѣлъ бывшій товарищъ государственнаго секретаря по дѣламъ Индіи, могущій снова сдѣлаться членомъ кабинета, когда событія приведутъ ко власти консервативную партію взамѣнъ либеральной. Эмиръ, съ трудомъ допускающій и оффиціальныя посольства, разрѣшилъ Керзону поѣздку въ Кабулъ какъ политическому дѣятелю, лично къ нему расположенному. Дѣйствительно,

Керзонъ въ корреспонденціяхъ въ Times и въ многочисленныхъ статьяхъ въ журналахъ не разъ высказывался объ эмирѣ, какъ о дорогомъ и вѣрномъ другѣ Англіи, доходя напр. до утвержденія, что Авганистанъ существуетъ потому, что находится подъ управленіемъ человѣка съ желѣзной волей, по смерти же его или удаленіи все государство рухнетъ, какъ карточный домикъ (The Nineteenth Century, 1893, August). Не мудрено, поэтому, что эмиръ, при бесѣдахъ съ Керзономъ, сообщилъ ему о намѣреніи своемъ совершить путешествіе въ Англію для укрѣпленія существующихъ дружественныхъ отношеній. Затѣмъ, по болѣзни или по другимъ причинамъ эмиръ самъ не поѣхалъ, а послалъ младшаго сына, это большой важности не имѣетъ. Я отвергаю, однако, предположеніе г. Б-ича о томъ, что эмиръ не поѣхалъ въ Англію, чтобы не причинить непріятности Россіи. Такъ какъ Россія признаетъ Авганистанъ находящимся въ сферѣ вліянія Англіи, то до поѣздки вассала Англіи въ Лондонъ ей не могло быть никакого дѣла, какъ и вообще до взаимныхъ между ними отношеній. Самъ же г. Б-ичъ разсказываетъ, что въ 1885 г., при свиданіи съ вице-королемъ въ Реваль-Пинди, эмиръ, „потрясая поднесенною саблею, воскликнулъ: поражу ею всѣхъ враговъ Англіи“ (стр. 103). Англійскія описанія ничего не говорятъ о потрясаніи саблей и угрозѣ поразить ею всѣхъ враговъ Англіи; по нимъ рѣчь эмира состояла въ слѣдующемъ: „Я глубоко тронутъ доброжелательствомъ вице-короля и оказанными мнѣ королевой-императрицей знаками расположенія. Въ отвѣтъ на эти чувства я выражаю готовность вмѣстѣ съ моими войсками и народомъ оказать всякаго рода услуги, которыя могутъ быть потребованы отъ меня или авганцевъ. Такъ какъ англійское правительство объявило о своей помощи мнѣ для отраженія какого бы то ни было внѣшняго врага, то справедливость требуетъ, чтобы Авганистанъ шелъ самымъ непоколебимымъ образомъ рука объ руку съ британскимъ правительствомъ“.

Соглашеніе Дьюранда не оправдало возлагавшихся на него со стороны Англіи надеждъ относительно пограничныхъ племенъ, но эмиръ съ своей стороны исполнялъ его во всей точности. Вѣренъ ему онъ оказался и во время столкновеній Англіи съ горцами въ 1897 году, хотя положеніе его было весьма затруднительно. Съ одной стороны, начавшія войну съ англичанами или собиравшіяся открыть военныя дѣйствія племена обращались къ эмиру съ просьбами о помощи; духовенство ихъ, поддерживаемое муллами всего Авганистана, настаивало на объявленіи эмиромъ священной войны противъ невѣрныхъ и о помощи возставшимъ всѣми его силами и средствами; населеніе смежныхъ съ пограничными племенами областей Авганистана устремлялось массами подъ предводительствомъ муллъ за границу въ ряды воюющихъ съ невѣрными; пограничные начальники, въ душѣ большею частію сочув-

ствующіе войнѣ противъ невѣрныхъ англичанъ, безсильны были, и при добромъ желаніи, задержать переходъ за границу добровольцевъ, тѣмъ болѣе, что въ горныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ прекратить уходъ за границу безчисленными горными тропами, особенно въ ночное время, невозможно; вожди и руководители возстаній не стѣснялись злоупотреблять именемъ эмира, увѣряя горцевъ въ сочувствіи эмира и въ его готовности объявить священную войну по окончаніи необходимыхъ приготовленій. Съ другой стороны, введенные въ заблужденіе разсѣяваемыми подстрекателями къ возстаніямъ слухами и дѣйствительнымъ присоединеніемъ къ скопищамъ горцевъ прибывшихъ изъ владѣній эмира добровольцевъ, нѣкоторые англійскіе политическіе пограничные коммиссары доносили, что эмиръ помогаетъ племенамъ высылкою подкрѣпленій и оружія. Получивъ сообщеніе англо-индійскаго правительства отъ 13 августа 1897 года о поступившихъ къ нему донесеніяхъ относительно участія въ скопищѣ муллы Адды, вторгшемся изъ страны момендовъ, подданныхъ эмира и даже его солдатъ, чего не могло бы случиться безъ вѣдома сипахъ-салара (главнокомандующаго), Гулямъ-Хайдеръ-хана, на враждебность котораго правительство обращало и ранѣе вниманіе эмира (Military operations on the North-west Frontiers of India, London, 1898, C.—8713, vol. 2, p. 75), эмиръ 18 августа отвѣтилъ, что свѣдѣнія о нахожденіи въ шайкѣ муллы Неджмъ-эддина солдатъ его арміи ложны и онъ лично готовъ принять присягу, что ничего подобнаго не было. Что касается уроженца деревни Адды джелальабадскаго округа, муллы Неджмъ-эддина, то британскимъ пограничнымъ начальникамъ хорошо извѣстно, что мулла этотъ бѣжалъ изъ Кабула нѣсколько лѣтъ тому назадъ и проживалъ послѣ того въ деревнѣ Джароби пишаверскаго вѣдомства, на британской сторонѣ границы. Мулла этотъ имѣетъ тысячи учениковъ и послѣдователей въ населеніи джелальбадскаго округа и между момендами, и считается ими за пророка. Какъ въ прежнія времена въ Европѣ папы выдавали себя за хозяевъ рая и ада и народъ имъ вполнѣ въ этомъ вѣрилъ, такъ Неджмъ-еддинъ и другіе муллы присваиваютъ себѣ такую же власть и имѣютъ тысячи вѣрующихъ. Въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ муллы употребляли всѣ усилія возмущать противъ него его подданныхъ и въ каждомъ бунтѣ, какъ напр. въ Кандахарѣ (вѣроятно, разумѣется овладѣніе этимъ городомъ со стороны Эюбъ-хана), въ дѣлѣ муллы Мушкъ-и-Алями (духовный глава гильджіевъ, возбуждавшій ихъ возстанія 1886—1887 гг.) и въ дѣлѣ узбекскихъ муллъ, поддерживавшихъ бунтъ Исхакъ-хана въ Балхѣ (1888 г.), во всякомъ мятежѣ подстрекателями были муллы. Всѣ муллы уже многіе годы всевозможными способами стараются убѣдить своихъ послѣдователей и народъ, что онъ, эмиръ, есть кафиръ (невѣрный), и производятъ вооруженные мятежи во всѣхъ

мѣстахъ Авганистана. Тысячи людей погибли въ бояхъ съ обѣихъ сторонъ, нѣкоторые изъ муллъ-возмутителей были убиты съ тысячами своихъ учениковъ. Каждый мулла возбуждаетъ народъ противъ него, эмира, пока въ состояніи, придя же въ безсиліе, бѣжитъ въ британскіе предѣлы и, по великодушію Англіи, находитъ тамъ пріютъ. Такъ поступилъ и Неджмъ-эддинъ, по милости котораго теперь льется столько крови (тамъ же, pp. 88, 89). По объясненію британскаго пограничнаго начальства, мохмендская деревня Джароби дѣйствительно находится на британской сторонѣ, если руководствоваться тою чертою границы, которая объявлялась коммиссаромъ въ 1894 году; если же придерживаться соглашенія между пограничными начальниками обѣихъ сторонъ, состоявшагося весною 1897 года, то деревня лежитъ въ авганской территоріи (id., p. 89).

По донесенію британскаго агента (изъ мусульманъ) въ Кабулѣ, британское сообщеніе, отъ 13 августа, было прочитано эмиромъ на торжественномъ собраніи, созванномъ для празднованія годовщины принятія эмиромъ титула Зія-уль-миллятъ вад-динъ и состоявшемъ изъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ Авганистана, хановъ, старшинъ и муллъ изъ всѣхъ частей Авганистана, всего около 3 тыс. человѣкъ. По прочтеніи, эмиръ напомнилъ обстоятельства вступленія его на престолъ и заявилъ, при общемъ подтвержденіи присутствующихъ, что былъ всегда вѣренъ своимъ обязательствамъ предъ британскимъ правительствомъ, никогда не намѣревался дѣйствовать противъ него, не дозволялъ и не побуждалъ своихъ подданныхъ и солдатъ принимать участіе во враждебныхъ противъ него дѣйствіяхъ. Въ заключеніе эмиръ торжественно поклялся, что всегда желалъ сохранить дружественныя отношенія съ британскимъ правительствомъ и никогда не желалъ ему какого либо вреда. На собраніи же былъ прочитанъ и одобренъ проектъ вышеизложеннаго отвѣта индійскому правительству отъ 18 августа (тамъ же, pp. 91, 92).

23 сентября, въ письмѣ къ британскому агенту въ Кабулѣ, эмиръ увѣдомилъ, что прибывшіе отъ афридіевъ 18 депутатовъ задержаны, по его распоряженію, въ Джелальабадѣ, въ привезенныхъ же ими и высланныхъ къ нему изъ Джелальабада просьбахъ отъ 5 сентября афридіи изъявляютъ желаніе повиноваться ему, какъ мусульманскому государю, и просятъ о помощи противъ Англіи, съ которою начали священную войну за захваты авганскихъ земель и возведеніе крѣпостей. Въ данномъ на эти петиціи отвѣтѣ эмиръ, по его словамъ, изложилъ, что проходитъ уже 18-й годъ, какъ онъ прибылъ въ Кабулъ, но они не обращались къ нему относительно дѣлъ своихъ съ Англіею, даже въ то время, когда онъ проѣзжалъ чрезъ ихъ земли, чрезъ Хайберъ, въ Реваль-Пинди и обратно; не пожелали они обратиться къ нему по этимъ дѣламъ и въ ту пору, когда проѣзжалъ въ Кабулъ сэръ

Мортимеръ Дьюрандъ и когда, при переговорахъ съ этимъ британскимъ посломъ о границѣ, онъ могъ бы коснуться и дѣлъ афридіевъ. „Все это время они молчали, молчаніе же означаетъ согласіе. Я не знаю, по какому поводу возникъ раздоръ между вами и англичанами, но прежде, чѣмъ начинать войну, вамъ слѣдовало увѣдомить меня". Заключивъ, по государственнымъ видамъ, союзъ съ британскимъ правительствомъ, онъ, эмиръ, не можетъ его нарушить, пока британцы, хотя христіане, строго его соблюдаютъ; какъ можетъ онъ, будучи мусульманиномъ, нарушить договоръ, когда въ коранѣ сказано: „исполняйте ваши обѣщанія". Въ концѣ концовъ, эмиръ отказалъ въ просьбахъ афридіевъ наотрѣзъ: „за надѣланное вашими руками, отдѣлывайтесь своими шеями" (тамъ же, pp. 133, 134).

7 октября, увѣдомляя, что британскія военныя силы, разбивъ шайки муллы Адды, преслѣдовали его до Джароби, но онъ успѣлъ скрыться въ авганскіе предѣлы, лордъ Эльджинъ просилъ эмира воспрепятствовать муллѣ возобновить смуты въ британскихъ владѣніяхъ, въ случаѣ же бѣгства оракзіевъ,—противъ которыхъ выступаютъ войска подъ начальствомъ генерала Локхарта,—въ авганскіе предѣлы, обезоруживать ихъ и не дозволять принимать участіе въ смутахъ. Эмиръ отвѣтилъ 13 октября, что Неджмъ-эддинъ скрывается, въ случаѣ же поимки будетъ высланъ изъ предѣловъ Авганистана. „Я хорошо знаю этихъ муллъ многіе годы. Они подобны тѣмъ попамъ временъ Петра Великаго, которые причинили большія смуты въ Россіи". Обѣщаясь, въ случаѣ бѣгства оракзіевъ и афридіевъ въ его предѣлы, не дозволять имъ вторгаться за британскую границу, эмиръ просилъ принять въ соображеніе, что его положеніе относительно этихъ горцевъ много отлично отъ положенія британскаго правительства. Послѣднее—великое правительство. Оно употребляетъ для усмиренія горцевъ войска изъ англичанъ, сейковъ и индусовъ. Между тѣмъ всѣ военныя силы эмира состоятъ изъ соплеменниковъ этихъ горцевъ, которые притомъ тысячами отдаютъ дочерей въ замужество другъ другу и находятся между собою въ постоянныхъ родственныхъ сношеніяхъ. Если бы онъ, эмиръ, запретилъ своимъ подданнымъ принимать къ себѣ семейства ихъ заграничныхъ родственниковъ, то подвластныя ему племена сдѣлались бы къ нему столь же враждебными, какъ къ британскому правительству, тогда какъ онъ не имѣетъ солдатъ изъ англичанъ, сейковъ и индійцевъ (томъ же, pp. 162, 163).

Въ собственноручномъ отвѣтѣ на письмо британскаго агента, сообщавшее, между прочимъ, благодарность вице-короля за устраненіе домогательствъ афридіевъ о помощи, эмиръ писалъ 17 октября: „Что касается дружбы моей съ британскимъ правительствомъ, то она существуетъ уже долгое время, и я желаю, чтобы она продолжалась. Я не откажусь отъ этой дружбы,

пока живу. Что можетъ сказать мнѣ этотъ жалкій и трепещущій народъ (т. е. афридіи, приславшіе новыхъ депутатовъ) такого, что побудило бы меня измѣнить мои убѣжденія? Если бы (могущественный) непріятель (разумѣется, конечно, Россія) вступилъ въ борьбу съ славнымъ британскимъ правительствомъ, то, несмотря на мощь и силу этого врага, даже не взирая на на раззореніе моей страны его руками, я не отступлю отъ дружбы съ славнымъ правительствомъ. Эти люди (т. е. афридіи) поступаютъ какъ безумные, вслѣдствіе своего невѣжества и по наущенію своихъ муллъ: какъ могу я (ради нихъ) измѣнить своимъ убѣжденіямъ и вѣрѣ въ дружбу Англіи?" (pp. 167, 168). Въ дополнительномъ, посланномъ ночью того же 17 октября, письмѣ эмиръ извѣстилъ, что послѣ отправки перваго принялъ полонцовъ афридіевъ и оракзіевъ, умолявшихъ о спасеніи, признавшихъ безуміе затѣянной ими войны съ Англіею и просившихъ эмира исходатайствовать имъ прощеніе отъ британскаго правительства. Эмиръ отвѣтилъ имъ, что они лжецы и бездѣльники, но депутаты клялись, что говорятъ правду. Эмиръ пришелъ къ заключенію, что ежели британскимъ правительствомъ уже сдѣланы распоряженія о наказаніи оракзіевъ и афридіевъ, то толковать ему съ ними не о чемъ: что они заслужили, безумно слушаясь своихъ проклятыхъ муллъ, то и получатъ; если же приказовъ о карѣ еще не отдано и британское правительство согласится даровать имъ прощеніе на какихъ либо условіяхъ, то можно бы вступить съ нимъ въ переговоры, о чемъ эмиръ и могъ бы объявить депутатамъ (p. 168).

Въ газетѣ Times of India, 16 октября 1897 года, напечатанъ англійскій переводъ прокламаціи эмира отъ 13 августа того же года. Хотя объ этой прокламаціи въ „Синей книгѣ", относящейся къ столкновеніямъ съ пограничными племенами, совсѣмъ не упоминается, однако въ подлинности ея едва-ли можно сомнѣваться, такъ какъ въ ней выражены главныя идеи эмира, изложенныя имъ въ разное время въ дипломатической перепискѣ, частію даже позднѣе напечатанія перевода прокламаціи въ индійской газетѣ. Изъ содержанія этой прокламаціи можно заключить, что тотчасъ по полученіи вѣстей о возстаніи юсуфзіевъ въ Сватѣ муллы и мелики другихъ пограничныхъ племенъ, поддержанные всѣмъ духовенствомъ Авганистана, обратились къ эмиру, какъ къ мусульманскому государю и общей главѣ авганскихъ племенъ, съ просьбою принять со всѣмъ своимъ народомъ участіе въ священной войнѣ. Обращаясь въ прокламаціи къ мулламъ, къ „ученымъ мужамъ Авганистана", возведшимъ его на престолъ, эмиръ съ горечью упрекаетъ ихъ въ измѣнѣ и враждѣ, которую они вскорѣ къ нему обнаружили, оставшись ей вѣрными до послѣдняго времени. Онъ перечисляетъ важнѣйшіе случаи, въ которыхъ муллы становились противъ него, на сторонѣ его враговъ: Эюбъ-

хана, Мохаммедъ-Джана, вождей мятежныхъ гильджіевъ и пр. Относительно пограничныхъ племенъ прокламація констатируетъ, что они не признавали власти эмира и что сэръ Мортимеръ Дьюрандъ предъявлялъ эмиру въ Кабулѣ письма отъ народа Баджаура, момендовъ, юсуфзіевъ, афридіевъ и пр., въ которыхъ заключались заявленія о желаніи находиться подъ англійской властью и о томъ, что они отъ эмира не зависятъ. Въ виду всего этого и невозможности нарушить союзъ съ Англіею, который британское правительство точно соблюдаетъ, эмиръ категорически отказывается принять участіе въ затѣваемыхъ муллами и пограничными племенами безпорядкахъ. Съ какой стати—говоритъ эмиръ въ прокламаціи—буду я губить себя изъ-за васъ?.. Почему вы называете эти безпорядки священной войной? Для священной войны придетъ свое время: когда оно наступитъ, тогда объ этомъ будетъ вамъ объявлено. „Если бы вы (т. е. пограничныя племена) теперь предоставили себя въ мое распоряженіе и подчинились моей власти, то я постарался бы, если Богу угодно, удовлетворительно покончить ваши дѣла съ англійскихъ правительствомъ". Въ послѣдней фразѣ заключается, видимо, та же мысль, какую эмиръ проводитъ по второмъ письмѣ отъ 17 октября: отнюдь не желая ссориться съ англійскимъ правительствомъ, эмиръ тѣмъ не менѣе не прочь былъ заручиться подчиненіемъ своей власти пограничныхъ племенъ и выступить въ роли посредника между ними и Англіею По словамъ состоящей при эмирѣ въ качествѣ врача миссъ Л. Хамильтонъ (статья ея въ Pearson's Magazine, April, 1898), эмиръ предвидитъ для Англіи большія затрудненія въ отношеніяхъ ея къ пограничнымъ племенамъ: „Чѣмъ далѣе на сѣверъ подвигается Англія, тѣмъ болѣе будутъ противиться ей горныя племена и тѣмъ болѣе постоянными и серьезными сдѣлаются мелкія пограничныя войны" (см. Review of Reviews, 1898, April, p. 369). Можетъ быть эмиръ мечтаетъ, что, убѣдившись въ неудобствахъ имѣть дѣло съ авганскими горцами, Англія рѣшится передать и ихъ въ управленіе своего вѣрнаго вассала, какъ ввѣрило Авганистанъ. Англо-индійское правительство, однако, не пожелало допустить эмира даже до посредничества между собою и состоящими по договорамъ подъ исключительнымъ контролемъ Англіи пограничными племенами. Оставивъ безъ отвѣта намеки эмира въ этомъ смыслѣ, вице-король ограничился посылкою 28 октября копіи съ объявленія, которое поручено было сдѣлать горцамъ генералу Локхарту объ условіяхъ мира (Mil. operations, vol. 2, p. 169). Изданною въ Джелальабадѣ прокламаціею эмиръ воспретилъ своимъ подданнымъ переходить границу для участія въ войнѣ горцевъ противъ Англіи подъ опасеніемъ штрафа съ каждаго виновнаго въ 1 т. рупій (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, January, p. 216) На покорность афридіевъ имѣло рѣшительное вліяніе то обстоятельство, что посланная родомъ закка депутація не была въ началѣ

весны пропущена въ Кабулъ и выслана, по приказанію эмира, обратно за границу (тамъ же, 1898, July, p. 218). 28 іюня 1898 года, при обсужденіи въ United Service Institution of India сообщенія полковника Хэтчинсона The Story of Tirah etc., членъ совѣта вице-короля сэръ James Westland подтвердилъ заявленіе докладчика о томъ, что эмиръ честно выполнилъ свои обязательства къ Англіи; эмиръ предупреждалъ племена, что они безумствуютъ, начиная войну противъ Англіи, высланнымъ же отъ нихъ депутатамъ объявлялъ, что не хочетъ имѣть съ ними никакого дѣла, ибо они подчинены британской власти, къ которой и должны обращаться; „и это онъ говорилъ въ то время, когда ему достаточно было пошевелить мизинцемъ, чтобы война приняла несравненно болѣе обширные размѣры, чѣмъ тѣ, которыми она ограничилась“ (Journal of the United Service Institution of India, 1898, July, pp. 251, 252).

Такимъ образомъ оказались правы Керзонъ и англійскіе государственные люди, полагавшіе съ нимъ и съ сэромъ Лепель Гриффиномъ (Nineteenth Century, 1897, October, p. 507), что „эмиръ Кабула—самый вѣрный изъ союзниковъ, которыхъ Англія имѣетъ въ Европѣ и Азіи“. Конечно личность эмира имѣетъ значеніе, но, вопреки Керзону, крайне сомнительно, чтобы Авганистанъ непремѣнно разсыпался послѣ смерти Абдэррахманъ-хана, ибо государство это составляетъ достаточно прочное географическое, этническое и политическое цѣлое, въ существованіи котораго притомъ заинтересована Англія. Если бы по смерти Абдэррахманъ-хана и возникли распри за обладаніе престоломъ, Англія, наученная примѣромъ неудачнаго уклоненія ея отъ помощи Ширъ-Али-хану въ борьбѣ съ соперниками, на этотъ разъ озаботится предупредить и прекратить смуты немедленною и твердою поддержкою признаннаго ею наслѣдника престола, который, подъ давленіемъ необходимости и интересовъ, окажется столь же вѣрнымъ вассаломъ, какъ Абдэррахманъ-ханъ. Помимо войны съ Россіей,—которая, надо надѣяться, будетъ избѣгнута, благодаря благоразумію правительствъ, такъ какъ успѣхи ея и результаты не вознаградятъ и побѣдителя за причиненныя войною бѣдствія,—огромныя для Англіи опасности заключаются не въ личности эмира, а въ англо-индійской политикѣ относительно пограничныхъ племенъ и въ возможности образованія англо-индійскаго Кавказа съ населеніемъ столь же воинственнымъ и столь же страстно привязаннымъ къ независимости, какъ кавказскіе горцы, но не раздѣленнымъ, какъ послѣдніе, на десятки особыхъ народностей, говорящихъ различными языками, а принадлежащимъ лишь къ разнымъ племенамъ одной и той же авганской народности и потому могущимъ объединиться противъ общаго врага, чего не могли достигнуть кавказскіе горцы. Сами англійскіе писатели начали въ послѣднее время признавать большое сходство между русскимъ и индійскимъ Кавказами и предлагать для покоренія послѣдняго тѣ

же мѣры, которыя употреблены были Россіею. Едва ли однако такія мѣры могутъ быть признаны ведущими къ цѣли, такъ какъ авганскіе горцы отличаются отъ кавказскихъ не только возможностью объединенія между собою, но составляютъ сверхъ того лишь часть народности, господствующей въ Авганистанѣ, и непремѣнно, рано или поздно, привлекутъ къ участію въ борьбѣ своихъ западныхъ единоплеменниковъ. Какимъ образомъ англо-индійская политика можетъ создать англо-индійскій Кавказъ — это предметъ очень сложный, который, понятно, разсматривать здѣсь неумѣстно, но который весьма важенъ и интересенъ, выдвинутъ на очередь столкновеніями 1897 года и занимаетъ многіе наиболѣе вліятельные и дальновидные умы Англо-Индіи, хотя не привлекаетъ пока вниманія общественнаго мнѣнія Англіи, отвлеченнаго теперь въ другія стороны.

Подробный разборъ статьи Л. А. Б—ича показываетъ, что поставленныя себѣ авторомъ задачи выполнены во многомъ неудовлетворительно. Произошло это въ значительной мѣрѣ не отъ недостатка доброй воли и стараній. Взятый авторомъ въ основу работы очеркъ Симона, при всѣхъ своихъ недочетахъ, все же одинъ изъ лучшихъ въ публицистикѣ и г. Б—ичъ пытался дополнить его изъ новѣйшихъ публицистическихъ сочиненій. Неуспѣхъ зависѣлъ главнымъ образомъ, или по крайней мѣрѣ къ весьма значительной степени, отъ указанной въ началѣ настоящей статьи скудости свѣдѣній объ Авганистанѣ и отъ неудовлетворительнаго положенія научной ихъ разработки и изученій. При недостаткѣ же отчетливыхъ, правильныхъ и всесторонне обработанныхъ свѣдѣній о странѣ, ея населеніи и положеніи трудно разбираться и въ противорѣчивыхъ вѣстяхъ, слухахъ и толкахъ о недавнихъ и текущихъ событіяхъ.

Октябрь 1898 г.
Спб.

Н. А. Аристовъ.

Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ.

(Продолженіе).

Домашній бытъ

жителей слободы Усть-Ницынской.

Жители слободы Усть-Ницынской не всегда жили въ такихъ помѣщеніяхъ, какія представляются глазамъ современнаго наблюдателя. По преданіямъ старожиловъ, жильемъ усть-ницынскаго крестьянина еще въ первой половинѣ XIX столѣтія служила изба, устроенная «по черному». Главное отличіе этой избы отъ нынѣ существующей заключается въ устройствѣ печи. Въ старинной избѣ печь не имѣла трубы, и дымъ, получавшійся отъ топки, выходилъ прямо въ избу и поднимался къ потолку. Въ задней стѣнѣ избы подъ потолкомъ находилось четыреугольное окно для выхода дыма наружу. Къ этому окну снаружи пристраивался изъ досокъ конусообразный дымникъ, который въ наклонномъ положеніи выходилъ своимъ концомъ поверхъ крыши. Подобныя избы отличались отъ нынѣ существующихъ еще тѣмъ, что имѣли, для доступа свѣта, квадратныя оконца около полуаршинной высоты. Вмѣсто стекла, оконца затягивались слюдой или же брюшиной. Рамы переплетались въ квадратную клѣтку узкими полосами желѣза. Вмѣсто привѣшенныхъ нынѣ снаружи ставней, оконца въ избахъ задвигáлись извнутри помѣщенія особою приспособленною доскою.

Живое подобіе этихъ, нынѣ исчезнувшихъ, черныхъ избъ представляютъ бáни. Хотя за послѣднее время жители строятъ бани «по бѣлому», но большинство бань въ слободѣ Усть-Ницинской устроено «по черному».

Вторую часть крестьянскаго стариннаго жилья составляла клить (т. е. клѣть).

Клѣть отдѣлялась отъ избы большими холодными сѣнями и представляла изъ себя совершенно темную и, притомъ, холодную комнату. Въ клѣти не было ни одного окна, не было печи и назначена она была для складыванія и храненія имущества.

Таковы прототипы нынѣ существующихъ жилыхъ крестьянскихъ построекъ въ слободѣ Усть-Ницынской.

XIX вѣкъ, вѣкъ пара и электричества, принесъ въ жилье усть-ницынскаго крестьянина стекло вмѣсто слюды и брюшины; въ темной клѣти построилъ онъ печку, прорубилъ окна, назвавъ ее горницей, и, видоизмѣнивъ такимъ образомъ крестьянское жилье, пустилъ его въ обращеніе на встрѣчу XX-му вѣку... XX вѣкъ, Богъ дастъ, будетъ для Сибири вѣкомъ улучшенныхъ путей сообщенія, по которымъ населеніе, въ невольной погонѣ за столь необходимымъ для него презрѣннымъ металломъ, двинется изъ одной стороны въ другую, учась въ тоже время, такъ сказать «на ходу», новымъ способамъ стройки жилищъ, шитья одежды и пр., на живыхъ примѣрахъ дѣйствительности. Мы твердо убѣждены въ томъ, что при условіяхъ болѣе частыхъ сношеній единымъ нивеллирующимъ факторомъ будетъ та или другая степень экономическаго благосостоянія, и архитектурныя и иныя преданія дѣдовъ, владѣвшія умами въ безмолвіи минувшаго времени до первой половины XIX вѣка, отойдутъ въ область небытія. Мы полагаемъ, что къ концу XX вѣка уже трудно будетъ говорить о типѣ мѣстныхъ крестьянскихъ построекъ. Типъ этотъ уже и теперь разрушается. Въ новѣйшихъ пятистѣнныхъ домахъ видно скорѣе властное вліяніе высшаго жизненнаго строя, чѣмъ преданія дѣдовъ, посѣдѣвшихъ въ курныхъ избушкахъ...

Въ настоящее время типичное народное жилище въ данной мѣстности представляетъ собою д о м ъ, состоящій изъ двухъ половинъ: избы и горницы, между которыми находятся холодныя сѣни. Кромѣ домовъ подобнаго типа существуютъ въ слободѣ Усть-Ницынской дома «пятистѣнные», въ которыхъ пятая стѣна проходитъ внутри дома и дѣлитъ его на двѣ части. Самое бѣдное жилище представляетъ собою и з б а. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что слово «изба» служитъ для обозначенія «половины дома» и «цѣлаго зданія».

Займемся сначала описаніемъ д о м а.

При входѣ въ ограду крестьянскаго дома вы замѣчаете крыльцо—большею частью закрытое со всѣхъ сторонъ,—отворяете «крылéчную» дверь и вступаете внутрь крыльца. Тутъ вамъ необходимо подняться вверхъ по крылечнымъ ступенямъ и, затѣмъ, вы очутитесь лицомъ къ лицу съ «сѣнной дверью», отворивши которую вы вступите въ сѣни. Это довольно обширное, но совершенно темное и холодное помѣщеніе. Если вы посѣщаете крестьянское жилье въ первый разъ и совершенно незнакомы съ топографіей его, то вамъ придется взывать о помощи. Услышавши незнакомый голосъ, хозяйка съ замѣтной дозой испуга въ голосѣ спроситъ васъ: «кто крешшеной?» и сотворитъ молитву. Если вы желаете вступить въ мирную бесѣду съ обывателями посѣщеннаго дома, то вамъ придется употребить нѣкоторыя усилія для того, чтобы побѣдить робость, которая овладѣла всѣми при вашемъ появленіи... Положимъ, вы попали въ и з б у крестьянскаго дома. Переступивши порогъ, вы замѣчаете, что вамъ нельзя выпрямиться во весь ростъ, такъ какъ сверху васъ гнетутъ п а л á т и, и вы должны приблизиться къ г ó ў б ц у или же, подавшись впередъ, миновать палати: тамъ просторнѣе. Почувствовавъ себя свободнѣе, не забудьте, дабы на первыхъ порахъ себя не компрометировать, помолиться на образъ и сказать какое нибудь общее

привѣтствіе хозяевамъ дома. Заговоривши, не дѣлайте сильныхъ удареній на а: вы приличны и вамъ нѣтъ надобности заимствовать манеру разговора у посельщиковъ... Въ числѣ самыхъ первыхъ словъ отъ хозяевъ вы услышите «милости просимъ» и приглашеніе сѣсть. Вамъ придется сѣсть на лавку, поближе къ переднему углу, и тогда вы вполнѣ можете изучить внутреннее убранство крестьянской избы.

Вдоль трехъ стѣнъ, на высотѣ около трехъ четвертей аршина отъ пола, тянутся лавки для сидѣнія. Аршина на два вверхъ тянутся три полки. Въ переднемъ углу божница съ иконами, а передъ нею на полу стоитъ столъ. Добрую половину избы заняла печь, рядомъ съ печью много мѣста отнимаетъ гоўбецъ—досчатый ящикъ, прикрывающій входъ въ подполье. Наружную стѣнку гоўбца называютъ з а б о р о м ъ, а пристройка около входа въ подполье носитъ названіе с т а м и к а̀. Если на кого либо изъ хозяевъ найдетъ веселый стихъ, то онъ скажетъ вамъ прибаутку относительно этого самаго стамика.

Старуха старика
Дониматъ у стамика,
Назавтре старикъ
На ногахъ не стоитъ.

Около стамика находится лохань и надъ нею—рукомойникъ.

Часть избы, находящаяся противъ передней части печи, называется кýтью. Куть назначена для стряпни. На лавкѣ около печи находится ящикъ, предназначенный для храненія соли, посуды и пр. и называемый з а л а в к о м ъ. Далѣе вы замѣтите, что залавокъ занимаетъ половину лавки, а надъ другой ея половиной подъ полкой находится—полочка или верхній залавокъ, предназначенный также для храненія разнаго рода кухонныхъ принадлежностей. Залавки и лавки въ кути моются изъ особой чистой посуды. Отъ собственно избы куть отдѣляется з а н á в ѣ с о й. Въ заднемъ углу избы противъ печи на одной высотѣ съ полками устраиваются п о л á т и. Полати представляютъ изъ себя широкую досчатую кровать, поддерживаемую брусьями.

Если мы опустимся въ подполье, называемое иногда еще гоўбцемъ, мы найдемъ тамъ столъ, для храненія хлѣба; уголъ, отведенный для картофеля; полки съ масломъ и яйцами. Тамъ совершенно темно, это жилище—сусѣдка, пугало для подрастающаго поколѣнія. Заговоривъ о сусѣдкѣ, вамъ разскажутъ еще о какой-то б у к а р ѝ ц ѣ, которая обитаетъ чуть-ли не въ томъ же подпольѣ...

Но гостей не подобаетъ принимать въ избѣ. Черезъ нѣсколько минутъ васъ, навѣрное, пригласятъ въ горницу. Проходя черезъ сѣни съ огнемъ, вы замѣтите, что въ сторонѣ, противоположной отъ сѣнной двери, находится к а з ё н к а. Это часть сѣней, отгороженная досчатой перегородкой. Казенка не всегда находится въ сѣняхъ: иногда ее устраиваютъ и въ горницѣ около печки.

Горница представится вамъ въ слѣдующемъ видѣ.

Передній уголъ занятъ иконами. Въ срединѣ помѣщается особенно-почитаемая икона (Святителя Николая, Спасителя, Божіей Матери), а отъ нея въ обѣ стороны идетъ рядъ другихъ иконъ и картинъ священнаго содержанія. Около каждой иконы сдѣланы приспособленія для постановки восковыхъ свѣчей. Иконы круглый годъ бываютъ украшены убранными вербами. Въ Вербное воскресенье жители получаютъ вербы въ церкви, а затѣмъ, принеся домой, принимаются за убранство ихъ. Для чего берутъ цвѣтной бумаги, приготовляютъ изъ нея бумажные разныхъ цвѣтовъ, или красокъ, цвѣты и прикрѣпляютъ къ вербамъ. Кромѣ того, вся верба закутывается въ цвѣтную бумагу. Каждое Вербное Воскресеніе вербы перемѣняются.

На одной высотѣ съ иконами по двумъ стѣнамъ развѣшаны картины свѣтскаго содержація. Это—большею частью, портреты Государя Императора, Его семьи, портреты полководцевъ, генераловъ, военныя сраженія, богатыри и т. п.

На Свѣтлой недѣлѣ горница украшается развѣшанными по стѣнамъ полотенцами изъ тонкаго холста и тонкой, по мѣстному, работы. Къ этимъ полотенцамъ обыкновенно присоединяютъ разноцвѣтные лоскутки для вящей красоты.

Кромѣ картинъ стѣны въ горницѣ украшаются обоями, называемыми здѣсь шпане́рами.

Полатей, полокъ и грядокъ, какіе мы видѣли въ избѣ, въ горницѣ не бываетъ. За то вдоль двухъ или трехъ стѣнъ идутъ лавки; подъ образами, въ углу, образуемомъ лавками, стоитъ столъ, а уголъ, около порога, занятъ ящиками. Лавка, идущая вдоль задней стѣны въ горницѣ, называется ко́нникомъ. Ко́нникъ бываетъ, впрочемъ, и въ избѣ.

Въ другой половинѣ горницы помѣщается печка, а въ углу противъ печки находится кровать. Отъ собственно горницы кровать отдѣляется зана́вѣсой. Въ нѣкоторыхъ горницахъ вмѣсто занавѣсы устраивается деревянная перегородка, и тогда мѣсто за перегородкой носитъ названіе казёнки.

Въ окна двойныхъ рамъ крестьяне не вставляютъ, довольствуясь и въ холодныя зимы только одиночными. Окна снаружи закрываются ставнями. Жители по будничнымъ днямъ не любятъ открывать всѣ ставни въ домѣ. Лѣтомъ обыкновенно отпираютъ всѣ ставни въ избѣ и одно или два въ горницѣ, зимою же и въ избѣ открываютъ только одно или два окна. Въ праздникъ отворяютъ всѣ ставни.

Крестьянскій домъ обыкновенно строится со дворомъ, который называется огра́дой. По сторонамъ ограды обыкновенно идутъ хозяйственныя постройки: амбары, завозни, крыши, подъ которыми складываются дрова, ставятся экипажи и пр. Далѣе, вглубь двора, идетъ скотный дворъ, который жители называютъ приго́номъ. Пригонъ обыкновенно дѣлится на три части: одна часть его предназначается для содержанія лошадей, другая—для содержанія коровъ, а третья—для овецъ. Мѣсто, назначенное для складыванія сѣна, называется сѣнниќомъ; хлѣва̀ для коровъ и овецъ носятъ названіе ста́й или ста́екъ (ста́я, ста́йка), лошадиный хлѣвъ называется конюшной (конюшна).

Позади пригоновъ находятся огороды. Въ огородахъ же обыкновенно жители устраиваютъ свои бани.

Вышеописанное устройство дома слѣдуетъ признать типичнымъ для избранной мѣстности. Въ силу необходимости иногда жители строятъ для своего жилы одну только избу (безъ горницы), пристраиваютъ къ ней сѣни и домъ-изба готовъ.

Богатые строятъ себѣ пятистѣнные дома съ тесовой т. н. круглой крышей, имѣющей покатости въ четыре стороны. Для стряпни и другихъ черныхъ работъ при такомъ домѣ на дворѣ устраиваютъ «черную избушку».

Дома въ слободѣ Усть-Ницынской растянулись длинными рядами по теченію рѣки Ныцы вдоль берега. Въ однихъ мѣстахъ дома идутъ въ 2 улицы, въ другихъ—въ 3 улицы. Между улицами соединительными путями служатъ проулки или заулки.

Въ противоположную сторону отъ берега рѣки за свободой расположились гумна съ овинами и вѣтряныя мельницы, а еще далѣе начинаются поля и лѣсъ.

Къ статьѣ: «Болѣзни и смертность»

(стран. 116).

Къ группѣ болѣзней, происходящихъ отъ ближняго, слѣдуетъ причислить такъ называемые «уроки». По мнѣнію жителей слободы Усть-Ницынской, всякій посторонній человѣкъ, вовсе необладающій знахарскимъ искусствомъ, можетъ «изурочить» другого человѣка и этотъ послѣдній почувствуетъ недомоганіе. «Уроки» слишкомъ распространенная болѣзнь, и чуть ли не при всѣхъ болѣзняхъ вначалѣ считаютъ долгомъ лѣчить отъ «уроковъ»... Что касается ближайшахъ причинъ происхожденія этой болѣзни, то онѣ, по мнѣнію жителей, заключаются въ томъ, что или просто недобрый глазъ взглянетъ и возбудитъ болѣзнь, или же кто «съ вѣтру скажетъ», «хавнетъ» необдуманно,—и болѣзнь тутъ какъ тутъ. Въ особенности урокамъ подвержены дѣти.

Поэтому не принято слишкомъ долго восторгаться, или «дивоваться» тѣлесною красотою ребенка, его разговоромъ, вообще, его способностями—чтобы не изурочить.

Отъ уроковъ вспрыскиваютъ водой «съ угольковъ» и поятъ этой водой.

Обычай, соблюдаемый ежегодно въ великій четвергъ.

Въ среду вечеромъ на страстной седмицѣ хозяйка приноситъ въ избу ковригу ужаного хлѣба и особую старинную (если таковая имѣется въ домѣ) солонку, въ которую насыпаетъ толченой и сѣяной соли. Затѣмъ, помолившись передъ образами, хозяйка кадитъ передъ иконами ладаномъ и ставитъ принесенный хлѣбъ и соль на божницу. Кромѣ хлѣба и соли на божницу ставится еще немного золы. Зола эта впослѣдствіи идетъ на присыпку надрѣзовъ на ушахъ домашняго скота, когда его мѣтятъ или, по мѣстному выраженію, «пятнаютъ».

Въ великій четвергъ раннимъ утромъ, до восхода солнышка, хозяева рѣжутъ на куски (по мѣстному: «ру́шаютъ») хлѣбъ (ковригу), поставленный наканунѣ на божницу, затѣмъ посыпаютъ его солью, съѣдаютъ по куску сами, а потомъ кормятъ этимъ хлѣбомъ всю свою домашнюю скотину. (Существительное «скотина» употребляется въ Усть-Ницѣ какъ собирательное существительное). Подобный хлѣбъ и соль носятъ названіе «четверёжныхъ»: четверёжный хлѣбъ, четвережная соль.

По общей увѣренности, съ этого хлѣба и соли Богъ хранитъ на цѣлый годъ людей и скотъ *).

Старинная солонка, употребляемая въ великій четвергъ, приготовлена (выточена) изъ дерева. Она имѣетъ почти конусообразный видъ и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: верхняго и нижняго. Въ обоихъ отдѣленіяхъ теперь находится соль, раньше же, какъ говорятъ, въ верхнее отдѣленіе сыпали перецъ.

Дно верхняго отдѣленія служитъ крышкой для нижняго, а верхнее закрывается особой крышкой.. Все время года послѣ великаго четверга описанная солонка остается безъ употребленія.

Помимо всего сказаннаго въ великій четвергъ, также до восхода солнышка, производится окуриваніе верескомъ, ладаномъ или же богородской травой всего дома и хозяйства: окуриваютъ въ избѣ, въ подпольѣ, въ горницѣ, въ подвалѣ, въ пригонѣ, стойкахъ и пр.

Жители придаютъ значеніе раннему вставанію въ великій четвергъ: кто въ этотъ день до солнышка «надѣнетъ обувь»—(«обуётся»), того ожидаетъ удача будущей весной и лѣтомъ—онъ будетъ находить съ лѣсу и въ полѣ утиныя гнѣзда.

О старинной посудѣ.

Предки жителей слободы Усть-Ницынской употребляли почти исключительно мѣдную посуду, изъ которой и теперь уцѣлѣли стаканы, стопки, солонки, вилки.

Находящаяся передъ нашими глазами старинная мѣдная солонка видомъ своимъ вполнѣ напоминаетъ чашу, употребляемую въ церкви для Св. Даровъ и

*) Съ этого хлѣба хранитъ на ц. годъ... мѣстный оборотъ рѣчи..

отличается отъ нея только меньшей величиной. Въ прежнее время эта солонка сверху имѣла крышку, на которой находилось другое помѣщеніе для перца, но нынѣ верхнее отдѣленіе утеряно. Солонка эта и нынѣ ставится по праздникамъ на столъ.

Мѣдные стаканы служили въ прежнее время для угощенія пивомъ. Сдѣланы они изъ гладкой мѣди безъ всякихъ украшеній или рисунковъ. Нынѣ эти стаканы остаются безъ употребленія.

Старинная мѣдная стопка гораздо выше стакана, съ постепенно расширяющимся кверху отверстіемъ. Стаканъ ставится прямо на дно, между тѣмъ какъ по окружности дна стопки выдаются удлиненныя края стѣнокъ. Дальнѣйшее отличіе стопки отъ стакана заключается въ тѣхъ узорахъ, которые выведены по верхней части наружныхъ стѣнокъ стопки.

* * *

Сказка—приказка,
Прикована невѣстка
За ручку, за ножку,
За синь кафтанъ,
За зеленъ сафьянъ.
За ручку, за ножку
Молодушку ведутъ.

* * *

Пѣтушокъ кукурику спѣлъ,
На ворота сѣлъ,
Трои лапти сплелъ
Кочетыкъ потерялъ,
За то денежку нашелъ,
Молодицу купилъ.
Молодица то добра
Калачи пекла,
Не про насъ пекла
Про бояръ пекла.
Про бояръ пекла —
Бояры то наѣхали,
Собакъ накормили,
Собаки то сдурѣли,
Попа укусили.
Попъ за столъ,
Попадья съ пестомъ.
Треснули въ доску,
Поѣхали въ Москву,
Мостъ мостить,
Поросятъ крестить;
Туды же Макарко
съ огаркомъ
Матрёшка съ поварёшкой.

* * *

Поѣдемъ-ко жениться!
Дѣдушко—кузнечикъ!
Скуй-ко намъ колечко.
Поѣдемъ-ко жениться
Съ горки на горку,
Въ соломенну избушку,
Тамъ пиво пьютъ,
Воеводу бьютъ;
Злаяла собачка на пустынькѣ,
Зревѣлъ медвѣдь на полыдбинкѣ.

* * *

Живалко, бывалко,
На кустѣ дворъ,
На колѣ ворота,
У него, старика, пять овецъ
Да баранъ кастецъ,
Побѣжалъ въ кустецъ.
Принесъ тебѣ конфеточку,
Ванѣ черносливинку,
Кошкѣ мыльца кусочекъ,
А собакѣ г...а подъ носочекъ.

* * *

Баушка Петровна
Поѣхала по брёвна,
Вскачь погонила,
Бревно уронила,
Ногу изломила.
Какъ старику показать?
Шубной рукавъ привязать.

⁂

Анна Петровна
Поѣхала по бревна,
Запнула за пенекъ,
Простояла весь денёкъ.

⁂

Вышеприведенными прибаутками забавляютъ маленькихъ дѣтей, причемъ предпослѣдняя изъ этихъ прибаутокъ «Баушка Петровна» сопровождается слѣдующими тѣлодвиженіями. Ребенка садятъ себѣ на колѣна или же на животъ (если взрослый находится въ лежачемъ положеніи) и, слегка подбрасывая его,— подражаніе качкѣ при ѣздѣ — сказываютъ «Петровну».

Одного характера съ «Петровной»—качаніе ребенка на ногѣ. Взрослый садится на стулъ или на лавку, затѣмъ перекидываетъ одну ногу на колѣно другой, ребенокъ становится ножками на ступню, а руки даетъ взрослому, который и качаетъ ребенка на своей ногѣ.

Кромѣ всего сказаннаго дѣтей въ возрастѣ 2—5 лѣтъ забавляютъ 1) ла́душками, 2) сорокой-бѣлобокой, 3) козой и 4) баранками.

Ла́душки. Ребенка садятъ себѣ на колѣни, затѣмъ берутъ его руки,— если ребенокъ еще нетвердо ими владѣетъ —и хлопаютъ въ ладоши, приговаривая:

Ла́душки, ла́душки
Гдѣ были?
У баушки!
Чего ѣли?
Кашку!
Чего пили?
Бражку!
Кашка слатѐнька,
Баушка добрѐнька:
Накормила киселемъ,
Проводила голичкомъ.

Иногда берутъ ребенка за ручки и, не складывая ихъ ладонями одна къ другой, поднимаютъ медленно кверху, подражая полету птицъ и приговаривая:

«Уты-уты полетѣли, полетѣли; полетѣли, на головку сѣ-ѣ-ли»! и при послѣднихъ словахъ ручки ребенка кладутъ на головку.

Сорока-бѣлобока. Чтобы сказать «сороку бѣлобоку», слѣдуетъ плюнуть ребенку на ладонь его лѣвой руки, затѣмъ нужно взять указательный палецъ правой руки ребенка и, мѣшая имъ слюну на ладони, приговаривать:

Сорока-бѣлобока
На порогъ скакала,
Гостей скликала,
Не придутъ ли гости,
Не съѣдятъ ли кашку,
Не на.рутъ ли въ чашку,
Пришли гости,
Съѣли кашку,
На.рали полну чашку.

Послѣ этой прибаутки начинаютъ перебирать пальцы на одной рукѣ ребенка, начиная съ мизинчика. Взявши за мизинчикъ, говорятъ, «этому ложка», взявши за безъимянный палецъ, «этому поварешка», среднему—«чашка», указательному—«этому весь горшокъ», большому—«нѣтъ ничего»: «вотъ онъ ходитъ, баню топитъ, воду носитъ»; тутъ (при этомъ показываютъ на запястье или за́вить руки) холодна вода, тутъ (показываютъ выше) тепла вода, тутъ щекотятъ ребенка подъ основаніемъ руки) кипятокъ, кипятокъ, кипятокъ»!

Ребенокъ обыкновенно хохочетъ и проситъ еще «сороку бѣлобоку».

Коза. Чтобы представить, «козу» взрослый пригибаетъ три пальца къ ладони, оставляя несогнутыми только указательный и мизинецъ, которые должны изображать рога козы; затѣмъ, постепенно приближая эту «козу» къ ребенку, приговариваютъ:

Идетъ коза-боза
Золоты рога,
Кто титю сосетъ,
Молочко пьетъ,—
Забудётъ, забудётъ, забудётъ.

Бара́нки. Мотаютъ головой, желая придать себѣ видъ бодающагося барана, затѣмъ легонько стукаютъ своей головой о голову ребенка, приговаривая: «Баранки-баранки кокъ! Баранки-баранки кокъ»!

Въ разговорѣ съ маленькими дѣтьми вообще подлаживаются къ ихъ несовершенному гово́ру и, между прочимъ, вмѣсто «стукнуть», «стукнуться» маленькимъ дѣтямъ и о маленькихъ дѣтяхъ говорятъ: «кокнуть», «кокнуться», откуда происходитъ и «кокъ»! вмѣсто «стукъ-стукъ»! «Яйцо» въ разговорѣ съ ребенкомъ называется: «ко́ко», вѣроятно, вслѣдствіе того, что прежде, чѣмъ съѣсть яйцо, нужно его «кокнуть».

Ф. Зобнинъ.

Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гнѣзно и къ Н. И. Надеждину *).

1. Д-ру Нейю, Директору въ Гнѣзнѣ.

20 juny 1840.

Sie werden sich noch vielleicht erinnern eines Reisenden aus Russland, der die Ehre hatte Ihnen seine Aufwartung zu machen in März Monate dieses Iahres in Gnesen. Derselbe Reisende nimmt sich die Freiheit in einer für Slawen wichtigen Angelenheit an Sie zu schreiben.

In der St. Georg's Kirche zu Gnesen sah ich zwei Figuren, die merkwürdig in vieler Hinsicht sind. Ich enthalte mich jeder Beschreibung derselben. Sie haben dieselben vor sich. Sie werden auch leicht erfahren können, was darüber die Tradition erzählt. Eine von diesen Figuren ist beschädigt. Herr Wolanski soll aber eine Copie haben von diesen Figuren als sie noch unversehrt waren.

Es wäre demnach wünschenswerth zu erfahren

1) Ob diese Figuren wirklich in dem für heidnisch gehaltenen Theile der Kirche einst placirt waren, wovon ich gehört habe?

2) Ietzt sind sie von einander getrennt, waren sie auch früher?

3) Genau noch zu forschen, was darüber in der Volkstradition vorhanden ist, und ob sonstige Nachrichten vorhanden sind.

4) Es wäre zu wünschen eine genaue Beschreibung des für heidnisch gehaltenen Theiles der Kirche?

5) An die Hauptsache wäre aber eine genaue Abzeichnung der Figuren, wie sie jetzt zu sehen sind, mit Hinzurichten der Copie des H. Wolanski u. Angabe des Materials, aus welchem sie verfertigt sind?

Ich habe über diese Figuren mit dem Herrn Prof. C. Richter gesprochen; er findet auch, dass die Sache sehr wichtig ist.

Ich erlaube mir hiebei einen Aufsatz von Herrn Szafarzyk in Prag über ein Bildniss des slawischen Czarny Bóg in Bamberg zu übersenden. Man erhält dadurch die angenehme Ueberzeugung, dassdie Slawen noch

*) Въ дополненіе къ напечатаннымъ въ «Живой Старинѣ» 1892 года. Чернякъ найденъ мною въ находящихся у меня бумагахъ Прейса В. Л.

nicht alles aus ihrer vorchristlichen Zeit verloren haben. Möglicher Weise gehoren auch die Gnesener Figuren derselben Zeit an. Entweder Przyjaciel Ludu wäre die geeigneteste Zeitschrift für die Mittheilung über diesen Gegenstand oder eine andere Zeitschrift, die jetzt in Berlin erscheinen soll,—die Adresse wäre an die Buchhandlung Behr zu Berlin.

Ich bin fest überzeugt dass Eure Wohlgebohren. werden die Güte haben auf das Genaueste zu prüfen und veranschaulichen; ob Herr Wolanski soll eine Sammlung von inländischen Antiquitäten haben,—könnten Sie nicht auch davon einen kleinen Bericht erstatten.

Ich verbleibe, Wohlgeborener Herr

Sr. Wohlgeb. dem Herrn Dr. Neu director in Gnesen.

mit Hochachtung
ergebenster Diener
Preis.

---

2. Н. И. Надеждину.

Милостивый Государь
Николай Ивановичъ!

Вчера въ полночь получилъ я отвѣтъ отъ хранителя рукописей Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова. Спѣшу увѣдомить Васъ о подробностяхъ дѣла собственными его словами.

«Мѣсяца два тому назадъ князь Любомирскій также, какъ кажется, по порученію одного изъ львовскихъ ученыхъ, хотѣлъ снять fac-simile первыхъ шести листовъ лѣтописи Дзѣржвы, но ограничился, по совѣту Г. Малевскаго, одною только страницею. Причинами этого были неразборчивость рукописи и трудность пріискать человѣка, способнаго снять fac-simile».

За симъ Г. Бычковъ совѣтуетъ «обратиться къ Г. Рейхелю, директору экспедиціи заготовленіи бумагъ для государственныхъ билетовъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько людей, весьма искусныхъ въ снятіи fac-simile. У него обыкновенно исполняются всѣ снимки для археографической коммиссіи».

Такимъ образомъ есть надежда, что желаніе Г. Мацѣевскаго можетъ легко исполниться еще во время пребыванія Вашего въ Петербургѣ. Источникъ, указанный Г. Бычковымъ, для меня совершенно новый. Радуюсь этому открытію.

Поручая себя Вашему расположенію, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашимъ, Милостивый Государь,
покорнымъ слугою П. Прейсъ.

14 февраля 1846 г.
С. Петербургъ.

*) Копія этого письма мнѣ недавно была доставлена молодымъ русскимъ славистомъ, магистрантомъ Варшавскаго Университета г. Францевымъ изъ Праги. Оригиналъ находился въ б—кѣ Чешскаго Нар. Музеѣ. Г. Францеву приношу искреннюю благодарность. В. Л.

Остатки работъ П. И. Прейса.

(Къ исторіи Славяновѣдѣнія).

Предисловіе.

Вскорѣ послѣ изданія писемъ Прейса („Жив. Ст." 1892 г.), я получилъ отъ Мих. Степ. Куторги, собраніе бумагъ нашего слависта, доставшееся ему въ наслѣдство вмѣстѣ съ прекрасною библіотекою по археологіи и исторіи Древней Греціи и съ небольшимъ имѣніемъ „Борокъ" въ Мстисл. уѣздѣ, Могилевской губ., отъ дяди его, покойнаго профессора, друга Прейсова, Мих. Сем. Куторги. Еще лѣтомъ 1891 г. въ бытность мою въ Боркѣ, въ гостяхъ у М. Ст. Куторги, я бѣгло ознакомился съ этими бумагами Прейса. Разобравъ и перечитавъ ихъ у себя на досугѣ, нахожу теперь возможнымъ приступить къ изданію особаго сборника этихъ остатковъ трудовъ Прейса, къ которымъ намѣреваюсь присоединить и всѣ появившіяся въ печати, до его смерти (1846), статьи.

Здѣсь помѣщаются:

а) I, II. письма князя Ширинскаго-Шихматова и М. С. Куторги. Изъ этой переписки видно, что часть бумагъ и подготовительныхъ работъ Прейса была передана проф. Куторгою во II отдѣленіе И. Ак. Н. Упоминается еще объ одной рукописи, оставшейся у проф. университета Св. Владиміра Яроцкаго (I, II).

б) III. Взятый мною изъ записной книжки Прейса—составленный и занумерованный имъ списокъ темъ и задачъ для предположенныхъ, заготовлявшихся и отчасти въ чернѣ подготовленныхъ изслѣдованій. (III). Этотъ списокъ ясно указываетъ, какъ широко понималъ Прейсъ задачи славяновѣдѣнія и какъ вѣрно намѣтилъ онъ ходъ дальнѣйшаго развитія этой области знанія. Одни изъ его вопросовъ, темъ и задачъ получили значительную разработку только черезъ 20, 30 лѣтъ по его смерти, другіе—еще позже или продолжаютъ разработываться и понынѣ (хронографы, апокрифы), третьи еще ожидаютъ или только что нашли изслѣдователей (Геогр. Отрыв. Воскр. Лѣт., Исторія западно-русскаго нарѣчія).

Эта широта воззрѣній Прейса и глубокое изученіе предметовъ, за которое онъ брался, оцѣнены будутъ знатоками еще болѣе, по изданіи разныхъ отрывковъ или почти оконченныхъ статей и по описаніи собранныхъ матеріа-

ловъ и всѣхъ остальныхъ бумагъ этого замѣчательнаго человѣка и ученаго: проживи онъ еще лѣтъ 20—30, онъ бы вѣроятно составилъ эпоху въ исторіи Славяновѣдѣнія.

в) IV. Отдѣльныя замѣтки о разныхъ рукописяхъ и рѣдкихъ книгахъ заграничныхъ библіотекъ по Литовщинѣ и по Славянщинѣ и нѣкоторыя интересныя отмѣтки для себя pro memoria—что сдѣлать, что достать и собрать.

г) V. Списокъ знакомыхъ и пріятелей Прейса въ Россіи и заграницею, преимущественно въ славянскихъ земляхъ. Конечно это—мелочи, но я счелъ нужнымъ это напечатать, такъ какъ 1) тотъ или другой кругъ знакомыхъ, точно также какъ и извѣстное собраніе книгъ, лучше выясняетъ намъ человѣка; 2) въ бумагахъ наслѣдниковъ этихъ знакомыхъ и пріятелей Прейса могутъ еще отыскаться его письма или какія-нибудь о немъ замѣтки, упоминанья и даже воспоминанья.

д) VI, VII, VIII. Этнографическая Программа, составленная Прейсомъ, не безъ участія кажется Срезневскаго, его спутника по Истріи, Далмаціи и Черной Горѣ, для изученія сербо-хорватскихъ земель въ нынѣшней Австро-Венгріи. Программа написана Прейсомъ по нѣмецки для напечатанія въ хорватскихъ и сербскихъ журналахъ, хотя Прейсъ хорошо зналъ сербскій языкъ, но очевидно затруднялся написать по сербски такую программу, боясь быть неточнымъ и непонятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ 40-хъ годовъ сербскій литературный языкъ, особенно у Хорватовъ, былъ очень мало обработанъ для научныхъ вопросовъ; по русски же мало у нихъ кто зналъ въ то время. Я строго придерживался правописанія Прейса и вообще сохранилъ нѣкоторыя неправильности и ошибки въ его нѣмецкомъ оригиналѣ: для Прейса нѣмецкій языкъ не былъ роднымъ. Онъ научился владѣть имъ уже въ Дерптѣ, и полагаю, немногіе русскіе его товарищи: Порошинъ, Калмыковъ, Неволинъ, Куторга и др., прожившіе въ Дерптѣ, и потомъ въ Германіи года два, владѣли вѣроятно нѣмецкимъ языкомъ не только не хуже, но, сравнительно, можетъ и лучше Прейса, которому знаніе эстонскаго, а потомъ латышскаго, литовскаго и славянскихъ языковъ скорѣе мѣшало его успѣхамъ въ практическомъ знаніи нѣмецкаго языка. Тутъ же приложены написанная Прейсомъ и программа хорватскаго журнала и замѣтки Срезневскаго и Прейса по поводу выше упоминаемой этнографической программы (VII, VIII).

е) IX. Очень милое и красивое стихотвореніе С (ерба) Милутина Н (иканора) Груича, тогда уже архимандрита Кувеждинскаго монастыря на знаменитой Фрушкой горѣ (Frankochorion) въ Срѣмѣ (въ Славоніи). Отличный знатокъ родного языка, Груичъ, былъ человѣкъ образованный и даровитый. Въ бытность свою, на Фрушкой горѣ, въ Кувеждинѣ, Прейсъ пользовался гостепріимствомъ Груича. Хозяинъ изящно выразилъ страсть Прейса къ научнымъ историческимъ занятіямъ въ написанномъ, ему на память, стихотвореніи.

Печатаемъ его съ автографа на листкѣ почтовой бумаги, сохранившемся въ бумагахъ Прейса.

ж) X. Первая лекція Прейса, читанная 18 марта или всячески весною 1843 г. въ И. Спб. Университетѣ въ присутствіи тогдашняго министра Народн. Просв. Уварова. Лекція эта начисто переписана рукою Прейса въ особой тетрадкѣ *).

30 Декабря 1893 г. *В. Ламанскій.*

I.

Письмо кн. Ширинскаго-Шихматова М. С. Куторгѣ.

Милостивый Государь

Михаилъ Степановичъ!

Ординарный Академикъ А. Х. Востоковъ, которому было поручено разсмотрѣть представленныя Вами бумаги покойнаго Прейса, довелъ нынѣ до свѣдѣнія Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, что бумаги Прейса заключаютъ въ себѣ:

1. Словарь нынѣшняго Болгарскаго языка въ азбучномъ и отчасти въ словопроизводномъ порядкѣ,—въ одномъ переплетномъ томѣ.

2. Коробка съ карточками того же Болгарскаго Словаря, и въ той же коробкѣ на маленькихъ карточкахъ особое собраніе по алфавиту всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ словѣ о полку Игоревѣ.

3. Карточки Сербскаго Словаря.

4—8. Въ пяти коробкахъ карточки Церковно-Славянскаго Словаря.

9. Карточки географическихъ именъ Россіи.

10. Тоже географическихъ именъ Сербіи.

11. Тоже географическихъ именъ разныхъ Славянскихъ земель, этимологическія замѣтки о производствѣ словъ, разныя выписанныя изъ книгъ слова, оглавленія книгъ и пр.

Означенные здѣсь словари, по мнѣнію Г. Востокова, нельзя назвать полными. Они содержатъ въ себѣ только матеріалы для словарей, матеріалы, которыми Отдѣленіе Русскаго языка и словесности едва ли можетъ пользоваться. Притомъ же, тутъ рѣдко гдѣ приложены объясненія словъ, а только ссылки на страницы разныхъ книгъ, откуда слова выписаны. Въ числѣ словъ находятся и собственныя имена, которыя не вносятся въ нашъ Словарь, а также окончанія словъ, напр. акъ, алъ, елъ, олъ, и т. под.

---

*) По некрологу Прейса (Иллюстр. 1849 г.) эта лекція была читана: «въ исходѣ академическаго 1843 г.» слѣд. зимою, а изъ Жур. Зап. Сов. нашего Университета оказывается, что она была назначена 18-го марта 1843 г. См. Письма Прейса «Жив. Стар.» 1892 г. и отд. отт., стр. 91.

**) Необходимыя болѣе или менѣе подробныя примѣчанія и поясненія всякаго рода къ статьямъ, лекціямъ и замѣткамъ Прейса будутъ мною написаны и помѣщены къ концу изданія всѣхъ остальныхъ его какъ прежде неизданныхъ, такъ и изданныхъ уже статей и замѣтокъ, и послѣ описанія всѣхъ остальныхъ его работъ и собранныхъ имъ матеріаловъ. Иначе нельзя избѣжать частыхъ повтореній; притомъ же иныя примѣчанія не могутъ не занять много мѣста.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, по выслушаніи означеннаго мнѣнія, опредѣлило: 1) просить Васъ, Милостивый Государь, о предоставленіи ему слѣдующихъ бумагъ покойнаго Прейса: а) связки, содержащей въ себѣ слова нынѣшняго Болгарскаго языка и словъ, встрѣчающихся въ пѣсни о полку Игоревѣ, б) связки съ сербскими словами, в) пяти связокъ съ словами Церковно-Славянскаго языка, и г) тетради, заключающей въ себѣ Словарь нынѣшняго Болгарскаго языка, и 2) увѣдомить Васъ, что Отдѣленіе можетъ воспользоваться собраніемъ Болгарскихъ и Сербскихъ словъ при предполагаемомъ изданіи сравнительнаго Словаря Славянскихъ нарѣчій, а остальными бумагами при второмъ изданіи Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, и что три связки съ матеріалами для Географическихъ Словарей Отдѣленіе считало бы съ своей стороны приличнымъ передать въ Русское Географическое Общество.

Сообщая о семъ заключеніи Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, покорнѣйше прошу не оставить меня Вашимъ по оному отвѣтомъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

24 Марта 1848 г. *Кн. Ширинскій Шихматовъ.*

II.

Письмо М. С. Куторги къ кн. Ширинскому-Шихматову о бумагахъ покойнаго Прейса.

Его Сіятельству, Господину Предсѣдательствующему Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Проф. Мих. Куторги

Донесеніе.

Въ отвѣтъ на почтенное письмо В. С. отъ 24-го Марта сего 1848 года за № 91, честь имѣю донести, что я съ величайшею готовностію предоставляю второму отдѣленію Академіи Наукъ тѣ бумаги покойнаго П. И. Прейса, которыя угодно было отдѣленію назначить. Поставляю долгомъ присоединить, что если въ прочихъ бумагахъ П. И. Прейса найдутся еще нѣкоторыя, относящіяся къ лексикографіи, то я непремину препроводить и ихъ въ Отдѣленіе. Дѣйствуя такимъ образомъ, я желалъ бы оказать пользу наукѣ и извлечь изъ забвенія имя ученаго, бывшаго первымъ преподавателемъ Славянскихъ нарѣчій въ Россіи. Имѣя въ виду только эти двѣ цѣли, я осмѣливаюсь утруждать Ваше Сіятельство покорнѣйшею своею просьбою: о сдѣланіи распоряженія, чтобы какъ въ новомъ изданіи словаря Церковно-Славянскаго и другого языка, такъ и въ предполагаемомъ сравнительномъ словарѣ славянскихъ нарѣчій была подписана буква П подъ словами, заимствованными изъ трудовъ покойнаго П. И. Прейса, съ объясненіемъ ея значенія въ предисловіи.

Судя по письму Прейса отъ 30-го Іюня 1843 г. съ Сухачеву вѣрнѣе, что первая его лекція была прочитана не зимою, и даже не осенью, а именно весною 1843 г. (Письма Прейса отд. отт. с. 91).

Я уже имѣлъ честь лично докладывать Вашему Сіятельству о многихъ другихъ ученыхъ трудахъ сего самого почтеннаго Славянскаго Филолога и, между прочимъ, о лекціяхъ читанныхъ имъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Нисколько несомнѣваюсь, что изданіе въ свѣтъ сихъ лекцій принесло бы существенную пользу какъ по своей новости, ибо подобное сочиненіе будетъ первымъ въ нашемъ Отечествѣ, такъ и потому, что въ нихъ заключается Грамматика Церковно-Славянскаго языка, бывшая главнымъ предметомъ занятій покойнаго. Все это заставляетъ меня прибѣгнуть къ В. С. съ убѣдительнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи изданія въ свѣтъ сихъ лекцій вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ.

Предоставляя такимъ образомъ означенные труды П. И. Прейса, безъ всякаго вознагражденія кромѣ только оттиска нѣсколькихъ экземпляровъ для раздачи роднымъ и друзьямъ умершаго, я льщу себя надеждою, что Отдѣленіе не откажетъ соорудить небольшой памятникъ надъ его могилою, остающеюся теперь совершенно безъ чести и имени.

При семъ я имѣю честь представить рукопись, въ которой заключаются лекціи П. И. Прейса, кромѣ одной только Грамматики Ц.-С. языка. Послѣдней нѣтъ здѣсь еще потому, что лучшій экземпляръ ея находится у Г. Яроцкаго, адьюнкта Университета Св. Владиміра. Польза науки даетъ мнѣ смѣлость просить В. С. объ истребованіи у Г. Яроцкаго сей рукописи, которую онъ вышлетъ немедленно. Что же касается до составленія сей Грамматики, то его принялъ на себя молодой ученый Г. Билярскій, который проситъ только разрѣшенія обращаться въ сомнительныхъ случаяхъ къ Г. Академику А. Х. Востокову.

24 Мая 1848.

III.

Составленный Прейсомъ списокъ задачъ и темъ для предположенныхъ, заготовлявшихся и отчасти въ чернѣ подготовленныхъ изслѣдованій и трудовъ.

1. Босна.
2. Fennica.
3. Ц. С. Хрестоматія.
4. Сербская грамматика.
5. Географія Славянъ.
6. Исторія Славянъ.
7. Исторія Сербской литературы.
8. Монеты сербскія.
9. Словарь ручной.
   1) Русско-сербо-ческо(sic)-польскій.
   2) Сербо-русско-ческо-польскій.
   3) Ческо-русско-сербско-польскій.
   4) Польско-ческо-русско-сербскій.
10. Изъ С.-Петербургскихъ библіотекъ для
   1) Польской исторіи и литературы
   2) Сербской исторіи сборникъ.
   3) Ческой исторіи.
11. Изъ Штетина достать копію грамоты, о коей говорилъ Мронговіусъ.
12. Матеріалы къ исторіи Кирилла и Меѳодія.

(Для Жур. М. Н. П. о прологѣ Кувеждинскомъ).
13. Болгарія.
14. Index codicis diplomatici Croatiae cum appendice fontium historiae Croatiae.
15. Славянскій альманахъ.
16. Отношеніе Сербіи къ Дубровнику.
17. Просмотръ каталоговъ рукописей разныхъ библіотекъ.
18. Глагольскія рукописи.
19. Jllyricum и Албанія.
20. Описаніе С.-Петербургскихъ рукописей.
21. Сказанія о Александрѣ великомъ.
22. Сказки рукописныя.
23. Чисто-болгарскія рукописи.
24. Sancti patres in versione slavica.
25. Хронографы см. ниже 109.
26. Дубровницкіе писатели.
27. Vitae Sanctorum Slavicorum.
28. Житіе св. Димитрія (Šafar Starož 566 пр. 25.
29. Извлеченія изъ записокъ людей, путешествовавшихъ въ 11—12 ст. въ Палестину черезъ Сербію и Болгарію.
30. Синаксари по русскимъ, сербскимъ и болгарскимъ источникамъ.
31. Синхронистическая таблица исторіи Славянъ.
32. Разговоры въ 4-хъ главныхъ діалектахъ.
33. Пермскія письмена.
34. Клинообразныя письмена.
35. Названія мѣсяцевъ у Іудеевъ.
36. О Хазарахъ по lois maritimes*).
37. Lituanica.
38. Боппові Slavica.
39. Рукописные словари славянскіе и особенно Памвы Берынды.
40. Матеріалы къ лексикографіи славянскихъ нарѣчій обще съ Срезневскимъ.
a) Выписки изъ Милутиновиħа.
b) Изъ прочихъ ново-сербскихъ книгъ.
c) Изъ иллирскихъ книгъ.
41. Москва и Царьградъ.
42. Запросы въ сербскія-пештанскія, београдскія и иллирскія новины**).
43. Дополненія къ русскимъ словарямъ особенно издать.
44. Извлечь изъ Качиħа всѣ слова замѣчательныя, незанесенныя въ словари или характеризующія его діалектъ.
45. Для Сербовъ составить Aufgabenbuch zu Aufsätzen, при чемъ стараться о томъ, чтобы темы касались языка, народности, отечественной исторіи, пѣсенъ.
— Грамматики разныхъ языковъ по одной и той же системѣ.
— Продолженіе Магарашевиħевој исторіи.
— Христоматія Сербска.
46. Игоревы и Олеговы трактаты.
47. Издать градской законъ.
48. Литургическія книги православной церкви.
49. Сдѣлать запросъ «о гегавачкомъ језику» Србска Новина или Магазин за художество, книжество и моду. Основао уредіо и издао А. Арнотъ. 1838 № 8 р. 34.

«Кој прости народ у Европи имаде у језику-језик»? Имају Срби-Гегавачи; наши слијепци говоре свој језик особити од обштега народа, и нитко им га не разумије, докле га не научи као и други језик; он имаде своје основаније, пространство и правилност, и могао би од ползе и дике бити. Напр.
Гегавац зове се слијепац
клиндров—воħа
рамко—коњ
урвиз—вино
готивица—ракија
паверина—ватра
поредивати—говорити
скењивати—мучати и пр.

У Сријема Иригу, док је било сајмиште слијепацах, зборен је тај језик; но данас у босанској Поса-

*) т. е. по сборнику Pardessus.
**) Тутъ надо полагать разумѣется «Этнографическая программа» (см ниже).

вини, те лише у градачкој околини мало тко и окати, де га не збори. Ја мислим, да је ово сокровиште духа!

(Симон) Милутиновић). С?.

50. Объясненіе посланія Владиміра Мономаха.
51. Данiилъ паломникъ по древнѣйшимъ рукописямъ съ примѣчаніями.
52. Русская Правда.
53. Кормчая. Отдѣльныя изъ нея статьи: градскій законъ, о сектахъ, славянскія статьи, словари, русскія статьи.
54. Србы (sic), прославившіе себя въ Россіи (напр. Макарій) (sic?)
56. Матеріалы къ древнѣйшей русской литературѣ.
56. Путешествіе Аѳанасія въ Индію.
57. О чужеязычныхъ словахъ церковно-славянскаго: 1) Еврейскія, 2) Греческія, 3) Арабскія, 4) Германскія 5) неизвѣстнаго происхожденія.
58. Качића напечатать кирилловскими буквами.
59. По поводу учрежденія Общества Сербской словесности написать для сербской лѣтописи статью о томъ, что сдѣлали для языка академія французская, италіянская, русская и другія общества и что слѣдуетъ дѣлать.
60. Написать статью для лѣтописи о несообразностяхъ, которыя должны проистечь отъ старой ороографіи.
61. Заняться переводомъ чего нибудь съ нѣмецкаго напр. Гумболтовой Sprachbau.
62. Описаніе святогорскаго Аѳонскаго монастыря.
63. Составить болгарскую грамматику такимъ образомъ, чтобъ она служила запросомъ, побужденіемъ какому нибудь Болгарину представить правила своего языка добросовѣстно.
64. Издать «похвалу мниха Якова Владиміру» по рукописи Царскаго и Публичной Библіотеки.
65. Діоклеецъ.
66. Linguae zendicae grammatica.
67. Michalonis fragmina,
68. О происхожденіи Монголовъ по русскимъ лѣтописямъ и Abulghasi (v. Z. nr. 678). *).
69. Пустить воду (Zur. 723).
70. Вѣсы и мѣры Чуди Лифляндской и Латышей; христіанство.
71. Объясненіе миѳологическаго мѣста у Нестора. См. ниже 100.
72. Мордва исторически, этнографически и филологически. См. ниже 102 Z. 937.
73. Филологическія (отдѣльныя) замѣчанія къ слову о полку Игоря, Русскимъ Лѣтописямъ (Z. nr. 626, 627, 628, 783, 814, 621, 641, 924, 1005, 1012.
74. Бранныя слова южныхъ Славянъ nr. 854, 898, 900, 902.
75. Славянскія слова въ Венгерскомъ nr. 870, 873.
76. Русь и Венгрія.
77. О Троянѣ (nr. 771, 681, 739. Šaf. Starož. p. 127, 418.
78. Замѣчанія къ древностямъ Шафарика.
79. Исторія западно-русскаго нарѣчія.
80. Славянскія слова и элементы въ Валашскомъ и Албанскомъ.
81. Слова восточнаго происхожденія въ русскомъ языкѣ.
82. Замѣчанія русскаго относительно хода и развитія новоческаго языка.
83. Слова германскаго происхожденія въ русскомъ языкѣ.
84. Слова, особенно свойственныя извѣстному діалекту или извѣстной отрасли діалектовъ.

*) Въ друг. книжкѣ подъ № 678 О происхожденія Монголовъ въ Русск. Лѣтописяхъ сказаніе совершенно сходное съ Abulghasi (Schmidt Forsch. p. 12, 18, 19. Hammer Gold. Horde 54).

85. О движеніи народонаселенія съ юга на сѣверъ и сѣверовостокъ.
86. Geographia Sarmatiae et Scythiae epigraphica. (Šafářjk Starož. 417 пр. 118).
87. Изъ Дюканжа выбрать все славянское или относящееся къ славянству.
88. О происхожденіи имени города Gömör.
89. Издать все относящееся къ византійской или церковной исторіи по славянскимъ переводамъ, коихъ греческіе подлинники потеряны.
90. Славянскія названія мѣсяцевъ.
91. Какіе болѣе или менѣе важные варіанты для лѣтописи Нестора могутъ быть извлечены изъ Длугоша.
92. Для библіотеки пріобрѣсть печатныя богослужебныя книги на греч. языкѣ.
93. Общество печатанія полезныхъ славянскихъ книгъ.
94. Слав. Отдѣленіе при Императ. Публичной Библіотекѣ.
95. Книжная слав. торговля.
96. Птолемеевъ текстъ о Сарматіи и Скиѳіи по С.-Петербургскому списку.
97. Изъ Византійцевъ извлечь слова и имена славянскія съ тѣмъ, чтобы «од прилике» имѣть понятіе, какъ писали Славяне до Кирилла «грьчьскыми письмены» по свидѣтельству Мниха Храбра.
98. Разобрать историко-филологически разныя названія хлѣбовъ у Славянъ (Пособіе побочное! Denkschriften Berliner Akademie).
99. Свести знакомство съ Горцами въ Петербургѣ для узнанія ихъ языка, обычаевъ.
100. Podlé Eddy zdá se gisto býti, že Skandinavci od Alanůw mnohé náboženské obřady přijali. Šaf. Star. 294. Отыскать.
101. Русь до-Несторовская. 1) колоніи греческія. 2) Продотово описаніе etc.
102. См. выше 72. Волга не значитъ «святая», тѣмъ болѣе, что Мордва не зоветъ этой рѣки Волгою. Walg значитъ свѣтлый cf. венгр. világ, világos, можетъ быть и ili турецк. сюда.
103. Составить словарь къ Ексарху болгарскому (и комментарій).
104. Eymund'ову сагу издать съ примѣчаніями и словаремъ.
105. Древняя географія Руси.
106. Изъ Record's выписать все слав(янское).
107. О политикѣ Византійцевъ въ отношеніи къ Венгріи. cf. брош. p. 7—8 sq.
108. Извлечь изъ памятниковъ особенности нарѣчія новгородскаго и псковскаго.
109. См. выше 25.

Хронографы.

a) важность ихъ, какъ памятниковъ языка. Могли сохраниться слова, которыхъ (я) въ текстахъ духовнаго содержанія никогда не были встрѣчены.
b) Можно надѣяться, что въ нихъ найдется не одно изъ мѣстъ потерянныхъ нынѣ греческихъ писателей.
c) Славянскія вставки.
d) Въ Греческихъ извѣстіяхъ о Славянахъ имена собственныя, нынѣ crux interpretum, откроются въ славянской формѣ.

110. Описаніе монетъ русскихъ, лифляндскихъ etc., находящихся въ моемъ собраніи и донынѣ еще неизвѣстныхъ.
111. При составленіи ц. с. грамматики необходимо синоптически представлять особенности формъ по рукописямъ болгарскимъ, сербскимъ, русскимъ.
112. Составить статью о народномъ синтаксисѣ изъ Нестора и другихъ писателей: сочетаніе предложеній, размѣщеніе частей предложенія.
113. Novum testamentum slavicum secundum antiquissimos codices.
114. Слова Ц. С. юридическія по Гримму.

115. Изданіе на Слав. языкѣ писателей (напр. Меѳодій Патарскій et ctr.), на которыхъ ссылаются русскія лѣтописи. Сюда.
1) темы изъ свящ. писанія и ихъ примѣненіе.
2) Хронографъ.
3) Меѳодій Патарскій.
4) Откуда взялъ Несторъ Хорутанъ?. Знакомство съ этими книгами было источникомъ новыхъ понятій, постепенно переходившихъ изъ высшихъ къ низшимъ и истреблявшихъ мнѣнія, понятія древнихъ Славянъ.
116. Положеніе западныхъ Руссовъ (ко времени подпаденія ихъ власти Поляковъ и со времени религіозныхъ гоненій) и тогдашняя форма образованія произвели въ западной Руси особенныя понятія о древней русской исторіи.
117. Theodoreti locus de Slavis.
115. (sic) Эпическія выраженія въ оригинальныхъ славянскихъ легендахъ.
116. (sic). Въ чемъ сходствуетъ русская исторіографія съ византійскою и въ чемъ заключаются особенности первой.
117. Военныя границы Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
118. Не имѣетъ ли языкъ албанскій сходства съ чаконскимъ?
119. Славянскій альманахъ на нѣмецкомъ языкѣ.
120. Ганза—сѣверная Русь.
121. Несторъ и Martinus Gallus параллель.
122. Исторія польскаго образованія въ Россіи.
123. Составить Греческую хрестоматію для переводовъ на Ц. С(лавянскій языкъ).
124. Окаменѣлости слав. языковъ.
125. Index ad Institutiones linguae Slavicae.
126. Объ Уграхъ et de cognatis eorum.
127. Fennica.
128. Брѫдокка.
129. Мѣсто въ Несторѣ изъ Амартола.
130. Russische Quellen zur Geschichte der morgenländischer Völker.
131. Готы въ Крыму.
132. О происхожденіи Мр. (Малорусскаго) нарѣчія.
133. Mythologica: Сварогъ.
134. Lexicographica.
135. Geographica для Лифлянд.
136. Лужицкія пѣсни.
137. Перевесть Herberstein'ову грам.
138. О Болгарахъ Волжск.

Групове?

Грдъ Ошела, Ашли Очела въ Лиф? cf. Мађ. os (т. е. ош).

Васея р. Костр. Д. Р. Г. 148. Басов.

Предположеніе Кеппена о знахаряхъ весьма справедливо: кудесниковъ вѣшали на деревѣ и въ Руси.

Въ Мађ. также Болгар (ск)ом и называется юфть.

Можжары временъ Іоанна Грознаго и Μαζαζοι Конст. Багрян.

Что Славяне селились въ Поволжьѣ cf. Пургасова Русь.

Финнизм Болгар: Ошела, Собекула, Исады?

139. Варяги по мнѣнію Потта II, 532.
140. Для Ж. М. Н. П. о торговлѣ Холопья городка.
141. Извлеченіе изъ Вука всего, что касается до Сербіи и ея обычаевъ.
142. О Краледвор. рпси.
143. Slaw. Erbfolgerecht.
144. Изъ Hammer'а все относящееся къ Сербіи.
145. Рукописи у Паризу.
146. О глагольск. письму.
147. Земун.
148. О грамматикѣ Срб. у Калаjдовича. (т. е. грам. Крижанича. Ред.).
149. Грануло сущє.
150. Новое изданіе Русской Вивліоѳ. съ словаремъ и введеніемъ по образцу Штенцеля.
151. Вытяжка изъ Гортологіи Снегирева.
152. Роспись сочиненій на Мр. нарѣчіи.

153. Срб. пословицы юридическія.
154. Царствованіе краля Милутина съ 1275—1321. Монографія по Сербской исторіи.
155. О династіяхъ чужеземныхъ.
1) Славяне сражаются пѣшіе, господа ихъ конники.
2) Славяне живутъ осѣдло. Господа ихъ кочуютъ, живутъ въ шатрахъ, кибиткахъ.
2) Образъ правленія.

156. Разсмотрѣть славянскія пѣсни о женщинѣ.
1) въ домѣ отца.
Comme fille
Comme soeur et parente
2) въ домѣ супруга
Comme femme
Comme veuve
Comme mère
Къ тому прибавить la capacité civile des femmes.

IV.

Отдѣльныя замѣтки.

а.

На особомъ листкѣ.

Pro memoria

1) Мурко о составленіи хорутанской хрестоматіи съ обозрѣніемъ литературы. Его же просить о списаніи грамоты глагольской въ Градцѣ.
2) Шафарика о географическомъ отрывкѣ.

б.

Тутъ-же.

— Многообразіе предметовъ.
— Прошлый годъ болѣзнь.
— Собственная выгода заставляетъ меня спѣшить.
— Сосредоточеніе всѣхъ силъ на одну дѣятельность, съ отверженіемъ всякой другой.
— Недостатокъ пособій.
— Недостатокъ совокупной дѣятельности.

в.

На отдѣльномъ листкѣ.

Надеждинъ Н. И.

1) О доставленіи въ Бѣлградъ книгъ.
2) О булгарскихъ печатяхъ.
3) Нельзя ли черезъ Одесскихъ знакомцевъ узнать о Болгарахъ, живущихъ въ СПБ.

г.

На друг. такомъ же листкѣ.

Куршатъ.

1) Что можетъ стоить ежегодная поѣздка въ Литву во время каникулярное для собиранія словъ литовскихъ.
2) Просить Iordan'а о подлинникѣ тѣхъ литовск. пѣсенъ, которыя имъ переведены.

д.

Замѣтки изъ записныхъ дорожныхъ книжекъ.

1) Будим v. Ofen узнать о Исторіи Сербской литературы, составленной Антоном Арнот'ом. Эта рукопись находится у вдовы его.

2) Вѣна. Громникъ; Георгій Амартолъ; Толковая Псалтирь Аѳанасія; Strykowsky. Вукъ (праздники и обычаи Сербовъ; Bulgarica; Словарь; Prosodie: Иллирскіе древніе писатели. Bulgarica; Bersworth Neueste Grammatik der türkischen Sprache für Dentsche zum Selbstunterricht. 1839. Berlin.

3) Болгарія.

I. Церковныя отношенія, епархіи, начальство епархіальное и т. д.

е.

(на особомъ листкѣ).

4. Просить Дубровскаго о

Popis publiczny uczniów szkoły wojewodzkiey Lubelskiey etc. При семъ księdza Stanisława Zaborowskiego ortografia polska. Przez Kucharskiego. Warszawa. 1825.

1. Юридическіе слав. памятники.
2. Chronicon slavosarmaticum Procossii

Varsav. 1827 (Grimm Myth. 391) Польское у меня есть).

ж.

5. Сербиновичъ.

1. Слав. журналы и обозрѣніе ихъ.
2. Rozmaitości, Tygodnik literacki..
3. Статья Касторскаго.
4. Вук.

ж.

Изъ записной книжки Прейса (116°) съ печатнымъ алфавитомъ на поляхъ. Тутъ же записаны въ алфавитномъ порядкѣ Сербскія слова (изъ Сборн. пѣс. Вука и др.) съ отмѣтками, чего нѣтъ въ Словарѣ Вука или что недостаточно въ немъ разъяснено. Взяты слова личныя и мѣстныя).

Берлинъ.

Handschrift d. Berliner Bibliotek MS. boruss. № 176. Chronika der Preussen, wie das Land erfunden u. gebaut ist.

6. Въ Герлицѣ въ библіотекѣ Верхне-Лузацкаго Общества находится Schleissig Grony Adam-Derer beyden Czaaren in Russland Iwan u. Peter Alexeiovicz nebst der Schwester Princessin Sophia dreyfach geführter Regiments-Stab. Zittau. 1693. 8.
7. In Halle справиться, нѣтъ ли Литовскихъ книгъ и рукописей: здѣсь была семинарія Литовская.
8. Въ Данцигѣ находится списокъ (хотя и неполный) хроники Симона Грунау второй половины XVI столѣтія (по свидѣтельству Tettau (Beiträge zur Kunde Preussens. Von O. W. H. Richter. I. 1837. Kbg. p 7). Здѣсь есть изображеніе надписи на древне-прусскомъ знамени.
9. Въ Дрезденѣ узнать о сочиненіяхъ Преторіуса.
10. Въ Данцигѣ находится много книгъ для Исторіи Польши, рукописныхъ матеріаловъ для исторіи Данцига.
11. По Краузе (Litthauen u. dessen Bewohner. 1834. Königsberg p. 135) въ Краковѣ въ тамошней библіотекѣ находится Литовская грам (матика), писанная Іезуитомъ, можетъ быть Iaknowitz, около 1660.
12. Въ королевской Библіотекѣ въ Кенигсбергѣ находятся слѣдующія книги старопечатныя и рукописныя по каталогу тамошнему.

Nr. 331, CB. fol. 19. Moscovia, der Hauptstadt in Reussen Beschreibung durch Sigm. v. Herberstein.

— 465, CB fol. 42. Ostawa albo porząd koscielny. 1560.

— 836, fol. 44. Agenda. Какая?

— 888, LU fol. 4. Magdeburgisches Recht (Ms).

— 899, LU fol. 15. Das alte kölnische Recht (Ms).

— 919. Mmm. 4 tc. fol. 16: De nuptiis Sigismundi regis Poloniae auctore Adamo Schroethero. 1553.

923. Mmm quarto-Historia funebris Sigismundi Sarmat regis. Auct. Petro Royzio.

936. Mmm-octav. Der Catechismus in crobatischer Sprach. (Глаг.) 1561.

937. » /49 Der Catechismus in deut. Sprach.

938. » /49 Der Catechismus in crobatischer Sprach. 1561. (Glag).

1014. Ooc quarto/61 Xiążeczki roskoszne auct. Martin Quiatkovius de Rusicze. 1564.

1034. Ooo Octav./1 Vergerii epistola de legato Papae ad regem Sigismundum Augustum.

1039. » /28 Otto Crumesius querela de statu Livoniae. 1562.

1043. BR fol. Biblia belgice.

1214} 1218} 44 fol. Biblia lithuanica Iani Bretkii 5 vol. MS papyr.

1219—1220—77 fol. Biblia lithuanica MS papyr. quarto.

1512. Xx, 107 Agenda.

1543. LR—Banderia Prutenorum Dlugoss MS.

1570. LK Des Fürsten Boguslaw Radziwill.. (нельзя разобрать) [1]) Königsberg. 1667. Leichenprocezzion der Fürstin Anna Maria Radziwil. 1667.

1634. Postilla polonica.

1635. » » T. II.

1636. » » T. III.

1637. » » T. IV.

1638. » » T. V.

1639. » » T. VI.

1689. Ein Buch in russ. Spr. aufangend Slowo. Es enthält des Patriarchen Ioachim in Moskau: Wort des Dankes Gott dem Herrn 1682 (или 1681 трудно разобрать). [2])

1707 Ein Buch in russ. Sprache: das Psalmenbuch nebst Gesängen u. Gebeten der russ. Kirche. Gedruckt in Moskau. 1721.

Iagols und Witolds Ankunft in Preussen. MS. LR. 6, fol.

13. München.

«Die von Grunau angeführte Schrift des Aeneas Sylvius: Liber vitae Brutenicae scil. de miseria ist wahrscheinlich identisch mit der in Pistorii Scriptoribus rer. Polonic. T. I abgedruckten u. auch früher in den ersten Iahren des 16 Iahrh. besonders erschienen. (vergl. Gamburgers Zuverläszige Nachrichten Th. IV S. 780) Schrift des Aeneas Sylvius de situ et origine Prutenorum. Hartknoch (Vorr. zu Alt и Neu-Press.) macht aus des von Grunau alleg'erten Schrift ein Leben der heiligen Iutta: Liber Iutae Prudenices de Mysterio, aber ein solches ist unter den Schriften des Aeneas Sylvius gar nicht vorhanden. In der Münchener Bibliotek befindet sich übrigens eine Handschrift «Die Akten des Streites etc. fol. 163—232. (Catalog. Bibl. Monac. MSS. in antiquo idiomate german. scriptor. p. 31); möglich wäre es dass dieselbe mit der von Grunau angeführte Schrift in Verbindung stände». (Beiträge zur Kunde Preussens B. I. 1837. Klg. p. 16).

14. Въ Пестѣ узнать о рукописи мнимо-Венгерской.

15. «P. Cybulski, посѣтивъ почти всѣ главнѣйшіе города Славянскіе, возвратился въ Познань», Tygodnik literacki 1839. nr. 28.

16. Въ Познани узнать, что стоитъ Нарбутъ и писать къ Резѣ. Тамже узнать, нѣтъ ли Стриков(скаго) на Лат.

17. Училища. Ходаковскій.

18. Въ Прагѣ сказать Юнгману, что Mrongovius заставилъ городскую библіотеку выписать его Словарь.

19. Въ Stanisl. Sarnicii Annales Polonic. lib. VI p 1041 (въ изд. Длугоша Лейпц. 1711) сказано: «Sic duplici literarum Slavonicarum figura, quarum altera Bukovica, altera Cyrulica apud eos vocata; et ex epitaphio Romae Reginae Bosnensium, quod extat in sacello templi magni characteribus magnis descriptum».

20. In Rautenburg (hinter Labiau in Preussen) auf dem adeligen Gute, gehörig Grafen Kayserling, befindet (n sich) altslawische Documente, auf alte kirchliche Zustände Russlands bezüglich.

---

[1]) рукою Пресса. В. Л. [2]) ib.

V.

Русскіе и иностранные знакомые и пріятели Прейса.

Въ той же книжкѣ находятся (въ алф. пор.) фамиліи и адреса русскихъ и иностранныхъ пріятелей и знакомыхъ Прейса. Помѣщаю эти мелочи, такъ какъ 1) кругъ знакомыхъ человѣка, какъ и собраніе его книгъ, даетъ вообще болѣе или менѣе вѣрное представленіе и ясное понятіе о человѣкѣ и 2) въ бумагахъ наслѣдниковъ этихъ знакомыхъ въ Россіи и заграницею могутъ еще отыскаться кое какія письма, бумаги Прейса или тѣ или другія воспоминанія о немъ.

Изъ Русскихъ отмѣтимъ:—Барановскій Степ. Иван.—Бодянскій. Ему послано 14 авг. 1843 книги вѣсом 14 ф. № 3215. Большаковъ Ив. Ив. – Бычковъ (Стол. пер. у Кокушк. м. въ д. Скуридина). Boetlinck на Вас. ову 11 л. № 21 въ д. Траншеля). Горловъ Ив. Як.—Галанинъ. Ив. Дм. Князь Дондуковъ-Корсаковъ (Мих. Дмитр. Б. Подьяч. собств. д.), Дубровскій (Петръ Павл. въ Варшавѣ), Дель Алекс. (въ Моховой въ домѣ генеральши Есаковой № 25). Евецкій (въ Варшавѣ Орест. Степан. старш. братъ). Евецкій Ѳед. Ст. (младш. братъ). Елецкій (Влад. Ник. безъ адреса), Заикинъ (Пав. Ѳед. Wien. Wollzeil nr. 787), Ивановъ (Андр. Ив. книгопродавецъ). М. А. Измайловъ (въ к. Галерн. въ д. Бека вм. съ Всеволодскимъ), Иславинъ (Влдм. Алексдр.) на Воскр. просп. д. Бача. Izdebski Фин. (вѣроятно студентъ, слушатель Прейса). Касторскій М. К. Кеппенъ П. И. Вас. ов. 7 л. № 9. Куторга М. С., Куникъ (Вас. ов. д. Дитрикса, уг. 2 лин. у ср. пр. № 27). Кернъ. Княжескій (Зах. Петр.) въ канц. Оберъ Прокур. Св Син. въ кв. Бируковича. Лапшинъ Гр. Ив. (близь 1 гимн. д. Строгонова. № 7). Лунинъ Ром. Як.—Lundberg Buchbinder Больш. Подъяч. д. Лермонтова). Менгденъ Н. Торгов. д. Жюльеня, Костр. г. въ гор. Кинешму. Мацѣевскій (гдѣ то въ Варш.), Надеждинъ Н. И. (Свѣчн. пер. д. Турчанинова). Норманъ (Горох. за Семен. мост. д. Самойлова), Нейдгардтъ (О. И у Красн. м. д. Меньшикова, въ кв. Шиллера); Прейсъ Ив. Ив. Знаменск. собств. д. № 19; Прейсъ А. Ив. Новгородскаго у. Ст. Бабино Діодору Вас. Трубникову. Поповъ (Вас. Алексѣев. Симб. губ. въ гор. Ардатовъ). Порошинъ (Мохов. д. Ѳедорова). Порошинъ (В. С. Лит. ч. Офиц. ул. на углу Спасск. пер. д. Бѣльскаго). Пржецлавскій (Осип. Антон. Горох. д. Лерха). Регули (въ д. Архит. Пеля, противъ дома Пашкова, кв. 27), Розенбергеръ (Карл. Оттон. Др. въ женск. больн. у Троицк. церкви, Изм. полка). Сатинъ (Андр. Ив. 10 л. на больш. пр. д. Голубина). Савельевъ (Ник. Вас.), Устряловъ (Н. Гер. въ Коломин. д. Коммис. д-та), Юревичъ (на углу Вознес. и Садов. д. Карелина, кв. № 21).

Изъ иностранныхъ: или Русскихъ, служившихъ заграницею: Бѣлград. Милутиновић, Возаревић (книгопродавецъ (отъ Враза-оба). Ващенко и Герас. Вас. (генер. ком.). Берлић v. Дмитровица.

Бѣлград-Василій Анастасіевић. Врановъ Секретарь Россійскаго Генеральнаго Консульства въ Сербіи—Егоръ Лазаревић Зорић ibid. Мушицкій Dr. Гавриловић Director. Тирол. Поповић І. С. Іакшић. Степћ. Sr. Wohlgebor. Herrn W. Steph.

Karadschitsch in Wien (Landstr. in d. ober. Reisenstr. № 472). Волянскій въ Гнѣзнѣ. Ђурпчић Александеръ савршени Богословіе слушатель и ве годние Медицинеръ родом из Баната месца Врища. (видно сам записал-сербск. почерк). Зара-Баронъ Шайлеръ. Загребъ-Зупан книгопродав. Hirschfeld. Ужаревић. Бабукић. Taj. Раковац. Поповић. Деметер. Ференц. Сузанић. Прус. Sr. Wohlg. H. J. P. Iordan Slaw. Literaten (Петръ Николаевичъ. Bei Kint in Prag (должно б. рукою Іордана). H. Kurschat in d. Tiepoltschen Schule dritte Fliess Strasse № 1. An den Wohlg. H. Michael Kasteliz kk. Lycealbibliothek Scriptor zu Laibach in Krain (вѣроятно, рукою Каст.). Копитар Библіотека [1]). Кузманичъ (Al chiarissimo Signore il Signor Antonio Cusmanich i. v., Professore in Chirurgia ed (in) Ostetricia à Zara (вѣр. р. сам. К.). Herrn Murko Anton Weltpriester in Gratz abz. in der k. k. Burg. durch den Commissionär A. Brockhaus an die Buchhandlung Damian et Sorge in Gratz (кажется р. сам. Мурка). v. Marwitz-Fleischer-Strasse nr. 631 in Danzig. Prof. Müller Arcistrasse 15/2 München. Toma Mužar Dr. iz Horvatska (вѣр. его собств. р.). V. Novitzky Lehrer bei der Stadtschule in Thorn. Нови-Сад: Дреновац, Шафарик. Аџић. Іоанновић. Кадлиш. Петар Илија Стојановић книгопродавецъ живет у главној улици у собств. кући № 1799). Paff (Dr.) in Marburg Professor. Палацкій (Gürtler Gasse 719). Петек in Gradiška od Враза. Павловић in Винковац ab eodem. Въ г. С.-Петербургъ Петар Палковић ради сас трговином Alexander Eck. Невск. просп. отъ его брата въ Пешти поздрав. Dr. Fugger поклон отъ Dr. Мальуса. Iosephus Soltesz Clericus Ruthenicus Dioecezis Eperiesiensis. Шолтес. (вѣр. его собств. рук.); Zaf Caplan in Frauheim Seiner Hochwürden dem H. Caplan Georg Zaf in Frauheim bei Marburg. Челяковскій (Praha Dorngasse nr. 187). H. Prof. Paul Ioseph Safarik S. Horhwrblgeb. in Prag, Stephans Gasse—№ 614). Шћавница—Георгія Бранковић, Василій Мирковић, Степан Бранковић, Божић, Павловић. (Georg Brankovich fürstlich-serbischer Berg-Akademiker in Schemnitz). У Београду Аванасију Бранковићу, чиновнику у ђумруку. Iungman Breite Gasse nr. 749.

VI.

Этнографическая программа [2]).

1. Natürliche u. politische Grenzen.
2. Flacheninhalt.
3. Gebirge, Hügel, Höhlen.
4. Flüsse, ihr Ursprung, Zuflüsse, Seen.

Государственныя.

1. Естественныя и политическія границы.
2. Площадь.
3. Горы, холмы, пещеры.
4. Рѣки, ихъ истоки, притоки, озера.

---

[1]) Приписано Прейсомъ: «карта Крыма». [2]) Внизу помѣщаю свой переводъ. В. Л.

5. Beschaffenheit des Bodens.

6. Klima (Winde, Witterung).

7. Produkte.

aus dem a) Mineralreiche.

b) Pflanzenreiche.

c) Thierreiche. Krankheiten der Hausthiere u. ihren Volkskuren.

8. Wie weit geht die Kenntniss der Bauern über ausländische Produkte.

Ueberall die Benennungen nach Verschiedenheit d. Dialekte u. der Unterdialekte.

9. Politische, kirchliche Eintheilung des Landes.

10. Stimmt die politische Eintheilung mit der kirchlichen überein?

11. Es giebt auch eine Eintheilung des Landes, dem Volke gehörig und verschieden von der politischen und kirchlichen Eintheilung.

12. Städte.

Was ist g r a d, g r a d i n a, g o m i l a (gamula), kula etc.

13. Märkte u. Marktflecken. Wie viel mal und wann werden Iahrmärkte gehalten?

14. Dörfer. Ueberall wo möglich mit statistischen, historischen. naturhistorischen und confessionellen Notizen.

15. Gräber, Ruinen, Schlösser. Fundorte der Münzen. Steine mit

5. Характеръ почвы.

6. Климатъ (вѣтры, состояніе погоды).

7. Произведенія изъ царства ископаемыхъ, растительнаго; фауна. Болѣзни домашнихъ животныхъ и ихъ народное лѣченіе.

8. Какъ далеко простирается знакомство крестьянина съ иностранными продуктами.

Повсюду названія сообразно мѣстному нарѣчію или поднарѣчію.

9. Политическое, церковное раздѣленіе страны.

10. Политическое совпадаетъ ли съ церковнымъ дѣленіемъ.

11. Есть-ли дѣленіе страны народное, отличное отъ политическаго и церковнаго.

12. Что такое г р а д, г р а д и н а, г о м и л а (гамула), кула etc.?...

13. Торги и торговыя мѣстечки. Сколько разъ (въ году) и когда бываютъ въ нихъ ярмарки.

14. Деревни, села всюду, гдѣ возможно, со статистическими, историческими, естествовѣдными и церковными замѣтками.

15. Гробницы, развалины, замки, мѣста кладовъ съ монетами, камни

Inschriften und sonstige historische und naturhistorischen mit genauer Anzeigen, wohin solche Ortschaften politisch, kirchlich oder militärisch gehören. Ueberall sind hinzu zufügen die Sagen und Ueberlieferungen, dem Volke treu und schmucklos nacherzählt.

16. Volk. Geschichtliche Bemerkungen.

17. Der Volksname bei dem 1) Einheimischen.
2) Nachbarn.

18. Spottnamen und Schimpfnamen, die das Volk den Nachbarn giebt und von ihnen wieder erhält.

19. Spottische Erzählungen über den Ursprung und Entstehung des nachbarlichen Stammes.

20. Die Spottnamen, welche sich verschiedene Standes-und Religionsgenossen einander beilegen.

21. Wo wohnen die Brajci, Majdaci, Beli Hrvati—oder wie andere behaupten Beli Krajnci, Crni Krajnci, Kirci, Ciribirci?

22. Bis wie weit erstreckt sich der Name Hrvati in Istrien?

23. Sprache? Wie nennt das seine Sprache?

24. Dialektische Unterschiede: in Grammatik: Aussprache der Vocale (sic) und Consonanten. Gebrauch und Vorhandensein gewisser Formen. 2) Verschiedenheit in einzelnen Wörtern. Wo möglich, wären kleinere Sprachproben willkommen.

съ надписями и другія историческія и естественныя достопамятности, съ точными указаніями, куда эти мѣстности относятся въ политическомъ, военномъ или церковномъ отношеніяхъ. Всюду прибавлять относящіяся къ нимъ народныя сказанія и преданія, вѣрно, съ народною передачею и безъ украшеній.

Народъ.

16. Историческія замѣтки.

17. Народное имя у 1) туземцевъ, 2) сосѣдей.

18. Шутливыя и бранныя названія населенія и его сосѣдей.

19. Шутливые разсказы о началѣ и происхожденіи сосѣдей.

20. Шутливыя взаимныя названія лицъ разныхъ сословій.

21. Гдѣ живутъ Брайци, Майдаци, Бѣлые Хорваты—или, какъ иные утверждаютъ, Бѣлые Краинци, Черные Краинци, Кирци, Чирибирци.

22. Какъ далеко простирается имя Хорватовъ (Хрвати) въ Истріи?

23. Языкъ? Какъ жители называютъ свой языкъ?

24. Діалектическія различія: 1) въ грамматикѣ: въ произношеніи гласныхъ и согласныхъ; употребленіе и существованіе извѣстныхъ формъ

25. Körperliche Beschaffenheit, vorherrschende Nahrung und Kleidung.

26. Die gewöhnliche Krankheiten und Volkscuren. Die abergläubische Curen. Pest.

27. Wohnungen und Häuserbau, Haus, Theile des Hauses, Wirthschaftsgebäuden, Brunnen, Fuhrwerk und alle dem Volke bekannte Theile; Hausgeräth, Geräthschaften, Gefässe und Instrumente, die zum Ackerbau und anderen volkswirthschaftlichen Beschäftigungen und Arbeiten. Woraus solche gemacht worden, ob sie vom Bauer selbst verfertigt werden?

28. Maschinen.

29. Kleidung der Kinder, Männer, Iungfrauen u(nd) Frauen.

Bei diesem Artikel ist die Umständlichkeit nicht genug zu empfehlen: die Iahreszeit, die Farbe der Gegenstände; der Stoff, woraus sie gemacht, ob Solche gekauft oder zu Hause gemacht werden.

30. Bildung. Charakter. Anlagen.

31. Standes-Berufsclassen.

Die Würden (die dem Bauer eigenthümliche Ausdrücke dafür).

Die Gemeinden.

Die privilegirten Gemeinden.

32. Die Confessionen u. Sekten (Patarener).

Häusliches Leben. Sitten und Gebräuche.

(склоненія и спряженія), 2) различія въ отдѣльныхъ словахъ.

Гдѣ можно, желательны небольшіе образцы языка.

25. Тѣлесное сложеніе, господствующія пища и одежда.

26. Обычныя болѣзни и народное лѣченье. Суевѣрное лѣченье. Чума.

27. Жилища и домашній строй. Домъ, части дома, хозяйственныя постройки, колодцы, возъ (телѣга) и всѣ извѣстныя народу части, домашняя обстановка, мебель, посуда, орудія, инструменты по землепашеству и прочимъ народнымъ занятіямъ. Изъ чего они сдѣланы, самими-ли крестьянами изготовлены.

28. Машины.

29. Одежда дѣтей, мужчинъ, дѣвушекъ и женщинъ?

Тутъ необходима наибольшая обстоятельность: время года, цвѣтъ вещей, матерія, изъ которой изготовляется, покупная или дома приготовленная.

30. Образованіе, характеръ, природныя способности.

31. Высшіе классы населенія. Званія (обычныя у крестьянъ относительно ихъ выраженія). Общины. Привилегированныя общины.

32. Вѣроисповѣданія и секты (Патарены). Домашняя жизнь. Нравы и обычаи.

33. Der Begriff von rod, pleme, rodbina, koljeno, čeljad, družina.

34. Bei den wohlhabenderen, reicheren Bauern werden wohl Miethlinge, Gehülfen bei den Arbeiten (Sluga, chlap'e(sic)et *)) in's Haus aufgenommen. Wie heissen solche und in welchen Verhältnisse stehen sie zu dem Hauswirthe und der Familie.

35. Die Verwandschaftsgrade.

36. Auf welche Weise äussert sich der Hass und die Feindschaft der Nachbarn.

37. Die Grüsse und Erwiederungen beim Begegnen, Abschiede, wenn man bei der Arbeit trifft.

38. Werden welche Rücksichten genommen oder sind welche Gebräuche beim Namengeben vorhanden? Setzt man vielleicht bei einigen Namen einen Einfluss auf die Zukunft des Kindes.

39. Welchen Glauben hat man von dem im Glückshemden (košuljica) geborenen Kinde? Wo ist der Ausdruck «Vidovid» bekannt?

40. Ist der Glaube vom Glücke des Kindes vorhanden, wenn es in dem oder dem Monathe (sic) geboren ist.

41. Ist irgendwo die Sitte des Haarabschneidens bei den Kindern bekannt, oder lebt sie noch vielleicht in den Liedern? Ist der Ausdruck šišanje, šišano kumstvo oder postrigi wo vorhanden?

42. Die nicht rein kirchliche Gebräuche bei der Taufe.

33. Понятія, заключаемыя въ словахъ: родъ, племе, родбина, колѣно, челяд, дружина.

34. У зажиточныхъ крестьянъ имѣются въ домахъ наемники, помощники въ работахъ (Слуга, Хлапе etc.). Какъ они называются и въ какихъ отношеніяхъ находятся они къ домохозяину и къ его семейству.

35. Степени родства.

36. Какимъ образомъ выражается непріязнь или ненависть къ сосѣдямъ.

37. Привѣтствія и отвѣты при встрѣчахъ, прощаньи, при рабочихъ.

38. Есть-ли какіе пріемы или обычаи при назначеніи имени? Быть можетъ, при нѣкоторыхъ именахъ предполагаютъ вліяніе на будущность ребенка.

39. Что думаютъ о рожденномъ въ сорочкѣ (кошульица)? Гдѣ извѣстно выраженіе: видовит?

40. Есть-ли повѣрье о счастьи ребенка, смотря по мѣсяцу, когда родился.

41. Есть-ли обычай постригъ (стрижка волосъ) или гдѣ нибудь упоминается объ этомъ въ пѣсняхъ? Имѣются-ли выраженія: шишанье, шишано кумство или постриги.

42. Не чисто церковные обычаи при крещеньи.

*) пропускъ.

43. Der Taufschmaus. Ist wo bekannt dafür der Ausdruck pasita. Die Gevaterschaft: kumstvo, botrinje.

44. Die Besuche, welche von den Nachbaren der Wöchnerinn (sic) gemacht werden (babinje). Wie lange solche dauern? Welche Lieder dabei gesungen werden?

45. Das Einsegnen: vpelavanje.

46. Das Hochzeitsgebräuche nach dem wie es jetzt ist und wie es einst war, vor der Traung (sic) und nach der Traung.

47. In welchem Alter verheirathet man sich in der Regel? Die Ursachen und Folgen eines etwa zu frühen Ehebündnisses?

48. Wählt der Iüngling die Braut oder seine Eltern?

49. Sollten irgendwo die Entführungen (otmice) vorkommen oder leben sie noch nur in den Liedern und in der Erinnerung?

50. Die Gebräuche bei der Wahl der Braut und bei dem Eheverlöbniss.

51. Welcher Unterschied in der Tracht eintritt, wenn die Iungfrau zur Frau wird.

52. Wie lange dauern (oder dauerten früher) die Hochreitsfeierlichkeiten.

53. Heurathet (sic) der Sohn, bildet er dann eine besonderes Haus oder bleibt er und seine Kinder bei dem Vater oder Schwiegervater?

43. Крестины, какъ праздникъ. Извѣстно-ли выраженіе пасита? Кумовье: кумство, ботринье.

44. Посѣщенія родильницы сосѣдками и сосѣдями (бабинье). Какъ долго эти посѣщенія продолжаются? Какія пѣсни при этомъ поются?

45. Благословенье—впелянванье.

46. Свадебные обычаи теперь и прежде, до вѣнца и послѣ.

47. Въ какомъ возрастѣ обыкновенно выходятъ замужъ и женятся? Причины и послѣдствія слишкомъ раннихъ браковъ.

48. Выбираетъ-ли самъ парень себѣ невѣсту или родители?

49. Случаются-ли и теперь увозы дѣвицъ (отмице) или онѣ живутъ лишь въ пѣсняхъ и воспоминаніяхъ?

50. Обряды при выборѣ невѣсты и при помолвкѣ.

51. Какая настаетъ перемѣна въ уборѣ и нарядѣ, когда дѣвушка становится молодухой?

52. Какъ долго тянутся (или прежде продолжались) свадебныя празднества.

53. Сынъ, женившись, заводитъ-ли отдѣльное хозяйство или онъ остается съ дѣтьми своими въ домѣ отца или тестя?

54. Die Theilung der Arbeit zwischen Mann und Frau.

55. In welchen Monathen werden gewöhnlich die Ehebündnisse geschlossen?

56. Die Beerdigungsgebraüche.

57. Die Todtenmahle (Krmine, Mrlice, Zadušnice, daća etc.

58. Wann, wo, wie und in welchen Ausdrücken geschehen die «naricanja za mrtvima».

59. Wo, wann und aus welche Veranlassung kommen die Gemeinden oder Bekannte, Familien zusammen zum gemeinschaftlichen Mahl? Welche Speise dabei gewöhnlich und vorzüglich verzehrt wird?

60. An welchen heiligen Tagen werden die Altäre, Häuser bei den Occidentalischen und Orientalischen Christen mit Blumen und sonstigen Gegenständen verzihrt (sic)? Welche Blumenart wird vorzüglich dara(n) verwendet?

61. Haben kirchliche oder andere Festtage Einfluss auf Freundschaftbsündnisse, Aussöhnungen und Heirathen (sic)?

62. Sind noch vielleicht Eideschwüre wo vorhanden, die von den kirchlichen abweichen oder sich wenigstens in Beschwörungs-Verneinsehungs (sic)-Redensarten erhalten haben?

63. Wo sind die ältesten Kirchen und Capelle gebaut? Auf Bergen.

54. Раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной?

55. Въ какіе обыкновенно мѣсяцы заключаются браки?

56. Обрядъ погребенія.

57. Обѣды по покойникамъ—крминэ, мрлицэ, задушницэ, даћа и пр.

58. Когда, гдѣ и какъ, въ какихъ выраженіяхъ происходятъ нарицанья за мртвима?

59. Гдѣ, когда и при какихъ случаяхъ общины, знакомые, семейства собираются на общіе обѣды. Какія при этомъ кушанья обыкновенно или преимущественно употребляются?

60. Въ какіе праздничные дни у католиковъ и у православныхъ украшаются алтари и дома цвѣтами и друг. предметами? Какой видъ цвѣтовъ преимущественно на это употребляется?

61. Церковные или другіе праздники имѣютъ ли какое вліяніе на заключеніе побратимства, на примиренія или на свадьбы.

62. Не бываетъ ли, можетъ статься, гдѣ нибудь присягъ, отличныхъ отъ церковныхъ, или по крайности не сохраняются ли они въ какихъ нибудь поговорочныхъ выраженіяхъ заклинанія и примиренія?

63. Гдѣ построены древнѣйшія церкви и часовни? На горахъ-ли

an den Quellen? Wie heissen solche Kirchen und die Ortschaften dabei? Was erzählt das Volk von dieser Ortschaft oder der Erbaung der Kirche?

64. Wo sind die ältesten und die am meisten Wahlfahrtsörte? Der Volksglaube und die Volkserzählung darüber?

65. Welche Spiele und Belustigungen (in der Stadt und auf dem Lande) sind bei solchen kirchlichen oder sonstigen Festtagen in Gebrauche?

66. Glaubt man, dass in Hainen, dickichten Wäldern (Die Namen sind nicht su vergessen) welche Geisterwesen wohnen, den Menschen oder dem Vieh schädlich oder nützlich sind. Sind Spaziergänge nach solchen Hainen gewöhnlich, werden solche an gewissen Festtagen mit Blumenkränzen geschmückt?

67. Ob nicht alte Personen sich jetzt nicht vorhandener Gebräuche erinnern?

68. Ueberhaupt ist genau zu vermerken, was den katholischen und was den griechischen Glaubensgenossen eigen ist und was dieselben gemeinschaftlich haben.

69. Werden am Neujahr oder bei anderer Gelegenheit Geschenke ausgetheilt? Das Glückwünschen am Neujahrstage auch auf dem Lande bekannt? Wird etwas gern oder vorzüglich an diesem Tage vorgenommen? Ist solches Glück vorbedeutend? Ueberhaupt ist der Neujahrstag nach seinem ganzen Begriffe bei dem Volke zu beschreiben.

или при источникахъ? Какъ называются подобныя церкви и ближайшія къ нимъ мѣстности? Что разсказываетъ народъ про эту мѣстность или о постройкѣ этой церкви?

64. Гдѣ находятся древнѣйшія церкви и наиболѣе посѣщаемыя богомольцами мѣста поклоненія (святыни). Народныя повѣрья и сказанія о нихъ.

65. Какія игры въ городѣ или въ уѣздѣ (въ деревняхъ и селахъ) употребляемые въ такіе церковные и другіе праздники?

66. Вѣрятъ ли, что въ рощахъ и въ лѣсныхъ чащахъ (не забывать мѣстныхъ названій) живутъ духи, подобные людямъ или скоту, вредные или полезные. Обычны ли прогулки въ такія рощи, не украшаются-ли онѣ въ извѣстные дни цвѣтами?

67. Быть можетъ, старики теперь кое-что вспоминаютъ о подобныхъ обычаяхъ.

68. Вообще, надо точно отмѣчать, что свойственно католикамъ и что православнымъ, и что обще тѣмъ и другимъ.

69. Раздаются-ли подарки на новый годъ или при другихъ случаяхъ? И какими? И какъ они зовутся? Извѣстны-ли въ селахъ пожеланія на новый годъ?

70. Die heiligen drei Könige: Bogojavljenje, tri kralji. Welche Gebräuche den Tag vorher stattfinden? An dem Tage selbst badet man sich? Wo ist Glaube noch vorhanden, dass Nachts vor diesem Festtage der Himmel sich öffne und dass man von Got(sic) sich etwas ausbitten dürfe.

71. Welche Heilige werden im Ianuar vorzüglich von dem Volcke gefeyert? Allgemein oder local?

72. Wo ist das Wort Veljača, Oveljača unter dem Volcke gebräuchlich und in welcher Bedeutung?

73. Sind welche Spuren von Todtenfeyeru oder einer Erinnerung an die Seelen der abgeschiedenen Eltern vorhanden? In welche Zeit fallen die Krmine, Mrlice, Zadušnice?

74. Lichtmesse. Der volcksthümliche Name des Festes u. der Kerzen. Glaubt das Volk, dass an diesem Tage «se srēte lēto i zima»?

75. Fastnacht. Wo ist der Scherzausdruck dafür «sveti Kurent» im Gebrauche, wie einige behaupten. Wie wird dieses Fest auf dem Lande und in der Stadt begangen? Finden Verkleidungen statt? Welcher Speisen bedient man sich bei dieser Gelegenheit? Ob dieses Fest einst anders gefeyert war?

Не предпринимается-ли что нибудь особенное въ этотъ день. Не предсказываетъ ли оно счастье? Вообще, объяснить народное понятіе о первомъ днѣ новаго года.

70. Святые три краля: богоявленье, три кральи; какіе обряды соблюдаются наканунѣ? Купаются-ли въ этотъ самый день? Нѣтъ-ли повѣрья, что въ ночь передъ этимъ праздникомъ разверзается небо и можно тогда у Бога нѣчто вымолить?

71. Какіе святые преимущественно празднуются народомъ въ январѣ? Повсюду-ли или по мѣстамъ?

72. Гдѣ употребительно въ народѣ слово Вельяча или Овельяча и въ какомъ смыслѣ?

73. Гдѣ какіе встрѣчаются слѣды празднованія покойниковъ или воспоминанія о душахъ усопшихъ родителей? На какое время выпадаютъ крмине, мрлице, задушнице?

74. Срѣтенье Господне. Народное названіе этого праздника и свѣчь. Думаетъ-ли народъ, что въ этотъ день „се срѣте лѣто и зима".

75. Заговѣнье (масляница). Гдѣ употребительно шутливое выраженье „свети курентъ", какъ иные говорятъ. Какъ этотъ день празднуется въ городѣ и въ селѣ? Не бываютъ-ли переряживанья? Какія кушанья употребляются при этомъ? Нѣкогда не праздновался-ли иначе?

76. Sind welche Lieder oder Festlichkeiten beim Beginne des Frühjahres zu treffen oder sind vielleicht jetzt mit irgend welchen Frühlings-Arbeiten oder mit der Feyer eines Heiligen verbunden?

77. Wie heisst jede Woche der grossen Fasten besonders, stimmen die Namen vielleicht mit denen der Serben:

Von den Fasten.

1) Woche: Ursna, Uršna, urša, uša, sebična nedelja, auch trapava.
2) » Zadušna.
3) » Bjela.

In den Fasten

1) — čista
2) — pačista
3) — bezimena (krstopoklonena)
4) sredoposna
5) gluva (akatista)
6) cvjetna
7) velika.

78. Dann folgt die Osterwoche: Waskrs, Waskrsenje; bei den Dalmatinern: Uskrs, bei den Kroaten: Vuzem, in Istrien: Vazam.

79. Die erste Woche nach Ostern heisst bei den Serben: vodena nedelja.

76. **Имѣются-ли особыя пѣсни и обряды при началѣ весны или быть можетъ, онѣ теперь связаны съ какими нибудь весенними работами или съ празднованіемъ какого нибудь святого?**

77. **Какъ называется каждая недѣля великаго поста особенно? Быть можетъ, ихъ названія хорватскія согласны съ сербскими?**

Передъ постомъ.

1 **недѣля**—урсна, уршна, урша, уша.
2 „ задушна.
3 „ бѣла.

Въ посту.

1 **недѣля**—чиста.
2 „ пачиста.
3 „ безимена (крстопоклонена).
4 „ средопосна.
5 „ глува.
6 „ цвѣтна.
7 „ велика.

78. Затѣмъ слѣдуетъ Свѣтлая недѣля: Васкрс, Васкрсенье; у Далматинцевъ Ускрс, у Хорватовъ Вузем, въ Истріи Вазам.

79. **Первая недѣля послѣ Свѣтлаго Воскресенья называется у Сербовъ водена неделя.**

80) Der zweite Montag nach Ostern: Družičalo, auch Ružicalo, pobujeni ponedeljnik.

81. Es ist bekannt und manches lässt sich noch vermuthen, dass in diese Zeit verschiedenartige Festlichkeiten fallen. Die Zeit, die Zeitdauer, die Namen etc. sind genau zu verzeichnen mit steter Berücksichtigung der Unterschiede des Ortes, der Religion, der Nähe der Städte, der Berührung mit fremdem Nationen etc.

82. Georgi-Tag. Wird dieser Tag ueberall am 24 April gefeyert oder auch hie und da am 23—wie es in Calender steht.—Dies Fest wird bei allen Slaven heilig gehalten, daher ist eine detaillirte Beschreibung aller darauf bezüglichen Festlichkeiten, eine Sammlung der Lieder von grosser Wichtigkeit.

83. Pfingsten. Ist irgend wo für dieses Fest der Name: Rusalje vorhanden?

Iohannis Tag.

85. Ernte-Fest.

86. Stomarine.

87. Michaelis-Tag.

88. Weinlese und Kukuruz-Schede.

89. Aller-Seelen Tag.

80. Второй понедѣльникъ послѣ Св. Воскресенья—Дружичало, также Ружичало, побујени понедельник.

81. Извѣстно и можно еще предположить, что въ это время бываютъ различныя празднества. Время, продолжительность, названія и пр. надо точно обозначать, постоянно отмѣчая отличія сообразно мѣсту, вѣроисповѣданію, близости городовъ, сношеніямъ съ чужими народностями.

82. Юрьевъ день. Празднуется-ли онъ повсюду 24 апр. или тамъ и сямъ 23-го, т. е. по календарю. У всѣхъ Славянъ праздникъ этотъ свято чтится, поэтому и важно подробное описаніе всѣхъ относящихся къ нему обрядовъ и собраніе пѣсенъ.

83. Троицынъ день.—Духовъ день. Употребляется ли названіе Русалье.

84. Ивановъ день.

85. Праздникъ жатвы.

86. Стомаринэ.

87. Михайловъ день.

88. Сборъ винограда и кукурузы.

89. День всѣхъ святыхъ.

90. Martini.

91. Hrv. Fureš, Krajnsk. koline.

92. Advent.

93. Nicolaj.

94. Weihnachten. Erforschung der Zukunft durch Giessen des Bleies, Wachses. Ob irgend wo bekannt ist der Name «Kračun» für Weihnachten. Koleda.

95. Der Name, die Zeit, die Zeitdauer, die Lieder, die Tänze, die Art und Weise, wie jedwede Festlichkeit begangen wird. Ob nicht bei diesen Festen Verkleidung statt findet.

96. Geburts-und Namenstage.

97. Zu bemerken welche Epitheta das Volk (sic) den Heiligen beilegt. z. B. Ilija gromovnik. Die Geschichten von den Heiligen, so wie überhaupt die biblischen Geschichten dem Volke treu nacherzählt.

98. Monats-Nahmen, Wochen, Wochentage, Theile des Tages, Stunden u. Theile der Stunde.

99. Volkskalender.

100. Spiele der Städter und der Dorfbewohner, der Kinder mit der Rücksicht der Iahreszeiten.

101. Die Tänze und bei welcher Gelegenheit, ohne Gesang oder mit Gasang verbunden.

90. Мартыновъ день.

91. Хорватскій Фуреш, краинск. Колине. (Убой свиньи).

92. Адвентъ. (Рожеств. постъ).

93. Николинъ день.

94. Ночь на Рождество. Гаданье о будущемъ литьемъ олова, воску. Извѣстно ли гдѣ названіе „Крачун".—Коледа.

95. Названіе, время, продолжительность, пѣсни, пляски, видъ и способъ празднованія каждаго изъ этихъ праздниковъ. Не бываютъ ли въ эти праздники наряженые?

96. Дни рожденія и именинъ.

97. Отмѣтить, какіе эпитеты придаетъ народъ разнымъ святымъ, напр. Илья громовник. Передать вообще народные разсказы о жизни святыхъ и вообще изъ библейской исторіи.

98. Названія мѣсяцевъ, недѣль, дней недѣли, частей дня, часовъ и частей часа.

99. Народный календарь.

100. Дѣтскія игры у горожанъ и сельчанъ, сообразно временамъ года.

101. Пляски и при какихъ случаяхъ бываютъ съ пѣснями и безъ пѣсенъ.

102. Die Musik, Instrumente.

103. Wettlaufen, Pferderennen, Ringen, Faust-kämpfe.

104. Welche Pflanzen, Thiere oder Mineralien dem Volke als symbolische Ausdrücke bei Hochzeiten oder andern Gebräuchen dienen.

105. Die Liebkosungsausdrücke (zlato moje, srdce moje etc).

106. Das Volk wird wohl manches vom Entstehen einiger Pflanzen, Vögel (der Guckuck u. d. gl.) zu erzählen wissen.

107. Die Pflanzen mit dem Gottes, der Heiligen oder überhaupt mit Eigennamen.

108. Welchen Pflanzen, Bäumen etc. eine Heilskraft beigelegt wird. Welche von denselben zu Arzneien gebraucht werden.

109. Wo ist die Sitte «pobratimstvo» ob welchen, vielleicht kirchlichen Ceremonien, wie in Serbien, verbunden? Das Verhältniss eines Pobratims zu der Familie des andern Wahlbruders.

110. Die Gastfreundschaft. Sind vielleicht vorhanden Erzählungen von Strafen, die denjenigen zu Theil wurden, welche die Gastfreundschaft verletzten.

111. Wahrsagerei. Hexen, Hexenprocesse.

112. Aberglaubische Gebräuche. Begegnung, glückliche und unglückliche Tage.

113. Volks-Astronomie, die dem Volke bekannte Sterne.

102. Музыкальные инструменты.

103. Бѣгъ въ запуски, конскія скачки, борьба, кулачные бои.

104. Какія растенія, животныя или минералы служатъ у народа символическими выраженіями при свадьбахъ и другихъ обрядахъ.

105. Ласкательныя выраженія (злато моjе, срдце моjе и пр.).

106. Народныя сказанія о происхожденіи нѣкоторыхъ растеній, птицъ (кукушка и пр.).

107. Растенія съ именами Бога, святыхъ и вообще съ собственными личными именами.

108. Какимъ растеніямъ и деревьямъ приписывается цѣлебная сила? Какія изъ нихъ употребляются въ лѣкарствахъ?

109. Гдѣ извѣстенъ обычай „побратимства", быть можетъ онъ связанъ, какъ въ Сербіи, съ какими нибудь церковными обрядами?

110. Гостепріимство. Быть можетъ, имѣются разсказы о наказаніяхъ, постигавшихъ нарушителей гостепріимства.

111. Предсказанія. Вѣдьмы. Процессы о вѣдьмахъ.

112. Суевѣрные обряды. Встрѣча счастливыхъ и несчастливыхъ дней.

113. Народная астрономія; извѣстныя народу звѣзды.

114. Was denkt sich der Bauer vom Himmel, Sonne, Sternen, Regenbogen. Der Mond und was alles das Volk sich bei dem Mondwechsel denkt; wie erklärt sich die Sonnen-und Mondes-Finsterniss. Die Benennungen der verschiedenen Mondwechsel.

115. Wie denkt sich das Volk das Entstehen der Welt oder das Weltende. Das volksthümliche Begriff von Himmel und Erde.

116. Die Namen der bösen und guten Geister in Wasser, Luft, Feuer, Wald, Bergen.—Zu welcher Tageszeit oder in welchen Monathen die Geister am meisten spucken sollen.

117. Sind wo in Gebrauche Darbringungen den Bergen, Quellen, Flüssen, Bäumen d. h. wird z. B. Geld in's Wasser mit immer welcher Bedeutung hineingeworfen, oder an gewissen Orten, etwa an Kreuzwegen, Lappen von Tuch (vor welcher Farbe vorzugsweise) hingelegt u. d. gl. Ist z. B. der Glaube an die Wunderkraft oder wohlthätige Wirkung dieser Gegenstände, wie etwa bei Krankheiten vorhanden, und auf welche Weise wird er geäussert.

118. Riesen, Zwerge. Was erzählt das Volk von ihnen?

119. Wunderthiere z. B. Drachen.

120. Sprichwörter alphabetisch oder auch nach Gegenständen geordnet, jedoch ist immer anzugeben, was ein Sprichwort sagen will.

114. Что думаетъ крестьянинъ о небѣ, солнцѣ, звѣздахъ, радугѣ. Мѣсяцъ и все, что народъ думаетъ о перемѣнѣ мѣсяца. Какъ онъ себѣ объясняетъ солнечное и лунное затменія. Названія различныхъ перемѣнъ мѣсяца?

115. Какъ думаетъ народъ о происхожденіи міра и объ его окончаніи? Народное представленіе о небѣ и землѣ.

116. Имена добрыхъ и злыхъ духовъ въ водѣ, воздухѣ, огнѣ, духовъ лѣсныхъ и горныхъ. Въ какую часть или въ какіе мѣсяцы всего болѣе являются духи, привидѣнія?

117. Употребляются ли гдѣ приношенія горамъ, источникамъ, рѣкамъ, деревьямъ; не бросаютъ ли денегъ въ воду, всегда съ какимъ нибудь значеніемъ, или въ извѣстныхъ мѣстахъ кладутъ лоскутки сукна (вообще матеріи) и какого цвѣта по преимуществу и пр.? Вѣрятъ ли въ чудодѣйственную или благотворную силу этихъ предметовъ, напр. при болѣзняхъ, и какъ это выражается?

118. Великаны, карлики. Что разсказываетъ о нихъ народъ?

119. Чудесныя животныя, напр. драконы.

120. Народныя пословицы въ порядкѣ алфавитномъ или предметномъ; но всегда нужно указывать, что значитъ данная пословица.

121. Räthsel (Zagonetke).

122. Volksthümliche Erzählungen von mythischen oder geschichtlishen Personen, von Burgen, Schlössern oder Naturmerkwürdigkeiten.

123. Lieder, als: Wiegenlieder. Lieder von Kindern, Bettlern oder Blinden gesungen, wie auch bei Gesundheitstrinkung, Handwerkslieder, Heldenlieder, Frauen-Lieder, Hochzeitslieder und bei andern Festlichkeiten, beim Spinnen, beim Schneider, des Hornes bei gewissen Spielen, Hirten-Weinachtslieder.

Ueber die Volkswirthschaft.

124. Die gewöhnlichen Geschäfte in jedem Monathe. Ein Wirthschafts-Kalender. Ueber den Pflanzenbau.

125. Ueber die Ackerbestellungen.

126. — Wiesen und Weiden.

127. — Obst und Gartenbau.

148. — den Bau der Gewerb-pflanzen.

129. — Weinbau.

130. — Bergbau.

131 — Forstkultur.

Ueber Viehzucht.

132. Allgemeine Bemerkungen.

121. Загадки (загонэткэ).

122. Народные разсказы о миөическихъ или историческихъ лицахъ о городахъ, замкахъ, естественныхъ достопамятностяхъ.

123. Пѣсни колыбельныя; распѣваемыя дѣтьми, нищими, слѣпцами, также при здравицахъ, пѣсни ремесленниковъ, юнацкія, женскія, свадебныя, при пряжѣ, жатвѣ, въ извѣстныхъ играхъ, пѣсни рождественскія.

О народномъ хозяйствѣ.

124. Обыкновенныя ежемѣсячныя занятія. Хозяйственный календарь. О культурѣ растеній.

125. О воздѣлываніи полей.

126. О распредѣленія луговъ и пастбищъ.

127. Огородничество и садоводство.

128. О разведенія растеній, нужныхъ для промышленности.

129. Винодѣліе.

130. Горное дѣло.

131. Лѣсное хозяйство.

О скотоводствѣ.

132. Общія замѣчанія.

133. Die Rindviehzucht.
133. — Pferdezucht.
135. — Schafzucht.
136. — Gaisszucht.
137. — Schweinzucht.
138. — Geflügelzucht.
139. — Bienenzucht.
140. — Seidenraupenzucht.
141. — Ueber Iagd und Fischerei.
142. — Ueberblick der Landwirthschaft.

Veredlung und Bearbeitung der Produkte.

143. Veredlung der Produkte; Kunstfleiss.

144. Verarbeitung der rohen Produkte, als Tuch, Teppiche, Leinwand, Baumwolle, Seide, Hüte, Leder, Schuhmacher, Oehlerzeugung, Seifensieder, Bierbräuerei, Brautweinbrennerei, Liqueur und Essig, Mühlen, Bäcker, Sägmühlen, Tischler, Wagner, Schiffbau, Drechsler, Korbflechter, Potaschensiederei, Glashütten, Salpetersiederei, Töpferwaaren, Pfeifenköpfe, Ziegel und Kalkbrände, Pech, Eisenschmiede und Schlosser, Klempner u. Nagelschmiede, Büchsenmacher, Kupferschmiede Silberarbeiter, Uhrmacher und Glockengiesser.

133. Рогатый скотъ.
134. Коневодство.
135. Овцеводство.
136. Козы.
137. Свиньи.
138. Птицеводство.
139. Пчеловодство.
140. Шелководство.
141. Охота и рыболовство.
142. Очеркъ сельскаго хозяйства.

Выдѣлка и обработка произведеній.

143. Выдѣлка сырыхъ произведеній: сукно, ковры, полотно, шерсть. шелкъ, кожа, башмачное и сапожное дѣло, выдѣлка маслъ, мыловареніе, пивоваренное дѣло, производство водки, ликера, уксуса, мельницы, косы, пилы, столярное, кузнечное дѣло, судостроеніе, токарное дѣло, плетеніе корзинъ, производство поташа, стекла, сѣры, гончарное дѣло, изготовленіе трубокъ, кирпича, извести, добыча смолы, кузнечное и слесарное дѣло, жестяное, гвоздарное, ружейное дѣло, мѣдники, серебренныхъ дѣлъ мастера, часовщики и литейщики колоколовъ.

Ueber den Handelsverkehr.

145. Ein-und Ausfuhr der Produkte.

146. Geld (Benennungen der Geldbeutel).

147. Mass und Gewicht, besonders dijenigen (sic) Namen, welche von Deutschen etc. abweichen.

148. Land-und Wasserstrassen (die Wörter die sich auf Schiffahrt beziehen).

149. Handelsplätze.

150. Ueber das Zollwesen.

151. Allgemeine Bemerkungen.

Ueber die Verfassung und Verwaltung.

a) Ueber die ungeschriebene Sitten und Gebräuche im Rechtverhältniss.

b) Ueber die Rechte der Iuden. Giebt es unter ihnen Sekten?

c) Giebt es Armenier?

d) Cigeuner?

Verfassung.

152. Die älteste Zeit.

153. Die neueste Zeit.

О торговлѣ.

145. Привозъ и вывозъ произведеній.

146. Деньги (различныя названія).

147. Мѣры и вѣсы, въ особенности всѣ названія, отличныя отъ нѣмецкихъ.

148. Сухіе и водные пути (слова, относящіяся до судоходства).

149. Торговыя мѣста.

150. О таможнѣ.

151. Общія замѣчанія.

Объ учрежденіяхъ и управленіи.

a) о неписанныхъ законахъ и обычаяхъ въ правовыхъ отношеніяхъ.

b) о правахъ Евреевъ. Есть ли между ними секты?

c) есть ли Армяне?

d) Цыгане?

Учрежденія.

152. Древнѣйшее время.

153. Новѣйшее время.

Verwaltung.

154. Die älteste Zeit.

155. Die neueste Zeit.

156. Die Gemeinden.

157. Der Adel.

158. Die Städte.

159. Das Militär.

160. Geschäftsgang und seine Ueberwachung.

Ueber die einzelnen Verwaltungszweige.

161. Gerichtsbehörden } besonders auf dem Lande.
162. Polizei-Anstalten }

163. Armenwesen.

164. Kirchliche Verwaltung.

165. Unterrichtswesen.

166. Finanzen.

167. Abgaben und die verschiedenen Benennungen, nach Stände-Verschiedenheit. Ob die Alten sich erinnern solcher Abgaben und Leistungen, die jetzt nicht vorhanden sind, besonders in Bezug auf die Gutsbesitzer. Das Andenken daran konnte sich erhalten in den Liedern. Wie werden die Abgaben beigetrieben.

Управленіе.

154. Древнѣйшее время.

155. Новѣйшее время.

156. Общины.

157. Дворянство.

158. Города.

159. Войско.

160. Дѣлопроизводство и надзоръ за нимъ.

161. Судебныя учрежденія. } Въ особенности въ уѣздахъ.
162. Полицейскія учрежденія. }

163. Положеніе о бѣдныхъ.

164. Церковное управленіе.

165. Народное образованіе.

166. Финансы.

167. Подати и различныя ихъ названія, по сословіямъ. Помнятъ ли старики о прошлыхъ, отмѣненныхъ уже, оброкахъ и повинностяхъ, особенно по отношенію къ помѣщикамъ. Воспоминаніе о нихъ можетъ сохраниться въ пѣсняхъ. Какъ взимались подати.

VII.

Найденныя въ бумагахъ П. И. Прейса черновыя замѣтки И. И. Срезневскаго относительно вопросовъ, частью вошедшихъ въ написанную П. И. Прейсомъ программу изученія Сербо-Хорватскихъ земель въ Австро-Венгріи.

Земли, обитаемыя Славянами Иллирской отрасли были доселѣ описываемы большею частію людьми, которые не знали подробно ни исторіи, ни быта, ни даже языка народа. По этому самому пытливый изслѣдователь напрасно ищетъ отвѣта на вопросы, часто очень важные въ томъ или другомъ ученомъ отношеніи, которые представляются ему почти на каждомъ шагу. Сочиненія, въ которомъ были рѣшены если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ сихъ вопросовъ, ожидать въ наше время мы еще не можемъ, тѣмъ болѣе потому, что подобный трудъ можетъ быть уже только слѣдствіемъ частныхъ подробныхъ описаній, сообщенныхъ людьми, наблюдавшими основательно ту или другую мѣстность въ отношеніи къ преданіямъ, правамъ, обычаямъ и языку народа. Часто небольшое замѣчаніе подобнаго наблюдателя бываетъ для каждаго драгоцѣннѣе цѣлаго многотомнаго сочиненія; — и еще чаще такое замѣчаніе не можетъ дойти до ученаго, который бы умѣлъ его оцѣнить съ пользою для науки. Мы съ своей стороны думаемъ, что для вызова такихъ замѣчаній нѣтъ лучшаго средства, какъ предложеніе вопросовъ журналомъ, подобнымъ Иллирской Даницѣ *). Постоянно стремясь знакомить Иллирскій народъ съ самимъ собою, редакція Даницы не можетъ не дорожить и вопросами, ведущими къ этой цѣли. Изъ читающихъ вопросы найдутся и люди, умѣющіе отвѣчать на нихъ,—и еще болѣе, смѣемъ надѣяться, такихъ, которые будутъ искренно благодарить за отвѣты. Это дѣло не частное, а дѣло любви народной и науки. Вопросовъ множество. Считаемъ себя счастливыми, что можемъ положить имъ начало:

№ 1. Въ земляхъ Адріатич(ескаго) Приморья: Иллиры называются Хорватами и Далматинцами или Влахами, и именно на сѣверѣ распространено первое названіе, а на югѣ второе. Желательно бы знать опредѣлительнѣе границу на материкѣ и на островахъ, до которой идутъ Хорваты и начинаются Долматинцы, и не называются ли Хорваты Влахами? Нѣтъ ли также еще какихъ нибудь частныхъ названій, какъ напр. Б о д у л и и т. п.

№ 2. Въ пѣсняхъ народныхъ встрѣчаются названія: К о т а р р а в н и, К о т а р в л а ш к и, К о т а р С р п с к и, К о т а р с к о п о љ е, П р и м о р ј е равно, Приморје к р ш н о, П р и м о р ј е Л а т и н с к о. Спрашивается, какъ различаетъ н а р о д ъ эти названія и гдѣ для него К о т а р С р п с к и ил

---

*) Желательно, чтобы примѣру Даницы послѣдовали и другіе журналы Славянскіе, издаваемые въ Австрійской Имперіи, какъ напр. Časopis Českého Museum, Kwěty, Wlastimil, Tatranka, Rozmaitošci, Сербо-Долматинскій Магазинъ, Народный Сербскій Листъ и т. д. Срз.

Приморje Латинско? и т. д. И притомъ ужели всегда Котар и Приморje значитъ одно и тоже? Нѣтъ ли какихъ Котаровъ, которые бы не прилегали къ морю?

№ 3. Въ первой части нов. изданія Народ(ныхъ) пѣсень Вука помѣщено между прочимъ нѣсколько пастровскихъ нарицаній за мертвыми. Нѣтъ ли и въ другихъ мѣстахъ, обитаемыхъ Иллирскими Славянами, обычая пѣть погребальныя пѣсни, и если есть, то гдѣ и какія?

№ 4. Нѣтъ ли (или не было ли) гдѣ нибудь народ(ныхъ) празднествъ наканунѣ 24-е Октября или 24-е Декабря или около этихъ чиселъ, какъ есть во многихъ мѣстахъ подобныя наканунѣ 24 Апрѣля и 24 Іюня, и если есть (или были), то какъ празднуютъ (или праздновали)? При описаніи подоб(ныхъ) праздниковъ, необходимо не пропускать изъ виду: не одѣваются ли въ то время особеннымъ образомъ, не наряжаютъ ли куколъ, не возжигаютъ ли огней, не поютъ ли особенныхъ пѣсень и т. п. Равнымъ образомъ не находится ли въ какой нибудь связи съ таковымъ празднествомъ отгадываніе будущаго?

№ 5. Раньше или позже необходимо будетъ предпринять путешествіе по Адріатическому приморью и островамъ для подробнаго описанія остатковъ глаголической письменности; но путешественникъ, не имѣя предварительныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ можетъ видѣть сіи остатки, легко можетъ пропустить, не осмотрѣвши многіе изъ нихъ, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, куда заѣдетъ. А потому желательно бы было, чтобы всякій дорожащій успѣхами родной литературы, сообщилъ, сколько можетъ, извѣстія о томъ, гдѣ находятся такіе остатки—письменные, старопечатные и изсѣченные на камнѣ, и какіе именно. Мы между прочимъ видѣли глаголитскія рукописи на островѣ Веліи, въ Омишли (Castro Muschio), на островѣ Кошлюнѣ (Cassione), на островѣ Первичѣ у Шебеника; равнымъ образомъ слышали, что есть глагол. рукописи на островѣ Веліи въ Башкѣ и Добринѣ, въ Винодолѣ у Сеня, въ самомъ Сенѣ, въ Трогирѣ, въ библіотекѣ графа Гараньина (Garagnin), въ Сплѣтѣ, на островѣ Корчулѣ и, вѣроятно, найдутся рукописи въ Задрѣ. Есть безъ сомнѣнія и грамоты глаголическія, подобныя той, которая хранится въ въ Іоганеумѣ Градецкомъ. Что касается до надписей, изсѣченныхъ на камнѣ, то есть онѣ на островѣ Веліи, въ Омишлѣ, въ Башкѣ, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ. (Особенно замѣчательна надпись на стѣнѣ башни, уцѣлѣвшей отъ стараго замка Франгипановъ въ Омишлѣ), тоже въ Сенѣ, Задрѣ.— Во всѣхъ глаголическихъ памятникахъ надобно отличать языкъ церковный отъ языка народнаго". — (На особомъ полулистѣ рукою же Срезневскаго). Тутъ же наоборотѣ есть одна записка Прейса и его же руки одно двустишіе изъ Ломоносовской басни (Коль слушать всѣ людскія рѣчи... латинскими

буквами) и русск. буквами извѣстныя поговорка. „Для остраго словца не пожалѣетъ и отца“.

На особомъ клочкѣ листа рукою же Срезневскаго:

K odgovoru na pytanje (sic) pod brojem 3.

Ne znam, kako je nadaleko razširen u Dalmatii običaj bugariti ili naricati za mrtvimi, ali znam da i u gradih (kastellich) izmedju Trogira i Spljeta jesu žene narikače; jednu takvu iz grada Sućurca jesam slišao, i šteta, da nijesam mogao zabiležiti pesmu, koju ona je meni pěvala. Napev je žalostni, i svaki vers konči se uzdachom. U sadržaju samich pesamah najvažnije od svega je bio opis putovanja duše pokojnoga u raj, kako se ona mora kao sirotica živiti medju jednim i drugim svetom, ne nalazeć nigde prijatelja niti znanca. Samo k duši maloga děteta uzhodi iz raja svetli angjeo, uzimlje (ga) na rame svoje i nese pred Boga. Učeni slavjanski svet može se nadati, da G. Professor Stazić u Spljetu sakupi ova bugaranja: nitko drugi ne može svršiti taj posao tak pomno pametno.

Замѣтка на особомъ листкѣ тоже рукою Срезневскаго.

На вопросъ № 1 я не могу дать отвѣта совершенно опредѣлительнаго, какъ мнѣ бы хотѣлось, и предоставляю исправленіе и дополненіе того, что я осмѣливаюсь здѣсь замѣтить, людямъ не столько поверхностно, какъ я, знающимъ Приморье Адріатическое.

Названіе Хорватовъ (Horvati, Arvati, Rvati) распространено по всей восточной старо-австрійской Истріи, въ приморьи Рѣчкомъ, въ Военной Границѣ, по обѣ стороны Велебита и въ Котарѣ равномъ, около Задра къ рѣкѣ Ркѣ, равнымъ образомъ на островахъ Кварнера и другихъ на югъ, хоть впрочемъ жители острововъ чаще называются по имени каждаго изъ острововъ. Немудрено, что и далѣе за Ркой, можетъ быть даже на самой Цетинѣ простирается названіе Хорватовъ,—и любопытно изслѣдовать это подробно; впрочемъ уже въ Трогирѣ и Шебеникѣ я слышалъ названіе Влаховъ: такъ называютъ жители городовъ далматинскихъ жителей сельскихъ. Сами себя селяне Далматинскіе называютъ Влахами только въ городахъ, а чаще Далматинцами. Южная часть острова Паго населена уже Далматинцами, а не Хорватами; впрочемъ на Углянѣ я слышалъ еще имя Хорватовъ. Жители острововъ Далматинскихъ сами себя называютъ Далматинцами, а горожане называютъ ихъ, можетъ болѣе въ насмѣшку, Бодулями. Жители Боки Которской не знаютъ ни названія Влаховъ, ни названія Далматинцевъ, а напротивъ сами себя называютъ и другими называются Бокезцами. Названія Сербовъ нигдѣ въ Адріатическомъ приморьи не есть названіе народное: духовныя лица и торговцы правосл(авнаго) исповѣданія даютъ себѣ его, но простой народъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ.

VIII.

Въ сохранившемся черновомъ спискѣ нѣмецкой программы рукою Прейса мы между прочимъ находимъ слѣд. зачеркнутое на поляхъ мѣсто: „Die Kenntniss über des Land u. Volk der Slaven ist meistens theils von Ausländern beschrieben worden. — In wiefern das Bild richtlich sein kann: ist leicht zu erwerthen. Ausserdem sind die einzelnen Züge so verstreut, dass eine Bibliothek ausmacht» (срвн. стр. 332).

Тамъ же въ Отдѣлѣ Die Feste,

на поляхъ, при перечисленіи праздниковъ, начиная съ Рождества Христова: „Der Name die Zeit, die Lieder, die Tänze, ob nicht bei irgend einem Feste eine Verkleidung stattfindet".

Есть тутъ же Прейсова приписка по Русски:

„Badnjak, Božić Рожд. Соч(ельникъ). Рожд.

Народъ покупаетъ восковыя свѣчи и зажигаетъ ихъ вечеромъ за умершихъ; около 7 или 8 часовъ ужинъ бываетъ. Въ этотъ день не обѣдаютъ: пить (напр. вино) позволено. Передъ ужиномъ приносятъ пень, зажигаютъ его, и онъ горитъ, пока спать не пойдутъ. До крещенія Бадиякъ долженъ горѣть всякій день. Наканунѣ крещенія въ церкви освящаютъ воду, которую несутъ домой. Въ день же крещенія утромъ вставшій беретъ воду въ кружку и идетъ „кропити полѣа и куħу и све иманѣе". „Отъ Бадняка бросаютъ въ воду три угля. — Слово „Положајник" неизвѣстенъ. Svaki koji dojde u kuću ili bio domaćin ili stranjski mora donesti štagod(ex. kita, bršljana, trsovu lozu: Weinrebe) u kuću i mora nazivati dobre blagdane».

— Na Badnji dan svaka chter udata rodiljem svojim ili, ako nije rodilji, onda starjemu bratu, donese jedan kolac, ki se začuva do mladoga leta (Neujahr).

Программа журнала (Хорватскаго) писаная рукою Прейса на клочкѣ бумаги:

I) Стихотворенія.
 a) литературныя.
 b) народныя.
II) Повѣсти.
III) Науки и Искусства.
IV) Uspomeni glasov.
V) Критика.
VI) Литературная Лѣтопись.
VII) Смѣсь.
 1. Извѣстія о старыхъ книгахъ.
 b) Театральныя извѣстія.
 c) Корреспонденція.

d) Вопросы.

e) Prenumerations Anzeigen.

f) мелкія географическія, историческія, статистическія, этнографическія и лингвистическія замѣтки.

Прибавленіе:

Архивъ.

1) Urkunden.

2) Ortsnamen.

3) Auszügen aus allen historischen Büchern.

На 2-хъ отдѣльныхъ-маленькихъ листочкахъ.

1) Нѣсколько разъ одно и тоже спрашивать.

2) Слышано тамъ то, у вароши или селу, отъ човека, кој књигу веђ учио или само био на селу или код марве. Варошанин или тај, што књигу учио, још не може имати пуног ауторитета.

3). Обичаје.

4) Песме.

5) Пословице.

6) Имена од 1) људи.
2) од брда, вароши, рѣка, села, и свагда треба метнути adjectivum.

7) Народне приповјетке.

На друг. листочкѣ.

Бугарске књиге и речи.

Биллежити руске речи, којих нема у речницима.

IX.

Стихотвореніе Н. Груича.

За Спомен.

Ч. Ч. Петру Ивановиђ Прајсу.

Мили госте од Сјевера ла̀дног,
Мили гости Ивановиђ Пѐро,
Добро дошо вамо изнена̀да,
Ђе ти Србин шири обје руке,
И отвара срчана њедарца,
Ђе те љуби велико и мало,
И гледи те кано свог роЂака!
Добро дошо,—боље нашо ѻвђе!
Вала буди твојој доброј Мајки,
Која те је оправила лијепо,
Да поодиш сву браЂу јуначку,
И надгледаш како кои живи,
Како живи, како ли се вла̀да
Кад говори, и кад бори мисли.—
Ал с чим би те угостио тужан,
У самоЂи и пустињи глувој,
Ђе нерасте ни сребро ни злато,
Нит се деша предрагог камења,
Па ни други лијепи понуда!
А залуд би и понуда било—
За понуде ти ништа немариш,
Ти неиштеш леба бијелога,
Нити желиш рујанога вина;
ВеЂ ти тражиш забачена гробља.
Да претресеш, што је од старина
Почивало у прау на миру!—
Чудне Части! Чуднога весеља!
Ал ево ти отвореног гробља
И у њему остатака стари,
За коима гине твоја душа!
Бирај, брате, што је теби драго,
Бирај, брате, штогођ буде за те
И за твоју разговетну главу,
Нек се креЂе, што у прау чами,
Нек се диже, што згажено цвили,
Нек оживе, што је изумрло!—
А Србин ти уз гусле припијева:
СреЂан бијо, куд одијо, Мајки
И тамо те обасјало Сунце,
Ђе се Сунцу нитко и ненада!
«Од. мен пјесма, од Бога ти здравље».

У Кувеждину
на Божиђ 1842.

С. Милутин Н. Груиђ. [1])

---

*) Срб Милутин. Подъ такимъ именемъ или псевдонимомъ печаталъ Н. Груичъ свои стихотворенія въ к. 30-хъ гг. Въ это время онъ уже былъ архимандритомъ Кувеждинскаго монастыря. Въ 1848—49 г. онъ игралъ большую роль среди Венгерскихъ Сербовъ, былъ во время ихъ возстанія противъ Мадьяръ (Кошута) секретаремъ патріарха

Раячича. Въ августѣ 1862 г. былъ я въ Новомъ Садѣ, гдѣ перезнакомился съ тогдашними сербскими дѣятелями и писателями. Большинство ихъ въ то время стояло съ Мадьярами и поддерживало партію Деака, не хотѣвшую идти въ Вѣнскій рейхсратъ и требовавшую отъ Вѣны возстановленія историческаго права короны Св. Стефана, съ возстановленіемъ парламента 1848—49 г. въ Пештѣ. Мадьяры обѣщали Славянамъ и Румынамъ полное признаніе правъ народностей. Сербы распались на двѣ партіи. Одна изъ нихъ Мадьярскимъ обѣщаніямъ не вѣрила и желала въ слѣдъ за Русскимъ А. И. Добрянскимъ, Словакомъ Кузмани, Румыномъ Мочони, Сербомъ Мандичемъ войти въ соглашеніе съ Нѣмцами (Шмерлингомъ) и получить отъ нихъ обезпеченіе правъ не мадьярскихъ народностей въ Венгріи.

Другая часть Сербовъ Венгерскихъ, во главѣ ихъ Свѣтозаръ Милетичъ, вполнѣ вѣрила Мадьярамъ и не хотѣла слышать о соглашеніи съ Вѣною помимо Мадьяръ. Милетичу и его друзьямъ пришлось потомъ (послѣ 1868 г.) горько разочароваться: Мадьяры, заключивъ соглашеніе съ Вѣною и устроивъ дуализмъ въ Габсбургской Имперіи, обманули Трансильванскихъ Саксовъ, Румынъ, Сербовъ, Словаковъ, Русскихъ и Хорватовъ и довели ихъ до настоящаго тяжелаго положенія, когда вотъ уже нѣсколько лѣтъ ни одна изъ славянскихъ народностей (Сербы, Словаки, Русскіе), ни Румынская народность не имѣютъ ни одного представителя въ сеймѣ. Изданный давно и никогда не отмѣнявшійся законодательнымъ путемъ, законъ о народностяхъ утратилъ всякую силу. Въ то время (1862 г.) Милетичъ былъ городскимъ головой въ Новомъ Садѣ и вождемъ либеральной партіи, а епископъ Н. Груичъ, проживавшій во Фрушкой Горѣ былъ ея кандидатомъ на вдовствующую въ то время каѳедру Сербскаго патріарха въ Венгріи.

Стараясь быть возможно коректнымъ и въ глазахъ правительства, отъ коего зависитъ утвержденіе избраннаго патріарха, Н. Груичъ избѣгалъ по возможности всякихъ свиданій съ Русскими путешественниками. Незадолго до меня заѣзжалъ къ нему проф. Петровскій, онъ его не принялъ, какъ еще раньше не принялъ Аксакова (И. С.). Зная это и желая меня непремѣнно познакомить съ Груичемъ, Милетичъ поѣхалъ во Фрушку Гору со мной и съ Вукичевичемъ. Прося доложить о пріѣздѣ своемъ и Ву—ча, Милетичъ не сказалъ, что съ ними есть Русскій. Епископъ насъ принялъ и когда, представляя меня, Милетичъ полушутя замѣтилъ, что теперь ему уже придется принять Русскаго и напомнилъ ему объ Аксаковѣ и Петровскомъ. Какъ человѣкъ умный, Груичъ не показалъ и виду, что мнѣ не особенно радъ, и сталъ объяснять, какъ онъ сожалѣлъ, что не могъ тогда принять ихъ и вспоминалъ потомъ о Гильфердингѣ, съ коимъ былъ близко знакомъ, поминалъ и другихъ знакомыхъ русскихъ, но о Прейсѣ, сколько помнится, ничего не говорилъ. Мы провели тогда въ бесѣдѣ съ Груичемъ чуть ли не цѣлую ночь. Образованный, даровитый человѣкъ, онъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Превосходно владѣя роднымъ языкомъ, онъ былъ настоящій ораторъ. Вообще, нигдѣ Славяне не говорятъ такъ живо, горячо и увлекательно, какъ въ Венгріи, и нигдѣ такъ они не цѣнятъ, такъ не любятъ хорошихъ ораторовъ, какъ въ Венгріи, будь то на югѣ (у Сербовъ или Хорватовъ) или на сѣверѣ у Словаковъ. Живо помню, съ какимъ благоговѣніемъ говорилъ Груичъ о Л. Штурѣ, который пріѣзжалъ къ Раячичу по дѣламъ возстанія. «Дѣла у насъ тогда было пропасть, переписка большая. Мы работали часто въ кабинетѣ до глубокой ночи, наконецъ идемъ съ патріархомъ на покой,—проходимъ черезъ комнаты, гдѣ гостилъ у насъ Штуръ, видимъ—у него сидитъ много нашихъ Сербовъ и слышимъ—льется рѣчь Штура, и вотъ мы останемся тутъ и по долгу бывало заслушиваемся Штура и забудемъ о снѣ. Казалось, все бы его слушалъ. Да это былъ дивный человѣкъ». Груичъ говорилъ мнѣ также, что онъ переводилъ брошюры Хомякова о православіи прямо называлъ его великимъ учителемъ церкви. «Ничего подобнаго съ IV в., прибавлялъ онъ, не появлялось въ нашей православной литературѣ. Послѣ въ 1870-хъ гг., когда Милетичъ сталъ въ оппозицію къ Мадьярскому правительству, а Груичъ—изъ личныхъ, частью б. м. и іерархическихъ интересовъ, шелъ съ правительствомъ, значеніе и вліяніе Груича между Сербами совершенно пало. В. Л.

X.

Первая лекція П. И. Прейса, читанная весною 1843 г. въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ.

М. Г. Предметъ, къ которому мы приступаемъ, предметъ новый. Цѣль его— распространить ясныя, вѣрныя понятія о племени многочисленномъ, составляющемъ значительную часть европейскаго народонаселенія. Изученіе всего, что относится къ Славянамъ, будетъ предметомъ и содержаніемъ нашихъ чтеній.

При первомъ шагѣ въ эту область знанія позволительно сдѣлать себѣ вопросъ: когда, гдѣ и кѣмъ положены первыя основанія нашему предмету и какія перемѣны испытаны имъ донынѣ?

Изученіе жизни извѣстнаго народа въ ея многоразличныхъ явленіяхъ не было дѣломъ Древнихъ. Народы древняго міра знали только самихъ себя. Образованнѣйшіе изъ нихъ, Греки и Римляне, говорятъ о сосѣдяхъ своихъ почти съ презрѣніемъ, вскользь, мимоходомъ.—Мы напрасно будемъ искать у нихъ сколько нибудь полнаго описанія мѣстности, занимаемой тѣмъ или другимъ народомъ, описанія быта того или другого народа. Свѣдѣнія, сообщаемыя Греками и Римлянами, о языкѣ, письменности народовъ чуждыхъ имъ по происхожденію, не удовлетворяютъ насъ. Многое, что намъ важно бы было знать, погибло безвозвратно. Только три народа древняго міра письменно завѣщали себя потомству: Евреи, Греки, Римляне. Завѣщаніе неоцѣненное! Новѣйшіе народы Европы, усвоивъ себѣ это наслѣдство, успѣли въ своемъ сознаніи пересоздать то, что представляла жизнь на востокѣ и западѣ древняго міра.—Чѣмъ болѣе три эти народа были изучаемы, чѣмъ болѣе сіи изученія получали форму науки, тѣмъ настоятельнѣе была необходимость сравнительнаго познанія. Изученіе языка, быта Евреевъ потребовало изученія прочихъ семитическихъ народовъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было изслѣдовать отношеніе и связь древне-греческаго міра съ восточнымъ азіятскимъ. Здѣсь первыя начала оріентальной филологіи. Въ послѣднее время отношенія древне-италійскихъ народовъ къ племенамъ кельтскаго корня сдѣлались предметами новѣйшихъ изслѣдователей. Очевидно, изученіе одного народа вело всегда къ изученію другого, третьяго и т. д.

Древніе Греки и Римляне — какъ замѣчено—были исключительны: не хотѣли знать своихъ сосѣдей. Познаніе такъ называемыхъ «варваровъ» было дѣломъ, едва достойнымъ ихъ дѣятельности.—Ученые запада, посвящавшіе цѣлую жизнь на изслѣдованіе древне-классической старины, переняли у великихъ образцовъ

своихъ ту-же односторонность. И они считали изученіе другихъ народовъ, кромѣ Римлянъ и Грековъ, дѣломъ не вознаграждающимъ.

Но такая исключительность, не бывъ законною, не могла быть продолжительна. — Наука не могла остановиться на одномъ изученіи древнихъ народовъ въ отношеніи ихъ только къ самимъ себѣ, въ быту ихъ, такъ сказать, домашнемъ. Римляне, напр., оставили глубокіе слѣды въ бытѣ покоренныхъ ими народовъ. Представилась для науки новая задача. Надобно было рѣшить: какъ далеко простиралось вліяніе Римлянъ на кельтскіе и германскіе народы; въ чемъ обнаруживалось это вліяніе. Вопросъ: что принадлежитъ Римлянамъ въ гражданскихъ установленіяхъ сказанныхъ народовъ и что составляетъ собственность сихъ послѣднихъ—этотъ вопросъ постоянно тревожилъ пытливость ученыхъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ соприкосновенныхъ съ этимъ вопросомъ изысканій была наука древностей германскихъ, историческая грамматика германскихъ нарѣчій, исторія національной литературы народовъ германскаго корня. Поле взорано по всѣмъ направленіямъ и обѣщаетъ богатую жатву. Романскіе народы въ изученіяхъ своихъ идутъ тѣмъ-же путемъ.

Такимъ образомъ, историко-филологическія изслѣдованія, постоянно увеличиваясь въ объемѣ своемъ, дошли, наконецъ, въ прошломъ столѣтіи до Востока Европы, до славянскаго ея народонаселенія. Но и здѣсь наука не измѣнила свои методы. И здѣсь славянскіе народы первоначально должны были служить комментаріемъ для писателей греческихъ и римскихъ. Вскорѣ, однакоже, увидѣли, что древніе писатели очень ненадежные путеводители по землямъ славянскимъ, что надобно искать другихъ источниковъ. Обратились къ писателямъ византійскимъ и къ латинскимъ лѣтописямъ среднихъ вѣковъ, стали отыскивать слѣды германскаго или византійскаго вліянія на славянскіе народы. — При такого рода изслѣдованіи нельзя было не натолкнуться на вопросъ: что пріобрѣтено Славянами отъ сосѣдей и что собственно принадлежитъ имъ исключительно? Слѣдовательно, эти два вопроса, предполагая познаніе обоихъ народовъ, тѣмъ самымъ вели къ новому изученію, къ изученію славянскаго элемента.

Таково было начало славянской филологіи на Западѣ. Въ составъ ея не входили еще главнѣйшіе, существеннѣйшіе вопросы: элементы славянскихъ обществъ, языки и нарѣчія, связь ихъ между собою, славянское право, народная поэзія и т. п. Только славяне могли рѣшить эти вопросы, только они могли раздвинуть предѣлы новорождающагося знанія.

Мы обязаны такимъ образомъ обратиться къ славянамъ и обозрѣть въ главныхъ чертахъ дѣятельность ихъ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи.

Изъ отечественной исторіи, гражданской и литературной, Вамъ извѣстенъ, М. Г., переворотъ, воспослѣдовавшій въ Россіи въ продолженіи прошлаго столѣтія. Вы знаете тѣхъ, которымъ Россія обязана своимъ перерожденіемъ. Довольно этихъ немногихъ словъ, чтобы напомнить великую эпоху. И другіе

славянскіе народы имѣютъ полное право смотрѣть на прошлое столѣтіе, какъ на источникъ ихъ настоящихъ успѣховъ. И у нихъ, при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ, совершился переворотъ, замѣчательный въ началѣ своемъ, но еще болѣе важный по развитію и послѣдствіямъ. Въ жизни народовъ живо творящая сила слѣдуетъ за явленіемъ великихъ индивидуумовъ, а потому коснемся двухъ лицъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на своихъ соотечественниковъ, Сербовъ и Чеховъ.

Слѣдуя хронологическому порядку, начну Сербами. Отрасли этого славянскаго племени главнѣйше живутъ между Савою и Адріатическимъ моремъ. Не вездѣ они называютъ себя именемъ Сербовъ, хотя языкъ ихъ съ незначительными отмѣнами одинъ и тотъ-же, сербскій, въ Далмаціи, Сербіи, Черной Горѣ, Герцеговинѣ, Босніи. Это племя раздѣлено двумя вѣроисповѣданіями греческимъ и римскимъ и двумя алфавитами славянскимъ и латинскимъ. — За исключеніемъ двухъ, трехъ лѣтописцевъ и богатой народной поэзіи, Сербы православнаго исповѣданія не имѣли литературы оригинальной, не имѣли ея и тогда, когда еще существовало сербское царство, гроза Византіи. Въ 1389 году оно пало подъ ударами турковъ. Насильства Пашей заставляли Сербовъ въ разныя времена выселяться изъ отечества своего, особенно въ Далмацію и Венгрію, и искать здѣсь мирныхъ, спокойныхъ жилищъ. Въ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го столѣтія мы находимъ уже значительныя колоніи Сербовъ въ южной и средней полосѣ Венгріи. Здѣсь они образовали военную границу Австріи, какъ другіе ихъ соплеменники, нашедши пріютъ въ Далмаціи, составляли военную силу Венеціи. Сербы до нынѣ служатъ оградою, живою стѣною Австріи противъ Турціи.

Часть сербскаго населенія Венгріи давно уже сдѣлалась мирными жителями городовъ. Въ ихъ рукахъ почти вся торговля южной Венгріи. — Въ прошломъ столѣтіи просвѣщеніе слабо распространено было у нихъ, даже въ высшемъ духовенствѣ. Питомцамъ кіевской академіи принадлежитъ честь и здѣсь быть первыми основателями духовныхъ сербскихъ школъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи вышли многіе, прославившіе себя сановники церкви. Архимандритъ Раичъ своею исторіею южно-славянскихъ народовъ и другими сочиненіями много содѣйствовалъ къ пробужденію любви къ знаніямъ, любви къ народности. — Но его могли понимать только люди образованные, знакомые съ языкомъ церковно-славянскимъ, на которомъ Раичъ постоянно писалъ. — Ложная ученость и мѣстныя обстоятельства были причинами, что никто въ Венгріи не рѣшался ввести въ литературу языка живого, разговорнаго. — Ученые Сербы думали, что народное ихъ нарѣчіе есть не иное что, какъ искаженный, испорченный церковно-славянскій языкъ, что они уклонились отъ сего послѣдняго только со времени турецкаго владычества. — Никто изъ Сербовъ и не догадывался о литературной дѣятельности соплеменниковъ въ Далмаціи. — Но вотъ и другое обстоятельство. Сербы-горожане, находясь въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Мадьярами, Нѣмцами, Валахами, говорятъ дѣйствительно весьма испорченнымъ нарѣчіемъ.

Только въ деревняхъ языкъ сохраняется въ первобытной своей чистотѣ. Все это вмѣстѣ взятое болѣе и болѣе усиливало въ образованномъ классѣ чувство презрѣнія къ языку черни. Заблужденіе едва понятное, если припомнимъ себѣ то одушевленіе, съ которымъ лѣтъ за 25 тому назадъ Европою встрѣчены были и языкъ сербскаго простолюдина и превосходная народная поэзія его. Писатели сербскіе, хотя основательно и не знали церковно-славянскаго, хотя въ каждой почти строкѣ сбивались на свое народное нарѣчіе, при всемъ томъ они твердо были убѣждены, что пишутъ чистымъ, церковнымъ языкомъ. При такомъ расположеніи умовъ, при такомъ образѣ мыслей, казалось, первая сербская книга не могла ожидать хорошаго пріема. Вышло напротивъ. Книга, о которой упомянуто, напечатана въ Лейпцигѣ въ 1773 и заключала въ себѣ «Жизнь и приключенія Обрадовича». Мы должны познакомиться съ главнѣйшими обстоятельствами жизни этого Серба.— Обрадовичъ родился въ Банатѣ въ южной Венгріи въ 1739 году. Онъ не получилъ въ своемъ дѣтствѣ образованія; зналъ грамотѣ и былъ сидѣльцемъ въ лавкѣ у отца своего, небогатаго купца. Съ юныхъ лѣтъ тревожила его одна мысль, нигдѣ не дававшая ему покоя: Обрадовичу хотѣлось удалиться въ какой нибудь пустынный монастырь. Отчаявшись въ возможности получить согласіе отца и не находя другого средства къ исполненію своего желанія, онъ рѣшился бѣжать изъ родительскаго дома въ монастырь Хопово въ Фрушкой горѣ въ Сирміи. Вскорѣ, однакоже, Обрадовичъ узналъ свою ошибку, узналъ, что не жизнь отшельника есть то, что къ чему стремилась душа его. Жажда познаній была въ немъ сильнѣйшимъ чувствомъ. Въ келіи бѣднаго Хоповскаго монастыря онъ не могъ удовлетворить этой жаждѣ. Мысль найти искомое за воротами монастыря заставила его удалиться изъ Хопова. Какой-то внутренній голосъ гналъ его все далѣе и далѣе. Безъ средствъ, съ однимъ упованіемъ на состраданіе людей, Обрадовичъ прошелъ Сирмію, Кроацію, Славонію, Военную Границу и сдѣлался наконецъ въ Далмаціи учителемъ дѣтей въ одномъ сербскомъ семействѣ. Уча, онъ и самъ учился; умѣлъ пріобрѣсть знаніе необходимыхъ для себя языковъ. Здѣсь Обрадовичъ познакомился также съ литературою далматинскихъ Сербовъ и еще сильнѣе убѣдился въ необходимости отстать отъ письменнаго языка своей родины.—Плодомъ этого убѣжденія было первое его сочиненіе: Мезимац, которое при жизни Обрадовича не было издано. Оно написано на сербскомъ языкѣ для воспитанниковъ его. Живой, пытливый духъ Обрадовича не удовлетворялся, однакоже, тѣмъ, что представляла ему тогда итальянская литература. Посѣтивъ многіе острова Средиземнаго моря, Архипелагъ, Грецію, Албанію, онъ чрезъ Константинополь и Россію прибылъ въ Лейпцигъ и здѣсь въ первый разъ началъ свою литературную дѣятельность. Все, что онъ издавалъ въ Лейпцигѣ, а потомъ въ Вѣнѣ все это имѣло одну цѣль возрожденіе сербскаго народа, народа, который составлялъ единственную его любовь. Во всѣхъ трудахъ своихъ Обрадовичъ развиваетъ одну мысль: необходимость усвоенія современнаго образованія. Въ апологѣ, въ дѣтской книгѣ, въ автобіографіи всюду преобладаетъ

эта мысль.—Онъ чувствовалъ, мыслилъ только для возвышенія своего народа. Онъ умѣлъ и говорить о высочайшихъ для человѣка истинахъ языкомъ живого употребленія, умѣлъ въ языкѣ простолюдина найти всѣ формы для выраженія идей современнаго ему образованія, на зло педантамъ, которые обрекли было разговорный сербскій языкъ на употребленіе черни.—Слова Обрадовича, идущія изъ сердца, нашли пріютъ въ сердцахъ его соотечественниковъ. Сочиненія Обрадовича, еще при жизни его, отчасти достигли своей цѣли: народъ на такъ называемыхъ конгрессахъ настоятельно требовалъ чрезъ депутатовъ своихъ новаго, лучшаго устройства учебной части. Преобразованіе началось съ духовныхъ училищъ, коснулось и монастырей, а потомъ съ теченіемъ времени проникло и въ народныя школы. Между тѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Георгій Черный началъ освобожденіе Сербіи послѣ 400 лѣтняго порабощенія. Въ это время Обрадовичъ изъ 25 лѣтнихъ своихъ странствованій по Европѣ возвратился къ своимъ соотечественникамъ. Онъ не рѣшился идти въ монастырь. Надежда на прекрасную дѣятельность блеснула для Обрадовича, онъ нашелъ ее при Георгіи Черномъ въ заботахъ объ устройствѣ школъ въ рождающейся Сербіи. Основаніе, положенное имъ здѣсь въ тревожное, военное время, осталось и во время міра, безъ значительныхъ перемѣнъ къ лучшему, т. е. въ продолженіе 32 лѣтъ послѣ смерти Обрадовича.

Вотъ краткій очеркъ дѣятельности Обрадовича и его вліяніе на сербскій народъ, который пробужденъ имъ къ новой, лучшей жизни. Реформа, произведенная имъ въ языкѣ и литературѣ, признана, наконецъ, послѣ долгихъ преній законною. Языкъ книжный съ каждымъ годомъ роднится болѣе и болѣе съ языкомъ народнымъ. Могущество, силу и необходимость его начинаютъ чувствовать и люди запоздалые, отученные отъ нарѣчія отечественнаго языкомъ латинскимъ и нѣмецкимъ.

Въ исторіи сербской литературы будутъ разсказаны довольно любопытныя подробности о томъ, какъ народный языкъ постепенно пріобрѣталъ права гражданства. Здѣсь довольно было указать на дѣятельность Обрадовича, на литературно нравственный переворотъ, произведенный имъ въ сербскомъ народѣ, и обратить вниманіе на простыя средства, которыми онъ достигъ своей цѣли.

Почти въ то-же самое время, когда Обрадовичъ одушевленнымъ, народнымъ словомъ пробуждалъ Сербовъ отъ вѣковаго сна, въ то время въ другой славянской области австрійской имперіи началъ свою дѣятельность другой ... тельный Славянинъ прошедшаго столѣтія. Я говорю о Добров...

Чехи, послѣ бѣлогорской битвы въ 1620 году, ут... независимость. Реакція католической партіи ... она предавала пламени рукописи и ... многое уцѣлѣло отъ этого пож... чеш... нѣмецкимъ, постепенно скло... языкомъ нисшихъ сослов... успѣла успокоиться от...

коснулись всѣхъ частей государственнаго благосостоянія: онѣ и имѣли одну эту цѣль. Новый, живой элементъ проникъ всѣ части сложной его имперіи. Духъ народа окрылился; силы его, пробужденныя къ дѣятельности, находили ее всюду. Что касается до языка и литературы Чеховъ, то здѣсь послѣдовало явленіе довольно рѣдкое. Человѣку ученому, критику, притомъ писавшему большею частію на языкахъ нѣмецкомъ и латинскомъ, предоставлено было возвратить языку Чеховъ неотъемлемыя права гражданства. Въ этомъ отношеніи Добровскій составлялъ совершенную противоположность съ Обрадовичемъ, хотя дѣятельность обоихъ имѣла одинъ и тотъ-же результатъ.

Дѣйствительно, Добровскій почиталъ дѣло о чешскомъ языкѣ потеряннымъ. Чему удивляться? Высшія сословія совершенно забыли свой родной языкъ, въ прочихъ состояніяхъ, образованные стыдились его. Необразованный классъ въ городахъ и деревняхъ еще сохранялъ наслѣдство отцевъ; при всемъ томъ языкъ нѣмецкій становился все болѣе и болѣе языкомъ общества, учебныхъ заведеній и присутственныхъ мѣстъ. Исторія Чеховъ, ихъ языкъ занимали весьма немногихъ; для большей части эти статьи были какою-то стародавностію, безъ интереса, безъ пользы, безъ отношенія къ настоящему. Одно духовенство отчасти поддерживало литературу. Вотъ въ какое время явился Добровскій!

Отъ трудовъ его, по самой натурѣ ихъ, нельзя было ожидать переворота быстраго, мгновеннаго. Медленными, незамѣтными шагами росло его вліяніе.— Ученая его дѣятельность имѣла двѣ отличительныя стороны, которыми онъ превзошелъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Все, что Добровскій подвергалъ изысканію, изслѣдуемо было имъ критически, неумолимо строго; ни духовное его званіе, ни патріотизмъ или другія какія-либо отношенія не могли его сбить съ прямаго пути къ цѣли. Все, что у Добровскаго оставалось послѣ изслѣдованія въ результатѣ, высказываемо было имъ свободно, ясно, просто. Какъ бы ни былъ сложенъ предметъ, какъ бы ни былъ онъ сухъ на первый взглядъ, Добровскій всегда умѣлъ побѣждать представлявшіяся трудности и извлекать изъ нихъ тотъ или другой важный результатъ. Читатель никогда не устаетъ при разборѣ его изслѣдованій, охотно слѣдуетъ за нимъ до конца. Приступая къ рѣшенію какой нибудь задачи, онъ ознакомлялся предварительно со всѣми ея трудностями, со всѣмъ доступнымъ матеріаломъ, и тщательно изучивъ то и другое, такъ обработывалъ, такъ располагалъ части своего изслѣдованія, что читатель по неволѣ долженъ былъ соглашаться съ нимъ. Упомяну также о чистой и честной совѣсти этого ученаго, которою, къ сожалѣнію, не всѣ на этомъ поприщѣ могутъ похвалиться. Онъ откровенно говорилъ: «это я знаю и вотъ вамъ доказательства. Этого же не знаю, потому что не могу знать». Отъ того онъ никогда не пускался въ гипотезы, въ гаданія, не строилъ зданій на воздухѣ, удерживался отъ сближеній, столь обыкновенныхъ въ ученыхъ съ многостороннею эрудиціею и столь обманчивыхъ. Критикъ не упрекнетъ Добровскаго въ томъ, что онъ возможное бралъ за дѣйствительное и что на этомъ возможномъ онъ основывалъ какую нибудь важную истину,

фактъ или явленіе. Предметы его изслѣдованій были чрезвычайно разнообразны: то занимала его задача историческая или географическая, то филологическая, то наконецъ богословская или литературно-историческая. Предметы, правда, мѣнялись, но въ нихъ всюду преобладаетъ тотъ же всегда бодрый, всегда вѣрный себѣ, духъ испытующій. Должно впрочемъ замѣтить, что разнообразные эти предметы сходились въ одномъ: они имѣли цѣлію славянство съ полнымъ знаніемъ и многихъ другихъ народностей. Такимъ образомъ вторая отличительная сторона Добровскаго заключалась въ дѣятельности, устремленной на изученіе не одного какого нибудь отдѣльнаго славянскаго племени. Онъ старался обнять все; старался положить основаніе сравнительному изученію славянской народности, славянскихъ нарѣчій. Въ этомъ отношеніи онъ могъ предложить одни только отрывки, замѣтки, темы такъ сказать для будущихъ изслѣдователей, которые въ свое время дѣйствительно и явились для рѣшенія предложенныхъ имъ задачъ. Сравнительныя изученія потребовали знакомства съ нарѣчіями всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго подумать объ этомъ было дѣломъ отважнымъ. Какой-же было надобно имѣть твердый, критическій умъ, чтобы не сбиться въ хаосѣ того матеріала, который могъ находиться въ распоряженіи ученаго? Не удовлетворяясь подручнымъ матеріяломъ, Добровскій требовалъ новаго, и тѣмъ вызвалъ къ дѣятельности мѣстныхъ наблюдателей почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Занятія Добровскаго сравнительнымъ изученіемъ славянства дали ему особенное значеніе: онъ безъ сомнѣнія будетъ принадлежать народу чешскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ займетъ мѣсто въ исторіи филологіи каждаго славянскаго племени. Нѣтъ славянскаго племени, на которые бы онъ не дѣйствовалъ посредственно или непосредственно.

Странное дѣло! Даже и то обстоятельство, что Добровскій писалъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкѣ, было очень благопріятнымъ случаемъ для славянскаго дѣла. Онъ становился такимъ образомъ доступнымъ не только иностранцамъ, но и всѣмъ Славянамъ вообще. За 50 лѣтъ предъ симъ можно ли было ожидать отъ славянскаго ученаго знанія хотя важнѣйшихъ діалектовъ славянскихъ? И нынѣ еще это рѣдкость!

До сихъ поръ говорено было о характерѣ, содержаніи и направленіи дѣятельности Добровскаго.—Теперь перейдемъ къ вліянію его на Чеховъ и прочихъ Славянъ, скажемъ нѣсколько словъ о школѣ Добровскаго,

Ни въ началѣ, ни въ концѣ своей дѣятельности Добровскій не имѣлъ случая излагать любимый свой предметъ публично, съ каѳедры, окруженный любознательною толпою учениковъ. Въ рукахъ его было два только средства: онъ могъ печатать и въ частной перепискѣ дѣлать своимъ знакомымъ запросы. Мало по малу число читающихъ стало увеличиваться; вкусъ къ изслѣдованіямъ началъ распространяться. Въ послѣдніе годы своей жизни Добровскій могъ уже указать на свою школу, на своихъ послѣдователей.—Ученики, вышедшіе изъ этой школы, вполнѣ согласны между собою въ одномъ: они чувствуютъ необходимость точнаго, критическаго изслѣдованія и

изложенія всего, что относится къ прошедшей или настоящей жизни Славянъ, по правиламъ и началамъ, преподаннымъ Добровскимъ практически, въ многочисленныхъ его трудахъ. Въ этомъ только пунктѣ послѣдователи Добровскаго вполнѣ согласны между собою.—Но вотъ и различія. Одна часть учениковъ Добровскаго—замѣтимъ самая малочисленная—усвоивъ себѣ методу и пріемы учителя, почитаетъ единственною своею обязанностію—излагать предметъ безъ всякаго приложенія къ даннымъ отношеніямъ того или другого славянскаго племени. Эта партія не въ ладу, не въ гармоніи съ народомъ. Она къ нему находится въ такомъ почти отношеніи, какъ наши европейскіе оріенталисты къ народамъ восточнымъ. Партія эта была нѣкогда многочисленнѣе; теперь же къ ней принадлежитъ одинъ только ученый—Краинецъ Копитаръ, старѣйшій изъ сподвижниковъ Добровскаго.—Его хорутанская грамматика произвела было нѣкоторое движеніе между его соотечественниками. Въ послѣдствіи онъ почти не заглядывалъ болѣе въ эту область, занявшись исключительно изученіемъ церковно-славянскаго—и тѣмъ лишилъ себя возможности дѣйствовать на своихъ современниковъ, за исключеніемъ Вука, за котораго Сербы со временемъ будутъ благодарны ученому Краинцу.

Переходя теперь къ другому отдѣлу послѣдователей Добровскаго, къ его соотечественникамъ, я предварительно долженъ замѣтить, что измѣненія, произведенныя Императоромъ Іосифомъ II по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, развивая силы въ подвластныхъ ему народахъ, были неблагопріятны однако-же славянской народности: онѣ увеличили массу нѣмецкихъ чиновниковъ въ Богеміи. Чиновники не всегда дѣйствовали въ видахъ Правительства, часто увлекались своею ненавистію къ Чехамъ и больно оскорбляли чувство ихъ народности. Не всегда нѣмецкіе чиновники и нравственнымъ своимъ достоинствомъ стояли выше презираемыхъ Чеховъ. При всей нелицемѣрной приверженности къ великому своему государю, Чехи не могли не питать негодованія, ненависти къ противникамъ. Богемія раздѣлилась на двѣ враждебныя партіи, одну надменную, гордую, торжествующую, другую—унижаемую. Одна имѣла всѣ средства дѣйствоватъ положительно, прямо, навѣрное; другая, чувствуя свою слабость, таила свое негодованіе, молчала и ждала. Явились Крамеріусъ, Прохазка и вновь напомнили Чехамъ о родномъ на языкѣ чешскомъ. Пельцель сталъ бесѣдовать съ ними о чешской старинѣ. Интересъ къ отечественному усилился. При всемъ томъ эти писатели только отчасти достигали своей цѣли: имѣя свой опредѣленный, довольно тѣсный кругъ читателей, они не пробуждали силъ, не вызывали на трудъ. Ихъ понимали не многіе Чехи; Нѣмцы же не слышали ихъ, не обращали на нихъ вниманія.—Другое дѣйствіе должна была произвести многосторонняя ученость Добровскаго. Онъ черпалъ свое знаніе о Славянствѣ изъ двухъ источниковъ. Памятники туземные и сказанія иностранцевъ были ему въ равной мѣрѣ доступны—случай совершенно еще небывалый. Вооруженный совершенно новымъ оружіемъ, знаніемъ славянскихъ языковъ, онъ уже этимъ однимъ превышалъ современныхъ ему ученыхъ и нѣ-

мецкихъ и чешскихъ. Не говорю уже о силѣ его критическаго ума. Не одни Чехи внимали ему; слова его читались всею любознательною Европою. Даже Нѣмцы стали смотрѣть на него, какъ на оракула, охотно уступили ему державу надъ славянскимъ міромъ.—Тогда-то чешская партія ободрилась; оборонительныя ея средства увеличились. Между тѣмъ Добровскій, то частными изслѣдованіями, то большими обозрѣніями цѣлаго, продолжалъ изображать исторію Чехіи, ея литературу, особенно же преимущества языка чешскаго.—Эти труды все болѣе и болѣе усиливали народное сознаніе, были капиталомъ, дававшимъ богатые проценты. Наконецъ, Добровскій первый началъ указывать на связь, родство и отношенія Чеховъ къ прочимъ славянскимъ племенамъ. Онъ открылъ имъ новый, неслыханный до того міръ.

Матеріала, собраннаго и воздѣланнаго руками Добровскаго, было достаточно для ближайшихъ, частію непосредственныхъ его учениковъ Чеховъ. Они тотчасъ воспользовались имъ, но съ совершенно другою цѣлію. Цѣлью Добровскаго было изслѣдовать, отыскивать фактъ, затерянный въ литературѣ или въ исторіи, очищать его отъ лжей. Въ критическомъ изслѣдованіи онъ полагалъ свою главнѣйшую обязанность. Это составляло лучшія его удовольствія въ жизни. Патріотическіе послѣдователи Добровскаго пошли другимъ путемъ. Держась правилъ и основаній Добровскаго, они рѣшились писать по чешски, рѣшились возвести языкъ на степень, соотвѣтствующую духовнымъ современнымъ потребностямъ. Изслѣдованіе осталось въ сторонѣ; имъ пользовались, какъ готовымъ матеріаломъ для другой, національной цѣли. Новая эта идея первоначально не всѣми была ясно понимаема; писали по-чешски, руководимые темнымъ, болѣе инстинктуальнымъ чувствомъ. Въ эпоху перваго развитія ново-чешской литературы—кажется—одинъ Юнгманъ понималъ новую идею во всемъ ея объемѣ, и потому сильно дѣйствовалъ на умы молодого поколѣнія. Спросите мужей, нынѣ со славою подвизающихся на поприщѣ славянской литературы, и они укажутъ Вамъ на Юнгмана, какъ на источникъ, изъ котораго они черпали первое свое одушевленіе. Назову одного изъ нихъ, Шафарика, который, съ свойственною ему наивностію, разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него, тогда еще юношу, сочиненіями Юнгмана. Но усилія одного никогда бы не могли имѣть продолжительныхъ, глубокихъ слѣдствій, если-бы усилія и другихъ не приспѣли во время на помощь. Новые подвижники отчасти стали дѣйствовать другимъ оружіемъ. Чешскіе литераторы первоначально ограничивались почти однимъ средствомъ: изящною словесностію; переводили лучшее съ языковъ иностранныхъ. Но эта дѣятельность казалась многимъ не вполнѣ достигающею своей цѣли.

Сословія низшее, торговое и промышленное, не вполнѣ еще подверглись дѣйствію нѣмецкаго элемента. За нихъ ухватилась литература и положила пресѣчь иноземное вліяніе. Одно оставалось средство: надобно было для нихъ создать особенную литературу. Пресль, Амерлингъ, Свобода и прежде уже Крамеріусъ и Прохазка пріобрѣли неотъемлемыя права на благодарность своихъ со-

отечественниковъ. Теперь у Чеховъ промышленное состоянiе почти не нуждается въ иностранной литературѣ: все новое въ непродолжительномъ времени дѣлается собственностiю промышленнаго класса. Нынѣ открыты въ Прагѣ публичныя лекцiи на чешскомъ языкѣ.—Между тѣмъ, какъ одна часть чешскихъ литераторовъ пишетъ для развитiя промышленныхъ силъ или для образованнаго патрiотическаго круга, въ то самое время другая издаетъ книги для увеселенiя, для забавы народа, для немногихъ, но сладкихъ его досуговъ, разсказываетъ ему важнѣйшiя событiя изъ отечественной и всемiрной исторiи, распространяетъ въ немъ общеполезныя знанiя, тѣшитъ его повѣстями съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ приложенiемъ къ даннымъ обстоятельствамъ. Сельскiй житель, прiобрѣтая книги почти даромъ, начинаетъ постепенно отвыкать отъ жизни корчемной и разгульной. Духовенство и литераторы съ однимъ только вознагражденiемъ доброй совѣсти—соперничествуютъ другъ съ другомъ о пробужденiи въ народѣ силъ, о устремленiи ихъ къ достойной цѣли. Эти благородные дѣлатели—безъ сомнѣнiя—готовятъ прекрасную будущность чешскому народу.

Чешское дворянство—какъ замѣчено—не могло поощрять усилiй горсти благороднѣйшей части народа; оно даже не знало о томъ, что дѣлалось въ чешской землѣ. Доказательствомъ сему служитъ то, что только въ прошломъ году одинъ изъ среды этого сословiя вмѣнилъ себѣ въ обязанность познакомить своихъ сочленовъ съ ходомъ и настоящимъ состоянiемъ ново-чешской литературы.—Говоря о невниманiи къ народному дѣлу большей части дворянства, я долженъ исключить изъ этой массы имена графа Коловрата, графовъ Штернберковъ.—Ихъ предстательству предъ трономъ Чехи обязаны заведенiемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Это нацiональный музей въ Прагѣ съ значительнымъ фондомъ при немъ. Фондъ музея успѣлъ уже оказать важныя услуги отечественной литературѣ. Иждивенiемъ его напечатанъ чешскiй словарь Юнгмана—исполинскiй трудъ одного человѣка, потомъ Древности Шафарика.—Сверхъ того, съ 1841 года на счетъ фонда издается каждый годъ одинъ томъ старо-чешской библiотеки, одинъ томъ ново-чешской и одинъ томъ библiотеки общеполезныхъ знанiй. Кромѣ того—по прежнему—члены, составляющiе ученое общество при нацiональномъ музеѣ, издаютъ журналъ. Науки, литература и познанiе Славянства—содержанiе его.

Такимъ образомъ Юнгманъ, Ганка, Челяковскiй, Палацкiй и многiе другiе, бывъ продолжателями и преемниками дѣятельности Добровскаго, которою онъ нѣкогда одинъ завѣдывалъ, дѣйствовали уже не на однихъ ученыхъ. Мысль о народной литературѣ принадлежитъ имъ.

Но Чехи имѣли союзниковъ въ другомъ углу австрiйской имперiи, въ землѣ венгерскихъ Словаковъ.—Вотъ въ короткихъ словахъ положенiе этого племени въ Венгрiи.

Словаковъ въ Венгрiи слишкомъ 2.500.000. Они раздѣлены двумя вѣроисповѣданiями: одна часть ихъ—самая многочисленная—католики; другая—менѣе сильная—протестанты. Замѣчательно, что католическiе Словаки, пишущiе

книги бо́льшею частію духовнаго содержанія, никакъ не хотятъ принять языка Чеховъ. Языкъ чешскій, несмотря на незначительность его различій отъ словацкаго, кажется католикамъ все еще языкомъ Гусса; они отвергаютъ языкъ своихъ единовѣрцевъ, между тѣмъ какъ Словаки—протестанты съ давней поры проповѣдуютъ на языкѣ католической земли.

Со временъ Императора Іосифа II народности въ Венгріи оставались неприкосновенными, бывъ утверждены закономъ. Законъ, необходимый для земли, подрытой по всѣмъ направленіямъ самыми противоположными, самыми враждебными интересами. Съ этой стороны Венгрія наслаждалася совершеннымъ спокойствіемъ въ продолженіе тысячелѣтія.—Король, общее государственное постановленіе и латинскій языкъ связывали отдѣльные народы въ одинъ народъ подъ именемъ Венгровъ. Императоръ Іосифъ II, съ самою благонамѣренною цѣлью положилъ въ подвластныя ему державы ввести одинъ языкъ и, послѣ нѣкотораго колебанія между славянскимъ и нѣмецкимъ, императоръ рѣшился сдѣлать сей послѣдній господствующимъ. Не знавшіе нѣмецкаго языка, а ихъ нашлось довольно значительное число, были отстранены отъ общественныхъ мѣстъ. Всѣ народности Венгріи пробудились, какъ-бы отъ сна, не исключая даже Валаховъ.—Всѣхъ болѣе недовольны были новизною Мадьяры: на ихъ сторонѣ было дворянство, которое одно имѣетъ голосъ и въ комитатахъ и на Сеймахъ. По смерти Императора Іосифа II, нѣмецкій языкъ былъ отмѣненъ; латинскій получилъ прежнія свои права; несмотря на то, взволнованные умы не могли успокоиться. Возникъ вопросъ: которая изъ народностей должна сдѣлаться господствующею въ Венгріи? Не скоро рѣшенъ былъ этотъ вопросъ. Да и теперь нельзя его еще почитать вполнѣ рѣшеннымъ: узелъ разрубленъ, но не распутанъ.

Возвращаюсь къ словацкому народонаселенію и при томъ къ протестантскому, ибо въ немъ заключается нравственная сила Словаковъ. Словаки тщательно наблюдали за литературно-народнымъ движеніемъ у Чеховъ и были увлечены имъ.—Все, что́ дѣлалось въ землѣ чешской, дѣлалось какъ будто и для Словаковъ. Такъ думали образованнѣйшіе изъ нихъ, и ошиблись. Между словацкими горожанами идея народности была слаба; мысль о необходимости сдѣлаться Мадьярами пріобрѣтала болѣе и болѣе силы. Богатыя средства, завлеченія противной партіи были не всегда безуспѣшны: Мадьяры не довольствовались тѣмъ, что языкъ ихъ возведенъ на степень оффиціальнаго; толкуя смыслъ закона въ свою пользу, они рѣшились сдѣлать его языкомъ общества, языкомъ церкви, народа. Все, казалось, было потеряно. Случилось, однакоже противъ ожиданія, иначе.

Явился человѣкъ съ горячею, чистою безграничною любовію къ своему народу, съ характеромъ твердымъ и при томъ съ рѣдкимъ поэтическимъ дарованіемъ. Это, благовѣйно чтимый своимъ народомъ, Колларъ, священникъ при евангелической церкви въ Пестѣ. Вліяніе его какъ священника не ограничивалось однимъ его приходомъ. Напечатанныя проповѣди Коллара разошлись по городамъ и селамъ и бросили въ сердца нѣсколько искръ; онѣ и нынѣ составляютъ любимое чтеніе народа и среднихъ сословій. Его поэма: Дочь славы

очаровала умы юношей, которые, въ свою очередь, уже успѣшно дѣйствуютъ въ интересѣ народности. Наконецъ, какъ частный человѣкъ, Колларъ успѣлъ идеею взаимности славянской одушевить и другихъ венгерскихъ Славянъ, Сербовъ и Хорватовъ. Въ числѣ послѣднихъ ему удалось найти Л. Гая, который, воспользовавшись благопріятными мѣстными обстоятельствами, въ короткое время успѣлъ произвести между своими соотечественниками, Хорватами, сильное движеніе. Литературно-политическій переворотъ Л. Гая на югѣ Венгріи между южно-славянскими племенами и литературно-религіозный отпоръ Словаковъ на сѣверѣ подъ руководствомъ Коллара, поставили въ большое затрудненіе партію Мадьяровъ

Вотъ въ короткихъ словахъ плоды дѣятельности одного человѣка.

Другому Словаку, Шафарику, суждено было начать свое поприще между венгерскими Сербами. Бывъ сперва директоромъ сербской новосадской гимназіи, а потомъ профессоромъ при ней, Шафарикъ много содѣйствовалъ, послѣ Обрадовича, къ возбужденію въ семъ народѣ духовной дѣятельности. Но эта не главная его заслуга. Усиліями писателей чешскихъ, словацкихъ одушевленіе къ славянскому дѣлу достигло высшей степени своего развитія. Періодъ опасный! Восторженность мало по малу могла смѣниться равнодушіемъ, даже холодностью, какъ часто случается. Потребовали существеннаго, дѣла—и могучій дѣлатель откликнулся на зовъ. Отвѣтомъ Шафарика была прежде всего: Исторія литературы Славянъ; за нею послѣдовала: Древнѣйшая исторія Славянъ и славянская этнографія. Вся литературная дѣятельность Шафарика обращена къ тому, чтобы привесть въ порядокъ, въ систему разбросанный матеріалъ, составить обозрѣніе прошедшей и настоящей жизни Славянъ. До Шафарика знаніе литературы, исторіи и древностей славянскихъ было достояніемъ немногихъ ученыхъ; его-же труды дѣлаютъ этотъ предметъ общеизвѣстнымъ. Сверхъ того, изслѣдованія сего ученаго, составляя богатый источникъ изученій, развиваютъ въ молодомъ поколѣніи силы, указываютъ путь къ движенію впередъ, къ близкой уже цѣли. Сколько по славянскимъ землямъ разсѣяно превосходныхъ талантовъ, которые не имѣя точной, опредѣленной дѣятельности, ничего не производятъ—и сколько ихъ уже спасено Шафарикомъ отъ безполезной растраты силъ, сколько уже имъ возбуждено къ участію въ общемъ дѣлѣ.

Говоря о Колларѣ, я намекнулъ о докторѣ Гаѣ и движеніи, произведенномъ имъ въ своемъ отечествѣ, Кроаціи. Войдемъ теперь въ нѣкоторыя подробности объ этомъ дѣлѣ.

Кроація вмѣстѣ съ Славоніею, Сирміею, Военною границею и Хорватскимъ Приморьемъ составляетъ часть Венгерскаго Королевства, часть самостоятельную съ особеннымъ государственнымъ постановленіемъ. Народонаселеніе, съ незначительными исключеніями, во всѣхъ классахъ общества славянское. Несмотря на то, Хорваты не умѣли пользоваться выгодами своего независимаго положенія;

славянскіе народы имѣютъ полное право смотрѣть на прошлое столѣтіе, какъ на источникъ ихъ настоящихъ успѣховъ. И у нихъ, при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ, совершился переворотъ, замѣчательный въ началѣ своемъ, но еще болѣе важный по развитію и послѣдствіямъ. Въ жизни народовъ живо творящая сила слѣдуетъ за явленіемъ великихъ индивидуумовъ, а потому коснемся двухъ лицъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на своихъ соотечественниковъ, Сербовъ и Чеховъ.

Слѣдуя хронологическому порядку, начну Сербами. Отрасли этого славянскаго племени главнѣйше живутъ между Савою и Адріатическимъ моремъ. Не вездѣ они называютъ себя именемъ Сербовъ, хотя языкъ ихъ съ незначительными отмѣнами одинъ и тотъ-же, сербскій, въ Далмаціи, Сербіи, Черной Горѣ, Герцеговинѣ, Босніи. Это племя раздѣлено двумя вѣроисповѣданіями греческимъ и римскимъ и двумя алфавитами славянскимъ и латинскимъ. — За исключеніемъ двухъ, трехъ лѣтописцевъ и богатой народной поэзіи, Сербы православнаго исповѣданія не имѣли литературы оригинальной, не имѣли ея и тогда, когда еще существовало сербское царство, гроза Византіи. Въ 1389 году оно пало подъ ударами турковъ. Насильства Пашей заставляли Сербовъ въ разныя времена выселяться изъ отечества своего, особенно въ Далмацію и Венгрію, и искать здѣсь мирныхъ, спокойныхъ жилищъ. Въ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го столѣтія мы находимъ уже значительныя колоніи Сербовъ въ южной и средней полосѣ Венгріи. Здѣсь они образовали военную границу Австріи, какъ другіе ихъ соплеменники, нашедши пріютъ въ Далмаціи, составляли военную силу Венеціи. Сербы до нынѣ служатъ оградою, живою стѣною Австріи противъ Турціи.

Часть сербскаго населенія Венгріи давно уже сдѣлалась мирными жителями городовъ. Въ ихъ рукахъ почти вся торговля южной Венгріи. — Въ прошломъ столѣтіи просвѣщеніе слабо распространено было у нихъ, даже въ высшемъ духовенствѣ. Питомцамъ кіевской академіи принадлежитъ честь и здѣсь быть первыми основателями духовныхъ сербскихъ школъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи вышли многіе, прославившіе себя сановники церкви. Архимандритъ Раичъ своею исторіею южно-славянскихъ народовъ и другими сочиненіями много содѣйствовалъ къ пробужденію любви къ знаніямъ, любви къ народности. — Но его могли понимать только люди образованные, знакомые съ языкомъ церковно-славянскимъ, на которомъ Раичъ постоянно писалъ. — Ложная ученость и мѣстныя обстоятельства были причинами, что никто въ Венгріи не рѣшался ввести въ литературу языка живого, разговорнаго. — Ученые Сербы думали, что народное ихъ нарѣчіе есть не иное что, какъ искаженный, испорченный церковно-славянскій языкъ, что они уклонились отъ сего послѣдняго только со времени турецкаго владычества. — Никто изъ Сербовъ и не догадывался о литературной дѣятельности соплеменниковъ въ Далмаціи. — Но вотъ и другое обстоятельство. Сербы-горожане, находясь въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Мадьярами, Нѣмцами, Валахами, говорятъ дѣйствительно весьма испорченнымъ нарѣчіемъ.

Только въ деревняхъ языкъ сохраняется въ первобытной своей чистотѣ. Все это вмѣстѣ взятое болѣе и болѣе усиливало въ образованномъ классѣ чувство презрѣнія къ языку черни. Заблужденіе едва понятное, если припомнимъ себѣ то одушевленіе, съ которымъ лѣтъ за 25 тому назадъ Европою встрѣчены были и языкъ сербскаго простолюдина и превосходная народная поэзія его. Писатели сербскіе, хотя основательно и не знали церковно-славянскаго, хотя въ каждой почти строкѣ сбивались на свое народное нарѣчіе, при всемъ томъ они твердо были убѣждены, что пишутъ чистымъ, церковнымъ языкомъ. При такомъ расположеніи умовъ, при такомъ образѣ мыслей, казалось, первая сербская книга не могла ожидать хорошаго пріема. Вышло напротивъ. Книга, о которой упомянуто, напечатана въ Лейпцигѣ въ 1773 и заключала въ себѣ «Жизнь и приключенія Обрадовича». Мы должны познакомиться съ главнѣйшими обстоятельствами жизни этого Серба.—Обрадовичъ родился въ Банатѣ въ южной Венгріи въ 1739 году. Онъ не получилъ въ своемъ дѣтствѣ образованія; зналъ грамотѣ и былъ сидѣльцемъ въ лавкѣ у отца своего, небогатаго купца. Съ юныхъ лѣтъ тревожила его одна мысль, нигдѣ не дававшая ему покоя: Обрадовичу хотѣлось удалиться въ какой нибудь пустынный монастырь. Отчаявшись въ возможности получить согласіе отца и не находя другого средства къ исполненію своего желанія, онъ рѣшился бѣжать изъ родительскаго дома въ монастырь Хопово въ Фрушкой горѣ въ Сирміи. Вскорѣ, однакоже, Обрадовичъ узналъ свою ошибку, узналъ, что не жизнь отшельника есть то, что къ чему стремилась душа его. Жажда познаній была въ немъ сильнѣйшимъ чувствомъ. Въ келіи бѣднаго Хоповскаго монастыря онъ не могъ удовлетворить этой жаждѣ. Мысль найти искомое за воротами монастыря заставила его удалиться изъ Хопова. Какой-то внутренній голосъ гналъ его все далѣе и далѣе. Безъ средствъ, съ однимъ упованіемъ на состраданіе людей, Обрадовичъ прошелъ Сирмію, Кроацію, Славонію, Военную Границу и сдѣлался наконецъ въ Далмаціи учителемъ дѣтей въ одномъ сербскомъ семействѣ. Уча, онъ и самъ учился; умѣлъ пріобрѣсть знаніе необходимыхъ для себя языковъ. Здѣсь Обрадовичъ познакомился также съ литературою далматинскихъ Сербовъ и еще сильнѣе убѣдился въ необходимости отстать отъ письменнаго языка своей родины.—Плодомъ этого убѣжденія было первое его сочиненіе: Мезимац, которое при жизни Обрадовича не было издано. Оно написано на сербскомъ языкѣ для воспитанниковъ его. Живой, пытливый духъ Обрадовича не удовлетворялся, однакоже, тѣмъ, что представляла ему тогда итальянская литература. Посѣтивъ многіе острова Средиземнаго моря, Архипелагъ, Грецію, Албанію, онъ чрезъ Константинополь и Россію прибылъ въ Лейпцигъ и здѣсь въ первый разъ началъ свою литературную дѣятельность. Все, что онъ издавалъ въ Лейпцигѣ, а потомъ въ Вѣнѣ все это имѣло одну цѣль возрожденіе сербскаго народа, народа, который составлялъ единственную его любовь. Во всѣхъ трудахъ своихъ Обрадовичъ развиваетъ одну мысль: необходимость усвоенія современнаго образованія. Въ апологѣ, въ дѣтской книгѣ, въ автобіографіи всюду преобладаетъ

эта мысль.—Онъ чувствовалъ, мыслилъ только для возвышенія своего народа. Онъ умѣлъ и говорить о высочайшихъ для человѣка истинахъ языкомъ живого употребленія, умѣлъ въ языкѣ простолюдина найти всѣ формы для выраженія идей современнаго ему образованія, на зло педантамъ, которые обрекли было разговорный сербскій языкъ на употребленіе черни.—Слова Обрадовича, идущія изъ сердца, нашли пріютъ въ сердцахъ его соотечественниковъ. Сочиненія Обрадовича, еще при жизни его, отчасти достигли своей цѣли: народъ на такъ называемыхъ конгрессахъ настоятельно требовалъ чрезъ депутатовъ своихъ новаго, лучшаго устройства учебной части. Преобразованіе началось съ духовныхъ училищъ, коснулось и монастырей, а потомъ съ теченіемъ времени проникло и въ народныя школы. Между тѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Георгій Черный началъ освобожденіе Сербіи послѣ 400 лѣтняго порабощенія. Въ это время Обрадовичъ изъ 25 лѣтнихъ своихъ странствованій по Европѣ возвратился къ своимъ соотечественникамъ. Онъ не рѣшился идти въ монастырь. Надежда на прекрасную дѣятельность блеснула для Обрадовича, онъ нашелъ ее при Георгіи Черномъ въ заботахъ объ устройствѣ школъ въ рождающейся Сербіи. Основаніе, положенное имъ здѣсь въ тревожное, военное время, осталось и во время міра, безъ значительныхъ перемѣнъ къ лучшему, т. е. въ продолженіе 32 лѣтъ послѣ смерти Обрадовича.

Вотъ краткій очеркъ дѣятельности Обрадовича и его вліяніе на сербскій народъ, который пробужденъ имъ къ новой, лучшей жизни. Реформа, произведенная имъ въ языкѣ и литературѣ, признана, наконецъ, послѣ долгихъ преній законною. Языкъ книжный съ каждымъ годомъ роднится болѣе и болѣе съ языкомъ народнымъ. Могущество, силу и необходимость его начинаютъ чувствовать и люди запоздалые, отученные отъ нарѣчія отечественнаго языкомъ латинскимъ и нѣмецкимъ.

Въ исторіи сербской литературы будутъ разсказаны довольно любопытныя подробности о томъ, какъ народный языкъ постепенно пріобрѣталъ права гражданства. Здѣсь довольно было указать на дѣятельность Обрадовича, на литературно нравственный переворотъ, произведенный имъ въ сербскомъ народѣ, и обратить вниманіе на простыя средства, которыми онъ достигъ своей цѣли.

Почти въ то-же самое время, когда Обрадовичъ одушевленнымъ, народнымъ словомъ пробуждалъ Сербовъ отъ вѣковаго сна, въ то время въ другой славянской области австрійской имперіи началъ свою дѣятельность другой замѣчательный Славянинъ прошедшаго столѣтія. Я говорю о Добровскомъ.

Чехи, послѣ бѣлогорской битвы въ 1620 году, утратили свою политическую независимость. Реакція католической партіи дѣйствовала ужасно. Въ торжествѣ она предавала пламени рукописи и книги, писанныя на языкѣ чешскомъ. Немногое уцѣлѣло отъ этого пожара. Языкъ чешскій, тѣснимый латинскимъ и нѣмецкимъ, постепенно склонялся къ упадку и, наконецъ, сдѣлался почти только языкомъ низшихъ сословій. Со вступленіемъ на престолъ Іосифа II земля Чеховъ успѣла успокоиться отъ религіозныхъ бурь. Мѣры, принятыя симъ Императоромъ,

коснулись всѣхъ частей государственнаго благосостоянія: онѣ и имѣли одну эту цѣль. Новый, живой элементъ проникъ всѣ части сложной его имперіи. Духъ народа окрылился; силы его, пробужденныя къ дѣятельности, находили ее всюду. Что касается до языка и литературы Чеховъ, то здѣсь послѣдовало явленіе довольно рѣдкое. Человѣку ученому, критику, притомъ писавшему большею частію на языкахъ нѣмецкомъ и латинскомъ, предоставлено было возвратить языку Чеховъ неотъемлемыя права гражданства. Въ этомъ отношеніи Добровскій составлялъ совершенную противоположность съ Обрадовичемъ, хотя дѣятельность обоихъ имѣла одинъ и тотъ-же результатъ.

Дѣйствительно, Добровскій почиталъ дѣло о чешскомъ языкѣ потеряннымъ. Чему удивляться? Высшія сословія совершенно забыли свой родной языкъ, въ прочихъ состояніяхъ, образованные стыдились его. Необразованный классъ въ городахъ и деревняхъ еще сохранялъ наслѣдство отцевъ; при всемъ томъ языкъ нѣмецкій становился все болѣе и болѣе языкомъ общества, учебныхъ заведеній и присутственныхъ мѣстъ. Исторія Чеховъ, ихъ языкъ занимали весьма немногихъ; для большей части эти статьи были какою-то стародавностію, безъ интереса, безъ пользы, безъ отношенія къ настоящему. Одно духовенство отчасти поддерживало литературу. Вотъ въ какое время явился Добровскій!

Отъ трудовъ его, по самой натурѣ ихъ, нельзя было ожидать переворота быстраго, мгновеннаго. Медленными, незамѣтными шагами росло его вліяніе.— Ученая его дѣятельность имѣла двѣ отличительныя стороны, которыми онъ превзошелъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Все, что Добровскій подвергалъ изысканію, изслѣдуемо было имъ критически, неумолимо строго; ни духовное его званіе, ни патріотизмъ или другія какія-либо отношенія не могли его сбить съ прямаго пути къ цѣли. Все, что у Добровскаго оставалось послѣ изслѣдованія въ результатѣ, высказываемо было имъ свободно, ясно, просто. Какъ бы ни былъ сложенъ предметъ, какъ бы ни былъ онъ сухъ на первый взглядъ, Добровскій всегда умѣлъ побѣждать представлявшіяся трудности и извлекать изъ нихъ тотъ или другой важный результатъ. Читатель никогда не устаетъ при разборѣ его изслѣдованій, охотно слѣдуетъ за нимъ до конца. Приступая къ рѣшенію какой нибудь задачи, онъ ознакомлялся предварительно со всѣми ея трудностями, со всѣмъ доступнымъ матеріаломъ, и тщательно изучивъ то и другое, такъ обработывалъ, такъ располагалъ части своего изслѣдованія, что читатель по неволѣ долженъ былъ соглашаться съ нимъ. Упомяну также о чистой и честной совѣсти этого ученаго, которою, къ сожалѣнію, не всѣ на этомъ поприщѣ могутъ похвалиться. Онъ откровенно говорилъ: «это я знаю и вотъ вамъ доказательства. Этого же не знаю, потому что не могу знать». Отъ того онъ никогда не пускался въ гипотезы, въ гаданія, не строилъ зданій на воздухѣ, удерживался отъ сближеній, столь обыкновенныхъ въ ученыхъ съ многостороннею эрудиціею и столь обманчивыхъ. Критикъ не упрекнетъ Добровскаго въ томъ, что онъ в о з м о ж н о е бралъ за д ѣ й с т в и т е л ь н о е и что на этомъ возможномъ онъ основывалъ какую нибудь важную истину,

фактъ или явленіе. Предметы его изслѣдованій были чрезвычайно разнообразны: то занимала его задача историческая или географическая, то филологическая, то наконецъ богословская или литературно-историческая. Предметы, правда, мѣнялись, но въ нихъ всюду преобладаетъ тотъ же всегда бодрый, всегда вѣрный себѣ, духъ испытующій. Должно впрочемъ замѣтить, что разнообразные эти предметы сходились въ одномъ: они имѣли цѣлію славянство съ полнымъ знаніемъ и многихъ другихъ народностей. Такимъ образомъ вторая отличительная сторона Добровскаго заключалась въ дѣятельности, устремленной на изученіе не одного какого нибудь отдѣльнаго славянскаго племени. Онъ старался обнять все; старался положить основаніе сравнительному изученію славянской народности, славянскихъ нарѣчій. Въ этомъ отношеніи онъ могъ предложить одни только отрывки, замѣтки, темы такъ сказать для будущихъ изслѣдователей, которые въ свое время дѣйствительно и явились для рѣшенія предложенныхъ имъ задачъ. Сравнительныя изученія потребовали знакомства съ нарѣчіями всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго подумать объ этомъ было дѣломъ отважнымъ. Какой-же было надобно имѣть твердый, критическій умъ, чтобы не сбиться въ хаосѣ того матеріала, который могъ находиться въ распоряженіи ученаго? Не удовлетворяясь подручнымъ матеріяломъ, Добровскій требовалъ новаго, и тѣмъ вызвалъ къ дѣятельности мѣстныхъ наблюдателей почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Занятія Добровскаго сравнительнымъ изученіемъ славянства дали ему особенное значеніе: онъ безъ сомнѣнія будетъ принадлежать народу чешскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ займетъ мѣсто въ исторіи филологіи каждаго славянскаго племени. Нѣтъ славянскаго племени, на которые бы онъ не дѣйствовалъ посредственно или непосредственно.

Странное дѣло! Даже и то обстоятельство, что Добровскій писалъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкѣ, было очень благопріятнымъ случаемъ для славянскаго дѣла. Онъ становился такимъ образомъ доступнымъ не только иностранцамъ, но и всѣмъ Славянамъ вообще. За 50 лѣтъ предъ симъ можно ли было ожидать отъ славянскаго ученаго знанія хотя важнѣйшихъ діалектовъ славянскихъ? И нынѣ еще это рѣдкость!

До сихъ поръ говорено было о характерѣ, содержаніи и направленіи дѣятельности Добровскаго.—Теперь перейдемъ къ вліянію его на Чеховъ и прочихъ Славянъ, скажемъ нѣсколько словъ о школѣ Добровскаго,

Ни въ началѣ, ни въ концѣ своей дѣятельности Добровскій не имѣлъ случая излагать любимый свой предметъ публично, съ каѳедры, окруженный любознательною толпою учениковъ. Въ рукахъ его было два только средства: онъ могъ печатать и въ частной перепискѣ дѣлать своимъ знакомымъ запросы. Мало по малу число читающихъ стало увеличиваться; вкусъ къ изслѣдованіямъ началъ распространяться. Въ послѣдніе годы своей жизни Добровскій могъ уже указать на свою школу, на своихъ послѣдователей.—Ученики, вышедшіе изъ этой школы, вполнѣ согласны между собою въ одномъ: они чувствуютъ необходимость точнаго, критическаго изслѣдованія и

изложенія всего, что относится къ прошедшей или настоящей жизни Славянъ, по правиламъ и началамъ, преподаннымъ Добровскимъ практически, въ многочисленныхъ его трудахъ. Въ этомъ только пунктѣ послѣдователи Добровскаго вполнѣ согласны между собою.—Но вотъ и различія. Одна часть учениковъ Добровскаго—замѣтимъ самая малочисленная—усвоивъ себѣ методу и пріемы учителя, почитаетъ единственною своею обязанностію—излагать предметъ безъ всякаго приложенія къ даннымъ отношеніямъ того или другого славянскаго племени. Эта партія не въ ладу, не въ гармоніи съ народомъ. Она къ нему находится въ такомъ почти отношеніи, какъ наши европейскіе оріенталисты къ народамъ восточнымъ. Партія эта была нѣкогда многочисленнѣе; теперь же къ ней принадлежитъ одинъ только ученый—Краинецъ Копитаръ, старѣйшій изъ сподвижниковъ Добровскаго.—Его хорутанская грамматика произвела было нѣкоторое движеніе между его соотечественниками. Въ послѣдствіи онъ почти не заглядывалъ болѣе въ эту область, занявшись исключительно изученіемъ церковнославянскаго—и тѣмъ лишилъ себя возможности дѣйствовать на своихъ современниковъ, за исключеніемъ Вука, за котораго Сербы со временемъ будутъ благодарны ученому Краинцу.

Переходя теперь къ другому отдѣлу послѣдователей Добровскаго, къ его соотечественникамъ, я предварительно долженъ замѣтить, что измѣненія, произведенныя Императоромъ Іосифомъ II по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, развивая силы въ подвластныхъ ему народахъ, были неблагопріятны однако-же славянской народности: онѣ увеличили массу нѣмецкихъ чиновниковъ въ Богеміи. Чиновники не всегда дѣйствовали въ видахъ Правительства, часто увлекались своею ненавистію къ Чехамъ и больно оскорбляли чувство ихъ народности. Не всегда нѣмецкіе чиновники и нравственнымъ своимъ достоинствомъ стояли выше презираемыхъ Чеховъ. При всей нелицемѣрной приверженности къ великому своему государю, Чехи не могли не питать негодованія, ненависти къ противникамъ. Богемія раздѣлилась на двѣ враждебныя партіи, одну надменную, гордую, торжествующую, другую—унижаемую. Одна имѣла всѣ средства дѣйствоватъ положительно, прямо, навѣрное; другая, чувствуя свою слабость, таила свое негодованіе, молчала и ждала. Явились Крамеріусъ, Прохазка и вновь напомнили Чехамъ о родномъ на языкѣ чешскомъ. Пельцель сталъ бесѣдовать съ ними о чешской старинѣ. Интересъ къ отечественному усилился. При всемъ томъ эти писатели только отчасти достигали своей цѣли: имѣя свой опредѣленный, довольно тѣсный кругъ читателей, они не пробуждали силъ, не вызывали на трудъ. Ихъ понимали не многіе Чехи; Нѣмцы же не слышали ихъ, не обращали на нихъ вниманія.—Другое дѣйствіе должна была произвести многосторонняя ученость Добровскаго. Онъ черпалъ свое знаніе о Славянствѣ изъ двухъ источниковъ. Памятники туземные и сказанія иностранцевъ были ему въ равной мѣрѣ доступны—случай совершенно еще небывалый. Вооруженный совершенно новымъ оружіемъ, знаніемъ славянскихъ языковъ, онъ уже этимъ однимъ превышалъ современныхъ ему ученыхъ и нѣ-

мецкихъ и чешскихъ. Не говорю уже о силѣ его критическаго ума. Не одни Чехи внимали ему; слова его читались всею любознательною Европою. Даже Нѣмцы стали смотрѣть на него, какъ на оракула, охотно уступили ему державу надъ славянскимъ міромъ.—Тогда-то чешская партія ободрилась; оборонительныя ея средства увеличились. Между тѣмъ Добровскій, то частными изслѣдованіями, то большими обозрѣніями цѣлаго, продолжалъ изображать исторію Чехіи, ея литературу, особенно же преимущества языка чешскаго.—Эти труды все болѣе и болѣе усиливали народное сознаніе, были капиталомъ, дававшимъ богатые проценты. Наконецъ, Добровскій первый началъ указывать на связь, родство и отношенія Чеховъ къ прочимъ славянскимъ племенамъ. Онъ открылъ имъ новый, неслыханный до того міръ.

Матеріала, собраннаго и воздѣланнаго руками Добровскаго, было достаточно для ближайшихъ, частію непосредственныхъ его учениковъ Чеховъ. Они тотчасъ воспользовались имъ, но съ совершенно другою цѣлію. Цѣлью Добровскаго было изслѣдовать, отыскивать фактъ, затерянный въ литературѣ или въ исторіи, очищать его отъ лжей. Въ критическомъ изслѣдованіи онъ полагалъ свою главнѣйшую обязанность. Это составляло лучшія его удовольствія въ жизни. Патріотическіе послѣдователи Добровскаго пошли другимъ путемъ. Держась правилъ и основаній Добровскаго, они рѣшились писать по чешски, рѣшились возвести языкъ на степень, соотвѣтствующую духовнымъ современнымъ потребностямъ. Изслѣдованіе осталось въ сторонѣ; имъ пользовались, какъ готовымъ матеріаломъ для другой, національной цѣли. Новая эта идея первоначально не всѣми была ясно понимаема; писали по-чешски, руководимые темнымъ, болѣе инстинктуальнымъ чувствомъ. Въ эпоху перваго развитія ново-чешской литературы—кажется—одинъ Юнгманъ понималъ новую идею во всемъ ея объемѣ, и потому сильно дѣйствовалъ на умы молодого поколѣнія. Спросите мужей, нынѣ со славою подвизающихся на поприщѣ славянской литературы, и они укажутъ Вамъ на Юнгмана, какъ на источникъ, изъ котораго они черпали первое свое одушевленіе. Назову одного изъ нихъ, Шафарика, который, съ свойственною ему наивностію, разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него, тогда еще юношу, сочиненіями Юнгмана. Но усилія одного никогда бы не могли имѣть продолжительныхъ, глубокихъ слѣдствій, если-бы усилія и другихъ не приспѣли во время на помощь. Новые подвижники отчасти стали дѣйствовать другимъ оружіемъ. Чешскіе литераторы первоначально ограничивались почти однимъ средствомъ: изящною словесностію; переводили лучшее съ языковъ иностранныхъ. Но эта дѣятельность казалась многимъ не вполнѣ достигающею своей цѣли.

Сословія нисшее, торговое и промышленное, не вполнѣ еще подверглись дѣйствію нѣмецкаго элемента. За нихъ ухватилась литература и положила пресѣчь иноземное вліяніе. Одно оставалось средство: надобно было для нихъ создать особенную литературу. Пресль, Амерлингъ, Свобода и прежде уже Крамеріусъ и Прохазка пріобрѣли неотъемлемыя права на благодарность своихъ со-

отечественниковъ. Теперь у Чеховъ промышленное состоянiе почти не нуждается въ иностранной литературѣ: все новое въ непродолжительномъ времени дѣлается собственностiю промышленнаго класса. Нынѣ открыты въ Прагѣ публичныя лекцiи на чешскомъ языкѣ.—Между тѣмъ, какъ одна часть чешскихъ литераторовъ пишетъ для развитiя промышленныхъ силъ или для образованнаго патрiотическаго круга, въ то самое время другая издаетъ книги для увеселенiя, для забавы народа, для немногихъ, но сладкихъ его досуговъ, разсказываетъ ему важнѣйшiя событiя изъ отечественной и всемiрной исторiи, распространяетъ въ немъ общеполезныя знанiя, тѣшитъ его повѣстями съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ приложенiемъ къ даннымъ обстоятельствамъ. Сельскiй житель, прiобрѣтая книги почти даромъ, начинаетъ постепенно отвыкать отъ жизни корчемной и разгульной. Духовенство и литераторы съ однимъ только вознагражденiемъ доброй совѣсти—соперничествуютъ другъ съ другомъ о пробужденiи въ народѣ силъ, о устремленiи ихъ къ достойной цѣли. Эти благородные дѣлатели—безъ сомнѣнiя—готовятъ прекрасную будущность чешскому народу.

Чешское дворянство—какъ замѣчено—не могло поощрять усилiй горсти благороднѣйшей части народа; оно даже не знало о томъ, что дѣлалось въ чешской землѣ. Доказательствомъ сему служитъ то, что только въ прошломъ году одинъ изъ среды этого сословiя вмѣнилъ себѣ въ обязанность познакомить своихъ сочленовъ съ ходомъ и настоящимъ состоянiемъ ново-чешской литературы.— Говоря о невниманiи къ народному дѣлу большей части дворянства, я долженъ исключить изъ этой массы имена графа Коловрата, графовъ Штернберковъ.—Ихъ предстательству предъ трономъ Чехи обязаны заведенiемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Это нацiональный музей въ Прагѣ съ значительнымъ фондомъ при немъ. Фондъ музея успѣлъ уже оказать важныя услуги отечественной литературѣ. Иждивенiемъ его напечатанъ чешскiй словарь Юнгмана—исполинскiй трудъ одного человѣка, потомъ Древности Шафарика.—Сверхъ того, съ 1841 года на счетъ фонда издается каждый годъ одинъ томъ старо-чешской библiотеки, одинъ томъ ново-чешской и одинъ томъ библiотеки общеполезныхъ знанiй. Кромѣ того—по прежнему—члены, составляющiе ученое общество при нацiональномъ музеѣ, издаютъ журналъ. Науки, литература и познанiе Славянства—содержанiе его.

Такимъ образомъ Юнгманъ, Ганка, Челяковскiй, Палацкiй и многiе другiе, бывъ продолжателями и преемниками дѣятельности Добровскаго, которою онъ нѣкогда одинъ завѣдывалъ, дѣйствовали уже не на однихъ ученыхъ. Мысль о народной литературѣ принадлежитъ имъ.

Но Чехи имѣли союзниковъ въ другомъ углу австрiйской имперiи, въ землѣ венгерскихъ Словаковъ.—Вотъ въ короткихъ словахъ положенiе этого племени въ Венгрiи.

Словаковъ въ Венгрiи слишкомъ 2.500.000. Они раздѣлены двумя вѣроисповѣданiями: одна часть ихъ—самая многочисленная—католики; другая—менѣе сильная—протестанты. Замѣчательно, что католическiе Словаки, пишущiе

книги бо́льшею частію духовнаго содержанія, никакъ не хотятъ принять языка Чеховъ. Языкъ чешскій, несмотря на незначительность его различій отъ словацкаго, кажется католикамъ все еще языкомъ Гусса; они отвергаютъ языкъ своихъ единовѣрцевъ, между тѣмъ какъ Словаки—протестанты съ давней поры проповѣдуютъ на языкѣ католической земли.

Со времень Императора Іосифа II народности въ Венгріи оставались неприкосновенными, бывъ утверждены закономъ. Законъ, необходимый для земли, подрытой по всѣмъ направленіямъ самыми противоположными, самыми враждебными интересами. Съ этой стороны Венгрія наслаждалася совершеннымъ спокойствіемъ въ продолженіе тысячелѣтія.—Король, общее государственное постановленіе и латинскій языкъ связывали отдѣльные народы въ одинъ народъ подъ именемъ Венгровъ. Императоръ Іосифъ II, съ самою благонамѣренною цѣлью положилъ въ подвластныя ему державы ввести одинъ языкъ и, послѣ нѣкотораго колебанія между славянскимъ и нѣмецкимъ, императоръ рѣшился сдѣлать сей послѣдній господствующимъ. Не знавшіе нѣмецкаго языка, а ихъ нашлось довольно значительное число, были отстранены отъ общественныхъ мѣстъ. Всѣ народности Венгріи пробудились, какъ-бы отъ сна, не исключая даже Валаховъ.—Всѣхъ болѣе недовольны были новизною Мадьяры: на ихъ сторонѣ было дворянство, которое одно имѣетъ голосъ и въ комитатахъ и на Сеймахъ. По смерти Императора Іосифа II, нѣмецкій языкъ былъ отмѣненъ; латинскій получилъ прежнія свои права; несмотря на то, взволнованные умы не могли успокоиться. Возникъ вопросъ: которая изъ народностей должна сдѣлаться господствующею въ Венгріи? Не скоро рѣшенъ былъ этотъ вопросъ. Да и теперь нельзя его еще почитать вполнѣ рѣшеннымъ: узелъ разрубленъ, но не распутанъ.

Возвращаюсь къ словацкому народонаселенію и при томъ къ протестантскому, ибо въ немъ заключается нравственная сила Словаковъ. Словаки тщательно наблюдали за литературно-народнымъ движеніемъ у Чеховъ и были увлечены имъ.—Все, что́ дѣлалось въ землѣ чешской, дѣлалось какъ будто и для Словаковъ. Такъ думали образованнѣйшіе изъ нихъ, и ошиблись. Между словацкими горожанами идея народности была слаба; мысль о необходимости сдѣлаться Мадьярами пріобрѣтала болѣе и болѣе силы. Богатыя средства, завлеченія противной партіи были не всегда безуспѣшны: Мадьяры не довольствовались тѣмъ, что языкъ ихъ возведенъ на степень оффиціальнаго; толкуя смыслъ закона въ свою пользу, они рѣшились сдѣлать его языкомъ общества, языкомъ церкви, народа. Все, казалось, было потеряно. Случилось, однакоже противъ ожиданія, иначе.

Явился человѣкъ съ горячею, чистою безграничною любовію къ своему народу, съ характеромъ твердымъ и при томъ съ рѣдкимъ поэтическимъ дарованіемъ. Это, благоговѣйно чтимый своимъ народомъ, Колларъ, священникъ при евангелической церкви въ Пестѣ. Вліяніе его какъ священника не ограничивалось однимъ его приходомъ. Напечатанныя проповѣди Коллара разошлись по городамъ и селамъ и бросили въ сердца нѣсколько искръ; онѣ и нынѣ составляютъ любимое чтеніе народа и среднихъ сословій. Его поэма: Дочь славы

очаровала умы юношей, которые, въ свою очередь, уже успѣшно дѣйствуютъ въ интересѣ народности. Наконецъ, какъ частный человѣкъ, Колларъ успѣлъ идеею взаимности славянской одушевить и другихъ венгерскихъ Славянъ, Сербовъ и Хорватовъ. Въ числѣ послѣднихъ ему удалось найти Л. Гая, который, воспользовавшись благопріятными мѣстными обстоятельствами, въ короткое время успѣлъ произвести между своими соотечественниками, Хорватами, сильное движеніе. Литературно-политическій переворотъ Л. Гая на югѣ Венгріи между южно-славянскими племенами и литературно-религіозный отпоръ Словаковъ на сѣверѣ подъ руководствомъ Коллара, поставили въ большое затрудненіе партію Мадьяровъ

Вотъ въ короткихъ словахъ плоды дѣятельности одного человѣка.

Другому Словаку, Шафарику, суждено было начать свое поприще между венгерскими Сербами. Бывъ сперва директоромъ сербской новосадской гимназіи, а потомъ профессоромъ при ней, Шафарикъ много содѣйствовалъ, послѣ Обрадовича, къ возбужденію въ семъ народѣ духовной дѣятельности. Но эта не главная его заслуга. Усиліями писателей чешскихъ, словацкихъ одушевленіе къ славянскому дѣлу достигло высшей степени своего развитія. Періодъ опасный! Восторженность мало по малу могла смѣниться равнодушіемъ, даже холодностью, какъ часто случается. Потребовали существеннаго, дѣла—и могучій дѣлатель откликнулся на зовъ. Отвѣтомъ Шафарика была прежде всего: История литературы Славянъ; за нею послѣдовала: Древнѣйшая исторія Славянъ и славянская этнографія. Вся литературная дѣятельность Шафарика обращена къ тому, чтобы привесть въ порядокъ, въ систему разбросанный матеріалъ, составить обозрѣніе прошедшей и настоящей жизни Славянъ. До Шафарика знаніе литературы, исторіи и древностей славянскихъ было достояніемъ немногихъ ученыхъ; его-же труды дѣлаютъ этотъ предметъ общеизвѣстнымъ. Сверхъ того, изслѣдованія сего ученаго, составляя богатый источникъ изученій, развиваютъ въ молодомъ поколѣніи силы, указываютъ путь къ движенію впередъ, къ близкой уже цѣли. Сколько по славянскимъ землямъ разсѣяно превосходныхъ талантовъ, которые не имѣя точной, опредѣленной дѣятельности, ничего не производятъ—и сколько ихъ уже спасено Шафарикомъ отъ безполезной растраты силъ, сколько уже имъ возбуждено къ участію въ общемъ дѣлѣ.

Говоря о Колларѣ, я намекнулъ о докторѣ Гаѣ и движеніи, произведенномъ имъ въ своемъ отечествѣ, Кроаціи. Войдемъ теперь въ нѣкоторыя подробности объ этомъ дѣлѣ.

Кроація вмѣстѣ съ Славоніею, Сирміею, Военною границею и Хорватскимъ Приморьемъ составляетъ часть Венгерскаго Королевства, часть самостоятельную съ особеннымъ государственнымъ постановленіемъ. Народонаселеніе, съ незначительными исключеніями, во всѣхъ классахъ общества славянское. Несмотря на то, Хорваты не умѣли пользоваться выгодами своего независимаго положенія;

безпечность, равнодушіе, слѣдствіе недостатка возвышенной цѣли, держали всѣхъ въ какомъ-то усыпленіи. Въ оцѣпенѣніи своемъ они и не замѣчали, какъ мадьярскіе комитаты постепенно увлекали ихъ въ свою систему, какъ постепенно отнимали у нихъ нѣкоторыя важныя мѣстныя преимущества. Та-же недѣятельность, то-же равнодушіе господствовало въ литературѣ: охотно писали и говорили на языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, только не на родномъ нарѣчіи. Развитію литературы мѣшало сверхъ того еще одно обстоятельство. Въ областяхъ, соединенныхъ съ королевствомъ Кроаціею, въ Славоніи, Сирміи, Военной Границѣ и въ Приморьѣ, жители говорятъ съ незначительными отмѣнами языкомъ сербскимъ; въ Кроаціи же въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ трехъ комитатахъ: Загребскомъ, Крижевецкомъ и Вараждинскомъ, съ народонаселеніемъ до 800.000 господствуетъ другое нарѣчіе, смѣсь сербскаго съ хорутанскимъ. Діалектъ этотъ, дробясь къ тому еще на многія поднарѣчія, отдѣлялъ Хорватовъ отъ своихъ сосѣдей, былъ предметомъ ихъ насмѣшки. Хорваты платили имъ тѣмъ-же — и все оставалось по-старому до реформы доктора Гая, начатой имъ въ 1835 году.

Съ дѣтства получилъ Гай вкусъ къ историческимъ изученіямъ; болѣе всего, однако же, занимали Гая судьба его собственнаго отечества и литература Сербовъ въ Далмаціи. Съ такимъ запасомъ онъ отправился въ Пестскій Университетъ. Сблизившись съ Колларомъ, онъ узналъ отъ него о умственномъ движеніи Чеховъ;—сколько возможно было—познакомился и съ литературами прочихъ славянскихъ народовъ. Будущность ихъ яркимъ лучемъ блеснула въ его душѣ, Въ послѣдствіи Гай перешелъ въ Вѣнскій Университетъ, продолжалъ и здѣсь заниматься исторіею и литературою Славянъ, имѣлъ случай наблюдать за духомъ и направленіемъ обучающагося здѣсь славянскаго юношества, посѣтилъ наконецъ Прагу. Результаты собранныхъ имъ наблюденій радовали его, давали пищу, силу его собственному плану. Ему хотѣлось оживить свой народъ къ дѣятельности, которую нашелъ у другихъ Славянъ.—Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ попытокъ, Гай рѣшился на мѣру смѣлую, оригинальную. «Мы Хорваты»—говорилъ онъ своимъ соотечественникамъ — «составляемъ самую незначительную часть южно-славянскихъ народовъ, населяющихъ пространство отъ береговъ Чернаго моря до границъ Италіи. Что значатъ 800 т. Хорватовъ противъ десяти милліоновъ нашихъ единоплеменниковъ? Наше хорватское нарѣчіе не имѣетъ литературы, не имѣетъ и необходимаго органическаго единства, ибо есть нестройная смѣсь двухъ нарѣчій. Мы должны рѣшиться на жертву, должны языкъ трехъ комитатовъ предоставить собственной его судьбѣ, должны присоединить наши усилія къ усиліямъ соплеменниковъ, опередившихъ насъ своимъ умственнымъ движеніемъ?» — Слова Гая нашли сперва отголосокъ въ молодомъ поколѣніи, потомъ приняты были людьми всѣхъ возрастовъ и званій. Мысль соединить однимъ языкомъ, одною литературою племена, раздѣленныя донынѣ разными вѣроисповѣданіями, діалектами съ мелкими различіями, сдѣлалось цѣлію новаго поколѣнія. — Чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на умы своихъ соотечественниковъ, Гай сталъ издавать два журнала: одинъ политическій, другой литературный. Въ томъ

и другомъ журналѣ Гай неутомимо преслѣдуетъ свою цѣль, все яснѣе и яснѣе развиваетъ свою мысль, борется съ трудностями и побѣждаетъ ихъ съ рѣдкимъ успѣхомъ.—Въ каждомъ городѣ немедленно устроены были библіотеки для чтенія, а въ Загребѣ открытъ національный театръ—все это небывалыя заведенія въ Кроаціи. Словомъ, въ продолженіи 8 лѣтъ языкъ сербскій сдѣлался языкомъ образованнаго общества.—Молодежь, до того времени праздная, буйная, посвящаетъ досуги свои изученію славянскихъ нарѣчій, переводитъ лучшее изъ иностранной литературы на сербскій.—Я не думаю, чтобы въ прочихъ славянскихъ областяхъ болѣе занимались усвоеніемъ себѣ того, чтó уже сдѣлано прочими Славянами и изученіемъ быта, языка и народной поэзіи Сербовъ.

Такимъ образомъ, Хорватами, составляющими послѣднее звѣно въ цѣпи народовъ южно-славянскихъ, заключается исторія пробужденія Славянъ. Централизація діалектовъ почти довершена: мы имѣемъ теперь четыре литературныхъ языка вмѣсто прежнихъ 10—12.

Первый періодъ новѣйшей славянской исторіи оканчивается, наступаетъ новый.

Осмотримъ пройденное нами поле и спросимъ себя, что осталось въ результатѣ.

Недѣятельность Славянъ въ австрійской имперіи до половины прошедшаго столѣтія скрывала эти народы отъ вниманія образованной Европы. Думали, что австрійская имперія есть держава нѣмецкая, знали, что къ ней принадлежитъ особенное королевство—Венгрія. Два народа, Нѣмцы и Мадьяры почитали себя господствующими. Славяне не знали своей силы. Нѣмцы и Мадьяры въ политическомъ отношеніи дѣйствительно имѣли полное право считать себя господствующими. Въ нравственномъ же отношеніи всѣ эти народы были довольно равны между собою, отъ того Славяне не превратились ни въ Нѣмцевъ, ни въ Мадьяровъ.

Славяне первые пробуждаются къ духовной дѣятельности: Сербы въ южной Венгріи не безъ вліянія на турецкихъ Славянъ, Чехи съ Словаками, наконецъ Хорваты.

Обратимъ съ тѣмъ вмѣстѣ вниманіе на то, что умственное движеніе юго-западныхъ Славянъ, начавшееся въ прошломъ столѣтіи, есть движеніе общеславянское.—Въ то же самое время не только въ Россіи, но и у остальныхъ Славянъ пробудились новыя нравственныя потребности. Замѣтимъ еще другую общую черту, другую поразительную аналогію.—Наступившая для Славянъ новая эпоха потребовала другого орудія, другой формы выраженія; надобно было создать новый языкъ. Требованіе общества было угадано въ Россіи Ломоносовымъ и Карамзинымъ, у Сербовъ Обрадовичемъ. Изъ памятниковъ старины и живого употребленія Добровскій своею грамматикою творчески воспроизвелъ забытый чешскій языкъ.—Въ новѣйшее время—какъ мы видѣли—нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, чтобы не ослаблять и себя и цѣлаго, стали жертвовать своими мѣстными нарѣчіями.

Вотъ главнѣйшія общія черты обще-славянской эпохи XVIII столѣтія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи каждое славянское племя идетъ своимъ, особеннымъ путемъ, руководимое мѣстными и историческими обстоятельствами. Такъ, напр. у Сербовъ въ прошедшемъ не было «золотого вѣка» въ литературѣ, какъ у Чеховъ, а потому Обрадовичу нельзя было дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ Добровскій. Обрадовичъ могъ только пробуждать умы, указывать на прекрасное будущее, тревожить спокойствіе равнодушія, спокойствіе привычки.— Другое дѣло у Чеховъ. Правда, и здѣсь надобно было возбуждать, но совершенно другимъ образомъ.—Здѣсь прежде всего нужно было приняться за прошедшее, необходимо было его воскресить. Но не для всѣхъ понятна была идея прошедшаго; не всѣ въ состояніи были вѣровать въ силу прошедшаго.—Изъ него—полагали многіе—нельзя создать будущаго.—Идея духовнаго союза Славянъ уничтожила сомнѣнія нерѣшительныхъ: Словаки, Хорваты, Сербы, усиливъ союзъ, усилили самую идею. Теперь эта идея уже не мечта, не сонъ. И прочія славянскія племена, еще коснѣющія, увлекутся общимъ движеніемъ. Unitae vires agant! вотъ девизъ духовнаго союза Славянъ.

И такъ, наступило время для Славянъ, время, богатое своею будущностію, своими послѣдствіями. Отнынѣ каждое племя славянское, начавъ изученіемъ себя, своей старины и своего теперешняго быта, не останавливается въ своемъ развитіи, стремится все далѣе и далѣе; силы, нѣкогда въ продолженіи столѣтій бывшія безъ всякаго употребленія и упражненія, эти силы обращены теперь на дѣланіе благое чистое, достойное человѣка.—Дѣятельность юго-западныхъ Славянъ не есть дѣятельность отдѣльная, разобщенная, безъ корня въ жизни народа и безъ приложенія къ ней. Напротивъ того, литература постепенно становится выраженіемъ, отголоскомъ общества; объемъ, значеніе ея растутъ. Литература мало по малу силится придти въ равновѣсіе съ потребностями современной жизни, богатѣетъ болѣе и болѣе средствами удовлетворять этимъ потребностямъ. Замѣчу еще разъ: умственное движеніе у Славянъ южныхъ и западныхъ не юношескій порывъ, не усилія какой нибудь партіи, безъ основной возвышенной идеи, безъ благородной цѣли, безъ плана. Нѣтъ! Это духовный союзъ славянскихъ племенъ, которыя поклялись не прежде положить оружіе, пока не завоюютъ уваженія образованныхъ народовъ Европы, пока не будутъ признаны ими за своихъ сочленовъ, за сподвижниковъ въ общемъ дѣлѣ европейскаго просвѣщенія и гражданственности.

Вотъ, по моему мнѣнію, настоящая точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на событія, совершающіяся на всемъ пространствѣ земель, занимаемомъ славянскимъ населеніемъ.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ сомнѣніемъ, вопросомъ, быть можетъ скажутъ: обезпечены ли усилія славянскихъ литераторовъ, не будетъ ли имъ въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи препятствовать политическая несамостоятельность самыхъ народовъ?—Не входя въ подробности, ограничусь общимъ замѣчаніемъ.

Дѣло юго-западныхъ Славянъ обезпечено—по моему мнѣнію—во 1) тѣмъ, что ни одно изъ славянскихъ племенъ, начавшее свое преображеніе, не можетъ отступить назадъ: на аренѣ дѣйствуютъ уже массы, не отдѣльныя лица. Вѣковой при томъ опытъ убѣдилъ, что чуждое, привитое образованіе не даетъ плода, не проникаетъ массъ, не пускаетъ корней въ глубь.—Въ чужомъ образованіи, стоившемъ стольких жертвъ, не было той внутренней, животворящей силы, которая ведетъ отъ успѣха къ успѣху.—Славяне наказаны за холодность своихъ предковъ къ родному.—Эта-то горькая, но поучительная истина, почти единственное наслѣдство отъ отцевъ, вызвала—какъ мы видѣли—потомковъ на дѣло и отрѣзала путь къ движенію назадъ, къ прежней недѣятельности.

Дѣло Славянъ обезпечено во 2) тѣмъ, что Славяне, подвластные нѣмецкимъ династіямъ, могутъ представить офиціальныя свидѣтельства о законности ихъ предпріятія, о непротиворѣчіи его государственнымъ началамъ тѣхъ державъ, которымъ Славяне принадлежатъ. Приведу въ доказательство то, что австрійское правительство, внимательное къ справедливымъ просьбамъ своихъ подданныхъ, дало Доктору Гаю всѣ средства съ успѣхомъ дѣйствовать на своихъ соотечественниковъ, что оно благосклонно приняло просьбы словацкаго народонаселенія Венгріи, что оно и въ землѣ чешской явило знаки своего одобренія.

Въ 3-хъ, наконецъ, славянское дѣло обезпечено учрежденіемъ славянскихъ каѳедръ въ Россіи и вслѣдъ за тѣмъ—съ легкой руки ея—въ Пруссіи и Франціи Словомъ, дѣло, о которомъ здѣсь рѣчь, получило европейское значеніе.

Въ этомъ легкомъ, краткомъ очеркѣ я старался представить Вамъ, М. Г. начало и ходъ умственнаго движенія Славянъ, старался различить въ немъ двѣ эпохи. Первая касалась формы выраженія: надобно было найти орудіе для мысли. Въ другой эпохѣ представлено было, для какой цѣли употреблено новое орудіе. Передовымъ народомъ умственнаго движенія Славянъ были Чехи: вліяніе ихъ распространилось всюду.

Собственно говоря, только въ недавнее время стали доходить до насъ слухи объ этомъ движеніи. О дѣятельности Обрадовича молчали Сербы, служившіе Россіи своими познаніями. Молчаніе понятное! Они принадлежали къ противникамъ его; почитали языкъ Обрадовича ересью, пагубною для народа и церкви—и продолжали писать такъ называемымъ славяно-сербскимъ нарѣчіемъ.—Изслѣдованія Добровскаго, рекомендованныя Шлецеромъ, нашли въ Россіи своихъ цѣнителей. Изученія памятниковъ церковно-славянскаго языка, начатыя Добровскимъ съ рѣдкимъ успѣхомъ, открыли путь его вліянію на понятія объ этомъ предметѣ въ Россіи. Метода, преподанная Добровскимъ, руководила—кажется—Г. Востокова въ изслѣдованіи о томъ-же предметѣ. Если это предположеніе справедливо, то истина требуетъ прибавить, что Г. Востоковъ сторицею воздалъ Добровскому за первые уроки въ критикѣ. О вліяніи Г. Востокова на западно-славянскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ я буду имѣть случай говорить въ свое время. Церковно-славянская грамматика Добровскаго въ извлеченіи издана была на

русскомъ языкѣ и—по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія—введена въ Гимназіи, гдѣ, подъ руководствомъ знающихъ преподавателей, она не могла не принести пользы. Въ послѣдствіи «Institutiones Linguae Slavicae» Добровскаго были переведены вполнѣ.

Вотъ, что извѣстно было у насъ о трудахъ западно-славянскихъ ученыхъ при первомъ ихъ сближеніи съ русскими. Добровскій стоялъ одинъ на первомъ планѣ и закрывалъ собою прочихъ сподвижниковъ. Послѣ смерти его — и они явились на сцену. Изученіе славянства донынѣ сопряжено было въ Россіи съ большими, почти непреодолимыми препятствіями. Министерство Народнаго Просвѣщенія уничтожило преграды, сдѣлавъ это изученіе частію нашего образованія.

Я долженъ еще въ заключеніе прибавить, что умственное движеніе Славянъ, пробуждая и развивая силы, раздвинуло также тѣсные до того времени предѣлы Славянской Филологіи. Нынѣшнее состояніе ея позволяетъ уже говорить о предметахъ, которые прежде были недоступны, каковы — какъ выше замѣчено было—элементы славянскихъ обществъ, языки и нарѣчія, связь ихъ между собою, славянское право, народная поэзія, даже мѣстность, занимаемая Славянами.

Въ продолженіи нашихъ чтеній, и безъ предисловія съ моей стороны, я надѣюсь, Вы убѣдитесь, М. Г., въ важности и необходимости славянскихъ изученій въ отношеніи къ древнему русскому праву, литературѣ, языку, даже въ отношеніи древне-русской исторіи.

ОТДѢЛЪ II.

Село Коснище, Владимiръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ.

(Окончанiе).

Крестьянская свадьба.

На слѣдующiй день гости снова собираются въ домъ жениха, приносятъ съ собою хлѣбъ и вареники, и, въ сопровожденiи родителей «молодого», идутъ въ «камору» будить новобрачныхъ. «Молодый» надѣваетъ рубаху, подаренную ему невѣстой, а «молода̀»—башмаки, подарокъ жениха. Невѣстѣ надѣваютъ на голову узорчатый «чыпэць», повязываютъ бѣлымъ платкомъ, покрываютъ съ ногъ до головы кускомъ холста и ведутъ въ хату, при чемъ поютъ:

«Кєнь кiта̀єчку пiдъ лавку,
«А вынэць пiдъ стулэць,
А чыпэць на голо̀войку».
«Покры̀й поли пшаны̀цию,
А сино̀жать травы̀нию,
А Гану̀сю рантушкомъ.
Ни диву̀йтись лю̀ди,
Що̀ вамъ съ того бу̀ди:
Ни туръ, ни турыця,
Така̀-жъ молодыця».

Молодыхъ сажаютъ за столъ и продѣлываютъ церемонiю такъ называемаго «пирипо̀я».

Отецъ, завернувъ руку въ полотно, бросаетъ на тарелку серебрянную монету, затѣмъ наливаетъ рюмку вина, даетъ пригубить невѣстѣ и выпиваетъ самъ залпомъ.

Въ это время гости поютъ:

«Ба̀тийко пирипыва̀є,
Срiбломъ, злотомъ пирипыває
Щє̀ й копою жы̀та,
Добромъ пирипы̀та».
Или: «Вы̀пый, вы̀пый съ по̀вниjі чаркі
Сла̀вного оцця̀, славниjі ма̀тке».
«Ни етый ро̀ди за пличы̀ма,
Ни цвiркай очы̀ма̀:
Що ма̀сти—давайти,
Ганусю вспомога̀йти»...

Потомъ поютъ, обращаясь къ жениху:

«Вы̀пый (или жениха), вы̀пый
Кєлiшокъ ни вилы̀кiй,
Ни оставля̀й на днi,
Во тамъ билiютъ рублi»
«Хвалы̀лася ма̀ты,
Мо сёй рiдъ бога̀тый;
Якъ ста̀лы пирипыва̀ты,
То й повтiка̀лы съ ха̀ты»...

Обращаются къ «хорўнжому» и поютъ:

«Дэжъ нашъ хорўнжій,
Що хорэн (=д)євку нбсыть
Чбмъ же зъ молодэјі
Покрывала ни зносыть,
Чбмъ же молодэјі
Танцюваты ни пробсыть?»

«Хорунжій» беретъ «хваткі» или «ðджугъ», стаскиваетъ съ «молодэјі» покрывало и забрасываетъ на печь *).

Невѣстѣ надѣваютъ (сваха) «фартўхъ» и гости поочередно—танцуютъ съ нею, бросая въ «фартўхъ» деньги. Танцуютъ особымъ способомъ: медленно притоптывая, прогуливаются отъ стѣнки къ стѣнкѣ, причемъ крестятъ ихъ.

Кто танцуетъ (съ невѣстой) послѣднимъ, того «запорðжцы» опоясываютъ соломеннымъ жгутомъ и—для потѣхи—подвѣшиваютъ къ потолку...

Родители жениха, взявъ подъ мышки по булкѣ хлѣба, становятся другъ противъ другъ друга и танцуютъ.

Гости поютъ:

«Гопъ-гуки, розгуляллися старухи,
Вы, старыјі, ни дримайти,
Своји нðгі піднимайти.
Типэръ мы бизпэчны,
Бо танцюваты статэчны;
Типэръ у насъ новына,
Бо танцюе старына»...

Всѣ присутствующіе выходятъ изъ избы во дворъ—и начинаются общіе танцы, продолжающіеся до поздняго вечера. Послѣ ужина гости расходятся по домамъ.

На третій день опять собираются въ домъ «молодðго». Свахи доставляютъ водку и закуску. Послѣ завтрака начинаются танцы съ пѣснями.

«Была мэни маты въ плэчі кулакамы,
Щобъ я ни стояла съ тымы дворакамы;
Была мэни маты сухєю лозðю,
Щобъ я ни стояла съ попðвымъ слугою»...
«Выйду я мэжъ люди,
Та я заспиваю,
А люди гадають,
Що я роскошъ маю.
Выйду я мэжъ люди,
То я и висэла,
А прыйдў до дðмы
Надмўся, якъ сова»...

Гости веселятся, а отецъ отправляетъ «молодðго» и «прошака» за «пирэзвамы» (такъ называются родители невѣсты и самые почтенные изъ ея родни).

Являются «пирэзвы».

Невѣста встрѣчаетъ ихъ во дворѣ, кланяется въ землю и цѣлуетъ у нихъ руки.

Почетные гости торжественно вводятся въ избу и занимаютъ первыя мѣста. Въ танцахъ и пѣніи они не принимаютъ участія.

Около полудня два молодыхъ парня (изъ жениховской свиты) наряжаются: одинъ «стàрцёмъ», а другой—«мидвидёмъ»; «дідъ» садится въ маленькіе саночки, а «мидвідь» возитъ его по улицамъ, въ сопровожденіи хохочущей молодежи.

У встрѣчныхъ бабъ выпрашиваютъ сала, колбасы, яицъ и т. п.

Не считается зазорнымъ присвоить попавшуюся курицу, утку, а то и поросенка...

По возвращеніи «діда» и «мидвэдя» гости ужинаютъ и снова принимаются за танцы и пѣсни.

Около полуночи «пирэзвы» уѣзжаютъ: ихъ провожаютъ за ворота хозяева, «молодыјі» и всѣ гости.

«Молода» при прощаніи должна голосить...

Примѣру «пирэзвывъ» слѣдуютъ и остальные гости: прощаются съ родителями жениха, благодарятъ за гостепріимство, желаютъ новобрачнымъ счастья и довольства—и расходятся по домамъ.

На этомъ свадебныя торжества и заканчиваются.

Дм. Абрамовичъ.

---

*) Это полотно дарятъ кухаркѣ, готовившей свадебную трапезу.

Образцы говора, Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ.

Загадки, записанныя въ с. Теребени, Жиздринскаго уѣзда.

Заслонь, што печку заслонàють.

Бѣгаить волкъ
Апàлиный бокъ.

Печка.

Мать красна,
Дочь талста;
Сынъ Хонабёръ
На небу пашолъ.

Трасникъ.

Стаить надъ вадою
Трепить бородою.

Дорога.

Ляжить Мирзлѝ
И гаворить Мирзлѝ:
Кали бъ я устала,
Нёбу дастала.

Яйцо.

Сбита бочка
Бизъ сукоў, бизъ задòринки.

Лошадь въ возу.

Сивая кабыла
По таргу хадила;
Къ намъ пришла,
По рукамъ пашла.
Аткину ляшку,
Аткину другую—
Вывиду живую.

Орѣхъ.

Махòтачка мàлинькая,
Кашка сладинькая.

Когда кукушку крестятъ.

Травушка—муравушка
Да зилёный лужокъ,
Да лазорливый твятокъ.
Хажу жъ я на трàвушки,
Хажу па муравушки,
Да ни нахожусь,
Гляжу я на милыва,
Да ни нагляжусь,
Што нѣту и мнѣ радысти
Ни на малый часъ,
Да нѣту мнѣ радысти,
Да ни на малый часъ,
Да нѣту мнѣ радысти,
Да ни на малый часъ,
Да толька мнѣ радости,
Што милый на глазёхъ,
Да на чорныхъ бравяхъ,
Бравяхъ да ясныхъ очахъ.
(С. Теребень).

Бай, Бай.

У каробачки шибàй,
Всѣ вертѐння паламалъ,
За гароды пакидалъ.

За гардами рика.
Разливаить ширака, 2
Тамъ и пивушку пьють,
Галовушку бьють,
У чатыри хлабазины,
У пятый кастыйль,
Усё по боку гваздили.
Я качу, качу, качу,
Качирьгою па пличу.

(Тожь).

Истяжная.

Хажу я па травушки
Никакъ ни нахажуся,
И гляжу я на милыга
Никакъ ни нагляжусь.
Каторый мой милый другъ—
Таго при мнѣ нѣтъ,
А каторый пастылый—
Засигда на глазахъ,
На глазахъ, на глазушкахъ,
На ясныхъ ачкахъ.
Свѣтилъ мѣсяцъ
На всю темную ночь;
Асвичай дарожиньку,
Куда милый друхъ пашолъ,
Пашолъ, пашолъ милый друхъ
Удоль па сялу,
Зашолъ, зашолъ милый друхъ
Ва крайнiй ва дварокъ.
Ва крайнимъ ва дворику
Тамъ удовушка живеть.
Ва етай ва удовушки
Расла дочь хараша,
Хараша харошоя
Татьяна душа.
Татьянушка душичка,
Атваряй варата.
Дуракъ Ванюшичка,
Аны атпёрты стыять.

(Тожь).

Свадебная.

Онъ, вичоръ, вичоръ, вичоръ
Хмелёшаникъ пришолъ,
Онъ глатаитца—валяитца
У жениныхъ нагахъ:
— «Ой, Натальюшка, разуй,
Ой, Андреевна, разуй!»...
— Я бъ рада тибе разула—
Пазабыла чимъ завуть,
Ещо запамятилась,
А мнѣ людюшки сказали,
Што Михайлушкомъ завуть,
А другыя-та сказали
Аѳанасьивичемъ.
А ни тотъ ли та Михайла,
Што па возирамъ гулялъ,
Щуку—вокуня лавилъ,
Платву на берегъ металъ.
А што бѣлая платва—
То Натальина дачка;
А што бѣлыя кунёчки—
То Михалывы сыночки.

(Тожь).

Масленица

За рѣчкою, матка, гусли гудуть,
— Пусти мини, родная, гусли слушать
— «Пустить тибе, дѣтитка,—вѣкъ ни
дать»—
— Увидимся, матушка, на виликъ де
Пацалуимся, родная, съ краснымъ яйцо

(Село Огарь).

Масленая.

Чаво рика пьяна.
Чаво висилая,
Ай лада маё.
Патапила рѣка
Восимь бочакъ,
Восимь бочикъ пива,
Дисятую вина,
Ай ладо маё,
Царя Кастянтина, 2
Барисыва сына. 2
Жина яго Марья 2
Па бережку ходить, 2
Сыма слезна плачить.
Свекыръ унимаить:
— Ни плачъ, ни плачъ, Марья.
Ни плачъ, ни плачъ, маладая—
Тибѣ младой будить,
А сына ни будить,

(Тожь).

Масленая.

Узыйду малада.
Я на горку, люли,
Свисну млада,

Салавейкю люли.
Братецъ мой, братецъ,
Салавейкя люли,
Сястрица мая,
Пирипёлка люли.
Да што жъ ты ка мнѣ
Ни литаишь?
Да ты приляти!
А рада, люли,
А я рада, люли,
Какъ ты улятишь,
А я плачу, люли,
А я плачу.
Ишли казаки съ Дону,
Ой и съ-за Дону,
Люли, съ-за Дону
Нисли па ружью заряжону,
Ой люли, заряжону.
Пустили пажаръ па дуброви—
Уси ёлки—сасонки пагарѣли,
Одна ёлка-сасоночка ни згарѣла.
Ель мая зилинàя,
Зилинàя, люли,
Да я падъ табою стыяла,
Я стыялá, люли,
Я стыя̀ла.

(Тожь).

Масленая.

Выхадила дѣвушка
Въ ширъ боръ гулять,
Вынасила красная
Жаръ въ рукавѣ;
Пажигàла дѣвушка
Сыру сасну.
На макушички
Въ сòснушки—
Ясный саколъ,
Въ сиряди тибе,
Соснушки—
Яры пчолы̀,
Яры пчолы̀,
Въ карянѝ тибе,
Соснушки,
Бѣлъ гарнастай.
Журить-бранить
Дѣвушку—
Ясный саколъ:
Да штобъ тибе,
Дѣвушку,
Сватъ ни свата̀лъ!
Журить-бранить
Дѣвушку—
Яры пчолы;
Да штобъ тибе,
Дѣвушку,
Да штобъ тибе,
Красную,
Попъ ни винчалъ!
Журить-бранить
Дѣвушка—
Бѣлъ гарнастай,
Штобъ тибе, дѣвушка,
Мужъ ни любилъ,
Да штобъ тибѣ,
Красная,
Свёкаръ журилъ.

(Тожь).

На Благовѣщенье.

А мы копань капали, капалѝ...
А мы пашню пахалѝ...
А мы просу сѣилѝ...
А мы просу вытапчѝмъ...
Чимъ жа ты вытапчѝшъ?...
Стада коней выпустимъ...
Мы кòня паймаемъ...
Чимъ жа кòня выкупимъ?...
За коника сто рублей, сто рублей...
А што же придодёшь, придодёшь?
Красную дѣўку у вянку, у вянку...

(Тожь).

Разбойничья пѣсня.

Какъ была-жила юдавà;
Какъ у той удавѣ
Была девить сыноў,
Было девить сыноў,
Ну, дисятае дочь любимая.
Какъ пять да братоў
На службу пашли,
А чатыри братà
У разбой пашли.
Анè годъ живуть.
И другой живуть.
Какъ на третій годъ
Пашла разыскивать;
Ана годъ идеть
И другой идеть.
А на третій годъ
Всё стривàютца,
Всё стривàютца
Всё разбойнички;

Яны іе самаё.
Съ сабой узили,
А дитёнычка-сумарёнычка
Аны зарѣзали.
Привели іѐ дамой,
Стали спрашивать у ней,
Да чія ты дочь любимая...

Когда кукушку крестятъ.

Солнушка усхожія усходила,
Високо ино свитила—
Черизъ лѣсъ, черизъ поле,
Чиризъ синія моря;
Тамъ лижала кладочка,
Дубовый пиряходъ;
Тамъ никто ни хаживалъ.
Никово ни наживалъ.
Пиршѝлъ Ликсѣюшка,
Пиривёлъ Праскоўюшку.
Пиривёмши—цалуить,
Пиривёмши—милуить.
Ты, друхъ Праскоўюшка,
Ты мине састарила,
Бизъ ума атставила,
Бизъ ума, бизъ разуму.
Бизъ всякыя папятія.
(Тожь).

Масляница.

Висо̀ка далёка
Кленовый листъ.
Хотя онъ висо̀ка—
Быть яму на зѐмли.
Далеча (батюшка мой) 2.
Хотя онъ далеча,
А быть мнѣ въ нево̀;
За дубовымъ столикамъ
Быть—пасидѣть,
Винную чарочку
Быть—выпивать,
Сахо̀рная яблочка
Быть—закуса̀ть.
(Тожь).

Свадебная.

Жила грѣшная удовушка,
Сбирала ина сына къ вѣнчанію;
Да нѣту у ніе брата въ поѣзди,
Да ни родныга батюшки.
Ступай, мой дружинушка, ни бойся,
Ни ярйцы, ни мителицы, ни зимы,
Ни сильныга, ни дробныга дожжичку.
Зазнабили дружинушку въ абозѣ.
Сустричала малада сваха на каню,
Вынасила куныо шубу на пличахъ,
Сахьянныи сапожики на пагахъ,
Ласйны пирчатычки на рукахъ.
За дубовый столъ млада сваха садила,
Станавила да кубъ меду, два вина;
Да краснаю чичотачку дарили,
Да тамъ яво сваякиню сманули,
У зелинъ садъ дружинушку вадили,
Сиребренаю чарыю паили.
(С. Теребень).

Сиредѐ двара стаить дўбецъ,
Какъ подъ тотъ дубъ саѣзжалися
Князьё да баяри,
Дума думали, какъ Ивана жинить.
Шумѣли-гимѣли всё ярыи пчолки,
Заслухала тотъ шумъ Красна Ганна,
Шейку нагнула, галаўку апустила,
Ѣхать къ ивѣнчанію,
Къ законнаму браку.
(Тожь).

Свадьбёжная.

Какъ женихъ на дворъ пріѣдетъ.

Поднимались вѣтры бо̀йныя,
Верепчки раскачалися,
Варотички растварялися,
Каретушка на дворъ узъѣхала,
Хрустальная сама уздвинулась,
А я, млада̀, дагадалася,
Па падружкамъ размиталася:
— «Вы, систрицы, вы падружаньки.
Схаранйти мине, молыду!
Какъ пріѣхылъ спагубитель мой—
Спагубилъ ма̀ю гало̀вушку!
Расплёлъ, расплёлъ русу косушку;
Выплилъ, выплилъ онъ ленту ялую,
Снаридилъ мине пу бабьиму.

Историческая.

Вайво̀йскаи наши гусары
Да Ца̀ря Бѣлыва,
Вохъ Царя Бѣлыва,

Царя Бѣлыва,
Петра Пѐрвыва,
Братцы гусàры,
Сы знаменами,
Братцы гусары,
Да съ барабанами,
И ахъ съ барабанами
Съ барабанами.
Ва втаромъ палку,
Братцы, гусарскомъ
Уронъ сдѣлался,
Братцы, гусàры,
Да иныра̀лъ, да,
Да памёръ,
Ой, иныра̀лъ памёръ,
Братцы гусары!
Самаго та иныраля
Да на га̀лавахъ
Да нясуть,
Ухъ, на главахъ нясуть,
Гиниральская сидѣльца,
Да на вазахъ да вязуть,
Ухъ, на вазахъ вязуть.
— Паниситя маё тѣла
Да ва чистò поля̀,
Ва чистò поля̀.

Разбойникъ Чуркинъ.

Ва тѣхъ лѣсахъ дремучихъ
Разбойнички живуть,
Въ твоихъ рукахъ магучихъ
Таварища несуть.
Насилки ни простыи—
Изъ ружей слòжины.
Но поперекъ ево стальныя
Меча̀ паложаны;
На нихъ лижалъ сражонай
Съ разбитай галавой, 2
Самъ Чуркинъ маладой,
Римни яво калчуги
Парублины лижать,
Два мѣткихъ писталета,
За поисымъ блистять,
Два острыя кинжала,
Въ груди его стыять.
Давайтя рыть магилу
Таварищу свайму!
Мы вырыли магилу
Аршина роста три,
Спускали мы въ магилу,
Сказали: братъ, пращай!
Прасти, пращай, таварищь,
Самъ Чуркинъ маладой
Съ разбитай галавой!
Типеря намъ не время
Бесѣдавать съ табой,
Теперь мы дòлжны
Вазвратитца на крававый
Твой пабой!

Палажитя-жъ маё тѣло
Да прамѝжъ трёхъ да дарохъ,
Охъ, прамѝжъ трёхъ дарохъ—
Охъ, прачитайте маё писъмò
Ва маихъ ва галовахъ.

Ой, но хто жъ у насъ бальшой, набольшой.
Ой, али, али, али лой али,
Бальшой набальшiй—ваяводаю,
Ваяводаю—надъ бисѣдаю?
У насъ Григорьевичъ.
За сталомъ сидить
Бальшой, набальшай,—
Ходить—чириздòрить,
Маладэй баярыни.
«И ты пади сюда,
Падай плетку,
Плеть шалковую,
Сторублёвую»...

(С. Теребень).

Бесѣдная пѣсня.

У насъ Антонушка,
У насъ Григорьевичъ.
За сталомъ сижу,
Я сына̀ кармлю,
Цирямѣну жду
И табѣ—сабѣ,
И нивѣстку у дворъ—
Въ поли работницу,
Въ доми кукòбницу.

(Тожь).

Изъ сочиненій старика, мѣстнаго поэта Теребени, который сочиняетъ длинные стихи и сказки.

Жили двѣ женщины, абѣи удовы, адна жибѳжная, другая биззаботная; узла заботная паслала биззаботную въ лѣсъ па грибы. Ана у лѣсъ пашла, грибовъ ни нашла. Два дни прахадили, на третій день заблудили. Зашла у глухоя балѳта, и зачўила серца: будитъ нада мною нигѳда. Выскачилъ изъ бальшова логава старый звѣрь, старая крыса, ротъ разинуўши, зубы аскаліўши, хвостъ паднявши на падобіе посошка. Ету страсть женщина увидала, нѣскальки верстъ бижала. Лютая Крыса женщину догнала, ладошки парвала.

В. Н. Добровольскій.

Матеріалы лексикографическіе по Новгородскимъ говорамъ.

1. Слова Череповецкія *).

Б.

Букàрочки—Четвереньки.

Банковать—Обвивать, бинтовать.

Бучить, отбучить—Бить, дуть, отколотить.

Брилапъ—Губастый; ругательное слово.

Барабляться—Возйться, барàхтаться.

Беззадинъ—Хромоногій; ругательное слово.

Березовицу точить Проливать слезы.

В.

Всузель—Зеленоватаго цвѣта.

Всукрась—Красноватаго цвѣта.

Веретья—Возвышенное мѣсто, покрытое лѣсомъ и спускающееся къ рѣчкѣ косогоромъ или обрывомъ.

Вершина—Низменное пространство, покрытое лѣсомъ.

Вечёршиный вечеръ—Прошлый вечеръ.

Волоковое окно—Величиною въ 2 бревна, безъ косяковъ и рамъ, задвигается внутри избы щиткомъ изъ толстыхъ досокъ. Сохранилось въ старой избѣ въ д. Верхъ у крестьянина М. Ячечурова.

Волоскомъ недаетъ дотронуться—Опредѣленіе сильнѣйшей степени боли.

Влагалко—Женское влагалище.

Варникъ, варничокъ, малашка—Vulva.

Васильчики—Пироги подъ новый годъ.

Вейнуть, вейнула—Быстро, скоро уйти.

Выкрички даетъ—Сильно плачетъ ребенокъ.

Вздоху затѣснило—Дышать тяжело.

Веретеномъ тряхнуть—О старомъ и больномъ человѣкѣ.

---

*) Доставленные намъ почтеннымъ членомъ-сотрудникомъ И. Р. Г. Общ. М. К. Герасимовымъ оба списка словъ и прозвищъ заслуживаютъ большаго вниманія. Укажу на невошедшія въ Словарь-Даля слова: Листопукъ (Май,—какъ Листопадъ) и Мокошà—нечистый духъ, домовиха. См. Мокошь въ Слов. Срезневскаго. Прозвища же всѣ любопытны, среди несомнѣнно финскихъ и тюркскихъ, есть и варяжское—Ярунинчь (хотя Ярун м. б. и слав.) и важныя славянскія слова напр. клюсъ—древнесл. клюса, србск. кљусад (собират.) кони кљусе,-ета—конь; Польск. klus (рысь), klusem—рысью, чешск. klus—тоже, a klusák—конь. Ред.

Вырыскнуло—Удалось какое нибудь дѣло.
Выскать—Взять, вымать.
Варахоуша—Послѣдній овинъ хлѣба.
Висарье-я—Лоскутки, виски, обрывки.

Г.

Гверстяникъ—Пространство, покрытое мелкимъ камнемъ.
Гонки—Бревенчатые плоты, сплавляющіеся по рѣкамъ.
Гаре—Бесѣдная игра.
Глоба, глобочка—Тропа, тропочка.
Грязи захватило—Остановка послѣродовыхъ очищеній.
Габарка—Жестяной чайникъ на судахъ.
Горянетъ пища—Нѣтъ аппетиту.
Гоиошиться—Припасаться, готовиться.

Д.

Дорȁ, доръ, дорȍкъ—(на дорȁхъ). Мѣстность, покрытая строевымъ лѣсомъ въ видѣ отдѣльныхъ рощей.
Дрануха—Ржаная каша.
Дохать—Гулять, веселиться, пить вино.
Досягать, недосячь, досячь—Достать.
Душа коротко ходитъ—Есть одышка въ груди.
Дȍдня—Рано утромъ.
Дракиша—Человѣкъ, любящій подраться.
Додѣльный—Человѣкъ, способный на всякое дѣло.
Деревянное пиво—Сусло изъ можжевеловыхъ ягодъ.

Е.

Елибица—Злая женщина, вѣдьма.

Ж.

Жирьмя—жирить—Надоѣдать словами.
Живучи этого небывало—Никогда не случалось.

З.

Змѣиная трава—Ятрышникъ (?) трава (orchis macul).
Завсё—Часто, постоянно.
Знамь, знами—Знакомыя люди.
Заводь—Заливъ на рѣкѣ.
Заклемало—Забылось.
Засадиховатый—Сильный, мучительный (о кашлѣ).
Заводи чево хошь—Начинай что знаешь.
Збожный—Человѣкъ богобоязненный.
Забѣдовый—Человѣкъ бойкій, отчаянный.
Заполоски—Концы полосъ, которыя оставляются подъ траву.
Закукры—Спина.
Залой—Низменность между двумя пригорками.
Заплошный—Разсѣянный человѣкъ, невнимательный.
За милу душеньку—Выраженіе, прибавляемое ко всякому дѣйствію: сдѣлаю, полюблю и т. д.
Зырить, назырить—Мочиться.

И.

Исподки—Рукавицы.
Изнимать—Тяготить, уничтожать.
Истерялась дитенька—Пропало зрѣніе; наступила слѣпота.

Исплекъ—Болѣзнь въ плечевомъ суставѣ у лошади.
Истовахонькой,—Похожій; точно такой-же.

К.

Калганчикъ—Маленькій глиняный горшокъ.
Кошма—Трехполѣнныя дрова, связанныя, въ видѣ плотовъ, для сплава по рѣкѣ.
Кантовать—Пировать, веселиться.
Каламонъ, каламонить—Шляющійся безъ дѣла человѣкъ; бездѣльничать.
Кучкаться—Прибираться, пачкаться.

Кулига—Мѣстность въ которой селенія расположены по обѣимъ сторонамъ небольшой рѣчки и видны другъ отъ друга, т. е. какъ бы находятся въ грудѣ, въ кучѣ. Каждая кулига называется по рѣчкѣ, на которой расположена, напр. Кисовская кулига и другія.

Кулйжане—Населеніе, жители данной кулиги.
Кунды-мунды.—Тряпье, имущество.
Косарить—Ругать, бранить.
Катцо—Ручка у цѣпа.
Каргасъ,—на каргасахъ (=?).
Карнужйть—Мяукать, мурлыкать.
Кильма—Дерево изъ породъ вязовыхъ.
Каптарь—Деревянный сосудъ подъ пиво.
Какъ немога поскорѣе—Сдѣлать сейчасъ.
Клячеть, оклячело—Нѣмѣть онѣмѣло.
Коли прйдешь—Когда придешь.
Кобылки!—Ключицы.
Кокурки, на кокуркахъ—Корточки, скорнувшись.
Коего дня—На дняхъ.
Китà, киты́—Картофельныя вѣтки (Всѣ киты-то сборовилъ).
Конὸвяшъ, конὸвятикъ—Старый бѣлый грибъ («Коновяшей нанесли»).
Кожу отсочаетъ—При ознобѣ кожу какъ будто отдираетъ.
Караваниться—Куражиться, капризничать.
Квилить—Доводить до слезъ, сердить.

Л.

Лодыги—Дѣтская игра въ бабки или въ козни.
Лупсанить—Хлестать, бить.
Лунь, лунитъ—Свѣтокъ, отсвѣчиваетъ при худомъ зрѣніи.
Лядина—Рытвина, яма.
Ленъ пахать—Мять, трепать, чесать, вообще, проводить время за обдѣлкой льна.
Листопукъ—Май мѣсяцъ.
Лыбитъ—Улыбается.
Лязжать—Надоѣдать разговоромъ.

М.

Марышевникъ—Муравейникъ.
Матошникъ—Различныя женскія болѣзни.
Мура подмурья—Кушанье изъ хлѣба и воды.
Михирь—Penis.
Мокошà—Нечистый духъ, домовиха.

Н.

Не само—Не очень (=много, долго, большой).
Нуште—Какже.
Нев(п)римѣкъ—Незамѣтно, невдомёкъ.
Натями—Напомни.
Немытикъ—Чортъ.
На подворьи жить—Вообще, не имѣть своего угла—жить по бобыльски.

Ничевуха—Несбыточное, пустяшное дѣло.
Нежунетъ—Не дотронется до пищи.
Не му—Не буду [1]).
На молоду мѣсяца—Въ началѣ мѣсяца.
Непоставный—Нескладный, некрасивый человѣкъ.
Неутишина въ головѣ—Сильная ломота и боль въ головѣ.
Надолбы ненадоли—Выраженіе о надоѣдливости и докучливости.
На верстяхъ—Верхомъ на лошади.
На отсадъ садитъ голову—О стрѣляющей боли въ головѣ.
Наготь—Колика въ животѣ у лошадей.
Неумѣха ты эдакая—О безтолковости.
Нонь—Нынѣ.

О.

Отлынуть, поотлынуть—Облегчить, поотойти.
Одноровка, купоръ—Сортъ мелкихъ гвоздей.
Островъ—Лѣсное пространство, состоящее изъ какой нибудь одной породы лѣса, итакъ: есть березовые, сосновые, еловые и т. д. острова.
Озвѣздить—Ударить.
Обжимъ, обжималка—Кофта на ватѣ или куделѣ, плотно облегающая одну только грудь.
Оботаться—Загрязниться, запачкаться.
Оревина—Быкъ.
Осоглодь—Ободранная (подсоченная) сосна. Примѣняется и къ человѣку, похудѣвшему послѣ болѣзни.
Охитить—Спрятать, схоронить. Отвѣйкивать. Плакать, кричать, визжать.
Отдаванница—Дѣвушка, вышедшая замужъ въ другую деревню.
Оногда—На дняхъ, когда-то.
Озерина—ы. Лужи.

П.

Пошкотилось [2])—Испортилось.
Пнаться—Жить какъ нибудь.
По селямъ—Мѣняться конями безъ придачи другъ другу.
Посвѣтило—Вздумалось.
Поперечный поясокъ—Шерстяной поясъ ручной вязки, въ которомъ узоры расположены въ поперечномъ направленіи. Ширина пояса больше вершка, кисти большія. Важная принадлежность праздничнаго костюма дѣвушекъ, воспѣвается даже въ пѣсняхъ.
Прамохъ, прамхи, прамошки [3])—Пространства, покрытыя сухимъ мохомъ, прежде бывшія болота; родоначальники мховъ.
Печеницы—Кровоподтеки на тѣлѣ послѣ ушиба, синяки.
Полупудникъ—Сортъ строевыхъ гвоздей.
Подвитель—Навѣсъ.
Перезъ это, перезъ самое [4])—Черезъ это, черезъ самое.
Перезуться, перезуйся—Переобуть сапоги.
Перекаляться—Перегибаться.
Примань сѣла—Случилось, сдѣлалось что нибудь необыкновенное.
Прядать—Биться, скоро приподниматься.
Перетура—Перегонъ.
Путцо—Ремень, прикрѣпляющій молотило къ ручкѣ.
Пуня—Длиннохвостая, одѣтая въ долгое платье.
Пунька—Прозвище; носатый.

---

[1]) т. е. не йму — не му. Остатокъ стар. будущаго. [2]) зап. шкода (Schade). [3]) сравн. гралѣсъ, прадѣдъ. [4]) зап. слав. přes, przez.

Поклада—Снопы, положенные вдоль гумна для молоченья.

Поплешники—Молоченники, стоящіе рядомъ и ударяющіе по снопамъ одинъ съ правой, другой съ лѣвой руки.

Пабѣдъ, съ пабѣда—Время ѣды между обѣдомъ и ужиномъ.

Подсѣдъ—Трещина подъ копытомъ у лошади.

Поталанило, непоталонило—Посчастливилось и обратно.

Пересыкаться—Нетерпѣливо ждать чего нибудь.

Прозднық, праздно—Незанятой, свободный.

Пожни—Сѣнокосные луга.

Р.

Рожонка, родиха—Женщина, только что родившая.

Рамени—Луговыя, сѣнокосныя пространства среди лѣса.

Рантовые сапоги—Головки.

Рȁгозить—Загрязнять, пачкать.

Рѣшъ—Срубы подъ печку или толчею.

Рекотать, зарекотать—Громко хохотать.

Разпѣтушица—Дѣвушка, имѣющая дѣтей.

Рубашка—Сальникъ у животнаго.

С.

Слѣпотка—Болѣзнь куриная слѣпота.

Сапѣлки—Кости голени.

Скорь—Моль.

Спахалось—Сдѣлалось, приключилось.

Стрѣшникъ—Нечистый духъ, отъ котораго приключаются внезапныя болѣзни.

Середины—Низменныя пространства, поросшія лѣсомъ.

Смотракъ—Прикащикъ на лѣсныхъ промыслахъ.

Сдѣется—Случится, сдѣлается.

Стебнать—Обшивать, стегать.

Сыволока—Сорная трава, растущая въ коноплѣ.

Сурядный—Хорошо одѣтый.

Субогать—Зажиточный человѣкъ.

Сердце изъ пару заходиться—Говорятъ при испугѣ или сильной боли.

Сапожникъ—Трава (= ?).

Своду недать—Несправиться.

Суровуха, на суровуху—Второпяхъ, наскоро.

Синятка, сенька—Брюшина у животнаго.

Ссякунъ—Мочевой пузырь.

Съ захода не выходитъ—Опредѣленіе сильной степени поноса.

Старпнка—Сказка, небылица.

Снафида—Медленная на дѣло и тихая женщина.

Скасть—Змѣя, гадина.

Стукашъ—Муравей.

Слюдникъ—Стопа у человѣка.

Смёртна рѣзота—Нестерпимая боль въ животѣ.

Солянякъ—Ватрушка съ солью.

Сбердить—Отказаться отъ своего слова.

Сбрендить—Тоже.

Т.

Тускъ, тускомъ заволокло—О притупленіи зрѣнія.

Таликъ—Вытаявшая мѣстами изъ подъ снѣга дорога.

Тридцатка—Сортъ гвоздей, которыхъ выковывается 1000 штукъ изъ 30 фун. желѣза.

Тепереньк а—Теперь.
Трущобить—Торопить скорѣй исполнить какое нибудь дѣло.
Туровить—Тоже.
Трава—Сочни прѣсные.
Теменно и ропотливо—О дѣлѣ, связанномъ съ хлопотами и непріятностями.
Тюлькунъ, тюлькать—Человѣкъ, любящій много поговорить.
Тюньзеть—Усидчиво сидѣть надъ дѣломъ.
Тезево—Животъ.

У.

Укладъ—Полоска стали, идущая на лезвія топоровъ и другихъ желѣзныхъ издѣлій.
Уѣдать—Постоянно ругать и сердиться на человѣка.
Утроба (утробистая)—Животъ, брюхо.

Ф.

Фортовый—Ловкій, бойкій, развязный человѣкъ.

Х.

Харнѣть, харпитъ—храпѣть.
Хлѣбоѣжь—жи.—Неработники въ семьи.
Хрястать.—Сильно колотить, стучать, ломать.
Хоркать—Производить звуки носомъ, признакъ бахвальства у пьяныхъ парней
Хваститъ—Хвастаетъ, преувеличиваетъ что нибудь.
Хмелекъ-говорокъ у него—О человѣкѣ, отличающемся буйствомъ во хмѣлю.

Ц.

Цѣжъ, цижъ—Сокъ съ ягодъ черники или гоноболю.
Цѣвка—Веретено съ пряжею.

Ч.

Чалиться—Грозиться.
Черевунья—Поносъ.
Чертугъ—Вьюнъ рыба.

Ш.

Шкира—Кусокъ льда.
Шайма—Болотистое, топкое пространство, поросшее чахлымъ лѣсомъ.
Шайба.—Желѣзная пластина съ отверстіемъ, кладущаяся подъ гайку.
Шишлять—Медленно дѣлать что нибудь.

Я.

Ямный лѣсъ—Лѣсъ, приготовленный для пережиганія на уголья.
Ясна, ясны—Десны.
Ягарма—Высокая неуклюжая женщина.
Ястребуха—Незавившійся, неплотный кочанъ капусты.

Прозвища крестьянъ Южной части Череповецкаго уѣзда.

Анжуръ.
Безбрилъ.
Бродокъ.
Букарь.
Баруздa.
Баганъ.
Варахта.
Галамъ.
Гаранъ.
Голохвастъ.
Галиба.
Гранюкъ.
Грахъ.
Дедюра.
Дрочепь.
Егичъ.
Ероха.
Жохёръ.
Жупикъ.
Жанъ.
Зѣвунъ.
Заброда.
Забардай.
Кавача.
Коляза.
Корела.
Котосъ.
Каманя
Клечъ.
Каличъ.
Кляпышъ.
Капочъ.
Клюсъ.
Кезя.
Камиса.
Ковыка.
Кавай.
Крамсай.
Кисарь.
Команька.
Кунка.
Купачъ.
Крикаль.
Коколака.
Кукорь.
Карунъ.
Корхалъ.
Лязгунъ
Лохунъ.
Логунъ.
Лезя.
Мома.
Масай.
Маханъ.
Малѣй.
Матакъ.
Моротъ.
Матасъ.
Мелеганъ.
Ничага.
Орча.
Окома.
Отята.
Оханъ.
Прченокъ.
Непостай.
Подсяхалъ.
Парсакъ.
Паршукъ.
Подаруй.
Плѣханъ.
Папко.
Поморъ.
Прынка.
Пакша.
Перзя.
Парышъ.
Рыння.
Суёра.
Сентюръ.
Сигиренокъ.
Саленикъ.
Сельчиха.
Селяникъ.
Сочило.
Солка.
Самуня.
Сирка.
Туезокъ.
Тетюй.
Тюлюкъ.
Толмакъ.
Тарышъ.
Турнисъ.
Тодякъ.
Узикъ.
Фага.
Хабачъ.
Хабаль.
Халавенокъ.
Хахонъ.
Чикулай.
Чапа.
Шарга.
Шой.
Шелёпа
Шокъ.
Шоршень.
Шматокъ.
Шаликъ.
Шаханъ.
Шанило.
Шмакъ.
Широканъ.
Шитикъ.
Шкеня.
Щенюкъ.
Юрло.
Юкша.
Яруничъ.
Ячечуръ.

Сообщилъ Чл. Сотр. *М. К. Герасимовъ.*

С. Курилово, Черепов. уѣзда
10-го Октября 1898 г.

2. Слова Ладожскія.

Б.

Багагай, с. м.—Тотъ, кто громко говоритъ.
Баламу́га, с. ж., т. ч. Баламу́тъ.
Балахлы́стничать, гл. ср. т. ч. Балахлы́стить.
Ва̀лчужный, пр. Возмутительный, дерзкій.
Баранда̀, с. ж. Болтунъ, говорящій пустое, вздорный.
Барандйть, гл. ср. (сов. Забарандить), Говорить пустое.
Басары́га, [1]) с. ж. 1) Рѣзвый мальчикъ. 2) Суетливый.
Бешло̀тъ, с. м. Резервуаръ для сохраненія воды (при ладожскомъ и сясьскомъ каналахъ).
Бйтвина, с. ж. Хлопоты, заботы.
Богода̀нъ, а, о, пр. 1) Отецъ незаконнорожденнаго дитяти. 2) Теща въ отношеніи къ затю и на оборотъ. Въ лад. свад.» пѣснѣ: Ужъ ты, зять, ты, мой затюшко, богодано мое дитетко!:.. Ужъ ты, тешша, ты, тешша моя, богодана моя матушка!...
Борона̀, с. ж. Говорящій некстати; говорящій о томъ, о чемъ слѣдовало молчать.
Боронйть, гл. ср. (сов. Заборонйть). Говорить не кстати.
Врю̀ньга, с. ж. (уменьш.—гушка). Крестная мать жениха. «Брюньгушка, сядь, красавица, сядь!»
Быкъ, с. м. Мысъ.
Бѣлу́тки, с. м. мн. Глаза. Въ лад. нар. пѣснѣ: Его видно по бѣлуткамъ, что гуляе по межуткамъ.

В.

Вага̀нъ, с. м. 1) Шалунъ. 2) Неосторожный.
Вала̀ндаться, гл. вз. (сов. завала̀ндаться). Долго трудиться надъ чѣмъ нибуть. «Полно тебѣ валандаться-то съ платьемъ».
Вальяжно, нар. Гордо, спѣсиво, важно. «Онъ вальяжно расхаживаетъ».
Вальяжный, пр. Гордый, спѣсивый, важный.
Валыгла̀зый, пр. т. ч. Волыгла̀зъ.
Васйха, с. ж. Женщина, нанявшаяся въ работу на судахъ, погонщица лошадей, употребляемыхъ для тяги судовъ.
Вату́ла, с. ж. Человѣкъ, надѣвшій на себя много платья.
Велйдовать, гл. д., Нѣжить, баловать;—ся—Нѣжиться. «Ужъ такъ-то она сына велидуетъ. И покрасуйся, повелидуйся ты, моя голубушка!» Свад. причит.
Воса̀, с. ж. Оса. Vespa.
Воскресённой, аго с. м. Пастухъ, приходящій по воскреснымъ днямъ къ владѣльцамъ коровъ для сбора съ нихъ мелкой монеты или хлѣба.
Вту́пори, нар. т. ч. Вта̀пора.
Вывича̀ть, гл. д. Взвѣшивать, высчитывать. «Онъ кажину крупиночку вывичаетъ».
Вы̀скидь, с. ж. т. ч. Вы̀скорь.
Вы̀сорить, гл. д. Освободить засоренную бечеву.
Вя̀ньга, с. ж. т. ч Вя̀нгало.

---

*) У словаковъ—bosorak., ж. bosorka—чародѣй, вѣдьма.—Слово д. б. иранское (Скиѳо-сарматское). Срв. ѳрак. βασσάραι, м. аз. βάκχαρις; Μάσαρις у Еріевъ—Діонисъ. (Tomaschek. Die alten Thraken. II. Die Sprachreste. Wien. 1893. Ss. 4—5. Βάσσαρος личное имя (ib. и Latyschev-Inscr. II, 169).

Г.

Галенёнокъ, с. м. т. ч. Галчёнокъ.
Гали зв. пад. с. употр. при игрѣ въ прятки. Гали, гали! Палочку украли.
Галька, с. ум. отъ Гаврiилъ.
Галя т. ч. Галька.
Галяма, с. ж. 1., Множество, куча. «Эку галяму ты дровъ-то приворотилъ!» 2., Большой ротъ. «Что ты галяму-ту растворилъ?»
Гарь, с. ж.—Густой лѣсъ.
Гдй-этамъ нар.—Гдѣ-то тамъ.
Годъ. Въ годы идтить. О крѣпостныхъ людяхъ: Наниматься къ кому-нибудь въ услуженіе на нѣсколько лѣтъ (5—7), съ тѣмъ, чтобы тотъ внесъ господину сумму, требуемую за выкупъ изъ крѣпостнаго состоянія.
Голова, с. ж.—Главный рѣчной порогъ, главный рубъ (см.). Въ ладожск. уѣздѣ, по Волхову двѣ такихъ головы: Велецкая голова (противъ деревни Вельцы) и Архангельская (противъ дер. Михаила Архангела, названной такъ по церкви).
Голови, с. ж.—Изголовье. «У тебя въ головяхъ-то ничего нѣтъ; ужо я положу тебѣ въ голови-та армякъ».
Головизня, с. ж.—Несоразмѣрно большая голова. «Эка головизня-то у него, а мозу мало».
Горилка, с. ж. Игра въ горѣлки. «Матушка Өедора!... выйди за ворота... тамъ робята съ дѣвкамъ горилкой играютъ». Лад. нар. пѣсня.
Гузить, гл. ср. Течь не ровною струею; идти неравномѣрными шагами. «Самоваръ-то ужъ гузитъ, надо воды прибавить».

Д.

Даровой столъ. Пиръ на второй день послѣ вѣнца, во время котораго молодые дарятъ всѣмъ поѣзжанамъ дары.
Дилать любовь. Цѣловаться жениху съ невѣстою.
Діянить, гл. ср. Комедіянить, ломаться, фиглярить, шутить.
Діянъ, с. м. Фигляръ, шутъ.
Досталять, гл. д. Доставать.
Достойно, с. ср. Обрядъ обученія или рукобитья, совершаемый въ домѣ невѣсты и оканчивающійся тѣмъ, что священникъ читаетъ молитву «Достойно есть» и пр.
Дочи, [1]) зв. п. отъ Дочь. Въ пѣснѣ: «Скажутъ: гди, дочи, была?» Эта форма употр. и въ Новг. нарѣчіи, напр. въ пѣснѣ: «Для ночи, дочи, молчи!» Новг. нар. пѣсня.
Дражить, гл. д. т. ч. Дразнить.
Дранина, с. ж. Овсяная мука съ костицею.
Дранка. Набрать дранку ягодъ.—Набрать ягодъ столько, чтобъ масса ихъ закрыла первую отъ дна боковую лучину корзинки.
Дутникъ, с. м. Прѣсный ржаной сканецъ, на который наливается растворъ изъ гороховой муки.

Е.

Есавулъ, с. м. Острякъ; умѣющій разсмѣшить продѣлками, шалостями.
Есте, 3 л. наст. вр. ед. ч. отъ гл. быть. То-то и есте (есть).

Ж.

Жестоканный, пр. прев. ст. отъ Жесткій. «Ишь ты хлѣбъ-то перепекла, корка-то какая жестоканная».

З.

Заводь,—ина, с. ж. Мшистый бугоръ въ лѣсу на которомъ растетъ какое нибудь дерево (чаще березнякъ).

---

[1]) Срв. по слав. (болг. серб.) голѣм, голям, гулям большой [2]) Дочи древне рус.-древне слав. дъщи.

За̀водьё, с. ср. Мѣсто, покрытое заводями. Подберезовики больше растутъ по заводью, а подосиновики—на бору.

Загуля̀щій, пр. т. ч. Загульчивый.

За̀кидь, с. ж. Колъ, употребляемый вмѣсто замка для запиранія дверей въ чуланахъ. Одинъ конецъ кола утверждается нѣсколько вдали отъ двери, въ полу чулана, а другой привѣшивается надъ дверью на веревкѣ, пропущенной съ вышки чрезъ потолокъ чулана. По закрытіи двери этотъ послѣдній конецъ кола, при помощи веревки, опускаютъ такъ, что онъ упирается въ дверь чулана, и попытка отворить ее дѣлается невозможною.

Зако̀нки, с. м. мн. Заоконье. «Лазырь, ты, Лазырь! По зако̀нкамъ лазай». Обр. пѣсня въ Лазареву субботу.

За̀печекъ, с. м. Все пространство отъ окна до печи.

За̀печный, пр. Находящійся противъ печи. За̀печное окно.

Засталя̀ть, гл. д. Заставать.

Затѝмить, гл. ср. т. ч. Затѐмить.

Захвощёвникъ, с. м. Мѣсто, менѣе вязкое, чѣмъ хвощёвникъ.

Зю̀ринька, зю̀рка, с. ж. т. ч. Зю̀шка.

И.

Ива̀нь-день, Ивановъ день. Объ Ива̀нѣ-дни пойдемъ-те въ Иванской островъ (деревня около Ст. Ладоги) на праздникъ.

Идтѝть, гл. ср. Идти.

Изо̀тчина, с. ж. т. ч. Изо̀тчество.

Испухля̀ть, гл. д. Взмохнатить, взъерошить, растрепать. Въ пѣснѣ: «Русыя кудёрушки взяла испухляла».

Исхо̀жа, с. ж. Пасто̀бище, мѣсто, куда выгоняютъ скотъ на траву.

К.

Каза̀чество, с. ср. Въ свад. причитаньяхъ: Замужняя жизнь дѣвицы.

Кана̀вушка, с. ж. Кана̀льюшка.

Ка̀нушки. Игра въ пятнашки.

Караво̀диться (съ кѣмъ) гл. возвр. Хлопотать около кого нибудь, заботиться о комъ; волочиться за кѣмъ.

Картофка, Карто̀фья, с. ж. Картофель.

Кля̀пцы, с. т. ч. Клёпцы.

Кобыла, с. ж. Плотъ, имѣющій съ одной стороны въ длину видъ остраго угла и употребляемый на ладожскомъ каналѣ раннею весною и позднею осенью для пробиванія тонкаго льда, чтобъ дать проѣздъ судамъ.

Козо̀каться, гл. Упрямиться.

Коко̀ра, с. ж. Неуклюжій, неповоротливый.

Ко̀кышъ, с. м. Внутренность рыбы, рыбій потрохъ.

Коледъ, с. ж. Лазарева Суббота.

Кондра̀тъ, с. м. Собратъ, сотоварищъ. «Буде(тъ) братъ, буде(тъ) сватъ, буде(тъ) Мишенька кондратъ». Лад. нар. пѣсня, которую поютъ и въ Новг. губ.

Конецпо̀лье, с. ср. Береговая равнина при Ладожскомъ озерѣ, примыкающая къ лѣсу въ Новой Ладогѣ.

Конопѐлька, с. ж. Скамья со спинкою и боковыми ручками.

Коромы̀сло, с. ср. Коростель, дергачъ.

Копы̀лъ. «Два брата—копылъ да лопата», говорятъ о разнохарактерныхъ братьяхъ.

Косѝвчастый, пр. т. ч. Косящатый.

Кошѐльки, с. Спина. «Садись на кошѐлки, я понесу тебя».

Кресто̀викъ, с. м. Западный вѣтръ.

Кресторо̀сецъ, с. м. Несущій икону во время Пасхи, когда причтъ посѣщаетъ прихожанъ. Крестоносцы не принадлежатъ къ составу причта, а выбираются изъ при-

хожанъ и за трудъ ношенія иконъ получаютъ отъ хозяевъ посѣщаемыхъ домовъ яица.
вой столъ—Накрытый для обѣда или ужина столъ, на которомъ не поставлена солонка.
чина, с. ж. Льдина. Изъ сопоставленія словъ крига, (крика?) кричина и крица съ достовѣрностію можно заключить, что всѣ три принадлежатъ къ одному семейству, м. т. какъ въ «Толковомъ словарѣ» г. Даля слова крига разъединены.
вàвикъ, с. м. Такъ называютъ около-староладожскіе жители ручей, находящійся за три версты отъ ст.-лад. Рюриковой крѣпости, вверхъ по теченію р. Волхова.
пашѝ, с. м. Пироги, начиненные чѣмъ придется.
жка, с. ж. Кружка, изъ которой пьютъ вино.
ва, с. ж. Шельмовка, плутовка, негодяйка.
олòмничать, гл. ср. т. ч. Кусòвничать въ 1 знач.

Л.

одыръ, с. м. Этимъ словомъ шуточно называютъ всѣхъ бурлаковъ на Ладожскомъ каналѣ. «Эй ты, лободыръ! Дѣдушка Прохоръ тебѣ письмецо прислалъ. Эй ты, лободыръ! Теленка съ подковамъ(и) съѣлъ. Эй вы, лободыры! Что это васъ семеро тянетъ, а ни одинъ не храмлетъ?»
ога. 1) Въ «Толковомъ словарѣ» г. Даля означено: «Рыбà сигъ со Птинаго-носа, на Ладожскомъ озерѣ», м. т. (намъ) извѣстно, что Лудогою называется сигъ, пойманный у Птинаго-носа не во всякое время, а только во время лучшихъ уловов, а это бываетъ тогда, когда сиги мечутъ икру, т. е. трутся о луду. Поэтому слово Лудога имѣетъ и другое значеніе: 2) время лучшей ловли сиговъ на Птиновѣ (Рыбаки называютъ Птиный-носъ просто Птиновомъ). «Поѣхать на лудогу».
ло, с. ср. 1) о гонкахъ: Пространство между двумя счаленными плотами 2) Вообще узкій проходъ между двумя судами. «Держи во льяло!» значитъ: Направляй судно такъ, чтобъ оно прошло между двухъ напротивъ идущихъ судовъ.
си, Лѣси, употр. въ вин. и пр. пад. «Пойдемъ въ лѣси. Онъ заблудился въ лѣсяхъ».
бòвный пр. Любимый. Въ свад. причитаньяхъ: «Какъ пойдете, красны дѣвушки, на любовную работушку, на купецьки славны барочки» и пр.

М.

ньшà, с. ж. т. ч. Манѝла.
дянѝца, с. ж. т. ч. Медунѝца.
лька, Мѝля, с. м. уменш. отъ Микòла—Николай. «Молись Богу! Микола въ путь!» кричатъ лоцманы судовъ, отчалившихъ отъ ладожскихъ пристаней. Здѣсь Микòлою назыв. Николай Чудотворецъ.
лёкъ, с. м. т. ч. Моль во 2 знач.
лодехàнный,—хонный,—хàнненькій,—хòнненькій пр. Весьма молодой.
лодѝться гл. возвр. Цѣловаться молодой четѣ во время княжòго стола (см.), когда кричатъ: «горько! криво!».
гошно, нар. Неловко, неудобно, безпокойно.
хтàть, гл. д. Мохнатить, взъерошивать. «Онъ смохталъ мни волосы».
лычка, с. ж. 1) Рукоятки на правилѣ. 2) Палочка, длиною вершка въ 3, прикрѣпленная по срединѣ веревкою къ упряжи лошади, назначенной для тяги судовъ. На мулычку притягивается бечева, конецъ которой для этой цѣли дѣлается петлею.
слиндѝнъ, с. м. Тонкая кисея. Mousseline de lin.

Н.

снадѣвàть (на кого) гл. ср. Надѣть на кого много платья. «Ишь ты наснадѣвали на тебя,—настоящій Олёша Букъ».
царовà Бòжья! т. ч. Недàрово.
доскѝтить, гл. ср. Неумѣть, не смыслить.
шшерка, с. ж. Ящерица. Lacerta. «Поймать нешшерку и зажать въ розщепицѣ, а

розщепицу приткнуть къ матицѣ: нешшерка засохнетъ и клопы въ нэѝѣ засохнутъ». Лад. повѣрье.

О.

Обáдать, гл. д. Окружить, напасть со всѣхъ сторонъ, безпокоитъ отвсюду. «Мухи меня обадали».

Обакýла, с. м. Плутъ, обманщикъ.

Обакýлигь, гл. д. Обмануть. «Нѣтъ, братъ, его не обакýлишь».

Обáкша, с. ж. Хохотунъ, кто часто и громко хохочетъ.

Обормóтъ, с. м. Оборванецъ, ходящій въ оборванномъ платьѣ, неопрятный.

Образúна, с. ж. Рожа, харя (Бранное слово).

Обулы́ндѣть гл. ср. т. ч. Обулы́чить.

Обчíй, пр. Общій. «Мы ѣхали въ обчёй каюты(ѣ)».

Одúнъ-си числ. Совершенно одинъ.

Омегъ, с. м. Человѣкъ, причиняющій досаду (Бранное слово).

Осерёдъ, нар. уп. вм. предл. Среди, посреди. «Осередъ поля чистаго».

Острóвки, окъ, с., уп. только во мн. Островъ, находящійся почти противъ самаго города Новой Ладоги и раздѣляющій р. Волховъ на два рукава.

Отдáть, гл. д.; употр. и въ знач. средн. О бечевѣ: Остановить лошадь, которая тянетъ судно, такъ чтобъ бечева частію легла на земь, а частію опустилась въ воду, подъ судно, идущее напротивъ. Когда встрѣчное судно прошло, то, по крику лоцмана «вынóсь!», погонщикъ выноситъ бечеву, т. е снова натягиваетъ ее въ струну и т. обр. опять даетъ ходъ судну. На ладожскомъ каналѣ, при встрѣчѣ двухъ судовъ, идущихъ съ противоположныхъ сторонъ, по заведенному обычаю, судно, идущее въ Петербургъ, отдаетъ бечеву предъ судномъ, плывущимъ изъ Петербурга.

Отплáкы(и)вать (кому) гл. ср. Выражать скорбь причитаньемъ на заплачкѣ. Оплакивать отцу, матери—оплакивать свое горе (будущее замужество) предъ отцомъ, матерью. «Отплакывать дивочеству»—оплакивать дѣвство.

Отрокостель, с. м. Отростокъ. «1829-го года, Іюля 20-го дня, пополудни въ четвертомъ часу (въ Новой Ладогѣ) была погода..... и градомъ необыкновенной величины, въ разномъ видѣ: иной..... въ копейку и въ грошъ... плоскій съ отрокостелями на подобіе звѣзды—во многихъ мѣстахъ разбило стекла». Изъ дневника кореннаго Ладожанина.

Отры́снуь, гл. ср. Отплыть, отъѣхать подалѣе (на суднѣ, лодкѣ).

Отсóрить гл. ср. т. ч. Вы́сорить.

Охвóта, с. ж. Охóта. Охвота пуще неволи.

Охвóчь, пр. Пристрастный къ чему, особенно любящій что нибудь. «Ваши парни охвочи гулять, а не охвочи работать».

Охнéя, с. ж. 1) Большая куча чего нибудь. «Эку охнею воды-то сдержалъ ты»! 2) Безсмыслица, чепуха. «Ну! занесъ охнею!»

П.

Парýха, с. ж. 1) Разсѣлина, образующаяся каждую зиму во льду ладожскаго озера по юго-восточной сторонѣ (а м. быть и по другимъ сторонамъ) его, верстахъ въ 2—4 отъ берега, ширина которой измѣняется сообразно съ градусами температуры. Паруха служитъ в. нагляднымъ явленіемъ сжимаемости тѣлъ отъ тепла. 2) Загнившее яблоко. 3) Курица насѣдка.

Паськія лодки.—Родъ небольшихъ легкихъ судовъ, которыя строятся на р. Пашѣ. Онѣ отличаются отъ другихъ тѣмъ, что не сбиваются желѣзными скобками, гвоздями и т. п., а сшиваются древесными прутьями.

Первúлики. «Первúлики, другúлики, на лóкоти котúлики, пятьсóтъ судія́, панамáрь Марі́й, Кáтерина кошка—за море пала, что приказала? Стýпу, лопáту, корóву горбáту, мíсяцъ-зáяцъ вы́рвалъ трáвку, пóложилъ на лáвку—кто взялъ?—Я взялъ, тýрой, бýрой, тýхтарь, бýхтарь вонъ помелъ!» Этотъ приговоръ употр. въ лад. уѣздѣ

дѣтьми во время игры въ сòроку (см.). Когда станутъ въ кружокъ желающіе играть, то одинъ изъ нихъ, приговаривая означенныя слова, при каждомъ отдѣльномъ словѣ указываетъ на отдѣльнаго товарища, и на кого попадетъ слово «пошелъ», тому слѣдуетъ «наводить», т. е. искать прочихъ. «Первѝлики другѝлики, на кòломи, на ѐломи, на Божьѣй росы, на попòвой полосы—чашки, плòшки, медòкъ сластòкъ—выйди вонъ, королекъ!»

Пѐрво-нàперво, напр. прежде всего.

Перекостыливать, гл. ср. Проводить время въ пустой болтовнѣ, шутить для препровожденія времени.

Перемётная сỳмка—Непостоянный, безхарактерный человѣкъ.

Пѐря. «Пе́ря, нѐря, сỳгу, лỳгу, пàта, сòта, ѝва, дуба—хрёстъ—деревянной гвоздь!» Приговоръ, употр. при игрѣ въ сòроку.

Пестрòха. с. 1) Пестрая корова. 2) Шуточное прозвище бурлаковъ, гоняющихъ барки.

Петрòвшина,—нка, с. ж. Скоромные съѣстные припасы (творогъ, яица, масло), которые даются владѣльцами коровъ пастухамъ, а также подаются и нищимъ въ началѣ розговѣнья послѣ Петрова поста.

Пигàнко, с. м. Пѣгая лошадь.

Пѝстунья, с. ж. т. ч. Пѣстунья.

Пишнà, с. ж. Ломъ желѣзный.

Повòдный, пр. О лошадяхъ: послушный, смирный, слушающійся повода.

Подзàстрѣшный, пр. 1) Скатывающійся со стрѣхи, съ кровли. Подзастрѣшную воду неси для стирки! 2) Находящійся подъ зàстрѣхою. Подзàстрѣшная кадка.

Подзатерёбьё, с. ср. Мѣсто, менѣе чѣмъ тереба̀, покрытое мшистыми бугорками.

Подлипàло, с. м. Льстецъ.

Пòдрубъ, с. м. Мѣсто подъ рубомъ, гдѣ останавливаются сиги для того, чтобъ, поотдохнувъ здѣсь, переплыть чрезъ рубъ. Этимъ обстоятельстомъ пользуются рыбаки и сачатъ сиговъ въ подрубѣ (въ волх. арх. порогахъ).

Подсѝньё, т. ч. Подсѣнникъ.

Пòжня, с. ж.—онка.—Лужайка въ лѣсу; поле, пущенное подъ сѣнокосъ. «Ни на гладкіихъ на пожонкахъ, ни на продòльніихъ полосынькахъ не услышите моего звонка голоса соловьинаго». Свад. причатанья.

Позàриться, гл. возвр. с. в. отъ зàриться. Позавидовать, пожелать имѣть что-нибудь чужое. «И на мой-то сарафанъ ты позарилась».

Пòиздъ княженѐцкій. Свадебный поѣздъ.

Поклàдный, пр. Послушный.

Полудѐнникъ, с. м. Южный вѣтръ.

Помàхнуть, гл. ср. Быть похожимъ на кого. «Охти-мнѝчушки, какъ моя кузавейка помàхнетъ на твою!»

По-нàсередки нар. На зло, съ досады, по злобѣ.

По-прѝмитямъ, нар. По-замѣчанію, какъ можно замѣтить. По примитямъ—будетъ дождь.

Порученѝца, с. ж. Невѣста отъ достойна до свадьбы.

Пòручи, ей с. ж. Нарукавники, запястья, дѣлаемыя изъ матеріи (женская одежда, выходящая уже изъ употребленія).

Порядòвный, пр. Порядy живущій, занимающій въ ряду другихъ опредѣленное мѣсто, эпитетъ сосѣда въ нар. пѣсняхъ Лад. уѣзда. «Благословите, люди добрые да вси сусиди порядовные».

Посòминка, с. ж. уменьш. «Кровелька. Вѣтры буйные, холодные! Вы снесите... со хорòминки посòминку! Лад. причит.

Потерàй-красỳ. Эпитетъ сватьи.

Потягòта, с. ж. Состояніе вытягивающагося, желаніе потянуться. «Эка лѣнь-потягòта напала на насъ»!

Похвальбà, с. ж. Хвастовство, дѣйствіе хвастающагося.

Правѝло, с. ср. Весло съ болѣе широкою лопастью, чѣмъ гребныя весла, имѣющее мулѝчку и служащее на маленькихъ лодкахъ вмѣсто руля, а на челнѣ правило замѣняетъ собою и гребныя весла и руль.

Празумйнтъ, с. м. «Хлйба, сйна нйту, въ Ладогу къ обйду (т. е. поспѣваемъ)—јѣсть штй съ празуминтамъ». Этими словами на Ладожскомъ каналѣ бурлаки разныхъ мѣстностей характеризуютъ шуточно гѡворъ Ладожанъ, дѣйствительно замѣчательный сохраненіемъ древненовгородскаго *и=ѣ*. Празуминтомъ, т. е. позументомъ здѣсь шуточно называется жиръ или сало, которое плаваетъ на поверхности щей.

Претйть (сов. попретйть) гл. ср. Чувствовать приторность, тошноту, позывъ къ рвотѣ. «Кушай въ аппетитъ, пока не попретитъ», т. е. не появится тошнота, совершенное отвращеніе къ пищѣ.

Призайвинѣть, гл. ср. Потемнѣть, потускнуть, слегка заржавѣть. «Ужъ какъ золото пропало... призаивинило». Изъ пѣсни, которую поютъ, когда хорѡнятъ золото.

Примѡрило, гл. безл. Клонитъ ко сну, дремлется.

Прйперетокъ, с. м. Особое отдѣленіе при банѣ, въ которомъ раздѣваются и одѣваются.

Прирѡда, с. ж. т. ч. Прйродь.

Притѹлище, с. ср. т. ч. Притѹлье.

Прйчеть, с. ж. т. ч. Причитѡнье. «Молча прйччети не высказать». Изъ свад. причит.

Причитѡнье, с. ср. 1) Дѣйствіе причитающей (на заплачкѣ, могилѣ). 2) Особый видъ народной лирической поэзіи.

Причитѡть, гл. ср. Плакать голосомъ или нѡголосъ, плачевными мотивами разсказывать чувства, волнующія душу.

Прогѡлина, с. ж. Глубокая трещина, ниша. «Въ Рюриковой крѣпости есть прогѡлины».

Прозаклѡдать, гл. д. Отдать кому что вслѣдствіе договора, рукобитья. «Ужъ какъ пропили да прозаклѡдали мою буйную головушку». Лад. свад. причит.

Прѡлуба, с. ж. Прорубь во льду. «Шуба новѡ, на подѡли дыра, и видно вода»—на льду, покрытомъ бѣлымъ снѣгомъ—прорубь (Загадка).

Прѡрва, с. ж. Обжора (Бранное слово).

Прорѹха, с. ж. Дѣвица, потерявшая невинность.

Простофйля, с. м. Дураковатый, простоватый человѣкъ.

Р.

Радйнье, с. ср.—ьицо. Доброе расположеніе, благожеланіе.

Рѡйна, с. ж. Колъ, служащій къ распоряженію боковаго паруса. Онъ идетъ діагонально въ отношеніи къ четвероугольнику паруса, прикрѣпляясь нижнимъ концомъ къ мачтѣ.

Рамадѡ, с. ж. Пасмурная, туманная погода съ мелкимъ дождемъ. «На улицы(ѣ) рамада, рамада; Жена мужа продала, продала». Лад. нар. пѣсня.

Ребинники, с. м. Шуточное названіе бурлаковъ, которые тянутъ караванныя барки по Ладожск. каналу.

Ржавй, мн. ч. ср. р. Хлѣбѡ, различные сорты колосовыхъ растеній на корню.

Рйжаникъ, с. ср. Духъ, хранящій ригу.

Рйпка и Парамѡшка.—По темнымъ мѣстнымъ преданіямъ, два разбойника—колдуна, которые когда-то производили грабежъ около Ладоги, и для лучшихъ успѣховъ въ постыдномъ ремеслѣ своемъ, употребляли въ дѣло чародѣйственную силу.

Ричѡе, нар. ср. мн. Глубже, далѣе отъ берега, ближе къ срединѣ рѣки, канала.

Розбезсчѡстный, пр. Весьма несчастный. «Розбезсчастна сиротинушка».

Розногѹбый, пр. Проливающій мимо губъ во время питья.

Рѡзсыпь, с. ж. Украшенія на краяхъ матерчатыхъ вещей. «Полотенце съ розсыпью».

Розщйпица, с. ж. Лучина, одинъ конецъ которой расщепленъ на двѣ части. Дѣти пользуются розщипицею какъ пращею, вкладывая въ разщепъ камышекъ и потомъ сильно выбрасывая его посредствомъ взмаха розщипицы.

Рѡпоть, с. м. Бесѣда не вслухъ, тихій разговоръ.

Росѡда, с. ж. Молодая, еще не начинавшая завиваться въ кочны, капуста.

Рѹбша 1) Струя воды въ рѣкѣ или въ озерѣ, текущая быстрѣе прочихъ струй. 2) Пѣна отъ Волховскихъ пороговъ.

Рѹбъ, с. м. Всякій отдѣльный порогъ на р. Волховѣ (въ Архангел. порогахъ).

Рудонòсный, пр. Эпитетъ земли въ мѣстн. нар. поэзіи. «Вы завійте, витры буйные со полуденной сторонушки, разнесите-ко со могилушки жолты́ писки, всю земельку рудоносную».

С.

Самъ-трè. Шуточное названіе русскаго листового табаку, извѣстнаго подъ именемъ махорки.

Свинйнникъ, с. м. Круглый ржаной или пшеничный пирогъ, начиненный свининою и гречневой кашей.

Свѣтокъ, с. м. Замаскированный. «Охти-мнчушки, свѣтки идутъ».

Сèвечоръ, нар. Сегодня вечеромъ.

Сèзимы, нар. Въ эту зиму.

Середòвикъ, с. м.—вка, с. ж. Такое названіе дается различнымъ предметамъ домашняго хозяйства, среднимъ между другими по величинѣ. «Горшокъ середòвикъ. Латка середòвка».

Сиголòвъ, с. м. Время, въ которое сиги лучше ловятся и бываютъ обыкновенно крупнѣе, чѣмъ во всякое другое время.

Сиголòвный, пр. Относящійся къ сиголову.

Сигострѣлъ, с. м. Шуточное прозвище Ладожанъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ занимается ловлею» сиговъ или прасольствомъ, т. е. перекупкою у рыбаковъ и доставкою сиговъ въ свѣжемъ или соленомъ видѣ въ Петербургѣ.

Сикотàва, с. ж. т. ч. Сектỳнъ и сектỳнья.

Сикотàть, сл. ср. т. ч. Сектать.

Синтиньтюръ, с. м. Турецкій атласъ. Satin turc.

Скàтный, пр. О жемчугѣ: богатый, великолѣпный, крупный.

Склезнỳть, гл. ср. Ускользнуть, соскользнуть.

Склеснỳть, гл. ср. Схлестнуть. «Самъ полковничекъ онъ рукамъ склеснулъ». Изъ лад. нар. пѣсни.

Склйзкій, пр. (склизко нар.) Скользкій.

Скобà, с. ж. 1) Тяга, ручка у дверей, 2) скупой, жадный до денегъ человѣкъ. «Эка ты скоба; копѣйки не прокинешь даромъ».

Скòльки—тòльки. Сколько—столько.

Скреботèнь, с. ж. Скребня, дѣйствіе скребущаго(ся).

Слйпень, с. м. Слѣпень.

Солоноворòтъ, с. ж. Поворотъ солнца съ зимы на лѣто. «Спиридоновъ солоноворотъ»—день, въ который празднуется память Св. Спиридону Тримиѳунтскому (12-го Декабря).

Сòрока, с. ж. Игра въ прятки. «Сòрока, сòрока! Нѣту никого!»—кричатъ дѣти наводящему, когда спрячутся. Отсюда и названіе самой игры.

Сполàдить, гл. д. сов. Сдѣлать, сработать. «Какъ не умны были плотники...., высоки крыльцы споладили». Лад. нар. причит.

Стопà,—очка, с. ж. Пивная кружка, стаканъ.

Сударушка, с. ж. Любовница.

Сумòра, с. ж. 1) Большая глыба льду, образующаяся при напорѣ одной массы льда на другую. 2) Человѣкъ, мѣшающій дѣлать что-нибудь, тотъ, кто толчется въ ногахъ.

Сутóрить, гл. ср. Мѣшать дѣлу, толкаться въ ногахъ, тереться межъ другими.

Считàться (сов. посчитàться) гл. возвр. Ссориться, браниться.

Съѝздъ, с. ж. Взъѣздъ или спускъ при крестьянскихъ сѣнникахъ.

Сѣмàнки, с. ж. мн. Огородная овощь, пущенная въ стволъ для сѣмени. Свекольныя, капустныя сѣмянки.

Сѣннỳха и Синнỳха, с. ж. Барка, нагруженная сѣномъ.

Т.

Тàйбола, с. ж. Невѣжда.

Талàнить, гл. ср. (сов. заталàнить). 1) Поварачивать лопасть весла такъ, чтобъ лодка уклонилась въ сторону отъ даннаго ей греблею направленія. 2) Т. ч. Рулѝть.

Талодỳшный т. ч. Талоутрòбный.

Тепловòе, пр. уп. вм. сущ. 1) Ночлегъ на станціи. 2) Плата за ночлегъ.

Тереба̀, с. м. мм. ч. Мѣсто, покрытое мшистыми кочками, на которыхъ по мѣстамъ пробивается кустарникъ; опушка лѣса.

Терплѐньё, с. ср. Терпѣніе.

Тòнь-бы, союзъ. Чтобы-не. «Тонь бы теби праведно владить» говорятъ присвоившимъ чужое.

Топну̀шка, с. ж. Глиняный сосудъ съ носочкомъ, въ которомъ держатъ масло.

Топучѝна, с. ж. Топкое, вязкое мѣсто.

Тòрнуть гл. ср. О рыбной ловлѣ пòи(ѣ)здомъ (сѣть): Дернуть, клюнуть.

Треложить гл. д. (сов. по-рос-с-трелòжить). Тревожить.

Трòски, с. ж. Выжимки изъ кисельнаго раствора.

Трупѐрда, с. ж. 1) Женщина неповоротливая, 2) корова непослушная.

Ту̀тзди, нар. Кой-гдѣ, весьма мало. «Въ маленькомъ лѣску нонечь ту̀тзди ягодина».

Ту̀тошній, пр. Здѣшній.

Тѣ̀и мѣст. ук. мн. ч. Тѣ. «Ужъ я тѣи брала камышки»... Лад. нар. пѣсня.

У.

Убра̀ться, гл. ср. Умереть.

Удоробьё, с. ср. Дуракъ, безтолковый, вялый, безжизненный.

Уздипать, гл. д. Пачкать, мазать, грязнить. «Погляди-ко, какъ ты зауздипалъ рукава-то». «Уздипать ложкою—знач». Нечинно, нескромно хлебать поданное къ столу, чаще другихъ черпать ложкою кушанье изъ общей чаши.

Уклю̀чина, с. ж. Рогатка, въ которую вставляется гребное весло.

Умница, с. ж. Дѣвица.

Упоки, с. мн. Сапоги.

Усоба̀ливать, гл. ср. Говорить грубости, дерзости.

Х.

Хвощòвникъ, с. м Вязкое мѣсто въ лѣсу.

Хлѣ̀бцы, с. м. мн. Цвѣты клевера.

Хорòмина, с. ж. Строеніе, зданіе вообще.

Хорòмы, с. ж. 1) Большая изба, большое зданіе. 2) Употр. и въ значеніи строенія вообще.

Ц.

Ца̀цы—Украшенія на полотенцахъ и простыняхъ, а также и на женскихъ рубахахъ, въ видѣ вышитыхъ пѣтуховъ и деревъ.

Ч.

Частеха̀ненькій,—хòненькій, пр. Весьма частый.

Частёхонько нар. Весьма часто.

Черба̀къ. Цѣлова̀льникъ, прикащикъ въ питейномъ домѣ. Въ пѣснѣ: «Во Шахновѣ кабаки—тамъ молòды чербакѝ».

Черемнѝца, т. ч. Черемну̀шки.

Чесова̀ться, гл. ср. Быть въ тревожномъ ожиданіи.

Чѝчеръ. с. м. Тасканье за волосы за неприличныя выходки въ компаніи. «Чичерь-ячеръ! Собирайтесь на̀ вечеръ; кто не будетъ на пиру, тому волосы дерутъ». «Кокъ или вилы въ бокъ?»—Кокъ (бьютъ кулакомъ по затылку или головѣ).—Вѝлы въ бокъ (бьютъ кулакомъ пò-боку). «Кочана или пирога̀?» Кочана.—Снова почала̀: Чичеръ» и пр. «Пирога.—Мука дорога: Чичеръ и пр. «Смерти или живота?—Смерти» (Вся компанія наваливается на провинившагося и мнетъ его).—Живота (всякій—по кулаку въ спину). Тасканье продолжается до 3-хъ разъ.

Чугу̀нка, с. ж. Желѣзная дорога.

Ш.

Шѝшелъ. «Яблочко катѝлось кругъ угорòда, кто его поднялъ тотъ воевòдъ, воеводскій сынъ. Шишелъ-вышелъ, вонъ пошелъ». Приговоръ этотъ употребляется дѣтьми при различныхъ играхъ, для опредѣленія того, кому наводить.

1865 года. *Николай Кедровъ.*

Нѣкоторыя лѣкарственныя растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ.

(Матеріалъ для исторіи народной медицины Курской губ.).

Въ деревнѣ, въ глуши, нашему простому народу, не имѣя подъ рукою ни врача ни даже фельдшера, зачастую приходится лѣчиться домашними средствами, извѣстными у насъ подъ названіемъ лѣкарствъ народной медицины.

Въ 1894 году, по обязанностямъ службы, мнѣ пришлось побывать въ лѣсахъ многихъ уѣздовъ Курской губерніи, а потому, воспользовавшись этимъ, я, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался собрать свѣдѣнія о лѣкарственныхъ растеніяхъ, употребляемыхъ простымъ народомъ.

Руководствуясь, извѣстнымъ изрѣченіемъ, что natura sanat, medicus curat morbos, я полагаю, неизлишнимъ будетъ для исторіи медицины Курской губерніи и тотъ небольшой списокъ лѣкарственныхъ растеній, который мнѣ удалось собрать. Мой списокъ не претендуетъ на полноту, такъ какъ я записывалъ только то, что представилось возможнымъ для меня въ самое короткое время и среди исполненія весьма срочныхъ обязанностей службы. Я очень радъ буду, если мой слабый опытъ вызоветъ продолженіе собиранія подобнаго матеріала.

Списокъ лѣкарственныхъ растеній.

1. Бѣлоголовецъ, деревей,—тысячелистникъ. Achillea Millefolium. L. Растетъ по окраинамъ лѣсовъ, на лугахъ, поляхъ, при дорогахъ, на твердой почвѣ; цвѣтетъ съ конца мая по августъ. Настой тысячелистника дѣлаютъ на водкѣ и даютъ по рюмкѣ при страданіяхъ желудка раза три—четыре въ день.

2. Неежа, вередовецъ, василистникъ желтый. Thalictrum flavum. L. Растетъ на сырыхъ лугахъ. между лозою, по краямъ болотъ, въ кустарникахъ. Цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Корни неежи, настоенные на водѣ (на бутылку отвара воды шесть золотниковъ корня), даютъ при отсутствіи мѣсячныхъ очищеній; употребляютъ три раза въ день по большой рюмкѣ.

3. Горицвѣтъ, весенній адонисъ. Adonis vernalis. L. Растетъ на открытыхъ, невоздѣланныхъ мѣстахъ, преимущественно, съ известковымъ грунтомъ, цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ, какъ мочегонное средство при водяной болѣзни. Также въ небольшихъ дозахъ, по двадцати капель настоя на водкѣ даютъ при лихорадочной болѣзни.

4. Крейдовникъ, полевой чеснокъ, сѣдникъ, паклунъ. Teucrium polium. L. Растетъ на возвышенныхъ мѣловыхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Издаетъ запахъ чеснока. Употребляютъ какъ противо-скорбутное средство, для чего жуютъ корни растенія; а равно отъ глистовъ поятъ дѣтей отваромъ.

5. Глухая крапива, пустырникъ обыкновенный. Leonorus cardiaca. L. Рас-

ное растеніе; попадается на всякой почвѣ. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отваръ листьевъ употребляютъ отъ лихорадки; а равно изо всего растенія дѣлаютъ ванны для страдающихъ женскими болѣзнями.

6. Мохнатка, воловикъ. Anchusa ochroleuca. L. Растетъ на глинистыхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ настой листьевъ на водкѣ отъ желудочныхъ страданій.

7. Собачья рожа полевая. Zavatera thuringiaca. L. Растетъ на невоздѣланныхъ сухихъ мѣстахъ и между кустарниками. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Цвѣты растеній употребляютъ при остромъ отекѣ гортани.

8. Колючки, синецъ, синякъ. Echium vulgare. L. Придорожное растеніе; любитъ сухую и песчаную почву. Цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Цвѣты употребляютъ въ видѣ настоя при желудочныхъ страданіяхъ.

9. Пѣвникъ, веснянка, черное зелье, зозулины, черевички, лѣсной черный горошекъ. Orobus niger. L. Растетъ въ рощахъ и лѣсахъ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. При женскихъ болѣзняхъ приготовляютъ ванны, а также поятъ отваромъ. Для отвара берутъ десять золотниковъ сухой травы, а для одной ванны—отъ двухъ до трехъ фунтовъ той же травы.

10. Липчица, пирошница, подмаренникъ, геморойная трава. Galium aparine. L. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ, подъ плетнями; цвѣтетъ въ іюнѣ. Траву настаиваютъ на водкѣ и пьютъ отъ кроваваго поноса и гемороя, а равно употребляютъ, какъ полосканье при болѣзняхъ горла.

11. Бобовникъ, вахта, водяной трилистникъ. Menyanthus trifoliata. L. Растетъ на болотистыхъ мѣстахъ, вблизи рѣкъ и озеръ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ сокъ изъ свѣжихъ листьевъ при кашлѣ, удушьи, лихорадкѣ и глистахъ.

12. Котовикъ, котянка, кошачья мята. Nepeta Cataria. L. Растетъ около заборовъ, въ сорныхъ мѣстахъ, вблизи жилищъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Даютъ отваръ кошачьей мяты внутрь и приготовляютъ ванны при задержаніи менструаціи и дѣвичьей немочи.

13. Писклюква, паслепъ. Solanum nigrum. L. Растетъ на бакчахъ, огородахъ и вообще обработанныхъ поляхъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ при ревматическихъ боляхъ, обкладывая страдающія мѣста свѣжими листьями.

14. Чемерникъ, чемерка, бѣлая луговая чемерица. Veratrum album. L. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ, преимущественно, лугахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отвары употребляютъ для истребленія паразитовъ.

15. Раковыя шейки, змѣевикъ. Poligonia Bistoria. L. Встрѣчается на лугахъ и вообще на мѣстахъ, изобилующихъ влагой; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Корни змѣевика употребляются какъ вяжущее средство. На бутылку отвара берутъ пять золотниковъ сухаго корня.

16) Деревянка, завязка, завязникъ, узикъ стоячій. Tormentilla erecta. L. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ лѣсовъ; цвѣтетъ въ августѣ. Корень узика даютъ внутрь отъ желудочныхъ страданій.

17. Любка, болотный пѣтушокъ, ятрышникъ. Orchis militaris. L. Растетъ на болотистыхъ мѣстахъ; цвѣтегъ въ маѣ и іюнѣ. Корень употребляютъ, какъ возбуждающее средство.

18. Лепиха, иръ, аиръ. Acorus Calamus. L. Растетъ на болотистыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Купаютъ въ ваннѣ дѣтей, одержимыхъ сухоткою; а равно присыпаютъ застарѣлыя язвы порошкомъ.

19. Сердечникъ, сердушникъ, золотысячникъ, краснянка. Erythraceа Centaurium Pers.. Растетъ на сухихъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ отваръ: на бутылку воды пять золотниковъ сухаго растенія при дѣвичьей немочи, лихорадкѣ и кашлѣ.

20, Рябинка, пижмо, пижма. Tanacetum vulgare. L. Растетъ на сухомъ мѣстѣ, при дорогахъ, на степяхъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Настой цвѣтовъ и листьевъ даютъ внутрь при неправильномъ мѣсячномъ очищеніи.

21. Папороть, кочетыжникъ, папортникъ. Aspidium Filix mas. L. Растетъ

въ лѣсахъ; цвѣтетъ въ концѣ іюня и началѣ іюля. Изъ листьевъ и корней для золотушныхъ приготовляютъ ванны.

22) Вовчуга, козликъ вонючій, вовчугъ. Ononis hircina. Jacq. Растетъ на твердыхъ глинистыхъ мѣстахъ, на отвердѣлыхъ пескахъ и при дорогахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Отваръ употребляютъ, какъ мочегонное внутрь и дѣлаютъ припарки къ животу.

23. Дрикъ, дрокъ, красильный дрокъ. Genista tinctoria: 1) vulgaris и 2) angustifolis. L. Растетъ на окрайнахъ лѣсовъ, на пастбищахъ, степяхъ и сухихъ лугахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Употребляютъ отъ водобоязни. Приготовляютъ лѣкарство такъ: берутъ 15 золотниковъ сухаго растенія, собраннаго во время цвѣтенія, на двѣ бутылки воды и дѣлаютъ отваръ, который даютъ больному три раза въ день по одному стакану.

24. Черная смородина. Ribes nigrum. L. Растетъ въ садахъ; цвѣтетъ въ августѣ и маѣ. Въ листьяхъ черной смородины купаютъ золотушныхъ дѣтей.

25. Жабникъ, шильникъ. Alisma Plantago. L. Растетъ въ стоячихъ водахъ и на болотахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляется, какъ мочегонное средство. Даютъ въ кореньяхъ на пріемъ около одного золотника.

26. Стародубъ, бутель, бѣлый корень. Zaserpitium latifolium. L. Растетъ на сухихъ мѣстахъ между кустарниками; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ настой корня, какъ противолихорадочное средство. Лѣкарство приготовляютъ такимъ способомъ: на полштофъ крѣпкой водки берутъ 8 золотниковъ корня и дѣлаютъ настой. Больному даютъ по половинѣ рюмки четыре раза въ день, преимущественно передъ пароксизмомъ.

27. Кудрявый щавель, конскій щавель, луговой щавель. Rumex crispus. L. Растетъ на лугахъ въ лѣсахъ и обработанныхъ поляхъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Свѣжій корень, мелко истертый, прикладываютъ къ язвамъ отъ укушенія змѣй. Также дѣлаютъ изъ сухаго корня мазь отъ накожныхъ сыпей.

28. Марьянка, лихорадочный корень, мауъ. Valeriana officinalis L. Растетъ въ кустарникахъ въ сырыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Настой корня на водѣ употребляютъ при застарѣлыхъ язвахъ.

29.材 Материнка, душица. Origamum vulgare L. Растетъ въ рощахъ, между кустарниковъ, на необработанныхъ открытыхъ поляхъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ; дѣлаютъ ванны отъ истощенія силъ и при ревматизмѣ; настой на крѣпкой водкѣ прикладываютъ къ больнымъ зубамъ.

30. Починочки, таволга, талабанъ. Spiraea Filipendula. L. Растетъ на лугахъ и между кустарниками; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ; настойку на водкѣ (на бутылку крѣпкой водки 8 золотниковъ сухаго корня) даютъ отъ изнурительнаго поноса по полрюмкѣ два раза въ день.

31. Болотная бузина, борошень, лабазникъ. Spiraea Ulmarica. L. Растетъ на сырыхъ лугахъ, у береговъ рѣкъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Отваръ корней употребляютъ отъ водобоязни.

32. Проскурка, проскурнякъ просвирнякъ. Althaea officinalis. L. Растетъ на сырыхъ лугахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отваръ корня употребляютъ, какъ полосканье горла, при простудѣ его.

33. Укрипъ, кропило, газахъ, водяной укропъ. Oenanthe Phellandrium. Zam. (Phellandrium aquaticum. L.). Растетъ въ мелкихъ водахъ и на болотистыхъ низменныхъ мѣстахъ, вблизи источниковъ и ручьевъ. Настой сѣмянъ укропа употребляютъ отъ кашля по 15 капель три раза въ день.

34. Липа. Talia parvifolia Ehrh. Растетъ въ лѣсахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ. Употребляютъ, какъ потогонное средство.

35. Черемха, черемуха. Prunus Padus. L. Растетъ въ лѣсахъ; цвѣтетъ въ маѣ. Настой цвѣтовъ на водѣ употребляютъ отъ кашля.

36. Ивильга, птичій клей, омела. Viscum album. L. Паразитъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Приготовляютъ ванны изъ омелы, находящейся на дубѣ и ракитѣ, отъ истощенія тѣла и грыжи.

37. Ангелова трава, ангеликъ, веретень, дудочникъ, путча, дягиль. Archangelica officinalis. Hoffm. Растетъ въ сырыхъ мѣстахъ лѣсовъ и луговъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Корни, которые собираютъ весною, употребляютъ въ отварѣ, какъ потогонное и отъ желудочныхъ страданій. Берутъ на бутылку кипятку 4 золотника корня.

38. Молочай, молочникъ, осотъ. Sonchus oleraceus. L. Растетъ на огородахъ, открытыхъ мѣстахъ, пастбищахъ, цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Сокъ молочника употребляютъ, какъ усыпляющее средство.

36. Иванъ-да Марья, Анютины глазки, фіалка. Viola tricolor. L. Растетъ на лугахъ и между кустарниками: цвѣтетъ въ маѣ. Отваромъ лѣчатъ отъ золотухи. Употребляется отваръ фіалки внутрь и наружу.

40) Змѣевникъ, филійникъ, филойникъ. Arisfolochia Clematitis. L. Растетъ, преимущественно, на глинистой, твердой почвѣ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Свѣжіе листья употребляютъ, какъ средство, способствующее ускоренію нагноенія.

41. Оманъ, девесилъ. Inula Helenium. L. Растетъ на сырыхъ луговыхъ мѣстахъ среди кустарниковъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Корень употребляютъ, какъ наружное средство отъ ломоты и накожныхъ сыпей въ видѣ мази.

42. Бедренецъ. Pimpinela Saxifraga. L. Растетъ на необработанныхъ поляхъ, сухихъ полянахъ и между кустарниками; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляется въ видѣ настоя (4 золот. сухихъ корней и листьевъ на 1 фунтъ настоя) при накожныхъ сыпяхъ.

43. Калина. Viburnum Opulus. L. Растетъ въ лѣсахъ, садахъ и огородахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Въ свѣжихъ листьяхъ купаютъ золотушныхъ дѣтей, а сушеныя ягоды употребляютъ, какъ потогонное средство.

44. Дыманъ, буквица. Betonica officinalis. L. Растетъ въ рощахъ между кустарниками и на лугахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ листья, какъ потогонное средство, а корень даютъ больнымъ водобоязнью.

45. Колечки, гусиныя лапки, гусиная трава, гусятница. Patentilla Anserina. L. Растетъ по сырымъ лугамъ и берегамъ рѣкъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Употребляютъ отваръ отъ коклюша и какъ противу золотушное средство.

56. Яснотка, бѣлая глухая крапива, сосулька. Laminum album L. Растетъ по опушкамъ лѣса, на глинистыхъ мѣстахъ и сухихъ лугахъ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ въ ваннахъ отъ дѣвичьей немочи, золотухи и женскихъ болѣзней.

47. Хрѣнъ. Cochlearia Armoracia. L. Разводится въ огородахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Свѣжіе корни держатъ въ кадкахъ съ водой съ цѣлью уничтоженія гнилого запаха воды. Какъ лѣкарство употребляютъ вмѣсто горчичниковъ и даютъ внутрь хрѣнъ, настоянный на пивѣ; по три стакана въ день въ горячечныхъ страданіяхъ.

48. Побережникъ, ручейная вероника. Veronica Baccabunda. L. Растетъ по краямъ ручьевъ и на мѣстахъ, покрытыхъ водою; цвѣтетъ съ мая по августъ. Употребляется теплый настой вероники при лѣченіи удушья, чахотки, кровавой мочи и кроваваго поноса.

49. Пирій, пырей обыкновенный. Triticum. repens. L. Растетъ на пахатныхъ поляхъ и въ особенности на супесчаной почвѣ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Корни пырея употребляютъ въ видѣ настоя при мочеполовыхъ болѣзняхъ и накожныхъ сыпяхъ.

50) Полынь. Artemisia Absinthium. L. Растетъ на пустопорожнихъ мѣстахъ въ поляхъ, лѣсахъ, на лугахъ, между кустарниками; цвѣтетъ съ іюля по августъ. Употребляется крѣпкій настой большей частью на водкѣ отъ лихорадки, принимая по три рюмки въ день. Свѣжіе листья также кладутъ въ постель для устраненія блохъ.

51. Шандеръ, шандра. Marrubium vulgare. L. Растетъ на сорныхъ мѣстахъ, вблизи жилищъ, при дорогахъ, на песковатыхъ поляхъ. Употребляютъ въ ваннахъ; два фунта сухаго растенія на ванну; а равно даютъ настой на водкѣ внутрь—при судорогахъ.

52. Кудрявецъ, елочка, червячникъ, пидгайникъ, чулявникъ

сухоребрикъ. Sisymbrium Sophia. Растетъ на поляхъ, при дорогахъ, около жилищъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Употребляется при лѣченіи секретныхъ болѣзней. Кромѣ того выжатый сокъ изъ растенія считаютъ средствомъ уничтоженія червей въ ранахъ домашняго скота.

53. Чернобыль, черноболь, чернобыльникъ. Artemisia vulgaris. L. Растетъ повсемѣстно; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Употребляютъ очищенную траву для ваннъ при лѣченіи женскихъ болѣзней.

54. Гвоздичный корень, гребешокъ, гравилатъ. Geum urbanum. L. Растетъ на сырыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ, среди кустарниковъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ настой на водкѣ отъ желудочныхъ страданій.

55. Медунчикъ, шемелина, медуница, рястъ, щемялиха, медовичекъ, шемелина. Pulmonaria officinalis. L. Растетъ повсемѣстно въ тѣнистыхъ рощахъ и кустарникахъ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ. Отваръ даютъ внутрь золотушнымъ дѣтямъ.

56. Вербочка, вербинка, желѣзнякъ. Verbena officinalis. L. Растетъ на сырыхъ мѣстахъ, около жилищъ, при дорогахъ; цвѣтетъ съ іюня по августъ. Выжатый сокъ изъ растенія даютъ при лѣченіи лихорадокъ, употребляя по три рюмки въ день, передъ пароксизмомъ.

57. Гыжникъ, остудникъ. Herniaria glabra Tournef. L. Растетъ на сухихъ выгонахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ. Употребляютъ корни и растеніе при лѣченіи грыжи, давая внутрь отваръ.

58. Чистецъ, очистокъ, молодило. Sedum acre L. Растетъ на песчаныхъ поляхъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Употребляютъ настой при лѣченіи лихорадки. Сухимъ растеніемъ подкуриваютъ при лѣченіи той же болѣзни.

59. Крапива. Vrtica divica. L. Растетъ повсемѣстно; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Сѣмена употребляютъ въ порошкѣ, какъ мочегонное, давая по полузолотнику два раза въ день.

60. Подорышникъ, подлѣсникъ, подорѣшникъ, копытень. Asarum europaeum. L. Растетъ въ рощахъ подъ кустарниками, преимущественно подъ лѣщиною; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ корень въ настоѣ, какъ слабительное и мочегонное; свѣжими же листьями, настоенными на водкѣ, лѣчатъ прыщи и сыпь на лицѣ. Настой на водѣ употребляютъ отъ коклюша, по три чашки въ день, теплый.

61. Дывина, дзиндзиверъ, коровьякъ, медвѣжье ухо. Verbascum Thapsus. L. Растетъ на необработанной почвѣ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ цвѣты коровьяка при лѣченіи кашля, простуды и удушья.

62. Чебрецъ, тимьянъ, богородская травка. Thymus Serpyllum. L. Растетъ на открытыхъ лѣсныхъ мѣстахъ, на поляхъ, на окраинахъ лѣсовъ; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Употребляютъ настой внутрь и приготовляютъ ванны при простудѣ, изнуреніи и вообще слабомъ сложеніи паціента.

63. Кульбаба, подорожникъ, желтый цикорій, одуванчикъ. Taraxacum officinale. Wiggers. Растетъ повсемѣстно на сухой почвѣ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Свѣже-истолченымъ растеніемъ обкладываютъ мѣсто, укушенное змѣею, также настой даютъ внутрь при лѣченіи желтухи и водянки.

64. Береза. Betula alba. L. Растетъ повсемѣстно; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. При ревматизмѣ свѣжими горячими листьями обкладываютъ больныя мѣста; водочный настой почекъ прикладываютъ къ ранамъ, а равно даютъ внутрь при коликахъ и судорогахъ желудка.

65. Заячій горошекъ, астрагалъ широко-листный. Astragalus glycyphyllos L. Растетъ повсемѣстно въ рощахъ и между кустарниками; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Употребляютъ отваръ при лѣченіи золотухи, сифилиса и накожныхъ сыпей, принимая внутрь по три рюмки въ день.

66. Подбѣлъ, мать мачиха, бѣлокопытникъ. Tussilago Farfara. L. Растетъ на глинистыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ мартѣ. Отваръ сухаго растенія даютъ при коклюшѣ, кашлѣ и боли груди.

67. Акулька. Scutellaria hastaefolia L. Болотное растеніе. Употребляютъ отваръ для ваннъ при ревматизмѣ.

68. Адамова голова, колючки. Eryngium campestre. L. Растетъ на безплодныхъ поляхъ, при дорогахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Настой даютъ роженицамъ при трудныхъ родахъ.

69. Бабка, латтате, товстунъ, кубышка, кувшинка. Nuphar luteum Smith. Растетъ въ стоячихъ и медленно текущихъ водахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ. Листья и цвѣты употребляютъ для ваннъ въ видѣ отвара при ломотѣ и ревматизмѣ. Также во время чумы на скотѣ и овцахъ порошкомъ корня кувшинки пересыпаютъ кормъ.

70. Батоги, расторопша. Chondrilla juncea. L. Растетъ на песчаныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отваромъ моютъ лицо отъ прыщей.

71. Березка, повійка, вьюнокъ, повилика. Convolvulus arvensis. L. Растетъ повсемѣстно между хлѣбами, по буграмъ и песчанымъ берегамъ рѣкъ. Употребляютъ при накожныхъ болѣзняхъ, лишаяхъ и чесоткѣ; даютъ три стакана отвара въ день. Горсти сухой травы достаточно для приготовленія одного фунта отвара.

72. Бехъ, веха, вехъ. Cicuta virosa. L. Растетъ повсемѣстно въ болотистыхъ и топкихъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Ядовитое растеніе. Сухую траву въ смѣси съ хлѣбомъ употребляютъ для отравы крысъ и мышей.

73. Вѣтренница, куриная слѣпота, бѣлый сонъ. Anemone sylvestris. Растетъ повсемѣстно между кустарниками, цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Изъ отвара вѣтренницы дѣлаютъ ножныя ванны при ревматическихъ боляхъ, употребляя на три ведра воды одинъ фунтъ растенія.

74. Бѣлый буркунъ, бѣлый донникъ. Melilotus alba. Lam. Растетъ по краямъ невоздѣланныхъ нивъ, на запущенныхъ поляхъ, толокахъ; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Изъ цвѣтовъ донника приготовляютъ съ какимъ либо жиромъ мазь, которою лѣчатся отъ ломоты, ревматизма.

75. Воловій языкъ, собачка, черно-корень. Cynoglossum officinale. L. Растетъ повсемѣстно при дорогахъ, на сорныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ съ мая по іюль. Корень растенія въ порошкѣ употребляютъ, какъ рвотное.

76. Стрѣлки, череда. Bidens tripartita. L. Растетъ въ болотистыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ. Отваръ сухого растенія даютъ внутрь по половинѣ стакана три раза въ день при лѣченіи золотухи. На фунтъ отвара берутъ отъ 5 до 7 золотниковъ растенія.

77. Живокостъ, оконникъ. Symphytum officinale. L. Растетъ на сырыхъ и мокрыхъ лугахъ и между луговыми зарослями. Употребляютъ внутрь при кровавомъ поносѣ, кровохарканьи и купаютъ худосочныхъ въ отварѣ.

78. Нетрогай, незамай, переступень. Bryonia alba. L. Растетъ подъ заборами, на огородахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Истолченный свѣжій корень прикладываютъ при опухоляхъ, члено-соединеній и отвердѣлыхъ железъ. Растеніе ядовитое и рѣдко употребляется внутрь.

79. Вонючка, клоповникъ, жируха. Lepidium ruderale. L. Растетъ повсемѣстно на твердыхъ глинистыхъ мѣстахъ, при дорогѣ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Во время лихорадки свѣжеистолченное растеніе прикладываютъ къ ногамъ и подъ мышки. Внутрь даютъ настой при водянкѣ, накожныхъ сыпяхъ и кашлѣ.

80. Золотушникъ, золотая розга, костовязъ, золотая вѣтка. Solidago Virgaurea. L. Растетъ повсемѣстно въ рощахъ между кустарниками; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отваръ употребляютъ отъ золотухи и водянки. На фунтъ отвара берутъ 4—5 золотниковъ сухого растенія.

81. Рябина. Sorbus aucuparia. Растетъ въ садахъ. Настой ягодъ на водкѣ и водѣ употребляють, какъ слабительное.

82. Сороконедужникъ, шора, подтынникъ, собачья голова, ранникъ, старовина, свинуха, наричникъ. Scrophularia aquatica. L. Растетъ у береговъ, гатей, водяныхъ мельницъ, на низменныхъ мокрыхъ и тѣнистыхъ мѣстахъ, цвѣтетъ съ іюня по августъ. Свѣжія листья наричника употребляютъ для излѣченія упорныхъ и застарѣлыхъ язвъ, перемѣняя нѣсколько разъ въ день листья.

83. Осока, красный пырей, врачебная осока. Carex hirta. L. Растетъ на

сырыхъ песчаныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Корни растенія употребляютъ для ваннъ при лѣченіи простудныхъ болѣзней: кашля и ревматизма.

84. Мыльница, мыльный корень. Saponaria officinalis. L. Растетъ на низменныхъ влажныхъ песчаныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ свѣжіе листья травы при накожныхъ сыпяхъ.

85. Вязовина, бузина. Sambucus Ebulus. L. Растетъ повсемѣстно по краямъ лѣсовъ, у заборовъ, огородовъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ цвѣты какъ потогонное, а равно изъ листьевъ и цвѣтовъ дѣлаютъ припарки при страданіяхъ желудка.

86. Баранчики, бѣлая буковица, божьи ручки, первоцвѣтъ. Primula officinalis. Zacq. Растетъ въ рощахъ повсемѣстно; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ какъ успокаивающее и потогонное средство, на бутылку воды берутъ цвѣтковъ пять золотниковъ.

87. Гулявникъ, водяной крессъ. Nasturtium officinale R. Brown. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ луговъ; цвѣтетъ съ мая по августъ. Употребляютъ отваръ и сокъ растенія, какъ вяжущее средство.

88. Чистякъ, гладушникъ, глечкопаръ, чистотѣлъ. Chelidonium majus. L. Употребляютъ чистотѣлъ при лихорадкѣ прикладываютъ свѣжее растеніе къ пяткамъ; порошокъ вдуваютъ при лѣченіи бѣльмъ въ глазъ; свѣжимъ сокомъ растенія изводятъ бородавки.

89. Петровы батоги, дикій синій цикорій. Cichorium Jntybus L. Растетъ на твердыхъ глинистыхъ мѣстахъ, около дорогъ, на степи, межахъ, по краямъ нивъ и между кустарниками; цвѣтетъ съ іюня по сентябрь. Сокъ, выжатый изъ свѣжихъ листьевъ растенія, употребляютъ въ желтухѣ, при дурномъ пищевареніи и цынгѣ. Въ тѣхъ же болѣзняхъ принимаютъ и отваръ корня. На бутылку отвара берутъ 10 золотниковъ корня.

90. Лопки, вонючка, дурманъ. Datura Stramonium. L. Растетъ на сорныхъ мѣстахъ, вблизи жилищъ; цвѣтетъ съ іюля по августъ. Ядовитое растеніе. Какъ наружное средство употребляютъ при ревматизмѣ.

91. Верба, ива бѣлая. Salix alba. L. Растетъ повсемѣстно; цвѣтетъ съ мая по іюнь. Изъ отвара ивовой коры дѣлаютъ ванны для страдающихъ ревматизмомъ, худосочіемъ и маточными болѣзнями.

92. Сокирки, живокость полевая. Delphinium Consolida. L. Растетъ по краямъ нивъ, сорнымъ мѣстамъ и между хлѣвами, цвѣтетъ съ іюня по іюль. Употребляютъ цвѣты въ видѣ отвара, для чего берутъ три стакана воды на 7 золотниковъ сухихъ цвѣтовъ при лѣченіи задержанной менструаціи.

93. Бероздрень, проскурина, брусылина, бруслина, берескледъ. Evonymus europaeus. L. Растетъ въ лѣсахъ, повсемѣстно; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Ягоды употребляютъ въ видѣ отвара при водянкѣ, мочеполовыхъ болѣзняхъ. На полубутылку воды берутъ три золотника ягодъ или свѣжихъ вѣтокъ растенія.

94. Тирличъ, синіе пѣтушки, соколій перелетъ, горячевка крестообразная. Gentiana cruciata. L. Растетъ на сухихъ лугахъ, необработанныхъ поляхъ и между кустарниками; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Высушенное растеніе и корень употребляютъ при лѣченіи водобоязни, для чего даютъ пить два раза въ день крѣпкаго отвара травы и корня.

95. Плющъ, расходникъ, будра. Glechoma hederacea. L. Растетъ въ рощахъ, садахъ, по краямъ луговъ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ настой для полосканья при болѣзняхъ горла.

96. Дымница, земляной дымъ, дымянка. Fumaria oficinalis. L. Растетъ около дорогъ, между хлѣбами и на воздѣланныхъ поляхъ; цвѣтетъ съ мая по августъ. Употребляютъ настой внутрь, какъ мочегонное средство.

97. Конскій трутъ, лихорадочная трава, благодать, авранъ аптечный. Gratiola officinalis. L. Растетъ по берегамъ и мокрымъ лугамъ; цвѣтетъ съ іюля по августъ. Употребляется, какъ мочегонное и слабительное внутрь; прикладываютъ къ ранамъ и застарѣлымъ язвамъ, какъ наружное средство.

98. Блекота, бѣлена. Hyosciamus nager. L. Растетъ повсемѣстно на сорныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. При ревматическихъ боляхъ листьями бѣлены обкладываютъ больныя мѣста; при желудочныхъ страданіяхъ дѣлаютъ припарки изъ свѣжихъ листьевъ бѣлены.

99. Звѣробой. Hypericum perforatum. L. Растетъ подъ кустарниками и на сухихъ мѣстахъ; цвѣтетъ съ іюля по августъ. Купаютъ больныхъ, одержимыхъ ломотою, ревматическими болями и накожными болѣзнями.

100. Лихорадочная нарывъ, лютикъ. Ranunculus sceleratus. L. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ съ іюня по сентябрь. Употребляютъ, какъ средство отъ водобоязни, для чего даютъ внутрь порошокъ лютика какъ животнымъ, такъ и людямъ: людямъ четыре раза въ день. Пріемъ сколько можно взять концомъ столоваго ножа.

101. Чернушка. Nigella satira. L. Огородное растеніе; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Настой на водѣ или водкѣ даютъ дѣтямъ отъ глистовъ.

102. Грушанка, березка, подкопытникъ. Pyrola rotundifolia. L. Растетъ въ сосновыхъ и лиственныхъ лѣсахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Берутъ это растеніе, высушенное съ корнемъ, завариваютъ, какъ чай и употребляютъ при лѣченіи каменной болѣзни и задержаніи мочи.

103. Морковь. Daucus Carota. L. Разводятъ въ огородахъ повсемѣстно; цвѣтетъ въ іюнѣ. При появленіи рака на тѣлѣ, въ особенности на губахъ прикладываютъ нѣсколько разъ въ день свѣжую, натертую мелко морковь такъ, чтобы ею была покрыта вся язва.

104. Дыня. Cucumis Melo. L. Растетъ на бакшахъ и огородахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ, между прочимъ, для истребленія насѣкомыхъ, намазывая переспѣлою дынею голову, а равно, гдѣ водятся клопы, всѣ мѣста и гнѣзда ихъ.

105. Полій, полевая мята. Mentha Pulegium. L. Растетъ на сырыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Чепчикъ, чебрецъ, чаберъ садовый. Satureia hortensis. Разводится въ огородахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ. Тополь. Pupulus pyramidalis. L. Разводится во многихъ мѣстахъ губерніи какъ украшеніе; цвѣтетъ въ апрѣлѣ. Употребляютъ смѣсь этихъ растеній отъ водобоязни, приготовляя лѣкарство слѣдующимъ способомъ: означенныя выше растенія сушатъ, растираютъ въ порошокъ и хранятъ въ плотно закупоренныхъ стклянкахъ и въ бутылкахъ. Приготовляютъ лѣкарство такъ: мяты и чабера берутъ по ¼ фунта, а листьевъ пирамидальнаго тополя 4 лота, смѣшиваютъ порошки и прибавляютъ къ нимъ свѣжаго прованскаго масла столько, чтобы смѣсь сдѣлалась влажною. Потомъ, взявъ на конецъ столоваго ножа смѣси три раза, смѣшиваютъ ее со стаканомъ пива и даютъ больному натощакъ пить, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли сряду. Собакамъ даютъ такой же пріемъ какъ человѣку, но только въ полустаканѣ молока. Послѣ пріема лѣкарства воздерживаются отъ пищи и питья.

106. Жимолость. Lonicera Xylosteum. L. Растетъ въ лѣсахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Отъ ужаленія пчелъ намазываютъ укушенныя мѣста сокомъ свѣжихъ листьевъ жимолости.

107. Бурякъ, свекла, свекловица. Beta vulgaris. L. Разводится для употребленія въ пищу; цвѣтетъ въ іюлѣ. Листья свекловичные употребляютъ отъ головной боли, прикладывая ихъ къ головѣ. Корнемъ растенія, измельченнымъ въ мязгу лѣчатъ флюсъ.

108. Чеснокъ. Allium sativum. L. Разводится въ огородахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отъ упорнаго кашля чеснокомъ, мелко истолченнымъ, растираютъ ступни ногъ и ладони рукъ.

109. Голерѣпа, булва, волошская рѣпа. Heliathus tuberosus. L. Разводится въ огородахъ; рѣдко расцвѣтаетъ. Употребляютъ, какъ лѣкарство при коклюшѣ, для чего очищаютъ кожу на клубнѣ и присыпаютъ ее сахаромъ ⅛ фунта.

110. Прыкрытъ, волкобой. Aconitum Lycoctonum. L. Растетъ среди кустарниковъ и въ рощахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Приписываютъ этому растенію свойство, разрушающее взаимную любовь супруговъ, для чего цвѣтами растенія пересыпаютъ бѣлье и одежду супруговъ.

111. Ясенецъ, журавленникъ, герань Geranium pratense. L. Растетъ по лугамъ и между кустарниками; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Настоемъ герани примачиваютъ голову при головныхъ боляхъ, а равно кладутъ въ уши листья растенія.

112. Нечуй-вѣтеръ, желтомохорочникъ. Hieracium Pilorella. L. Растетъ на сухихъ лугахъ, песчаныхъ мѣстахъ, въ хвойныхъ лѣсахъ, при берегахъ; цвѣтетъ въ маѣ. Корень травы употребляютъ отъ лихорадки.

113. Куриная слѣпота, желтоголовникъ. Trollus europaeus. L. Растетъ по лугамъ и лѣснымъ полянамъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Настой корня употребляютъ отъ скорбута въ видѣ полосканья.

114. Разрывъ-трава, глушецъ, глушокъ. Impatiens nolitangere. L. Растетъ въ тѣнистыхъ рощахъ и особенно въ лѣсныхъ сырыхъ оврагахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Кромѣ повѣрья, что трава эта способна разрывать всякій металъ, припарки изъ свѣжей травы прикладываютъ къ нарывамъ.

116. Езулъ, иссопъ. Hyssopus officinalis. L. Растетъ въ рощахъ на сухомъ мѣстѣ; цвѣтетъ съ іюля по августъ. При грудныхъ болѣзняхъ даютъ настой травы во внутрь. Кромѣ того, при ушибахъ дѣлаютъ примочки изъ настоя.

116. Конвалія, лантусъ, ландышъ. Lilium Convallaria majalis. L. Растетъ въ тѣнистыхъ рощахъ и цвѣтетъ въ маѣ. Настойка цвѣтовъ ландыша въ водкѣ или спиртѣ составляетъ ядовитое средство. Употребляютъ для отравы крысъ и мышей.

117. Ластовень, ласточникъ. Asclepias syriaca. L. Растетъ въ южныхъ уѣздахъ губерніи, въ лѣсахъ. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Корень, размельченный на теркѣ, употребляютъ, какъ средство, утоляющее боль при ревматизмѣ.

Алфавитъ.

А.

Адамова голова, колючка. (Eryngium) 68.
Акулька (Scutellaria) 67.
Ангелова трава, дягиль (Archangelica) 37.

Б.

Бабка, кувшинка (Nuphar) 69.
Баранчики, первоцвѣтъ (Primula) 86.
Батоги, расторопша (Chondrilla) 70.
Бедренецъ (Pimpinella) 42.
Береза (Betula) 45.
Березка, повилика (Convolvulus) 71.
Берездрень, берескледъ (Evonymus) 93.
Бехъ, веха (Cicuta) 72.
Блекота, бѣлена (Hyosciamus) 98.
Бобовникъ, водяной трилистникъ (Menyathes) 11.
Болотная бузина, лабазникъ (Spiraea) 31.
Бѣлоголовецъ, тысячелистникъ (Achillea) 1.
Бѣлый буркунъ, бѣлый донникъ (Melilotus) 74.
Бурякъ, свекла (Beta) 107.

В.

Верба, ива бѣла (Salix) 91.
Вербочка, желѣзнякъ (Verbena) 56.
Вовчуга, вовчугъ (Ononis) 22.

Воловій языкъ, чернокорень (Cynoglossum) 75
Вонючка, жируха (Lepidium) 79.
Вѣтренница, бѣлый сонъ (Anemone) 73.
Вязовина, бузина (Sambucus) 85.

Г.

Гвоздичный корень, гравилатъ (Geum) 53.
Глухая крапива, пустырнакъ (Leonurus) 5.
Голерѣпа, волосская рѣпа (Helianthum) 109
Горицвѣтъ, весенній адонисъ (Adonis) 3.
Грыжникъ, остудникъ (Hernania) 57.
Грушанка, подкопытникъ (Pyrola) 102.
Голявникъ, водяной крессъ (Nasturtium) 87

Д.

Деревянка, узикъ стоячій (Tormentilla) 16.
Друкъ, дрокъ (Genista) 23.
Дывина, медвѣжье ухо (Verbascum) 61.
Дыманъ, буквица (Betonica) 44.
Дымница, дымянка (Fumaria) 96.
Дыня (Cucumis) 104.

Е.

Езулъ, иссопъ (Hyssopus officinalis) 115.

Ж.

Жабникъ, шильникъ (Alisma) 25.
Живокость, оконникъ (Symphytum) 77.
Жимолость, (Lonicera) 106.

З.

Звѣробой (Hypericum) 99.
Змѣевикъ, филойникъ (Aristolochia) 40.
Золотушникъ, костовязъ (Solidago) 80.

И.

Иванъ-да-Марья, анютины глазки (Viola) 39.
Ивильга, омела (Viscum) 36.

К.

Калина (Viburnum) 43.
Колечки, гусятница (Patentilla) 45.
Колючки, синякъ (Echium) 8.
Конскій трутъ, авранъ (Gratiola) 97.
Котовикъ, кошачья мята (Nepeta) 12.
Крапива (Urtrica) 59.
Крейдовикъ, паклунъ (Teucrium) 4.
Кудрявый щавель, луговой щавель (Rumax) 27.
Кудрявецъ, сухоребрикъ (Sisymbrium) 52.
Кульбаба, одуванъ (Taraxacum). 63.
Курипая слѣпота, желтоголовникъ (Trollius europaeus) 76.
Конвалія, конволія, ландышъ (Convallaria majalis) 116.

Л.

Лепиха, аиръ (Calamus) 18.
Липа (Tilia) 34.
Липчица, подмаренникъ (Galium) 10.
Лихорадочная, лютикъ (Ranunculus) 100.
Лопки, дурманъ (Datura). 90.
Любка, ятрыжникъ (Orchis) 17.
Ластовень, ласточникъ (Asclepias) 117.

М.

Марьянка, маунъ (Valeriana) 28.
Материнка, душица (Origanum) 29.
Медунчикъ, темелина (Pulmonaria) 55.
Молочай, осотъ (Sonchus) 38.
Морковь (Daucus) 103.
Мохнатка, воловика (Anchusa) 6.
Мыльница, мыльный корень (Saponaria) 84.

Н.

Неежа, вередовецъ (Thalictrum) 2.
Нетрогай, переступень (Pryonia) 78.
Нечуй-вѣтеръ, желтомахорочникъ (Hieracium) 112.

О.

Оманъ, девесилъ (Inula) 41.
Осока (Carex) 83.

П.

Папороть, папортникъ (Aspidium) 21.
Петровы батоги, синій цикорій (Cichorium) 89.
Писклюква, пасленъ (Solanum) 13.
Подбѣлъ, мать-мачиха (Tussilago) 66.
Плющъ, будра (Glechoma) 95.
Побережникъ, ручейная вероника (Veronica) 48.
Подорожникъ, копытень (Asorum) 60.
Полій, полевая мята (Mentha) 105.
Полынь (Artemisia) 50.
Починочки, талабанъ (Spiraes) 30.
Проскурка, просвирнякъ (Altehaca) 32.
Прыкрытъ, волкобой (Aconitum Lycoctorum) 3.
Пырій, пырей (Triticum) 49.
Пѣвникъ, лѣсной черный горошекъ (Orobus) 9.

Р.

Разрывъ трава, глушецъ, глушокъ. (Impatiens) 114.
Раковыя шейки, змѣевникъ (Poligonia) 15.
Рябина (Sarbus) 81.
Рябинка, пижма (Tanaceum) 20.

С.

Сердечникъ, золототысячникъ (Erythraea) 19.
Собачья рожа полевая (Lavatera) 7.

Сокирки, живокость (Dllphinum) 92.
Сороконедужникъ, норичникъ (Scrophularia) 82.
Стародубъ, бѣлый корень (Laserpitium) 26.
Стрѣлки, череда (Bidens) 76.

Т.

Тирличъ, горячевка крестообразная (Gentiana) 94.
Тополь (Populus) 105.

У.

Укрипъ, водяной укропъ (Oenanthe) 33.

Х.

Хрѣнъ (Cochlearia) 47.

Ч.

Чебрецъ, богород. трава (Thymus) 62.
Черемха, черемуха (Prunus) 35.
Черная смородина (Ribes) 24.
Чернобыль, чернобыльникъ (Artemisia) 35.
Чернушка (Nigella) 101.
Чемерникъ, бѣлая луговая чемерица (Veratrum) 14.
Чепчикъ, чаберъ (Satureia) 105.
Чеснокъ, (Allium) 108.
Чистеръ. молодиво (Sedum) 58.
Чистякъ, чистотѣлъ (Chelidonium) 88.

Ш.

Шандеръ, шандра (Marrubium) 51.

Я.

Ясенецъ, волкона (Geranium pratense) 111.
Яснотка, сосулька (Laminum) 46.

Какъ ни велики успѣхи современной медицины, какъ она ни совершенствуется съ каждымъ, можно сказать, днемъ, но тѣмъ не менѣе, до настоящаго времени еще многое ей неизвѣстно. Поэтому, я полагаю, весьма полезно знать спеціалистамъ, чѣмъ именно лѣчитъ себя народъ и насколько эти средства для него полезны?

Исключительно съ этою цѣлью, при случаѣ, я и записалъ сотню съ лишнимъ средствъ, которыми простой народъ лѣчитъ свои недуги. Чѣмъ хата богата—тѣмъ и рада.

Т. I. Вержбицкій.

Курскъ
7 октября 1897 г.

Прозвища крестьянъ сельца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи.

Галанъ (прозвище драчливаго мужика).
Машина. (прозвище мужика большого роста).
Цубра.
Бридка (прозвище дано бабѣ послѣ слѣдующаго случая. Баба что-то украла и была уличена въ воровствѣ; ее вымазали дегтемъ и обсыпали пухомъ, косу ей отрѣзали. Бабу водили по улицѣ, а ребятишки подгоняли ее «кнутьями» и кричали: Бридка (бритая), бридка!
Пехтилка.
Скибелка («у, карагодистa баба затылокъ скоблитъ»).
Тялушка.
Сабакей.
Скрибецъ (силы мала—отъ злости у драки скрябаитца).
Трищотка.
Пяхтила (прозвище толстой бабы).
Хванденха.
Рыжуха.
Грачиха.
Чвжикъ подземельный (у землю будить глядѣть—сердитъ маленько).
Цыца.
Клыкъ (Отца клыка звали клыкомъ, но и сынъ-клыкъ сердился за прозвище: «Что-жъ моего отца ты порочишь?!» да въ зубы)!
Галинястый.
Гавнёныкъ.
Барана (прозвище безтолковой хозяйки. Въ Смоленскомъ уѣздѣ «барана» — символъ несогласія; барану бить-ссориться).
Чичавичка (дробненькая, маленькая баба).
Сабакинъ.
Царь мышиный.
Царь куриный («сердитъ, а безтолковъ»—нихто не слухаитъ).
Сёрка.
Мата.
Вутычка (по матери задалась—«Гнутая» (т. е. горбатая и маленькая»).
Мушичка.
Абыдёнчиныкъ.
Абыдёнка.
Хварисей (не лицемѣръ, а хвастунъ—отъ слова «хворсить»).
Кващоныкъ.
Кукачъ (драчунъ—готовъ въ кабакѣ на смерть убить).
Чумакъ (прозвище пьяницы).
Красавчикъ (такой страшный).
Далдонъ («все будить далдонить на сходки»).
Волкъ.
Шаршила.
Роска.
Волчиха.
Сахвея припадобная (прозвище жадной бабы).
Вохала.
Карпачъ.
Питрузикъ трыкаянный (зёлъ дратца).
Рябуха.
Проса.
Бѣлабрыська.
Татаринъ.
Лупастикъ.
Курулёныкъ.
Юрга.
Іонъ (Іона) святой (прозвище это получилъ Іона за «смирноту»).
Калючій.
Бубастикъ и Галавастикъ { прозвище двухъ братьевъ.

стряхаю надъ травой молодой; лечу, веселюся, какъ птичка взовьюся, прекраснѣй въ сто разъ, чѣмъ прежде была я, и радую васъ, по цвѣточкамъ порхая.

269. Ни ракъ, ни рыба, ни звѣрь, ни птица; голосъ тонокъ, носъ дологъ; кто его убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ.

270. Сидитъ пташка на листу, молится Христу: далъ ты мнѣ волю надъ всей ордой, не далъ ты воли надъ рыбой морской.—«Спой пѣсню промежь Рождества и Крещенья, тогда дамъ тебѣ власть надъ рыбой въ морѣ».

IX. Въ природѣ.

271. Что выше лѣса, краше свѣта, безъ огня горитъ?

272. По зарѣ зарянской катится шаръ вертлянскій, никому его не обойти, не объѣхать.

273. По утру въ сажень, въ полдень въ пядень, а къ вечеру черезъ поле хватаетъ.

275. Ходитъ безъ ногъ, рукава безъ рукъ, уста безъ рѣчи.

275. Мету—не вымету, несу—не вынесу, стемнѣетъ—сама уйдетъ.

276. Безъ огня горитъ, безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ.

277. Надъ дворомъ, дворомъ стоитъ чаша съ молокомъ.

278. Когда я молодъ былъ, свѣтло свѣтилъ; старъ сталъ, меркнуть сталъ.

279. Встану я рано, бѣла да румяна, умоюсь росой и распущу русую косу свою. Лишь взойду на горы въ вѣнцѣ золотомъ да гляну свѣтлыми очами своими, и человѣкъ и звѣрь возрадуются.

280. Заря заряница, по полю ходила, ключи обронила; мѣсяцъ видѣлъ, не сказалъ; солнце увидало, подняло.

281. Поле не мѣряно, овцы не считаны, пастухъ рогатый.

282. Вся дорожка усыпана горошкомъ.

283. Разсыпался горохъ по сту дорогъ: никто его не сберетъ—ни царь, ни царица, ни красная дѣвица, ни бѣлая рыбица.

284. Летитъ орлица по синему небу, крыло распластала, солнышко застлала.

285. Туръ ходитъ по горамъ, турица по доламъ; туръ свиснетъ, турица мигнетъ.

286. Меня никто не видитъ, но всякій слышитъ; а вѣрную спутницу мою всякій можетъ видѣть, но никто не слышитъ.

287. Тонкій, высокій упалъ въ осоку, самъ не вышелъ, а дѣтей вывелъ.

288. Шелъ долговязъ, во сыру землю увязъ.

289. И тонокъ, и долгъ, а сядетъ—въ травѣ не видать.

290. Меня частенько просятъ, ждутъ; а только покажусь, то прятаться начнутъ.

291. Вечеромъ на земь слетаетъ, ночь на землѣ пребываетъ, утромъ опять улетаетъ.

292. Зимой грѣетъ, весной тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ.

293. Летитъ—молчитъ, лежитъ—молчитъ, а умретъ да сгніетъ, тогда заревётъ.

294. У насъ на молоду скатерть бѣла весь міръ застлала.

295. Я какъ песчинка малъ, а землю покрываю; я изъ воды, а съ воздуха летаю; какъ пухъ лежу я на поляхъ, какъ алмазъ блещу при солнечныхъ лучахъ.

296. На дворѣ въ холодъ горой, а въ избѣ водой.

297. Стоитъ Ермакъ, на немъ бѣлый колпакъ, ни шитъ, ни бранъ, ни поярковый.

298. Прилетѣла птица безперная, сѣла на дерево безлистое; пришла баба безростая, съѣла птицу безперую.

299. Не хилѣла, не болѣла, а саванъ надѣла.

300. Въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ.

301. Чистъ и ясенъ, какъ алмазъ, дорогъ не бываетъ; онъ отъ матери рожденъ и самъ ее рождаетъ.

302. По сѣнямъ и такъ и сякъ, а въ избу никакъ.

303. Безъ рукъ, безъ ногъ подъ окномъ стучитъ, въ избу просится.

304. Кто мостъ на рѣкѣ моститъ безъ топора, безъ долота, безъ клиньевъ, безъ подклинковъ.

305. Старикъ у воротъ тепло уволокъ, самъ не бѣжитъ и стоять не велитъ.
306. Я потрещу, а ты бей въ ладоши да пляши.
307. Я не самъ по себѣ, а сильнѣе всего и страшнѣе всего; всѣ меня любятъ и всѣ меня губятъ.
308. Красненькій пѣтушокъ по жердочкѣ бѣжитъ.
309. Живетъ безъ тѣла, говоритъ безъ языка, плачетъ безъ души, смѣется безъ радости.

X. Во времени.

310. Выросло дерево отъ земли до неба, на этомъ деревѣ 12 сучковъ, на каждомъ сучкѣ по 4 гнѣзда, въ каждомъ гнѣздѣ по 7 яицъ.
311. Стоитъ садъ, въ саду двѣнадцать грядъ, на грядахъ четыре борозды, въ бороздѣ по семи кочней.
312. Тридцать постель, тридцать гостей, постель съ постелью не сойдется, гость съ гостемъ не столкнется.
313. Въ саду царскомъ, на деревѣ райскомъ, съ боку малина, съ другого калина, съ третьяго вишенье, а съ четвертаго нѣтъ ничего—одно зябелье.
314. Прилетѣла пава, сѣла на лаву, распустила перья для всякаго зелья.
315. Всѣхъ наградила, все загубила.
316. Какъ ни сердита матка, а прикрыла дѣтокъ пуховымъ одѣяльцемъ.
317. Бѣлая лебедь на яйцахъ сидитъ.
318. Сестра къ брату въ гости идетъ, а братъ отъ сестры прячется.
319. Махнула птица крыломъ и покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ.
320. Стоитъ цвѣтъ, всему міру свѣтъ, на семи верстахъ, на семи столбахъ.

Отгадки.

1. Голова.
2. Языкъ, глаза, уши.
3. Глаза.
4. Глазъ.
5. Взглядъ.
6. Слѣпой.
7. Носъ.
8. Ротъ.
9. Зубы.
10. Зубы и языкъ.
11. 12. } Языкъ.
13. Ложка, зубы и языкъ.
14. Ухо.
15. 16. } Пальцы.
17. Умъ.
18. Человѣкъ въ дѣтствѣ, въ полномъ возрастѣ и въ старости.
19. Младенецъ въ колыбели.
20. Бабушка, ея дочь и внучка.
21. Земледѣлецъ.
22. Нищій.
23. Мука и хлѣбъ.
24. Хлѣбъ.
25. Хлѣбы въ печи.
26. 27. } Яйцо.
28. Молоко.
29. Гречиха.
30. Лапша.
31. Пельмени.
32. Блинъ на сковородѣ.
33. Ракъ.
34. Рака, когда его сварятъ.
35. Раковыя и орѣховыя скорлупы.
36. 37. } Орѣхъ.
38. Соль.
39. Сахаръ.
40. Медъ въ сотахъ.
41. Арбузъ.
42. Рѣпа.
43. Вишни.
44. Ленъ.
45. Лукъ.

46. Соль.
47. Рюмка въ рукѣ.

---

48. Рубашка.
49. Ленъ.
50. Серьги.
51. Поясъ.
52. Пуговица въ петлѣ.
53. Рука въ перчаткѣ.
54. Перчатка.
55. Сапоги.
56. Нога въ сапогѣ.
57. Гвоздь въ сапогѣ.
58., 59. Лапти.
60. Нога въ лаптѣ.
61. Зонтъ.

---

62. Домъ.
63. Изба (углы).
64. Бревно въ стѣнѣ.
65. Бревна на моху; матица.
66. Накатъ на матицѣ.
67. Матица.
68. Полъ и потолокъ.
69. Крыша.
70. Дверь.
71. Тоже: косяки, притолка, порогъ, полотно и пята.
72. Замокъ.
73. Лѣстница.
74. Рама въ окнѣ.
75. Окно.
76. Солнечный лучъ.
77. Дымъ въ волоковое окно.
78. Болтъ у окна.
79. Печь, загнета и угли
80. Печь.
81. Печь, огонь, дымъ.
82. Печная труба.
83. Заслонка.
84. Подъ въ печи.
85. Хлѣбы въ печи и лопата.
86. Загнета и угли.
87. Сковорода на угляхъ и сковородникъ.
88. Уголь.
89., 90. Ухватъ.
91., 92. Помело.
93., 94. Вѣникъ.
95., 96. Ушатъ.
97. Ведра.
98. Коромысло на плечахъ.
99. Перевясло на ведрѣ.
100. Ковшъ.
101., 102. Горшокъ.
103. Котелъ и горшокъ.
104. Бочка.
105. Квашня.
106. Квашня киснетъ.
107., 108. Сито.
109. Терка.
110., 111. Самоваръ.
112. Чайникъ.
113. Столъ.
114. Стулъ.
115. Кровать.
116. Кошка.
117. Подушка.
118. Перышко, пухъ.
119., 120., 121. Свѣча.
122. Свѣча передъ иконою.
123. Очепъ, журавецъ.
124. Свѣтецъ и лучина.
125., 126. Часы.
127. Зеркало.
128. Гребень.
129., 130., 131. Иголка.
132. Наперстокъ.
133. Ножницы.
134. Складной ножъ.
135. Веретно.
136. Пряденье.
137. Воробы
138. Цѣпы.
139. Лутошка.
140. Безмѣнъ.
141. Тенето.
142. Муха.
142. Птица въ клѣткѣ.
144., 145. Кошка.

---

146. Собака.
147. Лошадь.

148. Щетки на ногахъ лошади.
149. Корова: хвостъ, ноги, рога, вымя.
150. Рога.
151. Свинья.
152. Поросята.
153. Овца.
154. Козелъ.
155. Волъ.
156. Оселъ.
158. Курица и яйцо.
159. Пѣтухъ.
160. Пѣтухъ.
161. Гусь.
162. Телѣга, сани и лошадь.
163. Колеса.
164. Дровни: полозья, оглобли, копылья
165. Дуга.
166. Метла.
167. Бочка.
168. } Топоръ.
169. } Топоръ за спиной.
170. Пила.
171. Соха.
172. Сошники.
173. Борона.
174. Коса.

---

175. } Капуста.
176. }
177. } Лукъ.
178. }
179. Огурецъ.
180. } Горохъ.
181. }
182. } Картофель.
183. }
184. Морковь, свекла.
185. } Рѣпа.
186. }
187. Свекла, морковь.
188. } Макъ.
189. }
190. Тыква.
191. }
192. } Хмѣль.
193. }
194. Кропива.
195. Плетень и тынъ.

---

196. Звонъ на церкви.
197. Пчела.
198. Кладбище.
199. } Дорога.
200. }
201. Верстовой столбъ.
202. По рѣкѣ.
203. Рѣка, берега, кусты.
204. Берега.
205. Рѣка и судно.
206. Плыву въ лодкѣ
207. Лодка.
208. Ледъ на рѣкѣ.
209. } Прорубь.
210. }
211. }
212. } Мельница.
213. }
214. }
215. Жернова.
216. Ручей.
217. Болото.
218. Лягушка.
219. } Ракъ.
220. }
221. Рыба въ рѣкѣ и неводъ.
222. Рыба.

---

223. Снопы на землѣ.
224. Снопъ.
225. } Колосья.
226. }
227. Овесъ.
228. Ленъ, конопля.
229. Конопля.
230. Озимь.
231. }
232. } Коса.
233. }
234. Серпъ.
235. Борона.
236. Цѣпы.
237. Телѣга, а на ней вилы.
238. } Лѣсъ.
239. }
240. Лиственныя деревья и хвойное.
241. Береза.
242. Осина.
243. Рябина.
244. Черемуха.
245. Вишня.
246. Сливы.
247. Орѣшникъ.
248. Шиповникъ.
249. Береза.
250. Желуди.

251. Сердцевина въ деревѣ.
252.–254. Грибъ.
255. Волкъ.
256. Птица.
257.–258. Ласточка.
259. Воробей.
260. Птичье гнѣздо.
261. Щегленокъ.
262. Кукушка.
203. Сорока.
264.–265. Пчела.
266. Улей.
267. Жукъ.
268. Превращенія насѣк.: гусеница, куколка, бабочка.
269.–270. Комаръ.

271.–272. Солнца.
273.–275. Тѣнь.
276. Солнце.
277.–278. Мѣсяцъ.
279. Заря.
280. Заря и роса.
281. Небо, звѣзды и мѣсяцъ.
282.–283. Звѣзды.
284. Тучи.
285. Туча, громъ и молнія.
286. Громъ и молнія.
287.–290. Дождь.
291. Роса.
292.–296. Снѣгъ.
297. Снѣгъ на пнѣ.
298. Снѣгъ и весеннее тепло.
299. Земля, снѣгъ.
300.–301. Ледъ.
302. Вѣтеръ.
303. Тоже.
304.–306. Холодъ.
307.–308. Огонь.
309. Отголосокъ, эхо.

310.–311. Годъ: мѣсяцы, недѣли, дни.
312. Дни въ мѣсяцѣ.
313. Времена года.
314. Весна.
315. Осень.
316.–317. Зима.
318. День и ночь.
319. Ночь.
320. Пасха и Великій постъ.

Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи. Свіяжскаго уѣзда села Бежбатманъ.

Игры въ мячъ.

1) Въ большую лапту. Игра мячёмъ въ большую лапту носитъ на себѣ характеръ отчасти воинственный. Для игры въ большую лапту крестьянскія дѣти, мальчики и дѣвочки, выбираютъ двоихъ самыхъ большихъ мальчиковъ и называютъ ихъ матками. Матки опредѣляютъ для игры пространство длиною около саженъ пятнадцати, одинъ его конецъ назначаютъ для тяги, а другой для буя или боя. Послѣ этого матки метаютъ между собою жребій, кому изъ нихъ достанется право выбирать партію и кому первому достанется открыть битву. Жребій мечется такимъ образомъ: одна изъ матокъ беретъ черепочекъ, на одну сторону его плюнетъ и говоритъ другой маткѣ: мусленаго или сухаго? другая матка скажетъ, положимъ, сухаго и черепокъ кидается вверхъ. Когда черепокъ упадетъ на землю, то обѣ матки бѣгутъ смотрѣть, какой стороной онъ легъ къ верху, мусленой или сухой. Если черепокъ легъ къ верху мусленой стороной, то, значитъ, выигрываетъ право первая матка, а если сухой, то вторая. Между тѣмъ, пока матки мечатъ жребій, прочіе мальчики и дѣвочки, желающіе играть въ большую лапту, водятся, т. е. всѣ раздѣляются на парочки. Каждая парочка отходитъ немного въ сторону и тамъ беретъ въ руки по равной травкѣ, или по разной вещичкѣ, или же даетъ себѣ разныя названія предметовъ; идетъ потомъ къ маткамъ и спрашиваетъ: «кто мати? Матка, которой досталось право, отвѣчаетъ: «Ярама»[1]. Парочка водящихся спрашиваетъ матку Яраму, кого ему изъ нихъ надобно, но приэтомъ говорятъ не свои имена, а названіе травокъ, вещицъ и разныхъ другихъ предметовъ: напр. 1) парочка спрашиваетъ: полынки или репейка? 2) цвѣточка или листочка? 3) камешка или черепочка? 4) щепочка или стружечки? 5) содовья или воробья? и т. д. Матка Ярама, хотя и имѣетъ право выбора, но не зная, кто изъ парочки, что держитъ въ своей рукѣ, или кто изъ нихъ, какъ называется, отвѣчаетъ всегда на авось и потому нерѣдко берегъ даже худшихъ. Выбранные маткою Ярамой мальчики и дѣвочки составляютъ полкъ бѣгающихъ и идутъ къ тягѣ, а не выбранные маткою Ярамой составляютъ полкъ другой матки и идутъ на буй. Партія, занявшая позицію на тягѣ, беретъ мячъ и лапту (лопатку длиною съ аршинъ на подобіе лодочнаго весла) и мячъ бьетъ лаптой, или въ сторону буя, или вверхъ. Каждый изъ играющихъ, стоящихъ на тягѣ, разъ ударивъ мячъ лаптой, или промахнувшись, долженъ бываетъ пока бьютъ другіе, сбѣгать къ бую и опять возвратиться къ тягѣ, иначе онъ не получитъ права бить мячъ во второй разъ. Когда одинъ или многіе пробившіе, чтобы получить на игру новое право бѣгуть къ бую или обратно къ тягѣ, тогда стоящіе на бую ловятъ летящій къ нимъ мячъ и бросаютъ имъ въ бѣгущихъ,—ласятъ. Иногда стоящіе на бую сами не ласятъ, но перекиды-

---

[1]) Непонятное слово: оно или Татарское, происходитъ отъ настоящаго врем. 1 лица, единст. числа (Яромынъ—раздѣляю) или славянское рамо-плечо, крыло, партія, отрядъ, или испорченное русское Я мама въ Ярама.

ваютъ мячъ своей маткѣ, стоящей у тяги, и она уже ласитъ бѣгущихъ къ тягѣ. Когда всѣ изъ партіи бѣгающихъ пробьютъ по разу мячъ, но не одинъ изъ нихъ еще не сбѣгаетъ къ бую по причинѣ слабаго удара или совершенныхъ промаховъ, когда бѣжать, значитъ-рисковать, тогда ихъ выручаетъ матка. Она пользуется правомъ бить лаптой три раза и сравнительно съ другими бьетъ мячь сильно, такъ что во время ея одного даже удара всѣ успѣваютъ сбѣгать къ бую и прибѣжать назадъ къ тягѣ. Въ этой игрѣ одна партія бьетъ мячъ и бѣгаетъ, а другая ловитъ мячъ и кидаетъ имъ въ бѣгающихъ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ послѣдней партіи не заласитъ кого нибудь изъ первой партіи. Или до тѣхъ поръ, пока всѣ играющіе бѣгающей партіи пробьютъ по разу и не сбѣгаютъ къ бую даже во время троекратнаго боя матки. Когда кто нибудь будетъ залашенъ, или некому болѣе будетъ бить, тогда партія, стоявшая на буѣ, торжествуетъ: она весело идетъ бить мячъ лаптой къ тягѣ, а побѣжденная партія идетъ на буй. Нужно замѣтить, что при залашиваніи у играющихъ есть одно довольно сильное условіе. Когда кто нибудь будетъ залашенъ уже недалеко отъ черты, границы тяги, то онъ проситъ у матки ласящей партіи позволенія съ той точки, на которой былъ залашенъ, тянуться до черты. Матка позволяетъ и залашенный, размахавши предварительно руками, дѣлаетъ обѣими ногами вразъ скачекъ ближе къ тягѣ, затѣмъ онъ весь растягивается по землѣ и рукою старается достать черту, опредѣленную для игры—тягу. Если залашенный дотянется до черты, отъ чего она и получила названіе тяги, то ударъ мяча ему не вмѣняется, партія не мѣняется мѣстами, а если не дотянется, то изъ-за него, какъ измѣнника, вся партія бѣгающихъ невесело идетъ на буй. Во время игры въ большую лапту, если кому-нибудь изъ партіи бѣгающихъ нужно будетъ на время оставить игру, то онъ говоритъ: не чуръ мяча, не чуръ лапты, заднихъ ногъ! Что означаютъ эти заговорныя слова для насъ не совсѣмъ понятно, но играющіе посвоему понимаютъ ихъ очень хорошо: они изъ этихъ словъ составляютъ себѣ такое понятіе: не тронь лапту, не тронь меня въ ноги, и уходящаго неласятъ. Въ эту игру играютъ дѣти лѣтомъ на лугу, какъ мальчики, такъ и дѣвочки.

2. Въ маленькую лапту. Желающіе играть въ эту игру также раздѣляются на двѣ партіи, во главѣ которыхъ стоятъ болѣе ловкіе мальчики-матки. Одна партія по жребію должна бить лаптой мячъ, а другая идти въ поле. Игра въ маленькую лапту состоитъ въ слѣдующемъ: ставится на землю на одно ребро доска длиною съ аршинъ, а шириною въ четверть, съ одной стороны чѣмъ нибудь, чтобы не падалъ, подпирается. Послѣ этого одинъ изъ партіи, которой досталось бить, беретъ въ правую руку лапту, въ лѣвую мячъ и, подбросивъ его немного вверхъ, ударяетъ мячъ лаптой. Мячъ, какъ пуля, катится въ поле, но стоящая въ полѣ по разнымъ направленіямъ партія его останавливаетъ, и тотъ, кто остановилъ мячъ, съ того мѣста, прицѣлившись, кидаетъ его по направленію къ доскѣ, которая составляетъ цѣль. Если кидавшій мячъ не попадетъ имъ въ доску, тогда тотъ, кто билъ мячъ, опять бьетъ его, а если кидавшій изъ поля мячъ попадетъ имъ въ цѣль-доску, тогда бившій передаетъ лапту и мячъ другому изъ партіи; когда пробьетъ другой, и партія, стоящая въ полѣ не попадетъ мячомъ въ доску, тогда бьющій снова бьетъ, а прежде бившій выручается, т. е. получаетъ право бить мячъ снова. Если же партія, стоящая въ полѣ, послѣ перваго удара второго мальчика попадетъ прямо въ доску, то тогда не только не оправдывается бившій прежде, но отставляется кочъ и самъ бьющій. Когда всѣ играющіе будутъ сряду откочены,—устранены партіей стоящей въ полѣ, или вслѣдствіе своихъ промаховъ, тогда оправдываетъ ихъ матка. Она пользуется правомъ бить сряду три раза, хотя бы и дала два промаха сряду. Если въ третій разъ мячъ улетитъ далеко, а партія, стоящая въ полѣ, не попадетъ мячомъ въ доску, тогда первый бьющій изъ играющихъ оправдывается, бьетъ и опять выручаетъ матку. Когда матка дастъ три промаха или три раза сряду будетъ отбита противной партіей, тогда бываетъ совершенный шахъ: партія, стоящая въ полѣ, побѣдила, она идетъ съ торжествомъ къ доскѣ, а побѣжденная отправляется въ поле.

Перемѣна партіями позицій чаще бываетъ отъ другого условія; оно состоитъ въ слѣдующемъ; когда кто нибудь изъ партіи бьющихъ, по неловкости, ударитъ мячъ не

книзу, но вверхъ, тогда партія стоящихъ въ полѣ всѣми мѣрами старается схватить его съ лёту въ руки, и если поймаетъ, то идетъ бить къ доскѣ, а бившую партію прогоняетъ въ поле. Когда въ партіи не достаетъ одного человѣка противъ партіи стоящей въ полѣ, тогда въ ней кто нибудь играетъ па двѣ руки, т. е. бьетъ и за себя и за недостающаго. Въ эту игру играютъ мальчики и дѣвочки въ продолженіе всего лѣта на лугу.

3. Еще въ маленькую лапту. Въ этой игрѣ идетъ не партія на партію, а одинъ противъ всѣхъ играющихъ. Этотъ одинъ, кто-бы онъ ни былъ, беретъ мячъ и кладетъ его на маленькую лапту (лопаточку), а подъ вострый конецъ лапты подкладываетъ какую нибудь баклашечку. Послѣ этого мальчикъ беретъ свистъ и ударяетъ имъ по поднятому концу лапты, отъ чего мячъ, находящійся на широкомъ концѣ лапты, взвивается вверхъ. Когда мячъ станетъ спускаться внизъ, тогда каждый изъ играющихъ старается схватить мячъ прямо съ лёту и, если мячъ кѣмъ нибудь будѐдъ съѣденъ, т. е. пойманъ, тотъ идетъ бить его съ лапты, а прежде бившій идетъ ловить; когда же мячъ останется никѣмъ не пойманъ, тогда продолжаетъ бить его тотъ-же мальчикъ. Игра происходитъ лѣтомъ на лугу; играютъ какъ мальчики, такъ и дѣвочки отъ 8 лѣтъ до 14 лѣтъ.

4. Въ панскій переметъ. Для игры въ панскій переметъ играющіе раздѣляются на двѣ равныя партіи и встаютъ другъ противъ друга на разстояніи приблизительно десяти саженъ. Послѣ этого одна партія беретъ мячъ и кидаетъ его въ руки другой партіи. Поймавшій мячъ съ лёту отдаетъ его своей партіи, а самъ идетъ къ противной партіи. Его партія кидаетъ ему мячъ, но мячъ ловятъ и другіе. Если мячъ поймаетъ пришлецъ изъ чужой партіи, то онъ всю партію, за которой стоялъ, пытками гонитъ на мѣсто своей партіи, его партія съ торжествомъ переходитъ на мѣсто прогнанной, въ рядъ которой снова встаетъ и побѣдитель. Когда-же мяча игрокъ изъ чужой партіи не поймаетъ, а поймаетъ его кто нибудь изъ своихъ, тогда пришлецъ съ большимъ позоромъ прогоняется обратно. Когда мячъ какъ партія, такъ и пришлецъ не поймаютъ, тогда прогона никому не бываетъ, и пришлецъ опять кидаетъ мячъ къ своей партіи. Поймавшій мячъ опять также отдаетъ его кому нибудь изъ своей партіи, а самъ въ противной партіи присоединяется къ первому пришлецу.

Иногда случается, что вся партія переходитъ назадъ другой партіи и гоняетъ её къ мѣсту, на которомъ стояли сами. Переметъ начинается побѣдителями.

5. Изъ-за угла вонъ. Для игры мячомъ изъ-за угла вонъ всѣ дѣти раздѣляются на двѣ равныя партіи. Затѣмъ среди площадки посредствомъ разныхъ камешковъ, чурочекъ, палочекъ, соломы и тому подобнаго на улицѣ дѣлаютъ довольно обширный кругъ, радіусъ котораго иногда восходитъ до 5 саженъ; когда играющихъ немного, то и кругъ дѣлаютъ небольшой. Дѣти о томъ, которой партіи идти въ кругъ и которой идти за уголъ какого нибудь вблизи находящагося строенія, мечутъ жребій. Послѣ этого одна партія идетъ въ уголъ, а другая въ кругъ или, какъ говорятъ сами играющіе, въ городъ. Партія, которой достанется идти за уголъ, торжествуетъ: она играетъ роль осаждающихъ городъ, а партія въ кругу находящаяся — осаждаемыхъ. Пришедши за уголъ, матка партіи, какъ полководецъ, дѣлаетъ распоряженіе о томъ, кто долженъ взять мячъ и какъ онъ въ извѣстномъ (положеніи) случаѣ долженъ бить въ осаждаемыхъ. Получившій мячъ, кладетъ его въ зепь (карманъ) или пазуху, а не получившіе спускаютъ свои руки въ зепи или пазухи или завертываютъ въ свои рубахи, представляя тѣмъ, что и они держатъ мячъ. Вооружившись такимъ образомъ, вся партія начинаетъ выходить изъ-за угла и кричитъ: «изъ-за угла вонъ-вонъ! изъ-за угла вонъ-вонъ!» Съ такими торжественными словами партія окружаетъ весь городъ. Находящіеся въ кругу, не зная именно у кого мячъ, потому что будто-бы всѣ осаждающіе съ мячами, чтобы не убили, не знаютъ куда дѣваться и не знаютъ отъ кого удаляться, къ кому можно подходить безопасно. Между тѣмъ держащій мячъ только и ждетъ того случая: не подойдетъ-ли кто ближе, или не встанетъ-ли къ нему задомъ. Такъ кто нибудь изъ осаждаемыхъ бѣгаетъ отъ всѣхъ прочихъ и какъ на грѣхъ подходитъ ближе къ вооруженному. Случай готовъ. Вооруженный быстро вытаскиваетъ изъ зепи мячъ и бьетъ имъ несчастнаго врага. Послѣ этого самъ онъ и вся

его партія бѣгутъ за уголъ. У нихъ оружія не стало, оно въ рукахъ ихъ враговъ, которые, схвативъ мячъ, поспѣшно кидаютъ его въ бѣгущихъ. Если въ той и другой партіи будетъ по убитому, то игру продолжаютъ только остальные, а убитые—залашенные, отходятъ прочь. Такъ осаждающіе дѣлаютъ нападеніе на городъ до тѣхъ поръ, пока не перебьютъ всѣхъ осаждаемыхъ или пока всѣ не будутъ перебиты осаждающіе сами. Послѣ осады побѣдители всей партіей идутъ за уголъ, а побѣжденные входятъ въ кругъ. При этомъ нужно замѣтить, что осаждаемые рѣдко выходятъ побѣдителями и часто въ продолженіе всей игры находятся въ осадномъ положеніи. Игра изъ-за угла вонъ, (какъ я думаю, читатели, замѣтили), чисто воинственная. Въ ней играютъ дѣти отъ 8 до 14 лѣтъ обоего пола въ продолженіе всего краснаго лѣта на лугу.

6. Въ тесъ. Дѣти обоего пола берутъ мячъ и по очереди начинаютъ имъ играть въ такъ называемый тесъ. Игра въ тесъ состоитъ изъ двѣнадцати фигуръ.

Фигура 1-я. Играющій, взявъ мячъ, кидаетъ его на крышу какого нибудь строенія покрытаго тесомъ, тогда мячъ съ покатой крыши начинаетъ скатываться внизъ, тогда играющій не давая ему упасть на землю, ловитъ его обѣими руками положенное число разъ.

Фигура 2-я. Во второй фигурѣ играющій также кидаетъ мячъ на тесовую крышу, но ловитъ его уже одной рукой, а не обѣими.

Фигура 3-я. Играющій прислоняется спиною къ какой нибудь стѣнѣ, голову загибаетъ назадъ и въ такомъ положеніи кидаетъ мячъ такъ, чтобы онъ ударяясь объ стѣну выше головы, могъ упасть опять ему въ руки. Мячъ здѣсь изображаетъ галку.

Фигура 4-я. Въ четвертой фигурѣ играющій такимъ же образомъ кидаетъ и ловитъ уже одной рукой.

Фигура 5-я, въ стѣну бить. Играющій кидаетъ мячъ въ стѣну, и когда онъ отъ нея отскочитъ, то онъ, не схватывая его въ руки, тотчасъ-же снова отталкиваетъ въ стѣну. Эта фигура дѣлается только одной рукой.

Фигура 6-я, барашки. Игрокъ кидаетъ мячъ ладонью, нѣсколько его подбросивъ въ вверхъ, перевертываетъ руку затылкомъ и когда мячъ коснется затылка руки, игрокъ, опять подбросивъ его затылкомъ, перевертываетъ руку ладонью вверхъ и т. д. до законнаго числа.

Фигура 7-я, хамъ-съѣмъ-бочу. Игрокъ тихо опуская мячъ изъ руки внизъ и не давая ему долетѣть еще до земли, опять быстро его схватываетъ одной и той-же рукой, при этомъ онъ говоритъ: «хамъ, съѣмъ, бочу».

Фигура 8-я, въ землю заколочу. Игрокъ сильно ударяетъ въ землю мячомъ, когда мячъ отскакиваетъ, снова его отбиваетъ при этомъ говоритъ: «въ землю заколочу».

Фигура 9-я. Игрокъ лѣвой рукой упирается въ стѣну, а правою съ низу кидаетъ, черезъ нее, вверхъ мячъ и, не давая ему упасть на полъ, снова тотчасъ же ловитъ.

Фигура 10-я. Игрокъ поднимаетъ вверхъ лѣвую ногу, кидаетъ черезъ нее съ низу вверхъ мячъ, снова ловитъ его, когда онъ, описавъ кругъ, станетъ опускаться на землю.

Фигура 11-я, свѣчи лить. Игрокъ кидаетъ мячъ вверхъ, и когда онъ упадетъ на землю и отскочитъ отъ нея, тогда онъ его снова ловитъ. Положенное число разъ онъ ловитъ обѣими руками и потомъ столько же разъ одной рукой.

Фигура 12-я, молиться. Игрокъ кидаетъ мячъ не просто вверхъ, а въ стѣну, даетъ ему упасть на землю и потомъ уже, когда онъ отскочитъ, снова ловитъ его и опять кидаетъ. Когда игрокъ исполнитъ эти всѣ фигуры должнымъ образомъ, т. е. ни разу не уронитъ, когда его нужно схватить, тогда онъ со словами: «жениться хочу» мячъ кидаетъ вверхъ и подъ него подставляетъ свою вершинку. Если мячъ, отскочивши отъ вершинки игрока, будетъ кѣмъ нибудь на лету пойманъ, то у игрока пропадетъ задаромъ весь трудъ и онъ, чтобы выдти, всѣ фигуры дѣлаетъ снова. Если же мячъ не будетъ пойманъ слѣту, то игрокъ, значитъ, вышелъ и начинаетъ дѣлать другой, чей чередъ. Если играющій, на которой нибудь фигурѣ уронитъ мячъ, то, по закону игры, уже онъ не имѣетъ права продолжать, передаетъ мячъ другому, а самъ

ждетъ новаго череда. Когда до него дойдетъ новый чередъ, то онъ начинаетъ игру съ той фигуры, на которой остановился.

Когда всѣ играющіе выполнятъ сразу или не сразу всѣ фигуры, иначе сказать выйдутъ, женятся, и останется одинъ, тогда игра кончается и начинаются пытки. Несчастный игрокъ, оставшійся послѣднимъ и, не выполнивши остальныя фигуры съ одного пріема, принужденъ бываетъ, по закону игры, взять себя лѣвой рукой за правое ухо, а правую руку съ мячемъ просунуть въ образовавшійся кругъ, стать лицомъ въ какой нибудь уголъ и черезъ свое лѣвое плечо кидать къ своимъ товарищамъ, съ тѣмъ, чтобы они его били имъ въ спину, давали пытки. Онъ желалъ-бы закинуть мячъ какъ можно далѣе, потому законъ игры требуетъ бить съ того мѣста, гдѣ онъ остановится; пытка тогда была бы слабѣе, мячъ потерялъ бы много полученной силы, а можетъ быть совсѣмъ не долетѣлъ бы, кромѣ того тогда, по дальности разстоянія, нерѣдки были бы совершенные промахи; но ловко-ли кидать черезъ лѣвое плечо и притомъ, когда кольцо, образовавшееся изъ лѣвой руки, совершенно мѣшаетъ размахнуться? вотъ мячъ пролетѣлъ не болѣе друхъ саженъ, вдругъ падаетъ, вяло онъ катится нѣсколько шагогъ и останавливается. Мячъ поднимаетъ одинъ изъ вышедшихъ игроковъ и со всего размаха кидаетъ имъ въ спину несчастнаго, неловкаго игрока, съ тѣмъ чтобы онъ игралъ впередъ ловчѣе и искуснѣе. Пытуемый самъ беретъ свой бичъ и опять такимъ же образомъ кидаетъ его своимъ палачамъ—товарищамъ для такого-же удара, новой пытки. Каждый игрокъ, выполнившій, какъ слѣдуетъ, всѣ требованія игры, даетъ несчастному своему товарищу по три пытки. Такимъ образомъ, когда всѣхъ играющихъ бываетъ напр. 11 человѣкъ, тогда неловкій игрокъ получаетъ 30 пытокъ.

Это ужасно! Пытуемый судорожно ждетъ каждой пытки, жалобно вздрагиваетъ отъ каждаго сильнѣйшаго удара, наконецъ нерѣдко плачетъ. Подвергаясь пыткѣ несчастному, конечно, слѣдовало бы закаяться, чтобъ въ эту игру впередъ не играть и идти скорѣй домой. Такъ нѣтъ! онъ обиженъ, онъ наказанъ и непремѣнно хочетъ во второй разъ играть съ тѣмъ, чтобы хотя одному своему товарищу—палачу отомстить той же монетой; месть въ немъ кипитъ, и онъ съ затаенной злобой играетъ во второй разъ; нерѣдко снова вмѣсто мести принужденъ бываетъ самъ претерпѣватъ трудную пытку.

7. Игра въ ямки. Мячомъ въ ямки играютъ дѣти обоего пола отъ 8 лѣтъ до 12 и болѣе, въ продолженіе всего лѣта на зеленомъ лугу. Сила выигрыша въ этой игрѣ не только зависитъ отъ ловкости, сколько отъ случайности. Въ ней всѣ игроки принимаютъ участіе, каждому хочется выиграть интересъ, кто выиграетъ, тотъ не только избавляется пытокъ отъ другихъ, но самъ кидаетъ ихъ по нѣскольку проигравшимъ. Играющіе чертятъ на землѣ квадратъ величиною около двухъ саженъ, и затѣмъ каждый съ открытіемъ игры, беретъ себѣ палочку, роетъ ею себѣ въ объемъ мяча ямку. Ямки роются по одной прямой линіи, или гусемъ на разстояніи вершковъ двухъ каждая. Вырывъ ямку, каждый изъ играющихъ становится въ нее пяткой правой ноги и, поднявъ лѣвую ногу, начинаетъ вокругъ себя вертѣться. Это дѣлаетъ каждый для того, чтобы ямка была круглая и гладкая, словомъ, самая удобная для принятія катящагося мяча. Кончивъ ямки, всѣ дѣти сгруппировываются около ямокъ въ квадратѣ, а двое мальчиковъ встаютъ по направленію ямокъ одинъ съ того, а другой съ другого конца и начинаютъ другъ другу катать черезъ ямки мячъ. Мячъ, прыгая изъ ямки въ ямку, наконецъ въ чьей нибудь останавливается. Тутъ хозяинъ быстро схватываетъ мячъ и тотчасъ кидаетъ имъ въ кого нибудь изъ своихъ товарищей, бѣгущихъ вонъ изъ квадрата; когда ласящій не сдѣлаетъ промаха, въ кого нибудь попадетъ мячомъ за чертой квадрата, тогда въ ямку залашеннаго кидается камешекъ или щепочка, это значитъ, что хозяинъ этой ямочки уже разъ залашенъ. Когда же ласящій промахнется, тогда комешекъ или щепочку кладутъ въ ямку ласящаго въ знакъ его промаха.

Знакъ полученнаго отъ мяча удара и знакъ промаха имѣютъ для обоихъ невыгодныя послѣдствія, потому что у кого ихъ ранѣе, чѣмъ у послѣднихъ составится извѣстное условное число значковъ, положимъ пять, долженъ терпѣть непріятныя пытки. Если же играющій такъ быстро выхватитъ мячъ изъ своей ямки, что прочіе играющіе не

успѣютъ даже выбѣжать за черту квадрата, то онъ въ квадратѣ никого не имѣетъ никакого права ласить, а долженъ бываетъ мячъ кидать вверхъ съ тѣмъ, чтобы дать прочимъ играющимъ удобный случай выбѣжать изъ квадрата, но въ то же время, какъ только товарищи выбѣгутъ за черту квадрата, онъ ловитъ сверху мячъ и ласитъ бѣгущихъ. Когда у кого изъ играющихъ накопится условное число значковъ, тогда онъ выходитъ за черту квадрата и готовится къ пыткамъ. Прочіе продолжаютъ играть и играютъ до тѣхъ поръ, пока одинъ за другимъ всѣ, кромѣ одного, получивши полное число значковъ ударовъ и промаховъ, не выйдутъ изъ квадрата. Игрокъ, который не получитъ ни одного отъ другихъ лашень, а самъ не сдѣлаетъ ни одного промаха или когда то и другое выпадетъ на его долю въ меньшей мѣрѣ, остается побѣдителемъ. Побѣдитель отходитъ на нѣсколько сажень отъ своихъ товарищей, срываетъ съ луга какую нибудь травку, либо цвѣточекъ, притомъ такъ, чтобы товарищи никакъ немогли подглядѣть, какого именно рода сорванную травку онъ кладетъ въ свой карманъ, затѣмъ беретъ въ руки мячъ. Игроки послѣ этого идутъ на то мѣсто, гдѣ побѣдитель сорвалъ травку. Они также всѣ срываютъ по травкѣ или по цвѣточку и идутъ казать сорванное побѣдителю. Каждый изъ нихъ долженъ сорвать ту травку или цвѣточекъ, которую сорвалъ побѣдитель. Побѣдитель тайно отъ другихъ, поочередно, осматриваетъ у каждаго сорванное и тѣмъ, которые сорвали травку не ту, которую онъ, не угадали, даетъ въ спину по пыткѣ и отсылаетъ снова за новой травкой, а тѣхъ, которые отгадали, онъ спокойно отсылаетъ на свое мѣсто. Не угадавшіе травку въ первый разъ, часто не угадываютъ во второй, въ третій разъ и болѣе, и такимъ образомъ каждый изъ нихъ получаетъ пытки до тѣхъ поръ, пока не сорветъ травку того именно рода, какую сорвалъ побѣдитель. Послѣ пытокъ побѣдитель обязанъ всѣмъ показать сорванную имъ травку.

8. В ъ к о н ь к и. Мячемъ въ коньки играютъ только мальчики и то довольно уже взрослые. Въ коньки играютъ такъ: Нѣсколько мальчиковъ встаютъ въ одинъ кругъ, и одинъ изъ нихъ, взявъ мячъ ударяетъ имъ что есть силы о землю. Отскочившій отъ земли, мячъ нѣсколько мальчиковъ стараются поймать съ лету въ свои руки. Тотъ мальчикъ, который поймаетъ мячъ, садится послѣ этого въ одинъ разъ на спины всѣхъ другихъ мальчиковъ, ловившихъ мячъ, и снова ударяетъ имъ о землю, снова его ловитъ онъ самъ и другіе. Поймавшій мячъ всегда садится на спины другихъ ловившихъ, но не поймавшихъ, и ударяетъ мячъ о землю. На тѣхъ-же мальчиковъ, которые въ извѣстный разъ не ловили мячъ, поймавшій мячъ не садится. Въ этомъ состоитъ вся игра, но всѣмъ въ ней весело, всѣ смѣются. Свое названіе «коньки» игра получила отъ того, что здѣсь сидѣнье одного на спинѣ другаго весьма напоминаетъ ѣзду на конѣ верхомъ.

9. И г р а в ъ н а к в и т к у. Нѣсколько дѣтей, иногда съ десятокъ, а иногда и двое берутъ мячъ и начинаютъ имъ бить объ твердую землю, чаще-же объ какія нибудь доски или полъ. Отскакивающій отъ пола мячъ мальчикъ, не схватывая въ руки, ладонью опять его толкаетъ объ полъ и дѣлаетъ такъ до тѣхъ поръ, пока не промахнется. Удачно сдѣланное число ударовъ мячемъ объ полъ другой подручный мальчикъ непремѣнно долженъ отвадить и по возможности наквитать на своего товарища—подручнаго. А этотъ подручный въ свою очередь долженъ сдѣлать тоже самое и т. д. Весь интересъ этой игры заключается въ большинствѣ ударовъ-наквиты одного на другаго, и пытокъ здѣсь за неловкость нѣтъ. Въ наквиту играютъ большею частью въ комнатахъ.

А. Можаровскій.

Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія.

Сообщеніе П. К. Симони.

I.

Словарь областныхъ словъ, употребляемыхъ въ г. Устюгѣ Великомъ. (по записи 1757 г.).

Приведенный ниже словарикъ извлеченъ нами изъ рукописнаго сборника второй половины XVIII столѣтія, принадлежащаго собранію рукописей графа А. С. Уварова и полученъ нами отъ глубокоуважаемой графини П. С. Уваровой, которой и спѣшимъ вмѣстѣ съ читателями настоящаго сообщенія выразить нашу душевную признательность за любезное разрѣшеніе воспользоваться столь любопытнымъ матеріаломъ, въ немъ находящимся, и за обязательнѣйшее содѣйствіе нашей научной работѣ. Краткое описаніе означеннаго сборника № 2039 (176) (писаннаго скорописью на 160 листахъ въ 16 д. л.) см. въ «Систематическомъ описаніи Славяно-россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова», составленн. Архим. Леонидомъ, въ IV-ой части (М. 1894), Отдѣл. XVII, на стр. 398. Болѣе подробно весь настоящій сборникъ будетъ описанъ нами въ другомъ трудѣ нашемъ «Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій» (печатающемся въ томахъ 66 и 67 Сборника Отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ); пока же считаемъ достаточнымъ отмѣтить здѣсь, что сборникъ Великоустюжскихъ словъ помѣщенъ на лл. 1—14 об. и составляетъ особую тетрадку въ самомъ началѣ всего сборника; писанъ онъ въ рамкахъ, сдѣланныхъ чернилами и раздѣленныхъ чертою сверху внизъ пополамъ. Слова писаны въ лѣвой половинѣ страницы, толкованія же ихъ на правой. Отдѣлы съ словами на каждую букву начинаются всегда съ новой страницы. На лл. 16—19 помѣщены дополненія съ словами на буквы *б—ю*, а далѣе на лл. 56—73а снова повторенъ въ перебѣленной копіи весь словарь съ буквы *б* до *ю* включительно, но заглавіе опущено, на л. 56, гдѣ было выписано слово Артель съ толкованіемъ его—письмо тщательно выскоблено. Вторичное воспроизведеніе текста всего сборника словъ вызвано было вѣроятно потребностію свести весь разбросанный по разнымъ мѣстамъ словарный матеріалъ въ одномъ общемъ алфавитномъ порядкѣ. Въ первой редакціи словаря встрѣчаются поправки и приписки разными чернилами; отмѣчена нами и разница въ ороографическихъ пріемахъ записей 1-ой и 2-ой редакціи, причемъ въ настоящемъ изданіи первая редакція была нами принята за основную, а важнѣйшіе только варіанты и всѣ дополненія изъ текста второй редакціи присоединены въ печатномъ текстѣ въ скобкахъ. Прибавимъ еще, что на л. 160 читается запись: «1754 годꙋ генваря 10 числа подарилъ сеи книго' префектъ резанскои симинари Семенъ Алеѯѣичь Прапорщика Петра Жеребцова: (в Москвѣ:)».

При нѣкоторыхъ словахъ не дано объясненія ихъ значенія. При печатаніи буквы церковнославянскаго шрифта ѕ, ꙋ, ї и паерки, а также ударенія, надстрочные знаки, выносныя буквы, приписки варіантовъ надъ строкою и проч. здѣсь не соблюдены въ полной точности за неимѣніемъ таковыхъ въ типографіи, къ исправной же передачѣ вообще рукописнаго текста было приложено все стараніе издателя.

Краткое нѣкото | рыхъ рѣчей, въ Устю | гѣ великомь, и прот | чихъ окрестныхъ градѣхъ отъ тамошнихя | обывателей употреб | ляемыхъ: Собраніе по алѳави | тѹ.

А.

Артѣль—харчь или пища.

Б.

Божница—полица, на которой образы (=óбразы) ставятъ.
Баско—хороше(-о), добрѣ.
Барте—пожалуй.
Басюся—украшаюсь.
Бусъ—мушная пыль.
Барда—мутное питіе.
Башъ—бишъ.
Булькаю (л. 56 об. булкаю)—чимъ нибудь воду разбиваю.
Бугай—деревенское худое женское платье: сараѳан.
Баскій—хорошій.
Батъ: дубасъ—судно, изъ бревна выдолбленое.
Бусѣнецъ дождь—мѣлкій дождь.
Божатка—хрестная мати.
Бирючь—кликъ.
Болтушка—квас или пиво с толокном.
Бормотало—кто худъ языком.
Бормочю—худо говорю.
Буситъ—весьма мал й дождь идетъ.
Ботатъ (на л. 57 ботаетъ)—по водѣ чѣм бьетъ.
Булдыри (бул'дыри)—валдыри, *v* на водѣ бывают от вѣтру.
Бутыга—корова.
Бачерничетъ—небережно что разлѣвает.

В.

Валентиръ—лѣнивый, праздный.
Вачиги—рукавицы.
Вилавой—лукавой.
Вехоть—мочалка, которой моютъ *).
Вица—лоза, прутикь, дубч (на л. 57 об. дуб).
Воробы—на чемь нити вьют.
Видѣньјо—лице.
Вичьіо **) (=вѣч'іо набать)—на батъ.
Вјоснусь—весною.
Вилавство—лукавство.
Ворчю—мормочу.
Веретія. рјолка (=ріолка)—отмѣль.
Ворлыхан—вороватой человѣкъ.
Волокъ—чрез густой лѣс дорога.
В'тепу—в'биваю.
В'двиреть (=вдвиреть)—в'д'вое.
В'юха—лукавой человѣкъ.
В'епериваю—в'пехиваю.
Верещитъ—пылко горитъ.
Витушка—колачь маленкой.

Г.

Галушишъ — насмѣваеш'ся, издѣвае(шъся?)
Галушітъ—издѣвается ***).
Горшовикъ—отымалка.
Голчю—говорю.
Голбецъ—подъ избою онбаръ: казјонка.
Годня—способное время.
Гоношитъ—укратчи что берет.
Гадитъ—бранитъ.
Губница—масленики вареные.
Горошница—горох вареной.

Д.

Дубасъ—сараѳанъ: бревно выдолбленое.
Деженъ—съ чимъ нибудь смѣшеное толокно.
Дивнѣнькой, диковинной, дивной—немалъ, посредъственъ, многонкій.
Дулю—пью.
Дулитъ—п'етъ.
Дождь сѣпо(с)гной—маленкой дождь.
Душникъ—рыжики вареные.

Є.

Еретиха или еретитъ—кто скоро говоритъ.

Ж.

Житчина—тониикіи прутик (=тоненки пруток)
Жирнйкъ—ношникъ.
Жаравецъ—высокое у колодца бревно или очепъ.

---

*) На л. 16 лыко, которым что моют.
**) Изъ *и* сдѣлано *ѣ*.
***) л. 16 об. Галушитъ—смѣется.

З.

Захабецъ—выдолбленое мѣсто.
Зипунъ—каөтанъ(=кавтанъ.)
Зимусь—зимою.
Заступъ—скребокъ.
Закоковѣло, закоробило—замерзло.
Зѣвало—рохля, простакъ.
Захрязло, (захрясло)—загустѣло.
Зепь—карманъ.
Захолусье (=л. 60 об. Захолузье)—темное мѣсто.

И. I.

Извара—барда.
Ӥзжиль—скупый.

К.

Колшу(=комшу)—ѣмъ.
Коты—чирики.
Куржевина—инѣй.
Каөтанъ—шуба.
Кутю, кутю—куръ скликаютъ.
Кабатъ—деревенское женское платье.
Кутерга—вѣтръ со снѣгомъ, несетъ или съ дождем.
Кутитъ или метјőтъ—вѣтръ со снѣгомъ несетъ или съ дождем.
Кипючіи—суровый или быстрый.
Коробитъ—холодно.
Кокотокъ—ударъ.
Колотовато—трудно.
Кары—весма худо.
Калита̀—корманъ.
Колотится—стучится.
Курица паруӥя—коя цыплят высѣжыват
Клечь—стебль.
Канючитъ—проситъ.
Кобенитъ—несетъ.
Калиги—őбувь что на мертвых клад(ут).
Калики—люди, кои переходят из город(а) в город јспѣваютъ стихи(....).
Колотыга—докучливой человѣкъ.
Колско—слиско.
Кобенитъ—несетъ *).
Ковырею—землю копаю.
Крен'дель—колачь.
Колоушъ—киса.

Л.

Луда—густое съ чимъ либо смѣшеное толокно.
Латанье, лопоть—платье драное, худое.
Лучевникъ—касарь.
Лони—прошлого году.
Лытаю—гуляю.
Ладно—хорошо.
Лихо—больно(=бол'ко).
Лѣтось—лѣтомъ.
Люсо—изрядно, хороше.
Лыва, лужа—в логу вода дождевая.
Лопатъ—много ѣстъ.
Лыщикъ—лукавый.
Лащытся—ласкается.
Лихоманникъ—сія рѣчь сожалителная.

М.

Морокомъ прошло—чуть Богъ помиловалъ.
Меріоховица—обжіора.
Мѣлъ—дрожди.
Моршни—ис сыроп кожы обувь.
Мережа—сѣть.
Молотило—цепъ.
Мію—мою.
Мась, мась—овецъ кличутъ.
Мутовозъ—у преслицы веревка.
Мормочю—худо говорю.
Морочной день—мрачной день.
Михритъ—ѣстъ.
Мумритъ—худо *v*—тихо ѣстъ.

Н.

Нагрудникъ—запонъ.
Нахалъ—наянливый, напрасливый.
Наянъ—тожъ.
Нагавки—носкі у чулковъ.
Негодѣсьбы—такъ бы.
Нѣтӥна—
Ниоирь—непотребный.
Надолызло—наскучило.
Напарья—буравъ.
Неуболитъ—с'купитца.
Науркал'ся—нахлебался.
Нухритъ—чево ищетъ.

О.

Оціомъ—для чего.
Окурал'ся—худо оболокся.
Охлобыстень, охлебіоска—ударъ.
Очяпъ (=л. 64: очапъ)—на чемъ виситъ колыбѣль.
Охлупень—на кровлѣ верхнее бревно (долот...?)
Осенесь—осенью.
Охота—хочется.

---

*) На л. 62 при перепискѣ опущено.

Одноконно—конѣчно.
Окутал'ся—одѣлся.
Опйхаю—оталкиваю.
О́хобачиваю—бью.
О́щоулникъ—лукавыи.
О́ханъ—обманшик, лстецъ
О́турил—ударил.
О́кортомил—наемъ отдалъ.
О́щера—несогласной человѣкъ.
О́стеклел—пьян стал *v* напился.

П.

Папыря—ставецъ.
Пересовецъ—шестъ грядки.
Проуха—у бревна ушы.
[1]) Пургаско—малой человѣкъ.
Паперсть—на грудѣ у коня ремень
Подхвія—ремень на хрептѣ коня. (л. 17 об.: подхвія—такая ест конска з'бруя.
Похвій—ни к чему негодной человѣкъ.
Потникъ—под сѣдломъ войлокъ.
Паужнаю—полдничею—въ полдень ѣмъ.
Порато—очунь, зѣло.
Пригол*о*вашокъ—подголовокъ.
Падера—погода; буря зѣлная.
Подживотникъ—тѣсма *).
Прикопотки—носки.
Пареница—рѣпа пареная.
Пятра.
Порубень.
Понява.
Прикопоткй—носкй къ чулкам.
Пары—добрѣ, изрядно.
Порно—силно.
Пачесные нити—изолну вычески, а из того нити.
Поварница—чюмичь.
Перевала—дождь, которой с переменой йдет(тъ?)
Потеряха—к женскому полу сіе: которая заблудится.
Подлаза—лукавый.
Подхолюзился—запечалился.
Пригорюнился—тож.

Р.

Райна—машта.
Ручка—кадочка.
Рямушка—трепица.
Ростышкиваю—розбужаю.
Рощокол'да.
Радуница.
Рогаль—колачь (неболшой).
Ротитъ—бранитъ.

С.

Салникъ—ношникъ.
Силница—на чомъ муку сѣют, лотокъ.
Свесть—своячина.
Стырь—во тчанѣ втулокъ.
(р)стышкиваю **)—розбужаю
Страдую—всякій хлѣбъ с поля збираю.
Страда—съ поля збираніе хлѣба.
Сокѣра—топоръ тупой.
Ступни—обутки из лыка сплетены.
С'сачиваю—ищу.
Свитилно—свѣтецъ.
Скуделникъ—мертвыя тѣла опрятывающій.
Стјоганица—побой.
Скудаетца—не можетъ.
Својо стебенит.
Сырчаты сѣчотся—старается.
Стушлетъ—бьетъ.
Стушлею—бью.
Сталяя—лутче.
Сопіотъ (=л. 67: Сопјотъ)—много ѣстъ или велми крычит.
Сузіомъ (=сузјомъ)—непроходимое мѣсто в лѣсу.
Сестріон'ка—во втором колѣнѣ сестра.
Скалозубъ—просмѣшникъ.
Слиско—колско.
Сопатъ—много ѣстъ. Гряз(ъ)ю ѣдетъ.
Собачится—бранится.
Стышкиваю—бужу.
Согра—густой лѣсъ.
Сопотъ—лошат скоро бежитъ.

---

*) *ѣ* выправлено изъ первоначальнаго *а*.

**) Скоблено и остался слѣдъ начальной буквы р. На л. 66 об.—стышкиваю—разбужаю.

[1]) Пургаско—первоначально не князекъ-ли Чудской,—не насмѣшливое-ли прозвище? Срв. «Мѣс. Априля (1229 г.)» придоша Мордва съ Пургасомъ къ Нову-городу (Нижнему) ...«побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половци, и изби Мордву и всю Русь Пургасову, а Пургасъ едва въ малѣ утече». (Пушк. лѣтоп. Карамз. И. Г. Р. III, Пр. 350). Русь Пургасова—Русскія люди среди мордвы. *Ред.*

Т.

Тревожу—в набатъ бью.
Туисокъ (=туйсокъ)—буракъ.
Тепенка—квасъ съ толокномъ.
Тюричокъ—мотушка.
Торочокъ—шнурокъ.
Трямза, или тузъ или трезвонъ—разъ ударъ.
Тупица—топоръ тупый.
Туесъ—буракъ.
Тобурка—завертка.
Татарская вороница.
Турусить—с'сосна говорить.
Трелюжится—величается.
Толочитъ—за волосы дерет іли что рвет.
Туровитъ—торопит.
Торножитъ—толкаетъ.
Токаритъ—себѣ что присваивает.
Тепня—худо что сварено.
Токарь—что точит.

У Ꙋ.

Упаки: уледи—обутки изъ сырой кожи.
Уваливаю—постороняюсь.
Уваливай вода падіотъ.—отиди.

Ф ѳ.

Ѳуркаю.

Х.

Хруны—коросты.
Харавина—кожа.
Хазъ.
Харлапанъ.
Хлопочю.
Хлепетинье.
Холызнулъ.
Хрушки' (=хрушкій), хрушко—крупный, крупно.
Хлопнетъ—ростреснется.
Холтур(а?) (=холтуры).
Холнулъ бы—ударил бы.
Хорхорюсь—хвалюс *v* величаюсь.
Хапнулъ—много чего выпил *v* съ'ѣлъ.
Хапилищо—нахалной человѣкъ.
Халтура—что даром достанется пит, *v* ѣсть.
Хлибокъ—нетерпѣлив.

Ѿ.

Отваливай збуторомъ—отиди прочь

Ц.

Ціело—лобъ: или у печи устье.
Ципушка.
Цыпышъ—у коровья сосца само' кончик.

Ч.

Чапаруха—чарка
Чюсы—серги.
Читуха—гололедица.
Часо̆тъ—теперь, недавно̀.
Чивцо—черенъ у лопаты или у ложки.
Чивилги—тонкіе ноги.
Чолпанъ.
Чюпоршни.
Черепанъ—который горшки дѣлаетъ.
Черемной — рыжой, красные волосы (власы) јмѣю (ющъ?).

Ш.

Шабуръ—балахонъ.
Шуба—одѣяло.
Шан'га—пјрогъ незащипаной.
Шейма—снасть на которой якорь спущаютъ.
Шолга—среди судна древо.
Шерхебель.
Шелега.
Шипко—учюнь (=очюнь), жестоко.
Шушунъ или свитка—деревенское женское платье.
Шабарчитъ или шарчит—тихо идетъ кто.
Шаркунцѝ (=л. 71 об.: ширкунцы) — колокольчѝкѝ.
Штјо—что
Шпынь—шутъ.
Шишиморю—укратчи что беру.
Шаклея—мѣлкая рыба.
Шингаю—что растеребливаю.

Щ.

Щепетко—хороше.
Щаплю—бодрюсь.
Щуваю—закликиваю (=закликаю).
Щетинится—противится.
щотъ Устюжской: два, друзя два, пяташта, сема восма, девята десята

Ѧ.

Ягушка—малая овечка.
Ярушникъ—ячменной хлѣбъ.
Язнулся—взялься.

Ю.

Юритъ—в чем ни есть обманывает.
Юровиха—рѣзвая.

Далѣе на л. 15 об. помѣщены отмѣтки словъ вѣроятно съ цѣлію дать имъ впослѣдствіи опредѣленіе:

прочный непрочный, самородной | подѣлка. пересужаю. промежныи | отлоги отложистыя укромонно... | мимоходом рухлый накану | нѣ

На л. 73 есть помѣтка карандашемъ 301 (т. е. слово?).

II.

Вятскій областной словарь (1772 г.).

Въ бумагахъ покойнаго академика А. М. Шёгрена (1794—1855), хранящихся во II Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ находится между прочимъ помѣщенный ниже рукописный почеркомъ XVIII вѣка (на 12 страницахъ въ 4 д. л.) сборничекъ Вятскихъ областныхъ словъ, къ сожалѣнію не вполнѣ сохранившійся (обрывается на буквѣ *С*). Надо думать, что словарикъ этотъ былъ доставленъ изъ Вятской губерніи академику Шёгрену, путешествовавшему въ 1824 г. по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россійской Имперіи по Высочайшему повелѣнію для собиранія матеріаловъ по Статистикѣ Россіи, которую онъ готовился преподавать Высочайшимъ Особамъ.

На тетради словаря есть старая помѣтка чернилами: «Отпускъ, Іюня 18 дня 1772 года». Въ настоящее время словарь этотъ включенъ въ томъ, значащійся подъ шифрами—по каталогу П. И. Лерха—(Man. Sjoegreni. Cat. Lerchi) p. **19. 42.** № 28 и по новому описанію бумагъ ак. Шёгрена магистра Э. А. Вольтера—Man. Sjöegreni III. 1828. xx м/vi. (Къ сожалѣнію ни каталогъ Лерха, ни описаніе г. Вольтера до сихъ поръ еще не изданы). Выносныя буквы переданы курсивомъ. Заглавныя слова въ подлинникѣ пишутся всегда съ строчной буквы.

Слова и Рѣчи

Въ Вятской Провинціи особливо ў Простолюдиновъ употребляемые.

А.

Слова и рѣчи — ихъ знаменованіе

Абȁлтусъ—нескладный тѣломъ.
Алыр̑ю—притворяюся больнымъ.
Арȁсина—дубина палка большая.
Астрȁпъ—не пригожій ч(е)л(овѣ)къ.
А'тте!—вотъ еще! *знакъ удивленія.*

Б.

Бакўлить,—разговаривать отъ скуки.
Баклўши бить—пустое дѣлать.
Бȁско—хорошо.
Бȁхорю, бȁю,—говорю.
Бажў—предвозвѣщаю худо или добро.
Барȁбаю—граблями или перстами царапаю.
Барамȍшу—препятствую словами или дѣломъ.
Балўнъ—привыклый играть.
Балўю—безчинничаю.
Баклȁшокъ—фляга деревянная плоская.
Базȁню—крычу, плачу громко.
Базȁнъ—крикунъ.
Баламы̏ка—жидко разведенное толокно.
Бȁлмашъ—безразсудной.
Брылȁ—губа.
Бȉрко—стремительно.
Быркаю—бросаю.
Булы̏чь—кой выпучилъ глаза.
Булычȉ—выпученные глаза.
Бурылȁю—ртомъ пузыри пущаю.
Бузўю—перемѣшиваю.
Барȁхтаюсь—борюсь.
Болȍбанъ—невѣжа грубой.
Безпріютный—бездомной.

Бачеля̀га—рычагъ.
Бро̀дни—туфли.
Бла̀го—много.
Блажно̀й—дуракъ.

В

Вила̀влю—лукавлю.
Вила̀вый—лукавый.
Варлы̀жу—играю всегда.
Верюха̀ю—ломаю, коверкаю.
Во̀сетъ—недавно.
Ва̀тлаю—нескладно говорю.
Варо̀во—скоро.
Ва̀ксю—худо пишу дѣлаю.
Ви̇̀следь—повѣса, виликой и дурной.
Ви̇̀ча или вица—прутъ.
Вича̀жина—долгой прутъ.
Ва̀лень—лѣнивой.
Воро̀бы—инструментъ съ котораго моты свиваютъ.
Во̀рохъ—куча жита или сѣмени.
Ворошу̀—въ кучу собираю.
Ва̀реги—нижніе рукавицы.

Г.

Гоношу̀—безпрестанно что нибудь дѣлаю.
Га̀ркаю—кликаю.
Гу̀ня—одежда худая.
Го̀ны—разстояніе пахатной земли.
Гро̀хотъ—решето коимъ жито подсѣваютъ.
Голу̀бница—жилье въ избахъ крестьянскихъ подкрышкою. напотолокѣ.
Го̀жо—хорошо.
Га̀чи—*колоши* нижнія части портковъ около икръ.
Гойта̀нъ—тканецъ или цепка, на чемъ крестъ виситъ на шеи.
Га̀дюся—бранюсь.
Гомзу̀ля—часть хлѣба, мяса, совокупленіе круглыхъ вещей какъ напр. вмѣстѣ ростущихъ орѣховъ.
Гу̀рба—толпа.
Груню̀—тише рыси ѣду.
Горемы̀ка—несчастный.
Горе мычу—несчастіе терплю.

Д.

Ди̇̀вно—не мало.
Дю̇̀жо—силно.
Дрючу—сплю много.
Девети̇̀братъ—шершень болшой желтой родъ не сѣкомыхъ.
Дыля̀ю—бѣгаю чего.
До̀сталь—(нарѣчіе) наипаче. Больше паче.
До̀сталь (имя)—Бумажные красные нитки

Е.

Е̇́репесь или Ерпеса—суетливый нетерпѣливый.
Егошу̀сь—съ боку на бокъ переворачиваюсь.

Ж.

Жи̇̀люсь—о подлой вещи спорю.
Журю̀—увѣщаваю, выговариваю.
Жихру̀ю—живу.
Жу̀брю—ѣмъ тихо.

З.

За̀рюсь—въ азартъ прихожу.
Зба̀лмашъ—безразсудно. Ни съ того ни съ сіово.
Захолу̀стье—мѣсто глухое окруженное высотами.
Зы̇̀бка—колыбель.
За̀рко—азартно.
Зипу̀нъ - кавтанъ сѣрой.
Заде̇̀цъ—заходъ, нужникъ.
Заро̀дъ—скирда.
Заро̀къ положить—положить твердое обѣщаніе что нибудь не дѣлать.
Запонъ—Спереди платья подвязанная простинка особливо у женъ; иногда и у поваровъ.

И.

Испола̀тъ—спасибо, хорошо.
И'верень—отломокъ изъ средины.
Изъя̀нъ—убытокъ порча.
Іо̀мко—способно лехко.

К.

Корова̀й,—коврига, хлѣбъ одинъ спеченой.
Коточи̇̀гъ—инструментъ коимъ лапти ковыряютъ.
Кря̀таюсь—по младенчески крычу.
Кана̀ю—о комъ стараюсь.
Курѣ̀нь—деревня.
Кумелго̀ю катится—черезъ голову переметыватся, переворачиватся.
Ку̀барь—шаръ.
Ка̀верзы—клеветы жалобы.
Ку̀десю—въ уединеніи что нибудь дѣлаю.
Кащу̀—испражняюсь.
Космы̀ли—неубранные волосы.
Космы̀ля—неучесаной.
Коса̀рь—ножъ коим лучину щепаютъ.
Кулба̀ка—пирогъ съ рыбою.
Ко̀ртомъ—оброкъ.
Котря̀ю—коверкаю, ломаю въ мѣлко.
Канючу—безстыдно прошу.
Кокóра—пень съ кореньемъ вывороченой.
Кожи̇̀люсь—напрягаюсь.
Кобе̇̀ню—тяжелое несу или везу.

Л.

Лытàю—удаляюсь чего.
Лòпоть—платье.
Лукàю—бросаю.
Лонйсь—прошлого года.
Лотòнье—худое платьᵉ.
Лебезю̀—нѣжу.
Лепстòкъ—лоскутъ.
Ляпòкъ—малый ударъ, щолчокъ.

М.

Мчу̀—скоро волоку что.
Мòрмышъ—животное круглое сорное съ хвостикомъ въ гнилыхъ лужахъ зародившоеся кое просто уполовниками поварiòнками называется. и, какъ сказываютъ въ лягушку превращается.
Мичу̀рюсь—кривлю, лице моршу.
Морхй—манжеты у диревенскихъ женщинъ.
Мòргую—гнушаюсь.
Мору̀ю—тихо дѣлаю.
Мàтица—перекладъ средней на которомъ потолокъ лежитъ.
Моршèнь—женской чепецъ на лбу сморшеной.
Махòня—имѣющій долгiе рукава.
Моросйть—мѣлкой дождь идетъ.
Малахàй—шапка съ ушами.

Н.

Насу̀пливаюсь—надуваюсь знаки огорченія показываю.
Нырòкъ—утка ныряющая, выбой на дорогѣ.
На угàдъ—напрасно безразсудно.
Нàмѣкомъ } По догадкѣ.
На удалую }
На янню—нападаю безъ резону.
На юру̀—на высокомъ открытомъ мѣстѣ.
Негу̀нь—молчи.
Нагайка—плеть.
Нерàха—невѣжа изъ женскаго пола.
Натòриваюсь—навыкаю.
Нòровъ—привычка.
Нòчва—лотокъ.

О.

Обòрка—бѣчовка тонкая веревка.
Односу̀мъ—товарищъ въ пути.
Обаймъ—ошара цыганъ обманщикъ.
Огудàю—обманываю.
Огудàло—обманщикъ.
Остолòпъ—повѣса.
Óхлупень—выдолбленное бревно коимъ съ верху крышечныхъ досокъ концы прикрываютъ и прижимаютъ.
Окàрываю—оздоравливаю.
Óследь—долгое бревно.
Ощоу̀лъ—насмѣшникъ.
Ощоу̀лить—насмѣхатся.

П.

Путъ, пучокъ—свяска.
Порàтъ—весма.
Позòрю—порчу.
Пàщолокъ—ударъ невеликой.
Пестèрь—кузовъ плетеной изъ лыкъ или берестовъ.
Похàблю—порчу.
Понйтокъ—кавтанъ сермяжной изъ шерсти и нитокъ.
Пазгàть—пылать.
Прйстежъ—ожерелье женское.
Позорà—неспокойное житьё.
Пàполза—волокита.
Пòдволока—жилье над сѣнями.
Перекувыриваюсь—чрезъ голову перемѣтываюсь.
Подъ пазухи—мѣсто подъ плечами.
Пазуха—мѣсто подъ платьемъ на грудѣ.

Р.

Розйня—невѣжа полоротъ.
Рострепèня—неуборной.
Рòблю—работаю.
Рогàль или рогу̀ль—руковятка у сохи.
Ру̀шаю—хлѣбъ рѣжу.

С.

Сутяга—ссорливой.
Слàнь—фашинникъ.
Статю̀сь—хорошимъ кажусь.
Свѣрiòжой—здоровой
Сàдко—больно.

(Конца не сохранилось).

Объ особенностяхъ языка, въ г. Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ, Волог. губ.

(1850 г.).

---

1) Особенности мѣстнаго произношенія, состоящія въ особенной любви къ нѣкоторымъ звукамъ и переходѣ однихъ въ другіе, суть слѣдующія: слово нравъ произносится со вставкою буквы *д*, напр., говорятъ: это ему не ндравится. Въ нѣкоторыхъ словахъ буква *я* замѣняется буквою *е*, напр. егненокъ, еица, петница, тенемъ,—вмѣсто ягненокъ, яицо, пятница, тянемъ и т. п. Здѣсь любима замѣна буквы *ч* буквою *ц* и на оборотъ; а потому постоянно произносятся: цёловѣкъ, цяй, цяшка, уцитель, вм. человѣкъ, чай, чашка, учитель и т. п. также черковь, а иногда и черква, чярь и т. вм. церковь, Царь. Буква *щ* замѣняется буквою *ш* и *сш*—существо, вообше, вешь, веши, мѣсшанинъ вм. существо, вообще, вещь, вещи, мѣщанинъ. Слово лещъ произносится въ именительномъ падежѣ единств. числа правильно, но въ прочихъ падежахъ и во множеств. числѣ иначе—лешта, лешти. Щи называютъ шти. Вм. по шести, напр. рублей, говорятъ по шти руб.; карта шестерка называется считка, семерка и восьмерка—семитка, восьмитка. Также говорятъ комбата вм. комната; щё, сцё и штё вм. что,

Буква *ѣ* постоянно въ глаголахъ замѣняется буквою *и*—умию, смию, надиюсь, поидемъ, посвити и т. п.

Вмѣсто стрижемъ, печемъ говорятъ стригемъ, пекемъ. Всѣ глаголы въ прошедшемъ времени вм. *лъ* оканчивается на *у* (какъ-бы полугласное)—нашоў, браниўся, видяў, наняўся и т. п. Нѣкоторые глаголы въ прошедшемъ времени оканчиваются на *ѣлъ* вм. *илъ*—говорѣлъ, шутѣлъ, печка истопѣлася. Глаголы, кончащіеся на *ся* рѣдко сокращаются на *сь* въ 1-мъ лицѣ настоящ. и будущ. временъ и женскаго рода въ прошедшемъ времени, и потому говорятъ: моюся, боюся, отправлюся, прогуляюся, одѣлася, причесалася и т. п. и 3-е лицо един. и множ. числа настоящ. и будущ. временъ оканчивается на *ца* вм. *ся*, напр. онъ боитца, многіе смѣютца. Глаголъ курить въ повелит. наклон. оканчиваютъ на *ь*—курь трубку, курьте сигару.

Постоянно употребляются здѣсь слова: матерь, дочерь, и очень многіе говорятъ Марія, а не Марья; также говорятъ: на-встрѣту, кстины, кститься, вм. на-встрѣчу, крестины, креститься. Яшная мука называется ясная: спина произносится спи́на; сегодня—северни; вм. нынѣ—нонѣ; на-перепуть—на-спутье.

Частица *ка*, прилагаемая къ глаголамъ, напр., пойдемъ-ка, принеси-ка и т. п., прикладывается и къ мѣстоименіямъ 1-го и 2-го лица въ дательномъ падежѣ единств. числа—мнѣ-ка, тебѣ-ка; также гдѣ-ка.

2) Изъ общеизвѣстныхъ словъ здѣсь употребляются въ особенномъ смыслѣ слѣдующія: дивно употребляется съ большою любовію въ значеніи: довольно, много, а иногда и хорошо; напр., спрашиваютъ: много ли было въ извѣстномъ мѣстѣ народу или гостей?—«дивно—таки или дивненько», если не очень много; а если много—«дивно говоритъ, иногда и людно, но первое употребительнѣе послѣдняго; говорятъ также: дивно времени, дивно снѣгу и т. п. Тутъ-то живетъ дивненько или дивно таки т. е. довольно хорошо. Шибко и пора̀то имѣютъ тоже значеніе, кромѣ хорошо.

Городъ Архангельскъ называется просто городъ, и потому выраженіе—онъ отвалилъ къ городу, или—онъ теперь у городи, значитъ: поплылъ въ въ Архангельскъ, или—онъ въ Архангельскѣ. Всякая вещь, привезенная изъ Архан-

гельска, называется городскою, такъ наприм. эта семга городская, а не Печора, полотно городское и т. п. значитъ Архангельское.

Подъ словомъ губы здѣсь разумѣются лѣсныя растенія—грибы съ подраздѣленіемъ ихъ на породы; а губы у человѣка называются брилы. Ягода поляника называется княжица, а красная смородина—кислица. Лихо значитъ тошно, больно; Мѣлъ—дрожжи, сутки—передній уголъ въ комнатѣ (подъ образами), сегодній—нынѣшній. Если кто испортилъ что либо, тому говорятъ: «экъ ты это изругалъ!»

Вмѣсто почему, отъ чего или для чего? постоянно говорятъ о чемъ (произносимое о цёмъ); напр, о чемъ ты не пошелъ гулять? о чемъ ты его не любишь? и т. п. Вмѣсто утвержденія такъ точто или да говорятъ какъ же! Спрашиваютъ напр., вы родственникъ тому-то? ужъ непримѣнно отвѣтитъ—«какъ-же»! или: вы сегодня имянинникъ?—«какъ-же!» какъ будто иначе и быть не можетъ.

Если надобно узнать фамилію или прозваніе чье-либо, то спрашиваютъ: чьихъ (цьихъ) ты пишешься? А если спросить — какъ твая фамилія? то, пожалуй, можно получить отвѣтъ—здоровы потому что фамиліей многіе здѣсь называютъ жену. Судя по вопросу—чьихъ, и отвѣтъ бываетъ также въ родительн. падежѣ множеств. числа; отъ этого есть здѣсь нѣсколько и коренныхъ фамилій на *ыхъ* или *ихъ* напр., Бѣлыхъ, Нагихъ и т. п. Даже и обыкновенныя фамиліи перемѣняются при такомъ вопросѣ въ родит. множеств. числа, такъ напр. вм. Соболевъ, Протопоповъ говорятъ: Соболевыхъ, Протопоповыхъ.

3) Наконецъ помѣщается здѣсь нѣсколько словъ мѣстныхъ, съ пояснительными примѣрами употребленія ихъ въ рѣчи. Къ числу такихъ словъ относятся слѣдующія: кляньцить и клешобо́ить, слова почти синонимическія,—означающія много или лишка говорить. Они употребляются крестьянами при продажѣ чего либо. Значеніе ихъ можно видѣть яснѣе изъ слѣдующихъ мѣстныхъ выраженій: да сцё тутъ? много кляньцить я не люблю, давай буде (наприм. за возъ дровъ) послѣднюю чѣну—двоегривенникъ!« или: кто много торгуется тому говорятъ: «да сцё тутъ клешобоить-то?—давай буде то-то». Очень часто употребляются слова: на-собацство, на-покась т. е на-зло, напротивъ. Артиль—собраніе кушанья къ столу, напр. говорятъ: «у нихъ севодни и артили-то нѣтъ, одинъ хлѣбъ». Вѣхоть—мочалка, которою моютъ посуду, полы; латка—плошка, крынка; царкй-коты или головки, пришиваемыя къ голенищамъ. Вм. нынѣ говорятъ нонѣ; лонй, лонйсь зн. прошлаго года, хрушкой—крупный, дру́гомя—иначе; робить—работать, доспйть—сдѣлать повелит. наклон. робь, доспйй; заѣдка—закуска.

Бранныя слова: дйкой, шкаредь, возми тебя цёрная немоць; тресся (лихорадка), будь ты киловатъ!

Въ разговорѣ постоянно употребляется словцо то́тъ-воно или тово́-воно, означающее—дай Богъ память—или просто вставляется говорящими, когда не могутъ вдругъ сказать того, о чемъ думаютъ.

Вмѣсто вотъ тутъ или здѣсь, когда показываютъ на самый предметъ или мѣсто, говорятъ: э̀во, этта-кà, туто-кà, тамо-кà; а когда долго искомое находятъ, то скороговоркою и съ крикомъ повторяютъ: э̀во, э̀во, э̀во!

Постоянно здѣсь слышно переспрашиванье. Если придетъ покупать напр., дровъ, молока, яицъ и проч., то непремѣнно каждый продающій, или продающая переспроситъ. Спрашиваетъ: дорогъ ли возъ дровъ? «возъ-отъ?» или: что стоитъ буракъ молока? «туэсъ-о̀тъ?» (туэсъ значитъ берестяной буракъ) и т. д. Такое переспрашиванье бываетъ не только при разныхъ у одного хозяина предметахъ, но и при одномъ только.

Вотъ главныя и кратко описанныя мѣстныя особенности языка, употребляемыя наибольшею частію жителей здѣшняго города и уѣзда!

Николай Чернавскій.

Устюгъ.
12 Марта 1850 года.

Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія.

Сообщеніе П. К. Симони.

I.

Словарь областныхъ словъ, употребляемыхъ въ г. Устюгѣ Великомъ.

(по записи 1757 г.).

Приведенный ниже словарикъ извлеченъ нами изъ рукописнаго сборника второй половины XVIII столѣтія, принадлежащаго собранію рукописей графа А. С. Уварова и полученъ нами отъ глубокоуважаемой графини П. С. Уваровой, которой и спѣшимъ вмѣстѣ съ читателями настоящаго сообщенія выразить нашу душевную признательность за любезное разрѣшеніе воспользоваться столь любопытнымъ матеріаломъ, въ немъ находящимся, и за обязательнѣйшее содѣйствіе нашей научной работѣ. Краткое описаніе означеннаго сборника № 2039 (176) (писаннаго скорописью на 160 листахъ въ 16 д. л.) см. въ «Систематическомъ описаніи Славяно-россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова», составленн. Архим. Леонидомъ, въ IV-ой части (М. 1894), Отдѣл. XVII, на стр. 398. Болѣе подробно весь настоящій сборникъ будетъ описанъ нами въ другомъ трудѣ нашемъ «Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій» (печатающемся въ томахъ 66 и 67 Сборника Отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ); пока же считаемъ достаточнымъ отмѣтить здѣсь, что сборникъ Великоустюжскихъ словъ помѣщенъ на лл. 1—14 об. и составляетъ особую тетрадку въ самомъ началѣ всего сборника; писанъ онъ въ рамкахъ, сдѣланныхъ чернилами и раздѣленныхъ чертою сверху внизъ пополамъ. Слова писаны въ лѣвой половинѣ страницы, толкованія же ихъ на правой. Отдѣлы съ словами на каждую букву начинаются всегда съ новой страницы. На лл. 16—19 помѣщены дополненія съ словами на буквы *б—ю*, а далѣе на лл. 56—73а снова повторенъ въ перебѣленной копіи весь словарь съ буквы *б* до *ю* включительно, но заглавіе опущено, на *л.* 56, гдѣ было выписано слово Артель съ толкованіемъ его—письмо тщательно выскоблено. Вторичное воспроизведеніе текста всего сборника словъ вызвано было вѣроятно потребностію свести весь разбросанный по разнымъ мѣстамъ словарный матеріалъ въ одномъ общемъ алфавитномъ порядкѣ. Въ первой редакціи словаря встрѣчаются поправки и приписки разными чернилами; отмѣчена нами и разница въ орѳографическихъ пріемахъ записей 1-ой и 2-ой редакціи, причемъ въ настоящемъ изданіи первая редакція была нами принята за основную, а важнѣйшіе только варіанты и всѣ дополненія изъ текста второй редакціи присоединены въ печатномъ текстѣ въ скобкахъ. Прибавимъ еще, что на л. 160 читается запись: «1754 годꙋ генваря 10 числа подарилъ сеи книго' префектъ резанскои симинари Семенъ Алеѯѣичь Прапорщика Петра Жеребцова: (в Москвѣ:)».

При нѣкоторыхъ словахъ не дано объясненія ихъ значенія. При печатаніи буквы церковнославянскаго шрифта ѕ, ꙋ, ї и паерки, а также ударенія, надстрочные знаки, выносныя буквы, приписки варіантовъ надъ строкою и проч. здѣсь не соблюдены въ полной точности за неимѣніемъ таковыхъ въ типографіи, къ исправной же передачѣ вообще рукописнаго текста было приложено все стараніе издателя.

Да ўжо грушка лиćцикъ распуская,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка лиćцикъ распуćцила,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка зацвитая,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка отц'витая,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка ў завязь бярецца,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка паспѣвая,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушку пара щыпаци,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!

Кругъ мгновенно размыкается и начинаютъ щипать сидящую дѣвушку.
(Записано со словъ ученика изъ д. Слочвы, Вселюбск. вол., Новогрудск. у.).

---

2. Пани Ксеня.

Играющія дѣвушки составляютъ кругъ; одна изъ нихъ садится въ кругѣ на небольшомъ возвышеніи и изображаетъ «паню Ксеню». Двѣ, много три, дѣвушки выдѣляются изъ круга и поютъ:

«Ци ня мусимъ, пани Ксеня,
Адну цорку даци?»

Пани Ксеня имъ отвѣчаетъ (тоже поетъ):

«Я ня мушу цорки даци,
Бязъ цорки ўстаци».

Кругъ размыкается; отдѣлившіяся дѣвушки берутъ изъ круга подругу, танцуютъ съ нею «круцёлку» и поютъ:

«Вотъ видзи, паня Ксеня,—
Твая цорка зъ нами
У танэчку,
У вянэчку,
Танцуя зъ нами».

Дѣвушка, съ которой танцовали, отдѣляется и садится особнякомъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока около «пани Ксени» не останется ни одной дѣвушки.
(Записана въ с. Никольскѣ, Минск. у.).

---

3. Мостъ.

Становятся играющія дѣвушки въ шеренгу и берутся за руки. Изъ среды ихъ выходятъ двѣ дѣвушки, становятся лицомъ другъ къ дружкѣ и тоже берутся за руки. Стоящія въ шеренгѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

«Яварь, яварь, яваровы людзи!
Чего вы тутъ стаćце, яваровы людзи?»

Отдѣлившіяся въ отвѣтъ имъ поютъ:

«Мы тутъ стаёмо,
Мостъ падаёмо!»

Подруги ихъ начинаютъ упрашивать (тоже поютъ):

«Яваръ, яваръ, яваровы людзи!
Пшепускайця ўшыстке пшесъ становы моста».

Отдѣлившіяся отвѣчаютъ имъ слѣдующимъ стихомъ:

«Мы ўшыстке пшепускаемъ!»—
Адну сабѣ астаўляемъ!»—

подымаютъ руки, и всѣ подруги проходятъ имъ подъ руки, кромѣ послѣдней, которую онѣ задерживаютъ, опустивъ руки. Игра длится до тѣхъ поръ, пока не будутъ задержаны всѣ дѣвушки. Задержанныя дѣвушки участвуютъ въ пѣніи.

(Записана въ с. Никольскѣ, Минскаго уѣзда).

4. Рожа.

Садятся въ рядъ на землѣ, лицомъ въ затылокъ, нѣсколько человѣкъ дѣтей, преимущественно по росту—выше ростомъ назади, а ниже ростомъ впереди. Сидящій послѣднимъ изображаетъ собою Рожу. Одинъ изъ играющихъ, выбранный заранѣе для этой цѣли, въ подпрыжку на одной ногѣ, обѣгаетъ нѣсколько разъ сидящихъ, приговаривая: «Рожа, Рожа, свин'ня ў агародзи!» Рожа отвѣчаетъ: «Пайдзи выжань и рѣпку вырви». Тогда бѣгающій снова принимается за свое дѣло съ крикомъ — усь! усь!— послѣ чего вырываетъ себѣ рѣпку—выводитъ изъ среды играющихъ сидящаго впереди. Выведенный такимъ порядкомъ не можетъ участвовать въ игрѣ до окончанія ея. Игра тянется въ такомъ же порядкѣ до тѣхъ поръ, пока гоняющій свиней не вырветъ всей рѣпы, т. е. пока не повыведетъ изъ ряда всѣхъ играющихъ. Въ заключеніе игры дѣти гурьбой поднимаютъ «Рожу».

(Записано въ с. Никольскѣ, Минскаго уѣзда).

Описанныя игры не имѣютъ положеннаго времени и по своему характеру могутъ быть играемы, какъ въ комнатѣ зимой, такъ и въ лѣтнее время на лугу, въ полѣ и т. д.; но есть нѣсколько игръ, которыя, по заведенному обычаю, болѣе или менѣе пріурочены ко времени, хотя и тутъ нельзя замѣтить строгой опредѣленности; такъ напр., игры «король (№ 2)», «лиса- ганяць», «котъ и мышь», «мышка» играются и лѣтомъ и зимой, но въ послѣднемъ случаѣ гораздо чаще, посему я и отнесъ ихъ къ числу зимнихъ игръ. Вообще при распредѣленіи игръ на рубрики я руководствовался степенью употребительности извѣстной игры въ данное время. Что же касается игръ весеннихъ и лѣтнихъ, то онѣ постоянно перемѣшиваются; однакожъ нельзя не замѣтить здѣсь, что, такъ сказать, сезонъ лѣтнихъ игръ всегда открывается свинкою», «крумкачемъ», «дѣтьми» и пр. Игра «с'винка» даже вполнѣ можетъ считаться весеннею, такъ какъ она всегда открывается вмѣстѣ съ наступленіемъ весны и прекращается также вмѣстѣ съ весной.

Вотъ перечень извѣстныхъ мнѣ игръ бѣлорусскихъ дѣтей, пріуроченныхъ ко времени, съ болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ производства ихъ.

Весеннія.

5. С'винка.

Выкапывается гдѣ-нибудь на болѣе ровномъ мѣстѣ небольшая ямочка, глубиною 2—3 вершка (токъ, гумно). Кругомъ этой ямки, въ нѣкоторомъ отдаленіи (аршина 1½), выкапываются другія, немного меньшихъ размѣровъ *). Играющіе, каждый съ палкой въ рукѣ, становятся у ямокъ. Въ кругъ вбрасывается камень, по возможности круглой формы, величиною въ кулакъ (с'винка). Одинъ изъ играющихъ старается вкатить (вагнаць) при помощи палки «с'винку» въ «гумно»; а остальные игроки обязаны отбивать ее своими палками отъ «гумна». Сдѣлавъ ударъ по «с'винкѣ», играющій какъ можно скорѣе спѣшитъ «стать» обратно палкой въ ямку, потому что если впередъ это сдѣлаетъ гонящій «с'винку», то ихъ роли должны будутъ перемѣниться. Когда удается «вагнаць с'винку» въ «гумно», то всѣ играющіе мѣняются мѣстами, и никто не долженъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ. Кто останется при этомъ безъ мѣста, тотъ долженъ «гонять с'винку» въ «гумно». Предъ началомъ игры для опредѣленія, кому «гонить с'винку» въ «гумно», всѣ участники игры становятся въ рядъ лицомъ въ одну сторону, приставляютъ свои палки къ ногѣ и три раза бросаютъ ихъ впередъ движеніемъ ноги; кто въ третій разъ броситъ свою палку на наименьшее разстояніе, тому и поручается гонка «с'винки» въ «гумно». Иной разъ съ этой цѣлью берутся всѣ играющіе за палку, съ самаго низу ея, и одинъ за другимъ, въ строгомъ порядкѣ, перехватываются руками за верхнюю часть ея, пока не дойдутъ до самаго верху; чья рука окажется на верху палки, тотъ и признается загонщикомъ. Такимъ образомъ, рѣшаются всѣ недоразумѣнія, возникающія между играющими во время самой игры, напр., когда двое изъ нихъ одновременно «станутъ» въ одной и той же ямкѣ. Если случится кому-либо изъ играющихъ отлучиться на короткое время, то онъ произноситъ—цуръ ямка!—и его мѣсто остается праздным ъ до возвращенія.

(Наблюдалъ безъ всякихъ измѣненій въ с. Никольскѣ Минскаго уѣзда и во Вселюбской вол. Новогрудскаго у.).

---

6. Крумкачъ (во Вселюб. вол.—«дѣти»).

Всѣ участвующія въ игрѣ дѣти становятся въ рядъ, лицомъ въ затылокъ, и берутся каждый сзади за одежду своего сосѣда. Обыкновенно стараются стать подъ ранжиръ—меньшія взадъ, а большія напередъ. Самый передній изображаетъ «матку» и почти всегда бываетъ проворнѣе, ловче и сильнѣе другихъ. Противъ него становится кто-либо другой изъ мальчиковъ или дѣвочекъ и изображаетъ собою «крумкача» (или волка). Иной разъ на мѣсто «матки» становится дѣвочка, а на мѣсто «крумкача» мальчикъ, и это считается болѣе естественнымъ. «Крумкачъ» изо всѣхъ силъ старается отхватить одно «дитя», а «мать», напротивъ, старается воспрепятствовать этому. Между ними предъ началомъ игры происходитъ разговоръ въ родѣ слѣдующаго. «Мать» спрашиваетъ: «За что ты хватаишъ маихъ дзяцей?» «Крумкачъ» отвѣчаетъ: «А на што жъ яны мнѣ шкоду робяць»—«А якую яны табѣ шкоду зрабили?»—«Гарохъ паталачыли, моркаў павырывали, капусту паламали» и т. д. (перечисляетъ разные виды «шкоды»). —«Ты самъ вынаватъ, што низка плотъ гародзишъ. Ты бъ вотъ гэтакъ загарадзиў!» и при этомъ «матка» подбрасываетъ вверхъ камешекъ или щепотку песку. «Крумкачъ» говоритъ: «Я вотъ гэтакъ загарадзиў, а яны ўлѣзли»—и подбрасываетъ камешокъ или немного песку еще выше. Послѣ этого «крумкачъ» рвется возможно скорѣе перехватать «дѣтей», но «матка» всѣми мѣрами мѣшаетъ ему. Итакъ, они борются до тѣхъ поръ, пока «крумкачъ» не сможетъ отхватить всѣхъ «дѣтей». Отхваченныя идутъ въ сторону

---

*) По числу играющихъ безъ одного.

и не участвуютъ въ игрѣ. Хватать «крумкачъ» можетъ лишь сзади. Когда всѣ «дѣти» будутъ отхвачены отъ «матери», то они въ наказаніе щиплютъ «матку». Этимъ и кончается игра.

(Наблюдалъ тамъ-же, гдѣ и игру № 5).

---

7. Дѣти.

Старшія изъ играющихъ берутъ дѣтей моложе себя, садятъ ихъ въ кругъ, лицомъ въ середину, стараясь при этомъ разнять чѣмъ побольше кругъ, а сами становятся у нихъ сзади. Одинъ изъ играющихъ остается безъ дитяти, поочередно подходитъ къ каждому имѣющему дитя и спрашиваетъ: «Што продаяшъ?»—«Дитя», отвѣчаетъ тотъ. «Што хочашъ?» Въ д. Слочвѣ Вселюбск. вол., Нов. у. отвѣчаютъ при этомъ—«Каня варанога и чырвонца залатого»; а въ с. Никольскѣ, Минск. у.,—«Сто рублёў, бочку крупъ и трасцу бацьку твайму ў пупъ». Послѣ этого покупщикъ и продавецъ бѣгутъ кругомъ остальныхъ дѣтей, каждый въ противоположную сторону; кто изъ нихъ первый добѣжитъ до дитяти, тотъ и считается владѣльцемъ его, а другой идетъ съ запросомъ къ слѣдующему. Такъ все время и продолжается игра.

(Записана тамъ-же, гдѣ и предыдущіе два номера).

---

8. Каменьчыки.

Берутъ пять болѣе или менѣе круглыхъ, величиною въ пулю, камешковъ. Всѣ играющіе усаживаются въ круговую гдѣ-нибудь на ровномъ мѣстѣ; кромѣ того мѣсто, предназначенное для схватыванья камешковъ, высыпается пескомъ. Самая игра идетъ въ такомъ порядкѣ: «Пѐршыки». Играющій разсыпаетъ камешки, беретъ одинъ въ руку и начинаетъ схватывать по одному остальные, подбрасывая и ловя на лету одновременно съ ними взятый прежде въ руку камешокъ. «Двойки». По разсыпкѣ камешковъ берется также одинъ для подбрасыванья, остальные схватываются уже по два вмѣстѣ. «Тройки». Камешки схватываются одинъ разъ совмѣстно три, а другой разъ остальной одинъ. «Апошники» ничѣмъ не разнятся по своему производству отъ «першыковъ». «Гуран'не». камешки тщательно укладываются на ладонь, подбрасываются вверхъ и на лету подхватываются верхнею частью ручной кисти, откуда прежнимъ порядкомъ переводятся обратно на ладонь. Сколько камешковъ попадетъ на ладонь, столько и считается сыграннымъ Игра обыкновенно закладывается на нѣсколько десятковъ. Участники игры во время «гуранья» стараются помѣшать своему товарищу словить болѣе одного камешка, крича—«пяць гугли ляцяць!» Въ случаѣ при «гураньи» будетъ словленъ только одинъ камешекъ (гугель) или же ни одного не будетъ словлено, то вся предыдущая игра отъ «першыкаў да апошникаў» пропадаетъ даромъ и, кромѣ того, камешки передаются слѣдующему игроку *). Тоже дѣлается, если играющій нечаянно затронетъ ненужный ему камешокъ, также если во-время не подхватитъ подброшеннаго вверхъ, или предназначеннаго къ схватыванью камешка, такъ какъ всѣ эти промахи считаются ошибкой. Опоздавшій въ игрѣ доигрываетъ одинъ, но ошибки все-таки считаются: сколько онъ сдѣлаетъ ошибокъ, столько долженъ будетъ впослѣдствіи схватить «калоў». «Колы» состоятъ въ томъ, что камешки при схватываньи кладутся въ рядъ на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга; разстояніе это съ каждымъ разомъ уменьшается, и въ концѣ концовъ камешки кладутся одинъ при другомъ. Сдѣланныя при этомъ ошибки опять сосчитываются и по числу ихъ назначаются къ схватыванью «кучки»,—такъ зовутъ камешки, положенные въ общее мѣсто. «Кучки» схватываются въ первые разы по одному камешку, а въ по-

---

*) Передача камешковъ идетъ въ круговую. При этомъ надо замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, когда въ игрѣ происходитъ круговое движеніе, то оно дѣлается по солнцу (якъ сонца ходзиць).

слѣдній вмѣстѣ всѣ камешки. Если и при этомъ будутъ сдѣланы ошибки, то проигравшій угощается своими товарищами такимъ количествомъ ударовъ въ лобъ камешкомъ (лызгуны), сколько было сдѣлано имъ ошибокъ. Между прочимъ замѣчу, что игра эта считается богопротивной и строго запрещается старшими въ Великій постъ; даже и въ обыденное время играющіе въ нее получаютъ иногда выговоръ. Мотивъ этого ставятъ въ томъ, что «камѐн'нями жыдэ били Пана Язуса», поэтому играющій «ў каменьныкі» будто бы по неволѣ становится ихъ сообщикомъ.

(Записана въ с. Никольскѣ, Минск. у.; играется также и во Вселюбской вол., Новогрудск. у.).

9. Король (а).

Каждый участвующій въ игрѣ собираетъ по 24 небольшихъ, величиною въ фасоль, камешка. Всѣ камешки ссыпаются въ общую кучу. Кто-либо изъ играющихъ захватываетъ изъ нея «въ жменю» столько камешковъ, сколько ихъ можетъ помѣститься тамъ, подбрасываетъ ихъ вверхъ и подлавливаетъ потомъ верхней стороной ручной кисти; словленные камешки опять подбрасываются вверхъ и ловятся въ ладонь. Что попадетъ въ ладонь, то считается окончательно сыграннымъ и откладывается въ сторону; и играющій опять начинаетъ продѣлывать ту же процедуру. Если ему не случится словить ни одного камешка, или же если онъ словитъ только одинъ камешекъ, то право ловить камешки переходитъ къ слѣдующему игроку и т. д. Кто изъ играющихъ первый словитъ свои 24 камешка, тотъ остается королемъ, и игра считается оконченной.

(Записана въ с. Никольскѣ, Минскаго уѣзда).

Лѣтнія.

10. Дзежа (кусочница).

Берется брусокъ (пирамидка) вершокъ длиною и линій 5 толщиною. На одной изъ его сторонъ вырѣзывается косой крестикъ, на 2-ой—одна зарубинка, на 3-й—три, на 4-й—двѣ. Выбравъ удобное мѣсто для подбрасыванія бруска, разстилаютъ какую-либо одежду, по преимуществу кладутъ шапку для кладки хлѣба, потому что «здзѣкавацца» съ хлѣба—класть его на голую землю—грѣхъ. На разостланную одежду каждый участникъ игры кладетъ кусочекъ хлѣба. Послѣ этого начинается поочередное подбрасыванье бруска. Если брусокъ падетъ вверхъ стороной съ одной зарубинкой, то бросавшій кладетъ штрафу одинъ кусочекъ хлѣба, если сторона съ двумя зарубинками окажется наверху, то бросавшій штрафуется двумя кусочками; если съ тремя,—то тремя; кромѣ сего во всѣхъ этихъ случаяхъ брусокъ передается другому игроку. Когда же очутится вверху строна съ косымъ крестикомъ (дзежа), то подбрасывавшій забираетъ себѣ весь выложенный хлѣбъ. дѣлается новая складчина, и выигравшій первый подбрасываетъ брусокъ. Бываютъ случаи, что брусокъ падаетъ на однимъ изъ своихъ концовъ (стоўбь), тогда подбрасывавшій можетъ вторично подбросить брусокъ и не штрафуется ничѣмъ. Игра въ такомъ порядкѣ можетъ длиться любое время.

(Записана въ с. Никольскѣ, Минскаго уѣзда).

11. Гуси.

Выбирается «гаспадаръ» и «воукъ» изъ болѣе ловкихъ дѣтей, остальныя считаются гусями. «Гаспадаръ» избираетъ себѣ мѣсто для стоянки, а «воўкъ» засаду. На обязанности «гаспадара» лежитъ выгонять «гусей» на «пāшу», а «воўкъ» долженъ хватать ихъ при каждомъ возвращеніи ихъ домой. Выгнавъ на «пашу» «гусей»,

«гаспадаръ» возвращается домой и начинаетъ звать ихъ: «Геньци, геньци, йцьце дому—пльце (wilk, wilczek?) за гарою!» «Гуси» съ крикомъ бѣгутъ къ мѣсту стоянки, «воукъ» выскакиваетъ изъ засады и хватаетъ ихъ. Каждый разъ «воукъ» можетъ ухватить лишь одного «гуся». Отхваченные не участвуютъ въ игрѣ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока «воукъ» не перехватаетъ всѣхъ «гусей».

(Записана въ с. Никольскѣ).

---

12. Крупникъ.

Кладутся на вбитую въ землю палку шапки всѣхъ играющихъ мальчиковъ. Каждый участникъ игры обязанъ перепрыгнуть чрезъ эту палку опредѣленное число разъ (три—шесть, какъ положатъ). Если кто-либо во время прыганья зацѣпится и сброситъ съ палки одну или нѣсколько шапокъ, то по окончаніи игры его прогоняютъ чрезъ строй всѣхъ играющихъ столько разъ, сколько онъ сбросилъ шапокъ. Стоящіе въ строю въ это время бьютъ его свернутыми въ трубу «халатами».

(Записана тамъ же).

---

13. Сучка.

У всѣхъ играющихъ собираются шапки и кладутся на вбитую въ землю палку. Одинъ изъ играющихъ (сучка) становится у палки, а всѣ остальные собираются вокругъ него. Стоящій у палки подбрасываетъ всѣ шапки. Играющіе схватываютъ каждый свою шапку и съ крикомъ—«бій ва гэтую сучку!»—бѣгутъ отъ палки въ сторону. Стоящій у палки долженъ въ это время ударить кого-либо шапкою. Получившій ударъ идетъ тогда къ палкѣ, собираетъ у всѣхъ шапки и продѣлываетъ съ ними то же самое. Если же прежде стоявшему у палки не придется ударить кого-нибудь, то онъ и во второй разъ обязанъ становиться у палки. Игра можетъ продолжаться любое время.

(Записана тамъ же).

---

14. Солдаты.

Кладутся три камня, или становятся три колодочки, а на нихъ кладется еще что-нибудь, только помельче—мелкіе камни, небольшіе куски дерева (солдаты). Въ рядъ съ ними становятся еще такіе же три камня, или колодочки съ чѣмъ-нибудь мелкимъ на верху. Играющіе раздѣляются на двѣ группы и опредѣляютъ сообща для каждой группы по три солдата. Каждая группа поочередно ударяетъ въ чужихъ солдатъ и старается сбить ихъ. Удары производятся съ разстоянія 3—5 саж. и при томъ лишь однимъ лицомъ изъ каждой группы.

Послѣ удачнаго удара производившій его наноситъ и второй,—лишь послѣ неудачнаго удара право наносить ихъ передается изъ одной группы въ другую. Количество ударовъ опредѣляется для каждой группы числомъ три. Удары производятся палкою или камнемъ. Весь интересъ игры состоитъ въ томъ, которая изъ группъ скорѣе собьетъ чужихъ солдатъ. (Записана тамъ же).

---

15. До Вильны ѣдуць.

Вбивается въ грунтъ колышекъ (Вильна). Всѣ играющіе имѣютъ тоже по колышку; колышки эти обыкновенно дѣлаются равной длины. Каждый изъ играющихъ отмѣряетъ себѣ отъ общаго колышка условленное разстояніе и отмѣчаетъ его. Потомъ одинъ изъ играющихъ беретъ «шляжку», которая должна быть общая для всѣхъ, вставляетъ свой колышекъ въ грунтъ и ударяетъ по немъ «шляжкой». Насколько колышекъ войдетъ въ землю, настолько онъ подвигаетъ его къ общему колышку. Если ударъ придется вкось, или случится промахъ, то вбивающій колышекъ передаетъ «шляжку» слѣдующему товарищу, который съ своимъ колышкомъ продѣлываетъ то же самое до тѣхъ поръ, пока и его не посѣтитъ неудача. Въ такомъ порядкѣ идетъ игра до того времени, пока всѣ колышки не очутятся у общаго колышка (Вильны). Опоздавшій въ игрѣ наказывается тѣмъ, что долженъ вытащить зубами забитый въ землю свой колышекъ столько разъ, сколько сдѣлалъ, послѣ окончанія всѣми игры, неудачныхъ ударовъ.

(Играется въ с. Никольскѣ, и въ д. Слочвѣ, Новогрудскаго уѣзда).

Зимнія.

16. Волъ.

Одинъ изъ играющихъ, съ завязанными глазами и жгутомъ въ рукѣ, становится у порога, берется за «клямку» и начинаетъ спрашивать остальныхъ играющихъ, а тѣ ему отвѣчаютъ.—Ци зарѣзали вала?—Зарѣзали.—А шкуру ци садрали?—Садрали.—А мяса ци адабрали?—Адабрали.—А ци наварыли?—Наварыли.—А ложки и миски ци памыли?—Памыли.—А ци пара йщи ѣсци?—Пара. Тогда стоявшій у дверей начинаетъ ходить по комнатѣ и бить всѣхъ играющихъ, а тѣ прячутся.

(Записана въ с. Никольскѣ).

---

17. Король.

Берутся четыре половинныхъ палочки. Каждый играющій по очереди подбрасываетъ эти палочки. Когда всѣ палочки упадутъ вверхъ бѣлой стороной, то подбросившій считается королемъ; если только три упадутъ бѣлой стороной вверхъ, а четвертая—черной, то подбросившій получаетъ чинъ «маршалка»; если двѣ,—то—«шляхцица»; если одна,—то «мужика»; если ни одной,—то «цыгана». «Король» присуждаетъ лапы, «маршалакъ» даетъ; «шляхцицъ» только освобождается отъ лапъ; бьютъ только «мужыка» и «цыгана», причемъ «цыганъ» всегда получаетъ больше. «Король», опредѣляя количество ударовъ, опредѣляетъ обыкновенно и степень ихъ (горячую, теплую, холодную). «Король» и «маршалакъ» не подбрасываютъ палочекъ, пока удерживаютъ свое званіе, которое снимается съ нихъ лишь послѣ удачной подброски палочекъ другимъ лицомъ. Передача маршальства сопровождается лапой.

(Записана во Вселюбской вол., Новогрудскаго уѣзда).

---

18. Щетка.

Играющіе становятся по разнымъ угламъ избы. Одинъ изъ нихъ остается безъ мѣста, подходитъ поочередно къ каждому изъ своихъ товарищей и спрашиваетъ—«дзѣ щотка?» Спрошенный со словами — «тамъ щетка!»—указываетъ ему на ближайшаго сосѣда. Спрашивающій съ тѣмъ же вопросомъ подходитъ къ указанному лицу; тотъ по прежнему отсылаетъ его къ сосѣду—и такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обойдетъ всѣхъ. Послѣ этого играющіе мѣняются мѣстами,—кто останется безъ мѣста, тотъ идетъ спрашивать. (Записана въ с. Никольскѣ).

19. Лиса ганяць.

Играющіе становятся въ рядъ, лицомъ въ затылокъ, разставивъ возможно шире ноги, чтобы подъ рядомъ образовался свободный проходъ—«нора», и крѣпко обхватываютъ за поясницу каждый своего товарища, стоящаго впереди. Самый задній представляетъ собою «лиса» и одинъ изъ товарищей со жгутомъ въ рукѣ, гоняетъ его кругомъ ряда и бьетъ, пока ему не удастся проскользнуть въ «нору». Тогда онъ уже становится на самомъ переду, а гоняютъ задняго и т. д. Гонщики мѣняются добровольно.

(Записана со словъ ученика изъ д. Слочвы, Новогрудскаго уѣзда).

20. Мышь и котъ.

Всѣ играющіе становятся въ два ряда; ряды оборачиваются другъ къ другу лицевой стороной и образуютъ между собой небольшой проходъ—«нору». Стоящіе въ одномъ ряду считаются «котами», а стоящіе въ другомъ «мышами». Передняя пара выступаетъ изъ рядовъ, и «котъ» начинаетъ ловить «мышь». «Мышь» бѣгаетъ кругомъ рядовъ и забѣгаетъ даже въ «нору», а «котъ» долженъ ее ловить лишь кругомъ рядовъ, потому что ему нельзя забѣгать въ «нору». Послѣ удачной ловли «котъ» и «мышь» становятся въ ряды, а на мѣсто ихъ выходитъ слѣдующая пара и такъ до тѣхъ поръ, пока «коты» не переловятъ всѣхъ «мышей». Тогда уже происходитъ мѣна ролей—«коты» служатъ «мышами», а «мыши», наоборотъ, «котами».

(Записана во Вселюбской вол.).

21. Пичымися личымыся (конь).

Садятся всѣ играющіе на «лавѣ» и кладутъ сложенныя внутрь ладонями руки на колѣни. Одинъ изъ нихъ (по выбору) подходитъ поочередно къ каждому изъ своихъ товарищей, вкладываетъ въ его руки свои, какъ будто что кладетъ туда, и при всякомъ вкладываніи говоритъ по слову: «пичымыся—личымыся, куды намъ пайцї? ў пятровицы, лядовицы,—сущыкъ, лущыкъ, пень гвачъ, гарлачъ, превъ, запякъ». На комъ придется слово «запякъ», тотъ идетъ къ дверямъ и становится тамъ, взявшись за дверную ручку. Произносившій эту тираду обходитъ каждаго играющаго и спрашиваетъ, какой масти конемъ онъ будетъ (—яки куонь?) Каждый играющій непремѣнно долженъ выбрать себѣ масть. Послѣ этого стоящій у дверей говоритъ: «Падайця каня!» У него спрашиваютъ—якога? Онъ называетъ масть. Если при этомъ онъ потрафитъ на чью-либо масть, то тотъ долженъ принести его на прежнее мѣсто; если же ничья масть не будетъ угадана, то онъ скачетъ къ мѣсту на одной ногѣ.

(Записана въ с. Никольскѣ).

22. Мышка.

Всѣ играющіе садятся на чемъ-нибудь и складываютъ на колѣняхъ руки ладонь въ ладони. Одинъ изъ играющихъ беретъ какой-нибудь маленькій предметъ (мышку) и, сложивъ руки, какъ и всѣ играющіе, начинаетъ вкладывать свои руки въ ихъ руки, причемъ незамѣтнымъ образомъ вкладываетъ кому-нибудь «мышку». Другой изъ играющихъ долженъ отыскать ее.

(Записана тамъ же).

П. Демидовичъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Рустика (Т. А. Мартемьянова) Городъ Болховъ. Орловской губерніи (историческо-бытовые очерки). Орелъ. 1897 г. 60 коп.

Эта небольшая книжка есть скромный трудъ одного изъ провинціальныхъ работниковъ пера. Авторъ, на сколько извѣстно, состоитъ сотрудникомъ Орловскаго Вѣстника. Время построенія описываемаго Мартемьяновымъ города точно неизвѣстно. Одни (Татищевъ. Исторія II прим. 27, Пясецкій. Историческіе очерки Болхова. Орелъ 1875 г.) относятъ его къ IX в.; другіе же (Дашкевичъ. Болоховская земля Кіевъ. 1876 г. и авторъ разсматриваемой книжки) ко времени Ивана IV. Болховъ былъ построенъ Грознымъ для защиты отъ нападенія Крымскихъ Татаръ. Военный характеръ его удержался до второй половины XVII в., когда на 1048 служилыхъ людей было посадскихъ лишь 380 (16 стр.). Много бѣдствій претерпѣлъ Болховъ въ смутное время. «Не разъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ второго самозванца къ царю и обратно. Болховитянамъ, разумѣется, мстили «за измѣну» обѣ стороны, истребляя «крамольный духъ», понимаемый каждою по своему». (19 стр.). XVII вѣкамъ кончается военный періодъ исторіи этого города. Въ слѣдующемъ столѣтіи появляются уже зачатки просвѣщенія: юные обыватели стали обучаться у пономарей и дьячковъ церковнославянской грамотѣ. Образовательное движеніе шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія сказалося и въ Болховѣ. По крайней мѣрѣ рѣшили неуча въ попы не ставить. Между тѣмъ изъ ревизіи воронежскаго и елецкаго архіерея, произведенной въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. видно, каковы были тогда провинціальныя духовныя лица. «Вотъ какъ аттестовалъ ихъ владыка: попъ Борисъ (с. Георгіевское) плохо читаетъ и Закона Божія не знаетъ: самый закоренѣлый невѣжда. «Хорошъ былъ и Петръ попъ»: въ чтеніи худъ, о христіанствѣ ничего не знаетъ. «Семидесятилѣтній старецъ, попъ Аѳанасій (с. Георгіевское Лютое) едва-ли уступалъ своимъ собратьямъ Петру и Борису»: читать не умѣетъ; святителя Николая почитаетъ Богомъ; о Христѣ Спасителѣ никакого понятія не имѣетъ. Не очень процвѣтала, повидимому, въ тѣ приснопамятныя времена «наука» и въ черномъ духовенствѣ; такъ, въ 1760 г. въ Козельскомъ Оптиномъ монастырѣ настоятельствовалъ игуменъ Пафнутій, не умѣвшій писать, какъ это видно изъ надписи на одномъ монастырскомъ договорѣ; договоръ за Пафнутія «рукоприкладствовалъ» казначей Серапіонъ съ характерной оговоркой: подписуюсь я, понеже оный игуменъ писать не ученъ. (49—50 стр.). Открытая въ 1762 г. духовная школа большого успѣха не имѣла, такъ какъ учениковъ приходилось собирать силою. Школа поддерживала свое существованіе года два лишь благодаря энергіи Крутицкаго архіепископа Амвросія. «Между тѣмъ въ 1764 г. Болховъ «перечислили» въ другую епархію, московскую, начальство которой, на первыхъ порахъ, совершенно забыло о болховскомъ свѣточѣ. Болховъ тщетно ждалъ отъ новаго начальства наказа насчетъ своей школы; оно не обнаруживало настойчивой заботливости преосвященнаго Амвросія и упорно молчало. Въ Болховѣ поняли это по своему. Первоблюститель школы, почтенный протопопъ Тарасій съ братіей порѣшили, что разъ начальство молчитъ, значитъ свѣточъ больше не нуженъ. Безъ дальнихъ разсужденій школу закрыли, питомцамъ дали волю,

и они, къ полному своему удовольствію, разбрелись по домамъ. Школьное зданіе было брошено на произволъ судьбы; имъ только лѣнивый не пользовался; захватывали его и дворяне, и офицеры Ширванскаго полка, пока, наконецъ, къ ужасу воеводы, оно не обратилося въ воровской притонъ». (51—52 стр.).

Свѣтская школа возникла въ 1784 г, но почти цѣлое столѣтіе находилася въ состояніи упадка; лишь уставъ о всеобщей воинской повинности заставилъ болховскихъ обывателей обратить вниманіе и на образованіе. Въ 1873 г. школу кончило 7 человѣкъ, но въ 1874 г. уже 21 (59 стр.). Въ настоящее время Болховъ имѣетъ библіотеку съ 27 подписчиками при населеніи въ 27,000 и книжную лавку, гдѣ вмѣстѣ съ лубочными изданіями (другихъ нѣтъ) продается нюхательный табакъ.

Давъ историческій очеркъ города, авторъ переходитъ къ описанію нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ въ жизни Болховитянъ. Онъ описываетъ, главнымъ образомъ, флиртъ и свадьбу, причемъ указываетъ, что наиболѣе распространеннымъ пѣсеннымъ репертуаромъ являются старинные сантиментальные романсы, стихи Пушкина и Лермонтова и наконецъ новѣйшая фабричная пѣсня въ родѣ:

Продамъ чашки, продамъ ложки,
Куплю милой полсапожки...

Обычай почитать юродивыхъ и идіотовъ за лицъ особенно прозорливыхъ и чуть-ли не святыхъ живетъ и въ средѣ населенія Болхова. Въ 84 примѣчаніи авторъ разсказываетъ. «Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Болховѣ коротал свои дни дурачекъ Алеша. Это безобидное, жалкое существо болховитяне неожиданно надѣлили даромъ прозорливости. Алеша, беззаботно бѣгавшій круглый годъ босикомъ въ одной грязной рубашкѣ по улицамъ, связныхъ рѣчей совсѣмъ не говорилъ, но сквернословилъ и несъ околесицу часто. Не смотря на это, мудрые обыватели усердно отыскивали сокровенный смыслъ въ словесахъ юродиваго. Вниманіе его дорого цѣнилось; войдетъ-ли «блаженненькій» въ домъ—хорошо, возьметъ что-либо, еще лучше, брякнетъ-ли крылатое слово, отъ котораго, какъ говорится, уши вянутъ, прямо благодать. Наконецъ Алеша умираетъ, и весь городъ поднимается на ноги. Валомъ валятъ обыватели на похороны своего любимца. Хоронили его съ необыкновенной торжественностью. Цѣлый хоръ пѣвчихъ и музыкантовъ были приглашены для участія въ погребальной процессіи. Часовъ пять однѣ панихиды пѣлися. Сотни добровольцевъ оспаривали другъ у друга честь нести гробъ покойника. Чуть-ли не весь городъ провожалъ прахъ его до послѣдняго жилища. Многіе добивались, какъ святыни, ниточекъ отъ покрывала Алеши и хранили потомъ эти «талисманы на счастье». Въ заключеніе городскіе купцы раскошелились на роскошную тризну по покойнику». (92—93).

Вл. Шарутинъ.

В. П. Милорадовичъ. Народные обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи, записанные въ 1888—1895 г. Харьковъ. 1897 г.

Хотя Лубенскій уѣздъ Полтавской губерніи обращалъ на себя вниманіе нашихъ этнографовъ (Зайкевича, Кондратковича, Кулиша и Коменскаго), но записи ихъ носили случайный характеръ и въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова можно найти какой нибудь десятокъ пѣсенъ и сказокъ, помѣченныхъ Лубнами. Болѣе полное и обстоятельное собраніе памятниковъ народнаго творчества въ Лубенскомъ уѣздѣ предпринялъ г. Милорадовичъ, пользуясь неизданными записями болѣе раннихъ собирателей.

Первыя страницы своего труда онъ посвящаетъ народному соннику. Всѣмъ извѣстно, какое громадное значеніе придаетъ народъ сновидѣніямъ. Характеризуя Василія Буслаева, какъ человѣка вполнѣ безшабашнаго, былина заставляетъ его сказать:

А не вѣрю я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ...

Нѣкоторыя изъ снотолкованій, приведенныхъ въ разбираемомъ сборникѣ, носятъ характеръ очень глубокой древности. Напримѣръ всходить во снѣ на гору означаетъ

смерть (17 стр.). Литовцы предполагаютъ, что души умершихъ взбираются на гору Anafielas, гдѣ находится божественный судья (Hanuš. Die Wissenschaft des Slav. Mythus 415 стр.). Въ польскихъ сказкахъ разсказывается, что грѣшники всходятъ на стеклянную гору и, какъ только достигнутъ вершины, тотчасъ же скатываются назадъ (Woycicki. Klechdy II 134 стр.). Въ нѣмецкой стихотворной обработкѣ романа объ Аполлоніи Тирскомъ мы находимъ рай, окруженный высокой стѣной. Наконецъ тѣсную связь съ сказаніями о царствѣ мертвыхъ, находящемся на горѣ, имѣетъ посланіе Новгородскаго епископа Василія ко владыкѣ Тверскому Ѳеодору. Стольже глубокую древность имѣетъ толкованіе опрокинутаго и уплывающаго челна, какъ символа смерти. Представленіе рѣки, отдѣляющей міръ живыхъ отъ царства мертвыхъ, жило среди очень многихъ народовъ. По мнѣнію Евреевъ, рай окруженъ огненной рѣкой, Динаръ. Индусы полагаютъ, что міръ живыхъ отдѣленъ отъ царства мертвыхъ кипящей рѣкой Вайтарани. По Ирландскимъ сказаніямъ XII в., рѣка подымается къ небу въ видѣ радуги.

Наконецъ въ нашихъ духовныхъ стихахъ говорится, что

Между раемъ и между мукой
Сіонъ-рѣка огненная протечетъ,
Яко громъ прогремитъ...
(Калѣки перехожіе, V, 199].

и что

По той-тамъ рѣки, рѣки огненныя,
Да тутъ ѣздитъ Михайло арханьделъ царь.
Перевозитъ онъ души, души праведныя
Черезъ огненную рѣку ко пресвѣтлому раю...
(Варенцовъ, Сборн. русск. дух. стих. 148).

Этими то представленіями и объясняется обычай хоронить мертвыхъ въ лодкахъ, обычай весьма распространенный у многихъ племенъ и оставившій свой слѣдъ въ народной о ней романтикѣ.

Далѣе описываются крестьянскія родины, равно какъ обряды и повѣрья, ихъ сопровождающіе. «О моментѣ зачатія думаютъ, говоритъ собиратель, что зачатый подъ праздникъ будетъ воромъ или увѣчнымъ, дѣвочка—распутною» (12 стр.). Это повѣріе нашло себѣ отголосокъ въ памятникахъ нашей древней письменности, а оттуда попало въ духовные стихи. Въ «Заповѣди святыхъ отецъ ко исповѣдающимъ сыномъ и дщеремъ» сказано: «Аще смеситься кто съ женою въ пятьницю и въ суботу и въ недѣлю, да аще зачнетъ, и будетъ тать, или разбойникъ, или блоудникъ». (Тихонравовъ. Памятники отреченной русской литературы II, 302—303). Тоже говорится и въ духовныхъ стихахъ:

Кто эти пятницы не станетъ постить
И постомъ и молитвами,
Ежели во-въ тѣ пятницы
Мужъ женѣ приблеженъ будетъ,
Зародится отъ нихъ дѣтище недоброе,
Либо воръ, либо плутъ, либо пьяница,
Клеветникъ, еретникъ, или душемъ пагубникъ...
(Калѣки перехожіе, VI, 131).

Слѣдующій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ описаніе первыхъ лѣтъ въ жизни ребенка и сопровождающихъ ихъ обрядовъ.

«Первый годъ жизни ребенка, говоритъ г. Милорадовичъ, оканчивается маленькимъ семейнымъ праздникомъ—обстрыжгынами или пострыжгынами. Во время праздника дитя садятъ на столъ, мальчика на сѣкирѣ, для того, чтобы изъ него вышелъ искусный мастеръ, а дѣвочку за конопли, въ надеждѣ имѣть впослѣдствіи хорошую пряху. Баба, принимавшая ребенка, обрѣзываетъ ему волосы ножницами прежде крестообразно, а потомъ остригаетъ всю голову. Конопли отдаютъ бабѣ. Она, домашніе и

сосѣдки выпиваютъ полкварты водки и слегка закусываютъ мягкимъ хлѣбомъ съ сметаной или жареной рыбой. У богатырей на постригахъ малютку ставятъ ножками въ водку для того, чтобы скорѣе ходила» (31 стр.). Этотъ обрядъ, какъ объясняетъ пр. Сумцовъ, есть сокращеніе человѣческой жертвы. Далѣе авторъ описываетъ дѣтскія игры, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ напрасно возводитъ къ первобытной эпохѣ (напр. пожмурки стр. 54—55). Нѣкоторыя игры, которыя дѣйствительно имѣли связь съ языческими вѣрованіями, въ настоящее время вымираютъ. Игра въ Кострубонька уничтожилась на нашихъ глазахъ. Осталась дѣтская пѣсенка: «померъ, померъ Кострубонко», приведенная у Максимовича» (58 стр.). Затѣмъ описываются досвидки, которыя, по мнѣнію проф. Сумцова, являются обломками пробнаго брака, составляющаго переходъ отъ коммунальнаго брака и многоженства къ моногаміи. На этихъ досвидкахъ устраивается нѣчто въ родѣ театральныхъ представленій, насколько, конечно, таковыя возможны въ деревнѣ. «Здѣсь въ особенности молодежь пляшетъ, гадаетъ, переодѣвается въ дидовъ, солдатъ, вообще «гарюе» (шалитъ). Здѣсь же устраивается и отсюда направляется праздничный фарсъ, изображающій ухаживаніе стараго волокиты въ маскѣ (машкара или мачкара) за молодицей или дѣвушкой (меланкой) (61 стр.). На досвидкахъ должны участвовать всѣ дѣвушки; которая отъ нихъ уклонится или которую не пускаютъ родители, ту осыпаютъ насмѣшками, а парни отрываютъ и заносятъ ворота со двора. (59 стр.). Съ наступленіемъ весны кончаются досвидки. Молодежь изъ душной избы переходитъ на улицу и начинаютъ пѣть сначала веснянки, а позже петривки, которыя отличаются большой поэтичностью и вслѣдствіе этого мало по малу вымираютъ (62 стр.). Если досвидки являются остатками коммунальнаго брака, то слѣды и другого вида брака—умычки сохранились въ пѣсняхъ:

Выбьемо стину камьяну,
Будемо замкы ламаты,
. . . . львувъ разбываты.
Визьмемо Марусеньку молоду.
Марусеньку достоваты.
Королевну добываты... (127 стр.).

Умычка съ теченіемъ времени смѣняется болѣе мирной формой брака—покупкой невѣсты, что сохранилось въ обрядахъ малорусской свадьбы и до сихъ поръ. «Мѣстами покупается мѣсто возлѣ молодой или ея коса у брата, который называется продавцемъ. Есть и пѣсни, упоминающія о такой продажѣ» (129 стр.).

Далѣе г. Милорадовичъ переходитъ къ описанію погребальныхъ обрядовъ. Душу русскій крестьянинъ представляетъ себѣ конкретно въ видѣ мухи или мотыля. Такое представленіе души мы находимъ и у другихъ народовъ: Эллины словомъ ψυχή обозначали и мотылька и душу. Нѣмцы, желая выразить время до рожденія, говорятъ: Ich flog noch mit den Schmetterlingen. Отсюда и выраженіе: душа вылетѣла изъ тѣла. Въ Чешской пѣснѣ поётся: z těla (душа) vyletěla, na zelenu luku sedla (Erben 469). Вмѣстѣ съ мертвецомъ въ гробъ кладутъ нѣсколько монетъ (166 стр.). Это дѣлаютъ, вѣроятно, для уплаты перевозчику въ царство мертвыхъ. Духовные стихи говорятъ о платѣ за перевозъ души черезъ рѣку, но представляютъ ее какъ подкупъ:

Грѣшники подходитъ къ рѣкѣ.

Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
Золотой казной спосуляются:
«О свѣтъ грозенъ нашъ Михайло, судья праведная!
Переправь насъ, грѣшныхъ, чрезъ рѣку,
Приведи насъ ко царству небесному;
Возьми съ насъ золота и серебра.

(Калѣки-перехожіе, V, 234).

Умершую дѣвушку одѣваютъ невѣстой, а парень, который ухаживалъ за ней и

досвиткахъ, надѣваетъ на ея палецъ кольцо (168 стр.). Такимъ образомъ происходитъ обрученіе, и умершая на томъ свѣтѣ будетъ имѣть въ этомъ парнѣ мужа. Такой же обычай мы находимъ и въ Индіи у племени Наиманов, живущаго въ Траванкорѣ, гдѣ онъ совершается болѣе реальнымъ образомъ (Исторія религій древняго міра I т., 35 стр.). Въ день похоронъ устраиваются поминки, причемъ въ селѣ Хитицахъ скамья подлѣ окна оставляется свободной для помѣщенія родителей и предковъ, появляющихся съ того свѣта на кануну (170 стр.). Всю слѣдующую ночь не спятъ, дожидаясь появленія души. Въ полночь свѣча должна затуманиться, и душа появиться въ образѣ мухи (170 стр.). Что же касается маленькихъ дѣтей, то «не крещеное дитя—русалку слѣдуетъ хоронить подъ плодовымъ (родюгимъ) деревомъ, подъ вербой или подъ верхомъ въ сѣняхъ... невременный ребенокъ закапывается подъ порогомъ». (172 стр.).

Вл. Шарутинъ.

Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы собранные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, выпускъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1898 г. Цѣна 3 рубля.

Близкое знакомство съ русской народностью сдѣлалось въ настоящее время существенною задачею для нашихъ ученыхъ. Собираніе и изданіе памятниковъ народнаго творчества стало уже результатомъ вполнѣ сознанной потребности, и потому необходимо должно принести богатые научные плоды. На этомъ поприщѣ особенно много поработали разные провинціальные дѣятели, незамѣтно и не слышно трудившіеся во всѣхъ уголкахъ Россіи и Сибири. Къ такимъ дѣятелямъ принадлежитъ и г. Шейнъ*).

Изданная имъ книга есть начало обширнаго сборника, охватывающаго всю духовную культуру Великорусскаго крестьянина. «Согласно вышеуказанному плану, пишетъ онъ въ предисловіи, группы пѣсенъ I-го тома я раздѣляю на два отдѣла въ біографико-календарномъ порядкѣ. Первый отдѣлъ начинается пѣснями колыбельными и дѣтскими потѣшными (куда входятъ и игры съ пѣсенными прибаутками), за ними слѣдуютъ хороводныя и плясовыя. За послѣдними идутъ бесѣдныя, распадающіяся на любовныя, семейныя, сатирическія, юмористическія, скоморошныя и пародіи. Всѣ перечисленные виды бесѣдныхъ пѣсенъ, въ особенности первые два, рисуютъ намъ разныя фазы сердечной и душевной жизни изъ періода юношества и мужества поселянина. Пѣсни любовныя и семейныя расположены по двумъ группамъ, относящимся къ жизни обоего пола: а) до вступленія въ супружество и б) къ жизни этихъ субъектовъ послѣ брака, въ состояніи супружества. За бесѣдными пѣснями біографическій порядокъ размѣщенія пѣсенъ нѣсколько уклоняется въ сторону изображенія жизни обрядовой, выходящей изъ уровня обычнаго, повседневнаго, будничнаго ея теченія. Этотъ циклъ пѣсенъ, составляющій второй отдѣлъ настоящаго перваго тома и озаглавленный словами «Пѣсни обрядовыя» подраздѣляется на: а) пѣсни обрядовыя праздничныя, б) пѣсни обрядовыя свадебныя в) обрядовыя погребальныя (причитанія). Пѣсни обрядовыя праздничныя расположены по календарю: сперва идутъ пѣсни святочныя, колядныя, за которыми слѣдуютъ масляничныя, весеннія, троицкія и духовскія, толочныя и жнивныя. Послѣдними заключается предлежащій выпускъ. Почти всѣ означенныя группы пѣсенъ обставлены относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и играми. Пѣсни же подраздѣловъ б) и в), изъ категоріи обрядовыхъ, т. е. свадебныя и погребальныя, войдутъ уже во второй выпускъ тома. Такимъ образомъ этими послѣдними группами пѣсенъ жизнеописательный порядокъ ихъ размѣщенія вполнѣ возстановляется и завершается круговоротъ жизни—отъ колыбели до могилы. II томъ начинается пѣснями историческими, большей частью военнаго характера, отъ Ивана Грознаго до Крымской войны, за ними слѣдуютъ рекрутскія; солдатскія, казацкія, бурлацкія, извощичьи, воровскія,

*) Объ его дѣятельности см. Вс. Ѳ. Миллера. П. В. Шейнъ, собиратель памятниковъ народнаго творчества. Москва. 1884 г.

разбойничьи, ссыльно-каторжныя, затюремныя и чернечскія. За чисто-народными пѣснями будетъ помѣщенъ небольшой отдѣлъ духовныхъ стиховъ, сложившихся подъ вліяніемъ церковной книжности. Весь же стихотворный отдѣлъ закончится небольшой коллекціей пѣсенъ заводскихъ, фабричныхъ, лакейскихъ и т. п., новой и новѣйшей формаціи, которыя рѣзко отличаются отъ стародавнихъ народныхъ своимъ духомъ, складомъ и содержаніемъ. За этими пѣснями послѣдуетъ тотъ рядъ этнографическихъ данныхъ въ прозаической формѣ, который значится въ началѣ этого предисловія. Въ концѣ каждаго тома будутъ приложены необходимые указатели, примѣчанія и дополненія». (Предисловіе IX—X).

Трудъ г. Шейна—трудъ коллективный: ему въ дѣлѣ собиранія помогали семинаристы, гимназисты, студенты, народные учителя, помѣщики и т. д. Кромѣ того онъ пользовался и рукописными сборниками. Такая коллективная работа имѣетъ тотъ недостатокъ, что не всѣ записыватели съ необходимою тщательностью отмѣчали мѣстный говоръ. Кромѣ того многіе №№ пѣсенъ могли быть замѣнены однимъ съ указаніемъ въ выноскахъ варіантовъ. Такъ же совершенно напрасно въ нѣкоторыя пѣсни внесены цензурныя поправки.

Просматривая пѣсенный матеріалъ, заключающійся въ вышедшемъ выпускѣ, мы прежде всего указываемъ на остатки былевого эпоса, выродившагося въ лирическую балладу чисто бытового характера. Къ такимъ пѣснямъ относятся №№ 466, 467 и 470, совпадающіе по своему содержанію съ былиной о связи жены Бермяты съ Чурилою. Хотя ни одна изъ указанныхъ пѣсенъ не имѣетъ трагическаго финала былины, но мы въ свою очередь можемъ указать на такіе варіанты данной былины, гдѣ трагическій элементъ также отсутствуетъ. Напр. Рыбниковъ I, № 45, стр. 268. Впрочемъ пѣсня № 895 имѣетъ трагическую развязку, причемъ жена передъ мужемъ обвинена напрасно.

Пѣсни съ подобнымъ содержаніемъ мы находимъ у малороссовъ (Чубинскій. Труды V т. стр. 734—735):

Ой уже сімъ літъ доньця изъ-за Дону нітъ,
А на восьмій годъ донецъ на Донъ иде.
Пристигла ёго нічка темная,
Нічка темная, та невидная;
Вінъ семъ літъ та на кургані,
Привъязавъ коня до дубового колка.
Прилізла къ нёму черна гадина;
То не гадина—то мати его.
«Ой ти іdь, козаче, на швидчій на Донъ,
Ой уже твій двіръ изпустошений,
Вже твоя жинка та заміжъ пішла,
Вже твої діти посиротіли,
Вже твої слуги безъ пана живуть,
Вже твої жупані поношені,
Вже твої меды отпечатані.»
Приїзжае казаченко на тихій Донъ,
Зустріла ёго жинка молода.
Ой якъ вихопивъ та остренький мечъ,
Та й знявъ жінці головку съ плечъ.
Приїзжае казакъ та у свій у двіръ,
Его дворочекъ—та якъ віночокъ,
Діточки его за столомъ сидять,
За столомъ сидять, все перомъ пишуть
А слуги ёго золотомъ шиють,
Золотомъ шиють, силненко плачуть
По своїй паней та по добренькій.
Якъ увійде вінъ въ нові погреби,
У его меды позацвітали....
—«Ой, мати моя, моя мати!
Ты не мати—чорна гадина!
Зъїла сонце, зъїшъ і місяця,
Зъїжъ и зірочки—дрібні діточки.

Сходство съ нашей пѣсней имѣютъ: словацкая (Sborník slovenských národních piesni 1874 г. Sv. II. Soš. I № 36) и моравская (Sušilo Moravské národni pisně № 92) только въ нихъ жена или любовница умираетъ до пріѣзда своего мужа или любовника.

Къ циклу пѣсенъ объ измѣнѣ жены примыкаютъ пѣсни о Ванькѣ ключникѣ (№ 875... № 887), которыя, какъ указалъ еще Ор. Ѳ. Миллеръ (Илья Муромецъ 25 стр.) есть ничто иное, какъ передѣлка былины о службѣ Дуная Ивановича въ Литвѣ. Какъ отъ крови этого богатыря, по былинѣ, потекла рѣка Дунай (Керша 83 стр.), такъ точно въ пѣснѣ начинаетъ течь рѣка изъ слезъ матери, плачущей по убитомъ сынѣ (№ 1190):

«гаспадаръ» возвращается домой и начинаетъ звать ихъ: «Геньци, геньци, йцьце дбиу—пльце (wilk, wilczek?) за гарою!» «Гуси» съ крикомъ бѣгутъ къ мѣсту стоянки, «воўкъ» выскакиваетъ изъ засады и хватаетъ ихъ. Каждый разъ «воўкъ» можетъ ухватить лишь одного «гуся». Отхваченные не участвуютъ въ игрѣ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока «воўкъ» не перехватаетъ всѣхъ «гусей».

(Записана въ с. Никольскѣ).

12. Крупникъ.

Кладутся на вбитую въ землю палку шапки всѣхъ играющихъ мальчиковъ. Каждый участникъ игры обязанъ перепрыгнуть чрезъ эту палку опредѣленное число разъ (три—шесть, какъ положатъ). Если кто-либо во время прыганья зацѣпится и сброситъ съ палки одну или нѣсколько шапокъ, то по окончаніи игры его прогоняютъ чрезъ строй всѣхъ играющихъ столько разъ, сколько онъ сбросилъ шапокъ. Стоящіе въ строю въ это время бьютъ его свернутыми въ трубу «халатами».

(Записана тамъ же).

13. Сучка.

У всѣхъ играющихъ собираются шапки и кладутся на вбитую въ землю палку. Одинъ изъ играющихъ (сучка) становится у палки, а всѣ остальные собираются вокругъ него. Стоящій у палки подбрасываетъ всѣ шапки. Играющіе схватываютъ каждый свою шапку и съ крикомъ—«бій ва гэтую сучку!»—бѣгутъ отъ палки въ сторону. Стоящій у палки долженъ въ это время ударить кого-либо шапкою. Получившій ударъ идетъ тогда къ палкѣ, собираетъ у всѣхъ шапки и продѣлываетъ съ ними то же самое. Если же прежде стоявшему у палки не придется ударить кого-нибудь, то онъ и во второй разъ обязанъ становиться у палки. Игра можетъ продолжаться любое время.

(Записана тамъ же).

14. Солдаты.

Кладутся три камня, или становятся три колодочки, а на нихъ кладется еще что-нибудь, только помельче—мелкіе камни, небольшіе куски дерева (солдаты). Въ рядъ съ ними становятся еще такіе же три камня, или колодочки съ чѣмъ-нибудь мелкимъ на верху. Играющіе раздѣляются на двѣ группы и опредѣляютъ сообща для каждой группы по три солдата. Каждая группа поочередно ударяетъ въ чужихъ солдатъ и старается сбить ихъ. Удары производятся съ разстоянія 3—5 саж. и при томъ лишь однимъ лицомъ изъ каждой группы.

Послѣ удачнаго удара производившій его наноситъ и второй,—лишь послѣ неудачнаго удара право наносить ихъ передается изъ одной группы въ другую. Количество ударовъ опредѣляется для каждой группы числомъ три. Удары производятся палкою или камнемъ. Весь интересъ игры состоитъ въ томъ, которая изъ группъ скорѣе собьетъ чужихъ солдатъ. (Записана тамъ же).

Вотъ содержаніе апокрифа: мать Соломона, Вирсавія, рѣшилась погубить своего сына за то, что онъ донесъ отцу своему, Давиду, на супружескую невѣрность матери. Послѣдняя, подмѣнивъ Соломона другимъ мальчикомъ, приказала дядькѣ, Ачкилу, увести сына къ морю, убить и бросить тѣло въ воду, а сердце испечь и подать ей. Ачкилъ отпускаетъ Соломона на волю, а царицѣ подаетъ сердце собаки. Соломонъ бредетъ по морскому берегу и отвѣчаетъ на задаваемые встрѣчными мудреные вопросы. Между тѣмъ Давидъ узнаетъ о подмѣнѣ и, добившись признанія отъ Ачкила, посылаетъ его искать сына. Соломонъ послѣ многихъ приключеній пріѣзжаетъ въ видѣ купца въ Іерусалимъ. Вирсавія, увидавъ его, влюбляется и приглашаетъ въ свою опочивальню. (Передаю дальнѣйшее словами текста). «Затѣмъ царица его ухвати за шею и поцѣлова и положила его съ собою спати на одрѣ своемъ. Взя его за руку и положила ее на верси своемъ и рекла ему: «гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «Сиръ (скормленъ; что есть мое сахарное кушаніе». И царица подвигнула Соломонову руку по бѣлому своему чреву и рече: «Гость заморянинъ! Что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть мой каменны и златы теремъ, въ томъ есмь теремѣ азъ опочивалъ». И царица подвигнула Соломонову руку подъ свой срамъ и рече: «Гость заморянинъ! Что сіе?» И рече Соломонъ; «То есть врата моего терема, оттуду азъ изыдохъ и сей божій свѣтъ узрѣлъ и пошелъ»... Далѣе Соломонъ открывается своей матери и говоритъ: «Во истину ты, мати моя, родившая мя—а напредь глаголахъ тебѣ: у всякія жены волосы долги, да умъ кратокъ».

Переходя теперь къ пѣснямъ, имѣющимъ историческій элементъ, можно прежде всего остановиться на пѣснѣ № 377:

Вылеталъ соловей изъ Нова-города,
Выносилъ онъ вѣсть, вѣсть не радостну:
Какъ у насъ на Руси мальцы дешевы—
Первый молодецъ хоть бы дровъ костеръ,
Другой молодецъ хоть бы лыкъ пучекъ,
Третій молодецъ хоть бы дегтю кувшинъ!

Вылеталъ соловей изъ Нова-города,
Выносилъ онъ вѣсть, вѣсть не радостну:
Какъ у насъ на Руси дѣвки дороги—
Перва дѣвка во сто рублей,
Друга дѣвка во тысячу,
А третьей дѣвицы цѣны нѣтути!-

«Пѣсня эта, пишетъ М. Семевскій, можетъ быть, историческая, т. е. заключаетъ въ себѣ намекъ на удало-распутную жизнь молодежи древняго Новгорода, гдѣ дѣвицъ оказывалося мало, а еще вѣрнѣе, что это шутливая запѣвочка парня, въ которой имя города вставлено только для стиха». Но послѣднее предположеніе не вполнѣ основательно, такъ какъ пѣсня № 464 прямо указываетъ, что даже изъ сосѣднихъ областей (пѣсня записана въ Вологодской губерніи) пріѣзжали гулять въ Новгородъ:

Сяду поѣду
Въ Новгородъ гуляти,
Въ Новгородъ гуляти,
Товару закупати.

Упоминается еще до сихъ поръ слово тіунъ:

—Побоялась тіуна.
«Тіунъ тебѣ не судья,—
Судья тебѣ архіерей». (Варіантъ къ № 223).

Въ большинствѣ случаевъ это слово испортилось, превратившись въ тилунъ (№ 223), тлвунъ (№ 224), драгунъ (№ 225), стригунъ (№ 226).

Вл. Шарутинъ.

Slovenská přísloví, pořekadla a uslovi. Sepsal Adolf Peter Zaturecký. V Praze. 1897. 4°. VI+391 стр.

Выходъ въ свѣтъ сборника словацкихъ пословицъ въ изданіи Чешской Королевской Академіи восполняетъ одинъ изъ капитальныхъ пробѣловъ вообще очень убогой словацкой фольклористической литературы. Если даже по изданію пѣсенъ и сказокъ у словаковъ было сдѣлано сравнительно мало, то еще меньше было сдѣлано въ области собиранія и изданія пословицъ. Кромѣ небольшихъ сборничковъ, большая часть которыхъ восходитъ къ XVIII и первой четверти XIX в., мы не имѣли до послѣдняго времени ни одного собранія, которое могло бы дать хотя бы приблизительное понятіе о богатствѣ этого рода произведеній словацкаго народнаго творчества. Тѣмъ отраднѣе появленіе сборника, который, соединяя полноту содержанія съ научностью обработки, представляетъ собой такой трудъ, равнаго которому не имѣютъ и чехи, не смотря на всю энергію ихъ національной работы.

По богатству матерьяла, сборникъ г. Затурецкаго занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ славянской литературѣ. Заключая въ себѣ болѣе 13,000 пословицъ, поговорокъ и прибаутокъ, онъ уступаетъ по величинѣ только польскому сборнику Адальберга (30,000 №№) и русскому Даля (около 20,000 №№). Такой громадный матеріялъ былъ собранъ г. Затурецкимъ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, причемъ только небольшая часть (около 2,000 №№) была услышана и записана самимъ составителемъ, бо́льшая же часть была доставлена ему многочисленными сотрудниками въ разныхъ мѣстахъ Словачины. Особенно крупный вкладъ въ сборникъ сдѣлалъ г. Шуянскій, приславшій составителю 5,500 пословицъ изъ Зволена, Турца, Тренчина, Нитры и Текова. Черпая полною горстью изъ устныхъ источниковъ, г. Затурецкій не пренебрегалъ и письменными. Изъ послѣднихъ онъ указываетъ, какъ на свои источники, сборники Долежала (1746), Бернолака (1790) и Трнки. Сборникомъ чешскихъ и словацкихъ пословицъ Рибая составитель не могъ воспользоваться, такъ какъ не былъ въ состояніи отдѣлить, послѣднія отъ первыхъ. Зато, повидимому, совершенно не былъ извѣстенъ г. Затурецкому сборникъ Горчички: «Neoforum latino-slavonicum» (1678), см. Флоринскій «Лекціи по славянскому языкознанію» (Т. II, стр. 227).

Находясь, такимъ образомъ, почти всецѣло въ зависимости отъ своихъ источниковъ, г. Затурецкій не вездѣ выдерживаетъ фонетическую вѣрность записей. Поэтому только сравнительно немногія пословицы могутъ привлечь вниманіе діалектолога.

Всю массу пословицъ, вошедшихъ въ составъ сборника, г. Затурецкій разбилъ на группы, сообразно съ предметами, о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь. Съ цѣлесообразностью такого способа изданія произведеній народной мудрости нельзя не согласиться, такъ какъ внѣшнія неудобства, истекающія изъ такого расположенія пословицъ, легко устраняются алфавитнымъ указателемъ, приложеннымъ къ книгѣ. Зато много можно возразить противъ системы, принятой составителемъ въ группировкѣ пословицъ. Главный ея недостатокъ заключается въ отсутствіи единаго принципа. Приведя прежде всего пословицы религіознаго и этическаго характера (I—V отд.), г. Затурецкій въ слѣдующей группѣ (VI-й) начинаетъ перечислять вдругъ пословицы, содержащія въ себѣ понятія о физическихъ свойствахъ организма, тогда какъ на ихъ мѣстѣ мы ожидали скорѣе встрѣтить пословицы о житейскомъ благоразуміи (отд. IX). Столь же неожиданнымъ является переходъ отъ пословицъ, о явленіяхъ природы (отд. XIV), къ пословицамъ, содержаніе которыхъ составляютъ различныя особенности людскихъ характеровъ (отд. XV). Вслѣдствіе такой безпринципности въ распредѣленіи матеріала, опознаться въ классификаціи г. Затурецкаго довольно трудно. Между тѣмъ составитель могъ бы очень легко избѣжать этого недостатка, если-бы онъ расположилъ пословицы по степени простоты разсматриваемыхъ ими явленій. По такой классификаціи, въ первую группу вошли бы пословицы, содержаніе которыхъ составляютъ явленія природы. Далѣе слѣдовали бы пословицы, о физической организаціи человѣка,—о различныхъ предметахъ матеріальной культуры: одеждѣ, пищѣ, жилищѣ, — о различныхъ юридическихъ институтахъ: семьѣ, сословіяхъ, государствѣ, имуществѣ и пр.,—наконецъ, о явленіяхъ духовной культуры: искуствѣ, наукѣ и религіи. Такимъ образомъ въ группировкѣ пословицъ былъ бы проведенъ единый принципъ—восходящей прогрессіи ихъ идейнаго содержанія.

Въ параллель къ словацкимъ пословицамъ составитель часто приводитъ также пословицы чешскія, польскія, нѣмецкія, мадьярскія и латинскія. Остается пожалѣть, что г. Затурецкій не счелъ нужнымъ присоединить также южно-славянскія и русскія. Для нѣмецкихъ параллелей, составитель пользовался изданіемъ Фришбира «Preussistche Sprichwörter», но почему-то совершенно оставилъ безъ вниманія капитальный трудъ Вандера «Sprichwörter-Lexicon», значеніе котораго для исторіи славянской пословицы было указано еще Крекомъ *).

Эти и немногіе другіе недостатки сборника г. Затурецкаго не умаляютъ однако его значенія, какъ одного изъ образцовыхъ изданій не только словацкихъ пословицъ, но и вообще славянскихъ.

Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungeu und einer Karte. Strassburg. 1898. VIII+362.

Настоящее сочиненіе представляетъ переработку для широкой публики лекцій по этнографіи нѣмецкаго народа, читанныхъ авторомъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ Фрейбургскомъ университетѣ. Хотя въ основу изложенія поставленъ матеріальный и духовный бытъ населенія западной Германіи,—бытъ, большею частью извѣстный автору по личнымъ, свыше тридцатилѣтнимъ наблюденіямъ,—однако, работа г. Мейера справедливо предъявляетъ и болѣе общее значеніе, такъ какъ авторъ постоянно заглядываетъ въ область этнографіи восточной Германіи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Швеціи, Голландіи и Англіи.

Изложеніе отличается строго объективнымъ характеромъ. Смотря на свою книгу лишь какъ на «вопросный листъ, распространенный въ повѣствовательную форму» (Vorwort, S. IV), авторъ не столько объясняетъ факты, сколько описываетъ. Хотя г. Мейеръ по поводу тѣхъ или другихъ явленій народной жизни и с т а в и т ъ нерѣдко вопросы болѣе или менѣе общаго характера, однако мы напрасно стали-бы искать у него попытокъ хотя бы гипотетическаго ихъ рѣшенія.

Вслѣдствіе такой особенности труда г. Мейера, передать богатое содержаніе «Нѣмецкаго народовѣдѣнія» представляетъ большія трудности. Въ настоящей замѣткѣ мы ограничимся только бѣглымъ обзоромъ содержанія книги, причемъ съ бо̀льшей подробностью остановимся на первыхъ двухъ главахъ: какъ ни тѣсны обобщенія г. Мейра, все-таки, въ указанныхъ главахъ имъ дается болѣе широкій просторъ, чѣмъ въ остальныхъ, представляющихъ часто голый фактическій разсказъ.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этому обзору, мы должны подчеркнуть еще одну сторону книги г. Мейера,—его убѣжденіе въ необходимости тѣсной связи этнографіи съ жизнью. Съ первыхъ строкъ своего труда, г. Мейеръ горячо протестуетъ противъ распространеннаго и теперь еще взгляда на этнографію, какъ на собраніе рѣдкостей (Kuriositäten). По его убѣжденію, особенно дорогому для редакціи «Живой Старины», народовѣдѣніе имѣетъ не только научно-теоретическія задачи, но и соціально-практическія, такъ какъ знаніе быта родного народа должно составлять необходимое достояніе каждаго истиннаго друга народа, каждаго образованнаго человѣка, «начиная съ сановника и кончая самымъ скромнымъ сельскимъ учителемъ». (Vorvort, S. 1.).

Книга открывается описаніемъ различныхъ типовъ нѣмецкихъ поселеній. Древнѣйшими изъ нихъ авторъ считаетъ два: типъ м н о г о д в о р н а г о селенія (Haufendorf или Sippendorf) и типъ о д н о д в о р н а г о (Einzelhof). Какъ доказываютъ многочисленныя патронимическія названія, селенія перваго рода обязаны своимъ происхожденіемъ родовымъ союзамъ. Такъ какъ первоначально земля дѣлилась между членами рода на совершенно одинаковые участки, то владѣніе землей необходимо было черезполоснымъ. Впрочемъ, равенство въ распредѣленіи участковъ существовало только по имени, и уже во времена Тацита пахотные участки раздѣлялись по «рангу и значенію отдѣльныхъ членовъ». Что касается до луговъ и лѣсовъ, то эти угодья находи-

---

*) Einleitung in die Slawische Litteratnrgeschichte, 2-te A. Graz. 1887, S. 790.

лись въ общинномъ пользованіи до очень недавняго времени: еще въ XVIII ст., передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, большая часть земель нѣмецкихъ крестьянъ находилась въ общинномъ пользованіи, пока аграрная реформа Штейна не освободила ихъ отъ «оковъ общиннаго хозяйства». Слѣды послѣдняго сохранились и въ современной Германіи или въ видѣ отдѣльныхъ обычаевъ, какъ Flurzwang и жеребьевка пахатныхъ участковъ (Flurverlosung), или въ такихъ учрежденіяхъ, какъ альпійскія товарищества пастуховъ и нижненѣмецкіе родовые союзы. Съ особенной подробностью г. Мейеръ описываетъ соціальную организацію послѣднихъ. Ведя свое начало отъ саксонскихъ шляхтовъ (Schlachten) *), эти роды образовали въ средніе вѣка могущественную политическую общину, успѣшно защищавшую свою независимость отъ враждебныхъ сосѣдей. Въ лучшее время своей жизни, этотъ нижне-нѣмецкій союзъ избиралъ 48 совѣтниковъ, вносившихъ на обсужденіе народнаго собранія законопроекты...

Многодворнымъ селеніямъ не уступаютъ въ древности поселенія, состоящія изъ одного только двора (Einzelhöfe). Выборъ той или другой формы осѣдлой жизни обусловливали различныя обстоятельства. Самое могущественное вліяніе должны были оказывать качества почвы, такъ какъ многодворныя селенія болѣе нуждались въ земляхъ, богато вознаграждающихъ трудъ земледѣльца, чѣмъ одинокіе дворы. Къ географическимъ причинамъ присоединялись иногда соціальныя: крестьянинъ, вышедшій почему-либо изъ числа членовъ родового союза, естественно долженъ былъ стремиться завести особое хозяйство. Сравнительно рѣдко удается объяснить совмѣстное существованіе того и другого типа селенія изъ первоначальнаго различія племенного состава населенія края.—Превосходя жителей деревни практическимъ смысломъ и обладая обыкновенно большимъ матеріальнымъ достаткомъ, «однодворцы» уступаютъ первымъ въ развитіи духа общественности.

Послѣ краткой характеристики другихъ типовъ нѣмецкаго села: виллы (Weiler), рядовой деревни (Reihendorf) и заимствованнаго у славянъ городища (Runddorf), г. Мейеръ во второй главѣ переходитъ къ описанію внѣшняго и внутренняго устройства нѣмецкаго крестьянскаго дома. Принимая во вниманіе первоначальное различіе этнографическаго состава населенія въ различныхъ частяхъ Германіи, авторъ устанавливаетъ пять типическихъ формъ постройки избы: нижнесаксонскую, фризскую, франконско-алеманскую, баварско-ретійскую и сѣверно-восточно-нѣмецкую. Такъ какъ германскія племена разселялись въ направленіи съ сѣвера на югъ, и такъ какъ только саксы и фризы остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, то прагерманская форма дома, въ наиболѣе чистомъ видѣ могла сохраниться, по мнѣнію нѣмецкаго ученаго, только въ нижнесаксонскомъ домѣ. Отличительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе примитивныя черты устройства послѣдняго составляютъ: отсутствіе отдѣльныхъ помѣщеній для скота и вообще сельско-хозяйственнаго инвентаря и свободное, открытое положеніе очага въ серединѣ жилой части дома. Постепенное перенесеніе очага изъ центра дома въ опредѣленную каморку-кухню и отдѣленіе отъ жилья стойла и кладовыхъ проходятъ красною нитью черезъ всю исторію нѣмецкаго крестьянскаго дома. Такъ, уже въ фризскомъ домѣ, представляющемъ видоизмѣненіе нижнесаксонскаго, сѣни (die Diele) отдѣлены перегородкой отъ остальной части дома. Еще высшую стадію представляетъ франконско-алеманскій домъ, значительно видоизмѣненный въ своемъ строеніи, причемъ кладовыя, если не помѣщаются въ особыхъ пристройкахъ, то, по крайней мѣрѣ, отдѣляются отъ жилья стѣной. Кромѣ того, въ противоположность нижнесаксонскому и фризскому типамъ, средне- и верхне-нѣмецкіе дома часто бываютъ обращены окнами на улицу, и нерѣдко строятся съ двумя и болѣе этажами. Къ этому типу крестьянскаго дома близко подходитъ баварско-ретійскій, который г. Мейеръ называетъ также «баварско-романскимъ», такъ какъ преобладаніе каменныхъ построекъ и обиліе комнатъ въ домѣ доказываетъ, по его мнѣнію, итальянское вліяніе. Наконецъ, что касается сѣверно-восточно-нѣмецкаго дома, то его характернымъ признакомъ можетъ служить навѣсъ (Vorhalle), защищающій фронтонъ дома, а также множество печей, занимающихъ иногда добрую половину жилья.

*) Не отъ этихъ-ли саксонскихъ родовъ славяне заимствовали слово «шляхта»?

Въ небольшой третьей главѣ, вслѣдъ за краткимъ очеркомъ физической организаціи нѣмецкаго крестьянина, авторъ описываетъ различныя формы одежды послѣдняго. Эта глава наименѣе оригинальна. Авторъ доказываетъ уже давно отмѣченное наукою возрастаніе въ направленіи съ юга на сѣверъ свѣтлой наружности (волосъ, глазъ, кожи) сравнительно съ темной и подтверждаетъ не менѣе извѣстный фактъ вытѣсненія крестьянской одежды городскою.

Съ особенной подробностью и любовью авторъ останавливается на нѣмецкихъ нравахъ и обычаяхъ, описанію которыхъ посвящена четвертая глава. Авторъ справедливо считаетъ изученіе нравовъ и обычаевъ народа главной задачей этнографіи не только потому, что изъ нихъ слагается почти вся жизнь крестьянина, но и потому, что они представляютъ конкретное выраженіе психики народа, зеркало его чувствъ и думъ.

Съ исторической точки зрѣнія, авторъ, подобно большинству прежнихъ изслѣдователей, отличаетъ обычаи, восходящіе къ прагерманской древности, отъ обычаевъ, установившихся подъ вліяніемъ христіанства. Не смотря на кажущуюся противоположность тѣхъ и другихъ, они сходятся въ томъ, что представляютъ своеобразное сочетаніе туманнаго мистицизма и грубаго раціонализма. «Нашъ народъ, говоритъ г. Мейеръ, глубоко убѣжденъ не только въ аналогичности процессовъ природы съ явленіями человѣческой жизни, но и твердо вѣритъ въ реальную, хотя бы и столь чудесную связь тѣхъ и другихъ.... Что въ поэзіи является только уподобленіемъ, то въ нравѣ—фактомъ. Другую часть народной души составляетъ трезвая разсудочность, грубый реалистическій раціонализмъ» (S. 100).

Описывая съ такой точки зрѣнія нравы и обычаи нѣмецкаго народа, авторъ группируетъ громадный, находившійся въ его распоряженіи матеріалъ около трехъ великихъ таинствъ человѣческой жизни: рожденія, брака и смерти и излагаетъ его въ порядкѣ человѣческихъ возрастовъ: дѣтства, юности, возмужалости и старости. Такъ какъ факты, приводимые г. Мейеромъ въ книгѣ, по собственнымъ его словамъ, имѣютъ значеніе только въ совокупности, рисующей «складъ всей жизни крестьянина» (den Zusammenhang des vollen bauerlichen Daseins), то пересказывать даже самые интересные изъ нихъ считаемъ излишнимъ.

Въ пятой главѣ находимъ очеркъ нѣмецкой діалектологіи, который, по сжатости и содержательности, можетъ служить превосходнымъ руководствомъ для первоначальнаго ознакомленія съ предметомъ. Характернѣйшей чертой нѣмецкой фонетики авторъ считаетъ, конечно, т. н. передвиженіе или перебой согласныхъ, которые ставитъ въ связь съ двумя величайшими исторически извѣстными переселеніями нѣмецкаго племени. Въ то время, какъ первое передвиженіе согласныхъ, побѣдоносно прошедшее по всей территоріи нѣмецкаго племени, было вызвано распространеніемъ послѣдняго въ VI—IV вв. до Р. Х. по сѣверной Европѣ, второе имѣло своей причиной т. н. великое переселеніе народовъ. Такъ какъ скандинавы, фризы и саксы въ послѣднемъ переселеніи участія не принимали, то этимъ и объясняется, почему область ихъ языковъ не была затронута этимъ загадочнымъ фонетическимъ процессомъ.

Послѣ краткаго очерка исторіи образованія нѣмецкаго литературнаго языка, авторъ переходитъ къ характеристикѣ нѣмецкихъ нарѣчій какъ по отношенію ихъ къ литературному языку, такъ и по отношенію ихъ другъ къ другу. Изложеніе поясняется прекрасно подобранными примѣрами, примѣтами же большей или меньшей близости служатъ не только звуковыя, формальныя и словарныя особенности языка, но и удареніе, мелодія и темпъ рѣчи.

Заключительныя главы книги посвящены характеристикѣ нѣмецкаго народно-поэтическаго творчества: въ седьмой главѣ авторъ говоритъ о нѣмецкой народной поэзіи вообще, въ восьмой—о народныхъ преданіяхъ и сказкахъ. Передъ читателемъ проходятъ всѣ виды народно-поэтическаго творчества, начиная съ «пѣсней безъ словъ» ритмическихъ движеній, сопровождающихъ извѣстную работу, и кончая народными балладами и сказаніями о разныхъ фантастическихъ существахъ. Хотя спеціалистъ въ этомъ этюдѣ и немного найдетъ оригинальнаго, но конечно не въ отдѣльныхъ харак-

теристикахъ, хотя бы и очень мѣткихъ, заключается интересъ главы, а въ ихъ совокупности, рисующей довольно яркую картину интимной жизни нѣмецкаго простолюдина.

Два отзыва по присужденію большой и малой золотыхъ медалей Этнографическаго Отдѣленія.

Отзывы о трудахъ заслуживших, по опредѣленію медальной коммисіи, большой и малой золотыхъ медалей Отдѣленія Этнографіи.

Сынъ Итальянца изъ Лукки и русской матери изъ Тулы, Н. Л. Гондатти родился въ Москвѣ, въ 1861 г., среднее образованіе получилъ въ Нижегородскомъ дворянскомъ Институтѣ, высшее въ Московскомъ Университетѣ по естественно-историческому Отдѣленію Физико-Математическаго Факультета.

Въ теченіе 8 лѣтъ съ выхода изъ Университета, т. е. съ 1885 по 1893 г., жилъ обыкновенно въ Москвѣ, состоя преподавателемъ естествовѣдѣнія въ двухъ среднихъ училищахъ и въ школѣ шелководства, также завѣдуя Минералогическимъ кабинетомъ Румянцевскаго Музея и состоя секретаремъ въ Антропологическомъ Отдѣлѣ И. Общ. Любителей Естествознанія.

За это время, по порученіямъ Общ. Любит. Естеств., Комитета по устройству Музея прикладныхъ знаній, а также М. Арх. Общ., Н. Л. совершилъ нѣсколько ученыхъ поѣздокъ въ 1885 г. въ сѣверозап. Сибирь для производства антропологическихъ, этнографическихъ и зоологическихъ изслѣдованій, въ 1887 г. въ Таврическую г. для изслѣдованія состоянія шелководства въ нѣмецкихъ колоніяхъ и для приготовленія целлюлярной грены, въ томъ же году на Урало-Сибирской научно-промышленной выставкѣ въ Екатеринбургѣ, въ 1889 г. въ Парижѣ на международный Географическій конгресъ, въ Германію и Англію для осмотра музеевъ и затѣмъ въ М. Азію, Сирію и Египетъ для ознакомленія съ производствомъ тамошняго шелководства, наконецъ въ Австрію, Италію, Францію для ознакомленія съ устройствомъ шелководныхъ въ нихъ станцій и для изученія мѣропріятій этихъ государствъ для поднятія и развитія въ нихъ этой отрасли сельскаго хозяйства. Въ 1890 г. былъ командированъ г. Министромъ Госуд. Имущ. въ Южное Поволжье для изученія современнаго состоянія тамошняго шелководства и для выработки мѣръ, необходимыхъ для развитія и улучшенія этой отрасли сельскаго хозяйства. Въ томъ же 1890 г. Общ. Люб. Естеств. былъ командированъ въ Закаспійскій Край и Туркестанское Генералъ-Губернаторство для научныхъ изслѣдованій и собиранія коллекцій, причемъ особенно долго останавливался въ Бухарѣ и Ферганѣ. Нѣсколько позже Гондатти успѣлъ съѣздить на Новую Землю, на устье Оби, на о-въ Цейлонъ, въ Остъ-Индію, Китай, Японію и Америку.

За эти годы были имъ напечатаны, сверхъ отчетовъ и статей по шелководству и пчеловодству, слѣд. этнографическія работы: 1. Религіозныя вѣрованія инородцевъ сѣверо-зап. Сибири *) 2. Культъ медвѣдя Маньзовъ **) 3. Описаніе одежды инородцевъ сѣверо-западной Сибири (систем. опис. коллекцій Датск. Этногр; Музея. Вып. I), описаніе Туркест. выставки (этногр. обозр. кн. VII).

Въ 1893 г. Приам. генер. губерн. С. М. Духовскій назначилъ Н. Л. Гондатти на должность Анадырскаго окружнаго начальника. Здѣсь онъ прожилъ и проработалъ для науки и для края три года, лишенный самыхъ незатѣйливыхъ и необходимыхъ удобствъ, подвергаясь, особенно зимою (съ октября мѣсяца) самымъ тяжкимъ лишеніямъ. Въ 50° градусные Р. морозы въ Марковской казармѣ приходилось по цѣлымъ днямъ топить чугунку, но никогда не случалось нагнать тепла болѣе 7°/°, и то къ вечеру. Съ появленіемъ снѣга нужно было облекаться въ двойную кухлянку и не снимать ее уже всю зиму. Вечеромъ за чаемъ вся комната наполнялась густымъ паромъ: свѣчи и лампа меркли. Ложась спать, надо было не только не снимать съ себя кухлянки и торбаса, но и покрываться еще песцовымъ одѣяломъ и медвѣжьею шкурою. Скоро погасала чугунка и черезъ часа два, три температура наружнаго воздуха и температура комнаты почти уравновѣшивались. Самоваръ вечерній, если въ немъ оставалась вода, замерзалъ за ночь такъ, что вся вода превращалась въ сплошную глыбу льда. Еще хуже, когда являлись

---

*) Тр. Этн. Отд. И. Общ. Л. Ест. кн. VIII. **) тамъ-же.

пурги, а онѣ случаются каждую зиму и иногда продолжаются три, четыре недѣли подъ рядъ. Эти пурги въ 6—10 часовъ заносили иногда всю казарму до оконъ. Если пурга началась съ вечера, то къ утру лишь по часамъ можно было узнавать, что долженъ быть свѣтъ, ибо окна заносились огромнымъ слоемъ снѣга, который, утолщаясь съ каждымъ часомъ, доходилъ черезъ два три дня до 2—3 саженъ толщины. Три дня пурги абсолютно лишали свѣта, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль должны были горѣть неугасимыя лампы. Зимою 1895 г. испортились у Гондатти всѣ часы, и приходилось отличать день отъ ночи по догадкамъ.

Д. Чл. Прам. Отд. И. Р. Г. О. Марковъ, пріѣзжавшій на нѣсколько дней въ Авг. 1896 г. къ Гондатти, расказываетъ что сидѣлъ у Гондатти въ казармѣ какъ то вечеромъ, «въ казарму стали собираться казаки, въ кухнѣ готовился ужинъ, какъ для нихъ, такъ и для Гондатти. Кухонный смрадъ дѣлался ощущительнымъ, казачьи дѣти, счетомъ пять, подняли ужасный плачь. Этотъ плачь дѣтей, убаюкиванье ихъ матерями, говоръ казаковъ и чукчей, перебранка между двумя казачками изъ за разбитой тарелки были слышны въ помѣщеніи Н. Л—ча также отчетливо, какъ если бы весь этотъ гамъ и шумъ происходилъ тутъ-же у самаго уха. Гондатти однако это не безпокоило. Живя въ такой обстановкѣ два года, онъ привыкъ и къ плачу дѣтей и къ стону больныхъ, и къ перебранкѣ горластыхъ казаковъ».

За трехлѣтнее свое пребываніе среди Чукчей, нашъ энергическій и преданный наукѣ изслѣдователь собралъ обширныя коллекціи, изучилъ основательно малоизвѣстное племя Чукчей и ихъ языкъ принесъ, по свидѣтельству начальника края, большую пользу нашей администраціи. Г. Гондатти успѣлъ по настоящее время напечатать результаты своихъ наблюденій и изысканій въ слѣд. статьяхъ: «Поѣздка изъ с. Маркова въ бухту Провидѣнія (Зап. Прiам. Отд. И. Р. Г. О. IV вып.)». «Свѣдѣнія о поселен. по р. Анадыру, Осѣдлое населеніе р. Анадыра). Составъ населенія Анадырск. округа *) и въ Жив. Стар. II. 1897: Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анад. округа.

Какъ за эти труды, такъ въ особенности за всю плодотворную трехлѣтную дѣятельность въ такомъ суровомъ и почти дикомъ краѣ Отдѣленіе Этнографіи, согласно отзыву Медальной Коммиссіи опредѣлило наградить Н. Л. Гондатти большою золотою медалью Отдѣленія.

Малая же золотая медаль Отдѣленія была присуждена г. Ростковскому за его старательную и полезную работу «Распредѣленіе жителей Битольскаго Вилаэта по національностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1897 г., «съ приложеніемъ карты и подробными статистическими данными, почерпнутыми авторомъ преимущественно изъ Сальнаме (ежегодн. справочная книга). Битольск. вилаэта, въ коей перечислены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ села съ указаніемъ числа домовъ и жителей безъ различія вѣроисповѣданія и національности, а также разстоянія селъ отъ уѣзднаго ихъ города. Статистическія данныя, предупреждаетъ самъ составитель, и какъ оно давно извѣстно относительно Турецкихъ офиціальныхъ источниковъ, особенною точностью не отличаются. Гдѣ могъ, авторъ провѣрялъ эти данныя села лишь или черезъ довѣренныхъ лицъ, а при полученіи различныхъ цифръ населенія одного и того же села, бралъ среднюю, считая ее наиболѣе близкою къ истинѣ. Вообще г. Ростковскій допускаетъ, что данныя, имъ приводимыя, уклоняются отъ истины процентовъ на 15. Относительно христіанскаго населенія авторъ пользовался полученными имъ, отъ христіанскихъ общинъ данными относительно числа вѣнцовъ или семействъ, обложенныхъ налогами въ пользу епархіальнаго архіерея. Что касается населенія мусульманскаго, то авторъ пользовался сверхъ Сальнаме и списками призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности; при этомъ поневолѣ пришлось принимать на вѣру турецкую систему подсчета населенія съ ее предположеніемъ средняго населенія каждаго дома въ 5 душъ.

Статистическія таблицы и карта г. Ростковскаго (въ уменьшенномъ видѣ) появятся въ Живой Старинѣ 1899 г. въ первомъ ея выпускѣ.

Трудъ этотъ весьма полезный появится весьма кстати, въ виду ожидаемыхъ нынѣ реформъ въ Македоніи. Онъ вполнѣ заслуживаетъ поощренія и отличія со стороны И. Р. Геогр. Общества.

В. Ламанскій.

---

*) Отдѣльно—подъ общимъ заглавіемъ «Анадырскіе очерки» Н. Л. Гондатти г. Хабаровскъ. 1897 (стр. 71—177).

Библіографическій обзоръ Литовскихъ повременныхъ изданій за 1898 годъ.

Мѣстная администрація Сѣверо-Западнаго края имѣетъ много заботъ по преслѣдованію литовскихъ книгъ и газетъ доставляемыхъ контрабандой изъ за границы. По преимуществу контрабанда доставляетъ изъ Пруссіи разнаго рода молитвенники, катехизисы и азбуки на литовскомъ языкѣ, почти ничего не заключающихъ противъ цензурныхъ правилъ, кромѣ латино-литовскихъ буквъ. Контрабанда еще доставляетъ изъ заграницы: календари, газеты и журналы на литовскомъ языкѣ съ политическими тенденціями и время отъ времени распространяетъ ихъ между литовцами Ковенской и Сувалкской губерній какъ пограничныхъ. Многія газеты не касаются русскихъ литовцевъ, поэтому для Россія не имѣютъ никакого значенія. Напротивъ другія предназначаются для русскихъ литовцевъ и, проникая въ Русскую Литву, привносятъ въ нее тенденціозныя понятія, чего не производили бы, выходя въ Россіи подъ предварительной цензурой. Теперь перечислимъ всѣ ихъ по порядку.

1. «Auszra, lietuwiszkas laiszka wisu bundanczio lietuwiu». Заря, литовскій листокъ пробуждающихся литовцевъ, выходитъ 2 раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1897—1898 г. Это органъ литовскаго консервативнаго общества прусскихъ литовцевъ для избранія національныхъ представителей въ германской имперіи и прусскій, королевскій сеймъ. Главная забота этого листка о сохраненіи литовскаго языка въ школахъ и вообще литовской національности. Онъ издается въ нѣмецкомъ духѣ на литовскомъ языкѣ сильно онѣмеченномъ. Изрѣдка появляются статейки и стихотворенія въ защиту литовскаго языка и національности въ духѣ самосохраненія, особенно это было замѣтно во время выборовъ.

2. «Lietuwiszka Ceitunga». Литовская газета, выходитъ еженедѣльно въ Мемелѣ съ 1878—1898. f. Издатель этой газеты ежегодно получаетъ пособіе отъ нѣмецкой консервативной партіи и, разумѣется, трудится для этой партіи. Редакція этой газеты издаетъ ежегодно литовскій календарь въ этомъ же духѣ, и разсылаетъ какъ премію подписчикамъ.

3. «Laukinyku Prietelius». Другъ селянъ, выходитъ ежемѣсячно въ Мемелѣ съ 1897—1898 г. 8°. Этотъ журнальчикъ выходитъ какъ приложеніе предыдущей газеты. Сообщаетъ маленькіе расказы и повѣсти, такъ-же полезныя по сельскому хозяйству. Издаетъ Гольцъ.

4. «Nauje Lietuwiszka Ceitunga». Новая литовская газета выходитъ два раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1890—1898 г. f. Эта газета въ такомъ же духѣ, какъ и «Auszra», только болѣе онѣмечена. Сообщаетъ историческіе разсказы изъ мѣстной жизни прошлаго, въ нѣмецкомъ духѣ.

6. «Kaimynas», Селянинъ, выходитъ ежемѣсячно въ Тильзитѣ съ 1896—1898 г. какъ приложеніе къ «Nauje Liet. Ceitunga.» Сообщаетъ повѣсти и расказы, переводимые съ нѣмецкаго языка и изъ нѣмецкой жизни.

6. «Skirimo Ceitunga». Газета выборовъ, издавалась на средства либеральной партіи на литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ Мемелѣ 1898 г. 4°. Вышло нѣсколько номеровъ.

7. «Tilžes Keleiwis». Тилзитскій путникъ, выходитъ два раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1883—1898 г. f. нѣсколько лѣтъ, получая пособіе отъ національно-либеральной партіи, былъ органомъ этой партіи между литовцами въ Пруссіи, но въ 1898 г. заговорилъ въ пользу нѣмецкой консервативной партіи. Эта газета есть прототипъ литовской газетки «Keleiwis», вздававшейся въ Кенигсбергѣ профессоромъ Куршатисомъ съ 1849—1880 г. Въ старомъ «Keleiwis» еженедѣльно печатались проповѣди, какъ передовыя статьи, въ нынѣшнемъ Tilz. Kel. тоже помѣщаются проповѣди черезъ номеръ въ фельетонѣ и черезъ номеръ повѣсти и разсказы. Редакція этой газеты издаетъ ежегодно въ томъ же духѣ календарь и разсылаетъ подписчикамъ. Издаетъ И. Реилендеръ съ сыномъ.

8. «Konserwatiwu Draugistes Laiszkas». Листокъ нѣмецкаго консервативнаго общества въ Кенигсбергѣ, еженедѣльно выходитъ въ Прекулѣ съ 1882—1898 г. 4°. Такъ какъ этотъ листокъ издается на средства нѣмецкаго консервативнаго общества, то

разумѣется и трудится для этого общества. Онъ постоянно въ борьбѣ съ «Nauje Lit. Ceitung» и «Auszra», всѣ ихъ патріотическія мнѣнія старается опровергать. Но замѣчательно то, что издается на мѣстномъ литовскомъ говорѣ, именно Прекули, и довольно чистомъ, не такъ какъ напр. «Tilz. Keleiwis» и другія газетки которыя выдаются своимъ сильно онѣмеченнымъ языкомъ литовскимъ. Редакторъ Траушисъ.

9. «Lietuwos Paslas», Литовскій вѣстникъ, выходилъ два раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1896—1898 г. кахъ органъ нѣмецкой консервативной партіи въ Тильзитскомъ округѣ. Вслѣдствіе ограниченности программы и вообще своей безсодержательности мало имѣлъ читателей, и потому въ 1898 г. соединился съ «Tilz. Keleiwiso'мъ» или просто говоря прекратился.

10. «Tevynes Sargas», Сторожъ Отечества, ежемѣсячно выходитъ книжками отъ двухъ до трехъ листовъ, печатаемыхъ латино-литовскимъ шрифтомъ въ Тильзитѣ съ 1896—1898. 8°. Этотъ журналъ желаетъ охранять литовскій народъ посредствомъ просвѣщенія, помогать ему въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи посредствомъ практическихъ совѣтовъ. Это патріотическій журналикъ Русскихъ литовцевъ. Издается подъ редакціею (Saunio) Зауно.

11. «Pakajaus Paslas», Вѣстникъ мира, еженедѣльно выходитъ на литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ Мемелѣ съ 1881—1898 г. 4°. Это проповѣдническій листокъ сообщаетъ свѣдѣнія, когда и гдѣ будетъ проповѣдь и молитвы.

12. «Ukinykas», Хозяинъ, ежемѣсячный журналъ выходитъ въ Тильзитѣ съ 1890—1898 г. Первоначальная программа этого журнала была практически-научная о сельскомъ хозяйствѣ, которой онъ и держался въ началѣ, но затѣмъ сталъ политико-литературнымъ. Въ 1894, 1895 и 1896 г.г. давалъ приложенія ежемѣсячно книжками практическаго содержанія напр. «Apie Mesilus» объ искуственныхъ удобреніяхъ земли и проч., «Pieninikiste» Молочное дѣло, Ka̧ dariti kad sveiku buti»—Что дѣлать, чтобы быть здоровымъ и т. д. а такъ-же повѣсти и разсказы. Редактировалъ Мартинъ Янкусъ, изд. Воска, печатался латино-литовскимъ шрифтомъ въ типографіи Воски.

13. Varpas politicos mokslo ir literaturos laikrasztis.—Колоколъ, политическій, научно-литературный журналъ ежемѣсячно въ Тильзитѣ съ 1889—1898 г. 4°. Выходилъ ежемѣсячно, теперь въ два мѣсяца разъ. Этотъ журнальчикъ по своему стилю пытается быть органомъ образованныхъ литовцевъ. Издается на средства кружка образованныхъ литовцевъ, редактировалъ сначала М. Янкусъ, затѣмъ другіе. Печатается латино-литовскимъ шрифтомъ въ типографіи Вейера. Вообще журнальчикъ признается образцовымъ въ литературной обработкѣ и по правописанію, кромѣ рѣзкихъ статей противъ мѣстной русской администраціи, которыхъ въ каждомъ номерѣ найдется не мало.

14. «Nusidawiniai ape ewanglios prapatimima tarpzydu ir pagonu.». Очерки о распространеніи евангелія между евреями и язычниками, ежемѣсячно въ Кенигсбергѣ съ 1832—1898 г. 8°. Это миссіонерскій листокъ.

15. «Lietuva, nedelinis laikrasztis». Литва, еженедѣльная газета издается въ Чикаго съ 1892 — 1898 г. Кромѣ обзора политическихъ событій и свѣдѣній о мѣстахъ заработка, и о жизни литовцевъ въ Америкѣ, помѣщаетъ статьи научнаго содержанія, которыя затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ выпускаютъ книжками, какъ напр. Географія, Космографія, Гигіена, Исторія Америк. Соединенныхъ Штатовъ и др. Издаетъ Ольшевскій.

16. «Vienybe Lietuvniku, literaturos mokslo ir politikos laik». Единство Литовцевъ, литературно-политическій журналъ еженедѣльно въ Плимутѣ въ Пенсильваніи, съ 1887—1898 г. 4°. Здѣсь, кромѣ обзора политическихъ событій и обширныхъ сообщеній изъ Литвы, въ каждомъ номерѣ обильный матеріалъ изъ жизни литовцевъ въ Америкѣ, объ организаціи разныхъ обществъ, устройствѣ приходовъ и церквей; тоже помѣщаются романы и повѣсти, разумѣется переводные, легенды и сказки литовцевъ Фекенштета, переводъ Шлюпаса. Издаетъ Паукштисъ.

17. Garsas Amerikos Lietuviu.—Эхо литовцевъ въ Америкѣ, еженедѣльно въ Шенандоа, въ Пенсильваніи съ 1894—1898 г. 4° Этотъ журнальчикъ переходилъ изъ рукъ въ руки и много разъ перемѣнялъ свое направленіе, теперь же въ рукахъ духовенства. Вообще содержаніе не богато.

18. Saule. Солнце, прежде еженедѣльно, а въ 1898 г. два раза въ недѣлю выходитъ въ Магана Сити съ 1888—1898. Издаетъ Бачковскій. Въ 1897 г. было возбуждено судебное преслѣдованіе противъ издателя этой газеты за беллетристически-циническія статейки.

19. «Kardas, Satiriszkas laikrasztis.—Мечъ, сатирическій журналъ съ карикатурами, выходилъ еженедѣльно въ Балтиморѣ съ 1896—1898. 4° прекратился.

20. Gallibe, Mokslo menesinis laikrasztis. Могущество, научно-ежемѣсячный журналъ книжками выходилъ въ Балтиморѣ 1898. 8° Содержаніе № 1) Археологія древнихъ жителей Америки, 2) Эволюція нравственности 3) Плодородіе и его уменьшеніе. 4) Жизнь Іисуса Христа, 5) Священникъ, женщина и исповѣдь. Этотъ журналъ выходилъ въ видѣ приложенія къ «Kardas'у».

21. Rytas, szeiminiszkai-draugiszkai-ukiszkai laikrasztis.—Утро, семейно-общественно-хозяйственный журналъ выходилъ еженедѣльно въ Ватербури. Конектикутѣ съ 1896—1898 г. Издатель редакторъ кс. Жебрисъ. Ультра-католическій журналъ. Прекратился.

22. Tevyne, literaturos, mokslo ir politikos menesinis laikrasztis. Отечество, литературно-научный и политическій журналъ, выходитъ ежемѣсячно въ Шенандоа съ 1896—1898. 8º. Это органъ союза Литовцевъ въ Америкѣ. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о первыхъ литовскихъ эмигрантахъ въ Америкѣ, ихъ жизни, борьбѣ съ поляками за національность и о началѣ литовскихъ колоній въ Америкѣ. Къ этимъ описаніямъ приложены рисунки, но къ сожалѣнію довольно плохіе. Конечно это цѣнный матеріалъ для исторія литовцевъ въ Америкѣ, такъ какъ составленъ и собранъ очевидцами, самими эмигрантами, но нѣтъ документальныхъ данныхъ.

23. «Pasaule».—Міръ, еженедѣльная газетка, выходила въ Шенандоа, перепечатки изъ «Garsas Amerk. Liet.» въ 1897—1898 г. прекратилась.

24. «Dirva».—Нива, трехнедѣльное изданіе въ Шенандоа Пенсильв. 1898. № 1—4. книжками. Содержаніе кн. 1. Матеріалы для біографіи С. Довконта. № 2. Матеріалы для народной медицины Бассановича № 3—4 Бассановича Изслѣдованія о предкахъ литовцевъ во Ѳракіи.

25. Pensilvanios Darbinikas.—Пенсильванскій рабочій, выходилъ еженедѣльно въ Шенандоа въ 1896—1898 г. соціально-рабочій журналъ.

26. Nauje Draugija. Новая община. Издается съ ноября 1898 г. вмѣсто прекратившихся «Kardas и Galibe».

27. «Tarnas Bazmuczios.—Церковный служитель, выходитъ ежемѣсячно книжками съ 1 Декабря 1898 г. въ Ватербури, вмѣсто «Ritas».

28. Liebuvos Darbinikas.—Литовскій рабочій, органъ литовской соціально-демократической партіи. № 1 вышелъ въ 1896 г. № 2 въ 1898 г. переводъ съ польскаго. Издается въ Швейцаріи.

29. Katalikas. Католикъ, еженедѣльно выходитъ въ Чикаго 1899 г.

30. «Blaivistes laiszkas.—Листокъ трезвости, выходитъ два мѣсяца разъ, какъ органъ общества трезвости.

31. Viltis.—Надежда, еженедѣльно въ Шенандоа. 1899. Рабочій листокъ вмѣсто прекратившагося «Pensilvanios Darbiniko».

Б.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Вечеринки и игрища въ Устьсысольскѣ.

Въ городѣ Устьсысольскѣ, какъ и въ другихъ городахъ Вологодской губерніи, даже и самой Вологдѣ, съ 1-го октября, т. е. съ Покрова Пресвятыя Богородицы, исключая поста Рождественскаго, до самой масляницы, дѣлаются вечеринки или игрища. Одна изъ дѣвицъ, положимъ своего квартала или улицы, приглашаетъ подругъ своихъ къ себѣ въ домъ поиграть и повеселиться. Подружки, принарядясь по возможности, собираются въ этотъ домъ съ пяти и шести часовъ вечера, первоначально пьютъ чай, потомъ лакомятся разными закусками; а къ семи часамъ приходятъ уже извѣстившіеся знакомые и незнакомые добрые молодцы—парни, безъ всякаго приглашенія. Съ ними дѣвицы начинаютъ играть и плясать по пѣснямъ. По окончаніи каждой пѣсни, молодой парень получаетъ отъ вызванной имъ дѣвицы, ходившей съ нимъ объ руку въ кругу или просто по комнатѣ, нѣжный поцѣлуй, и такимъ образомъ игры и пляски продолжаются иногда цѣлую ночь, до самаго утра. Старшіе въ домѣ ни въ чемъ никакого препятствія не дѣлаютъ и не мѣшаютъ, а издали любуются принятыми и позволительными небольшими вольностями. Откуда именно перешло обыкновеніе и начало такихъ собраній и увеселеній, мы не знаемъ, ибо народное преданіе объ этомъ рѣшительно ничего не говоритъ; но кажется оно ведается здѣсь съ глубокой древности, и едвали непроисходитъ отъ временъ языческихъ. Изъ числа пѣсенъ, по которымъ молодцы и дѣвицы кружатся и пляшутъ, мы особенно замѣтили слѣдующую, составленную вѣроятно во XVI или XVII вѣкѣ въ Пермской губерніи.

Когда дѣвицы всѣ сидятъ на своихъ мѣстахъ, (на переднихъ стульяхъ) выходятъ два молодца на сцену. Одинъ изъ нихъ долженъ быть непремѣнно вродѣ дядьки, ходитъ, пляшетъ, топаетъ ногами и поетъ: (причемъ поютъ также молодцы и дѣвицы).

«Скоморохъ идетъ по улицѣ—
«Молодой идетъ по широкой;
«Онъ стучитца, колотитца,
«Ночевать къ дѣвицѣ проситца:
«Вы пустите скомороха ночевать,
«Вы пустите молодова постоять.—
«Скоморохи люди добрые,
«Молоды они счестливые.
«Непьютъ они ни пива ни вина,
«Во царевъ кабакъ не ходятъ никогда.

Послѣ этого одинъ изъ нихъ подходитъ къ дѣвицѣ, спрашиваетъ: пуститъ ли она его поставить на квартиру, и если и получитъ отвѣтъ—«извольте встать», то молодецъ садится съ ней рядомъ и цѣлуетъ, а оставшійся пляшетъ и поетъ:

«Чья эта умная дочь,
«Чья эта разумная дочь,
«Что пустила скомороха ночевать,
«Она пустилъ молодова постоять.

Если же которыя изъ дѣвицъ не примутъ молодца, то въ такомъ случаѣ молодцы поютъ:

«Еще чья эта мерзкая дочь,
«Еще чья это размерзкая дочь:
«Не пустила скомороха ночевать,
«Не пустила молодова постоять.

И въ послѣдствіи начинается снова, пока всѣ молодцы не выберутъ мѣста между дѣвушекъ. Пѣсня эта дошла въ Устьсысольскъ въ послѣднее время изъ Соликамска Пермской губерніи. По имѣющимся у насъ книгамъ таможенныхъ цѣловальниковъ видно, что скоморохи изъ Москвы и великаго Новгорода, приходили и проѣзжали въ Сибирь и въ Пермь великую въ концѣ XVI и въ XVII столѣтіяхъ; въ это время, какъ я полагаю, должна принять начало своѐ постоянная наша пѣснь, изъ которой мы ясно усматриваемъ, что въ древнее время, Сибирскіе жители вновь принятымъ гостямъ скоморохамъ бывали иногда и неочень рады:

1852 г. Членъ сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. *С. Мельниковъ.*
(Изъ арх. Г. Общ.).

Коляда въ Устьсысольскѣ.

Въ городѣ Устьсысольскѣ, въ народной памяти у нѣкоторыхъ русскихъ горожанъ, остался еще старинный обрядъ колядованія. Нынѣ его хотя не исполняютъ, однакожъ въ дѣтскихъ пересказахъ, о существованіи коляды—и восхваляемаго виноградья, мы находимъ воспоминаніе о древнемъ праздествѣ. Обрядъ колядованія въ Устьсысольскѣ былъ почти тотъ-же, какъ описанъ онъ въ народномъ дневникѣ, (Сказан. Р. Народа т. II, стр. 69 Г. Сахарова) съ тою разницею: что коляду здѣсь пѣли вечеромъ 25 декабря, послѣ уже славленья со звѣздою, и хожденія съ вертепомъ, а не наканунѣ Рождества, какъ исполнялось въ Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда, въ помѣщичьемъ селѣ Красномъ Ярѣ.

Колядовщики, приходя къ богатому человѣку въ домъ, начально спрашивали хозяина:

«Прикажи сударь-хозяинъ:
«Коляду просказать?

Когда же получали разрѣшеніе и приглашеніе, тогда пѣли, приплясывая:

«Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ:
«По Кремлю Городу.
Винорадье
Краснозеленое!
«Ахъ! мы ищемъ, мы ищемъ:
«Господинова двора.
Винорадье,
Краснозеленое!
«Господиновъ дворъ.
«На семи верстахъ.
Винорадье,
Краснозеленое!
«На семи верстахъ,
«На восмидесятъ столбахъ.
Винорадье,
Краснозеленое!
«Тутъ трава шелкова—
«Муравая.
Винорадье,
Краснозеленое!

«По травѣ округъ двора,
«Тутъ желѣзный тынъ.
Винорадье,
Краснозеленое!
«Какъ на всякой-то тынинкѣ
«По маковкѣ,
Винорадье,
Краснозеленое!
«А на всякой маковкѣ
«По жемчужку.
Винорадье
Краснозеленое!
«Тутъ три терема стоятъ,
«Златоверховаты.
Винорадье,
Краснозеленое!
«Что во первомъ терему
«Какъ свѣтелъ мѣсяцъ.
Винорадье,
Краснозеленое!

Въ параллель къ словацкимъ пословицамъ составитель часто приводитъ также пословицы чешскія, польскія, нѣмецкія, мадьярскія и латинскія. Остается пожалѣть, что г. Затурецкій не счелъ нужнымъ присоединить также южно-славянскія и русскія. Для нѣмецкихъ параллелей, составитель пользовался изданіемъ Фришбира «Preussistche Sprichwörter», но почему-то совершенно оставилъ безъ вниманія капитальный трудъ Вандера «Sprichwörter-Lexicon», значеніе котораго для исторіи славянской пословицы было указано еще Крекомъ *).

Эти и немногіе другіе недостатки сборника г. Затурецкаго не умаляютъ однако его значенія, какъ одного изъ образцовыхъ изданій не только словацкихъ пословицъ, но и вообще славянскихъ.

Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungen und einer Karte. Strassburg. 1898. VIII+362.

Настоящее сочиненіе представляетъ переработку для широкой публики лекцій по этнографіи нѣмецкаго народа, читанныхъ авторомъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ Фрейбургскомъ университетѣ. Хотя въ основу изложенія поставленъ матеріальный и духовный бытъ населенія западной Германіи,—бытъ, большею частью извѣстный автору по личнымъ, свыше тридцатилѣтнимъ наблюденіямъ,—однако, работа г. Мейера справедливо предъявляетъ и болѣе общее значеніе, такъ какъ авторъ постоянно заглядываетъ въ область этнографіи восточной Германіи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Швеціи, Голландіи и Англіи.

Изложеніе отличается строго объективнымъ характеромъ. Смотря на свою книгу лишь какъ на «вопросный листъ, распространенный въ повѣствовательную форму» (Vorwort, S. IV), авторъ не столько объясняетъ факты, сколько описываетъ. Хотя г. Мейеръ по поводу тѣхъ или другихъ явленій народной жизни и ставитъ нерѣдко вопросы болѣе или менѣе общаго характера, однако мы напрасно стали-бы искать у него попытокъ хотя бы гипотетическаго ихъ рѣшенія.

Вслѣдствіе такой особенности труда г. Мейера, передать богатое содержаніе «Нѣмецкаго народовѣдѣнія» представляетъ большія трудности. Въ настоящей замѣткѣ мы ограничимся только бѣглымъ обзоромъ содержанія книги, причемъ съ бо̀льшей подробностью остановимся на первыхъ двухъ главахъ: какъ ни тѣсны обобщенія г. Мейра, все-таки, въ указанныхъ главахъ имъ дается болѣе широкій просторъ, чѣмъ въ остальныхъ, представляющихъ часто голый фактическій разсказъ.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этому обзору, мы должны подчеркнуть еще одну сторону книги г. Мейера,—его убѣжденіе въ необходимости тѣсной связи этнографіи съ жизнью. Съ первыхъ строкъ своего труда, г. Мейеръ горячо протестуетъ противъ распространеннаго и теперь еще взгляда на этнографію, какъ на собраніе рѣдкостей (Kuriositäten). По его убѣжденію, особенно дорогому для редакціи «Живой Старины», народовѣдѣніе имѣетъ не только научно-теоретическія задачи, но и соціально-практическія, такъ какъ знаніе быта родного народа должно составлять необходимое достояніе каждаго истиннаго друга народа, каждаго образованнаго человѣка, «начиная съ сановника и кончая самымъ скромнымъ сельскимъ учителемъ». (Vorvort, S. 1.).

Книга открывается описаніемъ различныхъ типовъ нѣмецкихъ поселеній. Древнѣйшими изъ нихъ авторъ считаетъ два: типъ многодворнаго селенія (Haufendorf или Sippendorf) и типъ однодворнаго (Einzelhof). Какъ доказываютъ многочисленныя патронимическія названія, селенія перваго рода обязаны своимъ происхожденіемъ родовымъ союзамъ. Такъ какъ первоначально земля дѣлилась между членами рода на совершенно одинаковые участки, то владѣніе землей необходимо было черезполоснымъ. Впрочемъ, равенство въ распредѣленіи участковъ существовало только по имени, и уже во времена Тацита пахотные участки раздѣлялись по «рангу и значенію отдѣльныхъ членовъ». Что касается до луговъ и лѣсовъ, то эти угодья находи-

---

*) Einleitung in die Slawische Litteraturgeschichte, 2-te A. Graz. 1887, S. 790.

Сидѣли бы вы спокойно на печкѣ,—чего здѣсь толшитесь-то? Будто безъ васъ и дѣла не сдѣлается?»

— Да ты что форсишь больно? огрызается старикъ, когда какой-нибудь «молокососъ» сильно задѣнетъ его на сходѣ. Что ты, братъ, намъ дверь то указываешь? какое-такое право имѣешь? что ты за фря?...

— Уходите, уходите, старички! перебиваютъ расходившагося старика голоса изъ «молодятника», взявшаго въ свои руки бразды правленія и въ семьѣ, и на сходѣ. Уходите! Теперь не до васъ...

И старики, понуря голову, уходятъ отъ «обчественнаго дѣла» домой, чувствуя, что новое время создало «новыхъ людей», и эти новыя люди оставили ихъ, стариковъ, «за-штатомъ»...

«Новые люди» создали, въ свою очередь, новыя пѣсни, новые обычаи, новыя вѣрованія. Старое все позабыто, вонъ выброшено, какъ негодный и никому ненужный хламъ.

«Коледа» принадлежитъ къ такимъ-же забытымъ «добрымъ обычаямъ» старины. 20 лѣтъ тому, обычай «ходить съ коледою« существовалъ почти во всѣхъ селеніяхъ Владимірской губерніи. Теперь онъ встрѣчается очень рѣдко: «Новое время—новыя пѣсни»... По крайней мѣрѣ, относительно Вязниковскаго, Гороховецкаго, Ковровскаго и Владимірскаго уѣздовъ, мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что въ этихъ уѣздахъ «коледа» не поется уже нигдѣ. Но еще не далѣе какъ 10—15 лѣтъ тому назадъ «коледа» здѣсь существовала, и въ каждомъ селѣ наканунѣ Рождества «ребятишки» сходились вмѣстѣ и пѣли подъ окнами «коледныя пѣсни» и получали за это кокуры, пироги ржаные, яйца и пр. Это было еще на памяти всѣхъ, объ этомъ любой мужикъ здѣшній раскажетъ.

Но вышедши изъ употребленія, «колядныя пѣсни» начинаютъ забываться, такъ что теперь только рѣдкіе, особенно памятливые, крестьяне сполна помнятъ всѣ колядныя пѣсни. Не пройдетъ и 10 лѣтъ, какъ онѣ совершенно исчезнутъ изъ памяти народной; ихъ нужно записать теперь, чтобы спасти отъ забвенія; иначе никакого слѣда отъ нихъ не останется, и напрасно позднѣйшіе изслѣдователи будутъ искать ихъ: онѣ забудутся и изгладятся безвозвратно. Въ виду этого я и записалъ нѣкоторыя «колядовки», какія пѣлись бывало во Владимірской губерніи. Варіантовъ по губерніи много, я записалъ только самую незначительную часть ихъ, въ надеждѣ, что люди, болѣе меня знакомые съ этнографіей края, не преминутъ дополнить мои скудныя данныя.

1. Коляда въ селѣ Памочаловѣ, Вязниковскаго у.

Лѣтъ 15 тому назадъ у малыхъ дѣтей былъ обычай собираться наканунѣ Рождества и гурьбой ходить по селу и подъ окнами каждаго дома пѣть:

Коляда, Коляда!
Приходила коляда
Наканунѣ Рождества.
На пешномъ окошкѣ
Блинъ да лепешка,
Кокурка съ дырой
Пирожокъ съ крупой.
Подавай, не будь скупой!

Хозяйка подавала имъ нѣсколько маленькихъ кокурокъ, которыя нарочно для этого случая и пеклись, пирогъ, начиненный лукомъ, и блинъ. Подаянія послѣ дѣлились всей компаніей поровну.

2. Коляда въ с. Груздевѣ, Вязниковскаго у.

Коляда, маляда,
Уродилась коляда
Наканунѣ Рождества;
Пришла съ помеломъ,
Всѣхъ обсыпала.
Митька—сбой,
Подбирай, не стой!
Чашки, тарелки—
Подай, баушка (или тетушка), разговѣлки!...

Ходили одни малыя дѣти. Подавали имъ «молосныя кокуры», испеченныя нарочно для этого случая. Обыкновеніе это вывелось лѣтъ 20—25 тому назадъ.

3. Коляда въ селѣ Южѣ: Вязниковскаго у.

Коляда, коляда!
По вечеру Рождества!
Дома-ли хозяинъ?
Нѣтъ его дома,—
Уѣхалъ на поле
Пшеницу сѣять.
Дай кишкѣ пирожка;
Какъ не дашь пирожка,
Уведемъ корову за рога,
И за заднимъ воротамъ
Привяжемъ къ столбу,
Ушибемъ метлой.

Ходили одни «ребятишки» во первый день Рождества; подавали имъ «куженьки» и «витушки».

4. Коляда, въ с. Хозниковѣ, Шуйскаго у.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества—
Съ маслицомъ, съ молочкомъ.
У хозяина полонъ дворъ живота,
А сусѣки полны жита.
На полицѣ то пирогъ лежитъ,—
Хозяюшка, подавай:
Подавай, знай, не ломай!

Съ «колядой» ходили не только дѣти, но и взрослые. Уничтожился этотъ обычай лѣтъ 7 тому назадъ.

Г. Добрынкинъ записалъ слѣдующія «калядовки» въ Муромскомъ у.

a) въ деревнѣ Эфановой.

I.

Въ Новоградѣ зеленоемъ
У Ивана кудри завилися;
Въ три ряда завивалися,
Четвертый рядъ
Ровно заря горитъ.
Въ Москвѣ бояре дивовалися:
«Тея, молодецъ, не мать родила,
Не отецъ выкормилъ,
Вскормилъ, вспоилъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Вознесли часты звѣзды,
Воскачала легка лодочка!»

II.

У Ивана сады разцвѣли,
Разлапушилисъ.
Захотѣлось Аннѣ
Въ садъ погулять—
Саловьевъ послушать.
Одинъ соловей—воръ—обманщикъ
Проманулъ Аннушку,
Отдалъ на чужу сторонушку.

b) Въ деревнѣ Дьяконовой.

Кишка, лепешка,
Свиная ножка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла,
Въ кошель хотѣла!
Тетка, тетка,
Подай лепешку!

Какъ въ Эфановой, такъ и въ Дьяконовой ходили съ «колядовками» одни малыя ребята не наканунѣ Рождества, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ «сочельникъ», наканунѣ Новаго года.

Г. Тихонравовъ въ своемъ «Владимірскомъ Сборникѣ» (1857 г.) сообщилъ 2 «колядовки», записанныя имъ во Владимірскомъ и Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи.

1) Во Владимірскомъ у.

Коледа, Маледа,
Гдѣ была?
Коней пасла!
Что выпасла?
Коня въ золотой уздѣ.
Гдѣ твой конь?
За воротами стоитъ.
Гдѣ ворота?
Водой снесло.
Гдѣ вода?
Быки выпили.
Гдѣ быки?
За гору ушли.
Гдѣ гора?
Черви выточили.
Гдѣ черви?
Гуси выклевали.
Гдѣ гуси?
Гуси съѣдены.

2) Коляда въ Переяславскомъ у.

Овсей шелъ по дорожкѣ,
Нашелъ желѣзцо,
Сдѣлалъ топорикъ,
Вырубилъ сосну,
Намостилъ мосточекъ.
По этому мосту
Шли три брата.
На заднемъ окошкѣ
Блинъ да лепешка.
Подавай, не ломай
И не закусывай!
У хозяина въ дому
Велись-бы телята,
Велись-бы жеребята,
Велись-бы ягнята!

По общему отзыву людей знающихъ, ни въ Переяславскомъ, ни во Владимірскомъ у. «коляды» теперь не поютъ.

25 Сентября, 1883 г.
Г. Владиміръ губернскій.

(Изъ Арх. Р. Г. Общ.). *Н. Добротворскій.*

Духовные стихи.

(Пошех. у.).

1. О Рождествѣ Христовомъ.

Во славномъ было городѣ Вифлеемѣ,
Во той странѣ было Іудейской
На востоцѣ звѣзда возсіяла—
Народился Спаситель—Царь Небесный.
Богъ во убожествѣ преложился,
Во убогихъ ясляхъ возложился,
Никто про Его Свѣта не вѣдаетъ.
Спровѣдали персидскіе цари,
Принесли Ему честные дары:
Измирно (смирну) и злато со ливаномъ.
Царіе Царю поклонились:
«Прими наши честные дары:
Измирно и злато со ливаномъ!»

Царіе Царя стали вопрошати:
«Не Ты-ли есть Богъ надъ богами,
Не Ты-ли есть Царь надъ царями?»
— «Гои есть, (Гой еси,) вы, персидскіе цари!
Хощете Меня вы испытати,
Про Меня царю Ироду сказати,
На распятіе жидамъ Меня предати,
Безвинную кровь проливати».
— «Не дай-же намъ, Господи, подумать,
Не дай намъ, Владыко, помыслить!
Мы хощемъ съ Тобой вкупѣ жити,
Во единомъ царствѣ Небесномъ!»
— «Коли хощете со Мной вкупѣ жити,
Ко Ироду царю вы не ходите,
Инымъ путемъ обратитесь,
Ироду царю вы поругайтесь».
Царіе Царю поклонились,
Поклонившись, они прослезились,
Прослезившись, и вовсе они просвѣтились,
Во своя страны воротились,
Ироду царю поругались.
Безбожный царь про это провѣдалъ,
Безбожный царь Иродъ возъярился,
Послалъ-же онъ свое войско
Во ту страну Іудейскую,
Во вся предѣлы Вифлеемскіе
Побить неповинные младенцы
Отъ двою лѣтъ и нижае
За Спасителя Христа Бога.

2. О Царствѣ Небесномъ.

Что литятъ-то, литять Петръ и Павловичи,
Несите, несите золоты ключи,
Отпирайте, отпирайте вѣковы замки,
Пропущайте, пропущайте спасенныя души.
Что которая душа Христу согрѣшила:
Изъ подъ курочки яичко уносила,
Изъ квашни тѣсто вынимала,
У сосѣдушка корова подоила—
Ужъ какъ той душѣ спасеньеца не будетъ,
У Христа въ раю не бывати,
Во лицо Христа ей не видати.

Образецъ раскольничьихъ духовныхъ стиховъ, по происхожденію—позднѣйшихъ сравнительно съ духовными—вообще стихами, но во многомъ напоминающихъ собой послѣдніе, чѣмъ и объясняется чрезвычайная ихъ популярность: на праздничныхъ собраніяхъ «нѣтовцевъ» они поются наравнѣ съ церковными пѣснопѣніями.

I.

Даждь мнѣ, Господи, о своихъ грѣхахъ поплакати!
Плачу я и день и ночь, и слезами умываюся.
Плакать мнѣ надо о своихъ грѣхахъ, покаяться!

Что приходитъ пора-времячко
Отправлятися въ путь-дороженьку,
Въ путь дороженьку незнакомую;
По меня посланы посланники отъ Царя-то отъ Небеснаго, отъ Пресвятыя Богородицы.
Дѣлами я неправная: тамъ вопросы будутъ грозные
И мытарства будутъ страшные.
У меня отвѣты неготовые.
Посмотрю я, многогрѣшная, на восточную сторонушку,
Не увижу-ли, многогрѣшная, своего я друга вѣрнаго,
Ангела Хранителя, повсечаснаго свидѣтеля,
Не поможетъ-ли моей бѣдѣ,
Не попроситъ-ли прощеньица
У Царя да у Небеснаго,
У Пресвятыя Богородицы,
У Пречистыя Божіи Матери,
Не возьмутъ-ли меня, грѣшную,
Что ко стаду, ко избранному,
Ко престолу ко Господнему.

Сообщилъ *Яковъ Ильинскій.*

Сказка *).

(записанная въ Эскинскихъ юртахъ Верх.-Демьянск. вол. Тоб. окр.).

Въ глухомъ лѣсу, въ небольшой избушкѣ, жило три брата, двое изъ нихъ были промышленники (охотники), цѣлые дни проводившіе въ урманѣ, охотясь за дичью и пушнымъ звѣремъ; третій же сидѣлъ дома, стряпалъ для братьевъ пищу, шилъ имъ одежду. Возвратившись однажды вечеромъ домой, оба брата къ своему удивленію увидѣли, что въ окнѣ нѣтъ свѣта. Зажегши лучину, они стали осматривать хату и нашли на полу небольшую лужу крови. Они испугались и подумали, что ихъ брата убили злые люди, жаль имъ было своего брата, и они стали говорить другъ другу: «напрасно мы не женились, тогда нашъ братъ былъ бы съ нами на охотѣ и избѣгъ-бы смерти; на женщинъ же не поднялась бы рука разбойниковъ». Братъ же ихъ не былъ убитъ, а сидѣлъ за дверью и слышалъ весь ихъ разговоръ. Спрятался онъ отъ нихъ съ тѣмъ, чтобы узнать, любятъ ли они его и будутъ ли они по немъ горевать. Довольный тѣмъ, что слышалъ, онъ, смѣясь вышелъ изъ своего угла и поздоровался съ ними. Голодные братья разсердились на него за эту шутку и, недолго думая, посадивъ на лопату, которою снѣгъ сгребаютъ, выбросили вмѣстѣ съ нею на улицу. Перелетѣвъ черезъ заборъ, онъ упалъ посреди лѣса; онъ не воротился домой, а, взявши лопату вмѣсто посоха, отправился въ путь, куда глаза глядятъ.

Онъ шелъ долго и наконецъ видитъ, что что-то вдали чернѣетъ. Когда онъ пошелъ въ этомъ направленіи, то скоро убѣдился, что передъ нимъ большой городъ. Но странно, что людей въ немъ не видать, улицы пусты и окна и двери домовъ отперты. Онъ прошелъ весь городъ, и всюду одно запустѣніе. Лишь въ двухъ крайнихъ домахъ виденъ былъ свѣтъ. Усталый путникъ идетъ туда и слышитъ, что въ одномъ домѣ всѣ плачутъ и воютъ, а въ другомъ раздается веселье и смѣхъ. Онъ вошелъ въ первый домъ, чтобы утѣшить страждущихъ. Его обитатели приняли съ распростертыми объятіями, накормили и напоили его. Онъ ихъ спросилъ о причинѣ ихъ горя, и они

*) Эта сказка, безъ сомнѣнія, перенята Остяками отъ русскихъ крестьянъ и лишь нѣсколько видоизмѣнена. Подобная же русско-вогульская сказка обнародована нами раньше. («Сибирск. Сборн.» 1891 г. 2 кн. стр. 137—147).

разумѣется и трудится для этого общества. Онъ постоянно въ борьбѣ съ «Naujе Lit. Ceitung» и «Auszra», всѣ ихъ патріотическія мнѣнія старается опровергать. Но замѣчательно то, что издается на мѣстномъ литовскомъ говорѣ, именно Прекули, и довольно чистомъ, не такъ какъ напр. «Tilz. Keleiwis» и другія газетки которыя выдаются своимъ сильно онѣмеченнымъ языкомъ литовскимъ. Редакторъ Траушисъ.

9. «Lietuwos Paslas», Литовскій вѣстникъ, выходилъ два раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1896—1898 г. кахъ органъ нѣмецкой консервативной партіи въ Тильзитскомъ округѣ. Вслѣдствіе ограниченности программы и вообще своей безсодержательности мало имѣлъ читателей, и потому въ 1898 г. соединился съ «Tilz. Keleiwiso'мъ» или просто говоря прекратился.

10. «Tevynes Sargas», Сторожъ Отечества, ежемѣсячно выходитъ книжками отъ двухъ до трехъ листовъ, печатаемыхъ латино-литовскимъ шрифтомъ въ Тильзитѣ съ 1896—1898. 8°. Этотъ журналъ желаетъ охранять литовскій народъ посредствомъ просвѣщенія, помогать ему въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи посредствомъ практическихъ совѣтовъ. Это патріотическій журналикъ Русскихъ литовцевъ. Издается подъ редакціею (Saunio) Зауно.

11. «Pakajaus Paslas», Вѣстникъ мира, еженедѣльно выходитъ на литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ Мемелѣ съ 1881—1898 г. 4°. Это проповѣдническій листокъ сообщаетъ свѣдѣнія, когда и гдѣ будетъ проповѣдь и молитвы.

12. «Ukinykas», Хозяинъ, ежемѣсячный журналъ выходитъ въ Тильзитѣ съ 1890—1898 г. Первоначальная программа этого журнала была практически-научная о сельскомъ хозяйствѣ, которой онъ и держался въ началѣ, но затѣмъ сталъ политико-литературнымъ. Въ 1894, 1895 и 1896 г.г. давалъ приложенія ежемѣсячно книжками практическаго содержанія напр. «Apie Mesilus» объ искуственныхъ удобреніяхъ земли и проч., «Pieninikiste» Молочное дѣло, Ką dariti kad sveiku buti»—Что дѣлать, чтобы быть здоровымъ и т. д. а такъ-же повѣсти и разсказы. Редактировалъ Мартинъ Янкусъ, изд. Воска, печатался латино-литовскимъ шрифтомъ въ типографіи Воски.

13. Varpas politicos mokslo ir literaturos laikrasztis.—Колоколъ, политическій, научно-литературный журналъ ежемѣсячно въ Тильзитѣ съ 1889—1898 г. 4°. Выходилъ ежемѣсячно, теперь въ два мѣсяца разъ. Этотъ журнальчикъ по своему стилю пытается быть органомъ образованныхъ литовцевъ. Издается на средства кружка образованныхъ литовцевъ, редактировалъ сначала М. Янкусъ, затѣмъ другіе. Печатается латино-литовскимъ шрифтомъ въ типографіи Вейера. Вообще журнальчикъ признается образцовымъ въ литературной обработкѣ и по правописанію, кромѣ рѣзкихъ статей противъ мѣстной русской администраціи, которыхъ въ каждомъ номерѣ найдется не мало.

14. «Nusidawiniai apе ewanglios prapatimima tarpzydu ir pagonu.». Очерки о распространеніи евангелія между евреями и язычниками, ежемѣсячно въ Кенигсбергѣ съ 1832—1898 г. 8°. Это миссіонерскій листокъ.

15. «Lietuva, nedelinis laikrasztis». Литва, еженедѣльная газета издается въ Чикаго съ 1892 — 1898 г. Кромѣ обзора политическихъ событій и свѣдѣній о мѣстахъ заработка, и о жизни литовцевъ вь Америкѣ, помѣщаетъ статьи научнаго содержанія, которыя затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ выпускаютъ книжками, какъ напр. Географія, Космографія, Гигіена, Исторія Америк. Соединенныхъ Штатовъ и др. Издаетъ Ольшевскій.

16. «Vienybe Lietuvniku, literaturos mokslo ir politikos laik». Единство Литовцевъ, литературно-политическій журналъ еженедѣльно въ Плимутѣ въ Пенсильваніи, съ 1887—1898 г. 4°. Здѣсь, кромѣ обзора политическихъ событій и обширныхъ сообщеній изъ Литвы, въ каждомъ номерѣ обильный матеріалъ изъ жизни литовцевъ въ Америкѣ, объ организаціи разныхъ обществъ, устройствѣ приходовъ и церквей; тоже помѣщаются романы и повѣсти, разумѣется переводные, легенды и сказки литовцевъ Фекенштета, переводъ Шлюпаса. Издаетъ Паукштисъ.

17. Garsas Amerikos Lietuviu.—Эхо литовцевъ въ Америкѣ, еженедѣльно въ Шенандоа, въ Пенсильваніи съ 1894—1898 г. 4° Этотъ журнальчикъ переходилъ изъ рукъ въ руки и много разъ перемѣнялъ свое направленіе, теперь же въ рукахъ духовенства. Вообще содержаніе не богато.

18. Saule. Солнце, прежде еженедѣльно, а въ 1898 г. два раза въ недѣлю выходитъ въ Магана Сити съ 1888—1898. Издаетъ Бачковскй. Въ 1897 г. было возбуждено судебное преслѣдованіе противъ издателя этой газеты за беллетристически-циническія статейки.

19. «Kardas, Satiriszkas laikrasztis.—Мечъ, сатирическій журналъ съ карикатурами, выходилъ еженедѣльно въ Балтиморѣ съ 1896—1898. 4° прекратился.

20. Gallibe, Mokslo menesinis laikrasztis. Могущество, научно-ежемѣсячный журналъ книжками выходилъ въ Балтиморѣ 1898. 8° Содержаніе № 1) Археологія древнихъ жителей Америки, 2) Эволюція нравственности 3) Плодородіе и его уменьшеніе. 4) Жизнь Іисуса Христа, 5) Священникъ, женщина и исповѣдь. Этотъ журналъ выходилъ въ видѣ приложенія къ «Kardas'у».

21. Rytas, szeiminiszkai-draugiszkai-ukiszkai laikrasztis.—Утро, семейно-общественно-хозяйственный журналъ выходилъ еженедѣльно въ Ватербури. Конектикутѣ съ 1896—1898 г. Издатель редакторъ кс. Жебрисъ. Ультра-католическій журналъ. Прекратился.

22. Tevyne, literaturos, mokslo ir politikos menesinis laikrasztis. Отечество, литературно-научный и политическій журналъ, выходитъ ежемѣсячно въ Шенандоа съ 1896—1898. 8°. Это органъ союза Литовцевъ въ Америкѣ. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о первыхъ литовскихъ эмигрантахъ въ Америкѣ, ихъ жизни, борьбѣ съ поляками за національность и о началѣ литовскихъ колоній въ Америкѣ. Къ этимъ описаніямъ приложены рисунки, но къ сожалѣнію довольно плохіе. Конечно это цѣнный матеріалъ для исторія литовцевъ въ Америкѣ, такъ какъ составленъ и собранъ очевидцами, самими эмигрантами, но нѣтъ документальныхъ данныхъ.

23. «Pasaule».—Міръ, еженедѣльная газетка, выходила въ Шенандоа, перепечатки изъ «Garsas Amerk. Liet.» въ 1897—1898 г. прекратилась.

24. «Dirva».—Нива, трехнедѣльное изданіе въ Шенандоа Пенсильв. 1898. № 1—4. книжками. Содержаніе кн. 1. Матеріалы для біографіи С. Довконта. № 2. Матеріалы для народной медицины Бассановича № 3—4 Бассановича Изслѣдованія о предкахъ литовцевъ во Ѳракіи.

25. Pensilvanios Darbinikas.—Пенсильванскій рабочій, выходилъ еженедѣльно въ Шенандоа въ 1896—1898 г. соціально-рабочій журналъ.

26. Nauje Draugija. Новая община. Издается съ ноября 1898 г. вмѣсто прекратившихся «Kardas и Galibe».

27. «Tarnas Baznuczios.—Церковный служитель, выходитъ ежемѣсячно книжками съ 1 Декабря 1898 г. въ Ватербури, вмѣсто «Ritas».

28. Liebuvos Darbinikas.—Литовскій рабочій, органъ литовской социально-демократической партіи. № 1 вышелъ въ 1896 г. № 2 въ 1898 г. переводъ съ польскаго. Издается въ Швейцаріи.

29. Katalikas. Католикъ, еженедѣльно выходитъ въ Чикаго 1899 г.

30. «Blaivistes laiszkas.—Листокъ трезвости, выходитъ два мѣсяца разъ, какъ органъ общества трезвости.

31. Viltis.—Надежда, еженедѣльно въ Шенандоа. 1899. Рабочій листокъ вмѣсто прекратившагося «Pensilvanios Darbiniko».

Б.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Вечеринки и игрища въ Устьсысольскѣ.

Въ городѣ Устьсысольскѣ, какъ и въ другихъ городахъ Вологодской губерніи, даже и самой Вологдѣ, съ 1-го октября, т. е. съ Покрова Пресвятыя Богородицы, исключая поста Рождественскаго, до самой масляницы, дѣлаются вечеринки или игрища. Одна изъ дѣвицъ, положимъ своего квартала или улицы, приглашаетъ подругъ своихъ къ себѣ въ домъ поиграть и повеселиться. Подружки, принарядясь по возможности, собираются въ этотъ домъ съ пяти и шести часовъ вечера, первоначально пьютъ чай, потомъ лакомятся разными закусками; а къ семи часамъ приходятъ уже извѣстившіеся знакомые и незнакомые добрые молодцы—парни, безъ всякаго приглашенія. Съ ними дѣвицы начинаютъ играть и плясать по пѣснямъ. По окончаніи каждой пѣсни, молодой парень получаетъ отъ вызванной имъ дѣвицы, ходившей съ нимъ объ руку въ кругу или просто по комнатѣ, нѣжный поцѣлуй, и такимъ образомъ игры и пляски продолжаются иногда цѣлую ночь, до самаго утра. Старшіе въ домѣ ни въ чемъ никакого препятствія не дѣлаютъ и не мѣшаютъ, а издали любуются принятыми и позволительными небольшими вольностями. Откуда именно перешло обыкновеніе и начало такихъ собраній и увеселеній, мы не знаемъ, ибо народное преданіе объ этомъ рѣшительно ничего не говоритъ; но кажется оно ведается здѣсь съ глубокой древности, и едвали непроисходитъ отъ временъ языческихъ. Изъ числа пѣсенъ, по которымъ молодцы и дѣвицы кружатся и пляшутъ, мы особенно замѣтили слѣдующую, составленную вѣроятно во XVI или XVII вѣкѣ въ Пермской губерніи.

Когда дѣвицы всѣ сидятъ на своихъ мѣстахъ, (на переднихъ стульяхъ) выходятъ два молодца на сцену. Одинъ изъ нихъ долженъ быть непремѣнно вродѣ дядьки, ходитъ, пляшетъ, топаетъ ногами и поетъ: (причемъ поютъ также молодцы и дѣвицы).

«Скоморохъ идетъ по улицѣ—
«Молодой идетъ по широкой;
«Онъ стучитца, колотитца,
«Ночевать къ дѣвицѣ просятца:
«Вы пустите скомороха ночевать,
«Вы пустите молодова постоять.—
«Скоморохи люди добрые,
«Молоды они счестливые.
«Непьютъ они ни пива ни вина,
«Во царевъ кабакъ не ходятъ никогда.

Послѣ этого одинъ изъ нихъ подходитъ къ дѣвицѣ, спрашиваетъ: пуститъ ли она его поставить на квартиру, и если и получитъ отвѣтъ—«извольте встать», то молодецъ садится съ ней рядомъ и цѣлуетъ, а оставшійся пляшетъ и поетъ:

«Чья эта умная дочь,
«Чья эта разумная дочь,
«Что пустила скомороха ночевать,
«Она пустила молодова постоять.

Если же которыя изъ дѣвицъ не примутъ молодца, то въ такомъ случаѣ молодцы оютъ:

«Еще чья эта мерзкая дочь,
«Еще чья это размерзкая дочь:
«Не пустила скомороха ночевать,
«Не пустила молодова постоять.

И въ послѣдствіи начинается снова, пока всѣ молодцы не выберутъ мѣста между ѣвушекъ. Пѣсня эта дошла въ Устьсысольскъ въ послѣднее время изъ Соликамска ермской губерніи. По имѣющимся у насъ книгамъ таможенныхъ цѣловальниковъ видно, то скоморохи изъ Москвы и великаго Новгорода, приходили и проѣзжали въ Сибирь въ Пермь великую въ концѣ XVI и въ XVII столѣтіяхъ; въ это время, какъ я погаю, должна принять начало свое постоянная наша пѣснь, изъ которой мы ясно сматриваемъ, что въ древнее время, Сибирскіе жители вновь принятымъ гостямъ скоморохамъ бывали иногда и неочень рады:

1852 г. Членъ сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. *С. Мельниковъ*.
(Изъ арх. Г. Общ.).

Коляда въ Устьсысольскѣ.

Въ городѣ Устьсысольскѣ, въ народной памяти у нѣкоторыхъ русскихъ горожанъ, стался еще старинный обрядъ колядованія. Нынѣ его хотя не исполняютъ, однакожъ ь дѣтскихъ пересказахъ, о существованіи коляды—и восхваляемаго винограднья, мы аходимъ воспоминаніе о древнемъ празднествѣ. Обрядъ колядованія въ Устьсысольскѣ ылъ почти тотъ-же, какъ описанъ онъ въ народномъ дневникѣ, (Сказан. Р. Народа II, стр. 69 Г. Сахарова) съ тою разницею: что коляду здѣсь пѣли вечеромъ 5 декабря, послѣ уже славленья со звѣздою, и хожденія съ вертепомъ, а не наканунѣ ождества, какъ исполнялось въ Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда, въ помѣщичьемъ селѣ Красномъ Ярѣ.

Колядовщики, приходя къ богатому человѣку въ домъ, начально спрашивали озяина:

«Прикажи сударь-хозяинъ:
«Коляду просказать?

Когда же получали разрѣшеніе и приглашеніе, тогда пѣли, приплясывая:

«Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ:
«По Кремлю Городу.
Винограднье
Краснозеленое!
«Ахъ! мы ищемъ, мы ищемъ:
«Господинова двора.
Винограднье,
Краснозеленое!
«Господиновъ дворъ.
«На семи верстахъ.
Винограднье,
Краснозеленое!
«На семи верстахъ,
«На восмидесятъ столбахъ.
Винограднье,
Краснозеленое!
«Тутъ трава шелкова—
«Муравая.
Винограднье,
Краснозеленое!
«По травѣ округъ двора,
«Тутъ желѣзный тынъ.
Винограднье,
Краснозеленое!
«Какъ на всякой-то тынинкѣ
«По маковкѣ,
Винограднье,
Краснозеленое!
«А на всякой маковкѣ
«По жемчужку.
Винограднье
Краснозеленое!
«Тутъ три терема стоятъ,
«Златоверховаты.
Винограднье,
Краснозеленое!
«Что во первомъ терему
«Какъ свѣтелъ мѣсяцъ.
Винограднье,
Краснозеленое!

«То хозяинъ во дому,
«Какъ Адамъ во раю.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Во второмъ-то терему,
«Красно солнце.
Виноградье,
Краснозеленое!
«То хозяйка въ дому,
«Какъ оладья на меду.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Что во третьемъ терему,
«Часты звѣзды.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Малы дѣтушки,
«Какъ олядушки.
Виноградье,
Краснозеленое!
«А за тѣмъ будьте здоровы:
«Нашъ хозяинъ во дому
Виноградье,
Краснозеленое!
«Нашъ хозяинъ во дому.
«Со хозяюшкою;
Виноградье,
Краснозеленое!
«Со хозяюшкою,
«Съ малымъ дѣтушками.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Ужь какъ наша коляда,
«Невеликая бѣда!
Виноградье,
Краснозеленое!
«Невеликая бѣда:
«Только скляница вина;
Виноградье,
Краснозеленое!
«Только скляница вина,
«Да тарелка пироговъ;
Виноградье,
Краснозеленое!
«Что тарелка пироговъ,
«Всё гороховиковъ!
Виноградье,
Краснозеленое!

Мѣщанинъ *Стефанъ Мельниковъ*. Чл.-сотр. И. Р. Г. Общ. 1852 г.
(Изъ Арх. Г. Общ.).

Коляда во Владимірской губерніи.

Старинные обычаи и обряды съ каждымъ годомъ все болѣе уничтожаются, вымираютъ въ нашемъ народѣ. Назадъ тому 30—40 лѣтъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Владимірской губерніи было въ послѣдній день сырной недѣли жечь масляницу; теперь этого уже нѣтъ, и только сѣдовласые старики, разсказывая о золотыхъ дняхъ своей молодости, мимоходомъ коснутся и этого обычая, и раскажутъ, какъ въ былое время производилось это. 10—15 лѣтъ назадъ семикъ отправлялся со всей торжественностію, съ особенными «семицкими» пѣснями, съ завиваньемъ березки, съ яичницей и пр.,—въ настоящее время ничего подобнаго въ большинствѣ случаевъ не бываетъ, и семикъ справляется «по старинѣ» только въ глухихъ, «медвѣжьихъ» углахъ Муромскаго, Гороховецкаго, Шуйскаго и др. окраинныхъ уѣздовъ. Во всѣхъ же остальныхъ мѣстностяхъ Владимірской губ. семикъ даже праздникомъ не считается; всѣ работаютъ, какъ и въ обыкновенные дни; развѣ подъ вечеръ соберутся гдѣ-нибудь молодежь на завалинкѣ, подъ окошкомъ, чтобы поболтать и спѣть какую-нибудь «городскую» пѣсню (у насъ старинныхъ деревенскихъ пѣсенъ уже не поютъ, все больше «городскія» пошли), вродѣ «Подъ вечеръ осенью ненастной», «Вотъ мчится тройка удалая», «Въ одну несклонную влюбился» и т. под. Старинныя обряды и игры позабыты. Нынѣшняя молодежь деревенская «старины» вообще не любитъ: «невѣжество, говоритъ, тутъ одно... правильныхъ понятіевъ нѣтъ», и начинаетъ жить не отцовскимъ, не дѣдовскимъ, а своимъ собственнымъ разумомъ. Старикамъ теперь «зыку не даютъ»: въ семьѣ ихъ не слушаютъ, на сходахъ смѣются надъ ними, отъ мірского дѣла въ шею «бла-ародньмъ манеромъ» гонятъ. «Вы, дескать, старички почтенные не очень шумите, гдѣ васъ не спрашиваютъ... Будетъ, погорланили за свой-то вѣкъ. Дайте другимъ мѣсто, потому какъ по нонѣшнему времени понятія вы имѣть не можете

Сидѣли бы вы спокойно на печкѣ,—чего здѣсь толшитесь-то? Будто безъ васъ и дѣла не сдѣлается?»

— Да ты что форсишь больно? огрызается старикъ, когда какой-нибудь «молокососъ» сильно задѣнетъ его на сходѣ. Что ты, братъ, намъ дверь то указываешь? какое-такое право имѣешь? что ты за фря?...

— Уходите, уходите, старички! перебиваютъ расходившагося старика голоса изъ «молодятника», взявшаго въ свои руки бразды правленія и въ семьѣ, и на сходѣ. Уходите! Теперь не до васъ...

И старики, понуря голову, уходятъ отъ «обчественнаго дѣла» домой, чувствуя, что новое время создало «новыхъ людей», и эти новыя люди оставили ихъ, стариковъ, «за-штатомъ»...

«Новые люди» создали, въ свою очередь, новыя пѣсни, новые обычаи, новыя вѣрованія. Старое все позабыто, вонъ выброшено, какъ негодный и никому ненужный хламъ.

«Коледа» принадлежитъ къ такимъ-же забытымъ «добрымъ обычаямъ» старины. 20 лѣтъ тому, обычай «ходить съ коледою« существовалъ почти во всѣхъ селеніяхъ Владимірской губерніи. Теперь онъ встрѣчается очень рѣдко: «Новое время—новыя пѣсни»... По крайней мѣрѣ, относительно Вязниковскаго, Гороховецкаго, Ковривскаго и Владимірскаго уѣздовъ, мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что въ этихъ уѣздахъ «коледа» не поется уже нигдѣ. Но еще не далѣе какъ 10—15 лѣтъ тому назадъ «коледа» здѣсь существовала, и въ каждомъ селѣ наканунѣ Рождества «ребятишки» сходились вмѣстѣ и пѣли подъ окнами «коледныя пѣсни» и получали за это кокуры, пироги ржаные, яйца и пр. Это было еще на памяти всѣхъ, объ этомъ любой мужикъ здѣшній раскажетъ.

Но вышедши изъ употребленія, «колядныя пѣсни» начинаютъ забываться, такъ что теперь только рѣдкіе, особенно памятливые, крестьяне сполна помнятъ всѣ колядныя пѣсни. Не пройдетъ и 10 лѣтъ, какъ онѣ совершенно исчезнутъ изъ памяти народной; ихъ нужно записать теперь, чтобы спасти отъ забвенія; иначе никакого слѣда отъ нихъ не останется, и напрасно позднѣйшіе изслѣдователи будутъ искать ихъ: онѣ забудутся и изгладятся безвозвратно. Въ виду этого я и записалъ нѣкоторыя «колядовки», какія пѣлись бывало во Владимірской губерніи. Варіантовъ по губерніи много, я записалъ только самую незначительную часть ихъ, въ надеждѣ, что люди, болѣе меня знакомые съ этнографіей края, не преминутъ дополнить мои скудныя данныя.

1. Коляда въ селѣ Памочаловѣ, Вязниковскаго у.

Лѣтъ 15 тому назадъ у малыхъ дѣтей былъ обычай собираться наканунѣ Рождества и гурьбой ходить по селу и подъ окнами каждаго дома пѣть:

Коляда, Коляда!
Приходила коляда
Наканунѣ Рождества.
На пешномъ окошкѣ
Блинъ да лепешка,
Кокурка съ дырой
Пирожокъ съ крупой.
Подавай, не будь скупой!

Хозяйка подавала имъ нѣсколько маленькихъ кокурокъ, которыя нарочно для этого случая и пеклись, пирогъ, начиненный лукомъ, и блинъ. Подаянія послѣ дѣлились всей компаніей поровну.

2. Коляда въ с. Груздевѣ, Вязниковскаго у.

Коляда, маляда,
Уродилась коляда
Наканунѣ Рождества;
Пришла съ помеломъ,
Всѣхъ обсыпала.
Митька—сбой,
Подбирай, не стой!
Чашки, тарелки—
Подай, баушка (или тетушка), разговѣлки!...

Ходили одни малыя дѣти. Подавали имъ «молосныя кокуры», испеченныя нарочно для этого случая. Обыкновеніе это вывелось лѣтъ 20—25 тому назадъ.

3. Коляда въ селѣ Южѣ: Вязниковскаго у.

Коляда, коляда!
По вечеру Рождества!
Дома-ли хозяинъ?
Нѣтъ его дома,—
Уѣхалъ на поле
Пшеницу сѣять.
Дай кишкѣ пирожка;
Какъ не дашь пирожка,
Уведемъ корову за рога,
И за заднимъ воротамъ
Привяжемъ къ столбу,
Ушибемъ метлой.

Ходили одни «ребятишки» во первый день Рождества; подавали имъ «куженьки» и «витушки».

4. Коляда, въ с. Хозниковѣ, Шуйскаго у.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества—
Съ маслицомъ, съ молочкомъ.
У хозяина полонъ дворъ живота,
А сусѣки полны жита.
На полицѣ то пирогъ лежитъ,—
Хозяюшка, подавай:
Подавай, знай, не ломай!

Съ «колядой» ходили не только дѣти, но и взрослые. Уничтожился этотъ обычай лѣтъ 7 тому назадъ.

Г. Добрынкинъ записалъ слѣдующія «калядовки» въ Муромскомъ у.

а) въ деревнѣ Эфановой.

I.

Въ Новоградѣ зеленоемъ
У Ивана кудри завились;
Въ три ряда завивались,
Четвертый рядъ
Ровно заря горитъ.
Въ Москвѣ бояре дивовались:
«Тея, молодецъ, не мать родила,
Не отецъ выкормилъ,
Вскормилъ, вспоилъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Вознесли часты звѣзды,
Воскачала легка лодочка!»

II.

У Ивана сады разцвѣли,
Разлапушились.
Захотѣлось Аннѣ
Въ садъ погулять—
Саловьевъ послушать.
Одинъ соловей—воръ—обманщикъ
Проманулъ Аннушку,
Отдалъ на чужу сторонушку.

b) Въ деревнѣ Дьяконовой.

Кишка, лепешка,
Свиная ножка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла,
Въ кошель хотѣла!
Тетка, тетка,
Подай лепешку!

Какъ въ Эфановой, такъ и въ Дьяконовой ходили съ «колядовками» одни ма-ыя ребята не наканунѣ Рождества, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ «сочельникъ», аканунѣ Новаго года.

Г. Тихонравовъ въ своемъ «Владимірскомъ Сборникѣ» (1857 г.) сообщилъ 2 колядовки», записанныя имъ во Владимірскомъ и Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской берніи.

1) Во Владимірскомъ у.

Коледа, Маледа,
Гдѣ была?
Коней пасла!
Что выпасла?
Коня въ золотой уздѣ.
Гдѣ твой конь?
За воротами стоитъ.
Гдѣ ворота?
Водой снесло.
Гдѣ вода?
Быки выпили.
Гдѣ быки?
За гору ушли.
Гдѣ гора?
Черви выточили.
Гдѣ черви?
Гуси выклевали.
Гдѣ гуси?
Гуси съѣдены.

2) Коляда въ Переяславскомъ у.

Овсей шелъ по дорожкѣ,
Нашелъ желѣзцо,
Сдѣлалъ топорикъ,
Вырубилъ сосну,
Намостилъ мосточекъ.
По этому мосту
Шли три брата.
На заднемъ окошкѣ
Блинъ да лепешка.
Подавай, не ломай
И не закусывай!
У хозяина въ дому
Велись-бы телята,
Велись-бы жеребята,
Велись-бы ягнята!

По общему отзыву людей знающихъ, ни въ Переяславскомъ, ни во Владимірскомъ у. коляды» теперь не поютъ.

25 Сентября, 1883 г.
Г. Владиміръ губернскій.

(Изъ Арх. Р. Г. Общ.). *Н. Добротворскій.*

Духовные стихи.

(Пошех. у.).

1. О Рождествѣ Христовомъ.

Во славномъ было городѣ Вифлеемѣ,
Во той странѣ было Іудейской
На востоцѣ звѣзда возсіяла—
Народился Спаситель—Царь Небесный.
Богъ во убожествѣ преложился,
Во убогихъ ясляхъ возложился,
Никто про Его Свѣта не вѣдаетъ.
Спровѣдали персидскіе цари,
Принесли Ему честные дары:
Измірно (смирну) и злато со ливаномъ.
Царіе Царю поклонились:
«Прими наши честные дары:
Измирно и злато со ливаномъ!»

Царіе Царя стали вопрошати:
«Не Ты-ли есть Богъ надъ богами,
Не Ты-ли есть Царь надъ царями?»
— «Гои есть, (Гой еси,) вы, персидскіе цари!
Хощете Меня вы испытати,
Про Меня царю Ироду сказати,
На распятіе жидамъ Меня предати,
Безвинную кровь проливати».
— «Не дай-же намъ, Господи, подумать,
Не дай намъ, Владыко, помыслить!
Мы хощемъ съ Тобой вкупѣ жити,
Во единомъ царствѣ Небесномъ!»
— «Коли хощете со Мной вкупѣ жити,
Ко Ироду царю вы не ходите,
Инымъ путемъ обратитесь,
Ироду царю вы поругайтесь».
Царіе Царю поклонились,
Поклонившись, они прослезились,
Прослезившись, и вовсе они просвѣтились,
Во своя страны воротились,
Ироду царю поругались.
Безбожный царь про это провѣдалъ,
Безбожный царь Иродъ возъярился,
Послалъ-же онъ свое войско
Во ту страну Іудейскую,
Во вся предѣлы Вифлеемскіе
Побить неповинные младенцы
Отъ двою лѣтъ и нижае
За Спасителя Христа Бога.

2. О Царствѣ Небесномъ.

Что литятъ-то, литять Петръ и Павловичи,
Несите, несите золоты ключи,
Отпирайте, отпирайте вѣковы замки,
Пропущайте, пропущайте спасенныя души.
Что которая душа Христу согрѣшила:
Изъ подъ курочки яичко уносила,
Изъ квашни тѣсто вынимала,
У сосѣдушка корова подоила—
Ужъ какъ той душѣ спасеньеца не будетъ,
У Христа въ раю не бывати,
Во лицо Христа ей не видати.

Образецъ раскольничьихъ духовныхъ стиховъ, по происхожденію—позднѣйшихъ сравнительно съ духовными—вообще стихами, но во многомъ напоминающихъ собой послѣдніе, чѣмъ и объясняется чрезвычайная ихъ популярность: на праздничныхъ собраніяхъ «нѣтовцевъ» они поются наравнѣ съ церковными пѣснопѣніями.

I.

Даждь мнѣ, Господи, о своихъ грѣхахъ поплакати!
Плачу я и день и ночь, и слезами умываюся.
Плакать мнѣ надо о своихъ грѣхахъ, покаяться!

Что приходитъ пора-времячко
Отправлятися въ путь-дороженьку,
Въ путь дороженьку незнакомую;
По меня посланы посланники отъ Царя-то отъ Небеснаго, отъ Пресвятыя
Богородицы.
Дѣлами я неправная: тамъ вопросы будутъ грозные
И мытарства будутъ страшные.
У меня отвѣты неготовые.
Посмотрю я, многогрѣшная, на восточную сторонушку,
Не увижу-ли, многогрѣшная, своего я друга вѣрнаго,
Ангела Хранителя, повсечаснаго свидѣтеля,
Не поможетъ-ли моей бѣдѣ,
Не попроситъ-ли прощеньица
У Царя да у Небеснаго,
У Пресвятыя Богородицы,
У Пречистыя Божіи Матери,
Не возьмутъ-ли меня, грѣшную,
Что ко стаду, ко избранному,
Ко престолу ко Господнему.

Сообщилъ *Яковъ Ильинскій.*

Сказка *).

(записанная въ Эскинскихъ юртахъ Верх.-Демьянск. вол. Тоб. окр.).

Въ глухомъ лѣсу, въ небольшой избушкѣ, жило три брата, двое изъ нихъ были
мышленники (охотники), цѣлые дни проводившіе въ урманѣ, охотясь за дичью и
пнымъ звѣремъ; третій же сидѣлъ дома, стряпалъ для братьевъ пищу, шилъ имъ
жду. Возвратившись однажды вечеромъ домой, оба брата къ своему удивленію уви-
и, что въ окнѣ нѣтъ свѣта. Зажегши лучину, они стали осматривать хату и нашли
полу небольшую лужу крови. Они испугались и подумали, что ихъ брата убили
е люди, жаль имъ было своего брата, и они стали говорить другъ другу: «напрасно
не женились, тогда нашъ братъ былъ бы съ нами на охотѣ и избѣгъ-бы смерти;
женщинъ же не поднялась бы рука разбойниковъ». Братъ же ихъ не былъ убитъ, а
ѣлъ за дверью и слышалъ весь ихъ разговоръ. Спрятался онъ отъ нихъ съ тѣмъ,
бы узнать, любятъ ли они его и будутъ ли они по немъ горевать. Доволь-
і тѣмъ, что слышалъ, онъ, смѣясь вышелъ изъ своего угла и поздоровался съ
и. Голодные братья разсердились на него за эту шутку и, недолго думая, посадивъ на
ату, которою снѣгъ сгребаютъ, выбросили вмѣстѣ съ нею на улицу. Перелетѣвъ
езъ заборъ, онъ упалъ посреди лѣса; онъ не воротился домой, а, взявши лопату вмѣсто
оха, отправился въ путь, куда глаза глядятъ.

Онъ шелъ долго и наконецъ видитъ, что что-то вдали чернѣетъ. Когда онъ
елъ въ этомъ направленіи, то скоро убѣдился, что передъ нимъ большой городъ.
странно, что людей въ немъ не видать, улицы пусты и окна и двери домовъ от-
ты. Онъ прошелъ весь городъ, и всюду одно запустѣніе. Лишь въ двухъ крайнихъ
ахъ виденъ былъ свѣтъ. Усталый путникъ идетъ туда и слышитъ, что въ одномъ домѣ
плачутъ и воютъ, а въ другомъ раздается веселье и смѣхъ. Онъ вошелъ въ пер-
і домъ, чтобы утѣшить страждущихъ. Его обитатели приняли съ распростертыми
ятіями, накормили и напоили его. Онъ ихъ спросилъ о причинѣ ихъ горя, и они

---

*) Эта сказка, безъ сомнѣнія, перенята Остяками отъ русскихъ крестьянъ и лишь
колько видоизмѣнена. Подобная же русско-вогульская сказка обнародована нами
ыше. («Сибирск. Сборн.» 1891 г. 2 кн. стр. 137—147).

сказали: «къ намъ уже съ годъ какъ повадился людоѣдъ, который каждый день съѣдаетъ нѣсколько человѣкъ. Онъ уже пожралъ почти всѣхъ жителей города, и теперь за нами чередъ. Все наше упованіе на тебя, не спасешь ли ты насъ отъ угрожающей гибели»? Онъ отвѣчалъ: «хвастать я не буду, а думаю, что съумѣю васъ спасти». Они обрадовались и обѣщали ему, если онъ сдержитъ свое слово, отдать ему въ жены самую красивую изъ ихъ трехъ дочерей. Опять его стали подчивать и хотѣли уложить на пуховыя подушки. Но онъ имъ сказалъ: «мать меня родила на порогѣ, не подобаетъ мнѣ спать на пуховикахъ». Онъ легъ на крыльцѣ, плотнѣе укутавшись въ свою одежду и положивъ подъ голову, вмѣсто подушки, свою лопату. Не долго ему, однако, пришлось спать. Его разбудилъ какой то сильный стукъ, отъ котораго дрожала вся земля. Онъ всталъ и, взявъ свою лопату, спрятался за дверь. Стукъ между тѣмъ все приближался. Вскорѣ къ крыльцу подскакалъ какой то всадникъ, одѣтый въ черное и сидѣвшій на ворономъ конѣ. Входя въ избу, онъ закричалъ: «я чую здѣсь чужестраннаго человѣка, самого Янкудея Василія Васильевича, но тѣмъ хуже для него, и ему не избѣгнуть своей участи»! Въ этотъ самый моментъ спрятавшійся братъ охотниковъ выскочилъ изъ засады и ударилъ его лопатой. Тотъ попятился назадъ, вскочилъ на коня и былъ таковъ. Когда странникъ наносилъ ему ударъ, то услышалъ, что-то брякнуло объ полъ. Онъ зажегъ лучину и увидалъ на полу ногу всадника съ сапогомъ, которую онъ и положилъ въ карманъ. Потомъ онъ вошелъ въ избу и легъ спать. Утромъ онъ проснулся раньше своихъ хозяевъ и сталъ ихъ будить. Тѣ встали и, сѣвши на лавку, начали смѣяться. Онъ ихъ спросилъ о причинѣ ихъ смѣха. Тѣ отвѣтили, что радуются, что онъ ихъ спасъ, а сами все продолжаютъ смѣяться. Ему стало досадно, и онъ напомнилъ имъ ихъ обѣщаніе. Тогда они перестали радоваться и грубо сказали ему: «Ахъ ты говнякъ, неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мы отдадимъ за тебя дочь? Вѣдь людоѣда намъ теперь бояться нечего, нескоро онъ теперь къ намъ заглянетъ».—«Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ странникъ, я можетъ быть найду себѣ болѣе достойную невѣсту».

Опять онъ взялъ свою лопату и отправился въ путь. Пришелъ онъ въ другой городъ, и здѣсь тоже все пусто и темно. Лишь въ трехъ домахъ на краю города свѣтится огонекъ,—въ двухъ изъ нихъ слышно веселье и смѣхъ, въ третьемъ рыданье и плачъ. Онъ подумалъ «веселящимся и безъ меня хорошо, зайду утѣшить плачущихъ». Онъ вошелъ въ ихъ домъ и былъ принятъ радушно. Изъ расспросовъ онъ узналъ, что и сюда повадился людоѣдъ, который поѣлъ почти всѣхъ жителей города. «Если ты насъ отъ него спасешь, сказали ему здѣсь, то выбирай любую изъ нашихъ 7 дочерей». Онъ у нихъ остался ночевать. Опять громкій стукъ его разбудилъ и заставилъ спрятаться. Стукъ все приближался и къ крыльцу подкатилъ на сѣромъ конѣ всадникъ, одѣтый въ сѣрое, онъ слѣзъ съ коня и съ громкими криками и угрозами сталъ входить въ избу.—Странникъ въ это время нанесъ ему ударъ лопатой. Тотъ, застонавъ, вскочилъ на коня, и быстро ускакалъ. Зажегши лучину, онъ нашелъ на полу ухо съ золотой серьгой, которое спряталъ въ карманъ. Старикъ и старуха несказанно обрадовались своему спасенію, но когда дѣло дошло до расплаты, то они прогнали его изъ дому.

Онъ не сталъ горевать, а опять тронулся въ путь. Долго ли онъ шелъ или коротко, но передъ нимъ опять показался городъ. Въ этомъ городѣ лишь въ пяти домахъ былъ свѣтъ, изъ коихъ въ четырехъ люди ликовали, въ пятомъ плакали. Онъ вошелъ въ этотъ домъ и увидѣлъ, что въ большой комнатѣ сидятъ 20 дѣвицъ одна лучше другой, и посреди нихъ ихъ старуха мать. И тутъ его приняли съ распростертыми объятіями и обѣщали за спасеніе отъ людоѣда любую изъ 20 дѣвицъ. Онъ остался у нихъ и ночью ему посчастливилось нанести ударъ лопатой бѣлому всаднику, подъѣхавшему къ дому на бѣлоснѣжномъ конѣ. Когда людоѣдъ ускакалъ, онъ нашелъ на полу три пальца съ золотымъ перстнемъ на одномъ изъ нихъ. И здѣсь ему не дали дѣвицы въ жены и насмѣялись надъ нимъ.

Онъ опять тронулся въ путь. Шелъ онъ долго и увидѣлъ, что вдали что то бѣлѣетъ и блеститъ. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что передъ нимъ высокій, высокій теремъ ослѣпительно-бѣлаго цвѣта и съ серебряной крышей. Вокругъ терема стѣна, но нигдѣ не видно дверей и оконъ. Послѣ долгихъ поисковъ, когда онъ обошелъ

теремъ три раза, онъ замѣтилъ небольшой гвоздокъ. Онъ его дернулъ, и передъ нимъ открылась потайная дверь. Онъ взошелъ, прошелъ нѣсколько пустыхъ комнатъ и пришелъ въ роскошно убранную комнату, въ которой стояли столы покрытые всевозможными явствами и заморскими питіями. Голодный странникъ тотчасъ сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть и пить. Но сколько онъ ни ѣлъ и ни пилъ, яствъ и питей не убывало. Когда онъ насытился, онъ вспомнилъ, что не видѣлъ еще хозяевъ терема. Не желая съ ними прямо встрѣтиться, онъ сталъ поджидать ихъ, спрятавшись за дверь. Ему недолго пришлось ждать. Около терема стали летать три лебедя. Лебеди сѣли на серебряную крышу и, убѣдившись, что кругомъ нѣтъ никого, отворили потайную дверь и проникли въ теремъ. Они пришли въ роскошную комнату, гдѣ стояли накрытые столы и, снявъ свои лебяжьи шкурки и, превратившись въ прекрасныхъ дѣвицъ, стали пировать. Во время пира дѣвицы вели оживленную бесѣду. Младшія спрашивали старшую: «гдѣ ты была и что ты сдѣлала, сестрица? Та отвѣчала: «Я облетѣла много странъ и въ одномъ городѣ погубила почти всѣхъ людей. Осталось всего два жилыхъ дома. Когда я собиралась поѣсть обитателей одного изъ нихъ, меня тамъ такъ сильно ударили, что я лишилась ноги, и мнѣ пришлось замѣнить ее деревянной»—«Ну, а ты гдѣ была, что видѣла и что дѣлала»? спросили старшая и младшая сестры среднюю. Сестра передала о своихъ похожденіяхъ и сообщила, что и её постигло несчастье: ей отрубили ухо, которое у нея дѣйствительно было завязано. Расказала свои похожденія и третья сестра, лишившаяся этой ночью трехъ пальцевъ.

Когда сестры кончили свои разсказы, странникъ выскочилъ изъ за двери и, схвативъ лебяжьи шкурки, сталъ ихъ рвать и разбрасывать. Дѣвицы начали его умолять не дѣлать этого, хотѣли отнять у него шкурки силою, но онъ былъ сильнѣе ихъ и уничтожилъ шкурки. Дѣвицы стали плакать, боясь за свою жизнь, но странникъ имъ сказалъ: «хоть вы и въ моей власти, но я не стану злоупотреблять своею силою и готовъ идти съ вами на мировую. Я требую, чтобы младшая изъ васъ вышла за меня замужъ». Дѣвицамъ не оставалось выбора, и онѣ согласились отдать ему въ жены младшую сестру. Справили блестящую свадьбу, послѣ которой странникъ со своей молодой женою поселились въ чудесномъ терему, въ немъ проживаютъ и по настоящее время.

*С. Патканов*ъ.

Тагасъ на Бѣломъ озерѣ.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ рыбныхъ ловель на Бѣломъ озерѣ въ зимнее время есть ловля такъ называемымъ тагасомъ. Она начинается съ того времени, когда на озерѣ образуется довольно толстый ледъ, по которому можно ѣздить на лошадяхъ, и продолжается до весны.

Въ составъ тагаса входятъ сѣти или мережи, ловцы и лошади. Сѣти, употребляемыя при этомъ, бываютъ пяти названій: матица, п р и т о н ы, п а л ё в ы я, тагаски и р ѣ д к у ш к и. Рѣдкушекъ иногда не бываетъ.

Матица—самая чистая сѣть съ кошелемъ по срединѣ. Къ матицѣ пришиваются съ обѣихъ сторонъ по одному, по два, а иногда и по три п р и т о н а на каждую сторону; къ притонамъ пришиваются отъ 6 до 9 палевъ, а къ палевамъ столько же тагасковъ, а иногда и рѣдкушекъ. Палевы порѣже притоновъ, тагаски рѣже палевъ, а рѣдкушки самыя рѣдкія сѣти. Всѣхъ родовъ сѣтей на каждую сторону отъ матицы пришивается поровну, а матица въ срединѣ одна. Всѣ эти сѣти верхними и нижними краями связываются за пропущенныя черезъ каждую изъ нихъ веревки или тетивы, а отъ верхней до нижней тетивы сѣти сшиваются нитками. На верхнихъ краяхъ къ веревкамъ прикрѣпляются деревянные круги, называемые п у л ь я м и, для того, чтобы эти края шли поверхъ воды возлѣ самаго льда. Къ нижнимъ краямъ привязываются камни, обвитые берестой. Къ нижней тетивѣ привязываются еще пучки соломы для того, чтобы намокшая сѣть шла поверхъ дна и не захватывала грязи. Къ краямъ сшитыхъ сѣтей привязывается къ обѣимъ сторонамъ по длинной веревкѣ, длиною около

120 саж. и болѣе, которая называется ужищемъ. Ближе къ сѣтямъ привязывается часть ужища потолще, а другая часть потоньше. Конецъ тонкой части ужища привязывается къ короткой веревкѣ, прикрѣпленной къ жерди. Жердь (длиною около 7—8 саженей) скрѣпляется толстыми краями изъ двухъ длинныхъ нетолстыхъ деревьевъ. Къ одному концу жерди привязывается веревка (длиною около $1^1/_2$ или 2 саж.), къ которой и прикрѣпляется ужище. Жердь перегоняется подо льдомъ отъ проруби до проруби хорошо обдѣланнымъ расщепомъ (около 1 саж.), который наз. со́рой. Когда жердь перегнана на другую прорубь, то для отысканія ея употребляется крюкъ. Крюкъ есть загнутый, длинный деревянный прутъ, похожій на букву С. Хозяиномъ или главнымъ распорядителемъ тагаса является владѣлецъ матицы. Ловцовъ въ тагасѣ бываетъ отъ 30 до 50; лошадей—отъ 18 до 25. Одинъ изъ ловцовъ выбирается полевы́мъ. Полевой выбираетъ мѣсто для тонь и опредѣляетъ ихъ направленіе вѣхами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ дѣлать проруби. Для ухода за сѣтями и для уборки рыбы изъ сѣтей выбираются два ма̀тесника и два пальщика (обыкновенно владѣльцы притоновъ). Матесники, при вынутія и опусканіи сѣти, дѣйствуютъ за нижнюю веревку (тетиву), а пальщики—за верхнюю. Всѣ остальные ловцы дѣлятся поровну на двѣ стороны тони, а другіе на другой. Съ каждой стороны отдѣляется поровну людей для пропѣшанья прорубей, а остальные тянутъ сѣть. Первые наз. пѣшка̀ми (отъ 3 до 6 на каждой сторонѣ), а тянущіе сѣть—ужищниками (отъ 10 до 14 на сторонѣ). Проруби пѣшаются пѣшнями. Пѣшня—остроконечное желѣзное орудіе на подобіе копья, въ которое вдѣлывается деревянная ручка. Прорубь отъ проруби пѣшается на разстояніи 7 саж. (вообще равномъ длинѣ жерди). Во время пропѣшиванія проруби мелкій ледъ, образующійся въ ней, выгребаютъ или, какъ выражаются ловцы, шугаютъ узенькими лопатками, которыя наз. шугалками.

Для того, чтобы протянуть тоню, пальщики и матесники пѣшаютъ почти круглую прорубь, имѣющую около 2 арш. длины и $1^1/_2$ арш. ширины. Отъ этой проруби въ обѣ стороны отъ нея подъ тупымъ угломъ пѣшаютъ маленькія проруби продолговатой формы (около 5 вершк. ширины и около 10 вершк. длины) на каждой сторонѣ поровну, обыкновенно отъ 9 до 11 прорубей. Рядъ этихъ прорубей носитъ названіе ронильныхъ ушей. Отъ крайнихъ изъ этихъ прорубей пѣшаютъ почти параллельно или немного сходящимися по обѣ стороны еще отъ 10 до 15 прорубей. Рядъ этихъ прорубей носитъ названіе стѣны. Затѣмъ поворачиваютъ подъ тупыми углами и пѣшаютъ еще отъ 1 до 3 прорубей на каждой сторонѣ, которыя сходятся подъ тупымъ же угломъ въ общей проруби такой же величины и формы, какъ и первая большая. Рядъ этихъ прорубей называется приходильными ушами. Проруби отъ по-

Лѣвая сторона.
Угловая прорубь.
Проруби.
Стѣна.
Выемка I.
Приходильныя уши.
Выемка II.
Ронил. ухо.
Угловая прорубь.
Стѣна.
Правая сторона.

ворота до поворота пѣшаются по прямой линіи. Проруби на углахъ имѣютъ форму круга, діаметръ котораго равенъ 1/2 аршина. Общій видъ пропѣшанныхъ для тони прорубей имѣетъ форму неправильнаго шестиугольника.

Первая и послѣдняя проруби наз. **выемками**. Въ первую опускаютъ сѣть или, какъ говорятъ ловцы, **ронятъ**, а во вторую вынимаютъ. Выемки пѣшаютъ матесники и пальщики. Остальныя же проруби пѣшаются пѣшками и служатъ для перегонки жерди изъ одной проруби въ другую. Въ угловыхъ и въ седьмой по стѣнѣ изъ воды вытаскиваютъ ужище и тянутъ сѣть. На каждой сторонѣ должно быть по одной жерди и по человѣку, который жердь прогоняетъ и поэтому наз. **жердникомъ**. Жердникъ обязанъ имѣть свою жердь и ухаживать за ней самъ; трудъ его тяжелѣе труда другихъ; за это онъ получаетъ лишнюю часть. Жердь при слѣдованіи изъ одной тони въ другую, а также и на ночь остается въ водѣ. Она вынимается изъ воды только при переѣздѣ на новое мѣсто. Въ первой тонѣ на новомъ мѣстѣ первая выемка пѣшается продолговатой для того, чтобы опустить жердь въ воду. Точно также вторая выемка въ послѣдней тонѣ передъ переѣздомъ на новое мѣсто дѣлается продолговатой для вынутія жерди. Такая весьма продолговатая прорубь наз. сѣльгомъ.

Когда жердь опущена въ воду, и къ концу ея веревки привязано ужище, то жердникъ посредствомъ соры гонитъ ее по ронильному ужу отъ проруби до проруби. Дойдя до угловой проруби, онъ, не отвязывая ужища, вынимаетъ его посредствомъ крюка, поворачиваетъ жердь сорой вдоль стѣны и гонитъ по стѣнѣ. Одинъ изъ ловцовъ, который къ этому времени приходитъ на угловую прорубь, вытаскиваетъ часть ужища, идущую къ сѣтямъ, на поверхность, а освободившуюся часть ужища, которая идетъ къ жерди, опускаетъ (ронитъ или слабитъ) въ воду, чтобы жердникъ безпрепятственно перегонялъ жердь дальше по стѣнѣ. Когда тащить одному становится тяжело, тогда тащатъ нѣсколько человѣкъ, цѣпляясь на изворотъ за ужище небольшими крюками, привязанными къ лямкамъ, похожими на тѣ, какія употребляются бурлаками при тягѣ судовъ.

Въ которой нибудь проруби по стѣнѣ, обыкновенно въ седьмой отъ угла—почему это мѣсто и наз. **седьмой**—жердникъ опять крюкомъ вытаскиваетъ ужище. Здѣсь, какъ и на углу, приходятъ ужищники, цѣпляются крюками и тянутъ ужище, а вмѣстѣ съ этимъ тянутъ и сѣть, которая идетъ подо льдомъ. Въ тоже время освободившуюся часть ужища опускаютъ въ воду для безпрепятственной перегонки жерди. Въ седьмой тянутъ всѣ свободные ловцы кромѣ пѣшковъ, матесниковъ и пальщиковъ, которые въ это время пѣшаютъ проруби и выемки. Затѣмъ переходятъ тянуть на послѣдній уголъ, отъ котораго идутъ проруби къ выемкѣ (приходильныя уши). На угловой проруби жердникъ опять вытаскиваетъ ужище, поварачиваетъ жердь и гонитъ къ выемкѣ, а ловцы тащатъ ужище, опуская въ тоже время освободившуюся часть ужища въ воду. Наконецъ переходятъ къ выемкѣ, гдѣ жердникъ вытаскиваетъ ужище, отвязываетъ его, перегоняетъ жердь до слѣдующей выемки, съ которой начинается новая тоня и которая пѣшается на разстояніи около $1^1/_2$—2 арш. отъ послѣдней выемки первой (предшествующей) тони. Здѣсь жердникъ вынимаетъ посредствомъ крюка конецъ веревки, прикрѣпленный къ жерди, къ которому и привязываетъ опять ужище, и гонитъ жердь къ угловой проруби ронильныхъ ушей второй (слѣдующей) тони, гдѣ пѣшки уже успѣли сдѣлать проруби. Сѣти же вытаскиваются постепенно ловцами изъ выемки первой (предшествующей) тони и сразу же опускаются въ выемку второй (слѣдующей) тони. Для того, чтобъ обѣ стороны сѣти вытаскивать равномѣрно, къ нимъ черезъ нѣсколько саженей, на одинаковомъ разстояніи у обѣихъ сторонъ, привязываютъ къ верхней тетивѣ пучки соломы, служащіе значками. Когда такимъ образомъ дотащатъ до матицы, то вынимаютъ ее на поверхность льда, вытряхиваютъ изъ кошеля матицы рыбу и опускаютъ ее вслѣдъ за сѣтями въ выемку второй (слѣдующей) тони, гдѣ въ это время часть ловцовъ растягивала сѣть, таща ужище на углу ронильнаго уха. Затѣмъ, какъ съ угловъ, такъ и съ выемки, всѣ свободные ловцы (ужищники) идутъ тащить сѣть въ седьмую, гдѣ жердникъ успѣлъ уже прогнать жердь и вытащить ужище, а матесники и пальщики ѣдутъ на своихъ лошадяхъ къ концу тони и пѣшаютъ выемки: одну для вынутія сѣтей, а другую—для опусканія уже въ третью тоню. Пѣшки же въ

это время заканчиваютъ проруби второй тони и начинаютъ пѣшать проруби у третьей тони. Такимъ образомъ идетъ работа безостановочно цѣлый день на обѣихъ сторонахъ тони одинаково. Лошади же во время слѣдованія тонь перегоняются попутно самими ловцали обыкновенно съ выемки въ седьмую, а изъ седьмой къ новымъ выемкамъ.

Нѣсколько тонь тянутъ по одному направленію, потомъ, пройдя нѣсколько тонь, поворачиваютъ въ сторону, а черезъ нѣсколько тонь опять поворачиваютъ въ ту же сторону и т. д., и такимъ образомъ приходятъ къ тому мѣсту, откуда начали. Такъ образуется рыболовный кругъ, состоящій отъ 20 до 35 тонь и болѣе. Въ день проходятъ отъ 6 до 9 тонь. Въ каждой тонѣ вылавливается отъ ½ пуда (а иногда и менѣе) и до нѣсколькихъ пудовъ. Средній дневной уловъ, при хорошей ловлѣ, бываетъ около 12 пуд., при средней—8 пуд., а при плохой еще меньше (около 5 пуд.). Когда рыболовный кругъ черезъ 3—4 дня оконченъ, то начинаютъ идти по немъ вновь по старымъ же тонямъ. Это называются ловлей на свѣжеварке. Рыба изъ круга выплываетъ на пройденныя тони. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же кругу ловятъ до тѣхъ поръ, покуда рыба не выловится, а потомъ начинаютъ новый кругъ и т. д. На ночь сѣти зарываютъ въ снѣгъ, чтобы онѣ не застыли. Въ теплые дни сѣть иногда (но весьма рѣдко) оставляютъ подо льдомъ растянутой въ ронильныхъ ушахъ, но оставлять такимъ образомъ очень опасно, такъ какъ случается, что во время морозной ночи сѣти пристываютъ ко льду, и ихъ приходится сильно тянуть, отчего онѣ рвутся.

Въ каждой тонѣ, во время вытаскиванія сѣти изъ воды, ставятъ парусъ съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, а въ солнечный и безвѣтренный день съ сѣверной стороны, чтобы сѣть не застывала, пока ее перепускаютъ изъ выемки въ выемку.—Ловится преимущественно чистый снятокъ, а иногда съ примѣсью ершей.

Къ концу зимы подо льдомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скопляется много крупной рыбы: судаковъ, лещей и др. Присутствіе ея узнается по сѣтямъ, называемымъ переметами, опущеннымъ въ воду на межахъ (границахъ) рыбныхъ ловель. Скопленіе большого количества рыбы подъ водою наз. ятвою. Если въ сѣти попадетъ ятва, и присутствіе ея обнаружено появленіемъ рыбы въ первыхъ же мережахъ, то сѣть тащатъ на поверхность воды скорѣе, а работу въ слѣдующей тонѣ, куда уже перепущено ужище и даже часть сѣтей, прекращаютъ. Когда вытащатъ сѣть такъ плотно, что рыба въ ней находится очень густо, то плетеными кузовками черпаютъ рыбу и разваливаютъ на ледъ, съ котораго часть ловцовъ успѣетъ лопатами сгрести снѣгъ. Когда рыбы останется меньше, сѣть опять вытаскиваютъ, а рыбу вычерпываютъ. Это дѣлается до тѣхъ поръ, пока не останется столько рыбы, сколько можно вытащить вмѣстѣ съ сѣтью на поверхность льда, не прорвавъ сѣти. Ятвой рыбы вылавливается въ одну сѣть очень много (отъ нѣсколькихъ десятковъ пудовъ и до нѣсколько сотъ, даже до тысячи и болѣе, что бываетъ весьма рѣдко).

Дѣлежъ вырученныхъ за рыбу денегъ, а иногда и самой рыбы происходитъ по частямъ. На каждаго ловца отдѣльно, на каждую лошадь отдѣльно и на каждый тагасокъ съ палевой (а иногда и рѣдкушкой) полагается одна часть. Такая часть наз. жеребьемъ. Жеребьевъ въ тагасѣ бываетъ отъ 70 до 100 и болѣе. Одинъ ловецъ, имѣющій лошадь и тагасокъ съ палевой и рѣдкушкой, получаетъ 3 жеребья (части): одну за себя, другую за лошадь и третью за сѣти (мережи). За притоны полагается по одному жеребью, за матицу—два жеребья, да хозяину одинъ, матесникамъ, жердникамъ и полевому по два жеребья, пальщикамъ и остальнымъ ловцамъ по одному жеребью.

Хозяинъ безплатно пользуется рыбой для себя и своей семьи. Онъ обязанъ отвести кладовую подъ рыбу, продавать ее и хранить вырученныя деньги, будить ловцовъ по утрамъ (около 3—4 часовъ утра). Ловцы предварительно съѣзжаются въ избу къ хозяину, а потомъ уже всѣ вмѣстѣ ѣдутъ на озеро.

Въ одинъ изъ дней на масляной недѣлѣ бываетъ сговоръ. На сговорѣ хозяинъ сговаривается съ участниками тагаса ловить вмѣстѣ и на будущее время, за что онъ угощаетъ ловцовъ у себя на дому.

Время отъ времени сѣти расшиваютъ и возятъ домой на нѣсколько дней для просушки. Дѣлается это обыкновенно передъ праздниками. Черезъ нѣсколько дней ихъ опять сшиваютъ для ловли. Это наз. сшивкой и расшивкой. При послѣдней

расшивкѣ ужище, пріобрѣтенное въ началѣ ловли на общія средства тагаса, дѣлятъ по частямъ между собою, такъ какъ на другой годъ оно уже по ветхости не годится.

Ловля тагасомъ продолжается съ небольшими промежутками въ расшивкахъ всю зиму.

Учитель народн. школы *М. Комельковъ* (уроженецъ села Куности).

Дополненія къ статьѣ г. Комелькова.

1) Пригоны называются у насъ косяками, а тагаски—частыми мережками.

2) Жердь бываетъ длиною 13 саженъ, а веревка, привязанная къ одному концу ея, называется поводкомъ,—къ ней, т. е. веревкѣ, прикрѣпляется ужище.

3) Главный хозяинъ тагаса называется ватаманомъ; обязанность его состоитъ въ слѣдующемъ: приготовить матицу, купить ужища и дать ловцамъ все необходимое для ловли, какъ то: веревки, коноплю и пр., а потомъ во время лова онъ и высчитываетъ съ нихъ деньги за всѣ эти предметы.

Кромѣ этого ватамана есть еще два, которые называются полевыми или озерными ватаманами. Главный ватаманъ получаетъ въ каждый день по два ковша рыбы, а озерные—по одному ковшу.

4) Ловцы, которые пѣшаютъ проруби, называются пѣшальниками.

5) Прорубь отъ проруби пѣшаются на разстояніи 13 саженъ.

6) Первая и вторая выемки наз. у насъ матицами, ронильныя уши—пäля, а приходильныя уши наз. притинъ.

7) Жердникъ приготовляетъ только одну жердь и 30 саж. веревки, и пользуется такою же частью, какъ и прочіе ловцы—лишняго ничего не получаетъ.

8) Крюки, употребляемые ловцами для тяги, называются крюкманками.

9) Второй кругъ ловли по старымъ тонямъ наз. муть.

10) На ночь всѣ сѣти укладываются въ одну изъ матицъ, которая называется подпольемъ.

11) Дѣлежъ денегъ и рыбы производится между ловцами поровну, не принимая во вниманіе лошадей и снасти. На каждаго ловца полагается два жеребья.

12) Иногда, пройдя нѣсколько тонь, ловцы встрѣчаютъ на пути препятствіе—заломы льда, которые наз. рубцами. Черезъ эти рубцы сѣть нельзя протянуть, поэтому ловцы на прямомъ разстояніи отъ матицы пѣшаютъ нѣсколько прорубей (10 и больше), которыя наз. переборами. По этимъ прорубямъ оба жердника вмѣстѣ и прогоняютъ жерди.

Вотъ всѣ подробности нашего тагаса.

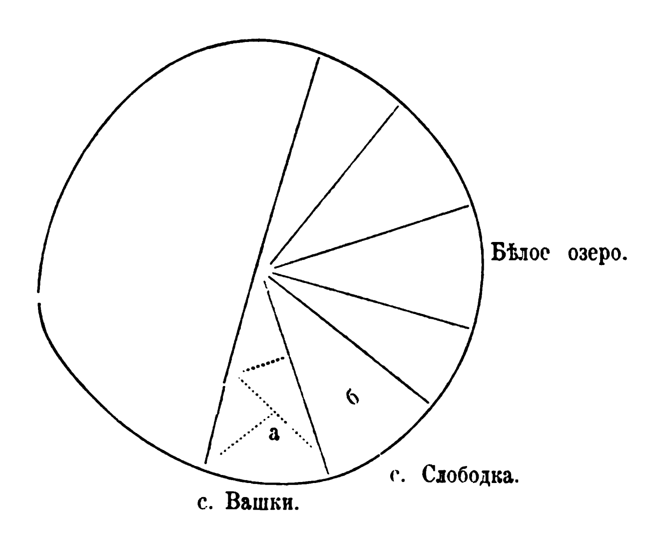
Учитель Киснемскаго училища Кирилловскаго уѣзда *П. Маіоровъ*.

Примѣчанія (къ статьѣ г. Комелькова).

1) Кто дѣлаетъ (пѣшаетъ) проруби, у насъ обыкновенно называются пѣшальниками. Пѣшальниками обыкновенно бываютъ подростки лѣтъ 15 или 16, потому что работа—пѣшать проруби считается легче, чѣмъ тянуть ужища.

2) На сѣверномъ берегу Бѣлаго озера, какъ напр. въ Вашкахъ, Киснемѣ и др. селахъ, во время дневного лова рыболовныя сѣти не вынимаются изъ воды на ледъ послѣ каждой тони, (какъ это дѣлаютъ рыбаки на южномъ берегу озера, напр. въ Маексѣ, Куности и др. мѣстахъ), а просто въ одномъ краю выемки (по мѣстному выраженію—матицы) вынимаютъ сѣти, и въ противоположномъ краю опять бросаютъ въ воду и начинается другая тоня, а тамъ дальше какъ и отъ I выемки дѣлаются въ стороны проруби и также гонятъ жердь и тащать сѣти, вообще повторяется все тоже, что и во время первой тони.

3) Въ лѣтнее время рыбаки всего побережья Бѣлаго озера могутъ ловить рыбу по всему озеру; наприм. Вашкинскіе рыбаки ловятъ на Куностскомъ берегу, т. е. близь с. Куности и наоборотъ, Куностскіе рыбаки могутъ ѣхать ловить на Вашкинскій берегъ. Зимою же этого нельзя дѣлать. Все озеро дѣлится на участки; число участковъ равняется числу селъ, лежащихъ на берегу озера и каждое село можетъ ловить только на своемъ участкѣ. Такъ, напримѣръ, Вашкинцы могутъ ловить только на Вашкинской водѣ т. е. на участкѣ, принадлежащемъ с. Вашки. Если у нихъ на участкѣ худо ловится рыба, то они могутъ арендовать другіе участки за извѣстную плату. Дѣлятъ озеро такъ: въ срединѣ озера ставятъ столбъ, или вѣху и отъ этого столба расходятся въ разныя стороны, какъ бы радіусы къ берегамъ каждаго села, лежащаго на берегу озера. Такимъ образомъ получаются участки въ видѣ треугольниковъ, какъ показано на рисункѣ.

На участкѣ, обозначенномъ буквою (а) могутъ ловить только Вашкинцы, на участкѣ (б) могутъ ловить только Слобожане и т. д. Вотъ перемѣты то и ставятъ между участками, т. е. на радіусы, такъ какъ въ центръ участковъ перемѣтовъ нельзя ставить, потому что будутъ мѣшать ловлѣ тагасомъ.

Надо еще замѣтить, что если въ селѣ имѣется не одинъ тагасъ, (какъ напр. въ Вашкахъ есть четыре тагаса), то данные участки еще дѣлятся на меньшіе участки по числу тагасовъ. Напр. въ Вашкахъ четыре тагаса, поэтому участокъ (а) дѣлится на 4 части, каждому тагасу по части, гдѣ онъ и можетъ только ловить.

Пословица и загадка.

Пословица.

«Пословица» употребляется часто въ смыслѣ слова или выраженія, которымъ кто либо оснащаетъ свою рѣчь.

«У яго такая пасловица».

У крестьянина (с. Святское) «Чика» пословица—Чикъ, а у «Лопоухаго» (с. Митюли)—Лопоухій, ибо первый, воодушевляясь въ разговорѣ, прерываетъ нить общаго разговора звукомъ: Чи! и сопровождаетъ свое Чи! важнымъ жестомъ правой

руки; второй же, «Лопоўхiй», всѣхъ разговаривающихъ съ нимъ и себя самого при этомъ, называетъ «Лопоўхими».

Въ XVIII в., отъ котораго осталось намъ нѣсколько рукописныхъ сборниковъ пословицъ, пословицею называли не только притчу, но и всякую поговорку, примолвку, что очевидно изъ слѣдующаго мѣста въ запискахъ Данилова 1771 г.: «у Митрофана Осиповича была пословица ю ж ъ; по тогдашнему времени у всѣхъ такая мода была, или привычка, дабы въ разговорахъ примѣшивать какую нибудь ничего не значущую примолвку». Очерки Буслаева I, 124.

Что касается до п о с л о в и ц ы, то первоначально, какъ замѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, употреблялось это слово въ смыслѣ согласiя, условiя, совѣщанiя, мiра, напр. «не быша пословици Псковичемъ съ Новгородци»... Первоначальное значенiе пословицы опредѣляется также и ближайшимъ отношенiемъ къ смыслу прилагательнаго «пословный», т. е. послушный, согласный. Съ этимъ опредѣленiемъ гармонируютъ слѣдующiя изреченiя крестьянъ Смоленской губернiи; они указываютъ и на юридическое значенiе пословицы.

Ня будимъ ссоритца—будить у насъ пословица. Харошъ на п р и с к а з и, а наглядимъ, якоў ты будишъ на привизи.

Вы, кумушки-галубушки, выхадитя на улицу, гаваритя пословицу.

Пословица по преимуществу свойственна возрасту старческому. Отъ стариковъ поучается молодежь, заимствуя отъ нихъ, между прочимъ, пословицы и поговорки «Старые люди говорятъ—маладымъ людёмъ повыдъ даютъ». «Старува́ть» значитъ уговаривать. Порѣч. у. Мамошки.

Пословица изобрѣтается жизненнымъ опытомъ, имъ же подтверждается или отрицается. У нѣкоторыхъ стариковъ есть любимыя пословицы и поговорки. Молодые люди, приводя пословицы, нерѣдко вспоминаютъ стариковъ и ихъ опытъ.—«Это любимая пословица», говорятъ они, «Тараса́, а вотъ эта Борматуна́, а эта Бориса Андреича».

Нѣкоторыя пословицы принадлежатъ извѣстному возрасту, полу, классу людей— и соотвѣтствуютъ ихъ занятiямъ.

Люди торговые въ особенности любятъ оснащать рѣчь свою пословицами: тогда дѣло идетъ легко, какъ по маслу; — какъ извѣстно, нашъ простолюдинъ положительно не можетъ противиться логической силѣ пословицы; онъ все будетъ поддакивать: вѣрно, вѣрно! Правда! Знамо дѣло—такъ! Незамѣтно и для купца, и для мужика, дѣло улаживается—быть можетъ—пословицею. «Безъ пасловицы горыдъ ня стрôитца».

И Санчо Пансо въ «Донъ Кихотѣ» говоритъ убѣдительно, когда говоритъ пословицами.

Зналъ я одного купца, рѣчь котораго положительно состояла изъ пословицъ; кто-то сочинилъ ему весьма грустную эпитафiю о суетѣ и тлѣнѣ всего мiрскаго, уснащенную пословицами, и помѣстилъ ее на надгробномъ памятникѣ.

Пословицы, принадлежа людямъ различныхъ взглядовъ, возрастовъ, положенiй, мѣстностей, нерѣдко противорѣчатъ одна другой;—народъ же въ шутку соединяетъ ихъ, и вотъ является полемическiй разговоръ въ дiалогической формѣ между батракомъ и хозяиномъ, зятемъ и тещею, Торопчаниномъ и Смолякомъ, Рославцемъ и Калужцемъ.

Сопоставляются дiаметрально, иногда противоположные прежнiе и новые взгляды на мать и жену. Такiя пословицы въ особенности интересны въ бытовомъ отношенiи.

Разъ я ѣхалъ въ вагонѣ Московско-Брестской желѣзной дороги; напротивъ меня помѣщались два крестьянина: одинъ старый, другой молодой. Молодой вынулъ изъ кошеля ратника (селедку) и началъ ее ѣсть съ хвоста или съ головы—хорошо не помню.

Старикъ замѣтилъ:—«Хорошо, парень,—хорошо; одно нехорошо, что вотъ сельдя ты грызешь не съ того бока».—Молодой возразилъ. Началось состязанiе пословицами; у молодаго оказалось въ запасѣ ихъ больше—онъ не лѣзъ за словомъ въ карманъ.

Въ тонѣ старика замѣтно стало слышаться раздраженiе, пословицы и поговорки у него истощились, на глазахъ навернулись слезы. Старикъ приподнялся, подошелъ къ молодому и сталъ трясти за воротъ «изъ молодыхъ да ранняго», тотъ засмѣялся, и

всѣ захохотали: произошла уморительная сцена. Мы подъѣзжали къ Кубенкѣ. Старикъ и молодой вышли на платформу, закусили и выпили вмѣстѣ, вошли въ вагонъ, обнявшись—друзьями, и больше ужь не спорили.

Поэзія является не только забавой въ часы досуга, но и насущною потребностью простого человѣка: въ горѣ онъ пробавляется всѣми видами ея: и пѣсней и пословицей и загадкой и проч.

У женщинъ, много испытавшихъ, есть свои любимыя семейныя пѣсни, есть свои пословицы.

Огорченныя мать и сестра поютъ соотвѣтственныя пѣсни про сыновнюю и братнюю неблагодарность и проч. Быть можетъ, онѣ слагаютъ свои пѣсни, пѣсни своей жизни.

Быть можетъ, другія женщины, подруги, по слѣдамъ живого событія выходятъ на улицу и «говорятъ пословицу», или «разгадываютъ» горюшко, удовлетворяя желанію: «подумайте мои думушки, разгадайте крѣпкія».

Иногда старики и старухи, умудренные опытомъ, съ величавымъ спокойствіемъ изрекаютъ свое обоснованное на пословицахъ мнѣніе, безпристрастное и нейтральное, какъ хоръ греческой драмы.

Примиреніе съ горемъ происходитъ на почвѣ поэзіи, и большею частію въ міру; — народъ рѣдко замыкается въ своемъ горѣ.

Пословицы и загадки нерѣдко сходятся. Самыя глубокія наблюденія, вѣроятно, затѣмъ, чтобы заставить другихъ лучше вдуматься въ то, надъ чѣмъ долго работала мысль, народъ выражаетъ въ формѣ загадокъ.

Кругъ народныхъ преданій невеликъ, и народъ ищетъ поучительнаго.

«Иныя пословицы не иное что, какъ рѣзкія выраженія, удержавшіяся въ памяти народа изъ эпической басни (или пѣсни, прибавимъ мы). Очеркъ Ѳ. И. Буслаева. Томъ I, стр. 91.

«Иныя пословицы (и загадки, прибавимъ мы) можно назвать баснею въ маломъ объемѣ. ibidem.

Какъ пословицы, такъ и загадки любятъ касаться иногда старобытныхъ миѳологическихъ или апокрифическихъ вѣрованій и убѣжденій, и передаютъ эти вѣрованія и убѣжденія въ поэтической формѣ.

Но съ другой стороны пословицы и загадки касаются ежедневной жизни со всѣми ея мелочами и подробностями; и мало такихъ предметовъ найдется въ крестьянскомъ домашнемъ быту и обстановкѣ, которые ускользнули отъ пословицы и загадки.

Являются новые предметы въ крестьянскомъ обиходѣ,—тотчасъ возникаютъ пословицы и загадки, разъясняющія ихъ значеніе.

При помощи поэтической фантазіи, загадка приводитъ въ столкновеніе предметы воодушевленные и неодушевленные; нерѣдко она создаетъ цѣлыя драматическія сценки, знакомя насъ съ будничной жизнью народа и природой, которая разстилается передъ глазами крестьянина.

Проводя подъ часъ каррикатурныя и пародоксальныя параллели, сравнивая важное и неважное, большое и малое, отвлеченное и матеріальное, тонко отыскивая сходство между самыми различными предметами, иногда запугивая фантазію грубымъ цинизмомъ («загадывать загадки дрянь, разгадывать ихъ дужа хорошо»); загадка въ своихъ изображеніяхъ достигаетъ большой рельефности и подчеркиваетъ, такъ сказать, характерныя и выдающіяся свойства предметовъ. Нѣкоторыя загадки проникнуты древними миѳическими вѣрованіями и отличаются художественностью образовъ, другія (и немало найдется такихъ) свидѣтельствуютъ о близости простаго человѣка къ природѣ и объ его замѣчательной чуткости по отношенію къ ея явленіямъ.

Народный языкъ очень индивидуаленъ. Въ разныхъ деревняхъ самые обыкновенные предметы называются различными именами (Окунь—Смоленскій уѣздъ; въ томъ же уѣздѣ, въ Цызыревкѣ, Сонлякъ и Слюнтявикъ въ Глубокомъ Красн. у.), является почва для соображеній и догадокъ, какой предметъ и какимъ своимъ качествомъ далъ поводъ къ созданію извѣстнаго имени или названія; часто загадка является сама собою.

Названія нѣкоторыхъ предметовъ имѣютъ форму загадки или вопроса. Въ Починкѣ Ельн. у. зельтерская вода называется: что такое?

Въ одной деревушкѣ протекаетъ рѣчка въ которую впалъ ручей. Путешественникъ спрашиваетъ у дѣвочки: какъ зовутъ рѣчку? Дѣвочка молчитъ, заминается. Подходитъ баба. «Дура», говоритъ на дѣвочку»: «Отчего ты барину не скажешь, какъ рѣчку нашу дразнятъ». Тутъ баба сказала путнику глупую загадку, служащую названіемъ рѣчки.

Въ зимніе, особливо святочные вечера, развлекаются загадками; ими прежде состязались волочобники, ходившіе на Святой недѣлѣ. Партія, разгадавшая загадки, отнимала у другой ея раздобытки: хлѣбъ, сало и проч.

Въ загадкахъ много созданныхъ народною фантазіею словъ; съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія подобнаго творчества, загадка представляетъ особый интересъ для изслѣдователя народнаго языка.

В. Добровольскій.

„РОДИТЕЛЬСКІЙ КРУЖОКЪ"

при Педагогическомъ Музеѣ в.-учебн. завед. въ Спб.

Членами Петербургскаго «Родительскаго кружка», при сотрудничествѣ многихъ педагоговъ, ученыхъ и литераторовъ, составляется, подъ общей редакціей

П. Ѳ. КАПТЕРЕВА

и при участіи въ редакціонныхъ трудахъ **свящ. А. И. Маляревскаго,** гг. **А. Н. Альмедингена, Н. С. Карцева, П. А. Литвинскаго,** докторовъ—**А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, М. Н. Нижегеродцева и** и г-жъ **Е. Я. Корсаковой и В. В. Поворинской.**

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ и ОБУЧЕНІЯ.

Энциклопедія эта будетъ обнимать, по возможности, всѣ вопросы воспитанія и обученія дѣтей, преимущественно ДО-ШКОЛЬНАГО возраста. Раздѣленная на V частей, она будетъ выходить отдѣльными выпусками, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ цѣлую статью по извѣстному вопросу. При составленіи статей будутъ преслѣдоваться двѣ цѣли: строгая научность содержанія и общедоступность изложенія. Всего предполагается отъ 75 до 80 выпусковъ.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНІЕ ЭНЦИКЛОПЕДІИ:

Часть I.—1) Историческій очеркъ развитія идей о первоначальномъ воспитаніи. 2) Семейное воспитаніе въ Россіи прежде и теперь. 3) Семейное воспитаніе у англичанъ. 4) Семейное воспитаніе у французовъ. 5) Семейное воспитаніе у нѣмцевъ. 6) Семейное воспитаніе у сѣверо-американцевъ. 7) Основы и задачи семейнаго воспитанія въ настоящее время. 8) О дѣтской природѣ. 9) Дѣтскіе темпераменты. 10) Дѣтскіе типы. 11) О подражательности въ дѣлѣ воспитанія. 12) Наслѣдственность и вырожденіе.

Часть II.—13) Анатомо-физіологическія свойства дѣтскаго организма; о ходѣ тѣлеснаго развитія. 14) О тѣлесномъ воспитаніи вообще. 15) О закаливаніи. 16) Уходъ за младенцемъ. 17) О нормальной дѣтской. 18) Гигіена глазъ. 19) Гигіена ушей и носа. 20) Гигіена кожи. Уходъ за волосами. 21) Уходъ за зубами. 22) О нормальномъ питаніи и объ уклоненіяхъ отъ него. 23) О возбуждающихъ веществахъ при питаніи. 24) О нормальныхъ одеждѣ, бѣльѣ и обуви. 25) О дѣтскомъ снѣ. 26) О физическихъ упражненіяхъ дѣтей. 27) О болѣзняхъ дѣтскаго возраста. 28) Первая помощь въ семьѣ при заболѣваніяхъ дѣтей. 29) Половое развитіе, аномаліи и борьба съ ними. 30) Объ искривленіи позвоночника.

Часть III.—31) Душа дитяти (общій очеркъ душевнаго развитія въ дѣтствѣ съ характеристикой возрастовъ). 32) Религіозное воспитаніе. 34) О воспитаніи умственномъ. 34) О воспитаніи нравственномъ. 35) О воспитаніи воли и характера. 36) О воспитаніи эстетическомъ. 37) О дѣтской рѣчи. 38) О дѣтскихъ играхъ. 39) Обзоръ дѣтскихъ игрушекъ. 40) О дѣтскихъ развлеченіяхъ. 41) О чтеніи дѣтей.

42) О дѣтскихъ недостаткахъ вообще. 43) О дѣтскихъ капризахъ. 44) О дѣтской лжи. 45) Объ упрямствѣ и непослушаніи. 46) О наградахъ и наказаніяхъ. 47) Хорошія и дурныя привычки и манеры (значеніе ихъ). 48) Объ ускоренномъ и замедленномъ психическомъ развитіи дѣтей. 49) О душевномъ разстройствѣ въ дѣтскомъ возрастѣ. 50) Чему учитъ психіатрическій опытъ въ дѣлѣ воспитанія. 51) О дѣтской преступности.

Часть IV.—52) Когда и какъ начинать ученіе. 53) Основныя начала семейнаго обученія (дидактика семьи). 54) Обученіе чтенію и письму. 55) Чтеніе и письмо съ гигіенической точки зрѣнія. 56) Обученіе рисованію. 57) Обученіе счисленію. 58) Обученіе иностраннымъ языкамъ. 59) Обученіе пѣнію. 60) Обученіе игрѣ на фортепіано. 61) Сообщеніе свѣдѣній по родиновѣдѣнію. 62) Ознакомленіе дѣтей съ міромъ животныхъ, растеній и физическими явленіями. 63) Домашніе акваріумы, терраріумы и коллекціи. 64) О дѣтскомъ садѣ и огородѣ. 65) О лѣтнихъ прогулкахъ и экскурсіяхъ. 66) Природа и дѣти зимой. 67) О ручномъ трудѣ дѣтей. 68) Объ участіи дѣвочекъ въ домашнемъ хозяйствѣ. 69) О сравнительныхъ достоинствахъ семейнаго и школьнаго воспитанія и обученія и о выборѣ учебнаго заведенія. 70) О домашней подготовкѣ къ урокамъ и экзаменамъ. 71) Объ отношеніи семьи къ школѣ

Часть V.—72) Объ отношеніи между родителями и дѣтьми по нашему законодательству. 73) Нормальныя отношенія между родителями и дѣтьми; обязанности отца въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей; отношенія ребенка къ братьямъ, сестрамъ, подругамъ и товарищамъ; вліяніе прислуги на развитіе дѣтей. 74) О выборѣ и свойствахъ няни и гувернантки. 75) Образованіе матери и ея библіотека. 76) О дѣтскихъ фребелевскихъ садахъ и семейныхъ школахъ. 77) О дѣтскихъ союзахъ покровительствахъ животнымъ, вѣжливости и т. п. 78) Союзы родителей въ дѣлѣ семейнаго воспитанія. 76) Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. 80) Справочникъ—объ обществахъ и учрежденіяхъ по воспитанію малолѣтнихъ дѣтей, дѣтскихъ садахъ, учебныхъ заведеніяхъ и проч. 81) Алфавитный и предметный указатели къ Энциклопедіи.

Выпуски Энциклопедіи начнутъ выходить съ начала 1898 года, а все изданіе предполагается закончить къ 1901 году.

Для желающихъ получать Энциклопедію по мѣрѣ выхода **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** на слѣдующихъ условіяхъ: **за всю Энциклопедію съ доставкою и пересылкою 12 рублей,** причемъ допускается *разсрочка*—при подпискѣ—**5** руб., по полученіи 25 выпуска—**4** руб. и по полученіи 50 выпуска—**3** руб. При продажѣ отдѣльныхъ выпусковъ и по выходѣ всей Энциклопедіи—цѣна будетъ повышена.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ слѣдуетъ высылать на имя завѣдывающаго изданіемъ Энциклопедіи, члена «Родительскаго кружка», *Алексѣя Николаевича Альмедингена, въ С.-Петербургѣ, Моховая, д. 1.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
Богословскаго Вѣстника въ 1899 году съ приложеніемъ
ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,
Архіепископа Касаріи Каппадокійскія
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Въ 1899 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе «Богословскаго Вѣстника» ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ по слѣдующей программѣ.—

Содержаніе каждой книжки журнала имѣетъ состоять изъ пяти отдѣловъ:

I) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ; въ будущемъ году этотъ отдѣлъ займутъ *Толкованіе Св. Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, на Евангеліе отъ Іоанна и творенія Св. Никифора Исповѣдника, Патріарха Константинопольскаго, написанныя въ защиту иконопочитанія.*

II) Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи.

III) Изъ современной жизни. Сюда войдутъ обозрѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи.

IV) Критика, рецензіи и библіографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

V) Приложенія, въ которыхъ будутъ продолжаться печатаніемъ *автобіографическія записки покойнаго Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго* (періодъ его дѣятельности въ званіи завѣдующаго Московской Синодальной ризницей и затѣмъ въ должности Ректора Московской Духовной Академіи) и протоколы засѣданій Совѣта Академіи.

Удерживая программу въ прежнемъ объемѣ и прилагая старанія къ наилучшему осуществленію ея на дѣлѣ, Московская Духовная Академія вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ благовременнымъ присоединить къ издаваемому ею журналу *новое и существенно-важное дополненіе*. Именно, начиная съ 1899 года, она намѣрена дать подписчикамъ «Богословскаго Вѣстника» *рядъ переведенныхъ ею на русскій языкъ твореній знаменитѣйшихъ Отцовъ и учителей вселенской церкви IV-го вѣка* НА ВЕСЬМА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ. Вводя это крупное дополненіе къ своему журналу, Московская Духовная Академія руководится слѣдующими побужденіями. Уже болѣе, чѣмъ полвѣка, она непрерывно трудится надъ переводомъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ древней святоотеческой письменности эпохи ея наивысшаго разцвѣта. Предпринятая съ 1840 года, при непосредственномъ участіи приснопамятнаго святителя русской церкви Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго, дѣятельность Академіи по переводу св. отцевъ, продолжаясь съ тѣхъ поръ безостановочно, успѣла обнять собой очень значительное число святоотеческихъ писаній, какъ-то: творенія свв. Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Епифанія Кипрскаго, Ефрема Сирина и мн. др. Но, будучи по условіямъ книжнаго дѣла у насъ въ Россіи довольно высокими по цѣнѣ въ отдѣльной продажѣ, эти изданія святоотеческихъ твореній въ русскомъ переводѣ не достигли еще такого широкаго распространенія среди читающей публики, какого можно было бы пожелать для нихъ какъ вообще въ цѣляхъ религіозно-нравственныхъ, такъ въ особенности въ виду наблюдаемаго въ наше время оживленія церковно-

общественныхъ интересовъ и подъема просвѣщенія среди простого народа. *Желая удовлетворить этой назрѣвшей нуждѣ нашей духовной жизни и облегчить пріобрѣтеніе святоотеческихъ твореній для возможно большаго круга учрежденій и лицъ*, Московская Духовная Академія *и рѣшила съ наступающаго года* воспользоваться тѣмъ способомъ, о которомъ ей подсказывалъ примѣръ другихъ повременныхъ изданій, то есть *выдавать имѣющіяся въ ея распоряженіи переводныя творенія Св. Отцовъ IV-го вѣка въ видѣ приложеній къ своему журналу* ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ. На первый разъ выборъ Академіи остановился на ТВОРЕНІЯХЪ СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ, высокое богословско-образовательное и нравственно-воспитательное значеніе которыхъ не нуждается въ разъясненіяхъ. *Эти творенія въ послѣднемъ полномъ, и пересмотрѣнномъ изданіи ихъ, сдѣланномъ въ 1892 году въ семи томахъ, она и предложитъ подписчикамъ Богословскаго Вѣстника въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1899 года по 1901 годъ,*

подъ условіемъ ежегодной доплаты ОДНОГО рубля къ прежней подписной цѣнѣ журнала

въ такомъ порядкѣ, что *подписчики первыхъ двухъ годовъ трехлѣтія*, выполнившіе означенное условіе, *получаютъ ежегодно по два тома* твореній Св. Василія Великаго, въ *послѣдній же 1901-й годъ—остальные три тома* за таковую же добавочную плату. Такимъ образомъ, уплативши въ теченіе года **одинъ только рубль**, а за все трехлѣтіе **три рубля**, подписчикъ Богословскаго Вѣстника будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи *полное собраніе твореній Св. Василія Великаго*, въ отдѣльной продажѣ стоящее **восемь рублей сорокъ копѣекъ**!

Въ томъ случаѣ, если это новое предпріятіе журнала Богословскій Вѣстникъ найдетъ себѣ желательный откликъ среди ревнителей духовнаго просвѣщенія, Московская Духовная Академія, по истеченіи трехлѣтія, не замедлитъ обратиться къ другимъ замѣчательнымъ памятникамъ святоотеческой письменности, какъ-то къ твореніямъ свв. Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Аѳанасія Александрійскаго и т. д., и этимъ путемъ дастъ возможность подписчикамъ своего журнала пріобрѣсти послѣдовательно *цѣлую святоотеческую библіотеку* за весьма умѣренную цѣну, которая къ тому же, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть еще болѣе понижена.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ НА ГОДЪ:

БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО: **шесть** руб. безъ пересылки, **семь** руб. съ пересылкой внутри Россійской имперіи, **восемь** руб. за границу.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ПЕРВЫХЪ ТОМОВЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО: **семь** руб. безъ пересылки, **восемь** руб. съ пересылкою внутри Россіи, **девять** руб. за границу.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, Редакція Богословскаго Вѣстника.

Подписчики на журналъ съ *приложеніемъ твореній Св. Василія Великаго* первый томъ ихъ получаютъ при *январской* книжкѣ Богословскаго Вѣстника, а второй—при *іюльской*.

Сергіевъ пос., Москов. губ. Редакція Богословскаго Вѣстника.

Императорское Московское Археологическое Общество, имѣя въ виду громадное значеніе для науки русской исторіи неизданныхъ по настоящее время историческихъ источниковъ, учредило особую Археографическую Коммисію, важнѣйшею задачею которой является собираніе свѣдѣній и изученіе состава архивовъ и вообще собраній историческихъ документовъ. Такое рѣшеніе Общества вызвано весьма разнообразными побужденіями, изъ которыхъ главное заключается въ современномъ положеніи въ Россіи архивовъ какъ частныхъ, такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ.

Въ общемъ наши архивы могутъ быть распредѣлены на три большія группы. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести архивы и древлехранилища, устроенные правительствомъ или учеными обществами и учрежденіями спеціально съ научными цѣлями. Таковы большинство столичныхъ архивовъ, собранія рукописей при музеяхъ и пр. Всѣ они имѣютъ спеціальныхъ работниковъ, занятыхъ изученіемъ состава рукописей, печатаніемъ ихъ и изданіемъ. Наконецъ, эти архивы доступны для ученыхъ занятій постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ наука можетъ ознакомиться съ хранящимися здѣсь историческими матеріалами.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся двѣ другія группы архивовъ.

Ко второй изъ нихъ можно отнести собранія документовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, какъ напр. собранія коллекціонеровъ, семейные архивы и другіе.

Наконецъ, третью группу составляютъ такіе архивы различныхъ правительственныхъ учрежденій, которые не преслѣдуютъ научныхъ цѣлей; таковы, напр., губернскіе архивы, областные, епархіальные, при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, казенныхъ и судебныхъ палатахъ, городскихъ думахъ и др. По точному смыслу дѣйствующаго законодательства, въ означенныхъ архивахъ хранятся документы, необходимые для справокъ по текущимъ дѣламъ. Но такъ какъ большинство ихъ учреждено еще при Екатеринѣ II, то съ теченіемъ времени въ этихъ архивахъ скопились дѣла, весьма важныя въ научномъ отношеніи и ненужныя для справокъ. Въ настоящее время въ большинствѣ архивовъ губернскихъ правленій и др. правительственныхъ мѣстъ можно найти документы XVII и даже XVI стол., не говоря уже о цѣнныхъ матеріалахъ для XVIII и нач. XIX вѣка.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ архивовъ могутъ быть отнесены собранія разнаго рода рукописей при монастыряхъ, церквахъ и духовныхъ семинаріяхъ.

Обѣ послѣднія категоріи архивовъ, т.-е частные и справочные при казенныхъ учрежденіяхъ, поставлены въ такія условія, что остаются совершенно неизвѣстными наукѣ русской исторіи и потому не приносятъ ей надлежащей пользы. Разбросанные въ разныхъ уголкахъ нашего отечества, въ городахъ и часто въ селахъ не будучи подъ наблюденіемъ лицъ, которые имѣли бы возможность заняться описаніемъ и изданіемъ находящихся въ нихъ дѣлъ,—эти архивы лежатъ безъ пользы для науки и нерѣдко гибнутъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ. Между тѣмъ, опытъ показалъ, что въ такихъ именно архивахъ встрѣчаются часто драгоцѣннѣйшіе документы, весьма важные для изученія исторіи. Понятно, занимающіеся русскою исторіей не могутъ знать содержанія находящихся здѣсь матеріаловъ и даже далеко не всегда имѣютъ свѣдѣнія о самомъ мѣстонахожденіи такихъ архивовъ.

Принимая во вниманіе сказанное, Императорское Московское Археологическое Общество пришло къ твердому убѣжденію въ томъ, что спасти вышеохарактеризованные архивы отъ забвенія, сдѣлать ихъ извѣстными, доступными и полезными для русской исторической науки можно только съ помощью широкаго и дружнаго содѣйствія всѣхъ сочувствующихъ дѣлу научнаго изученія нашего историческаго прошлаго. Поэтому, Императорское Московское Археологическое Общество обращается къ ученымъ, живущимъ въ провинціи, дворянамъ, имѣющимъ семейные архивы, къ священникамъ, учителямъ,—вообще ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ свѣдѣніями объ архивахъ, собраніяхъ рукописей, съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать научнымъ цѣлямъ Общества доставленіемъ ему соотвѣтственныхъ указаній.

Прося о доставленія вышеозначенныхъ сѣдѣній, Императорское Московское Археологическое Общество позволяетъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующее

1. Для цѣлей науки важны свѣдѣнія о всякаго рода рукописныхъ памятникахъ,—независимо отъ времени ихъ написанія, какъ то: о рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ, лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, сборникахъ, грамотахъ и перепискѣ правительственныхъ и частныхъ лицъ,—вообще, о памятникахъ бытового, экономическаго, литературнаго, родословнаго, политическаго, военнаго и пр. характеровъ.

2. Относительно каждаго собранія рукописей весьма желательно было бы имѣть болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія слѣд. рода: кому принадлежитъ архивъ и гдѣ находится (адресъ*), какія именно въ немъ рукописи (перечень**), каталогъ ихъ или по крайней мѣрѣ общій обзоръ (содержанія), какое обнимаютъ время, сколько ихъ; также полезно было бы знать, доступно ли описываемое собраніе (особенно частное) для обозрѣнія и ознакомленія съ нимъ съ учеными цѣлями.

3. Общество позволяетъ себѣ обратиться съ просьбою къ учрежденіямъ и лицамъ, владѣющимъ рукописями и документами, присылать ихъ для просмотра и описанія въ Общество, послѣ чего полученные документы будутъ съ признательностью возвращаемы ***).

Если лица, описывающія документы и рукописи, не считаютъ возможнымъ выслать самыя рукописи, то желательно было бы получить копіи хотя бы съ наиболѣе важныхъ.

4. Конечно, въ интересахъ науки было бы весьма полезно имѣть по возможности полныя и точныя свѣдѣнія какъ о составѣ рукописей, такъ и объ ихъ содержаніи; тѣмъ не менѣе, Общество покорнѣйше проситъ лицъ, неимѣющихъ возможности доставить полныя свѣдѣнія (напр., перечня рукописей) сообщать краткія.

Въ случаѣ невозможности сообщить обстоятельныя данныя о документахъ были бы полезны по крайней мѣрѣ указанія на то, гдѣ какой существуетъ архивъ или собраніе дѣлъ, и къ кому слѣдуетъ обратиться за болѣе подробными справками.

5. Всѣ доставляемыя въ Общество описанія архивовъ, копіи съ документовъ, а также отчеты о присланныхъ ему для просмотра рукописяхъ будутъ помѣщаемы цѣликомъ или въ сокращеніи—смотря по научному значенію полученныхъ свѣдѣній—въ Трудахъ Археографической Коммисіи.

6. Обращаясь съ просьбою о доставленіи свѣдѣній ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу лицамъ, Императорское Московское Археологическое Общество не даетъ въ настоящее время подробной программы для описанія рукописей, предлагая каждому сдѣлать, что можно. Но всѣхъ, кому понадобятся болѣе точныя свѣдѣнія или указанія, оно проситъ обращаться непосредственно въ Общество или въ его Археографическую Коммиссію

Предсѣдатель Общества *Графиня Уварова.*
Предсѣдатель Археографической Коммиссіи профессоръ *А. Кирпичниковъ.*
Секретарь Коммиссіи *М. Довнаръ-Запольскій.*
Адресъ Общества: Москва, Берсеневка, свой домъ.

---

*) Относительно каждаго архива весьма небезполезны также свѣдѣнія: есть ли при архивѣ описи дѣлъ и рукописей, есть ли алфавиты и какъ тѣ и другіе составлены, какъ размѣщены документы (по годамъ, вѣдомствамъ, фамиліямъ и лицамъ, на полкахъ, въ шкафахъ, связками или въ книгахъ)? Занимается ли кто-либо въ наст. время разборкою дѣлъ и не занимались ли ею раньше?

**) Въ перечнѣ каждаго документа пріятно было бы видѣть: указаніе лица или учрежденія, отъ котораго выдана грамота, или лица, которымъ написана рукопись, письмо и пр. кому написана грамота или письмо, гдѣ и когда краткое содержаніе документа. Въ старинныхъ сборникахъ важно отмѣчать заглавіе отдѣльныхъ статей и всѣ приписки, показывающія, кому и когда сборникъ принадлежалъ.

***) Обратную пересылку рукописей Общество принимаетъ на свой счетъ, а, по соглашенію, и доставку ихъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСКУССТВО и ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ".

Съ соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, состоящее подъ Непосредственнымъ Высочайшимъ Покровительствомъ Императорское Общество Поощренія Художествъ въ С.-Петербургѣ предпринимаетъ *съ Октября* сего 1898 года, *безъ предварительной цензуры*, подъ редакціей своего Секретаря, Николая Петровича Собко, и при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ у насъ и за границей, ежемѣсячное иллюстрированное изданіе, посвященное искусствамъ и художественнымъ промысламъ въ Россіи и другихъ странахъ и составленное по самой обширной программѣ, съ множествомъ снимковъ разнаго рода и вида.

Озаглавленное «Искусство и художественная промышленность», изданіе это будетъ выходить выпусками отъ 4 до 5 листовъ ежемѣсячно, въ 2 столбцахъ текста въ большую 8-ку (почти 4-ку), съ разными художественными приложеніями въ краскахъ и черномъ видѣ, какъ на отдѣльныхъ листахъ, такъ и въ текстѣ, исполненными въ собственной и другихъ лучшихъ мастерскихъ.

Цѣна ему назначается въ годъ: **6 руб.**— безъ доставки, **7 руб.**— съ доставкой въ Петербургѣ и безъ доставки во всѣхъ университетскихъ городахъ при полученіи отъ главнѣйшихъ мѣстныхъ книгопродавцевъ, **8 руб.**—съ пересылкой во всѣ вообще города Имперіи и **10 руб.**—за границу.

Допускается и разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ безъ доставки въ Петербургѣ—со взносомъ **по 1 руб.** въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, а при доставкѣ и пересылкѣ—со взносомъ, сверхъ того, всей пересылочной суммы впередъ.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Большая Морская, 38, и Мойка, 83 (для телеграммъ: Петербургъ, Искусство).

Предпринимая означенное изданіе для большаго распространенія полезныхъ знаній въ массахъ публики, для ознакомленія ихъ съ новыми идеями, принципами, для борьбы съ рутиною, съ вредными сторонами въ той или другой отрасли искусствъ и художественныхъ промысловъ у насъ и за границей, Редакція не будетъ придавать своему матеріалу сухой научной формы, напротивъ, какъ содержаніе статей, такъ и языкъ ихъ—будутъ по возможности живые и интересные, доступные всякому; по внѣшности же своей журналъ этотъ предполагается самый изящный, чтобы онъ могъ служить и для простого просмотра помѣщенныхъ въ немъ картинокъ.

Преслѣдуя самыя широкія цѣли, Редакція имѣетъ также въ виду и возможное распространеніе идеи о національности въ искусствѣ и промышленности, а равно будетъ заботиться о возможно большемъ и своевременномъ сообщеніи свѣдѣній относительно состоянія этихъ отраслей знанія въ провинціи, и потому предлагаетъ всѣмъ столичнымъ и провинціальнымъ періодическимъ изданіямъ возможно большій обмѣнъ между ними и ею, равно какъ проситъ ихъ о возможно большемъ распространеніи извѣстій среди ихъ читателей относительно вновь возникающаго, вполнѣ независимаго органа, несмотря на его принадлежность одному изъ оффиціальныхъ учрежденій.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

